
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СО РАН

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories

Volume XXIV
(2018)

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXIV
(2018)

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2018

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *О.И. Новикова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *С.А. Васильев*, д-р ист. наук *А.А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н.А. Томилов*

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – 520 с.
П781

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. – Vol. XXIV. – 520 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Посвящается памяти
академика А.П. Окладникова

Алексей Павлович Окладников. Иркутская обл., с. Манзурка, 1976 г.
Фото В.П. Мыльникова.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.007-012
УДК 902

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

К 110-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова

В октябре 2018 г. исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося ученого, организатора и популяризатора науки академика Алексея Павловича Окладникова. Глубокий по хронологии и широкий по охвату территории подход к объектам исследования сформировал у Алексея Павловича не только колоссальный багаж знаний, но и редкую способность глобально оценивать их. Уникальные черты ученого – многогранность научного творчества, оригинальность подхода, глубина мысли, смелость интерпретации. Созданная им «Сибирская школа археологов» активно развивается и сегодня, а труды – востребованы научным сообществом.

Ключевые слова: *академик А.П. Окладников, ученый, организатор науки, «сибирская школа».*

V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

To the 100th Anniversary of Academician A.P. Okladnikov

In October 2018, we commemorate the 110th anniversary of Academician Alexei Pavlovich Okladnikov, an outstanding scientist, organizer and science popularizer. Chronological depth and broad coverage of the territory was inherent to Alexey Okladnikov's approach. It was manifested not only in a tremendous amount of knowledge but also in a rare ability to evaluate research objects globally. The unique features of this scientist were versatility of scientific creativeness, originality of scientific approach, depth of thought, and courage of interpretation. The Siberian School created by him is actively developing today, and his works are in demand by the scientific community.

Keywords: *Academician A.P. Okladnikov, scientist, organizer of science, Siberian School.*

В октябре 2018 г. мы отмечали юбилей – 110 лет со дня рождения академика А.П. Окладникова. Об Алексее Павловиче написано немало статей и книг (см., напр.: [Деревянко А.П., 1980, 1983; Конопацкий, 2001, 2009; Ларичев, 1979; Васильевский, 1981; Деревянко Е.И., Закстельский, 2008; и др.]). Они продолжают издаваться и сегодня (см.: [Мыльников, 2018]). Ученому посвящались конференции и съезды (в частности, II Всероссийский археологический съезд в г. Суздале [Труды..., 2008]). Не раз различные аспекты его научного творчества оценивались историографами и, несомненно, еще будут оцениваться.

Я имел честь неоднократно писать о творчестве моего учителя, и, казалось, все или почти все уже было сказано (см., напр.: [Молодин, 2009, 2013]). Это действительно так. Однако со временем масштабность этой личности предстает в новом свете, и хотелось бы поделиться этими размышлениями с сотрудниками института, особенно с молодыми, на страницах нашего ежегодника.

Прежде всего, беспристрастного читателя не могут не поражать масштабы деятельности Алексея Павловича (см.: [Алексей..., 1981]). Территориальный охват полевых исследований Окладникова – поистине огромен! В поле он работал в самых разных уголках Сибири и Дальнего Востока: на Чукотке и побережье Северного Ледовитого океана, в Приамурье и Приморье, в Якутии, Забайкалье и Прибайкалье, в акваториях Ангары и Лены, в равнинном и горном Алтае, в Кузбассе и Приобье... Кроме того, были еще и советские республики Средней Азии – Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия. В Центральной Азии – еще и Монголия, на территории которой Алексей Павлович работал в самых разных местах, исколе-

сив всю площадь этой страны с многочисленными разведочными маршрутами. Завершают картину полевые исследования, проведенные А.П. Окладниковым в Америке, на Аляске, Алеутских островах, на Кубе. Благодаря разведкам и раскопкам, проводимым лично исследователем и возглавляемыми им отрядами и экспедициями, были открыты сотни археологических памятников, на многих из которых проведены обширные стационарные исследования. Немало и таких объектов, раскопки на которых продолжаются и поныне. Поистине, поле для Окладникова было даже не частью его жизни, а самой жизнью, ибо в экспедицию он, порой, отправлялся даже зимой (зимой сибирской!).

Столь широкий и глубокий по хронологии подход к объектам исследования сформировал у Алексея Павловича не только колоссальный багаж знаний, но и редкую способность глобально оценивать их, по крайней мере в масштабах Азиатского континента.

Отсюда еще одна уникальная черта, свойственная А.П. Окладникову, – многогранность научного творчества. Черта, крайне редко встречающаяся у представителей научного сообщества. Это и периоды каменного века – палеолит и неолит; это и эпохи палеометалла и Средневековья; это этнография и проблемы, связанные с русской колонизацией Сибири и Дальнего Востока; наконец, это вопросы первобытного искусства в разных его проявлениях и хронологических аспектах – от палеолита до этнографического времени. Надо сказать, что большинство исследований Окладникова (а их количество огромно! [Алексей..., 1981]) подкупают оригинальностью подхода, глубиной мысли, смелостью интерпретации. О высоком рейтинге его сочинений ярко свидетельствует тот факт, что количество ссылок, обращений к его трудам с каждым годом не уменьшается. Они востребованы научным сообществом и со временем не теряют своей актуальности и новизны.

Не менее ярко, чем талант ученого, проявился у А.П. Окладникова и талант организатора науки. На протяжении всей своей творческой жизни он был руководителем многочисленных экспедиционных отрядов и экспедиций, как советских, так и международных. Предположу, что наиболее сложным было проведение исследовательских работ в Якутии во время Великой Отечественной войны, когда ученый руководил Ленской историко-археологической экспедицией, впервые открыв и исследовав в сложнейших условиях десятки археологических памятников от эпохи палеолита до времени присоединения Якутии к Русскому государству, совершив тем самым настоящий научный подвиг.

С 1949 по 1950 г. А.П. Окладников – заведующий Ленинградским отделением ИИМК АН СССР, а с 1952 по 1961 г. – заведующий сектором палеолита Ленинградского отделения ИА АН СССР. В то время это было одно из центральных научных учреждений страны. Но, без сомнения, наиболее знаменательным событием в жизни Алексея Павловича явился переезд в новосибирский Академгородок, где он стал организатором и директором первого гуманитарного академического института на востоке нашей страны – Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Во многом благодаря своему лидеру институт окреп, а с написанием новой, пятитомной версии «Истории Сибири» по праву занял лидирующее положение в стране.

В 1964 г. А.П. Окладников был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1968 г. – академиком, что ярко продемонстрировало и научный, и организаторский талант ученого. Алексей Павлович стал членом Президиума СО АН СССР и на этом посту очень много сделал для развития гуманитарной науки в Сибири, налаживания творческих контактов академической и вузовской науки. Ученый отлично понимал необходимость подпитки института молодыми научными кадрами. С этой целью в только что созданном в Академгородке Новосибирском государственном университете был организован гуманитарный факультет, а также аспирантура и диссертационный ученый совет. В этот же период закладываются основы научной школы, именуемой *Сибирской школой археологов*, получившей в дальнейшем высокую оценку руководства страны. Выдающимся достижением Алексея Павловича на этом поприще явилось воспитание, без сомнения, своего лучшего ученика и последователя, впоследствии академика Анатолия Пантелеевича Деревянко, который более чем достойно продолжает дело своего учителя.

Своего рода выпускниками «сибирской школы» только в Академгородке стали доктора наук Р.С. Васильевский, Е.И. Деревянко, В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков, а также немало кандидатов наук. Впоследствии два ученика Алексея Павловича стали действительными членами Российской академии наук, один – членом-корреспондентом РАН, а еще двое были избраны академиками национальных академий наук – Монголии и Таджикистана. Ученики Алексея Павловича и сегодня работают в самых разных городах нашей страны. Более того, «сибирская школа», основателем которой является Алексей Павлович, живет и развивается, поскольку у его учеников появились свои ученики, уже ставшие докторами и кандидатами наук.

В этом кратком конспективном очерке нельзя не отметить еще один очень важный момент, которым мы обязаны Алексею Павловичу. Речь идет о популяризации науки. Окладников справедливо считал это направление одним из главных в деятельности ученого. Основной целью популяризации является повышение образовательного и культурного уровня широких слоев населения, воспитание подлинных патриотов своего Отечества. Алексей Павлович очень активно работал в этом направлении. Им были написаны десятки научно-популярных книг и статей, многие из них стали настоящими бестселлерами (см., напр.: [Окладников, 1964, 1967]). Он читал много популярных лекций, причем для самых разных аудиторий. Нередко делал он это прямо на раскопе, где его благодарными слушателями становились жители сибирской глубинки.

Именно для этой цели в институте было создано два великолепных музея, которые и сегодня активно развиваются. Это, во-первых, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Его экспозиция регулярно пополняется уникальными экспонатами, каких очень часто не имеет ни один музей мира.

Второй музей – под открытым небом, начало экспозиции которого тоже было положено Окладниковым. Здесь находится Спасо-Зашиверская церковь, эвакуированная с далекой р. Индигирки. Ее разборка, реставрация и установка произведены уже учеником Окладникова – академиком А.П. Деревянко. Храм стал, если хотите, визитной карточкой Новосибирского Академгородка. На территории музея реконструированы башни Казымского острога, перевезенные из Нижнего Приобья. Здесь можно увидеть более сотни каменных изваяний, относящихся к самым разным эпохам и доставленных сотрудниками института из Южной Сибири и с Дальнего Востока.

Музеи ежегодно принимают сотни посетителей – школьников и студентов, научных сотрудников и многочисленных гостей Академгородка. И, пожалуй, каждый посетитель хорошо знает, кто такой академик Алексей Павлович Окладников.

У входа в наш институт висит мемориальная доска, напоминающая нам о том, что в нем трудился выдающийся ученый и организатор науки академик Алексей Павлович Окладников. Мне хочется, чтобы каждый из нас, приходя на работу, хотя бы на мгновение вспоминал об этой личности и брал пример самоотверженного служения Родине и отечественной науке.

Список литературы

Алексей Павлович Окладников. – М.: Наука, 1981. – 185 с.

Васильевский Р.С. Краткий очерк научной, педагогической и научно-организаторской деятельности // Алексей Павлович Окладников. – М.: Наука, 1981. – С. 9–34. – (Материалы к биографии ученых СССР. Сер.: История; вып. 13).

Деревянко А.П. В поисках Оленя Золотые рога: (Об археологических экспедициях и открытиях А.П. Окладникова). – М.: Сов. Россия, 1980. – 413 с.

Деревянко А.П. Алексей Павлович Окладников // Первопроходцы. – М.: Молодая Гвардия, 1983. – С. 294–351. – (Жизнь замечательных людей; вып. 13 (638)).

Деревянко Е.И., Закстельский А.Б. Тропой далеких тысячелетий. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2008. – 200 с.

Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт (академик А.П. Окладников: страницы биографии). – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – 492 с.

Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт. – М.: Новый хронограф, 2009. – 548 с.

Ларичев В.Е. Сорок лет среди сибирских древностей: мат-лы к биографии академика А.П. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 239 с.

Молодин В.И. Алексей Павлович Окладников: (к 100-летию со дня рождения) // Вестн. истории, литературы, искусства. – М.: Собрание, 2009. – Т. VI. – С. 548–560.

Молодин В.И. Академик Окладников. Страницы творчества (В честь 105-летнего юбилея): учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2015. – 120 с.

Мыльников В.П. Мой А.П.: Мгновения жизни великого археолога: научные мемуары. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 300 с.

Окладников А.П. Олень Золотые Рога: рассказы об охоте за наскальными рисунками. – М.; Л.: Искусство, 1964. – 239 с.

Окладников А.П. Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – 472 с.; Т. II. – 557 с.; Т. III. – 428 с.

References

Aleksei Pavlovich Okladnikov. Moscow: Nauka, 1981, 185 p. (in Russ.).

Derevianko A.P. V poiskakh Olenya Zolotye roga: (Ob arkheologicheskikh ekspeditsiyakh i otkrytiyakh A.P. Okladnikova). Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1980, 413 p. (in Russ.).

Derevianko A.P. Aleksei Pavlovich Okladnikov. In *Pervoprokhodtsy.* Moscow: Molodaya Gvardiya, 1983, pp. 294–351. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei; iss. 13 (638)). (in Russ.).

Derevianko E.I., Zakstel'skii A.B. Tropoi dalekikh tysyacheletii. Novosibirsk: INFOLIO, 2008, 200 p. (in Russ.).

Konopatskii A.K. Proshlogo velikii sledopyt (akademik A.P. Okladnikov: stranitsy biografii). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2001, 492 p. (in Russ.).

Konopatskii A.K. Proshlogo velikii sledopyt. Moscow: Novyi khronograf, 2009, 548 p. (in Russ.).

Larichev V.E. Sorok let sredi sibirskikh drevnostei: materialy k biografii akademika A.P. Okladnikova. Novosibirsk: Nauka, 1979, 239 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Aleksei Pavlovich Okladnikov: (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya). *Vestnik istorii, literatury, iskusstva.* Moscow: Sobranie, 2009, vol. VI, pp. 548–560 (in Russ.).

Molodin V.I. Akademik Okladnikov. Stranitsy tvorchestva (V chest' 105-letnego yubileya): uchebnoe posobie. Novosibirsk: State Univ. Press, 2015, 120 p. (in Russ.).

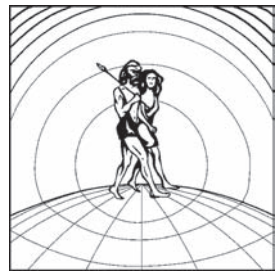
Myl'nikov V.P. Moi A.P.: mgnoveniya zhizni velikogo arkheologa: nauchnye memuary. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 300 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Olen' Zolotye Roga: rasskazy ob okhote za naskal'nymi risunkami. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1964, 239 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Utro iskusstva. Leningrad: Iskusstvo, 1967, 135 p. (in Russ.).

Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale. Moscow: IA RAS Publ., 2008, vol. I., 472 p.; vol. II., 557 p.; vol. III, 428 p. (in Russ.).

Vasil'evskii R.S. Kratkii ocherk nauchnoi, pedagogicheskoi i nauchno-organizatorskoi deyatel'nosti. In *Aleksei Pavlovich Okladnikov.* Moscow: Nauka, 1981, pp. 9–34. (Materialy k biografii uchenykh SSSR. Ser.: Istoriya; iss. 13) (in Russ.).



АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.013-017
УДК 902.21

А.А. Анойкин[1], Ж.К.Таймагамбетов[2], М.Б. Козликин[1], В.А. Ульянов[1, 3], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], Г.Д. Павленок[1], А.М. Чеха[1], А.В. Шалагина[1], М.В. Шуньков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный музей Республики Казахстан
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследования палеолитических объектов Шиликтинской котловины в 2018 году

В 2018 г. Российско-Казахстанская археологическая экспедиция продолжила совместные исследования в Шиликтинской котловине на территории Восточно-Казахстанской обл. На стоянке Ушбулак помимо работ на основном участке раскопа был заложен разведочный шурф для уточнения границ памятника. Разведочные работы подтвердили наличие на новом участке массового археологического материала, близкого по своим технико-типологическим показателям с комплексом начального этапа верхнего палеолита из раскопа 2. В 15 км севернее стоянки Ушбулак обнаружено новое местонахождение подъемного материала ранней стадии и заключительного этапа верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, Ушбулак, стратиграфия, верхний палеолит, каменная индустрия.*

A.A. Anoikin[1], Zh.K. Taimagambetov[2], M.B. Kozlikin[1], V.A. Ulianov[1, 3], G.I. Markovskii[1], S.A. Gladyshev[1], G.D. Pavlenok[1], A.M. Chekha[1], A.V. Shalagina[1], M.V. Shunkov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[3]Lomonosov Moscow State University
E-mail: anui1@yandex.ru

The 2018 Archaeological Studies of Paleolithic Sites in Shilikty Basin

In 2018, the Russian-Kazakhstan archaeological expedition has continued joint studies of the Shilikty Basin in Eastern Kazakhstan. In order to clarify the boundaries of the Ushbulak site, a test pit has been established in addition to the main excavation trench. Filed research carried out in the new excavation area has yielded abundant archaeological materials, which techno-typological features are quite similar to the initial Upper Palaeolithic assemblage recovered from Trench 2. A new locality yielding surface finds attributed to the early and terminal Upper Palaeolithic has been discovered 15 km north from the Ushbulak site.

Keywords: *Eastern Kazakhstan, Ushbulak, stratigraphy, Upper Palaeolithic, lithic industry.*

В полевом сезоне 2018 г. были продолжены совместные исследования Российско-Казахстанской археологической экспедиции в Шиликтинской котловине на территории Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан. Основным объектом исследований являлась многослойная палеолитическая стоянка Ушбулак, где работы велись на площади раскопов 1 и 2, а также в разведочном шурфе 5, заложенном в 2017 г. у подножия левого борта ручья Восточный на расстоянии 15 м ниже по течению от раскопа 2 [Деревянко и др., 2017]. Разведочные работы на этом участке стоянки были продолжены для уточнения границ распространения археологического материала, степени его концентрации, сопоставления стратиграфической ситуации на разных участках стоянки и выявления возможных отличий от комплекса находок из раскопа 2.

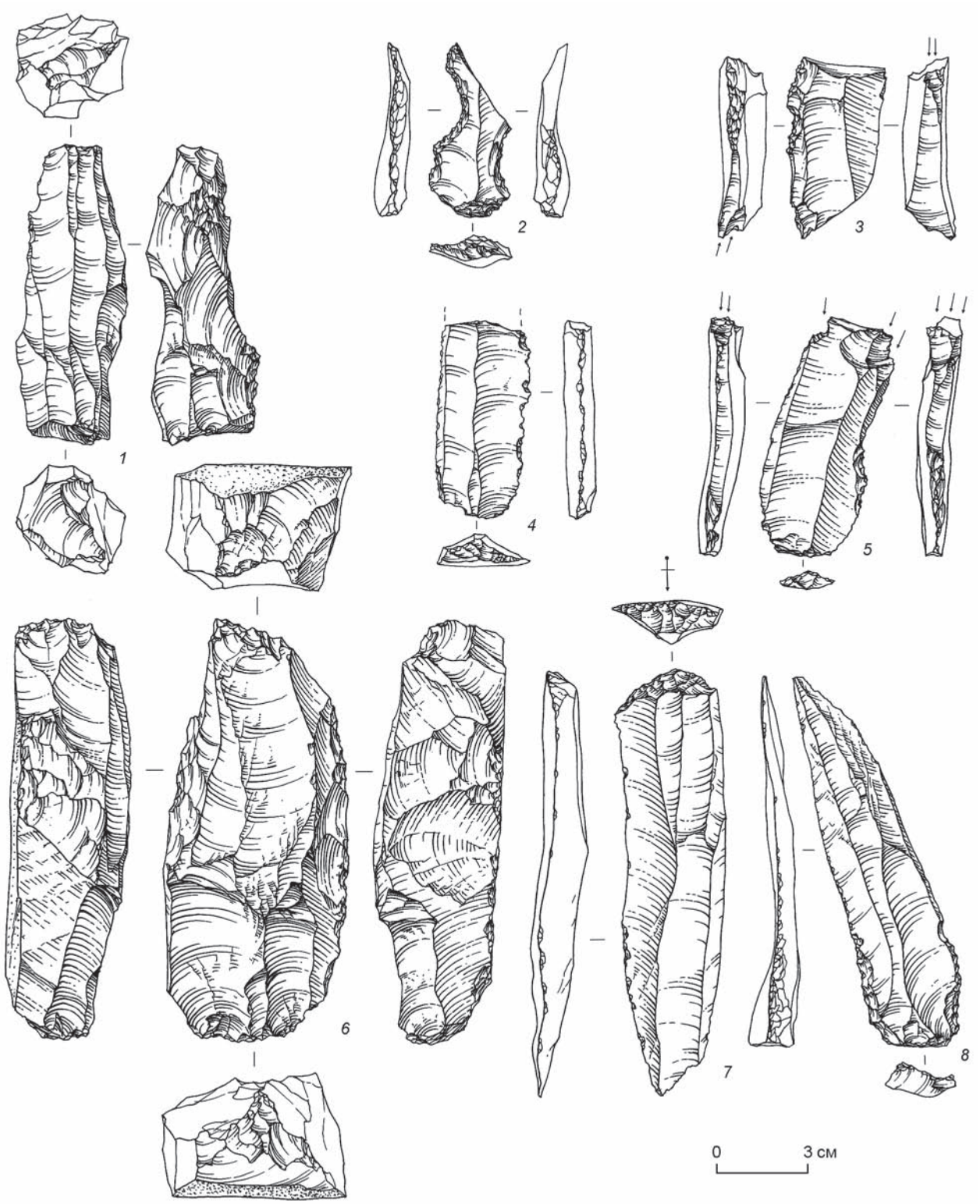


Рис. 1. Каменные артефакты из шурфа 5 на стоянке Ушбулак (художник Н.В. Абдульманова).
1, 6 – нуклеусы; *2* – пластина «с перехватом»; *3, 5* – резцы; *4* – тронкированная пластина; *7* – скребок; *8* – острие.

В ходе раскопочных работ площадь шурфа была расширена до 2 м^2, максимальная мощность вскрытых отложений у юго-восточной, основной для стратиграфического описания стенки составила 2,2 м. Шурф пройден до отметки 0,8 м ниже современного уровня воды в ручье. В результате раскопочных работ вскрыт разрез, в котором выделено пять основных стратиграфических подразделений.

Слой 1. Горизонт современного дерна. Мощность – 0,03–0,11 м.

Слой 2. Суглинок легкий, светло-серый с охристыми пятнами вторичного ожелезнения. Во включениях отмечено значительное количество дресвы и песка из разрушившихся гранитов. В кровле и подошве слоя имеются зоны охристого прокрашивания. Верхняя и средняя части слоя вовлечены в склоновое смещение и могут включать в себя вышележащие отложения, близкие по составу слоям 4 и 5 в раскопе 2. Нижняя часть слоя представлена суглинком легким, алевритистым, серого цвета с коричневым оттенком. Структура массивная, пелитоморфная, текстура – слоистая. Отмечены разрозненные линзы серой одресвяненной супеси и гнездовидные скопления дресвы. В целом отложения этого слоя по своим характеристикам наиболее близки слою 5.2 в раскопе 2 [Анойкин и др., 2017]. Мощность – 0,8–0,9 м.

Слой 3. Верхняя часть слоя представлена преимущественно супесью средней, обильно одресвяненной, с плохо выраженной линзовидно-слоистой текстурой, обусловленной чередованием прослоев с различным содержанием дресвяно-песчаного материала. Нижняя часть слоя имеет более тонкий механический состав и представлена суглинком средним, алевритистым, с четко ограниченными прослоями темного гумусированного суглинка, характерными для слоя 6 в раскопе 2. В подошве слоя отмечен горизонт предельно сапролитизированных гранитоидов. Отложения этого слоя являются, скорее всего, аналогом слоев 6.4–6.8 в раскопе 2. Мощность – 0,7–0,8 м.

Слой 4. Дресвяно-песчаная пачка с обильным включением щебнистого материала и прослоями желто-коричневого тяжелого алевритистого суглинка. В нижней части слоя вскрыты пески крупнозернистые, серого цвета, хорошо отмытые, несцементированные с четко выраженным горизонтом Fe-Mn цементации, который подстилается песками крупнозернистыми, красно-охристого цвета, умеренно обогащенными мелким щебнем. Эти отложения являются, вероятно, аналогом слоя 7 в раскопе 2. Мощность – 0,3 м.

Слой 5. Суглинок тяжелый, плотный, алевритистый. Вскрытая мощность – 0,1 м.

Всего на площади шурфа 5 обнаружено 1616 каменных артефактов: нуклевидные формы – 5 экз., изделия с вторичной обработкой – 45 экз., пластины – 513 экз., отщепы – 880 экз., чешуйки – 103 экз., обломки, осколки – 70 экз.

Археологический материал зафиксирован по всей толще отложений, вместе с тем максимальная его концентрация приурочена к средней части и к подошве слоя 3, где обнаружено 1322 артефакта. Коллекции из слоев 2 и 4 насчитывают 206 и 88 экз. соответственно. Хотя индустрии из слоев 2–4 связаны с разными литологическими подразделениями, они по своим основным технико-типологическим характеристикам представляют единый культурно-хронологический комплекс.

В верхней части слоя 2 найдены два ядрища в начальной стадии утилизации – одноплощадочный монофронтальный нуклеус для пластин и двухплощадочный монофронтальный со встречным скалыванием, также с негативами пластинчатых снятий. В средней части слоя 3 обнаружено два ядрища встречного параллельного скалывания со смещенными относительно друг друга ударными площадками (рис. 1, *1, 6*), морфологически близких к самой многочисленной категории нуклеусов из раскопа 2 [Там же]. На границе слоев 3 и 4 найден одноплощадочный монофронтальный подпризматический циркумфронтальный нуклеус. На всех ядрищах негативы снятий свидетельствуют о целенаправленном получении удлиненных сколов.

В составе типологически выраженных изделий выделены семь концевых скребков (рис. 1, *7*), три тронкированные пластины (рис. 1, *4*), два двойных угловых резца (рис. 1, *3, 5*), пластина «с перехватом» (рис. 1, *2*), асимметричное острие с обработкой в проксимальной части (рис. 1, *8*). Дополняют орудийный набор 12 пластин и 12 отщепов с ретушью.

Следует отметить, что сохранность артефактов из слоя 4, представленных в основном мелкими сколами и их фрагментами, отличается от остальных находок из шурфа 5. На поверхности многих предметов отмечены следы разноразмерной эпизодической краевой ретуши и легкой окатанности, что свидетельствует, вероятно, об их перемещении по площади стоянки. В целом находки из шурфа 5 по своим технико-типологическим показателям аналогичны материалам начальной стадии верхнего палеолита из раскопа 2.

В северо-восточной части Шиликтинской котловины, в 15 км севернее стоянки Ушбулак, в устье р. Капитан, левого притока р. Уйдене обнаружено новое местонахождение палеолитических материалов (рис. 2, *А*). Находки залегали в русловом галечнике, а также на склоне террасовидного уступа, при впадении в р. Капитан безымянного ручья.

Находки из русла реки включают одноплощадочный монофронтальный параллельный нуклеус, обломок нуклевидного изделия, три крупных отщепа с эпизодической ретушью и две крупные пластины с ретушью (рис. 2, *Б, 3, 4*). Все изделия окатаны. Судя по крупным пластинам, эти находки могут относиться к ранней стадии верхнего палеолита.

На склоне террасовидного уступа найдены два нуклеуса, четыре отщепа и два орудия. Один

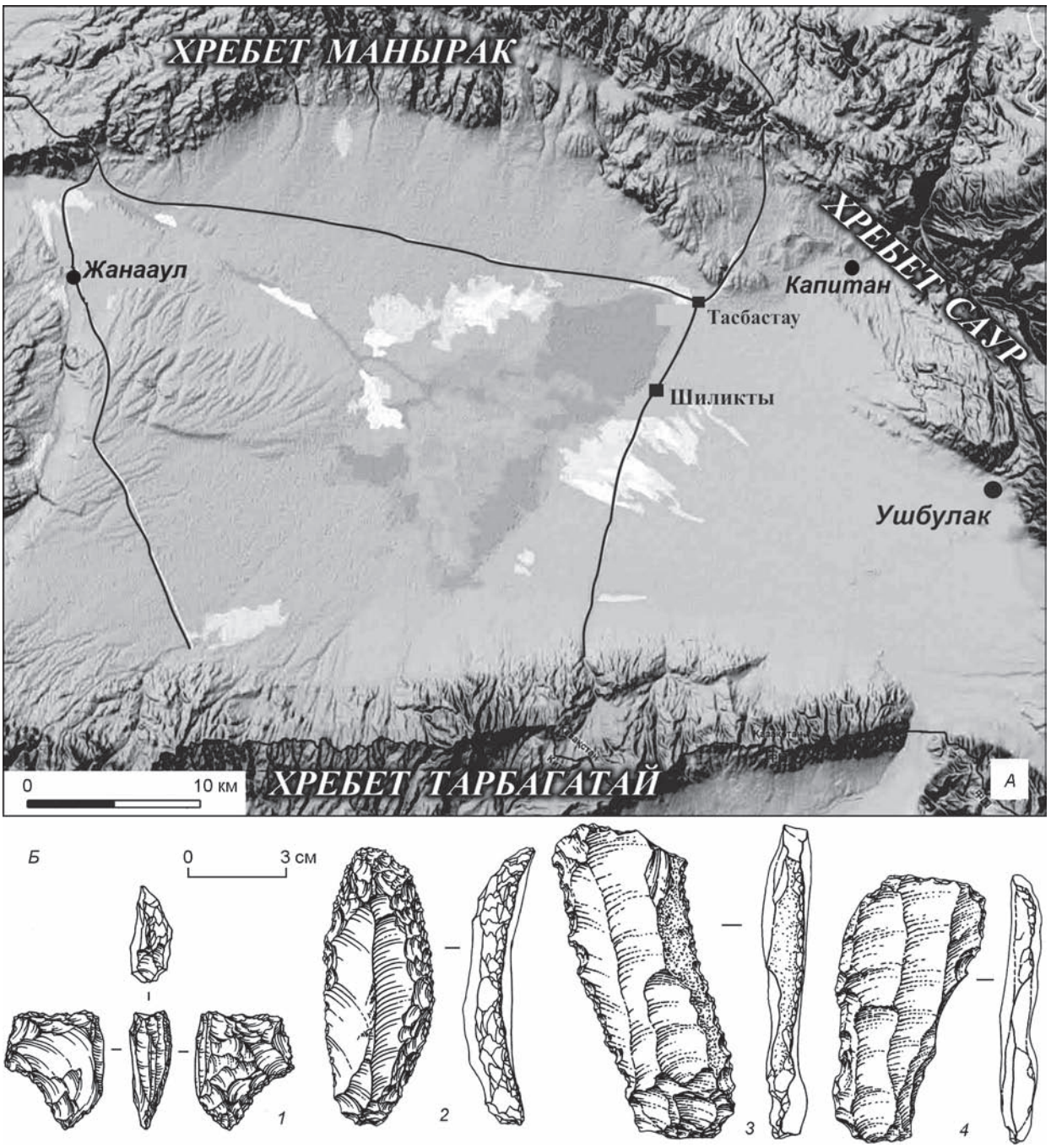


Рис. 2. Карта-схема расположения палеолитических объектов в Шиликтинской котловине (*А*) и каменные артефакты с местонахождения Капитан (*Б*) (художник Н.В. Абдульманова).

1 – нуклеус; *2* – скребок; *3, 4* – пластины с ретушью.

из нуклеусов подпризматический, с расщеплением на ¾ периметра. Ударная площадка гладкая, фронт покрыт негативами мелких сколов, снятых в основном с заломами. Второй нуклеус представлен клиновидной формой с торцовым скалыванием микропластин (рис. 2, *Б, 1*). Среди орудий выделены концевой скребок и долотовидное изделие. Округлое лезвие скребка на дистальном крае пластины и один из ее продольных краев оформлены дорсальной крутой параллельной многорядной ретушью (рис. 2, *Б, 2*). Долотовидное орудие на массивном коротком отщепе несет следы двусторонней подтески на одном из продольных краев и интенсивной забитости на противоположном крае.

Находки со склона не окатаны, покрыты легкой патиной, с участками карбонатной корки; изготовлены из качественного однородного сырья зеленоватого, темно-серого или черного цвета, гальки которого не обнаружены в современном русле. Находка клиновидного нуклеуса для микропластин

свидетельствует, скорее всего, о позднепалеолитическом возрасте этих материалов.

Таким образом, разведочные работы в Шиликтинской котловине подтвердили перспективность поиска палеолитических местонахождений в устьях долин небольших водотоков, выходящих из горного обрамления хребтов Манырак, Саур и Тарбагатай.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 19–26.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Козликин М.Б., Марковский Г.И., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т. Археологические работы в Шиликтинской долине на востоке Казахстана в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 93–98.

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasiliev S.K. Issledovanie industrii nachal'nykh etapov verkhnego paleolita na stoyanke Ushbulak-1 (Vostochnyi Kazakhstan) v 2017 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 19–26 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Markovskii G.I., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T. Arkheologicheskie raboty v Shiliktinskoi doline na vostoke Kazakhstana v 2017 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 93–98 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.018-024
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1, 2], Ж.К.Таймагамбетов[3], Г.Д. Павленок[1], А.В. Шалагина[1], Е.Н. Бочарова[1, 2], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], В.А. Ульянов[1, 4], А.М. Чеха[1], М.Б. Козликин[1], Г.Т. Искаков[5], С.К. Васильев[1], М.В. Шуньков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[5]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году

В 2018 г. Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом было продолжено изучение комплексов начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак. В ходе работ была получена представительная коллекция археологического (5 585 экз.) и остеологического (635 экз.) материала, уточнены условия залегания отложений, отобраны серии образцов для естественно-научных исследований. Первичное расщепление в индустрии ориентировано на получение пластин в рамках параллельного объемного скалывания. В орудийном наборе присутствуют концевые скребки, ретушированные пластины, выемчатые орудия, тронкированно-фасетированные изделия, шиповидные, пластина с перехватом, пластинка с притупленным краем, листовидный бифас. Археологические материалы 2018 г. подтверждают предположение о принадлежности данных комплексов к кругу индустрий начального верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, начальный верхний палеолит, многослойная стоянка, каменная индустрия, орудийный набор.*

A.A. Anoikin[1, 2], Zh.K. Taimagambetov[3], G.D. Pavlenok[1], A.V. Shalagina[1], E.N. Bocharova[1, 2], G.I. Markovsky[1], S.A. Gladyshev[1], V.A. Ulianov[1, 4], A.M. Chekha[1], M.B. Kozlikin[1], G.T. Iskakov[5], S.K. Vasiliev[1], M.V. Shunkov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[4]Lomonosov Moscow State University
[5]Kazakh State Museum of Azret Sultan
E-mail: anui1@yandex.ru

Studies of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan) in 2018

Studying of initial Upper Paleolithic assemblages at the Ushbulak site has been continued in 2018 by East Kazakhstan Paleolithic team of IAET SB RAS. This article presents the results of the studies of the cultural deposits from lithological layers 5.2–7 (excavation area 2). The number of the recovered lithic artifacts totals to 5585 objects; that of bone remains is 635 pieces. In the course of works, deposition features have been noted and new samples for scientific analysis collected. The primary reduction strategy is characterized by parallel flaking of blade cores. The tool kit contains end-scrapers, retouched blades, truncated-faceted tools, notched tools, spurs, a backed blade and foliate biface. The available archaeological

materials from 2018 support the preliminary attribution of the Ushbulak collection to the initial Upper Paleolithic and its close similarity to the assemblages from Southern Siberia and Mongolia.

Keywords: *Eastern Kazakhstan, Initial Upper Paleolithic, multilayered site, lithic industry, tool assemblage.*

В полевом сезоне 2018 г. Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом были продолжены исследования многослойной стоянки Ушбулак, расположенной в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана. Памятник изучался на трех раскопочных участках (см. статью: Анойкин А.А. и др. «Исследования палеолитических объектов Шиликтинской котловины в 2018 году» в настоящем сборнике). В данной статье представлены результаты изучения нижней пачки культурных отложений (слои 5–7), вскрытых раскопом 2.

Раскоп 2 площадью 4,5 м^2 был заложен в 2017 г. в нижней части склона левого борта родника Восточный [Анойкин и др., 2017]. В 2018 г. к его юго-восточной стенке была сделана прирезка 3 × 1,5 м, вскрывшая отложения слоев 5–7, материал которых предварительно был отнесен к начальным этапам верхнего палеолита [Shunkov et al., 2017; Анойкин и др., 2017]. Максимальная глубина раскопа составила 3,1 м от дневной поверхности. В результате работ был получен стратиграфический разрез рыхлых отложений нижней части склона, наиболее полно представленных на юго-восточной стенке раскопа (рис. 1). В связи с тем, что была выполнена прирезка по склону, в полученном разрезе представлены не все стратиграфические подразде-

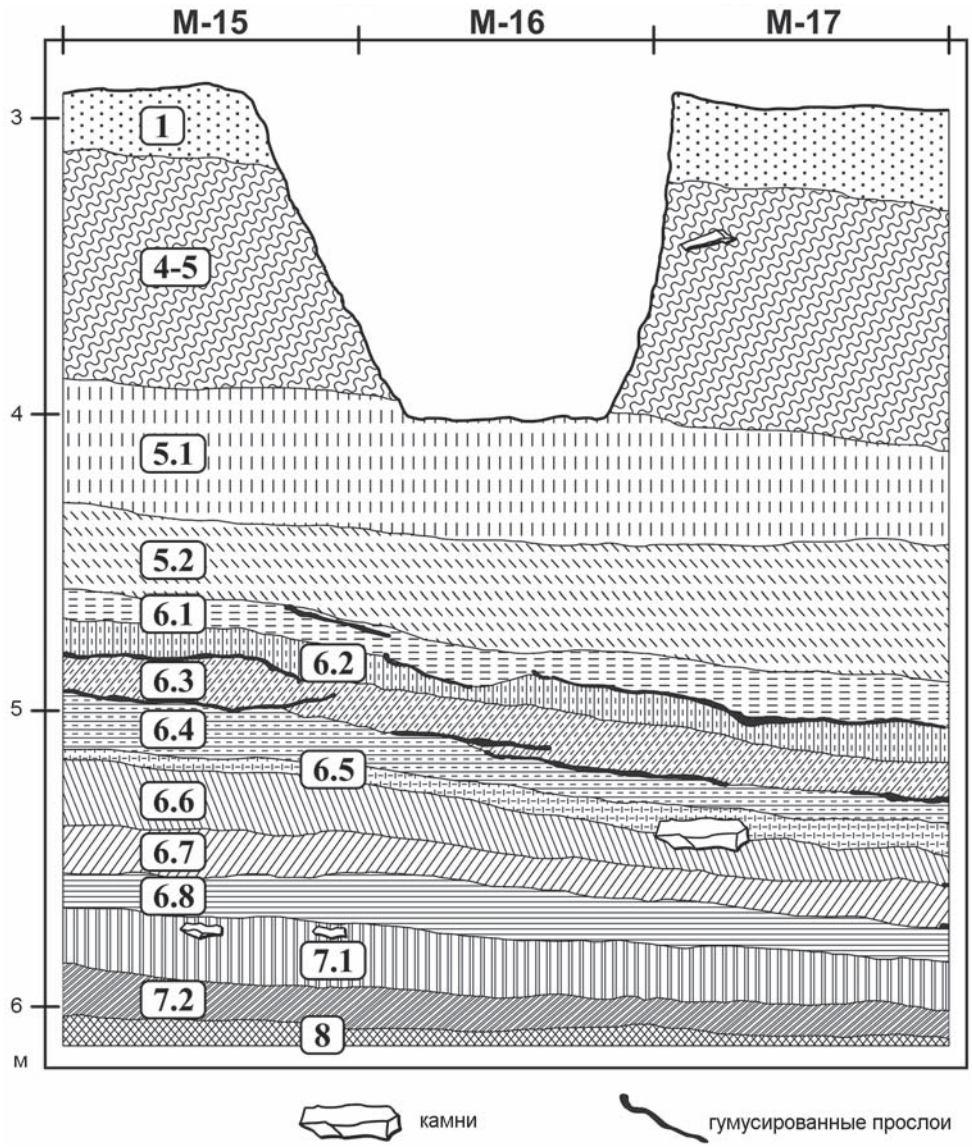


Рис. 1. Стратиграфический разрез юго-восточной стенки раскопа 2 стоянки Ушбулак.

ления, ранее выделенные на памятнике [Shunkov et al., 2017].

Ниже представлено описание слоев, присутствующих в итоговом стратиграфическом разрезе (рис. 1).

Слой 1. Современные почвенные отложения, их мощность – до 0,2 м.

Под слоем 1 залегают склоновые отложения, представляющие собой переотложенные и смешанные супеси слоев 4 и 5. Мощность склоновых отложений – до 0,8 м.

Слой 5. Супеси тяжелые, обильно насыщенные дресвой, светло-серые, умеренно сцементированные, не карбонатные. Нижняя граница слоя нечеткая, условно проводится по кровле тонких темноцветных прослоев гумусированных суглинков. Нижняя часть слоя более глинистая. Характерное отличие от подстилающих отложений – высокая цементация. Мощность слоя – 0,3–0,5 м.

Слой 6 включает в себя 8 стратиграфических подразделений, которые связаны с горизонтами залегания археологического материала. Верхняя часть слоя (горизонты 6.1–6.5) представляет собой переслаивающуюся пачку суглинков легких, серых с палевым оттенком. В нижней части слоя (горизонты 6.6–6.8) массово появляются включения линз и прослоев ярко-охристых дресвяно-супесчаных линз с редкими включениями сапролитизированного щебня гранитоидов. Прослои и линзы мощностью 3–10 см, переслаиваются с линзами сероцветных суглинков и супесей мощностью 1–3 см. Мощность слоя – 0,9–1,1 м.

Слой 7. Щебнисто-дресвянистая толща с заполнителем ржаво-охристого цвета. Текстура заполнителя линзовидно-слоистая (типичная флювиальная слоистость малого водотока с переменным гидрологическим режимом). Из новообразований в приподошвенной части слоя отмечено развитие вторичного (наложенного) омарганцевания в виде четко ограниченного неровного темноцветного прослоя, прослеживающегося по всему раскопу. Мощность зоны Fe-Mn цементации достигает 2 см, при этом на некоторых участках она расположена субвертикально с перепадом высот до 15 см. Нижняя граница слоя резкая, неровная, мелкобугристая в соответствии с включениями щебня в подстилающих отложениях, осложненная эрозионным понижением в кровле подстилающих отложений. Мощность слоя – 0,3–0,4 м.

В целом полученный разрез хорошо соотносится со стратиграфическим профилем, полученным при раскопках 2017 г. [Анойкин и др., 2017], однако в структуре слоев были выявлены некоторые изменения.

Табл. 1. **Состав каменной индустрии из раскопа 2 стоянки Ушбулак (без учета промывки)**

Категории	Основные страт. подразделения												
	5.2	6.1–6.3	6.4–6.5	6.6–6.7	6.8	Слой 6		7.1	7.2	Слой 7		Всего	
	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	%	Экз.	Экз.	Экз.	%	Экз.	%
Нуклевидные	1	4	5	2	6	18	2	32	6	38	5	56	3,3
Нуклеусы	1	3	4	2	5	15	1,6	26	6	32	4	47	3
Нуклевидные обломки	–	–	–	–	–	–	–	3	–	3	0,5	3	0,2
Блоки сырья со сколами	–	1	1	–	1	3	0,2	3	–	3	0,5	5	0,3
Технические сколы	–	20	36	3	9	68	7	97	15	112	14	180	10
Пластины	24	211	222	18	37	512	54	279	72	351	43	863	38
Шир. ≥ 60 мм	–	–	1	–	–	1	0,1	–	–	–	–	1	0,1
Шир. 40–59 мм	1	9	14	–	3	27	3	17	2	19	2	46	3
Шир. 20–39 мм	20	163	166	17	34	400	42	244	67	311	38	711	41
Шир. 13–19 мм	3	39	41	1	–	84	9	18	3	21	3	105	6
Пластинки	–	4	2	–	–	6	0,6	1	–	1	0,1	7	0,4
Микропластинки	–	–	1	–	–	1	0,1	–	–	–	–	1	0,1
Пластинчатые отщепы	–	2	8	1	1	12	1,2	15	–	15	2	27	1,6
Крупные (дл. ≥ 50 мм)	–	2	5	1	1	9	1	14	–	14	1,9	23	1,3
Средние (дл. 30–49 мм)	–	–	3	–	–	3	0,2	1	–	1	0,1	4	0,2
Отщепы	12	127	121	12	30	302	32	181	101	282	35	584	33
Крупные (дл. ≥ 50 мм)	2	43	22	4	14	85	9	71	34	105	13	190	11
Средние (дл. 30–49 мм)	10	83	96	8	16	213	22	108	67	175	21,6	388	21
Мелкие (дл. ≤ 29 мм)	–	1	3	–	–	4	0,3	2	–	2	0,4	6	0,5
Обломки, осколки	–	11	7	–	6	24	3	10	2	12	1	36	2
Всего:	*37*	*379*	*402*	*36*	*89*	*943*	*100*	*615*	*196*	*811*	*100*	***1 754***	***100***

Табл. 2. **Состав нуклевидных форм из раскопа 2 стоянки Ушбулак**

Тип	Основные страт. подразделения								
	5.2	6.1–6.3	6.4–6.5	6.6–6.7	6.8	7.1	7.2	Всего	
	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	%
Параллельные, с широким фронтом	2	3	4	2	5	24	6	46	82
Одноплощадочные однофронтальные для отщепов	–	–	–	–	–	2	–	2	4
Одноплощадочные однофронтальные для пластин	–	–	–	–	1	6	2	9	16
Овуплощадочные однофронтальные встречные, для отщепов	–	–	–	–	–	1	–	1	2
Двуплощадочные однофронтальные встречные, для пластин		2	4	1	3	12	4	26	47
Двуплощадочные двухфронтальные встречные для пластин	1	–	–	1	1	2	–	5	9
Двуплощадочные двухфронтальные встречные для пластин и отщепов	–	–	–	–	–	1	–	1	2
Двуплощадочные двухфронтальные со смежными площадками для пластин	–	1	–	–	–	–	–	1	2
Параллельные, торцовые	–	–	–	–	–	2	–	2	4
Одноплощадочный однофронтальный для пластин	–	–	–	–	–	1	–	1	2
Двухплощадочные однофронтальные для пластин	–	–	–	–	–	1	–	1	2
Нуклевидные обломки	–	–	–	–	–	3	–	3	5
Гальки со сколами	–	1	1	–	–	3	–	5	9
Всего	*2*	*4*	*5*	*2*	*5*	*32*	*6*	***56***	***100***

Зафиксировано незначительное снижение мощности слоя 7 и его общее падение в южном направлении (вглубь склона). В том же направлении наблюдается увеличение мощности слоя 6. Возможно, отложения слоя 6 заполняют понижение, возникшее из-за уменьшения мощности слоя 7 на этом участке. В кровле слоя 8 обнаружены меандрирующие понижения (промоины и мочажины) шириной до 25 см и глубиной до 15 см, заполненные песчаными отложениями (хорошо отмытый песок с дресвой) слоя 7, содержащими артефакты.

В ходе работ археологический материал был зафиксирован в нижней части слоя 5 (5.2) и во всех подразделениях слоев 6 и 7.

Общее количество археологического материала, полученного из пачки отложений слоев 5.2–7, составило 5585 артефактов. Из них 3 484 экз. были получены в результате промывки рыхлых отложений и представлены отходами производства и мелкими сколами. В целом археологический материал из слоев 5.2–7 выглядит достаточно однородно. Практически в каждом археологическом подразделении представлены все этапы первичного расщепления (блоки сырья со следами апробации, нуклеусы, сколы-заготовки, технические сколы), а также законченные орудия с вторичной обработкой (табл. 1).

Первичное расщепление на стоянке было направлено на получение пластин, о чем свидетельствуют явное преобладание среди нуклеусов ядрищ для получения удлиненных заготовок, доминирование пластин в индустрии сколов, а также то, что абсолютное большинство орудий выполнено на пластинчатых сколах. В коллекции присутствует девять разновидностей нуклевидных изделий, не считая нуклевидных обломков и галек со сколами апробации (табл. 2). Основная часть пластин производилась из одно- или двухплощадочных широкофронтальных нуклеусов в рамках параллельного объемного встречного скалывания (рис. 2, *4*, *9*). Торцовое расщепление использовалось значительно реже, в коллекции присутствует только четыре узкофронтальных ядрища (табл. 2).

Судя по составу нуклеусов и характеру сколов-заготовок с вторичной обработкой, отщепы в данной индустрии не являлись целевыми заготовками (табл. 1). Большая их часть представляет собой технические сколы оформления и подправки ударных площадок или инициальных ребер. Часть отщепов также может являться неудачно снятыми пласти-

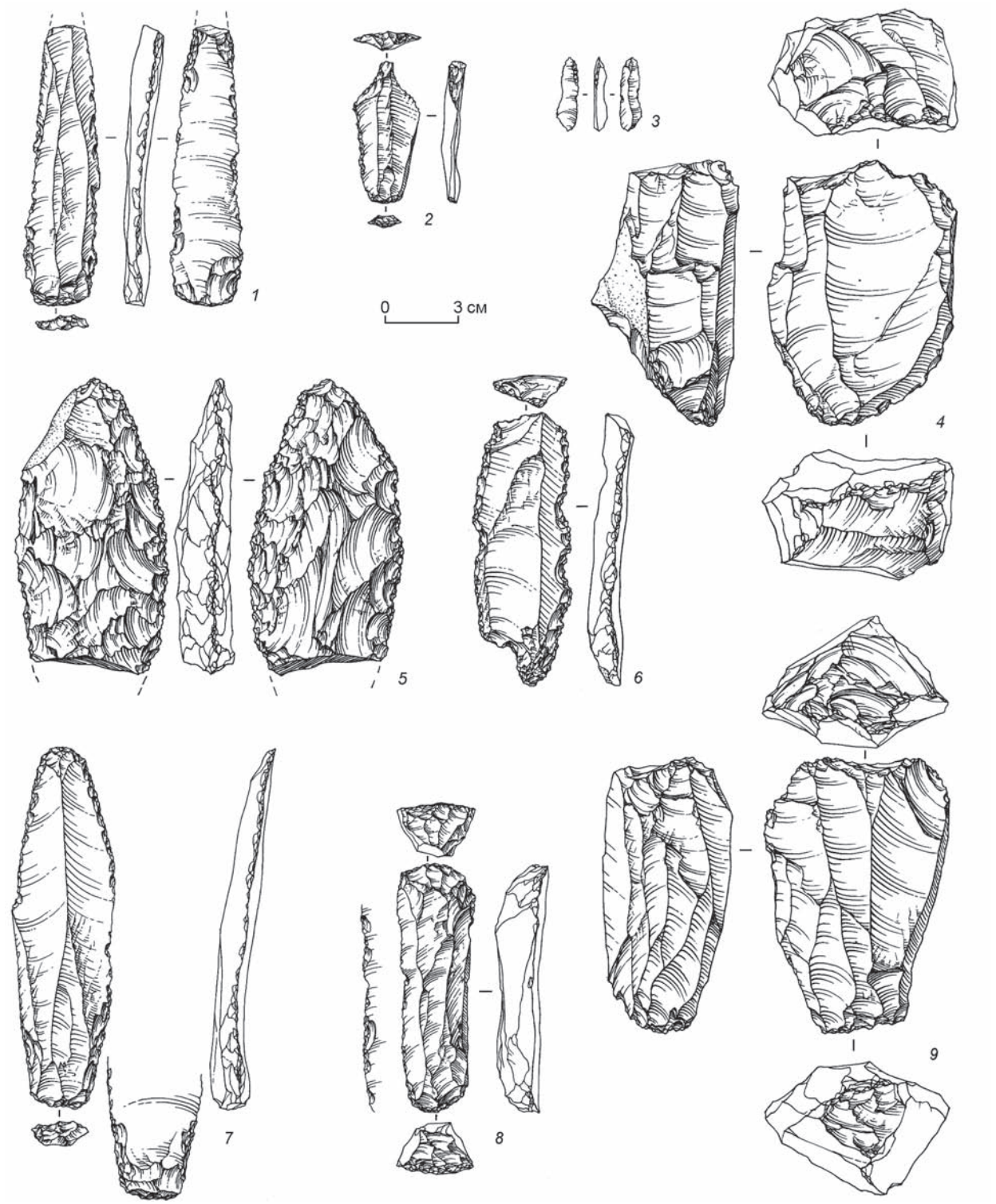


Рис. 2. Каменные артефакты из раскопа 2 стоянки Ушбулак (рисунки А.В. Абдульмановой).

1 – остроконечник с вентральной подтеской; *2* – проколка, *3* – пластинка с притупленным краем; *4, 9* – нуклеусы; *5* – листовидный бифас; *6* – орудие с черешком (скребок?); *7* – концевой скребок с черешком; *8* – двойной концевой скребок.

нами. Кроме того, среди сколов, сохраняющих галечную или желвачную корку, доля отщепов значительно больше, чем доля пластин, что также может указывать на попутный характер получения отщепов на начальных этапах оформления нуклеусов.

В категории технических сколов широко представлены крупные реберчатые и полуреберчатые пластины, краевые сколы, первичные и вторичные отщепы и пластины, а также сколы подправки ударной площадки – «полутаблетки».

Среди типологически выраженных орудий наиболее представительную серию формируют концевые скребки (рис. 2, *7, 8*), орудия с ретушированными выемками, ретушированные пластины, шиповидные изделия, проколки (рис. 2, *2*), тронкированно-фасетированные изделия, тронкированные пластины (табл. 3). Характерным приемом является оформление аккомодационных выемок у основания пластин, а также вентральное утончение (рис. 2, *1*), оформление черешка (рис. 2, *6, 7*). Среди ярких предметов выделяются пластинка с притупляющей ретушью (рис. 2, *3*), а также двояковыпуклый листовидный бифас (рис. 2, *5*), ближайшие параллели которому в регионе можно найти в Алтайских комплексах финала среднего – раннего верхнего палеолита [Деревянко, Шуньков, 2002]. Также значительную долю орудийного набора составляют многочисленные пластины с нерегулярной ретушью, а также отщепы и фрагменты сколов с ретушью.

Помимо каменных артефактов в ходе работ была получена коллекция остеологических материалов (635 экз.). Среди остатков костей преобладают мелкие обломки размерного класса 1–2 и 2–5 см. Костей размером 5–10 см всего 7,9 %, крупнее 10 см – лишь 0,3 %. Остеологический материал достаточно беден, как по числу определимых остатков (4,7 %),

Табл. 3. **Состав орудийного набора из раскопа 2 стоянки Ушбулак**

Тип	Основные страт. подразделения												
	5.2	6.1–6.3	6.4–6.5	6.6–6.7	6.8	6		7.1	7.2	7		Всего	
	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	Экз.	%	Экз.	Экз.	Экз.	%	Экз.	%
Скребла	–	–	–	–	–	–	–	1	1	**2**	1	**2**	**1**
Продольные		–	–	–	–	–	–	1	1	**2**	1	**2**	**1**
Концевые скребки	–	2	3	1	1	**7**	18	13	1	**14**	8	**21**	**10**
На пластинах	–	1	2	–	1	**4**	12	9	1	**10**	6	**14**	**7**
На пластинах, двойные	–	–	–	1	–	**1**	3	2	–	**2**	1	**3**	**1,5**
На пластинах с ретушированными продольными краями	–	–	1	–	–	**1**	3	2	–	**2**	1	**3**	**1,3**
С подтеской основания	–	1	–	–	–	**1**	3	–	–	–	–	**1**	**0,5**
Остроконечники с ретушью	–	–	–	–	–	–	–	3	–	**3**	2	3	1,5
Долотовидные	–	–	–	–	–	–	–	1	–	**1**	0,6	**1**	**0,5**
Пластины с перехватом	–	1	–	–	–	**1**	3	–	–	–	–	**1**	**0,5**
Пластины с черешком	–	–	1	–	–	**1**	3	–	1	**1**	0,6	**2**	**1**
Тронкированно-фасетированные изделия	–	–	–	–	–	–	–	4	–	**4**	2,4	**4**	**2**
Сколы с вентральной подтеской	–	–	–	–	–	–	–	1	1	**2**	1	**2**	**1**
Тронкированные пластины	–	–	–	–	–	–	–	1	1	**2**	1	**2**	**1**
Резцы	–	–	–	1	–	**1**	3	–	–	–	–	**1**	**0,5**
Угловые	–	–	–	1	–	**1**	3	–	–	–	–	**1**	**0,5**
Перфораторы/проколки	–	–	–	–	–	–	–	–	2	**2**	1	**2**	**1**
Шиповидные	–	–	–	–	–	–	–	3	1	**4**	2,4	4	2
Выемчатые	–	–	–	1	3	**4**	12	15	1	**16**	10	**20**	**10**
С ретушированными анкошами	–	–	–	1	3	**4**	12	15	1	**16**	10	**20**	**10**
Бифасиальные изделия	–	–	1	–	–	**1**	3	–	1	**1**	0,6	**2**	**1**
Листовидный бифас	–	–	1	–	–	**1**	3	–	–	–	–	**1**	**0,5**
Заготовка	–	–	–	–	–	–	–	–	1	**1**	0,6	**1**	**0,5**
Пластинка с притупленным краем	–	–	1	–	–	**1**	3	–	–	–	–	**1**	**0,5**
Пластины с интенсивной ретушью	–	2	3	1	1	**7**	21	28	6	**34**	21	**41**	**21**
Пластины с нерегулярной ретушью	–	3	1	–	3	**7**	21	23	13	**33**	20	**40**	**20**
Отщепы с нерегулярной ретушью	–	–	–	1	1	**2**	6	17	12	**29**	18	**31**	**16**
Фрагменты орудий	–	–	–	–	3	**3**	9	7	6	**13**	8	**16**	**8**
Всего	–	*8*	*11*	*5*	*12*	*36*	*100*	*117*	*47*	*164*	*100*	***200***	*100*

так и по видовому составу. Найдено два небольших обломка резцов сурка, два неполных зуба крупного быка или бизона, серия фрагментов крупных трубчатых костей, которые вероятно относятся к родам *Bos-Bison*. Присутствуют остатки двух форм лошади: крупной кабаллоидной (обломки зубов, первых и вторых фаланг) и кулана (изолированный М3). Архар и сибирский горный козёл представлены также изолированными зубами и их фрагментами, мелкими обломками фаланг и метаподий. Сохранилось тело шейного позвонка архара.

Хронологически и типологически индустрия нижних слоев стоянки Ушбулак относится к широкому кругу индустрий ранних этапов верхнего палеолита, которые фиксируются на территории Центральной Азии и Южной Сибири [Деревянко и др., 2014]. По ряду технико-типологических характеристик, а также по набору орудий-маркеров, присутствующих в коллекции, наибольшее сходство комплексы артефактов из слоев 5–7 Ушбулака имеют с материалами хронологически близких стоянок Горного Алтая (Кара-Бом) и Монголии (Толбор-4, Толбор-21), которые ряд исследователей объединяет в южносибирский-монгольский вариант начального верхнего палеолита [Rybin, 2014]. Дальнейшее изучение памятника и детальный анализ археологического материала позволит расширить наши представления о носителях ранних верхнепалеолитических традиций не только на территории Казахстана, где практически не известны памятники этого периода, но и на всей северной части Центральной Азии.

Благодарности

Полевые исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036). Лабораторное изучение материала выполнялось в рамках проекта РФФИ № 18-09-00031. Авторы выражают благодарность А.В. Абдульмановой за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Список литературы

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2017. – Т. XXIII. – С. 19–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнология и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования Homo sapiens. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quaternary Intern. – 2014. – N 347. – P. 39–52.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiquity Project Gallery. – 2017. – Vol. 91 (360). – P. 1–7.

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ul'yanov V.A., Harevich V.M., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasil'ev S.K. Issledovanie industrii nachal'nyh ehtapov verhnego paleolita na stoyanke Ushbulak-1 (Vostochnyi Kazahstan) v 2017 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2017, vol. XXIII, pp. 19–25 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Industrii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2002, No. 1, pp. 16–42 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V. Dinamika paleoliticheskikh industrii v Afrike i Evrazii v pozdnem pleistotsene i problema formirovaniya Homo sapiens. Novosibirsk. IAET SB RAS Publ., 228 p. (in Russ.).

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia. *Quaternary International.* 2014, No. 347, pp. 39–52.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z, Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia. *Antiquity Project Gallery,* 2017, vol. 91 (360), pp. 1–7.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.025-031
УДК 903.01

А.А. Анойкин[1, 2], А.В. Шалагина[1], Н.Е. Белоусова[1], Г.И. Марковский[1], Н.В. Сердюк[3], С.К. Васильев[1], Н.Я. Березина[4], А.И. Кривошапкин[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
[4]Научно-исследовательский институт им. Д.Н. Анучина и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Результаты полевых исследований среднепалеолитических комплексов пещеры Страшная в 2018 году

В 2018 г. были продолжены комплексные исследования нижней части плейстоценовой толщи пещеры Страшная. Специфика осадконакопления на изученном участке определялась, помимо стандартных пещерных факторов, внедрением интрузии диапирового типа (деформация слоя 11) в вышележащую толщу слоев. Развиваясь в постседиментационный период, данный процесс оказал значительное влияние на отложения центральной части пещеры. Археологическая коллекция слоев 6–9 насчитывает 110 артефактов. Первичное расщепление представлено радиальными формами; орудийный набор включает скребла, шиповидные орудия, отщепы с ретушью. Технико-типологический облик и стратиграфический контекст комплекса позволяют отнести его к среднему палеолиту. Одним из наиболее значимых результатов исследований 2018 г. стала находка молочного зуба человека (Homo sp.) при зачистке отложений слоя 5. По предварительным данным, возраст индивида соответствует 9–11 годам.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, пещера Страшная, полевые исследования, каменные индустрии, Homo sp.*

A.A. Anoikin[1, 2], A.V. Shalagina[1], N.E. Belousova[1], G.I. Markovsky[1], N.V. Serdyuk[3], S.K. Vasiliev[1], N.Ya. Berezina[4], A.I. Krivoshapkin[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Borissiak Paleontological Institute RAS
[4]Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Results of Field Works on Middle Paleolithic Complexes of Strashnaya Cave in 2018

In 2018, comprehensive studies of Pleistocene layers, containing earliest archaeological horizons, were continued in Strashnaya cave. Sedimentation specificity in the excavated area, in addition to the usual cave factors, was determined by introduction of diapiric type intrusion (deformation of layer 11) to the overlying layers. Developing during the post-sedimentation period, this process has had a significant influence on the other deposits in the central part of the cave. The archaeological collection from layers 6–9 comprises 110 artifacts. Primary reduction was based on radial flaking. The toolkit includes side-scrapers, spur-like tools and retouched flakes. Techno-typological characteristics and stratigraphic context attest to the Middle Paleolithic attribution of this archaeological complex. One of the most significant finds of the excavations in 2018 was a human deciduous tooth (Homo sp.) found in the course of cleaning of layer 5. According to preliminary data, the age of the individual was 9–11 years.

Keywords: *Northwest Altai, Middle Paleolithic, Strashnaya cave, field research, tool assemblage, Homo sp.*

В полевом сезоне 2018 г. Чарышским отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические исследования пещеры Страшная, расположенной на территории Северо-Западного Алтая в зоне среднего течения р. Иня (бассейн р. Чарыш), в 3 км на север от д. Тигирек (Алтайский кр., Краснощековский р-н).

Работы 2018 г. являются продолжением цикла комплексных полевых исследований, проводившихся в разное время в центральной части пещеры Страшная по линиям квадратов 14–16 (рис. 1). На этапе полевых изысканий 2006 г. на данном участке памятника изучались культурные отложения слоев 1–5.3, полевые работы 2017 и 2018 гг. были посвящены исследованию нижележащей пачки отложений – слоев 5.4–11 [Зенин, Кандыба, 2006, с. 141; Марковский и др., 2017, с. 154]. В процессе работ 2018 г. были вскрыты отложения на площади кв. Г/Д–14/15, а также на небольшом участке кв. В–14, разрушающемся по естественным причинам. Мощность вскрытых отложений на разных участках раскопа составила от 0,6 до 1,0 м.

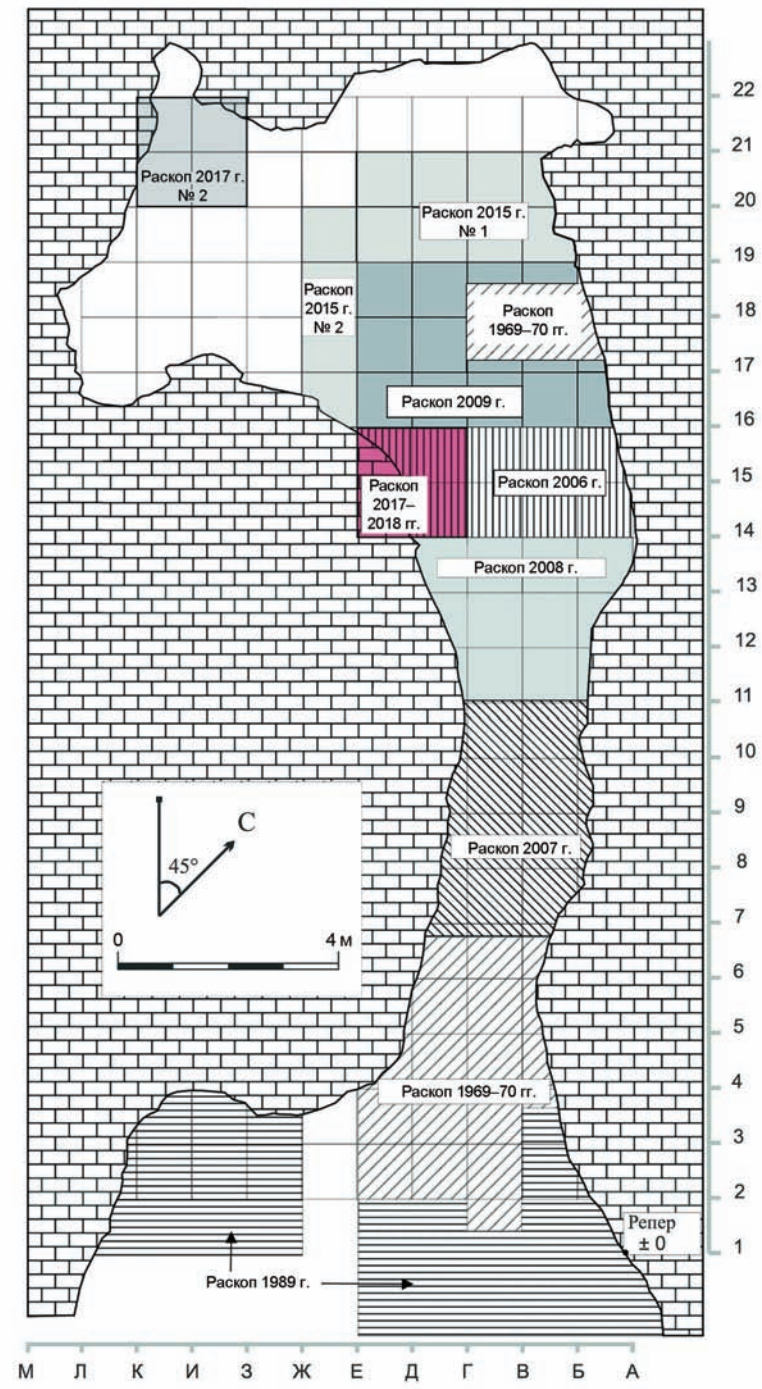


Рис. 1. Раскоп 2018 г. на плане пещеры Страшная.

В пределах кв. Г/Д–14/15 наиболее полно стратиграфическая ситуация представлена на юго-западной стенке 2017–2018 гг. по линии «Е» (рис. 2). Полученный стратиграфический профиль имеет мощность около 1,8 м. Слои залегают субгоризонтально (под наклоном в южном, юго-западном направлениях), с минимальными постседиментационными нарушениями. В 2018 г. вскрывались отложения нижней части культуросодержащего слоя 6, а также слои 7–11. Отложения слоя 10 на изученном участке представлены не были, слой 11 не содержал археологических и остеологических материалов.

Слой 6.2 представлен суглинками легкими до средних светлыми коричнево-палевыми с непрочной мелко- и среднезернистой структурой, сильно одресвяненными. Слой умеренно насыщен мелким не выветрелым щебнистым материалом. На отдельных участках слой отделен от вышележащих отложений тонким линзовидным прослоем белесого суглинка. Мощность слоя – до 0,2 м.

Слой 7 сформирован суглинками легкими, палевыми с красноватым оттенком, плотными. Слой умеренно обогащен включениями мелкого сильно выветрелого известнякового щебня белесого цвета. Крупный щебень слабо уплощен, форма близка к изометричной. Мощность слоя – 0,1–0,25 м.

Слой 8 представлен суглинками легкими коричнево-палевыми. Слой сильно насыщен обломочным материалом, ориентированным согласно простиранию слоя. Мелкий щебень и дресва выветрены до состояния белесых мучнистых стяжений. Круп-

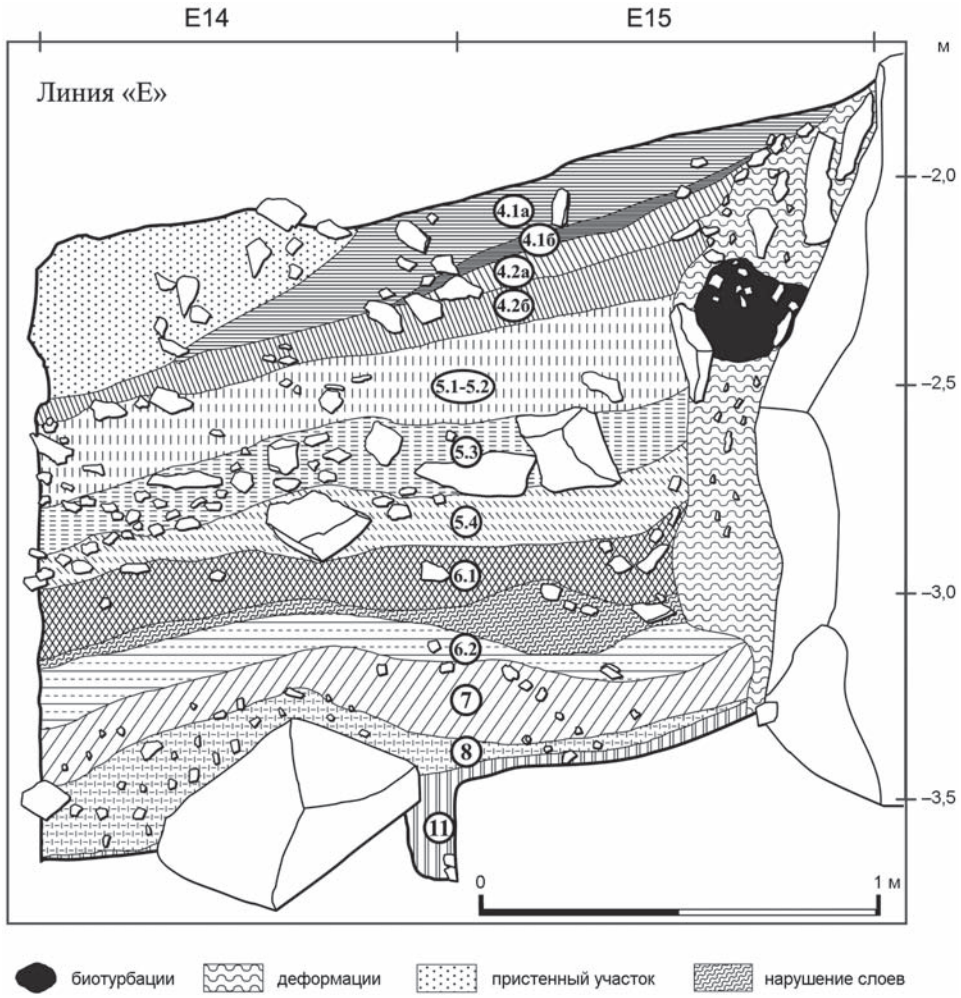


Рис. 2. Юго-западный стратиграфический разрез по линии «Е» 2017–2018 гг.

ный щебень покрыт белесой реактивной каймой, отличается сильно уплощенной формой. Мощность слоя – до 0,2 м.

Слой 9 сформирован суглинками средними рыхлыми слабопористыми, коричневыми с красноватым оттенком, красновато-палевыми. Слой слабо насыщен обломочным материалом. Щебень преимущественно мелкий, включения крупного единичны, обладают изометричной формой и покрыты мощной белесой реактивной каймой. Мощность слоя – до 0,1 м.

Слой 11 представлен суглинками тяжелыми алевритистыми («глины»), преимущественно сизовато-серыми и белесо-серыми, а также красновато-коричневыми и ржаво-охристыми. Осадок очень пластичный во влажном состоянии, плотный, слабопористый, текстура слоистая. Отмечается массовое присутствие сферических известняковых конкреций разного размера. Вскрытая мощность – до 0,3 м.

На границе кв. Г и Д по линиям 14/15 фиксируется резкое вздымание кровли слоя 11, в виде «волнообразных» гребней и «грибовидных» структур. Согласно данным отчета за 2006 г., на стратиграфическом профиле по линии 16 деформация достигает уровня приподошвенной части слоя 4 [Зенин, 2007, с. 108, рис. 54]. В результате часть прорванных слоев (слои 5–9) оказалась смещена вверх и в направлении северо-восточной стены пещеры.

Археологические материалы. Культурные отложения стратифицированной части раскопа 2018 г. были слабо насыщены каменными артефактами (рис. 3, *1–8*), обнаружено 110 экз., при этом отходы расщепления составляют 77 %. В пределах литологического слоя *6* зафиксировано 18 артефактов. Коллекция включает радиальный бифронтальный нуклеус (рис. 3, *7*), отщепы (9 экз.), мелкие отщепы (размер от 10 до 30 мм) (1 экз.), осколки (3 экз.), обломки (4 экз.). Группа орудийных форм представлена двумя изделиями – шиповидное срединное орудие на отщепе из кварца с оформленным обушком (рис. 3, *4*), скребок боковой на отщепе (рис. 3, *3*).

Коллекция *слоя 7* включает 58 каменных артефактов, в том числе один галечный отбойник,

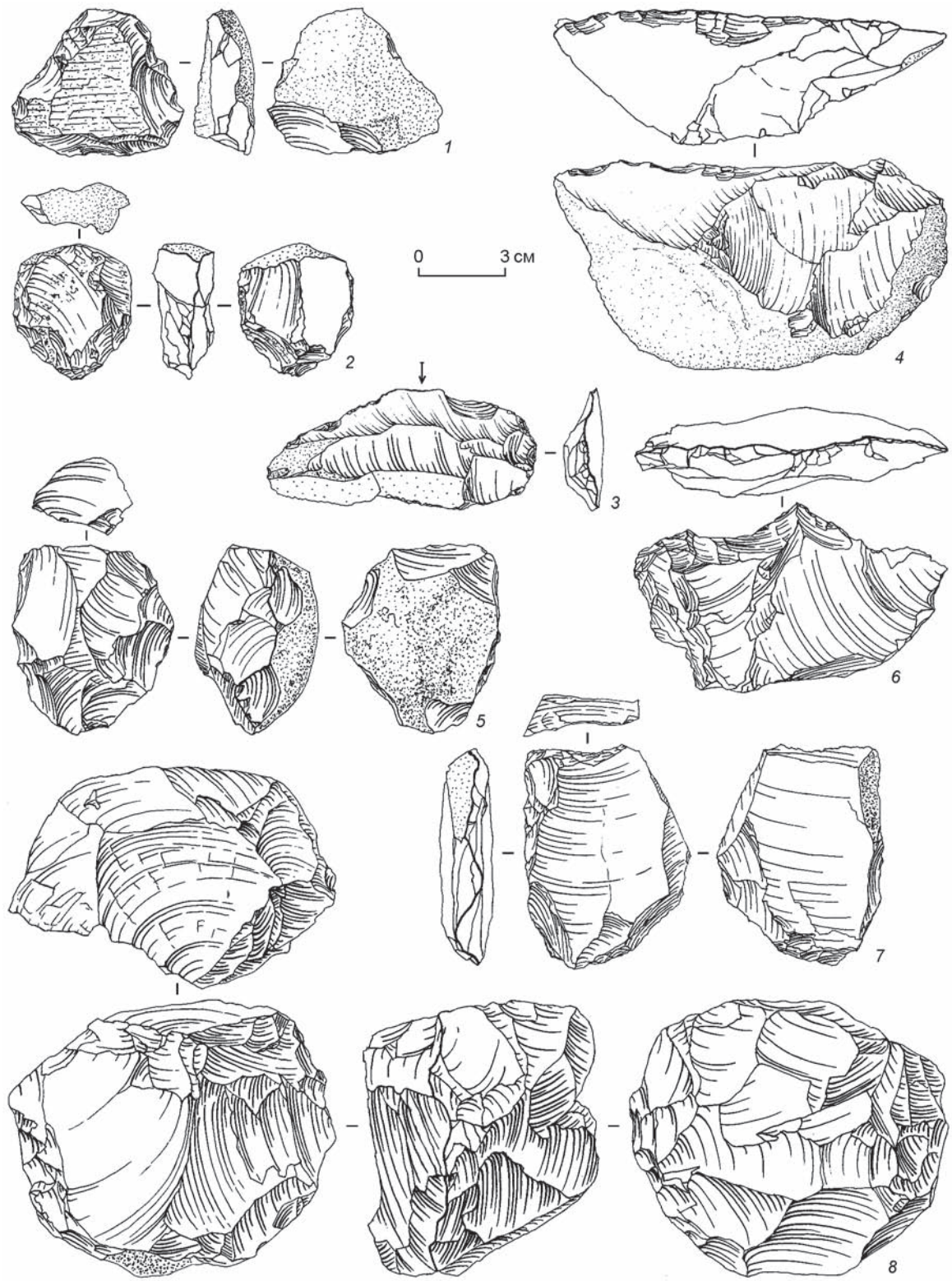


Рис. 3. Каменный инвентарь из слоев 6–9 раскопа 2018 г. пещеры Страшная.
1–2, 5, 7–8 – нуклеусы; *3* – скребок; *4* – скребло; *6* – шиповидное орудие.

фрагмент гальки, нуклеус радиальный монофронтальный (рис. 3, *1*), нуклеус одноплощадочный монофронтальный плоскостной (рис. 3, *8*), отщепы (13 экз.), мелкие отщепы (16 экз.), осколки (12 экз.), обломки (13 экз.). Группа орудий насчитывает 5 изделий: скребло продольное дорсальное (рис. 3, *4*), три отщепа с ретушью и один отщеп с функциональной ретушью.

В литологическом *слое 8* обнаружено 28 артефактов: нуклеус радиальный монофронтальный

(рис. 3, *5*) и нуклевидный обломок, пластины, реализованные вдоль естественных ребер окатанных отдельностей (2 экз.), отщепы (7 экз.), мелкие отщепы (4 экз.), осколки (11 экз.), обломки (2 экз.). Орудийные формы представлены двумя отщепами с ретушью и двумя пластинами с функциональной ретушью.

В пределах литологического *слоя 9* зафиксирована небольшая коллекция из шести изделий – один радиальный бифронтальный нуклеус (рис. 3, *2*), один фрагмент отщепа, мелкий отщеп, обломок и два осколка.

Археологическая коллекция 2018 г. позволила зафиксировать существование на стоянке устойчивых технологических традиций обработки камня в период формирования культурных отложения слоев 6–9. Расщепление было ориентировано исключительно на производство отщепов с радиальных моно- и бифронтальных ядрищ. Заготовками для них служили отщепы или галечные отдельности. Индустрия сколов соответствует набору нуклевидных форм. Остаточная ударная площадка отщепов, как правило, прямая, естественная, без подправки карниза. Огранка дорсальной поверхности преимущественно продольная, однонаправленная или естественная. Единичные орудия представлены скреблами, шиповидными орудиями, скребками и отщепами с ретушью.

Фаунистические материалы. Коллекция костных остатков размером более 10 мм из раскопа 2018 г. составляет 6 460 экз. (см. *таблицу*), удельный вес определимых – 15,5 % (1 001 экз.). В группе определимых костей грызуны, зайцеобразные, рыбы и птицы составляют 71,5 %, при этом 47 % – это остатки сурка (отряд грызунов). Остатки мегафауны составляют 28,5 %. В данной группе удельный вес хищников достигает 49,8 %, копытных – 50,2 %. Видовой состав мегафауны выглядит следующим образом: остатки гиены – 15,1 %, волка (серый и красный) – 14 %, лисицы (лиса и корсак) – 14,7 %, медведя – 4,2 %, мамонта – 2 %, носорога – 3,5 %, лошади (крупная кабаллоидная и лошадь Оводова) – 6 %, бизона – 3,5 %, дзерена и сайгака – 4,2 %, сибирского горного козла – 19,7 %. В целом состав полученной коллекции и соотношение видов крупных млекопитающих согласуется с полученными ранее данными [Васильев, Зенин, 2009, с. 56]. Результаты анализа фаунистических остатков мелких млекопитающих представлены в данном сборнике в виде специального исследования (см. : [Сердюк и др., 2018]).

Антропологические материалы. При финальной зачистке юго-западного стратиграфического профиля на уровне нижней части литологического слоя 5, залегающего субгоризонтально и значитель-

Видовой состав и количество костных остатков в отложениях пещеры Страшная (слои 6–9, 2018 г.)

Таксоны	Сл. 6.1			Сл. 6.2		Леф. на ур. сл. 6–7	Сл. 7			Леф. на ур. сл. 7–8	Сл. 8			Леф. на ур. сл. 8	Леф. на ур. сл. 8–10		Сл. 9		Б/слом	Всего
	Г-14	Г-15	Д-14	Д-15	В-14	Г-14	Д-14	Д-15	Г-Д-14	Г-14	Д-14	Д-15	Г-15	В-14	В-15	Г-14	Д-14		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Крот (*Asioscalops altaica*)	–	–	–	–	–	1	–	–	1	1	1	–	4	–	–	–	–	1	9
Донской заяц (*Lepus tanaiticus*)	5	–	4	–	–	4	–	1	–	4	2	–	9	1	2	1	1	3	37
Заяц-толай (*Lepus tolai*)	1	–	1	–	–	1	–	–	–	2	–	–	4	–	–	–	1	1	11
Пищухи (*Ochotona* sp.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	2
Суслики (*Spermophilus* sp.)	–	–	1	1	–	4	–	–	–	3	2	1	3	–	1	–	–	–	19
Сурок (*Marmota baibacina*)	11	–	19	5	6	23	–	12	3	38	17	20	128	6	3	49	38	92	470
Тушканчики (*Allactaga* sp.)	–	–	–	2	–	1	–	–	–	4	–	–	4	–	–	–	–	1	12
Хомяк (*C. cricetus*)	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	3
Цокор (*M. myospalax*)	–	–	1	1	2	3	–	1	1	7	1	2	8	1	1	1	1	7	38
Грызуны (*Rodentia* gen. indet.)	1	–	5	5	2	–	–	5	–	16	7	8	16	–	–	4	5	12	86

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Волк *(Canis lupus)*	1	–	3	–	2	2	–	–	–	2	3	1	6	2	–	–	1	1	32
Лисица *(Vulpes vulpes)*	–	–	–	1	–	2	–	1	2	7	–	3	2	–	2	–	2	7	29
Корсак *(Vulpes corsak)*	–	–	2	–	–	3	–	–	1	2	–	–	3	–	8	1	–	1	13
Красный волк *(Cuon alpinus)*	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	1	–	4	–	–	–	–	1	8
Бурый медведь *(Ursus arctos)*	1	–	–	1	–	–	–	1	–	1	2	–	1	–	–	–	1	3	11
Медведи *(Ursus* sp.)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Горностай *(Mustela erminea)*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Ласка *(Mustela nivalis)*	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Солонгой *(Mustela altaica)*	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2
Пещерная гиена *(C. crocuta spelaea)*	–	–	6	1	2	2	1	2	–	4	4	–	–	–	5	5	4	7	43
Пещерный лев *(Panthera leo spelaea)*	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Мамонт *(Mammuthus primigenius)*	–	–	–	1	1	–	–	–	–	2	–	–	1	–	1	–	–	–	6
Лошадь, крупная кабаллоидная *(Equus (E.) ferus)*	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2	5
Лошадь Оводова *(Equus ovodovi)*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Лошади *(E. ovodovi / ferus)*	–	–	1	1	–	–	–	–	–	2	–	–	4	–	2	–	–	1	11
Шерстистый носорог *(Coelodonta antiquitatis)*	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	2	1	1	1	2	10
Марал *(Cervus elaphus sibiricus)*	1	–	–	–	–	2	–	–	–	4	–	–	–	3	–	–	–	1	11
Первобытный бизон *(Bison priscus)*	1	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	1	2	–	–	–	4	10
Дзерен *(Gazella gutturiza)*	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	3	–	–	–	–	–	–	–	6
Сайгак *(Saiga tatarica borealis)*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	2
Дзерен/сайгак *(Gazella / Saiga)*	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	4
Сибирский горный козёл *(Capra sibirica)*	2	–	3	1	2	1	–	–	–	5	3	4	14	1	1	3	1	15	56
Архар *(Ovis ammon)*	–	–	2	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	1	–	–	–	2	6
Козел/архар *(Capra / Ovis)*	1	–	6	–	–	1	–	–	–	2	–	1	–	–	2	–	–	2	15
Рыбы *(Pisces)*	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	1	–	–	1	–	–	3	7
Птицы *(Aves)*	1	–	2	–	–	–	–	–	–	6	3	1	2	–	2	1	2	2	22
Неопределимые обломки	148	16	357	207	158	513	11	180	73	666	413	235	1276	127	74	156	193	656	5 459
Всего костных остатков	174	16	418	228	176	565	12	208	81	785	462	277	1498	146	106	222	252	834	6 460

но насыщенного каменными артефактами [Марковский и др., 2017, с. 156], был обнаружен зуб человека – *Homo sp*. По морфологическим признакам зуб был определен как первый молочный моляр правой стороны верхней челюсти. Окклюзионная поверхность стерта на всю площадь коронки. Корни резорбированы практически до шейки зуба. На мезиальной поверхности был отмечен прижизненный скол эмали, на дистальной – следы зубного камня. Возраст, определяемый по развитию зуба для *Homo Sapiens* [Ubelaker, 1978], соответствует 9–11 годам. Новая антропологическая находка и ее дальнейшее детальное исследование имеет ключевое значение в контексте решения проблемы определения видовой принадлежности носителей среднепалеолитических технологических традиций пещеры Страшная и Горного Алтая в целом.

Результаты полевых исследований 2018 г. позволяют дополнить имеющиеся представления о характере культурных отложений и последовательности развития индустрий среднего палеолита пещеры Страшная. Ближайшие аналогии археологический комплекс слоев 6–9 находит в материалах из средней части плейстоценовых отложений восточной галереи и центрального зала Денисовой пещеры, возрастная оценка и технико-типологический облик которых рассматривается исследователями стоянки в контексте развитого этапа среднего палеолита [Козликин, 2016, с. 84].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00041). Коллектив авторов выражает признательность художнику О.В. Пугач за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Список литературы

Васильев С.К., Зенин А.Н. Фаунистические остатки из пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 1988–2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 56–62.

Зенин А.Н. Отчет об археологических исследованиях пещеры Страшная в 2006 году. – Новосибирск, 2007. – 111 с.

Зенин А.Н., Кандыба А.В. Археологические исследования в пещере Страшная в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, Ч. I. – С. 141–145.

Козликин М.Б. Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры: материалы 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 84–88.

Марковский Г.И., Белоусова Н.Е., Кривошапкин А.И., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Кулик Н.А. Результаты исследований отложений среднего палеолита пещеры Страшной в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 154–158.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. – Chicago: Aldine Pub. Co., 1978. – 172 p.

References

Kozlikin M.B. Kamennaja industrija rannego etapa srednego paleolita iz vostochnoj galerei Denisovoj peshchery: materialy 2016 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 84–88 (in Russ.).

Markovskiy G.I., Belousova N.Ye., Krivoshapkin A.I., Serdyuk N.V., Vasilyev S.K., Kulik N.A. Rezultaty issledovaniy otlozheniy srednego paleolita peshchery Strashnoy v 2017 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 154–158 (in Russ.).

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Aldine Pub. Co., 1978, 172 p.

Vasiliev S.K., Zenin A.N. Faunisticheskie ostatki iz peshchery Strashnaya (Severo-Zapadnyi Altai) po materialam raskopok v 1988–2008 godah. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 56–62 (in Russ.).

Zenin A.N. Otchet ob arheologicheskih issledovanijah peshchery Strashnaja v 2006 godu. Novosibirsk, 2007, 111 p. (in Russ.).

Zenin A.N., Kandyba A.V. Arkheologicheskiye issledovaniya v peshchere Strashnaya v 2006 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. I, pp. 141–145 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.032-036
УДК 903.01

М. Боманн[1], А.Ю. Федорченко[2], М.Б. Козликин[2], Х. Плиссон[1], М.В. Шуньков[2]

[1]Унивеситет Бордо, Франция
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: kmb777@yandex.ru

Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры

В ходе раскопок верхней части плейстоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры вместе с многочисленными каменными изделиями обнаружена серия костяных орудий. В среднепалеолитическом слое 12 найдены костяные ретушеры и обломок с ретушью. В слое 11 вместе со слабо модифицированными костяными орудиями, представленными ретушерами и ретушированными изделиями, найдены наконечник, игла, лощило и заготовка орудия, датируемые ранним этапом верхнего палеолита. Реконструированы технологии производства слабо и сильно модифицированных костяных орудий. Трасологический анализ наконечника, иглы и лощила позволил обнаружить на этих орудиях хорошо выраженные следы износа и комплекс признаков утилизационной деформации.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, средний палеолит, ранний этап верхнего палеолита, костяные орудия.*

M. Baumann[1], A.Yu. Fedorchenko[2], M.B. Kozlikin[2], H. Plisson[1], M.V. Shunkov[2]

[1]University of Bordeaux, France
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: kmb777@yandex.ru

The Middle and Upper Paleolithic Bone Tools from South Chamber of Denisova Cave

Excavations undertaken in the upper portion of the Pleistocene deposits from South Chamber of Denisova Cave yielded a set of bone tools in association with numerous stone artifacts. The Middle Palaeolithic layer 12 revealed bone retouchers and a retouched bone fragment. Along with lightly modified bone tools such as retouchers and retouched pieces, Layer 11 has yielded such stone tools as a point, a needle, a polisher and a tool blank, all attributed to the early Upper Palaeolithic. The obtained archaeological record has made it possible to reconstruct technologies of manufacturing lightly and significantly modified bone tools. Use-wear analysis of the point, needle and polisher has shown clear signs of usage and a range of deformation features associated with utilization.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Middle Palaeolithic, early Upper Palaeolithic, bone tools.*

В 2018 г. в южной галерее Денисовой пещеры были изучены отложения литологических слоев 12 и 11, содержащие материалы среднего и верхнего палеолита соответственно. Помимо многочисленной каменной индустрии в этих слоях были найдены костяные орудия. Коллекция из слоя 12 представлена только слабо модифицированными орудиями, в числе которых четыре ретушера и фрагмент ретушированного изделия. Материалы раннего этапа верхнего палеолита из слоя 11, помимо слабо модифицированных костяных изделий (пять ретушеров и два ретушированных орудия), включают наконечник, иглу, лощило и заготовку орудия.

Анализ и фиксация следов износа и обработки костяных изделий осуществлялись с использованием микроскопов Альтами СМ0745-Т (увеличение ×7–45), Olympus BHM (увеличение ×40–500)

и фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV с объективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM. Фаунистические определения выполнены д-ром биол. наук А.К. Агаджаняном и канд. биол. наук С.В. Васильевым.

В качестве основы для слабо модифицированных орудий использовались фрагменты диафизов костей преимущественно крупных копытных животных размера бизона или благородного оленя. Наиболее крупный экземпляр без следов утилизации и явных постседиментационных изменений имеет размеры 116 × 52 × 15 мм, а размеры самого маленького изделия составляют 66 × 28 × 7 мм. Ретушеры выполнены, как правило, на крупных заготовках, а для изготовления ретушированных орудий использовались костные фрагменты меньшего размера. Все заготовки были получены путем фрагментации кости. Отдельные лунки и выбоины на костях свидетельствуют о том, что они были разбиты посредством прямого удара. Морфология участков разлома, их гладкая поверхность, изогнутый или V-образный профиль указывают на фрагментацию свежей кости [Villa, Mahieu, 1991].

Ретушеры являются самыми массовыми костяными орудиями в палеолите. Наиболее широко они распространены в мустьерских комплексах, которые ассоциируются с неандертальцами [Costamagno et al., 2018], но достаточно часто встречаются и в индустриях верхнего палеолита [Rigaud, 2007]. В Денисовой пещере изделия этого типа присутствуют как в среднепалеолитическом комплексе из слоя 12, так и среди материалов раннего этапа верхнего палеолита из слоя 11.

Для ретушеров характерны специфические следы от повреждений. В первую очередь это частые неглубокие выбоины, расположенные на кортикальной поверхности кости. Такие следы являются результатом повторяющихся ударов ретушера о лезвие каменного орудия в процессе его оформления. В коллекциях из слоев 12 и 11 морфология следов утилизации ретушеров очень схожая, варьирует только их интенсивность (рис. 1, *1*–*9*). Все следы расположены под небольшим наклоном относительно поперечной оси изделия. Они представляют собой удлиненные треугольники или прямоугольники различной протяженности (рис. 1, *В*, *Г*), что свидетельствует о множестве вариаций кинематики инструмента и формы обрабатываемого лезвия. Сами выбоины хорошо заметны, в большинстве случаев такие следы сопровождаются маленькими негативами снятий (рис. 1, *А*). Интенсивность утилизации ретушеров, судя по концентрации следов в одной зоне, была не высокой. Наименее использовавшиеся инструменты несут около 10 следов ударов о камень. На интенсивно использовавшихся ретушерах скопление мелких выбоин формирует углубление на поверхности кости. Размер и масса ретушеров не связаны с интенсивностью их использования. Наиболее крупные экземпляры часто имеют рабочие участки с наименьшей плотностью и наименее четкими следами (рис. 1, *Б*).

Ретушированные костяные орудия относительно редко встречаются в палеолите. В коллекции из Денисовой пещеры данные изделия имеют ретушь на одном из продольных краев заготовки. Снятия были одно- или двухсторонними. В первом случае можно выделить две последовательности нанесения ретуши. Первые снятия с внутренней стороны кости немногочисленные, грубые и удлиненные, служили, видимо, для оформления рабочего края. Вторые снятия, более частые, мелкие и крутые, эпизодически распространенные по краю, появились, скорее всего, в процессе утилизации орудия. В случае с двухсторонней ретушью различные генерации снятий представлены на обеих поверхностях изделия и перекрываются как минимум тремя уровнями фасеток (рис. 1, *10, Д*). Для них характерна некоторая вариабельность угла рабочего края, а также нерегулярность его оформления.

Для изготовления некоторых орудий из слоя 11 применялась более сложная технологическая последовательность. Среди этих изделий – узкий удлиненный наконечник из стенки трубчатой кости крупного копытного (рис. 2, *1*). Длина орудия достигает 131,3 мм, ширина – от 12,5 мм в проксимальной до 10,5 и 5,3 мм в медиальной и дистальной частях соответственно, толщина – от 3,4 до 7,0 мм. Конец изделия заострен, основание прямое, на поверхности зафиксированы следы строгания – удлиненные нерегулярные борозды-линии, ориентированные параллельно и субпараллельно длинной оси орудия. Слом между аппликированными фрагментами изделия имеет занозистую форму, что, возможно, указывает на его поломку в результате использования в качестве наконечника метательного оружия.

Лощило, изготовленное из стенки ребра крупного млекопитающего, представлено двумя фрагментами дистального окончания (рис. 2, *2*). Размеры фрагментов: длина – 28,3 и 33,1 мм, ширина – 7,9 и 13,0 мм, толщина – 7,0 и 7,7 мм. Сохранившаяся часть орудия имеет трапециевидное поперечное сечение и выпуклое, плавно закругленное лезвие. На внутренней стороне изделия сохранились остатки губчатого вещества кости, следы формообразующей обработки отсутствуют. Внешняя сторона лощила обработана строганием, почти полностью перекрытым следами последующего износа. Рабочий край орудия сильно скруглен в процессе использования. Заглаженность распростра-

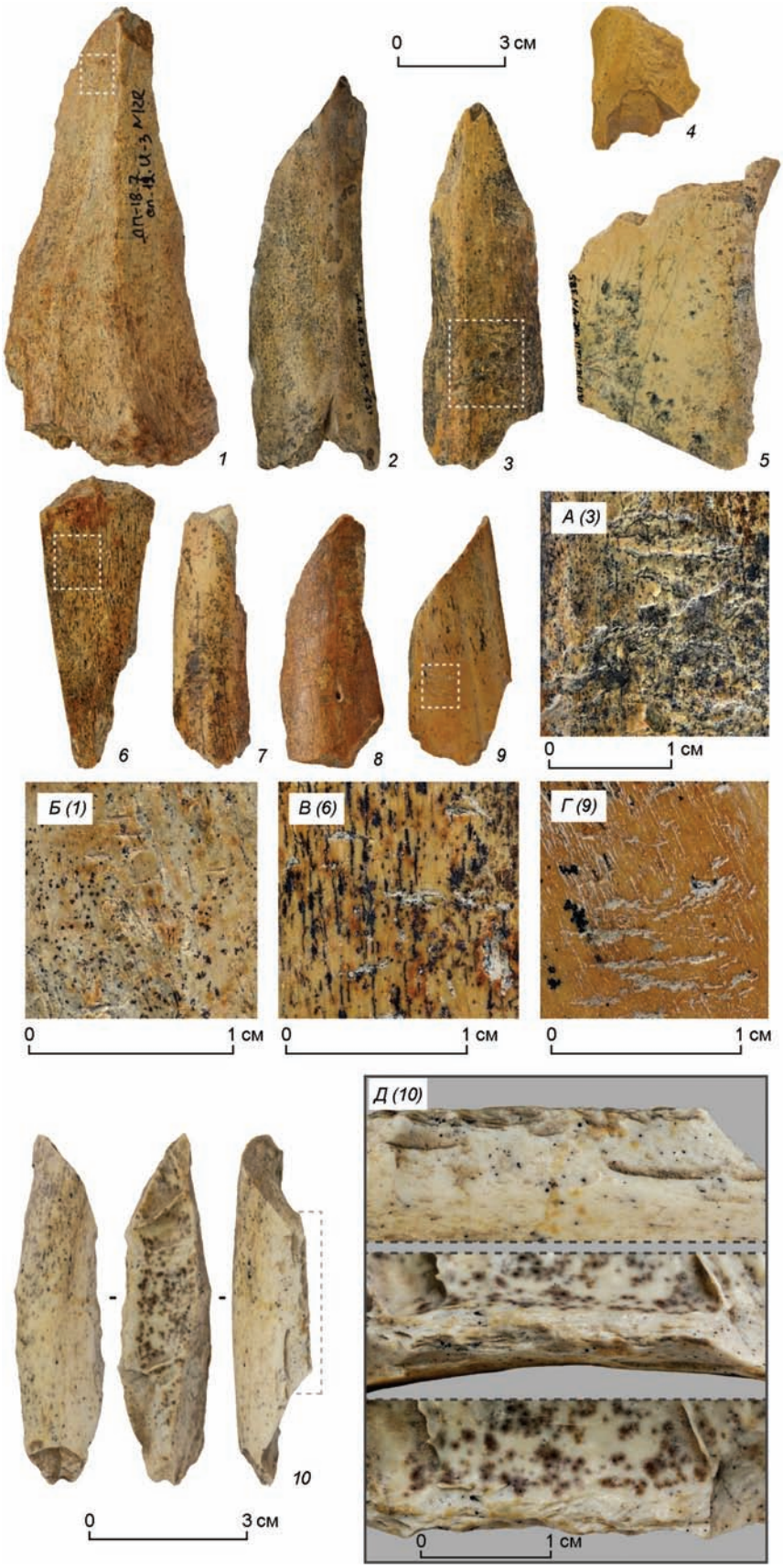


Рис. 1. Костяные ретушеры (*1–9*) и ретушированное орудие (*10*) из слоев 12 (*1, 3, 8, 9*) и 11 (*2, 4–7, 10*) в южной галерее Денисовой пещеры.

А – высокая плотность следов; *Б* – низкая плотность следов; *В, Г* – морфология отдельных следов; *Д* – морфология фасеток ретуши.

нена по всей кромке, заходит на продольные края и частично на вентральную плоскость изделия. На микроуровне в этих зонах прослеживается тусклая матовая заполировка, следы стертости и удлиненные линейные следы, расположенные перпендикулярно линии рабочего края. Характер следов утилизации позволяет интерпретировать это изделие как орудие для мездрения шкуры.

Костяная игла представлена проксимально-медиальным фрагментом (рис. 2, *3*). Заготовкой орудия служил удлиненный скол, полученный путем продольного раскалывания или прорезания стенки трубчатой кости крупного млекопитающего. Технология изготовления иглы включала последовательную обработку заготовки строганием и шлифовкой, биконическое сверление и отделочную полировку. Длина изделия – 42,8 мм, ширина – 3,4–2,2 мм, толщина – 2,4–1,6 мм. Дистальное окончание иглы обломано. На проксимальном крае орудия частично сохранилось сверленое ушко диаметром 1,3 мм, на котором зафиксированы следы утилизационной деформации в виде двух сколов со ступенчатой и петлеобразной морфологией от поперечного слома. Возникновение таких следов может быть связано с сильным сгибанием иглы в руках в процессе работы. При увеличении ×40–200 на орудии зафиксированы следы износа от работы по мягкому органическому материалу – одиночные мелкие раз-

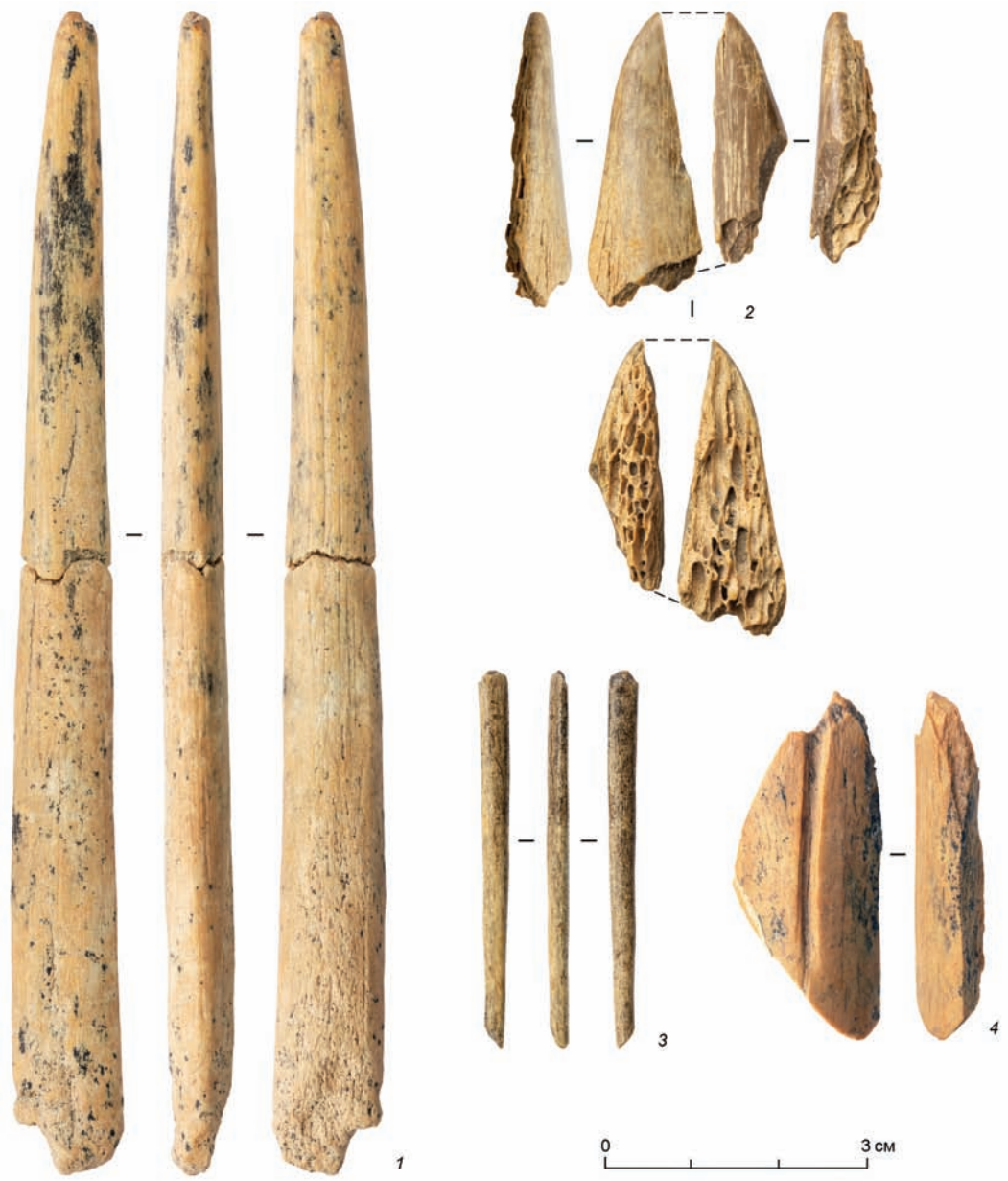


Рис. 2. Костяные изделия из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.
1 – наконечник; *2* – лощило; *3* – игла; *4* – заготовка орудия.

нонаправленные царапины и выщерблины, частично перекрытые мягкой обволакивающей заполировкой, проникающей вглубь микрорельефа.

Заготовкой или фрагментом орудия является, возможно, обломок диафиза кости крупного млекопитающего со следами продольного членения (рис. 2, *4*). Размеры фрагмента – 39,0 × 16,6 × 6,4 мм. На внешней стороне изделия имеется продольный паз, прорезанный параллельно длинной оси предмета каменным орудием с V-образным лезвием. Длина канала – 32,5 мм, ширина – 2,9–1,7 мм, глубина 0,4–0,6 мм. Внутренняя поверхность кости не обработана, сохраняет остатки губчатого вещества.

Изделия из слоя 11 свидетельствуют о широком распространении на раннем этапе верхнего палеолита приема продольной фрагментации трубчатых костей крупных животных. Этот прием использовался при получении удлиненных заготовок разного размера для последующего изготовления наконечников, острий, игл и проколок. Трасологический анализ формальных костяных орудий из слоя 11 показал, что они обладают хорошо выраженными следами износа и признаками утилизационной деформации.

Наряду с тщательно оформленными орудиями в индустрии из слоя 11 активно использовались слабо модифицированные костяные заготовки. Ретушеры и ретушированное изделие зафиксированы также в среднепалеолитическом комплексе из слоя 12. Хорошая сохранность кости позволяет в дальнейшем провести более детальное исследование этих категорий орудий, в первую очередь изделий с ретушированным краем, для определения их функционального назначения.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ № 18-09-40100 и при поддержке Центра Франко-российских исследований в Москве в рамках постдокторских исследований (2015 г.), а также фонда FYSSEN (2016 г.) и российско-французской лаборатории LIA Artemir (2015–2018 гг.).

Список литературы

Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M.-C., Meignen L., Beauval C., Rendu W., Mussini C., Mann A., Maureille B. Bone retouchers and site function in the Quina Mousterian: The case of Les Pradelles (Marillac-Le-France, France) // The Origins of Bone Tool Technologies. – Hannover: Propylaeum, 2018. – P. 165–195.

Rigaud A. Retouchoirs sur éclats diaphysaires ou “affûtoirs” la Labastide (Hautes-Pyrénées) // Archéologie des Pyrénées Occidentales. – 2007. – Vol. 26. – P. 193–200.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones // J. of Hum. Evol. – 1991. – Vol. 21. – P. 27–48.

References

Costamagno S., Bourguignon L., Soulier M.-C., Meignen L., Beauval C., Rendu W., Mussini C., Mann A., Maureille B. Bone retouchers and site function in the Quina Mousterian: The case of Les Pradelles (Marillac-Le-France, France). In *The Origins of Bone Tool Technologies.* Hannover: Propylaeum, 2018, pp. 165–195.

Rigaud A. Retouchoirs sur éclats diaphysaires ou “affûtoirs” de la Labastide (Hautes-Pyrénées). *Archéologie des Pyrénées Occidentales*, 2007, vol. 26, pp. 193–200.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones. *Journal of Human Evolution*, 1991, vol. 21, pp. 27–48.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.037-041
УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], М.Б. Козликин[1], М.В. Шуньков[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Остатки мегафауны из верхней части плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

В ходе раскопок верхней части плейстоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры в 2017 и 2018 гг. было найдено свыше 23 тыс. костных остатков, принадлежащих 34 видам млекопитающих. Пещерный тафоценоз формировался в основном в результате пищевой активности хищников, где ведущая роль принадлежала пещерной гиене. Участие человека в этом процессе на данном этапе осадконакопления было незначительным. Среди остатков мегафауны преобладают кости сибирского горного козла и архара, пещерной гиены и лошадей двух видов. Из крупных кошачьих отмечены единичные фрагменты костей пещерного льва, снежного барса и рыси. Многочисленны остатки серого и красного волка, лисицы. Копытные представлены также шерстистым носорогом, гигантским и благородным оленем, косулей, бизоном, байкальским яком, сайгаком, дзереном. Единичны кости мамонта и северного оленя.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, мегафауна, костные остатки, тафоценоз.*

S.K. Vasiliev[1, 2], M.B. Kozlikin[1], M.V. Shunkov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Megafaunal Remains from the Upper Portion of Pleistocene Deposits in South Chamber of Denisova Cave

The 2017–2018 excavations of the upper portion of the Pleistocene deposits in South Chamber of Denisova Cave have yielded over 23,000 bone remains attributed to 34 mammal species. The faunal record indicates that the cave taphoceonosis appears to have been predominantly formed due to the feeding activity of predators, with a key role of cave hyena. The contribution of humans at this stage of sedimentation was insignificant. Analysis shows that bones from Siberian ibex and argali, cave hyena and two horse species dominate the megafaunal remains. Isolated bone fragments were identified as belonging to large felines such as cave lion, snow leopard and lynx. The remains of gray wolf, red dog and fox were found in great numbers. Ungulates are represented by wooly rhinoceros, giant and red deer, roe deer, bison, Baikal yak, saiga and Mongolian gazelle. Bones from mammoth and reindeer are not numerous.

Keywords: *Denisova Cave, Pleistocene, megafauna, bone remains, taphoceonosis.*

Первоначальный этап исследования плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 1998–2000 гг. принес богатый палеотериологический материал из слоев 9–22 [Васильев, Шуньков, 2009]. В 2017 и 2018 гг. в центральной части галереи были изучены осадки слов 9, 11 и 12, из которых было получено более 23 тыс. костных остатков (из них определимых 5,4 %). Кости принадлежат как минимум 34 видам млекопитающих среднего и крупного размера (табл. 1). Основное количество костных остатков происходит из отложений слоев 11 и 12. Коллекция из слоя 9 насчитывает только 7,3 %. Среди остатков мегафауны доля костей хищников составляет 27,4 %. Пещерный тафоценоз формировался в основном в результате пищевой активности хищников, прежде всего пещерной гиены. Участие волка, лисицы и других хищников, а также человека в этом процессе было выражено в гораздо меньшей степени.

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры (материалы 2017 и 2018 гг.)**

Таксоны	Слои							
	9		11		12		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Lepus tanaiticus	6	4,72	17	3,62	9	1,36	32	2,54
Lepus tolai	5	3,94	12	2,56	15	2,27	32	2,54
Marmota baibacina	1	0,79	16	3,41	14	2,11	31	2,46
Castor fiber	–	–	–	–	3	0,45	3	0,24
Vulpes vulpes	2	1,57	27	5,76	20	3,02	49	3,90
Vulpes corsak	–	–	4	0,85	6	0,91	10	0,79
Cuon alpinus	1	0,79	7	1,49	13	1,96	21	1,67
Canis lupus	5	3,94	25	5,33	33	4,98	63	5,01
Ursus arctos	1	0,79	19	4,05	13	1,96	33	2,62
Martes zibellina	–	–	1	0,21	2	0,30	3	0,24
Mustela eversmanni	–	–	2	0,43	1	0,15	3	0,24
Mustela erminea	–	–	1	0,21	1	0,15	2	0,16
Mustela sibirica	–	–	–	–	2	0,30	2	0,16
Mustela altaica	–	–	1	0,21	2	0,30	3	0,24
C. crocuta spelaea	18	14,17	49	10,45	81	12,24	148	11,76
Panthera spelaea	–	–	3	0,64	1	0,15	4	0,32
Uncia uncia	–	–	2	0,43	1	0,15	3	0,24
Lynx lynx	–	–	1	0,21	–	–	1	0,08
Mammuthus primigenius	2	1,57	–	–	7	1,06	9	0,72
Coelodonta antiquitatis	5	3,94	20	4,26	26	3,93	51	4,05
E. (Sussemionus) ovodovi	7	5,51	22	4,69	44	6,65	73	5,80
Equus (E.) ferus	–	–	4	0,85	14	2,11	18	1,43
E. ovodovi / ferus	14	11,02	12	2,56	49	7,40	75	5,96
Capreolus pygargus	1	0,79	5	1,07	8	1,21	14	1,11
Cervus elaphus	2	1,57	12	2,56	7	1,06	21	1,67
Megaloceros giganteus	–	–	–	–	4	0,60	4	0,32
Rangifer tarandus	–	–	1	0,21	–	–	1	0,08
Poëphagus mutus baicalensis	–	–	–	–	5	0,76	5	0,40
Bison priscus	10	7,87	32	6,82	59	8,91	101	8,03
Gazella gutturosza	–	–	2	0,43	10	1,51	12	0,95
Saiga tatarica borealis	–	–	–	–	1	0,15	1	0,08
Gazella / Saiga	1	0,79	6	1,28	7	1,06	14	1,11
Capra sibirica	26	20,47	93	19,83	133	20,09	252	20,03
Ovis ammon	7	5,51	32	6,82	38	5,74	77	6,12
Capra / Ovis	13	10,24	41	8,74	33	4,98	87	6,92
Определимые фрагменты	127	100	469	100	662	100	1 258	100
Неопределимые фрагменты	1 568	92,51	8 246	94,62	12 228	94,86	22 042	94,60
Всего костных остатков	1 695	100	8 715	100	12 890	100	23 300	100

Костные остатки прочные, светло-коричневого или палевого цвета. Значительная часть фрагментов костей имеет следы воздействия пищеварительных ферментов, полученных при прохождении через желудочно-кишечный тракт крупных хищников. Следами кислотной коррозии отмечено больше половины зубов *Capra-Ovis* и треть зубов бизона и лошадей. Эмаль таких зубов из отрыжек гиен полностью или частично растворена, а в толще цемента и дентина присутствуют глубокие каверны или сквозные отверстия, сама форма зубов иногда изменена до едва узнаваемого состояния. Мелкие обломки трубчатых костей часто имеют сетчато-перфорированную структуру и происходят из распавшихся копролитов пещерных гиен.

По слоям степень фрагментации костного материала изменяется сравнительно мало (табл. 2). Доля обломков костей крупнее 5 см составляет от 3,3 до 4,7 %. Наиболее крупные из обнаруженных фрагментов трубчатых костей принадлежат мамонту, их длина достигает 31,5 см. Длина обломков диафизов берцовой и плечевой костей бизона – 17,8

Таблица 2. **Распределение по размеру фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры (материалы 2017 и 2018 гг.)**

Слои	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
9	660	39,3	964	57,4	55	3,3	–	–	1 679	100
11	4 550	52,4	3 748	43,2	362	4,2	25	0,3	8 685	100
12	6 861	53,3	5 515	42,9	439	3,4	54	0,4	12 869	100
Всего	12 071	52,0	10 227	44,0	856	3,7	79	0,3	23 233	100

и 16,5 см соответственно, части диафиза локтевой кости бурого медведя – 16,4 см. В слое 12 найдены целая пястная кость *Equus ferus* и затылочный отдел черепа с частью лобных костей и оснований роговых стержней архара.

Среди наиболее интересных находок остатков мегафауны представлены следующие виды.

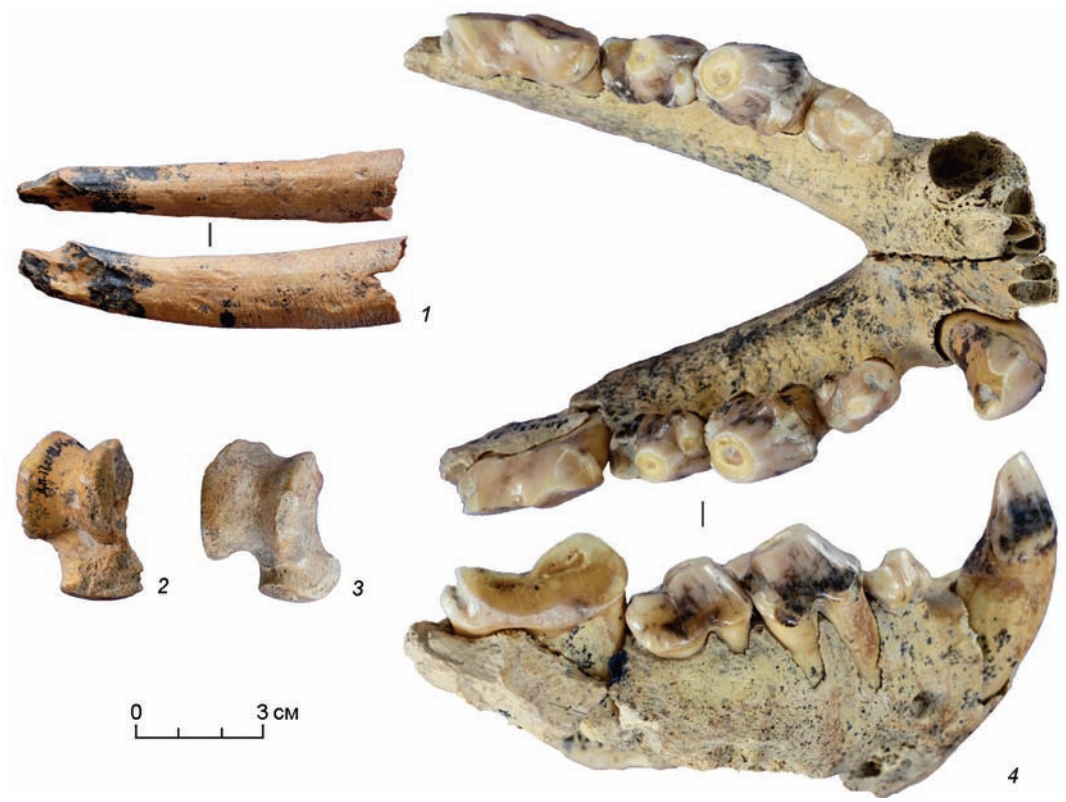
Бобр (*Castor fiber*). Большая берцовая кость с отпавшим верхним эпифизом и отгрызенным нижним концом найдена в слое 12. Здесь же обнаружены обломок зуба и третья фаланга передней конечности, а также запястная кость. Присутствие остатков бобра свидетельствует о развитии приречных пойменных лесов в окрестностях пещеры.

Пещерная гиена (*C. crocuta spelaea*). Более 79 % ее остатков – изолированные зубы или их фрагменты, нередко со следами кислотной коррозии. В слое 12 найдены шесть неполных фрагментов нижних челюстей, принадлежащих четырем особям, в том числе две соединяющиеся в симфизном отделе ветви челюсти (см. *рисунок, 4*). У всех челюстей отгрызена восходящая ветвь и наименее прочная часть зубной кости ниже зубов P_4–M_1. Здесь же отмечены две сильно погрызенные средние части диафизов лучевых костей гиен. Кости посткраниального скелета представлены в основном фалангами, обломками метаподий, также со следами погрызов или кислотной коррозии. Исключение составляет найденный в слое 12 целый астрагал. Пещерные гиены являлись основными коллекторами костных остатков (сюда входили и остатки их собственной добычи), которые они собирали с ближайших окрестностей пещеры. Аналогичным образом гиены утилизировали отбросы охотничьей деятельности человека. По количеству костей (11,8 % от числа всех остатков мегафауны) гиена уступает только *Capra-Ovis* (33,1 %) и сопоставима с количеством остатков лошадей (13,2 %). Число фрагментов зубов и костей *C. crocuta spelaea* в тафоценозе пещеры непропорционально велико и составляет почти половину от всех остатков хищников. В Денисовой пещере, как и в большинстве других пещер Алтая, создавались благоприятные условия для накопления костей пещерной гиены, кланы которой могли периодически заселять удобные карстовые полости, возможно, на протяжении нескольких поколений подряд. В реальности численность *C. crocuta spelaea* в плейстоценовых биотах Горного Алтая вряд ли была слишком велика. Например, в аллювиальных отложениях Предалтайской равнины остатки пещерной гиены в среднем составляют только 0,06 % (пещерного льва – 0,60 %), т. е. встречаются в 100–200 раз реже, чем в пещерных тафоценозах.

Пещерный лев (*Panthera leo spelaea*). Найдено шесть остатков, включающих погрызенную нижнюю треть диафиза плечевой кости и пять вторых фаланг, одна из которых сохранилась целиком, а другие представлены двумя диафизами и двумя верхними концами. Все фаланги разъедены кислотной коррозией. Пещерные львы, скорее всего, не обитали в пещере постоянно, а их кости попадали сюда, как и в случае с другими представителями мегафауны, в зубах или в желудках гиен.

Снежный барс (*Uncia uncia*). В слоях 11 и 12 обнаружено по астрагалу (см. *рисунок, 2, 3*), один из которых – со следами погрызов нижнего конца, а также обломок зуба M_1. В общей сложности в Денисовой пещере было найдено 12 остатков снежного барса, в том числе астрагал, целая пяточная кость, фаланги, метаподии, изолированные зубы и неполная ветвь нижней челюсти [Там же]. Остатки барса немногочисленны, но присутствуют по всему разрезу плейстоценовой толщи, что объясняется, скорее всего, обилием в окрестностях пещеры сибирского горного козла – его основной добычи. Кости скелета барса попадали в пещерные отложения, видимо, в основном в виде падали в результате пищевой активности пещерных гиен.

Мамонт (*Mammuthus primigenius*). Его остатки немногочисленны и представлены в основном мелкими обломками пластин бивней и зубов первых смен (pd 3–4). Почти целый постоянный бивень мамонтенка найден в слое 12 (см. *рисунок, 1*). В этом же слое обнаружены небольшой, изгрызенный гиенами фрагмент тазовой кости и пять крупных обломков большой берцовой кости длиной от 15,3 до 31,5 см от взрослой особи. Один из этих фрагментов, отличающийся от других относительно плохой сохранностью, имеет следы сильных по-



Костные остатки из слоев 11 (*3*) и 12 (*1, 2, 4*) в южной галерее Денисовой пещеры.
1 – бивень мамонтенка (*Mammuthus primigenius*); *2, 3* – астрагалы снежного барса (*Uncia uncia*); *4* – нижняя челюсть пещерной гиены (*C. crocuta spelaea*).

грызов, на остальных они отсутствуют. Остатки мамонта были занесены в пещеру и разбиты, скорее всего, человеком.

Шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*). Остатки этого вида представлены небольшими фрагментами зубов, в том числе молочных со следами кислотной коррозии. В слое 12 найдена верхняя треть лучевой кости, две вторых фаланги (от центрального и бокового пальцев), а также две третьих боковых фаланги, одна из которых целая.

Гигантский олень (*Megaloceros giganteus*). В слое 12 обнаружены левые зубы P^2 в обломке челюсти и изолированный M^2, относящиеся к одной полувзрослой крупной особи, а также задняя половина P_4 от взрослого животного.

Северный олень (*Rangifer tarandus*). В отложениях слоя 11 найден изолированный зуб P_2, корродированный в желудке хищника. Единичное присутствие костей северного оленя не обязательно должно указывать на развитие тундровых перигляциальных ландшафтов. Северный олень обитает в горах Алтая на протяжении голоцена, вплоть до современности.

Байкальский як (*Poëphagus mutus baicalensis*). В слое 12 обнаружен погрызенный средний отдел лопатки и два молочных зуба со следами кислотной коррозии. Судя по размерам двух сесамовидных костей, они могли также принадлежать байкальскому яку, самки которого по размеру тела были приблизительно сопоставимы с современной коровой. Среди фрагментов зубов, отнесенных к бизону присутствует, скорее всего, также какое-то количество остатков яка. Ранее в слое 11 восточной галереи пещеры была найдена целая пястная кость крупного самца.

Дзерен и сайгак (*Gazella gutturoza/Saiga tatarica borealis*). В слое 12 найдена сильно корродированная запястная лучевая кость сайгака. Остальные 90 % из числа достоверно определенных зубов и костей относятся к дзерену. Кости этих некрупных антилоп почти без остатка разгрызались и переваривались в желудках гиены, поэтому они плохо представлены в пещерных отложениях.

В целом в верхней части плейстоценовых отложений южной галереи преобладают виды, связанные со степными и скальными биотопами. Остатки видов мегафауны из отложений слоев 9, 11 и 12 распределены по биотопическим группам следующим образом: лесная – 5,1, 12,1 и 6,3 %, лесостепная – 1,3, 3,5 и 5,7 %, степная – 60,8, 53,8 и 59,6 %, скальная – 32,9, 30,3 и 28,3 % соответственно. Наряду с преобладанием видов открытых биотопов в соста-

ве тафоценоза присутствует относительно небольшое количество остатков лесных видов, что свидетельствует о мозаичности горных ландшафтов.

Плейстоценовые слои в южной галерее отличаются от других участков Денисовой пещеры наилучшей сохранностью костных остатков. Здесь найдены почти все наиболее крупные фрагменты костей. Особые тафономические условия отложений южной галереи предполагают хорошую сохранность в них и морфологически выразительных антропологических остатков.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 17-29-04206).

Список литературы

Васильев С.К., Шуньков М.В. Крупные млекопитающие из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 63–69.

References

Vasiliev S.K., Shunkov M.V. Krupnye mlekopitajushchie iz plejstocenovyh otlozhenij v juzhnoj galeree Denisovoj peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 63–69 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.042-046
УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], Е.В. Пархомчук[1, 2], М.А. Середнёв[2], К.И. Милютин[2], Я.В. Кузьмин[3], П.Н. Калинкин[2, 4], С.А. Растигеев[2, 5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[4]Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН
[5]Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири

Проанализировано более 50 радиоуглеродных дат, полученных по остаткам 11 редких видов крупных млекопитающих плейстоцена – голоцена юго-востока Западной Сибири, а также Забайкалья. Установлено, что пещерная гиена обитала на территории Верхнего Приобья еще во вторую половину каргинского времени (33,4–37,7 тыс. л.н.). Остатки пещерного льва датированы каргинско-сартанским временем, вплоть до 13,5 тыс. л.н. Запредельный возраст (> 40 тыс. л.н.) показали датировки костей носорога Мерка и зоргелии. Появились первые данные об обитании гигантского оленя в Верхнем Приобье в сартанское время (22,2 тыс. л.н.), а также новые датировки его остатков, имеющие раннеголоценовый возраст (11,1 и 8,6 тыс. л.н.). Радиоуглеродные даты по костям тура (5,6–0,6 тыс. л.н.) указывают, что этот вид появился на юге Западной Сибири, очевидно, лишь с началом голоцена. Большинство из датированных костей сайгака относятся к сартанскому времени (15,4–19,8 тыс. л.н.). Позвонок овцебыка с р. Чумыш датирован 17 тыс. л.н., что указывает на редкие проникновения этого вида до 53° с. ш. в максимум последнего оледенения. Кяхтинский винторог обитал в Забайкалье вплоть до конца плейстоцена (13,5–28,8 тыс. л.н.).

Ключевые слова: *радиоуглеродное датирование, мегафауна, костные остатки, плейстоцен, голоцен.*

S.K. Vasiliev[1, 2], E.V. Parkhomchuk[1, 2], M.A. Serednyov[2], K.I. Milutin[2], Ya.V. Kuzmin[3], P.N. Kalinkin[2, 4], S.A. Rastigeev[2, 5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[4]Boreskov Institute of Catalysis SB RAS
[5]Budker Institute of Nuclear Physics SB RAS
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Radiocarbon Dating of the Remains of Rare Pleistocene Megafauna Species in Southern Siberia

The paper describes more than 50 radiocarbon dates generated on the bone remains of 11 rare species of large mammals of the Pleistocene – Holocene era from the southeastern part of Western Siberia and Transbaikalia. It has established that C. crocuta spelaea inhabited the Upper Ob region in the second half of the Karginsky Interglacial (33.4–37.7 thousand years ago). The remains of the Panthera leo spelaea are dated to the Kargin-Sartan period, up to 13.5 thousand years ago. Dating of the bones of Stephanorhinus kirchbergensis and Soergelia cf. elisabethae produced age beyond the method age limit (> 40 thousand years ago). The first information about the habitat of Megaloceros giganteus in the Upper Ob in the Sartanian Glaciation (22.2 thousand years ago) was obtained, as well as new early Holocene dates of its remains (11.1 and 8.6 thousand years ago). Radiocarbon dates of the bones of Bos primigenius (5.6 to 10.6 thousand years ago) indicate that this species appeared in the south of Western Siberia as late as in the early Holocene. Most of the dated bones of Saiga tatarica borealis belong to the Sartan Glaciation (15.4–19.8 thousand years ago). A vertebra of Ovibos

moschatus from the Chumysh River is dated to 17 thousand years ago, which indicates that rare penetration of this species to 53° North latitude occurred during the maximum of the last glaciation. Spirocerus kiakhtensis lived in Transbaikalia until the terminal Pleistocene (13.5 to 28.8 thousand years ago).

Keywords: *radiocarbon dating, megafauna, bone remains, Pleistocene, Holocene.*

На территории Верхнего Приобья, по Оби и ее притокам (Чумыш, Чик, Орда) известен ряд крупных местонахождений остатков плейстоценовой мегафауны. В разрезе Красный Яр (р. Обь в 17 км ниже Новосибирска) многочисленные остатки крупных млекопитающих были собраны из слоя *in situ*. В других крупных аллювиальных местонахождениях по Оби – Тараданово, Бибихе, а также на р. Чумыш – кости обнаружены на пляжах и отмелях в переотложенном состоянии. На небольших притоках Оби (р. Чик и Орда) кости, вымытые из береговых террас, обнаруживаются в перемытой толще песка и ила, непосредственно в русле реки. Подобные переотложенные остатки плейстоценовой мегафауны имеют один существенный недостаток – отсутствие чёткой стратиграфической привязки. Она может быть осуществлена лишь приблизительно, с учётом геологического строения находящихся выше по течению разрезов береговых террас. Вместе с тем подобный материал обладает и целым рядом преимуществ, таких как массовая концентрация костей, вымытых из разновременных слоёв, в одном месте (на пляже, отмели), возможность их быстрого сбора без проведения долговременных и затратных поисковых и раскопочных работ [Верещагин, Громов, 1953]. Многолетний опыт показывает, что обнаружить редкие разрозненные кости млекопитающих непосредственно в слоях береговых отложений удаётся лишь в исключительно редких случаях. В зависимости от геологического возраста размываемых костеносных отложений, среди выносимых на пляжи костей могут преобладать остатки среднеплейстоценового возраста (Бибиха) либо начала позднего плейстоцена (казанцевское время, Тараданово). Преимущественно с каргинским интерстадиалом связаны массовые скопления костей по р. Чумыш, Чик и Орда. Наряду с основным объемом более-менее одновозрастных костных остатков пляжный материал всегда включает также примесь разновременных костей – от раннего и среднего плейстоцена до голоцена и современности включительно. Остатки мегафауны, собранные на вторичных аллювиальных местонахождениях, служат незаменимым материалом для радиоуглеродного датирования. Особенно это касается таких редких видов, как пещерный лев, пещерная гиена, овцебык и др., обнаружить остатки которых возможно лишь при методичном сборе и исследовании многотысячных скоплений переотложенных костей по берегам рек.

В 2017 г. по остаткам редких видов мегафауны было сделано 30 радиоуглеродных дат. К ним добавлены ранее полученные на ускорительном масс-спектрометре ИЯФ СО РАН датировки, часть из которых еще не была опубликована (см. *таблицу*). Далее во всех случаях приводятся радиоуглеродные (не калиброванные) значения возраста.

Впервые получена прямая ^{14}C дата (36,2 тыс. л.н.) по целому осевому черепу огромного бурого медведя, хранящегося в экспозиции НОКМ (Новосиб. обл. краеведческого музея). Череп происходит из слоя синевато-серых пойменных суглинков, залегающих в средней части разреза Красный Яр. Ранее по плечевой и бедренной костям лошади из слоя 4 были получены радиоуглеродные даты: 38 804 ± 770 (NSKA-01061) и 32 450 ± 233 (CN-1068), а по нижней челюсти шерстистого носорога – 38 250 ± 770 (NSKA-01060). Датировки указывают на формирование слоя 4 в завершающую треть каргинского времени.

Продатировано 8 костей пещерной гиены с Чумыша и Чика. 4 даты оказались запредельными (более 40 тыс. л.н.), 5 дат свидетельствуют о существовании этого вида в заключительную треть каргинского интерстадиала (33,4–37,7 тыс. л.н.). В Западной Европе наиболее молодые датированные остатки *C. crocuta spelaea* имеют возраст около 26–27 тыс. л.н. [Stuart, Lister, 2014]. Остатки пещерной гиены в аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья встречаются на порядок реже, чем пещерного льва: соответственно 0,06 и 0,6 % в среднем (от числа всех остатков мегафауны).

В отличие от гиены, пещерный лев продолжал обитать на юге Западной Сибири и в сартанское время. Из 15 полученных дат 5 укладываются в этот временной интервал (13,2–5,1 тыс. л.н.). Целый осевой череп с р. Мосиха (приток р. Иня; коллекция НОКМ) принадлежал некрупной львице, жившей в разгар сартанского оледенения (18 884 ± 677 л.н.). Окончательное вымирание *Panthera leo spelaea* на юге Сибири произошло, вероятно, вместе с исчезновением здесь (или резким сокращением ареалов и численности) крупных стадных копытных, таких как бизоны и лошади. Наиболее поздние датировки по костям пещерного льва с территории Западной Европы и Восточной Сибири имеют возраст около 12,2–12,4 тыс. л.н. [Stuart, Lister, 2010].

Радиоуглеродные значения возраста костных остатков мегафауны из местонахождений юго-востока Западной Сибири и Забайкалья

Вид, местонахождение	Элемент скелета	Радиоуглеродный возраст	Код образца
1	2	3	4
Ursus arctos, Красный Яр, 4 слой	осевой череп	36 206±1654	NSKA-s 560
C. crocuta spelaea, Чик	верхняя челюсть	33 440±533	BINP-NSU-1297
C. crocuta spelaea, Чумыш	бедренная кость	34 290±321	BINP-NSU-1302
C. crocuta spelaea, Чик	фрагмент черепа	34 961±683	BINP-NSU-1299
C. crocuta spelaea, Чумыш	лопатка	37 707±712	BINP-NSU-1304
C. crocuta spelaea, Чумыш	плечевая кость	37 713±499	NSKA-00810*
C. crocuta spelaea, Чик	плечевая кость	> 40 000	BINP-NSU-1298
C. crocuta spelaea, Чумыш	осевой череп	> 40 000	BINP-NSU-1300
C. crocuta spelaea, Чумыш	лучевая кость	> 40 000	BINP-NSU-1301
C. crocuta spelaea, Чумыш	бедренная кость	> 40 000	BINP-NSU-1303
Panthera leo spelaea, Чик	поясничный позвонок	13 250±242	BINP-NSU-1306
Panthera leo spelaea, р. Мосиха	осевой череп	18 884±677	NSKA-s 394
Panthera leo spelaea, Чумыш	плечевая кость	19 381±402	NSKA-01077*
Panthera leo spelaea, Чумыш	тазовая кость	20 179±1136	NSKA-01081*
Panthera leo spelaea, Чумыш	лопатка	23 543±418	NSKA-01078*
Panthera leo spelaea, Красный Яр, 3 слой	лучевая кость	25 143±825	NSKA-s 559
Panthera leo spelaea, Чумыш	лопатка	28 747±2008	NSKA-01079*
Panthera leo spelaea, Чумыш	лучевая кость	30 070±1753	NSKA-01080*
Panthera leo spelaea, Чумыш	3-й шейный позвонок	36 434±1779	NSKA-01083*
Panthera leo spelaea, Чумыш	крестец	36 439±1488	NSKA-01082*
Panthera leo spelaea, Чик	большая берцовая кость	38 396±499	NSKA-00820*
Panthera leo spelaea, Чумыш	бедренная кость	40 741±577	NSKA-00802*
Panthera leo spelaea, Чумыш	лучевая кость	44 337±1148	NSKA-00801*
Panthera leo spelaea, Чумыш	большая берцовая кость	55 200±727	NSKA-00803*
Panthera leo spelaea, Чумыш	бедренная кость	> 40 000	BINP-NSU-1305
L. lynx, Чик	бедренная кость	8 229±180	BINP-NSU-1307
Stephanorhinus kirchbergensis, Чумыш	лопатка	> 40 000	BINP-NSU-1296
Megaloceros giganteus, Чик	роговая штанга	8 609±165	BINP-NSU-1280
Megaloceros giganteus, Чик	плюсневая кость	11 110±180	BINP-NSU-1285
Megaloceros giganteus, Чик	пястная кость	22 180±204	BINP-NSU-1279
Megaloceros giganteus, Чик	нижняя челюсть	27 068±313	BINP-NSU-1281
Megaloceros giganteus, Чик	лопатка	32 520±591	BINP-NSU-1282
Megaloceros giganteus,Чик	астрагал	34 470±530	BINP-NSU-1284
Megaloceros giganteus, Чик	плечевая	38 020±697	BINP-NSU-1283
Bos primigenius, р. Тогул	фрагмент черепа	5 623±96	BINP-NSU-1287
Bos primigenius, Чумыш	пястная кость	10 241±404	NSKA-01090
Bos primigenius, Чик	пястная кость	10 580±118	BINP-NSU-1286
Saiga tatarica borealis, Орда	1-й шейный позвонок	15 400±180	AA-86173
Saiga tatarica borealis, Чик	1-й шейный позвонок	15 500±214	AA-86174
Saiga tatarica borealis, Чик	плечевая кость	17 190±273	BINP-NSU-1288
Saiga tatarica borealis, Орда	лопатка	17 250±220	BINP-NSU-1288
Saiga tatarica borealis, Красный Яр, 3 слой	фрагмент черепа	17 903±522	NSKA-s 563
Saiga tatarica borealis, Чик	пястная кость	19 440±359	BINP-NSU-1289
Saiga tatarica borealis, Чумыш	плечевая кость	19 780±438	BINP-NSU-1292
Saiga tatarica borealis, Чик	плечевая кость	39 180±861	BINP-NSU-1290
Soergelia cf. *elisabethae*, Бибиха	лучевая кость	> 40 000	BINP-NSU-1293
Soergelia cf. *elisabethae*, Тараданово	пястная кость	> 40 000	BINP-NSU-1294
Soergelia cf. *elisabethae*, Тараданово	фрагмент черепа	> 41 060	AA-79331
Ovibos moschatus, Чумыш	4-й шейный позвонок	16 989±183	BINP-NSU-1295
Spirocerus kiakhtensis, Сохатино	фрагмент черепа	13 500±423	NSKA-s 377

Окончание таблицы

1	2	3	4
Spirocerus kiakhtensis, Сохатино	фрагмент черепа	14 290± 468	NSKA-s 378
Spirocerus kiakhtensis, Шергольджин	фрагмент черепа	18 200±649	NSKA-s 382
Spirocerus kiakhtensis, Санный мыс	фрагмент черепа	27 860±1057	NSKA-s 379
Spirocerus kiakhtensis, Санный мыс	фрагмент черепа	28 640±1118	NSKA-s 381

*По: [Васильев и др., 2016].

Приведенная ранее [Васильев и др., 2016] в списке плейстоценовых видов с р. Чик бедренная кость рыси оказалась раннеголоценового возраста (8 229 ± 180 л.н.).

Немногочисленные остатки носорога Мерка найдены на Чумыше, в 6 слое Красного Яра, в Бибихе и Тараданово. Целая лопатка с р. Чумыш показала запредельный возраст – более 40 тыс. л.н. Скорее всего, этот относительно теплолюбивый, крупный и длинноногий вид носорога дожил на юге Западной Сибири лишь до времени казанцевского межледниковья.

Ранее уже было получено 8 дат по гигантскому оленю с Чумыша и 1 – с Чика. Все даты с Чумыша относятся к первой – второй трети каргинского времени, в пределах 34,7–53,6 тыс. л.н. [Васильев и др., 2016]. В новых материалах с Чика наряду с 4 датировками каргинского возраста (27–38 тыс. л.н.), оказалась пястная кость, относящаяся к началу сартанского времени (22 180 ± 204 л.н.), а также плюсневая кость и роговая штанга раннеголоценового возраста (11 109 ± 180 и 8 609 ± 165 л.н. соответственно). Предыдущая дата по этой же роговой штанге составила 8 832 ± 104 (NSKA-00815). Впервые голоценовые остатки гигантского оленя были открыты на Урале и в Зауралье. Наиболее молодая дата по ним составляет 6 816 ± 35 [Stuart et al., 2004]. Радиоуглеродный возраст костей гигантского оленя из голоценовых памятников Барабинской лесостепи и Северного Приангарья оказался в пределах 7,9–10,3 тыс. л.н. Ареал *Megaloceros giganteus* в раннем голоцене простирался по лесостепной зоне от Урала до Ангары, где он служил объектом охот неолитического человека [Pliecht et al., 2015]. Время и место существования последних рефугиумов гигантского оленя пока ещё окончательно не установлено. Не исключено, что при продолжении дальнейшего датирования костей *Megaloceros giganteus*, особенно с Чика, могут быть зафиксированы его остатки моложе 7 тыс. л.н.

Две пястные кости тура с Чумыша и Чика показали возраст 10 241 ± 404 и 10 580 ± 118 л.н. соответственно. Фрагмент черепа с почти полным роговым стержнем тура с р. Тогул (приток Уксуная – Чумыша) оказался среднеголоценовым – 5 623 ± 96 л.н. Очевидно, *Bos primigenius* появляется на юге Западной Сибири лишь с началом голоцена. По крайней мере среди более 250 пястных костей бизона с Чумыша (наиболее диагностичных элементов посткраниального скелета на предмет разделения их на роды *Bos* – *Bison*) больше не найдено ни одной metacarpale, сходной по морфологии с туром. В других аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья остатки тура также отсутствуют.

Семь из восьми датированных костей сайгака (с Чика, Орды, Чумыша и из 3 слоя Красного Яра) указывают на его обитание на территории Верхнего Приобья в сартанское время, в пределах 15,4–19,8 тыс. л.н. Лишь одна плечевая кость с Чумыша оказалась каргинского возраста (39,2 тыс. л.н.). Остатки сайгака – хороший показатель развития аридных степных ландшафтов, холодных и малоснежных в периоды криохронов.

Ожидаемо запредельными (> 40 тыс. л.н.) оказались датировки по костям и фрагменту черепа зоргелии из Тараданово и Бибихи. Ранее остатки зоргелии считались надёжным индикатором раннеплейстоценовых отложений. Однако совершенно неожиданно кости *Soergelia* cf. *elisabethae* типичного позднеплейстоценового типа сохранности были найдены в составе мамонтовой фауны сначала в Тараданово [Васильев, 2010], а позднее – и в Бибихе. На юге Западной Сибири зоргелия, очевидно, дожила до казанцевского времени. Во всяком случае, среди более 12,6 тыс. костей каргинского возраста, собранных на Чумыше, не найдено ни одной кости этого вида.

Большой интерес представляет находка 4-го шейного позвонка овцебыка на Чумыше, на пляже в районе с. Титово. Прямая датировка позвонка (16 989 ± 183 л.н.) указывает на присутствие этого вида на юге Западной Сибири (53º24′ с. ш.) в наиболее холодную фазу сартанского времени. Единственная кость (из 12,6 тыс. находок) свидетельствует, вероятнее всего, не о постоянном обитании *Ovibos moschatus* в районе Чумыша, а о редких проникновениях его стад так далеко к югу в периоды максимума оледенений.

Невозможно обойти вниманием датировки, полученные по фрагментам черепа и роговых стержней кяхтинского винторога из памятников Сохатино, Санный мыс и Шергольджин в Забайкалье. Они

показывают, что эта своеобразная крупная антилопа обитала здесь ещё в каргинско-сартанское время (13,5–28,6 тыс. л.н.) и окончательно исчезла, по-видимому, лишь на рубеже плейстоцена и голоцена. Остатки *Spirocerus kiakhtensis* были обнаружены также в пещерах Алтая – Усть-Канской, Страшной и Денисовой.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Васильев С.К. Остатки зоргелии (*Soergelia* sp.) в позднем плейстоцене Предалтайской равнины // Эволюция жизни на Земле: мат-лы IV Междунар. симп., 10–12 ноября 2010 г. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – С. 537–541.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Панов В.С. Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край) Чик и Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 23–28.

Верещагин Н.К., Громов И.М. Сбор остатков высших позвоночных четвертичного периода. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – 37 с.

Stuart A.J., Lister A.M. Extintion chronology of the cave lion Panthera spelaea // Quaternary Sc. Rev., 2011. – N 30. – P. 2329–2340.

Stuart A.J., Lister A.M. New radiocarbon evidence on the extirpation of the spotted hyaena (Crocuta crocuta (Erxl.)) in northern Eurasia // Quaternary Sc. Rev., 2014. – N 96. – P. 108–116.

Stuart A.J., Kosintsev P.A., Higham T.F.G., Lister A.M. Pleistocene and Holocene extinction dynamics in giant deer and wooly mammoth // Nature. – 2004. – Vol. 431. – P. 684–689.

Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., Slavinsky V.S. New Hococene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: updated extinction patterns // Quaternary Sc. Rev. – 2015. – N 114. – P. 182–188.

References

Stuart A.J., Kosintsev P.A., Higham T.F.G., Lister A.M. Pleistocene and Holocene extinction dynamics in giant deer and wooly mammoth. *Nature*, 2004, vol. 431, pp. 684–689.

Stuart A.J., Lister A.M. Extintion chronology of the cave lion Panthera spelaea. *Quaternary Science Reviews*, 2011, No. 30, pp. 2329–2340.

Stuart A.J., Lister A.M. New radiocarbon evidence on the extirpation of the spotted hyaena (Crocuta crocuta (Erxl.)) in northern Eurasia. *Quaternary Science Reviews*, 2014, No. 96, pp. 108–116.

Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., Slavinsky V.S. New Hococene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: updated extinction patterns. *Quaternary Science Reviews*, 2015, No. 114, pp. 182–188.

Vasiliev S.K. Ostatki zorgelii (Soergelia sp.) v pozdnem pleistotsene Predaltaiskoi ravniny. *Evolyutsiya zhizni na Zemle.* Tomsk: TML-Press, 2010, pp. 537–541 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I., Panov V.S. Sbory ostatkov megafauny na rekakh Chumysh (Altaiskii krai) Chik i Ob’ v raione poselka Bibikha (Novosibirskaya oblast’) v 2016 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 23–28 (in Russ.).

Vereshchagin N.K., Gromov I.M. Sbor ostatkov vysshikh pozvonochnykh chetvertichnogo perioda. Moscow: AN SSSR Publ., 1953, 37 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.047-051
УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], М.А. Середнёв[2], К.И. Милютин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Остатки плейстоценовой мегафауны из аллювиальных местонахождений Бибиха, Тараданово на реке Оби (Новосибирская область) и реке Чумыш (Алтайский край)

В 2018 г. на пляже в районе пос. Бибиха на р. Обь было собрано 1344 костных остатков крупных млекопитающих. Сохранность костей, анализ видового состава и морфометрических особенностей таких видов, как лошадь, благородный олень и лось показал, что большая их часть относится к среднему плейстоцену. В небольшом количестве присутствуют также костные остатки ранне- и позднеплейстоценового возраста. Обнаружено 7 костей зоргелии, в т.ч. целый роговой стержень, 4 кости широколобого лося. Впервые севернее Новосибирска зафиксировано присутствие в среднем плейстоцене верблюда Кноблоха – найдена целая пяточная кость. Продолжился сбор остатков плейстоценовой мегафауны на вторичных аллювиальных местонахождениях в районе пос. Тараданово на р. Обь и на р. Чумыш Алтайского края. Общее количество собранных или учтенных находок составил (кости/виды): Бибиха – 4767/19, Чумыш – 12664/25, Тараданово – 7000/24. Основная часть костных остатков из Тараданово относится к казанцевскому межледниковью, с р. Чумыш – к каргинскому интерстадиалу.

Ключевые слова: *плейстоцен, Бибиха, Чумыш, Тараданово, мегафауна, костные остатки.*

S.K. Vasiliev[1, 2], M.A. Serednyov[2], K.I. Milutin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

The Pleistocene Megafauna Fossil Remains from the Alluvial Sites of Bibikha, Taradanovo on the Ob River (Novosibirsk region) and Chumysh River (Altai Region)

1344 bone remains of large mammals were collected at the beach next to Bibikha settlement on the Ob River in 2018. Good state of preservation of the bones, the analysis of species composition and morphometric peculiarities of such species as Equus ferus, the red deer and the moose demonstrated that the greater part of the bone remains belongs to the Middle Pleitocene. There is also a small amount of the early and late Pleistocene bone remains. 7 bones of Soergelia cf. elisabethae, including the intact horn pith and 4 bones of Cervalces latifrons were found. For the first time, an intact heel bone of the middle Pleistocene species of Camelus knoblochi were found to the north from Novosibirsk. The Pleistocene megafauna remains were collected at the alluvial sites of the secondary bone deposition in the vicinity to Taradanovo on the Ob River and the Chumysh River sites (Altai region). The total number of finds (bones/species) is: Bibikha – 4,767/19, Chumysh River – 12,664/25, Taradanovo – 7,000/24. The main part of the bone remains from Taradanovo belongs to the Kazantsev interglacial period,those from the Chumysh river – to the Kargin interstadial.

Keywords: *Pleistocene, Bibikha, Chumysh, Taradanovo, megafauna, bone remains.*

В 2018 г. продолжились поиски остатков плейстоценовой мегафауны по р. Обь и её притокам. Крупное переотложенное аллювиальное местонахождение на правом берегу р. Обь, в районе пос. Бибиха (в 40 км ниже Новосибирска, 55˚19´с. ш., 82˚51´в. д.) исследуется авторами, начиная с 2015 г. [Васильев, Середнёв, Милютин, 2017]. В сентябре – октябре 2018 г. на песчано-галечной отмели было собрано 1344 костных остатка от 14 видов крупных млекопитающих. Впервые здесь были найдены пяточная кость верблюда Кноблоха, роговой стержень зоргелии. Общий объём коллекции составил почти 4 800 остатков, относящихся к 19 видам плейстоценовой мегафауны (см. *таблицу*).

В весенне-летний паводок течением на отмель выносятся разновременные костные остатки – от раннего до позднего плейстоцена включительно. Источник поступления костей не известен. Скорее всего, остатки мегафауны вымываются из древнего руслового аллювия, вскрываемого современной речной эрозией где-то ниже уреза воды. Транспортировка костей от места подводного размыва до пляжа не может быть слишком долгой, на что указывает ряд сохранившиеся целиком крупных трубчатых костей бизона, лошади и т.д. Подавляющую часть находок составляют кости среднеплейстоценового возраста. Они достаточно сильно минерализованы, часть костей в большей или меньшей степени окатана. Поверхность многих костей сплошь покрыта рядами мелких параллельных трещин.

Изучение метаподий лошади показало, что большая их часть относится к форме, идентич-

Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из местонахождений на р. Чумыш, в районе пос. Бибиха и Тараданово

Таксоны	Чумыш, 2011–2018 гг.		Бибиха, 2015–2018 гг.		Тараданово, 2003–2018 гг.	
	Кости	%	Кости	%	Кости	%
Lepus tanaiticus	4	0,03	–	–	2	0,03
Marmota baibacina	–	–	–	–	1	0,01
Castor fiber	13	0,10	2	0,04	12	0,17
Cuon alpinus	2	0,02	–	–	2	0,03
V. vulpes	2	0,02	–	–	3	0,04
Canis lupus	10	0,08	3	0,06	13	0,19
Ursus arctos	43	0,34	17	0,36	19	0,27
Ursus savini	52	0,41	12	0,25	30	0,43
G. gulo	–	–	–	–	1	0,01
Meles anacuma	2	0,02	–	–	–	–
C.crocuta spelaea	9	0,07	–	–	6	0,09
Panthera leo spelaea	72	0,57	17	0,36	40	0,57
Mammuthus primigenius	1 156	9,13	260	5,45	43	0,61
Equus ferus	2 795	22,08	1215	25,48	2 727	38,96
E. (Sussemionus) ovodovi	7	0,06	–	–	114	1,63
Stephanorhinus kirchbergensis	17	0,13	2	0,04	–	–
Coelodonta antiquitatis	1221	9,64	293	6,15	495	7,07
Camelus knoblochi	2	0,02	1	0,02	–	–
Megaloceros giganteus	405	3,20	166	3,48	210	3,00
Cervus elaphus sibiricus	604	4,77	167	3,50	362	5,17
Alces cf. alces	226	1,79	80	1,68	139	1,99
Cervalces latifrons	–	–	8	0,17	–	–
Capreolus pygargus	4	0,03	–	–	–	–
Rangifer tarandus	13	0,11	6	0,13	3	0,03
Bos primigenius	1	0,01	–	–	–	–
Bison priscus	5 999	47,38	2 494	52,32	2 679	38,27
Saiga borealis	2	0,02	6	0,13	41	0,59
Ovis ammon	–	–	–	–	4	0,06
Ovibos moschatus	1	0,01	–	–	1	0,01
Praeovibos sp.	–	–	3	0,06	–	–
Soergelia cf. elisabethae	–	–	15	0,31	52	0,74
Всего костных остатков	12 662	100	4 767	100	7 000	100

ной среднеплейстоценовой *Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis-germanicus*), описанной из Кузнецкой котловины [Форонова, 1990]. Большинство остатков лосей среднеплейстоценового типа сохранности сопоставимо по размерам с позднеплейстоценовыми – голоценовыми лосями юга Западной Сибири [Васильев, 2011а]. Помимо остатков *A.* cf. *alces*, было найдено также 8 костей огромного раннеплейстоценового *Cervalces latifrons*. Кости скелета благородного оленя из Бибихи, напротив, оказываются заметно меньше позднеплейстоценового *Cervus elaphus sibiricus* с этой территории. Некрупные размеры тела, в среднем мельче современного марала, были характерны именно для ранне-среднеплейстоценовых форм благородного оленя на юге Западной и Средней Сибири [Васильев, Оводов, 2013]. Остатки *Bison priscus* с Бибихи не могут быть использованы для биостратиграфических построений, поскольку размеры тела бизонов (и костей соответственно) оставались практически неизменными со среднего плейстоцена и вплоть до самого вымирания этого вида на рубеже плейстоцена – голоцена. Целых роговых стержней, по которым можно было бы судить о принадлежности к средне- или позднеплейстоценовым формам *Bison priscus*, на пляже Бибихи не найдено ни одного. Крайне важным является факт присутствия остатков верблюда Кноблоха на Бибихе. *Camelus knoblochi* считается одним из индикаторных видов среднеплейстоценового хазарского фаунистического комплекса.

Сравнительно небольшую часть находок составляют остатки раннеплейстоценового возраста. Как правило, они тяжёлые, сильно минерализованные и окатанные, чёрно-серого цвета. В то же время некоторые кости руководящих раннеплейстоценовых видов (таких как зоргелия, преовибос, широколобый лось, мосбахский лев) по большинству из признаков сохранности мало отличаются (или совсем не отличаются) от основной массы костей среднеплейстоценового возраста. В список раннеплейстоценовых видов с Бибихи входят: *Panthera leo fossilis*, *Mammuthus* sp., *Equus* cf. *mosbachensis*, *Stephanorhinus kirhbergensis*, *Coelodonta antiquitatis*, *Megaloceros giganteus*, *Cervus* ex. gr. *elaphus*, *Cervalces latifrons*, *Bison priscus*, *Praeovibos* sp., *Soergelia* cf. *elisabethae*.

На обсохшем пляже найдена абсолютно целая ветвь нижней челюсти льва среднеплейстоценового типа сохранности (см. *рисунок, 13*), между зубами которой сохранились остатки сцементированного песка, что говорит об изначальном захоронении в русловом аллювии свежей (не фоссилизованной) кости. Эта находка (в ряду других) – прямое указание на наличие выше по течению толщи вскрываемого in situ среднеплейстоценового руслового аллювия.

Полной неожиданностью стала находка целой пяточной кости верблюда Кноблоха (см. *рисунок, 7*). Кость не окатана, великолепной сохранности, заметно минерализована. Длина кости – 196 мм, ширина/поперечник нижнего конца – 81/92 мм, то же тела кости посредине – 34,5/63 мм, верхнего конца – 58/62,5 мм. Огромные размеры, намного превышающие таковые у современного *Camelus bactrianus*, наряду с сохранностью, позволяют отнести находку к *C. knoblochi*.

В 2018 г. было найдено 7 остатков зоргелии: практически целый роговой стержень, дорзальный отдел второго шейного позвонка, нижние концы лопатки и плечевой костей, 3 неполные плюсневые кости.

Левый роговой стержень с фрагментарно сохранившимися прилегающими участками лобной кости принадлежал взрослой особи – судя по размерам, самке. Наряду с основным набором признаков, характерных для рода *Soergelia*, он имеет ряд отличий от описанных ранее экземпляров [Васильев, 2010]. Роговой стержень плавно дугообразно изгибается, лишь в дистальной части с задней стороны стержня выражен не резкий излом рога (см. *рисунок, 8*). Длина рога по большой кривизне – 167 мм, по прямой – 149 мм. Основание стержня округло-эллипсоидное, его обхват 198 мм, горизонтальный/вертикальный диаметры здесь – 67/57,5 мм. Обхват и диаметры стержня в середине его длины – 134 мм и 44/42 мм соответственно. По форме и размерам рог из Бибихи наиболее сходен с одним из роговых стержней раннеплейстоценой *Soergelia* cf. *elisabethae* с Юкона на Аляске [Harington, 1989]. Очевидно, для зоргелий был характерен большой диапазон индивидуально-половой изменчивости в форме и размерах роговых стержней.

Второй шейный позвонок имеет длину с зубовидным отростком 91 мм, то же тела кости – 73,5 мм, ширину передней и задней суставных поверхностей – 83 и 54 мм, минимальную ширину тела позвонка – 57,2 мм.

Ширина нижнего конца плечевой кости – 66 мм, то же суставного блока – 63 мм, медиальный и латеральный поперечники – 57,7 и 43,7 мм, поперечник в желобе минимальный – 29,4 мм, высота медиального мыщелка – 39 мм.

На всех 3 плюсневых костях обломаны нижние концы. Одна из них принадлежала полувзрослой особи, у которой сильно разрушен ещё и верхний эпифиз. У двух других metatarsale верхние суставные фасетки также частично повреждены, сами кости заметно окатаны. Ширина/поперечник верхнего конца этих двух экземпляров составляет 41/39

Остатки крупных млекопитающих из местонахождения Бибиха на р. Обь.

Cervalces latifrons: *1–3* – астрагалы, *6* – запястная лучевая кость; *A. alces* (современность): *4* – астрагал, *5* – запястная лучевая кость; *Camelus knoblochi*: *7* – пяточная кость; *Soergelia* cf. *elisabethae*: *8* – роговой стержень, вид с дорзальной стороны, *9* – нижний конец плечевой кости, *10* – лопатка, вид со стороны суставной поверхности, *11–12* – плюсневые кости, вид с дорзальной стороны; *Panthera leo spelaea*: *13* – ветвь нижней челюсти.

и 35,5/36,2 мм, то же диафиза в середине – 26,3/29,9 и 26,5/27,4 мм. Длина сохранившейся части кости до слома – 164 и 151 мм, восстановленная длина могла составлять приблизительно 200 мм.

Своей типичной позднеплейстоценовой сохранностью выделяется нижний конец лопатки. Ранее уже была описана лучевая кость зоргелии сходного типа сохранности [Васильев, Середнёв, Милютин, 2017], по которой получена запредельная, более 40 тыс. л. н., дата (см. статью в наст. сборнике). Ширина нижнего конца лопатки 65,5 мм, то же суставной поверхности – 52 мм, её поперечник – 42,2 мм. Прежде остатки зоргелии считались надёжным индикатором раннеплейстоценовых отложений. Однако находки в Тараданово и позднее в Бибихе показали, что этот вид дожил на юге Западной Сибири до начала позднего плейстоцена [Васильев, 2010].

В 2018 г. коллекция пополнилась 3 астрагалами и запястной лучевой костью широколобого лося. Латеральная/медиальная длина астрагалов составляет 95; 97,3; 111,2 / 88; 88,3; 100,5 мм, ширина нижнего конца – 58; 58,7; 68,5 мм. Длина carpi radiale – 65 мм, высота в переднем отделе – 52,2 мм. Поражает их величина в сравнении с аналогичными костями современного лося (см. *рисунок*).

В таблицу включены новые сборы 2012–2018 гг. из местонахождения Тараданово, расположенного в 15 км выше Камня-на-Оби. Большая часть костных остатков казанцевского возраста залегает ниже уреза воды в основании огромного яра. Вымытые кости выносятся на отмель, расположенную непосредственно в нижней по течению части яра. Меньшая часть костей (среди них преобладают остатки лошади) происходит из каргинских суглинков

из средней части разреза. Каргинский возраст подтверждается прямыми датами по костям, собранным на костеносной отмели; большая часть датированных образцов имеет запредельный, более 45 тыс. л. н., возраст [Васильев, 2011б]. В 2018 г. список таксонов пополнился новым видом – был обнаружен неполный череп сурка (см. *таблицу*).

На пляжах и отмелях р. Чумыш, между пос. Мартыново и Кытманово, в 2018 г. было собрано 1430 костных остатков плейстоценовой мегафауны. Общее число находок превысило 12,6 тыс. (см. *таблицу*). Кости происходят из отложений второй надпойменной террасы. Судя по ^{14}C датам, большая часть находок датируется каргинским временем, меньшая – сартанским [Васильев и др., 2016; см. статью в наст. сборнике]. Впервые были обнаружены 2 кости барсука. Найдена часть нижней челюсти и первый шейный позвонок пещерной гиены, остатки которой крайне редко встречаются в русловом аллювии.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Васильев С.К. Морфологические и экологические особенности лосей *Alces* cf. *alces* L. (*Mammalia, Artiodactyla*) юго-востока Западной Сибири в позднем неоплейстоцене и голоцене // Зоол. журн. – 2011а. – Т. 90, № 1. – С. 97–108.

Васильев С.К. Некоторые итоги изучения Тарадановского местонахождения позднеплейстоценовой мегафауны // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. – Т. XVII. – С. 20–25.

Васильев С.К. Остатки зоргелии (*Soergelia* sp.) в позднем плейстоцене Предалтайской равнины // Эволюция жизни на Земле. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – С. 537–541.

Васильев С.К., Оводов Н.Д. Благородный олень (*Cervus elaphus* cf. *sibiricus*) в позднем плейстоцене и голоцене юга Западной и Средней Сибири // Зоол. журн., 2013. – Т. 92, № 9. – С. 1031–1045.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Новые сборы остатков мегафауны на вторичных местонахождениях Верхнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 55–59.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Панов В.С. Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край) Чик и Обь в районе посёлка Бибиха (Новосибирская обл.) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 23–28.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО АН СССР, 1990. – 131 с.

Harington C.R. Soergelia: an indicator of holarctic middle Pleistocene deposits? // Second Annual Muskox Symposium. – Ottawa: National Research Council, 1989. – P. A1–A9.

References

Foronova I.V. Iskopaemye loshadi Kuznetskoi kotloviny. Novosibirsk: IGiG SO AN USSR Publ., 1990, 131 p. (in Russ.).

Harington C.R. Soergelia: an indicator of holarctic middle Pleistocene deposits? In *Second Annual Muskox Symposium*. Ottawa: National Research Council, 1989, pp. A1–A9.

Vasiliev S.K. Ostatki zorgelii (Soergelia sp.) v pozdnem pleistotsene Predaltaiskoi ravniny. *Evolyutsiya zhizni na Zemle*. Tomsk: TML-Press, 2010, pp. 537–541 (in Russ.).

Vasiliev S.K. Morfologicheskie i ekologicheskie osobennosti losei *Alces* cf. *alces* L. (*Mammalia, Artiodactyla*) yugo-vostoka Zapadnoi Sibiri v pozdnem neopleistotsene i golotsene. *Zoologicheskii zhurnal*, 2011a, vol. 90, No. 1, pp. 97–108 (in Russ.).

Vasiliev S.K. Nekotorye itogi izucheniya Taradanovskogo mestonakhozhdeniya pozdnepleistotsenovoi megafauny. In *Problems of Archeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011b, vol. XVII, pp. 20–25 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Ovodov N.D. Blagorodnyi olen' (*Cervus elaphus* cf. *sibiricus*) v pozdnem pleistotsene i golotsene yuga Zapadnoi i Srednei Sibiri. *Zoologicheskii zhurnal*. 2013, vol. 92, No. 9, pp. 1031–1045 (in Russ.).

Vasiliev S.K, Serednyov M.A., Milutin K.I. Novye sbory ostatkov megafauny na vtorichnykh mestonakhozhdeniyakh Verkhnego Priob'ya. In *Problems of Archeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 55–59 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I., Panov V.S. Sbory ostatkov megafauny na rekakh Chumysh (Altaiskii krai) Chik i Ob' v raione poselka Bibikha (Novosibirskaya oblast') v 2016 godu. In *Problems of Archeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 23–28 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.052-055
УДК 903.01

П.В. Волков[1, 2], Л.В. Лбова[1, 2], М. Рие[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Университет Монпелье III, Франция
E-mail: volkov100@yandex.ru

Предварительные результаты экспериментально-трасологического исследования петроглифа Белая лошадь в Минусинской котловине

В статье предлагаются результаты предварительной экспериментально-трасологической экспертизы известного объекта Белая лошадь, расположенного в северо-западной части Минусинской котловины. Интерес к объекту был вызван неоднозначностью хронологической трактовки, основанной на стилистическом анализе. В 2018 г. на памятнике были проведены экспериментально-трасологические, фотограмметрические работы и отобраны образцы кальцитовых натеков для уточнения их возраста и технологии нанесения изображения. В заключение первого этапа работ версия о технологическом характере исполнения изображения – нанесение изображения «на скальную поверхность путем вытирания фона» – не подтверждается. Предполагается проведение специальных исследований для определения техники нанесения изображения, что, вероятно, поменяет наше представление и о дате его формирования.

Ключевые слова: *петроглифы, хронология, экспериментально-трасологическая экспертиза.*

P.V. Volkov[1, 2], L.V. Lbova[1, 2], M. Ruė[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Universitė Montpellier III, France
E-mail: volkov100@yandex.ru

Preliminary Results of the Traceological Study of the Petroglyph White Horse in the Minusa Region

The article presents the results of a preliminary experimental and traceological examination of the famous White Horse site located in the north-western part of the Minusinsk Basin. The site is interesting because of the ambiguity of the chronological interpretation based on stylistic analysis. In 2018, experimental-traceological and photogrammetric works and sampling of calcite incrustations were carried out at the site to clarify their age and the image engraving technology. At the first stage of works, the authors have come to the conclusion that the preliminary hypothesis on the used technic «rubbing the background on the rocky surface », is not confirmed. The authors plan to conduct special studies to define the technique of making the image, which likely provide a new insight into the chronology of the image.

Keywords: *petroglyphs, chronology, experimental and traceological examination.*

Ранние формы искусства и, в первую очередь, образцы наскального искусства являются одними из сложных, многокомпонентных объектов археологического изучения и интерпретации, требующими точности и междисциплинарности. Исследовательские проблемы составляют основу для решения ряда научных задач, таких как датировка и атрибуция наскального искусства, поиск иконографических и технологических аналогий среди образцов мобильного и наскального первобытного искусства изучаемой территории, а также поиск характеристик, указывающих на трансляцию древнейших образов и преемственность принципов их создания. Дискуссия, развернувшаяся относитель-

но ранних проявлений творчества палеолитического человека, в том числе связанных с открытием серии объектов наскального искусства на плато Укок и в Монголии [Молодин, Черемисин, 1999; Молодин и др., 2016], открывает возможности и необходимость «вторичного» исследования образцов, отнесенных к раннему периоду истории региона. Одним из таких дискуссионных объектов является петроглиф Белая лошадь в Хакасии.

Плоскость с изображением находится на скальной поверхности Черной горы в долине р. Черной, левого притока р. Белый Июс. Рисунок лошади расположен в небольшой нише красновато-коричневого девонского песчаника, покрытого натеками карбонатов. Ниша вертикально ориентированная, неглубокая, предположительно оформлена целенаправленно [Ларичев, 1992, 1994]. Лишайники и натеки на данном участке отсутствуют, за исключением северной части.

Композиционно по центру с легким смещением на юг расположено изображение лошади на высоте примерно 150–160 см от уровня современной поверхности. Рисунок силуэтный, общая длина рисунка – 28,5 см; размеры лошади от холки до груди – 16 см. Изображение ориентировано на север (вправо от зрителя). Голова широкая и короткая, слегка выдвинутая вперёд, с массивной и округлой нижней челюстью. В профиле чётко выделено короткое ухо треугольной формы, слегка выставленное вперёд; ближнее к зрителю ухо определяется довольно длинной узкой белой чертой. Легко просматривается глаз лошади – округлое тёмное пятно, где были удалены следы известнякового натёка. Так же чётко выделяется уступ гривы, из чего можно сделать вывод, что грива жёсткая, волосы торчат вертикально. Задние ноги животного широко расставлены (в шаге или прыжке). У ноги, отставленной назад, выделяется бедренная часть и видно колено; изображение второй, вертикально ориентированной ноги не просматривается, но видна частично сохранившаяся ее нижняя часть. В верхней части ноги соединены линией – пунктиром известняковых следов, возможно, оставленным намеренно немного ниже промежности. Хвост лошади длинный, его нижняя часть значительно шире той, что отходит от крупа. Передние ноги отсутствуют, не видно даже их начала на участке песчаника, прилегающем к нижней части груди и окраине живота. Широкое, массивное, укороченное тело лошади отличается грузностью и тяжеловесностью, близкими к изображениям диких лошадей Пржевальского. Шея широкая, массивная и короткая, плавно переходящая в туловище. Линия спины слабо вогнута, круп закруглён умеренно. Живот выпуклый, что указывает на тот факт, что, вероятно, это изображение кобылы, по всей видимости беременной. Плохо сохранилась нижняя часть живота лошади, что не позволяет с полной уверенностью говорить о том, намеревался ли автор подчеркнуть его выпуклость.

В ходе экспериментально-трасологического анализа поверхности зоны скальной плиты с рисунком был проведен ряд специальных экспериментов. Целью первого этапа исследований являлась проверка возможности использования какой-либо технологии для формирования «аппликативного характера изображения» [Ларичев, 1992, с. 30]. Для микросъемки исследуемой поверхности использовалась специальная фототехника Nikon.

Согласно версии первого исследователя петроглифа В.Е. Ларичева, изображение лошади формировалось выскабливанием натеков кальцита вокруг её контура. Древний мастер, «удаляя выскабливанием одни участки концентрации капелек и, напротив, оставляя другие, сделал ее зримой» [Там же, с. 28]. По мнению исследователя, «в сущности, изображение животного не представляет собой рисунок в обычном понимании, а есть своего рода аппликация или, скорее, своеобразный микробарельеф, поскольку его фон был, надо полагать, самым тщательнейшим образом и весьма расчетливо выскоблен» [Там же]. Однако В.Е. Ларичев не обнаруживает следов скобления и находит «объяснение тому простое – неприкрытые предохранительными известковыми капельками поверхности подверглись за продолжительный период времени столь сильной эрозии, что обнаружить следы такой технической операции при всём желании не удаётся» [Там же].

Проведённое в ходе полевых работ 2018 г. исследование показало, что какой-либо искусственной, специальной обработки скальной плоскости перед нанесением рисунка не выявлено, как на плоскости дислокации изображения, так и на окружающих его периферийных участках скалы. Все процессы деформации стенки скального выхода происходили в различное время и имеют естественный характер.

На поверхности скального изображения отмечены натеки кальцита частично покрывающие и плоскость с изучаемым рисунком. Интенсивность образования кальцитовой корки различна по всей площади скальной поверхности. Границы «чистых» и покрытых кальцитом зон на плоскостях скалы могут иметь как «размытый», так и контрастный характер. Важно отметить, что на отдельных фрагментах камня фиксируется особенно толстый слой кальцитовых натеков, до 3 мм.

Исследования поверхности вне контура рисунка не выявили следов искусственной деформации скальной структуры (рис. 1). При освещении рисун-

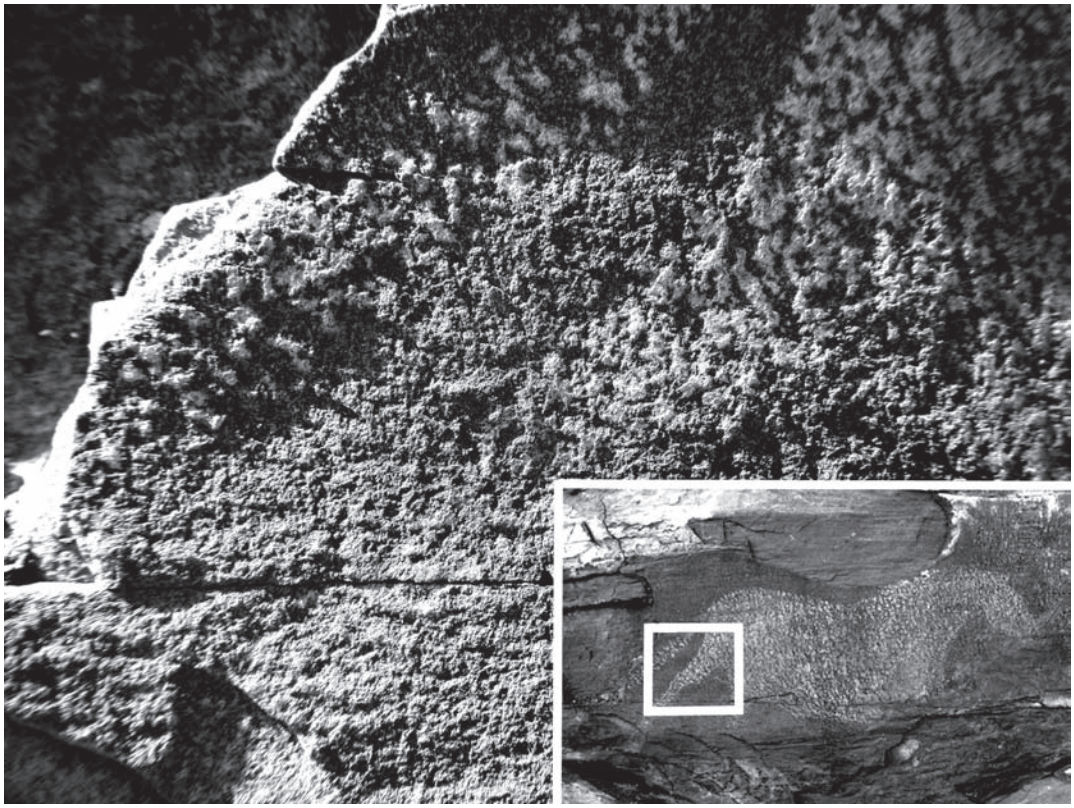


Рис. 1. Структура естественной, непотревоженной скальной поверхности рядом с изображением. Линейные следы ее деформации отсутствуют.

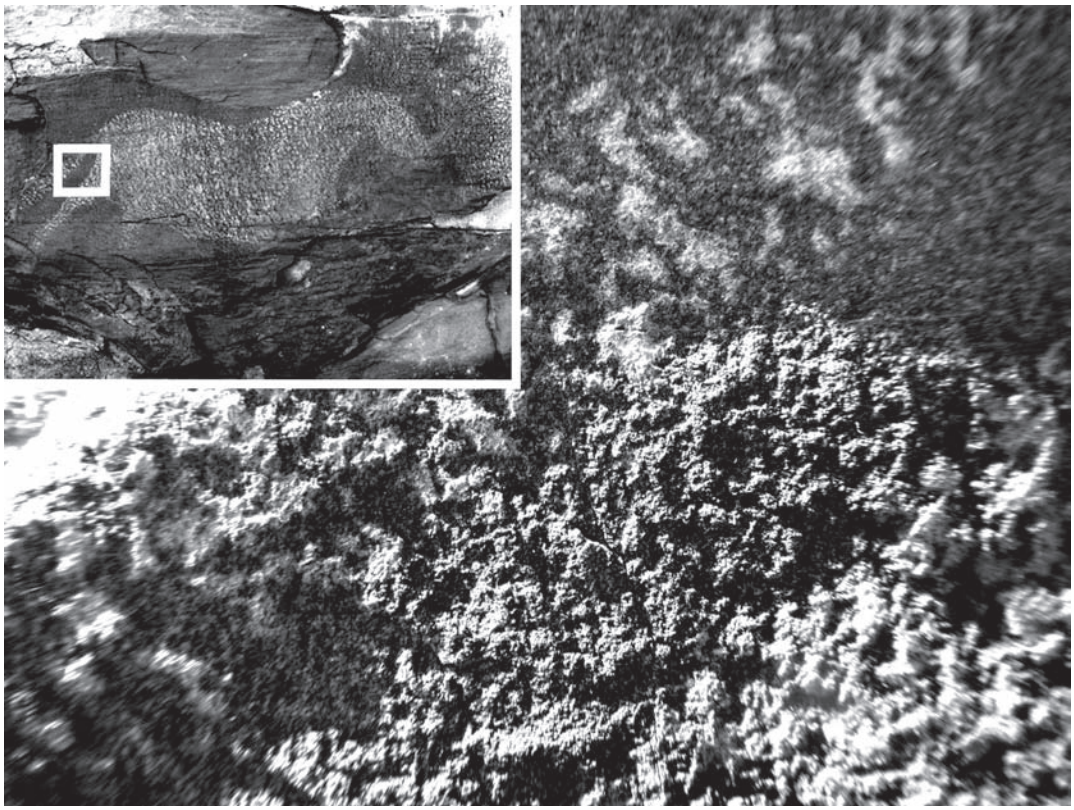


Рис. 2. Структура естественной, непотревоженной скальной поверхности рядом с изображением. Уровень плоскости изображения ниже уровня поверхности вне ее контура.

ка лошади лучами солнца, идущими параллельно плоскости с изображением, дает возможность убедиться, что какого-либо воздействия на ее поверхность вне зоны рисунка не производилось. На фотографии хорошо видна непотревоженная структура песчаника. Не фиксируются здесь не только неминуемо образующиеся при протирке характерные линейные следы, нет здесь и деформации выступающих элементов микрорельефа, неизбежно оказавшихся бы нивелированными.

Установлено также, что уровень поверхности изображения углублен в скальную поверхность более, чем поверхность вне его контура, что свидетельствует об удалении скальной структуры не на внешней стороне петроглифа, а, напротив, на самом изображении (рис. 2). Данный факт абсолютно исключает предполагавшийся ранее способ нанесения изображения – протиркой вне контура [Там же, с. 30]. Таким образом, никаких следов воздействия техникой пикетажа или протиркой на поверхность вне изображения не обнаружено.

На морде лошади обнаружено образование, напоминающее рог носорога, выполненный путём выбивки и протирки куском породы песчаника, лишённой известкового натёка. Это изображение, несомненно, выглядит как новый элемент, выполненный значительно позже.

В иной технике сделана часть изображения лошади в районе ее живота. Техника формирования изображения здесь отличается от техники формирования основного изображения. Вместо относительно коротких возвратно поступательных движений абразивного инструмента, как это делалось при формирования основной поверхности рисунка, при прорисовке нижней часть брюха лошади характер движения инструмента носил линейный, относительно продолжительный характер.

Таким образом, предварительный экспериментально-трасологический анализ свидетельствует о нескольких этапах создания изображения Белой лошади, на каждом из которых использовалась различная техника формирования обработанной художником поверхности.

Поиски стилистических аналогий изображению в контексте пещерного и наскального искусства Западной Европы и северной Евразии [Ларичев, 1992, рис. 11, 12; Молодин, Черемисин, 1999, рис. 68, 71] не могут в полной мере являться аргументом за оценку изображения плейстоценовым возрастом.

Версия об «аппликативной» технике нанесения изображения Белой лошади на скальную поверхность в настоящий момент не подтверждается. Предполагается проведение специальных экспериментально-трасологических исследований для определения техники нанесения изображения, фотограмметрических работ и датирования по натекам кальцита, что, вполне вероятно, поменяет наше представление и о времени его формирования.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-56-16016).

Список литературы

Гиенко Е.Г., Серкин Г.Ф. Памяти В.Е. Ларичева. Астроархеологические изыскания в Северной Хакасии // Archeoastronomy and Ancient Technologies. – 2014. – № 2 (1). – С. 134–156.

Ларичев В.Е. «Белая лошадь» – святилище древнекаменного века Хакасии (астрономические аспекты памятника и астральная подоснова искусства древнекаменного века Сибири). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1992. – 99 с.

Ларичев В.Е. «Белая лошадь» Чёрной горы: астрономические аспекты памятника и астральная подоснова искусства древнекаменного века Сибири // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск, 1994. – С. 9–39.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – 160 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Кретан К., Зоткина Л.В., Женест Ж.-М., Мыльников В.П. Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-французской экспедиции в 2016 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2016. – Т. XXII. – С. 361–365.

References

Gienko E.G., Serkin G.F. Pamyati V.E. Laricheva. Astroarheologicheskie izyskaniya v Severnoj Hakasii. *Archeoastronomy and Ancient Technologie*, 2014, No. 2 (1), pp. 134–156 (in Russ.).

Larichev V.E. “Belaya loshad’” – svyatilishche drevnekamennogo veka Hakasii (astronomicheskie aspekty pamyatnika i astral’naya podosnova iskusstva drevnekamennogo veka Sibiri). Novosibirsk: SB RAS Publ., 1992, 99 p. (in Russ.).

Larichev V.E. “Belaya loshad’” Chyornoj gory: astronomicheskie aspekty pamyatnika i astral’naya podosnova iskusstva drevnekamennogo veka Sibiri. In *Drevnie kul’tury Yuzhnoj Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaya*. Novosibirsk, 1994, pp. 9–39 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevnejshie naskal’nye izobrazheniya ploskogor’ya Ukok. Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatie RAS, 1999, 160 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Kretan K., Zotkina L.V., Zhenest Zh.-M., Mylnikov V.P. Issledovanie petroglifov na ploskogore Ukok v ramkah rossijsko-francuzskoj ehkspedicii v 2016 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* 2016, vol. XXII, pp. 361–365 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.056-059
УДК 911.3

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Распространение земледелия на северо-востоке Китая в эпоху среднего неолита

На северо-востоке Китая в эпоху среднего неолита (5–4 тыс. до н.э.) на южных территориях под влиянием пришлого населения со среднего Хуанхэ сложились развитые центры земледелия, а на севере все еще господствовали присваивающие формы хозяйства. Для исследования были выбраны пять культур различных географических зон – Ляодунского полуострова, равнины Ляохэ, горных районов Ляоси, равнины Суннэнь и равнины Саньцзян. Поселенческие комплексы Чжаобаогоу, Синьлэ нижнего слоя, Хоува нижнего слоя, Цзоцзяшань нижнего слоя, Сяоналшань анализировались с точки зрения количественных показателей каменных орудий труда, их функционального разнообразия, концентрированности расположения построек, их назначения, степени оседлости населения. Целью данного исследования является анализ зависимости темпов распространения земледелия в каждой географической зоне от природных условий обитания древних коллективов.

Ключевые слова: *Северо-Восточный Китай, земледелие, неолит, климат, поселенческие комплексы.*

E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Extension of Agricultural Areas in Northeast China during the Middle Neolithic

In the Middle Neolithic (5–4 thousand BC) in the northeastern China farming centers were developed in southern regions under the influence of the migrants from the middle Huanghe, while in the north the appropriating forms of economy were still dominating. Comparative analysis of five cultures from different geographic zones — the Liaodong Peninsula, the Liaohe Plain, the Liaoxi uplands, the Songnen Plain, the Sanjiang Plain has been carried out. Settlement complexes were analyzed by the quantitative indices of stone tools, their functional diversity, concentration of dwellings in one settlement, their purpose and duration of residence. The purpose of this study is to analyze the correlation of the agriculture dispersal in a particular geographic area with the natural conditions and coexistence of several stages of agriculture development in one region.

Keywords: *Northeast China, agriculture, Neolithic, climate, settlement complexes.*

Одним из центров зарождения земледелия в мире являлась долина среднего Хуанхэ, где в 7 тыс. до н.э. природные условия, а именно комфортные температуры и большая степень увлажнения, благоприятствовали развитию производящего хозяйства. Радикально менялась структура населения, на смену маленьким мобильным группам охотников и собирателей пришли оседлые земледельцы. Новые технологии привели к стабильности пищевых ресурсов и, соответственно, к демографическому прессу и инфильтрациям населения на другие территории.

На северо-востоке Китая в эпоху среднего неолита (5–4 тыс. до н.э.) в южной Маньчжурии под влиянием пришлого населения со среднего Хуанхэ сложились развитые центры земледелия, а на севере господствовали присваивающие формы хозяйства. Для исследования зависимости темпов распространения земледелия от природных условий обитания древних коллективов нами были выбраны пять географических зон – Ляодунского полуострова, равнины Ляохэ, горных районов Ляоси, равнины Нэньцзян и равнины Саньцзян. Поселенческие

комплексы Чжаобаогоу, Синьлэ нижнего слоя, Хоува нижнего слоя, Цзоцзяшань нижнего слоя и Сяонаньшань анализировались с точки зрения количественных показателей каменных орудий труда, их функционального разнообразия, концентрированности расположения построек, их назначения, оседлости населения.

Ляодунский полуостров относится к провинции Ляонин, омывается Желтым морем, поэтому на данной территории климат значительно теплее, чем в глубине материка. На эпонимном памятнике культуры нижнего слоя Хоува было раскопано 31 жилище полуземляночного типа площадью 13–30 м^2, расположенное концентрированно вокруг 5 больших квадратных в плане строений площадью 50–60 м^2. Зафиксирована перестройка ранних строений. В 14 жилищах зафиксированы столбовые ямы с остатками каркасной конструкции и каменная кладка очага как круглой, так и квадратной формы, рядом с которыми находят орудия труда. С внешней стороны по периметру поселений расположены частые неглубокие лунки, которые свидетельствуют о наличии забора [Сюй Юйлинь, Цзунь Жэньи, Ван Чуаньпу, 1989]. Радиоуглеродный анализ угля с памятников позволил датировать культуру 6 500–6 000 л.н. [Пэн Бо, 2015, с. 71].

Равнина Ляохэ расположена в среднем-нижнем течении р. Ляохэ на территории провинций Ляонин и Цзилинь. Она сложена аллювиальными отложениями реки, вдоль побережья Ляодунского залива – морскими отложениями. Климат муссонный с выраженными сезонами. На эпонимном памятнике наиболее исследованной культуры раскопано 38 строений, к нижнему слою Синьлэ относятся 20 из них. Постройки расположены концентрированно, делятся на большие (70–95 м^2), средние (40–70м^2) и маленькие (8–30 м^2). Несмотря на различия в размерах, их форма единообразна – это полуземлянки каркасно-столбовой конструкции прямоугольной или квадратной формы. Большое строение располагалось посередине, средние – вокруг него, маленькие – вокруг средних; на памятнике нет других культурных горизонтов или перестроек жилищ. Выделяется глубоко вкопанный овальный или круглый очаг, иногда дополнительные очаги (до 6). В жилищах находят зерна проса и косточки плодовых растений, а также кости рыб и диких животных. Уголь с памятника Синьлэ позволяет датировать культуру диапазоном от 7 000 до 6 700 л.н. [Пэн Бо, 2015, с. 71].

Нагорье Ляоси к западу от р. Ляохэ охватывает запад провинции Ляонин и район г. Чифэн Внутренней Монголии. Северо-запад в большей степени представлен районами плато, а юго-восток – скалистыми горами. Здесь наиболее исследованной является культура Чжаобаогоу. На эпонимном памятнике раскопано 18 концентрированно расположенных жилищ, есть большие (50–100 м^2) и маленькие (10–30 м^2). Зафиксированы два уровня пола с разницей высот от 10 до 30 см, что может указывать на функциональное разделение жилища. В прямоугольных жилищах с одной стороны фиксируется квадратный выступ, который, судя по находкам зерен проса и косточек плодовых растений, возможно, мог использоваться для хранения продовольствия [Shelach, Юй Цзин, 2012, с. 37]. Радиоуглеродный анализ угля с памятника Чжаобаогоу показал диапазон 7 000–6 700 л.н. [Пэн Бо, 2015, с. 72].

Равнина Суннэнь относится к среднему – нижнему течению р. Нэньцзян и р. Сунгари в центре современной провинции Хэйлунцзян. Средний неолит представлен культурой нижнего слоя Цзоцзяшань. Это, в первую очередь, самый раскопанный памятник Яоцзинцзы с 7 жилищами. На эпонимном же памятнике Цзоцзяшань раскопано всего одно. На обоих объектах сохранность построек очень плохая. Представлены два типа жилищ – круглые и квадратные полуземлянки с скругленными углами. На памятнике Цзоцзяшань культурный слой составляет не более 10 см. Каркасные конструкции внутри жилища или столбовые ямы не обнаружены. На Цзоцзяшань обнаружены иглы, проколки, множество раковин. На Яоцзинцзы – топорики, долота, наконечники стрел и копий. Функционально Цзоцзяшань представляет собой постоянное поселение, Яоцзинцзы – кратковременное, связанное с сезонными миграциями. Датировки Цзяцзяшань варьируются в пределах 7 000–6 500 л.н. [Пэн Бо, 2015, с. 72].

Равнина Саньцзян находится на северо-востоке Китае в среднем течении Амура и в нижнем течении его притоков Сунгари и Уссури. Это заболоченная низменность с отдельными горами. Здесь единственным изученным памятником является Сяонаньшань, представляющим собой круглую площадку, с западной стороны примыкающую к естественному склону. Там, по всей видимости, находился вход, а с противоположной, восточной, стороны – очаг в углублении. Никаких каркасно-столбовых конструкций не зафиксировано. На памятнике обнаружено большое количество наконечников стрел, копий. Стоянка имела сезонный характер [Shelach, Юй Цзин, 2012, с. 38]. Радиоуглеродное датирование материалов памятника не проводилось.

На основании характерных черт приведенных памятников и археологического материала различных регионов северо-востока Китая мы можем предварительно охарактеризовать хозяйственный

Культуры среднего неолита регионов северо-востока Китая

Тип	Культура	Регион	Даты (л.н.)	Тип земледелия	Доля рыболовства и охоты	Степень оседлости
1	Чжаобаогоу	Нагорье Ляоси	7 000–6 700	зачатки плужного	большая	оседлое
2	Синьлэ нижнего слоя	Равнина Ляохэ	7 000–6 700	подсечно-огневое	большая	оседлое
3	Хоува нижнего слоя	Ляодунский полуостров	6 500–6 000	подсечно-огневое	большая	оседлое
4	Цзоцзяшань нижнего слоя	Равнина Сунэнь	7 000–6 500	Не определено	превалирует	оседлое и сезонное
5	Сяонаньшань	Равнина Саньцзян	Не определено	Не определено	только присваивающая форма хозяйства	не определено

уклад носителей указанных культур, степень оседлости и долю земледелия, а также охоты и рыболовства в экономике каждой племенной группы.

Носители культуры нижнего слоя Хоува Ляодунского полуострова проживали в теплом, влажном климате с обильной растительностью и богатыми животными ресурсами. Это долговременные стационарные поселения с концентрированно расположенными постройками. В жилищах находят топорики, зернотерки и песты, а также наконечники стрел, рыболовные грузила, что говорит о сосуществовании земледелия и рыболовства/охоты. На поселениях не зафиксировано функциональное разделение жилищ, не выдаются зоны для хранения.

Носители культуры нижнего слоя Синьлэ равнины Ляохэ проживали в климатических условиях, похожих на Ляодунский полуостров. Структура поселений сложная, большое количество столбовых ям указывает на то, что строения несколько раз перестраивались. В специальных зонах, отведенных под хранилища, находят зерна злаковых. Большое количество орудий и костей животных, рыб, в том числе и рядом с тотемом клана – деревянной скульптурой птицы, подтверждает наличие у данной группы населения рыболовства и охоты.

Культура Чжаобаогоу нагорья Ляоси принадлежит к теплым засушливым районам, сходным с бассейном Хуанхэ. Эти территории в первую очередь заселялись выходцами с южных территорий, несущих с собой земледельческие технологии. Поселения Чжаобаогоу безусловно имеют оседлый характер, жилища выверены по сторонам света, внутри жилищ наблюдается функциональное разделение пространства и специальная зона-хранилище с многочисленными злаковыми. Подтверждением развитого земледелия, гораздо более прогрессивного, нежели подсечно-огневое земледелие Ляодунского полуострова, является найденная мотыго-лопата с каменной рабочей частью.

Культура нижнего слоя Цзоцзяшань долин рек Нэньцзян и Сунгари – это более северные территории, характеризующиеся прохладным и менее влажным климатом. Здесь выделяются как сезонные, так и постоянные поселения, орудия земледелия единичны. Другой климат с небольшими урожаями и недолгим вегетационным периодом препятствовал развитию земледелия, и основой хозяйства являлись собирательство и рыбная ловля, в зимне-весенний сезон явный упор делался на охоту.

К культуре Сяонаньшань Саньцзянской равнины относится всего одно поселение. Памятник не датирован, к среднему неолиту его относят, исходя из аналогий с вещевым комплексом сопредельных территорий. Земледельческие орудия найдены не были, нет их на данной территории и в бронзовом веке. Очевидно, что климатические условия и сильные перепады температур не благоприятствовали развитию земледелия, и основу составляли охота и рыболовство.

Таким образом, мы видим, что при движении с юга на север, от равнины Ляохэ к равнине Саньцзян, наблюдается уменьшение уровня оседлости и овладения земледельческими технологиями, превалируют охота и рыболовство. Именно близость климатических условий среднего Хуанхэ и южной Маньчжурией обусловили интенсивное развитие земледелия в этом регионе. На равнине Ляохэ все поселения носят стационарный характер, земледелие играет большую роль, но важное положение занимают и охота с рыболовством. На равнине Сунэнь наблюдается переходная стадия от кочевого к оседлому образу жизни, под влиянием южных территорий развивается земледелие. На самом севере, на равнине Саньцзян, нет следов земледелия, экономика полностью построена на охоте и рыболовстве. Полученные данные нашли свое отражение в таблице.

В среднем неолите наблюдаются масштабные миграции населения со среднего Хуанхэ на север, что приводит к изменению демографии региона. Последующее похолодание и уменьшение среднегодового количества осадков вынудили земледельцев идти в поисках лучших мест далее, на северо-восток, что привело к формированию в Приморье зайсановской археологической культуры [Сергушева, 2007, с. 117].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Пэн Бо. Дунбэй дицюй синьшици шидай чжунци дэ фанчжи цзегоу юй нунъе чжуаньбо (Планировка жилищ среднего неолита северо-востока Китая и распространение земледелия) // Хэйлунцзян кэсюэ. – 2015. – Т. 6. – № 2. – С. 71–73, 65 (на кит. яз.).

Сергушева Е.А. Раннее земледелие в Приморье // Вестн. ДВО РАН. – 2007. – № 3. – С. 116–120.

Сюй Юйлинь, Цзунь Жэньи, Ван Чуаньпу. Ляонин Дунгоусянь Хоува ичжи фацзюэ гайяо (Общие сведения о раскопках памятника Хоува в узде Дунгоу провинции Ляонин) // Вэньу. – 1989. – № 12. – С. 1–22 (на кит. яз.).

Gideon Shelach (Цзи Ди), Юй Цзин. Чжунго бэйфан бяньцзян дицюй дэ шицянь шэхуэй (Доисторическое общество на северных границах Китая). – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2012. – 220 с. (на кит. яз.).

References

Gideon Shelach (Ji Di), Yu Jing. Zhongguo beifang bianjiang diqu de shiqian shehui (Prehistoric Society on the northern borders of China). Beijing: Zhongguo Shehui Kexue Chubanshe, 2012, 220 p. (in Chin.).

Peng Bo. Dongbei diqu xinshiqi shidai zhongqi de fangzhi jiegou yu nongye zhuanbo (Housing construction and agriculture spread in North-West in mid-Neolithic). *Heilongjiang kexue*, 2015, vol. 6, No. 2, pp. 71–73, 65 (in Chin.).

Sergusheva Ye.A. Rannyeye zemledeliye v Primor'ye. *Vestnik DVO RAS*, 2007, No. 3, pp. 116–120 (in Russ.).

Xu Yulin, Zun Renyi, Wang Chuanpu. Liaoning Donggouxian Houwa yizhi fajue gaiyao (General information about the excavations of the Houwa archaeological site in Donggou County, Liaoning province). *Wenwu*, 1989, No. 12, pp. 1–22 (in Chin.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.060-063
УДК 903.02

Е.А. Гирченко, С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Технико-типологический анализ керамики неолитической культуры Анъанси Северного Китая

В рамках реализации проекта по изучению истоков формирования урильской культуры Приамурья авторами в сентябре 2018 г. были проведены исследования керамики неолитической культуры Анъанси северо-востока Китая, имеющие своей целью анализ технико-типологических характеристик материала по методике изучения гончарных технологий, разработанной А.А. Бобринским. Данный историко-культурный подход впервые используется для данной территории. Выявлены два типа керамического материала – ранний и поздний (соответствующий среднему–позднему этапу культуры). На обоих этапах использовались местные глины и илы, в тесто добавлялись песок и фрагменты раковин. Выявлена типология сосудов, орнаментация, способы формования начина и пологого тела, технология обжига, характерные для каждого из этапов. На среднем–позднем этапе появляется налепная зооморфная скульптура.

Ключевые слова: *неолит, Северный Китай, гончарное производство, обжиг, технико-типологический анализ.*

E.A. Girchenko, S.P. Nesterov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Technical and Typological Analysis of Ang'angxi Neolithic Pottery in Northern China

As a part of the project of studying the origins of Uril culture in the Amur region, in September 2018, the authors carried out investigations of the technical and typological characteristics of the Ang'angxi Neolithic pottery in northeastern China by methodology of studying pottery technologies proposed by A.A. Bobrinsky. This historical and cultural approach is used for the first time for this region. The early and late types of ceramics corresponding to the middle-late stages of the culture have been identified. At both stages, local clays and silts were used; sand and shell fragments were used as additives. The article describes the vessel typology, ornamentation and methods of firing typical for every stage. At the middle-late stage, a molded zoomorphic sculpture appeared.

Keywords: *Neolithic, Northern China, pottery production, firing, technical and typological analysis.*

В конце XIX в. в связи со строительством северной ветви железной дороги на восточном берегу р. Нэньцзян (Нонни) был основан новый транспортный узел – деревня Анъанси на несколько десятков дворов. Первые раскопки были проведены в 1930 г., когда эпонимный памятник был открыт археологом Лян Сыюном, предположившим, что обнаруженные в могильнике микролиты, изготовленные методом мелкоотжимной ретуши, относятся к неолитической эпохе [Лян Сыюн, 2013]. К исследованию материалов Анъанси привлекались и русские специалисты [Лукашкин, 1934]. Раскопки вокруг Анъанси проводились в 1960-е и 1970-е гг. Антропологом Цзя Ланьпо были открыты крупнейшие опорные памятники культуры – Уфу А-Е, Могучи, Эласу, Хунциин, Наньган, Синьхэ и др. Все указанные объекты расположены на холмах высотой 3–6 м, расстояние между ними составляет 1–2 км. Общая исследованная площадь ареала культуры Анъанси составляет 623 км^2 и захватывает уезды Нэньцзян, Нэхэ, Фуюй и городской округ Цицикар провинции Хэйлунцзян КНР. Нами установлено, что 7 500 л.н. русло р. Нэньцзян пролегало примерно в 2–3 км от стоянок Тэнцзяган,

Синьхэ, Лотошань, Наньшань и др. Об этом свидетельствует современная болотистая местность и мелководье. В 1980-е гг. наиболее крупным открытием региона стал могильник Тэнцзяган с 30 захоронениями и 3 жилищами. Неолитический культурный горизонт открывался на глубине 1,7 м от современной поверхности [Синь Цзянь, 2002, с. 3–5].

На данный момент культура разделяется на ранний, средний и поздний периоды. В основе деления на периоды лежит каменный инвентарь. Керамика достаточно единообразна, выделяются ранний и поздний типы (соответствующие среднему–позднему периоду культуры). Наиболее ранние ^{14}C даты (по углю) нижнего слоя памятника Тэнцзяган – 7 570 ± 85, среднего – 6 800 ± 85, наиболее поздние – 4 800 ± 85 л.н. [Чжао Биньфу, 2013, с. 20–21], что позволяет датировать культуру серединой VII – второй половиной IV тыс. до н. э. (калиброванные значения, ±2σ).

Типичные жилища представляют собой полуземлянки, реже встречаются наземные строения. Полуземлянки в плане имеют форму квадрата или прямоугольника со скругленными углами. Вход представляет собой коридор длиной 3–5 м, которая зависела от размеров жилища. Большинство построек имело размеры 4 × 4 м, глубина котлована составляла 1 м. В середине жилища друг напротив друга на расстоянии 1,5 м, как правило, располагались два столба диаметром около 20 см. Между ними находился очаг, вокруг которого найдены фрагменты керамики, каменные и костяные орудия, а также кости животных, рыб и раковины моллюсков.

Предметы из камня – халцедона, нефрита, агата – представлены микролитами, наконечниками стрел, скребками, проколками, теслами, остроконечниками, изготовленными методом отжимной ретуши, оббивки и шлифовки. Костяные изделия – гарпуны, шилья, наконечники стрел и копий. На поселениях найдены кости собак и свиней. Специальных исследований, посвященных технико-технологическим характеристикам гончарства культуры, крайне мало. Поселенческая керамика редко представлена целыми образцами, в основном это находки отдельных фрагментов, часто подъемный материал. Ранняя лепная керамика довольно массивная и грубая, часто плохо обожженна, в сравнении с материалами синхронных культур Южной и Западной Маньчжурии. Её стенки имеют различную толщину и украшены простым орнаментом [Синь Цзянь, 2002, с. 45–46].

В сентябре 2018 г. в рамках работы по изучению истоков формирования урильской культуры Приамурья авторами была предпринята работа по реконструкции доступных для анализа ступеней керамического производства культуры Анъанси на основе методики изучения гончарных технологий, разработанной А.А. Бобринским [Бобринский, 1978]. Данный историко-культурный подход предполагает применение бинокулярной микроскопии, физического моделирования [Цетлин, 2012]. Для данной территории использован впервые. Нами были реконструированы следующие стадии гончарного производства: отбор исходного сырья, обработка исходного сырья, составление формовочной массы, конструирование начина и полого тела сосуда, придание сосуду формы, механическая обработка поверхностей.

На *раннем этапе* культуры Анъанси керамики достаточно мало, все находки фрагментарны. Использовались местные речные и озерные илы, глина не отмучивалась, добавлялся песок в качестве наполнителя, иногда встречаются фрагменты раковины и зерна кварца. Форма простая и единообразная, поэтому типология сосудов достаточно условна – горшки, миски, блюда. Горшки имеют баночную форму с широким круглым туловом и плоским дном, слабо профилированы. Венчик слегка отогнут, часто оформлен зубчиками.

Выделены четыре категории материала: серо-бурая керамика без очевидных искусственных примесей, желтовато-коричневая керамика без примесей, серая керамика с добавлением раковины, серая без примесей. Серо-бурая керамика, в основном, неорнаментированная, редкая орнаментация представлена вдавлениями ногтя, отступающей палочкой, рядами налепов. Желтовато-коричневая характеризуется невысоким обжигом, середина слома черепка серая. Кроме известных для предыдущей группы орнаментов, характеризуется также выпуклым тонким налепным валиком, струнным орнаментом. Серая керамика без примесей характеризуется налепными элементами и рядами вытянутых вдавлений. У серой керамики с примесью раковины встречается орнаментация струнным орнаментом, рядами ногтевых вдавлений, налепными элементами различных конфигураций. Температура обжига невысокая, что подтверждается разным цветом поверхности и середины черепка. Технико-типологический анализ показывает, что формование сосуда производилось методами емкостного или емкостно-донного начина, изготовленного либо спиральным налепом из жгутов на основу в виде круглой лепешки, либо посредством жгутов, образующих как стенки, так и днище, последовательными налепами по спирали. Поверхность выбивалась плоской лопаткой. Керамика лепная с невыверенными стенками, с отпечатками пальцев и следами заглаживания плоским предметом. Цвет неоднородный, структура черепка рыхлая, что свидетельствует

Рис. 1. Фрагменты керамики Анъанси из сборов с поверхности памятников. Средний–поздний период (по: [Лукашкин, 2013, с. 145]).

о неравномерном низкотемпературном обжиге в костре. Следы копоти присутствуют на днище сосуда и отсутствуют у венчика.

На *среднем и позднем этапах* культуры Анъанси усовершенствовалась не только технологии обработки камня, но и гончарство, что в первую очередь отражено в значительном увеличении количества производимой продукции. Керамика становится более вариативной (рис. 1). Совершается переход от низкотемпературного обжига в открытом огне к появлению гончарных печей. Наиболее знаменитой находкой является фрагмент венчика и стенки сосуда с налепной фигурой хищной птицы, изображенной с распростертыми в полете крыльями (рис. 2). Голова у фигурки отсутствует, птица полностью покрыта орнаментом, имитирующим перья. Эта находка была обнаружена в 1988 г. на памятнике Тэнцзяганцзы. Фигурка сделана также из местных глин, при ее изготовлении добавлялись частицы раковины. Китайские археологи соотносят ее с чайкой, часто встречающейся на реках северо-востока Китая [Синь Цзянь, 2002, с. 49]. Это не единственная находка, представляющая собой зооморфную скульптуру. Глиняная лягушка была найдена в 1995 г. в районе г. Цицикар на памятнике Тумукэ. Она изготовлена из желтовато-бурой местной глины, изображена сидящей с высоко поднятой головой. У фигурки широкое и устойчивое основание, на спинке – едва заметный орнамент.

Керамика стала изготавливаться из хорошо отмученного теста. При петрографическом анализе установлены примеси мелкозернистого песка, фрагментов раковин, золы, пустоты, характерных для органических добавок, слюда.

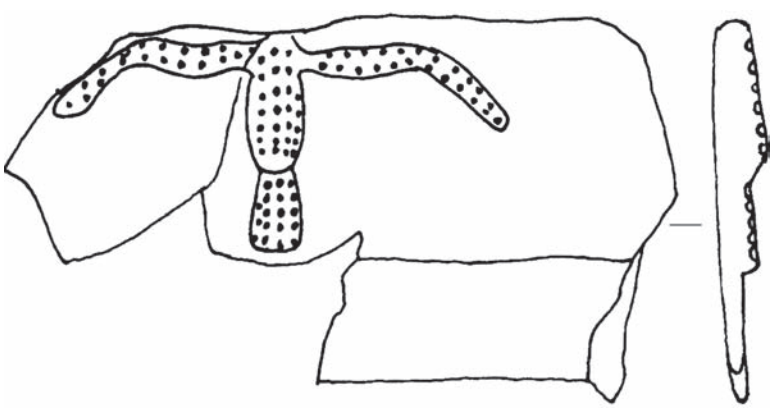


Рис. 2. Скульптура птицы на фрагменте керамического сосуда. Средний–поздний период культуры Анъанси (по: [Синь Цзянь, 2002, с. 49]).

Посуда серо-бурая, желтовато-коричневого цвета. В тесто добавлялись измельченные раковины, мелко- и крупнозернистый песок. Выделяются горшки, миски, блюда, чаши, кувшины, бокалы, сосуды на поддоне, на ножке и пряслица. Большие сосуды известны из могильников. Это горшки с широким устьем и отогнутым венчиком, диаметром дна от 72 до 98 см. На позднем этапе к вышеперечисленным формам добавились триподы и подставки под остродонные сосуды.

Формовка емкостей также производилось жгутовым или иногда ленточным способом, большие сосуды создавались по частям. Поверхность шлифовалась, что позволило получить довольно тонкие стенки. Для позднего периода характерна орнаментация рядами ногтевых вдавлений, несколькими рядами выпуклых линий, налепными элементами, отступающей палочкой, зооморфным изображением. Появляется красный ангоб. Температура обжига могла доходить до 800–900 ºС. Поскольку в печах температуры сохранялись достаточно стабильными, стенки сосуда пропекались полностью, и налепные элементы хорошо прикреплялись.

Культура Анъанси достаточно протяженная по времени и по территории. Она завершает эпоху камня на северо-востоке Китая. Во многих памятниках эпохи бронзы, таких как Байцзиньбао, Эркэцян, Халахай, присутствуют элементы культуры Анъанси, которые после переселения, например, части населения культуры Байцзиньбао в составе протоурильского этнокультурного конгломерата в Приамурье нашли отражение при формировании урильской культуры раннего железного века [Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 92].

Благодарности

Работа выполнена в рамках РФФИ (проект № 16-01-00203-ОГН).

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 275 с.

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Лукашкин С.А. Бэймань синьшици шидай вэньхуа чжи синь цайляо (Новые материалы неолитических культур северной Маньчжурии) // Чжунго дичжи сюэхуэй чжи (Записки географического общества Китая). – 1931. – Вып. 11, № 2. – С. 171–181 (на кит. яз.).

Лукашкин С.А. Цицихаэр чэчжань фуцзинь синьшици шидай ичжи яньцзю (Исследования неолитических стоянок близ станции Цицикар) // Анъанси каогу вэньцзи (Сборник статей по археологии Анъанси). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2013. – С. 123–148 (на кит. яз.).

Лян Сыюн. Анъанси шицянь ичжи (Доисторические памятники Анъанси) // Анъанси каогу вэньцзи (Сборник статей по археологии Анъанси). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2013. – С. 83–122 (на кит. языке).

Синь Цзянь. Анъанси юаньши вэньхуа (Древняя культура Анъанси). – Харбин: Изд-во Хэйлунцзян жэньминь, 2002. – 128 с. (на кит. яз.).

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Чжао Биньфу. Лян Сыюн – Анъанси вэньхуа – Цицихаэр (Лян Сыюн – Культура Анъанси – Цицикар) // Анъанси каогу вэньцзи (Сборник статей по археологии Анъанси). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2013. – С. 16–22 (на кит. яз.).

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Grebenshchikov A.V., Derevianko E.I. Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya (nachalo epokhi rannego zheleza). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 120 p. (in Russ.).

Liang Siyong. Ang'angxi shiqian yizhi (Prehistory archaeological sites of Ang'angxi). In *Ang'angxi kaogy wenji (Collection of articles of Ang'angxi archaeology)*. Beijing: Kexue chubanshe, 2013, pp. 83–122 (in Chin.).

Lukashkin S.A. Beiman xinshiqi shidai wenhua zhi xin cailiao (New materials of Neolithic cultures of Northern Manchuria). *Zhongguo dizhi xuehui zhi (Works of Geographic society of China)*, 1931, vol. 11, No. 2, pp. 171–181 (in Chin.).

Lukashkin S.A. Qiqihaer chezhan fujin xinshiqi shidai yizhi yanjiu [The investigations of Neolithic sites near Qiqihar station]. In *Ang'angxi kaogy wenji (Collection of articles of Ang'angxi archaeology)*. Beijing: Kexue chubanshe, 2013, pp. 123–148 (in Chin.).

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podhoda. Moscow: IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.).

Xin Jian. Ang'angxi yuanshi wenhua (Ang'angxi ancient culture). Harbin: Heilongjiang renmin Publ., 2002, 128 p. (in Chin.).

Zhao Binfu. Liang Siyong – Ang'angxi wenhua – Qiqihaer (Liang Siyong – Ang'angxi culture – Qiqihaer). In *Ang'angxi kaogy wenji (Collection of articles of Ang'angxi archaeology)*. Beijing: Kexue chubanshe, 2013, pp. 16–22 (in Chin.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.064-067
УДК 903.5(571.53) «634»

О.И. Горюнова[1, 2], А.Г. Новиков[1, 2], А.В. Вебер[1, 3], Х.Г. МакКензи[4]

[1]Иркутский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Университет Альберты, Канада
[4]Университет Грант МакЭван, Канада
E-mail: as122@yandex.ru

Новый взгляд на неолитические комплексы погребений могильника Сарминский Мыс (Малое море озера Байкал)

Могильник Сарминский Мыс является одним из крупных поздненеолитических некрополей, исследованных в Прибайкалье (район Малого моря озера Байкал). По особенностям погребального обряда он был отнесен к серовской культурно-хронологической группе и датирован интервалом 4,6–4,3 тыс. л.н. Массовое AMS-датирование комплексов погребений, выполненное в последние десятилетия, и новые подходы к их интерпретации (с учетом эффекта водного резервуара) позволили выявить в группе серовских погребений этого могильника три ранненеолитических захоронения (курминская погребальная практика). По итогам исследований на могильнике Сарминский Мыс выделены два хронологических диапазона его использования в неолите: в позднем неолите (группа серовских погребений) в пределах 5298/5447–4830/4569 кал. л.н. и в раннем неолите (курминская группа) – 7931–7439 кал. л.н.

Ключевые слова: *Прибайкалье, озеро Байкал, могильник, ранний неолит, поздний неолит, AMS-датирование, радиоуглеродные даты.*

O.I. Goriunova[1, 2], A.G. Novikov[1, 2], A.W. Weber[1, 3], H.G. McKenzie[4]

[1]Irkutsk State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]University of Alberta, Canada
[4]Grant MacEwan University, Canada
E-mail: as122@yandex.ru

New Look on Neolithic Burial Complexes of Sarminskii Mys (Maloe More of Lake Baikal)

The Sarminskii Mys burial ground is one of the main Late Neolithic necropolises, investigated in the Baikal region (Maloe More region of Lake Baikal). According to the peculiarities of the funeral rite, the necropolis was attributed to the Serovo cultural-chronological group and is dated to the range of 4.6–4.3 thousand years BP. Massive AMS-dating of burial complexes and new approaches to their interpretation (considering the water reservoir effect) made it possible to identify 3 Early Neolithic burial sites (Kurma funeral practice) in the group of Serovo burials. The conducted investigations made it possible to identify two chronological ranges of the Sarminskii Mys usage as the burial ground during the Neolithic: in the Late Neolithic (group of Serovo burials) – within 5298/5447–4830/4569 cal. BP and in the Early Neolithic (the Kurma group) – 7931–7439 cal. BP.

Keywords: *Cis-Baikal, Lake Baikal, burials, Early Neolithic, Late Neolithic, AMS-dating, radiocarbon dating.*

Могильник Сарминский Мыс расположен в 190 км к СВ от г. Иркутска и в 0,8 км к ЮЗ от п. Сарма на одноименном мысе северо-западного побережья Малого моря оз. Байкал. В административном отношении – Ольхонский р-н Иркутской обл.

Объект обнаружен в 1985 г. Маломорским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова). Исследован тем же отрядом в 1986–1987 гг. Могильник хронологически раз-

новременный (поздний неолит – ранний бронзовый век). За все годы работ вскрыто 27 погребений, в числе которых было выделено 13 неолитических захоронений, отнесенных к серовской культуре [Горюнова, 1997, с. 5–53]. В настоящее время это один из крупных поздненеолитических могильников, исследованных в Прибайкалье.

Практически все неолитические погребения локализовались в юго-восточной части могильного поля. Большинство из них располагалось «цепочкой» в один ряд, по линии ЮЗ – СВ. Все погребения находились под каменными надмогильными сооружениями овальной формы размером 2,1–3,7 × 3,5–5,0 м. Отмечены внутримогильные перекрытия из камней. Трупоположение погребенных – вытянутое на спине, головой на С – СЗ. Для погребальной практики большинства захоронений (10 могил) характерно использование берестяного покрытия покойных и «очистительного» огня, разводимого непосредственно в могильной яме. Исключение составляют 4 погребения (№ 20, 22, 24 и 34), образующие отдельную линию. Захоронения индивидуальные и коллективные с ярусным размещением покойных (в 2–3 яруса). Отмечены некоторые закономерности в размещении покойных: расположение взрослых индивидуумов внизу, детских – сверху; наличие берестяного покрытия и остатков кострищ в верхнем ярусе.

Практически во всех погребениях зафиксирован сопроводительный инвентарь (исключение составляли погребения № 20, 22 и 34). Он располагался в районе головы, возле рук, в области пояса и в ногах покойного. Часто в набор инвентаря входили керамические сосуды, украшенные различными штамповыми вдавлениями. Орнамент размещался в верхней части сосуда. Набор и типология каменных и костяных изделий является характерным для серовских погребений Прибайкалья в целом: наконечники стрел (в том числе с черешком), скребки, шлифованные топоры, тесла и ножи из сланца и зеленого нефрита, костяные обкладки лука, иглы, игольники, острия [Окладников, 1950, с. 191–214]. Уникальной для серовских комплексов является находка зооморфной скульптуры-личины в виде растянутой шкуры медведя, обнаруженной в погребении № 11 В [Горюнова, 1997, рис. 18, *1*]. Изделие украшено по краям насечками, а на его поверхности отмечены 4 отверстия, изображающие личину. Все неолитические погребения могильника Сарминский Мыс рассматривались единым комплексом. Полученные радиоуглеродные даты и аналогии с комплексами стратифицированных поселений позднего неолита Приольхонья позволили отнести эти погребения к интервалу 4,6–4,3 тыс. л.н. [Горюнова, 1997, с. 99; Новиков, Горюнова, 2012].

В конце прошлого – начале нынешнего веков в рамках Российско-Канадского Байкальского археологического проекта проведено массовое AMS-датирование комплексов погребений неолита и раннего бронзового века Прибайкалья (включая и территорию Приольхонья) [Weber et al., 2016]. В результате в группе серовских погребений могильника Сарминский Мыс выделено радиоуглеродным методом 3 захоронения (№ 22, 24, 34), датируемые ранним неолитом (см. табл.). Эти погребения находились на могильном поле несколько обособленно, составляя отдельную группу – цепочку. В одну линию с ними расположено и погребение № 20. Расстояние между крайними погребениями этой линии – 27 м. Захоронения имели каменные кладки, выложенные в несколько слоев. У погребения № 22 она округлая, размерами 2,8 × 3,0 м. Захоронения № 20, 24 и 34 нарушены в древности, поэтому судить о форме их надмогильных сооружений затруднительно. Разброс плит в пределах 3–4 м. Могильные ямы овальные, ориентированные по линии СЗ – ЮВ. Глубина могил 0,24–0,10 м от современной поверхности. Захоронения индивидуальные. Помещение покойного в погребении № 22 – вытянутое, на спине, головой на СЗ. Вероятно, аналогичное трупоположение было и в погребении № 24 (судя по расположению ряда костей, сохранивших анатомический порядок). Могилы № 20 и 34 полностью разрушены, сохранилось только несколько костей. Все эти погребения объединяются и отсутствием в обряде берестяного покрытия, а также «очистительного» костра (характерных признаков для серовских погребений позднего неолита Приольхонья).

Сопроводительный инвентарь зафиксирован только в погребении № 24. В его составе 5 призматических пластин (часть из них с краевой локальной ретушью), пластинчатый скол, угловой резец на призматической пластине, концевой скребок на пластинчатом сколе и отщеп.

В настоящее время по неолитическим погребениям могильника Сарминский Мыс получено 34 радиоуглеродных определений (см. табл.). Даты выполнены в разных лабораториях, разными методами и по разному сырью. Наибольшее количество определений (22 даты) выполнено в радиоуглеродной лаборатории Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (Великобритания, лаб. индекс OxA) по костным останкам человека. Часть определений (12 дат) получены в лаборатории Института геологии РАН (г. Москва, лаб. индекс GIN): по человеческим костям (5 дат), по жженной кости (1 дата), по древесному углю и бересте из погребений (по 3 даты). В российских лабораториях датирование проводилось на двухканальной установке по бензольно-

Радиоуглеродные даты неолитических погребений могильника Сарминский Мыс

№ погребения, № костяка	Образец	Лабораторный номер	Дата ^{14}C	Корректированная дата ^{14}C	Калиброванный возраст, л.н. (95 % вероятности)
1	Уголь	ГИН-5837	4330±40	Не требуется	5030–4840
8	Жженая кость	ГИН-5839	3370±80	–	–
11 А	Кость	ГИН-6842	3300±150	–	–
Кост. 1	Кость	OxA-35064	4665±28	4220±59	4872–4569
Кост. 2	Кость	OxA-25487	4712±28	–	–
Кост. 3	Кость	OxA-34515	4652±36	–	–
Кост. 4	Кость	OxA-25563	4736±33	4363±61	5275–4833
Кост. 5	Кость	OxA-25488	4747±29	4359±59	5271–4832
11 В	Кость	ГИН-5599	5500±400	–	–
	Береста	ГИН-5598	4430±40	Не требуется	5280–4870
	Кость	OxA-34516	4785±34	–	–
	Кость	OxA-35062	4820±29	4353±56*	5262-4830
	Кость	OxA-35063	4812±29		
17	Кость	OxA-25566	4680±32	4412±61	5284–4856
19	Кость	ГИН-5600	4410±100	–	–
	Береста	ГИН-5601	5070±130	Не требуется	6180–5590
	Уголь	ГИН-5838	4440±50	Не требуется	5290–4870
Кост. 1	Кость	OxA-25567	4846±33	4507±61	5435–4961
Кост. 2	Кость	OxA-25568	4751±32	4283±61	5039–4627
Кост. 3	Кость	OxA-34507	4877±36	4508±63	5436–4894
Кост. 5	Кость	OxA-25569	4781±33	4546±61	5447–4977
22	Кость	OxA-25570	7078±38	6942±64	7931–7667
24	Кость	OxA-34509 OxA-35007	7025±45 6974±37	6641±47*	7584–7439
29	Кость	ГИН-6843	5220±140	–	–
	Кость	ГИН-5602	3840±290	–	–
Кост. 1	Кость	OxA-34510	4793±39	4326±65	5271–4657
Кост. 2	Кость	OxA-25571	4871±31	4534±60	5444–4974
30	Береста	ГИН-5604	4400±40	Не требуется	5270–4860
	Уголь	ГИН-5603	4420±40	Не требуется	5280–4870
31 Кост. 1	Кость Кость	OxA-35065 OxA-34511	4878±30 4834±40	4449±45*	5288–4880
Кост. 3	Кость	OxA-34512	4892±35	4458±63	5298–4879
34	Кость	OxA-34508	7415±45	–	–

*Корректированные даты, выполненные по усредненным показателям.
Серым цветом выделены погребения и даты раннего неолита.

сцинтилляционному варианту. Для расчета возраста использован период полураспада ^{14}C, равный 5570 лет. Возраст рассчитан от 1950 г. В лаборатории Оксфорда определения возраста выполнялись методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS), для которого требуется небольшое количество образца.

К сожалению, не все полученные даты возможно использовать при сравнительном анализе. В последние десятилетия принципиально изменился уровень интерпретации полученных данных. Выявлена зависимость результатов датирования не только от количества сохранившегося в кости коллагена, но и от прижизненного рациона питания каждого индивида в отдельности [Weber et al., 2016]. Определилась проблема резервуарного эффекта, существенно влияющая на датирование. В связи с этим необходимо параллельно с радиоуглеродным определением проводить анализ стабильных изотопов углерода и азота в костях погребенных. Без учета этих данных полученные результаты являются недостоверными, и все они требуют дополнительной коррекции.

В таблице радиоуглеродных дат неолитических погребений могильника Сарминский Мыс в отдельных графах указано сырье образца, высчитанное корректированное значение радиоуглеродных дат (где это было возможно) и их калиброванные зна-

чения. Калибровка дат проведена с использованием калибровочной программы Calib 7.0.2 IntCal 13 [Reimer et al., 2009]. Возрастные диапазоны даны с двумя сигмами в кал. л.н.

Анализ корректированных (с учетом эффекта водного резервуара) и калиброванных радиоуглеродных AMS-дат (mean HPD cal. BP) показал два хронологических диапазона использования могильника: 1) в позднем неолите, которому относится группа серовских погребений, – в пределах 5298/5447–4830/4569 кал. л.н.; 2) группа погребений раннего неолита – 7931–7439 кал. л.н.

В настоящее время в раннем неолите Приольхонья выделены две основные группы захоронений, объединенные стабильным набором характерных признаков: хоторукская (приольхонский вариант китойской погребальной практики) и курминская [Горюнова и др., 2012; Новиков, Горюнова, 2012; Горюнова и др., 2018]. Эти традиции различаются между собой прежде всего трупопомещением покойного в могиле; наличием или отсутствием засыпки погребенного охрой; набором и типологией сопроводительного инвентаря. Выявлено, что для первой из них характерно помещение покойных на спине с согнутыми ногами, на правом боку с подогнутыми ногами и в скорченном виде, а для курминской группы – вытянутое, на спине. Выделенные погребения раннего неолита на могильнике Сарминский Мыс по основным признакам относятся к курминской погребальной практике.

Таким образом, на могильнике Сарминский Мыс в настоящее время представлены неолитические погребения разных культурно-хронологических групп: серовские (5298/5447–4830/4569 кал. л.н.) и курминские (7931–7439 кал. л.н.).

Список литературы

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2012. – 271 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Туркин Г.В., Вебер А.В. Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 23. – С. 44–70.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Неолитические погребения Приольхонья (оз. Байкал): периодизация и хронология // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 80–89.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1-2: Ист.-археол. исследования. – 412 с. – (МИА; № 18).

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., BronkRamsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP // Radiocarbon. – 2009. – N 51 (4). – P. 1111–1150.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 419. – P. 74–98.

References

Goriunova O.I. Serovskie pogrebeniya Priolkhoniya (ozero Baikal). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 112 p. (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G., Turkin G.V., Weber A.W. Rezul'taty izucheniya i datirovaniya pogrebal'nykh kompleksov rannego neolita Priol'khon'ya. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2018, vol. 23, pp. 44–70 (in Russ.).

Goriunova O.I, Weber A.W., Novikov A.G. Pogrebalnye kompleksy neolita i bronzovogo veka Priolkhoniya: mogilnik Kurma XI. Irkutsk: State Univ. Press, 2012, 271 p. (in Russ.).

Novikov A.G., Goriunova O.I. Neoliticheskie pogrebeniya Priolkhoniya (ozero Baikal): periodizatsiya i khronologiya. In *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri*. Ulaan-Baatar, 2012, vol. 3, pt. 1, pp. 80–89 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, No. 18, pt. 1-2, 412 p. (in Russ.).

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., BronkRamsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP. *Radiocarbon*, 2009, No. 51 (4), pp. 1111–1150.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*, 2016, vol. 419, pp. 74–98.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.068-072
УДК 902

А.П. Деревянко[1], С.А. Гладышев[1], А.В. Кандыба[1], Нгуен За Дой[2], Нгуен Кхак Шу[2], В.М. Харевич[1], А.Г. Рыбалко[1], А.М. Чеха[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт археологии ВАОН
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Новые данные в изучении стратифицированных стоянок раннего палеолита во Вьетнаме

В статье анализируются материалы, полученные из раскопов на стоянках Роктынг-4 и Роктынг-7. Первичное расщепление представлено радиальными ядрищами, одноплощадочными одно- и двуфрональными нуклеусами с естественной ударной площадкой и нуклеусами с подготовленной ударной площадкой. Орудия включают в себя чопперовидные (рубящие) изделия, скребла различной модификации, пики, орудия с «носиком» и бифас. Материалы раскопа № 4 на стоянке Роктынг-4 демонстрируют интенсивное использование каменного сырья. Фиксируется значительная доля средних и мелких отщепов. Это свидетельствует о том, что здесь шло более активное преобразование заготовок в орудия. Раскоп № 2 на стоянке Роктынг-7 является мастерской с экстенсивным раскалыванием сырья, отсутствуют следы интенсивного преобразования заготовок в орудия (отсутствие мелких отщепов и низкая доля отщепов средних размеров).

Ключевые слова: *Вьетнам, Роктынг-4, Роктынг-7, ранний палеолит, стоянки-мастерские.*

A.P. Derevianko[1], S.A. Gladyshev[1], A.V. Kandyba[1], Nguyen Gia Doi[2], Nguyen Khac Su[2], V.M. Kharevich[1], A.G. Rybalko[1], A.M. Chekha[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Archaeology VASS
E-mail: glagyshev57@gmail.com

New Data from the Studies of the Early Paleolithic Stratified Sites in Vietnam

Archaeological materials from the sites of Rocktyng 4 and Rocktyng 7 are analyzed in the article. The primary reduction strategy is illustrated by radial cores, single-platform cores with one and two flaking surfaces and unprepared (cortex) platforms, and cores with prepared platforms. The tool kit includes chopper-like artifacts, various side-scrapers, picks, tools with the nose-like protrusions, and one biface. Materials from Rocktyng 4 demonstrate extensive raw material utilization; the proportion of medium and small size flakes is considerable. It attests to extensive modifying of blanks into tools at Rocktyng 4. Trench 2 at Rocktyng 7 represents a workshop with the abundant rough products of stone reduction, while small fakes are practically absent and the proportion medium-size flakes is low, which features suggest that tool were not manufactured at the site.

Keywords: *Vietnam, Rocktyng 4, Rocktyng 7, the Early Paleolithic, workshop sites.*

В 2018 г. сотрудники совместной Российско-вьетнамской археологической экспедиции продолжили изучение местонахождений раннего палеолита культуры анкхе во Вьетнаме. Основной упор в этом году был сделан на раскопки стоянок Роктынг-4 и Роктынг-7.

На стоянке Роктынг-4 был заложен раскоп № 4 площадью 100 м^2. После вскрытия всей площади

до культурного слоя, половина раскопа была зачищена и оставлена в качестве экспозиции будущего музея под открытым небом. Вторая половина раскопа выбиралась полностью, до латеритовых красноцветных отложений. Из раскопа была получена коллекция каменных артефактов, насчитывающая 1 848 предметов.

Первичное расщепление представлено теми же группами и типами нуклеусов, которые были обнаружены в раскопах № 1–3 на этом местонахождении в предыдущие годы [Деревянко и др., 2016, 2017а, б]. Всего в раскопе № 4 найдено 50 нуклеусов. Они делятся на радиальные ядрища, одноплощадочные однофрональные нуклеусы с есте-

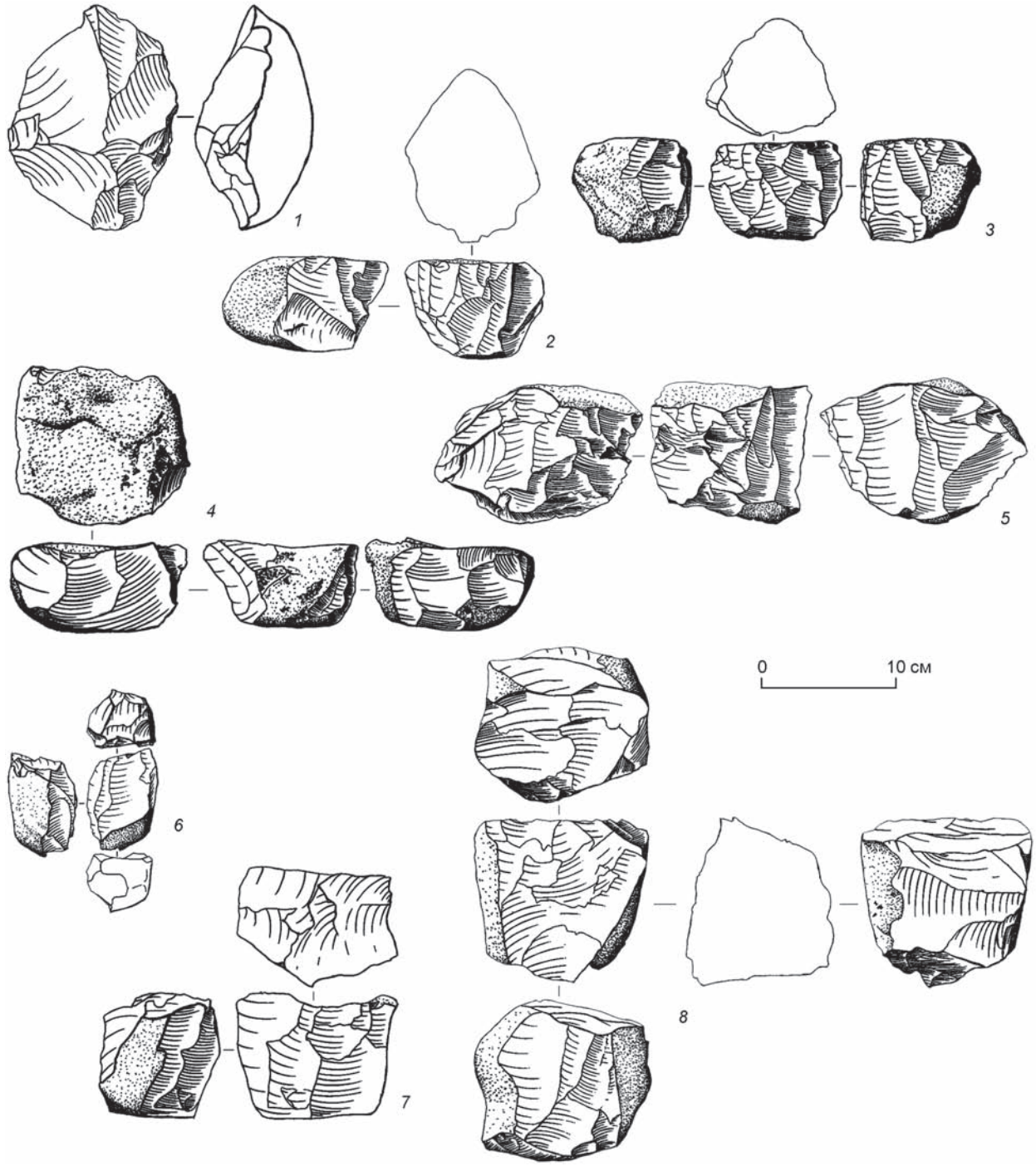


Рис. 1. Нуклеусы из раскопа № 4 на стоянке Роктынг-4.

1 – радиальный нуклеус; *2* – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой; *3, 4* – одноплощадочные двуфронтальные нуклеусы с естественной ударной площадкой; *5* – одноплощадочный многофронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой; *6* – двуплощадочный двуфронтальный нуклеус с подготовленной и галечной ударными площадками; *7* – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой; *8* – ортогональный нуклеус.

ственной ударной площадкой, одноплощадочные двуфрональные нуклеусы с галечной ударной площадкой и одноплощадочные однофронтальные нуклеусы с подготовленной ударной площадкой.

Радиальный нуклеус сделан из крупной гальки угловатой овальной формы (рис. 1, *1*). Группа нуклеусов с естественной (галечной) ударной площадкой насчитывает 41 экз. Два нуклеуса сделаны из крупных валунов, остальные из галек крупных и средних размеров. Все предметы этой группы относятся к нуклеусам с поперечной ориентацией расщепления. Большинство из них (29 экз.) принадлежит к типу одноплощадочных однофронтальных нуклеусов с естественной ударной площадкой (рис. 1, *2*).

Следующий тип представлен одноплощадочными двуфронтальными нуклеусами с галечной ударной площадкой и состоит из семи изделий. Первый подтип иллюстрирует одноплощадочный двуфронтальный нуклеус со смежными плоскостями снятия и естественной ударной площадкой (рис. 1, *3*). Следующий подтип представлен нуклеусами с одной неподготовленной ударной площадкой и двумя противолежащими фронтами скалывания (рис. 1, *4*). Еще у одного нуклеуса с естественной ударной площадкой фронты скалывания занимают три смежных грани боковой поверхности (рис. 1, *5*).

Еще один тип нуклеусов с естественной ударной площадкой представлен двуплощадочными двуфронтальными ядрищами (5 экз.). Среди них интересен нуклеус, который имеет две противолежащие ударные площадки и два смежных фронта скалывания (рис. 1, *6*). Скалывание удлиненных отщепов происходило во встречном направлении.

Количественное и процентное соотношение находок из раскопов на стоянках Роктынг-4 и Роктынг-7*

Артефакты	Стоянки, раскопы											
	Роктынг-4								Роктынг-7			
	№ 1 (20 м^2)**		№ 2 (30 м^2)		№ 3 (40 м^2)		№ 4 (50 м^2)		№ 1 (20 м^2)		№ 2 (20 м^2)	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Нуклеусы	**8**	**11**	**5**	**6,3**	**41**	**11**	**50**	2,7	16	11	6	14
Радиальные	1	12,5	–	–	6	14,6	1	2	4	25	1	17
Одноплощадочные однофронтальные с галечной ударной площадкой	5	62,5	2	40	26	63,4	29	58	9	56,2	4	66
Одноплощадочные двуфронтальные с галечной ударной площадкой	–	–	1	20	5	12	7	14	1	6,3	–	–
Двуплощадочные двуфронтальные	–	–	–	–	2	5	5	10	2	12,5	1	17
Одноплощадочные однофронтальные с подготовленной ударной площадкой	–	–	2	40	2	5	6	12	–	–	–	–
Ортогональные	2	25	–	–	–	–	2	4	–	–	–	–
Орудия	**4**	**5,5**	**7**	**8,7**	**35**	**9**	**61**	**3,3**	**19**	**13**	**2**	**5**
Рубящие орудия (чопперы)	2	50	3	43	11	31	22	36	15	79	–	–
Скребла	1	25	3	43	20	57	15	24,6	3	16	2	100
Пики	–	–	–	–	1	3	18	29,5	–	–	–	–
Орудия с «носиком»	1	25	1	14	2	6	5	8,3	–	–	–	–
Бифасы	–	–	–	–	1	3	1	1,6	1	5	–	–
Сколы	**30**	**41**	**42**	**52,5**	**206**	**54**	**1495**	**81**	**63**	**42**	**18**	**42**
Макросколы	–	–	–	–	–	–	35	2	–	–	3	16
Крупные	21	70	34	81	143	69	228	15	47	75	10	56
Средних размеров	9	30	8	19	60	29	969	65	16	25	5	28
Мелкие	–	–	–	–	3	2	263	18	–	–	–	–
Гальки со следами апробации	**31**	**42,5**	**26**	**32,5**	**101**	**26**	**242**	**13**	**52**	**34**	**16**	**37**
Отбойники	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2
Всего	73	100	80	100	383	100	1848	100	150	100	43	100

*Доля категорий находок (нуклеусы, орудия и т.д.) определялась по отношению ко всем артефактам коллекции, а доля групп (скребла, пики и т.д.) – по отношению к количеству изделий внутри категории (нуклеусы, сколы и т.д.).

**В скобках приведены площади раскопов.

Вторую группу составляют нуклеусы с подготовленной ударной площадкой (6 экз.). Зачастую, глядя на эти нуклеусы, невозможно сказать определенно, действительно ли мы имеем дело с подготовкой ударной площадки, или это попытка перенести раскалывание на другую плоскость (рис. 1, *7*).

В раскопе № 4 также обнаружено два нуклеуса, скалывание с которых производилось в перекрестном направлении (рис. 1, *8*). Изделия этой группы можно трактовать как ортогональные нуклеусы.

К первичному расщеплению относятся также сколы (1 495 экз.; см. *таблицу*) и гальки со следами апробации (242 экз.).

В раскопе № 4 на стоянке Роктынг-4 обнаружено 61 орудие. Чопперовидные (или рубящие) изделия насчитывают 22 экз. (рис. 2, *1, 2*). Почти все чопперовидные изделия изготовлены из целых галек, лишь одно орудие сделано из расколотой гальки (рис. 2, *2*).

Пятнадцать изделий являются скреблами. Два из них имеют крутой рабочий край, оформленный на узком конце заготовки; их можно назвать скреблами высокой формы (нуклеусы-скребки). Одно изделие этого типа сделано из крупного первичного отщепа, второе – из небольшой гальки (рис. 2, *3*). Остальные 13 скребел оформлены полукрутой краевой ретушью. Девять сделаны из плоских овальных галек средних размеров (рис. 2, *4*), а четыре – из крупных первичных сколов (рис. 2, *5*).

Еще 18 орудий можно интерпретировать как пики (или пикообразные изделия). Эти орудия делятся на две группы. К первой относятся пики с двумя обработанными краями (рис. 2, *6*); у второй группы вторичная обработка располагалась только по одному краю (рис. 2, *7*).

Остальные орудия представлены изделиями с «носиком» (5 экз.). Они очень похожи на пики, но, в отличие от них, орудия с «носиком» имеют характерные выемки, выделяющие рабочую часть – «носик» (рис. 2, *8*).

В коллекции орудий из раскопа № 4 имеется один бифас. Характер заготовки определить невозможно. Это или крупный отщеп или плоская галька. Один фас орудия сплошь обработан разноразмерными сколами, другой – лишь частично, на небольшом участке сохраняется галечная корка (рис. 2, *9*).

На местонахождении Роктынг-7 был заложен раскоп № 2 площадью 20 м^2. Из него была получена коллекция каменных артефактов количеством 43 экз. Среди находок преобладают гальки со следами апробации – 16 экз., сколов немного – 18 экз.

В коллекции имеются шесть нуклеусов. Они сделаны из крупных галек. Четыре ядрища относятся к типу одноплощадочных однофронтальных с естественной ударной площадкой. Еще один нуклеус имеет сопряженные галечные ударные пло-

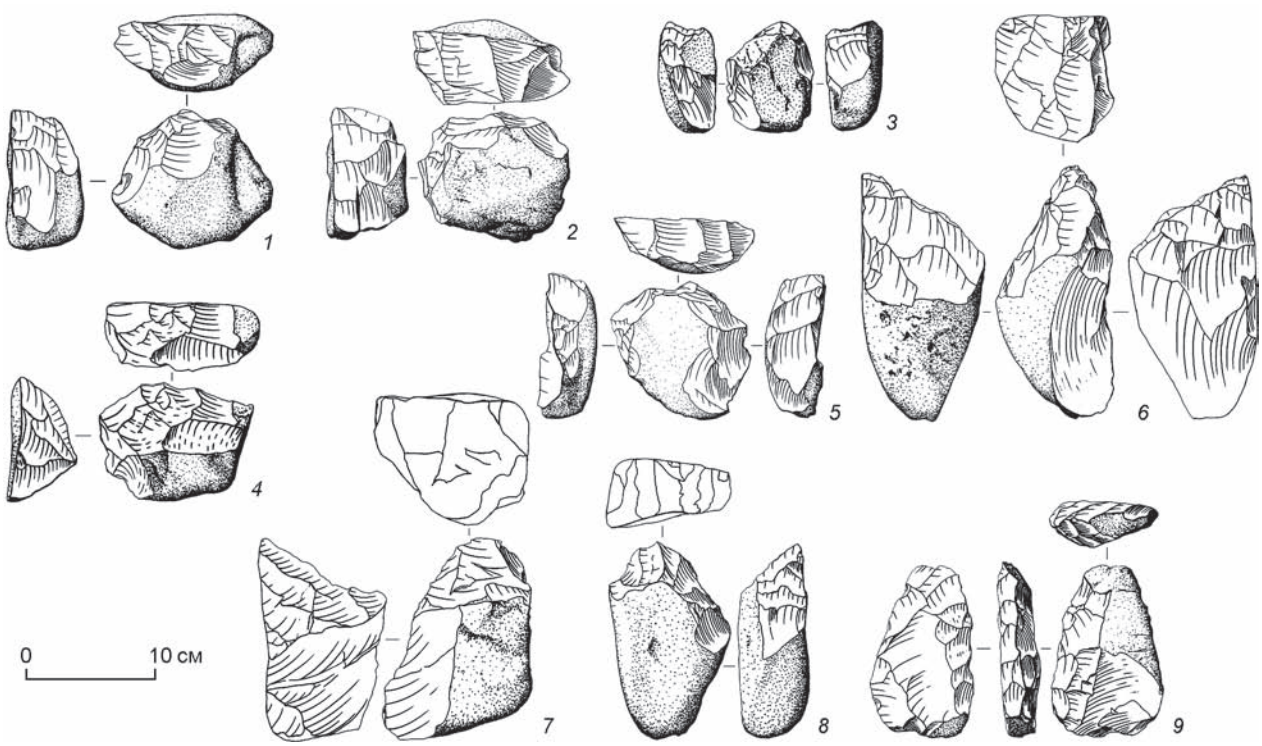


Рис. 2. Орудия из раскопа № 4 на стоянке Роктынг-4.

1, 2 – рубящие (чопперовидные) орудия; *3–5* – скребла; *6, 7* – пики; *8* – орудие с «носиком»; *9* – бифас.

щадки и противолежащие фронты скалывания. Последний нуклеус расщеплялся от краев к центру (радиальным способом).

В раскопе найдено два скребла. Одно сделано из расколотой уплощенной овальной гальки средних размеров. Второе скребло сделано из подобной целой гальки. Выпуклое лезвие частично обработано краевой полукрутой ступенчатой ретушью. Кроме того, обнаружена крупная галька очень правильной овально-вытянутой формы; возможно, это отбойник.

За три полевых сезона на стоянке Роктынг-4 вскрыто четыре раскопа, а на Роктынге-7 – два. Эти стоянки находятся на расстоянии ок. 2 км друг от друга. Накоплен значительный фактический материал, позволяющий сравнить эти два памятника между собой и отдельные раскопы на них друг с другом. Абсолютные цифры, на наш взгляд, непригодны для сравнения, т.к. количество находок в коллекциях из разных раскопов сильно разнится. Более валидным является долевое (процентное) участие разных категорий и групп артефактов в коллекциях (см. *таблицу*). Анализ процентного соотношения категорий и групп находок из раскопов № 1–3 на стоянке Роктынг-4 и раскопов № 1, 2 на стоянке Роктынг-7 демонстрирует их схожесть. Доля нуклеусов составляет 11 %, крайние значения демонстрируют раскоп № 2 (Роктынг-4) – 6,3 % и раскоп № 2 (Роктынг-7) – 14 %. То же самое наблюдается и при сравнении сколов и колотых галек (см. *таблицу*). А вот доля орудий различается в разных раскопах на этих стоянках; минимальная зафиксирована в раскопе № 2 (Роктынг-7) – 5 %, максимальная – в раскопе № 1 на этой же стоянке – 13 %. Эти площадки являлись мастерскими с экстенсивным раскалыванием сырья (велика доля нуклеусов и галек со следами апробации). В то же время отсутствуют следы интенсивного преобразования заготовок в орудия: нет мелких отщепов, доля отщепов средних размеров низкая (около четверти от всех сколов).

Особняком стоит раскоп № 4 на стоянке Роктынг-4. Его материалы демонстрируют интенсивное использование каменного сырья: на одну заготовку (нуклеусы и гальки со следами апробации) приходится пять сколов, тогда как на других площадках – ок. 1,5 сколов. Фиксируется значительная доля средних и мелких отщепов, которая в сумме составляет 83 % от числа всех сколов. Это свидетельствует о том, что на площадке раскопа № 4 шло более интенсивное преобразование заготовок в орудия, несмотря на то, что доля орудий очень низкая – 2,7 %, самая низкая для данных памятников.

Дальнейшие исследования, надеемся, позволят более детально осветить картину жизни древнего человека в этом регионе, подтвердить или опровергнуть эти предварительные выводы.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-59-92001 ВАОН-а.

Список литературы

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг-7 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 79–83.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг-4 во Вьетнаме в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXIII. – С. 84–88.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 63–67.

References

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Chekha A.M., Tsybankov A.A., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. New Data on the Investigations of the Early Paleolitnic of Vietnam. Excavations of Rock Ting-7 Site in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017a, vol. XXIII, pp. 79–83 (in Russ.).

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Chekha A.M., Tsybankov A.A., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Excavations of the Early Paleolitnic Site Rock Tung-4, Vietnam, in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017b, vol. XXIII, pp. 84–88 (in Russ.).

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Preliminary Results of Archaeological Sites Rock Tung-1 and Rock Tung-4 Exavations in Vietnam. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 63–67 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.073-076
УДК 902/904

А.П. Деревянко, А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования раннепалеолитической индустрии стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2018 году

В статье представлены новейшие результаты, полученные в ходе археологических раскопок ашельских комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4. Основное внимание отведено описанию и анализу стратиграфического разреза и коллекций каменных изделий. Каменная индустрия стоянки характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Наиболее яркой, «маркирующей» частью коллекций собранных каменных артефактов являются макроорудия, включающие галечные (чопперы) и двусторонне обработанные (рубила, пики) изделия. Проведенные полевые археологические исследования позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.*

A.P. Derevianko, A.G. Rybalko, A.V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Studies of the Early Paleolithic Industry from the Site of Darvagchay-Zaliv-4 in 2018

The article presents the recent results of archaeological excavation of the Acheulean complexes at the site of Darvagchay-Zaliv-4. The authors focus upon the description and analysis of the stratigraphic section and collections of stone artifacts. The lithic industry is characterized the typologically indistinct and nonstandard core and tool forms. The most distinct, "marking" elements of the artifact collection are heavy-duty tools including pebble tools (choppers) and bilaterally worked tools (hand-axes, picks). In the course of field studies, a large collection of new archaeological materials concerning the most ancient history of the region has been assembled providing a new insight into the process of evolution of stone industries in this area during the earliest stages of the Paleolithic period.

Keywords: *Dagestan, stone industries, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, marine transgressions.*

Стоянка Дарвагчай-Залив-4 открыта в 2010 г. в ходе археологического обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н Республики Дагестан). Местонахождение расположено на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (ок. 20 м) берегового обнажения. Географические координаты: 42º08’06” с.ш., 48º01’44” в.д.; высота над ур. м. ~125 м. Стационарные исследования памятника, проводившиеся с перерывами в 2011–2017 гг., позволили получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, наиболее характерной чертой которого является наличие крупных бифасиально обработанных орудий [Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, 2014].

В 2018 г. были продолжены комплексные археологические исследования. Наиболее полно вскрытые отложения представлены на северо-восточной стенке раскопа. Всего выделено шесть геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз):

Слой 1. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность – до 1,4 м.

Слой 2. Темно-коричневый тяжелый суглинок. Генезис субаэральный. Слой содержит единичные палеолитические артефакты. Мощность – до 1,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе дресва, глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный; ведущую роль, вероятно, играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность – до 2 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность – до 0,45 см.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-коричневый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность – до 0,45 м.

Слой 6. Тонкослойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность – до 1,5 м.

Общее количество находок составляет 205 экз., в т.ч. из слоя 3 – 169 экз., из слоя 5 – 36 экз.

Каменные изделия из верхнего галечника (слой 3) различаются по степени сохранности поверхности, на гранях сколов встречаются выкрошенности и забитости. Нуклевидных форм насчитывается 8 экз., в т.ч. два нуклевидных обломка и шесть нуклеусов, большинство из которых относится к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ (рис. 1, *5*). Наиболее выразителен очень крупный (17 × 15 × 8 см) нуклеус, выполненный на угловатом обломке кремня. Площадка гладкая, естественная, на фронте видны негативы снятий крупных и средних отщепов. Наиболее тщательно оформлен двуплощадочный монофронтальный нуклеус встречного принципа скалывания (5,2 × 5,0 × 3,8 см). Площадки подготовлены сколами и ретушью; одна латераль оформлена поперечными сколами; фронт скалывания выпуклый; контрфронт галечный. Данное ядрище имеет ряд признаков, характерных для леваллуазской системы расщепления (рис. 1, *2*). Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (67 экз.), преимущественно укороченные, среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком, неправильными очертаниями и зачастую смещением оси заготовки относительно направления снятия. Обломки и осколки (91 экз.) – объемные угловатые куски породы разных размеров и форм. Гальки (3 экз.) имеют крупные и средние размеры, на всех присутствуют следы вторичной обработки.

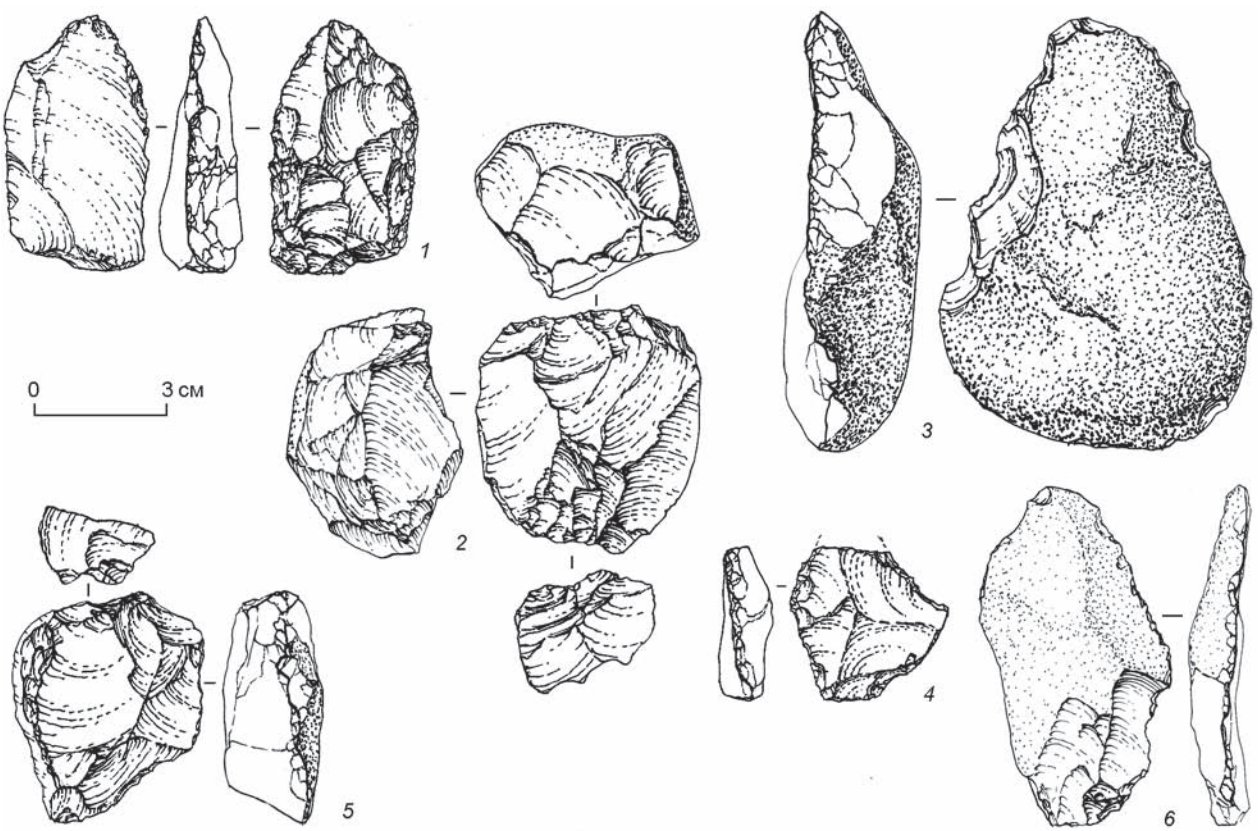


Рис. 1. Каменные артефакты из слоя 3.
1 – острие; *2, 5* – нуклеусы; *3, 4* – скребла; *6* – нож.

Категория орудий насчитывает 45 предметов, большинство из которых выполнено на сколах. В качестве заготовок также использовались плоские обломки и гальки. Орудийный набор состоит из бифасиально обработанных орудий (3 экз.), пика и минипика, нуклевидного скребка, чоппера, кливера, скребел (5 экз.; рис. 1, *3, 4*), скребков (5 экз.), острия (рис. 1, *1*), ножа (рис. 1, *6*), шиповидных (9 экз.), выемчатых (7 экз.) и комбинированного изделий, отщепов (4 экз.) и обломков с ретушью (4 экз.).

Наиболее яркой категорией изделий являются бифасы (рубила) и пики, отличающиеся по размерности и способу оформления. Первое орудие выполнено на кремневой гальке (7,2 × 4,8 × 3,6 см). Изделие подпрямоугольной формы, двояковыпуклое; одна сторона оформлена сколами, вторая большей частью галечная; основание массивное, острие притупленное. Небольшое рубильце изготовлено из кремня (5,9 × 5,0 × 2,7 см). Орудие овальной формы, плоско-выпуклое; основание и часть одной стороны галечные; острие хорошо выражено, дополнительно оформлено ретушью (рис. 2, *1*). Последнее изделие является заготовкой бифаса, выполнено из кремня (7,0 × 4,5 × 3,4 см). Предмет частично оформлен двусторонними сколами. Пик изготовлен на плоском кремневом обломке подтреугольной формы (9,5 × 12,0 × 3,0 см), его острие оформлено двусторонними сколами.

Группа орудий на отщепах и обломках многочисленна и разнообразна. Стоит отменить наличие некоторых признаков стандартизации, серийности. Среди скребел преобладают одинарные формы. В категории выемчатых орудий встречаются как клектонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление. Шиповидные изделия подготавливались с учетом естественных очертаний заготовок либо одной или двумя сопряженными выемками. Отщепы и обломки – с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая, прерывистая.

Коллекция слоя 5 включает 36 артефактов, имеющих среднюю или слабую степень окатанности поверхности. Нуклевидные формы представлены нуклевидными обломками (3 экз.) и нуклеусами (5 экз.), которые относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ (рис. 2, *3*). Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (14 экз.), преимущественно укороченные, средних и крупных размеров. Обломки (11 экз.) в основном средних размеров, часто плиткообразные. Гальки (3 экз.) крупных и средних размеров.

Орудийный набор состоит из 11 предметов. Это унифас, чопперы (2 экз.), выемчатые (2 экз.), комбинированное и шиповидные (3 экз.) орудия, нож, отщеп с ретушью.

Наиболее яркой категорией изделий являются унифас и чопперы. Унифас изготовлен на кремневой гальке (9,3 × 5,5 × 2,8 см). Орудие плоско-выпуклое. Оба края наполовину оформлены сколами; на острие и рабочих краях присутствует ретушь утилизации; основание и противолежащая сторона га-

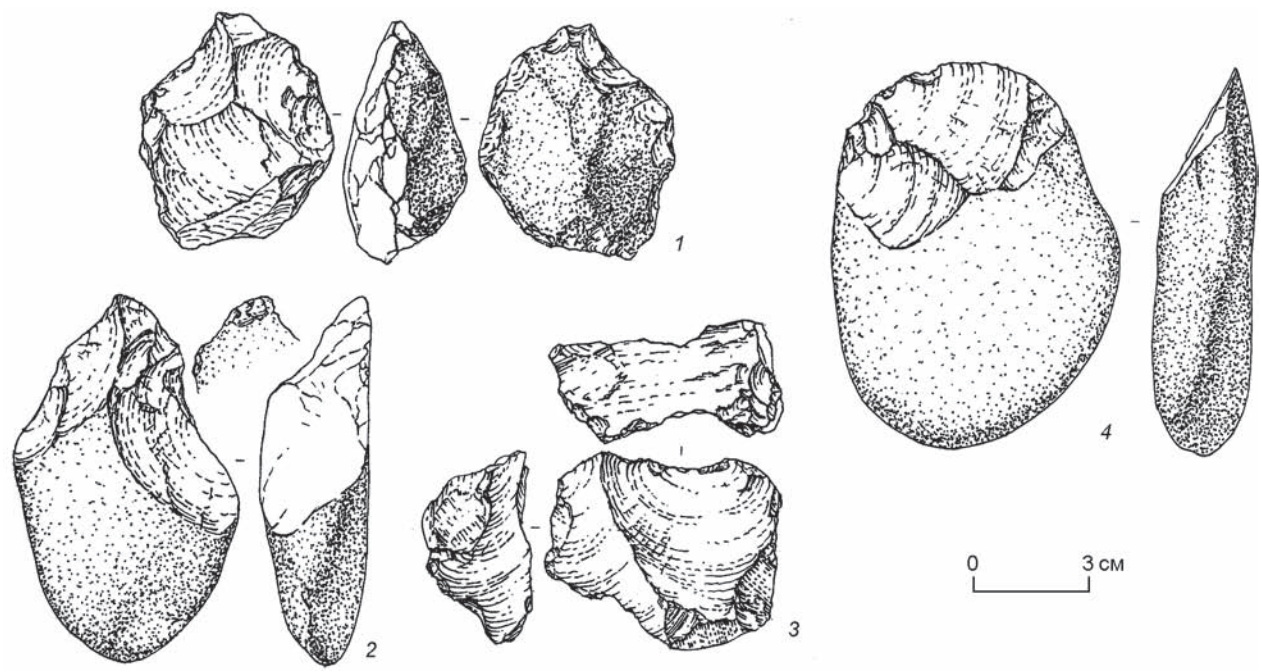


Рис. 2. Каменные артефакты из слоев 3 (*1*) и 5 (*2–4*).
1 – рубило; *2* – унифас; *3* – нуклеус; *4* – чоппер.

лечные (рис. 2, *2*). Один чоппер из песчаника (9,5 × 7,0 × 2,1 см), овальной формы, плоский. Поперечная сторона оформлена сколами, лезвие выпуклое. Есть следы утилизации – забитости (рис. 2, *4*). Второй изготовлен на кремневом обломке (10,1 × 8,2 × 3,0 см). Изделие подпрямоугольной формы, лезвие вогнутое.

Основные приемы получения заготовок и вторичной отделки, форма и типы орудий на сколах и обломках из слоя 5 в целом не отличаются от тех, что были описаны для слоя 3.

Общий анализ археологических материалов позволил сделать следующие выводы о характере индустрии стоянки. Обнаруженные артефакты имеют разную степень сохранности поверхности: от изделий с несглаженными, «свежими» ребрами до сильно «замытых» предметов. Анализ планиграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Каменная индустрия памятника сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовался желвачный кремень, сильно окремненный известняк и слабо окремненный опесчаненый известняк в виде галек и желваков. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории [Кандыба, Рыбалко, 2016].

Набор орудийных типов и характер вторичной обработки практически не меняются по культурно-литологическим подразделениям, но общее разнообразие орудийных форм, как и их количество, нарастает вверх по разрезу, достигая максимума в слое 3. При этом, несмотря на хронологический разрыв в формировании культуросодержащих горизонтов, по основным технико-типологическим характеристикам оба комплекса близки друг другу. Совпадения касаются первичного расщепления и вторичной обработки, типов и форм орудий и нуклеусов; бифасиально обработанные орудия (рубила) встречаются в обоих слоях [Рыбалко, 2014]. Коллекции артефактов демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам; в известной мере допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок, существовавших на данной территории в течение определенного периода. В то же время анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует о том, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, сформировавшейся на местной полисырьевой базе.

На памятнике представлены все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий). Фиксируемые приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные, шиповидные и выемчатые. Наиболее яркой частью орудийного набора являются крупные галечные и бифасиально обработанные изделия [Рыбалко, 2016]. Имеющиеся данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую базовую стоянку-мастерскую, где осуществлялась деятельность, связанная с массовым изготовлением серий артефактов, в т.ч. сложных орудийных форм. Датировать памятник позволяют палеонтологические данные (анализ малакофауны) и палеомагнитные исследования. Суммарная информация, полученная методами естественных наук, определяет время формирования культуросодержащих горизонтов ок. 0,4–0,3 млн л.н. (МИС 11–9).

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 128–132.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Rannii paleolit Yugo-Vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-Zaliv-4). *Izvestiya Altaiskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya, politologiya*, 2016, No. 2 (90), pp. 210–214 (in Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda*. Kazan, 2014, vol. I, pp. 128–132 (in Russ.).

Rybalko A.G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016., vol. XXII, pp. 152–155 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.077-081
УДК 902.01

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1], Л. Булатович[2], А.А. Анойкин[1], М.Б. Козликин[1], И. Меденица[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Музей и галереи Подгорицы, Черногория
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование скального навеса Малишина Стена в Черногории в 2018 году

В 2018 г. российско-черногорской экспедицией были продолжены археологические исследования скального навеса Малишина Стена на севере Черногории. Раскопки проводились в центральной части стоянки, где были изучены культуросодержащие слои А–С. Новые результаты работ на памятнике подтвердили высказанное ранее предположение о наличии средне- и верхнепалеолитического комплексов в культурно-хронологической последовательности стоянки. Каменная индустрия из слоя А характеризуется развитым пластинчатым и микропластинчатым производством. В орудийном наборе имеются яркие формы, характерные для заключительного этапа палеолита. Первичное расщепление в индустриях из слоев В1, В2 и С1 базируется на использовании радиальных ядрищ для получения мелких и средних отщепов. Для орудийного набора характерно сочетание как среднепалеолитических, так и верхнепалеолитических форм.

Ключевые слова: *Черногория, Малишина Стена, скальный навес, стратиграфия, плейстоцен, палеолит, каменная индустрия.*

A.P. Derevianko[1], M.V. Shunkov[1], L. Bulatovich[2], A.A. Anoikin[1], M.B. Kozlikin[1], I. Medenica[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Museum and galleries of Podgorica, Montenegro
E-mail: anui1@yandex.ru

2018 Excavation Campaign at Malishina Stena Rockshelter in Montenegro

The Joint Russian-Montenegrin archaeological expedition continued research of Malishina Stena, a rockshelter in the northern part of Montenegro in 2018. This year the excavations were carried out in the central part of the site to investigate cultural layers A–C. New results confirmed the assumption that the cultural-chronological sequence of the site represented the sequence of the Middle and Upper Paleolithic complexes. The lithic industry of layer A is characterized by developed blade and microblade production. The tool assemblage contains various tools typical of the terminal stage of the Paleolithic. Primary reduction patterns identified in the industries of layers B1, B2 and C1, are based on removals of small and medium-size flakes from the centripetal cores. Tool kit includes both Middle and Upper Paleolithic tool types.

Keywords: *Montenegro, Malishina Stena, rockshelter, stratigraphy, Pleistocene, Paleolithic, lithic industry.*

В 2018 г. совместной российско-черногорской экспедицией были продолжены исследования многослойной палеолитической стоянки Малишина Стена в каньоне р. Чехотина на севере Черногории [Деревянко и др., 2017а]. Раскопки проводились в центральной части навеса на площади 7 м^2 (рис. 1, *А*), включавшей участок работ 1980 г., в ходе которых была изучена только верхняя часть отложений [Radovanovic, 1986].

Вскрытые на этой площади литологические слои А, В1, В2 и С1 (рис. 1, *Б*) в целом соответствуют описанным ранее стратотипам [Ibid.] и представляют собой мощную щебнисто-дресвянистую толщу с заполнителем порового типа. Границы

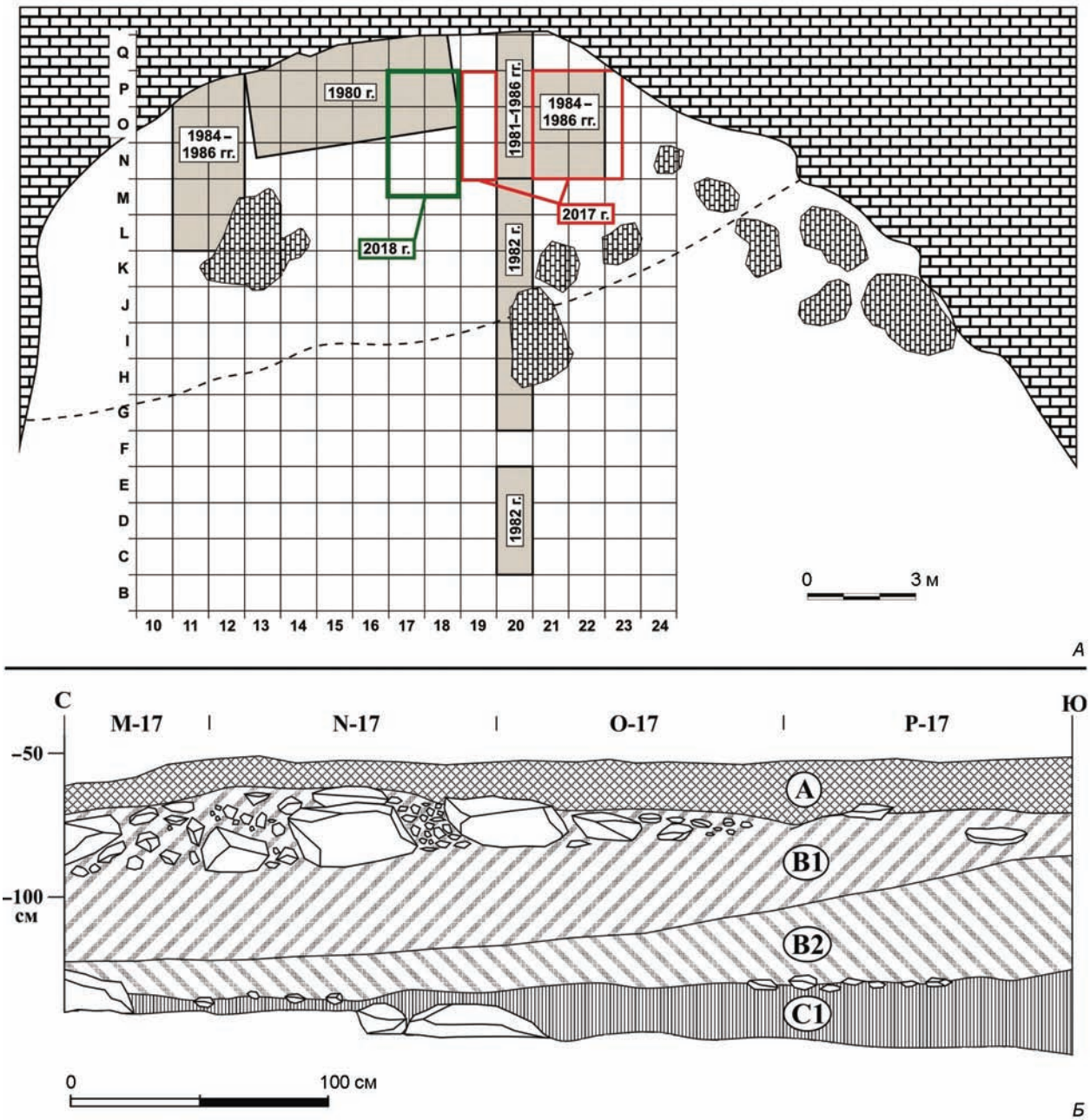


Рис. 1. План стоянки Малишина Стена с указанием участков археологических работ (*А*) и стратиграфический разрез восточной стенки раскопа 2018 г. (*Б*).

между слоями проведены по изменению цвета заполнителя и концентрации обломочного материала. Слой А на участке работ 2018 г. был сильно поврежден в результате современной антропогенной и биогенной деятельности, а также продолжительного экспонирования после удаления перекрывающей голоценовой толщи, о чем свидетельствуют находки современных техногенных материалов в верхней части отложений.

Каменная индустрия из слоя А насчитывает 287 экз. Нуклевидные формы (1,4 %) представлены двумя ядрищами и двумя нуклевидными обломками. Один из нуклеусов одноплощадочный однофронтальный для получения мелких пластинчатых снятий. Ударная площадка прямая, оформлена одним сколом, карниз убран мелкой ретушью (рис. 2, *19*). Второе ядрище радиальное однофронтальное, подпрямоугольной в плане формы с негативами мелких отщеповых снятий. Индустрия сколов насчитывает 62 экз. (21,6 %), при этом половину изделий здесь составляют микропластины и пластины с параллельной огранкой. Отщепы представлены мелкими экземплярами преимущественно с гладкой остаточной ударной площадкой и с продольной

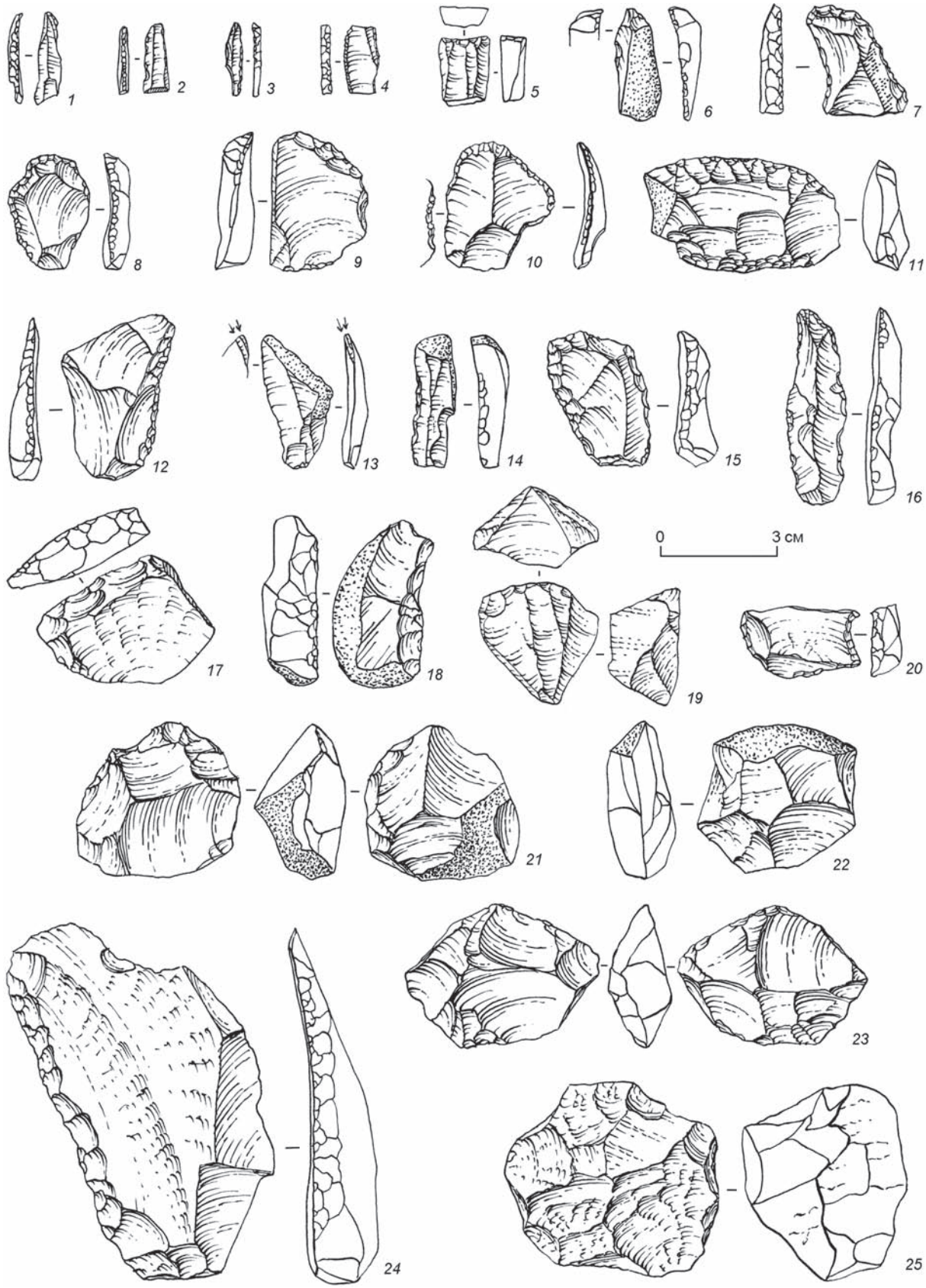


Рис. 2. Каменные артефакты из слоев А (*1–5, 9, 13–15, 19*), В1 (*25*), В2 (*6–8, 10–12, 16, 18, 20–24*) и С1 (*17*) стоянки Малишина Стена.

1–4 – микропластины с притупленным краем; *5* – технический скол; *6* – шиповидное орудие; *7, 9, 11, 12, 15, 17, 18, 24* – скребла; *8, 10* – скребки; *13* – резец; *14* – технический скол с ретушью; *16, 20* – проколки; *19, 21, 22, 23, 25* – нуклеусы.

огранкой. Технические сколы включают первичные, краевые и продольные (рис. 2, *5*) подправки фронта ядрищ. В числе отходов производства (77,0 %) главным образом чешуйки, а также мелкие обломки и осколки. Орудийный набор включает четыре микропластины с притупленным краем (рис. 2, *1–4*), два скребла – продольное прямое (рис. 2, *15*) и диагональное выпуклое (рис. 2, *9*), оформленные дорсальной ретушью на мелких отщепах, угловой многофасеточный резец на удлиненном вторичном сколе (рис. 2, *13*) и технический скол с ретушью (рис. 2, *14*). В этом слое найдено также семь неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих.

В отличие от западного участка навеса, где слой В1 не содержал археологических материалов, в центральной части грота в пределах этого слоя найдено 53 каменных артефакта. Типологически выраженные нуклевидные формы представлены двояковыпуклым ядрищем округлой в плане формы с негативами центростремительных сколов на одной из широких плоскостей (рис. 2, *25*). На контрфронте, сохранившем участки галечной поверхности, на 2/3 периметра изделия серией крупных сколов оформлена ударная площадка. Среди сколов преобладают мелкие отщепы (10 экз.), отмечено несколько пластин (4 экз.) и краевой технический скол. Отходы производства представлены чешуйками (28 экз.) и мелкими обломками и осколками (9 экз.). В пределах слоя найдено также семь фрагментов костей животных.

Наибольшая концентрация находок (756 экз.) связана с отложениями слоя В2. Манупорты (7 экз.) представлены гальками без следов обработки. Нуклевидные формы (1,3 %) включают пять нуклевидных обломков в виде отдельностей сырья с единичными или серийными бессистемными снятиями, а также пять ядрищ. Типологически выраженные нуклеусы одно- (3 экз.) или двухфронтальные, округлой или угловатой в плане формы, с расщеплением на 2/3 или по всему периметру изделия (рис. 2, *21–23*). Одно ядрище представлено сильно сработанным уплощенным изделием со следами бессистемных сколов на обеих широких плоскостях, ударные площадки не сохранились. В качестве заготовок для нуклеусов использовались небольшие гальки.

Среди сколов (12,4 %) преобладают отщепы (73 экз.), преимущественно мелкого размера. Для них характерна гладкая или линейная, реже фасетированная или точечная остаточная ударная площадка. Дорсальная огранка отщепов в большинстве случаев продольная однонаправленная или ортогональная, реже конвергентная. Распространены сколы с гладкой дорсальной стороной. Редкие пластины (3 экз.) имеют гладкую остаточную ударную площадку и продольную однонаправленную огранку. В числе технических сколов выделены первичные (9 экз.), краевые (6 экз.) и продольное снятия оформления и подправки ядрищ. Еще два скола были сняты для удаления многочисленных заломов в проксимальной зоне нуклеуса. Отходы производства (85,3 %) представлены чешуйками (545 экз.), мелкими обломками и осколками (100 экз.).

Среди изделий с вторичной обработкой (16 экз.) преобладают скребла. В их числе – три продольных прямых (рис. 2, *12*, *24*), диагональное выпуклое (рис. 2, *7*), поперечное выпуклое (рис. 2, *11*) и скребло на гальке (рис. 2, *18*). Заготовками для этих изделий, за исключением последнего, служили отщепы. Лезвие оформлено дорсальной краевой крутой или полукрутой ретушью. Концевые скребки на мелких отщепах (2 экз.) имеют округлое лезвие, оформленное с помощью дорсальной краевой крутой и полукрутой мелкофасеточной ретуши (рис. 2, *8*, *10*). Одна из двух проколок выполнена на удлиненном полуреберчатом сколе (рис. 2, *16*). Дистальный край заготовки подработан с обеих сторон дорсальной краевой крутой мелкофасеточной ретушью, острие сломано. Вторая проколка оформлена на проксимальном фрагменте отщепа. На продольном крае заготовки вентральной краевой мелкофасеточной ретушью подготовлена выемка, сформировавшая на углу заготовки тонкое удлиненное треугольное острие (рис. 2, *20*). Шиповидное орудие оформлено на массивном краевом сколе (рис. 2, *16*). Рабочий элемент выделен на дистальном крае заготовки серией дорсальных отвесных мелких снятий. Дополняют орудийный набор четыре мелких отщепа с эпизодической ретушью и два фрагмента орудий с интенсивной сильномодифицирующей ретушью.

Фаунистическая коллекция из слоя В2 (164 экз.) включает главным образом неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих. Несколько определимых костей принадлежат европейскому благородному оленю *Cervus elaphus*, зайцу *Lepus sp.*, а также крупным птицам размера утки (определение канд. биол. наук С.К. Васильева). Практически все костные остатки из слоя В2, как и каменные артефакты, покрыты карбонатной коркой.

В слое С1 найдено 37 каменных артефактов и три гальки-манупорта. Среди сколов девять отщепов с продольной, ортогональной или радиальной огранкой и с гладкой или двугранной остаточной ударной площадкой, а также три пластины с продольной огранкой и гладкой площадкой. Отходы производства представлены чешуйками (23 экз.) и мелкими осколками (2 экз.). Единствен-

ное орудие – диагональное прямое дорсальное скребло на отщепе (рис. 2, *17*). Ретушь краевая, отвесная, многорядная. В слое найдено также 10 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих.

На уровне слоя С2 в раскопе 2018 г. вскрыт глыбовый обвальный горизонт, почти не содержащий рыхлого заполнителя. Ниже залегают стерильные в археологическом отношении слои D–F.

В целом новые результаты раскопочных работ под навесом Малишина Стена подтвердили высказанное ранее предположение о наличии средне- и верхнепалеолитического комплексов в культурно-хронологической последовательности стоянки. Для каменной индустрии из слоя А характерно развитое пластинчатое и микропластинчатое производство. В орудийном наборе представлены яркие формы, типичные для заключительного этапа верхнего палеолита, в т.ч. микропластины с притупленным краем. Первичное расщепление в индустриях из слоев В1, В2 и С1 базируется на использовании радиальных ядрищ для получения мелких и средних отщепов. Орудийный набор из этих слоев включает как среднепалеолитические (скребла), так и верхнепалеолитические (скребки, проколки) формы орудий, но без признаков ориньякской морфологии. В контексте финала среднего палеолита региона эти материалы ближе всего к индустрии стоянки Биоче в долине р. Мороча в центральной части Черногории [Деревянко и др., 2017б].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-09-40062).

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Ульянов В.И., Меденица И. Новые данные по каменной индустрии скального навеса Малишина Стена в Черногории (по результатам работ в 2017 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 98–102.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Павленок К.К., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Кандыба А.В. Новые данные по среднему палеолиту Восточной Адриатики: древнейший эпизод заселения стоянки Биоче в Черногории // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017б. – Т. 45, № 1. – С. 3–14.

Radovanovic I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori // Glasnik Srpskog arheoloskog drustva. – 1986. – N 3. – P. 63–77.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.I., Medenica I. Novye dannye po kamennoj industrii skal'nogo navesa Malishina Stena v Chernogorii (po rezul'tatam rabot v 2017 godu). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017a, vol. XXIII, pp. 98–102 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovic L., Pavlenok K.K., Ulyanov V.A., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. New Findings on the Middle Paleolithic of the Eastern Adriatic: The Earliest Settlement at Bioce, Montenegro. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017b, vol. 45, No. 1, pp. 3–14.

Radovanovic I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Crnoj Gori. *Glasnik Srpskog arheoloskog drustva*, 1986, No. 3, pp. 63–77 (in Serb.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.082-086
УДК 903.01

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1], А.Ю. Федорченко[1], А.М. Чеха[1], В.А. Михиенко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: kmb777@yandex.ru

Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры

В 2018 г. были продолжены археологические исследования отложений в южной галерее Денисовой пещеры. В центральной части галереи изучены осадки верхней части плейстоценовой толщи, представленной литологическими слоями 9, 11 и 12. Из слоя 12, который накапливался в период МИС 4, получена каменная индустрия среднего палеолита с леваллуазским и радиальным раскалыванием, разнообразными скреблами в орудийном наборе. Для комплекса раннего этапа верхнего палеолита из слоя 11 характерно параллельное раскалывание и сочетание верхнепалеолитического и среднепалеолитического компонентов в составе орудий. Археологические материалы из слоя 9 отражают дальнейшее развитие технологии пластинчатого расщепления и появление микроинвентаря на среднем этапе верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, средний палеолит, верхний палеолит, каменная индустрия.*

A.P. Derevianko[1], M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1], A.Yu. Fedorchenko[1], A.M. Chekha[1], V.A. Mikhienko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: kmb777@yandex.ru

Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave

In 2018, archaeological studies in the Southern Gallery of Denisova Cave have been continued. It involved a study of the upper portion of the Pleistocene strata in the middle part of the chamber, including lithological layers 9, 11 and 12. Layer 12 deposited during MIS 4 has yielded a Middle Palaeolithic stone tool industry that shows evidence for employing Levallois and radial flaking techniques and a diverse variety of side-scrapers in the tool assemblage. The early Upper Palaeolithic assemblage recovered from layer 11 can be characterized by parallel flaking and a combination of the Middle and Upper Palaeolithic components in the tool kit. Archaeological materials from layer 9 indicate the further development of blade technology and the emergence of micro-tools in the middle Upper Palaeolithic.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, Middle Palaeolithic, Upper Palaeolithic, stone tool industry.*

В полевом сезоне 2018 г. комплексные исследования плейстоценовых отложений Денисовой пещеры проводились в центральной части южной галереи. К раскопу 2017 г. [Деревянко и др., 2017] была сделана прирезка на площади квадратов Ж–И/3–7. После разборки голоценовой толщи (слои 0–8) на этом участке были изучены отложения слоев 9, 11 и 12, содержащие находки верхнего и среднего палеолита.

В пределах слоя 12 найдено 1 664 каменных артефакта.

Типологически выраженных ядрищ – 10 экз. Леваллуазский метод раскалывания представляет округлый нуклеус для отщепов, оформленный

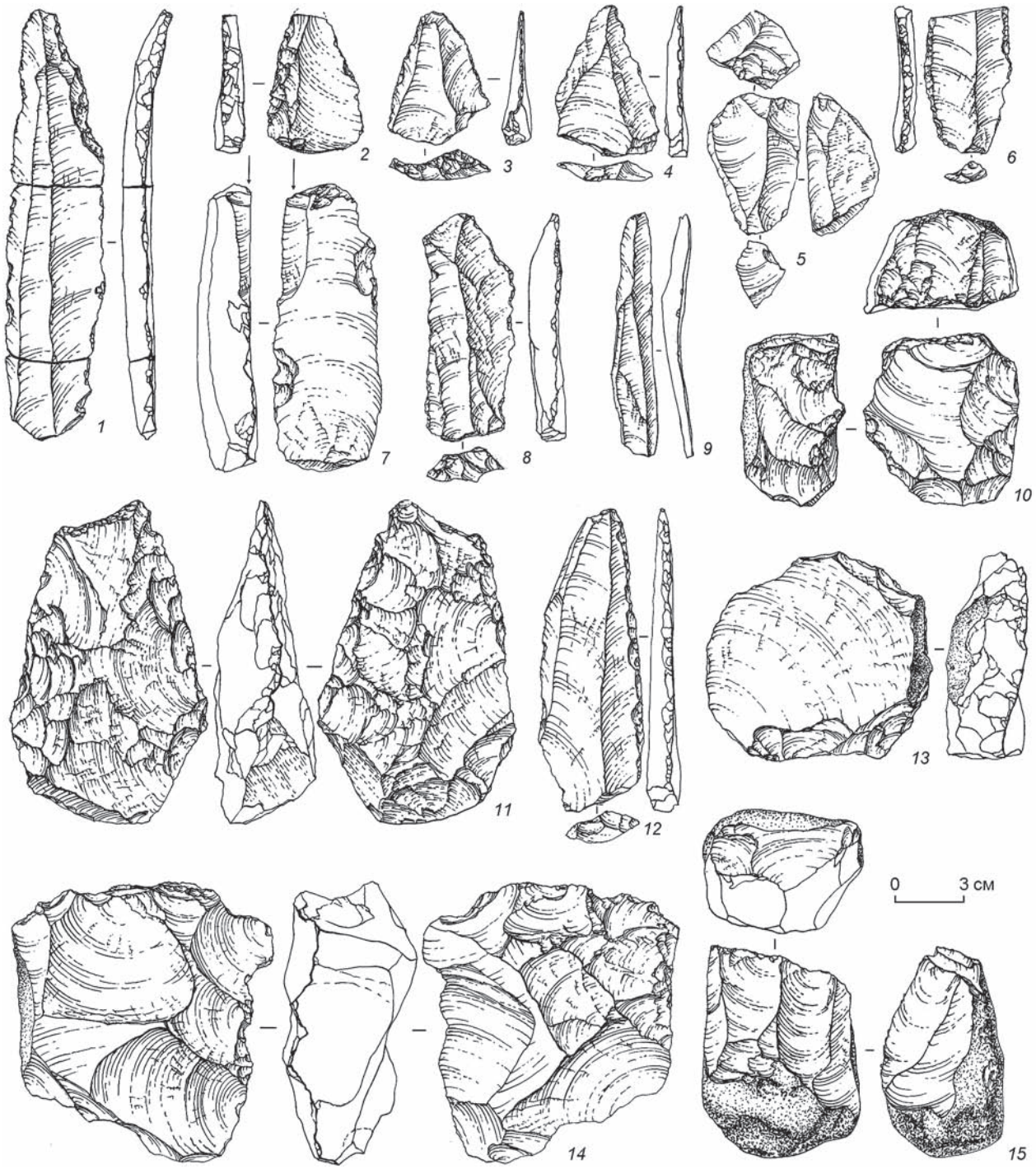


Рис. 1. Каменная индустрия из слоев 12 (*2–8, 10–12, 15*), 11 (*1, 9, 13*) и 9 (*14*) в южной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).

1, 6, 8, 12 – пластины с ретушью; *2, 13* – скребла; *3, 4* – леваллуазские острия; *5, 10, 14, 15* – нуклеусы; *7* – резец; *9* – пластина; *11* – бифас.

на крупной гальке. Основная ударная площадка ядрища тщательно выровнена крупными снятиями; по периметру контрфронта подготовлена еще одна площадка для оформления центрального объема фронта, который впоследствии был удален крупным снятием (рис. 1, *10*). В рамках плоскостного параллельного расщепления утилизировались одно- (2 экз.; рис. 1, *15*) или двухплощадочные (2 экз.; рис. 1, *5*) монофронтальные ядрища, заготовками для которых служили крупные гальки. Ударные площадки этих нуклеусов, подготовленные крупными снятиями, скошены к контрфронту. Латерали не обработаны. Остальные ядрища радиальные, моно- (3 экз.) и би-

фронтальные (2 экз.). Эти изделия округлой или угловатой в плане формы, сильно истощены. Расщепление велось по всему периметру нуклеуса от неподготовленного ребра.

К числу нуклевидных форм принадлежат также 17 нуклевидных обломков в виде крупных угловатых отдельностей галечного сырья с единичными сколами или с негативами бессистемных снятий.

Среди сколов преобладают отщепы (700 экз.) преимущественно мелкого размера. Пластин в коллекции 76 экз., в т.ч. сколы леваллуазского облика с тщательно фасетированной выпуклой остаточной ударной площадкой и бинаправленной дорсальной огранкой.

Отходы производства включают 17 колотых галек, 796 обломков и осколков.

Орудийный набор представлен 48 экз.

Леваллуазские острия: два правильной треугольной формы (рис. 1, *3, 4*) и два немного асимметричной. Для этих изделий характерна Y-образная однонаправленная дорсальная огранка и тщательно фасетированная выпуклая остаточная ударная площадка. На одном из остриев отмечена эпизодическая дорсальная ретушь.

Скребла (12 экз.) представлены различными формами: три продольных выпуклых и три продольных прямых (рис. 1, *2*), двойное продольное прямое (рис. 2, *28*), диагональное выпуклое (рис. 2, *25*) и диагональное прямое, конвергентное, поперечное выпуклое (рис. 2, *18*) и поперечное прямое. Заготовками для скребел служили крупные отщепы, как правило, короткие, реже удлиненные или укороченные. Для оформления лезвий использовалась чаще всего ретушь дорсальная, краевая или захватывающая, крутая, субпараллельная, сильномодифицирующая.

Резцы – срединный многофасеточный (рис. 2, *27*) и угловой плоский (см. рис. 1, *7*) – оформлены на крупных пластинах.

Зубчатые орудия с выпуклым лезвием выполнены в продольном (см. рис. 2, *29*) и в поперечном вариантах. Оформлены на крупных отщепах дорсальной крутой сильномодифицирующей ретушью.

Шиповидные орудия – 2 экз. Оформлены на крупных коротких отщепах дорсальной крутой сильномодифицирующей ретушью.

Миндалевидный бифас на крупном отщепе (см. рис. 1, *11*). Плоскости изделия полностью покрыты встречными крупными широкими снятиями, с дальнейшей более мелкой подработкой краев. В основании сохранилась широкая галечная остаточная ударная площадка скола-заготовки.

Дополняют коллекцию инвентаря крупная пластина с вентральной подтеской дистального окончания, крупные отщепы (13 экз.) и пластины (7 экз.) с ретушью (рис. 1, *6, 8, 12*), а также неопределимые фрагменты орудий (5 экз.).

В отложениях слоя 11 обнаружено 1 219 артефактов.

Нуклевидные изделия включают одноплощадочный монофронтальный параллельный подпрямоугольный нуклеус, изготовленный из небольшого валуна, с подготовленной ударной площадкой, обработанными латералями и естественным контрфронтом; а также девять нуклевидных обломков.

В составе сколов отщепы – 431 экз., пластины – 74 экз. (см. рис. 1, *9*; 2, *13*) и пластинки – 3 экз. (см. рис. 2, *5, 7, 8*). К отходам производства относятся 11 колотых галек и 637 обломков и осколков.

Изделия с вторичной обработкой – 56 экз.

Скребла – 11 экз.: шесть продольных выпуклых (см. рис. 1, *13*; 2, *26, 30*) и продольное прямое, диагональное прямое (см. рис. 2, *20*), конвергентное (рис. 2, *14*) и два поперечных выпуклых. Все орудия оформлены на крупных отщепах, коротких или удлиненных. Использовалась, чаще всего, ретушь дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, субпараллельная, средне- или сильномодифицирующая.

Концевые скребки – 3 экз. Один из них оформлен на продольном техническом сколе, удалившем глубокий залом на небольшом нуклеусе для пластинок (рис. 2, *21*). Второе орудие, изначально оформленное, видимо, на пластине, сохранилось в виде дистального фрагмента с тщательно подготовленным округлым лезвием (рис. 2, *12*). Последний скребок – высокой формы со скошенным лезвием, по своей морфологии близкий к кареноидным нуклеусам для пластинок (рис. 2, *23*).

Угловой резец оформлен на медиальном фрагменте пластины.

Выемчатые орудия – 4 экз. Выполнены в продольном варианте на крупных отщепах, в одном случае – на пластине. Анкош подготовлен крутой сильномодифицирующей ретушью.

Шиповидные срединные орудия – 2 экз. Одно из них оформлено на сильно окатанном патинированном сколе, подобранном за пределами пещеры.

Округлый бифас (рис. 2, *11*) представлен фрагментом, тщательно оформленным плоскими параллельными встречными снятиями. Серия таких изделий ранее была обнаружена в слое 11 центрального зала пещеры.

Помимо формальных орудий в коллекцию входят отщепы (16 экз.), пластины (7 экз.; см. рис. 1, *1*) и пластинки (2 экз.; см. рис. 2, *3, 6*) с ретушью, а также неопределимые фрагменты орудий (9 экз.).

Кроме изделий из камня в слое 11 найдено четыре костяных орудия – игла, наконечник, лощило, изделие с пазом, а также 17 разнообразных украшений – бусины, подвески, пронизки, фрагменты

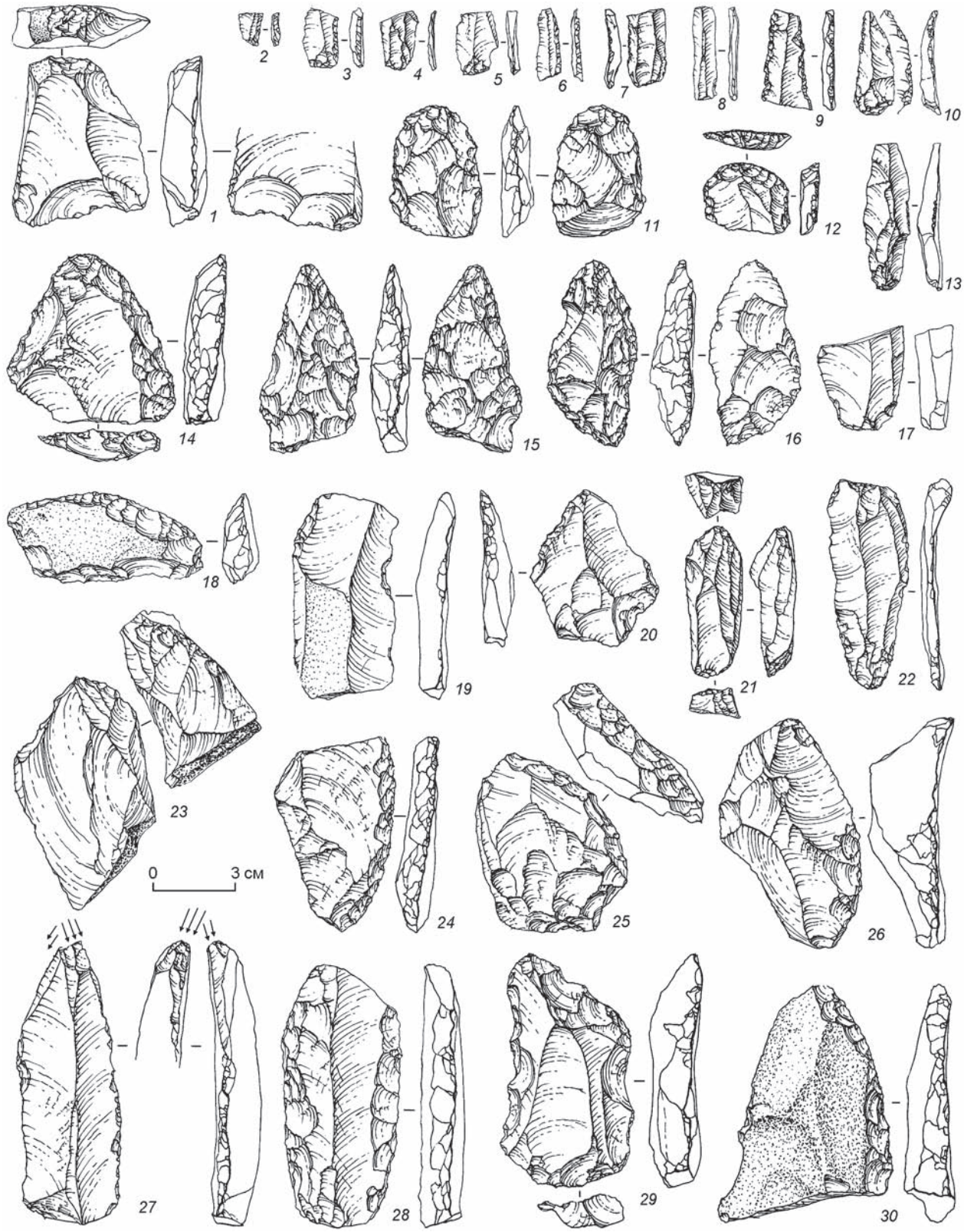


Рис. 2. Каменная индустрия из слоев 12 (*18*, *25*, *27–29*), 11 (*3*, *5–8*, *11–14*, *20*, *21*, *23*, *26*, *30*) и 9 (*1*, *2*, *4*, *9*, *10*, *15–17*, *19*, *22*, *24*) в южной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).

1, 12, 21, 23 – скребки; *2* – пластинка с притупленным краем; *3, 6, 9* – пластинки с ретушью; *4, 5, 7, 8* – пластинки; *10* – микроострие; *11, 15, 16* – бифасы; *13, 17, 19, 22* – пластины; *14, 18, 20, 24–26, 28, 30* – скребла; *27* – резец; *29* – зубчатое орудие.

диадемы, кольцо, изготовленные из зубов и костей животных, бивня мамонта и мягкого поделочного камня. К результатам символической деятельности следует отнести также мраморную гальку со следами охры и фрагмент красного минерального пигмента со следами скобления.

Коллекция из слоя 9 включает 82 каменных артефакта.

Первичное расщепление характеризуют радиальный бифронтальный нуклеус (см. рис. 1, *14*), нуклевидный обломок, 27 отщепов, 10 пластин (см. рис. 2, *17, 19*), пластинка (рис. 2, *4*), 33 обломка и осколка. Важно отметить, что половина пластин и серия отщепов были получены, скорее всего, с использованием мягкого органического отбойника. Об этом свидетельствуют значительный перебор карниза ударной площадки нуклеуса, расплывчатый ударный бугорок, наличие вентрального карниза у точечной или линейной ударной площадки скола (рис. 2, *22*).

Орудийный набор включает девять предметов: фрагмент продольного выпуклого скребла (рис. 2, *24*); концевой скребок на крупном коротком отщепе (рис. 2, *1*), у которого остаточная ударная площадка и бугорок стесаны вентральными сколами; два плоско-выпуклых бифаса, у одного из которых обломлено основание (рис. 2, *15*), у другого – не оформлена часть одной из плоскостей (рис. 2, *16*); микроинвентарь, представленный двумя пластинками с притупленным краем (рис. 2, *2*) и проколкой на пластинке (рис. 2, *10*); отщеп и пластинку с ретушью (рис. 2, *9*).

Судя по предварительным результатам OSL-датирования, отложения слоя 12 накапливались во время ермаковского похолодания (МИС 4), а формирование слоя 11, согласно ^{14}C AMS-дате по кости 48 650 + 2 380/–1 840 л.н. (KIA 25285 SP 553/D19), проходило в первой половине каргинского времени (МИС 3). Отложения слоя 9, судя по данным биостратиграфии, формировались в период сартанского похолодания (МИС 2).

С данными геохронологии хорошо согласуется культурно-стратиграфическая последовательность комплексов. Среднепалеолитический комплекс из слоя 12 характеризуется леваллуазским, радиальным и параллельным плоскостным расщеплением. В орудийном наборе представлены скребла, леваллуазкие острия, хорошо выражен зубчатый компонент. Каменная индустрия раннего этапа верхнего палеолита из слоя 11, судя по продуктам расщепления, базируется на параллельном раскалывании, по сравнению с нижележащим слоем здесь увеличивается доля пластин, появляется мелкопластинчатое производство. В орудийном наборе представлены выразительные верхнепалеолитические концевые скребки и среднепалеолитические формы скребел. Каменную индустрию сопровождают костяной инвентарь и набор разнообразных украшений. Дальнейшее развитие верхнепалеолитических традиций представляет индустрия слоя 9 с хорошо развитым пластинчатым производством и микроинвентарем.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-09-00404.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 103–107.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Shalagina A.V. New Research Findings of the Upper Paleolithic Assemblage from the South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 103–107 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.087-090
УДК 903.01

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Палеолитическая диадема из Денисовой пещеры

В 2018 г. в слое 11 южной галереи Денисовой пещеры найдена диадема из бивня мамонта. Реконструированы основные этапы изготовления этого украшения: получение удлиненной заготовки путем вырезания из увлажненного бивня, формообразующая обработка строганием, шлифовка, двустороннее прорезание отверстия, изгибание увлажненной заготовки для придания изделию округлой формы, отделочная полировка. Технологический анализ диадемы позволил существенно дополнить представления о способах обработки бивня мамонта населением Южной Сибири на раннем этапе верхнего палеолита. Сопоставление этого украшения с аналогичными находками на других стоянках Северной Евразии позволило предположить возможность трансляции культурных и технологических инноваций с территории Горного Алтая в северном и восточном направлениях в первой половине МИС 3.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, ранний этап верхнего палеолита, технология обработки бивня, диадемы.*

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko, M.B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: winteralex2008@gmail.com

A Palaeolithic Diadem From Denisova Cave

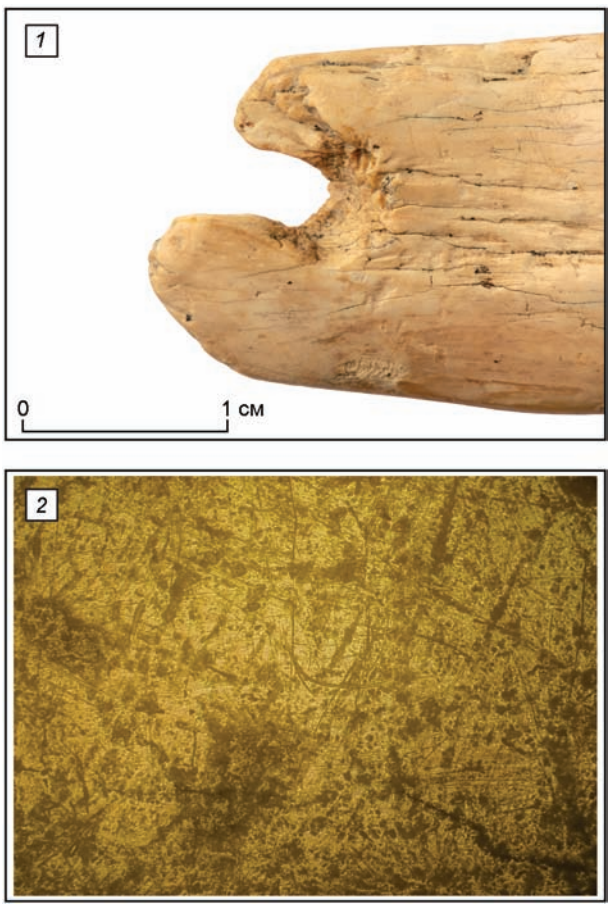
In 2018, layer 11 in South Chamber of Denisova Cave yielded a diadem made of ivory. The main stages of this ornament manufacture have been identified as follows: preparation of a long blank by cutting it from a moistened tusk, blank shaping through planing, polishing, producing a through hole from the opposite sides, bending the moistened blank for making a round shape of the artifact, and a finishing polish. The technological analysis of the diadem provides an insight into ivory processing techniques used by populations of Southern Siberia in the early Upper Palaeolithic. Comparisons of this ornament with its counterparts from other sites in Northern Eurasia suggest the northward and eastward propagation of cultural and technological innovations from the Altai Mountains in early MIS 3.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, experimental use-wear analysis, technological analysis, early Upper Palaeolithic, ivory processing, diadems.*

Диадемы, или налобные обручи, из кости, рога и бивня мамонта являются редким типом персональных украшений в верхнем палеолите Северной Евразии. Эти изделия выполнялись в виде изогнутых удлиненных пластин, как правило, со сверленными или прорезанными отверстиями на концах для крепления на голове с помощью ремешка или веревки [Питулько, Павлова, 2014]. Лицевые стороны диадем нередко украшались сложным орнаментом и гравировками [Abramova, 1967]. До настоящего времени единственной находкой такого рода на территории Горного Алтая являлся медиальный фрагмент орнаментированной диадемы из центрального зала Денисовой пещеры [Шуньков и др., 2016]. В 2018 г. в ходе исследования плейстоценовых отложений в южной галерее пещеры в слое 11 найдена еще одна диадема из бивня хорошей сохранности.

Анализ и фиксация следов износа и обработки на этом изделии осуществлялись с помощью микроскопов Альтами CM0745-T (увеличение ×7–45), Olympus BHM (увеличение ×40–500), фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV с объективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM и штативом с ручной наводкой на резкость.

Рис. 1. Концевой (*1*) и медиальные (*2, 3*) фрагменты диадемы из бивня мамонта из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.



Диадема восстановлена из трех апплицируемых частей (рис. 1). Украшение имеет подпрямоугольную в плане форму, плоско-выпуклое поперечное сечение и изогнутый профиль. Продольные края изделия закруглены, они плавно сужаются от центральной части диадемы к концевой. Максимальная длина украшения составляет 153,0 мм, ширина в медиальной части – 21,3 мм, в дистальной – 15,3 мм, толщина – 3,4–4,8 мм. В концевой части диадемы расположено частично фрагментированное отверстие диаметром 4,4–5,2 мм.

Начальная стадия изготовления диадемы предполагала получение исходного скола-основы. В качестве такой основы служил удлиненный скол, отделенный вдоль длинной оси бивня мамонта. Процессу получения бивневых заготовок предшествовало освобождение тела бивня от цементного слоя. Морфометрические параметры украшения позволяют предположить, что его исходная основа была получена в результате вырезания с продольным расслоением бивня в увлажненном состоянии.

На следующем этапе изготовления скол-основа обрабатывался строганием с целью выравнивания поверхности изделия, придания ему необходимой формы и тонкого профиля. Особая операция на этой стадии производства предполагала дополнительное двустороннее уплощение концевых частей заготовки для подготовки места будущих отверстий. Признаки формообразующей обработки строганием на поверхности изделия прослеживаются слабо, в основном они перекрыты следами более поздних этапов отделки и износа.

Дальнейшая стадия изготовления диадемы связана с перфорацией заготовки в зоне подготовленных концевых частей. Сохранившееся отверстие имеет биконический профиль и округлую форму (рис. 2, *1*), следы выравнивания канала сверления путем расточки отсутствуют. Анализ морфометрических параметров отверстия позволяет предположить, что оно было выполнено попеременным двусторонним прорезанием каменным инструментом с узкой режущей кромкой. На начальном этапе перфорации на подготовленной поверхности изделия формировалось сквозное конусообразное в сечении отверстие, которое в дальнейшем рассверливалось во встречном направлении, с противоположной стороны. Внутри отверстия прослежены следы частичной деформации микрорельефа – стертость и залощенность при использовании.

Рис. 2. Следы прорезания отверстия каменным инструментом (*1*) и следы шлифовки и полировки (*2*, увеличение ×100) на бивневой диадеме из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

На одной из ключевых стадий обработки диадемы ее контур был окончательно сформирован с помощью абразивных инструментов. Следы шлифовки в виде тонких удлиненных параллельных линий, перпендикулярных и диагональных к длинной оси предмета, зафиксированы при увеличении ×40–100 (рис. 2, *2*). Шлифовка использовалась для окончательного удаления неровностей на поверхности – заглаживания микротрещин, выравнивания продольных краев, лицевой и внутренней сторон украшения.

Следующий этап изготовления диадемы предполагал сгибание изделия для получения характерной округлой в плане формы. Подготовка тонкого профиля заготовки и ее удлиненность способствовали уменьшению вероятности деформации изделия в процессе сгибания. Одним из обязательных условий успешного сгибания бивневой пластины являлось ее предварительное увлажнение и распаривание. Для стабилизации формы изогнутая диадема прочно фиксировалась и просушивалась [Хлопачев, Гиря, 2010].

На заключительной стадии производства для формирования максимально гладкой поверхности диадема полировалась, скорее всего, выделанной кожей или натиранием жиром [Питулько, Павлова, 2014]. Морфология следов отделочной полировки, к сожалению, не всегда достоверно идентифицируется из-за сходства со следами использования.

Трасологический анализ бивневой диадемы зафиксировал следы микродеформаций, связанные с использованием изделия в качестве персонального украшения. При увеличении ×40–100 на обеих сторонах диадемы прослежены одиночные разнонаправленные неглубокие и извилистые, тонкие и короткие линии-риски, резко контрастирующие с равномерно заглаженной после полировки поверхностью. Следы износа сопровождаются мягкой, обволакивающей заполировкой, которая проникает вглубь микрорельефа. Такой комплекс следов утилизации характерен для контакта с относительно мягким материалом.

Процесс изготовления диадемы из южной галереи включал следующие операции: вырезание и отделение удлиненного скола-основы от увлажненного бивня, обработку заготовки строганием, перфорацию двусторонним прорезанием, шлифовку, увлажнение и сгибание для придания округлой формы, отделочную полировку. В отличие от большинства известных в палеолите Северной Евразии диадем, это украшение не имеет следов орнаментации. Вместе с тем анализ медиального фрагмента диадемы из центрального зала пещеры свидетельствует о том, что на стоянке существовала практика орнаментации украшений этого типа [Шуньков и др., 2016].

Диадема из Денисовой пещеры находит аналоги в материалах памятников раннего, среднего и позднего этапов верхнего палеолита Северной Евразии. Представительная коллекция бивневых диадем получена на Янской стоянке (28,5–27,0 тыс. л.н.) в Сибирской Арктике [Питулько, Павлова, 2014]. Здесь обнаружено 248 украшений этого типа – несколько целых изделий и многочисленные их фрагменты и заготовки. Большинство этих налобных обручей украшены прямыми или волнистыми линиями из одинарных и парных точек, прямых и наклонных штрихов. Серия фрагментированных бивневых диадем среднего этапа верхнего палеолита найдена на стоянке Мальта (21–19 тыс. л.н.) в Восточной Сибири [Abramova, 1967]. Единичные фрагменты налобных обручей отмечены также в материалах позднепалеолитических стоянок Кокорево II и Сохатино-4 [Абрамова, 1979; Окладников, Кириллов, 1980]. Коллекция диадем из бивня мамонта, украшенных геометрическим орнаментом и гравированными изображениями, обнаружена на памятниках среднего и позднего этапов верхнего палеолита Костенки-1 (слой 1), Авдеево, Мезин, Юдиново, Супонево, Тимоновка-1 (24–13 тыс. л.н.) на территории Восточно-Европейской равнины [Верхний палеолит…, 2016; Абрамова, 1960; Abramova, 1967].

Результаты радиоуглеродного и OSL-датирования отложений слоя 11 в Денисовой пещере позволяют рассматривать диадемы из южной галереи и центрального зала в качестве наиболее ранних украшений этого типа в палеолите Северной Евразии. Вместе с находками браслетов из бивня мамонта диадемы образуют устойчивый набор украшений, известный только еще на двух стоянках верхнего палеолита – Яна и Мальта. Для этих трех палеолитических комплексов характерны высокий уровень развития технологий обработки бивня, широкое распространение и вариабельность технических приемов изготовления персональных украшений. Относительно ранний возраст археологических комплексов начальной стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере предполагает трансляцию культурных и технологических инноваций с территории Горного Алтая в северо-восточном направлении в первой половине МИС 3.

Список литературы

Абрамова З.А. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // Сов. археология. – 1960. – № 3. – С. 15.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 157 с.

Верхний палеолит: Образы, символы, знаки: каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок

верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – 384 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – Вып. 2. – С. 141–161.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири – приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). – СПб.: Наука, 2010. – 144 с.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 221–224.

Abramova Z.A. Palaeolithic Art in the U.S.S.R. // Arctic Anthropology. – 1967. – Vol. 2. – P. 1–179.

References

Abramova Z.A. Rol’ i znachenie paleoliticheskogo iskusstva v vyyavlenii mestnykh osobennostei verkhnepaleoliticheskoi kul’tury Vostochnoi Evropy. *Soviet archaeology*, 1960, No 3, p. 15 (in Russ.).

Abramova Z.A. Palaeolithic Art in the U.S.S.R. *Arctic Anthropology*, 1967, vol. 2, pp. 1–179.

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kul’tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 157 p. (in Russ.).

Khlopachev G.A., Girya E.Yu. Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoi Evropy i Sibiri – priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkheologicheskim i eksperimental’nym dannym). St. Petersburg: Nauka, 2010, 144 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Kirillov I.I. Yugo-Vostochnoe Zabaikal’e v epokhu kamnya i rannei bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.).

Pitul’ko V.V., Pavlova E.Yu. Iskusstvo Yanskoi stoyanki: diademy i braslety iz bivnya mamonta (predvaritel’nyi analiz kollektsii). *Archaeology of the Arctic.* Ekaterinburg: Delovaya pressa, 2014, iss. 2, pp. 141–161 (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D. Kostyanye orudiya i ukrasheniya rannego verkhnego paleolita iz tsentral’nogo zala Denisovoi peshchery: kollektsiya 2016 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 221–224 (in Russ.).

Verkhnii paleolit: Obrazy, simvoly, znaki: katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal’nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN. St. Petersburg: Ekstraprint, 2016, 384 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.091-095
УДК 913:56(571.651.8)

С.В. Жилич[1, 3], С.К. Кривоногов[2, 3], Е.В. Пархомчук[2, 4], М.Н. Колпакова[3], О.С. Наймушина[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[4]Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН
E-mail: snezhy@yandex.ru

Реконструкция ландшафтов в районе озера Эбейты (Омская область) по палинологическим данным за последние 28 тысяч лет

Приведены результаты палинологического и радиоуглеродного анализов донных отложений соленого бессточного оз. Эбейты (Омская обл.). В Центре коллективного пользования СО РАН «Геохронология кайнозоя» получено 18 дат. Возраст отложений ок. 28 тыс. лет. По палинологическим данным в максимум оледенения (до 18 тыс. л.н.) в районе озера преобладали холодные засушливые степные ландшафты, климат был сухой и холодный. Во время дегляциации (18–14 тыс. л.н.) распространились береза и сосна, степные ландшафты сменились лесостепными, климат стал теплее и влажнее. До начала голоцена доминировала лесостепь, климат продолжал теплеть. В среднем голоцене (7–3 тыс. л.н.) доминировали злаково-полынные степи, климат был сухим и теплым. После 3 тыс. л.н. степные ландшафты сменились лесостепными, климат стал влажнее.

Ключевые слова: *палинологический анализ, радиоуглеродный анализ, озерные отложения, Эбейты, климат.*

S.V. Zhilich[1, 3], S.K. Krivonogov[2, 3], E.V. Parkhomchuk[2, 4], M.N. Kolpakova[3], O.S. Naymushina[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[4]Boreskov Institute of Catalysis SB RAS
E-mail: snezhy@yandex.ru

Landscape Reconstructions for the Latest 28 Thousand Years Based on Pollen Data from Lake Ebeyty (Omsk Region)

Results of palynological and radiocarbon analyzes of sediments from saline endorheic Lake Ebeyty (Omsk region) are presented. 18 radiocarbon dates were generated in the "Center of Cenozoic Geochronology" SB RAS. The base of the core is about 28 ka BP. According to the pollen data, cold dry steppe landscapes were dominant during the maximum of the last glaciation up to 18 ka BP. The climate was dry and cold. Then (from 18 to 14 ka BP) forest-steppe landscapes appeared, birch and pine were widely spread. The climate became warmer and wetter. Forest-steppe dominated up to the early Holocene and the climate tended to warming. During the Middle Holocene from 7 to 3 ka BP, grass and wormwood steppes dominated. The climate was dry and warm. Modern forest-steppe landscapes appeared after 3 ka BP. The climate became wetter.

Keywords: *palynological analysis, radiocarbon dating, lake sediments, Ebeyty, climate.*

Озеро Эбейты расположено в Омской обл. (54°40' с.ш., 71°45' в.д.), его котловина представляет собой глубокое, ок. 50 м, бессточное понижение рельефа, аналогичное крупным озерам Северного Казахстана. Озеро находится на границе лесостепной и степной ботанико-географической зон [Национальный атлас России, 2008, с. 328–331], в зоне недостаточного увлажнения (осадки до 300 мм/г.)

и избыточной теплообеспеченности (суммарное испарение 600–700 мм/г., среднегодовая температура 0,1– (–0,2) °С), поэтому глубина озера варьирует от 0,6 до 3 м. В зависимости от водообильности года площадь озера меняется и в настоящее время колеблется от 90 до 113 км^2. Воды по солености сопоставимы с водами Мертвого моря, являются местом обитания рачков артемии, используемых промышленно как корм для рыб, и месторождением минеральных солей и лечебных грязей [Колпакова и др., 2018, с. 112].

Растительные сообщества в самой котловине озера, за счет сильного засоления, представлены видами облигатных галофитов из семейства маревые (Chenopodiaceae). По склонам озерной котловины, на возвышенных, не засолённых уровнях рельефа распространены остепнённые злаково-солодковые луга, на отдельных участках сильно закустаренные. Березовые леса распространены за пределами озерной котловины на удалении нескольких километров от озера.

В целом история оз. Эбейты практически не изучена, а его отложения исследовались только с целью использования минерального сырья (мирабилит). Летом 2016 г. в 1 км от южного берега на глубине 0,55 см с помощью поршневого пробоотборника получены керны (Эбейты 2016 02 и 03) донных отложений длиной 300 см. Мы исследовали образцы кернов комплексом методов: седиментологическим, радиоуглеродным, палинологическим, биомаркерным и т.д. В данной статье представлены первые результаты палинологического и радиоуглеродного анализов с количественной реконструкцией растительности методом биомизации по палинологическим данным.

Проведен радиоуглеродный анализ двух серий образцов из дублирующих кернов 02 и 03; материалом для датирования послужило мелкодисперсное органическое вещество осадков (total organic carbon, TOC). В первой серии были отобраны образцы керна 02; во второй – керна 03 с различных глубин (*см. таблицу*). Пробоподготовка образцов выполнена в Лаборатории радиоуглеродных методов анализа (ЛРМА) в Новосибирском государственном университете, датирование – в Центре коллективного пользования СО РАН «Геохронология кайнозоя» на ускорительном масс-спектрометре (УМС/AMS), построенном ИЯФ СО РАН.

Предварительно построена возрастная модель по 18 полученным датам УМС. Даты достаточно хорошо ложатся на экспоненциальную линию тренда с коэффициентом аппроксимации 0,977 (рис. 1). Нижняя граница озерных отложений на глубине 260 см имеет возраст ок. 20 тыс. ^{14}С лет. Нижняя граница голоцена (10,5 ^{14}С лет) проходит между датированными уровнями 240 и 250 см. Для реконструкций использованы возрасты глубин, определенные по возрастной модели.

Для палинологического анализа из керна 03 оз. Эбейты отобрано 150 образцов (с шагом 2 см, по 2 г и с увеличением размера навески ниже 250 см до 5 г). Химическая обработка проб проводилась по стандартной методике для озерных отложений [Faegri, Iversen, 1989], включая обработку 10%-м раствором соляной кислоты для растворения карбонатов, 10%-м раствором гидроксида калия для удаления гуминовых кислот и концентрированной плавиковой кислотой для удаления силикатов. Для подсчета концентрации добавлялась одна таблетка спор *Lycopodium*. Готовый палинологический препарат изучался под микроскопом с увеличением в 400 раз, в каждом препарате насчитывалось 300–500 пыльцевых зерен. Определение пыльцы до семейств и родов проводилось с использованием эталонной коллекции ИАЭТ СО РАН и атласов. На диаграмме отражено процентное содержание пыльцы и спор относительно глубин разреза; за 100 % бралась сумма пыльцы древесных и травянистых растений (рис. 2).

Сохранность пыльцы в образцах хорошая, а концентрация пыльцы значительно снижается к основанию колонки. На спорово-пыльцевой диаграмме выделено 7 палинозон (рис. 2). По данным палинологического анализа реконструированы типы доминирующей растительности (биомы) с помощью количественного подхода, известного как метод биомизации [Prentice et al., 1996]. Метод основан на концепции функциональных типов растений, крупных группировок, объединенных общностью различных параметров, в т.ч. и климатических, которые определяют критические пределы роста и воспроизводства растений. На основе данных радиоуглеродного и палинологического анализов и биомизации проведены реконструкции изменений растительного покрова и климата в районе оз. Эбейты. Выделены следующие палинозоны (PZ):

PZ I (300–260 см; 28–18 тыс. л.н., максимум последнего оледенения). Нижняя палинозона характеризуется доминированием аридных степных ассоциаций (Chenopodiaceae, Plumbaginaceae), очень низкими концентрациями пыльцы и плохой сохранностью пыльцевых зерен. Климат был холодным и сухим.

PZ II (260–240 см; 18–14,4 тыс. л.н., стадия дегляциации). В этой зоне происходят резкие изменения спорово-пыльцевых спектров, в больших количествах появляется пыльца березы (до 35 %) снижается доля пыльцы растений степных ассоциаций, практически исчезает пыльца свинчатковых

Результаты радиоуглеродного датирования образцов кернов 02 и 03 из оз. Эбейты

Керн Эбейты 2016	Глубина, см	Шифр в ЛРМА (LRMA)	Возраст образца, лет (усредненное по трем измерениям)	Среднеквадратичное отклонение среднего, лет
03	40	CNN34, CNN35	1 123	58
	80	CNN47, CNN48	2 491	42
		CNN36, CNN37		
	120	CNN38, CNN39	3 635	59
	160	CNN42, CNN43	5 333	64
	250	CN1157, CN1158	16 689	148
	260	CN1159, CN1160	19 882	239
	266	CN1161, CN1162	20 705	207
	272	CN1163, CN1164,	26 543	154
		CNN10, CNN11		
02	10	CN634, CN635	1 009	53
	20	CN636, CN637	1 263	56
	30	CN641, CN642,	1 533	37
		CN669		
	50	CN643, CN644,	2 251	40
		CN670		
	100	CN647, CN648,	3 073	41
		CN671		
	150	CN649, CN650	4 586	51
	200	CN653, CN654	7 656	68
	240	CN655, CN656	9 659	82
	270	CN657, CN663	23 520	173
	295	CN661, CN662	23 865	191

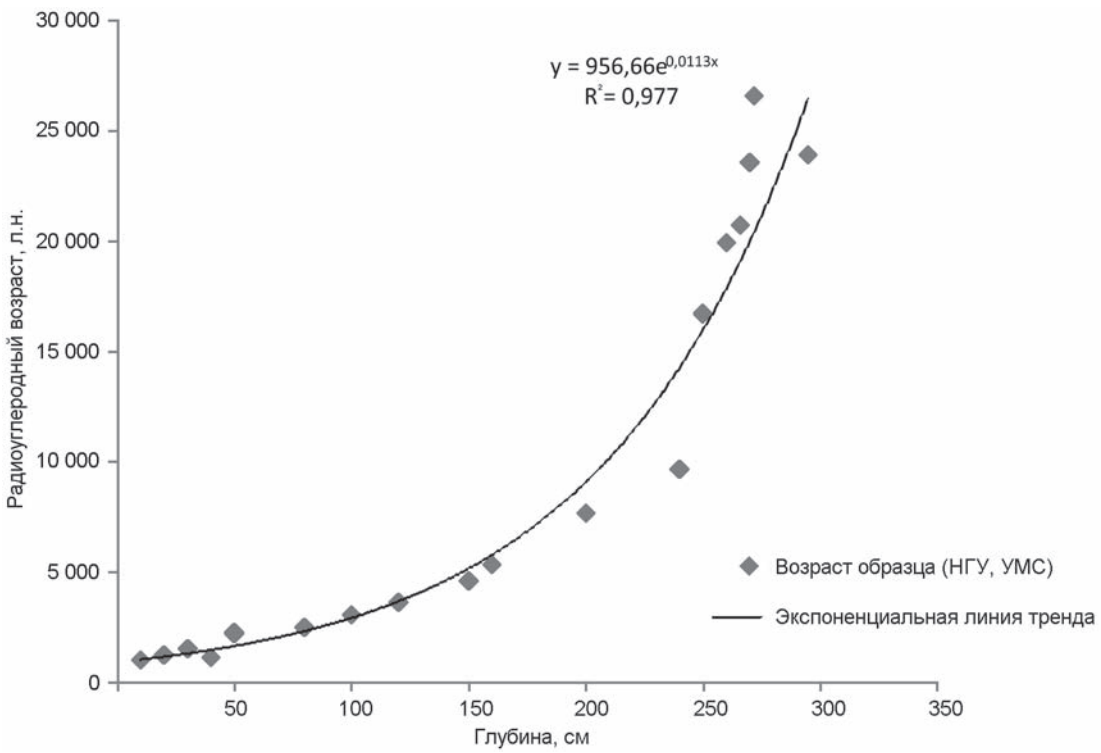


Рис. 1. Возрастная модель озера Эбейты.

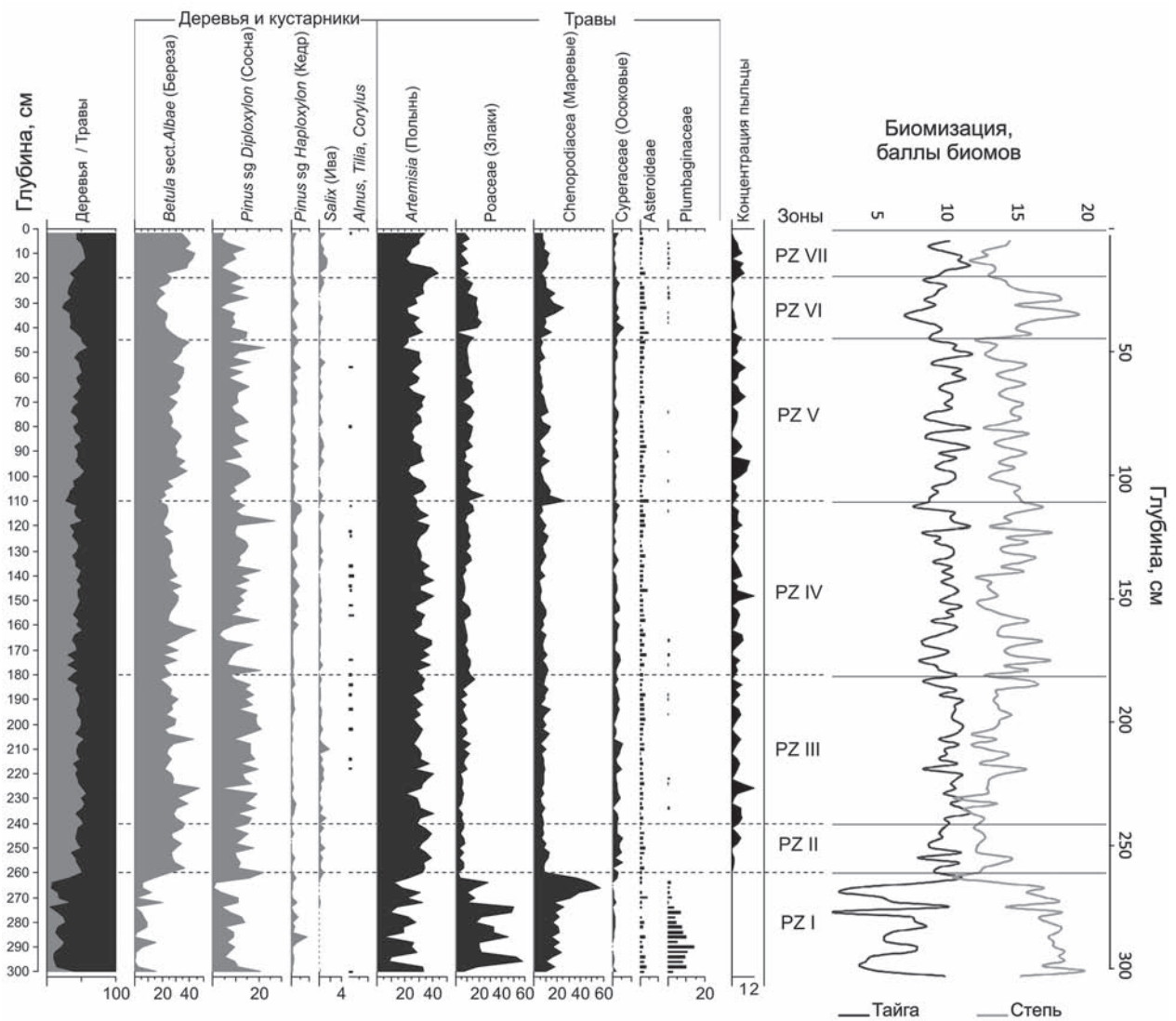


Рис. 2. Упрощенная спорово-пыльцевая диаграмма оз. Эбейты (150 образцов).

(Plumbaginaceae). Климат становится более влажным и теплым. В районе озера распространяется лесостепь.

PZ III (240–180 см; 14,4–7,3 тыс. л.н., позднеледниковье, первая половина голоцена). В районе распространена лесостепь, но постепенно возрастает доля степных ассоциаций, климат становится теплее.

PZ IV (180–110 см; 7,3–3,3 тыс. л.н., средний голоцен). Уменьшается доля пыльцы древесных растений и увеличивается доля степных ассоциаций. Климат теплый и становится суше.

PZ V (110–45 см; 3,3–1,6 тыс. л.н., поздний голоцен). Снова увеличивается доля пыльцы древесных (березы) и злаков, уменьшается доля полыни. Вероятно, климат имел тренд на увлажнение и похолодание.

PZ VI (45–20 см; 1,6–1,2 тыс. л.н., поздний голоцен). Резкое увеличение доли степных ассоциаций и уменьшение количества березы. Климат становится суше и холоднее, распространяется степь.

PZ VII (20–0 см; 1,2–0 тыс. л.н., современная эпоха). Пыльца березы доминирует, доля полыни уменьшается. Присутствует пыльца ивы. Климат становится теплее и влажнее, доминирующие растительные сообщества ближе к лесостепным.

Таким образом, по полученным данным реконструированы растительность и климат в районе оз. Эбейты за последние 28 тыс. лет. До 18 тыс. л.н. в районе озера были распространены холодные засушливые степные ландшафты ледникового времени, климат был значительно суше и холоднее современного. После 18 тыс. л.н. и до 14 тыс. л.н. распространились береза и сосна, аридные степные ландшафты сменились лесостепными, климат становился теплее и влажнее. После 14 тыс. л.н. в районе озера доминировала лесостепь, климат продолжал теплеть. В период с 7 до 3 тыс. л.н. доминировали злаково-полынные степи, климат был сухим и теплым. После 3 тыс. л.н. степные ланд-

шафты сменились лесостепными, климат стал влажнее. Около 1,5 тыс. л.н. в районе Эбейты наблюдалось кратковременное потепление и иссушение климата, после этого границы природных зон не претерпевали значительных сдвигов. Лишь в последние 200–500 лет в районе озера увеличилось влияние степных ассоциаций. Это может быть связано с сокращением уровня осадков или с усилившейся антропогенной нагрузкой (вырубка, пастбища).

Благодарности

Палинологические и аналитические исследования выполнены по проекту НИР, радиоуглеродный анализ образцов выполнен по проекту IX.127 комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН.

Список литературы

Колпакова М.Н., Гаськова О.Л., Наймушина О.С., Кривоногов С.К. Озеро Эбейты, Россия: химико-органический и минеральный состав воды и донных отложений // Изв. Том. политехн. ун-та. Инжиниринг георесурсов. – 2018. – Т. 329, № 1. – С. 111–123.

Национальный атлас России. – М.: Роскартография, 2008. – Т. 2: Природа и экология. – 495 с.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – Caldwell: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. – 1996. – Vol. 12. – P. 185–193.

References

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. Caldwell: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Kolpakova M.N., Gaskova O.L., Najmushina O.S., Krivonogov S.K. Ozero Ebejty, Rossija: himiko-organicheskij i mineral'nyj sostav vody i donnyh otlozhenij. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov*, 2018, vol. 329, No. 1, pp. 111–123 (in Russ.).

Natsionalnyj atlas Rossii. Moscow: Roskartografiya, 2008, vol. 2: Priroda i ekologiya, 495 p. (in Russ.).

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka. *Climate Dynamics*, 1996, vol. 12, pp. 185–193.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.096-101
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина[1, 2], К. Кретэн[3], Дж. Конэгр[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей первобытной истории, Франция
[4]Университет Бордо, Франция
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Результаты полевых исследований скального навеса Абри-дю-Пуассон (Франция)

Скальный навес Абри-дю-Пуассон является одним из уникальных памятников пещерного искусства Франко-Кантабрийской области, он известен, прежде всего, благодаря детализированному, реалистичному изображению лосося. В пещерном искусстве Западной Европы обнаружено крайне мало изображений рыб, а выполненных в технике барельефа, как лосось из Абри-дю-Пуассон, больше не существует. В последние годы на памятнике были сделаны открытия, позволяющие не только по-новому взглянуть на его материалы, но и получить представление о том, как выглядел свод скального навеса в эпоху ориньяк и граветт. В 2016–2018 гг. были проведены полевые работы, включая полное документирование всех элементов рельефа, связанных с искусственной обработкой потолка, с естественной деградацией скальной поверхности, также выполнено геоморфологическое исследование Абри-дю-Пуассон. Работа была проведена в рамках комплексного подхода, что позволило не просто сопоставить результаты, полученные при помощи различных методов, но и продемонстрировать процессы, происходившие на памятнике в эпоху палеолита, в динамике.

Ключевые слова: *пещерное искусство, фотограмметрия, трасология, Абри-дю-Пуассон, Дордонь, Франция.*

L.V. Zotkina[1, 2], C. Cretin[3], J. Caunegre[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of Prehistory, France
[4]University of Bordeaux, France
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Results of Field Works at the Rock Shelter Abri du Poisson (France)

The rock shelter Abri du Poisson is one of the significant sites of cave art in Franco-Cantabrian region. First of all it is well known by a very detailed and realistic image of salmon. There are not so many representations of fish in the cave art of Western Europe, there is no other examples of fish images made in bas-relief technique. However this rock shelter is interesting for other reasons too. Recently, new discoveries have been made at the site offering the possibility of certain revision, including chronological, of the available materials and the appearance of the plafond of the rock shelter in the Aurignacian and Gravettian. The field works in 2016–2018 included complete documenting of every plafond feature of natural or artificial modification and a geomorphologic analysis in Abri du Poisson. The works were realized through the multidisciplinary approach, which permits not only to compare the results obtained by different methods but to show the dynamics of processes that took place at the site in the Paleolithic.

Keywords: *cave art, photogrammetry, traceology, Abri du Poisson, Dordogne, France.*

Памятник пещерного искусства Абри-дю-Пуассон представляет собой скальный навес с рельефными и крашеными изображениями на своде и с отложениями, датируемыми ориньякским и граветтским временем, разделенными стерильными прослойками. Этот памятник расположен в неболь-

шом логу Горж-д'Анфер на территории коммуны Маркай департамента Дордонь во Франции, между местонахождениями Ложри-От, Ложри-Ба и г. Лез-Эйзи-де-Тайак [Breuil, 1952, p. 304–305; Delluc B., Delluc G., 1991, p. 51] (рис. 1, *1*, *2*).

Навес был открыт в 1892 г. П. Жиро. На памятнике неоднократно проводились раскопки (в 1898, 1912, 1917–1918 гг.) исследователями П. Жиро, Галу, Д. Пейрони [Roussot, 1984, p. 154]. В 1912 г. на своде было обнаружено большое барельефное изображение рыбы, длиной более 1 м [Peyrony, 1932, p. 246] (рис. 1, *3*). Поскольку вся поверхность свода была покрыта плотным слоем мха, который был удален при помощи щеток, при документировании свода навеса обнаружены характерные следы от чистки. Эти факты дают основание полагать, что многие изображения были если не уничтожены таким образом, то повреждены. Кроме того, Д. Пейрони, изучавший отвал ранее проведенных раскопок, а не слои *in situ*, обнаружил целую серию блоков и плиток известняка, многие из которых окрашены красным пигментом, а некоторые имеют элементы искусственного рельефа, в т.ч. фигуративные (например, женские знаки, фрагменты зооморфных изображений) [Peyrony, 1932, p. 259–263; 1952, p. 566].

Позднее в 1975 г. С. Аршембо и А. Руссо обнаружили черный негативный отпечаток руки [Roussot, 1984, p. 154], исследователи также выполнили прорисовку изображения рыбы. В 80-е гг. XX в. изучением Абри-дю-Пуассон занимались Б. и Ж. Делюк, которые также сделали несколько прорисовок (художественную и техническую), изучили блоки с изобразительными элементами, которые находятся в музее и на памятнике [Delluc B., Delluc G., 1991].

Отложения Абри-дю-Пуассон включают два культурных слоя красноватого оттенка: ориньяк и граветт. Они разделены стерильным слоем желтоватого цвета, связанным с десквамацией [Roussot, 1984, p. 154; Jaubert, 2008, p. 226; Cleyet-Merle, 2016, p. 10, ill.].

В 2016–2018 гг. исследования навеса Абри-дю-Пуассон возобновились в рамках Программы коллективных исследований «Археология памятников искусства Дордони» (Министерства культуры и коммуникаций Франции) под руководством К. Кретэн. Работы предполагали комплексное изучение памятника, а именно:

– полное документирование элементов рельефа естественного и искусственного происхождения на своде навеса;

– геоморфологическое изучение свода и стратиграфического разреза;

– трасологическое изучение изображений свода и блоков;

– функциональный анализ коллекции артефактов, происходящих из раскопок разных лет и зачистки разреза 2017 г.

Документирование изображений и любых других искусственных и естественных элементов рельефа производилось на основе трехмерной модели, т.к. любой контакт с поверхностью свода или стен категорически запрещен протоколом исследования памятников пещерного искусства, в соответствии с законодательством Франции. Первоначально была проведена фиксация всего объема навеса при помощи облачной фотограмметрии. Затем на ортофотографии только свода Абри-дю-Пуассон отмечались все категории искусственной и естественной модификации поверхности. Это позволило проследить, какие участки потолка были повреждены относительно поздней десквамацией, выявить элементы естественного рельефа, которые были использованы древним художником (рис. 1, *4*), установить границы распространения красного пигмента на поверхности свода, что позволяет судить об искусственном и естественном происхождении красителя, а также обнаружить ранее неизвестные изображения слабой сохранности (рис. 2).

Кроме того, в процессе обследования свода была найдена целая серия т.н. «кольцеобразных отверстий» (anneaux percés) (рис. 3). Они довольно распространены в пещерном искусстве Франции, представляют собой биконические отверстия, выдолбленные в известняке, в результате чего получался крючок. Большинство исследователей придерживаются мнения, что они были функциональными и служили для подвешивания чего-либо. Но, к сожалению, такие «кольцеобразные отверстия» крайне редко находят целыми. Они чаще всего датируются ориньякским временем, реже мадленским (например, на памятнике Рок-о-Сорсье) [Pinçon et al., 2016, p. 20, 29].

На своде Абри-дю-Пуассон ранее было известно несколько «кольцеобразных отверстий». Все исследователи отмечали два на хвосте рыбы. Тщательное изучение поверхности потолка и стен навеса показало, что их десять и все они концентрируются в центральной части навеса (см. рис. 1, *4*). Среди них нет ни одного целого, и эти повреждения обусловлены не функциональным использованием, а десквамацией относительно крупных фрагментов потолка (см. рис. 3, *1*). Геоморфологический анализ памятника показал, что период самого интенсивного отшелушивания поверхности известняка здесь связан с посториньякской эпохой, т.к. стерильная прослойка, ассоциируемая с этим временем, содержит самое интенсивное заполнение отслоившимися от свода фрагментами, чаще довольно крупными. В граветтском слое этого не наблюдается, десква-

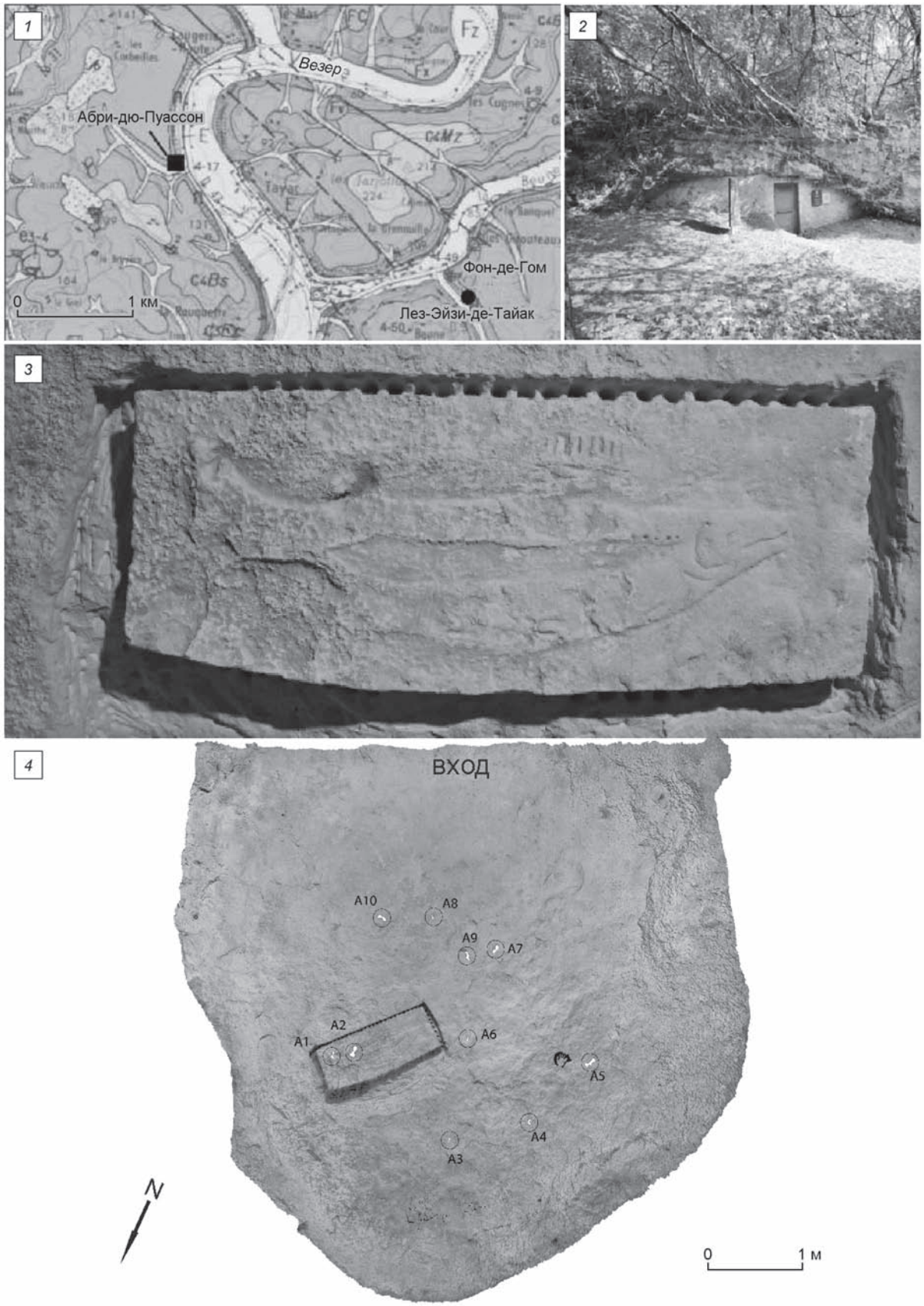


Рис. 1. Скальный навес Абри-дю-Пуассон (Дордонь, Франция).

1 – расположение навеса на карте (коммуна Маркай, Дордонь, Франция); *2* – общий вид на памятник (фото К. Кретэн); *3* – барельефное изображение лосося (фото А.К. Солодейникова); *4* – ортофотография свода на основе трехмерной модели с отмеченными «кольцеобразными отверстиями» (A1, A2 и т.д.) (3D-модель Л. Лескопа, прорисовка К. Кретэн).

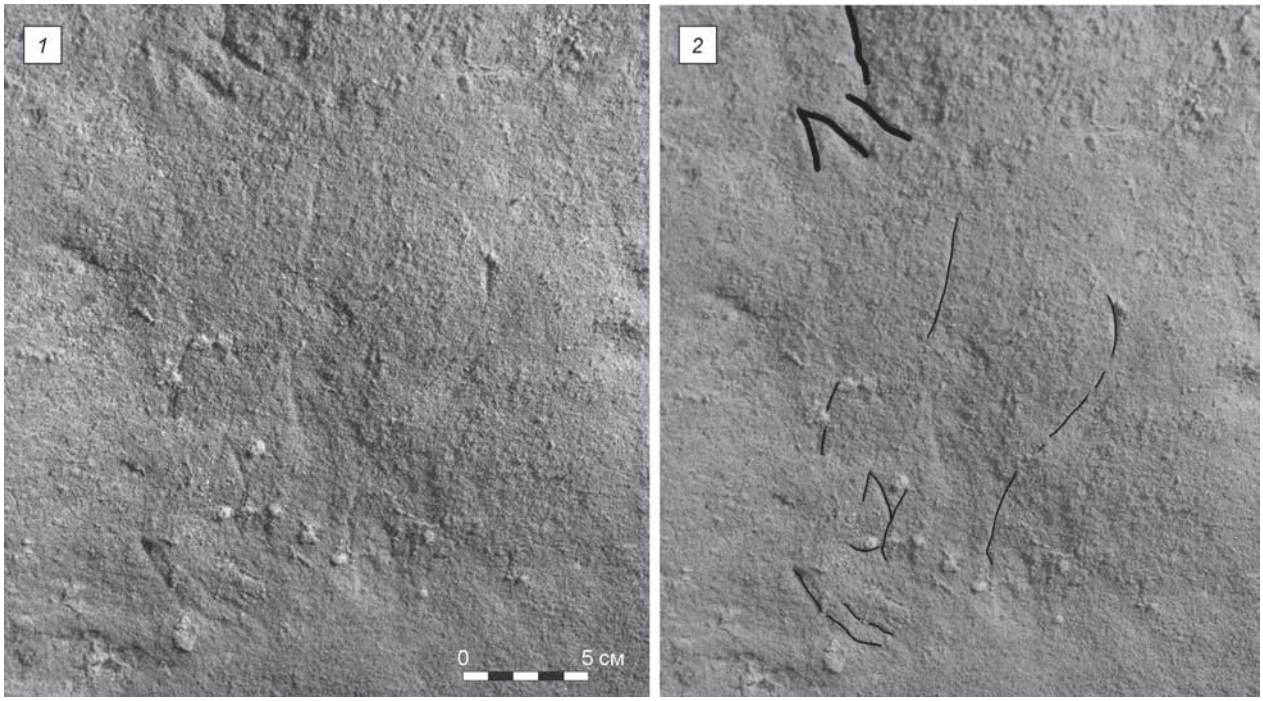


Рис. 2. Новое изображение головы лошади, обнаруженное в ходе осмотра свода Абри-дю-Пуассон, в 2016 г. (фото и прорисовка Л.В. Зоткиной).

1 – фотография; *2* – прорисовка на основе фотографии.

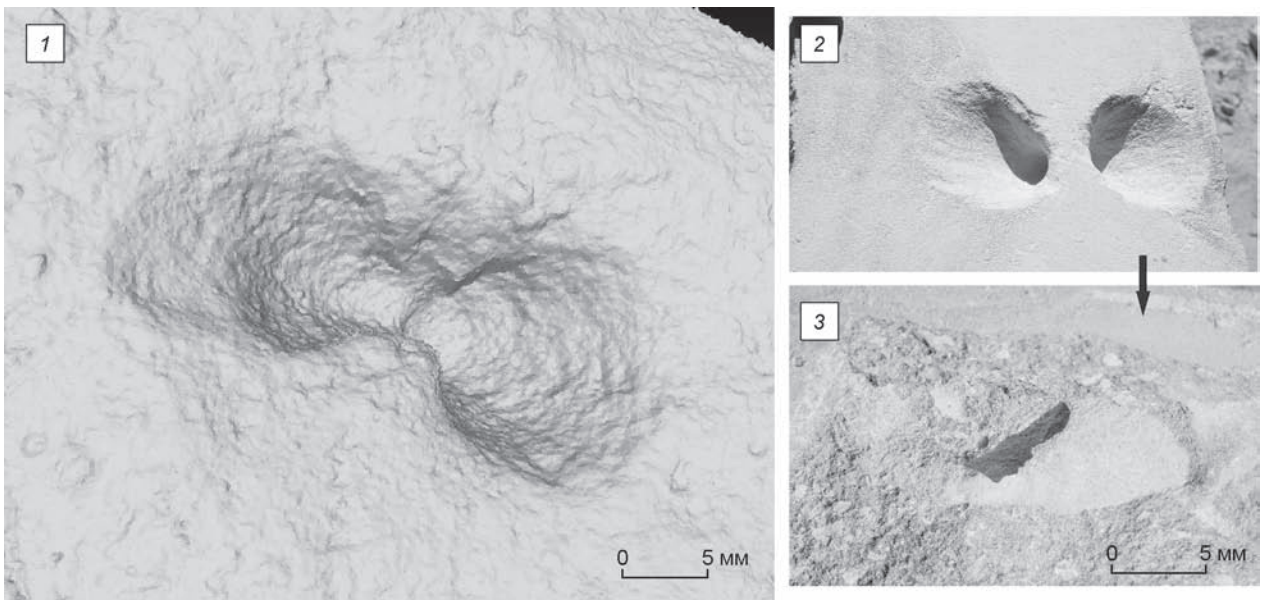


Рис. 3. «Кольцеобразные отверстия» (anneaux percés).

1 – «кольцеобразное отверстие» из Абри-дю-Пуассон № А3 (3D-изображение Л.В. Зоткиной); *2* – целое экспериментальное «кольцеобразное отверстие» (фото Л.В. Зоткиной); *3* – распиленное экспериментальное «кольцеобразное отверстие» (фото Л.В. Зоткиной).

мация продолжалась значительно более медленными темпами, и отслоившиеся чешуйки гораздо меньших размеров.

Предположение о том, что «кольцеобразные отверстия» были повреждены в ходе интенсивного отшелушивания, частично подтверждается первыми экспериментами. При помощи длинных массивных пластин бержеракского кремня было подготовлено несколько «кольцеобразных отверстий» в известняке, после чего они были преднамеренно сломаны: срезан верхний слой, т.е. «крючок». В результате были получены лунки, очень близкие по форме «кольцеобразным отверстиям» из Абри-дю-Пуассон (см. рис. 3, *2, 3*) . Эксперименталь-

ное изучение проблемы будет продолжено. Но уже на этом этапе сопоставление данных о характере повреждений «кольцеобразных отверстий» с результатами геоморфологического анализа Абри-дю-Пуассон указывает на их ориньякский возраст.

Геоморфологическое исследование характера повреждений и трасологическое изучение свода навеса показало, что хвост рыбы практически не был подработан. По всей видимости, художник использовал уже существовавшую естественную форму рельефа, что не является редкостью для первобытного пещерного искусства этого региона. Однако было установлено, что деградация поверхности в области изображения рыбы была минимальной. Этот факт, очевидно, указывает на то, что оно было выполнено после периода интенсивной десквамации, иначе этот барельеф был бы утрачен. Таким образом, предварительно можно датировать знаменитую фигуру лосося граветтом, что подтверждает гипотезу Д. Пейрони. Учитывая все эти данные, можно предполагать, что «кольцеобразные отверстия» в области хвоста рыбы существовали в эпоху, предшествовавшую ее созданию, что делает выбор именно этого участка свода для выполнения барельефа еще более интересным.

Также был проведен функциональный анализ коллекций из раскопок конца XIX и начала XX в., а также материалов, полученных в ходе зачистки стенок 2017 г. Основной задачей был поиск следов обработки мягкого камня (известняка) на кремневых артефактах. Для этого не было необходимости использовать большое увеличение, максимальное использованное увеличение ×100. Методика такого функционального анализа была недавно успешно апробирована группой исследователей ансамбля мезолитических скальных навесов Фонтенбло (Парижский бассейн) [Guéret, Bénard, 2017]. Всего было проанализировано более 300 артефактов из кремня различного происхождения, но в основном локального (Дордонь, Бержерак). Из коллекции Абри-дю-Пуассон всего шесть артефактов были использованы для обработки мягкого камня в техниках гравировки, скобления, реже пикетажа. Среди них два скребка, две пластины, орудие типа пик, резец на пластине. Интересно, что одна из пластин была использована для гравировки поверхности, прокрашенной красным пигментом, т.к. на рабочей части остались следы красителя. Учитывая, что коллекция плиток и блоков с фигуративными элементами и пигментом из Абри-дю-Пуассон насчитывает более 200 ед., возможно, соотнесение данных о них с результатами функционального анализа позволит получить новую информацию о датировке этих блоков и плиток, не имеющих привязки к археологическому слою.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы коллективных исследований «Археология памятников искусства Дордони» (Министерство культуры и коммуникаций Франции) № 027232 и при поддержке гранта Президента РФ № МК-1344.2017.6. Авторы выражают благодарность С. Мори за помощь в экспериментальном исследовании и за конструктивную дискуссию.

Список литературы

Breuil H. Gorge d'Enfer // Quatre cents siècles d'art pariétal. Les cavernes ornées de l'âge du renne. – Montignac: Centre d'Etudes et de Documentation Préhistorique, 1952. – 413 p.

Cleyet-Merle J.-J. Les abris du Poisson et du Cap-Blanc. – Paris: Editions du patrimoine. Centre des monuments nationaux, 2016. – 71 p.

Cretin C., Zotkina L. Rapport de l'Opération de relevé d'art rupestre. 1ère année. Étude technotracéologique de l'abri du Poisson. Opération archéologique N 027232 // Service régionale de l'archéologie, DRAC Aquitaine. – Bordeaux, 2017. – 93 p.

Delluc B., Delluc G. L'abri du Poisson // L'Art pariétal archaïque en Aquitaine: XXVIIIe supplement à Gallia Préhistoire. – Paris: CNRS, 1991. – P. 212–224.

Guéret C., Bénard A. "Fontainebleau rock art" (Ile-de-France), an exceptional rock art group dated to the Mesolithic? Critical return on the lithic material discovered in three decorated rock shelters // J. of Archaeological Sci.: Rep. – 2017. – Iss. 13. – P. 99–120.

Jaubert J. L' "art'' pariétal gravettien en France: éléments pour un bilan chronologique // Paléo. – 2008. – No. 20. Spéciale table ronde (2e partie: Le Gravetttien: entités régionales d'une paléoculture européenne. Les Eyzies de Tayac, juillet 2004. – P. 205–237.

Peyrony D. Les abris Lartet et du Poisson à Gorge d'Enfer (Dordogne). L'Abri du Poisson // L'antropologie. – 1932. – Vol. XLII. – 268 p.

Peyrony D. Note à propos de la recherche d'oeuvres d'art pariétal ou mobilier, dans les déblais des fouilles anciennes // Bull. de la Soc. préhistorique de France. – 1952. – Vol. 11-12. – P. 565–567.

Pinçon G., Lorez J., Gély J.-P., Fuentes O. Le Roc-aux-Sorciers. Anglés-sur-Anglin. – La Crèche: Geste éditions, 2016. – 51 p.

Roussot A. Abri du Poisson // L'art des cavernes. Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises. – Paris: Ministère de la Culture, Imprimerie Nationale, 1984. – P. 154–155.

References

Breuil H. Gorge d'Enfer. In *Quatre cents siècles d'art pariétal. Les cavernes ornées de l'âge du renne*. Montignac, Centre d'Etudes et de Documentation Préhistorique, 1952, 413 p.

Cleyet-Merle J.-J. Les abris du Poisson et du Cap-Blanc. Paris: Editions du patrimoine. Centre des monuments nationaux, 2016, 71 p.

Cretin C., Zotkina L. Rapport de l'Opération de relevé d'art rupestre. 1ère année. Étude techno-tracéologique de l'abri du Poisson. Opération archéologique N 027232. *In Service régionale de l'archéologie, DRAC Aquitaine*. Bordeaux, 2017, 93 p.

Delluc B., Delluc G. L'abri du Poisson. In *L'Art pariétal archaïque en Aquitaine. Gallia Préhistoire, XXVIIIe supplement*. Paris: CNRS, 1991, pp. 212–224.

Guéret C., Bénard A. "Fontainebleau rock art" (Ile-de-France), an exceptional rock art group dated to the Mesolithic? Critical return on the lithic material discovered in three decorated rock shelters. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2017, iss. 13, pp. 99–120.

Jaubert J. L' "art" pariétal gravettien en France: éléments pour un bilan chronologique. *Paléo*, 2008, No. 20. Spéciale table ronde (2e partie: Le Gravetttien: entités régionales d'une paléoculture européenne. Les Eyzies de Tayac, juillet 2004). pp. 205–237.

Peyrony D. Les abris Lartet et du Poisson à Gorge d'Enfer (Dordogne). L'Abri du Poisson. In *L'antropologie*, 1932, vol. XLII, 268 p.

Peyrony D. Note à propos de la recherche d'oeuvres d'art pariétal ou mobilier, dans les déblais des fouilles anciennes. In *Bulletin de la Société préhistorique de France*, 1952, vol. 11-12, pp. 565–567.

Pinçon G., Lorez J., Gély J.-P., Fuentes O. Le Roc-aux-Sorciers. Anglés-sur-Anglin. La Crèche: Geste éditions, 2016, 51 p.

Roussot A. Abri du Poisson. In *L'art des cavernes. Atlas des grottes ornées paléolithiques françaises.* Paris: Ministère de la Culture, Imprimerie Nationale, 1984, pp. 154–155.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.102-105
УДК 903.013

А.Ю. Казанский[1], К.К. Павленок[2], Г.Д. Павленок[2], М. Хужаназаров[3], С.А. Когай[4]

[1]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Институт археологических исследований АН РУз
[4]Иркутский государственный университет
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Первые результаты петромагнитных измерений на стоянке Кульбулак

В полевой сезон 2017 г. на стоянке Кульбулак было отобрано 70 образцов грунта для измерения величины объемной магнитной восприимчивости, которая характеризует содержание в осадках ферромагнитных (sensu lato) частиц, возникающих в результате процессов почвообразования. Отбор образцов производился из слоев 11–24. Величина магнитной восприимчивости в слоях 12–15 является постоянной, что свидетельствует о достаточно близких условиях их формирования. Присутствие мелких суперпарамагнтных (СП) частиц фиксируется на уровне слоев 12.2 и 15, которые, по-видимому, являются рудиментами эмбриональных ископаемых почв. Зона повышенной концентрации СП частиц в слоях 12.1 и 11, по-видимому, маркирует наличие слаборазвитой погребенной почвы.

Ключевые слова: *Западный Тянь-Шань, палеолит, стратиграфический разрез, петромагнитые исследования.*

A.Yu. Kazansky[1], K.K. Pavlenok[2], G.D. Pavlenok[2], M. Khuzhanazarov [3], S.A. Kogai[4]

[1]Lomonosov Moscow State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Institute of Archaeological research of Uzbekistan Academy of Sciences
[4]Irkutsk State University
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

First Results of Petromagnetic Study at the Kulbulak Site

During field season of 2017, 70 soil samples were collected at the Kulbulak site to measure the volumetric magnetic susceptibility, which characterizes the content in the sediments of ferromagnetic (sensu lato) particles resulting from soil formation processes. Sampling was performed for layers 11–24. The magnitude of the magnetic susceptibility in layers 12–15 remains constant that indicates fairly similar conditions for their formation. The presence of small superparamagnetic (SP) particles is recorded at the levels of layer 12.2 and 15 that apparently are the rudiments of the embryonic paleosols. The zone of increased concentration of SP particles in layer 12.1 and layer 11 apparently marks the presence of immature buried paleosol.

Keywords*: Western Tian-Shan, Paleolithic, stratigraphical cross-section, petromagnetic study.*

Ключевое значение в изучении каменного века западной части Центральной Азии имеет широко известная стоянка Кульбулак в Узбекистане. В период 1963–1985 гг. раскопки памятника проводились под руководством д-ра ист. наук М.Р. Касымова. Отложения стоянки, по мнению исследователя, отражали все этапы освоения древним человеком западных отрогов Тянь-Шаня в эпоху палеолита. На всей этой территории только материалы нижних слоев стоянки Кульбулак были датированы нижнепалеолитическим временем и определены как относящиеся к ашельской традиции камнеобработки [Касымов, 1990; Колобова, Кривошапкин, 2016; Kolobova et al., 2018]. По данным М.Р. Касымова, ашельскими были определены культурные слои 24–46, находящиеся на глубине от 14 до 19 м

от дневной поверхности. Они отделены от всех вышележащих раннемустьерских слоев стерильной прослойкой мощностью 0,8 м. Индустрия вышележащих слоев была определена как имеющая зубчато-выемчато-скребущий и тейякский облик [Касымов, 1990]. Кроме типологической атрибуции материалов нижних слоев Кульбулака, в 1981 г. Х. Тойчиевым было проведено палеомагнитное исследование отложений стоянки. Результаты исследования позволили зафиксировать переходный режим магнитного поля, что дало основания датировать слой 31 временем 700 тыс. л.н. [Касымов, Годин, 1984; Колобова, Кривошапкин, 2016]. Значительно позднее, для уточнения датировок памятника, К.А. Колобовой и А.И. Кривошапкиным был изучен неопубликованный «Отчет о результатах полевых исследований Ахангоранского палеолитического отряда в 1981 г.» [Колобова, Кривошапкин, 2016]. Результаты знакомства с отчетом опубликованы и свидетельствуют о фиксации смены полярности отложений, но не на самом памятнике Кульбулак, а на другом разрезе, находившемся в 6 км от него, с дальнейшей экстраполяцией выводов и на отложения стоянки. Важно подчеркнуть, что экстраполяция результатов палеомагнитного датирования из близлежащего разреза со схожей мощностью отложений на разрез Кульбулака в 1980-х гг. не воспринималась в качестве некорректной процедуры, о чем свидетельствует прямое указание на данный факт в полевом отчете 1981 г. Однако в настоящее время сделанное Х. Тойчиевым палеомагнитное определение возраста для стоянки Кульбулак не может приниматься в расчет, поэтому в 2017 г. было проведено новое петромагнитное исследование разреза – д-ром геол.-мин. наук А.Ю. Казанским (кафедра региональной геологии и истории Земли Московского государственного университета).

С разреза стоянки Кульбулак, из вертикальных стенок раскопов, был произведен отбор 70 образцов, которые помещались в стандартные пластиковые контейнеры с внутренним объемом 5,0, 5,5, 7,0 и 8,0 $см^3$. Ориентировка образцов осуществлялась по магнитному меридиану и солнечному азимуту с помощью геологического компаса Brunton 5008 (США). Шаг отбора в общем случае составлял 10 см, для нижней части разреза шаг отбора определялся пригодностью пород для отбора.

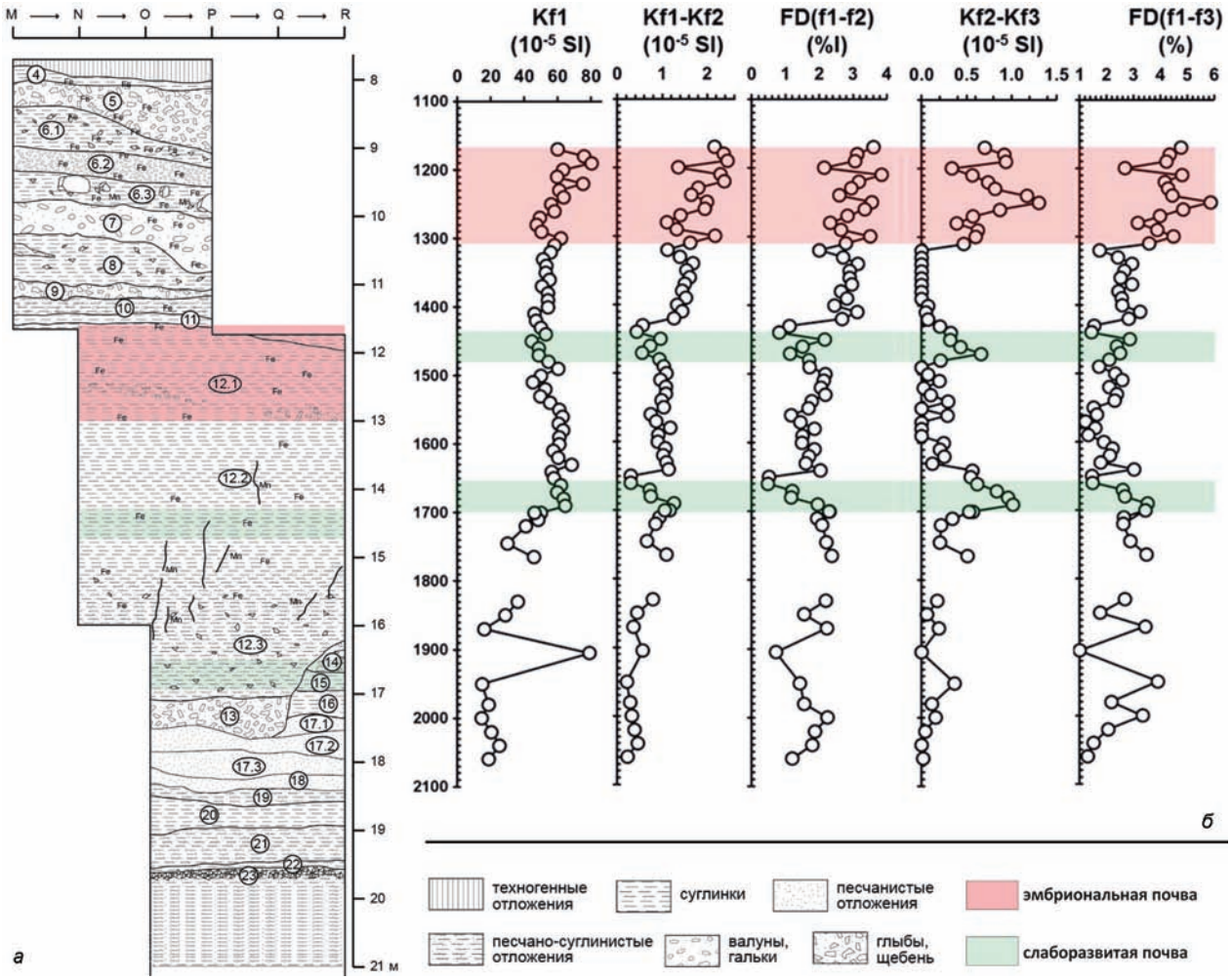
Далее в лаборатории Палеомагнитного центра ИНГГ СО РАН (Новосибирск) все образцы были измерены на трехчастотном мультифункциональном каппа-мосте MFK-1A производства AGICO (Чехия). Измерялась величина объемной магнитной восприимчивости образца (*K*), все измеренные значения нормировались на объем образца (внутренний объем пластикового контейнера). Величина магнитной восприимчивости в общем случае характеризует содержание ферромагнитных (sensu lato) частиц в осадках [Evans, Heller, 2003].

Измерения *K* выполнены на трех различных частотах (976 Гц; 3 904 Гц; 15 616 Гц, в дальнейшем *Kf1*, *Kf2*, *Kf3*). Такая методика необходима для диагностики ультратонких (для магнетита менее 0.03 мкм [Dunlop, 1973; Dunlop, Özdemir, 1997]) суперпарамагнтных частиц (СП), которые возникают в результате процессов почвообразования и [Dearing et al., 1996], т.е. могут способствовать определению в разрезах горизонтов погребенных почв [Evans, Heller, 2003]. Присутствие СП частиц определялось как по абсолютным значениям вклада СП зерен в общую восприимчивость (по разнице измерений магнитной восприимчивости на разных частотах), так и по их относительному вкладу (величине частотно-зависимой магнитной восприимчивости *FD* фактору, определяемому по формуле $FD=(Kf1-Kf2)/Kf1*100$ %, где *Kf1* и *Kf2* – величины восприимчивости, измеренные на разных частотах).

Стратиграфический разрез стоянки Кульбулак по данным работ последних лет, состоит из 24 слоев различного генезиса [Kolobova et al., 2018]. Исследования установили последовательную смену двух основных режимов осадконакопления: резко интенсивного аллювиального и более спокойного эолово-пролювиального. В ходе петромагнитного исследования образцы были получены из слоев с 11 по 24 за исключением подразделений 17.2 и 17.3, из которых отбор в пластиковые контейнеры оказался невозможен.

Измерения показали, что величина магнитной восприимчивости, измеренная на низкой частоте, варьирует от $14*10^{-5}$ до $80*10^{-5}$ СИ (см. *рисунок, б*). При этом, по значениям *Kf1* разрез четко делится на две части: нижнюю, со средним значением *Kf1* $=30*10^{-5}$ СИ (исключение представляет образец из слоя 21) и верхнюю, со средним значением *Kf1* $= 57*10^{-5}$ СИ. Граница между этими фрагментами разреза достаточно резкая и проходит по подошве слоя 15 (глубина 1 700 см от верха разреза). В целом, величина *Kf1* в слоях 12–15 остается постоянной (что свидетельствует о достаточно близких условиях их формирования), а в слое 11 несколько возрастает.

По результатам измерений на второй частоте можно утверждать, что количество СП частиц в разрезе постепенно возрастает снизу вверх. Если до глубины 1 800 см значение *Kf1-Kf2* не превышает $1*10^{-5}$ СИ, то с глубины 1 700 см оно становится больше $1*10^{-5}$ СИ, а с глубины 1 260 см (верхняя часть слоя 11 и слой 12) превышает $1,8*10^{-5}$ СИ. Исключение составляют горизонты на глубине 1 650–1 660 см



Стратиграфический разрез (*а*) и магнитные характеристики (*б*) стоянки Кульбулак. *Kf1* – величина магнитной восприимчивости, измеренная на частоте 976 Гц; *Kf1-Kf2* – разница между значениями магнитной восприимчивости, измеренными на частотах 976 Гц и 3 904 Гц; *FD(f1-f2) – FD* фактор между частотами 976 Гц и 3 904 Гц; *Kf2-Kf3* – разница между значениями магнитной восприимчивости, измеренными на частотах 3 904 Гц и 15 616 Гц; *FD(f1-f3) – FD* фактор между частотами 976 Гц и 15 616 Гц.

(слой 14) и 1 430-1 440 см (средняя часть слоя 12), где количество СП частиц существенно снижаются. Вероятно, эти интервалы обусловлены более интенсивной водной переработкой отложений, и СП частицы из них вымыты. Значения *FD(f1-f2)* во всей нижней половине разреза (ниже 1 420 см) не превышают 2 %, выше по разрезу значения *FD(f1-f2)* увеличиваются, достигая 2,5–3,5 %. Это свидетельствует о низкой концентрации крупных (близких по размеру к ~0,03 мкм – границе между СП и однодоменными состояниями СИ [Dunlop, 1973]) зерен во всех типах отложений, хотя в верхней части разреза их несколько больше, чем в нижней.

После измерений на третьей частоте картина несколько изменяется: значения *Kf2-Kf3* практически нулевые во всем разрезе, кроме интервалов 1 170–1 310 см (слой 11 и верхние горизонты слоя 12), 1 460–1 470 см (середина слоя 12) и 1 670–1 700 см (слой 15), однако значения *FD(f1–f3)* достигают 4-6 % только выше уровня 1 320 см. Единичные резкие отклонения до 3 % в самой нижней части разреза (ниже 1 800 см), вероятно, связаны с низкими значениями *Kf3*, и, как следствие, большой ошибкой измерений. Во всем остальном разрезе значения *FD(f1–f3)* не превышают 3,5 %, что может быть принято за фоновый уровень для данного объекта.

Таким образом, присутствие мелких СП частиц фиксируется только на нескольких стратиграфических уровнях. Интервалы 1460–1470 см и 1670–1700 см, по-видимому, являются рудиментами эмбриональных ископаемых почв, основная часть которых впоследствии была размыта (как, например, в слое 15). На это косвенно указывает снижение количества СП частиц в перекрывающих эти интервалы отложениях (см. *рисунок*). Зона по-

вышенной концентрации СП частиц в верхних горизонтах слоя 12 и слое 11, по-видимому, является слаборазвитой погребенной почвой. В пользу этого предположения свидетельствует и весь комплекс петромагнитных данных: кроме уже упомянутого повышенного содержания СП частиц (как крупных, так и мелких) – это однородность магнитных свойств верхних горизонтов слоя 12 и слоя 11 и их очевидное отличие от нижележащих горизонтов слоя 12 (четкая граница на глубине 1 300 см; см. *рисунок*), а также самые высокие значения *Kf1* во всем разрезе.

Проведение в 2017 г. петромагнитного исследования разреза Кульбулака является частью научной программы по мультидисциплинарному изучению стоянки. Помимо получения представительных четко стратифицированных археологических коллекций, была получена новая серия OSL-дат. Верхние отложения, включающие литологические слои со 2 по 10, датированы в промежутке от 39 ± 4 тыс. до 82 ± 9 тыс. л.н. [Vandenberghe et al., 2014]. Дальнейшее OSL и палеомагнитное датирование, а также литогеохимические, гранулометрические и микроморфологические анализы отложений, слагающих разрез Кульбулака, позволят существенно продвинуться в реконструкции процессов формирования культуросодержащей толщи на стоянке и оценке возраста ее материальных комплексов.

Список литературы

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

Касымов М.Р., Годин М.Х. Важнейшие результаты исследований многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // История материальной культуры Узбекистана. – 1984. – № 19. – С. 3–18.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И. История выделения ашельских индустрий в Узбекистане // Universum Gumanitarium. – 2016. – № 2 (3). – С. 6–22.

Dearing J.A., Dann R.J.L., Hay K., Lees J.A., Loveland P.J., Maher B.A., O'Grady K. Frequency-dependent susceptibility measurements of environmental materials // Geophys. J. Intern –1996. – Vol. 124. – 228–240.

Dunlop D.J. Superparamagnetic and single-domain threshold sizes in magnetite // J. Geophys. Res. – 1973. – Vol. 78. – P. 1780–1793.

Dunlop D.J., Özdemir Ö. Rock magnetism: Fundamental and Frontier. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1997. – 788 p.

Evans M.E., Heller F. Environmental Magnetism. – N. Y.: Academic Press, 2003. – 299 p.

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., Dapper De M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2018. – Vol. 10, iss. 3. – P. 615–630.

Vandenberghe D.A.G., Flas B., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 324. – P. 180–189.

References

Dearing J.A., Dann R.J.L., Hay K., Lees J.A., Loveland P.J., Maher B.A., O'Grady K. Frequency-dependent susceptibility measurements of environmental materials. *Geophysical Journal International*, 1996, vol. 124, pp. 228–240.

Dunlop D.J. Superparamagnetic and single-domain threshold sizes in magnetite. *Journal of Geophysical Research*, 1973, vol. 78, pp. 1780–1793.

Dunlop D.J., Özdemir Ö. Rock magnetism: Fundamental and Frontier. New York: Cambridge Univ. Press, 1997, 788 p.

Evans M.E., Heller F. Environmental Magnetism. New York: Academic Press, 2003, 299 p.

Kasymov M.R. Problemy paleolita Srednei Azii i Yuzhnogo Kazakhstana (po materialam mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Kul'bulak): Cand. Sc. (history) Dissertation abstract. Novosibirsk, 1990, 42 p. (in Russ.).

Kasymov M.R., Godin M.Kh. Vazhneishie rezul'taty issledovanii mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Kul'bulak. *Istoriya material'noi kul'tury Uzbekistana*, 1984, No. 19, pp. 3–18 (in Russ.).

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., Dapper De M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018, vol. 10, iss. 3, pp. 615–630.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Istoriya vydeleniya ashel'skikh industrii v Uzbekistane. *Universum Gumanitarium*, 2016, No. 2 (3), pp. 6–22 (in Russ.).

Vandenberghe D.A.G., Flas V., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating. *Quaternary International*, 2014, vol. 324, pp. 180–189.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.106-109
УДК 902/904

А.В. Кандыба, А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Каменная индустрия среднего палеолита местонахождения Дарвагчай-Залив-4 в контексте синхронных комплексов Дарвагчайского геоархеологического района

В статье приводятся результаты исследований среднепалеолитических комплексов Дарвагчайского геоархеологического района. Одним из них является памятник Дарвагчай-Залив-4, на котором обнаружено несколько разновременных культурно-хронологических комплексов эпохи палеолита. Данные археологические материалы являются ключевыми в понимании развития этого культурно-хронологического этапа на территории Северо-Восточного Кавказа. Время существования древнего человека в данном регионе на основе естественно-научных данных определено периодом рисс-вюрмского межледниковья. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Особенности технико-типологического облика каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике среднего палеолита Дагестана.

Ключевые слова: *Кавказ, Дагестан, средний палеолит, первичное расщепление, техника леваллуа.*

A.V. Kandyba, A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Middle Paleolithic Stone Industry from Darvagchai-Zaliv-4 Site in Contex of Synchronous Complexes of Darvagchai Geoarchaeological Area

The article presents the results of studies of the Middle Paleolithic complexes at the Darvagchai geoarchaeological area. One of them is the Darvagchay-Zaliv-4 site, on which several cultural and chronological Paleolithic complexes were found. These archaeological materials are key to understanding the development of this cultural and chronological stage in the North-Eastern Caucasus. The time of the existence of an ancient person in this region on the basis of natural-science data is determined by the Riss-Wurm interglacial. The stone inventory is characterized by the Levallois knapping technique and the typical Middle Paleolithic cannon set. The peculiarities of the technical and typological appearance of the stone industry with pronounced Levallois features make it possible to speak about the specific appearance of the Middle Paleolithic of Dagestan.

Keywords: *Caucasus, Dagestan, Middle Paleolithic, primary knapping, Levallois technology.*

Возможность более точно проследить эволюцию культур каменного века Северо-Восточного Кавказа на значительном хронологическом отрезке, определить их связи и взаимоотношения с синхронными культурами сопредельных областей Кавказа была затруднена неравномерностью хронологического и территориального распределения имеющегося археологического материала. Заполнить, в определенной мере, имеющуюся лакуну в наших знаниях о среднепалеолитической эпохе в этой части Кавказа позволяют данные, полученные в последние годы при исследовании стратифицированных археологических объектов Дарвагчайского геоархеологического района (среднее течение р. Дарвагчай).

Местонахождения Дарвагчай-Залив открыты в 2009 г. в ходе разведочных археологических работ на правом берегу реки Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан) [Зенин и др., 2010]. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки.

Разведочные и стационарные исследования одной из стоянок, Дарвагчай-Залив-4, проведенные в 2011 и 2014–2015 гг., позволили получить выразительный набор палеолитических изделий ашельского облика [Деревянко и др., 2012; Кандыба, Рыбалко, 2016].

В 2017–2018 гг. были сделаны прирезки к основному раскопу в юго-восточном направлении, в результате был получен дополнительный археологический материал, относящийся к эпохе раннего палеолита, а также небольшое количество типологически выразительных артефактов, облик которых позволил определить культурно-хронологическую принадлежность данной каменной индустрии и отнести ее к среднему палеолиту.

Коллекция состоит из 62 артефактов, в т.ч. 9 нуклеусов, 42 скола, а также 8 обломков и 2 отбойника, представляющие собой плоские гальки крупных и средних размеров со следами забитостей.

Большинство нуклеусов демонстрируют леваллуазскую систему расщепления на разных стадиях. Первый предмет четырехугольной формы представляет начальную стадию оформления ядрища. Слабо скошенная ударная площадка подготовлена одним крупным снятием. Выпуклый фронт скалывания подготовлен центростремительными снятиями средних размеров, сохраняет в центре незначительный участок естественной поверхности. Сильно выпуклый контрфронт почти полностью галечный. Характерной чертой для двух следующих предметов является снятие целевой заготовки-отщепа. Один нуклеус, овальный формы, имеет ударную площадку, подготовленную многочисленными мелкими сколами. Латерали и основание оформлены мелкими снятиями. Выпуклый контрфронт сохраняет естественную поверхность. Другой предмет, округлой формы, подготовлен аналогичным образом. Еще один леваллуазский нуклеус фрагментирован. Скошенная ударная площадка и одна из латералей подготовлены серией мелких снятий. Плоский фронт скалывания содержит негативы параллельных сколов средних размеров. Основание удалено, видимо, в процессе оформления латералей. Два последних леваллуазских предмета относятся к категории истощенных ядрищ. Один нуклеус треугольной формы имеет скошенную ударную площадку, подготовленную мелкими снятиями. Плоский фронт скалывания сохраняет негативы конвергентно сходящихся снятий мелких и средних размеров. У другого предмета отсутствует основание. Фронт скалывания сохраняет негатив одного крупного снятия. Контрфронты с естественной поверхностью специальной обработке не подвергались.

Расщепление двух крупных одноплощадочных монофронтальных ядрищ велось с неподготовленных естественных ударных площадок. Один из нуклеусов был переоформлен в орудие. Последний бессистемный нуклеус содержит негативы хаотично направленных сколов на всей поверхности предмета.

Индустрия сколов насчитывает 42 экз. Первичных сколов 8 экз., из них 4 крупных, 2 средних и 2 мелких, один из которых представлен дистальным фрагментом. Большинство остаточных ударных площадок сохраняют естественную поверхность, по одному типу представлены гладкая, фасетированная и неопределенная. Вторичные сколы представлены тремя предметами с естественными остаточными ударными площадками, из них два мелких и один средних размеров. Отщепы насчитывают 21 экз. Один крупный удлиненный отщеп имеет бинаправленную огранку дорсала и фасетированную остаточную ударную площадку. Три средних коротких отщепа имеют гладкие остаточные ударные площадки и параллельные однонаправленные огранки дорсала. Мелких отщепов 17 экз. (из них 5 фрагментированные). Четыре предмета укороченных пропорций имеют гладкие ударные площадки и параллельные однонаправленные огранки дорсала. Семь мелких отщепов укороченные, с неопределимыми остаточными ударными площадками и параллельными однонаправленными огранками дорсала. Один мелкий отщеп сохраняет точечную остаточную ударную площадку. Пластинчатый компонент в коллекции представлен пластинчатым сколом крупных размеров с гладкой ударной площадкой и параллельной однонаправленной огранкой дорсала, двумя целыми пластинами средних размеров с фасетированной и двугранной остаточными ударными площадками и параллельной бинаправленной огранкой дорсала и двумя фрагментированными, медиальной частью пластины средних размеров и крупным проксимальным фрагментом. Также стоит отметить наличие пластинки с точечной остаточной ударной площадкой и однонаправленной огранкой дорсала. Технические сколы представлены двумя продольно-краевыми снятиями и сколом подправки фронта скалывания. В коллекции присутствует крупный леваллуазский скол подтреугольной формы с фасетированной ударной площадкой.

Орудийный набор состоит из восьми обработанных предметов. Леваллуазский скол имеет оформленный дистальный кончик, оформленный в острие-шип мелкой и средней бифасиальной ретушью. Единственное скребло в коллекции создано на отщепе средних размеров и является угловатым. Два крупных ножа, созданные на отщепе и пластине, сближает наличие естественного обушка. Для выемчатого орудия исходной заготовкой служил крупный пластинчатый скол. Выемка создана в медиальной части заготовки путем снятия нескольких мелких сколов. Исходной заготовкой для чоппера служил нуклеус, на продольном крае которого крупными снятиями создано рабочее лезвие. Два предмета, мелкий отщеп и крупный обломок, сохраняют следы эпизодического ретуширования.

Таким образом, первичное расщепление данной каменной индустрии демонстрирует явное преобладание леваллуазской системы скалывания. Нуклеусы использовались преимущественно для снятия массивных, укороченных леваллуазских отщепов крупных и средних размеров. Пластинчатые заготовки представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные. Немногочисленные изделия из орудийного набора имеют ярко выраженный среднепалеолитический облик.

Ближайшим наиболее сходным по технико-типологическим характеристикам объектом является среднепалеолитический археологический комплекс из погребенной почвы памятника Дарвагчай-Залив-1 (раскоп 2) [Кандыба, Рыбалко, 2015]. Первичное расщепление данной индустрии демонстрирует абсолютное преобладание леваллуазской техники, простая параллельная система скалывания представлена слабо и, видимо, использовалась преимущественно при апробации сырья. Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками, судя по всему, являлись массивные широкие отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами и являлись попутными нецелевыми продуктами расщепления. Подавляющее большинство сколов не несет на дорсалах желвачной корки, что косвенно свидетельствует о предварительном оформлении ядрищ вне раскопанного участка стоянки, это также подтверждается статистическими данными (высокий процент нуклеусов относительно отходов производства). Вероятнее всего, начальная стадия первичного расщепления – оформление пренуклеусов – происходила непосредственно в местах выходов сырья (естественные обнажения и пляжи) на некотором удалении от территории памятника. Основными категориями остаточных ударных площадок являются гладкие и фасетированные. Это, наряду с большим количеством истощенных ядрищ, может характеризовать стоянку как место реализации заключительных этапов утилизации каменного сырья, а именно, получения целевых заготовок (сколы леваллуа), как с уже подготовленных нуклеусов, так и после их последовательного оформления/переоформления. Орудийный набор коллекции немногочислен, однако, в нем присутствуют единичные яркие предметы, такие как леваллуазские сколы, мустьерский остроконечник и угловатое скребло. Основными категориями изделий являются выемчатые формы с ретушированными анкошами и ситуационные, иррегулярные орудия, в виде сколов и обломков с ретушью. С учетом гипсометрических отметок рельефа, стратиграфии и данных палеомагнитного анализа хронологический диапазон существования данного культурного комплекса определяется началом верхнего плейстоцена, стадия 5е кислородно-изотопной шкалы (130 000–110 000 л.н.).

Комплексный анализ материалов сходных среднепалеолитических комплексов Дарвагчайского геоархеологического района позволяет утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам эти материалы более всего соответствуют развитой поре среднего палеолита. Об этом свидетельствует типологический состав нуклевидных изделий (абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуа) и орудийного набора, в котором наблюдаются сочетание леваллуазских и мустьерских форм, очень значительный процент выемчатых орудий и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы.

Необходимо отметить, что эта индустрия хорошо согласуется с общей шкалой развития древнекаменного века Северо-Восточного Кавказа, демонстрируя все черты развитого среднего палеолита весьма специфичного регионального облика.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С., Кулик Н.А. Новый ашельский комплекс в долине реки Дарвагчай (Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 99–105.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1) // Изв. Алт. гос.

ун-та. Сер.: История, политология. – 2015. – № 4 (88). – С. 77–81.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

References

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novye dannye o srednem paleolite Yugo-Vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-zaliv-1) In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya*, 2015, No. 4 (88), pp. 77–81 (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Rannii paleolit Yugo-Vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-zaliv-4). In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya*, 2016, No. 2 (90), pp. 210–214 (in Russ.).

Zenin V.N., Rybalko A.G., Koltashov M.S., Kulik N.A. Novyi ashel'skii kompleks v doline reki Darvagchai (Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 99–105 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.110-114
УДК 902.22

К.А. Колобова[1], М.Т. Крайцаж[2], М. Боманн[3], А.В. Шалагина[1], С.В. Шнайдер[1,4], М. Крайцаж[5], Н.Я. Березина[6], С. Алишер кызы[4], А.С. Колясникова[4], М.В. Селецкий[4], С.В. Маркин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологических наук, Исследовательский центр, Польша
[3]Университет Бордо, Франция
[4]Новосибирский государственный университет
[5]Университет Николая Коперника, Польша
[6]Научно-исследовательский институт им. Д.Н. Анучина и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2018 года

Чагырская пещера является ключевым объектом сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая. В полевом сезоне 2018 г. исследовательские работы были продолжены в центральном зале пещеры на площади 2 м^2. В культуросодержащих комплексах пещеры были обнаружены новые многочисленные коллекции каменных артефактов, костяных орудий и палеонтологического материала. В процессе работ были получены новые данные по стратиграфии и седиментологии Чагырской пещеры. Исследуемая площадь характеризуется высокой степенью активности крупных хищников. Уникальными для исследуемого периода и региона находками являются многочисленные костяные изделия, включающие ретушеры, острия с закругленным концом, отжимники и посредники. Каменная индустрия, включающая значительное количество орудий, типична для сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая.

Ключевые слова: *палеолит, Алтай, неандертальцы, сибярячихинская линия развития, костяные орудия.*

K.A. Kolobova[1], M.T. Krajcarz[2], M. Baumann[3], A.V. Shalagina[1], S.V. Shnaider[1, 4], M. Krajcarz[5], N.Ya. Berezina[6], S. Alisher kyzy[4], A.S. Kolyasnikova[4], M.V. Seletsky[4] , S.V. Markin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of Geological Sciences, Research Centre, Poland
[3]University of Bordeaux, France
[4]Novosibirsk State University
[5]Institute of Archaeology, Nicolaus Copernicus University, Poland
[6]Anouchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: kolobovak@yandex.ru

The Middle Paleolithic Complexes of the Chagyrskaya Cave: 2018 Field Results

Chagyrskaya cave is a key-site of the Middle Paleolithic Sibiryachikha Facies in Gorny Altai. During the field season of 2018, field work was focused upon the central chamber; the total excavation square was two square meters. The cultural layers of Chagyrskaya cave have yielded new numerous assemblages of stone artefacts, paleontological and paleoanthropological materials. The study area is characterized by a high degree of carnivore activity. During the field

works, new stratigraphic and sedimentologic data from the lithological layers of Chagyrskaya cave have been obtained. Numerous bone tools, such as retouchers, intermediate tools, points with rounded tips and pressure tools are the unique findings for the regional Middle Paleolithic. The lithic assemblage contains a significant number of tools and is typical for the Middle Paleolithic Sibiryachikha assemblages in Gorny Altai.

Keywords: *Paleolithic, Gorny Altai, Neanderthals, Sibiryachikha Facies, bone tools*.

При изучении палеолитических объектов в последние годы исследователи основное внимание уделяют жизнеобеспечивающим моделям древних гоминин, для реконструкции которых необходимо применять комплекс естественно-научных методов с целью определения тафономического и седиментационного контекста осадконакопления. С данной точки зрения Чагырская пещера, которая является опорным памятником среднего палеолита Северной Азии, представляется уникальной в силу зафиксированного различного генезиса культуросодержащих литологических подразделений.

Целью данной статьи является освещение результатов полевых раскопок Чагырской пещеры в 2018 г.

Пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и приурочена к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигирекского хребта. Абсолютный уровень реки вблизи карстовой полости составляет 334,3 м. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем Чарыша, своей приустьевой частью она выходит на вертикальную поверхность уступа фрагмента цокольной террасы высотой 50–60 м, сложенного серыми массивными нижнесилурийскими известняками чагырской свиты. Она имеет два зала общей площадью ок. 130 м^2, один из них дает начало трем почти полностью погребенным горизонтальным и вертикальным галереям.

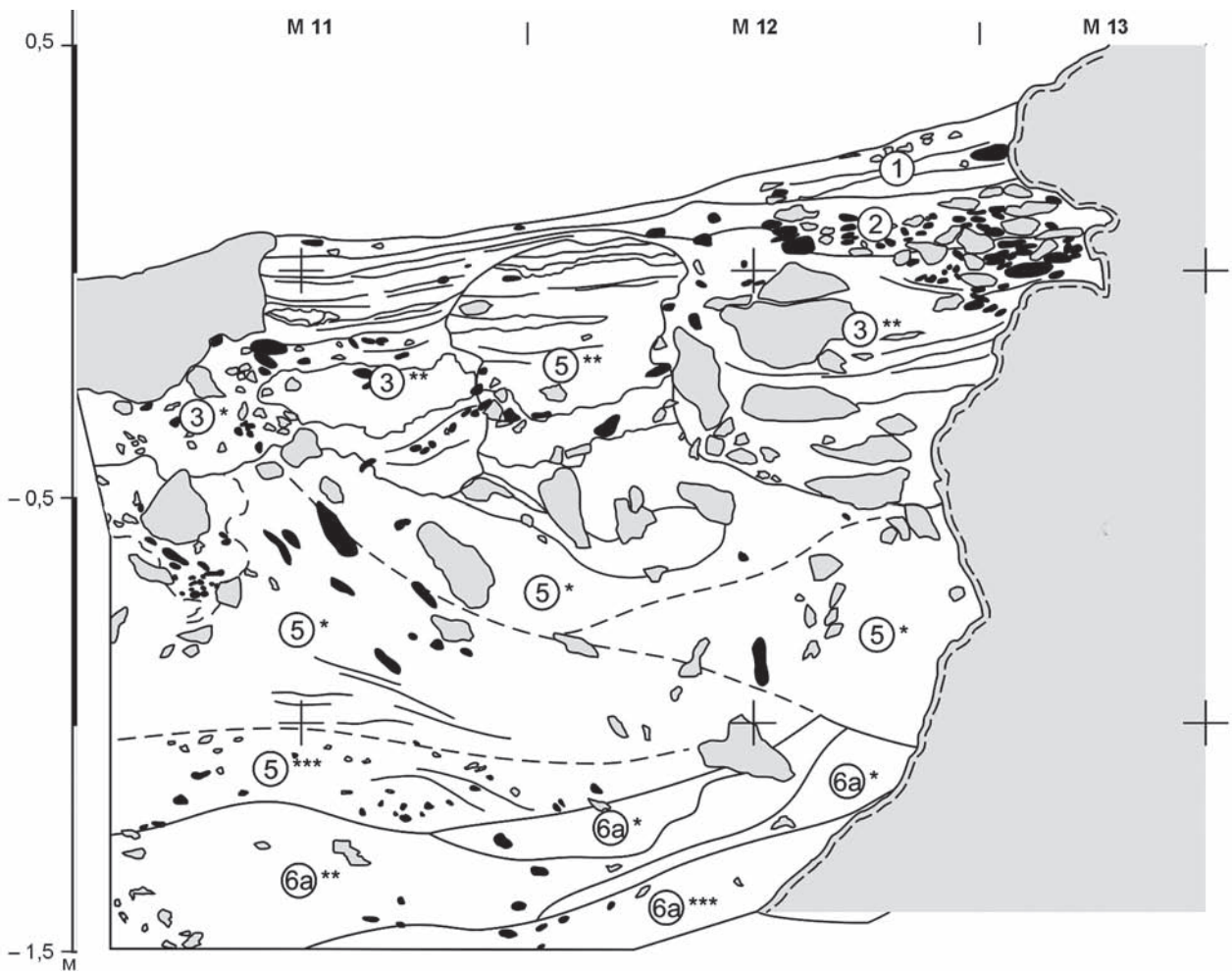


Рис. 1. Стратиграфический разрез Чагырской пещеры по линии М.

В ходе полевых работ 2018 г. было вскрыто 2 м^2 в центральном зале пещеры. В составе заполнителя пещеры выделяются голоценовые (1–3) и неоплейстоценовые (5 и 6а) слои (рис. 1).

Слой 1 – темно-серая супесь со значительной долей органического материала.

Слой 2 – желтовато-коричневая супесь со значительным содержанием речной гальки. Расположение галек внахлест по отношению друг к другу явно прослеживается в продольном профиле, что свидетельствует о направлении их перемещения от внутренней части пещеры к выходу. Это обстоятельство позволяет связывать данные осадки или с флювиальной активностью (что исключено в пещере) или с солифлюкционными процессами (отложения медленно сползали в условиях холода).

Слой 3* – темно-серый суглинок, содержащий многочисленные гальки. Слой включает многочисленные археологические находки бронзового века.

Слой 3** представляет собой заполнение антропогенных ям из слоя 3*.

Слой 5, представленный желтоватым легким суглинком, состоит из отложений нескольких типов, которые могут рассматриваться как отдельные слои или прослои. Слой 5* – легкий суглинок с присутствием угловатых обломков известняка. Слой 5** представляет собой отложения слоя 5* со значительным включением органического материала, возможно, является следствием антропогенной активности. Слой 5*** – желтоватый легкий суглинок с корродированными угловатыми обломками известняка, копролитами и многочисленными гальками.

Слой 6а* – светло-оранжевый легкий суглинок с редкими угловатыми обломками известняка, содержащий многочисленные костные обломки, каменные артефакты и гальки. Слой был сформирован в результате коллювиальных процессов, когда отложения были перемещены из внутренней части пещеры по направлению к северу (к выходу из пещеры). Слой 6** – серая фация слоя 6а* с наличием корродированных кусков известняка и копролитами. Слой 6а*** – темно-серая супесь с мелкими речными гальками, фрагментами костей, каменных артефактов и редкими обломками известняка. Слой аналогичен слою 6в/1 в других участках пещеры. Первоначальная мощность этих осадков неизвестна, поскольку они были также потревожены эрозионными процессами, описанными для слоев 6а и 5.

Результаты микроморфологического и зооархеологического анализов свидетельствуют о том, что слои 5 и 6а были переотложены в результате коллювиальных процессов из внутренней части пещеры, при этом значительное влияние на тафономические особенности отложений оказала деятельность хищников, вероятнее всего, гиены. Об активности хищников свидетельствует значительное количество костей, подвергшихся кислотному воздействию в результате переваривания, и значительное количество копролитов, обнаруженных во всех плейстоценовых литологических подразделениях. В этой связи все продукты деятельности человека рассматриваются как попавшие в эту часть пещеры в результате коллювиальных процессов. Источником каменных артефактов, костяных орудий и палеонтологических остатков со следами активности человека являются отложения слоя 6в/2 из внутренних частей памятника.

Результаты абсолютных датировок свидетельствуют о возрасте культуросодержащих отложений, укладывающемся в промежуток конца КИС 4 и начала КИС 3.

В ходе полевых исследований 2018 г. в Чагырской пещере были обнаружены 22 костяных орудия. Костяные ретушеры наиболее многочисленны – 17 экз. Также представлены орудия-посредники (4 экз.), костяные ретушированные отщепы (3 экз.) и закругленные наконечники (2 экз.). По крайней мере, три изделия являются многофункциональными инструментами. Эти орудия использовались в качестве ретушеров, орудий-посредников и ретушированных отщепов. Практически все костяные орудия происходят из слоя 6а***, аналогичного слою 6в/1 на других участках объекта. Несколько изделий происходит из зачисток и поверхностных сборов. В большинстве случаев сохранность поверхности орудий удовлетворительна для проведения технологического анализа, за исключением двух поврежденных образцов. Костяные заготовки, использовавшиеся для изготовления костяных орудий, включают трубчатые кости и ребра крупных травоядных (бизонов/лошадей). Среди инструментов, изготовленных на ребрах, выделяется изделие с активной частью на торце орудия: это закругленный наконечник с толстым дистальным концом, почти перпендикулярным длинной оси заготовки, слегка выпуклый и оббитый с левой стороны (рис. 2, а). Морфология и расположение заполированной поверхности вокруг кончика типичны для орудий, применяющихся для обработки мягкого материала. На стоянках по разделке добычи этот инструмент обычно интерпретируется как орудие, предназначенное для обработки кожи. Несколько инструментов из ребер, используемых в этом виде деятельности, были найдены в поздних мустьерских слоях в убежище Пеш-де-л-Азе (Pech de l'Aze) и Пейрони (Peyrony) в Дордони (Франция) [Soressi et al., 2013]. Некоторое морфологическое отличие рассматриваемого наконечника, обнару-

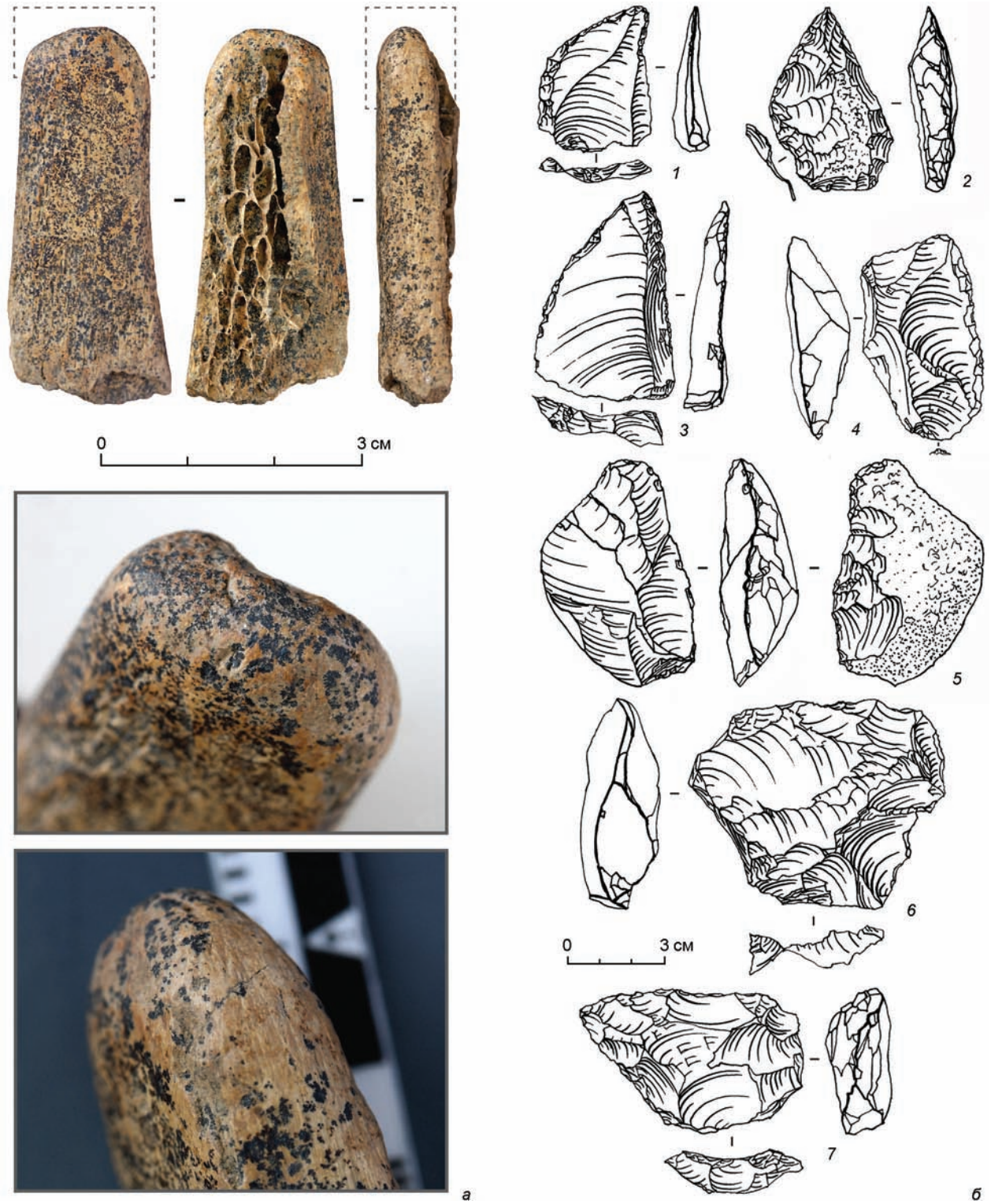


Рис. 2. Закругленный наконечник из комплексов Чагырской пещеры (*а*) и каменные орудия из среднепалеолитических комплексов пещеры (*б*).

1, 7 – подтреугольное и полутрапецевидное конвергентные скребла; *2, 3* – под- и полусегментовидные ретушированные острия; *4, 6* – простые продольное и поперечное скребло; *5* – плоско-выпуклое двухстороннее скребло.

женного в Чагырской пещере, от упомянутых образцов укладывается в значительную вариативность форм орудий для обработки кожи. Подобная картина была прослежена в комплексах мезолитических и неолитических стоянок, где деятельность человека по производству костяных орудий наиболее широко документирована [Maigrot, 2003; Van Gijn, 2005].

Общая коллекция артефактов, найденных в плейстоценовых слоях, составила ок. 25 000 экз. Их них к отходам производства, включающим обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм было отнесено приблизительно 95 %. Типологически определимые ядрища в исследуемых комплексах немногочисленны и представлены радиальными и ортогональными вариантами. Первичное расщепление было ориентировано на получение отщепов. Значительную долю сколов составляют различные варианты технических сколов. Орудийный набор включает скребла различных модификаций (рис. 2, б, *1, 4, 6–7*), острия с ретушью (рис. 2, б, *2, 3*), двухсторонние острия, двухсторонние скребла (рис. 2, б, *5*), сколы с ретушью и неопределимые орудия. Скребки, зубчатые и выемчатые формы немногочисленны.

Новые данные по археологии, геологии, зооархеологии и т.д., которые исследователи ежегодно получают из комплексов Чагырской пещеры в результате полевых работ, не только свидетельствуют об уникальности этого памятника, но и обосновывают необходимость продолжения его исследований.

Список литературы

Maigrot Y. Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, La station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France): Thèse de Doctorat / Université de Paris I. – Paris, 2003. – 284 p.

Soressi M., McPherron S.P., Lenoir M., Dogan-Gâlć T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.C., Miller C.E., Rendu W., Ricahrds M., Skinner M.M., Steeles T.E., Talamo S., Texier J.P. Neandertals made the first specialized bone tools in Europe // Proc. of the Nat. Acad. of Sci. – 2013. – Vol. 110 (35) – P. 14186–14190.

Van Gijn A. A functional analysis of some late Mesolithic bone and antler implements from the Dutch coastal zone // From hooves to horns, from mollusc to mammoth: manufacture and use of bone artefacts from prehistoric times to the present. – Tallinn: Tallinn Book Printers Ltd, 2005. – P. 47–66.

References

Maigrot Y. Etude technologique et fonctionnelle de l'outillage en matières dures animales, La station 4 de Chalain (Néolithique final, Jura, France): Thèse de Doctorat/ Université de Paris I. Paris, 2003, 284 p.

Soressi M., McPherron S.P., Lenoir M., Dogan-Gâlć T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.C., Miller C.E., Rendu W., Ricahrds M., Skinner M.M., Steeles T.E., Talamo S., Texier J.P. Neandertals made the first specialized bone tools in Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2013, vol. 110 (35), pp. 14186–14190.

Van Gijn A. A functional analysis of some late Mesolithic bone and antler implements from the Dutch coastal zone. In *From hooves to horns, from mollusc to mammoth: manufacture and use of bone artefacts from prehistoric times to the present*. Tallinn: Tallinn Book Printers Ltd, 2005, pp. 47–66.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.115-118
УДК 903.03

Л.В. Лбова[1, 2], Н.А. Кулик[1] , Ю.С. Губар[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Петрографический и спектральный анализ пигментсодержащих материалов в составе коллекции Малой Сыи

Предложены результаты минералогического определения и спектрального элементного анализа пигментсодержащих материалов, обнаруженных в коллекции местонахождения Малая Сыя. Материалы получены при раскопках памятника в 1975–1980-х гг. экспедициями ИИФФ СО АН СССР под руководством В.Е. Ларичева. В настоящей публикации внимание уделено пигментсодержащему сырью, поскольку его характеристика и использование являются частью культурной оценки комплекса. В коллекции представлены пигментсодержащие материалы: магнетит, гематит, гётит, малахитсодержащие образцы. При исследовании использованы результаты анализа методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (SEM-EDX), которые показывают, что в эпоху раннего верхнего палеолита использовалось природное, не обработанное пигментсодержащее сырье и составлялись композитные искусственные краски.

Ключевые слова: *пигментсодержащие материалы, минералогический анализ, элементный состав, верхний палеолит, Южная Сибирь.*

L.V. Lbova[1, 2], N.A. Kulik[1], Y.S. Gubar[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Petrographic and Spectral Analysis of Pigment-Containing Materials in the Collection of Malaya Syya-Site

Data of the petrographic and mineralogical identification and spectral elemental analysis of pigment-containing materials found in the collection of Malaya Syya site are described. The materials were collected during the excavation of the site in 1975-1980s by expeditions of the IIFF SB AS USSR under the leadership of V.Ye. Larichev. In this publication, attention is paid to the description of the pigment-containing raw materials, since its characteristics and use are significant for the cultural identification of the complex. The collection contains pigment-containing materials including magnetite, hematite, goethite, malachite-containing samples. The study is based on the data of analyses by scanning electron microscopy with energy dispersive X-ray spectroscopy (SEM-EDX) indicating that in the early Upper Paleolithic, people used natural and unprocessed pigments in the form of coarse raw materials and made up composite artificial paints.

Keywords: *pigment-containing materials, mineralogical analysis, elemental composition, Upper Paleolithic, Southern Siberia.*

Местонахождение Малая Сыя является верхнепалеолитическим объектом в северной части Минусинской котловины, с вероятным возрастом культурных остатков более 30 тыс. лет [Ларичев, Холюшкин, 1992; Лисицын, 2000; Лбова и др., 2013, 2015, 2018]. В целом, изучаемая территория размещена в области сочленения трех крупных орографических структур – гор Кузнецкого Алатау, Батеневского кряжа и Чебаково-Балахтинской впадины Минусинского межгорного прогиба. Морфологические черты и геологическое строение указанных орографических структур резко различаются (подробнее см. на геологической карте территории: http://www.vsegei.u/ru/info/gisatlas/sfo/khakasiya/15_geol_karta.jpg).

Обобщенная хронологическая позиция памятника по большинству дат определяется в пределах

30–28 тыс. л.н., хотя новые данные 2018 г. (получены в 2017 г. в лаборатории радиоуглеродного датирования RLAHA Университета Оксфорда; не опубликованы) подтверждают и опубликованные ранее даты в пределах 38–34 тыс. л.н. [Кузьмин и др., 2011; Лбова и др., 2015].

Анализ сырьевой базы коллекции артефактов выявляет территориальные связи населения и характер использования им природных ресурсов. Установлено, что в материалах памятника отражены минимум две адаптивные модели поиска и применения сырья: местного и импортируемого [Лбова и др., 2018]. Необходимо отметить, что при раскопках памятника, в процессе расчистки основных структур культурного слоя, В.Е. Ларичевым отмечались пятна черного, красного, бурого, малинового, белого, зеленого цвета [1976], однако эти замечания не были связаны с общей оценкой природного сырья, распространенного в пределах поселения.

Метод сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной рентгеновской спектрометрией (SEM-EDX), использованный при анализе материалов, является наиболее доступным и экономичным, позволяет исследовать микроструктуру образцов в точке сканирования и определять элементный состав. В нашем случае анализ выполнялся на сканирующем электронном микроскопе Hitachi TM3000 (Япония) и элементном анализаторе Bruker Nano GmbH Quantax 70 (Германия) (оборудование Центра коллективного пользования СО РАН «Геохронология кайнозоя»).

Основную массу находок (артефактов) в коллекции составляют каменные изделия из алевролита, песчаниковых и эффузивных пород, слагающих аллювий р. Белый Июс, которые были взяты человеком в непосредственной близости от памятника. В рамках поставленной задачи выявления материалов для потенциального получения пигмента главными объектами исследования послужили минералы-пигментоносители – магнетит, гематит, гётит, лимонит, малахит; их образцы на памятнике составили коллекцию в 56 экз., 15 из которых использованы для спектрального анализа.

Магнетиты (32 экз.) представлены крупными, а также средними и мелкими обломками железной руды. В трех случаях на поверхности отмечены следы искусственного скалывания. Магнетит – широко распространенный минерал черного (или темно-серого) цвета из класса оксидов, с металлическим, до тусклого, блеском, сильно магнитный. Минералогический анализ показал, что большинство материалов в коллекции являются образцами первичной магнетит-гематитовой руды, из зоны окисления, где произошло псевдоморфное замещение гематита гётитом, а также образование мелких почковидных агрегатов гётита, включенных в глинистый агрегат, выполняющий полости в первичном рудном материале.

Элементный состав магнетита показал, что основным компонентом является железо, содержание остальных элементов значительно меньше – варьирует от 7,4 до 2 %. Ниже порога значимости расположены элементы, составляющие, как правило, искусственные добавки – натрий, калий, магний. Известно, что магнетит (Fe_3O_4) мог применяться для получения краски черного цвета [Булах, 1999].

Гематит, гётит, «охра», гидрооксид железа (24 экз.). Группа выделена благодаря красящим свойствам минералов и агрегатов, определяющим возможность получения цветных пигментов оттенков красного и коричневого цвета на этой основе.

Гематиты представлены крупнопластинчатыми агрегатами, с разнонаправленными пачками листочков, в большинстве случаев явно замещенных гётитом (коричневая черта) с образованием псевдоморфоз замещения. В элементном составе образцов гематита доминирующим элементом является железо, его содержание варьирует от 20 до 41 %, вероятно в зону спектра попала смесь гематита с вмещающими его минералами. В составе «охры» содержание кремния ок. 15–16,6 %, значительно отличается содержание остальных элементов – кальция от 7 до 2,5 %, алюминия от 2 до 5 %, калия 1 %. В образцах № 1 и 5 содержится азот.

Образцы гётита представлены зернистыми, мелкопластинчатыми агрегатами, в пустотах образуются почковидные формы. Встречается почковидный натечный агрегат лимонита поверх гётита, в состав почек входит большое количество кальцита с гидроокислами железа, промежутки заполнены глинистым веществом и карбонатом. Спектральный анализ образца гётита (№ 2) показал, что содержание кремния и железа незначительно меньше, чем в остальных образцах, содержание алюминия, магния и калия варьируется от 5 до 1 %. По доминированию кальция можно предположить, что точка анализа пришлась на зону смеси карбонатно-глинистого материала, окрашенного гётитом.

Красочные глины представляют собой тонкодисперсные осадочные породы, в состав которых входят оксиды кремния и алюминия (каолинит) [Криштофович, 1955]. Для получения охр различных оттенков, от красного до желто-коричневого, используется смесь глины с тонкодисперсным гематитом или лимонитом. Также красную охру можно получить путем обжига железистых конкреций гётит-гематитового состава. Охрой в археологии могут называть сырье для пигмента, сам пигмент,

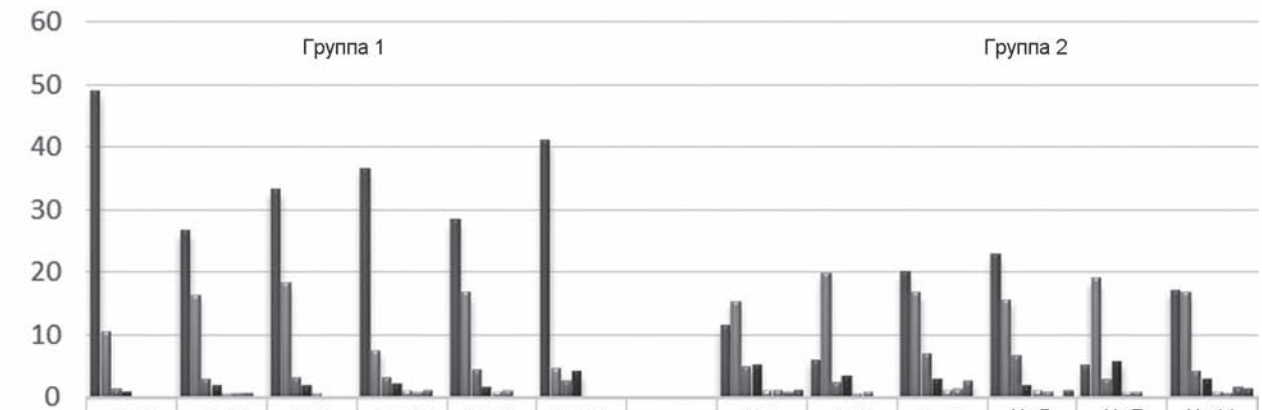
а также краску, получаемую после смешивания пигмента с различными добавками. Доминирующим элементом в таких образцах Малой Сыи является железо (26,5 до 33,1 %). Содержание добавок до 18 %.

Малахитсодержащие породы (4 экз.) с ярко выраженными пятнами зеленовато-голубоватого тона. Следов обработки на образцах нет. Под глинисто-карбонатными натеками, полностью покрывающими образец, никаких первичных рудных минералов не отмечается. Содержание меди в таких образцах в пределах 6,5–21 %, что позволяет выделить эту группу как самостоятельную.

В результате исследования были выделены две группы пигментсодержащих материалов. Фрагменты природных минеральных носителей пигментов (гётит, гематит, магнетит, малахит) с высоким процентным содержанием железа (от 25 до 50 %) – образцы № 4, 6, 8–10, 12–15 выборки. К искусственным пигментам отнесены образцы № 1, 2, 3, 5, 7, 11 с присутствием железа в пределах 5–20 % и довольно высоким содержанием устойчивых добавок – кальция, алюминия и кремния, более разнообразным набором элементов, входящих в состав: калия, магния, натрия, мышьяка, серы и др. (см. *рисунок*). В минералогическом отношении эти образцы были определены как гётит и гематит. На основании дополнительного изучения пигментов, отнесенных к группе искусственных, был использован метод кристаллооптического анализа, который показал однородную фракцию измельчения твердых компонентов (гематита, костного материала и др.) и добавление глинистого материала.

Наиболее ранние свидетельства использования пигментов в Сибири ассоциируются с появлением человека современного физического типа и представлены в палеолитических комплексах с датами от 50 до 35–40 тыс. л.н. [Деревянко, Рыбин, 2005; Lbova, 2016].

Анализ коллекции пигментосодержащего сырья из коллекции Малой Сыи показывает, что весь материал происходит из местной зоны окисления: образцы сопровождаются пленками и рыхлыми скоплениями бурого глинистого материала, а также явными гидроксидами железа – псевдоморфным и тонкодисперсным гётитом в глинистом материале, и, судя по зеленым примазкам малахита, есть медная минерализация (отдельно от железной). Таким образом, установлено, что краску получали из местного сырья: для черной использовались магнетиты, для спектров красной – гематиты, желтой – гётиты, зеленой – малахитсодержащее сырье.



	№ 6	№ 8	№ 9	№ 10	№ 12	№ 13		№ 1	№ 2	№ 3	№ 5	№ 7	№ 11
Fe	48,9	26,5	33,1	36,6	28,3	41		11,5	5,9	20	22,9	5	17
Si	10,5	16,3	18,2	7,4	16,7	4,5		15,3	19,8	16,6	15,5	19	16,7
Al	1,3	2,9	2,9	3,0	4,3	2,5		4,8	2,3	7,0	6,5	2,8	4,0
Ca	0,8	1,9	1,9	2	1,5	4		5	3,4	2,9	1,8	5,7	2,8
K		0,5	0,6	0,9	0,7			1	0,4	1	1	0,7	0,8
Mg		0,6		0,7	0,9			1,1	0,7	1,2	0,9	0,7	0,6
Na		0,6		0,9				0,6		2,4			1,6
N								1,1			0,9		1,3

Сравнительный анализ основных химических элементов в составе групп пигментосодержащих материалов: группа 1 – природные материалы; группа 2 – искусственные пигменты.

Результаты проведенного исследования на основе минералогического определения и элементного анализа показали определенные физико-химические свойства пигментсодержащих материалов и принадлежность их к местному сырью. Микроскопические и спектральные определения композитного, искусственного состава пигментов характеризуют технологию формирования красок, с добавлением глин, используемых для повышения пластичности, осветления и стойкости краски, или оксидов марганца для более темного оттенка.

Список литературы

Булах А.Г. Общая минералогия. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – С. 184.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Переход от среднего к верхнему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 232–255.

Криштофович А.Н. Геологический словарь. – М.: Госгеолтехиздат, 1955. – Т. I. – С.178.

Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Зенин В.Н., Лбова Л.В., Дементьев В.Н. Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: материалы к каталогу С-14 дат (по состоянию на конец 2010 г.) // Stratum plus – 2011. – № 1. – С. 171–202.

Ларичев В.Е. У истоков верхнепалеолитических культур и искусства Сибири (к открытию в Кузнецком Алатау поселения Малая Сыя и скульптурного изображения черепахи) // Рериховские чтения, 1976 год. – Новосибирск: Наука, 1976. – С.14–26.

Ларичев В.Е., Холюшкин Ю.П. Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сыя // Археология, геология и палеография палеолитических памятников Юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 109–122.

Лбова Л.В., Барков А.В. Харевич В.М., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Кукса Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Малая Сыя: итоги полевых исследований 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 104–108.

Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В. Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сыя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 103–106.

Лбова Л.В., Кулик Н.А., Волков П.В., Барков А.В., Ванхарен М., Марченков Д.В., Ковалев В.С. Технология обработки «экзотических» минеральных ресурсов в позднем палеолите Южной Сибири (по материалам местонахождения Малая Сыя) // Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology. – 2018. – № 1. – С. 199–211.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2000. – С. 26–30.

Lbova L.V. Using of the color pigment on the Early Upper Paleolithic stage in Siberia // WAC – VIII. Abstracts. – Kioto, 2016. – Vol. 14 Art and Archaeology. – P. 362.

References

Bulakh A.G. Obshhaya mineralogiya. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 1999, 184 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Rybin E.P. Drevneishee proyavlenie simvolicheskoi deyatel'nosti drevnego cheloveka na Gornom Altae. In *Perekhod ot srednego k verkhnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, pp. 232–255 (in Russ.).

Krishtofovich A.N. Geologicheskii slovar'. Moscow: Gosgeoltekhizdat, 1955, vol. I, 178 p. (in Russ.).

Kuz'min Ya.V., Orlova L.A., Zenin V.N., Lbova L.V., Dement'ev V.N. Radiouglerodnoe datirovanie paleolita Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii: materialy k katalogu S-14 dat (po sostoyaniyu na konets 2010 g.). *Stratum plus*, 2011, No. 1, pp. 171–202 (in Russ.).

Larichev V.E. U istokov verkhnepaleoliticheskikh kul'tur i iskusstva Sibiri (k otkrytiyu v Kuznetskom Alatau poseleniya Malaya Syya i skul'pturnogo izobrazheniya cherepakhi). In *Rerikhovskie chteniya, 1976 god*. Novosibirsk: Nauka, 1976, pp.14–26 (in Russ.).

Larichev V.E., Kholyushkin Yu.P. Arkheologiya verkhnepaleoliticheskogo poseleniya Malaya Syya. In *Arkheologiya, geologiya i paleografiya paleoliticheskikh pamyatnikov Yuga Srednei Sibiri (Severo-Minusinskaya vpadina, Kuznetskii Alatau, Vostochnyi Sayan)*. Krasnoyarsk: Zodiak, 1992, pp. 109–122 (in Russ.).

Lbova L.V. Using of the color pigment on the Early Upper Paleolithic stage in Siberia. *WAC* – VIII. Abstracts. 2016, Kyoto, vol. 14: Art and Archaeology, 362 p.

Lbova L.V., Barkov A.V. Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Kuksa E.N. Pozdnepaleoliticheskoe mestonakhozhdenie Malaya Syya: itogi polevykh issledovanii 2013 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2013, vol. XIX, pp. 104–108 (in Russ.).

Lbova L.V., Panov V.S., Zenin V.N., Barkov A.V. Novye dannye o radiouglerodnom vozraste mestonakhozhdeniya Malaya Syya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 103–106 (in Russ.).

Lbova L.V., Kulik N.A., Volkov P.V., Barkov A.V., Vankharen M., Marchenkov D.V., Kovalev V.S. Tekhnologiya obrabotki «ekzoticheskikh» mineral'nykh resursov v pozdnem paleolite Yuzhnoi Sibiri (po materialam mestonakhozhdeniya Malaya Syya). *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology,* 2018, No. 1, pp.199–211 (in Russ.).

Lisitsyn N.F. Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ya. St. Petersburg: Tsentr "Peterburgskoe vostokovedenie", 2000, pp. 26–30 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.119-123
УДК 902.2

Е.А. Липнина

Иркутский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterinalipnina@mail.ru

Новые данные по стратиграфии и морфологии ансамбля каменных артефактов «доклассического» уровня из отложения ископаемой культуры Мальтинского геоархеологического местонахождения

В статье изложены сведения о новых находках ансамбля каменного инвентаря «доклассического» уровня залегания ископаемой культуры, зафиксированных на Мальтинском геоархеологическом местонахождении в ходе полевых работ 2013–2018 гг. В составе каменного инвентаря выявлены оригинальные формы нуклеусов для получения снятий средних и мелких размеров, ранее не встречавшиеся и не имеющие аналогов в палеолитических коллекциях региона. Значительное удревнение стратиграфического положения следов производственной палеодеятельности людей на местонахождении обеспечено многими физическими достоверностями – артефактами, фауной, хронометрическими показателями.

Ключевые слова: *палеолит, ансамбль каменных артефактов, расщепление, Мальтинское геоархеологическое местонахождение, скребки, нуклеусы.*

E.A. Lipnina

Irkutsk State University
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ekaterinalipnina@mail.ru

Stratigraphy and Lithic Artifact Morphology of the Malta "Pre-Classic" Cultural Horizon: New Data

The paper deals with a new complex of lithic artifacts from the Malta «pre-classic» cultural horizon recorded during the field research in 2013–2018. The lithic industry includes original types of medium-size and small flake cores that have no parallels in the regional Paleolithic. The age of this complex has been determined as older than the classic Malta, which determination is confirmed by stratigraphic context, faunal remains and radiocarbon dates.

Keywords: *Paleolithic, lithic complex, knapping, Malta site, cores, end-scrapers.*

Мальтинское палеолитическое местонахождение раскапывается и исследуется уже на протяжении 90 лет. В современном археологическом научном знании термином Мальта обозначена сложная композиция участков территории местонахождения ансамблей ископаемых артефактов различного палеотехнологического («палеокультурного») происхождения, отложенных в разновозрастных субаэральных геологических образованиях верхнего плейстоцена юга Иркутского амфитеатра [Липнина, Медведев, 2014, с. 64]. Предположение о наличии в Мальте нескольких разновременных уровней артефактов и фаунистических остатков означилось в ходе полевых раскопочных работ 1991–1992 гг., позднее было оформлено в схему и опубликовано [Мальтинское…, 1996].

«Каргинский комплекс», предшествующий Мальте «классической», фиксирован на запад и север от площадей раскопов М.М. Герасимова 1928–1958 гг. и 1991–2001 гг. Он включает уже известные археологические материалы из палеопочвенных отложений поздней, средней и ранней

каргинской толщи [Липнина, Медведев, 2014; Медведев и др., 2012].

Вскрытая в полевые сезоны 2013, 2014 и 2018 гг. площадь находилась на участке, разрушенном как в ходе древних естественных процессов, так и в результате воздействия современного техногенного фактора. В раскопе отсутствуют отложения, содержащие верхние уровни залегания ископаемой культуры. В ходе строительных работ 1986 г. была уничтожена огромная часть дислокаций археологических ископаемых остатков, которые залегали на юго-запад от линии раскопанных скоплений 1992 г. Размах вскрышных работ, захвативших поверхности берегового склона до отметок 20–30 м был необычайно велик. Вскрытие производилось бульдозерами до кровли доломитового цоколя. Началом огромного карьера явился участок береговой деревенской территории, удаленный от раскопа 1958 г. на 75–100 м на запад. Протяженность карьера составляет в длину более 400 м и в ширину не менее 50–75 м. При его строительстве были уничтожены многие ископаемые комплексы классического мальтинского палеолита.

Археологические выработки были заложены в карьерном береговом обнажении на территории исследовательской площади IV в 11 м от ее северо-восточной границы, в 20 м от северо-западной и в 2 м от раскопа № 42 (1992 г.) с относительной отметкой 17 м (рис. 1).

Земляными работами в отложениях раннесартанского или финально-каргинского солифлюксия был вскрыт ансамбль археологических материалов, организованный в разреженное скопление – пятно, вытянутое по линии север-юг. Границы скопления «не явные». По составу скопление разнородное, присутствуют каменные артефакты (преимущественно из кварцита), ископаемые фаунистические остатки и единичные плитки доломитов. Зон плотной концентрации материалов не выявлено. В лаборатории радиоуглеродного датирования Музея Токийского университета по фрагментам костных остатков, залегавших совместно с каменными артефактами, были получены первые определения возраста в хронометрическом диапазоне: 47–45 тыс. л.н. Скопление не имеет аналогов в раскопах М.М. Герасимова ни в стратиграфическом положении, ни в рисунке планиграфии, ни в номенклатуре артефактов.

Коллекция каменных артефактов насчитывает 134 экз. и включает следующие категории изделий: отходы палеолитотехнологий – фракции нуклеарного расщепления и фасиальной обработки; концевые скребки; микроскребки; скребло-бифас; унифас; нуклеусы и заготовку.

Концевые скребки представлены двумя формопроявлениями. Первый оформлен на дивергентной пластине серого кремня. Проксимальный конец сохраняет точечный талон, на дистальном конце ретушью выполнено выпуклое лезвие. Правый край лезвия шиповидный, оформляет небольшую выемку, выполненную абразивной ретушью Левый край тела скребка от окончания лезвия также затронут интенсивной абразивной ретушью. Второй скребок – на сколе серого кремня, тонкий. Правый край обломан, концевое лезвие выщерблено от правого плеча до середины. Левое плечо лезвия и левый край обработаны плотной мелкой ретушью. Вентральный фас скребка абсолютно свободен от обработки. Среди микроскребков – один целый экземпляр с овальным правоасимметричным концевым лезвием и левым шипом. Скол-заготовка сохраняет все детали расщепления. Второй – обломок микроскребка из треугольной в сечении пластины кварцита. Дистальный конец несет «занозистую» ретушь, левый край лезвия обломан. По правому краю заготовки вплоть до ее облома просматривается интенсивная абразивная ретушь.

Скребло-бифас из скола – сегмента déjeté светло-серого кварцита с сохранившейся корковой поверхностью. Преформа была обработана предварительными сколами по дорсальному и вентральному фасам. На вентральном фасе снят ударный бугорок, на дорсальном удалена бахрома. Корковая поверхность – выпуклая, общей протяженностью 10 см, максимальная ширина в районе бывшего ударного бугорка – 2,5 см. Край противолежащий выпуклой корковой «спинке» оформлен разнофасеточной ударной глубокой ретушью по обоим фасам. Полученное лезвие относительно прямое и слабоизвилистое (рис. 2, *2*). Унифас – скол средних размеров из светло-серого кварцита снят с поверхности, несущей на дорсале негативы радиальных снятий. Снятия выполнены до отделения фракции от монолита сырья. Может быть принят заготовкой будущего инструмента. Фасетирование по левому маргиналу мелкое абразивное непреднамеренное.

Крупная обработанная галька – валун кварцита – имеет как чоппер оббитые аверс и реверс. Рабочий край может быть принят фронтом чоппера и также может быть квалифицирован как фасетированный талон будущего нуклеуса. Боковые поверхности – плоские, корковые; пятка изделия сохраняет округлую валунную форму.

Наиболее оригинальными формами с точки зрения техноморфологии являются нуклеусы (рис. 2, *1, 3*). Нуклеус имеет замкнутую конвергентную, низко-конусовидную организацию фронта снятий – отщепов с корковой, выпуклой площадки, грибовидного абриса, нефасетированной. Монолит-заго-

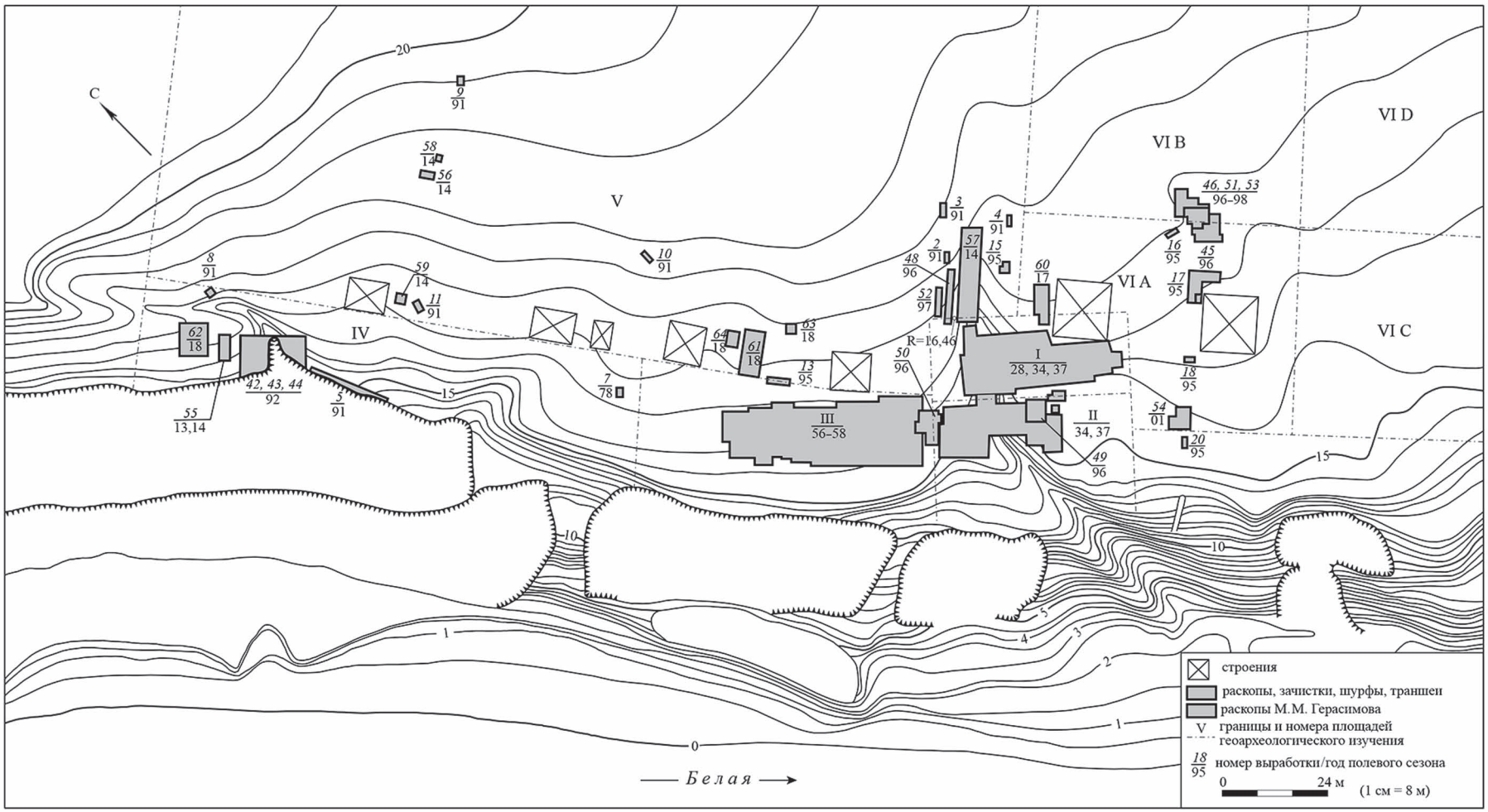


Рис. 1. Карта-схема расположения археологических выработок на Мальтинском геоархеологическом местонахождении.

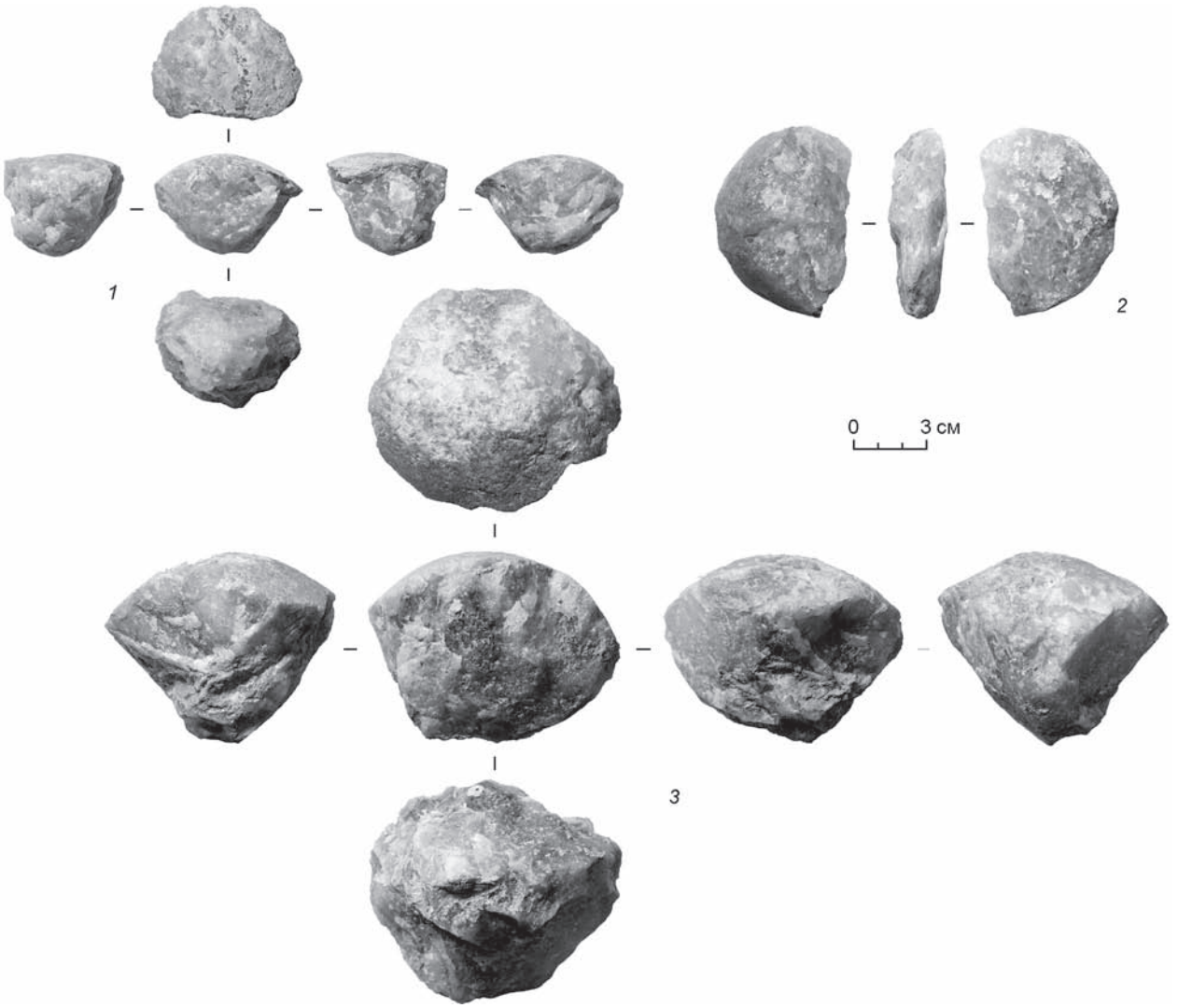


Рис. 2. Изделия из кварцита «домальтинского» уровня из отложения ископаемой культуры.
1, 3 – нуклеусы; *2* – скребло-бифас.

товкой мог служить валун светло-серого кварцита, полупрозрачного мелкозернистого или как вариант – фрагмент валуна. В любой версии, поперечник исходной отдельности горной породы был не менее 11 см. Рабочая кромка скалывания замкнута на 360° и может быть определена полнофункциональной. Превышение точки центра площадки над рабочей кромкой, максимально – 3,0 см. Контур кромки – неровный, с тенденцией стремления к относительному овалу. Общая высота артефакта от основания – «базы нуклеуса» – до экстрема площадки – 7,35 см. Все снятия – разнорельефны в дорсалах, разномасштабны в контурах от средних (~4,0 см) до мелких (> 2,5 см) и микро- (> 1,0 см) фракций. Директные показатели негативов снятых фракций – «проксимал – дистал» – симметричны, что свидетельствует о стремлении получить треугольную форму. Читаемых негативов фракций снятия – 14.

Нуклеус замкнутой конвергентной, низко-конусовидной организации фронта снятий – отщепов. Площадка – выпуклая, грибовидного абриса, нефасетированная. Монолит-заготовка – галька или фрагмент окатанной отдельности светло-серого кварцита, полупрозрачного, мелкозернистого с включениями зерен чистого кварца. Поперечник исходной отдельности определить сложно. Максимальное расстояние между точками контура – 5,7 см, и он имел тенденцию стремления к окружности. Высота артефакта от «базы нуклеуса» до экстрем – 4,2 см. Превышение экстрем над рабочей кромкой ~1,1–1,2 см. Рабочая кромка замкнута на 360° и является полнофункциональной. Все читаемые негативы пластинчатых снятий мелких размеров. Последнее снятие, отнявшее у нуклеуса как минимум 1,5 см тела, является средним широким треугольным сколом с малой асимметрией. Читаемых негативов фракций снятия на нуклеусе – 8.

Описанные нуклеусы не имеют сходных образцов в обозримых коллекциях палеолита Северной Азии возраста > 30 тыс. л.н. или в публикациях материалов подобных местонахождений. Своеобразие описанных экзотов в том, что невольно возникает подозрение на специальную организацию подобным образом площадки снятий и сохранение ее в неповрежденном состоянии до какого-то конечного, «задуманного», рубежа. Возможно, археология в данном случае имеет дело с неизвестной еще, но достаточно распространенной стратегией получения средних и малых кварцитовых пластинчатых фракций. Развитие технологической линии данных нуклеусов логично видеть в корковых радиальных нуклеусах 26–21 тысячелетий, фиксированных в районе Игетейского Лога I – Красного Яра I.

Понятие «мальтинская геоархеологическая культура» и как термин, и как реально существующая ископаемая субстанция получило новые качественные данные по геологическому времени существования, числу и последовательности смены палеотехнологических стратегий, плану добычи ископаемых культурных запасов, сохранности их в условиях современной политики хозяйственного освоения территории, занятой разведанными объектами исследований.

Список литературы

Липнина Е.А., Медведев Г.И. Мальта геоархеологическая. Хроника, изученность, перспективы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы V Междунар. науч. конф. – Кызыл: Тувин. гос. ун-т, 2014. – Ч. I. – С. 64–69.

Мальтинское палеолитическое местонахождение: (по итогам полевых работ 1995 года) / Г. Медведев, Н. Ков, Г. Воробьева, Д. Куп, Л. Клэс, Е. Липнина, С. Модри, Ш. Мухаррамов, С. Осадчий, П. Петитт, П. Ребриков, Е. Роговской, В. Ситливый, Л. Сулержицкий, Д. Хензыхенова. – Иркутск: Арком, 1996. – 32 с.

Медведев Г.И., Бердникова Н.Е., Липнина Е.А., Когай С.А., Роговской Е.О., Лохов Д.Н. Ископаемые литотехнологические отложения плейстоцена и голоцена в геоморфологических ситуациях антропогена Байкальской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2012. – № 1 (1). – С. 33–57.

References

Lipnina E.A., Medvedev G.I. Malta geoarkheologicheskaya. Khronika, izuchennost, perspektivy. In *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri: Materialy V Mezhdunar. nauchnoj konferentsii*. Kyzyl: Tuva State Univ. Press, 2014, pt. I, pp. 64–69 (in Russ.).

Maltinskoe paleoliticheskoe mestonakhozhdenie: (po itogam polevykh rabot 1995 goda) / G. Medvedev, N. Kow, G. Vorobieva, D. Coup, L. Klaas, E. Lipnina, S. Mondri, Sh. Mukharramov, S. Osadchii, P. Petitte, P. Rebrikov, E. Rogovskoii, V. Sitlivy, L. Sulerzhitskii, D. Khenzykhenova. Irkutsk: Arkom, 1996, 32 p. (in Russ.).

Medvedev G.I., Berdnikova N.E., Lipnina E.A., Kogai S.A., Rogovskoi E.O., Lokhov D.N. Iskopaemye litotekhnologicheskie otlozheniya pleistotsena i golotsena v geomorfologicheskikh situatsiyakh antropogena Baikalskoi Sibiri. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"*, 2012, No. 1 (1), pp. 33–57 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.124-128
УДК 903.023

В.Е. Медведев[1], И.В. Филатова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

К проблеме динамики гончарного производства Нижнего Приамурья в период среднего неолита

Представлены данные исследований керамики малышевской культуры (развитый комплекс). Рентгенофазовым анализом изучена серия фрагментов из коллекций памятников юго-западной группы: Гася, Госян, Петропавловка-Остров, Иннокентьевка, Вознесенское. На основе выделенных наборов кристаллических составляющих определен минеральный состав (кварц, полевые шпаты, слюдистые минералы) исходного сырья и формовочных масс, прослежена динамика гончарного производства по памятникам: Петропавловка-Остров, Иннокентьевка (ранний этап), Гася, Госян (средний этап), Вознесенское (поздний этап). На раннем и среднем этапах гончарной традиции носители малышевской культуры вели поиск глинистого сырья и рецептуры формовочных масс. На позднем этапе оптимальные глинистое сырье и формовочные массы были в целом определены. Основным стал рецепт – глина, песок, породные обломки.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Нижнее Приамурье, средний неолит, малышевская культура, рентгенофазовый анализ, гончарные традиции.*

V.E. Medvedev[1], I.V. Filatova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Amur State University of Humanities and Pedagogy
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

To the Problem of the Dynamics of the Pottery Manufacturing in the Lower Amur in the Middle Neolithic

The paper presents the data of the recent studies of the Malyshevo pottery (developed complex). The X-ray phase analysis of a set of fragments from the collections of the southwestern group of sites: Gasya, Gosyan, Petropavlovka-Ostrov, Innokentievka, Voznesenskoe, was carried out. Crystalline components (quarts, feldspars, micaceous minerals) in the mineral composition of raw clay and fabric has been identified; dynamics of pottery manufacturing has been deduced at the sites of Petropavlovka-Ostrov, Innokentievka (the early stage), Gasya, Gosyan (the middle stage) and Voznesenskoe (the late stage). The early and middle stages of Malyshevo pottery tradition are characterized by selection of the best suitable raw material and fabric composition. The late stage indicates the optimal raw clay and fabric composition. The most typical fabric composition was clay, sand and rock fragments.

Keywords: *the South of the Far East of Russia, Lower Amur, middle Neolith, Malyshevo culture, X-ray phase analysis, pottery traditions.*

Ареал малышевской культуры, датируемой второй половиной VII – рубежом IV–III тыс. до н.э., охватывает низовья р. Уссури и почти весь нижний Амур (рис. 1). Археологические памятники подразделены на юго-западную и северо-восточную, раннюю и позднюю группы [Медведев, 2007, с. 419–420]; керамика – на ранний и развитый комплексы.

На сегодняшний день проблема динамики нижнеамурского неолитического гончарства неолита решена лишь частично. Среди ключевых вопросов – особенности развития керамических комплексов разных периодов, общие тенденции и закономерности эволюции гончарного производства [Медведев, Филатова, 2014, 2015; Медведев, Цетлин, 2015]. Наша цель – ввести в научный оборот

данные рентгенофазового анализа керамики малышевской культуры (развитый комплекс) с основных памятников юго-западной группы Нижнего Приамурья.

Материалами для анализа послужили фрагменты глиняных сосудов из коллекций поселений Гася, Госян, Петропавловка-Остров, Иннокентеньевка, Вознесенское (рис. 2). Исследование образцов выполнено инженером Хабаровского инновационно-аналитического центра Института тектоники и геофизики ДВО РАН А.Ю. Лушниковой на рентгеновском дифрактометре MiniFlex II DesktopX-ray DIFRACTOMETER RIGAKU. Для сравнительного анализа фазового состава кристаллической составляющей керамики был выбран метод съемки образцов с растиранием, с вращением на углах 7-85° и со сканированием по углу 2q. Использовался лицензионный пакет программ проведения измерений и обработки данных, а также лицензионная порошковая база данных ICCDPDF-2 и программа управления базой данных ICCDPDF-2, поставленные вместе с прибором. Полученные результаты представлены в табл. 1.

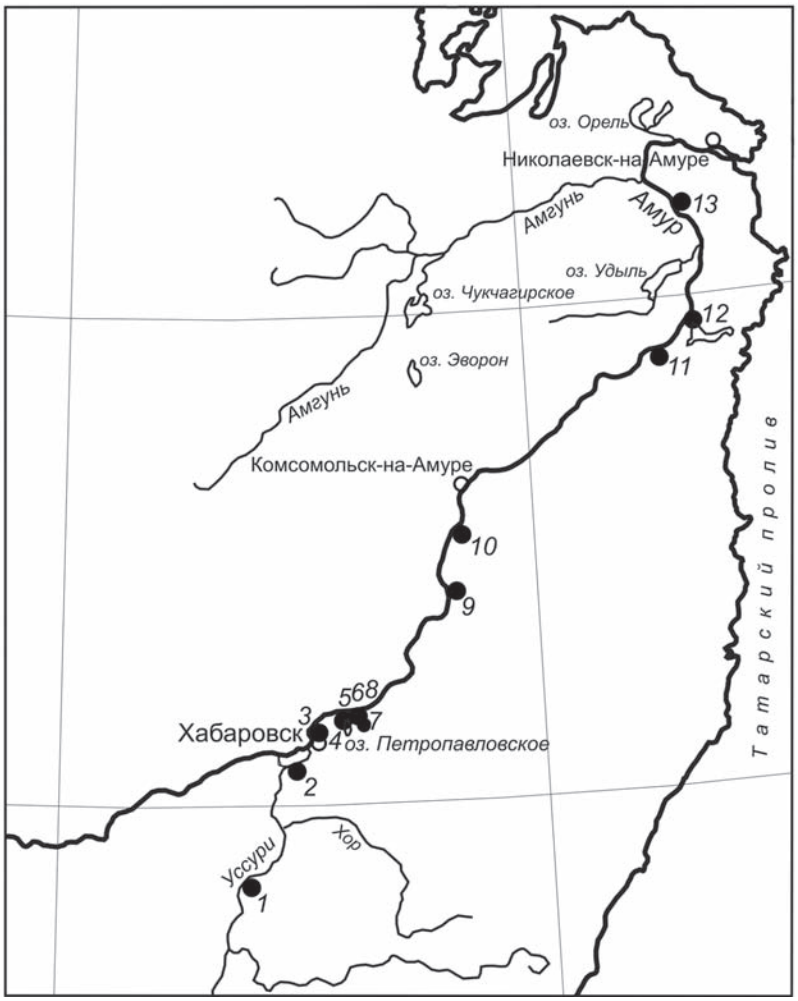


Рис. 1. Карта-схема местонахождения основных археологических памятников малышевской культуры.

1 – Шереметьево I (поселение 8); *2* – Казакевичево; *3* – Амурский Санаторий; *4* – Петропавловка-Остров; *5* – Малышево-1; *6–8* – Гася, Госян, Сакачи-Алян; *9* – Иннокентьевка; *10* – Вознесенское; *11* – Калиновка; *12* – Сучу; *13* – Малая Гавань.

В результате проведенных исследований выяснилось, что основу минерального состава всех измеренных образцов керамики составляет кварц; его пик самый интенсивный. Зафиксированы также полевые шпаты ряда альбит-анортит (плагиоклазы) и слюдистые минералы (иллиты): мусковит, фенгит, биотит, парагонит и маргарит. По фазовому составу кристаллических составляющих все образцы делятся на две группы: первая включает кварц и иллиты, вторая – кварц, полевые шпаты и иллиты. Вторая группа в свою очередь подразделяется на две подгруппы: кварц, полевые шпаты и иллиты (подгруппа 1) и кварц, иллиты и полевые шпаты (подгруппа 2).

Анализ полученных данных по памятникам показал следующее (табл. 2): в составе кристаллических фаз керамики с Гаси и Госяна (10 обр.), Петропавловки-Остров (9 обр.) и Иннокентьевки (10 обр.) представлены обе группы, а во второй группе – обе подгруппы; в составе кристаллических фаз керамики с Вознесенского – обе группы, но во второй группе только одна подгруппа.

Таким образом, по качественным и количественным показателям наборов минеральных фаз образцы из поселений Петропавловка-Остров и Иннокентьевка практически идентичны. Керамика Гаси, Госяна аналогична по качественному составу, но разнится по количественным показателям. Вознесеновский же комплекс отличается и по качеству, и по количеству наборов минеральных фаз.

В целом прослеживается некоторая динамика технологии гончарного производства в отношении глинистого сырья и состава формовочных масс керамики малышевской культуры (развитый комплекс) на памятниках юго-западной группы. Наиболее ранними, на наш взгляд, являются комплексы Петропавловки-Остров и Иннокентьевки. Затем следуют гасинские образцы. Самая поздняя – это керамика из коллекции поселения у с. Вознесенского. По-видимому, на ранней (Петропавловка-

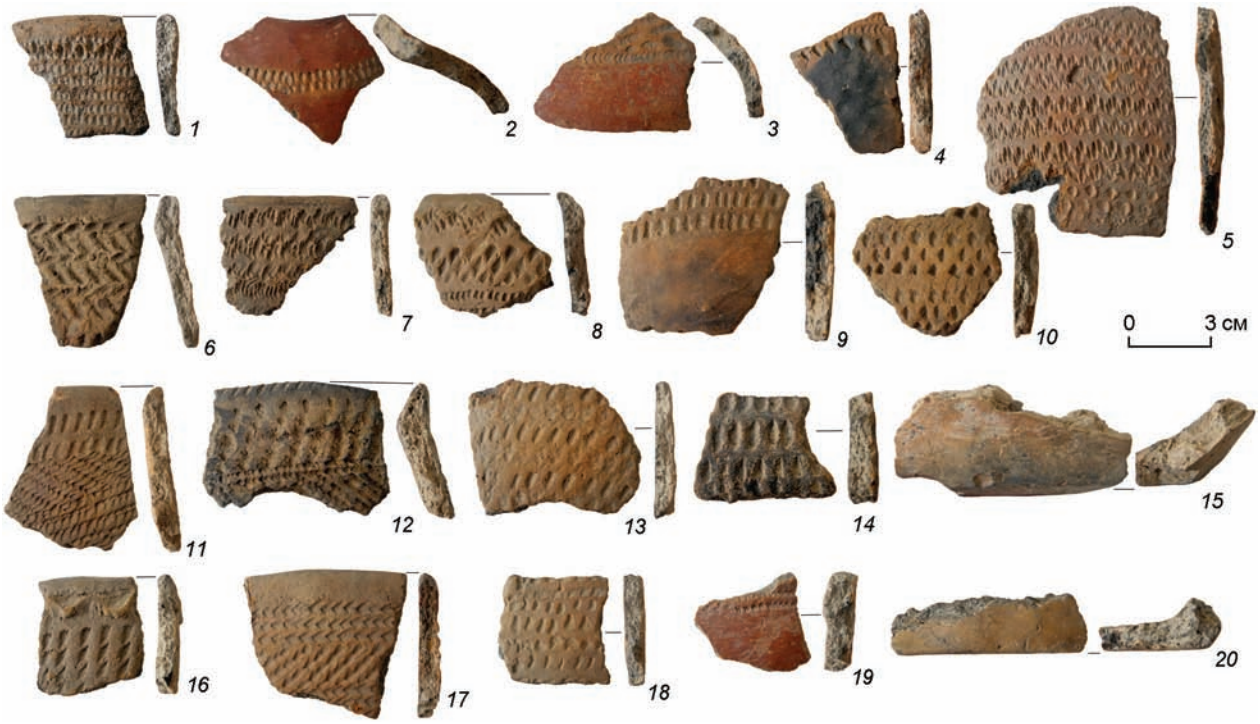


Рис. 2. Образцы керамики малышевской культуры (развитый комплекс) с памятников юго-западной группы Нижнего Приамурья.

1–5 – Гася, Госян; *6–10* – Петропавловка-Остров; *11–15* – Иннокентьевка; *16–20* – Вознесенское.

Таблица 1. **Результаты исследований керамики малышевской культуры (развитый комплекс) памятников юго-западной группы Нижнего Приамурья**

№ п/п	Полевой шифр	Часть сосуда	Шифр образца	Фазовый состав
1	2	3	4	5
Гася, Госян				
1	СК-73/1894	Венчик	М-1	Quartz; Albite; Margarite-2M1
2	СКГ-80/2747	»	М-2	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
3	СК-733/1902	Стенка	М-3	Quartz; Anorthite; Biotite-1M
4	СКГ-80/3778	Венчик	М-4	Quartz; Anorthite; Phengite 2M1
5	СКГ-80/3839	Стенка	М-5	Quartz; Muscovite 2M1
6	СКГ-80/4730	Донце без придонной стенки	М-6	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
7	СКГ-80/5457	Венчик	М-7	То же
8	СКГ-80/55460	Стенка	М-8	»
9	СКГ-80/5738	Донце с придонной стенкой	М-9	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
10	СКГ-80/6101	Стенка	М-10	Quartz; Muscovite 2M1
Петропавловка-Остров				
1	ПП-69/4016	Стенка	М-11	Quartz; Anorthite; Phengite 2M1
2	ПП-69/5352	Донце с придонной стенкой	М-12	Quartz; Anorthite; Biotite-2M
3	ПП-69/6601	Стенка	М-13	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
4	ПП-69/6321	»	М-14	То же
5	ПП-69/7373	Венчик	М-15	Quartz; Muscovite 1M; Anorthite
6	ПП-69/7673	Донце с придонной стенкой	М-16	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
7	ПП-69/7702	Венчик	М-17	То же
8	ПП-69/7729	»	М-18	Quartz; Biotite
9	ПП-69/не разборчиво	»	М-19	Отсутствует
10	То же	»	М-20	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Иннокентьевка				
1	Без номера	Венчик	М-21	Quartz; Muscovite 2M1; Albite
2	То же	»	М-22	Quartz; Muscovite 2M1
3	»	»	М-23	Quartz; Anorthite; Paragonite-2M1
4	»	Стенка	М-24	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
5	»	»	М-25	Quartz; Muscovite 2M1; Anorthite
6	»	»	М-26	То же
7	»	Донце с придонной стенкой	М-27	Quartz; Anorthite; Phengite 2M1
8	»	То же	М-28	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
9	»	»	М-29	Quartz; Anorthite; Phengite 2M1
10	»	Венчик	М-30	Quartz; Muscovite 1M
Вознесенское				
1	В-66/1200	Стенка	М-31	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
2	В-66/4891	»	М-32	То же
3	В-66/5382	»	М-33	Quartz; Albite; Muscovite 2M1
4	В-66/5467	»	М-34	Quartz; Muscovite 2M1
5	В-66/6167	Венчик	М-35	Quartz; Anorthite; Paragonite-2M1
6	В-66/6213	Стенка	М-36	Quartz; Paragonite-2M1
7	В-66/6281	»	М-37	Отсутствует
8	В-66/6288	Донце с придонной стенкой	М-38	Quartz; Anorthite; Muscovite 2M1
9	В-66/6506	Венчик	М-39	Quartz; Muscovite 2M1
10	В-66/6710	»	М-40	Quartz; Anorthite; Phengite 2M1

Таблица 2. **Минеральный состав керамики малышевской культуры (развитый комплекс) памятников юго-западной группы Нижнего Приамурья**

Памятник	Кол-во образцов		
	Группа 1 (Кв*; Ил)	Группа 2	
		Подгруппа 1 (Кв; ПШ; Ил)	Подгруппа 2 (Кв; Ил; ПШ)
Гася, Госян	2	7	1
Петропавловка-Остров	1	5	3
Иннокентьевка	2	5	2
Вознесенское	3	6	0

*Кв – кварц; ПШ – полевые шпаты (плагиоклазы); Ил – иллиты (слюдистые минералы)

Остров, Иннокентьевка) и средней (Гася, Госян) стадиях эволюции керамики развитого комплекса малышевской гончарной традиции шел поиск глинистого сырья соответствующего качества, а также оптимального состава формовочных масс, в которые в качестве основных минеральных добавок включались песок и породные обломки (дресва). С последними, вероятно, также велись эксперименты, чтобы определить их оптимальное соотношение. Постепенно состав формовочных масс стал более упорядоченным. На позднем этапе (Вознесенское) набор минеральных фаз сокращается с трех до двух, а доминирующим становится состав формовочных масс, включающий кварц, полевые шпаты и слюдистые минералы.

В будущем представляется весьма перспективным сравнить данные по минеральному составу ранней и развитой малышевской керамики, а также малышевского и кондонского керамических комплексов, чтобы выявить специфические признаки в технологии керамического производства в обеих гончарных традициях среднего неолита, а также установить общие тенденции динамики гончарного производства на территории Нижнего Приамурья в указанный период.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Медведев В.Е. Общее и особенное в неолите юго-западной и северо-восточной частей Нижнего Приамурья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнология, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М.М. Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – С. 419–424.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Результаты петрографического анализа керамики раннего комплекса малышевской неолитической культуры (Нижнее Приамурье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2015. – Т. 13. – С. 26–38.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о раннем гончарстве в малышевской неолитической культуре Дальнего Востока // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 112–115.

References

Medvedev V.E. Obshhee i osobennoe v neolite yugo-zapadnoj i severo-vostochnoj chastej Nizhnego Priamurya. In *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologiya, geoehkologiya, ehtnologiya i antropologiya: Materialy Vserossiyskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyaschenno 100-letiyu M.M. Gerasimova*. Irkutsk, 2007, vol. 1, pp. 419–424 (in Russ).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Keramika epokhi neolita Nizhnego Priamurya (ornamentalnyi aspect). Novosibirsk, 2014, 168 p. (in Russ.).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Rezultaty petrograficheskogo analiza keramiki rannego kompleksa malychevskoi neoliticheskoi kultury (Nizhnee Priamurye). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2015, vol. 13, pp. 26–38 (in Russ.).

Medvedev V.E., Tsetlin Yu.B. Novye dannye o rannem goncharstve v malyshevskoj neoliticheskoj kulture Dalnego Vostoka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 2015, vol. 21, pp. 112–115 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.129-132
УДК 903.5

А.Л. Нестеркина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Могильник Чанхан на острове Кадогдо: новые данные о погребальных практиках населения Кореи в эпоху раннего неолита

В статье рассматриваются материалы, полученные в ходе раскопок 2010–2011 гг. на могильнике эпохи раннего неолита Чанхан. Памятник локализуется на о-ве Кадогдо на юго-востоке Корейского полуострова. На могильнике Чанхан получен уникальный материал, дающий представление о погребальных практиках эпохи раннего неолита Кореи. Захоронения совершались на древней дневной поверхности, вероятно, имели надмогильную конструкцию в виде перекрытия или насыпи из породных обломков, керамики, раковин моллюсков. Большая часть костяков имела сильно скорченную позу. Антропологический материал показывает, что на могильнике погребены, преимущественно, подростки и взрослые индивидуумы обоего пола. Памятник Чанхан по своей насыщенности материалом и информативности не находит аналогов среди неолитических погребений Корейского п-ва. Дальнейший анализ полученных на нем археологических данных позволит прояснить многие актуальные вопросы, связанные со структурой общества, хозяйственной и духовной жизнью населения Кореи в эпоху раннего неолита.

Ключевые слова: *Корейский п-ов, ранний неолит, могильник, захоронение, погребальные практики.*

A.L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

The Changhang Burial Ground on the Kadogdo Island: New Data on the Mortuary Practices of the Early Neolithic Population of Korea

The article considers the materials of the excavations of the early Neolithic burial ground of Changhang in 2010–2011. The site is located on the island of Kadogdo in the southeast of the Korean Peninsula. The Changhang burial ground yielded unique materials on the early Neolithic mortuary practices in Korea. The burials were made on the ancient surface and probably had a surface construction in the form of a roof or mound made of rock fragments, ceramics and mollusk shells. The flexed position of the dead was most typical. Anthropological material shows that mainly adolescent and adult individuals of both sexes were buried at the burial ground. The Changhang site is unique among the Neolithic burials of the Korean peninsula in its abundant archaeological materials and information. Further analysis of the available archaeological data will make it possible to clarify many topical issues related to the structure of society, the economic and spiritual life of the Korean population in the early Neolithic period.

Keywords: *Korean Peninsula, early Neolithic age, burial ground, burial, mortuary practices.*

Эпоха неолита на территории Корейского п-ова и пролегающих к нему островов охватывает период X–II тыс. до н.э [Им Сантхэк, 2007, с. 48]. Несмотря на то, что изучение корейского неолита имеет практически вековую историю, погребальных комплексов данного времени известно не много. О погребальных практиках эпохи неолита дают представление такие объекты, как Мунамни в окрестностях г. Косон, Кёдон в г. Чхунчхон, Санчхонни в окрестностях г. Чинджу, Хупхори в у. Ульджин, Тонсамдон и Помбан в г. Пусан, Йогджидо и Саннодэдо в у. Тхонъён, Андо в у. Йосу. Большая часть погребальных памятников приурочена к восточному и южному побережьям полу-

острова. Неолитические погребальные памятники представлены в основном отдельными погребениями. Исключение составляет могильник Йондэдо: здесь было выявлено 13 захоронений. Неолитические захоронения производились главным образом в грунтовых ямах, редко – в керамических сосудах-урнах. При раскопках раковинной кучи Тонсамдон выявлено детское погребение в урне, отнесенное исследователями памятника к раннему неолиту. Два погребения в урнах периода среднего неолита обнаружены также на памятнике Санчхонни. Захоронения эпохи неолита совершались преимущественно по обряду трупоположения. В единичных случаях зафиксированы следы вторичных захоронений (Хупхори) и кремации (Санчхонни) [Там же, с. 66–67; Ким Санхён, 2011, с. 24].

Известный до настоящего времени материал по погребениям неолитического времени Корейского п-ова фрагментарен и не позволяет проследить какую-либо единую тенденцию в формировании погребальных практик этого периода. Кроме того, антропологический материал погребений отличается плохой сохранностью, что затрудняет половозрастные и социальные определения. В связи с изложенными выше обстоятельствами большое значение для изучения погребальных практик эпохи неолита имеют исследования на памятнике Чанхан на о. Кадогдо.

Памятник расположен в северо-западной части о. Кадогдо. Этот остров локализован у юго-восточных берегов Корейского пролива, между материком и о. Коджедо. Кадогдо – самый большой остров, относящийся к городскому округу Пусана. Археологические раскопки на нем проводились в 2010 и 2011 гг. сотрудниками Исследовательского института археологии и истории искусства. На месте проведения работ был обнаружен крупный могильник раннего неолита, а также связанные с ним синхронные объекты – ок. 100 ям и свыше 90 каменных выкладок. Находки с территории могильника включают более 100 керамических сосудов, нефритовую подвеску, костяное изделие с орнаментом, зуб акулы. К настоящему времени могильник Чанхан на о. Кадогдо – это самый крупный погребальный комплекс эпохи неолита на территории Корейского п-ова.

Стратиграфическая колонка памятника Чанхан включает три группы отложений (сверху вниз): мешаные супеси (пески) с включением раковин, супеси, основание – выветрелый скальник. В толще этих отложений выделено 12 культурных слоев. Слои I–VIII, сложенные мешаными супесями с включением раковин, содержат в основном керамику с двойным венчиком, с широколинейным прочерченным, пунктирным орнаментом и с поздними вариантами прочерченного декора. По-видимому, формирование данных отложений связано с подъемом уровня моря, начавшимся в период среднего неолита. К включающим могильник слоям IX–XII, не содержащим раковины моллюсков, приурочена керамика с орнаментом в виде налепных валиков, оттисков гребенчатого штампа и пальцевых вдавлений. По результатам ОСЛ-датирования для слоя IX получена дата 6400 л.н., для слоя X – 6700 л.н., для слоя XI – 7200 л.н., что наряду с археологическими находками свидетельствует о ранненеолитическом возрасте данных отложений и включенных в них объектов. Супеси без включения раковин относятся к категории континентальных отложений. Это показывает, что в период раннего неолита уровень моря был ниже современного [Ким Санхён, 2011, с. 23–25].

На могильнике Чанхан выявлены останки 48 погребенных. Все погребения относятся к периоду раннего неолита. Основная масса погребений приурочена к границе слоев VIII и IX. Некоторые погребения перекрывают друг друга. Это обстоятельство указывает на тип данного памятника: вероятно, он является общинным кладбищем и захоронения здесь совершались не одноактно, возможно, только в определенное время года [Ким Бомчхоль, 2017, с. 39]. С юго-западной стороны к могильнику примыкает территория, на которой зафиксированы синхронные с могильником каменные выкладки и ямы. Каменные выкладки образуют цепочку, вытянутую по направлению север – юг. Большая часть выкладок соприкасается друг с другом. Судя по отсутствию находок антропологического материала в границах каменных выкладок, они не относятся к погребениям. В то же время они не являются и открытыми очагами, характерными для стоянок эпохи неолита на Корейском п-ове. Ситуация, когда по соседству с погребениями, но отдельно от них сооружались каменные насыпи, зафиксирована и на других памятниках Корейского п-ова (раковинные кучи Сидо, Помбан, Йулли). Вероятно, данные каменные насыпи-выкладки составляют отдельный ритуально-поминальный комплекс [Ким Санхён, 2011, с. 25–26].

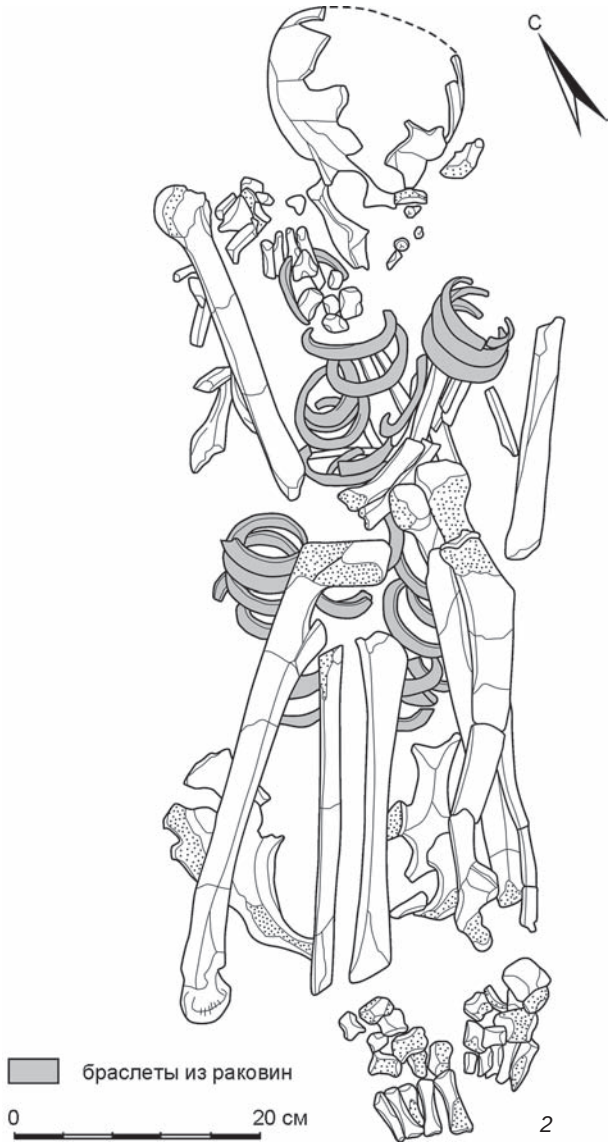
На могильнике Чанхан следов сооружения ям для погребения не зафиксировано. Захоронения производились на древней дневной поверхности с использованием естественных особенностей микрорельефа. Большая часть найденных на памятнике антропологических материалов имеет хорошую сохранность. Тела захоранивались в вытянутом и скорченном положении, ориентированы преимущественно головой на северо-запад или на северо-восток, в сторону морского побережья. Позу погребенного удалось определить у 31 костяка: 23 из них

имеют скорченное, 8 – вытянутое положение [Ким Бомчхоль, 2017, с. 41–43]. Таким образом, на данном могильнике преобладает способ захоронения в скорченном положении (более 70 % от общего числа погребенных). Это отличает данный памятник от других погребений эпохи неолита, где преобладают захоронения погребенных в вытянутом положении.

У восьми захороненных в вытянутом положении на спине ноги прямые. Руки у них вытянуты вдоль тела, у некоторых – сложены на груди или на животе. У погребенного в мог. № 8, расположенной в центральной части могильника, руки вытянуты вдоль тела. Ноги распрямлены, но при этом повернуты коленными чашечками вовнутрь. У захороненных в скорченном положении на спине ноги согнуты в коленях. По-видимому, у части тел ноги были связаны, у других – привязывались к верхней части тела. У большинства погребенных руки сложены на груди, голова наклонена вниз. У погребенного из мог. № 15 руки согнуты в локтях, кисти рук сложены на поясе. Правая лучевая кость залегала отдельно, на груди погребенного. Ноги согнуты в коленях, колени сведены вместе, голени подогнуты под бедра. Особенность погребений могильника Чанхан заключается в сильной степени скорченности тел, за что данный тип захоронений получил в корейской археологии наименование «скорченные захоронения типа *кадогдо*». [Ким Санхён, 2007, с. 25–26].

В некоторых погребениях памятника Чанхан зафиксированы следы изготовления погребального ложа из фрагментов керамических сосудов (№ 17). Часто над костяками фиксируется перекрытие (подобие насыпи) из керамики или камня. Например, костяки из погр. № 27–29, 35 и 36 накрыты фрагментами керамических сосудов. В погребениях № 9, 17 и 31 скелеты погребенных перекрыты об-

1



2

Могильник Чанхан на о. Кадогдо.
1 – погр. № 46; *2* – погр. № 41 (по: [Ха Инсу, 2013]).

ломками скальной породы и фрагментами керамики, в погр. № 11 – только обломками скальной породы. Костяк в погр. № 46 перекрывали раковины моллюска (см. *рисунок, 1*). В погр. № 2 под костями черепа погребенного выявлено подобие каменной подушки [Там же, с. 26; Ким Бомчхоль, 2017, с. 42; Ха Инсу, 2013, с. 29].

Для большинства антропологических материалов могильника Чанхан получены половозрастные определения. Возраст погребенных удалось установить у 36 из 48 костяков, он различен – от младенцев до пожилых людей. Большая часть захоронений принадлежала подросткам и взрослым индивидуумам обоего пола (25 костяков). Пол погребенных удалось выяснить для 31 костяка: количество захороненных на могильнике мужчин и женщин было примерно одинаковым – 15 и 16 костяков соответственно [Ким Бомчхоль, 2017, с. 39–40].

В комплексе сопровождающего инвентаря самую многочисленную группу составляет керамическая посуда, изготовленная специально для погребения («погребальная керамика»). Кроме этого, найдены изделия из камня, обсидиана и раковин моллюсков. Изделия из камня представлены топорами – 4 экз., точилом; изделий из обсидиана – более 500 экз., среди которых кроме многочисленных продуктов расщепления камня имеются и отдельные орудия. Украшения включают массивную нефритовую подвеску, сверленый зуб акулы, пластину с желобком из кости животного, а также браслеты из раковин моллюсков – более 20 экз. (см. *рисунок, 2*) [Ким Санхён, 2011, с. 28–30].

Таким образом, в результате раскопок могильника Чанхан на о. Кадогдо получен богатый археологический и антропологический материал. Сделанные находки не только проливают свет на погребальные практики населения раннего периода неолита на Корейском п-ове, но и позволяют в дальнейшем провести более глубокие исследования структуры общества, хозяйственной и духовной жизни неолитического населения юга Корейского п-ова.

Список литературы

Им Сантхэк. Эпоха неолита // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). – Сеул: Хангук когохакхве, 2007. – С. 47–72 (на кор. яз).

Ким Бомчхоль. Социальная биоархеология могильника Чанхан (о. Кадогдо), г. Пусан: экспериментальный подход к комплексному пониманию погребальных практик // Хангук синсокки ёнгу (Исследования по неолиту Кореи). – 2017. – № 34. – С. 35–64 (на кор. яз.).

Ким Санхён. Чанхан на о. Кадогдо в окрестностях г. Пусан – самый крупный могильник раннего неолита на юге Кореи // Journal of Korean Archaeology (Журнал «Археология Кореи»). – Тэджон: Нац. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2011. – С. 22–31 (на кор. яз.).

Ха Инсу. Анализ культуры раковинных куч эпохи неолита // Хангук мэджан мунхваджэ чоса ёнгу панбомнон (Теоретические и практические методы в археологии Кореи). – 2013. – № 8. – С. 8–40 (на кор. яз.).

References

Ha Insoo. Analiz kul'tury rakovinnykh kuch epokhi neolita / In *Khanguk medzhan munkhvadzhe chosa engu panbomnon (Teoreticheskie i prakticheskie metody v arkheologii Korei)*, 2013, No. 8, pp. 8–40 (in Korean).

Im Sangtaek. Epokha neolita. In *Khanguk kogokhak kanyi (Lektsii po arkheologii Korei)*. Seoul: Khanguk kogokhakkhve, 2007, pp. 47–72 (in Korean).

Kim Bumcheol. Sotsial'naya bioarkheologiya mogil'nika Changhang (o. Kadogdo), g. Pusan: eksperimental'nyi podkhod k kompleksnomu ponimaniyu pogrebal'nykh praktik. In *Khanguk sinsokki engu (Issledovaniya po neolitu Korei)*, 2017, No. 34, pp. 35–64 (in Korean).

Kim Sanghyun. Changhang na o. Kadogdo v okrestnostyakh g. Pusan - samyi krupnyi mogil'nik rannego neolita na yuge Korei. In *Journal of Korean Archaeology*. Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage, 2011, pp. 22–31 (in Korean).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.133-136
УДК 902.652(571.51)6347

А.Г. Новиков, О.И. Горюнова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Иркутский государственный университет
E-mail: as122@yandex.ru

Предварительные результаты раскопок стоянки позднего неолита Улярба на Малом море озера Байкал

Представлены результаты археологических работ, проведенных на древнем поселении Улярба (пункт 3). Объект расположен на перешейке мыса Антухай (урочище Улярба) северо-западного побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал. В ходе исследований выявлено два культурных слоя, содержащих хронологически чистые комплексы. Получена достаточно представительная коллекция артефактов. В результате типологического анализа керамики, сравнения ее с материалами опорных многослойных объектов и погребений побережья оз. Байкал, а также радиоуглеродных определений предложена предварительная датировка выявленных комплексов. Материалы нулевого культурного слоя (с керамикой, украшенной «жемчужинами») относятся к раннему бронзовому веку (4597–3726 кал. л.н.). Комплекс культурного слоя I (с пунктирно-гребенчатой керамикой) – к позднему неолиту (в пределах 5571–4597 кал. л.н.).

Ключевые слова: *оз. Байкал, Приольхонье, поздний неолит, ранний бронзовый век, керамика, пунктирный орнамент, радиоуглеродные даты.*

A.G. Novikov, O.I. Goriunova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Irkutsk State University
E-mail: as122@yandex.ru

Preliminary Results of Excavations at the Late Neolithic Uliarba Site at Maloe More of Lake Baikal

The paper describes archaeological studies carried out at the ancient settlement of Uliarba (locus 3). The site is located on the isthmus of Antukhai Cape (Uliarba locality) on the northwestern coast of the Mukhor Bay of the Maloe More part of Lake Baikal. In the course of the research, two cultural layers containing chronologically homogenous complexes have been identified. A representative collection of artifacts has been collected. The typological analysis of pottery, comparisons with materials from key multilayered settlements and burials on the Baikal coast, as well as radiocarbon definitions, suggest the following preliminary dating of the identified complexes. The materials of cultural layer 0 (with pottery decorated with punched nodes) date back to the Early Bronze Age (4597–3726 cal BP). The complex of cultural layer I (with dot-combed pottery) dates to the Late Neolithic (in the range of 5571–4597 cal BP).

Keywords: *Lake Baikal, Priolkhonie, Late Neolithic, Early Bronze Age, Pottery, dotted ornaments, radiocarbon dating.*

Маломорским отрядом археологической экспедиции Иркутского государственного университета проведены раскопки древнего поселения Улярба, расположенного на перешейке мыса Антухай (урочище Улярба), на северо-западном побережье залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 4,0 км к юго-западу от д. Сарма. В административном делении – Ольхонский р-н Иркутской обл. Перешеек представляет собой естественное понижение между мысовой возвышенностью и склоном горы, расположенной в его основании. Береговой участок западного побережья перешейка заболочен. В центральной (возвышенной) части перешейка рыхлые отложения уничтожены природными и антропогенными процессами. Местность покрыта степной растительностью.

Объект обнаружен и частично исследован Иркутской экспедицией Ленинградского отделения

Института археологии АН СССР (Л.П. Зяблин) в 1959 г. [Грязнов, Максименков, 1992]. Раскопки проводились в юго-западной части перешейка. В результате выявлен один культурный слой, привязанный к гумусированной почве, подстилающей собой современный почвенно-растительный горизонт. Культурный слой компрессионный, содержащий хронологически разновременный материал, датируемый от неолита до раннего железного века включительно.

Археологические работы на объекте возобновились в 2007 г. Маломорским отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова) в связи с отводом земли под строительство. Для определения степени сохранности, значимости и границ объекта были проведены детальные шурфовочные работы. Выявлено, что сохранность рыхлых отложений и культурных слоев на разных участках неравнозначна. Вследствие этого на объекте выделено три удаленных друг от друга пункта: 1-й – в юго-западной части перешейка (место раскопок 1959 г.), 2-й – в северо-восточной и 3-й – в юго-восточной части. В пункте 2 выявлено два культурных слоя: слой I – хронологически смешанный (бронзовый – железный века); слой II – датирован неолитом [Новиков, Долганов, 2008]. В юго-восточной части перешейка (пункт 3) зафиксирован один культурный слой, содержащий находки, отнесенные к позднему неолиту. Здесь в 2018 г. Маломорским отрядом экспедиции Иркутского государственного университета (А.Г. Новиков, О.И. Горюнова) вскрыт раскоп общей площадью 16 м^2. В ходе работ был отмечен дополнительный слой, обозначенный как 0-й. Стратиграфический разрез в месте раскопа включает следующие отложения:

1) дерн (0,03–0,05 м);

2) серая дресвянистая супесь – 0-й культурный слой (0,08–0,10 м);

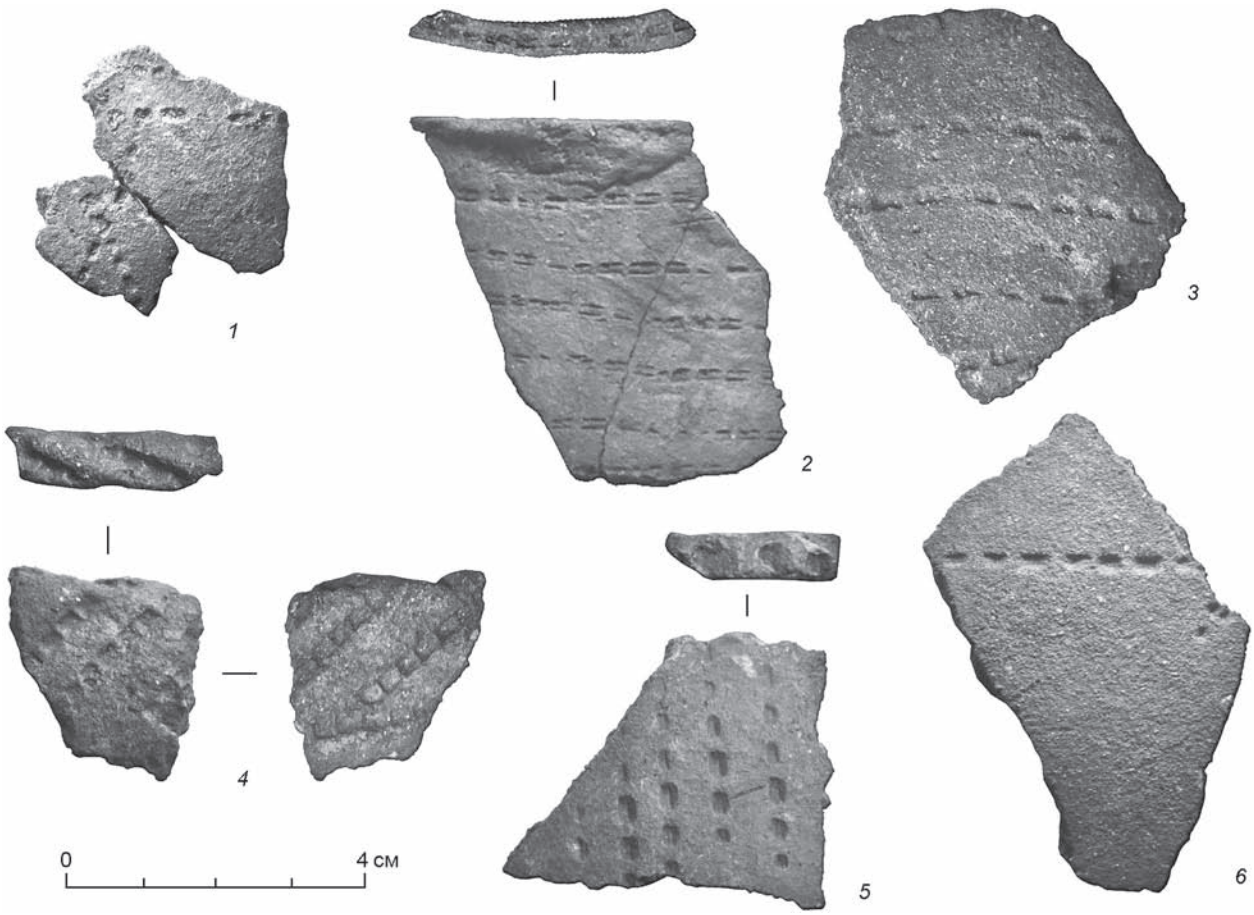
3) темно-серая щебенистая супесь с грубообломочным материалом – I культурный слой (0,12–0,15 м);

4) желто-бурая щебенистая супесь с грубообломочным материалом (0,09–0,10 м).

Ниже – выходы мраморизованного известняка.

Вскрытая мощность рыхлых отложений – 0,40 м.

Находки 0-го культурного слоя (60 экз.) представлены в основном фрагментами керамики



Керамика из I культурного слоя объекта Улярба, пункт 3.

(49 экз. минимум от четырех сосудов). Преобладает штриховая керамика (32 экз.); отмечены фрагменты с гладкой поверхностью. Фрагменты от двух сосудов орнаментированы «жемчужинами» (в одном случае – короткие вертикальные ряды, в другом – горизонтальный поясок). Зафиксирован фрагмент гладкостенной керамики, украшенный штамповыми вдавлениями. Венчик одного сосуда декорирован по срезу насечками.

В числе находок 10 изделий из камня (заготовка нуклеуса, призматическая пластина, пластинчатые сколы и отщепы) и обломок неопределимой кости животного.

Комплекс культурного слоя I (481 экз.) главным образом представлен гладкостенной керамикой (344 фрагмента минимум от шести сосудов).

Сосуд № 1 (шесть фрагментов) декорирован построениями из узких оттисков пунктирных линий (см. *рисунок, 1*). Композиция состоит из горизонтальных рядов, ниже которых – крестом пересекающиеся линии, выполненные тем же штампом.

Сосуд № 2 (22 фрагмента) – украшен по тулову горизонтальными рядами пунктирного штампа; по верхней поверхности венчика нанесены оттиски того же штампа (см. *рисунок, 2*).

Сосуд № 3 (114 фрагментов) – оформлен горизонтальными рядами пунктирного штампа (см. *рисунок, 3*).

Сосуд № 4 – представлен венчиком, украшенным по внутренней и верхней поверхностям наклонными оттисками пунктирного штампа (см. *рисунок, 4*). Тулово орнаментировано сочетанием наклонных и горизонтальных рядов, выполненных тем же штампом.

Сосуд № 5 (два фрагмента) – декорирован вертикальными рядами оттисков пунктирного штампа; по верхней плоскости венчика – насечки (см. *рисунок, 5*).

Сосуд № 6 (11 фрагментов) – оформлен горизонтальными рядами пунктирного штампа; от последнего ряда отходят наклонные линии, выполненные тем же штампом (см. *рисунок, 6*).

Изделия из камня (91 экз.) в основном представлены продуктами первичного расщепления, которые включают обломок призматического нуклеуса и сколы различной морфологии (77 экз.). В их числе 48 отщепов, 17 пластинчатых сколов и 12 призматических пластин. Набор орудий (13 экз.) составляют: 2 однолезвийных ножа с краевой обработкой; наконечник стрелы листовидной формы с вогнутой базой и симметричными шипами; 2 скребка на пластинчатых сколах; срединный резец на призматической пластине; 2 обломка сверл с двукраевой двусторонней обработкой; долотовидное орудие; резчик на призматической пластине; призматическая пластина с двукраевой вентральной ретушью и пластинчатый скол с краевой ретушью. В слое зафиксирован обломок шлифованного изделия с двумя просверленными отверстиями (предположительно, обломок рыбки-приманки). В числе находок – 46 фрагментов битой неопределимой кости.

Таким образом, в результате раскопок 2018 г. на стоянке Улярба (пункт 3) выявлено два культурных слоя. Керамика 0-го слоя типологически однородная. Она имеет широкие аналогии в комплексах раннего бронзового века ряда многослойных стоянок Прибайкалья: слои VII–I Улан-Хады, слои VII–IV Тышкинэ II и Тышкинэ III, слой II Горелого Леса, слой I Плотбища и др. [Савельев, Горюнова, Генералов, 1974; Горюнова, 1984; Горюнова, Новиков, 2009]. Радиоуглеродный возраст объектов раннего бронзового века в пределах 4597–3726 кал. л.н. [Weber et al., 2016]. Для комплекса культурного слоя I характерна однотипная керамика, представленная фрагментами от гладкостенных сосудов, украшенных построениями пунктирного штампа. Подобная керамика на территории Прибайкалья фиксируется в основном в компрессионных слоях, содержащих хронологически разновременный материал (например, слой IX Улан-Хады). В чистых комплексах она отмечена в слое IV Саган-Забы II, слое III Берлоги и в материалах серовских погребений Приольхонья [Горюнова, 1997; Долганов и др., 2011; Горюнова, Новиков, 2015]. По этим стоянкам и погребениям имеется крупная серия радиоуглеродных AMS-дат в пределах 5571–4597 кал. л.н. [Горюнова, Новиков, 2018; Weber et al., 2016]. По слою I стоянки Улярба (пункт 3) нами получены две радиоуглеродные AMS-даты (по костям благородного оленя): 4270 ± 20 (UCIAMS-207542) л.н. и 4175 ± 20 (UCIAMS-207543) л.н., которые соответствуют 4860–4630 кал. л.н.

В целом раскопки, проведенные в 2018 г. на стоянке Улярба (пункт 3), показали перспективность объекта для дальнейших исследований и пополнения материалов по позднему неолиту и раннему бронзовому веку региона.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10169).

Список литературы

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4 (40). – С. 76–82.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – Хух-Хото, 2015. – Т. 1. – С. 42–48.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер.: История. – 2018. – № 51. – С. 98–107.

Грязнов М.П., Максименков Г.А. Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 5–13.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Пунктирно-гребенчатая керамика и ее место в неолите Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – С. 84–91.

Новиков А.Г., Долганов В.А. Улярба – новое стратифицированное поселение в Приольхонье // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2008. – Вып. 6. – С. 101–111.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварит. сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 160–199.

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. – 2016. – Vol. 419. – P. 74–98.

References

Dolganov V.A., Goriunova O.I., Novikov A.G., Weber A.W. Punktirno-grebenchataya keramika i ee mesto v neolite Priol'khon'ya (po materialam mnogosloinogo poseleniya Sagan-Zaba II). *Vestnik Novosibirskogo gosudurstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2011, vol. 10, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 84–91 (in Russ.).

Goriunova O.I. Mnogosloinye pamyatniki Malogo morja i o. Ol'khon: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1984, 17 p. (in Russ.).

Goriunova O.I. Serovskie pogrebeniya Priolkhoniya (ozero Baikal). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 112 p. (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Antropomorfnaya, zoomorfnaya i solyarnaya simvolika na sosudakh bronzovogo veka Pribaikal'ya. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, No. 4 (40), pp. 76–82 (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Neoliticheskaya keramika iz poselenii Priolkhoniya (ozero Baikal): voprosy periodizatsii i datirovki. In *Drevnie kultury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baikalskoi Sibiri*. Khukh-Khoto, 2015, vol. 1, pp. 42–48 (in Russ.).

Goriunova O.I., Novikov A.G. Radiouglerodnoe datirovanie keramicheskikh kompleksov s poselenii epokhi neolita poberezh'ya Baikala. *Tomsk State University Journal of History*, 2018, No. 51, pp. 98–107 (in Russ.).

Gryaznov M.P., Maksimenkov G.A. Zadachi i itogi rabot Irkutskoi ekspeditsii. In *Drevnosti Baikala*. Irkutsk: State Univ. Press, 1992, pp. 5–13 (in Russ.).

Novikov A.G., Dolganov V.A. Ulyarba – novoe stratifitsirovannoe poselenie v Priol'khon'e. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2008, Iss. 6, pp. 101–111 (in Russ.).

Saveliev N.A., Goriunova O.I., Generalov A.G. Raskopki mnogosloinoi stoyanki Gorelyi Les: (Predvaritel'noe soobshchenie). In *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri*, 1974, iss. 1, pp. 160–199 (in Russ.).

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*, 2016, vol. 419, pp. 74–98.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.137-141
УДК 903.013

Г.Д. Павленок[1], А.А. Анойкин[1, 2], Ж.К. Таймагамбетов[3], В.А. Ульянов[4], Е.Н. Бочарова[1, 2], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], А.В. Шалагина[1], М.Б. Козликин[1], А.М. Чеха[1], Г.Т. Искаков[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Национальный музей Республики Казахстан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[5]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Исследование финальноплейстоценовых материалов стоянки Ушбулак в 2018 году

В статье приведены результаты исследования верхней пачки отложений многослойной палеолитической стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан), выполненного в 2018 г. Раскоп 1 изучался на прежней площади 6 м^2 и был углублен на 1 м от отметок, достигнутых в 2017 г. (общая глубина составляет 4 м). Стратиграфическое изучение разреза позволило выделить два новых литологических слоя – 4 и 5, а также пересмотреть атрибуцию ранее выделенных прослоев 3.4 и 3.5, объединить их и включить в качестве верхнего прослоя (4.1) в слой 4. Полученная коллекция составила 282 каменных артефакта и 90 фрагментов фаунистических находок. Технико-типологические характеристики археологического материала и его положение в стратиграфической последовательности, а также наличие искусственной каменной выкладки специфического облика позволяют отнести этот комплекс к финальному палеолиту. На это указывают как характер артефактов, так и имеющиеся аналогии с материалами стратифицированных верхнепалеолитических комплексов Южной Сибири.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, плейстоцен, финальный палеолит, многослойная стоянка, стратиграфический разрез.*

G.D. Pavlenok[1], A.A. Anoikin[1, 2], Zh.K. Taimagambetov[3], V.A. Ulianov[4], E.N. Bocharova[1, 2], G.I. Markovsky[1], S.A. Gladyshev[1], A.V. Shalagina[1], M.B. Kozlikin[1], A.M. Chekha[1], G.T. Iskakov[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan
[4]Lomonosov Moscow State University
[5]Kazakh State Museum of Azret Sultan
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Studies of the Terminal Pleistocene Materials from the Ushbulak Site in 2018

The article presents the results of the 2018 study of the upper portion of the soft sediments at the multilayered Ushbulak site (Eastern Kazakhstan). The works continued in the excavation area 1 totaling to 6m^2; the trench was deepened for 1 m and the total depth reached 4 m. Two new stratigraphic layers (4 and 5) were established. The stratigraphic division from the previous campaign was revised: sublayers 3.4 and 3.5 were reattributed as the upper sublayer 4.1 of layer 4. Archaeological collection consists of 282 lithic artifacts and 90 fragmented faunal remains. Technical-typological analysis

of materials, their stratigraphic position and the noted artificial stone pavement suggest attribution of this complex to the terminal Upper Paleolithic. The proposed chronological attribution is supported by the noted features of the artifacts and available parallels in the stratified Upper Paleolithic complexes of Southern Siberia.

Keywords: *Eastern Kazakhstan, Pleistocene, Final Paleolithic, multilayered site, stratigraphical cross-section.*

В полевом сезоне 2018 г. было продолжено изучение многослойной стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан), обнаруженной в 2016 г. и исследовавшейся в 2016 и 2017 гг. [Павленок и др., 2017, в печати]. Верхняя часть культурных отложений стоянки изучалась на площади раскопа 1 [Павленок и др., 2017], и ранее полученные данные по этому участку памятника позволили заключить, что исследованная толща (3,4 м) сложена тремя литологическими слоями, каждый из которых дополнительно подразделяется на два, три и пять прослоев соответственно [Павленок и др., 2017]. При продолжении исследований в 2018 г. толща рыхлых отложений в пределах раскопа (6 м^2) была вскрыта далее на глубину ~1 м (общая мощность ~4 м), что позволило уточнить стратиграфическое строение ранее изученного разреза. Стратиграфия верхних подразделений – от 1.1 до 3.3 осталась без изменений, тогда как ранее выделяемые прослои 3.4 и 3.5 были выведены из литологического слоя 3 и включены в слой 4 в виде прослоя 4.1 (рис. 1). Строение изученной в 2018 г. нижней части разреза с учетом внесенных изменений описано далее (сверху вниз).

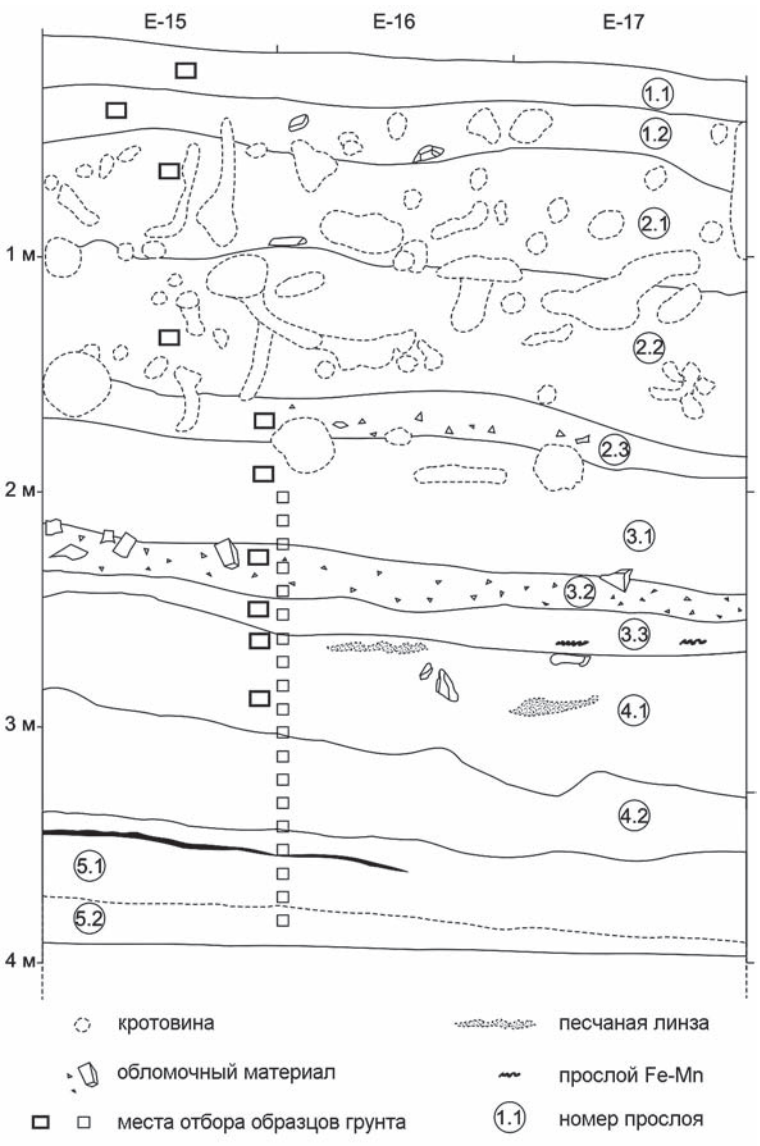


Рис. 1. Схема стратиграфического разреза раскопа 1 стоянки Ушбулак.

Отложения слоя 4 представляют собой генетически единый пролювиальный комплекс, сформированный временным водотоком в зоне активной аккумуляции. Разделены на 2 прослоя.

Прослой 4.1. Пески мелкозернистые и супеси алевритистые палево-серого и коричнево-серого цвета, в различной степени отмытые, с хаотически ориентированными включениями неокатанного щебня и дресвы сапролитизированных гранитоидов. Нижняя граница условно проводится по кровле мощного (до 1–1,5 см) горизонта наложенной Fe-Mn цементации. Ранее этот горизонт воспринимался в качестве границы между слоями 3 и 4 [Там же], что оказалось преждевременным утверждением. Мощность прослоя до 0,5-0,6 м.

Прослой 4.2. Пески разнозернистые и супеси алевритистые ржаво-охристого цвета, плохо отмытые, слабо сцементированные, умеренно насыщенные мелкощебнисто-дресвянистым материалом. Нижняя граница пологоволнистая, денудационного типа, местами с нечетко выраженным угловым несогласием срезающая слоистые текстуры подстилающих отложений. Мощность прослоя 0,2–0,4 м.

Слой 5 – пачка переслаивающихся супесей и суглинков охристого и серого цвета. Подразделяется на 2 прослоя.

Прослой 5.1. Пачка сравнительно мощных (до 10–15 см) прослоев су-

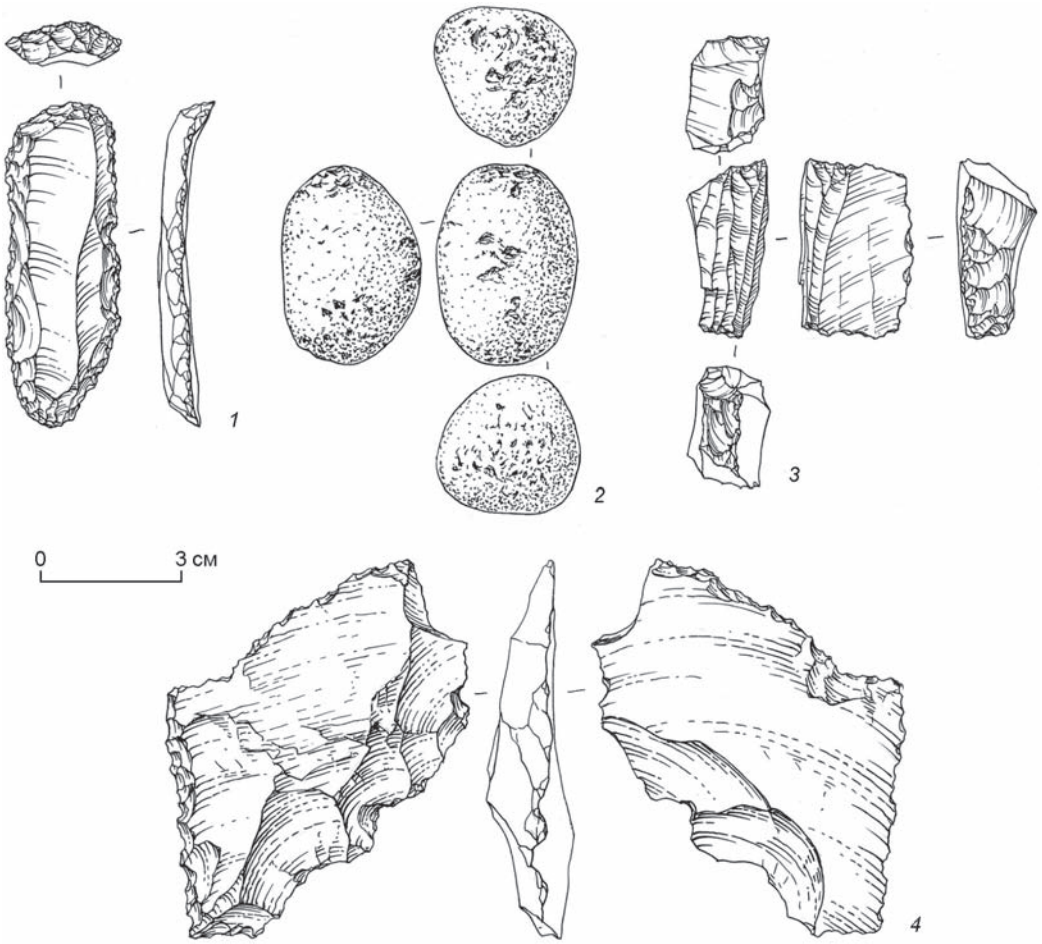


Рис. 2. Каменные артефакты из слоев 4.2–5.2 (рисунки А.В. Абдульмановой).
1 – орудие; *2* – отбойник/ретушер; *3* – нуклеус; *4* – отщеп с ретушью.

глинков средних алевритистых, слабо опесчаненных, серого, темно-серого (слабоомарганцованных и, вероятно, гумусированных) и ржаво-охристого цвета, переслаивающихся с маломощными (1–3 см) линзовидными прослоями оглиненного дресвяно-песчаного материала. Дресвянистые прослои сравнительно хорошо отмыты, слабо сцементированы суглинистым заполнителем порового типа, на вскрытом участке практически лишены щебнистых включений. Нижняя граница условная, ровная, с падением вниз по склону под углом ок. 6º. Мощность прослоя 0,2–0,3 м.

Прослой 5.2. Хорошо выдержанный прослой дресвяно-песчаного материала охристого цвета, умеренно сцементированного суглинистым заполнителем порового типа, с редкими маломощными (0,5–1,5 см) прослоями суглинков охристо-серых. Суглинистые прослои характерны и для отложений прослоя 5.1. Поэтому не исключено, что прослой 5.2 является другой фацией, единой со слоем 5.1 генерации пролювиальных отложений. Вскрыт в своей прикровельной части, видимая мощность – до 0,15–0,20 м.

Следует отметить, что отложения слоя 5, выделенные в раскопе 1, не являются прямыми аналогами отложений слоя 5, которые зафиксированы в верхней части разреза раскопа 2 (см. статью: Анойкин и др. «Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году в данном сборнике), т.к. раскопы находятся на значительном расстоянии друг от друга, и сопоставление полученных стратиграфических профилей носит предварительный характер.

Материальный комплекс прослоя 4.1 был рассмотрен ранее [Там же].

Прослой 4.2 исключительно беден на находки. Из 11 изделий 6 относятся к отходам производства: 2 обломка кварцита, 2 осколка и 2 чешуйки. Индустрия сколов насчитывает 5 экз.: 2 технических отщепа (первичный и скол подправки ударной площадки), 1 пластину и 2 микропластины, ни одна из которых не может быть соотнесена с отжимной техникой. Орудий нет.

Коллекция прослоя 5.1 насчитывает 106 изделий. Отходы производства представлены обломка-

Рис. 3. Искусственная выкладка камней в слое 5.2 (вид с северо-востока).

ми (в т.ч. одним обломком кварцита) (4), мелкими осколками (18), мелкими отщепами (16), чешуйками (25) и фрагментами сколов (6). Нуклевидные формы представлены недиагностируемым обломком ядрища. Индустрия сколов насчитывает 34 предмета, включая пластины (9), пластинки (8), мелкие пластинчатые отщепы (возможно, неудавшиеся пластинки) (2) и отщепы (≥ 20 мм) (15). Большинство изделий коллекции – некрупные. Более трети коллекции сколов (2 пластины, 4 пластинки и 6 отщепов) относятся к категории технических и представлены первичными, вторичными, полуреберчатыми и краевыми снятиями. Примечательно, что среди технических снятий всего два изделия крупных размеров (более 50 мм). Орудийная форма всего одна (рис. 2, *1*) – это двойной концевой скребок на крупной пластине, отретушированной по обоим продольным краям дорсальной крутой и полукрутой постоянной ретушью. Отдельно следует отметить наличие в коллекции небольшого галечного отбойника/ретушера (рис. 2, *2*).

Коллекция прослоя 5.2 насчитывает 165 изделий. Отходы производства представлены обломками (6), мелкими осколками (20), мелкими отщепами (35), чешуйками (62) и фрагментами сколов (8). Нуклевидные формы представлены единственным изделием (рис. 2, *3*). Это торцовый нуклеус на мелкой плитке, предназначенный для получения микропластин бипродольным скалыванием с тщательно отретушированных противолежащих площадок. Определенные морфологические особенности изделия – метрические показатели негативов снятых сколов, углы скалывания между ударными площадками и фронтом, характер подготовки площадок – свидетельствуют об отжимном способе редукции данного ядрища. Индустрия сколов насчитывает 31 предмет, в т.ч. пластины (7), пластинки (8), микропластины (1), пластинчатые отщепы (2) и отщепы (12). Коллекция в целом повторяет тенденции, отмеченные для слоя 5.1. Это некрупные размеры изделий, значительный процент технических изделий (5 пластин, 2 пластинки и 8 отщепов) тех же типов, что и в прослое 5.1. Пластинки и микропластина имеют нерегулярную форму и огранку, и эти изделия невозможно соотнести с рассмотренным ранее нуклеусом. Орудийные формы представлены двумя крупными отщепами с ретушью (рис. 2, *4*).

Фаунистические материалы (90 экз.) были обнаружены во всех стратиграфических подразделениях, однако определить удалось единственный таксон – крупную кабаллоидную лошадь (*Equus ferus*).

Важным элементом прослоя 5.2 стала искусственная структура – выкладка камней, впервые зафиксированная для культурных отложений стоянки Ушбулак (рис. 3). Выкладка представляет собой намеренно принесенные камни крупно- и среднещебнистой размерности в количестве 25 экз., из которых 5 экз. ориентированы субвертикально или стоят на ребре. Структура имеет полукруглую форму диаметром до 1,2 м, причем часть камней выявлена в «стенке» раскопа. Это позволяет предполагать продолжение выкладки за пределами изученной площади раскопа 1. Важным фактом является возможность поиска аналогий данному явлению. Подобные структуры, охарактеризованные как «каменные выкладки неясного назначения», диаметром до 1 м, были зафиксированы на таких объектах, как Майма и Ушлеп-3 [Лапшин, Кадиков, 1981; Кунгуров, 1993], атрибутированных исследователями финальнопалеолитическим временем.

При анализе каменных индустрий стратиграфических подразделений 4.2–5.2 раскопа 1 можно отметить увеличение мелкопластинчатого компонента, что ранее по материалам слоя 4 из траншеи 2016 г. не фиксировалось [Павленок и др., в печати]. Наличие искусственной конструкции в прослое 5.2 позволяет подтвердить ранее высказанные предположения о близости рассматриваемых комплексов финальнопалеолитическим материалам Алтая [Павленок и др., 2017]. Дальнейшее исследование стоянки Ушбулак, нового и редкого для региона стратифицированного памятника с материалами поздних этапов верхнего палеолита, позволит вписать новейшие материалы в сложившуюся систему представлений о культурных процессах, происходивших в конце плейстоценовой эпохи.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-09-00031).

Список литературы

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – 88 с.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 9–21.

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Шалагина А.В., Харевич В.М., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий рубежа плейстоцена и голоцена на стоянке Ушбулак-1 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 182–185.

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Шалагина А.В., Харевич В.М. Материалы слоев 1–4 стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – В печати.

References

Kungurov A.L. Paleolit i mezolit Altaja. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1993, 88 p. (in Russ.).

Lapshin B.I., Kadikov B.Kh. Pozdnepaleoliticheskaja stojanka u sela Majma v Gornom Altae (po materialam Bijskogo kraevedcheskogo muzeja). *Problemy Zapadno-Sibirskoj arheologii. Epoha kamnja i bronzy*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 9–21 (in Russ.).

Pavlenok G.D., Anoykin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Shalagina A.V., Kharevich V.M., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasiliev S.K. Issledovanie industrij rubezha plejstocena i golocena na stojanke Ushbulak-1 v 2017 godu. *In Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, 182–185 pp. (in Russ.).

Pavlenok G.D., Anoykin A.A., Shalagina A.V., Kharevich V.M. Materialy sloev 1–4 stojanki Ushbulak (Vostochnyj Kazahstan). *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, in press (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.142-145
УДК 902.01

Е.О. Роговской

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: eor127@yandex.ru

Ранний палеолит долины Чуны

В статье впервые вводятся в научный оборот материалы раннепалеолитического местонахождения им. Генералова. Новый раннепалеолитический объект расположен на правом берегу р. Чуна, в 7,5 км на восток от пос. Октябрьский Красноярского края. Археологический материал фиксировался в основном на галечном бечевнике и единично в разрезе, на глубине ок. 5 м под толщей позднеплейстоценовых отложений. Собрана коллекция из 68 артефактов, изготовленных из однородного по субстрату галечно-валунного материала. Практически все предметы покрыты корразией сильной степени. Состав коллекции демонстрирует типичный раннепалеолитический набор. Это в т.ч. различные скребла, чопперы и нуклеусы с неподготовленным фронтом и площадкой. Наличие примитивных галечных скребел и чопперов с выделенным острием является одной из характерных черт для раннепалеолитических индустрий.

Ключевые слова: *Чуна, ранний палеолит, переотложение, чоппер, скребло.*

E.O. Rogovskoi

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: eor127@yandex.ru

Early Paleolithic Evidence from the Chuna Valley

The article describes the archaeological materials from the Early Paleolithic Generalov site. The site is located on the right bank of the Chuna River, 7.5 km east of the village of Oktyabrsky in Krasnoyarsk Province. Archaeological material was mainly collected on the pebble beach and occasionally in a trench at the depth of about 5 m under the Late Pleistocene sediments. The collection totals to 68 artifacts made of homogeneous pebble-boulder material. Almost all artifacts demonstrate a strong degree of corrasion. This collection demonstrates a typical Early Paleolithic tool kit including various side-scrapers, choppers and cores with an unprepared flaking surface and platform. The presence in the industry of primitive pebble side-scrapers and choppers with a prepared pointed end is one of the characteristic features of the Early Paleolithic industries.

Keywords: *Chuna, Early Paleolithic, redeposition, choppers, scrapers.*

Изучение раннего палеолита в Северной Азии продолжается уже почти 60 лет. С годами прирастая все новыми свидетельствами присутствия человека в раннем и среднем плейстоцене, территория распространения раннепалеолитических объектов постепенно расширяется, охватывая все новые ландшафтные зоны и морфоструктурные образования.

Но процесс этот довольно длительный и трудоемкий, поскольку специфика раннепалеолитической тематики характеризуется, с одной стороны, сложностью поиска объектов, а затем их изучения, с другой, в принципе их редкой встречаемостью. Известные же на данный момент раннепалеолитические объекты имеют разную степень верификации геологических и техноморфологических оснований для причисления их к древнейшим памятникам Северной Азии. Очевидно, что приоритетным направлением в изучении раннего палеолита является выход на исследовательскую ситуацию, где бы сочетались раннепалеолитическая техноморфология и соответствующий геологический контекст [Деревянко, 2017].

В данной статье предлагается вниманию информация о новом объекте, индустрия которого демонстрирует несомненный раннепалеолитический облик, а поверхности артефактов, обнаруженных на нем, покрыты корразией сильной степени. Геологические условия в месте фиксации археоло-

гического материала в слое демонстрирует гетерогенную ситуацию, т.е. несоответствие древней морфологии предметов вмещающим значительно более молодым отложениям.

Новое раннепалеолитическое местонахождение было открыто в 2013 г. на правом берегу р. Чуны во время аварийно-спасательных работ на местонахождении им. Генералова (8–2,5 тыс. л.н.) (рис. 1), расположенном в 7,5 км на восток от п. Октябрьский Красноярского края. Первая информация о палеолите Чуны относится к 1970 г. (Медведев, Туров, Алаев). В 3 км ниже д. Березовой на правом берегу, на бечевнике – узкой береговой полосе у подошвы высокого берега реки, был обнаружен слабокорродированный мустьерский остроконечник. Этим, пожалуй, и заканчивается история палеолитических исследований в долине р. Чуны.

Река Чуна имеет второе название Уда – большая река. Ее длина – 1203 км. Река является правой составляющей р. Тасеева (слияние с Бирюсой), левого притока Ангары. Река берет свое начало в Удинском хребте Восточного Саяна, протекая в узкой межгорной долине и ниже, по Среднесибирскому плоскогорью. По характеру течения река делится на Верхнюю (от истока до п. Алыгджер) и Нижнюю (от п. Алыгджер до устья). Ниже п. Чунского река носит название Чуна. Эрозионно-аккумулятивный рельеф характерен для долины р. Чуны и других рек. Долина Чуны имеет ширину 3–5 км, лишь на участке распространения траппов она резко сужена. Средняя ширина ее русла – 300 м, оно почти не имеет крутых поворотов. Профиль долины Чуны асимметричный, левый ее борт крутой, правый – более пологий.

Долина р. Чуны находится в южной части Ангаро-Вилюйского внутриплатформенного прогиба, который расположен в центральной части Среднесибирского плоскогорья. Благодаря понижению эта огромная территория разделяется на три части. Центральная пониженная часть Среднесибирского плоскогорья прослеживается от Канско-Рыбинской впадины через Приангарское плато, Мурскую низменность, Центрально-Тунгусское плато до Центрально-Якутской низменности. Рельеф ее поверхности неровный, бугристо-западинный, сформирован песчаными дюнами, которые ориентированы длинными осями по линии запад – восток. В прибровочной части дюны имеют более ровную поверхность и образуют выположенные площадки шириной 30–70 м. В северо-восточной части наблюдается хорошо выраженное понижение. В северо-западной части такое же понижение частично подболочено. К северу от р. Чуны начинается слабонаклонная поверхность с плавным повышением, рельеф которой также сформирован эоловыми наносами.

Территория сбора раннепалеолитического материала на новом археологическом местонахождении представляет собой галечный бечевник шириной от 4–5 до 10–12 м, под слабо задернованным крутым береговым уступом высотой от 8 до 12 м над урезом реки, в непосредственной близости от неолитической стоянки им. Генералова [Стоянка…, 2014].

Большая часть коллекции собрана на 250–300-метровом участке. Кроме того, единичные предметы фиксировались ниже по течению на правом берегу

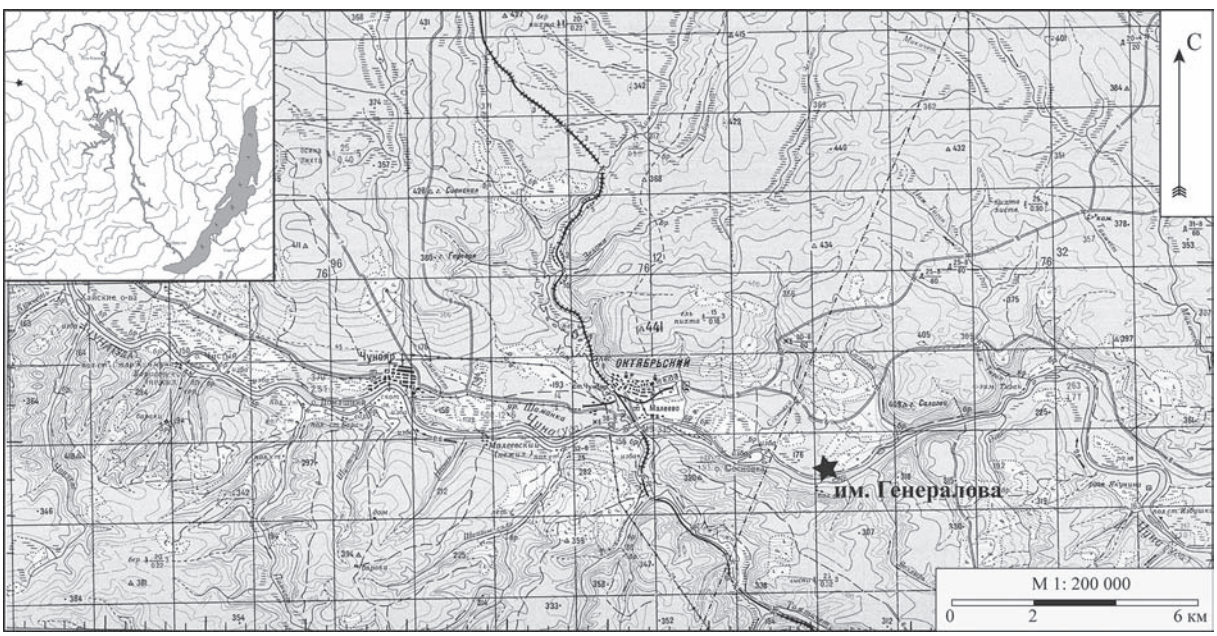


Рис. 1. Местоположение раннепалеолитического местонахождения им. Генералова.

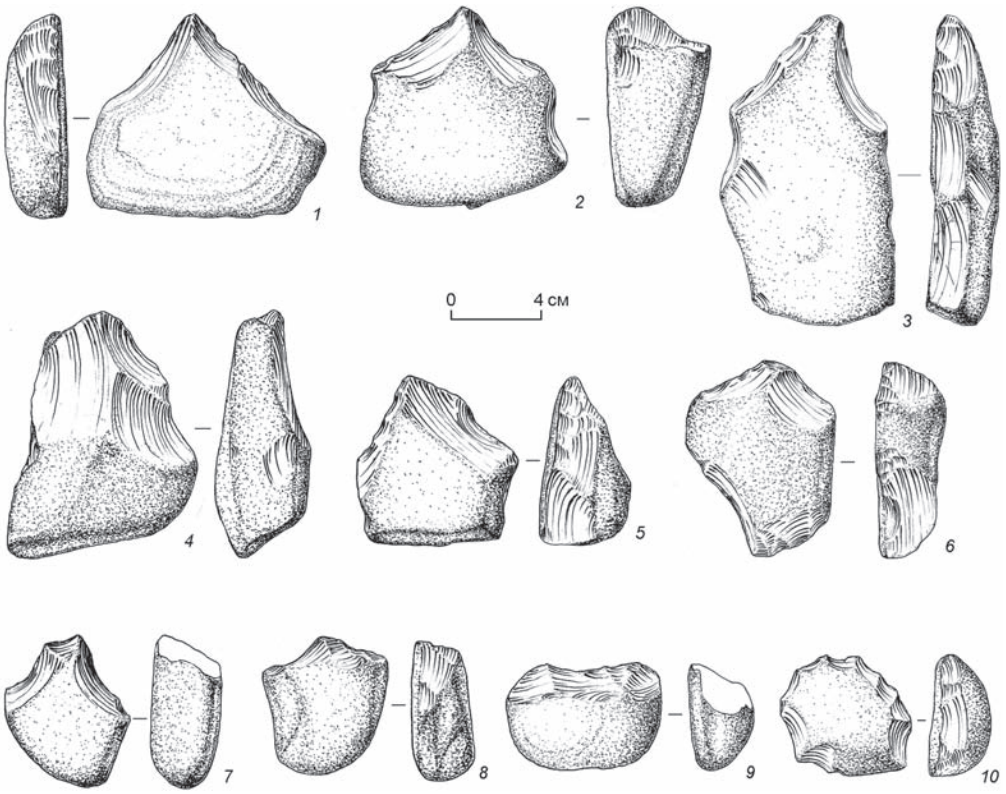


Рис. 2. Каменные артефакты с раннепалеолитического местонахождения им. Генералова.
1–3, 5–7 – чопперы с выделенным острием; *4* – нуклеус с встречным скалыванием на широкой стороне галечной заготовки; *6* – двухфасный чоппер; *8* – чоппер с выемчатой рабочей кромкой; *9* – чоппер с вогнутой рабочей кромкой; *10* – скребло.

в 3,5 км в устье р. Сосновый и в 5,5 км от основного участка сбора, напротив него же, на левом берегу, обнаружен единичный предмет (рис. 2, *8*), имеющий значение для понимания динамики формирования плейстоценовых толщ.

На новом местонахождении предпринята попытка зафиксировать археологический материал в стратификации. В восьмиметровом береговом уступе была сделана врезка. В результате была вскрыта пятиметровая толща песчаных голоценовых и плейстоценовых напластований. Голоценовый отдел представлен отложениями мощностью 1,3–1,4 м. Ниже читаются геологические образования сартанского оледенения (0,9–1,0 м), уровень позднекаргинского почвообразования (0,5–0,6 м), тонкослоистые пески с оглеенными прослойками раннекаргинского возраста (1,7–1,8 м). В подошве вскрытой толщи фиксируются редуцированные темно-коричневые слойки со следами почвообразования, которые ложатся на слой валунов, разноразмерных галек, кусков породы (долерит). Ориентация их хаотичная, дифференциация по размеру отсутствует. Этот слой, скорее всего, является краем конуса выноса. В кровле галечно-валунного слоя обнаружен артефакт: плоская галька с единичным сколом.

Вся коллекция собранных артефактов составила 68 экз. В качестве субстрата главным образом использовался сформированный в гальку песчаник в основном коричневого цвета. Использовалась галька крупных размеров (более 5 см) и мелкие валуны (до 20 см в поперечнике). Твердость субстрата 7 по шкале Мооса.

На большинстве артефактов отмечается сильная корразия. Коллекция представлена нуклеусами, чопперами, скреблами, единичными сколами.

Первичное расщепление, представленное девятью нуклеусами, демонстрирует получение крупных (до 10 см и более) единичных сколов с крупных галек и валунов с неподготовленных площадок и фронтальной поверхности. Фиксируется параллельная и радиальная ориентации ударного расщепления. В единственном экземпляре представлен нуклеус, фронт которого расположен на широкой поверхности естественной заготовки с общим треугольным контуром. Скалывание встречное, образующее, таким образом центральное ребро (рис. 2, *4*). В целом снятия с нуклеусов ограничены 2–4 сколами. Максимальные размеры ядрищ достигают 19 см в поперечнике.

Чопперы в количестве 40 экз. – наиболее многочисленная группа изделий в коллекции. Параметры чопперов отличаются большим разнообразием, варьируя в максимальной длине от 5–6 см до 17–20 см. Орудия представлены несколькими ти-

пами: с выделенным острием (рис. 2, *1–7*), поперечные, продольные, двухфасные (рис. 2, *6*). С прямой, выпуклой, выемчатой (рис. 2, *8*), вогнутой (рис. 2, *9*), конвергентной конфигурацией кромки рабочего фаса. К общим признакам чопперов можно отнести плоское основание, отсутствие следов ударного воздействия на пятке, за исключением одного случая и, чаще всего один рабочий фас. Самое большое количество чопперов – с угловой конфигурацией рабочего фаса или с выделенным острием (14 экз.). Наличие этой формы является одной из характерных черт для раннепалеолитических индустрий.

В группу скребел определено шесть предметов. Выделение этого типа из общего набора предметов достаточно условно. Кардинальные различия между чопперами и скреблами фактически отсутствуют. То же использование целых галечных заготовок или их фрагментов, плоское основание, односторонняя обработка рабочего фаса. Единственным отличием служит большее количество оформляющих сколов и способ их нанесения (рис. 2, *10*). Фиксируется два способа нанесения ретуши: субпараллельный и раздельный. Раздельным мы называем способ, когда сколы регулярной ретуши не соприкасаются и не налегают друг на друга, образуя в отдельных случаях выемчатую конфигурацию кромки рабочего фаса. Кроме вышеперечисленных предметов в коллекции фигурируют гальки и валуны с мелкими и крупными единичными сколами (6 экз.).

Касаясь корразии, покрывающей рабочие поверхности артефактов, следует указать, что на нескольких предметах наблюдается экстремально сильная корразия (вплоть до едва заметного улавливания фасеток), по сравнению с большинством сильно коррадированных предметов. Но есть и единичные изделия, на которых корразия ограничена легким люстратом. В этой связи важно отметить, что, несмотря на различия в степени корразии на отдельных предметах, коллекция в техноморфологическом плане выглядит гомогенной. Очевидно, что сложность и многоаспектность процессов переотложения (длительность экспонации, скорость перехода в погребенное состояние и количество переходов снова в экспонированное состояние, время, скорость, длительность переотложения) являются ключевым фактором степени сохранности рабочих поверхностей артефактов.

Возвращаясь к вскрытой врезкой стратиграфической ситуации, можно констатировать, что максимальный возраст пятиметровой толщи не соответствует возрасту обнаруженных предметов на бечевнике и в слое. Вероятно, здесь мы наблюдаем обширный временной перерыв в осадконакоплении. Общая картина формирования культуросодержащих уровней представляется нам следующим образом. Археологический материал, зафиксированный на бечевнике и в кровле галечно-валунного слоя, был вовлечен в разное время в галечно-валунные выносы с более высоких гипсометрических отметок. Позднейший вынос из «источника», вероятно, может относиться к муруктинскому кратковременному похолоданию. В разрезе, мы, вероятно, имеем дело с наиболее компрессионной ситуацией, когда галечно-валунные шлейфы наслоились друг на друга, образовав таким образом одну 2,5–3-метровую пачку. Обнаруженный на противоположном берегу чоппер указывает на то, что вынос галечно-валунного материала достигал левого, крутого борта долины. В отличие от правобережья, где разрез берегового уступа демонстрирует отложения субаэрального генезиса, на левом берегу отмечается 3–5-метровая терраса верхней поймы Чуны, прислоненная к крутому склону. Перекрывающие галечно-валунный слой рыхлые толщи были уничтожены позднее формирующимся водотоком.

На расположенном по соседству глубоком технологическом котловане можно было наблюдать увеличение мощности до 15 и более метров от бровки вглубь материка. В отвале котлована был подобран один из предметов (рис. 2, *3*). Возможно, это говорит о том, что фиксация раннепалеолитического материала в сингенетичных им отложениях на местонахождении вероятна.

Список литературы

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии / А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. II: Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. – 884 с.

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н.Е. Бердникова, Е.О. Роговской, И.М. Бердников, Е.А. Липнина, Д.Н. Лохов, С.П. Дударёк, Н.Б. Соколова, А.А. Тимощенко, А.А. Попов, Н.В. Харламова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2014. – Т. 7. – С. 150–191.

References

Berdnikova N.E., Rogovskoi E.O., Berdnikov I.M., Lipnina E.A., Lokhov D.N., Dudarek S.P., Sokolova N.B., Timoshchenko A.A., Popov A.A., Kharlamova N.V. Stoyanka im. Generalova (r. Chuna). Rezul'taty okhranno-spasatel'nykh rabot 2013 goda. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2014, vol. 7, pp. 150–191 (in Russ).

Derevianko A.P. Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. II, 884 p. (in Russ).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.146-149
УДК 551.89

Н.А. Рудая

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nrudaya@gmail.com

Изменение растительности Кулунды в позднем плейстоцене и голоцене: первые итоги палинологического изучения керна донных отложений озера Кучук

Исследованный керн донных отложений озера Кучук охватывает последние 14.6 тыс. л., что делает эту запись уникальной для территории как Кулундинской равнины, так и всего юга Западной Сибири. Согласно результатам исследования можно реконструировать появление или повторное распространение хвойных лесов в окрестностях Кулундинской равнины не ранее 12,2 тыс. л.н. В период 14,6–12,2 тыс. л.н. вокруг озера были распространены степные и галофильные сообщества. После 6 тыс. л.н. могли усиливаться процессы аридизации, что отразилось в увеличении доли амарантовых и снижении процента хвойных. Значение хвойных в регионе начало снижаться с 2,5 тыс. л.н., при этом березовые леса, напротив, получили большее распространение.

Ключевые слова: *плейстоцен, голоцен, озеро Кучук, Кулунда, реконструкция растительности.*

N.A. Rudaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nrudaya@gmail.com

Vegetation Changes in Kulunda During the Late Pleistocene and Holocene: First Results of the Pollen Study of Lake Kuchuk Bottom Sediments

Studied core of bottom sediments of Lake Kuchuk covers the latest 14.6 cal kyr, it makes this palaeorecord unique for Kulunda and entire Southwestern Siberia. According to the results of this study the appearance or reappearance of coniferous forest in the area occurred not earlier that 12.2 kyr BP. In the interval from 14.6 to 12.2 kyr BP, the steppe and halophyte communities were spread around the lake. After 6 kyr BP, the climate could have become more arid; it is reflected in an increase of Amaranthaceae and a decrease of conifers. Conifers have decreased after 2.5 kyr and birch forest has become more widespread.

Keywords: *Pleistocene, Holocene, Kuchuk Lake, Kulunda, vegetation reconstruction.*

Кулундинская равнина представляет собой обширную аллювиальную низменность на юго-востоке Западной Сибири. На территории Кулундинской равнины и соседней с ней Барабинской лесостепи располагаются многочисленные всемирно известные и хорошо изученные археологические памятники от неолита до железного века. Изменения природной среды в голоцене могли значительно влиять на развитие человеческих сообществ в этом регионе. Отличительной особенностью Кулунды и Барабы является большое количество соленых и пресных озер, донные осадки которых служат уникальными архивами истории природы этого региона.

Бессточное озеро Кучук (52.69967 с.ш., 79.84682 в.д., 92 м над ур.м.) располагается в Благовещенском р-не Алтайского края (Кулундинская равнина). Озеро занимает замкнутое понижение и имеет размер 20 × 10 км. Озеро горько-соленое, сульфатное с высокой минерализацией ~ 300 г/л и с максимальной глубиной 3 м. В озеро впадает небольшая речка Кучук, берущая начало в Родин-

ском р-не Алтайского края. Протокой озеро Кучук соединено с Кулундинским озером.

Современная растительность в районе Кулундинского озера характеризуется высоким разнообразием [Королюк, Смоленцев, Лащинский, 2008, с. 81–84]. В растительном покрове представлены характерные для Кулунды типы растительности: степи, луга, леса и кустарники, галофитная и водноболотная растительность. Благодаря близкому залеганию грунтовых вод, на территории Кулундинской равнины развиты засоленные сообщества – солонцеватые степи и ценозы на солонцах с доминированием *Halimione verrucifera, Puccinellia tenuissima, Artemisia nitrosa*.

Наиболее широко распространенный тип степей здесь – солонцеватые полынно-мелкодерновинно-злаковые степи, которые характеризуются сочетанием галоксерофитов и обычных степных растений, выносящих засоление. Постоянными доминантами или содоминантами выступают *Artemisia austriaca, A. nitrosa, Festuca valesiaca, Puccinellia tenuissima*. В наиболее засоленных вариантах появляются облигатные галофиты, такие как *Halocnemum strobilaceum, Suaeda* и *Atriplex, Salicornia perennans, Ofaiston monandrum*. Другие виды, составляющие такие сообщества, – *Halimione verrucifera, Puccinellia tenuissima, P. gigantea Artemisia nitrosa, Frankenia hirsuta, Limonium suffruticosum,*

Солонцово-степные комплексы равнинных территорий, т.н. медальоны, сохранили в своем составе фрагменты богаторазнотравно-дерновиннозлаковых настоящих степей, уничтоженных хозяйственной деятельностью на плакорных местообитаниях. Основу таких сообществ составляют злаки *Stipa zalesskii, S. pennata, S. capillata, Helictotrichon desertorum, Koeleria cristata, Festuca valesiaca,* а также многолетние лугово-степные травы *Filipendula vulgaris, Fragaria viridis, Potentilla humifusa*.

Древесно-кустарниковая растительность не имеет широкого распространения на исследуемой территории. На увалообразных повышениях и гривах, а также по западинам произрастают березово-осиновые с *Betula pendula* или чисто осиновые рощицы с подлеском из *Rosa laxa* и *Ribes nigrum*, часто встречаются заросли *Caragana arborescens*.

Наиболее близко расположенные хвойные леса распространены восточнее озера в виде отдельных массивов, и южнее – в виде уникальных ленточных сосновых боров, происхождение которых дискуссионно. Хвойные леса, распложенные к югу от Кулунды, являются наиболее ксерофильным вариантом лесов в Сибири [Ermakov, Dring, Rodwell, 2000, p. 34].

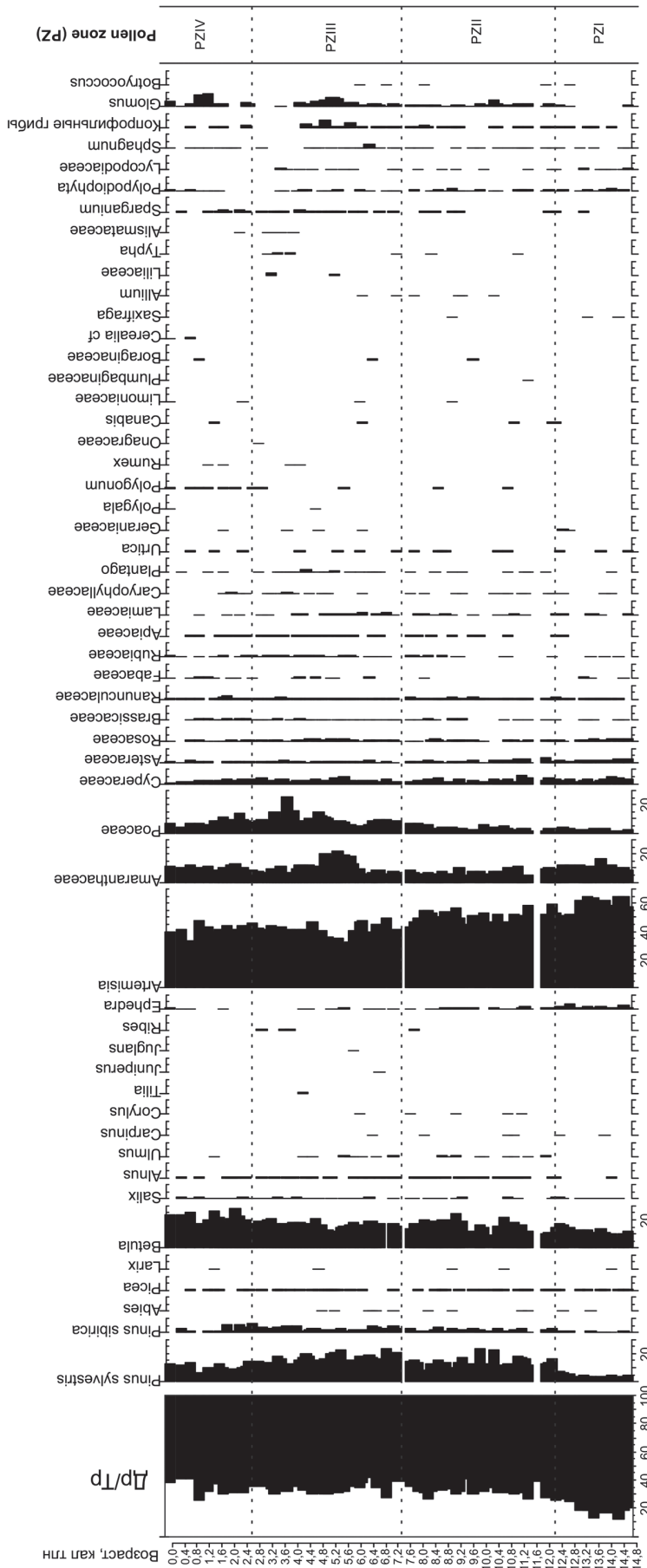
Исследованный керн донных отложений оз. Кучук получен в 2016 г. в ходе совместной экспедиции С.К. Кривоноговым (Институт геологии и минералогии СО РАН) с глубины 2,9 м и охватывает последние 14,6 тыс. л. (см. *рисунок*), что делает эту запись уникальной для территории как Кулундинской равнины, так и всего юга Западной Сибири.

Керн исследован палинологическим методом. На палинологический анализ отобрано 160 проб с интервалом 2 см по 2–5 г сухого веса. В палинологической лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН образцы были химически обработаны с применением усовершенствованной методики Faegri, Iversen [1989, p. 92]. Подсчет палиноморф проводился с помощью светового микроскопа Zeiss AxioImager D2 с увеличением в 400 раз. Результаты изучения отображены в палинологической диаграмме, построенной с применением новых версий программ Tilia-TiliaGraph и CONISS (см. *рисунок*). Керн датирован радиоуглеродным методом в лабораториях Института ядерной физики СО РАН и Тайванского национального университета, г. Тайбей, Тайвань. Возрастная модель построена в пакете R в программе Bacon для интервала 0–255 см и охватывает последние 14,6 калиброванных тысяч лет. Ниже 255 см озерные отложения практически стерильные и палиноморф почти не содержат.

Палинологическая диаграмма может быть разделена на четыре палинозоны на основании процентного соотношения палинотаксонов, относящихся к древесным и травянистым растениям.

Нижняя палинозона (PZI; 12.2–14.6 тыс. л.н.) отличается заметно более низким содержанием пыльцы сосны обыкновенной *Pinus sylvestris* (не более 10 %). Содержание древесной березы *Betula* достигает 20 %, что тоже несколько ниже, чем в вышерасположенных палинозонах. Доминантами среди пыльцы травянистых растений выступают полыни (*Artemisia*) и амарантовые (Amaranthaceae). Процент пыльцы эфедры (*Ephedra*), индикатора аридного климата, в этой зоне немного выше, чем в последующих. Обращает на себя внимание очень низкое содержание пыльцы злаков (Poaceae).

Вторая палинозона (PZII; 12,2–7,3 тыс. л.н.) характеризуется резким увеличением доли сосны обыкновенной в палинологических спектрах (до 30 %). Такая ситуация сохраняется до 2,4 тыс. л.н., затем доля сосны несколько уменьшается. Процент сосны сибирской (*Pinus sibirica*), слабо представленной в палеозаписи, также заметно увеличивается, начиная с этой зоны. В палинозоне PZII несколько возрастает процент березы и снижается процент эфедры; в верхней части увеличивается доля злаков. Впервые в PZII в незначительном количестве зарегистрирована пыльца вяза (*Ulmus*). В целом можно отметить единичное присутствие пыль-



Палинологическая диаграмма донных отложений оз. Кучук (Алтайский край). Др/Тр – отношение процента пыльцы древесных растений к травянистым.

цы широколиственных деревьев (*Ulmus, Carpinus, Corylus, Tilia, Juglans*), начиная с 12,2 тыс. л.н. и до верхней границы PZII (2,5 тыс. л.н.).

Структура палинозоны PZIII напоминает зону PZII, но можно отметить снижение доли полыней и увеличение доли злаков. В верхней части палинозоны, с 6 тыс. л.н., заметно увеличивается процент Amaranthaceae.

Верхняя палинозона PZIV (2,5–0 тыс. л.н.) характеризуется снижением доли пыльцы сосны обыкновенной и почти полным исчезновением пыльцы сосны сибирской в верхней части зоны (с 1,6 тыс. л.н.). Наряду с этим увеличивается процент березы, достигая своего максимума.

Таким образом, согласно предварительным результатам исследования керна донных отложений оз. Кучук, можно реконструировать появление (повторное распространение) хвойных лесов в окрестностях Кулундинской равнины не ранее 12,2 тыс. л.н. В период 14,6–12,2 тыс. л.н. вокруг озера были распространены степные и, вероятно, галофильные сообщества с полынями, амарантовыми, эфедрой. После 12,2 тыс. л.н. в соседних регионах начинают распространяться хвойные леса, встречаются и широколиственные породы. Несмотря на постоянное присутствие хвойных в палинологической записи, процент их невысок, что указывает на то, что хвойные леса не произрастали *in situ*. При этом динамика изменения доли пыльцы хвойных может интерпретироваться не на локальном уровне, но более глобально. Можно говорить, что хвойные леса с примесью мелко- и широколиственных пород начали распространяться на юге Западной Сибири в целом.

После 6 тыс. л.н., вероятно, могли усиливаться процессы аридизации, что отразилось в увеличении доли пыльцы амарантовых и снижении процента хвойных. С этого же времени могли начать формироваться разнообразные варианты степей на Кулундинской равнине, что отразилось в увеличении доли злаков. Значение хвойных в регионе начало снижаться с 2,5 тыс. л.н., при этом березовые леса, напротив, вероятно, получили большее распространение.

Список литературы

Королюк А.Ю., Смоленцев Б.А., Лащинский Н.Н. Почвенно-растительный покров приозерной равнины Кулундинского озера // Растительный мир Азиатской России. – 2008. – № 2. – С. 80–88.

Ermakov N., Dring J., Rodwell J. Classification of Continental Hemiboreal Forests of North Asia // Braun-Blanquetia. – Camerino, 2000. – Vol. 28. – 131 p.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. 4th ed. / ed. K. Faegri, P.E. Kaland, K. Krzywinski. – Chichester: John Wiley & Sons, 1989. – 328 p.

References

Ermakov N., Dring J., Rodwell J. Classification of Continental Hemiboreal Forests of North Asia. In *Braun-Blanquetia*. Camerino, 2000, vol. 28, 131 p.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. 4th ed. / ed. K. Faegri, P.E. Kaland, K. Krzywinski. Chichester: John Wiley & Sons, 1989, 328 p.

Koroljuk A.Ju., Smolencev B.A., Lashhinskij N.N. Pochvenno-rastitel'nyj pokrov priozernoj ravniny Kulundinskogo ozera. *Rastitel'nyj mir Aziatskoj Rossii*, 2008, No. 2, 80–88 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.150-154
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Появление леваллуазской технологии в раннепалеолитических комплексах Юго-Восточного Дагестана

Время появления и последующее распространение леваллуазской технологии – одни из наиболее острых вопросов изучения палеолита Евразии. Леваллуазская система первичного расщепления в большинстве каменных индустрий отождествляется с эпохой среднего палеолита, однако в Дагестане она представлена в одном контексте с раннепалеолитическими индустриями ашельского облика. Вместе с данной системой расщепления зафиксировано и раннее появление пластинчатых заготовок для изготовления сложных орудийных форм. Эти компоненты представлены на двух стратифицированных раннепалеолитических стоянках Дарвагчай-Залив-1 и Дарвагчай-Залив-4. Хронологические рамки культуросодержащих слоев памятников установлены на основе естественно-научных данных и согласно принятым стратиграфическим схемам соответствуют возрасту ≈0,35–0,30 млн л.н. (МИС 10–9).

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний палеолит, первичное расщепление, леваллуазская технология, нуклеус, пластины.*

A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Emergence of the Levallois Technology in the Early Paleolithic Complexes from Southeastern Dagestan

The time of appearance and subsequent dispersal of the Levallois technology is among the most pressing issues of the Eurasian Palaeolithic. The Levallois reduction is mostly correlated with the Middle Paleolithic, but in Dagestan, the Levallois artifacts are found in the same context with the Early Paleolithic Acheulean-like industries. Lamellar blanks that were used as in-laid parts in composite tools have been also noted in the same early context with the Levallois artifacts. These components have been recorded in the two stratified Early Paleolithic sites of Darvagchay-Zaliv-1 and Darvagchay-Zaliv-4. The chronological assessment of the cultural layers is made on the basis of natural science data and according to the accepted stratigraphic scheme, corresponds to the age of ≈0.35–0.3 million years ago (MIS 10–9).

Keywords: *Dagestan, stone industry, Early Paleolithic, primary reduction, Levallois technology, nucleus, blade.*

В среднем – позднем ашеле происходят важные изменения в технике обработки камня. Наряду с техникой клектон и техникой двусторонней оббивки появляется новая техника – леваллуа. Название этой технике дала стоянка Леваллуа-Перре под Парижем. Для нее характерна тщательная предварительная подготовка и оформление нуклеусов, приобретающих благодаря этому сходство с панцирем черепахи (черепаховидный нуклеус). Это позволяло получать заготовки (отщепы и пластины) достаточно правильной овальной или треугольной формы, которые не нуждались в тщательной вторичной обработке для последующего изготовления орудий. Благодаря этому значительно возрастает число орудий, изготовленных на отщепах, которые становятся более тонкими и правильными. Появляются пластинчатые заготовки, еще более тонкие и удлиненные имеющие более правильные прямоугольные или треугольные очертания. Орудийный набор ашельских памятников становится более разнообразным: это многочисленные скребла и скребки, разнообразные острия, а также различные типы зубчато-выемчатых форм.

На большей части территории Западного Прикаспия, где известны ашельские индустрии, преобладают аридные условия, не способствующие аккумуляции рыхлых отложений. Поэтому подавляющее большинство палеолитических памятников находится в экспонированном или перемещенном состоянии. Исключение представляют собой две открытые стоянки, расположенные на территории Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан). Памятники Дарвагчай-Залив-1 и Дарвагчай-Залив-4 находятся в районе небольшого залива Геджухского водохранилища, на склонах высокого (20–30 м) останца третьей древнекаспийской террасы, образованного серией морских осадков, перекрытых сверху рыхлыми отложениями в виде супесей и суглинков. Место расположения стоянок соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части (< 90 м) Западного Прикаспия. Стоит отметить, что в этой местности ситуация для сохранения геологических горизонтов, в которых обнаружены раннепалеолитические артефакты, является относительно благоприятной, т.к. именно здесь обнаружены свидетельства применения леваллуазского расщепления, полученные из стратифицированных отложений. Оба местонахождения имеют схожие геоморфологические и стратиграфические позиции. Раннепалеолитические артефакты залегали в гравийно-галечных горизонтах (Дарвагчай-Залив-1 – раскоп 4, слой 2, и Дарвагчай-Залив-4 – слой 3), ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Анализ планиграфии и стратиграфии показывает, что каменные изделия претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Коллекции артефактов данных стоянок характеризуются параллельными и радиальными нуклеусами, выемчатыми и шиповидными изделиями, однолезвийными скреблами и атипичными скребками, не многочисленными, но разнообразными галечными (чопперы, чоппинги) и бифасиально обработанными (рубила, пики) орудиями. Специфический характер этих индустрий, облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные материалы к числу средне – позднеашельских комплексов Кавказа [Деревянко и др., 2012].

Коллекции артефактов с памятников Дарвагчай-залив-1 и -4 демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам. Всесторонний анализ каменного инвентаря показывает, что в период формирования культуросодержащих слоев этих стоянок на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшейся на местной полисырьевой базе. Установить хронологические рамки памятников позволяют палеонтологические данные (анализ малакофауны) и палеомагнитные исследования. Хронологически время формирования культуросодержащих горизонтов соотносится с разными фазами активности Каспийского моря (позднебакинское и постбакинское время) и согласно принятым стратиграфическим схемам соответствует возрасту ≈0,35–0,30 млн л.н. (МИС 10–9).

Некоторые элементы леваллуазской технологии были замечены и ранее. Прежде всего, это касается двух нуклеусов с памятника Дарвагчай-Залив-1, обнаруженных в 2016 г. В обоих случаях ударные площадки тщательно оформлены сколами, также стоит отметить наличие выпуклого фронта скалывания у одного нуклеуса и негативов пластинчатых заготовок у другого (рис. 1, *4*). В коллекциях (2014–2015 гг.) стоянки Дарвагчай-Залив-4 тоже есть несколько нуклеусов, имеющих определенные признаки, характерные для леваллуазской системы расщепления камня. Наиболее выразительны два сильно истощенных ядрища. Ударные площадки подготавливались сколами и ретушью, контрфронты выпуклые, на рабочих плоскостях видны негативы пластинчатых снятий (рис. 2, *3*).

Археологические раскопки, проведенные на этих памятниках в 2017–2018 гг., позволили получить дополнительную серию нуклеусов, имеющих ряд признаков, характерных для леваллуазской системы расщепления: оформленную сколами и ретушью (в некоторых случаях выпуклую) ударную площадку, частично подготовленные латерали и негативы удлиненных правильной формы (иногда пластинчатых) снятий на фронте скалывания.

Первый нуклеус (5,7 × 4,5 × 3,6 см) подтреугольной формы выполнен из кремня. Выпуклая двугранная площадка и левая латераль оформлены средними и мелкими сколами. Контрфронт выпуклый галечный, на фронте скалывания видны негативы удлиненных снятий конвергентной формы (см. рис. 1, *2*). Наиболее тщательно оформлен следующий нуклеус (4 × 4,8 × 1,8 см), изделие прямоугольной формы изготовлено из кремня. Остаточное ядрище сильно сработано, ударная площадка выпуклая фасетированная, контрфронт – плоский галечный, основание отсутствует, вероятно, обломано в процессе расщепления, на рабочей плоскости присутствует негатив снятия пластинчатой заготовки (см. рис. 2, *4*). Очень выразителен двухплощадочный монофронтальный нуклеус встречного принципа скалывания (5,2 × 5 × 3,8 см), площадки подготовлены сколами и ретушью, одна латераль оформлена поперечными сколами, фронт скалывания выпуклый, контрфронт галечный (см. рис. 1, *3*).

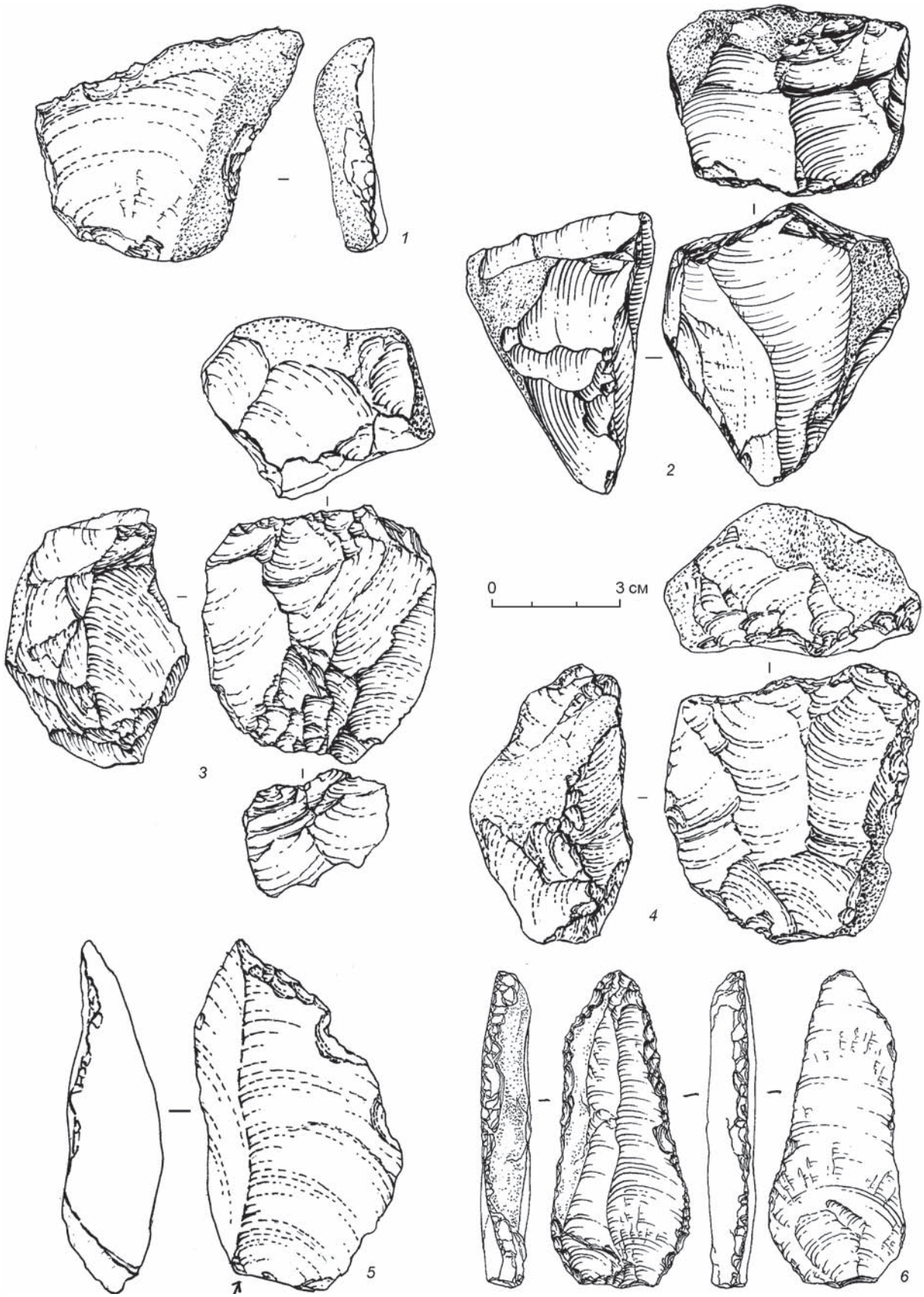


Рис. 1. Каменные артефакты Дарвагчайского геоархеологического района.
1, 2, 4, 5 – Дарвагчай-Залив-1; *3, 6* – Дарвагчай-Залив-4.

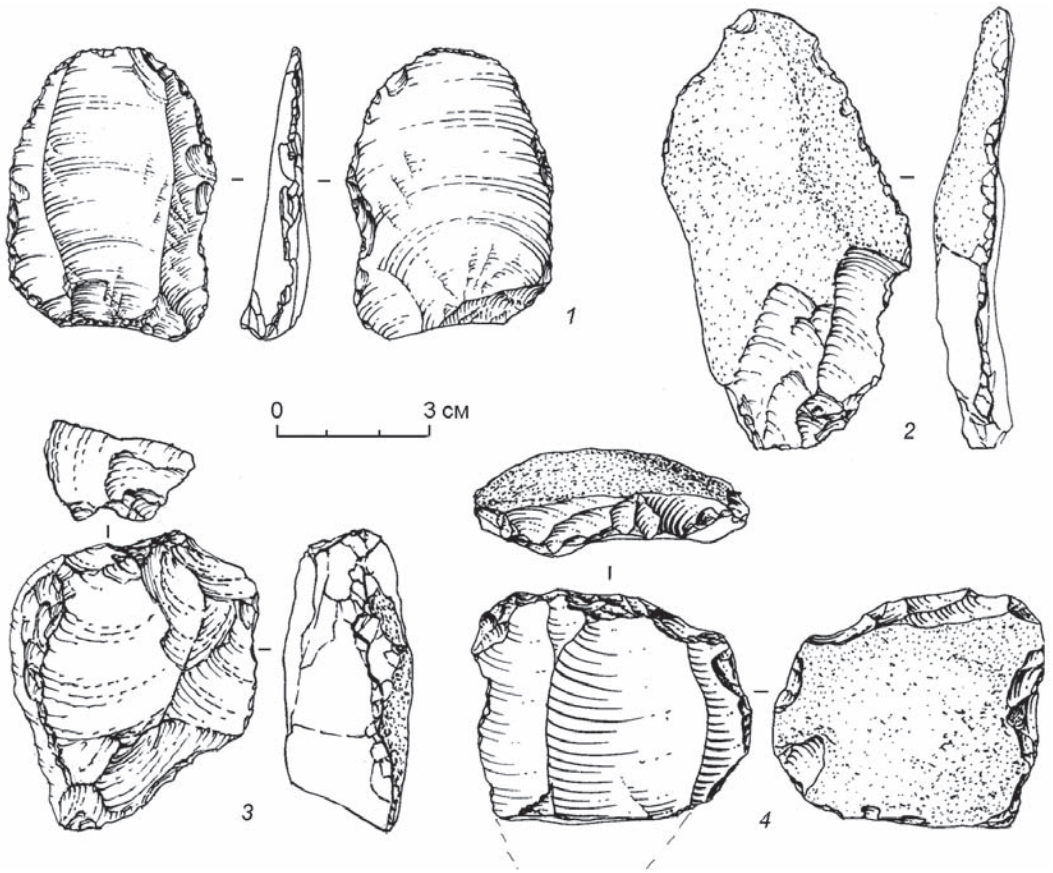


Рис. 2. Каменные артефакты со стоянки Дарвагчай-Залив-4.

Помимо этого, в орудийном наборе этих стоянок есть несколько изделий, в качестве заготовок для которых использовались сколы, близкие по морфологии леваллуазским. Это ретушированный остроконечник (см. рис. 1, *6*), атипичное острие с ретушью (см. рис. 1, *1*) и небольшая серия пластинчатых заготовок с элементами вторичной обработки и без таковой (см. рис. 1, *5*; 2, *1*, *2*). Ударные площадки у этих заготовок в основном гладкие или двугранные, фасетированные встречаются гораздо реже. Дорсальные поверхности преимущественно однонаправленные, радиальные единичны.

Проведенные исследования дают основания говорить, что данная индустрия, по всей вероятности, может быть отнесена к финально-ашельским комплексам, с леваллуазским компонентом. В состав инвентаря входит небольшая серия нуклеусов для производства леваллуазских сколов, реализовывавшихся в рамках т.н. отщепово-пластинчатой технологии. Это комбинированный метод, при котором подготовка выпуклого фронта ядрища осуществлялась с одной или противолежащих площадок латеральными сколами или встречными удлиненными, пластинчатыми сколами. С одной из таких площадок впоследствии реализовывался скол леваллуа. Получавшийся в результате использования такого метода леваллуазский отщеп был, как правило, более удлиненным, дорсальная поверхность его иногда сочетала негативы радиальной подправки и негативы однонаправленных или встречных удлиненных параллельных снятий. Полученные данные показывают, что почти после каждого целевого рабочего снятия требовалось то или иное переоформление, дооформление нуклеуса. Использованием этого метода можно объяснить относительную многочисленность пластинчатых сколов, которые могли быть как целевыми, так и техническими снятиями, полученными при оформлении фронтальной поверхности леваллуазского нуклеуса. Хотя доля фасетированных ударных площадок невелика, сам факт их присутствия свидетельствует о появлении приема обработки площадок нуклеусов, типичного для леваллуазской технологии.

Следует отметить полное отсутствие признаков леваллуазской конвергентной технологии – однонаправленной острийной техники леваллуа, распространенной на обширной территории Евразии. Данный вариант леваллуа заключается в получении одного, максимум двух леваллуазских острий. Производство их осуществлялось на протяжении

одного цикла с помощью обязательной предварительной подправки фронтальной поверхности нуклеуса боковыми техническими сколами и фасетажем ударной площадки. Реализация последующих леваллуазских сколов начиналась с идентичных подготовительных операций.

Другой классический «черепаховидный» метод леваллуа, для которого характерно оформление фасетированной площадки нуклеуса и фронтальной поверхности с помощью центростремительных сколов. Результатом являлся округлый или овальный скол с фасетированной ударной площадкой. Данный метод широко распространен в комплексах среднего палеолита исследуемых стоянок, особенно на развитой и финальной стадиях [Кандыба, Рыбалко, 2015]. Леваллуазский средний палеолит здесь находится в одной стратиграфической последовательности, период существования этих технокомплексов был очень продолжительным в диапазоне от 200 до 50 тыс. л.н.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2015. – № 4 (88). – С. 77–81.

References

Derevianko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novye dannye o srednem paleolite Yugo-Vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-zaliv-1). In *Izvestiya Altaiskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya, politologiya*, 2015, No. 4 (88), pp. 77–81 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.155-159
УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1], С.А. Когай[2], А.М. Хаценович[1],
Б. Гунчинсурен[3], Г. Ангарагдулгуун[3], А.О. Вольвах[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Иркутский государственный университет
[3]Институт истории и археологии МАН
[4]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: rybep@yandex.ru

Разведка палеолитических памятников в среднем течении реки Харганын-гол (Монголия)

В 2018 г. отрядом Российско-Монгольской археологической экспедиции была произведена разведка в средней и верхней части долины реки Харганын-гол (приток среднего течения р. Селенга, Северная Монголия). Были произведены исследования четырех палеолитических местонахождений. В отложениях стоянки Харганын-Гол-13 был обнаружен выразительный комплекс начального верхнего палеолита, ассамбляжи остальных местонахождений относятся к поздней стадии верхнего палеолита – раннему верхнему палеолиту.

Ключевые слова: *верхний палеолит, Монголия, стратиграфия, хронология, археологические разведки.*

E.P. Rybin[1], S.A. Kogai[2], A.M. Khatsenovich[1],
B. Gunchinsuren[3], G. Angaragdulguun[3], A.O. Volvakh[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Irkutsk State University
[3]Institute of History and Archaeology MAS
[4]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: rybep@yandex.ru

Reconnaissance of Paleolithic Sites in the Middle Kharganyn Gol River (Mongolia)

Northern Mongolia has yielded a number of important Upper Paleolithic sites; most of them are concentrated in the Middle Selenga. In 2018, an excavation team of the Russian-Mongolian Archaeological Expedition surveyed the Middle and Upper Kharganyn-Gol River, a tributary of the Middle Selenga River, Northern Mongolia. Four Paleolithic sites were studied. The site of Kharganyn-Gol-13 yielded an impressive initial Upper Paleolithic complex. Assemblages from other established sites have been correlated to the subsequent stage, i.e. the early Upper Paleolithic.

Keywords: *Upper Paleolithic, Mongolia, stratigraphy, chronology, archaeological reconnaissance.*

В хронологическом промежутке от 45 000 до 40 000 л.н. долина Селенги служила естественным миграционным коридором, соединяющим Северную и Центральную Монголию с Западным Забайкальем. В настоящий момент в среднем течении Селенги известно более 100 палеолитических местонахождений. Столь плотное заселение этого участка долины связано не только с благоприятными условиями окружающей среды, но и с изобилием доступных источников каменного сырья.

Как перспективный археологический микрорайон долина Харганын-гола, правого притока второго порядка Селенги, была идентифицирована в результате разведок совместной Российско-Монгольско-Американской экспедиции в 2012 г. Этот микрорайон соседствует с долиной р. Толбор, где была выявлена уже хорошо известная группа палеолитических памятников. Разведки производились в нижней части долины, было выявлено семь местонахождений [Гладышев и др., 2012]. В 2012–2015 гг.

здесь проводились раскопки памятника Харганын-Гол-5, который позволил установить присутствие здесь человека уже в среднем палеолите и вплоть до финала верхнего палеолита [Khatsenovich et al., 2017]. В 2014 г. сотрудниками археологического отряда этой же экспедиции (руководитель С.А. Гладышев) К. Гилламом и А.В. Табаревым была предпринята разведка в среднем течении Харганын-гол, в ходе которой были обнаружены 10 пунктов сбора подъемного материала. Хотя шурфовки не проводились, потенциально наиболее интересным для изучения было признано местонахождение Харганын-Гол-13 (или стоянка Эльдорадо), где был обнаружен подъемный материал, включавший в себя леваллуазский острийный нуклеус. На основании этой находки было выдвинуто предположение, что среди комплексов стоянки может присутствовать среднепалеолитический ассамбляж [Gillam et al., 2014].

В 2018 г. отрядом Российско-Монгольской археологической экспедиции была произведена разведка в средней и верхней частях долины. Работы были ориентированы на тестирование как наиболее перспективных объектов, уже выявленных ранее, так и новых памятников. Разведки проводились на участке долины протяженностью 3 км; исследовались два объекта, открытых в 2014 г. (Харганын-Гол-12, -13), и два вновь обнаруженных памятника (Хараганын-гол-18 и -19) (рис. 1). Все памятники, за исключением местонахождения Харганын-Гол-12, находятся на левом борту долины реки и приурочены к подгорным делювиально-пролювиальным шлейфам различной степени сохранности, все объекты имели южную экспозицию, и поблизости находились выходы силицитов, из которых были изготовлены артефакты.

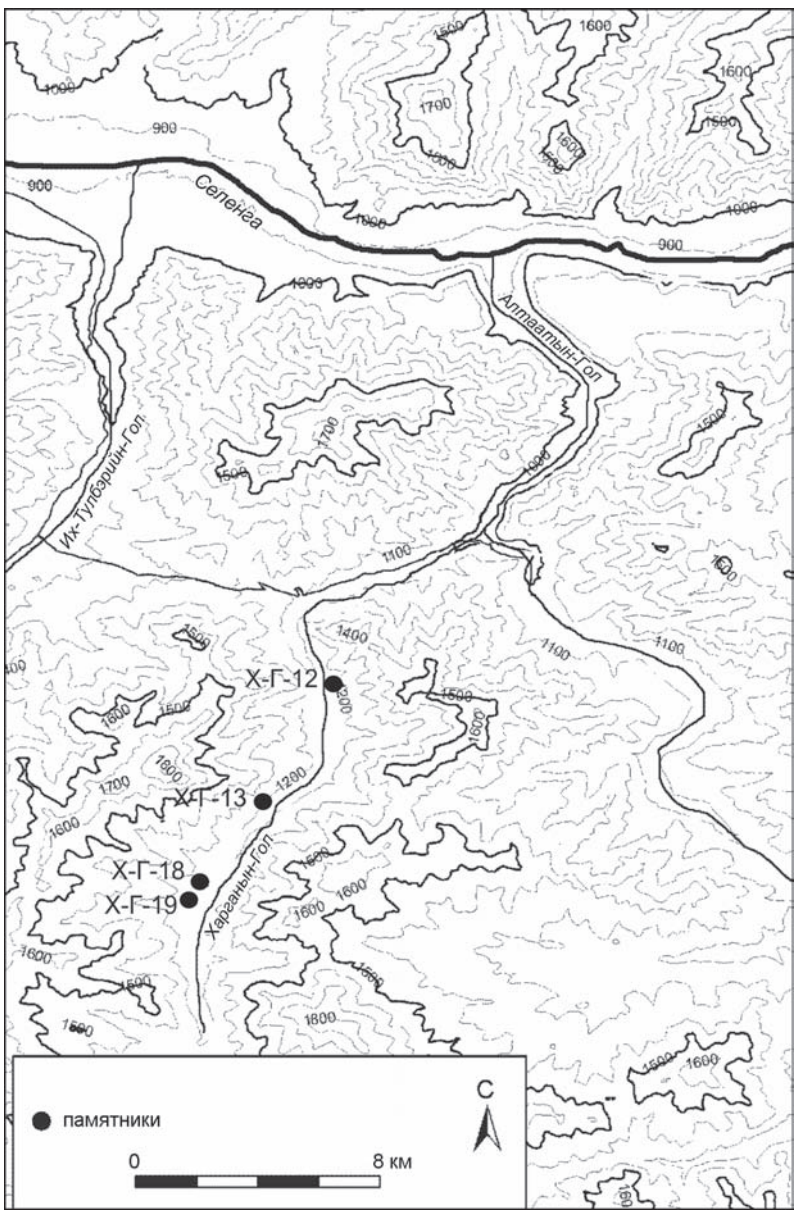


Рис. 1. Схема расположения исследованных объектов.

Харганын-Гол-12. Расположен на юго-западном борте обширного шлейфа. По линии запад – восток был заложен шурф размерами 2 × 1 м. Общая пройденная мощность составила 150 см. При раскопках была выявлена следующая стратиграфия (западная стенка): слой 1 – современная почва, глубины от дневной поверхности составляют 0–10 см; слой 2 – однородный плотный темно-коричневый суглинок с включением крупного щебня, видимая мощность до 140 см. В этом слое на глубине 130–140 см были обнаружены четыре артефакта – пластина, чешуйка и два шиповидных орудия, выполненных на отщепах.

Харганын-Гол-13 (стоянка Эльдорадо). Находится на сильно эродированном, рассеченном на несколько небольших площадок краю подгорного шлейфа. Было заложено четыре шурфа, площади всех вскрытий составляли 1 × 2 м (рис. 2, *1*). Шурфы были ориентированы согласно наклону шлейфа по линии запад – восток.

Шурф 1, заложенный на наиболее высоком уровне, не дал археологического материала. Мощность вскрытых отложений составила 210 см.

Шурф 2. Находился на площадке, расположенной ниже на 2 м, чем шурф 1. Раскопками было вскрыто

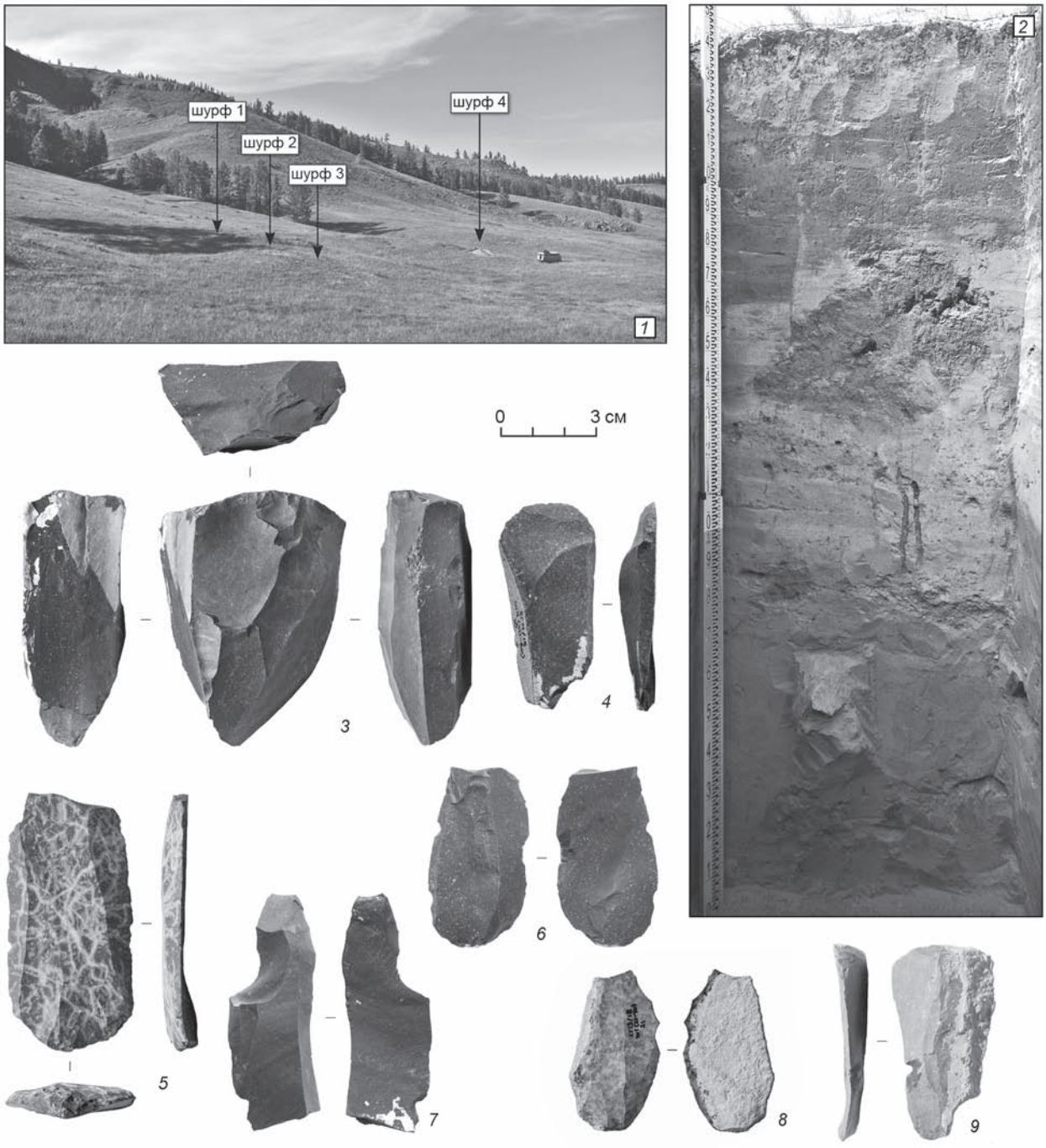


Рис. 2. Результаты разведочных работ.

1 – вид на местонахождение Харганын-Гол-13; *2* – стратиграфический разрез шурфа 2 Харганын-Гол-13, западная стенка; *3–9* – каменные артефакты: *3–7* – Харганын-Гол-13, *8* – Харганын-Гол-18, *9* – Харганын-Гол-19.

245 см отложений и выявлена следующая стратиграфия (западная стенка) (рис. 2, *2*): слой 1 – современная почва, мощность до 80 см; слой 2 – однородные белесовато-серые плотные лессовидные пылеватые супеси с включением мелкого гравия и щебня, мощность до 10 см. Ниже этого слоя начинаются ламинарные отложения слоя 3, представляющие собой чередования слойков серых и желтоватых легких суглинков общей мощностью до 70 см; в горизонте, залегающем в основании слоя 3 на глубинах от 140 до 155 см от дневной поверхности, были обнаружены залегающие относительно компактно по вертикали каменные артефакты. Слой 4, мощностью до 15 см, желтоватые суглинки, насыщенные щебнем; слой 5 представляет собой легкие однородные желтоватые лессовидные суглинки, мощность до 25 см; слой 6 – белесые лессовидные супеси, насыщенные мелким щебнем, мощность до 90 см;

слой 7 – легкие светлые лессовидные суглинки с редкими включениями глыб, мощность до 40 см; слой 8 – кровля коры выветривания, 240–245 см от дневной поверхности. В слое 3 было обнаружено шесть каменных артефактов. Неретушированные сколы представлены двумя пластинами с бипродольной огранкой. Имеется три орудия: тронкированная пластина (рис. 2, *5*); пластина с анкошем; шиповидное орудие на полупервичной пластине. Также был обнаружен подпризматический двуплощадочный нуклеус для пластин (рис. 2, *3*).

Шурф 3 был заложен у нижнего края шлейфа, пройден на глубину до 0,5 м, отложения представляли зону дезинтеграции коренных пород – современную почву, смешанную с крупным щебнем и мелким глыбовником. Здесь было найдено четыре фрагмента пластины и 15 отщепов.

Шурф 4 был заложен на находящемся в 50 м к северу от шурфов 1–3 останце подгорного шлейфа. Высота шурфа относительно уровня основания останца составляла ок. 3 м, таким образом, он находился на том же гипсометрическом уровне, что и шурф 2. Максимальная вскрытая мощность отложений достигала 220 см. При раскопках была выявлена следующая стратиграфия (южная стенка): слой 1 – современная почва, 0–30 см от дневной поверхности; слой 2 – коричневато-серый легкий суглинок с включением гравия, мощность до 25 см; слой 3 - слойки желтоватых и коричневатых суглинков толщиной от 2 до 5 см, мощность до 25 см; слой 4 – желтоватые лессовидные супеси, насыщенные мелким щебнем, мощность до 10 см; слой 5 – ламинарные отложения, желтоватые и коричневатые суглинки, мощность до 20 см; слой 6 – желтоватые лессовидные супеси, насыщенные мелким щебнем, мощность до 20 см; слой 7 – однородный неслоистый легкий желтовато-серый суглинок, мощность до 30 см; слой 8 – плотные светло-серые легкие суглинки, мощность (видимая) до 60 см.

Всего было обнаружено 23 экз. каменных артефактов и одна кость. При раскопках было выделено несколько уровней залегания артефактов. Первый ассоциирован с современной почвой. Здесь было обнаружено три отщепа и три обломка. В слое 2 было найдено два обломка и торцовый нуклеус. В слое 3 был найден отщеп и концевой скребок на удлиненной пластине правильной формы, происходящий из понора (рис. 2, *4*). В слое 5 была обнаружена очень крупная кость млекопитающего, находившаяся в плохой сохранности. В слое 7 на глубинах от 180 до 200 см был обнаружен наиболее насыщенный культурный горизонт, в котором было выявлено 12 каменных артефактов. Среди них: девять фрагментов крупных и средних пластин (рис. 2, *6, 7*); отщеп, чешуйка и фрагмент подпризматического нуклеуса.

Харганын-Гол-18. Местонахождение расположено на узком конусе выноса, простирающемся по линии запад – восток. Шурф 1 заложен на южном склоне, примерно на середине между тыловым швом и свалом в долину р. Харганын-гол. Вскрытая мощность 90 см. Слой 1 – современная почва, мощность ок. 20 см; слой 2 – светлый лессовидный суглинок, мощность ок. 20 см; слой 3 – серый суглинок, встречаются продукты разрушения скального основания, мощность ок. 20 см; слой 4 – суглинок плотный, оглеенный, неяснослоистый, с обилием обломочного материала, особенно в нижней части, вскрытая мощность ок. 30 см. Археологический материал зафиксирован во всех слоях. Всего было обнаружено 54 артефакта. В слое 1 обнаружено три пластинки и два отщепа, три чешуйки; в слое 2 найдено 17 мелких и средних пластин, за редким исключением, неправильной формы; 23 отщепа, два обломка, концевой скребок и поперечный нуклеус. В слое 3 обнаружена пластина (рис. 2, *8*) и пять отщепов.

Харганын-Гол-19. Местонахождение расположено на соседнем к северу от Харганын-Гол-18 широком шлейфе конуса выноса. Шурф 1 заложен на южном фасе склона, приблизительно на середине между тыловым швом и резким падением в долину р. Харганын-гол. Вскрытая мощность 120 см. Слой 1 – современная почва, мощность ок. 30 см; слой 2 – легкий светлый лессовидный суглинок, нарушен понорами, мощность ок. 50 см; слой 3 – плотный сизовато-серый неяснослоистый суглинок, мощность ок. 20 см; слой 4 – грубообломочный материал. Археологический материал зафиксирован в слоях 1, 2 и 3. Найдено восемь артефактов. В слое 1 выявлена пластина; в слое 2 найдено два отщепа, крупный концевой скребок на пластине (рис. 2, *9*) и плоский ортогональный нуклеус; в слое 3 зафиксирована пластина, два отщепа и чешуйка.

Подводя итоги наших работ, следует отметить высокую концентрацию палеолитических объектов в среднем течении р. Харганын-гол. Все они связаны с теми же геоморфологическими условиями, что и соседние толборские комплексы. Как отмечалось ранее, наиболее перспективным для потенциального изучения являются комплексы стоянки Харганын-Гол-13, с которыми связаны выразительный комплекс начального верхнего палеолита, в отличие от толборских индустрий, залегающие в условиях исключающих потенциальную примесь более поздних артефактов. Комплексы остальных объектов относятся к позднему верхнему палеолиту – раннему верхнему палеолиту. Предположение о существовании среднепалеолитического компонента в отложениях этого памятника результаты разведки не подтвердили. Результаты тестирова-

ния остальных местонахождений позволяют определить их культурную принадлежность в рамках позднего палеолита и раннего верхнего палеолита.

Благодарности

Полевые исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036). Аналитическая часть исследования выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00591).

Список литературы

Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Табарев А.В., Хаценович А.М. Археологические исследования в долине реки Харганын-гол (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 30–35.

Gillam C.J., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Tabarev A.V., Rybin E.P. Update on Paleolithic Research in Northern Mongolia // Legacy SCIAA. – 2014. – Vol. 18, N 2. – P. 22–23.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat Ts., Popov A.Yu., Odsuren D. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site // Quaternary International. – 2017. – Vol. 442. – P. 78–94.

References

Gillam C.J., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Tabarev A.V., Rybin E.P. Update on Paleolithic Research in Northern Mongolia. *Legacy SCIAA*, 2014, vol. 18, No. 2, pp. 22–23.

Gladyshev S.A., Gunchinsurehn B., Bolorbat C., Odsurehn D., Tabarev A.V., Khatsenovich A.M. Arheologicheskie issledovaniya v doline reki Harganyngol (Severnaya Mongoliya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology and Neighbouring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 30–35 (in Russ.).

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat Ts., Popov A.Yu., Odsuren D. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site. *Quaternary International*, 2017, vol. 442, pp. 78–94.

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.160-164
УДК 569.32:791(571)

Н.В. Сердюк[1], А.А. Анойкин[2], А.В. Шалагина[2], Н.Е. Белоусова[2], Г.И. Марковский[2]

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Обзор ископаемых мелких млекопитающих из нижней пачки отложений Страшной пещеры, Северо-Западный Алтай (по данным 2018 года)

В статье приводятся новые данные о фауне мелких млекопитающих, полученные в прошедшем полевом сезоне. Пещера Страшная – одна из пещер Алтая, где на процесс осадконакопления оказала большое влияние роющая деятельность сурков. Для понимания степени воздействия данного фактора был проанализирован материал по мелким млекопитающим из участка раскопа, не подвергавшегося разрушению. Показано, что тенденции, характерные для фауны мелких млекопитающих пещеры всего раскопа в целом, также сохраняются и для отдельно взятого непотревоженного субквадрата. По результатам исследования мелких млекопитающих сделаны выводы о том, что в позднем плейстоцене в районе Страшной пещеры преобладали биотопы открытого типа, лесные стации хоть и присутствовали рядом с пещерой, но не имели ярко выраженного влияния, как в современном Северо-Западном Алтае. В ходе исследования выяснилось, что биотическое влияние на характер залегания слоев пещеры минимально. Палеореконструкция по данным о мелких млекопитающих на общей площади раскопа наиболее точная при значительной выборке костных остатков.

Ключевые слова: *Россия, Северо-Западный Алтай, плейстоцен, мелкие млекопитающие.*

N.V. Serdyuk[1], A.A. Anoikin[2], A.V. Shalagina[2], N.E. Belousova[2], G.I. Markovsky[2]

[1]Borissiak Paleontological Institute of RAS
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Review of Small Mammal Fossils from the Lower Layers at Strashnaya Cave, Northwestern Altai (according to the data of 2018)

The article presents new data on small mammals obtained in the past field season. The Strashnaya Cave is one of the Altai caves, where the process of sedimentation has been affected by the marmot burrowing activity. The small mammal bones from the unaffected layers were analyzed in order to understand this impact. The trends characteristic of the small mammal fauna from the Strashnaya Cave are well reflected in the entire excavation area and in a single undisturbed subsquare. According to the data of small mammals, the open-type biotopes prevailed in the area of the Strashnaya Cave in the Late Pleistocene, although forest biotopes were present near the cave, but their impact was not as significant as that in the Northwestern Altai today. It has been shown that the biotic influence for sedimentation is minimal. The sizeable sample of small mammal bone remains makes the paleoreconstruction on the total excavation area most reliable.

Keywords: *Russia, Northwest Altai, Pleistocene, small mammals.*

В полевом сезоне 2018 г. было продолжено изучение многослойной стоянки Страшная пещера, расположенной в Краснощековском р-не Северо-Западного Алтая недалеко от с. Тигирек. На четырех квадратах центральной части пещеры (кв. Г/Д–14/15) были вскрыты рыхлые отложения слоев 6–11 включительно, относящиеся к периоду позднего плейстоцена [Кривошапкин и др., 2013, с. 94].

Слой 11, как и нижележащие слои 12 и 13, не содержал археологического и палеонтологического материала [Сердюк, Зенин, 2008, с. 100]. Часть слоев вскрытой в 2018 г. толщи оказалась подвержена деформации как геологического, так и биологического генезиса. Палеонтологический материал по мелким млекопитающим из этих слоев, а также из структур неоднозначного стратиграфического положения («пристенный участок», «зачистка», объединенные слои, кротовины и биотурбации) в настоящей работе не рассматривается.

Пещера Страшная в определенный период времени являлась местом обитания колонии сурков, что наложило свой отпечаток на формирование ее слоев. В целях понимания особенностей пещерной стратиграфии и накопления костного материала, а также для дальнейших корректных палеореконструкций были отобраны палеонтологические образцы на отдельном субквадрате с минимальными стратиграфическими нарушениями.

Сбор остеологического материала традиционно осуществлялся путем промывки грунта на разноразмерных ситах (размер ячеек мелкого сита 0,1 см) с последующими просушкой и переборкой полученной мелкой фракции. В процессе разбора промытого грунта были обнаружены останки птиц, земноводных и рептилий, которые были переданы для изучения специалистам по этим группам.

Полученный материал по мелким млекопитающим светлого цвета от темно-бежевого до коричневатого. Сохранность его средняя, в массе своей встречаются разрозненные зубы, отдельные длинные кости конечностей, крупные кости заплюсны. Фрагменты черепа или нижних челюстей с полным зубным рядом единичны. Остатки мелких млекопитающих Страшной пещеры являются погадково-наносными: часть костей и зубов имеют характерные коррозийные изменения, появляющиеся вследствие воздействия желудочного сока хищных птиц.

Всего было определено 7 475 костных фрагментов. Не более 25 % от общего количества материала являются неопределимыми, остальные принадлежат рукокрылым *Chiroptera*, насекомоядным *Insectivora*, грызунам *Rodentia* и зайцеобразным *Lagomorpha*. На долю грызунов приходится большая часть определимого материала, ок. 90 % (табл. 1).

Среди рукокрылых в прошедшем сезоне новых видов не обнаружено. Наиболее часто встречающиеся остатки – фрагменты представителей рода *Myotis*. По сравнению с другими пещерными памятниками [Agadjianian, Serdyuk, 2005, p. 676] количество летучих мышей Страшной пещеры невелико: чуть более 2 %, а в нижних слоях 9 и на контакте слоев 9 и 11 они не встречаются вовсе.

Количество материала по ископаемым насекомоядным Страшной пещеры незначительно, в процентном соотношении не превышает 1 % в каждом изученном слое. Насекомоядные представлены алтайским кротом *Asioscalops altaica* и бурозубками рода *Sorex*. В целом насекомоядные – неудачный инструмент для палеореконструкций, поскольку они непривередливы в выборе биотопов и имеют обширные ареалы. Хотя при наличии большого объема плейстоценового-голоценового материала возможно проследить видовую флуктуацию среди бурозубок [Fadeeva, 2016, p. 156].

Зайцеобразные, пищухи и зайцы также немногочисленны в отложениях слоев 6–10. Количество пищух колеблется в районе 2 % от слоя к слою, доля зайца менее 1 %. Малая доля зайца объясняется в т.ч. тем, что часть материала попадает на крупные сита и в данном анализе не учитывалась. Обнаруженные на мелких ситах остатки зайца имеют небольшие размеры и, вероятно, принадлежат зайцу-толаю. Краткий обзор по костным остаткам крупных млекопитающих, полученных в полевом сезоне 2018 г., представлен в статье Анойкин и др. «Результаты полевых исследований среднепалеолитических комплексов пещеры Страшная в 2018 году» данного сборника.

Среди грызунов более половины определимых остатков относятся к полевкам. Наиболее многочисленны полевки рода *Microtus* – серые полевки, *Alticola* – скальные полевки. Доля серых полевок в каждом слое составляет примерно 20 %, скальных – ок. 10 %, остальные виды полевок имеют удельный вес не более 5 %.

Характерной особенностью ископаемой фауны мелких млекопитающих коллекции 2018 г. является значительное число лесных видов: древесные беличьи (*Eutamias sibiricus*, *Sciurus vulgaris*), лесные мыши рода *Apodemus*, мышовки *Sicista*. Также почти в каждом слое в количестве 1 %, за исключением скудных на остеологический материал слоев 9–10, отмечены зубы тушканчиков группы *Alactagulus-Pygiretmus*.

Стабильным является наличие зубов пеструшек, степной и желтой, также часто встречается слепушонка. Обращает на себя внимание тот факт, что в исследуемых квадратах полностью отсутствуют остатки леммингов трибы *Lemmini*. Единичные находки этих животных были зафиксированы в Чагырской [Деревянко и др., 2013, с. 16] и Денисовой пещерах [Agadjianian, Serdyuk, 2005, p. 679].

Фауна нижних слоев Страшной пещеры достаточно стабильна, резких изменений от слоя к слою в ее составе не наблюдается. Проведенный анализ подтверждает существование мозаичных условий природной среды во времена осадконако-

Таблица 1. **Процентное соотношение основных таксонов ископаемых мелких млекопитающих Страшной пещеры (результаты полевого сезона 2018 г.)**

Таксон	Слой 6.1		Слой 6.2		Слой 7		Слой 8		Слой 9		Контакт сл. 9 и 11	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Chiroptera	14	1,54	19	2,4	27	1,33	47	2,4	0	0	0	0
Sorex sp.	3	0,33	0	0	1	0,05	10	0,51	3	1,14	0	0
Asioscalops altaica	5	0,55	4	0,5	11	0,54	8	0,41	1	0,38	0	0
Sciurus vulgaris	0	0	0	0	0	0	1	0,05	0	0	0	0
Eutamias sibiricus	0	0	0	0	2	0,1	1	0,05	0	0	1	3,57
Spermophilus sp.	22	2,42	9	1,13	23	1,14	21	1,07	3	1,14	3	10,7
Marmota sp.	54	5,94	35	4,41	47	2,32	67	3,43	6	2,27	4	14,3
Apodemus sp.	1	0,11	1	0,13	1	0,05	2	0,1	1	0,38	0	0
Cricetus cricetus	5	0,55	2	0,25	7	0,35	12	0,61	3	1,14	0	0
Cricetulus barabensis	10	1,1	5	0,63	37	1,83	41	2,1	2	0,76	0	0
Allocricetulus eversmanni	1	0,11	10	1,26	10	0,49	19	0,97	0	0	0	0
Ellobius sp.	4	0,44	10	1,26	10	0,49	15	0,77	1	0,38	0	0
Clethrionomys rufocanus	4	0,44	3	0,38	10	0,49	12	0,61	0	0	0	0
Clethrionomys rutilus- glareolus	0	0	3	0,38	11	0,54	5	0,26	0	0	0	0
Clethrionomys sp.	24	2,64	25	3,15	86	4,25	97	4,96	35	13,3	0	0
Alticola strelzowi	87	9,57	79	9,96	221	10,9	182	9,31	30	11,4	3	10,7
Alticola sp.	240	26,4	227	28,6	605	29,9	615	31,5	74	28	8	28,6
Lagurus lagurus	32	3,52	11	1,39	27	1,33	25	1,28	0	0	0	0
Lagurus sp.	54	5,94	29	3,66	75	3,71	51	2,61	4	1,52	0	0
Eolagurus	1	0,11	0	0	1	0,05	4	0,2	1	0,38	0	0
Stenocranius gregalis	41	4,51	44	5,55	101	4,99	77	3,94	11	4,17	0	0
Microtus oeconomus	9	0,99	13	1,64	27	1,33	21	1,07	2	0,76	0	0
Microtus middendorffii	0	0	1	0,13	0	0	0	0	0	0	0	0
Microtus arvalis	3	0,33	0	0	2	0,1	2	0,1	0	0	0	0
Microtus agrestis	3	0,33	4	0,5	3	0,15	0	0	0	0	0	0
Microtus sp.	240	26,4	235	29,6	575	28,4	523	26,8	71	26,9	9	32,1
Arvicola terrestris	2	0,22	0	0	10	0,49	5	0,26	0	0	0	0
Myospalax myospalax	17	1,87	8	1,01	31	1,53	28	1,43	7	2,65	0	0
Sicista sp.	0	0	0	0	2	0,1	0	0	0	0	0	0
Allactaga sp.	11	1,21	5	0,63	13	0,64	11	0,56	2	0,76	0	0
Alactagulus-Pygiretmus	2	0,22	0	0	4	0,2	14	0,72	0	0	0	0
Ochotona alpina-hyperborea	0	0	1	0,13	0	0	0	0	0	0	0	0
Ochotona pusilla	0	0	1	0,13	0	0	0	0	0	0	0	0
Ochotona sp.	19	2,09	9	1,13	43	2,12	34	1,74	6	2,27	0	0
Lepus sp.	1	0,11	0	0	1	0,05	5	0,26	1	0,38	0	0
Итого	909	–	793	–	2 024	–	1 955	–	264	–	28	–

пления в пещере. В позднем плейстоцене в районе Страшной пещеры преобладали биотопы открытого типа. Скальные полевки и пищухи обитали на каменистых россыпях, обыкновенные полевки, узкочерепные полевки населяли разнотравные луга, степи были местом обитания пеструшек, сусликов и сурков, полупустыни такыры предпочитали тушканчики [Фокин, 1978]. Лесные биотопы постоянно присутствовали в районе пещеры в позднем плейстоцене, но по сравнению с современным природным окружением не имели широкого и повсеместного распространения. Вероятно, это были отдельно стоящие колки или лесная поросль вдоль реки. Условия в окрестностях пещеры в плейстоцене были ровные и мягкие, о чем свидетельствует фауна мелких млекопитающих.

Но в то же время отсутствие катастрофических изменений в составе фауны мелких млекопитающих может быть связано также и с интенсивным перемешиванием материала из разных слоев вследствие роющей активности млекопитающих. Для уточнения этих спорных моментов был проанализирован материал по мелким млекопитающим из колонки слов 6–10 на отдельно взятом субквадрате Д–14А, предположительно, не подверженном влиянию абиотических и биотических факторов.

Таблица 2. **Процентное соотношение основных таксонов ископаемых мелких млекопитающих из колонки слоев квадрата Д–14А Страшной пещеры (результаты полевого сезона 2018 г.)**

Таксон	Слой 6.1		Слой 6.2		Слой 7		Слой 8	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Chiroptera	2	1,34	0	0	7	11,5	1	0,61
Sorex sp.	1	0,67	0	0	0	0	1	0,61
Asioscalops altaica	2	1,34	1	1,06		0	1	0,61
Spermophilus undultus	4	2,68	1	1,06	2	3,28	7	4,29
Marmota sp.	7	4,7	5	5,32	3	4,92	4	2,45
Cricetus cricetus	0	0	0	0	0	0	1	0,61
Cricetulus barabensis	1	0,67	1	1,06	1	1,64	1	0,61
Allocricetulus eversmanni	1	0,67	3	3,19	0	0	2	1,23
Ellobius sp.	1	0,67	0	0	0	0	3	1,84
Clethrionomys rufocanus	1	0,67	0	0	0	0	0	0
Clethrionomys rutilus-glareolus	0	0	1	1,06	0	0	2	1,23
Clethrionomys sp.	2	1,34	2	2,13	3	4,92	8	4,91
Alticola strelzowi	18	12,1	11	11,7	5	8,2	13	7,98
Alticola sp.	33	22,1	27	28,7	15	24,6	46	28,2
Lagurus lagurus	5	3,36	0	0	2	3,28	2	1,23
Lagurus sp.	8	5,37	6	6,38	2	3,28	6	3,68
Eolagurus	1	0,67	0	0	0	0	1	0,61
Stenocranius gregalis	5	3,36	5	5,32	3	4,92	6	3,68
Microtus oeconomus	2	1,34	0	0	0	0	2	1,23
Microtus agrestis	0	0	1	1,06	0	0	0	0
Microtus sp.	48	32,2	29	30,9	14	23	42	25,8
Arvicola terrestris	0	0	0	0	0	0	1	0,61
Myospalax myospalax	2	1,34	0	0	0	0	6	3,68
Allactaga sp.	1	0,67	1	1,06	0	0	1	0,61
Alactagulus sp.	0	0	0	0	0	0	1	0,61
Ochotona sp.	4	2,68	0	0	4	6,56	4	2,45
Lepus sp.	0	0	0	0	0	0	1	0,61
Итого	149	–	94	–	61	–	163	–

Всего с квадрата Д–14А был получен 601 костный элемент из слоев 6.1, 6.2, 7 и 8. Материал из слоев 9 и 10 в субквадрате не обнаружен. Общие тенденции, характерные для фауны Страшной пещеры всего раскопа, сохраняются и на отдельно взятом субквадрате (табл. 2). Количество определимых остатков 77–80 % в каждом слое, доминирующие группы: скальные и серые полевки, доля рукокрылых, насекомоядных и зайцеобразных послойно такая же, как в других квадратах. Виды, маркирующие присутствие перегляциальных степей в период накопления слоев 6–8, не обнаружены.

Тем не менее в видовом распределении по слоям в колонке имеются некоторые отличия. Так, например, слепушонка, полевка-экономка и желтая пеструшка обнаружены в слоях 6.1 и 8, заяц, Allactagulus и водяная полевка – только в слое 8, пашенная полевка – в слое 6.2. С учетом особенностей формирования ориктоценоза из погадок [Кряжева, 2012, с. 9] эти отличия представляются незначительными.

В результате проведенного исследования можно заключить, что погрешность биотического влияния на характер залегания слоев при тщательном отборе сводится к минимуму. Реконструкция природных условий, основанная на значительной выборке ископаемых костных останков мелких млекопитающих на общей площади раскопа 2018 г., дает наиболее полное представление о вероятных ландшафтах и климате.

Благодарности

Полевые исследования проведены при поддержке РФФИ (проект № 18-09-00041), лабораторные исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Сизикова А.О., Солотчина Э.П., Смолянинова Л.Г., Антипов А.С. Чагырская пещера – стоянка среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 2–27.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 94–98.

Кряжева И.В. Особенности накопления и сохранности костей мелких млекопитающих в карстовых полостях Приполярного Урала // Вестн. института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2012. – № 6. – С. 8–10.

Сердюк Н.В., Зенин А.Н. Фауна мелких млекопитающих из средней пачки отложений в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 100–104.

Фокин И.М. Тушканчики. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1978. – 182 с.

Agadjianian A.K., Serdyuk N.V. The history of mammalian communities and paleogeography of the Altai Mountains in the Paleolithic // Paleontological Journal. – 2005. – Vol. 39, suppl. 6. – P. 645–821.

Fadeeva T. Insectivorous mammals (Lipotyphla, Soricidae) of the Perm Pre-Ural in the Late Pleistocene and Holocene time // Quaternary International. – 2016. – Vol. 420. – P. 156–170.

References

Agadjianian A.K., Serdyuk N.V. The history of mammalian communities and paleogeography of the Altai Mountains in the Paleolithic. *Paleontological Journal*, 2005, vol. 39, suppl. 6, pp. 645–821.

Derevianko A.P., Markin S.V., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Sizikova A.O., Solotchina E.P., Smolyaninova L.G., Antipov A.S. Chagyrskaya peshchera – stoyanka srednego paleolita Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 1, pp. 2–27 (in Russ.).

Fadeeva T. Insectivorous mammals (Lipotyphla, Soricidae) of the Perm Pre-Ural in the Late Pleistocene and Holocene time. *Quaternary International*, 2016, vol. 420, pp. 156–170.

Fokin I.M. Tushkanchiki. Leningrad: Leningrad. Univ. Press, 1978. 182 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Vasil'ev S.K., Shalagina A.V. Rezul'taty polevykh issledovanii peshchery Strashnaya v 2013 godu. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. Vol. XIX, pp. 94–98 (in Russ.).

Kryazheva I.V. Specifity of accumulation and preservation of small mammals bones from karst-type localities situated at the Subpolar Urals. *Vestnik Instituta geologii Komi nauchnogo centra Uralskogo otdeleniya RAN,* 2012, vol. 6, pp. 8–10 (in Russ. with Engl. abst.).

Serdyuk N.V., Zenin A.N. Fauna melkikh mlekopitayushchikh iz srednei pachki otlozhenii v peshchere Strashnaya. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, vol. XIV, pp. 100–104 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.165-168
УДК 902.2

В.М. Харевич[1], И.В. Стасюк[2], Е.В. Акимова[1], Е.Н. Кукса[2], О.А. Горельченкова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[3]Красноярский кадетский корпус им. А.И. Лебедя
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Археологические исследования в долине реки Тубы

В 2018 г. были обследованы стоянки Притубинск I и Шалоболино I в долине р. Тубы, правого притока Енисея. На позднепалеолитической стоянке Притубинск I на площади 19 м^2 выявлены два культурных слоя, содержащие многочисленные фаунистические остатки северного оленя и каменные артефакты, в числе которых клиновидный микронуклеус, скребловидные орудия, обломки резцов, неудачные заготовки и обломки микронуклеусов. По материалам 2017–2018 гг. оба культурных слоя отнесены к кокоревской позднепалеолитической культуре Енисея и датированы, соответственно, 14,5 и 11,5 тыс. л.н. На мезолитической стоянке Шалоболино I в шурфе получен характерный каменный инвентарь, в т.ч. микропластины, округлые скребки, ножевидное и долотовидное орудия.

Ключевые слова: *Южная Сибирь, поздний палеолит, мезолит, культурный слой, каменный инвентарь.*

V.M. Kharevich[1], I.V. Stasyuk[2], E.V. Akimova[1], E.N. Kuksa[2], O.A. Gorelchenkova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
[3]A.I. Lebed Krasnoyarsk Corps of Cadets
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Archaeological Studies in the Tuba River Valley

Pritubinsk I and Shalabolino I are the archaeological sites located on the Tuba River, a right tributary of the Yenisei. The sites were studied in 2018. The Late Paleolithic site of Protubinsk I (Minusinskii Region), two culture-bearing layers containing numerous reindeer fossils and stone artifacts (a wedge-shaped micro-core, scrapper-like tools, burin flakes, spoiled blanks and micro-core fragments). Basing on the data of 2017–2018, both cultural layers are referred to the Late Paleolithic Kokorevo culture and dated to 14.5 and 11.5 thousand years ago. Test pit established at the Mesolithic site of Shalobolino I (Kuraginskii Region) yielded typical microblades, rounded end-scrappers, a knife-like and a chisel-like tools.

Keywords: *South Siberia, Late Paleolithic, Mesolithic, cultural layer, stone inventory.*

Систематические поиски объектов позднего палеолита в северной части Южно-Минусинской котловины (среднее течение р. Тубы) велись в 1980–1990-е гг. сотрудниками Красноярского педуниверситета по программе паспортизации памятников археологии Красноярского края [Томилова, Стасюк, 1999; Макулов и др., 2005]. На фоне немногочисленных сборов недатируемых каменных артефактов и отдельных остатков крупной плейстоценовой фауны в осыпях логов в долине Тубы и ее малых притоков единственным достоверно палеолитическим памятником стала стоянка у д. Притубинск, открытая в 1988 г. А.А. Бокаревым и А.А. Смирновым. В 1997 г. И.В. Стасюком были сделаны первые подъемные сборы вдоль северо-восточного борта автодороги Курагино – Саянск в районе с. Шалоболино, позволившие предполагать наличие здесь памятника мезолитического возраста. В 2017 г., после длительного перерыва, оба объекта были обследованы отрядом ИАЭТ СО РАН и КГПУ [Акимова, Стасюк, Горельченкова, 2017; Акимова, Стасюк, Харевич, 2017]. Работы были продолжены в 2018 г.

Стоянка Притубинск I. Стоянка расположена на юго-восточной окраине пос. Притубинск (Минусинский р-н) на широкой терассовидной площадке (263–268 м по Балтийской системе высот), спускающейся в северном направлении непосредственно к пойме Тесинской протоки р. Тубы. Превышение над поймой достигает 15–18 м. Покровные отложения эолово-делювиального генезиса перекрывают пойменный аллювий р. Туба, залегающий на скальном цоколе. С востока площадка отделена от горы Пещера глубоким логом Сосновый, сформировавшимся по разлому коренных отложений девонского песчаника.

Стоянка располагается на территории поселения и могильника раннего Средневековья (?). Раскопки производились за пределами локализации жилищных западин и каменных набросок, в восточной части террасовидной площадки, в непосредственной близости к логу.

Основной задачей работ 2018 г. являлось уточнение стратиграфической ситуации памятника, проверка обоснованности выделения двух позднепалеолитических культурных слоев. Особый интерес к памятнику объясняется также находкой в 2017 г. «клада» – «мешочка» с каменными предметами, ставшими объектами развернутого трасологического исследования [Гиря и др., 2018].

Между участками № 1 (траншея) и № 2 (шурф), выполненными в 2017 г., была проложена траншея протяженностью 11 м. В северной части к ней была сделана прирезка площадью 8 м^2, непосредственно примыкающая к шурфу 2017 г. Общая вскрытая площадь составила 19 м^2.

Геологический разрез в раскопе сложен светлыми лессовидными супесями, переслаивающимися в нижней части вскрытой толщи (до 2,5 м), и легкими однородными – в верхней. Оба палеолитических культурных слоя приурочены к серым и палево-серым лессовидным супесям с вкраплениями карбонатов и пятнами ожелезнения. Сверху вниз увеличивается степень карбонатизации и ожелезненности отложений.

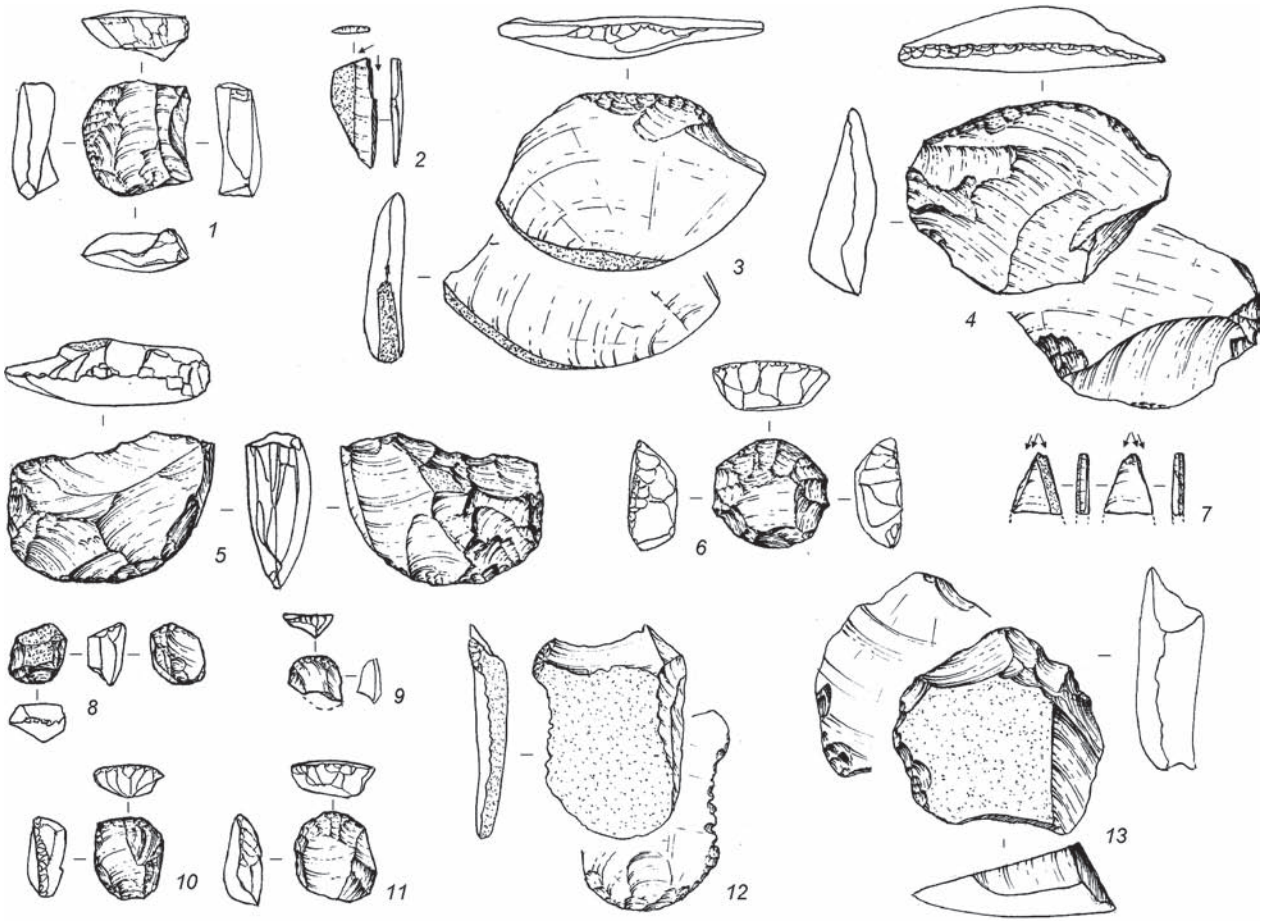
Многочисленные фаунистические остатки (северный олень и, возможно, косуля) преимущественно расколоты и раздроблены. Характерные повреждения прослеживаются не только на трубчатых костях, но также и на некоторых фалангах и астрагалах. Абсолютное большинство костей составляют остатки конечностей. Единственный крупный фрагмент нижней челюсти северного оленя был обнаружен в нижнем культурном слое.

Каменный инвентарь в целом маловыразителен и однообразен: абсолютно преобладают мелкие отщепы, осколки и фрагменты микропластин. В верхнем культурном слое также найдены скребловидное и ножевидное орудия на средних по размеру отщепах с характерной ретушью по широкому выпуклому продольному краю (см. *рисунок*, *3*, *4*); скребок боковой на неудачной заготовке торцового микронуклеуса (см. *рисунок*, *1*), угловой резец на дистальном сегменте пластины (см. *рисунок*, *2*), обломок неопределимого изделия на крупном первичном галечном сколе, отщеп с рабочей ретушью по краю, нуклевидное изделие, которое может рассматриваться как неудачное переоформление сработанного нуклеуса в клиновидный микронуклеус. В нижнем культурном слое найдены неудачные заготовки микронуклеусов, в т.ч. с неоднократным переносом ударной площадки и фронта, обломок срединного резца на пластинке (см. *рисунок*, *7*), фрагменты микропластин с мелкой ретушью по краю. Наибольший интерес вызывают два изделия: клиновидный микронуклеус с выпуклым треугольным фронтом и негативами разноразмерных пластинчатых снятий, изготовленный на бифасиально обработанном крупном сколе (см. *рисунок*, *5*), и округлый скребок с крутой разнофасеточной ретушью по большей части периметра и визуально различимыми следами сработанности по рабочей кромке (см. *рисунок*, *6*). Особенностью последнего является сырье – характерный светлый кварцит, использовавшийся только для изготовления двух скребков из клада 2017 г. [Там же]. Можно предполагать, что скребок 2018 г. также относится к содержимому клада и, возможно, был потерян или отложен его владельцем.

Особенностями обоих культурных слоев являются обилие мелких отщепов, разрозненность археологического и фаунистического материала, небольшое количество информативных предметов, что может свидетельствовать о периферийном участке поселения (приочажная зона, насыщенная каменным инвентарем была частично вскрыта шурфом 2017 г.). Основная часть памятника, вероятно, располагалась на мысовом участке и могла быть частично перекрыта средневековым (?) поселением.

По костным остаткам из шурфа и траншеи 2017 г. были получены даты: для верхнего культурного слоя – 11 492 ± 200 BP (SPb-2549), для нижнего – 14 485 ± 150 BP (SPb-2548). По материалам 2017–2018 гг. оба культурных слоя отнесены к кокоревской археологической культуре Енисея. На сегодняшний день позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – единственный памятник, расположенный в среднем течении крупного притока Енисея, и единственное свидетельство того, что кокоревцы проникали далеко на восток от установленного исследованиями ареала – долины Среднего Енисея.

Стоянка Шалоболино I. Памятник располагается на равнинном участке долины р. Туба в 3,5 км



Каменный инвентарь стоянок Притубинск I (*1–7*) и Шалоболино I (*8–13*).

1 – скребок на заготовке нуклеуса; *2*, *7* – резцы; *3* – скребловидное орудие; *4*, *12* – ножевидные орудия; *5* – клиновидный микронуклеус; *6*, *9–11* – скребки; *8* – долотовидное орудие; *13* – отщеп с ретушью.

к северу от правого берега ее современного русла (протока Шалоболинская), на мысовидном участке, сформированном пересечением долин Тубы и ее правого притока р. Шушь (Курагинский р-н). Местность представляет собой террасоувал, сложенный эоловыми песками, высотой до 12–15 м над уровнем р. Туба.

Культурный слой был обнаружен в 2017 г. в зачистке борта дороги на глубине ок. 70 см в подошве коричневато-бурых рыхлых песков с включениями мелкой фракции дресвы. В 2018 г. к зачистке была сделана прирезка площадью 7 м^2.

Каменный инвентарь представлен в основном мелкими отщепами, сколами, обломками, фрагментами микропластин. Найдено несколько округлых массивных скребков на небольших отщепах (см. *рисунок*, *9–11*), ножевидное орудие на пластинчатом сколе (см. *рисунок*, *12*), долотовидное орудие на маленькой халцедоновой гальке (см. *рисунок*, *8*), крупный отщеп с мелкой ретушью по краям и интенсивной залощенностью кромки (см. *рисунок*, *13*).

Стратиграфически стоянка может быть датирована ранним голоценом.

В целом южные районы Красноярского края представляются малоперспективными для изучения памятников позднего палеолита, что связано, очевидно, с неоднократными катастрофическими паводками в конце плейстоцена [Аржанникова и др., 2014]. Тем значимее является открытие поселений типа Притубинска I, сохранившегося, вероятно, благодаря расположению на достаточно высоком гипсометрическом уровне. Раннеголоценовые отложения формировались в более благоприятных условиях, но и сегодня Шалоболино I является единственным известным памятником мезолита на этой территории.

Список литературы

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Горельченкова О.А. Позднепалеолитическая стоянка Притубинск I – новый памятник кокоревской культуры Средней Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 11–14.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М. Раннеголоценовые памятники Южно-Минусинской котлови-

ны // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 15–18.

Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55, №10. – С. 1495–1508.

Гиря Е.Ю., Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2018. – Т. 23. – С. 24–43.

Макулов В.И., Дроздов Н.И., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Заика А.Л., Чеха В.П. Итоги паспортизации археологических памятников Красноярского края // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Минусинск, 2005. – С. 279–281.

Томилова Е.А., Стасюк И.В. Паспортизация памятников юга Красноярского края // Археологические открытия 1997 года. – М.: Изд-во ИА РАН, 1999. – С. 321.

References

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Gorelchenkova O.A. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka Pritubinsk I – novyi pamyatnik kokorevskoi kul'tury Srednei Sibiri. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 11–14 (in Russ.).

Akimova E.V., Stasyuk I.V., Kharevich V.M. Rannegolotsenovye pamyatniki Yuzhno-Minusinskoi kotloviny. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 14–17 (in Russ.).

Arzhannikova A.V., Arzhannikov S.G., Akulova V.V., Danilova Yu.V., Danilov B.S. O proiskhozhdenii peschanykh otlozhenii v Yuzhno-Minusinskoi kotlovine. *Geologiya i geofizika*, 2014, vol. 55, No. 10, pp. 1495–1508 (in Russ.).

Girya E.Yu., Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V. Klad kamennykh orudii s pozdnepaleoliticheskoi stoyanki Pritubinsk I. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2018, vol. 23, pp. 24–43 (in Russ.).

Makulov V.I., Drozdov N.I., Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Zaika A.L., Chekha V.P. Itogi pasportizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Krasnoyarskogo kraya. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: Idei, metody, otkrytiya*. Minusinsk, 2005, pp. 279–281 (in Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V. Pasportizatsiya pamyatnikov yuga Krasnoyarskogo kraya. *Arkheologicheskie otkrytiya 1997 goda*. M.: Izd-vo IA RAN, 1999, pp. 321 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.169-173
УДК 903.2

А.М. Хаценович[1], Е.П. Рыбин[1], Д.В. Олсен[2], Б. Гунчинсурэн[3], Д. Базаргур[3], Д.В. Марченко[4], С.А. Когай[5], А.С. Кравцова[4], Р.А. Шелепаев[6], Я.Ю. Шелепов[6], Т.А. Шевченко[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Университет Аризоны, США
[3]Институт истории и археологии МАН
[4]Новосибирский государственный университет
[5]Иркутский государственный университет
[6]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Новый цикл исследований на памятнике Мойлтын ам в Центральной Монголии

В 2018 г. были инициированы новые раскопки на памятнике Мойлтын ам в Центральной Монголии. Объект имеет особое значение с точки зрения хроностратиграфии среднего палеолита в восточной части Центральной Азии. Нижние горизонты памятника содержат комплексы среднего палеолита, характеризующиеся леваллуазским и радиальным расщеплением. Новый цикл исследований памятника направлен на датирование современными методами (прежде всего ОСЛ), определение условий осадконакопления, особенностей планиграфии и характера каменной индустрии. Долгое время предполагалось, что памятник полностью уничтожен в результате антропогенного воздействия. В 2018 г. был выявлен непотревоженный участок с мощностью отложений, достаточной для проведения цикла необходимых анализов и получения нового археологического материала.

Ключевые слова: *Центральная Монголия, средний палеолит, хроностратиграфия, слой.*

A.M. Khatsenovich[1], E.P. Rybin[1], J.W. Olsen[2], B. Gunchinsuren[3], D. Bazargur[3], D.V. Marchenko[4], S.A. Kogai[5], A.S. Kravtsova[4], R.A. Shelepaev[6], Ya.Yu. Shelepov[6], T.A. Shevchenko[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]University of Arizona, USA
[3]Institute of History and Archaeology MAS
[4]Novosibirsk State University
[5]Irkutsk State University
[6]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: archeomongolia@gmail.com

New Research at the Moiltyn-am Site in Central Mongolia

The Joint Expedition's 2018 excavation campaign initiated a new stage of research at the Moiltyn-am site in Central Mongolia. This archaeological complex is extremely important for understanding the Middle Paleolithic chronostratigraphy of eastern Central Asia. The lower horizons at Moiltyn-am include Middle Paleolithic assemblages characterized by Levallois technology and centripetal reduction. Our new investigations target dating, primarily by means of OSL, reconstruction of paleoenvironmental conditions during the period of sediment accumulation, creation and analysis of planigraphic models, and the character of the site's lithic industries. It has long been supposed that the Moiltyn-am site was destroyed due to recent anthropogenic activity, however we located an undisturbed area preserving thick sediments, allowing us to carry out a series of analyses and recover additional archaeological material.

Keywords: *Mongolia, Middle Paleolithic, chronostratigraphy, layer.*

Памятник Мойлтын ам расположен в Центральной Монголии, у поселка Хархорин Увэрхангайского аймака. Он находится на второй надпойменной террасе реки Орхон (47°10’43.41’’ с.ш., 102°47’19.79’’ в.д.), на высоте 1 475 м над ур. м. Это местонахождение имеет большую площадь, занимающую обширную часть выположенной террасы и, очевидно, в древности интенсивно эксплуатировалось в силу специфического расположения: с террасы открывается вид на все правобережье долины Орхона, поблизости находился речной галечник (рис. 1). Раскопки проводились в два этапа – в 1960–1964 гг. (руководители раскопок А.П. Окладников и В.Е. Ларичев) и 1985–1986 гг. (А.П. Деревянко и В.Т. Петрин) [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. А.П. Окладниковым были выделены пять археологических слоев, которые содержали комплексы от среднего (горизонт 5) и раннего верхнего (горизонты 4–2) палеолита с леваллуазской индустрией до финального верхнего палеолита с микролитической индустрией [Окладников, 1981].

В 1996–1997 гг. французско-монгольской экспедицией под руководством Ж. Жобера было заложено несколько раскопов. Описанный исследователями стратиграфический профиль [Bertran et al., 2003] включает три крупные пачки отложений, которые подразделяются на 5 горизонтов. Сильно деформированный горизонт 4, в котором находился археологический комплекс, датирован с помощью ^{14}C 20 240 ± 300 л.н. (Gif-10857) [Там же]. Наиболее насыщенным находками оказался горизонт 2. В дополнение к уже упомянутой дате, А.В. Кандыбой для горизонта 2 раскопа В.Т. Петрина была получена еще одна дата – 18 830 ± 290 л.н. (СОАН-8156) [Рыбин, Хаценович, Кандыба, 2016].

В 2018 г. Российско-Монголо-Американской совместной экспедицией были инициированы новые раскопки на памятниках Орхон-1 и Мойлтын ам с целью проведения ряда анализов для их датирования (прежде всего ОСЛ), определения условий осадконакопления, особенностей планиграфии и характера каменной индустрии.

Было установлено, что по состоянию на 2018 г. большая часть памятника Мойлтын ам (его примерная площадь, по мнению Ж. Жобера, составляет ок. 4 000 м^2) уничтожена карьером. Лучше всего сохранилась часть подгорного шлейфа, который, скорее всего, и был зачищен французской экспедицией, описавшей стратиграфический разрез. Однако подъемный материал, изобилующий на всей территории памятника вследствие антропогенного разрушения слоев, на подгорном шлейфе отсутствует. На краю террасы, отделенной от подгорного шлейфа раскопами и карьером, сохранились задернованные нетронутые участки, на одном из которых нами был заложен шурф 2 × 1 м, ориентированный по линии СЗ – ЮВ. Его глубина составила 170 см. Предварительно было выделено 6 слоев. Представленная ниже стратиграфия носит пока предварительный характер и нуждается в дальнейшем уточнении (рис. 1).

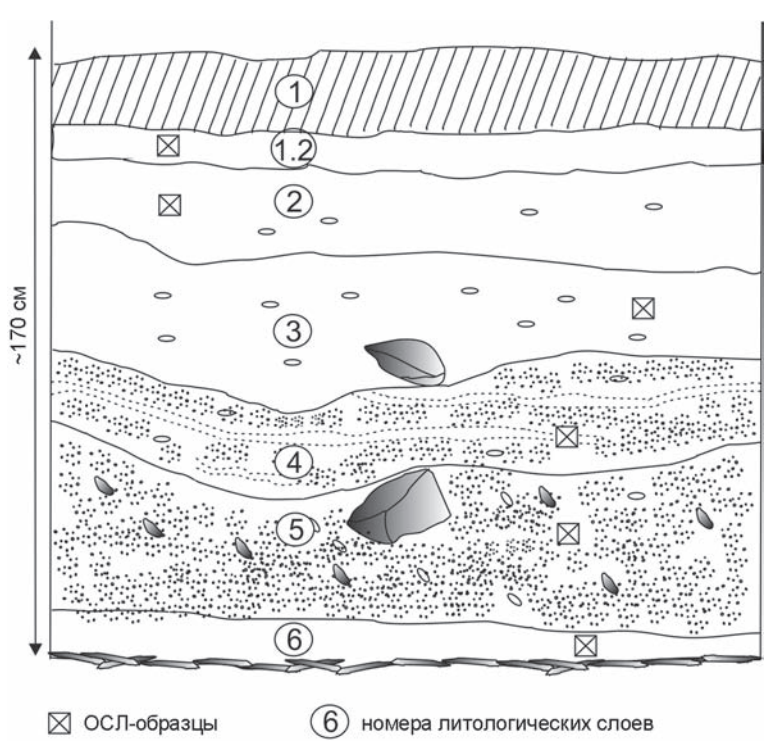


Рис. 1. Стратиграфия разреза западной стенки шурфа на памятнике Мойлтын ам (раскопки 2018 г.).

Слой 1 – дерн, современная почва мощностью ок. 20 см. Содержит насыщенный культурный горизонт. Выделяется поддерновый слой 1.2, серо-коричневый, с редкими включениями мелкого щебня.

Слой 2 – желто-серый, светлый лессовидный суглинок желто-серого цвета, с включениями мелкого щебня и редкой дресвы. Мощность 20–30 см. Наиболее вероятным представляется эоловый генезис с участием делювиальных процессов.

Слой 3 – светлый желто-коричневый суглинок, содержит включения мелкого и крупного щебня. Мощность 25–40 см. Наиболее вероятным представляется эоловый генезис с участием делювиальных процессов.

Слой 4 имеет слабо выраженную смятую ламинарную структуру, представляющую собой чередование сцементированных насыщенных мелкой

щебенкой слойков двух типов – темно-коричневых суглинистых и светлых песчанистых. Встречаются средние редкие валунчики. Мощность 20–25 см.

Слой 5 – темно-коричневый суглинковый, с частыми включениями разрушающихся сланцеватых пород. Включенные породы имеют направление и слойчатость, что указывает на возможный пролювиальный генезис. Мощность до 45 см.

Слой 6 – светло-коричневый супесчаный, рыхлый, со значительным включением щебня. Подстилается горизонтом сланцеватых пород (не галечником). Мощность 10–12 см.

Слои 2–4 деформированы по одной линии, просаживаясь вниз, что может быть связано с криогенными процессами. Из каждого слоя были отобраны образцы для ОСЛ-датирования.

Наиболее насыщенными археологическими находками оказались слои 2 и 3. В слоях 4 и 5 артефакты зафиксированы, но их плотность мала. В слое 6 найдены 2 отщепа. За исключением этого подраздела стратиграфии, все слои соответствуют обнаруженным А.П. Окладниковым.

Таким образом, нами был выявлен непотревоженный участок памятника, который долгие годы считался уничтоженным. Тестовый шурф позволил получить полную стратиграфическую колонку, вмещающую культуросодержащие слои. Слои в разрезе не редуцированы и имеют достаточную мощность, что позволяет продолжить работы на данном участке в дальнейшем.

В шурфе была получена коллекция каменных изделий в количестве 463 экз. Они распределяются в шести выявленных культурных горизонтах. Горизонты 2 и 3 как наиболее насыщенные материалами были разделены на уровни.

В горизонте 1 содержался смешанный комплекс, перемещенный по склону, в количестве 104 экз.

Комплекс горизонта 2 является самым многочисленным и включает 193 предмета. Уровень 1 представлен 113 экз. (преимущественно сколы и их фрагменты). В ассамбляже присутствует нуклеус подпризматический двуплощадочный монофронтальный для получения пластинок, оформленный на небольшой гальке из силицита или крупном отщепе (рис. 2, *1*). Орудия представлены скреблом продольно-поперечным угловатым, скребком угловым вентральным, шиповидным орудием с вентральной подтеской, пластиной с черешком (рис. 2, *2, 4, 5*). Уровень 2 горизонта 2 содержит ассамбляж из 80 экз., состоящий преимущественно из сколов. В индустрии сколов стоит отдельно отметить наличие крупной фрагментированной пластины с бипродольной огранкой (рис. 2, *6*). Категория нуклеусов представлена единственным экземпляром однонаправленного одноплощадочного нуклеуса параллельного способа скалывания. Орудийный набор представлен скреблами, скребками, зубчато-выемчатыми и комбинированными орудиями и леваллуазским компонентом. В ассамбляже присутствует концевой скребок, оформленный на истощенном нуклеусе, несущий негативы продольно-поперечных снятий (рис. 2, *7*). Наиболее ярким является бифасиальное скребло, образованное на массивном первичном отщепе овальной формы (рис. 2, *8*). Леваллуазский компонент выражен присутствием ретушированного леваллуазского острия. Его ударная площадка – фасетированная, выпуклая, типа *chapeau de gendarme*. Дистальное окончание изделия утрачено. Огранка характеризуется сочетанием конвергентных краевых снятий и центрального негатива. Центральный негатив и одно из краевых снятий сколоты с основной ударной площадки. Другой краевой скол снят с противолежащей площадки, занимает 1/3 протяженности орудия. На продольных краях имеются участки, обработанные полукрутой параллельной ретушью (рис. 2, *9*).

Комплекс уровня 1 горизонта 3 насчитывает 34 экз., представляющих, преимущественно, индустрию сколов; нуклеусы отсутствуют. Наиболее ярким предметом является леваллуазский ретушированный остроконечник подтреугольной формы. Дистальное окончание предмета утрачено. Ударная площадка – фасетированная выпуклая. Часть латерали острия представляет собой естественную латераль нуклеуса, покрытую галечной коркой. На дорсальной поверхности присутствуют негативы однонаправленных конвергентных снятий пластинчатого характера. На продольных краях отмечаются фасетки параллельной краевой ретуши, возможно, утилизационного характера (рис. 2, *10*).

На уровне 2 горизонта 3 было зафиксировано всего два изделия, одно из которых является орудием – боковым скребком, оформленным на вентральной стороне полупервичного отщепа; его полукруглое лезвие образовано чешуйчатой полукрутой ретушью (рис. 2, *11*).

В горизонте 4 найдено 6 экз. каменных изделий. Среди них присутствует леваллуазский отщеп с центростремительными снятиями и с оформленной фасетированной ударной площадкой (рис. 2, *12*). Здесь же найден ретушированный отщеп с тронкированной ударной площадкой. Орудие несет следы корразии неясного происхождения.

Присутствующая в горизонтах 2 и 3 леваллуазская технология отражает конвергентный однонаправленный метод получения острий – наиболее распространенный для всей территории Монголии. Леваллузский отщеп из нижележащего горизонта 4 представляет собой центростремительный метод получения отщепов.

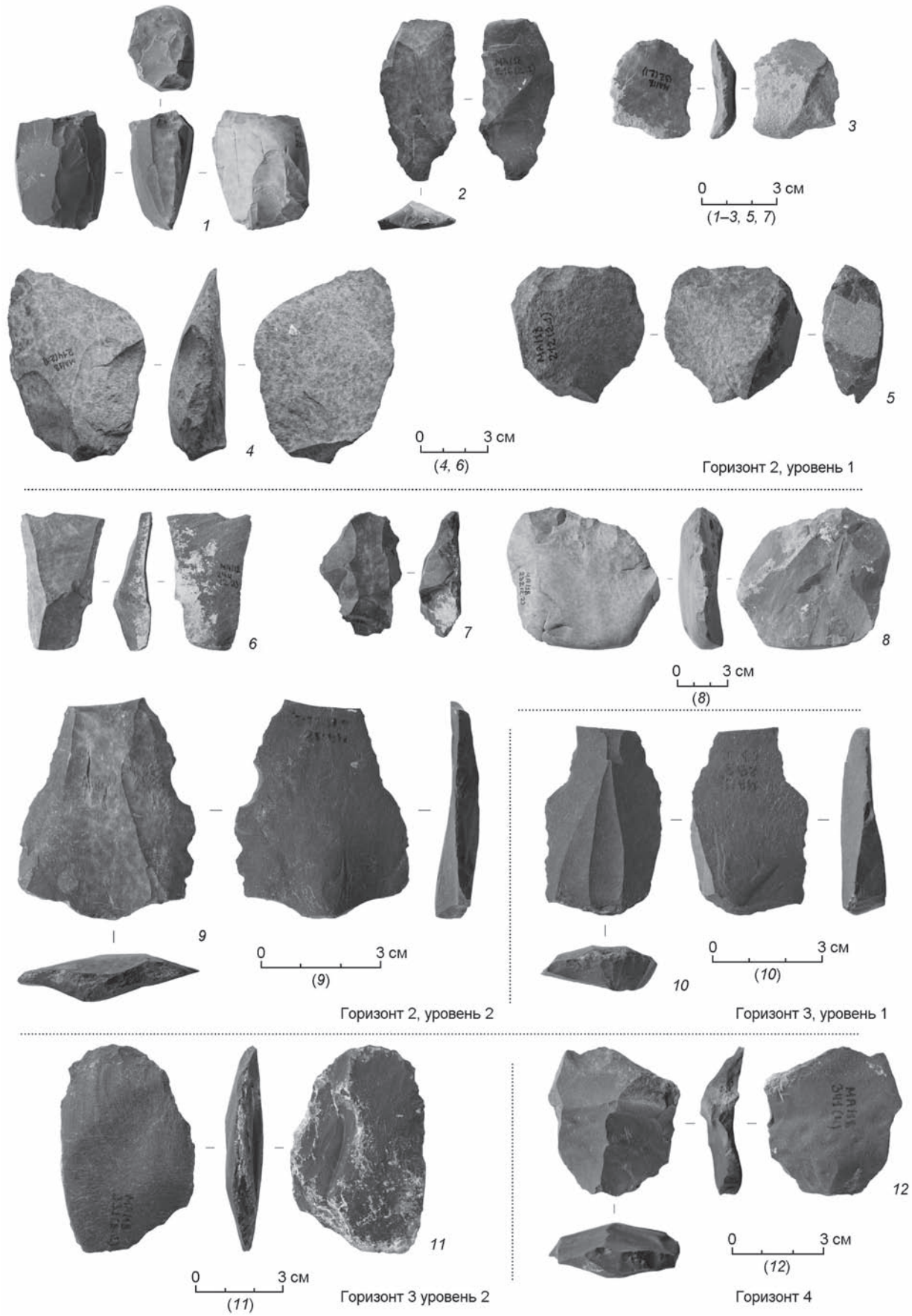


Рис. 2. Каменные артефакты из комплексов горизонтов 2.1–4 памятника Мойлтын ам (раскопки 2018 г.).

В целом, на данный момент сложно судить о том, действительно ли комплексы памятника представляют собой палимпсест. Сочетание подпризматических двуплощадочных нуклеусов для получения мелких пластинчатых заготовок и острийной леваллуазской технологии, которое мы видим в уровне 1 горизонта 2, известно в комплексе начального верхнего палеолита памятника Харганын-Гол-5 в Северной Монголии. Точно так же сочетание леваллуазской технологии и крупных бипродольных пластин, встреченное в уровне 2 горизонта 2, известно и в среднем, и в начальном верхнем палеолите Харганын-Гол-5. Комплексы, на первый взгляд, не несут в себе черт, сближающих их с индустриями пластинчатого начального верхнего палеолита, известного на памятниках Толборской группы. Более многочисленный материал и определение техники скола позволят в дальнейшем провести более точную культурную атрибуцию, однако на данный момент комплексы горизонтов 6–2.2 имеют выраженные среднепалеолитические черты, а комплекс горизонта 2.1 ближе к варианту начального этапа верхнего палеолита, представленному на памятнике Харганын-Гол-5, и имеющему, не исключено, местную среднепалеолитическую основу.

Благодарности

Полевые исследования проведены за счет Благотворительного фонда археологических исследований Центральной и Внутренней Азии им. Джэ Цонгхапа, Университета Аризоны; аналитическая часть исследования выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00591А).

Список литературы

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам. – Новосибирск: Наука, 1981. – 460 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Кандыба А.В. Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 245–254.

Bertran P. Permafrost aggradation followed by brutal degradation during the upper Pleniglacial in Mongolia: the probable response to the H2 Heinrich event at 21 kyr BP / P. Bertran, M. Fontugne, J. Jaubert // Permafrost Periglac. Process. – 2003. – N 14. – P. 1–9.

References

Bertran P. Permafrost aggradation followed by brutal degradation during the upper Pleniglacial in Mongolia: the probable response to the H2 Heinrich event at 21 kyr BP / P. Bertran, M. Fontugne, J. Jaubert. In *Permafrost Periglac. Process*, 2003, No. 14, pp. 1–9.

Derevyanko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolit Orkhona. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2010, 384 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Paleolit Tsentral'noi Azii. Moyltyn am. Novosibirsk: Nauka, 1981, 460 p. (in Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Kandyba A.V. Paleoliticheskoe zaselenie Mongolii: po dannym absolyutnoy khronologii. *Izvestiya Altaiskogo gosugarstvennogo universiteta*, 2016, No. 2, pp. 245–254 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.174-178
УДК 903.2

А.М. Хаценович[1], Е.П. Рыбин[1], Д.В. Олсен[1, 2], Б. Гунчинсурэн[3], Д. Базаргур[3], Д.В. Марченко[4], А.М. Клементьев[5], С.А. Когай[6], Р.А. Шелепаев[7], А.Ю. Попов[8], А.С. Кравцова[4], Т.А. Шевченко[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Университет Аризоны, США
[3]Институт истории и археологии МАН
[4]Новосибирский государственный университет
[5]Институт земной коры СО РАН
[6]Иркутский государственный университет
[7]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[8]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Хроностратиграфические исследования среднего палеолита на памятнике Орхон-1 (Центральная Монголия)

Долина Орхона в Центральной Монголии является одним из тех редких регионов, для которых археологически подтверждается интенсивное заселение в палеолите. Здесь в 1980-х гг. обнаружены и изучены стратифицированные памятники Орхон-1, -7 и Мойлтын ам, найдены стоянки с экспонированным материалом – практически каждая выположенная площадка второй надпойменной террасы Орхона была заселена на протяжении как минимум 13 км берега, в верхнем плейстоцене. Поскольку памятники изучались несколько десятилетий назад, назрела необходимость получения новой серии дат, особенно для комплексов среднего палеолита, не обеспеченных надежными радиоуглеродными определениями. В 2018 г. были проведены раскопки памятника Орхон-1 с целью получения образцов для радиоуглеродного и ОСЛ-датирования.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Монголия, средний палеолит, хроностратиграфия.*

A.M. Khatsenovich[1], E.P. Rybin[1], J.W. Olsen[1, 2], B. Gunchinsuren[3], D. Bazargur[3], D.V. Marchenko[4], A.M. Klementiev[5], S.A. Kogai[6], R.A. Shelepaev[7], A.Yu. Popov[8], A.S. Kravtsova[4], T.A. Shevchenko[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]University of Arizona, USA
[3]Institute of History and Archaeology MAS
[4]Novosibirsk State University
[5]Institute of the Earth's Crust SB RAS
[6]Irkutsk State University
[7]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[8]A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Chronostratigraphy of the Orkhon-1 Middle Paleolithic Site in Central Mongolia

The Orkhon Valley in Mongolia is the one of those rare regions where archaeology indicates very intensive exploitation during the Paleolithic. In the 1980s, the stratified Orkhon-1, -7, and Moiltyn-am sites were discovered and investigated in the Orkhon Valley near Kharkhorin, along with abundant surface occurrences of archaeological material. Nearly every

location of convenient, flat ground along a minimally 13 km stretch of the river's second terrace yields signs of human occupation during the Upper Pleistocene. Many of these sites were excavated decades ago and need to be re-dated, especially the Middle Paleolithic complexes, which have not yet been associated with reliable chronometric dates at all. New excavations at Orkhon-1 were initiated in 2018 primarily to obtain samples for radiocarbon and OSL dating.

Keywords: *Central Asia, Mongolia, Middle Paleolithic, chronostratigraphy, Orkhon Valley.*

Памятник Орхон-1 известен с 1983 г., когда было обследовано левобережье р. Орхон в Центральной Монголии (окрестности г. Хархорин в аймаке Увэрхангай). В результате разведок было обнаружено 12 локаций на протяжении 12 км береговой линии Орхона. После произведения шурфовки наиболее перспективными были признаны памятники Орхон-1 и -7, их раскопки проводились в 1985–1989 гг. [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010].

Памятник Орхон-1 находится на второй надпойменной террасе одноименной реки (47°11'49.1'' с.ш., 102°47'09.8'' в.д.) на высоте 1 482 м над ур. м. и 12 м над урезом реки. Стоянка имеет юго-восточную экспозицию, располагаясь на пологой площадке террасы, примыкающей к скальным выходам. В 1989 г. было вскрыто 110 м^2 площади памятника в раскопах 1 и 2, впоследствии объединенных, и в раскопе 3. Вскрытая стратиграфическая последовательность в раскопе 1-2 включала семь литологических слоев и два культурных горизонта, один из которых приурочен к верхней части слоя 4, а другой – к слою 6 [Деревянко, Петрин, 1990], за первый археологический горизонт были приняты 3 артефакта из слоя 3 [Кандыба, 2009]. Были получены две радиоуглеродные даты: 34 400 ± 600 л.н. для средней части слоя 4 и 38 600 ± 800 л.н. для слоя 5 [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. Несмотря на то, что горизонт находок приурочен к слою 4, авторами отмечалось их распространение вверх и вниз по разрезу, в слоях 3 и 5 соответственно [Деревянко, Петрин, 1990]. Этот археологический материал, залегающий выше образца, датированного 34 400 ± 600 л.н., был отнесен к среднему этапу верхнего палеолита [Кандыба, 2009]. Третий археологический горизонт залегал в слое 6, распространяясь на всю мощность его отложений, представляющих собой пойму древней р. Орхон [Деревянко, Петрин, 1990, рис. 2].

Среднепалеолитические комплексы, залегающие *in situ* в многослойных памятниках, известны лишь на пяти местонахождениях на территории Монголии: Харганын-Гол-5 (гор. 7-6), Орхон-1 (арх. гор. 3 раскопа 1-2), Орхон-7 (гор. 5 раскопа 3 и гор. 7 раскопа 1; гор. 5 раскопа 1, гор. 2-3 раскопа 2 и гор. 3 раскопа 3; гор. 6 раскопа 1, гор. 4 раскопа 2 и гор. 4 раскопа 3) [Кандыба, 2009], Мойлтын ам [Окладников, 1981; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010] и Цаган-Агуй (слои 5–13) [Деревянко и др., 2000]. Комплексы памятников Харганын-Гол-5, Орхон-1 и Мойлтын ам включают острийный и отщеповый леваллуазские компоненты, в то время как средний палеолит на Орхоне-7 и пещере Цаган-Агуй представлен преимущественно отщеповыми индустриями с практически полным отсутствием леваллуазского и пластинчатого компонентов. В связи с появлением за последние пять лет новых данных из долин рек Толбор и Харганын-Гол-5, позволяющих пролить свет на культурную вариабельность и смену комплексов в период терминального среднего – начального верхнего палеолита, возникла необходимость в дополнительном датировании современными методами уже известных комплексов со всей территории Монголии. Первым этапом стало исследование памятника Орхон-1.

В 2018 г. был заложен раскоп площадью 6 м^2, приуроченный с северо-запада вверх по склону к обрушившемуся в результате выпаса стад и оплывшему краю раскопа 1989 г. Стратиграфическая последовательность стоянки при первом цикле исследований в 1989 г. была изучена геологом С.В. Николаевым и детально опубликована [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992]. Зачищенная стенка раскопа 1989 г. и контрольный перекоп пойменного аллювия слоя 7 позволили вскрыть шестиметровый стратиграфический профиль. В раскопе 2018 г. глубина северо-западной стенки составила ок. 5 м (рис. 1). В целом, стратиграфический профиль полностью совпадает с описанием, приведенным в опубликованной работе 1992 г. [Там же]:

слой 1 – современная почва, мощность 40–45 см;

слой 2 – серо-коричневый лессовидный суглинок, с включениями дресвы и щебня, мощность ок. 70 см;

слой 3 – гравий и дресва сланцев, сцементированных серо-коричневым суглиноком. В слое отчетливо прослеживаются два тонких прослоя лессовидных суглинков. В разрезе 1989 г. отмечались мерзлотные деформации [Там же], которые на стенке 2018 г. не прослеживаются. Границы слоя резкие, его мощность ок. 40 см;

слой 4 – светлый серо-коричневый суглинок, с переслаивающимися линзами песка, гравия и щебня кварца; мощность ок. 100 см;

слой 5 – дресва и гравий, сцементированные серо-коричневым суглинком, мощностью до 100 см. Отмечены слойки, которые могут быть

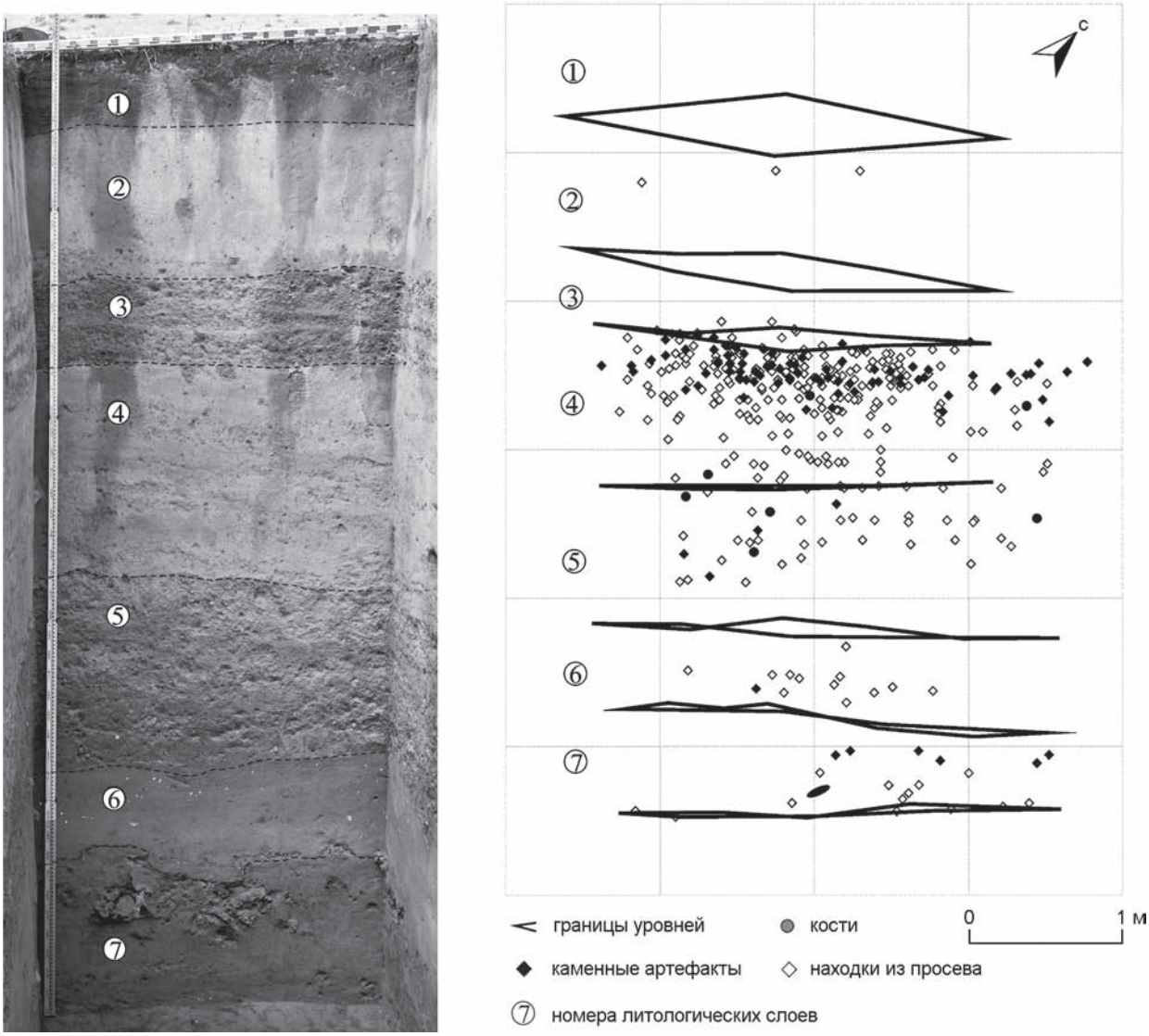


Рис. 1. Разрез северо-западной стенки раскопа 2018 г. памятника Орхон-1.

связаны с мерзлотными деформациями. Кровля слоя более спокойная, процент гравийного материала ниже;

слой 6 – серовато-зеленый плотный иловатый суглинок, с частыми включениями белых крупных отдельных карбонатов, а также примазками гидроокислов железа. Подошва слоя сложена мелкими неокатанными обломками сланцев и песчаников. Гальки руслового аллювия, упоминающиеся в работе 1992 г. [Там же], не встречены. Мощность ок. 40 см;

слой 7 – коричневый плотный пойменный суглинок. К верхней части слоя приурочены крупные валуны. Встречаются включения белых крупных отдельных карбонатов. Мощность ок. 70 см.

Артефакты находятся во взвешенном состоянии. Однако крупные находки образуют читаемый в профиле горизонт залегания в верхней части уровня 4 (рис. 1), где концентрируются также и находки из просева (осколки, обломки, костные фрагменты менее 2 см по длинной оси). К нижней части данной концентрации приурочены две найденные кости. Ниже по разрезу крупные артефакты становятся единичными, а находки из просева практически равномерно распределены в нижней части уровня 4 и верхней части уровня 5. Таким же образом в верхней части уровня 5 залегают немногочисленные фаунистические остатки. В нижней части уровня материал отсутствует. В уровне 6 культурные остатки маркируются небольшим количеством находок из просева и одним крупным артефактом, располагавшимися в нижней части уровня. В уровне 7 прослеживается самостоятельный горизонт залегания крупных находок (рис. 1), чуть ниже которого появляются находки из просева, на этом же уровне зафиксирована челюсть копытного животного.

Если верхний археологический горизонт 2 по стратиграфическому положению совпадает с результатами 1989 г. и расположен в верхней части слоя 4, то ситуация со среднепалеолитическим горизонтом 3 не так однозначна. В 1990 г. стратиграфическое положение горизонта 3 отнесено к слою 6, а слой 7 описан как русловой галечник [Деревянко, Петрин, 1990]. В 1992 г. в опубликованном описании разреза выделяются слои 6 и 7, представляющие собой суглинковые отложения, к подошве которых концентрируются «включения выветрелых неокатанных обломков сланцев,… а также ожелезненных галек руслового аллювия Орхона», и суглинки пойменной фации соответственно, однако положение археологического горизонта в этих отложениях не обозначено [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992]. В последующих публикациях [Кандыба, 2009; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010] положение горизонта 3 определялось согласно предыдущему описанию, как локализованного в слое 6, а стратиграфия раскопа 1-2 соответствует опубликованной в 1992 г. [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992]. При раскопках 2018 г. находки среднепалеолитического горизонта были приурочены к кровле слоя 7. Если ранее его хронология определялась старше даты 38 600 ± 800 л.н., полученной для слоя 5, то сейчас ожидаемый возраст среднего палеолита может относиться как минимум к ранней МИС 3 и древнее.

Находки культурного горизонта 2 мало выразительны и представлены отщепами и их фрагментами в количестве 85 экз.

В культурном горизонте 3 было обнаружено 10 предметов, среди которых: краевой технический скол (рис. 2, *1*), проксимальный фрагмент отщепа с двугранной площадкой (рис. 2, *2*), дистальный фрагмент леваллуазского остроконечника (рис. 2, *3*), остроконечник, оформленный ретушью на дистальной части отщепа (рис. 2, *4*).

Низкая плотность артефактов связана с тем, что раскоп 2018 г. был прирезан вверх по склону, где стратиграфическая колонка наиболее полная, но артефакты, как правило, рассредоточены вниз по склону. Тем не менее уровни культурных горизонтов по обнаруженным каменным изделиям удалось зафиксировать, что имело большое зна-

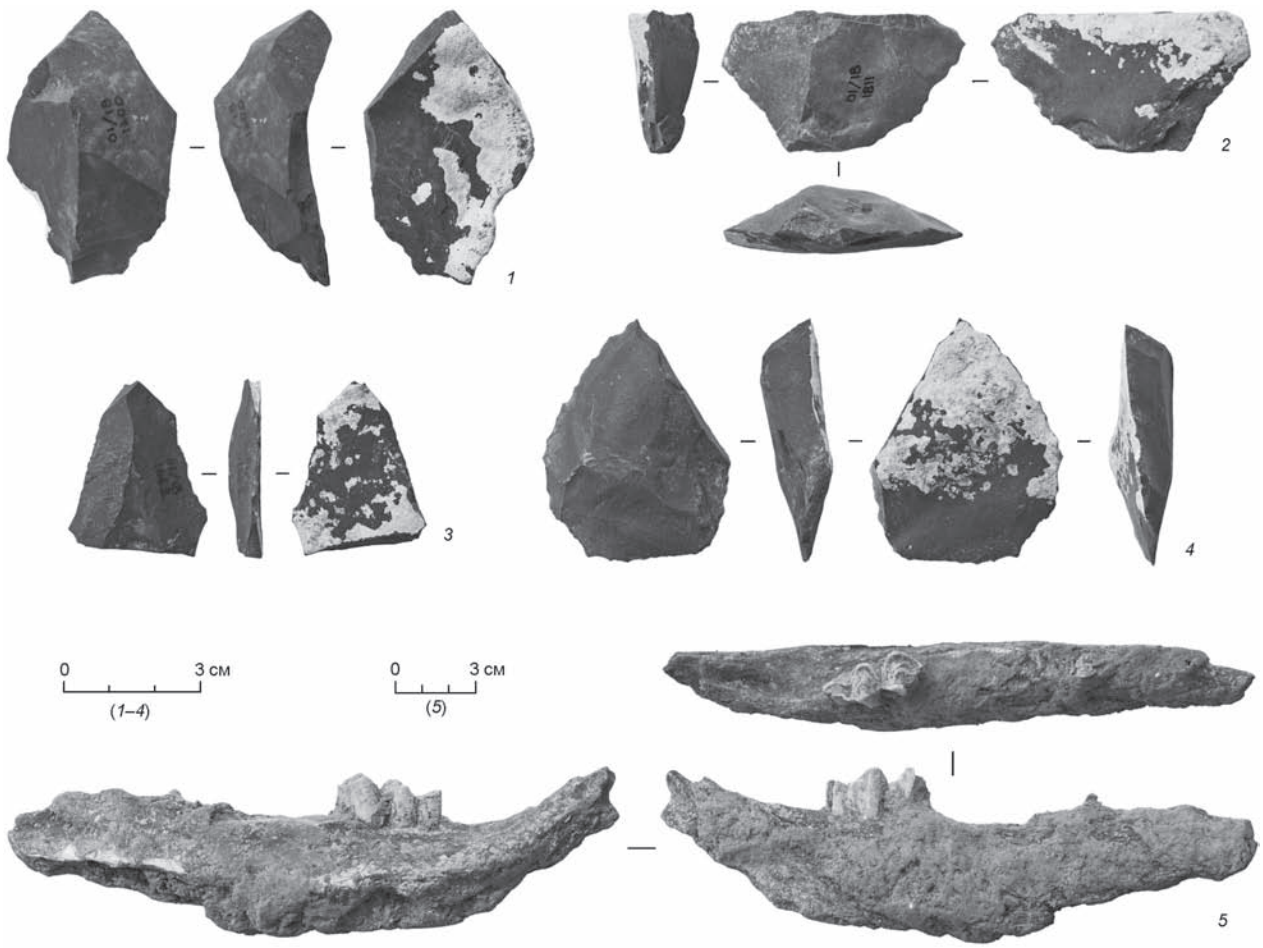


Рис. 2. Артефакты и фаунистические остатки из культурного горизонта 3 (слой 7) памятника Орхон-1.

чение для корректного отбора образцов для ОСЛ-датирования.

Малочисленность фаунистических остатков не позволяет сделать полноценного анализа. Можно констатировать, что в уровне 4 имеются остатки лошади, а в 5 определение возможно только до семейства (остатки лошади или кулана). Неожиданной и важной является найденная в слое 7 нижняя челюсть с зубом (рис. 2, *5*), несущая яркие черты морфологии быков. Однако эта челюсть несколько мельче, чем у первобытного бизона юга Сибири. С большой вероятностью можно отнести данный экземпляр к ископаемому байкальскому яку *Bos (Poephagus) baikalensis*, чьи челюсти на сегодняшний день достоверно не были известны. Эта находка не только открывает палеонтологические перспективы, но и позволит провести прямое радиоуглеродное датирование и решить проблему хронологического определения среднепалеолитического комплекса Орхон-1.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 90 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 23–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. междунар. симп. / АН СССР. Сиб. отдние. Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1990. – С. 161–173.

Кандыба А.В. Палеолит Южного Хангая (по материалам памятников Орхон-1, Орхон-7): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 26 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам. – Новосибирск: Наука, 1981. – 460 с.

References

Derevyanko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolit Orkhona. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2010, 384 p. (in Russ.).

Derevyanko A.P., Nikolaev S.V., Petrin V.T. Geologiya, stratigrafiya, paleogeografiya paleolita Yuzhnogo Hangaya. Novosibirsk: IAET SB RAS, 1992, 90 p. (in Russ.).

Derevyanko A.P., Olsen J.W., Tsevendorzh D., Krivoshapkin A.I., Petrin V.T., Brantingkhem P.D. Mnogosloinaya peschernaya stoyanka Tsagan Agui v Gobiiskom Altae (Mongoliya). *Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia*, 2000, iss. 1 (1), p. 23–36 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Petrin V.T. Stratigrafiya paleolita Yuzhnogo Khangaya (Mongoliya). *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentral'noi, Vostochnoi Azii i Ameriki: dokl. Mezhdunar. Simp. / IIFiF SB AS SSSR.* Novosibirsk, 1990, p. 161–173 (in Russ.).

Kandyba A.V. Paleolit Yuzhnogo Khangaya (po materialam pamyatnikov Orhon-1, Orhon-7): PhD thesis, Novosibirsk, 2009, 26 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Paleolit Tsentral'noi Azii. Moyltyn am. Novosibirsk: Nauka, 1981, 460 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.179-183
УДК 902.01

А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Каменные индустрии стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье: новые данные по материалам слоя 2

После широкомасштабных спасательных работ на территории Северного Приангарья в 2008–2011 гг. ведется активный анализ полученного материала и его ввод в научный оборот. Представительные коллекции были получены на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей). В силу особенностей формирования отложений (компрессионный характер) и проблематики изучения региона особенно важны детальное изучение археологического материала, планиграфический контекст. В данной работе представлены результаты технико-типологического анализа каменной индустрии слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей, в соотношении с ранее изученной и опубликованной коллекцией каменного и керамического материала слоя 3, установлены ближайшие аналогии, что позволило получить детальное представление о характере индустрий памятника и расширить источниковую базу неолита – эпохи палеометалла региона.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, эпоха металла, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, спасательные археологические работы.*

A.N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

The Stone Industries of the Ust-Kutarey Site in the North Angara Region: New Data Based on the Materials from Layer 2

This paper presents a brief analysis of the lithic industries of the Kutarey River Mouth site located on the left bank of the Angara at 15 km downstream from Kezhma village in the Northern AngaraRregion. The main goal of this work is to define the specific features of the lithic industry of Kutarey River Mouth layer 2 through the techno-typological analysis in comparison with the collection of lithics and ceramics of layer 3 and to clarify the cultural and chronological affiliation of these complexes. The new analytical data significantly extend the source base of the Neolithic and Bronze Age in this region. The lithic industry associated with layer 2 includes retouched microblades, bladelets, tools on blades, flakes, scrapers and a microscraper, bifaces, several adzes and axes and a thrusting tool. Special attention is drawn to blades and trihedral and tetrahedral points. The most interesting parallel can be established with the Upper Kolyma Early Holocene complex with blade points, which is widely distributed in Northeast Asia. This technocomplex is present directly or indirectly in the materials of Chukotka, Yakutia, Kamchatka and is considered by researchers as a specific Yolbinsky tradition dated to the first half of the Holocene, i.e. 8800-6000 yr BP. It also seems perspective to compare these materials with those from other Kutarey sites and adjacent areas.

Keywords: *North Angara region, Neolithic, Metall Age, stone tools, layers with "compression" character, rescue archaeological excavations.*

Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангары в 15 км ниже по течению от с. Кежма (Кежемский р-н Красноярского края), на правом берегу в устье р. Кутарей.

Цель работы – с помощью технико-типологического анализа выявить особенности каменной индустрии слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей и сопоставить ее с ранее изученными и опубликованными

каменными индустриями из слоя 3, что позволит более аргументированно установить культурно-хронологическую принадлежность данных материалов.

Наиболее насыщенным и перспективным (наиболее насыщен артефактами, минимум техногенных повреждений) можно считать ранее изученный слой 3 данной стоянки [Чеха, 2016] .

Однако с учетом того, что отложения носят «компрессионный» характер, а материал мог быть частично перемешан, поскольку имеются следы техногенных нарушений, имеет смысл подробно рассмотреть материалы вышележащего слоя 2. Он представлен темно-гумусированной супесью, равномерно подстилающей стратиграфический слой 1 (почвенно-растительный горизонт) на всей исследованной площади памятника. Коллекция каменных артефактов слоя 2 насчитывает 4 345 экз. (см. *рисунок*).

Хотя слой 2 стоянки Устье Реки Кутарей менее насыщен каменными артефактами, его в сравнении со слоем 3 отличает небольшое количество массивных орудий и тесел, отсутствие скребел, небольшое количество двойных скребков, исключительно объемное расщепление, направленное в основном на получение мелких пластинчатых снятий, среди которых преобладают сколы шириной 7–10 мм. Несмотря на то, что основу коллекции составляют изделия из роговиков (алевролитов 55 %) местного происхождения, существенно увеличилось процентное содержание артефактов из кремня (до 13 % по сравнению со слоем 3 (4–6%)), что может свидетельствовать о несколько иной сырьевой стратегии (остальная часть представлена туфоалевролитами (3,4 %), песчаниками (среднезернистый 4,4 %, крупнозернистый 1,9 %), окремненными осадочными (1,9 %) и обломочными (3,7 %) породами, окремненной древесиной (0,4 %)). В районе устья р. Кутарей и вверх по ее течению предпосылок к выходам кремнистых пород не отмечалось. Таким образом, данный тип материала вероятнее всего является привнесенным. Предположительно, его источником могли оказаться осадочные толщи Ангаро-Илимского междуречья.

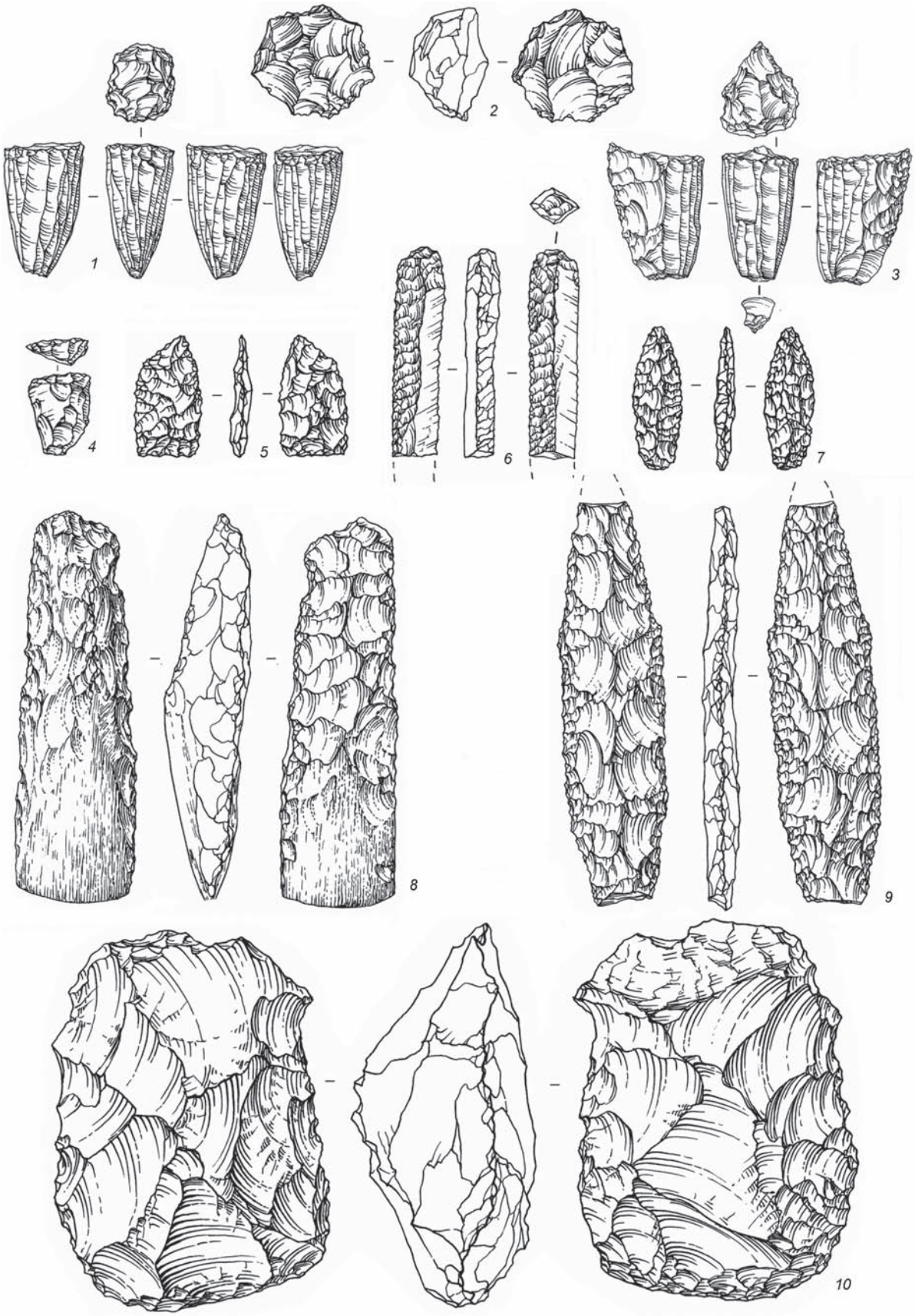
Технически значимые продукты расщепления слоя 2 составляют 924 экз (отщепы – 455 экз.; пластинки – 223 экз., 24,1 %; микропластины – 78 экз., 8,4 %, пластины – 84 экз., технические сколы – 56 экз. (полуреберчатые снятия (29 экз.), сколы подправки фронта (10 экз.), реберчатые снятия (9 экз.), полутаблетки (5 экз.) и таблетки (2 экз.), заныривающий скол (1 экз.)). У большинства сколов отмечается редукция ударной площадки в виде снятия карниза (90 %), абразивной обработки (7 %), редко обратной редукции (1 %).

Первичное расщепление представлено только объемными формами. Среди нуклеусов (28 экз.) преобладают ядрища для пластинок и микропластин, выполненные в отжимной технике: карандашевидные (5 целых экз. и 3 фрагмента), конические (4 экз.), торцово-клиновидные (6 экз.), клиновидные (2 экз.), единичными экземплярами представлены торцовый и призматический. В основном все ядрища истощены. Немногочисленны нуклеусы для отщепов (5 экз.): три подпризматических, два из которых сильно сработаны, торцовый (1 экз.) и одноплощадочный объемный нуклеус, снятия с которого носят бессистемный характер. Нуклевидные обломки составляют 45 экз.

Орудийный набор составляет 173 экз. Значительная его часть представлена ретушированными микропластинами (6 экз.), пластинками (4 экз.), пластинами (4 экз.). Среди микропластинчатых заготовок обрабатывались в основном медиальные фрагменты на одном или двух продольных краях вентральной крутой чешуйчатой одно-, реже двурядной краевой ретушью, на 5 экз. микропластинчатых заготовок отмечается ретушь утилизации. Заготовки шириной от 6 до 12 мм имеют обработку краевой чешуйчатой одно- или многорядной крутой ретушью как на дорсале, так и на вентрале. На одной выявлена субпараллельная плоская ретушь, на двух – ретушь утилизации. На пластинах (2 целых, 1 медиальный, 1 проксимально-медиальный фрагменты) отмечается полукрутая, крутая субпараллельная краевая, отвесная чешуйчатая многорядная ретушь вентральная и дорсальная, как правило на продольных краях. На одной пластине отмечается выемка на левой латерали, еще на двух – ретушь утилизации. Пластинчатые заготовки обрабатывались только с прямым или слабо закрученным профилем.

Представительную серию составляют скребки (27 экз.). Вся категория представлена концевыми скребками: на пластине (1 экз.), отщепах (6 экз.), технических сколах (на сколе подправки фронта (2 экз.), на реберчатом (2 экз.)). Присутствуют двойные концевые скребки на отщепах (4 экз.), с «носиком» (1 экз.), а также микроскребок (21,5 мм). Для всех орудий этой категории характерен широкий слабовыпуклый или прямой рабочий край, большинство орудий неоднократно подрабатывалось многорядной отвесной чешуйчатой ретушью.

Значительную серию составляют наконечники стрел (3 целых изделия, 17 фрагментов, 13 заготовок). Два целых изделия представляют собой листовидные наконечники с прямым насадом, один (длиной 31,5 мм и 10,8 мм в наибольшем расширении пера) оформлен бифасиальной отжимной диа-



Каменный инвентарь из слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей.

1–3 – нуклеусы; *4* – микроскребок; *5* – фрагмент наконечника стрелы; *6* – заготовка четырехгранного пластинчатого наконечника; *7* – наконечник стрелы, *8* – листовидный бифас (наконечник копья); *9* – тесло; *10* – заготовка топора с ушками.

гональной крутой ретушью, другой (56 мм в длину и 17,7 мм в наибольшем расширении пера) – бифасиальной разнофасеточной крутой чешуйчатой ретушью. Еще одно изделие – треугольное с прямым насадом; жальце было фрагментировано и затем переоформлено мелкой чешуйчатой ретушью в проколку. Также следует отметить фрагмент трехгранного пластинчатого наконечника, оформленного диагональной отжимной ретушью, и заготовку четырехгранного пластинчатого наконечника, оформленную альтернативной диагональной крутой ретушью. Фрагменты представлены перьями (8 экз.), насадами (вогнутые – 2 экз, прямые – 6 экз.). Обращают на себя внимание два фрагмента пластинчатых наконечников (тело) 15,6 и 13,6 мм в ширину, изготовленные из кремня и оформленные плоской диагональной отжимной ретушью.

Наряду с наконечниками в коллекции представлены листовидные бифасы (2 целых изделия, 18 фрагментов, 5 заготовок). Для большинства орудий категории характерно оформление ретушью уплощения (фасонаж), плоскими, полукрутыми, реже крутыми разнофасеточными, чаще среднего размера снятиями, а по краям – мелкими фасетками, листовидной или овальной формы и прямым насадом. Только на двух фрагментах отмечается параллельная полукрутая бифасиальная ретушь. Целые орудия (2 экз.) составляют 121 мм (рис. 1, *8*) и 88,6 мм в длину, в наибольшем расширении пера фрагменты составляют 24–35 мм. Орудия данного типа изготавливались как на пластинах, так и на отщепах.

Немногочисленны тесла (1 целое изделие, 1 фрагмент, 1 заготовка) и топоры (2 заготовки). Для первой категории характерна шлифовка, оформление мелкими сколами (фасонаж), прямоугольное или односторонневыпуклое сечение. Заготовки топоров изготовлены на плитке и отщепе. Для данной категории также характерен фасонаж и массивность, у одной заготовки оформлены ушки.

Единичными экземплярами представлены трехгранный фрагмент орудия (часть многофасеточного трансвертального резца-дриля (?)), проколка (оформленная бифасиальной плоской ретушью), колотая галька, а также орудие на техническом полуреберчатом сколе, в проксимальной части оформленное плоской параллельной ретушью.

В коллекции присутствуют три терочника (куранта) с наковальней, изготовленные из среднезернистого песчаника.

Остальную часть орудийного набора составляют заготовки бифасиальных орудий (10 экз.), отщепы с ретушью (18 экз., из них 1 пластинчатый отщеп), неопределимые фрагменты орудий (17 экз.). На двух отщепах отмечена ретушь утилизации.

Большая часть каменных артефактов представлена мелкими отщепами (1 911 экз.), чешуйками (273 экз.), отходами производства (1 101 экз.).

На более позднюю культурную принадлежность материалов слоя 2 указывает наличие изделий из металла (железные рыболовные крючки, бронзовое блюдо), а также шлака. По предварительным данным, основной керамический материал также относится к эпохе палеометалла и Средневековья.

Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на северо-востоке Азии. Подобные изделия прямо или косвенно присутствуют в материалах Чукотки (стоянки Верхнетытыльская IV и Нижнетытыльская IV; Тытыль, п. 2), Якутии (Уолбинский могильник; Юбилейный), Камчатки (Ушки I, II, III-IV слой; Авача-1, -9) и рассматриваются исследователями в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся в первой половине голоцена, примерно 8 800–6 000 л.н. Уолбинская традиция, помимо наличия пластинчатых черешковых наконечников, характеризуется развитой микропластинчатой индустрией с призматическими и коническими нуклеусами, частично шлифованными двусторонне оббитыми топорами с перехватом, двусторонне обработанными наконечниками треугольной формы, концевыми скребками, ретушированными микропластинками [Слободин, 2014]. На памятниках Верхней Колымы (Уи; Агробаза II), Якутии (Уолба), Приохотья (Кухтуй II), Камчатки (Авача I) также отмечаются трех- и четырехгранные наконечники. Хотя пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на р. Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, как правило, относят к раннему голоцену [Там же, с. 111; Мочанов, 1977], подобные традиции могут быть свидетельством древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири в более раннее время, и продолжать свое существование позднее [Мочанов, 1977; Воробей, 1996; Питулько, 2003; Пташинский, 2006; Кашин, 2013, Слободин, 2014]. Таким образом, вопросы генезиса и распространения культур с пластинчатыми наконечниками для территории Северо-Восточной Азии в целом и Северного Приангарья в частности пока остаются открытыми.

Список литературы

Воробей И.Е. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – С. 56–58.

Кашин В.А. Неолит Средней Колымы: сб. тр. – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск, 1977. – 264 с.

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М., 2003. – С. 99–145.

Пташинский А.В. К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2006. – С. 78–86.

Слободин С.Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Изв. СВНЦ ДВО РАН, 2014. – № 2. – С. 110–119.

Чеха А.Н. Каменные идустрии слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье // Вестн. Том. гос. ун-та. История, 2016. – № 6 (44). – С. 106–113.

References

Chekha A.N. Kamennye industrii sloya 3 stoyanki Ust'ye Reki Kutarei v Severnom Priangar'ye. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, No. 6 (44), p. 106–113 (in Russ.).

Kashin V.A. Neolit Srednei Kolymy. Novosibirsk: Nauka, 2013, 224 p. (in Russ.).

Mochanov V.A. Drevneishiye etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii. Novosibirsk, 1977, 264 p. (in Russ.).

Pitul'ko V.V. Golotcenovyi kamennyi vek Severo Vostochnoi Azii. *In Estesvennaya istoriya Rossiiskoi Vostochnoi Arktiki v pleistotcene i golotcene*. Moscow, 2003, pp. 99–145 (in Russ.).

Ptashinskiy A.V. K voprosu o neolite Kamchatki. *Neolit i paleometall Severa Dalnego Vostoka*. Magadan, 2006, pp. 78–86 (in Russ.).

Slobodin S.B. Uolbinskaya traditciya plastinchatykh nakonechnikov (Severo-Vostok Rossii). *Izvestiya Severo-Vostochnogo nauchnogo tcentra Dal'ne vostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 2014. No. 2, pp. 110–119 (in Russ.).

Vorobei I.E. Rannegolotcenovye industrii Krainego Severo-Vostoka Azii. *In Arkheologiya, paleoecologiya I etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Irkutsk, 1996, pp. 56–58 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.184-189
УДК 902.22

С.В. Шнайдер[1, 2], Р.Н. Курбанов[3, 4], С. Алишер кызы[5], С. Риго[6], М.В. Шаньгина[3], А.И. Кривошапкин[1, 5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[4]Институт географии РАН
[5]Новосибирский государственный университет
[6]Университет Бордо, Франция
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Результаты предварительного изучения памятников Кайлю и Куба-Сенгир (Восточный Прикаспий, Туркменистан)

Стратифицированные памятники Куба-Сенгир и Кайлю, расположенные на юго-восточном побережье Каспийского моря, на стыке Передней и Центральной Азии, являются ключевыми объектами для реконструкций миграций древнего человека в период финального плейстоцена – раннего голоцена. Здесь были получены представительные археологические коллекции, включающие в себя каменные индустрии, фаунистические коллекции и украшения из местных раковин двустворчатых моллюсков. На предвходовой площадке у пещеры Кайлю были исследованы единственные в регионе погребения человека. В ходе полевых работ 2018 г. на Красноводском п-ве выполнено описание геоморфологической позиции этих памятников и проведено описание артефактов, залегающих на дневной поверхности. Результаты предварительного анализа указывают на то, что материалы исследуемых объектов являются асинхронными и находят аналогии в комплексах Передней Азии, Западного и Восточного Каспия. Заселение исследуемых памятников стало возможно в условиях понижения уровня позднехвалынского моря (ранний голоцен).

Ключевые слова: *Восточный Прикаспий, трансгрессия Каспийского моря, Западный Туркменистан, голоцен, каменная индустрия, погребение человека.*

S.V. Shnaider[1, 2], R.N. Kurbanov[3, 4], S. Alisher kyzy[5], S. Rigaud[6], M.V. Shangina[3], A.I. Krivoshapkin[1, 5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]Lomonosov Moscow State University
[4]Institute of Geography RAS
[5]Novosibirsk State University
[6]Bordeaux University, France
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

The Results of Kaylu and Kuba-Sengir Sites Preliminary Study (Eastern Caspian, Turkmenistan)

The southeastern coast of the Caspian Sea was an important trade route that channeled ancient cultures between Middle East and Central Asia; two stratified terminal Pleistocene – early Holocene sites: Kuba-Sengir and Kaylu have been distinguished in this region as the key sites for reconstructions of the early human migrations. The complexes include representative lithic assemblages, faunal collection, and a unique set of shell beads. Two human burials were discovered at the entrance zone of the Kaylu cave. During the field works on the Krasnovodsk Peninsula in 2018, geomorphological

position of these sites was established and the artifacts located on the surface were described. The preliminary data indicate that the Kuba-Sengir and Kaylu are asynchronous and share many common features with Southern, Western and Eastern Caspian sites.

Keywords: *Eastern Caspian, Caspian transgression, Western Turkmenistan, Holocene, lithic industry, human burial.*

Один из важнейших геологических факторов, определявших палеогеографическую ситуацию в Центральной Азии, – это трансгрессивно-регрессивная изменчивость Каспийского моря, которая, в свою очередь, определялась сложным сочетанием климатических, геологических и других природных явлений. Безусловно, изменчивость уровня Каспийского моря сыграла важную роль в древнейшей истории: активно менявшая свое положение в конце позднего плейстоцена береговая линия Каспия определяла направление миграций древнего человека. В последние десятилетия активно исследуются археологические памятники на побережье Каспийского моря, однако регион изучен неравномерно. В частности, по территории восточного побережья Каспийского моря имеются лишь первичные данные. Археологические объекты этого района активно изучались в 1950–1980-е гг., при этом здесь было исследовано только шесть стратифицированных памятников (Дам-Дам-Чешме-1 и -2, Кайлю и Джебел, Кызыл-Лай и Куба-Сенгир) [Окладников, 1953]. Несмотря на значимость изучения этих стоянок для понимания развития древних обществ региона в период финального плейстоцена – голоцена, до сих пор остаются нерешенными проблемы их хронологии и связи с другими одновозрастными культурами Центральной и Передней Азии. Поэтому нами предпринята попытка вернуться к изучению материалов стоянок Кайлю и Куба-Сенгир, которые менее всего освещены в историографии.

Памятники Кайлю и Куба-Сенгир изучались под руководством А.П. Окладникова в 1947, 1950, 1951 гг. [Окладников, 1953]. На основе технико-типологических аналогий каменной индустрии с материалами Большого Балхана и Южного Каспия А.П. Окладников относил их к периоду позднего мезолита – раннего неолита [Окладников, 1966]. С тех пор данные материалы не подвергались пересмотру и мультидисциплинарному изучению.

В 2018 г. мы провели археологическую разведку на Красноводском п-ове, в ходе которой данные объекты были повторно обнаружены, описана их геоморфологическая позиция, а также проведено описание артефактов, залегающих на поверхности. В настоящей работе приводится краткое описание коллекций А.П. Окладникова и поверхностных сборов 2018 г.

Оба памятника расположены у подножия Кубадага (Губадага), хребта асимметричной формы, образующего высокий (до 300 м) обрыв Красноводского плато. Многочисленные пункты стоянки Куба-Сенгир приурочены к самому западному окончанию хребта, они компактно сосредоточены вокруг останца древней структурной террасы, приподнятой на 80 м над уровнем современного моря (–28 м) близ одноименного мыса (рис. 1). А.П. Окладниковым было обнаружено пять местонахождений, из которых наиболее представительным является местонахождение № 2, где был обнаружен культурный слой.

Положение местонахождения № 2 весьма точно было описано А.П. Окладниковым, поэтому оно было обнаружено в ходе работ 2018 г. Местонахождение расположено в восточном окончании широкой аккумулятивной террасы у основания мыса Кубадаг, выделяясь на фоне выровненной наклонной поверхности в виде невысокого (1,5–1,8 м) известнякового останца, у южного основания которого была собрана коллекция 2018 г. В ходе работ А.П. Окладникова основное количество артефактов было обнаружено непосредственно на поверхности останца – слое супеси, покрывавшей скальное основание. В толще супеси выделялся охристый прослой с неровной нижней границей – культурный слой. Нижняя его часть представляла серию углублений и ям. Здесь был собран многочисленный археологический материал, а именно 900 бусин из раковин и 582 каменных артефакта (см. *таблицу*). Для каменной индустрии характерны призматические нуклеусы для пластинок и микропластин (рис. 2, *11*), орудийный набор представлен остриями, пластинками с ретушью притупления и неравносторонними треугольниками (рис. 2, *1, 5, 6, 10*) [Окладников, 1953].

В 2018 г. поверхность останца представляла собой скальное основание без каких-либо видимых следов супесчаного покрова. Нами были собраны артефакты у южной стенки останца, залегавшие на поверхности аккумулятивной террасы. Большая часть находок была разбросана в 5–10 м от южной стенки останца. По-видимому, это связано с тем, что в его основании также располагается культуросодержащий слой, перевевание которого и размыв в ходе ливневого стока выносит артефакты на поверхность. Они полностью аналогичны тем, что имеются в коллекции А.П. Окладникова. В ходе работ нами было обнаружено 14 бусин из морских раковин, 40 каменных артефактов, представленных

Рис. 1. Расположение памятников, упомянутых в статье.

Состав каменной индустрии памятника Куба-Сенгир (местонахождение № 2), экз.

Артефакты	Коллекция А.П. Окладникова	Поверхностные сборы 2018 г.
Сколы каменной индустрии		
Пластинчатые сколы	95	6
Отщепы	170	20
Технические сколы	12	6
Нуклевидные изделия	18	2
Отходы производства	287	6
Всего (каменная индустрия)	582	40
Фрагменты керамики	4	7
Бусины из ракушек	900	14

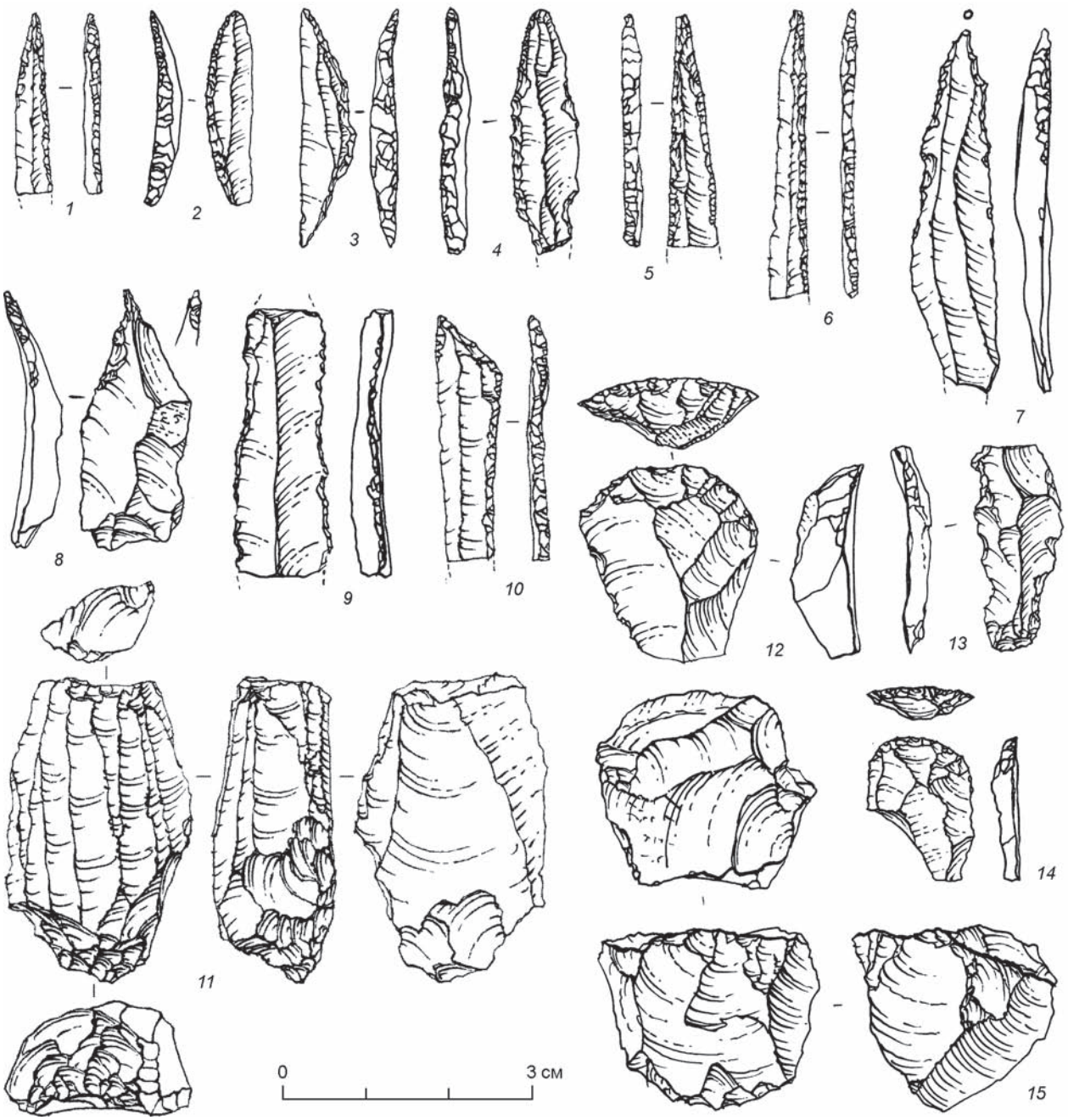


Рис. 2. Каменная индустрия памятников Кайлю и Куба-Сенгир (раскопки А.П. Окладникова).

преимущественно отходами производства (см. *таблицу*), из орудий здесь наибольшую серию составляют пластинки с притупленным краем, выемчатые изделия и асимметричные треугольники.

Пещера Кайлю расположена на расстояния 5 км к западу, в нижней части обрыва на высоте 23 м над ур. м., имеет высокий потолок и уходит на 4 м вглубь скалы. А.П. Окладниковым в пещере было выделено семь культурных слоев, наиболее богатая коллекция была обнаружена в нижнем слое 7:

пластинчатые сколы	67
отщепы	89
технические сколы	46
нуклевидные изделия	3
отходы производства	3
Всего	208

Каменная индустрия характеризуется призматическим расщеплением, направленным на получение пластинок и микропластин (рис. 2, *15*), в орудийном наборе доминируют микролиты (рис. 2, *2, 3, 4*), выемчатые изделия (рис. 2, *13*), проколки (рис. 2, *7, 8*), пластинки с ретушью (рис. 2, *9*) и концевые скребки (рис. 2, *12, 14*).

Кроме этого, А.П. Окладниковым было обнаружено два захоронения в непосредственной близости от пещеры. Костяки были ориентированы на северо-запад, покрыты охрой и дисковидными бусами (175 экз.), которые располагались на черепах, и, по-видимому, были частью головного убора или прически, также бусы охватывали в виде широкого кольца правую половину тела и правое бедро погребенных. К сожалению, в ходе поверхностных сборов на памятнике Кайлю в 2018 г. был обнаружен лишь один кремневый отщеп и единичные экземпляры костей и керамики. В ходе осмотра памятника удалось идентифицировать раскопы А.П. Окладникова, в т.ч. и места погребений. Любопытным является то, что в самих могильных ямах и в непосредственной близости от них были обнаружены выходы ярко-рыжих песчаников и алевролитов, обогащенных окислами железа, что заставляет усомниться в описанной ранее погребальной практике, применявшейся здесь [Окладников, 1966]. Не исключено, что костяки и раковинные бусы приобрели характерный охристый оттенок от имеющихся в рыхлых отложениях железистых минералов. Достоверно ответить на этот вопрос можно будет только после серии дополнительных лабораторных исследований.

Каменные индустрии Куба-Сенгира и Кайлю находят аналогии с другими финальноплейстоценовыми–раннеголоценовыми материалами южного и восточного Прикаспия, в т.ч. с памятниками Дам-Дам-Чешме-1 и -2 [Окладников, 1953], Али-Тапех, Белт и Хоту [McBurney, 1964], где также представлено призматическое расщепление, направленное на получение пластинок и микропластин, на которых изготавливались пластинки с притупленным краем и геометрические микролиты в виде сегментов и неравносторонних треугольников.

Раковины, из которых изготовлены бусы с памятников Куба-Сенгир и Кайлю, относятся к локальной разновидности двустворчатых моллюсков рода *Didacna Eichwald*, которые, вероятнее всего, собирались в непосредственной близости от археологических объектов. Если говорить о типологии бус с памятников, то такие же бусы, как на Куба-Сенгир, были обнаружены в нижних слоях Дам-Дам-Чешме-1, -2 и Али-Тапех [Окладников, 1966; Manca, 2018]. Найденные в погребениях Кайлю бусы резко отличаются от раковин из Куба-Сенгира и на данный момент не находят аналогии на близлежащих памятниках. Схожие типы фиксируются в энеолитическом погребении Токмак (Казахстан) [Астафьев, 2014] и на ранненеолитической стоянке MPS 4 (Азербайджан) [Heit, 2014]. Скорее всего, памятники Кайлю и Куба-Сенгир являются асинхронными, проведение детального технико-типологического и трасологического анализов индустрий прольет свет на культурно-хронологическую взаимосвязь этих объектов.

Накоплен большой массив данных по хронологии колебания уровня Каспийского моря и согласно последним исследованиям [Янина и др., 2017] во время раннехвалынской трансгрессии (18–16 тыс. лет до н.э.) уровень Каспийского моря достиг максимума +46–48 м, в это время был образован глубокий залив вдоль долины Узбоя. Расположенные на разных высотах Куба-Сенгир (около 2–3 м абс., 30 м выше современного уровня) и Кайлю (–5 абс.) находились в зоне затопления. Рельеф северного побережья Красноводского залива, по-видимому, был уже сформирован в ходе одной из фаз стабилизации уровня в эпоху позднехвалынского моря (Кумская стадия, –6 м). В это время мог образоваться высокий скальный навес Кайлю. Заселение данных памятников, вероятнее всего, происходило в разное время по мере отступания вод Каспия. В этапы высокого положения уровня оба памятника находились на ограниченном трансгрессией полуострове, поскольку морские воды проникали глубоко в Каракумы вдоль русла Узбоя, и далее на запад в протяженную Кемаль-Узбойскую низменность. Таким образом, в начальные этапы спада уровня Хвалынского моря побережье было впервые освоено местным населением – в первую очередь мастерами, изготавливавшими бусины из раковин моллюсков у мыса Куба-Сенгир. По мере спада уровня, обмеления Балханского залива и ухода вод из долины Узбоя открылась воз-

можность для миграции людей из восточных (Копетдаг) и южных (Иран) районов.

Безусловно, полученные результаты нуждаются в дальнейшей верификации с применением комплекса междисциплинарных аналитических методов, что в свою очередь позволит нам реконструировать миграционные процессы древнего человека в период раннего голоцена на территории Центральной Азии, связанные с изменением уровня Каспийского моря.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ (проекты № 18-00-00660, 18-00-00470). Авторы статьи выражают благодарность д-ру биол. наук Н.А. Дубовой за помощь в организации полевых исследований и подготовке публикации, а также руководителям Альпклуба «Мерт» (г. Небит-Даг, Туркменистан) Б. Мамедову и В. Сагдееву за участие в полевых работах.

Список литературы

Астафьев А.Е. Неолит и Энеолит полуострова Мангышлак // Материалы и исследования по археологии Казахстана – Астана, 2014. – Т. VI. – 359 с.

Окладников А.П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова // Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции. – Ашхабад, 1953. – С. 73–104.

Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.-Л.: наука, 1966. – С. 11–75.

Янина Т.А., Свиточ А.А., Курбанов Р.Н., Мюррей А.С., Ткач Н.Т., Сычев Н.В. Опыт датирования плейстоценовых отложений Нижнего Поволжья методом оптически стимулированной люминесценции // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 5: География. – 2017. – № 1. – С. 20–27.

Heit I., The bead workshop at site MPS4, Mil Plain, Azerbaijan: Craft specialization and the manufacture of shell jewelry in the Neolithic // Polish Archaeology in the Mediterranean. – 2014. – Vol. 23/2. – P. 21–40.

Manca l., MashkourM., Shidrang S., Averbouh A., Biglari F., Bone, shell tools and ornaments from the Epipalaeolithic site of Ali Tappeh, East of Alborz Range, Iran // of Archaeological Sci.: Reports. – 2018. – Vol. 21. – P. 137–157.

McBurney C.B.N. Preliminary Report on Stone Age Reconnaissance in North Eastern Iran // Proc. of the Prehistoric Society. – 1964. – Vol. 30. – P. 382–399.

References

Astaf'ev A.E. Neolit i Eneolit poluostrova Mangyshlak. In. *Materialy i issledovanija po arheologii Kazakhstana*, Astana, 2014, vol. VI, 359 p. (in Russ.).

Heit I. The bead workshop at site MPS4, Mil Plain, Azerbaijan: Craft specialization and the manufacture of shell jewelry in the Neolithic. *Polish Archaeology in the Mediterranean*, 2014, vol. 23/2, pp. 21–40.

Janina T.A., Svitoch A.A., Kurbanov R.N., Mjurrej A.S., Tkach N.T., Sychev N.V. Opyt datirovanija plejstocenovyh otlozhenij Nizhnego Povolzh'ja metodom opticheski stimulirovannoj ljuminescencii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografija*, 2017, pp. 20–27 (in Russ.).

Manca l., MashkourM., Shidrang S., Averbouh A., Biglari F. Bone, shell tools and ornaments from the Epipalaeolithic site of Ali Tappeh, East of Alborz Range, Iran. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2018, vol. 21, pp. 137–157.

McBurney C.B.N. Preliminary Report on Stone Age Reconnaissance in North Eastern Iran. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 1964, vol. 30, pp. 382–399.

Okladnikov A.P. Drevnejshie arheologicheskie pamjatniki Krasnovodskogo poluostrova. In *Trudy Juzhno-Turkmenskoj arheologicheskoj ekspedicii*. Ashhabad, 1953, pp. 73–104 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Paleolit i mezolit Srednej Azii. In. *Srednjaja Azija v epohu kamnja i bronzy*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, pp. 11–75 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.190-193
УДК 902.21

М.В. Шуньков[1], Ж.К.Таймагамбетов[2], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный музей Республики Казахстан
E-mail: kmb777@yandex.ru

Археологическая разведка на юге Казахстана в 2018 году

В 2018 г. совместной Российско-Казахстанской экспедицией проведены разведочные работы на территории Сарысуского р-на Жамбылской обл. Республики Казахстан. В ходе осмотра речных долин Шабакты, Шаян и Беркуты, прорезающих горные массивы известняков и доломитов, было зафиксировано девять пещер. В некоторых карстовых полостях сохранились рыхлые отложения голоцена, в которых найдено несколько предметов раннего железного века. В пещере Актогай разведочным шурфом была вскрыта мощная толща плейстоценовых отложений, стерильная в археологическом отношении. В целом разведочные работы показали перспективность открытия в этом районе стратифицированных стоянок в скальных убежищах, в т.ч. палеолитического времени.

Ключевые слова: *Южный Казахстан, археологическая разведка, пещеры, плейстоцен, голоцен, стратиграфия.*

M.V. Shunkov[1], Zh.K. Taimagambetov[2], M.B. Kozlikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Museum of the Republic of Kazakhstan
E-mail: kmb777@yandex.ru

The 2018 Archaeological Survey in Southern Kazakhstan

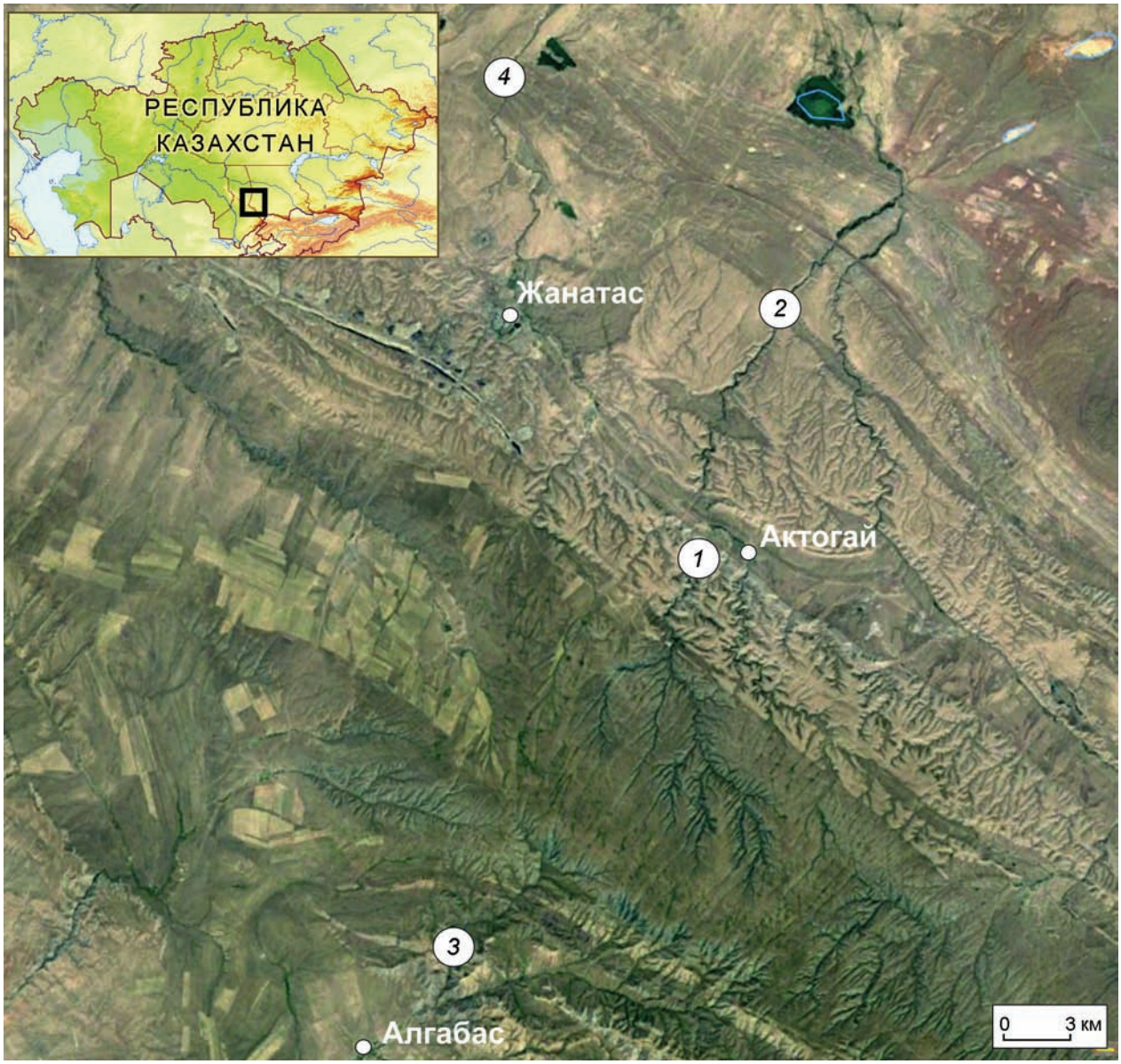
In 2018, a joint Russian-Kazakhstan expedition has carried out the archaeological survey works in Sarysu District of Jambyl Region in the Republic of Kazakhstan. A total of nine caves have been discovered during investigation of the Shabakty, Shayan and Berkuty river valleys. Some karst cavities retain the Holocene loose sediments that yielded a few artifacts attributed to the Iron Age. A test pit established in Aktogay Cave has revealed the thick Pleistocene strata that proved to be archaeologically sterile. In general, the survey works demonstrated a potential of discovery of the stratified cave sites, including those associated with the Palaeolithic Age.

Keywords: *Southern Kazakhstan, archaeological survey, caves, Pleistocene, Holocene, stratigraphy.*

В сентябре 2018 г. совместная Российско-Казахстанская экспедиция ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан провела разведочные работы на территории Сарысуского р-на Жамбылской обл. Республики Казахстан. Исследования были сосредоточены на поиске пещерных палеолитических объектов в долинах рек Шабакты, Шаян и Беркуты, прорезающих скальные массивы известняков и доломитов с многочисленными карстовыми полостями. Всего было зафиксировано и осмотрено девять пещер (см. *рисунок*).

Пещера Актогай. Находится по правому борту в устье ущелья р. Шабакты, у западной окраины с. Актогай. Скальный массив, в котором образована полость, является частью хребта Улькен Актау. Горы сложены серым мраморизованным известняком. Пещера западной экспозиции, расположена на высоте 450 м над ур. м. и 24 м над урезом реки. Пещера легкодоступна, подъем к ней проходит по осыпному конусу выноса из соседнего скального распадка. Предвходовая площадка практически отсутствует, сразу у капельной линии начинается крутой скальный уступ борта долины.

Ширина входа в пещеру по капельной линии – ок. 12 м, максимальная высота – ок. 5 м. Обширный зал пещеры уходит вглубь скального массива приблизительно на 35 м. Зал в центральной части расширяется до 16 м. Высота свода постепенно снижается вглубь пещеры с одновременным поднятием уровня пола в виде полого наклонного конуса выноса. Далее полость сужается и с подъемом уходит вглубь скалы. Вход в дальний зал или галерею пере-



Карта расположения пещер Актогай (*1*), Шабакты (*2*), Козшаян (*3*) и Маятас (*4*) в Сарысуском р-не Жамбылской обл. Республики Казахстан.

горожен крупными глыбами обрушившегося свода (блоки размером более 1 м в поперечнике).

В 15 м от капельной линии и в 2 м от южной стенки пещеры был заложен шурф размером 1,5 × 1,5 м, вскрывший отложения мощностью 3,3 м. В разрезе выделено восемь стратиграфических подразделений.

Слой 0. Гумусированные отложения сухие, пылеватые, с примесью навоза мелкого рогатого скота. Мощность 0,1 м.

Слой 1. Прослои супеси, рыхлой сухой пылеватой, состоящей в основном из тонкого органического детрита. Верхняя половина слоя сложена светло-коричневыми, серыми и белесыми прослоями с целыми прочными копролитами мелкого рогатого скота. Нижняя часть представляет собой темно-серые и черные сажистые прослои, также легкого и пылеватого осадка. Во включениях отмечены фрагменты костей хорошей сохранности, в т.ч. обожженные и кальцинированные, скорее всего, мелкого рогатого скота. Мощность 0,7 м.

Слой 2. Супесь рыхлая, пылеватая, светло-коричневая, с легким красноватым оттенком, обогащенная минеральными новообразованиями в виде псевдомицелия и отдельных белесых мучнистых комков до 2 см в поперечнике, вероятнее всего, фосфатного состава. Мощность 0,3 м.

Слой 3. Супесь светло-коричневая, обогащенная щебнем и дресвой известняка с мощной белесой реактивной каймой. Обломки известняка выполни-

ли, скорее всего, функцию геохимического барьера, на который прореагировали агрессивные органические растворы, поступавшие из вышележащих отложений. Мощность 0,2 м.

Слой 4. Щебнисто-дресвянистая толща со светло-коричневым супесчаным заполнителем. Щебень и дресва известняка невыветрелые, остроугольные. Мощность 0,3 м.

Слой 5. Супесчаная светло-коричневая толща, обогащенная мелким остроугольным щебнем, дресвой и песком известняка. Мощность 0,7 м.

Слой 6. Щебнистая толща серого цвета. Щебень и дресва уплощены в виде тонких плиточек. Толща практически лишена мелкозема. Во включениях отмечены отдельные обломки шестоватого светло-желтого полупрозрачного кальцита. Толща, видимо, отражает эпоху похолодания и аридизации климата, сопровождавшуюся активной десквамацией свода и стен пещеры. Мощность 0,2 м.

Слой 7. Мелкощебнисто-дресвянистая толща серого цвета с глинистым переувлажненным заполнителем. Щебень и дресва невыветрелые, представлены тонкими плиточками, без реактивной каймы. Толща залегает на горизонте глыб, размером более 0,5 м в поперечнике, с мощной белесой рыхлой реактивной каймой. Вскрытая мощность 0,8 м.

Археологические материалы в шурфе зафиксированы только в голоценовых отложениях слоя 1, где найдено три фрагмента гладкостенной керамики и фрагмент венчика, украшенный рядом «жемчужин». Эти материалы, по всей вероятности, датируются ранним железным веком. В нижележащих отложениях, которые сформировались, судя по их литолого-стратиграфическим характеристикам, в эпоху плейстоцена, находок не обнаружено. Вместе с тем в пещере могут быть открыты палеолитические комплексы, т.к. в ней был исследован только небольшой участок.

Пещеры Шабакты. Две карстовые полости обнаружены в долине нижнего течения р. Шабакты, в 12 км севернее с. Актогай. Пещеры приурочены к правому борту узкого скалистого ущелья, сложенного серым мраморизованным известняком. Неглубокие полости с входным отверстием 2 × 2 м расположены в крутом скальном уступе на высоте 620 м над ур. м., труднодоступны и практически не содержат рыхлых отложений. По сообщению местных жителей в одной из этих пещер был найден металлический наконечник стрелы.

Пещеры Козшаян. Пять небольших карстовых полостей находятся в долине верхнего течения р. Шаян, в 6 км выше с. Алгабас. Пещеры выработаны карстовыми процессами в скальном массиве Козшаян. Абсолютная высота днища долины на этом участке составляет 650 м. Самая большая пещера находится по правому борту долины на высоте 866 м над ур. м. Пещера труднодоступна, вход размером примерно 4 × 5 м расположен в отвесном скальном уступе на относительной высоте ок. 5 м. Полость уходит вглубь скалы на несколько метров в виде просторного, постепенно сужающегося коридора. Рыхлые отложения в пещере практически отсутствуют.

Рядом на том же уровне расположена еще одна пещера меньшего размера, также без рыхлых отложений. Две маленькие, но далеко уходящие вглубь скалы пещеры диаметром 1,5 м находятся на абсолютной отметке 900 м. Полости заполнены маломощным слоем красного суглинка, видимо, переотложенной корой выветривания. На вершине г. Козшаян, над пещерами, на небольшой выровненной площадке выходов красноцветных отложений найден отщеп с ретушью из микрокварцита. По левому борту долины, в отвесном уступе скалы на высоте ок. 800 м над ур. м. визуально зафиксирована пещера, вход в которую возможен только при наличии специального снаряжения.

Пещера Маятас. Полость, выработанная в останце доломитов, находится на правом берегу р. Беркуты в 7 км юго-восточнее с. Маятас. Пещера расположена на высоте 383 м над уровнем моря и 7 м над уровнем реки. Вход в пещеру подпрямоугольной формы, размером 3,0 × 2,5 м. Свод пещеры резко опускается от капельной линии вглубь полости, где она сужается до узкого лаза диаметром 0,5 м. Шурфами возле капельной линии и в 3 м от входа вскрыты пылеватые голоценовые отложения с современным обломочным материалом (мощностью до 0,6 м), залегающие на скальном основании. На небольшой предвходовой площадке обнаружены фрагменты лепной тонкостенной неорнаментированной керамики, скорее всего, раннего железного века, а также фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге.

В целом разведочные работы в предгорьях Улькен Актау показали перспективность открытия в этом карстовом районе стратифицированных стоянок в скальных убежищах, в т.ч. палеолитического времени. На активное заселение этой территории на разных этапах палеолита указывают многочисленные пункты сборов подъемного материала на выходах качественного каменного сырья, ближайшим и наиболее крупным из которых является местонахождение Кызылтау [Деревянко и др., 1996, 1998].

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Зенин А.Н. Исследование памятников каменного века с поверхностным залеганием артефактов на территории Южного Казахстана в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 75–77.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 80–81.

References

Derevianko A.P., Taimagambetov Zh.K., Bekseitov G., Petrin V.T., Zenin A.N. Issledovanie pamyatnikov kamennogo veka s poverkhnostnym zaleganiem artefaktov na territorii Yuzhnogo Kazakhstana v 1998 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. IV, pp. 75–77 (in Russ.).

Derevianko A.P., Taimagambetov Zh.K., Bekseitov G., Petrin V.T., Markin S.V., Efremov S.A. Issledovanie pamyatnikov kamennogo veka na severo-vostochnom sklone khrebta Karatau (Yuzhnyi Kazakhstan) v 1996 g. In *Noveishie arkheologicheskie i etnograficheskie otkrytiya v Sibiri.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996, pp. 80–81 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.194-197
УДК 903.01

М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Новые данные по украшениям из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол

В статье представлены результаты изучения технологии производства и функции изделий из серпентина-антигорита ранней стадии верхнего палеолита с многослойной стоянки Усть-Каракол. Установлено, что технология изготовления украшений подразумевала подбор, транспортировку сырья и получение заготовок, биконическое сверление и шлифовку. Вследствие хрупкости используемой отдельности серпентина этап перфорации преформ украшений предшествовал абразивной обработке их поверхностей. Трасологический анализ не выявил на изделиях следов утилизационного износа – внутри отверстия заготовки подвески отсутствуют следы стертости, а на фрагменте украшения с признаками шлифовки – следы макро- и микродеформаций.

Ключевые слова: *Горный Алтай, ранний верхний палеолит, каменные украшения, символическое поведение, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ.*

M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko, N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: winteralex2008@gmail.com

New Data on the Serpentine Personal Ornaments of the Early Upper Palaeolithic from Ust-Karakol Site

The article describes the main results of the study of technology and the function of serpentine-antigorite artifacts from the Upper Paleolithic assemblages of the Ust-Karakol site. It was established that the techniques of manufacturing stone ornaments included selection and transporting of a raw material, blank producing, processing by biconical drilling and grinding. Due to the fragility of the used serpentine nodule, the stage of preforms perforation preceded the treatment of their surfaces with abrasives. The traceological analysis did not reveal any use-wear traces on the products – there are no signs of wear inside the hole on the blank, as well as use-wear traces of macro- and micro-deformations on a fragment of the finished personal ornament with signs of polishing.

Keywords: *Gorny Altay, Early Upper Palaeolithic, stone ornaments, symbolic behavior, use-wear analysis, technological analysis.*

Украшения из пород мягкого камня составляют важную часть предметов персональной орнаментации верхнепалеолитических обитателей Горного Алтая [Деревянко, Шуньков, 2004]. Среди таких изделий отдельное место занимают редкие поделки из серпентина, которые представлены в материалах ранней стадии верхнего палеолита многослойной стоянки Усть-Каракол, послуживших основой для выделения усть-каракольского индустриального варианта начала верхнего палеолита на Алтае.

Комплексный анализ каменных украшений позволяет проследить специфику отбора и транспортировки редких видов минерального сырья, выявить основные технические приемы их изготовления, определить технологическую вариабельность палеолитических индустрий, моделировать стратегии мобильности их носителей. Изучение следов обработки и утилизации изделий из серпентина выполнено на основе технологического и трасологического анализов с помощью микроскопов МБС-10 и Olympus BHM, фотокамеры Canon EOS

7D и объектива EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM. Диагностика минерального сырья изделий выполнена канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик с использованием микроскопа МБС-10.

Для производства этих изделий использовалась одна из разновидностей минерала серпентина – антигорит ($Mg_6[Si_4O_{10}](OH)_8$) светлого зеленовато-желтого цвета. Коллекция предметов из серпентина включает одну заготовку подвески с отверстием и три фрагмента другого украшения, два из которых аппликируются. Заготовка подвески была обнаружена в раскопе 1995 г. на участке кв. 9/10, в литологическом горизонте 9.2 [Природная среда…, 2003]. Три небольших фрагмента украшения были выявлены в 2016 г. при разборе коллекции неопределимых обломков фауны из раскопа 1995 г. Стратиграфический и планиграфический контекст этих фрагментов близок условиям залегания заготовки подвески – стратиграфический горизонт 9.3, участок кв. 7/11.

Заготовка подвески (19 × 14 × 3,5 мм) (см. *рисунок*, *1*) имеет форму неправильного шестиугольника, уплощенный подпрямоугольный профиль и частично фрагментированное биконически сверленое отверстие (диаметром 3–5,5 мм) в центре. Одна из ее широких сторон имеет гладкую блестящую естественную поверхность со штрихами зеркала скольжения, на другой стороне отмечены следы раскалывания, вероятно, искусственного происхождения. На верхней и нижней гранях, а также на части правой боковой грани зафиксированы следы слома, на левой грани – следы фрагментации по отверстию, возникшие в процессе обработки. Следы применения абразивной обра-

Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол.

1 – заготовка подвески со сверленым биконическим отверстием; *2* – фрагмент украшения со следами шлифовки; *3* – фрагмент украшения.

ботки, строгания или скобления на этом изделии не прослежены.

Крупный фрагмент украшения (11 × 9,5 × 3,5 мм) (см. *рисунок*, *2*) составлен из двух частей. Изделие имеет подпрямоугольную форму и плоско-выпуклое поперечное сечение. На выступающих участках микрорельефа выпуклой стороны артефакта прослеживаются локальные уплощенные поверхности со следами шлифовки. На этой же стороне справа шлифовкой сформирована фаска, скошенная под углом 45° к продольной оси предмета. Уплощенные участки со следами абразивной обработки зафиксированы также на плоской стороне украшения. Большая часть боковых граней изделия фрагментирована в результате слома.

Второй фрагмент меньших размеров (4,7 × 2 × 1,5 мм) (см. *рисунок*, *3*) имеет подпрямоугольную форму и уплощенно-линзовидное поперечное сечение. Этот предмет представляет собой обломок, полученный, вероятно, при фрагментации целого украшения. На обеих плоских сторонах фрагмента присутствуют следы раскалывания. Трасологический анализ этого предмета не выявил явных следов его обработки.

Идентичность в цвете, текстуре и характере поверхности всех фрагментов свидетельствуют о том, что они являются, скорее всего, частями единого украшения. Кроме того, незначительные отличия в оттенках цвета и обработке подвески и фрагментов украшения, а также совпадение других характеристик сырья указывают на то, что эти предметы могли быть изготовлены из одной отдельности сырья.

Результаты исследований показали, что исходными заготовками для этих украшений служили отдельности серпентина-антигорита, полученные с помощью каменного отбойника, или готовые к использованию тонкие уплощенные фрагменты, собранные на выходах сырья. Отсутствие на заготовке подвески следов абразивной или другой обработки указывает на то, что сверление отверстия было произведено без предварительной подготовки ее поверхности. Характер отверстия свидетельствует о плавности процесса сверления и использования каменного инструмента с относительно широкой симметричной рабочей частью треугольной формы диаметром до 6 мм. Такое орудие применялось в начальной стадии сверления для формирования сквозного отверстия в виде широкого усеченного конуса. Затем отверстие рассверливалось во встречном направлении с противоположной стороны. Отметим, что на этом изделии отсутствуют следы выравнивания канала сверления путем расточки, а также следы износа поверхности.

На заключительном этапе изготовления украшений из серпентина применялась абразивная обработка поверхности. На крупном фрагменте украшения сохранились следы шлифовки в виде параллельных рядов длинных и тонких рисок-борозд, приуроченных к отдельным выступающим участкам поверхности и к одной из боковых граней. Прием шлифовки использовался для выравнивания неровностей рельефа поверхности преформы и заглаживания ее боковых граней для получения изделия заданной формы.

Морфология заготовки подвески свидетельствует о ее деформации на финальной стадии сверления отверстия. Невысокая твердость и скрытая трещиноватость серпентина-антигорита, обусловленная слоистостью исходной отдельности, стали, скорее всего, основной причиной неконтролируемого расслоения и продольной/поперечной фрагментации заготовки в процессе сверления – перпендикулярно направлениям слоистости.

Трасологический анализ украшений не выявил следов их утилизационного износа. Так, внутри отверстия заготовки подвески отсутствуют следы стертости, а на фрагменте украшения с признаками шлифовки – следы макро- и микродеформаций.

Результаты исследования позволили определить основные этапы и приемы производства украшений из серпентина. В качестве исходной заготовки для изготовления украшений использовались отдельности сырья мелкой размерности или тонкие уплощенные сколы. В процессе обработки применялось биконическое сверление и шлифовка изделий. При этом этап перфорации преформы предшествовал абразивной обработке поверхности украшения. Такая технологическая особенность отмечена также при изготовлении украшений из другого достаточно хрупкого поделочного материала, распространенного в палеолите Северной и Центральной Азии, – бусин из скорлупы яиц страуса [Волков, Гладышев, Нохрина, 2015].

Список литературы

Волков П.В., Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Технология изготовления украшений из скорлупы яиц страуса и камня (по материалам пещеры Чихэн, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 41–44.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Derevyanko A.P., Shunkov M.V. The formation of the Upper Paleolithic traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, vol. 3, pp. 12–40 (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya. Usloviya obitaniya v okrestnostiakh Denisovoj peschery / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadjanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulyanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Volkov P.V., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I. Tekhnologiya izgotovleniya ukrasheniy iz skorlupy yaits strausa i kamnya (po materialam peshchery Chikhen, Mongoliya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. 21, pp. 41–44 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.198-202
УДК 903.01

М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры

Коллекция персональных украшений ранней стадии верхнего палеолита из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры включает 18 предметов. Изделия представлены кольцом, плоскими и объемными бусинами, заготовками со следами перфорации и резания, орнаментированными пронизками, подвесками с кольцевой нарезкой или сверленым отверстием. Для изготовления этих украшений использовались бивень мамонта, зубы животных, трубчатые кости млекопитающих и птиц, поделочные породы камня. В отдельную категорию выделены артефакты, связанные с использованием красящих веществ. В результате исследования реконструирован процесс изготовления украшений, включавший последовательную реализацию короткого и длинного набора операций. Трасологический анализ позволил выявить следы использования украшений.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, ранний этап верхнего палеолита, персональные украшения, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ.*

M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko, M.B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: winteralex2008@gmail.com

The Early Upper Palaeolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave

Layer 11 from the Southern Chamber of Denisova Cave yielded a collection of the early Upper Palaeolithic personal ornaments that comprises 18 objects. The collection includes a ring, flat and volumetric beads, blanks showing traces of perforation and cutting, ornamented tubular beads, pendants with annular cuts or drilled holes. The ornaments were made of mammoth ivory, animal teeth, tubular bones of mammals and birds, as well as gem stones. The artifacts showing the use of pigments constitute a separate category. The process of ornament manufacturing has been reconstructed; it involved progressive implementation of short and long chains of operations. Traceological analysis has shown use-wear signs on the ornaments.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, early Upper Palaeolithic, personal ornaments, experimental use-wear analysis, technological analysis.*

В 2018 г. в ходе исследования плейстоценовых отложений слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры были обнаружены предметы персональной орнаментации раннего этапа верхнего палеолита. Приемы изготовления этих изделий реконструированы с помощью экспериментально-трасологического и технологического методов. Для анализа и фиксации следов изготовления и износа использовались микроскопы МБС-10 и Olympus BHM, зеркальная камера Canon EOS 5D mark IV с объективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM. Фаунистические определения выполнены д-ром биол. наук А.К. Агаджаняном и канд. биол. наук С.К. Васильевым, петрографические определения – канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик.

Коллекция персональных украшений включает 5 изделий из бивня мамонта, 3 – из зубов животных, 3 – из кости и 7 предметов из поделочных пород камня.

Украшения из бивня представлены кольцом, двумя строгаными пластинами и двумя бусинами. Кольцо округлой в плане формы с уплощенно-лин-

Рис. 1. Персональные украшения из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1, 2 – заготовки бусин из бивня; *3* – заготовка украшения из кости; *4* – кольцо из бивня; *5, 8* – подвески из зубов млекопитающих; *6, 7* – бусины из бивня; *9, 10* – пронизки из трубчатых костей млекопитающих.

зовидным поперечным сечением стенок (рис. 1, *4*). Диаметр кольца – 26,0 мм, ширина стенок – 6,1 мм, толщина – 1,8–5,2 мм, диаметр внутренней окружности – 16,6 мм. Заготовкой изделия служил массивный скол бивня, отделенный в продольном направлении. На внутренней стороне кольца зафиксированы удлиненные субпараллельные борозды от строгания. На уплощенных сторонах стенок изделия имеются следы шлифовки в виде тонких параллельных рисок. Внешние края кольца заглажены в результате использования, шлифовки и полировки. Трасологический анализ изделия выявил следы износа – заполировку, мелкие разнонаправленные линейные следы и микровыбоины.

Впервые в Денисовой пещере обнаружена пластина из бивня, представленная тремя фрагментами с шестью отверстиями, расположенными линейно вдоль продольной оси изделия (рис. 1, *1*). Пластина

подпрямоугольной формы с линзовидным поперечным сечением, ее длина достигает 92,5 мм, ширина – 9,4–16,7 мм, толщина – 3,8–5,0 мм. Заготовкой пластины служил удлиненный скол бивня, отделенный в тангенциальном направлении. Скол был обработан строганием, после чего на его поверхности с двух сторон каменным орудием с узкой режущей кромкой были прорезаны биконические отверстия. Расстояние между отверстиями 11,0–11,4 мм. Два отверстия в нижней части изделия (Ø 3,0 и 3,7 мм) имеют округлую в плане форму и относительно законченную морфологию, остальные отверстия (Ø 1,5–2,1 мм) с неровными краями только намечены с двух сторон сквозным прорезанием. Характер следов обработки позволяет предположить, что изделие было сломано на этапе оформления отверстий. В функциональном плане пластина является, скорее всего, заготовкой для изготовления крупных бусин.

Вторая пластина из бивня не перфорирована (рис. 1, *2*). Ее можно рассматривать как заготовку для изготовления бляшек с двумя отверстиями или мелких плоских округлых бусин. Изделие размером 32,8 × 9,1 × 3,4 мм имеет подпрямоугольную форму и уплощенно-линзовидное сечение. Поверхности заготовки тщательно обработаны строганием, одна из них расслоилась по конусам роста бивня. На продольном крае пластины оформлена клиновидная выемка, для последующего расчленения основы на преформы будущих украшений. Аналогичная строганая пластина (20,5 × 6,4 × 1,5 мм) изготовлена из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего (рис. 1, *3*).

Две бивневые бусины, размером 19,7 × 19,5 × 2 (рис. 1, *6*) и 10,2 × 9,2 × 2,5 мм (рис. 1, *7*), имеют округлую и подпрямоугольную форму, уплощенный и уплощенно-линзовидный профиль соответственно. В центральной части украшений расположено биконическое отверстие неправильной овальной (Ø 4,4 мм) или округлой (Ø 3,8 мм) формы со следами стертости. Лицевые стороны и боковые грани бусин выровнены и заглажены шлифовкой и полировкой.

Три подвески изготовлены из зубов *Capra sibirica* и *Ovis ammon*. Целое украшение (43 × 8,7 × 6,8 мм) имеет в корневой части зуба короткие глубокие нарезки для крепления (рис. 1, *5*). Длина нарезок составляет 4,1–4,5 мм, ширина – 0,8–1,0 мм. На внутренней стороне зуба выше нарезок зафиксированы неглубокие короткие пробные насечки. Вторая подвеска (19,1 × 12,3 × 7,2 мм) представлена проксимальным фрагментом со следами биконического сверления (рис. 1, *8*). Диаметр отверстия составляет 4,1–6,1 мм, внутри него имеются следы износа в виде стертости. Место сверления на подвеске перед перфорированием было уплощено строганием. Третье изделие – фрагмент заготовки подвески (27,6 × 12,7 × 10,5 мм) со следами удлиненных субпараллельных борозд от строгания в корневой части зуба.

Орнаментированные пронизки – 2 экз. Первое изделие (11,3 × 6,8 × 4,8 мм) цилиндрической формы с овальным сечением, изготовлено из трубчатой кости млекопитающего размера *Canis lupus* (рис. 1, *10*). Вторая пронизка (13,9 × 8,3 × 6,2 мм), изготовленная из трубчатой кости птицы размера *Tetrastes bonasia*, продольно и поперечно фрагментирована (рис. 1, *9*). При изготовлении пронизок эпифизы кости удалялись с помощью глубокого кругового разрезания и последующего слома. На первом изделии плоскости надрезов расположены под углом 70–90° к его длинной оси. На заключительном этапе изготовления на поверхность украшений наносились нарезки. Они сгруппированы в три блока по 2–3 линии. Ширина нарезок – 2,7–5,1 мм, глубина – 0,3–0,6 мм, расстояние между ними – 2,6–4,8 мм. Третью пронизку украшают восемь длинных поперечных параллельных линий, шириной 0,3–0,6 мм и глубиной 0,2–0,5 мм, прорезанных возвратно-поступательными движениями каменным орудием с V-образным лезвием.

Подвеска и четыре бусины изготовлены из поделочных пород камня. Подвеска (29,5 × 21,9 × × 7,4 мм) из гальки белого мрамора имеет овальную форму и линзовидное поперечное сечение (рис. 2, *1*). В центральной части изделия с помощью биконического сверления оформлено отверстие Ø 4,6 мм. Две бусины из бледно-желтого талька имеют округлую в плане форму и шестигранный профиль (рис. 2, *2*, *4*). Длина этих изделий составляет 13,3–13,9 мм, ширина – 12,3–12,6 мм, толщина – 5,2 мм. В центральной части каждой бусины расположено биконически просверленное отверстие (Ø 3,0 и 3,4 мм). Идентичность сырья и практически одинаковые размеры этих бусин свидетельствуют об их принадлежности, по всей вероятности, к единому составному украшению типа ожерелья. Еще две бусины из белого мелкозернистого мрамора представлены целым (9,6 × 8,4 × 1,9 мм) и фрагментированным (7 × 3,8 × 1,5 мм) изделиями (рис. 2, *3*, *5*). Украшения округлой формы, с уплощенным профилем и биконическим отверстием в центре; их лицевые стороны тщательно обработаны шлифовкой и полировкой.

Отдельную категорию в коллекции составляют артефакты, связанные с производством и использованием красящих веществ. Обломок твердого минерального пигмента (32,8 × 19,2 × 10,1 мм) темно-бордового цвета, оформленный в виде своеобразного карандаша (рис. 2, *7*). Он имеет под-

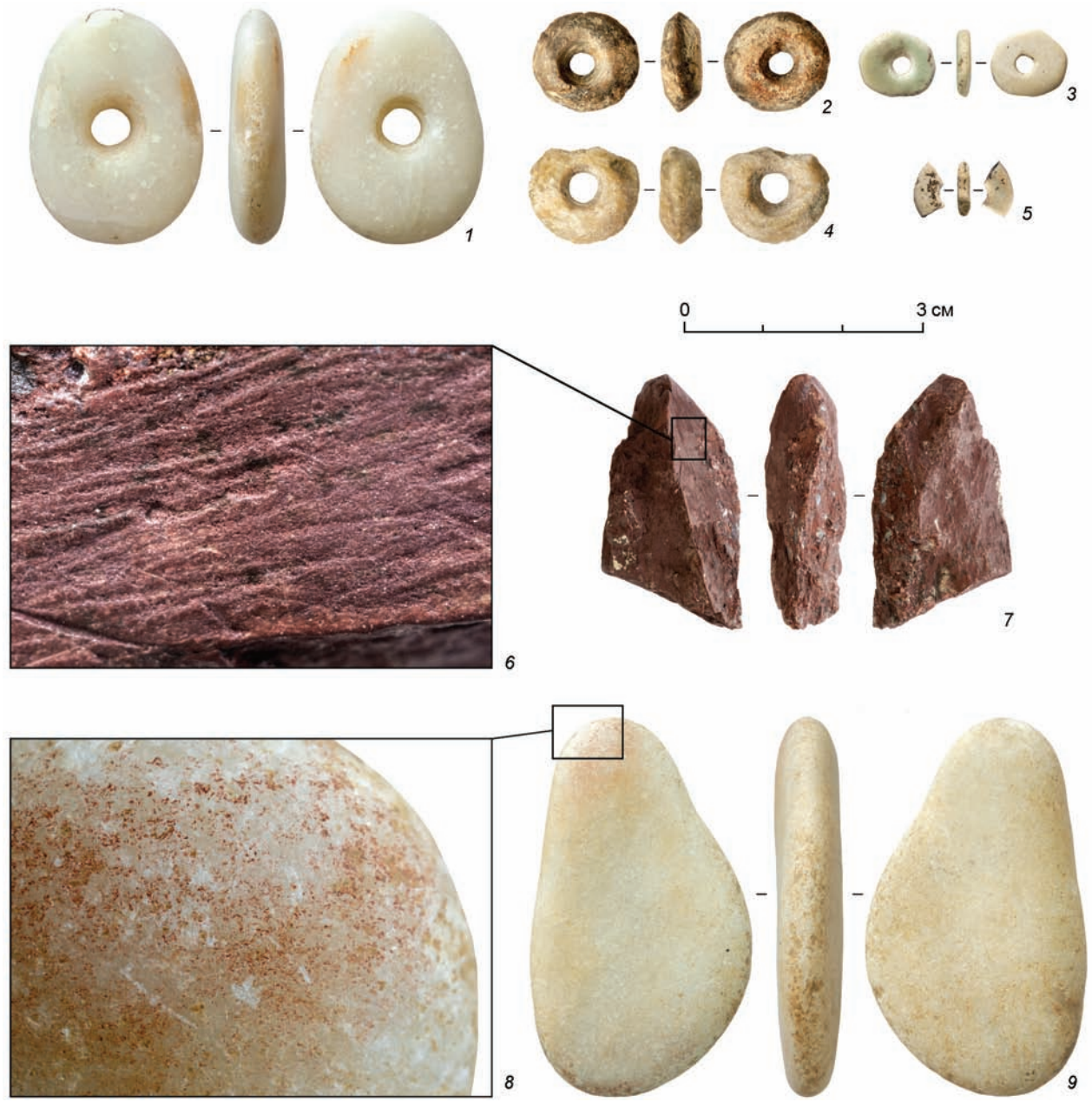


Рис. 2. Персональные украшения и артефакты, связанные с производством и использованием красящих веществ, из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – подвеска из мрамора; *2, 4* – бусины из талька; *3, 5* – бусины из мрамора; *6* – следы скобления на поверхности пигмента; *7* – обломок твердого красящего пигмента; *8* – следы охры на поверхности мраморной гальки; *9* – мраморная галька со следами растирания охры.

треугольную в плане форму, подпрямоугольное поперечное сечение в проксимальной и медиальной частях, трехгранное – в дистальной. На одной из поверхностей артефакта зафиксированы следы скобления в виде удлиненных линейных борозд, параллельных и субпараллельных оси изделия, сходящихся к дистальному окончанию (рис. 2, *6*). На выступающих участках поверхности изделия отмечены следы заглаженности и тусклой заполировки. Галька молочно-белого мрамора (47,4 × 27,7 × × 8,4 мм) со следами растирания охры имеет грушевидную форму и линзовидный профиль (рис. 2, *9*). Остатки красновато-охристого пигмента и следы износа в виде микровыбоин и коротких линейных зарубок группируются локально – на участке 12,5 × × 9,0 мм в верхней зауженной части гальки и в смежной зоне ее уплощенной поверхности (рис. 2, *8*).

Детальное изучение украшений ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи пещеры позволяет реконструировать процесс их изготовления, включавший последовательную реализацию короткого или длинного набора операций. Как от-

носительно простую и короткую технологическую последовательность можно рассматривать производство плоских бусин и объемных подвесок из мраморных галек. Изготовление бусин из бивня мамонта включало более длинную и строго последовательную операционную цепочку. Анализ заготовок из бивня со следами прорезанных или сверленых отверстий и выемок для отделения преформ позволил существенно дополнить сведения о начальных этапах производства бусин. Согласно новым данным, последовательность изготовления крупных округлых бусин включала получение удлиненных массивных сколов бивня, подготовку пластин-основ строганием, оформление отверстий двусторонним прорезанием и биконическим сверлением, вырезание преформ и завершающую шлифовку и полировку. При изготовлении мелких уплощенных бусин процесс вырезания преформ из пластин-основ мог предшествовать их перфорации.

Важное значение в изучении символического поведения палеолитических обитателей Горного Алтая имеют находки, связанные с использованием красящих пигментов. До находок этого года в Денисовой пещере такие артефакты были известны только среди материалов стоянки Кара-Бом в Центральном Алтае [Деревянко, Рыбин, 2003]. Дальнейшее археологическое и естественно-научное изучение остатков пигментов из отложений начала верхнего палеолита в Денисовой пещере позволит реконструировать древнейшие на территории Северной и Центральной Азии технологии использования красящих веществ.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта РФФИ (проект № 18-09-40100).

Список литературы

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

References

Derevianko A.P., Rybin E.P. Drevneysheye proyavleniye simvolicheskoy deyatelnosti drevnego cheloveka na Gornom Altaye. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003, vol. 3, pp. 27–50 (in Russ.).

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.205-208
УДК 903.43(571.55)«653»

В.В. Ахметов, С.В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Новые материалы по изучению домостроительства в Шилкинской системе городищ

Отряд ИАЭТ СО РАН продолжил исследования Усть-Чёрнинского городища в Сретенском р-не Забайкальского края. В западине № 2 (раскопки 2014 г.) обнаружены остатки сгоревшей жилой постройки. Архитектура жилища в целом не отличается от раскопанных ранее на городище полуземлянок. В четырех углах котлована зафиксированы углубления от опорных столбов. Слеги перекрытий располагались по диагонали к центру жилища. Основные находки – фрагменты сосудов троицкого типа мохэской археологической культуры, отдельные железные изделия. Под нарами в жилище было обнаружено ритуальное захоронение свиньи. Череп животного был помещен отдельно под северными нарами, остальные кости под восточной частью нар. Таким образом, был получен дополнительный материал для исследования домостроительства насельников шилкинских городищ. Также было зафиксировано ритуальное жертвоприношение животного, которое ранее не встречалось на Усть-Чёрнинском городище.

Ключевые слова: *р. Шилка, Усть-Чёрнинское городище, мохэ, Шилкинская система городищ, жертвоприношения животных.*

V.V. Akhmetov, S.V. Alkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: alkin-s@yandex.ru

The New Data on Housebuilding in the Shilka System of Hillforts

The archaeological team of IAET SB RAS conducted archaeological field works in the Ust-Chyorninskoye fortified settlement in the Sretensky District of the Transbaikal Region. The team researched the pit-dwelling No. 2 where burnt remains of the dwelling were found. The architecture of the dwelling, in general, does not differ from the dwellings that were excavated before at this site. Holes from the pillars were noted in the four corners of the foundation pit. Rafters were located diagonally to the center of the dwelling. The main findings were fragments of Troitsky type vessels and iron items. The ritual pig burial was noted under the plank bed in the dwelling. The skull of the animal was placed separately under the northern plank bed, the remaining bones under the eastern part of the plank bed. Additional material for the research of the housebuilding of the inhabitants of the Shilka fortified settlements was collected. Ritual sacrifice of the animal was discovered for the first time in the Ust-Chyorninskoye fortified settlement.

Keywords: *the Shilka river, Ust-Chyorninskoye fortified settlement, Mohe, the Shilkinsky system of fortified settlements, sacrifice of animals.*

Средневековые городища в долине Шилки впервые были описаны в 1915–1916 гг. [Черенщиков, 1992, с. 8]. В 1953–1954 гг. исследования в этом районе проводила Дальневосточная археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института истории материальной культуры. Эта экспедиция в том числе обследовала Усть-Чёрнинское городище [Окладников, Ларичев, 1999]. В полевые сезоны 2007–2011 гг. исследования Усть-Чёрнинского городища осуществлялись совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и Забайкальского краевого краеведческого музея (ЗККМ). В 2007 г. раскопочные работы на городище проводились в южной части памятника. Объектом исследования являлась западина № 61, в которой было найдено жилище с относительно хорошо сохранившейся конструкцией [Алкин и др., 2007]. В 2008 г. была раскопана расположенная рядом с изученной в предыдущем году

западина № 62 [Алкин и др., 2008]. В ней зафиксирована полуземлянка с остатками сгоревшей кровли и несущих конструкций. В том же году была исследована и западина № 63, меньших размеров, чем предыдущие. Учитывая наличие остатков каменной конструкции и мощного прокала в западине в совокупности с многочисленными находками шлака и кусочков железа в межжилищном пространстве, можно предположить, что плавка металла происходила в пределах городища. В 2009 г. изучались конструктивные особенности северо-восточного углового сочленения оборонительной системы (предварительные работы производились в этой части городища в 2008 г.) [Алкин, Нестеренко, 2009]. В 2010 г. была изучена одна из самых крупных по площади западин – № 76. В своей основе архитектура жилища, обнаруженного в западине, не отличается от раскопанных ранее [Алкин, Нестеренко, 2010]. В 2011 г. над западинами № 65 и № 66 был разбит раскоп, в западине № 65 найдена полуземлянка с перекрытием в виде четырехскатной крыши [Алкин, Нестеренко, Колосов, 2011]. В западине № 66 обнаружено жилище, конструкция которого в целом является традиционной для изучаемого памятника. Итого в 2007–2011 гг. на городище исследовано пять жилых построек типа полуземлянок и одна хозяйственная постройка.

По плану изучения городища с целью уточнения внутренней хронологии памятника и получения образцов для радиоуглеродного анализа в 2014 г. работы производились в восточной его части, где была исследована западина № 2, которая располагалась в непосредственной близости от линии фортификации.

Западина № 2 имела размеры 5 × 5,5 м при глубине 0,55 м (см. *рисунок*). Площадь раскопа, заложенного над западиной, составила 63 м^2.

Конструкция верхних перекрытий жилища сохранилась, в сравнении с раскопанными ранее жилищами, достаточно хорошо. В четырех углах котлована зафиксированы углубления от опорных столбов. Слеги перекрытий располагались по диагонали к центру жилища. Меньше всего фрагментов перекрытий осталось в южной части западины. В плане жилище трапециевидной формы – южная сторона несколько длиннее северной. Размеры сторон жилища: северная – 4 м, восточная – 4,25 м, западная – 4,2 м, южная – 4,75 м. Глубина котлована 0,5–0,6 м. Жилища, раскопанные в предыдущие годы, в плане имели подквадратную форму. Жилище в западине № 2 имеет некоторые отличия. Вход в него, скорее всего, мог располагаться с южной стороны, что в том числе объясняет и относительно плохую сохранность перекрытий именно с южной стороны. Перекрытий с юга, при наличии там входа, было меньше, чем с других сторон, поэтому и сохраниться они должны были хуже. Также по центру южной стенки располагался плоский камень, который мог выполнять функцию приступочного камня на входе. Предположительно над входом имелся навес, от которого сохранились несколько столбовых ямок.

Спальные места (нары), вероятнее всего, располагались по трем сторонам котлована западины, исключая сторону входа. Эти сооружения внутреннего убранства имели худшую сохранность. Были зафиксированы лишь отдельные их элементы – поперечные плашки, располагавшиеся перпендикулярно стенкам жилища.

В центре жилища находился очаг округлой формы. Вокруг очажного углубления обнаружены фрагменты крупных камней, которые, вероятно, использовались для обкладки очага. Основные находки в пределах жилища располагались на полу и в пристеночной части. Находок было относительно немного, что является характерной особенностью городища и может быть объяснено тем, что жилища сгорели, уже будучи оставленными населением. Керамическая коллекция из жилища № 2 представлена преимущественно фрагментами сосудов троицкого типа мохэской археологической культуры. В частности, в юго-восточном углу жилища рядом с угловым столбом найдены фрагменты венчика сосуда троицкого типа с налепным валиком. В северо-западном углу котлована рядом с угловым опорным столбом найден однолезвийный нож с черенком (дл. 15 см). Изделия из металла и ранее встречались в жилищах относительно редко: вряд ли такого рода предметы могли быть оставлены в покинутом жилище. На уровне пола жилища зафиксированы фрагментированные кости животных. А при разборе слоя под нарами у северной стенки жилища был обнаружен череп свиньи (*Sus scrofa domesticus*, определение канд. биол. наук С.К. Васильева). Он находился в специально подготовленном углублении под центральной частью нар. Череп был уложен глазницами вверх и был обращен на юг, к месту предполагаемого входа в жилище. Под восточными нарами также были обнаружены кости свиньи. Возможно, череп и кости принадлежали одной особи. Судя по размещению костей и черепа, они были специально помещены под нары в вертикальные углубления, вероятно, еще до начала сооружения самих нар. Можно предположить, поскольку западина № 2 располагается на восточной оконечности памятника, что с этого жилища и соседних с ним начиналось возведение жилых и хозяйственных построек внутри фортификационных сооружений городища. В раскопанных на западной оконечности городища жилищах встречались отдельные кости животных, которые, по всей

Усть-Чёрнинское городище, план жилища № 2 на уровне разбора кровли.

видимости, являлись остатками бытовой деятельности, а не ритуальных действий. В жилищах мохэ отдельные кости свиней находят регулярно («часто на деревянных полках лежали кости свиней» [Деревянко Е.И., 1991, с. 84]).

Стоит отметить, что в трех жилищах городища Проезжая-I, которое также относится к системе шилкинских городищ и располагается в 3 км ниже по течению р. Шилки, найдены ритуальные захоронения собак [Ковычев, 2009, с. 176].

Феномен ритуальных захоронений животных в жилищах шилкинских городищ требует отдельного исследования. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что у мохэсцев и в забайкальской части их расселения было развито свиноводство [Васильев, Алкин, 2017, с. 153], поэтому свинья в качестве ритуального животного не вызывает удивления. Погребение молодой особи домашней свиньи было ранее отмечено на ритуальном объекте в непосредственной близости от Усть-Чёрнинского городища, которое по результатам абсолютного датирования относится ко времени существования Шилкинской системы городищ, а по особенностям могильных сооружений находит прямые аналогии в мохэской археологической культуре троицкого типа, где свинья активно использовалась в погребальном обряде [Ахметов, Алкин, 2012, с. 161–162; Деревянко А.П. и др., 2008, с. 180–182]. Чжурчжэни приносили в жертву собак и свиней для изгнания из больного злых духов, а также при проведении погребального обряда [Ларичев, 1998, с. 53, 58–59]. Обнаружение следов жертвоприношения свиньи на Усть-Чёрнинском городище, как и новые материалы по изучению жилищ-полуземлянок системы Шилкинских городищ открывают дополнительные перспективы изучения домостроительства у тунгусоязычных мохэ в крайней западной части ареала их культуры.

Список литературы

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Изучение фортификации Усть-Чёрнинского городища в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 200–203.

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 138–144.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 168–172.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С.127–130.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 116–121.

Ахметов В.В., Алкин С.В. Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 160–163.

Васильев С.К., Алкин С.В. Фаунистические остатки из средневекового Усть-Чёрнинского городища в Юго-Восточном Забайкалье // Universum Humanitarium. – 2017. – № 2 (5). – С. 150–162.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. – Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. – Вып. 1, ч. 1. – 218 с.

Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 158 с.

Ковычев Е.В. О некоторых знаковых аспектах изучения Шилкинских городищ // Социогенез в Северной Азии: мат-лы 3-й Всерос. конф. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. техн. ун-та, 2009. – С. 170–177.

Ларичев В.Е. Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи // История Золотой империи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 288 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Черенщиков О.Ю. Очерки древней истории Шилки. – Сретенск: [Б.и.], 1992. – 34 с.

References

Akhmetov V.V., Alkin S.V. Razvedochnye raboty v rayone Ust'-Chyorninskogo gorodishcha. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 160–163 (in Russ.).

Alkin S.V., Nesterenko V.V. Izuchenie fortifikatsii Ust'-Chyorninskogo gorodishcha v Vostochnom Zabaikalye. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 200–203 (in Russ.).

Alkin S.V., Nesterenko V.V. Raboty na Ust'-Cherninskom gorodishche v 2010 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 138–144 (in Russ.).

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Kolosov V.K. Raboty na Ust'-Cherninskom gorodishche v 2011 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 127–130 (in Russ.).

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Kolosov V.K., Moroz P.V. Polevye issledovaniya v Sretenskom rayone Zabaikal'skogo kraya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, vol. XIV, pp. 116–121 (in Russ.).

Alkin S.V., Nesterenko V.V., Vasil'ev S.G., Kolosov V.K. Issledovaniya na gorodishche Ust'-Chernaya v Sretenskom rayone Chitinskoy oblasti. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 168–172 (in Russ.).

Cherenshchikov O.Yu. Ocherki drevney istorii Shilki. Sretensk: [S.n.], 1992, 34 p. (in Russ.).

Derevyanko A.P., Kim Bon Gon, Nesterov S.P., Choy Men Sik, Hon Hyon U, Alkin S.V., Subbotina A.L., Yu Yn Sik. Materialy i issledovaniya rossiysko-koreyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Zapadnom Priamury'e. Raskopki rannesrednevekovogo Troitskogo mogil'nika v 2007 godu. Tedzhon: Izd-vo In-ta kul'turnogo naslediya, 2008, iss. 1, pt. 1, 218 p. (in Russ.).

Derevyanko E.I. Drevnie zhilishcha Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1991, 158 p. (in Russ.).

Kovychev E.V. O nekotorykh znakovykh aspektakh izucheniya Shilkinskikh gorodishch. In *Sotsiogenez v Severnoy Azii: materialy 3-i Vseros. konf.* Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. tekhn. un-ta, 2009, pp. 170–177 (in Russ.).

Larichev V.E. Kratkiy ocherk istorii chzhurchzheney do obrazovaniya Zolotoy imperii. In *Istoriya Zolotoy imperii.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 288 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v basseyne Amura v 1954 godu. In *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur. State Univ. Press, 1999, iss. 2, pp. 4–29 (in Russ.).

Vasil'ev S.K., Alkin S.V. Faunisticheskie ostatki iz srednevekovogo Ust'-Chyorninskogo gorodishcha v Yugo-Vostochnom Zabaykaly'e. In *Universum Humanitarium*, 2017, iss. 2, pp. 150–162 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.209-213
УДК 903.02

Н.В. Басова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bass15@yandex.ru

Керамика из могильника бронзового времени на поселении Турист-2 в Новосибирске

Представлены результаты анализа комплекса керамики из могильника раннего бронзового века на поселении Турист-2. Определены характерные черты керамики: морфология, технология, орнаментация сосудов. Затронуты некоторые технологические аспекты изготовления керамики. Установлено, что сосуды сконструированы жгутовым способом. Основная форма сосудов – баночная, за исключением одного сосуда-«пиалы». В орнаментике преобладают простые композиции, выполненные оттисками «шагающей» гребенки, ложнотекстильные отпечатки, насечки. Керамика могильника соотносится с двумя археологическими культурами: крохалевской и кротовской. Керамика и другие находки из погребений имеют аналогии в крохалевских и кротовских древностях.

Ключевые слова: *ранняя, развитая бронза, Приобье, керамика, крохалевская, кротовская культуры.*

N.V. Basova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: bass15@yandex.ru

Ceramics from the Bronze Age Burial Ground at the Tourist-2 Settlement in Novosibirsk

The results of the analysis of the ceramic complex from the early Bronze Age burial ground at the Tourist-2 settlement are presented. The characteristic features of ceramics: morphology, technology, ornamentation of the vessels – are described. Some technological aspects of the pottery manufacturing are specified. The vessels were handmade of clay coils. The majority of the vessels are jar-shaped, except for the one bowl-shaped vessel. The major ornamentation motifs represent simple compositions of prints of stepping comb, "textile" imprints and incisions. Pottery of the Krokhalevo and Krotovo archaeological cultures has been identified. Ceramics and other grave goods are similar to the Krokhalevo and Krotovo relics.

Keywords: *Early Bronze Age, Ob River Region, ceramics, Krokhalevo and Krotov cultures.*

В результате археологических раскопок 2017 г. поселения Турист-2 на его площади был обнаружен могильник, состоящий из 21 погребения [Басова и др., 2017, с. 510]. Погребения могильника бронзового века совершены по обряду трупоположения. Умершие укладывались в могильную яму на спину в вытянутом положении, головой на север. Погребальный инвентарь состоял из украшений, орудий из камня, кости, незаурядных предметов мобильного искусства. Важной составляющей, отраженной в погребальной практике рассматриваемых захоронений, явилось наличие в составе сопроводительных материалов керамических сосудов, которые выступили культурно-хронологическим индикатором могильника.

Все исследуемые сосуды располагались в могилах в районе черепа или костей ног погребенных. Они зафиксированы в пяти могилах (5 целых сосудов и 4 фрагмента). Емкости не имели следов умышленной порчи перед помещением в погребение, были целыми или археологически целыми. Один из сосудов (погр. 20) обнаружен абсолютно целым, поэтому он не имеет следов склейки.

Далее приведены описания керамики из разных погребений.

Погребение 3. Сосуд находился с северо-запада от черепа погребенного (рис. 1, *1*). Сосуд баночной формы, плоскодонный. Поверхность с внешней стороны украшена ложнотекстильным орнаментом, включая дно. Внутренняя сторона не орна-

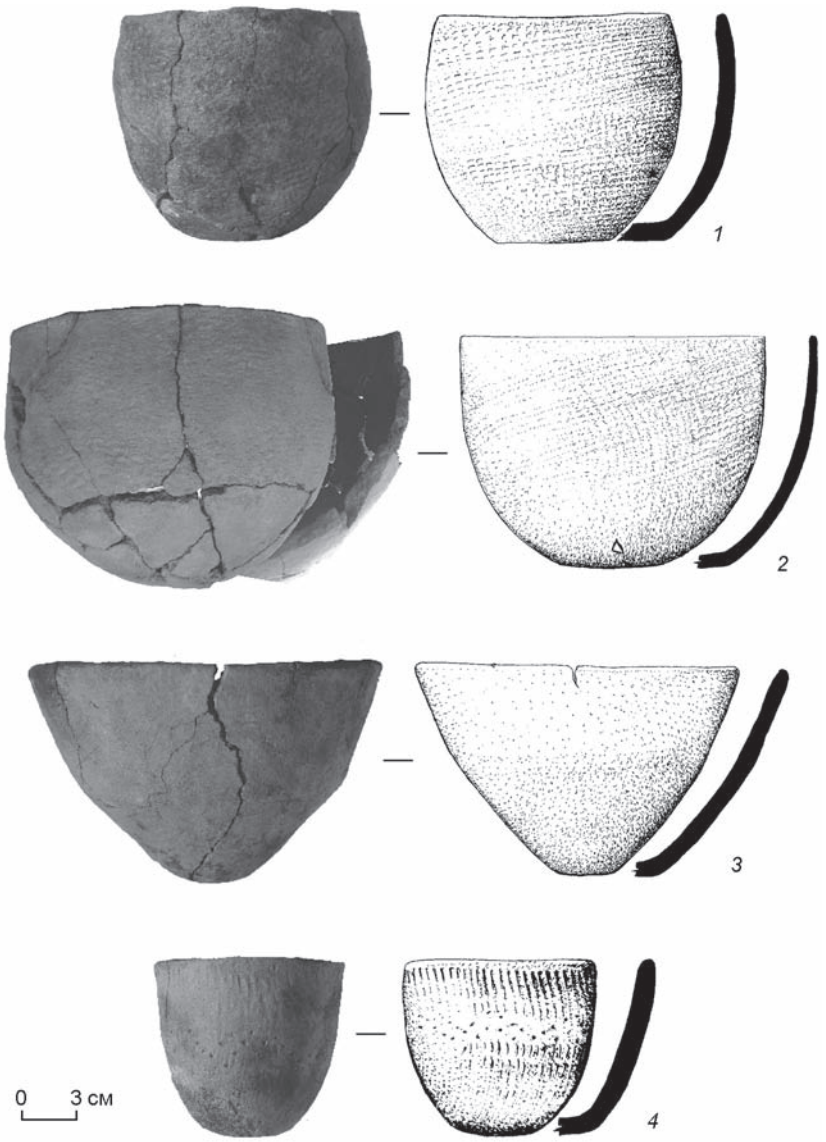


Рис. 1. Керамика из могильника на поселении Турист-2.
1 – погр. 3; *2* – погр. 13; *3* – погр. 20 (сосуд № 1); *4* – погр. 20 (сосуд № 2).

ментирована. Край венчика сосуда гладкий. Цвет теста темно-серый. С внутренней стороны емкости вся поверхность покрыта нагаром. Диаметр дна 6,5 см, высота сосуда 12,4 см, диаметр по венчику 13 см. В средней части сосуда по тулову диаметр увеличивается до 14,5 см. Толщина стенок 0,4 см. Сосуд отнесен к крохалевской культуре.

Погребение 10. Сосуд находился в юго-восточной части погребения, восточнее фрагментов костей ног погребенного (рис. 2, *1*). Сосуд баночной формы, верхняя половина стенок имеет небольшой наклон внутрь. Вся внешняя часть сосуда орнаментирована горизонтальными рядами оттисков тесно поставленной «шагающей» гребенки. Край венчика сосуда гладкий. Зафиксированы следы нагара с внешней и внутренней стороны. Дно плоское. Диаметр дна 8 см. Высота сосуда 28,5 см, диаметр по венчику 27 см. Толщина стенок 0,7–0,8 см. Сосуд отнесен к кротовскому типу керамической посуды.

Погребение 13. Сосуд баночной формы, плоскодонный (рис. 1, *2*). Находился в юго-западной части погребения, в ногах у погребенного. Поверхность с внешней стороны украшена ложнотекстильным орнаментом, включая дно. Внутренняя сторона сосуда не имеет следов дополнительной обработки. Край венчика сосуда гладкий. Цвет теста светло-коричневый, внутренняя сторона емкости покрыта ровным слоем нагара, поэтому имеет черный оттенок. На стенках сосуда видны следы заглаживания травой или щепой. Диаметр дна 6,5 см. Высота сосуда 14,2 см, диаметр по венчику 12 см, по туло-

ву – 13,2 см. Толщина стенок 0,7 см. Сосуд отнесен к крохалевской культуре.

Погребение 20. Сосуд обнаружен в юго-западной части погребения, в ногах у погребенного. Внутри него находился еще один сосуд меньшего размера. Первый сосуд плоскодонный, усеченно-конической формы – диаметр устья намного больше диаметра дна (рис. 1, *3*). Поверхность без орнамента, имеет следы заглаживания травой. Цвет изделия черный, в нижней части сосуда с внутренней стороны донышко окрашено в бурый цвет. Край венчика гладкий. Диаметр дна 3,5 см. Высота сосуда 11,5 см, диаметр по венчику 17,5 см. Толщина стенок 0,3–0,7 см. Сосуд отнесен к крохалевской культуре.

Второй сосуд баночной формы (рис. 1, *4*). Венчик имеет небольшой скос внутрь сосуда. Внутренняя поверхность тщательно заглажена. Цвет сосуда черный, как с внутренней, так и с внешней стороны. Внешняя часть сосуда орнаментирована горизонтальными рядами оттисков «шагающей» гребенки. В центральной части по тулову идут две горизонтальные полосы оттисков гребенчатого штампа, образующие зигзагообразные линии.

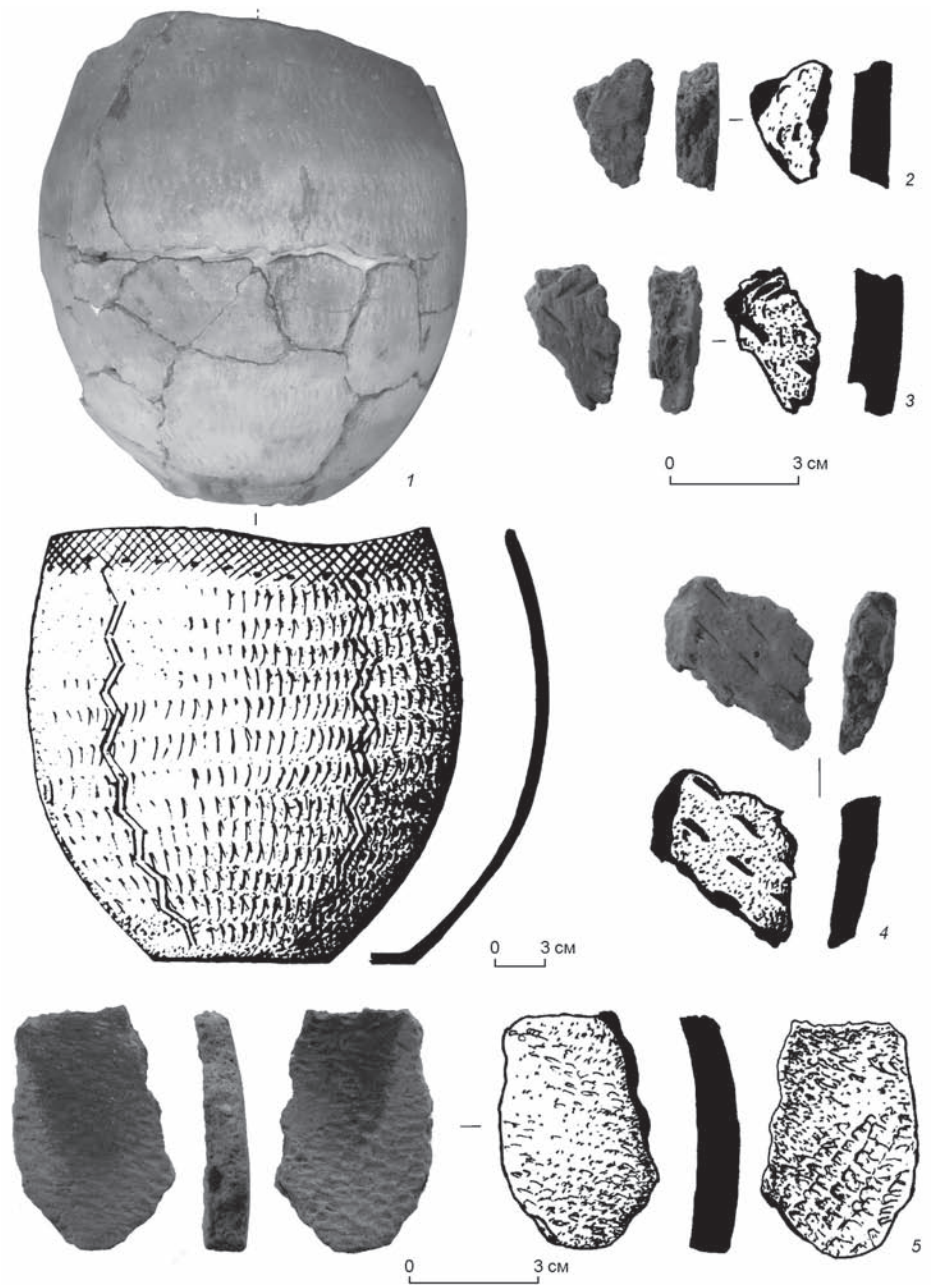


Рис. 2. Керамика из могильника на поселении Турист-2.

1 – погр. 10; *2* – погр. 22 (фрагмент № 3); *3* – погр. 22 (фрагмент № 2); *4* – погр. 22 (фрагмент № 4); *5* – погр. 22 (фрагмент № 1).

Дно плоское. Диаметр дна 4,6 см. Высота сосуда 8,5 см, диаметр по венчику 8,8 см. Толщина стенок 0,5 см. Сосуд отнесен к кротовскому типу посуды.

Погребение 22. Обнаружено четыре фрагмента керамики в северной части нарушенного погребения. Их принадлежность к погребальному комплексу условна (на памятнике фиксируются поселенческие слои развитой бронзы).

1. Фрагмент шириной 5,6 см, длиной 3,6, толщиной 0,9 см. Цвет светло-коричневый до темного. Структура теста плотная. Фрагмент покрыт ложнотекстильным орнаментом с внешней и внутренней стороны (рис. 2, *5*). Отнесен к крохалевской культуре.

2. Фрагмент шириной 3 см, длиной 1,6 см, толщиной 1 см. Цвет светло-коричневый, внутри стенки – серый. С внешней стороны черепка имеются следы тонких насечек. С внутренней стороны ложнотекстильный орнамент (рис. 2, *3*). Фрагмент отнесен к крохалевской культуре.

3. Фрагмент шириной 2,4 см, длиной 1,4 см, толщиной 0,7 см. Внешняя сторона светло-коричневая со следами гребенчатого штампа, внутренняя – черная, гладкая (рис. 2, *2*) Фрагмент отнесен к крохалевской культуре.

4. Фрагмент шириной 4,2 см, диной 2,3 см, толщиной 0,7 см. Цвет черепка светло-коричневый. Внешняя сторона фрагмента имеет две полосы тонких насечек (рис. 2, *4*). Фрагмент отнесен к крохалевской культуре.

Кратко охарактеризуем технологию изготовления керамики из могильника на поселении Турист-2. Она изготовлялась из теста с примесью кварцевого песка средних фракций. Общим технологическим приемом для посуды с ложнотекстильным орнаментом является обработка после формовки изделия с внешней (иногда и с внутренней) стороны инструментом, обернутым волокном, оставляющим характерные хаотичные небольшие углубления на поверхности изделия. Остальные емкости обрабатывались по сырой глине щепой или травой, отчего на поверхности изделия видны следы заглаживания. Сосуды сконструированы жгутовым налепом. Дно у всех емкостей уплощено. Все сосуды – это классические закрытые или открытые банки, кроме сосуда-«пиалы» из погр. 20.

Таким образом, представленная керамическая коллекция демонстрирует признаки двух известных керамических традиций. Сосуды из погр. 3, 13, а также фрагменты из погр. 22 украшены ложнотекстильными отпечатками, связанными с формовкой сосуда колотушкой, что характерно для крохалевской керамической традиции [Полосьмак, 1978, с. 37]. На некоторых сосудах эти следы присутствуют как на внешней поверхности, так и на внутренней. Еще два фрагмента из погр. 22 орнаментированы рядами тонких насечек.

Памятники крохалевской культуры со специфичной ложнотекстильной плоскодонной керамикой широко распространены на территории Западной Сибири (Притомье, Кузнецкая котловина, Новосибирское Приобье) [Бобров, Марочкин, 2016, с. 108; Сумин и др., 2013, с. 176]. В основном эти сосуды происходят из объектов поселенческого типа.

На фоне сосудов с ложнотекстильным орнаментом выделяются две емкости (погр. 10 и 20) с более разнообразным декором, чем у вышеописанных изделий. В их орнаментации активно использован мотив горизонтальных рядов «шагающей» гребенки. Кроме того, на изделиях присутствуют «сетка» и зигзагообразные полосы из двух линий оттисков прямо поставленного гребенчатого штампа, горизонтальные ряды ямок и наколов. Этот декор наиболее характерен для кротовской керамической традиции, хотя он присутствует и на керамике других культур эпохи бронзы [Молодин, 1977, 1985].

Свидетельства кротовской керамической традиции в памятниках раннего бронзового века (как поселенческих, так и погребальных) встречаются чаще, чем признаки крохалевской, и охватывают Приобье, лесостепную Барабу, лесостепное Прииртышье, Кулунду, Васюганье [Там же]. Однако наличие специфических черт погребального обряда и инвентаря, отличающихся от кротовского ритуального канона, не позволяет однозначно отнести могильник на поселении Турист-2 к кротовской культуре. Интересен тот факт, что на поселении кротовской культуры Преображенка-3 были зафиксированы фрагменты керамики крохалевского облика, и Н.В. Полосьмак, которая выделила ложнотекстильный орнамент по материалам поселения Крохалевка-4, отмечала «сосуществование племен носителей керамики крохалевского типа и кротовских племен» [Полосьмак, 1978, с. 39].

Можно предполагать, что керамический комплекс могильника на поселении Турист-2 представляет собой свидетельство тесного взаимодействия носителей двух керамических традиций, возможно образовавших один коллектив, который отличала своеобразная погребальная практика.

Благодарности

Автор искренне благодарит академика В.И. Молодина за ценную консультацию по археологическому материалу, полученному в ходе раскопок поселения Турист-2 в 2017 г., а также выражает признательность К. Борзых за реставрацию керамических сосудов.

Список литературы

Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А. Результаты охранно-спасательных раскопок на поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 509–512.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалевская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 4 (42). – С. 108–112.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 175 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалевка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–40.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. – 272 с.

References

Basova N.V., Postnov A.V., Nesterkina A.L., Akhmetov V.V., Morozov A.A. Rezul'taty okhranno-spasatel'nykh raskopok na poselenii Turist-2 v gorode Novosibirske v 2017 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. 23, pp. 509–512 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Krokhalevskaya kul'tura ranney bronzy na territorii Kuznetskoy kotloviny (spetsifika material'nogo kompleksa i khronologiya). In *Vestn. Tom. gos. un-ta. Ser.: Istoriya*, 2016, No. 4 (42), pp. 108–112 (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 175 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russ.).

Polosmak N.V. Keramichesky kompleks poseleniya Krokhalevka-4. In *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1978, pp. 36–40 (in Russ.).

Sumin V.A., Evteeva E.M., Anufriev D.E., Roslyakov S.G. Arkheologicheskie pamyatniki Kochenyovskogo rayona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: Research and production center for the preservation of historical and cultural heritage of the Novosibirsk Region, 2013, 272 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.214-218
УДК 902/904

В.В. Бобров[1–3], А.Г. Марочкин[2, 3], А.Ю. Юракова[2, 3], А.В. Веретенников[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Культурно-хронологическая планиграфия поселений Старый Московский Тракт-4 и Старый Московский Тракт-5 на северо-западе Барабинской лесостепи (предварительные выводы)

По результатам исследований 2016–2018 гг. на различных участках поселений Старый Московский Тракт (СМТ)-4, -5 представлены предварительные выводы о планиграфии комплексов неолита – раннего металла. Подробно рассмотрены материалы из раскопов 2018 г. Подтверждено наблюдение о планиграфической локализации комплекса гребенчато-ямочной общности на участках, удаленных к востоку от края террасы (юго-восточная периферия поселения СМТ-5 и северная часть поселения СМТ-4). В то же время характер связи гребенчато-ямочной керамики с жилищами № 1–8 поселения СМТ-4 остается не установленным. Данная проблема актуализирует исследование объектов на восточных участках.

Ключевые слова: *поселение Старый Московский Тракт-4, поселение Старый Московский Тракт-5, неолит, ранний металл, планиграфия, плоскодонная керамика, гребенчато-ямочная общность, Барабинская лесостепь.*

V.V. Bobrov[1–3], A.G. Marochkin[2, 3], A.Yu. Yurakova[2, 3], A.V. Veretennikov[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute for Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
[3]Kemerovo State University
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Cultural Planigraphy and Topochronology of the Stary Moskovsky Trakt-4 and Stary Moskovsky Trakt-5 Settlements in Northwestern Baraba Forest-Steppe (Preliminary Results)

Based on the results of 2016–2018 excavations of the Stary Moskovsky Trakt-4 and Stary Moskovsky Trakt-5 settlements, preliminary conclusions about the planigraphy of Neolithic and Early Metal Age complexes are presented. Materials of 2018 research are described. The artifacts attributable to the Comb-Pit cultural complex are located close to the eastern border of the terrace (southeastern periphery of the Stary Moskovsky Trakt-5 settlement and the northern part of the Stary Moskovsky Trakt-4). However, the relationship between comb-pit pottery and dwellings No. 1–8 of the Stary Moskovsky Trakt-4 settlement remains unclear. Archaeological works in eastern parts of the sites will be continued.

Keywords: *the Stary Moskovsky Trakt-4 settlement, the Stary Moskovsky Trakt-5 settlement, the Neolithic, the Early Metal Age, a planography, a flat-bottom pottery, Comb-Pit Community, Baraba forest-steppe.*

В результате разведки археологических памятников на территории Венгеровского р-на Новосибирской обл. В.И. Молодиным открыто и зафиксировано несколько изолированных скоплений остатков древних жилищ вблизи Старого Московского тракта, которые получили название «посе-

ления Старый Московский Тракт (СМТ)» с соответствующей нумерацией (1–5). Топографический план, выполненный в 2014 г. с использованием геодезического оборудования и определением координат специалистами ГАУ НСО «НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области», позволил предположить, что западины № 1–11 поселения СМТ-5 и № 1–7 поселения СМТ-4 представляют собой одну систему древних жилищ, расположенных двойным рядом, вытянутым по оси ЗЮЗ – ВСВ, т.е. поперек террасы (рис. 1). Другие планиграфические группы обозначенных поселений в таком случае представляются самостоятельными скоплениями древних сооружений.

Раскопами 2016–2017 гг. (379 м^2) изучены участки межжлищного пространства на границе поселений СМТ-4 и СМТ-5, а также жилища № 5 и 6. Выявлены тенденция к доминированию на границе поселений гребенчато-ямочной (ГЯ) керамики раннего металла с одновременным присутствием материалов «плоскодонного» неолита и резкое уменьшение количества первой по мере приближения к краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас (к западу от условной границы поселений). Ситуация имела и стратиграфический контекст – в жилище № 6 (условная граница памятников) зафиксированы минимум два горизонта обитания, верхний (поздний) из которых связан с ГЯ-керамикой, а нижний – с плоскодонной неолитической керамикой [Бобров, Марочкин, Юракова, 2016, 2017].

Раскопки 2018 г., помимо прочего, решали задачу уточнения выявленной культурно-хронологической планиграфии, для чего были заложены три раскопа на разных участках – у современного

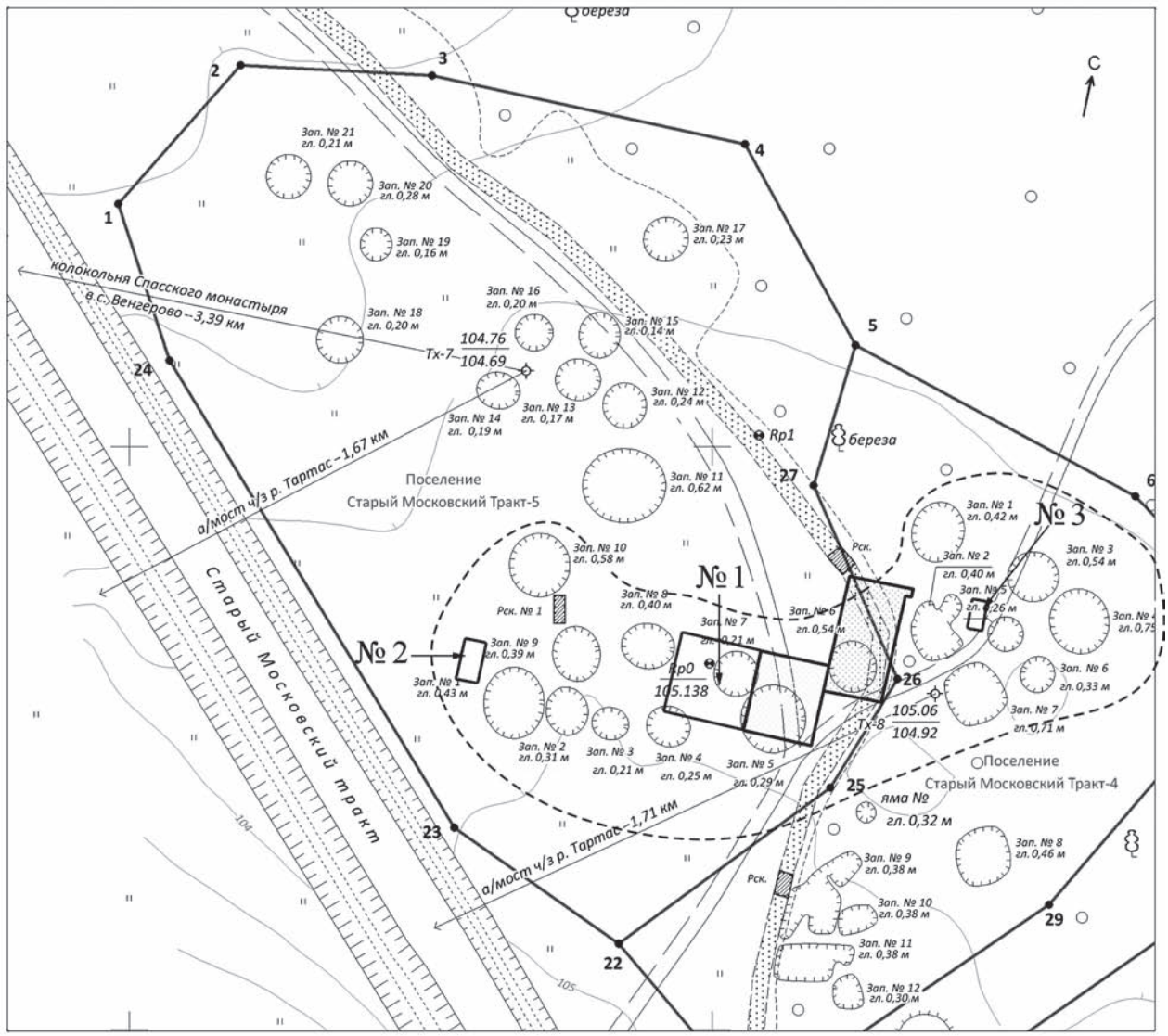


Рис. 1. План поселений на Старом Московском тракте с обозначением изученных в 2018 г. участков (№ 1–3) и единой планиграфической группы жилищ памятников СМТ-4 и СМТ-5.

края террасы (частично обрезаной дорогой), к западу от раскопов 2016–2017 гг., и к востоку от них на площади поселения СМТ-4 (см. рис. 1).

Раскоп 1 (196 м^2) продолжает раскопы 2016–2017 гг. в западном направлении. Включает остатки жилища № 7 и прилегающее пространство (рис. 2). Жилище № 7 представлено подквадратным полуземляночным котлованом размерами 4 (ССЗ – ЮЮВ) × 3,5 (ССВ – ЮЮЗ) м, глубиной до 0,4 м. Дно ровное, стенки крутые, местами отвесные. Заполнение из супеси светло-желтого цвета, идентичное основному слою памятника, в верхних горизонтах нарушено двумя небольшими округлыми гумусированными пятнами от впускных ям. Юго-восточный угол котлована имел слегка удлиненное пологое углубление, которое могло быть входом. Восточная стенка перерезана двумя овальными ямами, связь которых с жилищем не установлена.

Коллекция предметов включает каменный инвентарь (90 экз.), фрагменты керамики (198 экз.) и кальцинированных костей (6 экз.). Керамика в культурно-хронологическом плане неоднородна.

Комплекс раннего – среднего неолита (VI – первая половина V тыс. до н.э.) – плоскодонные профилированные сосуды с накольчато-прочерченной орнаментацией (131 фр.).

Идентичен керамике группы 1 из раскопов 2016–2017 гг. [Там же]. Залегал по всей площади раскопа, в заполнении и на дне жилища № 7. Находит аналогии в неолитических памятниках Барабы – Автодром-2/2, Тартас-1, Усть-Тартас-1 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Молодин и др., 2016; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017].

Комплекс финального неолита – раннего металла, гребенчато-ямочная общность (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) – фрагменты слабопрофилированных сосудов (30 экз.).

Идентичен керамике групп 2, 7, 8 из раскопов 2016–2017 гг. [Бобров, Марочкин, Юракова, 2016, 2017]. Декор из рядов наклонных оттисков гладкого/гребенчатого штампа, накольчатых линий, псевдотекстильных отпечатков. Фрагменты залегали в слое светло-желтой супеси за пределами объектов и в верхних горизонтах заполнения жилища № 7. Находит аналогии прежде всего в материалах поселения раннего металла Венгерово-3 [Молодин, 1977].

Немногочисленные фрагменты (7 экз.) толстостенной керамики с орнаментом из прочерченных линий (предварительно датированы периодом поздней бронзы). Залегали в слое светло-желтой супеси, а также в верхних горизонтах заполнения жилища № 7.

Комплекс раннего железного века, новочекинская культура (V–III вв. до н.э.) – 7 фрагментов тулов с «жемчужным» декором. Зафиксированы в верхних горизонтах заполнения жилища № 7 на участке, связанном с гумусированным заполнением впускных ям.

Каменный инвентарь представлен фрагментами необработанного галечного сырья (5), сколом с основания призматического нуклеуса, отщепами (25), пластинами (23), скребками на пластинах и отщепах (27), абразивами (2), галечным отбойником (1), фрагментом обушковой части шлифованного топора (1) и заготовкой аналогичного орудия (1), сколами с поверхности шлифованных изделий (4). По типолого-морфологическим критериям предметы из слоя и со дна жилищного котлована не отличаются друг от друга и соотносятся с ранее полученной коллекцией из жилищ № 5 и 6.

Раскоп 2 (18 м^2) заложен на краю террасы, в 40 м к юго-западу от раскопа 1, с расчетом на изучение участка, прилегающего с запада к жилищу № 1. Как и на других изученных участках поселения СМТ-5, находки сконцентрированы в слое супеси светло-желтого цвета.

Немногочисленные фрагменты керамики (17 экз.) – малых размеров и не поддаются хронологической атрибуции. Единичны кусочки кальцинированных костей (4 экз.).

Предметы каменной индустрии преобладают (53 экз.). Обнаружены призматический нуклеус (1), отщепы (16), пластины (15), скребки (8), перфоратор на пластине (1). Каменные изделия идентичны материалам «плоскодонного» неолита из жилищ № 5–7 (наличие концевых скребков на пластинах и скребков круглой, полукруглой и квадратной форм на отщепах, небольшая ширина пластин и преобладание вентральной ретуши при их обработке).

Раскоп 3 (8 м^2) заложен в 12 м к востоку от раскопа 2016 г. на межжилищном участке памятника СМТ-4 (см. рис. 1). Характер находок резко отличается от западных участков. Изделия из камня единичны и маловыразительны – отщепы (2), пластина без ретуши (1), скребок на отщепе (1). Намного больше фрагментов керамической посуды (27 экз.), все они соотносятся с гребенчато-ямочной общностью раннего металла.

Полученные результаты дают возможность сделать несколько выводов, которые позволят ориентироваться в пространстве археологического памятника.

С одной стороны, материалы раскопа 1 в совокупности с материалами раскопов 2016–2017 гг. подтверждают четкую тенденцию снижения доли ГЯ-керамики на памятнике в западном направлении. Об этом свидетельствуют и находки из раскопа 2, в котором ГЯ-керамика вовсе не выявлена. Напротив, можно достаточно уверенно говорить о культурно-хронологической однородности жилищ на этом участке, по находкам на дне достовер-

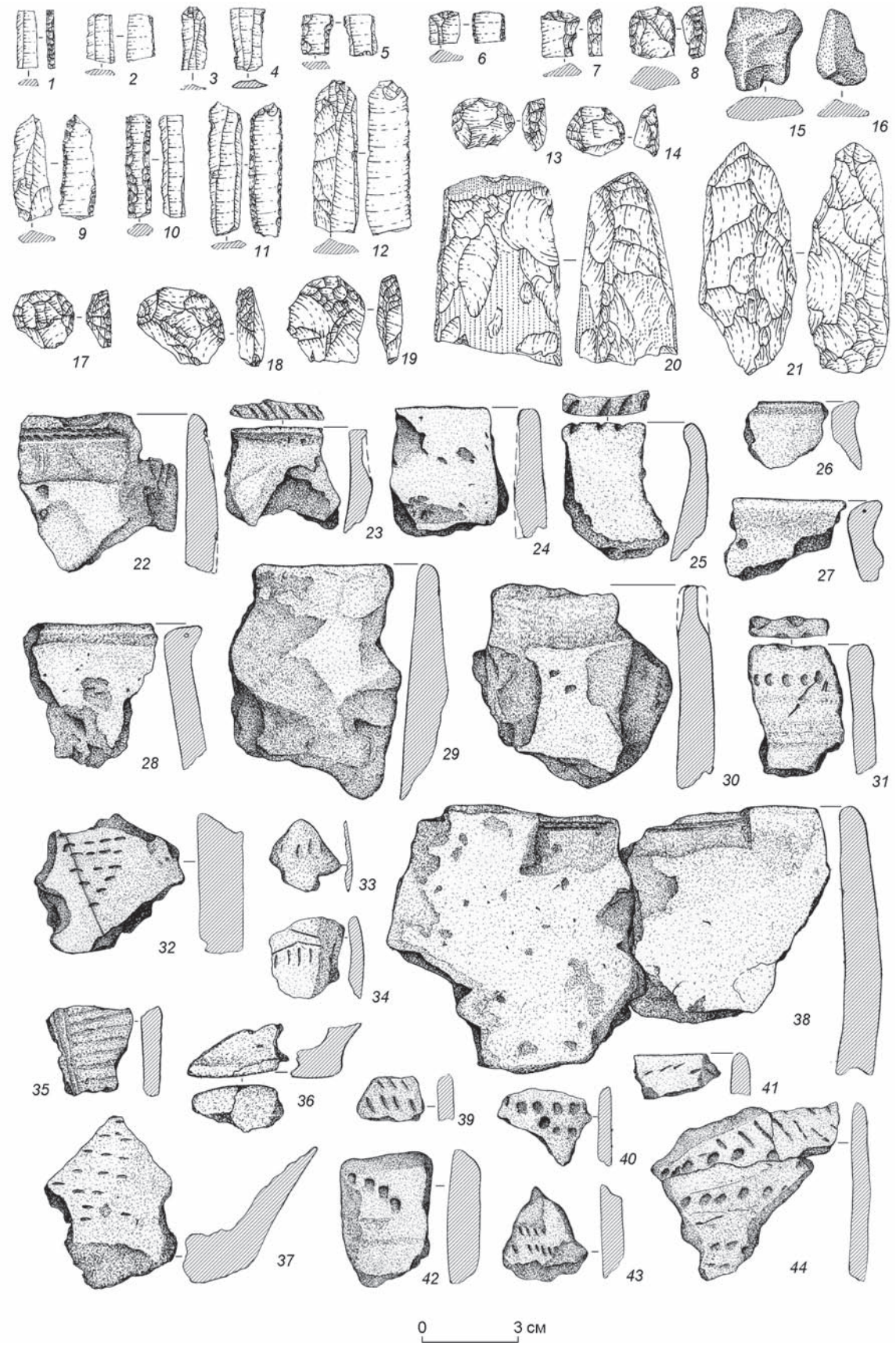


Рис. 2. Поселение Старый Московский Тракт-5. Материалы 2018 г. (раскоп 1).

1–5, 9–12 – пластины; *6–8, 13, 14, 17–19* – скребки; *15, 16* – абразивы; *20* – фрагмент шлифованного топора (обушковая часть); *21* – заготовка топора; *22–38* – керамика, группа 1 (ранний – средний неолит); *39–44* – керамика, группа 7а (поздний неолит – ранний металл).

но связанных именно с комплексом плоскодонного неолита Барабы, в то время как более поздние материалы либо отсутствуют, либо единичны и разрозненно залегают в верхних горизонтах культурного слоя и заполнения котлованов.

С другой стороны, остается нерешенным вопрос о культурно-хронологической принадлежности тех участков вышеописанного ряда жилищ (см. рис. 1), что расположены на поселении СМТ-4 и удалены к востоку от края террасы. Материалы раскопа 3 показали, что межжилищное пространство на этих участках насыщено фрагментами ГЯ-керамики, и предварительные выводы о ее планиграфическом тяготении к востоку в целом подтверждены. Но связана ли она именно с жилищами или маркирует какой-то другой объект?

Этот вопрос остается открытым, как и то, есть ли в этом ряду жилища с «чистым» ГЯ-комплексом или он стратиграфически отражает процесс вторичного использования неолитических котлованов, как в ситуации с жилищем № 6 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2016].

Полученные предварительные выводы имеют значение в первую очередь для выбора дальнейшей стратегии исследований этой компактной группы поселений, которые, безусловно, будут продолжены. Дальнейшие раскопки объектов в западной части планиграфического ряда важны прежде всего для накопления данных по неолитическим комплексам Барабы с плоскодонной керамикой. Решение проблемы культурно-хронологической планиграфии невозможно без раскопок жилищ на восточных участках. В этом случае могут быть получены и стратиграфические данные, необходимые для понимания археологической дифференциации комплексов среднего неолита и финального неолита – раннего металла в Среднеиртышско-Барабинском регионе.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Начало исследований на поселении Старый Московский тракт-5 (Северо-Западная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 7–11.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Жилище эпохи неолита с поселения Старый Московский тракт-5 (результаты работ 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 45–49.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–139.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoy kul'tury Avtodrom-2/2 (severo-zapadnye rayony Barabinskoy lesostepi). In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, Tyumen': IPND SB RAS Publ., 2012, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Nachalo issledovaniy na poselenii Stary Moskovski trakt-5 (Severo-Zapadnaya Baraba). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 7–11 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Zhilishche epokhi neolita s poseleniya Stary Moskovski trakt-5 (rezul'taty rabot 2017 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 45–49 (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita I bronzy lesostepnogo Ob'-Irtyshya. – Novosibirsk: Nauka, 1977 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasilyev S.K. Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh pamyatnika Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–139 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ranneneoliticheskaya stoyanka Ust'-Tartas-1 i yeyo kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.219-223
УДК 902/904

В.В. Бобров[1–3], Н.Н. Моор[3], И.А. Плац[2], А.В. Фальман[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
[3]Кемеровский государственный университет
E-mail: archaeology@kemsu.ru

Новые материалы на памятнике позднего бронзового века Ложка-6 в Барабинской лесостепи

В статье публикуются новые материалы расположенного в Венгеровском р-не Новосибирской обл. поселения Ложка-6, которые выявлены в ходе раскопок 2018 г., и дается их интерпретация. В результате исследований получена значительная коллекция предметов пахомовской культуры эпохи поздней бронзы, выявлены остатки жилища каркасно-столбовой конструкции наземного типа. Характеристика материалов позволяет предположить сохранение и развитие в культуре пахомовского населения элементов других традиций – кротовской, ирменской, культуры валиковой керамики. Зафиксированы фрагменты обожженной глины, первоначально составлявших предметы в виде шаров и дисков неизвестного назначения. На памятнике найден нож-кинжал, характерный для памятников синташтинского и петровского типа. Высказано предположение, что поселение Ложка-6 существовало синхронно с памятниками пахомовской культуры Тоболо-Иртышья и датируется XIV–XIII вв. до н.э.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, Ложка-6, поздняя бронза, пахомовская культура.*

V.V. Bobrov[1–3], N.N. Moor[3], I.A. Plats[2], A.V. Falman[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute for Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
[3]Kemerovo State University
E-mail: archaeology@kemsu.ru

New Late Bronze Materials from the Lozhka-6 Archaeological Site in Baraba Forest-Steppe

The article describes new archaeological materials from the Lozhka-6 settlement located in Vengerovo District of Novosibirsk Region, which were discovered during the excavations in 2018. A significant collection of the Pakhomovo Late Bronze artifacts was assembled; dwelling 2 of the ground-and-pillar frame construction was uncovered at the site. The characteristics of the recovered materials suggest that the Krotovo and Irmen cultural features, mainly, the tradition of pottery with applique cordon decoration, were continuously developed in the culture of the Pakhomovo population. Fragments of baked clay, originally the ball- and disk-shaped artifacts of unknown purpose, were recorded. The knife-dagger found at the site has its parallels in the Sintashta and Petrovo culture collections. It is assumed that the Lozhka-6 settlement existed synchronously with the archaeological sites of the Pakhomovo culture in the Tobol-Irtysh region and dates from the 14th–13th centuries BC.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Lozhka-6, the Late Bronze Age, Pahomovo culture.*

Поселение Ложка-6 расположено в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Барабинская лесостепь) на южном берегу оз. Большая Ложка, в 2 км к востоку от с. Венгерово. Памятник с 2010 г. ежегодно исследует Кузбасская археологическая экспедиция под руководством В.В. Боброва. Всего за 2010–2018 гг. вскрыто 696 м^2. Получен комплекс древностей позднего бронзового века, включающий керамику, бронзовые изделия, культовые объекты, остеологическую коллекцию, остатки жилищных и хозяйственных сооружений [Бобров и др., 2016].

Поселение Ложка-6 отнесено нами к пахомовской культуре на основании наличия на памятнике характерной андроноидной керамики, залегающей как на межжилищном пространстве, так и в жилищах, хозяйственных и столбовых ямах. Эта керамика подразделяется на две группы: 1) плоскодонная посуда баночной и горшковидной формы, орнаментированная повторяющимися монотонными рядами наклонных и прямых оттисков, сетки, каннелюр, елочки и др., выполненных преимущественно гладким штампом, реже гребенчатым; 2) нарядная посуда горшковидной формы с геометрическим орнаментом (меандры, треугольники), выполненным гребенчатым штампом [Там же]. Пахомовская керамика широко встречается на памятниках позднего бронзового века Тоболо-Иртышья [Корочкова, 2009, с. 76–79], а в последние годы обосновано наличие восточного варианта пахомовской культуры и в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2015].

Целью данной работы является введение в научный оборот результатов полевых исследований 2018 г.

В 2018 г. на памятнике заложен раскоп площадью 104 м^2. Зафиксировано 59 объектов – жилище № 2 (рис. 1), столбовые и хозяйственные ямы, очаги. Получена коллекция из 1386 предметов (рис. 2). Большинство находок – фрагменты керамической посуды: 1249 экз., (венчики – 183, тулово – 1011, донные и придонные части – 55 экз.). Характерной особенностью памятника является наличие в слое фрагментов обожженной глины, первоначально составлявших предметы в виде шаров, дисков, кубов и т.п. Так, в 2018 г. найдено 128 мелких фрагментов, а также один абсолютно целый шар. Кроме того, найдено 7 камней со следами обработки. Большой удачей является обнаружение практически целого бронзового ножа-кинжала. Кроме того, при раскопках этого года собрана остеологическая коллекция, насчитывающая около 2 тыс. фрагментов костей животных.

В ходе раскопок 2018 г. было частично исследовано жилище № 2 в 15 м к юго-западу от ранее исследованного жилища № 1. Жилище № 2 в плане имело подпрямоугольную форму и ориентировано короткими сторонами по линии СЗ – ЮВ, а длинными по линии СВ – ЮЗ. Зафиксированы северо-западная стенка жилища длиной 8,1 м и часть юго-западной стенки длиной 8,5 м. Глубина котлована жилища относительно уровня материкового суглинка составляла всего 0,2 м, а местами и меньше, поэтому северо-восточную стенку достоверно зафиксировать не удалось. Возможно, это связано с тем, что при постройке жилища древние жители местами срезали слой грунта, а местами оставляли его нетронутым, чтобы выровнять пол при естественном наклоне местности. Исследованная площадь жилища составляет 65 м^2. Юго-восточная часть жилища осталась пока что за пределами раскопа, и ее исследование предполагается продолжить в следующем году.

Интерьер жилища выглядел следующим образом (см. рис. 1). Вдоль стенок (с внутренней и внешней стороны) располагалась система из столбовых ям. Особенно массивные столбовые ямы зафиксированы по углам и в центре жилища (диаметр до 0,3 м, глубина до 0,6 м). В центральной части жилища имелся очаг диаметром 0,5 м и толщиной прокала 0,15 м, рядом с которым найдены два развала керамических сосудов. Еще два небольших прокала находились у юго-западной стенки. В западном углу зафиксирована хозяйственная яма овальной формы размерами 1,7 × × 0,75 м и глубиной до 0,2 м. Параллельно юго-западной стенке жилища выявлена яма неизвестного назначения в виде узкой канавки (длина 1,6 м, ширина 0,1 м, глубина 0,1 м), находки в которой отсутствовали. В центральной части жилища четко фиксировалась прямоугольная яма размерами 0,9 × 0,55 м и глубиной 0,08 м.

Таким образом, жилище № 2 являлось постройкой с каркасно-столбовой конструкцией наземного типа. Наземный характер и уменьшение глубины котлованов жилищ были, по всей видимости, эпохальной тенденцией в бронзовом веке юга Западной Сибири, связанной с развитием домостроительной техники, позволившим создавать достаточно теплые и устойчивые наземные конструкции [Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993, с. 31].

Жилище № 2 поселения Ложка-6 находит ближайшие аналогии в идентичных объектах поселений пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2010, с. 55]. Характер керамики, обнаруженной в заполнении и на полу жилища, также позволяет связать его с пахомовским населением (см. рис. 2, *4*, *5*). Однако кроме преобладавшей типичной пахомовской керамики, в заполнении котлована обнаружены фрагменты, позволяющие предполагать некоторые связи пахомовцев с другими культурными образованиями или считать, что их присутствие на памятнике имело другие причины.

Во-первых, в жилище № 2 обнаружены фрагменты четырех венчиков от разных сосудов, напоминающих кротовские (см. рис. 2, *6–8*). Так, на рассматриваемых фрагментах отпечатки орнамента нечеткие и в основном представляют собой оттиски гребенки, что роднит их с керамикой расположенных поблизости памятников Венгерово-2 и Преображенка-3 [Молодин, 1977, с. 54–59, 134–139].

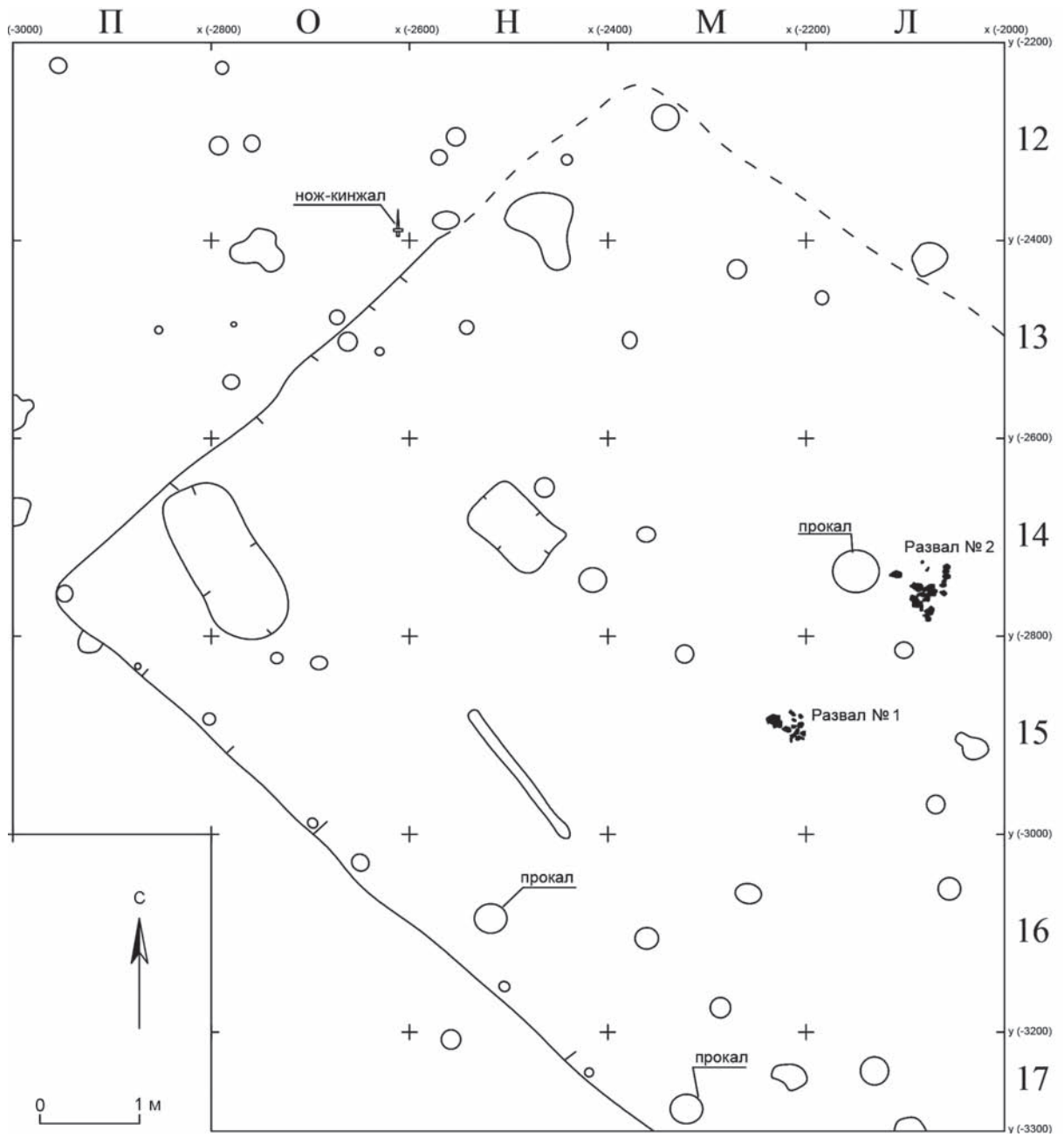


Рис. 1. План жилища № 2.

Во-вторых, найдены фрагменты двух миниатюрных сосудов с орнаментацией, характерной для ирменской культуры (см. рис. 2, *11*, *12*). Речь идет о равнобедренных треугольниках, нанесенных по венчику, и свисающих вниз треугольниках в зоне плечика-тулова [Молодин, 1985, с. 120–124]. Однако в отличие от ирменской традиции, орнаментальная композиция сосудов с Ложки-6 полностью выполнена гребенчатым штампом.

В-третьих, были обнаружены два неорнаментированных венчика от двух сосудов с налепными валиками (см. рис. 2, *9*, *10*). Такая посуда широко встречается среди памятников поздней бронзы степной полосы Евразии [Черных, 1983], в частности в саргаринско-алексеевской культуре. На поселении Жар-Агач в Прииртышье было зафиксировано совместное залегание пахомовской и валиковой керамики в рамках одного жилищного комплекса, однако там валиковая керамика занимает около половины всей керамической коллекции [Сотникова, 1986]. Носители традиций валиковой керамики проникали и в южные районы Барабинской лесостепи; так, валиковая керамика известна на ирменском памятнике Каргат-6 [Молодин, 2014, с. 58–59].

Интерес вызывает найденный в жилище № 2 целый шарик из хорошо обожженной глины диа-

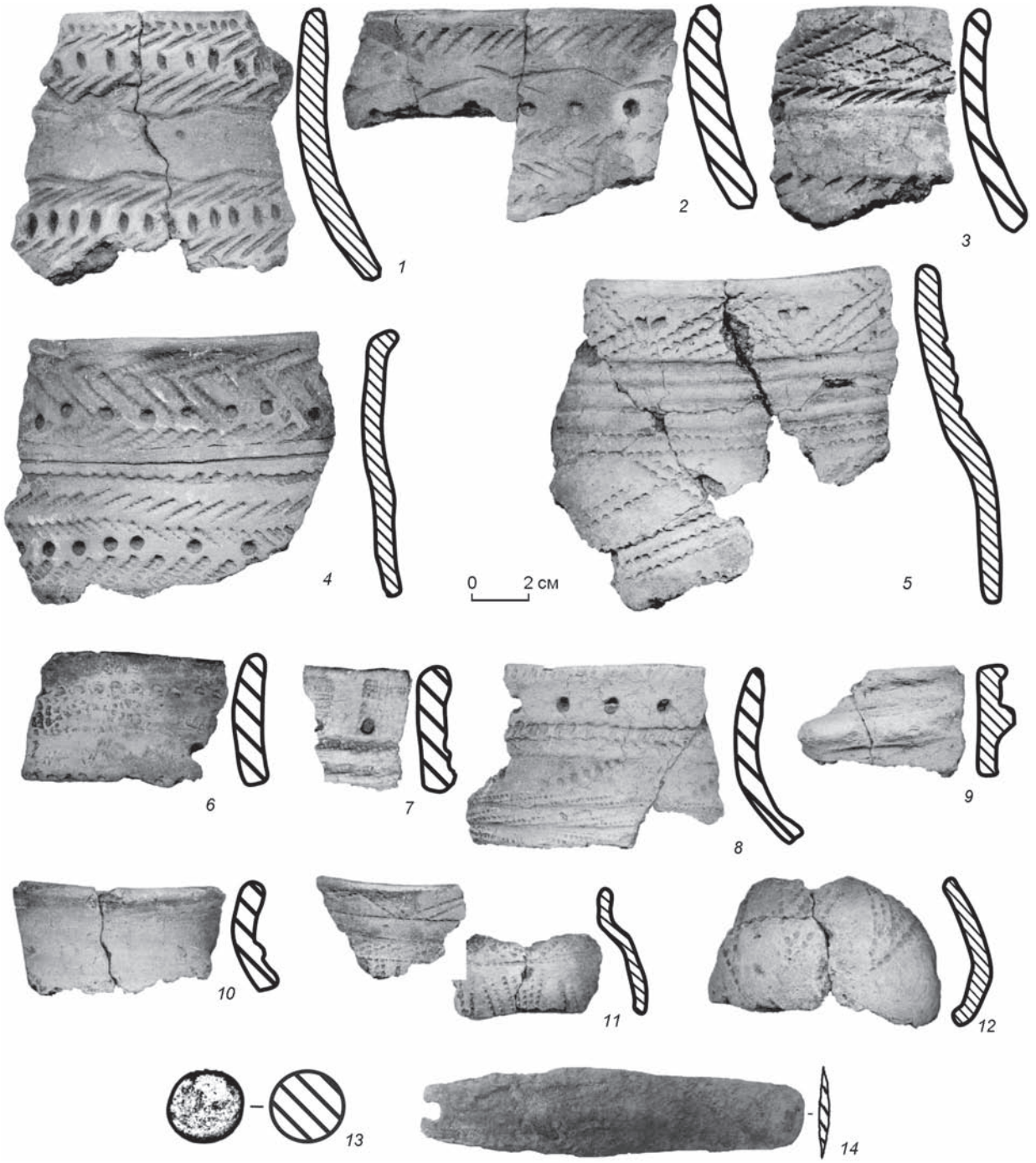


Рис. 2. Материалы из раскопок 2018 г. на поселении Ложка-6.
1–12 – фрагменты керамической посуды; *13* – глиняный шарик; *14* – бронзовый нож-кинжал. *1–3*, *14* – из слоя; *4–13* – из заполнения жилища № 2.

метром 2,5 см (см. рис. 2, *13*). Ранее на памятнике встречались находки только массивных (диаметр 5–8 см) шаров плохого обжига. Шарики небольшого диаметра зафиксированы на памятниках кротовской культуры Венгерово-2, Преображенка-3 [Молодин, 1977, с. 64] и ирменской культуры Каргат-6 [Молодин, 1985, с. 126, 129].

Кроме того, рядом с северо-западной стенкой жилища № 2, но за его пределами был обнаружен бронзовый нож-кинжал довольно архаичной формы (см. рис. 2, *14*). Ножи-кинжалы такой формы характерны для памятников синташтинского и петровского типа степей Южного Урала и Казахстана XXI–XVIII вв. до н.э. [Виноградов, 2011, с. 57–58, 125].

Полученные в 2018 г. инокультурные материалы не образуют сколько-нибудь значительных комплексов и, вполне вероятно, попали в пахомовский слой

случайно. Таким образом, культурная принадлежность памятника не вызывает сомнений. Более сложной является проблема датировки памятника. Материалы поселения Ложка-6 имеют ярко выраженный андроноидный колорит, и оно должно было функционировать вскоре после распада фёдоровской культуры. С учетом новейшей радиоуглеродной хронологии культур Западной Сибири фёдоровская культура прекратила существование в XVI–XV вв. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, рис. 2]. Исходя из этих фактов, мы относим существование поселения Ложка-6 к XIV–XIII вв. до н.э., одновременно с памятниками пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье [Корочкова, 2009, с. 83].

Список литературы

Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В. Исследования поселения постандроновского времени Ложка-6 (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 227–231.

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпохи камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – № 22. – С. 4–45.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. – Челябинск: Абрис, 2011. – 178 с.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39). – С. 75–84.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 303 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 169 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку (XIV–VIII века до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 54–63.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3. – С. 136–167.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 47–60.

Сотникова С.В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1986. – С. 43–55.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 81–99.

References

Bobrov V.V., Moor N.N., Plats I.A., Fal'man A.V. Issledovaniya poseleniya postandronovskogo vremeni Lozhka-6 (predvaritel'nye itogi). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 227–231 (in Russ.).

Borzunov V.A., Kiryushin Yu.F., Matyushchenko V.I. Poseleniya i zhilishcha epokhi kamnya i bronzy Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri. In *Pamyatniki drevnei kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri*, Ekaterinburg, 1993, No. 22, pp. 4–45 (in Russ.).

Chernykh E.N. Problema obshchnosti kul'tur valikovoy keramiki v stepyakh Evrazii. In *Bronzovy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya*. Chelyabinsk, 1983, pp. 81–99 (in Russ.).

Korochkova O.N. Pakhomovskaya kul'tura epokhi pozdney bronzy. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 3, pp. 75–84 (in Russ.).

Kostomarov V.M. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoy Sibiri: kul'turnaya atributsiya, khronologicheskaya i territorial'naya lokalizatsiya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Tyumen, 2010, 303 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 168 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Etnokul'turnaya mozaika v Zapadnoy Barabe (epokha pozdney bronzy – perekhodnoye vremya ot epokhi bronzy k zheleznomu veku (XIV–VIII veka do n.e.). In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 4 (60), pp. 54–63 (in Russ.).

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoy Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy. In *Vestn. Novosib. gos. un-ta*. Ser.: Istoriya. Filologiya, 2014, vol. 13, iss. 3. pp. 136–167 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Garkusha Yu.N., Selin D.V. Pogrebal'nye kompleksy epokhi pozdney bronzy vostochnogo varianta pakhomovskoy kul'tury (pamyatnik Grishkina Zaimka, Baraba). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 1, pp. 47–60 (in Russ.).

Sotnikova S.V. Poselenie Zhar-Agach. In *Arkheologicheskie, etnograficheskie i istoricheskie istochniki po istorii Sibiri*. Omsk: Om. State Univ. Press, 1986, pp. 43–55 (in Russ.).

Vinogradov N.B. Stepi Yuzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e. Chelyabinsk: Abris, 2011, 178 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.224-228
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов[1], Я. Мураками[2], А.И. Соловьев[1], А.Е. Гришин[1], Е.А. Соловьева[1], И.С. Гнездилова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Центр исследования культур железного века древней Восточной Азии, Университет Эхиме, Япония
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Исследование сыродутных печей около села Балыктуюль (Республика Алтай) в 2018 году

В 2018 г. отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с японскими коллегами был исследован центр железоделательного производства около с. Балыктуюль (Республика Алтай, Улаганский р-н). Изучены остатки сыродутных печей трех конструкционных типов и две производственные площадки. Особый акцент сделан на исследовании рабочей камеры горнов и ее заполнения. Это позволило реконструировать процесс сооружения печей и выплавки железа и предположить объем выхода металла. Получена представительная серия образцов (крицы, шлака и угля) для AMS-датирования, а также для определения состава руды. Впервые были полностью изучены горны с остатками вертикально поставленных бревен в заполнении камеры. Калиброванное значение возраста сооружений этого типа (395–425 гг. н.э) указывает на их функционирование в гунно-сарматское время. Результаты раскопок позволяют говорить об открытии крупного центра по производству железа в Горном Алтае, существовавшего более 500 лет.

Ключевые слова: *гунно-сарматское время, сыродутные печи, шлаки, горны,* AMS-*датирование.*

E.S. Bogdanov[1], Ya. Murakami[2], A.I. Solovyev[1], A.E. Grishin[1], E.A. Solovyeva[1], I.S. Gnezdilova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Research Center of Ancient East Asian Iron Culture, Ehime University, Japan
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Studies of the Furnaces near Balyktuyul Village (Altai Republic) in 2018

In 2018, a Joint archaeological team of IAET SB RAS and Japanese researchers investigated the center of metal production in the vicinity to Balyktuyul, Altai Republic, Ulagan District. The paper describes the remains of three types of old furnaces and two manufacturing areas. Special attention was payed to furnace working chambers and the filling. It makes possible to reconstruct the processes of furnace construction and metal production and to evaluate the amount of produced metal. Bloom, slag and coal have been sampled for AMS-dating. For the first time, furnaces with the remains of the interior logs placed vertically were uncovered and studied. Calibrated dates for this furnace type (395–425 AD) indicate their usage during the Hunnu-Sarmatian period. The excavations revealed a large center of metal production in Gorny Altai that existed for more than 500 years.

Keywords: *Hunnu-Sarmatian period, old furnace, slags, furnace, AMS-dating.*

Вплоть до последнего времени памятники черной металлургии дотюркской эпохи в Горном Алтае практически не исследовались. Основу работ Я.И. Сунчугашева [1969, 1993], Хоанг Ван Кхоана [1974] по Туве и Хакасии, а также монографии Н.М. Зинякова по Алтаю [1988] составляли памятники именно тюркского времени, а материалы более ранних эпох упоминались лишь в общем контексте с минимальным использованием радиоуглеродных дат. Новый этап начался в ходе реализации международной программы под руководством проф. Ясуюки Мураками из Центра исследования

культур железного века древней Восточной Азии (Университет Эхиме, г. Мацуяма, Япония). Цель программы – проследить возникновение ранней металлургии и выявить основные центры производства железа в Северной Евразии. Обмен достижениями в области металлургии в эпоху раннего железа и более позднее время шел достаточно интенсивно благодаря взаимодействию кочевого населения евразийского степного пояса. Наибольший информационный потенциал имеют памятники, расположенные в непосредственной близости от выходов первичной руды. В течение последнего десятилетия экспедициями под руководством Я. Мураками проведены поисковые и исследовательские работы в Синьцзяне, Монголии, Казахском Алтае, Хакасии (см., напр.: [Мураками, 2015; Амзараков, 2015; Ишцэрэн, 2015]). В 2018 г. международная экспедиция произвела раскопки на южной окраине с. Балыктуюль Улаганского р-на Республики Алтай. Два раскопа общей площадью 43 м^2 (на высоте 1384 м в БСВ) (рис. 1) заложены рядом с местом раскопок 1977 г. на краю левобережной террасы р. Балыктуюль, где Н.М. Зиняковым были выявлены четыре сыродутные печи, сооруженные из глины [Зиняков, 1978, с. 231]. Терраса на месте расположения памятника возвышается над поймой на 44 м, подвержена сильной эрозии и прорезана глубокими промывами-оврагами, поэтому научно-исследовательские работы носили еще и аварийно-спасательный характер.

В ходе раскопок выяснилось, что данный участок террасы, прорезанный оврагом, представлял собой крупный производственный участок по выплавке железа из руды, которую добывали тут же, на склоне ближайшей горы. Всего было выявлено 11 комплексов: девять печей (горны и ямы для обеспечения поддува) с большим количеством шлака и остатками крицы, две производственные площадки для складирования и обогащения руды. Несмотря на то что верхние части всех печей были разрушены (частично в древности, в процессе выемки металла из печей, частично в результате склоновых процессов), мы смогли проследить основные конструктивные особенности.

Древние печи представляли собой ямы, соединенные каналом (туннелем). В одну яму – горн –

Рис. 1. Общий вид на раскопы сверху.

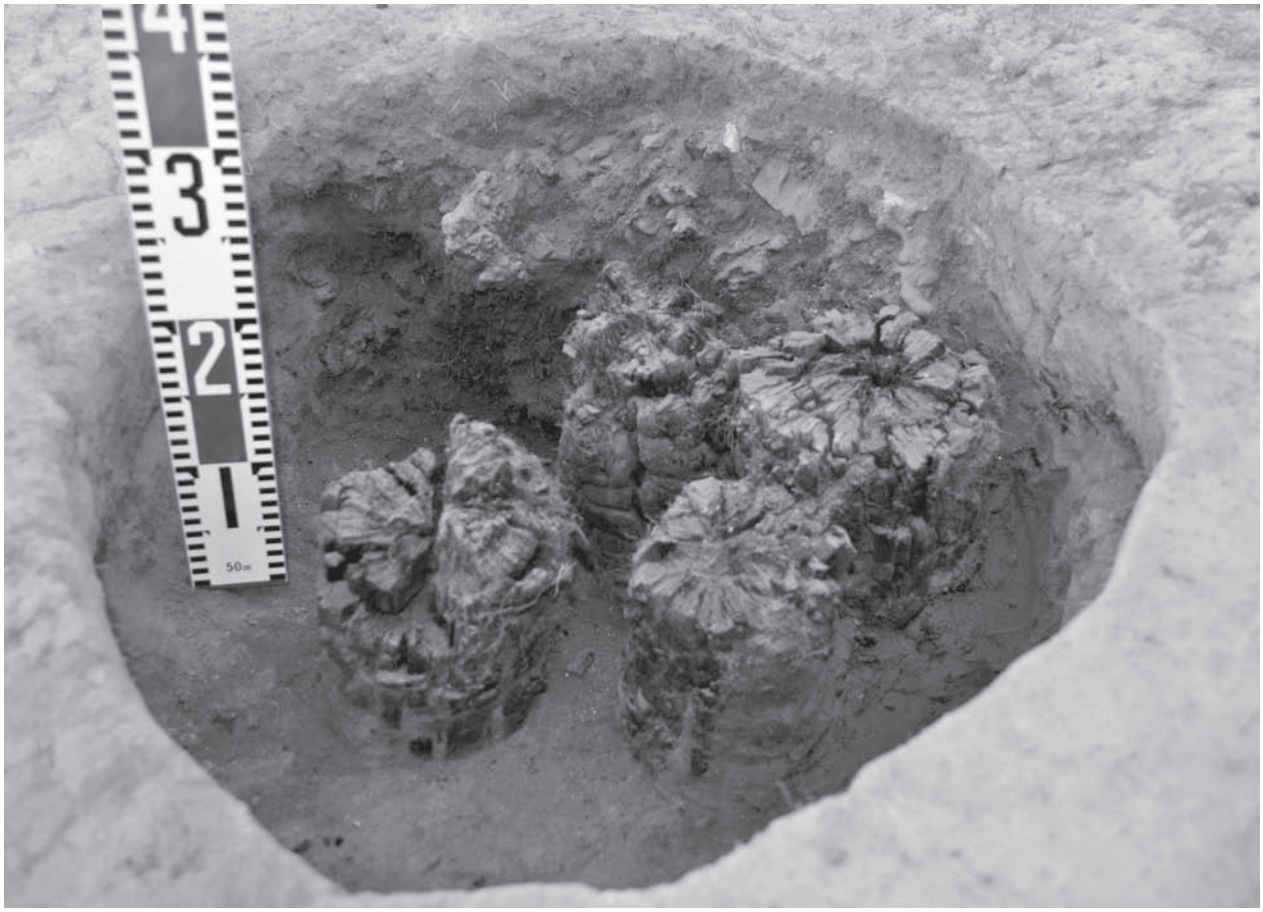


Рис. 2. Горн с вертикально поставленными «дровами» (объект № 1) в процессе исследования. Вид с юга.

укладывались руда и древесное топливо. Ветер*, проникая в устье канала через другую яму, расположенную ниже по склону, усиливал горение. По мере достижения устойчивого горения и первых признаков плавления руды канал закрывался камнями и в дело вступали меха, которые через глиняные сопла (расположенные для равномерного горения с разных сторон горна) гнали внутрь воздух для увеличения температуры плавки. В ходе сыродутного процесса шлак из печей не вынимался, а, постепенно перемещаясь, заполнял всю нижнюю часть горна. Поэтому печи такой конструкции были пригодны лишь для одной плавки (проще было сделать новую яму, чем чистить старую от спекшихся с песком отходов руды).

Нами обнаружены остатки печей трех типов.

1. Горн, у которого стенки были выложены из камней-валунов (рис. 2).

2. Горн (яма) соединен тоннелем (длиной ок. 1 м) с одной-двумя ямами. Все ямы имеют круглую в плане форму, диаметром 1–1,5 м. Сохранившаяся глубина не более 0,6 м. В качестве топлива использовался древесный уголь, стенки печи обмазаны глиной.

3. Горн соединен тоннелем (длиной около 0,5 м) с одной-двумя ямами. В нижней части печей зафиксированы обугленные лиственничные бревна (от 5 до 11 шт.), вертикально установленные вплотную друг к другу. Они имели диаметр от 5 до 25 см, их нижние концы были заострены. Хорошая сохранность дерева объясняется тем, что в этой части горна процесс горения был минимальным из-за отсутствия кислорода. Н.М. Зиняков при раскопках 1977 г. посчитал, что в печах подобного типа использовали не древесный уголь, а дрова [Там же]. Однако зачем нужно было устанавливать «дрова» в нижнюю часть горна вертикально и заострять их концы? Ведь такое положение топлива может дать температуру не более 400°, что, конечно, достаточно для восстановления металла и получения губчатого железа, однако слишком мало для интенсивных процессов нормальной плавки. Если бы не кусочки шлака, которые проникли внутрь этих «дров», будучи еще в жидком состоянии, можно было бы предположить, что мы зафиксировали следы ритуальных действий, поскольку производство железа в древности, без сомнения, имело сакраль-

*В створе Балыктуюльской долины со стороны горных хребтов ветер дует постоянно и довольно сильно.

ный характер. Решение этой проблемы требует проведения экспериментов по выплавке металла и анализа образцов руды, шлака и крицы.

Кроме печей нам удалось зафиксировать два типа производственных площадок. В одном случае это место, где сортировали (складировали) руду и измельчали до необходимых размеров. На другой площадке, судя по наличию пятен прокала, мелким кусочкам руды и шлаков, подготавливали железную руду для загрузки в горн. Чтобы снизить при горении в печи количество газов, которые препятствуют нормальному ходу процесса, первичную руду укладывали на этой площадке вместе с дровами, поджигали и в течение некоторого времени прокаливали.

Из находок стоит отметить каменный молот для дробления руды, большое количество целых глиняных конусовидных сопел и их фрагментов, а также куски обмазки печей (футировки) из глины с большой долей песка. Датирующих предметов и керамики в раскопах не обнаружено. По «небольшому объему сыродутных печей, архаичности конструкции и процесса плавки» Н.М. Зиняков предложил датировать исследованный тип конструкций дотюркским временем [Там же]. Образцы угля из шлака с раскопок 1977 г. дали калиброванную AMS-дату 395 – 425 гг. н.э., что совпадает с периодом существования местной булан-кобинской археологической культуры и предшествует тюркскому периоду на Алтае. Однако по результатам раскопок 2018 г. можно предположить, что наиболее древние печи у с. Балыктуюль по морфологическим характеристикам, вероятнее всего, относятся к позднему периоду пазырыкской культуры (приблизительно III – конец II в. до н.э.), другие (с установленными вертикально «дровами») – к гуннскому времени (III–V в. н. э.), а третьи – к средневековью. В дальнейшем, после анализа всех полученных образцов, возможно, удастся не только выяснить состав добытой и подготовленной к плавке руды (соотношение примесей), получить дату постройки различных типов печей с помощью AMS-датирования и дендрохронологии, но и реконструировать путем эксперимента весь процесс металлургического производства. Все это позволит определить место балыктуюльского комплекса среди других центров по производству железа в Северной Азии. Но уже сейчас можно сказать, что нами был исследован крупный центр по производству железа, действовавший в течение нескольких столетий, поскольку богатые выходы руды в непосредственной близости, благоприятная ландшафтная ситуация и конструктивные особенности балыктуюльских сыродутных печей давали возможность выплавлять достаточно большое количество металла.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Амзараков П.Б. Предварительные итоги исследования памятника древней металлургии железа таштыкской эпохи «Толчея» // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: мат-лы I Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23–27 сент. 2015 г.). – Абакан: Эхимэ, 2015. – С. 95–106.

Зиняков Н.М. Исследование памятников черной металлургии в Горном Алтае // АО 1977. – М., Наука, 1978. – С. 231–232.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 276 с.

Ишцэрэн Л. Железоплавильни хунну на территории Монголии // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: мат-лы I Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23–27 сент. 2015 г.). – Абакан: Эхимэ, 2015. – С. 107–116.

Мураками Я. Наша совместная деятельность в Республике Хакасия и ее значение для исследования истории производства железа на Евразийском континенте // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: мат-лы I Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23–27 сент. 2015 г.). – Абакан: Эхимэ, 2015. – С. 21–24.

Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. – М.: Наука, 1969. – 140 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 49).

Сунчугашев Я.И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. – 112 с.

Хоанг Ван Кхоан Черная металлургия и металлообработка в Южной Сибири от начала железного века до монгольской эпохи: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1974. – 31 с.

References

Amzarakov P.B. Predvaritel’nye itogi issledovaniya pamyatnika drevney metallurgii zheleza tashtykskoy epokhi “Tolcheya”. In *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoy Azii: Materialy I Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati d-ra ist. nauk, prof. Yakova Ivanovicha Sunchugasheva (Abakan, Sept. 23–27, 2015)*. Abakan: Ehime, 2015, pp. 95–106 (in Russ.).

Ishtseren L. Zhelezoplavil’ni khunnu na territorii Mongolii. In *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoy Azii: materialy I Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati d-ra ist. nauk, prof. Yakova Ivanovicha Sunchugasheva (Abakan, Sept. 23–27, 2015)*. Abakan: Ehime, 2015, pp. 107–116 (in Russ.).

Khoang Van Kkhoan. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Yuzhnoy Sibiri ot nachala zheleznogo veka do mongol'skoy epokhi: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1974, 31 p. (in Russ.).

Murakami Ya. Nasha sovmestnaya deyatel'nost' v Respublike Khakasiya i yeyo znachenie dlya issledovaniya istorii proizvodstva zheleza na Evraziyskom kontinente. In *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoy Azii: materialy I Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. pamyati d-ra ist. nauk, prof. Yakova Ivanovicha Sunchugasheva (Abakan, Sept. 23–27, 2015)*. Abakan: Ehime, 2015, pp. 21–24 (in Russ.).

Sunchugashev Ya.I. Gornoye delo i vyplavka metallov v drevney Tuve. Moscow: Nauka, 1969, 140 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 49) (in Russ.).

Sunchugashev Ya.I. Pamyatniki gornogo dela i metallurgii drevney Khakasii. Abakan: Khakas. kn. izd., 1993, 112 p. (in Russ.).

Zinyakov N.M. Issledovanie pamyatnikov chernoy metallurgii v Gornom Altaye. In *AO 1977*. Moscow: Nauka, 1978, pp. 231–232 (in Russ.).

Zinyakov N.M. Istoriya chernoy metallurgii i kuznechnogo remesla drevnego Altaya. Tomsk: Tom. State Univ. Press, 1988, 276 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.229-233
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов[1], О.И. Новикова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка

В 2018 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены археологические раскопки на могильнике Курайка (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). Было исследовано 7 погребений гунно-сарматского времени и 7 объектов ритуального назначения. Взяты на анализ образцы древесины из погребальных конструкций, пополнена антропологическая коллекция. К настоящему времени на памятнике исследован 51 объект, 49 могильных ям. Полученные данные не позволяют считать отдельные «планиграфические модели» и типы погребальных конструкций этнокультурными маркерами единой булан-кобинской культуры. Также отсутствует «социально-имущественный» и «профессионально-половой» подход к принципам локализации погребений на памятнике. Вариативность погребального обряда, зафиксированная в курайском могильнике, свидетельствует, с одной стороны, о тесной связи со скифским традициями, а с другой – о смешанном этнокультурном составе населения, имевшем контакты как с Западом (сарматский мир), так и с Востоком (хунну).

Ключевые слова: *Алтай, гунно-сарматское время, кок-пашский тип памятников, погребальный обряд.*

E.S. Bogdanov[1], O.I. Novikova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

To the Cultural Attribution of the Kurayka Burial Ground

Archaeological works were conducted at the Kurayka burial ground (Altai Republic, Kosh-Agach District) by the archaeological team of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS in 2018. Seven Xiongnu-Sarmatian burials and seven ritual sites were investigated. Samples from wooden burial constructions were taken for analysis; anthropological remains were collected. A total of 51 objects and 49 burials were studied. The new information suggests that certain distribution patterns and types of burial constructions cannot be regarded as the ethnic-cultural markers of the single Bulan-Koba culture. Furthermore, there are no socio-economic, professional or gender determinants of burial location. Variable types of funeral rite indicate a close link with the Scythian traditions and the mixed ethno-cultural composition of the tribes contacting the West (the Sarmatian world) and the East (Xiongnu).

Keywords: *Altai, Hunno-Sarmatian time, Kok-Pash type of sites, funeral rites.*

Летом 2018 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены раскопки на могильнике Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Работы носили как охранно-спасательный характер (два объекта находились на краю террасы и частично обрушились), так и научно-исследовательский: изучены новые типы наземных сооружений. Всего было исследовано 7 погребений гунно-сарматского времени и 7 объектов ритуального назначения. В исследованных захоронениях обнаружены разнообразные детали поясного набора, костяные накладки на лук гуннского типа, нашейные украшения. В ходе работ удалось проследить новые особенности погребального обряда на памятнике: несколько захоронений под одной общей насыпью. Взяты на анализ образцы древесины из погребальных конструкций, пополнена антропологическая коллекция.

С 1994 г. на Курайке из 115 зафиксированных объектов исследовано больше половины, что дает основания для сравнительно-типологического и планиграфического анализа изученных комплек-

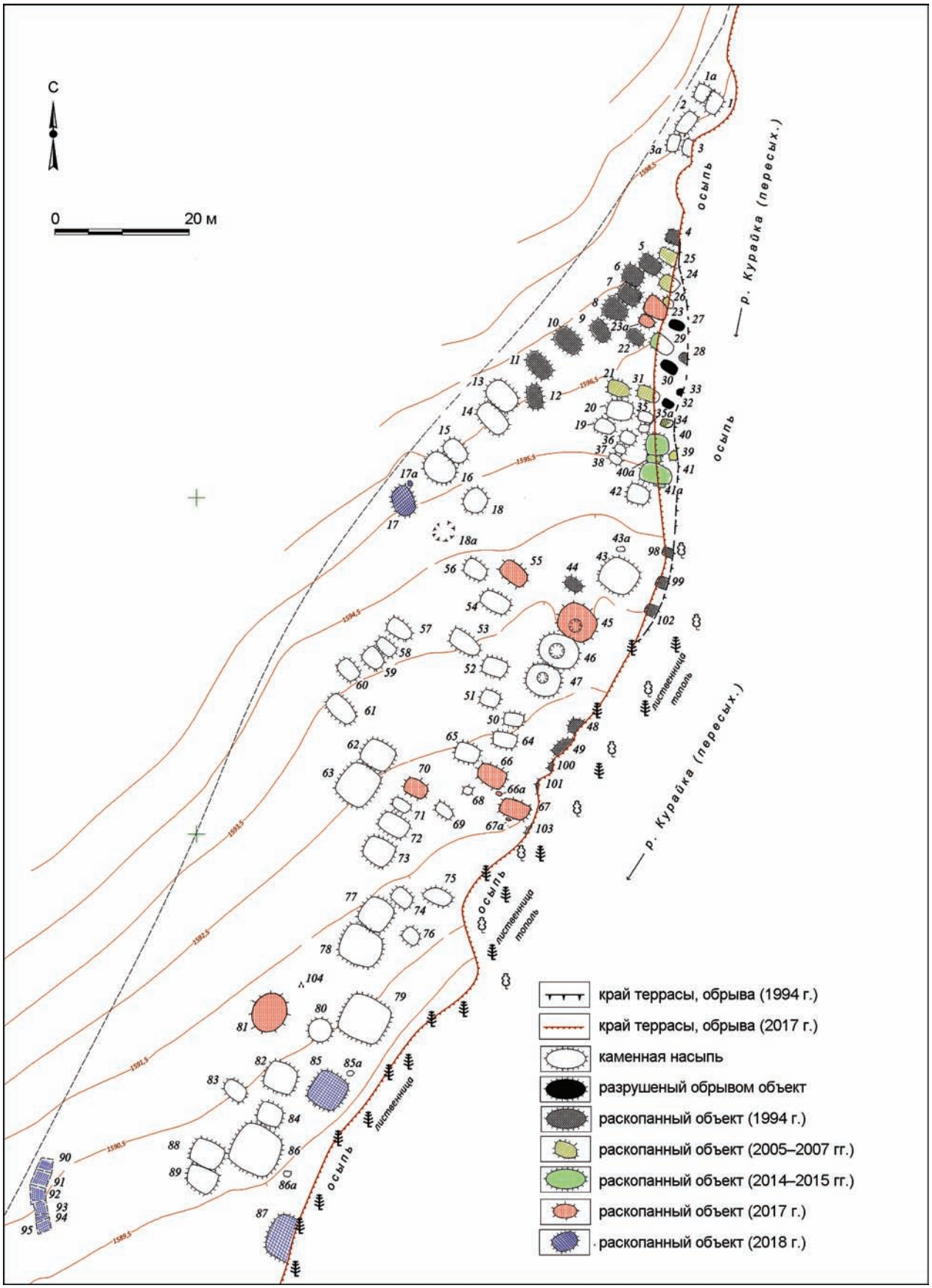


Рис. 1. Могильник Курайка, группа А. Топографический план. Цветом отмечены исследованные объекты.

сов. Могильник, состоящий из двух обособленных групп объектов, располагается на узкой террасе в достаточно защищенном от ветров укромном месте, относится к кок-пашскому типу погребальных памятников и датируется в пределах III–V вв. н.э. На территории памятника не фиксируется сооружений других эпох. При этом мы наблюдаем сочетание различных «планиграфических моделей». В группе А объекты выстроены несколькими цепочками вдоль долины и русла реки, по линии СВ – ЮЗ (рис. 1). В группе Б все сооружения располагаются цепочками перпендикулярно руслу реки (по линии З – В), по склону (рис. 2).

Основу большинства наземных сооружений Курайки составляют крепиды подпрямоугольной в плане формы, сложенные из уплощенных валунов (см.: [Соёнов, Эбель, 1998, Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008]). Внутреннее пространство заполнялось остатками выкида из могильной ямы и мелким камнем (валунами). Поэтому данные на-

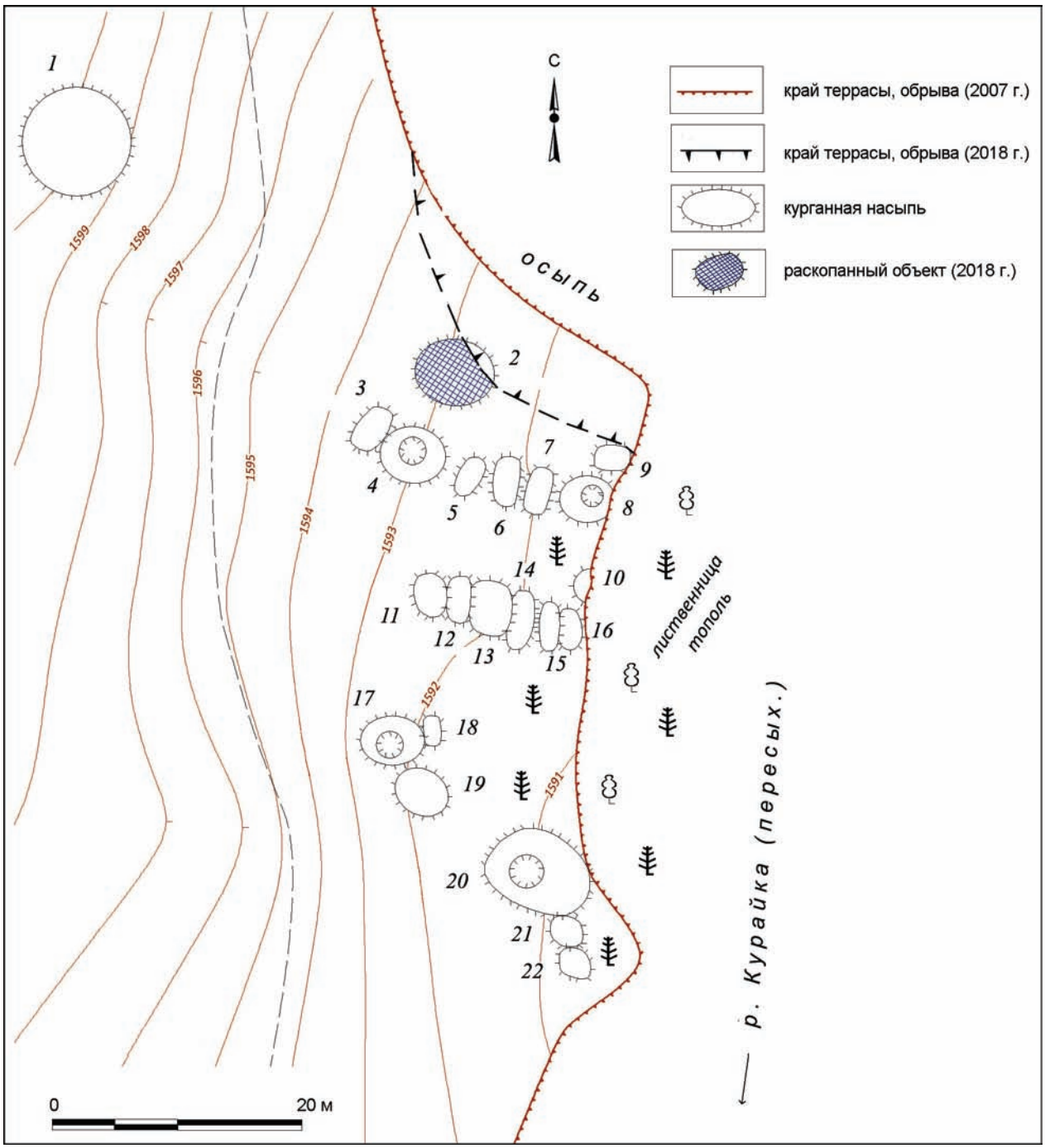


Рис. 2. Могильник Курайка, группа Б. Топографический план. Цветом отмечен исследованный объект.

земные конструкции нельзя называть курганными насыпями.

В то же время в группе А в состав цепочки входил объект № 81, у которого под каменно-земляной насыпью была обнаружена крепида округлой формы, к которой по сотовому принципу было пристроено еще одно полукольцо с разрывами из крупных валунов. Внутри каждой из крепид находились погребения: в центральной части – захоронение мужчины (50–55 лет) (здесь и далее определения ст. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН Д.В. Позднякова) в лиственничной колоде, в пристроенной – женщины (старше 60 лет) в деревянной раме с перекрытием и опорными столбами. В группе Б у объекта № 2 под каменной насыпью были расчищены три крепиды из крупных валунов, устроенные также по сотовому принципу: центральная, округлой в плане формы, и две пристроенные с северо-западной и юго-восточной стороны. В центральной и восточной могилах были захоронены мужчина 40–45 лет и ребенок 9 (± 2) лет в деревянных рамах, в западной – женщина 40–45 лет в каменном ящике. Остальные детали погребального обряда (ориентация погребенных головой на ССВ, вытянутое положение на спине) и категории погребального инвентаря не выбиваются из общей картины, присущей Курайскому некрополю.

В центральной части группы А также исследованы два объекта (№ 45, 85) с округлыми в плане крепидами из валунов, но не имеющие ни погребений, ни каких либо ям или следов огня (см. рис. 1). Также никаких следов ритуальных действий не обнаружено внутри 6 объектов (№ 90–95), расположенных дугообразно в ряд в юго-западной части могильника. В основе каждого из них зафиксирована ограда подквадратной в плане формы из уплощенных валунов, поставленных вертикально (см. рис. 1). Внутренняя площадь объектов была плотно заложена валунами. Отсутствие находок не позволяет нам датировать данный комплекс. Возможно, был прав В.И. Соёнов, считая его похожим на оградки кудыргинского типа [Соёнов, Эбель, 1998, с. 116].

Рассмотрев все исследованные на Курайке комплексы (51 объект, 49 могильных ям), мы получаем следующую картину. Одна каменно-земляная насыпь (два погребения), одна каменная насыпь (три погребения), два объекта с крепидой округлой в плане формы и шесть с подквадратной не имели погребений. На остальных объектах выявлена крепида подпрямоугольной формы. 23 погребения совершены в колоде (из них 6 детских), 20 в деревянной раме (3 детских), 4 в каменных ящиках (3 детских), одно детское погребение на лиственничной доске, одно погребение младенца без конструкции внутри могильной ямы. Локализация погребений на памятнике и устройство внутримогильных сооружений не дают оснований говорить о наличии в данном сообществе ярко выраженной дифференциации (имущественной, профессиональной, половозрастной). Например, в колодах хоронили и мужчин, и женщин, и детей. Планиграфически эти погребения не выделяются. Погребальный инвентарь достаточно стандартен для всех типов погребений, а отдельные специфические находки (роговая пешня, накладки на лук и др.) могут свидетельствовать лишь о роде деятельности умерших. Для всех наземных сооружений Курайки характерны ориентация углами по сторонам света (с небольшим смещением), обкладка внутримогильных конструкций отдельными валунами по периметру, наличие в головах деревянного блюдца (тарелки, столика) с хвостовыми позвонками барана (90 % случаев). Положение всех без исключения погребенных вытянуто на спине, с преобладанием северной ориентации (отклонения на З и В) – свидетельствует о некоторых мировоззренческих представлениях данной группы о загробной жизни (восход и заход солнца) и косвенно наводит на мысль о совершении похорон в конце осени – начале зимы и начале весны. Если учитывать положение умерших ногами к реке и зафиксированные случаи имитаций лодок, то мировоззренческий комплекс представляется более сложным и синкретичным (подробнее см.: [Богданов, Новикова, 2017, с. 276–277]).

Наблюдаемая в погребальном обряде населения, оставившего некрополь Курайка, мозаичная картина возвращает нас к многолетней научной дискуссии. Достаточно долгое время барнаульские археологи относят могильник Курайка к единой булан-кобинской археологической культуре на основании «анализа наземных и подкурганных построек в рамках одной схемы таксономических единиц» [Матренин, 2001; Матренин, Тишкин, 2007; Серегин, Матренин, 2016, с. 11–21]. Новосибирские и горно-алтайские ученые [Худяков, 1998; Соёнов, Эбель, 1998, с. 116; Соёнов, 2003, с. 54; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; Богданов, Новикова, 2017] настаивают на существовании двух типов культуры: булан-кобинского и кок-пашского. Установить истину в данном споре достаточно проблематично, учитывая огромную вариабельность погребального обряда у населения Алтая в гунно-сарматское время, наглядно демонстрирующую сложный процесс смешения различных культурных традиций. Мы не можем присоединиться к мнению барнаульских коллег и считать определенные типы погребальных конструкций «достаточно консервативным компонентом обряда» и неким «этнокультурным фактором», «позволяющим разграничивать археологические культуры и локально-территори-

альные группы памятников» (см.: [Серегин, Матренин, 2016, с. 23]). Если с утверждением, что «особенности пространственно-территориальной организации могильников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени отражают некоторые универсалии погребальной обрядности кочевников Северной и Центральной Азии эпохи поздней древности и средневековья» [Там же], можно согласиться, то вывод о том, что «археологические материалы демонстрируют существование у кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. “социально-имущественного”, “профессионально-полового” принципов локализации погребений» [Там же, с. 21], явно носит декларативный характер. Аргументированные доказательства обоснованности подобных сомнений, выявленные в материалах курайского некрополя, приведены выше.

Нам представляется, что вариативность погребального обряда, зафиксированная в пределах одного могильника, свидетельствует, с одной стороны, о тесной связи со скифским традициями (лиственничные колоды, наличие деревянной посуды с хвостовыми позвонками барана в головах погребенных), а с другой – о смешанном этнокультурном составе населения. Определенную ясность в этот вопрос должны внести палеогенетические и антропологические исследования, и только тогда можно будет обоснованно говорить об этногенезе кочевников в эпоху великого переселения народов на территории Горного Алтая.

Благодарности

Полевые исследования 2017–2018 гг. выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036), обобщение материалов выполнено в рамках проекта НИР № 0329-2018-0007.

Список литературы

Богданов Е.С., Новикова О.И. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 275–278.

Матренин С.С. Классификация погребальных сооружений булан-кобинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: мат-лы XLI региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 340–344.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная культура ранних кочевников Евразии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 152–182.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. –272 с.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008.– Вып. 7. – С. 42–57.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2003. – 160 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1998. – С. 113–135. – (Изв. лаборатории археологии; № 3).

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1998. – С. 97–112. – (Изв. лаборатории археологии; № 3).

References

Bogdanov E.S., Novikova O.I. Issledovatel’skie raboty na mogil’nike Kurayka (Gorny Altai) v 2017 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 275–278 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Problema genezisa kul’tury khunnskogo vremeni v Gornom Altaye. In *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1998, pp. 97–112 (Izv. laboratorii arkheologii; No. 3) (in Russ.).

Matrenin S.S. Klassifikatsiya pogrebal’nykh sooruzheniy bulan-kobinskoy kul’tury. In *Istoriko-kul’turnoye nasledie Severnoy Azii. Itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletiy (materialy XLI regional’noy arkheologo-etnograficheskoy studencheskoy konferentsii)*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2001, pp. 340–344 (in Russ.).

Matrenin S.S., Tishkin A.A. Bulan-kobinskaya kul’tura Gornogo Altaya. In *Sotsial’naya kul’tura rannikh kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: Irkut. State Technical Univ. Press, 2005. pp. 152–182 (in Russ.).

Seregin N.N., Matrenin S.S. Pogrebal’ny obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2016, 272 p. (in Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoy epokhi iz Gornogo Altaya (mogil’nik Kurayka). In *Izuchenie istoriko-kul’turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri*, Gorno-Altaisk: AKIN, 2008, iss. 7, pp. 42–57 (in Russ.).

Soyonov V.I. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoy epokhi (opisanie, sistematika, analiz). Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2003, 160 p. (in Russ.).

Soyonov V.I., Ebel’ A.V. Issledovaniya na mogil’nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk: Gorno-Alt. gos. un-t, 1998, pp. 113–135 (Izv. laboratorii arkheologii; No. 3) (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.234-237
УДК 902/904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Предметы младенческой гигиены хунно-сяньбийского времени Горного Алтая в контексте культурных связей

Костяные мочеотводные трубки (сумаки) – одни из древнейших средств младенческой гигиены, выявленных археологически. В этнографических материалах эти предметы представлены для целого ряда оседлых и кочевых народов Евразии. Однако на территории Южной Сибири среди этнографических предметов традиционной гигиены они практически не известны. Тем не менее на нескольких поселенческих, ритуальных и погребальных памятниках первой половины I тыс. н.э. такие изделия археологически выявлены в Саяно-Алтайской горной стране. Это, в свою очередь, позволяет для первой половины I тыс. до н.э. очертить ареал, где была представлена, а возможно, и формировалась такая традиция младенческой гигиены.

Ключевые слова: *хунно-сяньбийское время, Горный Алтай, Южная Сибирь, предметы младенческой гигиены.*

A.P. Borodovsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Objects of the Infantile Hygiene of the Hunnu-Syanbian Time in the Gorny Altai in the Context of Cultural Relations

The bony urine draining tubes, sumaki, are one of the most ancient means of infant hygiene identified by archaeologists. According to the ethnographic materials, these items are typical of an array of settled and nomadic peoples of Eurasia. However, they are practically unknown in the territory of Southern Siberia among ethnographic items of traditional hygiene. Nevertheless, such objects are discovered by archaeologists in the Sayan-Altai mountainous region, on several settlements, ritual and funerary monuments belonging to the first half of 1000 AD. There were related to wooden mobile cradles. Later such hygienic devices are represented both within archaeological and ethnographic sets, which enables us to register a period of occurrence and disappearance of such cultural tradition in the Sayano-Altai region.

Keywords: *Hunnu-Sianbian time, Mountainous Altai, Southern Siberia, infantry hygiene items.*

Предметный комплекс, связанный с младенчеством (колыбели, специфические предметы гигиены), является одним из этно-диагностирующих признаков, позволяющих определить не только культурное своеобразие различных групп населения, но и их исторические связи на обширных евразийских просторах. В свою очередь, различные предметы и материалы младенческой гигиены также тесно связаны с конструктивными особенностями колыбелей и их мобильностью в бытовом использовании. В частности, это обнаруженные в археологических комплексах Центральной Азии и Южной Сибири костяные мочеотводные трубки, имеющие в различных этнокультурных «средах» ряд названий (сумаки, туваки, шимек) и (рис. 1, *1, 2, 7–10*) [Кызласов, 1969, с. 59–78; Дэвлет, 2010, с. 173, 176–177; Кибиров, 1959, с. 116, рис. 19, *3*; Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95].

В последнее время на территории Горного Алтая на разнотипных археологических памятниках – поселениях, городищах, культовых комплексах (Чултуков Лог-9, Нижний-Чепош-3, Грот Куйлю) – выявлено несколько таких предметов (рис. 1, *3–6*; 2) [Соёнов и др., 2011, с. 125, рис. 22, *1*; с. 195, рис. 135, *19*; с. 224, фото 21, *6*; Молодин, Ефремова, 2010, с. 80, рис. 72, *3*]. Территориально костяные мочеотводные трубки обнаружены в горной долине нижней и средней Катуни и в верховьях катунского бассейна на р. Кучерла. Корректная идентификация мочеотводных костяных трубок для Горного Алтая впервые

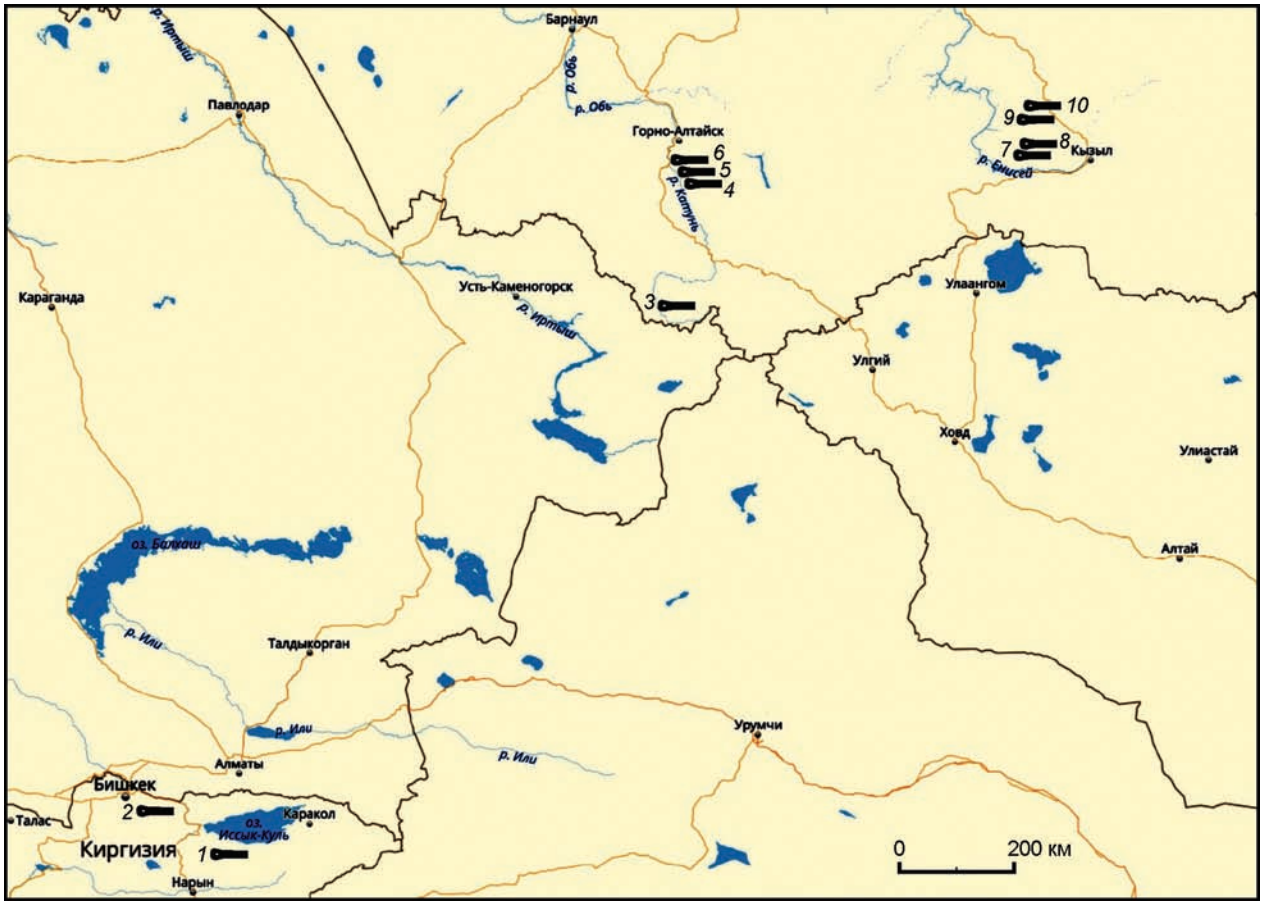


Рис. 1. Картография сумаков (костяных мочеотводных трубок) хунно-сяньбийского времени Центральной Азии и Южной Сибири (сост. К. Михальчевский).

1 – Турасу; *2* – Кенкол; *3* – Грот Куйлю; *4* – Нижний Чепош-3; *5, 6* – Чултуков Лог-9; *7, 8* – Чааты I; *9* – Катылыг-5; *10* – Азас-1.

была сделана В.И. Соёновым [Соёнов и др., 2011, с. 125], поскольку ранее такие предметы относились к изделиям с неизвестным назначением [Молодин, Ефремова, 2010, с. 80]. Согласно этнографическим данным, по форме входного отверстия для жидкости мочеотводные костные трубки отражают гендерные особенности. Предметы с округлым отверстием (Чултуков Лог-9, Верх-Чепош-3) были принадлежностью колыбелей для мальчиков (рис. 2, *1–3*), тогда как изделия с овальным отверстием (Грот Куйлю) представляли собой мочеотводные приспособления для колыбелей девочек (рис. 2, *4*).

Вопросы хронологии этих предметов в археологической литературе трактуются неоднозначно. В соответствии с одной из точек зрения, наиболее ранние образцы костяных мочеотводных трубок на территории Южной Сибири датируются эпохой средневековья и относятся к средневековым уйгурам [Кызласов, 1969, с. 59–78; 1979, с. 166, рис. 123, *1*; Степи Евразии…, 1981, с. 140, рис. 30, *35*]. В соответствии с другой точкой зрения, эти предметы, по археологическим материалам Центральной Азии (Тянь-Шань), бытуют в эпоху раннего железа и гунно-сарматского (хунно-сяньбийского) времени [Кибиров, 1959, с. 116, рис. 19, *3*; Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95]. Однако детальный анализ обоснованности таких хронологических атрибуций дает следующие представления о времени появления костяных мочеотводных трубок. По мнению ряда исследователей, достаточно поздняя датировка одного из образцов этого изделия из Тувы Л.Р. Кызласовым эпохой Средневековья (Чааты I) в действительности должна быть существенно удревнена и относиться к заключительному периоду эпохи раннего железного века (хунно-сяньбийскому времени) [Савинов, 2006, с. 45]. Хотя на территории Тувы к настоящему времени известны находки костяных мочеотводных трубок из детских колыбелей тюркского типа, представленные в памятниках кокэльской культуры [Дэвлет, 2010, с. 173, 176–177]. В свою очередь, отнесение некоторых образцов костяных мочеотводных трубок из Центральной Азии (Тянь-Шань) к эпохе раннего железа (середина I тыс. до н. э.) также пока вряд ли обосновано [Кибиров, 1959, с. 116, рис. 19, *3*], поскольку, по современным данным из этого региона,

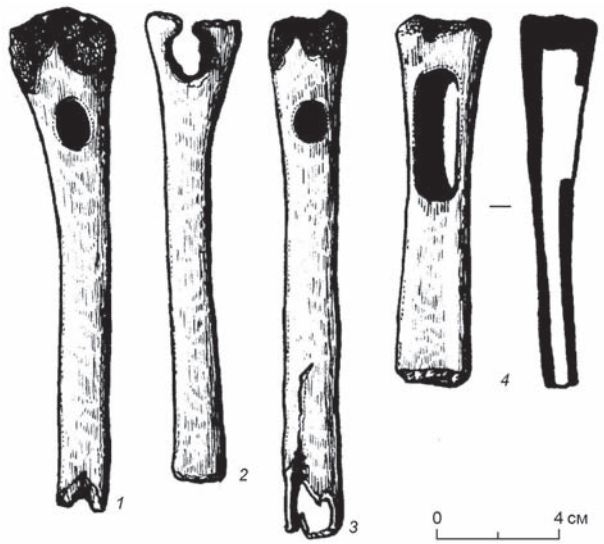


Рис. 2. Предметы младенческой гигиены хунно-сяньбийского времени Горного Алтая.
1, 2 – Чултуков Лог-9; *3* – Нижний Чепош-3; *4* – Грот Куйлю.

такие предметы присутствуют в археологических комплексах рубежа тысячелетий (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) или первой половины I тыс. н.э. [Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95].

Для территории Горного Алтая основной массив серии калиброванных радиоуглеродных дат (определенных в России (Новосибирск) и Польше (Краков)), остеологических материалов и почвы археологических памятников (Верх-Чепош-3, Чултуков Лог-9), среди находок на которых присутствуют костяные мочеотводные трубки, позволяет уверенно датировать их периодом с конца I тыс. до н.э. и вплоть до середины I тыс. н.э., что соответствует на территории Южной Сибири хунно-сяньбийскому времени [Соёнов и др., 2011, с. 40–41; Бородовский, Олешак, 2017]. Таким образом, костяные мочеотводные трубки, бытовавшие на территории Горного Алтая, фактически синхронны их аналогам из Центральной Азии.

Присутствие сумаков в археологических материалах хунно-сяньбийского времени на Северном Алтае позволяет также поставить вопрос об их использовании как маркера для определения этнокультурной принадлежности населения той эпохи. В свою очередь, присутствие костяных сумаков на долговременных поселенческих комплексах Северного Алтая (Верх-Чепош-3, Чултуков Лог-9), включая городища, служит одним из оснований для аргументации принадлежности этих гигиенических приспособлений с деревянными «долговременными» колыбелями населению, практикующему оседлую жизнедеятельность. Не менее важно наличие такого гигиенического приспособления для осуществления цикла младенческой жизнедеятельности (до 2–3 лет). У населения хунно-сяньбийского времени Северного Алтая этот факт явно указывает на южную ориентацию его культурных связей. Это крайне важно и перспективно в рамках обсуждения дискуссионных вопросов культурного единства (булан-кобинская археологическая культура) или территориального своеобразия (майминская археологическая культура) населения хунно-сяньбийского времени как Северного Алтая, так и всего Горного Алтая в целом, поскольку в Средней Азии (Турасу, курган 18) [Кибиров, 1959, с. 116, рис. 19, *3*] их находили в памятниках джетыасарской и арысской культур [Левина, 1996, с. 116; Подушкин, 2000, с. 95]. При этом автохтонность арысской культуры на территории Южного Казахстана в период с IV в. до н. э. по IV в. н. э. дискуссионна [Подушкин, 2000; 2008; Смагулов, 2004]. В свою очередь, возможность реальной синхронизации древнейших находок костяных мочеотводных трубок от деревянных мобильных колыбелей из Центральной Азии с аналогичными изделиями из Южной Сибири (Тува, Алтай) в рамках хунно-сяньбийского времени позволяет достаточно четко очертить ареал, где была представлена, а возможно, и формировалась эта традиция младенческой гигиены (см. рис. 1). Преддверие эпохи «Великого переселения народов» и связанные с ней последующие процессы во многом обусловливают значительную широту археологического и этнографического распространения мочеотводных трубок на территории не только Южной Сибири, Центральной Азии, Ирана, но и Восточной Европы, включая Нижнее Поволжье, Кавказ и Крым. Следует подчеркнуть, что для территории Сибири по этнографическим данным такое гигиеническое приспособление не выявлено [Историко-этнографический атлас…, 1961]. В Центральной Азии сумаки известны у узбеков, киргизов и казахов [Карутц, 1903, с. 79].

В этой связи особенно интересно присутствие данных предметов у киргизов (кыргызов), предки которых в далеком историческом прошлом, по письменным и археологическим источникам, жили в Южной Сибири, включая Саяно-Алтайскую горную страну (Туву, Хакасию, Алтай). Еще в эпоху средневековья на территории Горного Алтая, по результатам современных археологических исследований, фиксируется присутствие погребальных памятников кыргызов [Дашковский, 2015].

Выявление целой серии предметов (сумаков), связанных с традиционной младенческой гигиеной, позволяет поставить целый ряд вопросов, связанных с происхождением и культурными связями населения Северного Алтая хунно-сяньбийского времени. Это связано с одной стороны, с возможностью синхронизации на основании таких находок в рамках предметного комплекса с другими катего-

риями изделий хунно-сяньбийского и гунно-сарматского времени (роговые накладки на лук, роговые наконечники стрел со свистунками, навершия плетей или стеков, застежки для лошадиных пут, костяные варганы), а с другой стороны, с выяснением его культурных связей и близости с синхронным населением других, более удаленных регионов Центральной Азии, в материальной культуре которых присутствуют костяные сумаки. Такие выводы делают возможной постановку вопроса об отражении определенных черт культурного единства и этнической специфики еще в одном из изделий (сумаке – костяной мочеотводкой трубке) предметного комплекса, появляющегося в этот переломный исторический период в Евразии.

Список литературы

Бородовский А.П., Олешак Л. Мультидисциплинарные исследования археологических памятников гунно-сарматского времени Северного Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд.– Барнаул: [Б. и.], 2017. – Т. III. – С. 9–13.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 224 с.

Дэвлет М.А. Могильник Азас I эпохи хунну в Тоджинском кожууне Тувы // Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. – СПб.: ЭлекСис, 2010. – С. 164–186.

Историко-этнографический атлас народов Сибири. – М.; Л., 1961 – 498 с.

Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. – СПб., 1903. – 188 с.

Кибиров А.К. Археологические работы в центральном Тянь-Шане // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – С. 63–139.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 212 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 207 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. – М.: [Б. и.], 1996. – 396 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). – Туркестан: Издат. центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. – 202 с.

Подушкин А.Н. Сюнну в Южном Казахстане (по материалам арысской культуры) // Номады казахстанских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана: [Б. и.], 2008 – С. 147–157.

Савинов Д.Г. Потомки кокэльцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2006. – Вып. 24. – С. 44–50.

Смагулов Е.А. Арысская археологическая культура: миф и реальность (заметки по поводу) // Изв. Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2004. – № 1 (242). – С. 284–301.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В. Чепошские городища. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2011. – 228 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 302 с.

References

Borodovskiy A.P., Oleshak L. Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov gunno-sarmatskogo vremeni Severnogo Altaya. In *V (XXI) Vserossiiskiy arkheologicheskiy s'jezd*, Barnaul, 2017, vol. III, pp. 9–13 (in Russ.).

Dashkovskiy P.K. Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Azii. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015, 224 p. (in Russ.).

Devlet M.A. Mogil'nik Azas I epokhi khunnu v Todzhinskom kozhuune Tuvy. In *Pamyatniki kokel'skoy kul'tury Tuvy: materialy i issledovaniya*. St. Petersburg: ElekSis, 2010, pp. 164–186 (in Russ.).

Istoriko-etnograficheskiy atlas narodov Sibiri. Moscow; Leningrad, 1961. 498 p. (in Russ.).

Karutts R. Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake. St. Petersburg, 1903, 188 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v srednie veka. Moscow: State Univ. Press, 1969, 212 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.). Moscow: State Univ. Press, 1979, 207 p. (in Russ.).

Levina L.M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n. e. – I tysyacheletie n. e. Moscow: [S. n.], 1996, 396 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovy kompleks na reke Kucherle (Gorny Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 264 p. (in Russ.).

Podushkin A.N. Arysskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana (IV v. do n. e. – IV v. n. e.). Turkestan: Izdat. tsentr MKTU im. Kh.A. Yassavi, 2000, 202 p. (in Russ.).

Podushkin A.N. Syunnu v Yuzhnom Kazakhstane (po materialam arysskoy kul'tury). In *Nomady kazakhstanskikh stepey: etnosotsiokul'turnye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoy epokhi*. Astana: [S. n.], 2008, pp. 147–157 (in Russ.).

Savinov D.G. Potomki kokel'tsev na strazhe uigurskikh gorodishch. In *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Kemerovo: State Univ. Press, 2006, iss. 24, pp. 44–50 (in Russ.).

Smagulov E.A. Arysskaya arkheologicheskaya kul'tura: mif i real'nost' (zametki po povodu). In *Izv. Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan*, 2004, No. 1(242), pp. 284–301 (in Russ.).

Soyonov V.I., Trifanova S.V., Konstantinov N.A., Shtanakova E.A., Soyonov D.V. Cheposhskie gorodishcha. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2011, 228 p. (in Russ.).

Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Moscow: Nauka, 1981, 302 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.238-241
УДК 902; 902.2; 904

З.Г. Гайдакова[1], А.В. Кениг[2, 3], С.А. Липс[1]

[1]Институт археологии Севера
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Сургутский государственный университет
E-mail: gajdakova@yandex.ru

Поселение Когончинское-19: первые результаты археологического изучения

Изучение поселений XVIII–XIX вв., принадлежавших коренным малочисленным народам Севера, имеет особое значение, поскольку позволяет не только оценивать развитие культуры, но и обоснованно использовать этнографические данные для интерпретации материалов древнейших периодов. Работа посвящена результатам раскопок поселения юганских хантов первой половины XIX в. Когончинское-19. Этот населенный пункт располагался на зимней дороге из Тобольска в Сургут и, очевидно, был связан с обеспечением ее функционирования.

Ключевые слова: *север Западной Сибири, р. Большой Юган, юганские ханты, Новое время.*

Z.G. Gaidakova[1], A.V. Kenig[2, 3], S.A. Lips[1]

[1]Institute for the Archaeology of the North
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Surgut State University
E-mail: gajdakova@yandex.ru

Kogonchinskoye-19 Settlement: Preliminary Results of Archaeological Research

Studies of the settlement sites of the 18th–19th centuries formerly populated by the indigenous peoples of the North are provide important information for evaluation of the development of culture and reliable comprehension of available ethnographic data in interpretation of ancient materials. The article describes results of the excavations of the Kogonchinskoye-19 settlement site established by the Yugan Khants in the first half of the 19th century. This settlement was located on the winter road from Tobolsk to Surgut and, obviously, was connected with various transportation services.

Keywords: *North of Western Siberia, the Bolshoy Yugan River, Yugan Khants, Modern Era.*

Археологические памятники Нового времени все чаще попадают в сферу внимания археологов и становятся объектом археологического изучения. В особенности это касается территории северо-запада Сибири. Основная часть объектов Нового времени – это поселения коренных жителей региона. Значение этих исследований столь же велико, как и изучение археологических памятников других периодов. Одним из таких объектов является поселение Когончинское-19.

Данный объект культурного наследия обнаружен на территории Среднеугутского лицензионного участка в 2016 г. [Гнатив, 2017]. В 2017 г. произведены раскопки поселения Когончинское-19 под руководством С.А. Липс [2018].

Памятник находится в Сургутском р-не, в 10 км к юго-западу от с. Угут (аэропорт) и 3 км к западу-северо-западу от современных юрт Когончиных. Памятник расположен на краю гривы, а сама грива в глубине коренной террасы на левом берегу р. Большой Юган в 1,6 км от старицы р. Большой Юган и в 2 км от русла Большого Югана, в 3 км к северу – северо-западу от устья р. Кулунигый. Таким образом, это поселение не приурочено к водоему и находится от него на значительном удалении. Растительный покров представлен беломошным сосновым бором. На поверхности фиксируются выраженные в микрорельефе археологизированные остатки трех сооружений, для полного исследования которых был заложен раскоп общей площадью

1612 м^2. Раскопки проводились сотрудниками Института археологии Севера совместно с ООО «НПО Северная археология-1» [Липс, 2018].

Планировочная структура реконструируется как компактная, близкая по форме к прямоугольнику, размерами 43,7 × 17,7 м., вытянутому по оси ЗСЗ – ВЮВ. Судя по выявленным постройкам, планировочную структуру составляли три избы. Сооружения расположены в ряд, и каждое ориентировано в направлении ССВ – ЮЮЗ. Вход у каждой постройки находился в южной части (рис. 1). Рядом с входом в юго-западном углу сооружения располагался чувал. Конструкция чувала представляла собой конусообразную глиняную печь с прямым дымоходом на каркасе из жердей.

Рис. 1. Поселение Когончинское-19 (ХМАО – Югра, Сургутский р-н). Топоплан. М 1: 500.

Сооружение № 1 расположено в восточной части поселения. На поверхности фиксировалась прямоугольная впадина с обваловкой, размерами 3,9 × 3,5 м и глубиной – 0,3 м. Углы, бровка и подошва впадины хорошо выраженные. Обваловка окружала впадину со всех сторон, кроме южной. Ширина обваловки 2,6–2,9 м, высота 0,2 м.

После снятия слоя лесной подстилки и последующей зачистки было выявлено, что «обваловка» – это, по всей видимости, остатки насыпи нар. Также на этом уровне появились остатки плах сооружения

Чувал сохранился в виде развала глины, керамической крошки и фрагментов каркаса. Основание чувала округлое, диаметром 1,2–1,3 м

По результатам исследований сооружение № 1 реконструируется как наземное бревенчатое срубное строение размерами 5,9 × 5,9 м. Конструкция была поставлена без фундамента, прямо на землю. Интерьер постройки состоял из нар, расположенных вдоль трех сторон жилой камеры, а также чувала. Пол был земляным, о чем свидетельствует прослойка темно-серого песка с вкраплениями угля. Нары были приподняты над уровнем пола на 0,3–0,4 м. Они были ограничены досками, поставленными на ребро. Возможно, нары были покрыты деревянным настилом либо застелены берестой, камышовыми циновками, оленьими шкурами – этот материал не сохранился. Из ям, расположенных вдоль западного и восточного краев постройки, брали грунт для завалинки, остатки которой были выявлены в виде небольшой насыпи вдоль наружных стен сооружения. Наличие завалинки указывает на зимнее назначение сооружения.

Сооружение № 2 расположено в центральной части поселения. На поверхности фиксировалась прямоугольная впадина с обваловкой, размерами 3,2 × 2,6 м, глубиной 0,3 м. Углы, бровка и подошва впадины хорошо выраженные. Обваловка шириной 1,7–2,2 м, высотой – 0,3 м. С северо-восточной стороны обваловка имеет выступ, ориентированный в направлении ЗЮЗ – ВСВ, размерами 1,9 × 1,8 м, высотой 0,3–0,4 м. В юго-западной части обваловки фиксируется подквадратное в плане возвышение, ориентированное в направлении ССЗ – ЮЮВ, размерами 1,6 × 1,4 м, высотой 0,4 м. Чувал находился в юго-западном углу сооружения, основание округлое, диаметр 0,7–0,8 м.

По результатам исследований сооружение № 2 реконструируется как наземное бревенчатое сруб-

ное строение размерами 5,6 × 5,8 м. Постройка была сооружена без фундамента. Интерьер постройки состоял из нар, расположенных вдоль трех сторон жилой камеры, а также чувала. Нары приподняты над уровнем пола на 0,3–0,4 м. Они были ограничены досками, поставленными на ребро и, видимо, закрепленными по углам кольями, воткнутыми в земляной пол.

Сооружение № 3 расположено в западной части объекта. На поверхности фиксировалась прямоугольная впадина с обваловкой, размерами 3,2 × × 2,6 м, глубина 0,3 м. Углы, бровка и подошва впадины хорошо выраженные. К юго-западному краю впадины примыкало возвышение, по форме напоминающее прямоугольник, размерами 1,3–1,4 м и высотой 0,4 м. Чувал находился в юго-западном углу сооружения, основание округлое, диаметром 1 м.

По результатам исследований сооружение № 3 реконструируется как наземное бревенчатое срубное строение размерами 6,2 × 5,8 м. Жилище было поставлено без фундамента, прямо на землю. Интерьер постройки состоял из нар, расположенных вдоль западной, северной и восточной сторон жилой камеры, а также чувала. Пол в восточной части сооружения, видимо, был обмазан глиной, оставшейся от постройки чувала. Нары были приподняты над уровнем пола на 0,3–0,4 м и ограничены досками, поставленными на ребро.

Все сооружения могут быть интерпретированы как наземные жилые постройки, на что указывают их конфигурация, размеры и наличие чувала. Помимо жилых сооружений на территории поселения имелись ямы, из которых брался грунт для сооружения завалинок вокруг домов.

Данные сооружения являются памятниками культуры юганских хантов. Собранные о них сведения служат полноценным источником для изучения истории домостроительства аборигенного населения таежного Приобья.

В процессе археологических работ на поселении Когончинское 19 была собрана коллекция артефактов общей численностью 177 изделий и заготовок из металла, камня, кости, дерева, стекла и керамики. Выделено шесть основных функциональных групп: украшения; орудия охоты и рыболовства; предметы вооружения; инструменты, предметы быта и домашнего обихода; посуда и кухонная утварь; монеты. Нумизматическую коллекцию составляют 9 медных монет времени правления российских императоров Александра I (1801–1825 гг.) и Николая I (1825–1855 гг.), что позволяет определить период функционирования поселения в пределах начала – середины XIX в. Судя по отсутствию более поздних широко распространенных монет, населенный пункт прекращает свое существование ко времени правле-

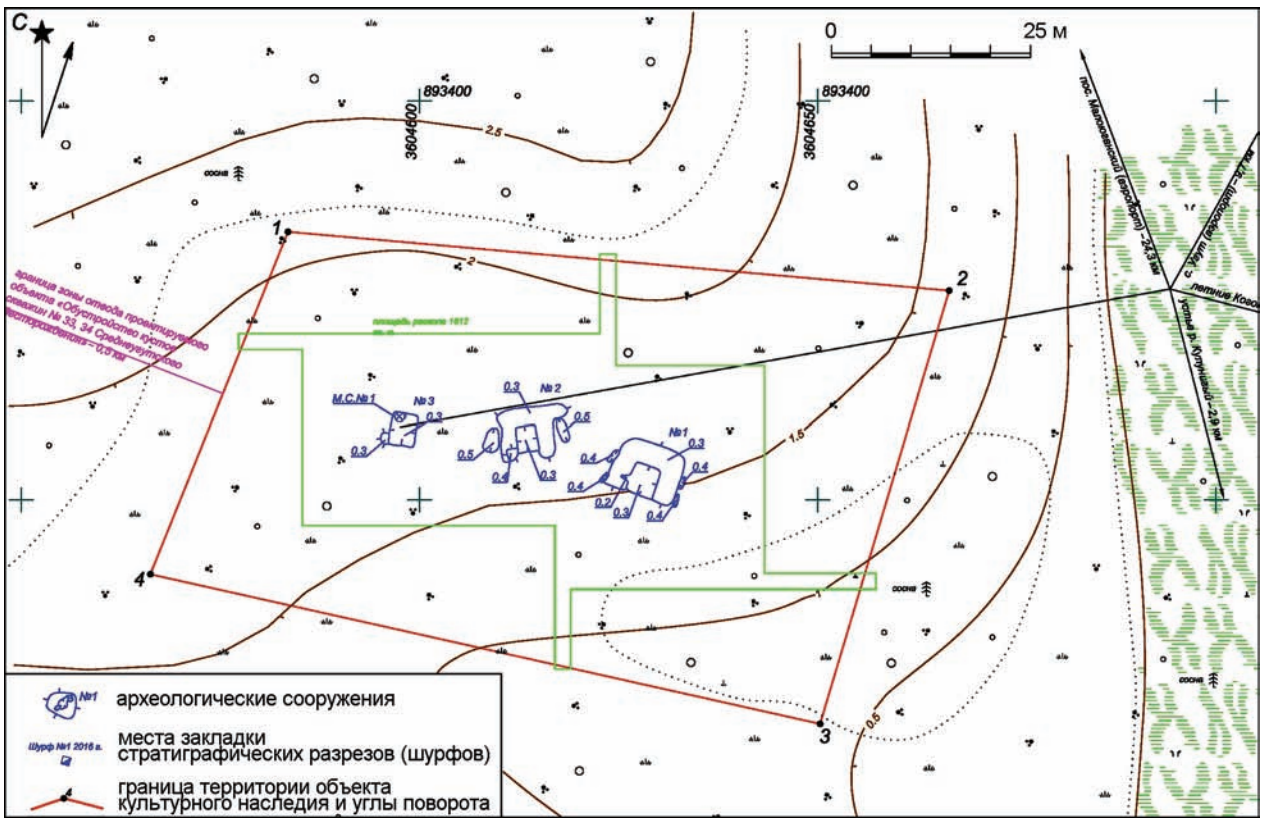


Рис. 2. Юрты Когончинские (ХМАО – Югра, Сургутский р-н). Обзорная схема. М 1: 50 000.

ния Александра III (1881–1893 гг.). Все указанные группы предметов составляют полноценный комплекс, присущий стационарному долговременному поселению с осуществлением различных видов деятельности.

Помимо археологической была также собрана археозоологическая коллекция (преимущественно северный олень и лось).

Основываясь на архитектуре сооружений, наличии чувала, завалинок, а также видовом составе животных, мы интерпретируем данное поселение как зимнее. В непосредственной близости находятся еще два поселения – Юрты Когончины зимние. Нам известны Юрты Когончины зимние-2, которые функционировали до 80-х гг. XX в. [Пальянова, Петрова, Усолкина, 2013], и Юрты Когончины зимние-1, функционировавшие в XVII–XVIII вв. (рис. 2). Таким образом, на небольшом участке расположены три стационарных зимних поселения, принадлежавшие одному роду, с периодом существования не превышающим одного века. Судя по всему, странное расположение этих памятников, которые не приурочены к водоемам, можно объяснить их назначением, связанным с близкостью к зимней дороге из Тобольска в Сургут и обеспечением ее функционирования.

Список литературы

Гнатив В.О. Отчет о НИР. Археологические полевые работы (разведки), проведенные в зоне обустройства месторождений ООО «РН-Юганскнефтегаз» на территории Ханты-Мансийского, Нефтеюганского, Сургутского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 году. – Екатеринбург, 2017.

Липс С.А. Отчет о НИР. Археологические раскопки объекта культурного наследия «поселение Когончинское-19» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2017 г. – Нефтеюганск, 2018. – 246 с.

Пальянова М.Н., Петрова Е.Н., Усолкина М.А. Архитектурно-этнологические исследования юрт Когончиных на территории Средне-Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби. – Екатеринбург: Магеллан, 2013. – С. 140–172.

References

Gnativ V.O. Otchet o NIR. Arkheologicheskie polevye raboty (razvedki), provedennye v zone obustroystva mestorozhdeniy OOO RN-Yuganskneftegaz na territorii Khanty-Mansiyskogo, Nefteyuganskogo Surgutskogo rayonov Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2016 godu. Yekaterinburg, 2017 (in Russ.).

Lips S.A. Otchet o NIR. Arkheologicheskie raskopki ob'yekta kulturnogo naslediya poselenie Kogonchinskoe-19 v Surgutskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2017 g. Nefteyugansk, 2018, 246 p. (in Russ.).

Palyanova M.N., Petrova E.N., Usolkina M.A. Arkhitekturno-etnologicheskie issledovaniya yurt Kogonchinykh na territorii Sredne-Ugutskogo mestorozhdeniya nefti // In *Drevnee nasledie Sredney Obi*. Yekaterinburg: Magellan, 2013, pp. 140–172 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.242-245
УДК: 902/904+902.6

Ю.Н. Гаркуша

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

Дендрохронология городища Усть-Войкарское: опыт историографического исследования

На примере результатов дендрохронологического анализа образцов древесины из строений городища Усть-Войкарское, исследованных в 2003–2008 гг., рассматривается, насколько полно используются возможности метода дендрохронологии для решения вопросов не только датирования, но и реконструкции истории строительства поселения и различных аспектов строительного дела. Полученные даты были рассмотрены с учетом архитектурного контекста: по отдельным строениям и в связи с их принадлежностью к различным конструктивным элементам, что позволило более корректно подойти к их интерпретации. Высказывается мнение о том, что, если постройка представлена минимальным количеством образцов, велика вероятность того, что полученные даты могут отражать лишь отдельные периоды ее функционирования или формировать искаженные представления о ее строительной истории.

Ключевые слова: *дендрохронология, городище Усть-Войкарское, север Западной Сибири, традиционное домостроение.*

Yu.N. Garkusha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

Tree-Ring Analysis of the Ust-Voikarskoye Settlement: A Trial of Historiographical Research

The article describes the opportunities of tree-ring analysis application not only for dating but for reconstruction of architectural history of a settlement and different aspects of constructional processes. The author reviews the results of tree-ring analysis of wood from the buildings in Ust-Voikarskoe that was conducted in 2003–2008. The generated dates are discussed in the architectural context, e.g. in connection with certain buildings and certain constructional details. Such point of view secures more reliable interpretations of the dates. The author makes a conclusion that a small number wood samples often results the risk that the dates would represent only certain periods of the dwelling usage or lead to wrong conclusions about history of its construction.

Keywords: *tree-ring analysis, Ust-Voikarskoe settlement, the northern part of Western Siberia, traditional housing.*

Современная история археологического изучения городища Усть-Войкарское – многослойного памятника коренного населения севера Западной Сибири – включает два периода: 2003–2008 и 2012–2016 гг. Хорошая сохранность древесины строений поселения позволила активно применять метод дендрохронологии для их датирования. В настоящее время городище является одним из немногих археологических памятников Западной Сибири, для изучения которого было привлечено значительное количество древесных образцов – в целом ок. 850.

Важным достижением 1-го периода является своевременный ввод в научный оборот результатов дендрохронологического анализа строений городища*. Огромная работа в этом направлении была выполнена дендрохронологом М.А. Гурской; результаты отражены в ряде публикаций, наиболее полно – в статье 2008 г. [2006, 2008; Gurskaya, 2006, 2007]. Важно отметить, что даты были рас-

*В настоящее время в ИАЭТ СО РАН ведется дендроанализ образцов древесины, полученных в ходе работ 2-го этапа.

смотрены с учетом архитектурного контекста: по отдельным строениям, а также в связи с принадлежностью к различным конструктивным элементам.

Для дендроанализа было использовано около 430 образцов от 23 построек (к этой категории были отнесены все виды строений: от домов и элементов их внутренней планировки до уличных настилов и различного типа ограждений) [Гурская, 2008]. Собственно объекты домостроения представлены 8 постройками различного типа: № 3, 4, 6, 7–11. Данные по постройке № 5 были представлены в другой публикации [Gurskaya, 2006, Table 2].

Мерзлота, по мнению исследователя, – исключительный фактор, повлиявший на сохранность древесины, что дало возможность установить наличие у большей части образцов подкорового кольца, которое позволяет определить год рубки дерева с точностью до сезона. Например, оно отмечено у более чем 80 % образцов лиственницы, что является очень хорошим показателем для археологической древесины [Gurskaya, 2007, p. 70]. В итоге для 217 образцов были получены абсолютные порубочные даты; 165 не имели подкорового кольца [Гурская, 2008, с. 224].

Необходимо, однако, учитывать, что на состояние внешней поверхности археологической древесины, особенно строительной, влияют не только естественные факторы, но и способы ее обработки. Представленные данные показывают, что при сооружении различных строений на городище значительная часть стройматериала применялась без особой предварительной подготовки.

Исследователем установлено, что в строительстве использовались ель (60 %), лиственница (28 %), кедр (4 %); для изготовления различных легких ограждений также береза [Там же, с. 216]. Также были приведены наблюдения о применении древесины различных пород в зависимости от типа строения и принадлежности к определенным конструктивным элементам. Однако вывод о том, что стены сооружались из лиственницы, не в полной мере подтверждается опубликованными данными, например; при сооружении стен срубных построек № 7, 9 использована ель, а постройки № 8 – ель наряду с лиственницей [Там же, с. 219–220]. Приведенные сведения по отдельным домостроениям показывают, что стройматериал для стен стремились заготавливать в течение одного года (или одного сезона этого года), что свидетельствует о целенаправленной лесозаготовке при сооружении отдельных построек.

Пример срубной постройки № 8, давшей достаточно представительную выборку образцов (более 40; значительная часть сохранила подкоровое кольцо), показывает перспективность предварительного распределения анализируемых дат по конструктивным элементам для последующей их интерпретации. Порубочные даты древесины из венцов приходятся на осенне-зимний период 1639/1640 гг. – лето 1640 г. Для сооружения настила в основном использовалась ель, заготовленная летом 1670 г. Древесина из чувала (в частности, образующая раму) заготовлена в период 1515–1557 гг. Наиболее значительный разброс дат относительно времени сооружения стен был выявлен в группе образцов, взятых от фиксирующих колов (1470–1640) и от древесины, находившейся в заполнении (1683–1743) [Там же].

Таким образом, древесина для венцов сруба заготавливалась зимой и летом 1640 г. Вероятно, постройка функционировала без кардинальных перестроек. Поздние даты древесины из настила связаны с его заменой в течение одного летнего сезона; для этого использовалась целенаправленно заготовленная древесина. Значительная вариабельность дат, принадлежащих образцам из чувала и от колов, с одной стороны, показывает, что в данной категории стройматериала могла применяться как вторично использованная древесина, так и полученная в результате случайных сборов. С другой стороны, наличие образцов с датами, относящимися к 40-м гг. XVIII в., говорит о том, что постройка могла эксплуатироваться еще какое-то время и после указанного периода (если исключить случайное попадание столь поздней древесины в заполнение).

К сожалению, терминология, использованная исследователем при атрибуции мест отбора образцов, не всегда позволяет четко соотнести ее с соответствующим элементом конструкции. Главным образом это касается построек № 10 и 11, которые имели архаичный каркасно-столбовой тип конструкции с вертикальным набором стен [Федорова, 2006, с. 11–12]. Так, указано, что в постройке № 10 образцы взяты из перекрытия крыши, однако бревна, от которых они отобраны, описаны как «вертикальные и горизонтальные, некоторые из них имеют поперечные и продольные пазы различной формы. Из этих бревен формируется перекрытие» [Гурская, 2008, с. 221]. Исходя из описания, резонно предположить, что часть образцов могла быть получена и от различных элементов стен.

В случае с постройкой № 11 не понятно, что имеется в виду при указании мест отбора как «перекрытия, расположенного у входа», а также «вертикальных кольев южной и западной стены». Относится ли последнее местоуказание только к стеновому набору или рассматриваются в этом

контексте опорные элементы конструкции? При столь нечетком описании выделить особенности хронологического формирования конструкции затруднительно.

Обращаясь к материалам постройки № 11, необходимо отметить, что здесь выделяются два кратких периода (около 1283 и 1302 гг.), когда был заготовлен основной массив древесины. Тогда есть основание допустить, что поздний период отражает не время возведения жилища, как предположила исследователь [Там же], а крупные ремонтные работы. При этом около половины образцов составляет древесина, заготовленная в летний период. Анализ же материалов срубных построек показывает, что древесина для капитальных элементов постройки (например, стен) заготавливалась, как правило, в осенне-зимний период. Возможно, изменение предпочтений в выборе сезона заготовки стройматериала связано с проникновением в среду местного населения новых строительных традиций, привнесенных в Сибирь русскими. Однако такое предположение требует дополнительного обоснования.

Также исследователем было обращено внимание на особенности сооружения легких ограждений: использовалась древесина смешанных пород; часто применялась вторичная древесина; могли использоваться крупные ветви со стволов деревьев (судя по наличию креневой древесины) [Там же, с. 219].

Отметим, что результаты датирования отдельных сооружений городища ранее приводились в публикациях археологов [Федорова, 2006; Брусницына, 2005]. Однако, вероятно, в силу того, что они в то время носили еще предварительный характер и не отражали полную выборку по строениям, бросаются в глаза разночтения с результатами, позже введенными в оборот М.А. Гурской в обобщающей публикации [2008]. Например, А.Г. Брусницына относит сооружение постройки № 4 к 1524–1525 гг. [2005, с. 26], а даты образцов, отобранных от древесины из заполнения постройки № 8, приходящиеся на 30-е гг. XVIII в., некритически трактуются как время ее строительства. Вместе с тем, по данным М.А. Гурской, деревья для стен построек № 4 и № 8 рублены в 1647 и 1640 гг. соответственно [2008, с. 217, 219; 2007, p. 70]. Впрочем, в предварительной публикации автора исследования для постройки № 4 также приводится иная, чем позже введенная в оборот, дата: 1596–1597 гг. [Гурская, 2006, с. 150].

Обращаясь к проблеме интерпретации дендродат, необходимо отметить, что важным фактором, влияющим на их корректную трактовку, является присутствие вторично использованной древесины (включая происходящую из случайных сборов), что было отмечено и на примере других объектов архитектуры, созданных коренными жителями севера Западной Сибири, в частности Надымского городка [Кардаш, 2009, с. 34]; также необходимо учитывать архитектурный контекст происхождения древесины. Таким образом, если постройка представлена единичными датированными образцами, происходящими из различных мест конструкции, велика вероятность, что полученные даты могут отражать лишь отдельные периоды ее функционирования или формировать искаженные представления о ее строительной истории.

Игнорирование археологического и архитектурного контекстов при трактовке результатов дендроанализа может привести к некорректным выводам как об этапах строительной истории отдельных сооружений, так и о хронологии поселенческого комплекса в целом.

Список литературы

Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по материалам раскопок 2003–2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. – Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. – С. 22–32.

Гурская М.А. Древесно-кольцевые хронологии хвойных деревьев для абсолютного календарного датирования городища Усть-Войкарского // КСИА. – 2006. – № 220. – С. 148–159.

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое. – Челябинск: Рифей, 2008. – Вып. 6. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. – Салехард, 2006. – Вып. № 4 (41). – С. 11–17.

Gurskaya M. Preliminary tree-ring dating of historical wood from Ust-Voykar settlement (15th–20th centuries), Northwestern Siberia // Tree-rings in archaeology, climatology and ecology. – 2006. – Vol. 54. – P. 236–243.

Gurskaya M.A. A 900-years larch chronology for North-Western Siberia on the bases of archaeological wood of the Ust-Voykar settlement // Geochronometria. – 2007. – No. 8. – P. 67–72.

References

Brusnitsyna A.G. Voikarskiy gorodok v XV–XIX vv. (po materialam raskopok 2003–2004 gg.) // In *Yamal mezhdu proshlym i budushchem: prioritety razvitiya*. Yekaterinburg; Salekhard: RA ARTmediya, 2005, pp. 22–32 (in Russ.).

Fedorova N.V. Voikarsky gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 gg. In *Nauchny vestnik*. Salekhard, 2006, No. 4 (41), pp. 11–17 (in Russ.).

Gurskaya M.A. Drevesno-kol'tsevye khronologii khvoinykh derev'ev dlya absolyutnogo kalendarnogo datirovaniya gorodishcha Ust'-Voikarskogo. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2006, No. 220, pp. 148–159 (in Russ.).

Gurskaya M.A. Preliminary tree-ring dating of historical wood from Ust-Voykar settlement (15th–20th centuries), Northwestern Siberia. In *Tree-rings in archaeology, climatology and ecology*, 2006, vol. 54, pp. 236–243.

Gurskaya M.A. A 900-years larch chronology for north-western Siberia on the bases of archaeological wood of the Ust-Voykar settlement. In *Geochronometria*, 2007, No. 8, pp. 67–72.

Gurskaya M.A. Dendrokhronologicheskaya datirovka arkheologicheskikh obraztsov drevesiny gorodishcha Ust'-Voikarskogo (Severo-Zapadnaya Sibir'). In *Fauny i flory Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe*. Yekaterinburg, Chelyabinsk: Rifei, 2008, pp. 212–231 (in Russ.).

Kardash O.V. Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan, 2009. 360 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.246-250
УДК 903.7

Н.С. Ефремова, В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ens77@mail.ru

Разновидности ритуальных памятников на юге Западно-Сибирской равнины (неолит – позднее Средневековье)

Статья посвящена анализу культовых памятников, расположенных на территории Барабинской лесостепи. Особенности локализации и специфические категории инвентаря позволили разделить выявленные сакральные объекты на несколько типов. Погребальные ритуальные комплексы обнаруживают связь как с культами умерших, возможно восходящими к культам предков, так и с элементами погребальных обрядов. Производственные комплексы по следам на артефактах и активному использованию огня соотносятся с литьем бронзы. Детального рассмотрения и осмысления требует зафиксированный на нескольких памятниках эпохи неолита обряд помещения диких животных в объемные ямы. Для каждого культурно-хронологического периода выявлено существование ритуальных объектов, соотносимых с наиболее значимыми для древнего коллектива сферами жизнедеятельности или с основными аспектами мировоззрения.

Ключевые слова: *культовый комплекс, ритуал, мировоззрение, святилище, неолит, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, Средневековье.*

N.S. Efremova, V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ens77@mail.ru

Ritual Site Varieties in the Southern Part of the Western Siberian Plain (Neolithic – Late Medieval Period)

The article focuses on the analysis of ritual sites from the Baraba forest-steppe. Specific location and inventory served as the basis for classification of the discovered sacred objects into several types. There are funerary ritual complexes associated with both the cults of the dead, possibly related to the cult of the ancestors, and particular features of the burial rites. There are production ritual complexes identified by traces on artifacts and use of fire. These complexes are correlated with bronze casting. The rite of placing wild animals in pits recorded at several Neolithic sites requires detailed consideration. Specific ritual objects correlated with the most important spheres of vital activity for the ancient population and with the main aspects of the worldview has been established for each cultural-chronological period.

Keywords: *cult complex, ritual, worldview, sanctuary, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages.*

В последние десятилетия значительно вырос интерес к археологическим памятникам культового характера. Источниковая база пополнилась материалами святилищ, расположенных на территории Сибири [Культовые памятники…, 2004; Алтай..., 2010; Древние и современные культовые места..., 2011; и др.]. На территории Барабинской лесостепи также исследованы памятники, интерпретируемые как культовые по специфическому ряду признаков и уникальному набору артефактов. Целью данной работы является аккумуляция известных здесь на настоящий момент проявлений иррациональной деятельности человека и попытка их типологической и культурно-хронологической дифференциации.

Первым неординарным комплексом, относящимся к эпохе раннего неолита, является серия объемных глубоких ям, обнаруженных на памятниках Тартас-1 и Усть-Тартас-2 в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Наличие в большинстве из них

слоев из рыбьих костей и чешуи позволило интерпретировать такие объекты как сооружения для квашения рыбы. Однако очевидно, что некоторые подобные объекты использовались и с иной целью. Так, в яме № 938, расположенной на дне котлована уникальной конструкции с очагом-коптильней, обнаружены неполный скелет лисы, а также несколько костей трех горностаев. Здесь же в яме № 991 обнаружены скелеты собаки и росомахи, причем последняя, по-видимому, какое-то время жила в яме [Молодин, Ненахов, Нестерова и др., 2015, с. 327; Молодин и др., 2018, с. 43]. Аналогичные объекты располагались вокруг жилища № 7 – в яме № 1229 обнаружены лопатка лося и обломки костей рыбы, в яме № 1240 найдены керамика неолитического облика, а также фрагмент челюсти и длинная кость лапы собаки [Молодин, Хансен, Ненахов и др., 2016, с. 139]. На памятнике Усть-Тартас-2 в объемной яме обнаружены скелеты двух зайцев [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017]. Предварительно трупы животных, помещенные в хозяйственные ямы, можно интерпретировать как своего рода «приклады», выступающие в качестве сакральных жертв.

Известные в настоящее время культовые сооружения эпохи бронзы можно разделить на две группы. К первой принадлежат объекты, связанные с погребальным обрядом, но не являющиеся собственно погребальными. Ко второй группе относятся ритуальные комплексы, функциональная направленность которых сопряжена с отправлением обрядов, сопровождающих бронзолитейное производство.

На памятнике Тартас-1 подобное производственное сооружение представляет собой подчетырехугольный котлован с прокалом в центре и зольником у восточной стенки. Прокал окружен столбовыми ямками, по-видимому являющимися остатками каркасно-столбовой конструкции. В одной из ям близ котлована обнаружена глиняная форма для отливки кельта. В заполнении могилы № 153, примыкающей к сооружению, найдены фрагменты льячки. Орнаментация керамики позволяет отнести данный объект к одиновской культуре [Молодин, Чемякина, Дядьков, 2006, с. 424–426].

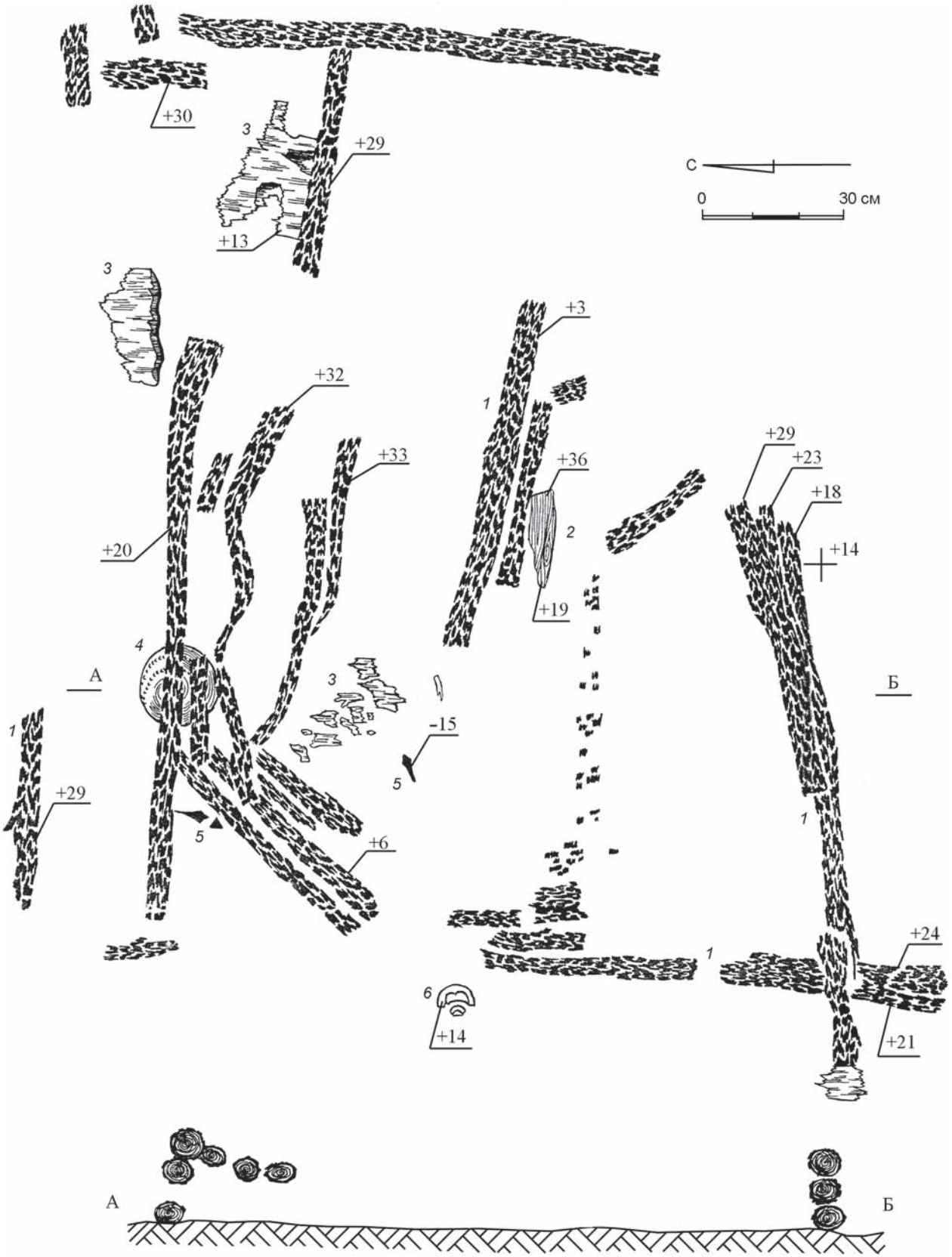
Специфической интерпретации заслуживают керамические сосуды, находящиеся на площади могильников вне погребений. Подобный феномен имел место на анализируемых памятниках. Керамика здесь найдена как в многочисленных ритуальных ямах, так и вблизи могил. Археологически целый сосуд при этом мог быть установлен вверх дном. Так, близ погребений № 442 (Сопка-2) и № 593 (Тартас-1) соответственно кротовской и андроновской культур обнаружены развалы сосудов, расположенные на уровне материка [Молодин, Гришин, 2016, с. 158; Ефремова, Молодин, 2016], интерпретируемые как проявление особенностей погребального культа.

Еще одним примером может служить ритуальный комплекс ирменской культуры на памятнике Сопка-2. Данный объект представлял собой территорию, ограниченную округлым ровиком, на которой располагалось более шестидесяти ямок, по-видимому являвшихся следами каркасно-столбовой конструкции. Ров окружал две крупные ямы, в одной из которых найдены клубни растения (белены?), в другой – хаотично залегавшие остатки длинных костей рук и ног человека [Молодин, Ефремова, 2015]. По-видимому, рассматриваемый комплекс служил местом отправления ритуалов, связанных с культом предков.

К группе производственных отнесены ритуальные комплексы пахомовской культуры (Тартас-1), также представлявшие собой огромные каркасно-столбовые конструкции, на площади которых обнаружены фрагменты керамики, кости животных, единичные кости скелета человека и многочисленная серия ям, в том числе и жертвенных, содержавших культурные остатки. Здесь же имели место следы литья металла (фрагменты технической керамики, литейных тиглей и форм, бронзовые наконечники копий, сплески, прокалы и пять крупных теплотехнических сооружений-ям со следами воздействия огня) [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2015; и др.].

На могильнике Тартас-1 расположен ритуальный комплекс раннего железного века, относимый к большереченской культуре. Он включал ров, погребение лошади, помещенной в яму на бересту, две жертвенные ямы и вторичное погребение (№ 411), представлявшее собой захоронение берцовых костей ног и фрагмента челюсти человека. В одной из ям обнаружены керамический сосуд и фрагмент глиняного изделия, в другой – охра. Отсутствие прямых аналогий этому комплексу и наличие типологически близких параллелей в синхронных культурах Азии позволили выдвинуть предположение о присутствии здесь традиций, восходящих к индоиранской мировоззренческой концепции [Молодин и др., 2012].

Эпоха Средневековья представлена на памятнике Сопка-2 культовыми комплексами кыштовской культуры, большая часть которых имеет вид небольших обгоревших деревянных сооружений под земляными насыпями (см. *рисунок*). Внутри объектов был помещен разнообразный инвентарь, включавший керамические сосуды, наконечники стрел и украшения. В нескольких комплексах найдены обгоревшие деревянные идолы [Молодин,



Культовый комплекс № 10 (кыштовская культура) на памятнике Сопка-2.

1 – уголь; *2* – дерево; *3* – береста; *4* – сосуд (керамика); *5* – наконечники стрел (железо); *6* – копыто.

1990]. Аналогичные сооружения зафиксированы и на других памятниках Барабинской лесостепи [Молодин, Соловьев, 2007; и др.] и находят параллели как в священных амбарчиках, так и в намогильных сооружениях угорских народов.

Приведенные памятники составляют лишь часть обнаруженных на территории Барабинской лесостепи культовых объектов, но уже сейчас можно констатировать, что существование ритуальных центров характерно практически для каждой исторической эпохи, с каменного века до этнографической современности. Особенности мировоззрения требовали присутствия сакрального компонента во всех сферах жизнедеятельности древних обществ. По-видимому, данный феномен находит проявление в многообразии ритуальных комплексов на рассматриваемой территории.

Список литературы

Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ. – Барнаул: Изд-во С.С. Жерносенко, 2010. – 144 с.

Древние и современные культовые места Алтая. – Барнаул: АРТИКА, 2011. – 124 с.

Ефремова Н.С., Молодин В.И. Один из сюжетов обрядовых действий в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 278–282.

Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 430 с.

Молодин В.И. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 128–140.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4. – 452 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 71–77.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 231–236.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 326–331.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 39–56.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31).– С. 144–152.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ритуальный комплекс с захоронением коня раннего железного века на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого: к 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. – Томск: Аграф-Пресс, 2012. – С. 154–166.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–139.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Балков Е.В., Миненко М.И. Результаты геофизического исследования памятника Преображенка-2 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 434–439.

References

Altai sakral'ny: kul'tovye i arkheoastronomicheskie smysly svyatilishch. Barnaul: S.S. Zhernosenko Publ., 2010, 144 p. (in Russ.).

Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya. Barnaul: ARTIKA, 2011, 124 p. (in Russ.).

Efremova N.S., Molodin V.I. Odin iz syuzhetov obryadovykh deistviy v pogrebal'noy praktike andronovskoy (fedorovskoy) kul'tury (po materialam mogil'nika Tartas-1). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 278–282 (in Russ.).

Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, 430 p. (in Russ.)

Molodin V.I. Kul'tovye pamyatniki ugorskogo naseleniya lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya (po dannym arkheologii). In

Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov. Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 128–140 (in Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A., Dyad'kov P.G., Manshtein A.K., Balkov E.V., Minenko M.I. Rezul'taty geofizicheskogo issledovaniya pamyatnika Preobrazhenka-2 v Barabinskoy lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, Pt. I, pp. 434–439 (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Ritual'ny kompleks irmenskoy kul'tury: semanticheskie rekonstruktsii (po materialam mogil'nika Sopka-2). In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2015, pp. 71–77 (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasiliev S.K. Novye dannye o neoliticheskikh kompleksakh pamyatnika Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–139 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ranneneoliticheskaya stoyanka Ust'-Tartas-1 i yeyo kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177 (in Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Mylnikova L.N., Vasiliev S.K., Vasilieva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Salnikova I.V. Ritual'nye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoy kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 231–236 (in Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasiliev S.K. Original'ny proizvodstvenny kompleks na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 326–331 (in Russ.).

Molodin V.I, Reinhold S., Myl'nikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. Radiouglerodnye daty neoliticheskogo kompleksa pamyatnika Tartas-1 (ranniy neolit v Barabe). In *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, No. 3, pp. 39–56 (in Russ.).

Molodin V.I., Soloviev A.I. Tipologiya kul'tovykh kompleksov epokhi srednevekov'ya Ob'-Irtyshskoy lesostepi i nekotorye aspekty ikh semantiki. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 3 (31), pp. 144–152 (in Russ.).

Molodin V.I., Soloviev A.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ritual'ny kompleks s zakhoroneniem konya rannego zheleznogo veka na pamyatnike Tartas-1 (Barabinskaya lesostep'). In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnoi Evrazii: ot artefaktov k prochteniyu proshlogo. K 80-letiyu Svetlany Vyacheslavovny Studzitskoy i Mikhaila Fedorovicha Kosareva*. Tomsk: Agraf-Press, 2012, pp. 154–166 (in Russ.)

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.251-255
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина[1, 2], С.В. Сутугин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Шалаболинская писаница: некоторые результаты исследований 2018 года

Шалаболинская писаница – один из крупнейших памятников наскального искусства Минусинской котловины, где представлены изображения от эпохи неолита до этнографической современности. Последние несколько лет ведется активное изучение этого памятника. Оно включает не только детальное документирование при помощи различных методик, но и изучение стилистического и технологического аспектов в наскальном искусстве Шалаболинской писаницы. Трасологические исследования шалаболинских петроглифов ранее были сосредоточены, в первую очередь, на анализе следов пикетажа. В ходе работ 2018 г. особое внимание было уделено проблеме палимпсестов. В частности, был апробирован подход к изучению участков перекрывания изображений при помощи трасологической методики, трехмерного моделирования и инструментов анализа 3D. С этой целью была сделана выборка палимпсестов, на которых хорошо фиксируются следы со специфическими характеристиками, позволяющие дифференцировать разность пикетажа на пересекающихся петроглифах и определить особенности следов в зоне перекрывания.

Ключевые слова: *петроглифы, палимпсест, фотограмметрия, трасология, прорисовка, Минусинская котловина, Шалаболинская писаница.*

L.V. Zotkina[1, 2], S.V. Sutugin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Shalabolinskaya Pisanitsa: Some Results of Research in 2018

Shalabolinskaya is one of the biggest rock art sites in the Minusinsk Basin which includes engravings and carvings dated from the Neolithic to ethnographic modernity. During latest few years, the research of the site was quite intensive. It means not only rigourous documenting with different technics but stylistic and technological analyses. Wear-analysis of Salabolinskaya site petroglyphs were mostly concentrated on traces of pecking. During the field-work of 2018, our special focus was on palimpsests. We applied the method of wear-analysis, tridimensional visualization technics and 3D analytic tools. Palimpsests with determinable features of different pecked surfaces and with definable cross-zones were selected as samples.

Keywords: *petroglyphs, superimposition, photogrammetry, traceology, tracing, Minusinsk Basin, Shalabolinskaya Pisanitsa.*

В 2018 г. основные работы Минусинского петроглифического отряда ИАЭТ СО РАН были сосредоточены на изучении памятника наскального искусства Шалаболинская писаница. Он расположен в Курагинском р-не Красноярского края, в 0,6 км к юго-востоку от д. Ильинка на правом берегу р. Тубы (притока р. Енисей) напротив с. Тесь. Писаница делится на 8 участков, каждый из которых обладает протяженностью от 100 до 400 м [Вяткина, 1949; Пяткин, Мартынов, 1985; Учетная карта…, 2010].

Это обширное местонахождение петроглифов было впервые подробно документировано и изучено А.В. Адриановым [1906]. В последующем к памятнику неоднократно возвращались разные исследователи [Вяткина, 1949; Формозов, 1969,

с. 85, рис. 28, 32; Шер, 1980, с. 154; Пяткин, 1980; Капелько, 1986]. Была издана обобщающая монография [Пяткин, Мартынов, 1985]. Шалаболинские материалы часто используются в различных исследованиях по современным методам документирования и исследования петроглифов [Советова, Миклашевич, 1999]. В начале 2000-х гг. под руководством А.Л. Заики под скальными обнажениями с петроглифами были проведены раскопки, в результате чего были расчищены от обвалов и вновь открыты многие ранее известные изображения [Заика, Дроздов, 2005], обнаружено большое количество ранее неизвестных изображений, наиболее интересные из которых опубликованы в серии статей А.Л. Заики и его соавторов [Дроздов и др., 2003; Заика и др., 2004; Заика, Дроздов, 2005]. Была также подготовлена учетная карта памятника [Учетная карта…, 2010]. Таким образом, изучение Шалаболинской писаницы имеет более чем вековую историю. Кроме того, на этом памятнгике был проведен трасологический анализ некоторых наскальных изображений, выполненных в технике пикетажа [Гиря, Дроздов, Дэвлет, Макулов, 2011; Зоткина, 2014]. В настоящее время эти работы продолжаются Минусинским петроглифическим отрядом.

В ходе сезона 2018 г. работы в основном осуществлялись на плоскостях нижнего яруса 4-го и 6-го участков. При этом ставилось несколько разноплановых задач. Одной из них было изучение многослойных композиций, состоящих из изображений, выполненных в технике пикетажа, при помощи трасологической методики, а также трехмерной визуализации и специализированного программного обеспечения, выступающего в качестве аналитического инструмента.

Такой подход к изучению палимпсестов ранее не применялся. Он основан на принципе сопоставления трасологических характеристик следов, образующих детали петроглифов, на нейтральных участках и в зонах пересечений изображений, составляющих многослойные композиции. Это позволяет проверить и уточнить данные, полученные при осмотре изображений невооруженным глазом.

Одним из наиболее выразительных примеров апробации этого подхода могут служить результаты анализа палимпсеста, состоящего из двух изобра-

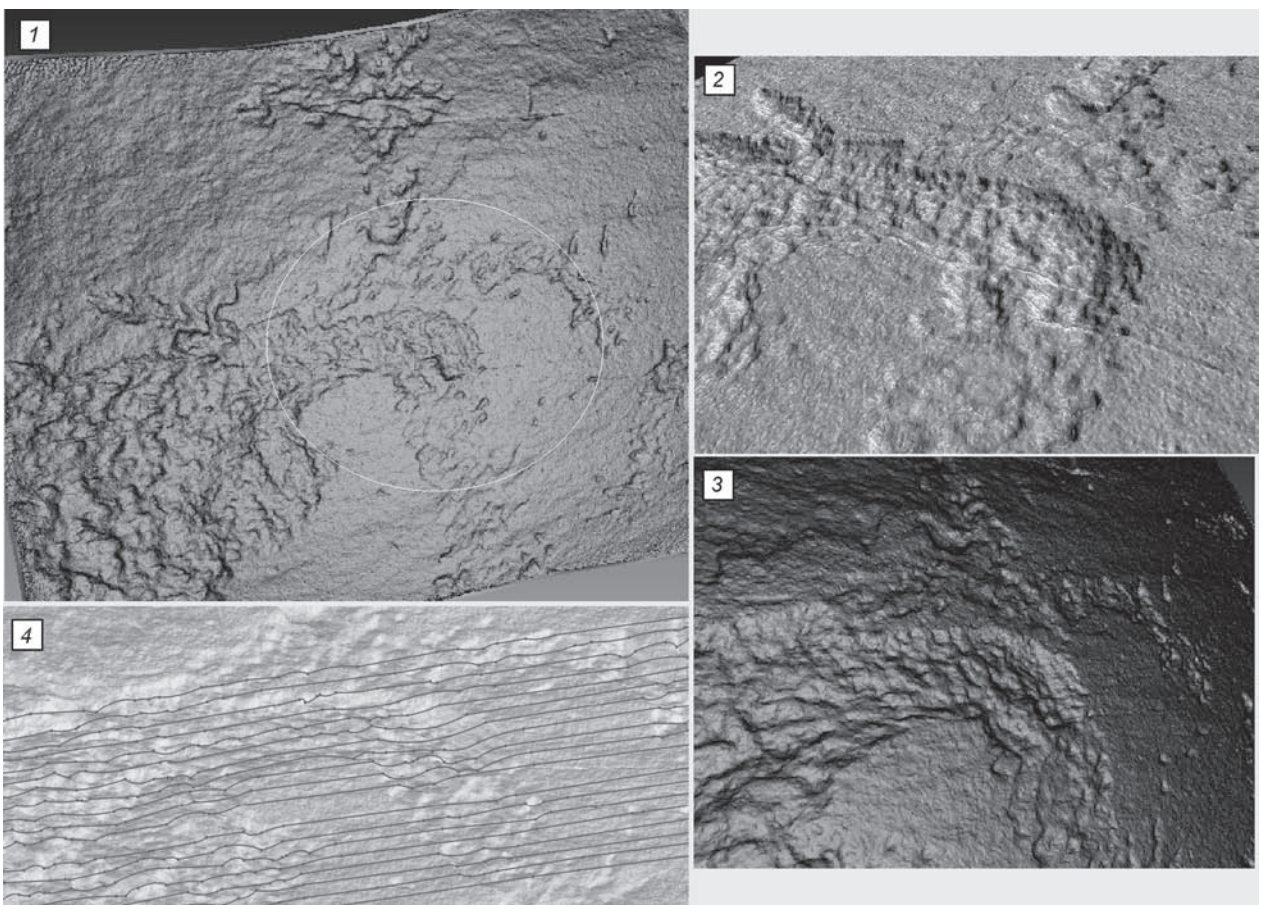


Рис. 1. Палимпсест с плоскости 10а участка 4 Шалаболинской писаницы.

1 – изображения антропоморфного персонажа и лося; *2, 3* – участок пересечения петроглифов с разных ракурсов; *4* – серия профилей на основе трехмерных моделей в зоне пересечения изображений (3D С.В. Сутугина).

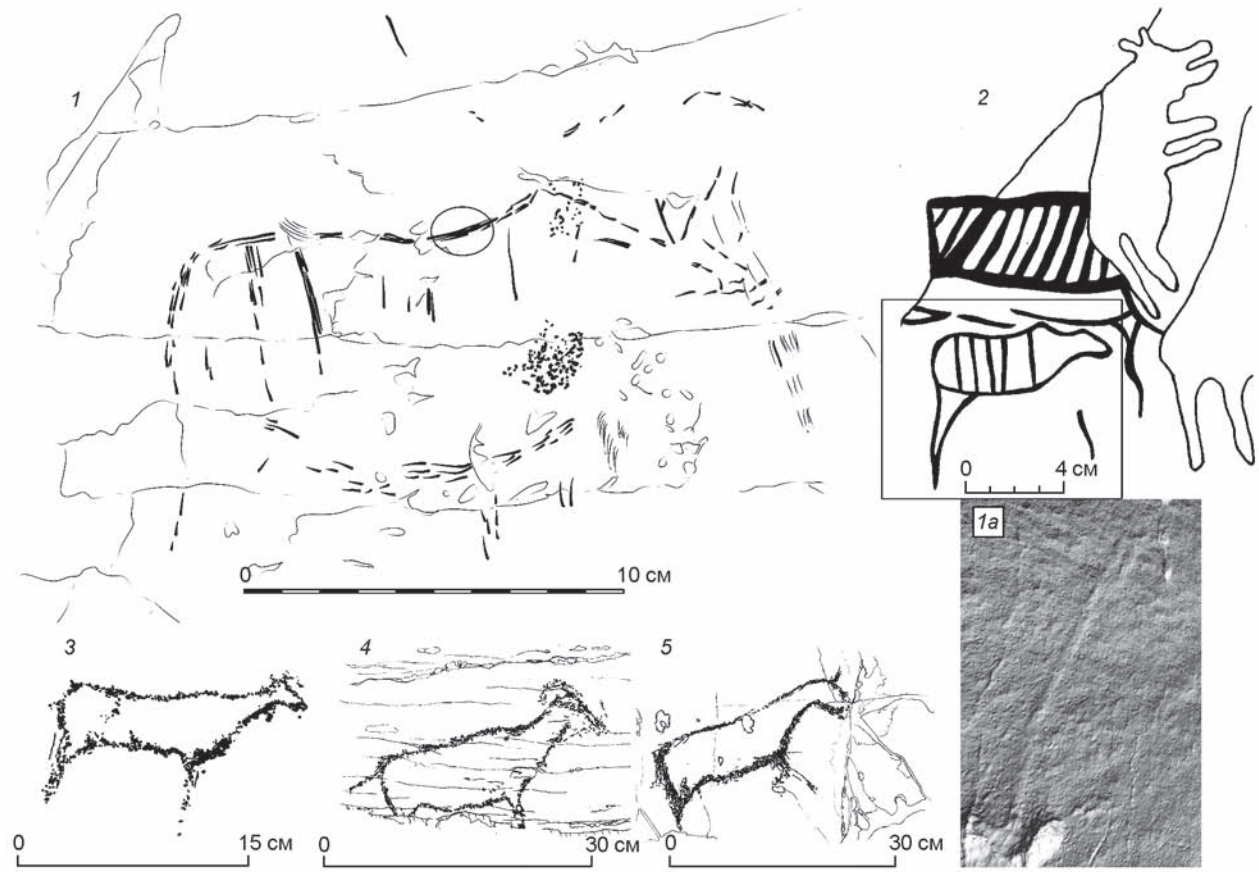


Рис. 2. Наскальные изображения предположительно «калгутинского» культурно-хронологического пласта.

1 – прорисовка прошлифованного зооморфного изображения с плоскости 2 участка 6а Шалаболинской писаницы (Курагинский р-н Красноярского края) (автор – Л.В. Зоткина); *2* – прорисовка плоскости 2 участка 6а, в рамке – прошлифованное зооморфное изображение (автор – А.Л. Заика, Архив музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева. Оп. 031. Д. 068. Л. 3); *3–5* – изображения с памятника Бага-Ойгур II (Монгольский Алтай), выполненные в технике шлифовки (прорисовки К. Кретэн); *1а* – макро-3D участка тонкой гравировки с зооморфного изображения с Шалаболинской писаницы (3D Л.В. Зоткиной).

жений: антропоморфного персонажа и лося (рис. 1, *1*) – с плоскости № 10а участка 4 Шалаболинской писаницы [Учетная карта…, 2010, табл. 108, *1*].

Без использования увеличительных приборов можно с уверенностью определить, что фигура лося расположена поверх антропоморфного изображения (см. рис. 1). Эти наблюдения подтверждаются также исследованием палимпсеста с помощью портативного микроскопа. Пикетаж первого петроглифа гораздо более глубокий, примерно 3–4 мм, тогда как у антропоморфного изображения – ок. 1 мм. Следы выбивки фигуры лося имеют округлую форму, расположены более плотно, четко прослеживаются границы пикетажа. Выбоины, составляющие фигуру антропоморфного персонажа, продолговатой формы, направлены по диагонали слева направо под углом примерно 45° на значительном расстоянии друг от друга. На трехмерной модели хорошо прослеживаются границы между двумя разновидностями пикетажа (рис. 1, *1–3*).

Анализ профилей-разрезов (рис. 1, *4*) на участке пересечения показывает, что следы здесь более скругленные, более глубокие, морфологически они ближе к выбоинам, образующим фигуру лося, т.е. перекрывают пикетаж, составляющий антропоморфное изображение. Все это приводит к выводу, что зооморфный персонаж был выполнен позже, чем антропоморфный. В данном случае простого визуального анализа, возможно, было бы достаточно, но в будущем этот подход позволит изучать более сложные, дискуссионные палимпсесты.

Помимо описанного выше в ходе полевых работ особое внимание привлекло одно изображение, не обнаруживающее сходства с точки зрения стилистики с основной массой петроглифов, представленных на Шалаболинской писанице. Это зооморфное изображение небольшого размера, выполненное в технике тонкой гравировки и частично шлифовки расположено на плоскости № 2 участка 6а [Там же, табл. 221, *2*] (рис. 2, *1*, *1а*). Парциально переданы ноги животного, голова выражена не ярко. Хотя и сложно судить о сюжете, по выступающему горбу и массивному туловищу можно предположить, что это изображение быка. Ранее

оно было открыто и изучено А.Л. Заикой (рис. 2, *2*). Однако в связи с последними открытиями на памятниках Монголии (Бага-Ойгур II) и Укока (Калгутинский рудник) [Черемисин и др., 2018] это шалаболинское изображение быка (?), выполненное в особой стилистической и технологической манере, приобретает новую актуальность (рис. 2, *3–5*).

Характер серий параллельных линейных следов, образующих относительно широкие двойные бороздки, указывает на использование каменного орудия в технике гравировки (рис. 2, *1а*). Поперечные линии на боку животного выполнены также каменным инструментом, но серии более коротких и гораздо более поверхностных рисок свидетельствуют о применении в этом случае техники шлифовки. На двух участках в области живота и шеи животного фиксируются микрочастицы красного пигмента, показанные на прорисовке двумя скоплениями мелких точек.

Стилистически это изображение напоминает обнаруженные в 2017 г. архаичные петроглифы, выполненные в технике шлифовки, на памятнике Бага-Ойгур II (Монгольский Алтай) (см. рис. 2, *3–5*) [Там же]. Общие черты этих изображений заключаются в том, что все они небольших размеров, выполнены в технике шлифовки или с применением этого приема. Во всех случаях манера передачи образов динамичная и реалистичная. Обращают на себя внимание объемные животы, небольшие, часто парциальные ноги, спины с характерным прогибом. Все эти черты встречаются и на шалаболинском зооморфном изображении (см. рис. 2, *1*).

Близость не только стилистических, но и технологических характеристик зооморфного изображения Шалаболинской писаницы с петроглифами Бага-Ойгура II позволяет говорить о возможной принадлежности этих петроглифов к одному пласту – «калгутинскому».

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Адрианов А.В. Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г.: Рукопись // Архив музея археологии и этнографии ТГУ. Ед. хр. 55. – Томск, 1906.

Вяткина К.В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XII. – С. 417–484.

Гиря Е.Ю., Дроздов Н.И., Дэвлет Е. Г., Макулов В. И. О работах по трасологическому изучению петроглифов Шалаболино // Наскальное искусство в современном обществе: к 290-летию научного открытия Томской писаницы: мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 201–206. – (Тр. САИПИ; вып. VIII, т. 2).

Дроздов Н.И., Заика А.Л., Марченко Л.А., Макулов В.И., Березовский А.П., Журавков С.П., Емельянов И.Н., Бабина М.С., Чуракова Е.В. Результаты исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2002–2003 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 342–346.

Заика А.Л., Дроздов Н.И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов). // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 111–115.

Заика А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П. Результаты исследования Шалаболинской писаницы в 2005–2006 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 331–335.

Заика А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П., Ключников Т.А., Журавков С.П. Шалаболинские петроглифы (итоги исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 259–260.

Зоткина Л.В. Технологические особенности выполнения выбитых петроглифов Минусинской котловины // Российская археология. – 2014. – № 3. – С. 89–97.

Капелько В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1986. – С.105–111.

Пяткин Б.Н. Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1980. – С. 27–44. – (Изв. лаборатории археологических исследований; вып. 11).

Пяткин Н.Б., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 192 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работ Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. кафедры археологии КемГУ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 47–74.

Учетная карта объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность, «Шалаболинская писаница» / сост. А.Л. Заика, 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002. – 261 л.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. – М.: Наука, 1969. – 254 с. – (МИА № 165).

Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цэвээндорж Д., Кретэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. – С. 57–77.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

References

Adrianov A.V. Otchet ob issledovanii pisanits v Minusinskom krae letom 1904 g.: Rukopis'. In *Arkhiv muzeya arkheologii i etnografii TGU*. Yed. khr. 55. Tomsk, 1906 (in Russ.).

Cheremisin D.V., Molodin V.I., Zotkina L.V., Tseveendorzh D., Cretin C. Novye issledovaniya rannego plasta naskal'nogo iskusstva Mongol'skogo Altaya. In *Vestn. NGU*. Ser.: Istoriya, filologiya, 2018, vol. 17, iss. 3: Akheologiya i etnografiya, pp. 57–77 (in Russ.).

Drozdov N.I., Zaika A.L., Marchenko L.A., Makulov V.I., Berezovskiy A.P., Zhuravkov S.P., Emel'yanov I.N., Babina M.S., Churakova E.V. Rezul'taty issledovaniya Shalabolinskoy pisanitsy (po rezul'tatam rabot 2002–2003 gg.). In *Problems of Archaeology, Ethnografy, Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, vol. IX, iss. I, pp. 342–346 (in Russ.).

Formozov A.A. Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskal'nye izobrazheniya i kamennye izvayaniya epokhi kamnya i bronzy na territorii SSSR. Moscow: Nauka, 1969, 254 p. (MIA; vol. 165) (in Russ.).

Girya E. Yu., Drozdov N. I., Dehvlet E. G., Makulov V. I. O rabotah po trasologicheskomu izucheniyu petroglifov Shalabolino. In *Naskal'noye iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy. Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 201–206. (Tr. SAIPI; iss. VIII, vol. 2) (in Russ.).

Kapel'ko V.F. Estampazhny metod kopirovaniya petroglifov. In *Pamyatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1986, pp.105–111 (in Russ.).

Pyatkin B.N. Rannie petroglify Shalabolinskikh skal. In *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Kemerovo: Kemer. kn. Izd-vo, 1980, pp. 27–44 (Izv. laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy; iss. 11) (in Russ.).

Pyatkin N.B., Martynov A.I. Shalabolinskiye petroglify. Krasnoyarsk: State Univ. Press, 1985, 192 p. (in Russ.).

Sher Ya.A. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii. Moscow: Nauka, 1980. 328 p. (in Russ.).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti Sredneeniseyskikh petroglifov (po itogam rabot Petroglificheskogo otryada Yuzhnosibirskoy arkheologicheskoy ekspeditsii KemGU). In *Arkheologiya, etnografiya i muzeynoye delo*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, pp. 47–74 (in Russ.).

Uchetnaya karta obyekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya, predstavlyayushchego soboy istoriko-kul'turnuyu tsennost', "Shalabolinskaya pisanitsa" / sostavitel A.L. Zaika, 2010 g. In *Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sredney Sibiri KGPU im. V.P. Astaf'yeva. Op. 0057, D. 002*, 261 p. (in Russ.).

Vyatkina K.V. Shalabolinskie (tesinskie) naskal'nye izobrazheniya. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1949, vol. XII, pp. 417–484 (in Russ.).

Zaika A.L., Drozdov N.I. Shalabolinskaya pisanitsa (rezul'taty issledovaniya 2001–2004 godov). In *Mir naskal'nogo iskusstva*: *sbornik dokladov mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow: IA RAN Publ., 2005, pp. 111–115 (in Russ.).

Zaika A.L., Drozdov N.I., Berezovskiy A.P. Rezul'taty issledovaniya Shalabolinskoy pisanitsy v 2005–2006 godakh. In *Problems of Archaeology, Ethnografy, Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, iss. 1, p. 331–335 (in Russ.).

Zaika A.L., Drozdov N.I., Berezovskiy A.P., Klyuchnikov T.A., Zhuravkov S.P. Shalabolinskie petroglify (itogi issledovaniy 2004 g.). In *Problems of Archaeology, Ethnografy, Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. X, iss. 1. P. 259–260 (in Russ.).

Zotkina L.V. Tekhnologicheskie osobennosti vypolneniya vybitykh petroglifov Minusinskoy kotloviny. In *Rossiyskaya arkheologiya*, 2014, vol. 3, pp. 89–97 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.256-259
УДК 572

А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
E-mail: zubova_al@mail.ru

Одонтологические данные к проблеме происхождения культуры вальдивия (Эквадор): первые результаты

Вопрос о происхождении культуры вальдивия (Эквадор, 5,5–3,5 тыс. л.н.) и ее гончарных традиций является одним из наиболее дискуссионных в археологии Южной Америки. Предполагается, что она сформировалась на основе предшествующей культуры лас-вегас, но между ними существует хронологический хиатус протяженностью около тысячи лет, и в материальном комплексе последней отсутствуют следы зарождения гончарства. Существует гипотеза о мигрантном происхождении вальдивийских керамических традиций. Результаты сопоставления одонтологических характеристик серии с памятника Реаль-Альто (п-ов Санта-Элена) с древними группами с территории юга современного Перу, севера Чили и Бразилии продемонстрировали резко выраженные различия между населением различных регионов Южной Америки и отсутствие биологических связей между ними и носителями культуры вальдивия.

Ключевые слова: *Эквадор, культура вальдивия, культура лас-вегас, Реал-Альто, одонтология, гончарство.*

A.V. Zubova

Institute of Archaeology and ethnography SB RAS
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
E-mail: zubova_al@mail.ru

Dental Evidences to the Problem of the Valdivia Culture (Ecuador) Origin: First Results

The article is devoted to the first investigation of dental samples from South America. The issue about genesis of the pottery from Valdivia culture (Ecuador, 5,5–3,5 ka BP) is one of the most questionable in South American archaeology. The origin of Valdivia suggested to be connected with earlier Las-Vegas culture. But the last is preceramic and there is a time hiatus of about 1000 years between the latest Las-Vegas dates and the earliest Valdivia. So the hypothesis about migration from other region was suggested. The result of the comparison of the Valdivia dental series from the Real-Alto site (Santa Elena peninsula) with the earliest groups from Southern Peru, Northern Chili and Brasilia reveals absence of biological affinities between them and Valdivia people.

Keywords: *Ecuador, Valdivia culture, Las-Vegas culture, Real-Alto, dental anthropology, pottery.*

Культура вальдивия относится к кругу наиболее ранних земледельческих цивилизаций Южной Америки. На вальдивийских памятниках встречены следы культивирования маиса, канны съедобной (*canna edulis*), маниоки, фасоли, перца Чили и ряда других растений [Perry et al., 2007]. Культура отличается высокоразвитым комплексом гончарных традиций, происхождение которых является одной из наиболее дискуссионных проблем археологии Южной Америки.

Распространенная точка зрения на происхождение культуры вальдивия связывает ее с хронологически предшествующей на занимаемой территории культурой лас-вегас. Однако культура лас-вегас относится к докерамическому периоду. На ее памятниках отсутствуют следы зарождения традиций гончарства, и вывести керамические традиции вальдивии из комплексов лас-вегас невозможно [Табарев, 2016, с. 112]. Кроме того, основной комплекс дат, полученных для культуры лас-вегас, от-

носится к периоду в пределах 10–6,6 тыс. л.н., тогда как самые ранние датировки вальдивии попадают только на 5,5 тыс. л.н. (в целом культура датируется в пределах 5,5–3,5 тыс. л.н.). Таким образом, между самыми поздними датировками культуры лас-вегас и самыми ранними датами, полученными для вальдивийских комплексов, присутствует временной хиатус около тысячи лет. Хотя анализ стратиграфии и новые радиоуглеродные датировки, полученные в ходе работ российской экспедиции в Эквадоре в 2014–2015 гг., позволяют предполагать, что речь идет не о резком разрыве, а о плавном переходе [Табарев, Гаврилина, 2017, с. 170], весь комплекс данных пока не позволяет рассматривать вопрос о преемственности между культурными традициями лас-вегас и вальдивии как полностью решенный.

Исследователями допускается возможность формирования традиций ранней вальдивии в результате контактов с населением сопредельных регионов. Но все варианты, предлагаемые в качестве вероятных источников миграции, довольно неопределенны, также как и в целом место этой культуры в общей системе археологических культур Андского региона и Южной Америки в целом. Внести ясность в этот вопрос может анализ палеоантропологического материала.

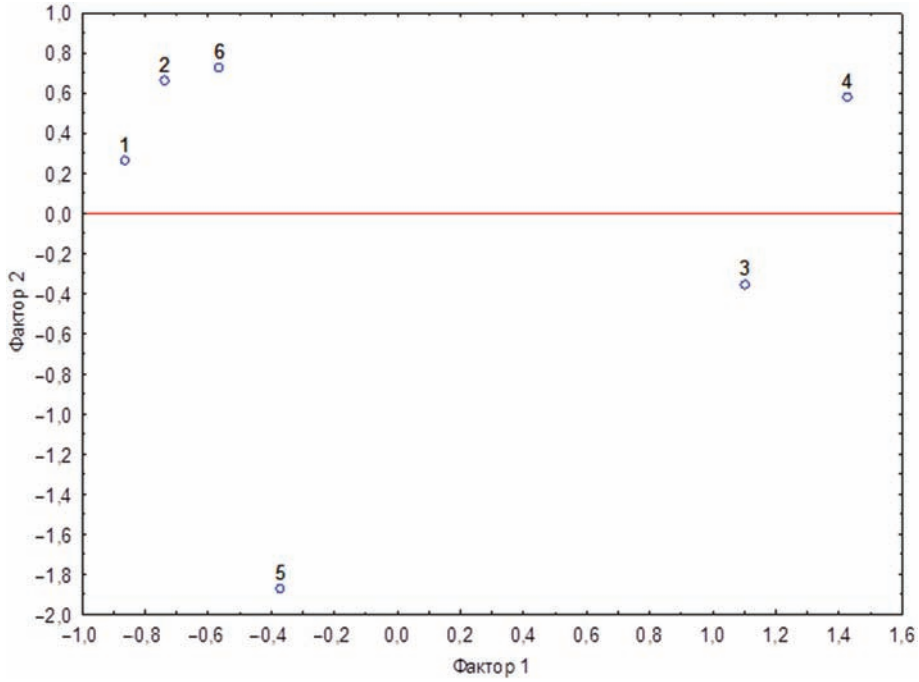
Данная статья посвящена обсуждению первых результатов работы с единственной репрезентативной антропологической коллекцией культуры вальдивия, полученной при раскопках комплекса Реаль-Альто на полуострове Санта-Элена в провинции Гуайас. Комплекс представляет собой долговременное поселение, являвшееся одновременно и церемониальным центром. Раскопки памятника проводились в 1970-е гг. под руководством Х. Маркоса, в последние годы его изучение возобновилось в рамках совместного российско-эквадорского проекта силами сотрудников ДВФУ, ИАЭТ СО РАН и Приморского политехнического университета (ESPOL) (г. Гуаякиль). Еще на начальном этапе раскопок здесь были обнаружены более ста захоронений, в 2015–2017 гг. изучено еще четыре погребения, относящихся к ранним этапам культуры.

Суммарная одонтологическая серия из Реаль-Альто включает в себя фрагменты челюстей с сохранившимися *in situ* постоянными зубами и изолированные зубы 29 индивидов, в числе которых семеро мужчин, восемь женщин, 12 детей и для двух человек пол и возраст определить не удалось. Все находки были обследованы по комплексной одонтометрической и одонтоскопической программе и сопоставлены с наиболее древними одонтологическими сериями, изученными на территории Южной Америки. Программа обследования включала в себя стандартные наборы признаков, используемые отечественными и зарубежными одонтологами [Зубов, 2006, Turner, Nichol, Scott, 1991], и учет маркеров генерализованной архаики [Зубова, 2013]. Межгрупповое сравнение проводилось методом факторного анализа в программе Statistica for Windows 8.0. Использовались тригонометрически преобразованные частоты пятнадцати признаков, указанных в таблице. Их выбор определялся особенностями публикации сравнительных данных. Поскольку все серии невелики по численности, перевод процентных частот признаков в радианы выполнялся с учетом поправки Анскомба.

В качестве сравнительных на данном этапе использовались только серии с территории современной Бразилии, южного Перу и северного Чили. Другие регионы Южной Америки пока не представлены полностью сопоставимыми материалами. Наиболее древние серии были привлечены с территории Бразилии. Население VIII–V тыс. до н.э., объединенное в сборную серию Лагоа Санта, представлено материалами памятников Лапа даз Болейрас, Лапа до Санто, Сантана до Риачо, Лапа да Аморейра, Вале до Рио даз Велха и коллекцией Гарольда Уолтера. Более поздний пласт – IV–II тыс. до н.э. рассматривается на материалах памятников Арапуан, Дюна гранде де Итаипу, Сернамбетиба [Huffman, 2014]. С территории Перу была использована небольшая серия III–I тыс. до н.э. с побережья долины Мокегуа, включающая материалы докерамических памятников «4 километр» и Яра [Sutter, 2005]. Сопредельный район северного Чили представлен материалами I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. из памятников формативного периода Азапа 14, 70, 115 и серией культуры чинчорро III–I тыс. до н.э. из памятников Морро 1, 5, 6 и Плая Миллер 8 [Там же].

Одонтологическая серия из Реаль-Альто характеризуется очень высокой частотой лопатообразности верхних резцов. В одном случае была отмечена заметная выпуклость их вестибулярного профиля, в одном – двойная лопатообразность. На верхних первых молярах с умеренной частотой встречается бугорок Карабелли и дополнительный дистальный бугорок. Редукция гипоконуса верхних вторых моляров чаще всего выражена слабо.

На нижней челюсти повышена встречаемость дополнительного шестого бугорка нижних первых моляров, отсутствуют их 4-бугорковые формы. На вторых зубах этого класса гипоконулид присутствовал более, чем в 50 % случаев, частота 4-бугорковых вариантов средняя. В серии не встречен протостилид, дистальный гребень тригонида и tami, но повышена встречаемость коленчатой складки метаконида. Из восьми случаев, когда можно было определить ее наличие или отсутствие, она встречена в четырех.



Распределение одонтологических серий с территории Южной Америки в пространстве первых двух факторов.

Статистические нагрузки на признаки при сравнении древних серий из Южной Америки

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Краудинг	0,205	0,352
Лопатообразность I^1	0,923	-0,342
Двойная лопатообразность I^1	0,674	0,703
Пальцевидные гребни I^2	-0,240	0,712
Дополнительный дистальный гребень $C^в$	0,101	-0,146
Редукция гипоконуса M^2 (4, 4-)	0,951	-0,197
C5 M^1	-0,901	0,147
Бугорок Карабелли M^1	-0,952	-0,182
Парастиль M^3	-0,229	-0,396
YM_2	0,695	0,622
$6M_1$	-0,907	0,305
$4M_2$	0,045	-0,995
Протостилид M_1	-0,719	0,395
Tami M_1	0,339	0,544
Собственное число	6,031	3,437
Процент общей изменчивости	0,431	0,245

Сравнение характеристик носителей культуры Вальдивия с древним населением Бразилии, Чили и Перу продемонстрировало крайне резко выраженную дифференциацию между населением разных регионов. На графике они распределяются в полном соответствии со своим географическим положением (см. *рисунок*), подтверждая ранее отмеченный исследователями факт резко выраженного влияния географической изоляции на морфологические характеристики локальных племен [Huffman, 2014, p. 201]. В одну компактную общность объединяются серии из Чили и Перу, расположенные в двух близлежащих оазисах; в противоположное поле графика удаляются бразильские серии. Интересно следующее: хотя сравнение проводилось не на территории Евразии, основная нагрузка на признаки в составе первого фактора распределяется таким образом, что вектор изменчивости формируется частотой лопатообразности верхних резцов, бугорка Карабелли, C5, до-

полнительного шестого бугорка и протостилида, т.е. на признаки, дифференцирующие популяции по направлению восток – запад.

Морфологическая специфика серии из Реаль-Альто описывается вторым фактором (см. *таблицу*), в составе которого очень высокие нагрузки приходятся на двойную лопатообразность верхних центральных резцов, пальцевидные гребни латеральных и частоту 4-бугорковых нижних вторых моляров. Во всех сериях, кроме эквадорской, частоты первых двух признаков повышены, тогда как у носителей культуры вальдивия – понижены. В отношении 4-бугорковых нижних вторых моляров наблюдается обратная картина. Все это резко отделяет серию из Реаль-Альто от всех групп, привлеченных для сравнения.

В целом, можно отметить некоторые тенденции, заслуживающие, на наш взгляд, дальнейшего изучения. Во-первых, несмотря на то, что градиент запад – восток в статистическом распределении сравниваемых серий выражен очень отчетливо, группа из Реаль-Альто занимает промежуточное положение. По частоте лопатообразности центральных резцов она ближе к восточным группам, но по комплексу характеристик верхних и нижних моляров – к западным.

Во-вторых, распределение серий на графике показывает, что ранние группы населения Южной Америки поддерживали высокую степень биологической обособленности друг от друга и миграции континентального масштаба были скорее исключением, чем правилом. Материалы, имеющиеся на данный момент, не могут дать убедительных свидетельств в пользу их существования. Соответственно, даже если формирование гончарных традиций культуры вальдивия связано с какой-то миграционной волной, ее истоки, вероятнее всего находились в пределах североандского региона.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00315.

Список литературы

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестн. антропологии. – 2013. – № 4. – С. 107–127.

Табарев А.В. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // Теория и практика археологических исследований.– 2016. – № 1 (13). – С. 111–126.

Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Истоки погребальных традиций древних культур Тихоокеанского побережья Южной Америки // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 1 (17). – С. 167–180.

Huffman M.M. Biological variation in south American populations using dental non-metric traits: assessment of isolation by time and distance. Diss. PhD. – Ohio: The Ohio State Univ., 2014. – 268 p.

Perry L., Dickau R., Zarrillo S., Holst I., Pearsall D.M., Piperno D.R., Berman M.J., Cooke R.G., Rademaker K., Ranere A.J., Raymond J.S., Sandweiss D.H., Scaramelli F., Tarble K., Zeidler J.A. Starch Fossils and the Domestication and Dispersal of Chili Peppers (Capsicum spp. L.) in the Americas // Science. – 2007. – Vol. 315, iss. 5814. – P. 986–988.

Sutter R.C. The prehistoric peopling of South America as inferred from epigenetic dental traits // Andean Past. – 2005. – Vol. 7, Article 12. – P. 182–217.

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropology. – New-York: Wiley-Liss Inc., 1991. – P. 13–31.

References

Huffman M.M. Biological variation in south American populations using dental non-metric traits: assessment of isolation by time and distance. Diss. PhD. Ohio: The Ohio State University, 2014, 268 p.

Perry L., Dickau R., Zarrillo S., Holst I., Pearsall D.M., Piperno D.R., Berman M.J., Cooke R.G., Rademaker K., Ranere A.J., Raymond J.S., Sandweiss D.H., Scaramelli F., Tarble K., Zeidler J.A. Starch Fossils and the Domestication and Dispersal of Chili Peppers (Capsicum spp. L.) in the Americas. *Science*, 2007, vol. 315, iss. 5814, pp. 986–988.

Sutter R.C. The prehistoric peopling of South America as inferred from epigenetic dental traits. *Andean Past*, 2005, vol. 7, article 12, pp. 182–217.

Tabarev A.V. Formativnyi period v arkheologii Ekvadora: anatomiia termina i voprosy prakticheskogo primeneniia. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2016, No. 1 (13), pp. 111–126 (in Russ.).

Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Istoki pogrebal'nykh traditsii drevnikh kul'tur Tikhookeanskogo poberezh'ia Yuzhnoi Ameriki. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2017, No.1 (17), pp. 167–180 (in Russ.).

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System. In *Advances in Dental Anthropology*. New-York: Wiley-Liss Inc., 1991, p. 13–31.

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-onlain, 2006, 72 p. (in Russ.).

Zubova A.V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniia arkhaichnoi sostavliaiushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniia Evrazii epokhi neolita. *Vestnik antropologii*, 2013, No. 4, pp. 107–127 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.260-263
УДК 572

А.В. Зубова[1, 2], Е.А. Кербс (Казакова)[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
E-mail: zubova_al@mail.ru

Одонтология мохэ троицкой группы в контексте формирования населения Дальнего Востока

В статье рассматриваются одонтологические характеристики носителей мохэской культуры западной части Приамурья, изученные на материалах Троицкого могильника VIII–XI вв. н.э. в Ивановском р-не Амурской обл. Основная цель исследования – определение базового ареала формирования морфологической специфики троицких мохэ. Их характеристики были сопоставлены с характеристиками населения байкальского региона эпохи неолита – бронзы, неолитических групп из Северо-Восточной Сибири, Дальнего Востока, Китая и Японии, а также носителей янковской культуры Южного Приморья. В результате серия продемонстрировала сходство с носителями глазковской культуры и одной из серий III тыс. до н.э. с территории Китая. С носителями янковской культуры сходства не демонстрирует ни одна из серий с территории Китая или байкальского региона, что подтверждает факт относительно позднего проникновения популяций, родственных троицким мохэ, на территорию Дальнего Востока.

Ключевые слова: *одонтология, мохэ, Троицкий могильник, Приамурье, янковская культура, бойсманская культура, глазковская культура, неолит Китая.*

A.V. Zubova[1, 2], E.A. Kerbs (Kazakova)[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
E-mail: zubova_al@mail.ru

Dental Anthropology of Mokhe from Troitsky Burial Ground in the Context of the Origin of Ancient Population of Russian Far East

The article describes the results of dental analysis of Mokhe tribes from the western part of Amur region, based on materials from Troitsky burial ground of the 8th –9th centuries AD (Ivanovsky district, Amur region). The main goal of the research was to identify the geographical area of the origin of the morphological specificity of the Mokhe population. The Mokhe dental features were compared with Neolithic and Bronze Age populations of the Baikal region, Neolithic groups from the Far East, Northeastern Siberia, China and Japan and also with Yankovskaya culture of the Southern Primorye. Mokhe sample shows close dental similarity with the tribes of the Glazkovskaya culture and one of the Chinese samples of the 3rd millennium BC. Yankovskaya sample does not show affinities with any of Baikal or Chinese groups, which fact supported the hypothesis about relatively late appearing of populations, biologically related with the Troitsky Mokhe in the Far East.

Keywords: *dental anthropology, Mokhe, Troitski burial ground, Amur region, Yankovskaya culture, Boismanskaya culture, Glazkovskaya culture, Chinese Neolithic.*

Проблема происхождения автохтонного населения Приморья и Приамурья одна из остро дискуссионных в российской антропологии. Базовая классификация антропологических типов и комплексов на этой территории была создана еще в 1950–1960-е гг. М.Г. Левиным на основании характеристик близкого к современности населения. Проведенное им в русле традиционного типологического подхода соматологическое изучение тунгусо-манчжурских и палеоазиатских народов показало, что в составе дальневосточных групп присутствуют разные по происхождению компоненты: более

древний – амуро-сахалинский – и относительно поздний – байкальский. Происхождение первого из них гипотетически связывалось М.Г. Левиным с неолитическими племенами Приморья и Приамурья, второго – с миграциями тунгусо-манчжурских племен эпохи Средневековья [Левин, 1958].

Предполагается, что первыми носителями байкальского антропологического типа на территории Дальнего Востока были племена троицкой группы мохэ [Алексеев, 1980]. Однако происхождение этой группы до конца не изучено. В.П. Алексеев предполагал, что общие истоки антропологического типа, свойственного племенам мохэ, связаны с территорией Забайкалья, хотя имеющегося на то время антропологического материала с территории Восточной Сибири было явно недостаточно для того, чтобы делать какие-то выводы.

Полная реконструкция популяционной истории троицких мохэ будет предметом специальной работы. Основной задачей данного исследования стало сравнение их одонтологических характеристик с соответствующими параметрами неолитических групп населения Восточной Сибири, Дальнего Востока, Японии и Китая, а также носителей янковской культуры Южного Приморья для определения ареала формирования их морфологической специфики.

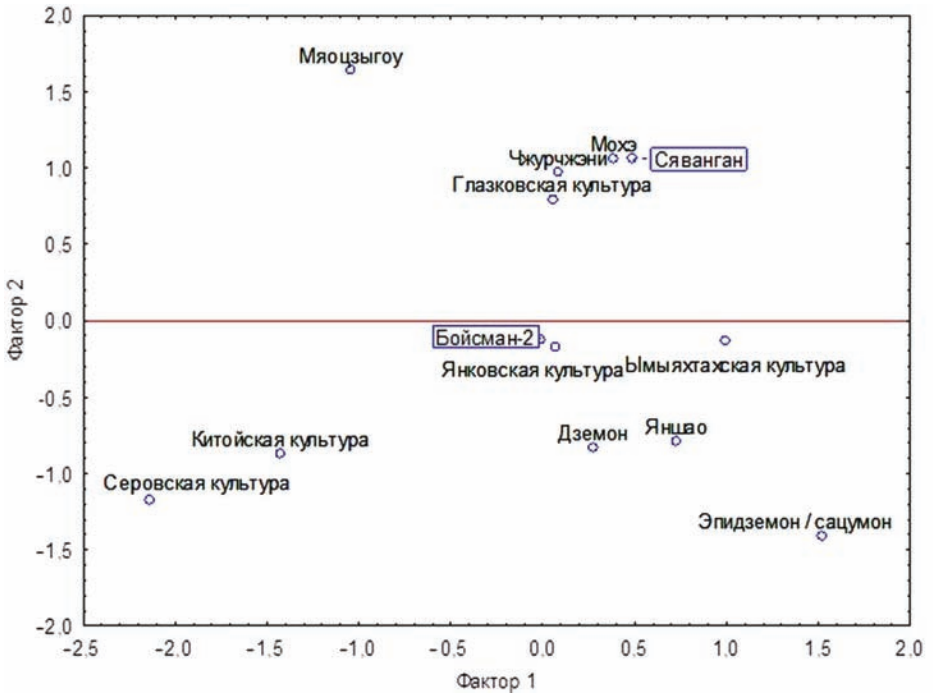
Материалом для работы послужила одонтологическая коллекция, полученная при раскопках Троицкого могильника VIII–XI вв. н.э. в Ивановском р-не Амурской обл. Несмотря на то, что всего в этом могильнике было раскопано более 300 погребений [Деревянко Е.И., 1977, Деревянко А.П. и др., 2007], сохранность материала такова, что максимальное число наблюдений по отдельным признакам не превышает 146. Серия была обследована на основании двух исследовательских программ – отечественной [Зубов, 2006], и системы Аризонского Университета [Turner, Nichol, Scott, 1991]. Полученные данные были сопоставлены при помощи многомерной статистики с одонтологической серией бойсманской неолитической культуры (неопубликованные данные Зубовой), с характеристиками носителей культурных традиций эпохи дземон и сацумон [Kaburagi et al., 2009], китойской, серовской и глазковской культур эпохи неолита – бронзы байкальского региона, ымыяхтахской позднеолитической культуры Якутии (неопубликованные данные Зубовой), и неолитическими сериями с территории Китая [Fu, 1994; Wu, Xianglong, 1995]. Также к анализу была привлечена серия янковской культуры первой полвины I тыс. до н.э. [Громов, Зубова, Моисеев, 2017] для уточнения времени появления предков мохэ на Дальнем Востоке. Сравнение выполнялось методом факторного анализа, в программе Statistica 7.0.

Одонтологическая характеристика троицкой серии представлена в табл. 1. Она складывается из повышенной частоты лопатообразности центральных резцов, низких частот дополнительных бугорков на верхних первых молярах, умеренной частоты редукции гипоконуса верхних вторых моляров. На первых молярах нижней челюсти крайне редко встречаются 6-бугорковые и 4-бугорковые формы, фены системы протостилида. В серии резко повышена частота дистального гребня тригонида, со средней частотой встречается коленчатая складка метаконида.

От неолитического населения Дальнего Востока мохэ отличаются более низкими частотами дополнительных бугорков нижних и верхних моляров, повышенной встречаемостью 4-бугорковых нижних вторых моляров, присутствием в одонтологическом комплексе tami и коленчатой складки метаконида.

Таблица 1. **Одонтологическая характеристика серии из Троицкого могильника**

Признак	n(N)	%
Лопатообразность (2+3) I^1	20(27)	74,1
Лопатообразность (2+3) I^2	24(26)	92,3
Двухкорневой P^1	21(38)	55,3
Срастание корней M^1	6(87)	6,9
Срастание корней M^2	30(75)	40,0
Дополнительный дистальный бугорок M^1	4(103)	3,9
Бугорок Карабелли (2-5) M^1	9(66)	13,6
Редукция гипоконуса (3, 3+) M^2	23(91)	25,3
Затек эмали (4-6) M^2	65(86)	75,6
Затек эмали (8) M^2	3(85)	3,5
Затек эмали (4-6) M_1	96(132)	72,7
Затек эмали (4-6) M_2	67(117)	57,3
Затек эмали (8) M_2	2(117)	1,7
Форма 1-2 P1	52(69)	75,4
Форма 4-6 P_1	14(69)	20,3
Форма 1-2 P2	16(89)	18,0
Форма 4-5 P2	60(89)	67,4
6 M_1	12(143)	8,4
4M_1	12(143)	8,4
(+)5M_1	11(143)	7,7
(+)M_1(4-6)	17(138)	12,3
(X)M_1(4-6)	29(138)	21,0
4M_2	62(128)	48,4
5M_2	65(128)	50,9
(У)M_2	19(123)	15,4
Протостилид (2-5) M^1	0(110)	0,0
Ямка протостилида M_1	7(110)	6,4
tami M_1	9(146)	6,2
Дистальный гребень тригонида M_1	84(130)	64,6
Коленчатая складка метаконида M_1	7(35)	20,0
Трехкорневые M_1	32(106)	30,2
Срастание корней M_2	69(112)	61,6



Результаты сравнения одонтологических характеристик мохэ из Троицкого могильника с древним населением Китая, Байкальского и Тихоокеанского регионов.

Таблица 2. **Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов**

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность I^1	–0,54	0,30
Бугорок Карабелли M^1	–0,76	–0,16
6-бугорковые M_1	–0,51	–0,65
4-бугорковые M_2	0,85	0,29
tami M_1	–0,70	0,28
Дистальный гребень тригонида M_1	–0,43	0,59
Коленчатая складка метаконида M_1	–0,14	0,60
Собственное число	2,57	1,41
Процент общей изменчивости	0,37	0,20

На графике, иллюстрирующем распределение серий в пространстве первых двух факторов, мохэ не демонстрируют однозначного сходства только с байкальскими группами. Последние распадаются на графике на две группы: китойская культура Забайкалья и серовцы попадают в отрицательное поле второго фактора, носители глазковских традиций – в положительное, далеко от китойцев и серовцев, но близко к двум из трех китайских неолитических серий. Мохэ объединяются с носителями глазковской культуры и китайской неолитической серией из могильника Xiawanggang (провинция Хэнань, 3 тыс. до н.э.). Принципиальное значение при этом имеют частоты 6-бугорковых нижних первых моляров, дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида (табл. 2, см. *рисунок*)

Неолитическое население Дальнего Востока и носители янковской культуры объединяются в центре графика, занимая нейтральную позицию по отношению ко всем сериям из Восточной Сибири и Китая, а также населению Японии.

Подводя итоги всему сказанному, вкратце можно резюмировать, что даже предварительный анализ одонтологического состава троицких мохэ позволяет расширить имеющуюся ранее информацию о процессе формирования населения Дальнего Востока. Он позволяет, во-первых, расширить ареал формирования антропологической специфики мохэских групп, включив туда не только Забайкалье, но и территорию Китая, во-вторых, подтвердить факт того, что появление носителей предков современных тунгусо-манчжурских народов на территории Дальнего Востока произошло относительно поздно. Последнее подтверждается тем фактом, что носители янковской культуры первой половины I тыс. до н.э. не демонстрируют сходства с населением континентальной части северной Азии.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00349 А.

Список литературы

Алексеев В.П. Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С. 106–129.

Громов А.В., Зубова А.В., Моисеев В.Г. Антропологические материалы с поселения янковской культуры Черепаха 13 в Южном Приморье // Археология CIRCUM-PACIFIC: памяти И.Я. Шевкомуда. – Владивосток: Тихоокеан. изд-во «Рубеж». – 2017. – С. 418–449.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Институт культурного наследия, 2007. – 154 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 72 с.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 360 с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Fu Y. Dental and cranial non-metric study of the Jiangzhai Neolithic population and its genetic affinities with other East Asians: Dis. MA. – Edmonton, Alberta, 1994. – 98 p.

Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data // Anthropological Science. – 2010. – Vol. 118(2). – P. 95–106.

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System // Advances in Dental Anthropology. – N.-Y.: Wiley-Liss Inc., 1991. – P. 13–31.

Wu L., Xianglong Z. Preliminary impression of current dental anthropology research in China // Dental anthropology newsletter. – 1995. – Vol. 9, N 3. – P. 1–8.

References

Alekseev V.P. Materialy po kraniologii mokhe. In *Paleoantropologiia Sibiri*. Moscow, 1980, pp. 106–129 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Kim Bon Gon, Nesterov S.P., Choj Men Sik, Hon Hyon U, Alkin S.V., Subbotina A.L., Yu Yn Sik. Materialy i issledovaniya rossijsko-korejskoj arheologicheskoj ekspedicii v Zapadnom Priamur'e. Tehdzhon: Institut kul'turnogo naslediya, 2007, 154 p. (in Russ.).

Derevianko E.I. Troitskii mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.).

Fu Y. Dental and cranial non-metric study of the Jiangzhai Neolithic population and its genetic affinities with other East Asians: Dis. MA. Edmonton, Alberta, 1994, 98 p.

Gromov A.V., Zubova A.V., Moiseev V.G. Antropologicheskie materialy s poseleniia iankovskoi kul'tury Cherepakha 13 v Iuzhnom Primor'e. In *Arkheologiia CIRCUM-PACIFIC: pamiati I. Ya. Shevkomuda.* Vladivostok: Rubezh', 2017, pp. 418–449 (in Russ.).

Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T. Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data. *Anthropological Science*, 2010, vol. 118(2), pp. 95–106.

Levin M.G. Etnicheskaia antropologiia i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka. Moscow: AS USSR Publ., 1958, 360 p. (in Russ.).

Popov A.N., Chikisheva T.A., Shpakova E.G. Boismanskaia arkheologicheskaia kul'tura Iuzhnogo Primor'ia. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1997, 96 p. (in Russ.).

Turner C.G., Nichol C.R., Scott R.G. Scoring Procedures for Key Morphological Traits of the Permanent Dentition: The Arizona State University Dental Anthropology System. *Advances in Dental Anthropology*. New-York: Wiley-Liss Inc., 1991, pp. 13–31

Wu L., Xianglong Z. Preliminary impression of current dental anthropology research in China. *Dental anthropology newsletter*, 1995, vol. 9, No. 3, pp. 1–8.

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-onlain, 2006, 72 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.264-268
УДК 903.59

Д.А. Иванова, А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Nightliro@bk.ru

Украшения из раковин в погребальном комплексе Хирота (остров Танэ, Японский архипелаг)

Археологический материал Японского архипелага, относящийся к культурам яёй и кофун, богат разнообразными изделиями и украшениями из бронзы и железа (наконечники стрел и копий, элементы вооружения, зеркала и колокола), обожженной глины (керамика и ханива), стекла и камня (бусы, подвески, браслеты). Особое место в это время занимают украшения из раковин моллюсков. Одна из наиболее представительных и эффектных коллекций известна по материалам некрополя Хирота (о-в Танэ). Данная работа продолжает цикл статей, посвященных исследованию феномена «Путь раковин» – древней сети торговли и обмена предметами престижной экономики, который связывал архипелаг Рюкю с культурами о-вов Кюсю и Хонсю на севере, о-вом Тайвань и Филиппинским архипелагом на юге.

Ключевые слова: *Кюсю, яёй, кофун, «Путь раковин», погребения, сопроводительный инвентарь.*

D.A. Ivanova, A.V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Nightliro@bk.ru

Shell Adornments in Hirota Burial Complex (Tane Island, Japanese Archipelago)

Archaeological materials of the Yayoi and Kofun cultures from the Japanese Archipelago are rich in various items and adornments made of bronze and iron (arrow and spear points, details of armor, mirrors, and bells); burned clay (pottery and Haniva figurines); glass and stones (beads, pendants, and bracelets). The adornments made of shells represented a special ornament type of that period. The Hirota necropolis on Tane Island is one of the most impressive and representative collection of such ornaments. This article continues the series of works devoted to the analysis of the "Trail of Shells" phenomenon – ancient trade and exchange network which connected Ryukyu Archipelago with the cultures on Kyushu and Honshu Islands in the North, and Taiwan and the Philippines in the South.

Key words: *Kyushu, Yayoi Culture, Kofun Period, "Trail of Shells", burials, grave goods.*

Некрополь Хирота – уникальный погребальный комплекс, расположенный на территории песчаных дюн о-ва Танэ (Танэгасима) на побережье Тихого океана. Памятник обнаружен местными археологами С. Нагата и Ё. Сакагути в 1955 г., после сильного тайфуна, который обнажил несколько захоронений с изделиями и украшениями из раковин моллюсков. Масштабные раскопки проводились в 1957–1959 гг. при участии археологов и антропологов из Университета Кагосима (г. Кагосима) и Университета Кюсю (г. Фукуока) – Н. Моридзоно, Т. Канасэки, М. Нагай и Н. Кокубу, а также представителями местных образовательных учреждений. В марте 2008 г. некрополю Хирота присвоен статус «Национального исторического памятника».

Остров Танэ расположен в северной части древней торговой сети, получившей название «Путь раковин». Уникальные изделия – браслеты, нагрудные пластины (диадемы), бусы, подвески, ушные украшения, кольца и перламутровые ложки, изготовленные из крупных раковин брюхоногих моллюсков семейств Стромбиды (*Tricornis latissimus*), Конусы (*Conidae*) и Турбиниды *(Turbinidae)*, являются отличительной особенностью захоронений племенной элиты рубежа эр на о-ве Кюсю. Подобного рода предметы престижной экономики были

важной составляющей торговли между населением двух соседних культурных образований – культуры «раковинных куч» архипелага Рюкю (10 тыс. л.н. – XI в. н.э.) и культуры яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.). В целом же торговый путь распространения раковин пролегал как на север, связывая архипелаг Рюкю с культурами о-вов Кюсю и Хонсю, так и на юг, к о-ву Тайвань и Филиппинскому архипелагу [Табарев и др., 2016; Иванова, 2017].

Памятник Хирота находится в пос. Минамитанэ (р-н Хираяма), уезде Кумагэ, на юге о-ва Танэ (преф. Кагосима, о-в Кюсю). По результатам трех полевых сезонов на площади 230 м² раскопано 90 погребальных комплексов (157 индивидуумов), относящихся к III–VII вв. н. э., что соответствует второй половине позднего периода культуры яёй – позднему периоду эпохи кофун на территории Японского архипелага. Могилы расположены в направлении с юго-востока на северо-запад, на высоте 6 м над уровнем моря. Мощность песчаной дюны на этом участке побережья составляет 2,5–4 м [Танэгасима Хирота исэки…, 2003, с. 11–13].

Площадь памятника разделена на три участка (№ 1–3). Все раскопанные погребения локализованы на территории участка № 1, который, в свою очередь, подразделяется на семь зон (первый раскоп и зоны A–F). Стратиграфически в некрополе выделяются три слоя – нижний (вторая половина позднего яёй), средний (ранний кофун) и верхний (средний – поздний кофун). Помимо грунтовых могил на памятнике зафиксированы участки с прокаленной почвой и скопления раковин.

Верхний слой могильника представлен парными и коллективными вторичными захоронениями (например, погр. 1). В некоторых случаях встречаются захоронения по обряду кремации, а также погребальный обычай «*бандзё: сю:сэки-со:*», при котором кости конечностей выкладывают стопочкой в виде квадрата (например, погр. 4). Средний слой включает одиночные первичные захоронения (например, погр. 4b, район DI) и парные (либо коллективные) вторичные захоронения. В ряде погребений кости черепа и конечностей выложены рядом друг с другом (например, погр. N-1; рис. 1). Для нижнего слоя характерны одиночные первичные захоронения (например, погр. 2, район DIII; рис. 2). Глубина могил ок. 0,2–0,3 м. Погребения сопровождаются внешними (насыпь и оградка) и внутренними (каменный ящик) конструкциями из крупных блоков кораллового известняка [Там же, с. 276–280].

В состав погребального инвентаря входят изделия из раковин, стекла (21 бусина), фрагменты керамики и чаша из талька, каменный инвентарь (топор, наконечник, точильный камень, каменное пряслице, скребок) и несколько рыболовных крючков из железа [Там же, с. 229–238; Иванова, 2018].

Доминирующую позицию занимают украшения из раковин моллюсков, число которых составило 44 242 единицы, общим весом 24 кг. В ряде погребений найдены перламутровые ложки (14 экз.), выполненные из раковин мраморного турбо (*Turbo [Lunatica] marmoratus*). Среди основных разновидностей изделий из раковин можно выделить подвески в виде резных пластин (рис. 2, *2а*); уникальные по своей форме и орнаменту подвески, изображающие «дракона» (dragon-shape) (рис. 2, *2г*); округлые и подпрямоугольные пластинки с двумя отверстиями; диски с несколькими отверстиями (рис. 1, *2б*). Многие из этих украшений выполнены из раковин моллюска семейства Конус. Вторая категория украшений – браслеты из раковин (472 ед.), которые можно разделить по размерам на средние (высота 8–10 см, ширина 5–9 см) и крупные (высота от 10 см, ширина от 9 см). К первому виду относятся браслеты из раковин стромбиды (рис. 1, *2в*), морского блюдечка (*Patella [Penepatella] optima*), гемифузуса (*Hemifusus Crassicaudus*) (рис. 1, *3а, б*), харонии тритонис, или рога тритона (*Charonia tritonis*) и тектус пирамис *(Tectus pyramis*). Крупные браслеты изготовлены из раковин конусов (16 экз.), в том числе три браслета украшены геометрическим орнаментом. Третья группа украшений представлена крупными (высота от 1,9 см, внешний диаметр от 1 см) и мелкими (высота 1,5–1,9 см, внешний диаметр 0,5–1 см) бусинами (42 945 ед.). Чаще всего встречаются бусины из раковин конусов, а также из раковин лопатоногих моллюсков (*Antalis vulgaris*) (рис. 2, *2в*), трубачей (*Bucciadae*) (рис. 2, *2б*) и оливы (*Oliva mustelina*).

Местоположение украшений внутри могил зависит от их типа. Небольшие бусины и орнаментированные подвески, в том числе в виде «дракона», использовались для украшения головы, шеи, груди и запястий. Браслеты, крупные бусины и пластины с несколькими отверстиями фиксируются вокруг головы, груди, рядом с ушами и вдоль рук. Предположительно небольшие бусины нанизывались на шнур либо пришивались к одежде [Танэгасима Хирота исэки, 2003, с. 336, 381–384, 412].

Маркером памятника Хирота служат уникальные комбинации украшений – «подвески + небольшие бусины» (см. рис. 2) и «браслеты + крупные бусины» (см. рис. 1). Первый вариант заслуживает особого внимания, поскольку аналогичных находок нет в культурах этого времени ни на архипелаге Рюкю, ни на о-вах Кюсю и Хонсю. Похожие изделия, в особенности изображающие «дракона», а также обилие бусин из раковин и стекла характерны лишь для территории Китая, в то время как

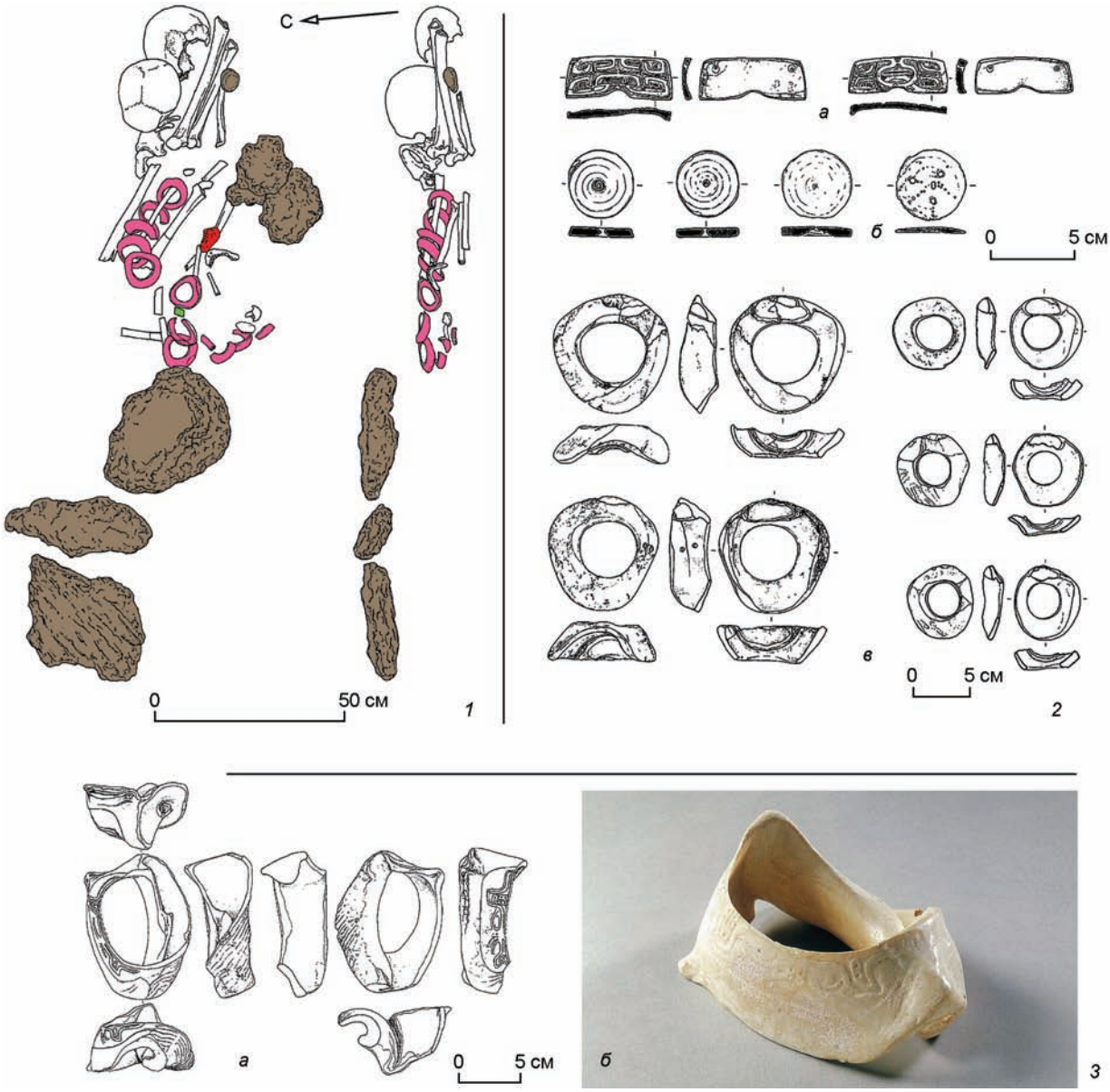


Рис. 1. Коллективное погребение N-1 (средний слой, ранний кофун).

1 – общий план погребения; *2* – украшения из раковин: *а* – подвески в виде резных пластин; *б* – диски с несколькими отверстиями; *в* – крупные и средние браслеты из раковин стромбиды; *3* – крупный браслет из раковины гемифузуса, украшенный геометрическим орнаментом: *а* – прорисовка; *б* – фотография.

сырье для них доставлялось с о-вов Амами и Окинава [Табарев и др., 2016].

Анализ антропологического материала, проведенный после раскопок, показал, что из 153 погребенных 52 индивида мужского пола, 42 – женского, в 59 случаях пол определить не удалось. Наибольшая смертность среди мужчин и женщин отмечается в интервале 20–39 лет (41 чел.), далее идет интервал 40–59 лет (24 чел.). Смертность в возрасте до 20 лет отмечена в 16 случаях. Население памятника Хирота по сравнению с аборигенами о-ва Кюсю имело небольшой рост (мужчины – 154 см, женщины – 142,8 см) [Танэгасима Хирота исэки, 2003, с. 281–282]. Сравнительный анализ антропологического материала по памятникам от эпохи дзё:мон до Средневековья показал, что самые высокие люди проживали на яёйском памятнике Доигахама (250 г. до н. э. – 50 г. н. э., преф. Ямагути). Рост взрослого мужчины достигал 163,7 см, а женщины – 151,1 см [Там же, с. 289].

Примерно 30 % погребений (47 индивидов) некрополя Хирота, очевидно, принадлежат представителям племенной элиты, что подтверждается большим количеством украшений из раковин, а также уникальными для того времени свидетельствами искусственной черепной деформации и ри-

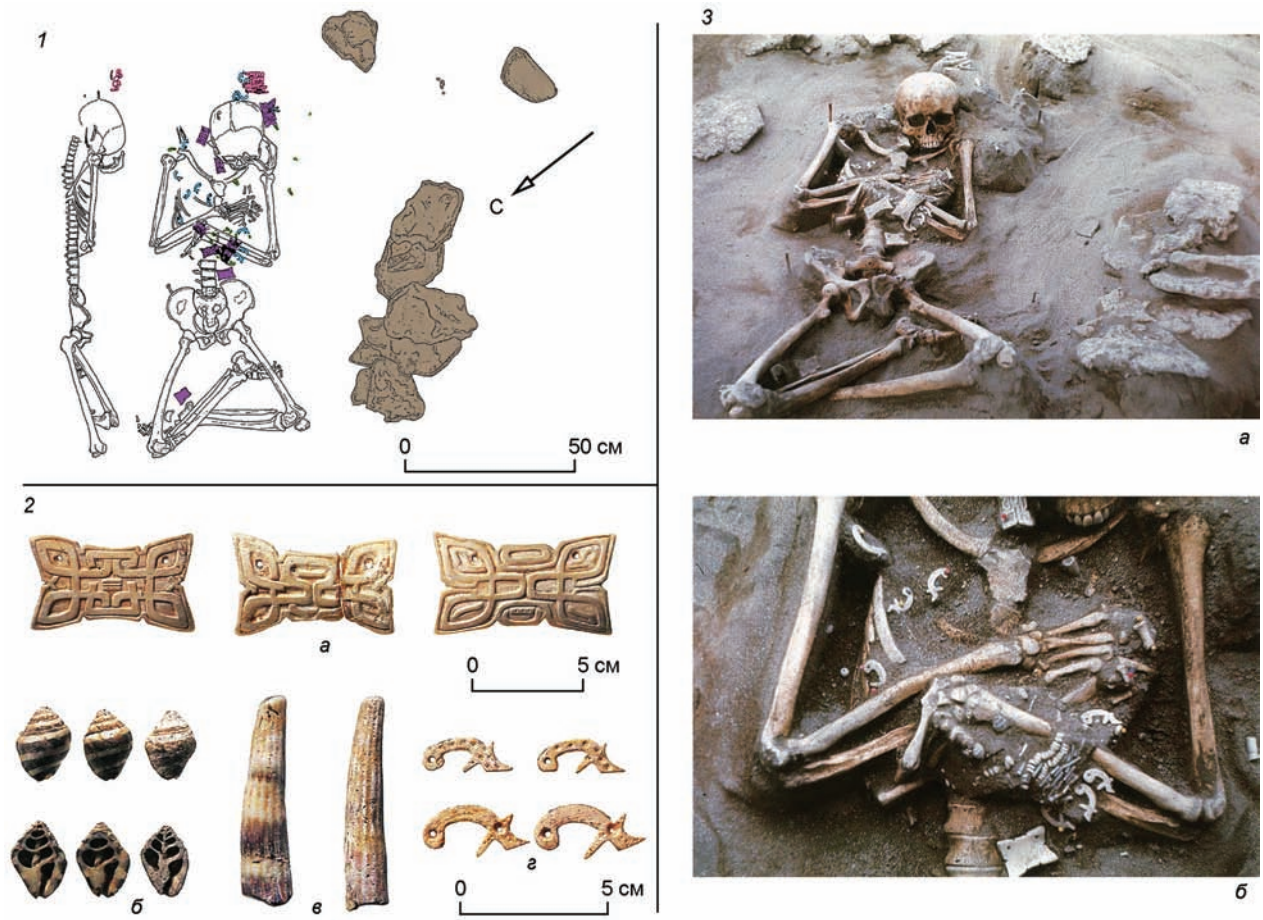


Рис. 2. Одиночное погребение 2, район DIII (нижний слой, поздний яёй).
1 – общий план погребения; *2* – украшения из раковин: *а* – подвески в виде резных пластин; *б* – бусины из раковин трубачей; *в* – бусины из раковин лопатоногих моллюсков; *г* – подвески, изображающие «дракона» («dragon-shape»); *3* – фотография погребения: *а* – общий план; *б* – расположение украшений в области грудной клетки.

туального удаления передних зубов. У 85 % погребенных (40 чел.) были удалены один-два зуба на верхней либо на нижней челюсти, с левой или правой стороны от клыков. У девяти мужчин – с правой стороны, у 14 – с левой; у семи женщин – с правой стороны и еще у девяти с левой. Помимо этого, специфическая форма подвесок, получившая название «dragon-shape» указывает на явные связи с прибрежными территориями Китая, а стеклянные бусы – с Индией и Юго-Восточной Азией, тогда как общие антропологические характеристики сближают погребенных с дзё:монским населением Японского архипелага [Табарев и др., 2016].

На территории о-ва Танэ известно более десятка могильников культур яёй и кофун, локализованных преимущественно вдоль береговой линии на поверхности песчаных дюн («дюнные некрополи»). Некрополь Хирота часто сравнивают с комплексом Ториноминэ (поздний яёй – ранний кофун, пос. Накатанэ), который расположен примерно в 16 км к северу от памятника Хирота. На могильнике Ториноминэ обнаружено 30 погребений с каменными насыпями округлой формы, в девяти могилах раскопаны украшения из раковин моллюсков (бусины, браслеты и пластины). Небольшое расстояние между памятниками и похожий погребальный инвентарь могут указывать на тесное общение (например, брачные связи) между этими двумя группами населения.

Таким образом, некрополь Хирота является одним из «эталонных» и исключительно информативных для древней истории Японии памятников, по материалам которого можно проследить масштабы внутренних и внешних контактов древнего населения архипелага.

Список литературы

Иванова Д.А. «Путь раковин»: распространение предметов престижных технологий между архипелагом Рюкю и островами Кюсю и Хонсю // Междунар. науч. конф. «XX Сергеевские чтения»: сб. тез. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2017. – С. 15–16.

Иванова Д.А. Анализ сопроводительного инвентаря элитных захоронений культуры яёй: украшения из стекла // Мат-лы LVIII Рос. (с междунар. уч.) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока». – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 92–94.

Табарев А.В., Табарева Ю.В., Иванова Д.А., Каномата Й. Археология архипелага Рюкю: период раковинных куч // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 428–431.

Хирота исэки гакудзюцу тё:са кэнкю: (Научно-исследовательская группа памятника Хирота). Танэгасима Хирота исэки (памятник Хирота, остров Танэгасима). – Токио: Кагосима кэнрицу рэкиси сирё: сэнта: Реймэй-кан (Рэймэйкан, центр материальной культуры префектуры Кагосима), 2003. – 414 с. (на яп. яз.).

References

Ivanova D.A. "Put' rakovin": rasprostranenie predmetov prestizhnykh tekhnologiy mezhdu arkhipelagom Riukiu i ostrovami Kiusiu i Khonsiu. In *Mezhdunar. nauch. konf. "XX Sergeyevskie chteniya": Sb. tez.* Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2017, pp. 15–16 (in Russ.).

Ivanova D.A. Analiz soprovoditelnogo inventarya elitnykh zakhoroneniy kultury yayoi: ukrasheniya iz stekla. In *Materialy LVIII Ros. (s mezhdunar. uch.) arkheol.-etnogr. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Drevnie i traditsionnye kultury Sibiri i Dalnego Vostoka"*. Omsk: Izdatel-Poligrafist, 2018, pp. 92–94 (in Russ.).

Khirota iseki gakudzyutsu te:sa kenkyu: (Nauchno-issledovatel'skaya gruppa pamyatnika Khirota). Tanegasima Khirota iseki (pamyatnik Khirota, ostrov Tanegasima). – Tokio: Kagosima kenritsu rekisi sire: senta: Reimei-kan (Reimeikan, tsentr material'noi kul'tury prefektury Kagosima), 2003, 414 p. (in Japan).

Tabarev A.V., Tabareva U.V., Ivanova D.A., Kanomata I. Arkheologiya arkhipelaga Riukiu: period rakovinnykh kuch. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 428–431 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.269-274
УДК: 902/904+902.01+72.031

О.В. Кардаш[1, 2], С.А. Липс[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сургутский государственный университет
[3]Институт археологии Севера
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Архитектура оборонительно-жилых комплексов севера Западной Сибири как культурно-хронологический признак (по материалам памятников урочища Соровские озера)

Специфика археологических памятников севера Западной Сибири состоит в хорошей выраженности руин в микрорельефе местности. В особенности это относится к оборонительно-жилым комплексам, имевшим в разные эпохи устойчивую форму планировочной структуры. Данная особенность позволяет выделить культурно-хронологические признаки архитектуры, однако не позволяет обосновать эти признаки, поскольку вплоть до начала 2000-х гг. определение возраста памятников раннего железного века и Средневековья по методу ^{14}C не практиковалось и объекты датировались в широком хронологическом диапазоне. В статье представлены результаты радиоуглеродного исследования образцов из ряда городищ урочища Соровские озера. Анализ полученных результатов выявил необходимость пересмотра периодизации как памятников, так и археологических культур.

Ключевые слова: *север Западной Сибири, Соровские озера, оборонительно-жилой комплекс, радиоуглеродный возраст.*

O.V. Kardash[1, 2], S.A. Lips[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Surgut State University
[3]Institute of Archaeology of the North
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Architecture of Defense-Residential Complexes in the North of Western Siberia as a Cultural and Chronological Marker (Based on the Materials of the Archaeological Sites of Sorovskiye Lakes)

The specific feature of the archaeological sites in the northern part of Western Siberia is that the ruins are usually well seen in the microrelief of the area. In particular, this is true for the defensive-residential complexes with the period-specific layout of towns. This feature makes it possible to distinguish cultural and chronological markers of architecture, however, it does not allow to verify them, because until the early 2000s, the radiocarbon dating method was not used for the archaeological sites of the early Iron Age and the medieval period and the site age was estimated in a wide chronological range. The article presents the results of radiocarbon analyses of the samples from a number of sites of Sorovskiye Lakes. Analysis of the results revealed the need to revise the periodization of archaeological sites and cultures.

Keywords: *North of Western Siberia, the Sorovskiye Lakes, defensive-residential complex, radiocarbon age.*

В настоящее время на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры зарегистрировано 5850 памятников археологии (см: www.nasledie.admhmao.ru), среди них около 800 объектов – оборонительно-жилые комплексы. Оборонительно-жилой комплекс (здесь и далее) – это группа построек, объединенных специально спланированной территорией и окруженных системой обороны [Кардаш, 2013]. Большинство укрепленных поселений севера Западной Сибири визуально хорошо

выражены в микрорельефе, что позволяет не только их выявить, но и предварительно определить возраст, основываясь на материалах стационарных исследований подобных памятников. Вместе с тем отдельные формы планировочной структуры городищ продолжают бытовать с раннего железного века до Средневековья (VIII–VII вв. до н.э. – XVII–XVIII вв.). В этой связи выделение архитектурных культурно-хронологических признаков требует обоснования.

Зачастую при археологических разведках время функционирования памятников устанавливается на основании сравнительно-типологического метода. Определение возраста по методу ^{14}C практикуется редко, и объекты датируются в широком хронологическом диапазоне, что не позволяет использовать такие данные в историко-архитектурном анализе.

На данном этапе нашего исследования мы предприняли попытку определить, насколько результаты предварительной оценки культурно-хронологической принадлежности оборонительно-жилых комплексов соответствуют радиоуглеродному возрасту.

Для проведения исследования были выбраны оборонительно-жилые комплексы в урочище Соровские озера, где на локальной территории в естественном ландшафте сохранились руины укрепленных поселений и иных объектов, существовавших и сменявших друг друга на протяжении нескольких тысячелетий. Подавляющее большинство объектов не подвергалось какому-либо антропологическому воздействию и находится в отличном состоянии, что исключает загрязнение образцов. Для исследований были выбраны три городища раннего железного века и шесть городищ эпохи Средневековья (рис. 1).

В задачи работы входили определение хронологии выбранных памятников радиоуглеродным мето-

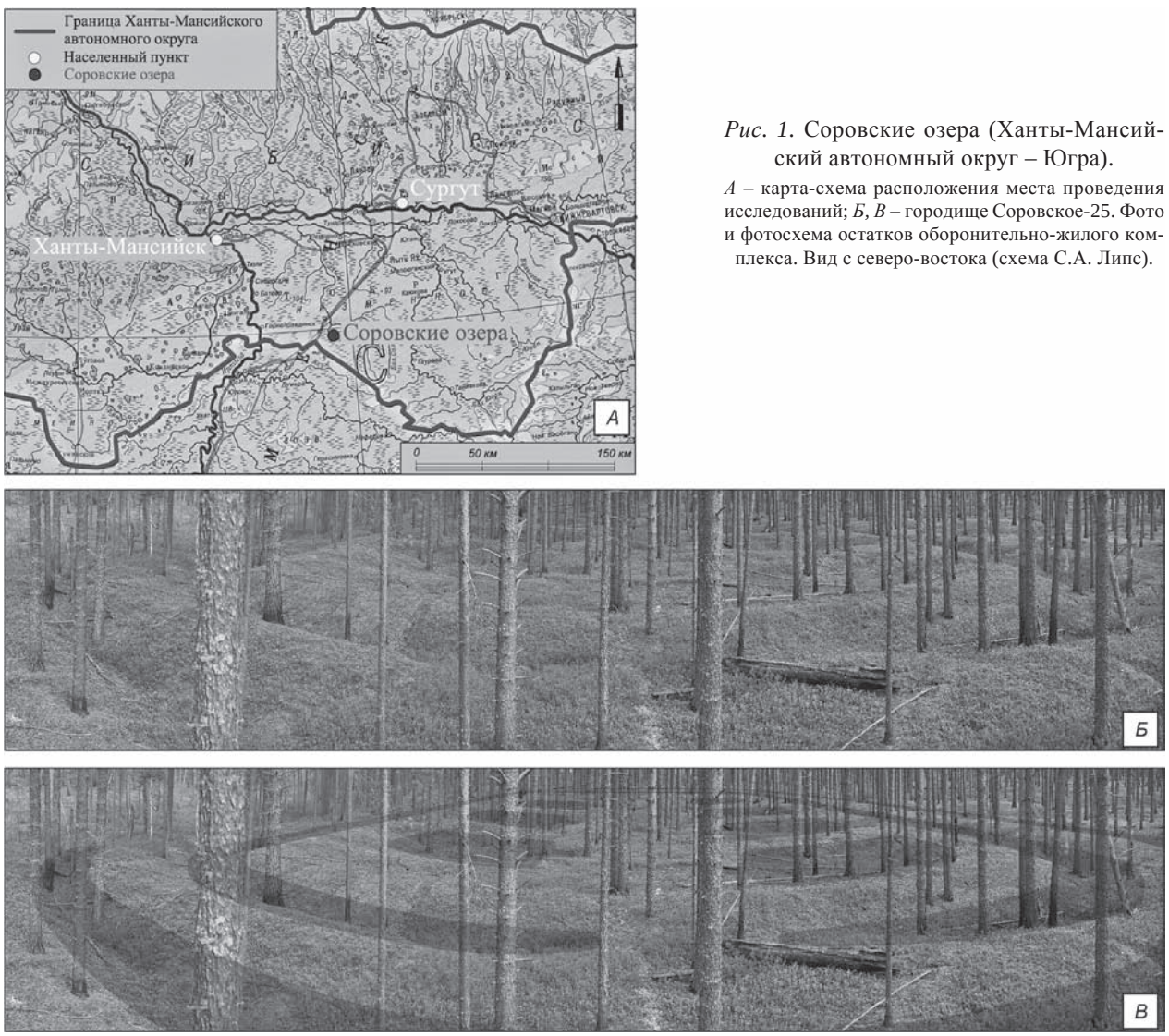


Рис. 1. Соровские озера (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра).

А – карта-схема расположения места проведения исследований; *Б, В* – городище Соровское-25. Фото и фотосхема остатков оборонительно-жилого комплекса. Вид с северо-востока (схема С.А. Липс).

дом по ^{14}C, а также сравнительно-типологическим и последующее сравнение полученных результатов с предварительной атрибуцией при выявлении этих памятников (рис. 2).

Урочище Соровские озера расположено на юге Нефтеюганского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в юго-западной части Среднеобской низменности в междуречье Оби

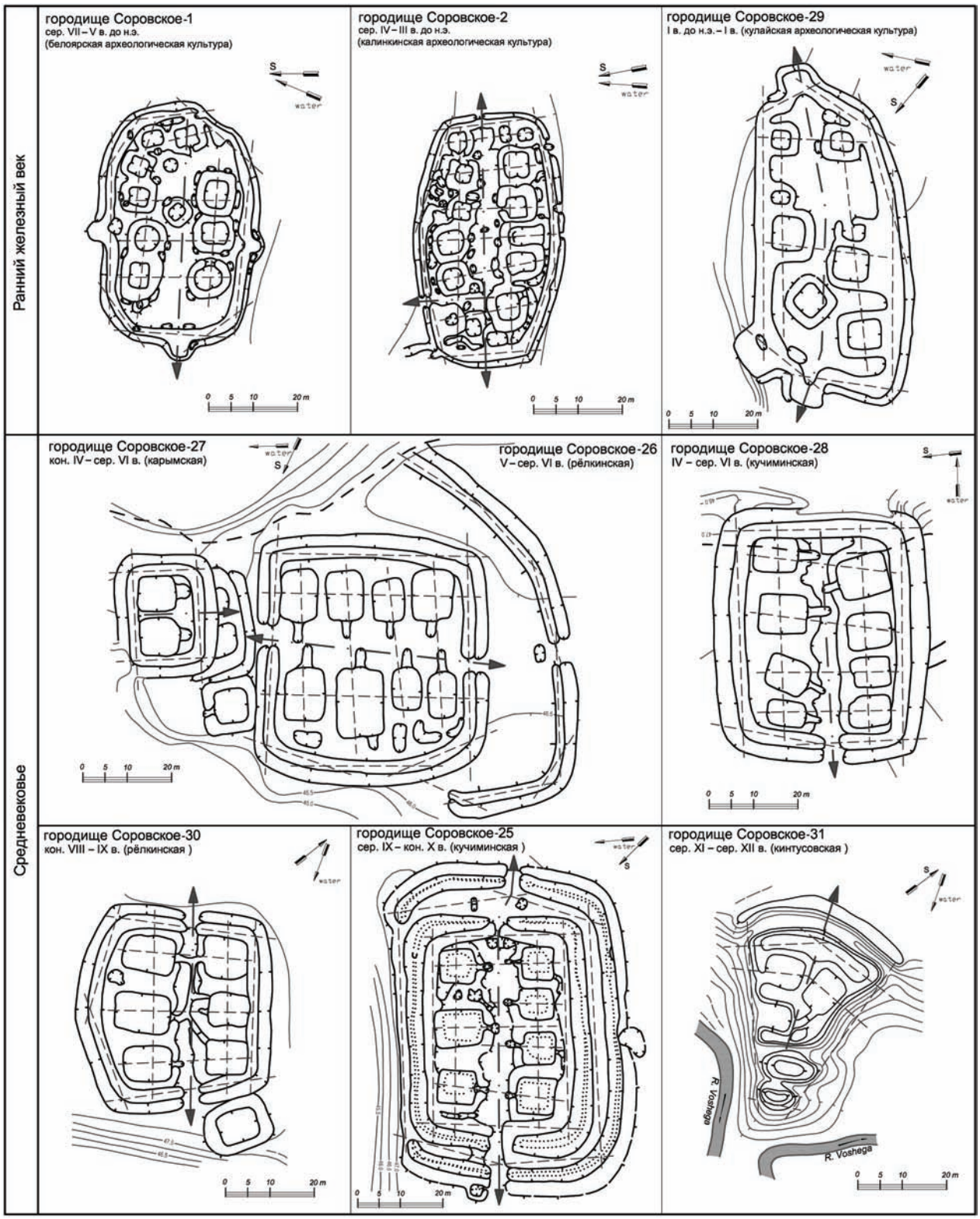


Рис. 2. Топографические планы оборонительно-жилых комплексов Соровских озер, из которых были взяты образцы для радиоуглеродного датирования.

и Иртыша, в бассейне верхнего течения р. Большой Салым (см. рис. 1).

Археологический комплекс «Соровские озера» составляет 101 объект археологии и этнографии разного времени функционирования. Среди них 38 оборонительно-жилых комплексов.

Исследуемые археологические объекты расположены в зоне средней тайги Западной Сибири. Песчаные и супесчаные грунты хорошо сохраняют конфигурацию остатков археологических объектов – рвы, валы, ямы и др. (см. рис. 2). Остатки оборонительно-жилых комплексов разных эпох визуально фиксируются на поверхности рельефа и служат источником первичного морфологического анализа композиции и параметров планировочной структуры для предварительной датировки памятников.

На берегу Соровских озер зафиксированы 40 городков разных хронологических периодов, из них два укрепленных жилища эпохи бронзы (III – начало I тыс. до н.э.). В списке объектов культурного наследия ХМАО – Югры их официальный статус – городища, поэтому далее в ряде случаев мы будем использовать этот термин. Из 38 оборонительно-жилых комплексов 22 городища раннего железного века (VIII в. до н.э. – III в. н.э.) и 16 городищ эпохи Средневековья (от IV–V до XII–XIII вв. н.э.).

Большинство оборонительно-жилых комплексов Соровских озер было выявлено и обследовано в 1980–1990-е гг. разведочной группой под руководством К.Г. Карачарова [Карачаров, 1988, 1993], исследования были продолжены в 2000-х гг., и часть памятников датировалась в 2008 г. М.Ю. Барановым [Баранов, 2008]. Все памятники, обнаруженные при проведении разведочных археологических работ, были датированы в основном по керамической посуде либо по визуальным

Результаты анализа по ^{14}C образцам из оборонительно-жилых комплексов Соровских озер

Сооружение	Вид образца	Культурно-хронологическая принадлежность*	Возраст по ^{14}C	Итоговая культурно-хронологическая принадлежность**
Соровское-1/6	Кость	VIII–IV вв. до н.э. (белоярская)	671–403 cal BC	Сер. VII – V в. до н.э. (белоярская)
»	Уголь	То же	763–428 cal BC	Сер. VIII – V в. до н.э. (белоярская)
Соровское-2/3	»	VI–IV вв. до н.э. (калинкинская)	329–204 cal BC	Сер. IV – III в. до н.э. (калинкинская)
»	Кость	То же	405–253 cal BC	V – сер. III в. до н.э. (калинкинская)
Соровское-25/4	Уголь	VIII–IX вв. (кучиминская)	863–986 cal AD	Сер. IX – кон. X в. (кучиминская)
Соровское-26/2	Кость	IV–VII вв. (карымская, релкинская)	406–537 cal AD	V – сер. VI в. (релкинская)
Соровское-27/2	Уголь	IV–VI вв. (карымская)	386–544 cal AD	Кон. IV – сер. VI в. (релкинская)
Соровское-28/2	»	IV–XVI вв.	415–540 cal AD	Нач. V – сер.VI в. (кучиминская)
»	Кость	То же	399–539 cal AD	V – сер. VI в. (кучиминская)
Соровское-29/4	Уголь	IV в. до н.э. – III в. н.э. (кулайская)	40 cal BC – 80 cal AD	I в. до н.э. – I в. н.э. (кулайская)
Соровское-30/1	»	IX–XII вв. (кинтусовская)	772–901 cal AD	Кон. VIII – IX в. (релкинская)
Соровское-31/1	Кость	То же	1067–1155 cal AD	Сер. XI – сер. XII в. (кинтусовская)
»	Уголь	»	1032–1162 cal AD	То же
»	Очажный слой	»	1138–1149 cal AD	XII в. (кинтусовская)

*Культурно-хронологическая атрибуция памятников основана на сравнительно-типологическом методе по фрагментам керамической посуды (гор. Соровское-1, -2) и архитектуре [Карачаров, 1988, 1993; Баранов, 2008; Виноградов, 2015].

**Культурно-хронологическая атрибуция памятников проведена радиоуглеродным методом по ^{14}C и соотнесена с современной периодизацией Ю.П. Чемякина и А.П. Зыкова [Чемякин, 2008; Зыков, 2012].

признакам: форме, размерам и композиции планов руин сооружений. В обоих случаях для датировки памятника использовался сравнительно-типологический метод с опорой на исследованные в 1980–1990-х гг. укрепленные и неукрепленные поселения крупных археологических комплексов Барсова гора и Сайгатино. Большая часть разновременных памятников этих археологических комплексов была исследована стационарными археологическими раскопками. Авторами по керамическому материалу были определены и описаны археологические культуры, для каждой из которых установлен период существования [Чемякин, 2008; Борзунов, Чемякин, 2012; Зыков, 2012]. Таким образом, по керамическому материалу памятников Барсова Гора и Сайгатино была выстроена хронологическая структура археологических культур, которую до настоящего времени используют для датировки укрепленных и неукрепленных поселений севера Западной Сибири методом сравнительно-типологического анализа.

Для датировки радиоуглеродным методом по ^{14}C были взяты образцы угля, кальцинированной и сырой кости, а также органического очажного слоя (см. *таблицу*). Стоит заметить, что гуминовые кислоты, выделенные из образцов очажного слоя трех объектов (Соровское-1, -25, -28), дали схожую датировку – XVII в., что явно не соответствует действительности и, скорее, связано со сложностью очистки образца. Эти даты были исключены из таблицы как ошибочные. Лишь дата одного образца гуминовых кислот (Соровское-31) совпала с датами образцов угля и кальцинированной кости и поэтому учтена в таблице.

В большинстве случаев результаты радиоуглеродного датирования позволили сузить хронологию памятников, определенную сравнительно-типологическим анализом. Это, например, периоды функционирования городищ Соровское-1, -26–29, -31.

В ряде случаев радиоуглеродная дата образцов угля и кости не совпала с датами, определенными сравнительно-типологическим анализом. Так, время функционирования городища Соровское-2 сдвинулось с VI–IV вв. до н.э. (калинкинская археологическая культура) на IV–III вв. до н.э. (см. *таблицу*), что уже относится к кулайской археологической культуре [Чемякин, 2008]. Период функционирования городища Соровское-25 ранее был определен в рамках VIII – IX вв. (кучиминская археологическая культура [Зыков, 2012]). По анализу образца угля на ^{14}C городище датировано серединой IX – X в. (кинтусовская археологическая культура). Городище Соровское-30 по сравнительно-типологическому методу и керамическому материалу было датировано IX–XII вв. [Карачаров, 1988; Баранов, 2008; Виноградов, 2015], датировка естественнонаучным методом дала VIII–IX вв.

Таким образом, в нескольких случаях хронологический диапазон функционирования городища не совпадает с таковым археологической культуры. Можно предположить, что рамки существования поселений некоторых культур шире, чем считалось ранее.

Кроме того, планировочные структуры оборонительно-жилых комплексов разных хронологических периодов схожи между собой. Композиции планов городков, в основе которых лежит принцип зеркальной симметрии, остаются неизменными на протяжении тысячелетия, а орнаментация керамических сосудов меняется с течением времени.

Анализ результатов датирования по ^{14}C дает основания для пересмотра периодизации памятников и соотношения археологических культур с хронологией функционирования городищ и поселений севера Западной Сибири.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-11-86008-ОГН|18).

Список литературы

Баранов М.Ю. Отчет о НИР. Выявление и обследование объектов культурного наследия на территории археологического комплекса «Соровские озера» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2007 году. – Нефтеюганск, 2008 // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 219.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. –Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 217–261.

Виноградов А.С. Отчет о НИР. Обследование технического состояния и установление границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Нефтеюганском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенные в 2014 году. – Нефтеюганск, 2015. – Т. 1–11.

Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с.

Карачаров К.Г. Отчет о НИР. Разведка в Нефтеюганском районе Тюменской области. – Екатеринбург, 1988 // Архив НПО СА. Ф. I., Д. 28.

Карачаров К.Г. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Б. Салым в южной части Нефтеюган-

ского района Тюменской области, проведенной летом 1993 года. – Екатеринбург, 1993. – Т. 1, 2 // Архив НПО СА. Ф. I. д. 21.

Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: история и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 360 с.

Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Ом. дом печати, 2008. – 224 с.

References

Baranov M.Yu. Otchet o NIR. Vyyavleniye i obsledovaniye ob'yektov kul'turnogo naslediya na territorii arkheologicheskogo kompleksa "Sorovskiye ozera" v Nefteyuganskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2007 godu. Nefteyugansk, 2008. In Archiv NPO SA. F. 1. D. 219 (in Russ.).

Borzunov V.A., Chemyakin Yu.P. Karymskoye obshchestvo tayozhnogo Priob'ya: nekotorye aspekty yego genezisa, razvitiya i vzaimodeystviya s so-sedyami. In *Khanty-Mansiysky avtonomny okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State Univ. Press, 2012, iss. 10, pp. 217–261 (in Russ.).

Chemyakin Yu.P. Barsova gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut, Omsk: Omsk. dom pechati, 2008, 224 p. (in Russ.).

Karacharov K.G. Otchet o NIR. Razvedka v Nefteyuganskom rayone Tyumenskoy oblasti. Yekaterinburg, 1988. In Archiv NPO SA. F. 1. D. 28 (in Russ.).

Karacharov K.G. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke v basseyne r. B. Salym v yuzhnoy chasti Nefteyuganskogo rayona Tyumenskoy oblasti, provedennoy letom 1993 goda. Yekaterinburg, 1993, vol. 1, 2 In Archiv NPO SA. F. 1. D. 21 (in Russ.).

Kardash O.V. Nadymsky gorodok knyazey Bol'shoy Karachei. (Obdorskiye gorodki v kontse XVI – pervoy treti XVIII v.: istoriya i material'naya kul'tura). Yekaterinburg; Salekhard: Magellan, 2013, 360 p. (in Russ.).

Vinogradov A.S. Otchet o NIR. Obsledovaniye tekhnicheskogo sostoyaniya i ustanovleniye granits territoriy ob"yektov arkheologicheskogo naslediya, raspolozhennykh v Nefteyuganskom i Surgutskom rayonakh Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry, provedennye v 2014 godu, Nefteyugansk, 2015, vol. 1–11 (in Russ.).

Zykov A.P. Barsova gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekov'ye i novoye vremya. Yekaterinburg: Ural'sky rabochiy, 2012, 232 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.275-279
УДК 903.26

Н.А. Константинов[1], В.П. Мыльников[2], Е.В. Степанова[3], Н.А. Васильева[3]

[1]Горно-Алтайский государственный университет
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Государственный Эрмитаж
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Полевое доследование внутримогильных конструкций Пятого Пазырыкского кургана на Алтае (предварительное сообщение)

В работе представлены предварительные результаты полевого доследования в 2017–2018 гг. самого известного в научной литературе пазырыкского кургана с деревянными внутримогильными конструкциями. Исследованы околокурганное пространство и могильная яма кург. 5, рекультивированная в 1949 г. автором раскопок С.И. Руденко, с включением в раскоп изученного в 1949 г. кург. 7. Выявлены и полностью зачищены сопроводительные ритуальные каменные кладки. Извлечено массивное заполнение могильной ямы из камней, остатков бревен, жердей и кольев. Расчищено 7–8 венцов бревен внешнего сруба, оставленного исследователями в могильной яме. В результате исследований получено много новой ценной информации об устройстве погребальных сооружений и деревообработке в скифское время.

Ключевые слова: *Алтай, скифское время, курганные погребения, погребальные сооружения из дерева, конструктивные особенности.*

N.A. Konstantinov[1], V.P. Mylnikov[2], E.V. Stepanova[3], N.A. Vasilyeva[3]

[1]Gorno-Altaisk State University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]The State Hermitage Museum
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Field Supplementary Examination of Intrasepulchral Design of the Fifth Pazyryk Barrow in Altai (a Preliminary Report)

The paper describes preliminary results of the field supplementary examination in 2017–2018 of the Pazyryk barrow, best known in scientific literature, with wooden intrasepulchral constructions. The area adjacent to the barrow and depression of the barrow 5, refilled in 1949 by the author of excavation S.I. Rudenko, as well as barrow 7 studied in 1949 have been excavated. The post-funeral ritual pavements were included into the excavations. Dense grave filling of soils mixed with stones, remains of logs, poles, and stakes was retrieved. 7–8 rows of beams of the exterior burial chamber that was intact by the previous researchers were uncovered. As a result of research, abundant valuable information on the features of funeral constructions and woodworking in Scythian time has been obtained.

Keywords: *Altai, Scythian time, kurgan burials, funeral constructions from a tree, design features.*

Повторные раскопки недоисследованных и законсервированных курганных погребений с деревянными конструкциями на Алтае проводятся не впервые [Слюсаренко, 2000, с. 124–125]. После долгого перерыва в Долине Царей на могильнике Пазырык, давшем название широко известной в научном мире археологической культуре скифского времени (рис. 1, *1*), два года назад возобновились археологические работы силами совместной экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа. Работы экспедиции начаты на знаменитом кургане 5, погребение в котором было исследовано в 1949 г. С.И. Руденко [1953]. Раскопки тех лет принесли

Рис. 1. Доследование кург. 5 на могильнике Пазырык в Долине Царей.
1 – курганная группа Пазырык; *2* – кург. 5, современный вид; *3* – начало работ в могильной яме, выборка заполнения.

уникальный материал, хранящийся сейчас в Государственном Эрмитаже в г. Санкт-Петербурге. В 2017 г. произведена зачистка участка, прилегающего к насыпи кургана с северной и северо-восточной стороны, с включением в площадь раскопа изученного в 1949 г. малого кургана 7, расположенного рядом с большой насыпью. В ходе земляных работ в околокурганном пространстве удалось зафиксировать следы десяти кострищ, изучить конструкцию двух выкладок-«лучей», уточнить данные о насыпи кургана 7 [Константинов и др., 2018].

В 2018 г. продолжилось изучение периферии кургана 5, произведены геофизические исследования нетронутой части насыпи и начато изучение оставленных после раскопок С.И. Руденко внутримогильных погребальных сооружений из дерева в могильной яме (рис. 1, *2, 3*). В работах по изучению деревянных конструкций приняли участие научные сотрудники ИАЭТ СО РАН – специалисты по дендрохронологии и технологии обработки дерева в древности.

Каменная насыпь кург. 5 в настоящее время имеет высоту ок. 3,5 м, часть ее составляют отвал из раскопа 1949 г. и грабительский выброс. Вокруг насыпи кургана выявлен кромлех – ограда из вертикально вкопанных плит. До проведения земляных работ прослеживались лишь отдельные задернованные плиты, однако изучение периферии позволило установить, что изначально ограда была сплошной.

Основное погребение кургана С.И. Руденко исследовал прямоугольной широкой траншеей, проложенной от южной полы каменной кладки к ее центру, с включением могильной ямы. Отвал был насыпан в стороны от раскопа на насыпь и вокруг южной половины кургана. Полностью под отвалом из камней и грунта оказались погребены четыре южных «луча». Стены не рекультивированного полностью раскопа со временем сильно осыпались, на дне образовавшейся воронки в результате погодных колебаний постоянно скапливалась вода. В 2017 г. объем воды над поверхностью заполнения могильной ямы был значителен, а в 2018 г. лишь камни и грунт на дне воронки обнаруживали сильное увлажнение.

До начала раскопок внутри углубления могильной ямы видны были следы пребывания скота, который, по свидетельству местных жителей, ранее заходил сюда на водопой. Торчали верхние части столбов – опор бревенчатого наката, обломки полусгнивших жердей и кольев. В южной части раскопа 1949 г. на осыпавшихся стенах к югу и западу от кургана навалены фрагменты высохших, растрескавшихся бревен.

В известной монографии С.И. Руденко содержатся сведения о том, что при раскопках могилы в кург. 5 была зафиксирована сложная погребальная камера, состоявшая из двух срубов с потолками, помещенных один внутри другого. Вдоль северной и южной стен внешнего сруба вертикально установлены три пары толстых деревянных столбов-опор с мощными горизонтальными балками, на которые укладывался настил-перекрытие из нескольких накатов бревен [1953, с. 34]. Несмотря на некоторые противоречия, имеющиеся в специальной литературе [Гаврилова, 1996], изучение литературных и архивных сведений, а также комплексные исследования по технологии деревообработки сруба, хранящегося в Государственном Эрмитаже, показали, что в музей был привезен только внутренний сруб [Марсадолов, 1996; Мыльников, 1999], а внешний и столбы-опоры, очевидно, были оставлены на месте раскопок. В связи с этим было решено произвести доследование могильной ямы, установить состояние оставленных деревянных конструкций и продолжить их изучение.

Прежде чем приступить непосредственно к раскопкам могильной ямы, пришлось приложить огромные усилия для перемещения отвалов, чтобы обеспечить необходимое для организации земляных работ пространство. Большие кучи плотного грунта вперемешку с камнями были насыпаны в 1949 г. прямо на неисследованные части конструкции насыпи кургана. Кроме того, при расчистке пришлось убирать огромные валуны, вынутые при прошлых раскопках из перекрытия и наваленные на краю ямы и внутри заполнения.

Доследование могильной ямы выявило оставленные экспедицией С.И. Руденко на прежних местах внешний сруб без перекрытия и столбы-опоры бревенчатого наката (рис. 2, *1*). Могильная яма была заполнена водой, образовавшейся при таянии линзы подкурганной мерзлоты, а грунт на дне ямы оказался сильно промерзшим. По стенам сруба мерзлота начиналась на уровне 6-7-го венцов сверху. Вследствие этих причин и наступления холодной осени в 2018 г. завершить доследование могильной ямы не удалось и пришлось законсервировать раскоп на уровне 7-8-го венцов сверху.

Расчищенный сруб оказался почти полностью целым, за исключением выпиленных для доступа к сопроводительному захоронению лошадей бревен северной стены, а также нескольких бревен западной стены, также отпиленных в 1949 г. при исследовании погребения. Сруб имел прямоугольную форму, был вытянут по линии запад – восток. Размеры сруба составили 7,0 × 3,5 м. Столбы-опоры также оказались нетронутыми исследователями, но в значительной степени покосившимися, вероятно от небрежной засыпки чем попало могильной

Рис. 2. Расчистка деревянных конструкций оставленного в яме погребального сооружения.

1 – столбы-опоры надмогильного устройства и фрагменты внешнего сруба; *2–4* – следы отески на плоскостях и торцах бревен; *5, 6* – фрагменты полотнищ бересты между венцами бревен с остатками плетеного шнура из растительных волокон.

ямы при рекультивации. Диаметр столбов составил 0,45–0,55 м, примерная высота 2,2 м. Найдены фрагменты балок, на которые укладывался бревенчатый накат. На северо-восточном столбе *in situ* сохранился отпиленный конец балки. На плоскостях и торцах многих бревен и столбов-опор хорошо заметны следы обработки плотницкими инструментами (рис. 2, *2–4*). Кроме того, в заполнении ямы находились другие переиспользованные при раскопках 1949 г. бревна, также относящиеся к деталям внутримогильных конструкций. Они послужили в качестве подпорок столбов-опор, из двух бревен была сделана лестница. На внутренних плоскостях бревен внешнего сруба и между стенками могильной ямы и стенами сруба обнаружены фрагменты пластов бересты, очевидно накрывавших бревна перекрытия сруба и накатов на балках столбов-опор при монтаже погребального сооружения (рис. 2, *5, 6*). В заполнении ямы найдены небольшие фрагменты войлочных изделий и обрывки золотой фольги с выдавленным рельефом, некогда покрывавшей деревянные украшения.

Работы по завершению доследования могильной ямы кург. 5 в долине Пазырык будут продолжены в следующем полевом сезоне.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00709).

Список литературы

Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопочному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С. 89–102.

Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. Работы на Пазырыкском могильнике в 2017 году // Полевые исследования на Алтае, в Приртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. – Вып. 13: Материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 24–27 апр. 2018 г. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С. 30–34.

Марсадолов Л.С. Краткое послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С. 105–107.

Мыльников В.П. Погребальный комплекс Пазырык-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 467–471.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.

References

Gavrilova A.A. Pyaty Pazyryksky kurgan. Dopolnenie k raskopochnomu otchetu i istoricheskie vyvody. In *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu.* St. Petersburg, 1996, pp. 89–102 (in Russ.).

Konstantinov N.A., Stepanova E.V., Urbushev A.U., Vasil'eva N.A., Shablavina E.A., Ebel' A.V., Kuyukov R.V. Raboty na Pazyrykskom mogil'nike v 2017 godu. In *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtyshy'e i Verkhnem Prioby'e (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2017 god. Iss. 13: Materialy XIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Gorno-Altaisk, 24–27 apr. 2018 goda.* Gorno-Altaisk: BITs Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2018, pp. 30–34 (in Russ.).

Marsadolov L.S. Kratkoe posleslovie k staty'e A.A. Gavrilovoy. In *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu.* St. Petersburg, 1996, pp. 105–107 (in Russ.).

Mylnikov V.P. Pogrebal'ny kompleks Pazyryk-5. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, vol. VII, pp. 467–471 (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya. M.; L.: AN SSSR Publ., 1953, 402 p. (in Russ.).

Slyusarenko I.Yu. Dendrokhronologichesky analiz dereva iz pamyatnikov pazyrykskoy kul'tury Gornogo Altaya. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 4, pp. 122–130 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.280-284
УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Археологические разведочные работы в Центральном и Юго-Восточном Алтае

В статье рассматриваются результаты археологических разведочных работ, проведенных автором на территории Онгудайского и Кош-Агачского р-нов Республики Алтай в 2018 г. Их целью были как дальнейшее исследование уже известных, так и поиск новых наскальных изображений. В местности Апшиякта была обследована неординарная композиция древнетюркских петроглифов, включающая в себя изображения женщины в трехрогом головном уборе, оленей, сосудов и пр. По аналогиям она датируется раннетюркским периодом: второй четвертью VI – первой половиной VII в. Обследование северных отрогов Сайлюгемского хребта позволило открыть шесть новых местонахождений петроглифов. Большинство из них датируются эпохой поздней бронзы – ранним железным веком.

Ключевые слова: *петроглифы, древнетюркский период, эпоха бронзы, изображения птиц и оленей, Юго-Восточный и Центральный Алтай.*

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Archaeological Survey in Central and Southeastern Altai

In the article the results of archaeological survey undertaken by the author in the Onguday and Kosh-Agach districts of the Altai Republic in 2018 are considered. The purpose of our survey was both clarifying and copying of the already known and the search for new rock paintings. In the locality named Apshiyakta, an extraordinary composition of the ancient Turkic petroglyphs was surveyed. It includes the image of a woman in a three-horn headdress, images of deers, vessels, etc. By analogy, it dates in the early Turkic period, the second quarter of VI – the first half of the VII century. A survey of the northern spurs of the Salyugem ridge made it possible to discover six new petroglyphic sites. Most of them date in the late Bronze Age – the early Iron Age.

Keywords: *petroglyphs, the ancient Turkic period, the Bronze Age, images of birds and deers, Southeastern and Central Altai.*

В полевом сезоне 2018 г. автором были продолжены археологические разведочные работы по дополнительному обследованию уже известных наскальных изображений и поиску новых на территории Онгудайского и Кош-Агачского р-нов Республики Алтай. Одним из объектов исследования была редкая композиция петроглифов древнетюркской эпохи, обнаруженная в урочище Апшиякта (Онгудайский р-н Республики Алтай) и недавно опубликованная местным краеведом Б.М. Киндиковым [Киндиков Б.М., Киндиков И.Б., 2018, с. 62–63]. Ее уникальность заключается, в частности, в наличии среди гравированных изображений женского персонажа в трехрогом головном уборе, который часть исследователей считает древнетюркским божеством Умай. Отсутствие подробного описания и интерпретации этой сцены, неточность ее прорисовки и мелкие фотографии, опубликованные Киндиковыми в небольшой научно-популярной книге, сделали необходимыми личный осмотр и обследование этой композиции.

Особый интерес вызывало то, что именно в составе погребально-поминального комплекса Апшиякта I, расположенного на левом берегу р. Чуи, в ходе разведочных работ 2011 г. автору удалось обнаружить два единственных в своем роде древ-

нетюркских изваяния с двумя личинами на каждом из них. Нижняя личина принадлежала женщине и была изображена в трехрогом головном уборе. Интерпретации этих изваяний, выделению женских древнетюркских скульптур и персонажа в трехрогом головном уборе в качестве образа знатной женщины древнетюркской эпохи нами посвящена отдельная публикация [Кубарев Г.В., 2017].

Обнаружение и публикация наскальных изображений из Апшиякты подтвердили необходимость личного ознакомления с ней. По-видимому, Б.М. Киндиков выполнил прорисовку композиции с фотографии, т.к. только этим можно объяснить большое количество неточностей, а также тот факт, что часть сцены была вообще не воспроизведена. Кроме того, нам удалось обнаружить отколовшийся в древности фрагмент скалы с гравировками, который существенным образом дополняет композицию.

Рассматриваемая композиция расположена в нескольких десятках метров от уже упомянутых изваяний с двумя личинами, на вертикальной поверхности размерами 60 × 120 см. Она насчитывает порядка 26 изображений фигур и предметов. Редкость и неординарность многих образов и, вероятно, их семантики делает эту композицию одной из наиболее интересных в числе древнетюркских петроглифов Алтая.

Наиболее частым ее персонажем является олень (рис. 1, *2*) – в разных комбинациях он воспроизведен 7 раз. Это геральдически расположенные и бегущие навстречу друг другу олени, группа лежащих животных с поджатыми ногами, сцены охоты на оленя. Все животные изображены очень реалистично: шкура, ветвистые рога и т.п. Частую встречаемость этого образа в композиции можно легко объяснить. Именно в урочищах Калбак-Таш – Апшиякта проходит и проходил в древности миграционный путь оленей, поскольку это самое удобное место для их переправы через р. Чуя. В этом пункте древние охотники начиная, по меньшей мере, с эпохи энеолита – ранней бронзы поджидали оленей и охотились на них, что и нашло отражение в петроглифах Калбак-Таша. В композиции присутствуют три пеших лучника-охотника и один всадник (рис. 1, *1*). Все они изображены с натянутыми луками, у стрел зачастую различимы форма наконечников и роговые свистунки. Кроме оленя объектами охоты выступают в одном случае кабан, в двух других – медведи.

В качестве центрального персонажа можно рассматривать женщину в трехрогом головном уборе. Ее ноги широко расставлены в стороны (поза роженицы?), руки на уровне пояса, поверх гравировки имеются многочисленные насечки-выбивки. Рядом с ней изображен котел (?). Композицию в разных местах дополняют три сцены *coitus*, крайне редко встречающиеся или неизвестные в других местонахождениях древнетюркских петроглифов. Люди в них изображены очень эскизно или даже, можно сказать, в шаржированном, карикатурном стиле. Правда на лице одного из мужчин воспроизведены глаз, большой нос и выступающий подбородок или борода. Особое внимание привлекает отдельно прорезанное изображение небольшого сосуда на постаменте-подставке или небольшом столе (?).

Судя по технике исполнения, гравировки на этой скальной поверхности были нанесены без большого хронологического перерыва и, вероятно, одним мастером. Учитывая наличие в композиции образа женщины в трехрогом головном уборе, который аналогичен выбивке на двух каменных изваяниях в Апшиякте, для этой композиции можно предложить датировку в узком диапазоне: датировку вторая четверть VI – первая половина VII в. Основанием для такого предположения служит радиоуглеродная дата указанных поминальных комплексов: 526–652 гг. [Кубарев Г.В., 2017, с. 101]. Это едва ли не единственный пример подобной узкой датировки древнетюркских петроглифов на Алтае. Вероятно, часть раннесредневековых гравировок в Калбак-Таше также должна относиться к этому раннему периоду древнетюркской истории.

Другой целью проведенных разведочных работ явилось обследование северных отрогов Сайлюгемского хребта, протянувшихся в Чуйской степи на 18–20 км от горы Жалгыз-Тобе до р. Бураты, на наличие петроглифов. В.Д. Кубарев и Е.П. Маточкин в сводке петроглифов Алтая так описывали этот участок: «Следующие местонахождения петроглифов, отмеченные на северных отрогах пограничного хребта Сайлюгем, идут почти непрерывно с запада на восток от р. Чаганбургазы до р. Уландрык. Границы их могут быть определены условно по названиям пяти урочищ: Оюм, Карашан, Шибе, Туюк-Гобо и Бураты» [1992, с. 52–53]. Приходится констатировать слишком условный и общий характер выделения пяти местонахождений петроглифов на этом достаточно протяженном участке. По мере его дальнейшего исследования здесь будет выделено значительно большее число пунктов с наскальными изображениями, имеющих вполне определенные и узкие границы.

После составления сводки петроглифов в этом районе были обнаружены небольшие по размеру, но незаурядные местонахождения петроглифов Курмантау и Кургак. Первое из них включает наиболее ранние петроглифы в Чуйской степи – контурные изображения оленей и лосей эпохи энеолита – ранней бронзы, как выбитые, так и выполненные

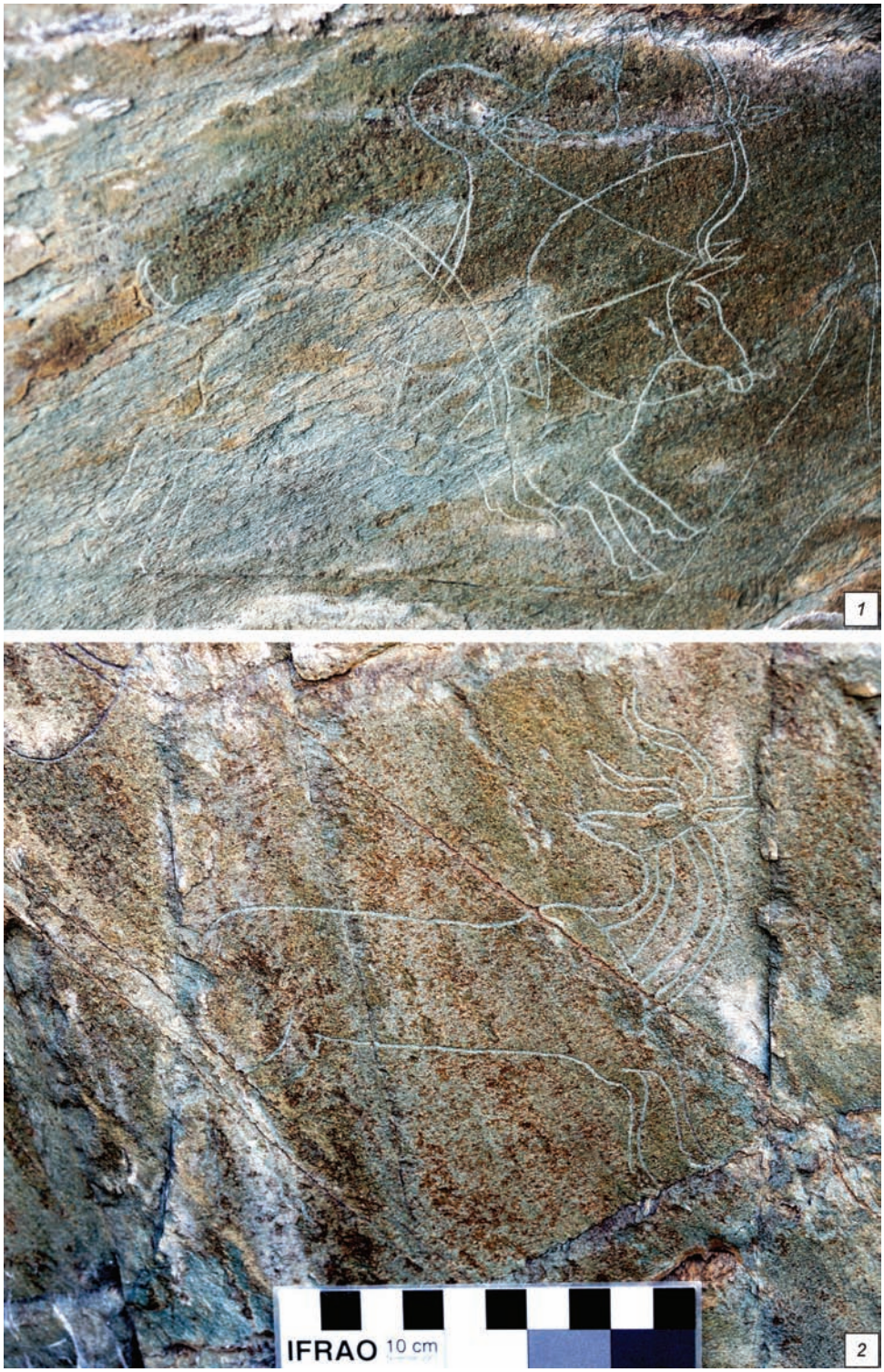


Рис. 1. Фрагменты композиции древнетюркских петроглифов из Апшиякты.
1 – изображение всадника; *2* – фигура оленя.

красной краской [Кубарев Г.В., 2003; и др.]. Местонахождение петроглифов в Кургаке примечательно одной из наиболее длинных древнетюркских рунических надписей на Алтае, а также мастерски выполненной сценой [Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001; и др.].

В 2018 г. на этом участке автору удалось зафиксировать по меньшей мере шесть новых местонахождений петроглифов. Рисунки выбиты на заметных издали вертикальных скалах со следами загонов для скота у основания, на одиноко стоящих скальных останцах, на скальных выхо-

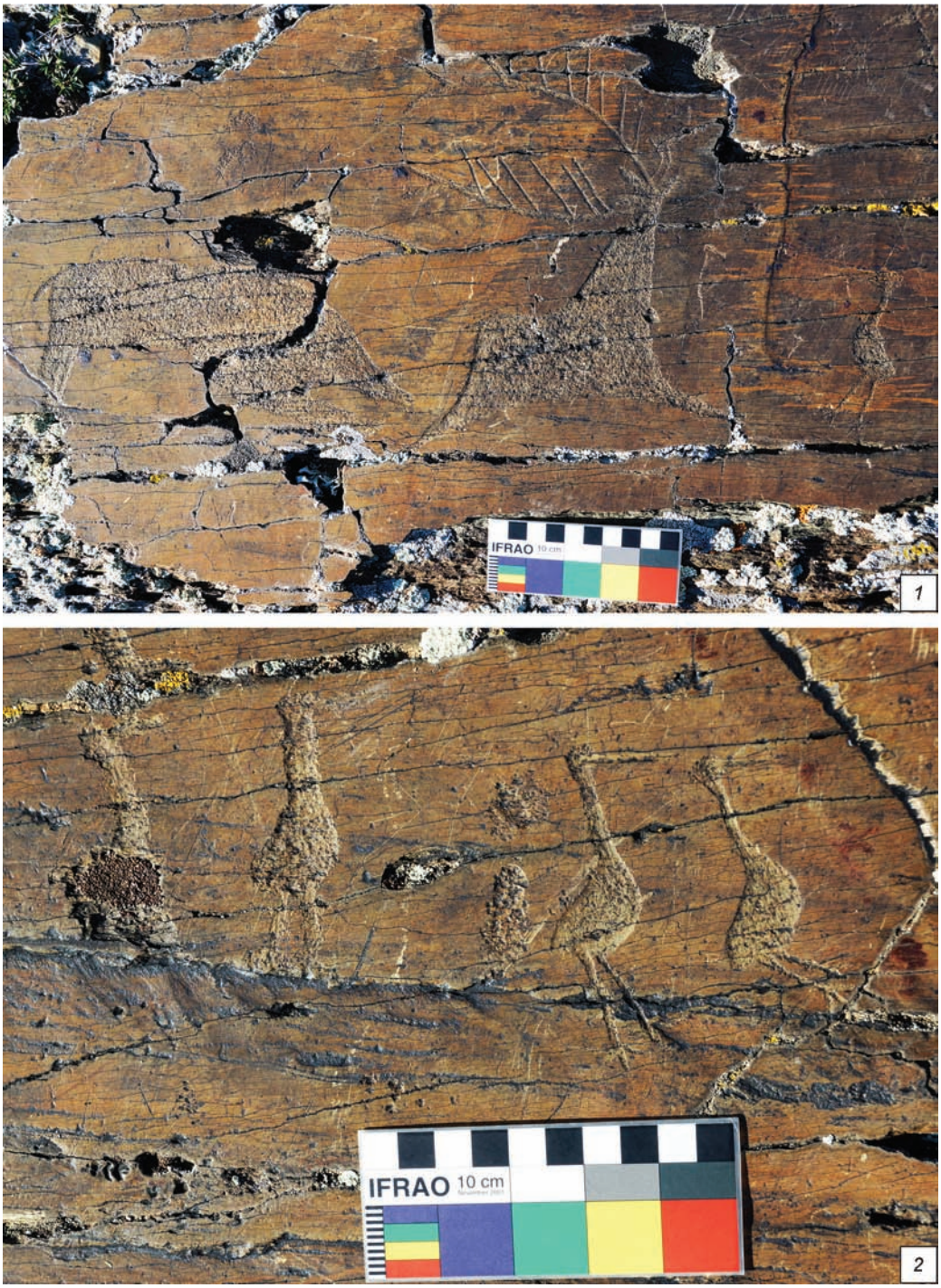


Рис. 2. Фрагменты центральной сцены петроглифов в урочище Сарыкобы.
1 – изображения медведя, оленя и птицы; *2* – фигуры четырех птиц.

дах у подножий гор либо на их седловинах. Чаще всего они содержат выбитые изображения фигур животных (козлов, оленей, быков, кошачьих хищников) и человека эпохи поздней бронзы – раннего железного века и насчитывают от 15–20 фигур до нескольких десятков или даже сотен изображений. В некоторых случаях петроглифы сопровождаются небольшими керексурами, устроенными на седловинах гор.

Особенно хочется отметить небольшую группу петроглифов в урочище Сарыкобы (Желтый лог – *алт.*). В состав нескольких композиций этого местонахождения входят до 100 фигур животных и людей. Подавляющее большинство их выполнено в технике выбивки и должно быть отнесено к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку. Несколько тонких гравировок коней и всадников относятся, вероятно, к этнографическому време-

ни. Наибольшее внимание привлекает неординарная по воспроизведенным на ней образам композиция размерами 100 × 110 см. На ней насчитываются 22 фигуры животных и людей. Центральное место занимают большие изображения бегущего оленя с ветвистыми рогами, медведя (рис. 2, *1*) и четырех выстроившихся в ряд птиц (рис. 2, *2*). Пернатые с длинными клювами показаны стоящими на длинных ногах и больше всего напоминают журавлей. По этим характеристикам они сильно отличаются от других, таких же редких изображений птиц в петроглифах Алтая.

В этом же урочище было сделано другое открытие – две новые древнетюркские рунические надписи. Корпус рунических надписей Алтая, поиск которых продолжается последние полтора столетия, насчитывает около 100 лаконичных текстов и строк [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012; Киндиков Б.М., Киндиков И.Б., 2018]. Поэтому находка сразу двух новых рунических надписей в Кош-Агачском р-не Республики Алтай представляется значимым научным событием. Кроме того, из 12 надписей, которые до сих пор были известны в Кош-Агачском р-не, только пять нанесены на скалы. Остальные вырезаны на стелах или на предметах из погребений. Перевод и интерпретация сарыкобинских надписей будут опубликованы позднее, в отдельной работе.

Учитывая предварительный характер данного сообщения и необходимость дальнейшей обработки полученных материалов, в последующем планируется их полная публикация (в частности, уникальных композиций в Апшиякте и Сарыкобе), а также интерпретация. Кроме того, данные о новых местонахождениях петроглифов Чуйской степи призваны пополнить корпус петроглифических памятников Алтая и археологическую карту Кош-Агачского р-на. Подобная работа, несомненно, актуальна, перспективна и требует продолжения.

Список литературы

Киндиков Б.М., Киндиков И.Б. Древние надписи Онгудайского района. – Горно-Алтайск: [Б. и.], 2018. – 112 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Кубарев Г.В. Исследования в Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 384–388.

Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 93–103.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 341–342.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2012. – 152 с.

References

Kindikov B.M., Kindikov I.B. Drevnie nadpisi Ongudayskogo rayona. Gorno-Altaisk: [S.n.], 2018, 112 p. (in Russ.).

Kubarev G.V. Issledovaniya v Chuyskoy stepi (Yugo-Vostochny Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, vol. 9, pt. 1, pp. 384–388 (in Russ.).

Kubarev G.V. Drevnetyurkskie izvayaniya iz Apshiyakty v Tsentral'nom Altae (k probleme vydeleniya zhenskikh statuarnykh pamyatnikov u drevnikh tyurok). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, No. 1 (45), pp. 93–103 (in Russ.).

Kubarev G.V., Kubarev V.D. Runicheskaya nadpis' iz Kurgaka (Yugo-Vostochny Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. 7, pp. 341–342 (in Russ.).

Kubarev V.D., Matochkin E.P. Petroglify Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1992, 123 p. (in Russ.).

Tybykova L.N., Nevskaya I.A., Erdal M. Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya. Gorno-Altaisk: State Univ. Press, 2012, 152 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.285-289
УДК 902.2

О.А. Митько[1, 2], С.Г. Скобелев[1, 3], Ю.В. Ширин[4], В.С. Зубков[5], А.И. Поселянин[5, 6], Р.В. Давыдов[1], Е.А. Журавлева[1], И.С. Половников[1], Р.Л. Собинов[1]

[1]Новосибирский государственный университет
[2]Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
[4]Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
[5]Хакасский государственный университет
[6]Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года

В 2018 г. было продолжено изучение могильника таштыкской культуры Тесинский Залив-3, находящегося на левом берегу Красноярского водохранилища. Заложенные раскопы III и IV стали продолжением раскопа II, исследованного в 2017 г. В раскопе III археологические материалы не зафиксированы. В раскопе IV исследована грунтовая мог. № 2, в которой находился деревянный сруб, ориентированный по линии юго-восток – северо-запад. Он был изготовлен из бревен, сложенных в один венец; перекрытие не сохранилось. В срубе обнаружены останки двух потревоженных захоронений, совершенных по обрядам кремации и ингумации. С ними найдены фрагменты бронзовой пряжки и керамического сосуда, а также ок. 20 бус. В обрыве берега водохранилища было выявлено еще одно погребение, от которого сохранилась лишь верхняя часть скелета (мог. № 2а). Здесь также найдены стеклянные и каменные бусы. На черепе зафиксированы три роговые булавки. В раскопе VIII была изучена мог. № 9 с деревянным срубом на дне и небольшим количеством кальцинированных костей. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Ключевые слова: *левобережье Енисея, гунно-сарматское время, таштыкская культура, бусы, шпильки из рога.*

O.A. Mitko[1, 2], S.G. Skobelev[1, 3] , Yu.V. Shirin[4] , V.S. Zubkov[5], A.I. Poselyanin[5, 6], R.V. Davydov[1], E.A. Zhuravleva[1], I.S. Polovnikov[1], R.L. Sobinov[1]

[1]Novosibirsk State University
[2]L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[4]Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
[5]Khakass State University
[6]Khakass Research Institute of Language, Literature and History
E-mail: omitis@gf.nsu.ru

Tesinsky Zaliv-3 Earthen Burial Ground of the Tashtyk Culture: Results of the Field Season 2018

In 2018, studies of the Tesinsky Zaliv-3 earthen burial ground of the Tashtyk Culture were continued. Excavation trenches 3 and 4 were a continuation of excavation area 2 explored in the previous year. No archaeological materials have been recorded in excavation trench 3. In excavation area 4, grave 2 was excavated containing a wooden chamber oriented along the south-east – north-west line. It was made of one layer of logs, any ceiling was not preserved. The remains of two disturbed burials, made according to the cremation and inhumation rites, were found inside the wooden chamber.

Fragments of a bronze buckle and a ceramic vessel together with about 20 beads were found in the graves. Remains of another burial, in which only the upper part of the skeleton was preserved (grave 2a) were exposed in the artificial lake bank. Glass and stone beads were found in the burial. Three horn hairpins were noted on the skull. Excavation area 8 revealed grave 9 with the wooden frame at the bottom and a few calcined bones. No grave goods were found.

Keywords: *left bank of the Yenisei, Hunno-Sarmatian time, Tashtyk culture, beads, hairpins of horn.*

В полевом сезоне 2018 г. Красноярским археологическим отрядом лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета с участием бакалавров и магистрантов кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института НГУ, совместно с сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН, студентами и преподавателями Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета и Тюменского индустриального университета (ТИУ) были продолжены работы по изучению грунтового могильника таштыкской культуры Тесинский Залив-3 (Боградский р-н Республики Хакасии).

Памятник расположен на краю террасы левого берега Красноярского водохранилища и находится в аварийном состоянии. Представляет собой компактную группу, состоящую из 81 объекта (из них 80 западин грунтовых могил), визуально фиксируемых на поверхности земли как ярко выраженные глубокие западины округлой и овальной формы.

В 2017 г. на части памятника проводилась магниторазведка и, с учетом полученных результатов, были заложены два раскопа. В результате выявлена грунтовая мог. № 1, содержащая захоронения по обряду кремации и ингумации [Митько и др., 2017].

В полевом сезоне 2018 г. геофизическое обследование было продолжено. Оно проводилось студентами геолого-геофизического факультета НГУ и студентами ТИУ под руководством канд. геол.-мин. наук А.Н. Василевского с помощью аппаратуры высокоточной магнитометрии (квантовый магнитометр-градиентометр G-858) шагом 1 м и 0,5 м. Магнитометрическое картирование осуществлялось на участке в 1600 м^2 (80 × 20 м), что с обследованием предыдущего года (1300 м^2) составило почти четверть всей площади могильника.

На северо-восточной оконечности этого памятника были заложены два раскопа (III и IV), вплотную примыкавшие к обрыву берега водохранилища (в зоне его разрушения) и служившие продолжением исследованного в 2017 г раскопа II. В раскопе III (6 × 7 м) археологические материалы не зафиксированы. Раскоп IV (6 × 6 м) закладывался таким образом, чтобы западина могильной ямы находилась в его центре. В процессе снятия дерна были выявлены контуры мог. № 2, а при разборке ее заполнения обнаружены фрагменты керамического сосуда, который имел форму кубка с поддоном. Вдоль венчика нанесен орнамент в виде двойного ряда скобообразных фигур.

На глубине 1,7 м в могильной яме овальной в плане формы находился деревянный сруб. Он изготовлен из полубревен, сложенных в один венец, размерами 2,35 × 1,65 м; длинными сторонами ориентирован по линии юго-восток – северо-запад. Перекрытие из-за ограбления могилы не сохранилось, удалось лишь установить, что оно состояло из уложенных поперек сруба плах и бересты. Их остатки фрагментарно сохранились на стенках сруба. Дно было изготовлено из пяти плотно уложенных широких и тонких (2–3 см) досок (рис. 1). Остатки погребений представляли собой рассыпанные по всей площади дна камеры мелкие фрагменты кремированных костей и немногочисленные кости скелета (ребра, суставы рук и ног) от захоронения, совершенного по обряду ингумации. Вероятно, как в мог. № 1, исследованной в 2017 г., в срубе мог. № 2 также были похоронены два человека.

Из состава сопроводительного инвентаря зафиксированы два фрагмента разрушенной бронзовой пряжки (часть рамки со шпеньком) и два мелких фрагмента металла (фольга) желтого цвета. Помимо этого найдены три бусины – одна глазчатая и две со спиралевидным украшением. При промывке грунта из заполнения камеры обнаружено еще ок. 20 мелких (диаметром не более 2–3 мм) пастовых и стеклянных бусин как целых, так и их фрагментов.

В ходе обследования обрыва берега, непосредственно у северо-восточной стенки раскопа IV, были зафиксированы торчащие из обрыва кости скелета человека. К раскопу сделана прирезка площадью 2 м^2 и на глубине 1,1 м от современной поверхности здесь вскрыты остатки погребения (мог. № 2а), совершенного по обряду трупоположения. Часть скелета не сохранилась. Уцелели лишь череп, кости до поясничного отдела и плечевые кости обеих рук (рис. 2). Остальные кости находились ниже в переотложенном состоянии под слоем осыпавшейся глины.

Погребенная, судя по особенностям черепа, – молодая женщина. Ее тело было уложено на спину, головой на северо-запад. Череп слегка приподнят: в стороне от него и чуть выше находились два шей-

Рис. 1. Деревянный сруб из мог. 2 могильника Тесинский Залив-3.

ных позвонка (рис. 2, *1*). На черепном своде в непотревоженном состоянии лежали три однотипные небольшие вырезанные из рога шпильки, которые удерживали прическу или головной убор (рис. 2, *2*). Они имеют молоточковидные окончания и отличаются тщательностью отделки. В районе правой и левой сторон нижней части челюсти зафиксированы небольшие фрагменты гипсовой маски. Рядом с нижней челюстью обнаружены три бусины, изготовленные из сердолика. Под черепом была найдена четвертая сердоликовая бусина и несколько мелких фрагментов разрушившихся бусин из пасты. Сердоликовые бусы имеют бочонковидную и шестигранную формы.

Осмотр обрыва берега показал, что, в сравнении с 2017 г., процесс его разрушения приобрел интенсивный характер. Поэтому было решено исследовать еще один погребальный объект, расположенный на самом краю обрыва и который мог быть разрушен в ближайшем будущем – на месте западины, обозначенной в генеральном плане как мог. № 9, заложен раскоп VIII. Его площадь составила 36 м^2 (6 × 6 м). В ходе снятия дерна и зачистки площади раскопа на уровне древнего дневного горизонта обнаружен фрагмент керамики – венчик от сосуда баночной формы диаметром ок. 20 см. На этом же уровне, непосредственно над центральной частью могильной ямы, зафиксирована левая половина челюсти барана, ниже ее – позвонок коровы.

На глубине 1,9 м был обнаружен одновенцовый деревянный сруб, изготовленный из полубревен. Его размеры 2,35 × 1,6 м, длинными сторонами он ориентирован по линии юго-восток – северо-запад. Изначально, как и сруб в мог. № 2, он был перекрыт поперечными досками и берестой, которые сохранились лишь по стенкам. Дно также покрывалось берестой. В центральной части сруба зафиксировано небольшое скопление кальцинированных костей, погребальный инвентарь не обнаружен.

Рис. 2. Погребение из мог. 2а могильника Тесинский Залив-3.
1 – отдельно лежащие позвонки; *2* – роговые шпильки.

Находки, сопровождавшие погребенных в мог. № 2 и 2а однотипны. Это небольшие фрагменты гипсовой маски, керамические сосуды и украшения. Подобное сочетание встречалось в погребении могильника Абакано-Перевоз, ближайшем к могильнику Тесинский Залив-3 памятнике таштыкской культуры [Готлиб, 2008].

Сосуды баночной и кубковидной формы характерны для этой культуры на раннем и позднем этапах ее существования. Роговые булавки относятся к массовым предметам, известно ок. 100 находок, половина из которых обнаружена на могильнике Комарково-Песчаная [Вадецкая, 1999, с. 32, рис. 17]. Они обычны для грунтовых могил, в склепах не встречаются.

Бусы также относятся к массовым находкам в таштыкских памятниках. Они служили ожерельями, браслетами, их вплетали в волосы. По данным Э.Б. Вадецкой, всего их обнаружено ок. 500 экз., причем более половины на могильнике у д. Комарково-Песчаная. Интерес представляют находки сложно орнаментированных бус в мог. № 2 – глазчатой и двух полихромных, которые изготовлены за пределами Среднего Енисея. Как отмечала Э.Б. Вадецкая, производство импортных бус относятся к двум технологическим традициям: среднеземноморской и малозиатской, и двум хронологическим группам: ранней, I–II вв. н. э., и средней II–III вв. [Там же, с. 67–69, рис. 18, 36, 87, 88]. Для другой группы стеклянных бус из мог. № 2 характерна синяя и оранжевая цветовая гамма. Они, как и бусы из сердолика, обнаруженные в мог. № 2а, находят свои аналогии среди предметов, опубликованных в своде Е.М. Алексеевой [1978].

Сравнительно-типологический анализ предметов инвентаря позволяет предварительно датировать мог. № 2 и 2а в хронологическом диапазоне I–IV вв. н.э.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Список литературы

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1978. – 120 с. – (САИ, вып. Г1-12).

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Готлиб А.И. Специфические черты погребальной обрядности таштыкского грунтового могильника Абакано-Перевоз // Актуальные проблемы исторического краеведения в Сибири. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – С. 40–45.

Митько О.А., Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Поселянин А.И., Половников И.С. Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Боградский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 354–357.

References

Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya. Moscow: Nauka, 1978, 120 p. (SAI. G1-12) (in Russ.).

Gotlib A.I. Spetsificheskiye cherty pogrebal'noy obryadnosti tashtykskogo gruntovogo mogil'nika Abakano-Perevoz. In *Aktual'nyye problemy istoricheskogo krayevedeniya v Sibiri*. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2008, pp. 40-45 (in Russ.).

Mitko O.A., Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G., Poselyanin A.I., Polovnikov I.C. Nachalo izucheniya tashtykskogo gruntovogo mogil'nika Tesinskiy Zaliv-3 (Bogradskiy rayon, Respublika Khakasiya). In *Problems of Archaeology, Etnography, Antropology Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 354–357 (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999, 440 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.290-292
УДК 902.2

В.И. Молодин[1], И.А. Дураков[1, 2], Л.С. Кобелева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы

Статья посвящена обобщению материалов погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1 (Центральная Бараба). Исследования археологического объекта ведутся 15 лет. Наиболее репрезентативной частью памятника являются погребальные комплексы андроновской (фёдоровской) культуры, их количество постоянно увеличивается, к настоящему времени насчитывается более 500 погребений. В полевой сезон 2018 г. получена новая информация, позволившая уточнить и дополнить исследования предыдущих лет. В ходе анализа источников сделан вывод о том, что различия в выявленных вариантах андроновского (фёдоровского) погребального обряда указывают на формирование их основных элементов на основе одной и той же культурной традиции в совершенно разных конкретно-исторических условиях в значительной изоляции друг от друга.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха бронзы, погребальный обряд, андроновская (фёдоровская) культура.*

V.I. Molodin[1], I.A. Durakov[1, 2], L.S. Kobeleva[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement

The article presents the generalization of the materials of the burial complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture at the Tartas-1 burial ground (central part of the Baraba forest-steppe). Tartas -1 has been studied for 15 years. The most representative part of the site is the funerary complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture, their number is growing up in the course of excavations and now it is more than 500 burials. In the field season of 2018, new information was obtained adding new facts to the research data of previous years. During the analysis of the sources, it was concluded that the differences in the identified variants of the Andronovo (Fedorovo) funeral rite indicate that their main elements were formed on the basis of the same cultural tradition under completely different historical conditions and in considerable isolation from one another.

Keywords: *Western Siberia, Bronze Age, funeral rite, Andronovo (Fedorovo) culture.*

Тартас-1 – один из крупнейших некрополей, содержащих захоронения практически всех известных в настоящее время в Обь-Иртышской лесостепи культур эпохи бронзы. Он расположен на высокой надпойменной террасе правого берега р. Тартас в 2,15 км к ССВ от автомобильного моста через р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас, в месте слияния р. Омь и р. Тартас.

Наиболее репрезентативной частью памятника являются погребальные комплексы андроновской (фёдоровской) культуры, их количество постоянно увеличивается и к настоящему времени составляет более 500 погребений.

Несмотря на то, что исследования памятника продолжаются и количество исследованных захоронений ежегодно увеличивается, накопленный

к настоящему времени материал позволяет сделать некоторые статистические обобщения.

Уже отмечалось, что выявленный на Тартасе-1 андроновский (фёдоровский) могильник отражает сложные социально-экономические изменения, произошедшие в среде носителей этой культуры в период миграции популяций на территорию Барабинской лесостепи [Молодин, 2011; Молодин и др., 2017]. Выявлено два основных типа организации сакрального пространства могильника [Молодин и др., 2016, с. 358].

Наиболее распространенным типом планировки могильного поля является расположение могил рядами, вытянутыми с юга на север вдоль восточного края занимаемой могильником террасы.

Такое расположение имеют 476 могил андроновской (фёдоровской) культуры. Подавляющее большинство из них (389 погр.) совершены по обряду трупоположения (82 %), причем 123 из них детских, еще 10 сочетают погребение взрослого и ребенка. Кремация прослежена только в 65 захоронениях, что составляет 13,6 %. Сочетание кремации и ингумации встречается в 4 случаях (погр. № 306, 605, 662, 694), 18 погребений (3,7 %) являются, по-видимому, кенотафами. Следует отметить, что практически все кремации локализуются в северо-западной части могильного поля, на юго-восточной оконечности занимаемой могильником террасы выявлено только 16 таких захоронений.

Самые короткие ряды состоят из 3–4 могил, наиболее длинные тянутся на 70–85 м и включают от 20 до 27 погребений. Учитывая, что в некоторых компактно расположенных могилах найдена чешуя рыбы, выловленной в период одного сезона, можно предположить, что ряды могли формироваться в очень короткий промежуток времени (2–3 месяца) [Молодин и др., 2015, с. 79]. Например, обнаруженная в составляющих один ряд погр. № 280, 309, 311, 312 чешуя принадлежит рыбе, выловленной в зимний период, а могилы № 221, 225, 235 содержат рыбу летнего улова.

Второй тип погребального обряда демонстрирует совершенно иной принцип организации погребального пространства. Он четко локализуется на СЗ участке занимаемой памятником террасы. Основной структурной единицей этой части могильника является погребально-поминальный комплекс (ППК) состоящий из окруженного рвами погребения (или погребений). Кроме того, в этой части некрополя находились андроновские захоронения, не огороженные ровиками и (по крайней мере, формально) не включенные в ППК.

В настоящее время изучено 30 погребально-поминальных комплексов, объединивших 45 захоронений. Поскольку исследование могильника в этой части не закончено, приводимые проценты посчитаны условно.

Следует отметить, что в этой части могильника резко увеличивается количество кремаций. Такой погребальный обряд зафиксирован в 18 могилах, что составляет 40 % всего комплекса. В трех захоронениях кремация и ингумация сочетаются, и еще три являются кенотафами (?). Трупоположение присутствует в 46,6 % могил (21 ед.).

Чаще всего несколько таких погребально-поминальных комплексов объединяются в группы, каждая из которых представляет собой единый архитектурный ансамбль, часто занимающий значительную площадь.

Основой его является овальный или круглый разомкнутый с востока (реже и с запада) ров, охватывающий одно или два погребения. К нему примыкает несколько конструкций состоящих из могилы и полудуги окружающего ее рва. Добавочный ров всегда опирается одним концом на основной, составляя с ним единое целое.

Самое большое из полностью исследованных сооружений имеет 5 таких пристроек, которые явно возводились последовательно и предполагают как минимум четыре строительных периода. Аналогии подобному явлению встречаются на достаточно широкой территории, на памятниках Урала, Минусинской котловины и Казахстана [Усманова, 2005, рис. 32, *1*, 34, *3*; Маргулан и др., 1966, Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI; Стефанов, Корочкова, 2006].

Различия в выявленных выше вариантах андроновского (федоровского) погребального обряда указывают на то, что их основные элементы были сформированы на основе одной и той же культурной традиции в совершенно разных конкретно-исторических условиях в значительной изоляции друг от друга.

Формирование андроновского (фёдоровского) могильника с линейной планировкой погребений следует отнести к моменту тесного контакта оставившего его населения с местной познекротовской культурой, что отразилось в погребальном обряде: расположение могил цепочками, преобладание трупоположения и т.д.

Использование сложных конструкций с ограничивающими сакральное пространство рвами и широким применением кремации явно восходит к классическим андроновским (фёдоровским) погребальным комплексам [Молодин и др., 2002; Наглер и др., 2011; Кобелева и др., 2014]. Но вопрос о векторе перемещения мигрантов, носителей вышеописанной традиции, и месте ее формирования нуждается в дополнительном исследовании.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-49-540003).

Список литературы

Кобелева Л.С., Дураков И.А., Наглер А. Курган андроновской культуры как архитектурный памятник (по материалам могильника Погорелка-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 184–186.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2011. – С. 58–69. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 77–90.

Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 358–362.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 48–62.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 357–360.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-I: Факты и параллели. – Караганда; Лисаковск, 2005. – 232 с.

References

Kobeleva L.S., Durakov I.A., Nagler A. Kurgan andronovskoi kul'tury kak arkhitekturnyi pamyatnik (po materialam mogil'nika Pogorelka-2). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 184–186 (in Russ.).

Maksimenkov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978. 190 p. (in Russ.).

Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 1966, 436 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Migratsii nositelei andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti v Barabinskuyu lesostep'. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii*. Kemerovo, 2011, pp. 58–69 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Koneva L.A. Ryba v pogrebal'noi praktike nositelei andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury (po materialam mogil'nika Tartas-1, Barabinskaya lesostep', Zapadnaya Sibir'). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2015, vol. 43, No. 3, pp. 77–90 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Rainkhol'd S., Efremova N.S., Selin D.V., Nesterova M.S., Nenakhova Yu.N., Khansen S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S. Sistema organizatsii sakral'nogo prostranstva v pogrebal'nykh kompleksakh andronovskogo (fedorovskogo) naseleniya Barabinskoi lesostepi. Pamyatnik Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 358–362 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Rainkhol'd S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveishie arkheologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 357–360 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryi Tartas-4 (novye materialy po andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2002, No. 3 (11), pp. 48–62 (in Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Khansen S. Andronovskii (fedorovskii) kurgan na mogil'nike Pogorelka-2 (Tsentral'naya Baraba). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 212–216 (in Russ.).

Stefanov V.I., Korochkova O.N. Urefty I: zaural'skii mogil'nik v andronovskom kontekste. Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2006. 160 p. (in Russ.).

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskii-I: Fakty i paralleli. Karaganda; Lisakovsk, 2005. 232 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.293-298
УДК 902.2

В.И. Молодин[1], Л.С. Кобелева[1], С. Райнхольд[2], Ю.Н. Ненахова[1], Н.С. Ефремова[1], И.А. Дураков[1, 3], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2

В статье публикуются новые материалы эпохи бронзы, полученные при раскопках в полевой сезон 2018 г. в Барабинской лесостепи. При исследовании памятника Усть-Тартас-2 был выявлен уникальный случай, когда захоронение усть-тартасской культуры эпохи ранней бронзы было перерезано погребением ранней – развитой бронзы одиновской культуры. Особенностью погребения усть-тартасской культуры является наличие двух крупных бронзовых предметов, что совершенно не характерно для погребальной практики ее носителей. В захоронении одиновской культуры обнаружен керамический сосуд, имеющий аналоги в материалах крохалевской культуры эпохи бронзы. В исследовании представлено описание стратиграфических и планиграфических позиций захоронений, дана характеристика погребального обряда и инвентаря. Сделан вывод об относительной хронологии усть-тартасской и одиновской культур эпохи ранней – развитой бронзы.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, стратиграфия, погребальный обряд.*

V.I. Molodin[1], L.S. Kobeleva[1], S. Reinhold[2], Yu.N. Nenakhova[1], N.S. Efremova[1], I.A. Durakov[1, 3], L.N. Mylnikova[1], M.S. Nesterova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]German Archaeological Institute
[3]Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Stratigraphy of the Early – Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2

The article presents new Bronze Age materials obtained in excavations in the Baraba forest-steppe during the field season of 2018. The investigation of the site Ust-Tartas-2 revealed a unique picture where the Early Bronze burial of the Ust-Tartas culture was disturbed by the Early-Middle Bronze burial of the Odinovo culture. The Ust-Tartas burial revealed two large bronze objects, which is not typical for the funeral practices of the population of the Ust-Tartas culture. In the burial of the Odinovo culture there was a ceramic vessel with the parallels in materials of the Bronze Age Krokhalevo culture. The study provides a description of the stratigraphic and planigraphic positions of burials, a characteristic of the burial rite and inventory. The conclusion is made about the relative chronology of the Ust-Tartas and the Odinovo cultures of the Early-Middle Bronze Age.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Bronze Age, stratigraphy, funeral rite.*

Стратиграфические наблюдения, выполненные в поле, когда удается надежно зафиксировать нарушение древних комплексов более молодыми, играют исключительно важную роль в разработке хронологических схем, за которыми стоит надежная историко-культурная периодизация в исследуемом регионе. Особое значение стратиграфия приобретает в исследовании еще слабоизученных культур одной эпохи в регионе, когда погребальный инвентарь близок по облику, а керамические комплексы невелики. Все вышесказанное в полной мере относится к культурам ранней – развитой бронзы юга Западносибирской равнины. Особенно важно располагать серией таких наблюдений, поскольку для ряда временных периодов имеет место сосуществование эпохально более ранних и более поздних культурных групп.

Случай, когда имеется возможность наблюдать многоплановые стратиграфические напластования захоронений разных эпох и культур, был зафиксирован на памятнике Тартас-1 в Барабинской лесостепи: захоронения усть-тартасской культуры были нарушены одиновскими, последние, в свою очередь, перекрыты кротовским погребением, а весь комплекс еще и могилой позднекротовской (черноозерской) культуры [Молодин и др., 2011].

В 2018 г. при исследовании памятника Усть-Тартас-2 (Карьер Таи-1) был выявлен также весьма редкий случай, когда захоронение усть-тартасской культуры № 28 было перерезано погребением одиновской культуры № 38. Стратиграфия оказалась предельно ясной и четкой, что не позволяет видеть какие-то иные варианты реконструкции событий.

Погребение № 28 (рис. 1, 2) представляло собой довольно большую яму подквадратной формы, ориентированную по линии С – Ю, размером 2,35 × 1,45 × 0,51 м. При этом следует учитывать, что ширина могильной ямы была еще большей. Погребение расположено на склоне террасы. У северной части могилы, на достаточном удалении от нее, фиксируется дугообразная яма с неровным контуром, которая могла быть ровиком, окружающим могилу № 28. За это предположение могут говорить материалы раскопок 2017 г., когда был отчетливо зафиксирован ровик вокруг погребений усть-тартасской культуры [Молодин и др., 2017]. Как впоследствии выяснилось, захоронение № 28 оказалось коллективным и ярусным. Уже на поверхности пятна могильной ямы были найдены разрозненные кости скелетов взрослых людей (определить точное количество человеческих особей в захоронении № 28 будет возможно впоследствии, после обработки коллекций антропологами). Кроме того, в заполнении этой части могильной ямы обнаружены два каменных наконечника стрел, скребок, фрагменты ножевидных пластин, каменные отщепы и чешуйки.

К верхнему ярусу могильной ямы № 28 (рис. 1, *1*) надежно относятся захоронения двух взрослых особей. Скелет взрослого человека (№ 1) располагался в восточной части могилы. Погребеный лежал в вытянутом положении на спине, с подогнутыми вверх коленями. Голова слегка приподнята. У северной стенки могильной ямы компактным скоплением (возможно в емкости) уложены кости скелета еще одного взрослого человека (№ 2). Среди них – кости правой руки, части ребер и позвонков, а так же большая и малая берцовые кости, фаланги пальцев и отдельные суставы рук и ног. Череп отсутствовал. После расчистки и фиксации костей верхнего яруса выяснилось, что западная часть могильной ямы была перерезана более поздней могилой, поэтому можно уверенно говорить, что западная стенка могилы нарушена, и о ее первоначальной позиции судить сложно. Вероятно, останки погребенных в этой части могилы оказались смещенными либо уничтоженными.

Во втором, нижнем ярусе под костями скелета № 1, выявлено погребение взрослой женщины (№ 3) (рис. 2, *1*), лежащей в вытянутом положении на спине, головой на С. Среди пальцев правой руки найдена костяная проколка (рис. 2, *4*). В районе локтя – полая костяная трубочка, вероятно игольник (рис. 2, *5*), и еще одна проколка (рис. 2, *3*). С правой стороны от черепа обнаружена крайне редкая для данной культуры находка, выполненная из бронзовой фольги. Это накладка подтреугольной формы, с загнутыми, вероятно для крепления, краями, скорее всего украшавшая головной убор (рис. 2, *21*). Среди костей погребенной обнаружено 15 костяных коротких пронизок правильной цилиндрической формы и костяные изделия (пуговицы?) (рис. 2, *7–18*). Головной убор был, по-видимому, украшен нашитыми зубами мелкого хищника (соболь?). Вероятно, ими же декорирована верхняя часть одежды. В области ног обнаружены створки трех раковин (рис. 2, *19*).

В ЮЗ углу захоронения второго яруса, на уровне дна, обнаружено компактное скопление костей не менее трех взрослых человек, которые, возможно, были помещены в могилу в какой-то емкости. Три черепа с нижними челюстями лежали среди костей конечностей, позвонков, ребер и других частей скелетов, с которыми еще предстоит работать антропологам. Под одним из черепов обнаружена костяная проколка. Встречены мелкие фрагменты керамики, не поддающиеся культурной диагностике.

При разборе этого скопления костей обнаружена еще одна проколка (рис. 2, *2*). После снятия ске-

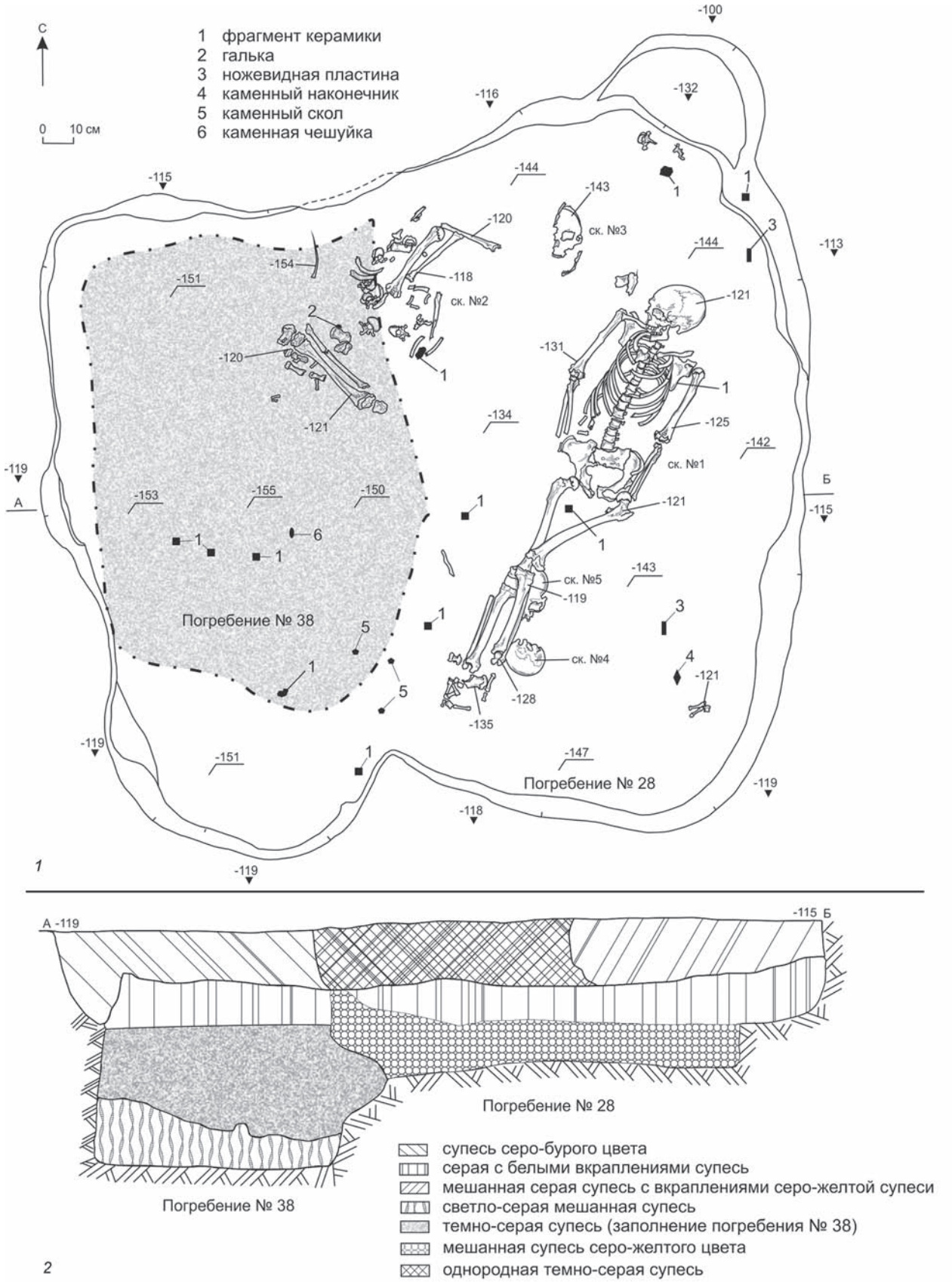


Рис. 1. Погребения № 28, 38 могильника Усть-Тартас-2.
1 – план погребений, верхний ярус; *2* – стратиграфический разрез.

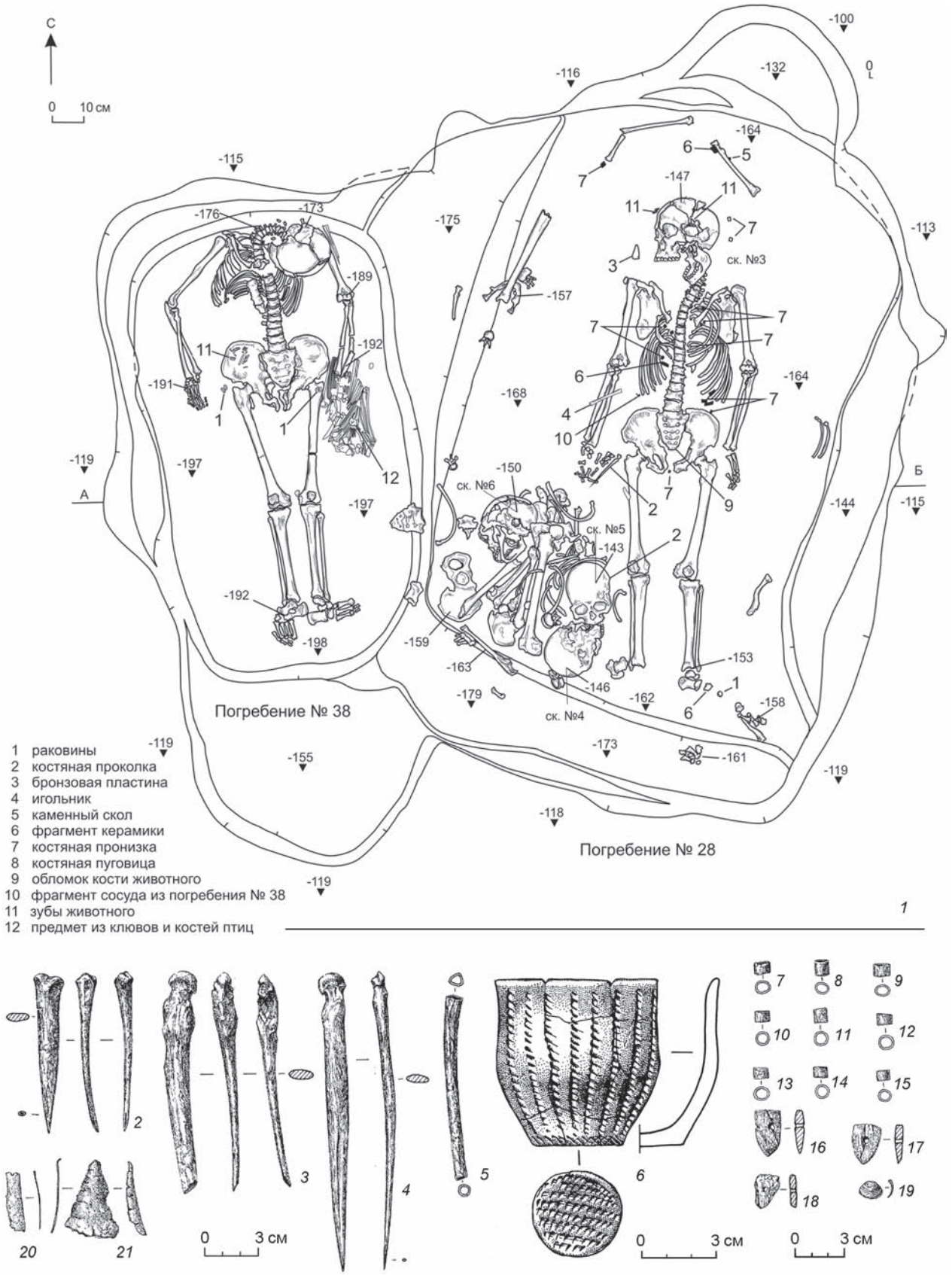


Рис. 2. Погребения № 28, 38 могильника Усть-Тартас-2 и находки из них.

1 – план погребений, нижний ярус; *2–4* – костяные проколки; *5* – игольник; *6* – керамический сосуд; *7–15* – костяные пронизки; *16–18* – костяные пуговицы; *19* – раковина моллюска; *20, 21* – изделия из бронзы.

лета № 3 на дне могильной ямы, в области тазовых костей, зафиксирована прямоугольная бронзовая пластина (рис. 2, *20*).

Таким образом, исходя из анализа погребальной практики и инвентаря, данное захоронение следует отнести к усть-тартасской культуре эпохи ранней поры бронзового века. Абсолютные аналогии погребальному обряду известны в ряде комплексов памятника Сопка-2/3, наиболее представительного среди могильников данной культуры [Молодин, 2001]. Особенностью погребения № 28 является наличие двух крупных бронзовых предметов, что совершенно не характерно для погребальной практики носителей культуры [Там же].

При расчистке второго (нижнего) горизонта усть-тартасского комплекса, к западу от него, четко обозначилась граница перерезающей его могильной ямы № 38 (см. рис. 1). Погребение отчетливо фиксировалось планиграфически и стратиграфически. Ориентация могильной ямы совпадает с более ранней. Могила № 38 имела подпрямоугольную форму с закругленными углами. Длина достигала 2,15 м, ширина отчетливо фиксировалась по дну и составляла 1,03 м. Дно могилы было неровным, что является характерной чертой для захоронений одиновской культуры. Делалось это специально для того, чтобы приподнять верхнюю часть туловища умершего, придав ему порой полусидячее положение [Молодин, 2012]. Глубина захоронения в северной части составляла 0,68 м, а в противоположной – 0,72 м. Заполнение могильной ямы № 38 отличалось от заполнения захоронения № 28, что фиксируется на общем стратиграфическом разрезе (рис. 1, *2*). Основную его часть составляла серая с белесыми вкраплениями супесь, ее подстилала серо-желтая мешаная супесь, в которой и зафиксированы кости человека. Под костями залегал тонкий слой темно-серой супеси, мощностью 0,02 м (возможно, следы истлевшей подстилки). Зафиксировано, что кости скелетов захоронений № 28 и 38 отличались по цвету. В первом случае они имели светло-серую окраску, во втором – светло-коричневую, что, вероятно, было связано с характером заполнения могильной ямы.

На дне могилы № 38, *in situ*, располагался скелет взрослого мужчины, лежащего на спине в вытянутом положении, головой на ССЗ (рис. 2, *1*). Верхняя часть туловища была приподнята, благодаря тому, что опиралась на стенку могильной ямы, из-за чего голова после разложения мягких тканей завалилась на грудь. Между левой рукой погребенного и стенкой могильной ямы зафиксирован предмет, выполненный из костей и клювов крупных птиц (цапель или журавлей?), возможно, нагрудник или своеобразный головной убор. Рядом обнаружен небольшой по размерам глиняный плоскодонный горшочек, орнаментированный по всей поверхности, включая дно (рис. 2, *6*). Отсутствие горизонтальных ямочных наколов, характерных для посуды одиновской культуры, делает его более похожим на керамику крохалевской культуры [Полосьмак, 1978]. У восточной стенки захоронения найдена небольшая подвеска из низкопробного мрамора, напоминающая луновидную. На правой тазовой кости, в районе пояса, выявлено скопление зубов и костей животного, вероятно, остатки украшения, нашиваемого на одежду. В области тазовых костей и ног зафиксированы четыре створки раковин с отверстиями. У плечевой кости правой руки найден фрагмент проколки.

После снятия черепа в верхней части скелета, под лопатками обнаружено два скопления клювов цапель или журавлей (?), являющихся частью костюма или головного убора.

Таким образом, исходя из известной погребальной практики и инвентаря, изучено захоронение, типичное для одиновской культуры, но отличающееся наличием не характерных для нее предметов. Данное захоронение, несомненно, более позднее, чем усть-тартасское, о чем свидетельствует наглядная стратиграфическая позиция и инвентарь. Кроме того, выявленная планиграфия одиновского могильника свидетельствует о том, что захоронение № 38 входит в один из рядов одиновского могильника, что является характерной чертой погребальной практики ее носителей [Молодин, 2012].

Таким образом, получено еще одно свидетельство относительной хронологии захоронений усть-тартасской и одиновской культур эпохи раннеразвитой бронзы, наглядно фиксируемое на новом памятнике.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-49-540003).

Список литературы

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – 128 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы

в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 363–367.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3 (47). – С. 40–56.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалевка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–40.

References

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. 1: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla, 128 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Mogil'nik Ust'-Tartas-2 – novyi pogrebal'nyi kompleks epokhi neolita, rannei i razvitoi bronzy v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 363–367 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Novikova O.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Soloviev A.I. K periodizatsii kul'tur epokhi bronzy Ob'-Irtyshskoi lesostepi: stratigraficheskaya pozitsiya pogrebal'nykh kompleksov rannei – razvitoi bronzy na pamyatnike Tartas-1. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, No. 3 (47), pp. 40–56 (in Russ.).

Polosmak N.V. Keramicheskii kompleks poseleniya Krokhalyovka-4. In *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978, pp. 36–40 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.299-303
УДК 902.2

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Л.С. Кобелева[1], Д.В. Селин[1], Г.И. Галямина[2], Л.В. Назарова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Дом детского творчества «Центральный», Новосибирск
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Оригинальный комплекс эпохи раннего железного века на могильнике Усть-Тартас-2 (Барабинская лесостепь)

В статье представлено описание обнаруженного при раскопках памятника Усть-Тартас-2 комплекса из трех предметов. Керамический сосудик на поддоне со своеобразной обработкой поверхности зубчатым орудием отнесен к новочекинской культуре. Изделия из кости и рога связаны с гончарным производством: это орудие для обработки поверхности или орнаментир в виде «гребенки» и роговое лощило. Инструментарий гончаров редко встречается на памятниках Западной Сибири. Сосуд на поддоне впервые зафиксирован в комплексе новочекинской культуры эпохи раннего железного века. Это еще одно подтверждение южного проникновения носителей культуры, свидетельствующее о сосуществовании их на территории Барабы с носителями саргатской культуры.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, ранний железный век, сосуд на поддоне, орудия гончара.*

V.I. Molodin[1], L.N. Mylnikova[1], M.S. Nesterova[1], L.S. Kobeleva[1], D.V. Selin[1], G.I. Galyamina[2], L.V. Nazarova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]"Central" House of Children's Creativity, Novosibirsk
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Original Complex of the Early Iron Age at Ust-Tartas-2 (Baraba Forest-Steppe)

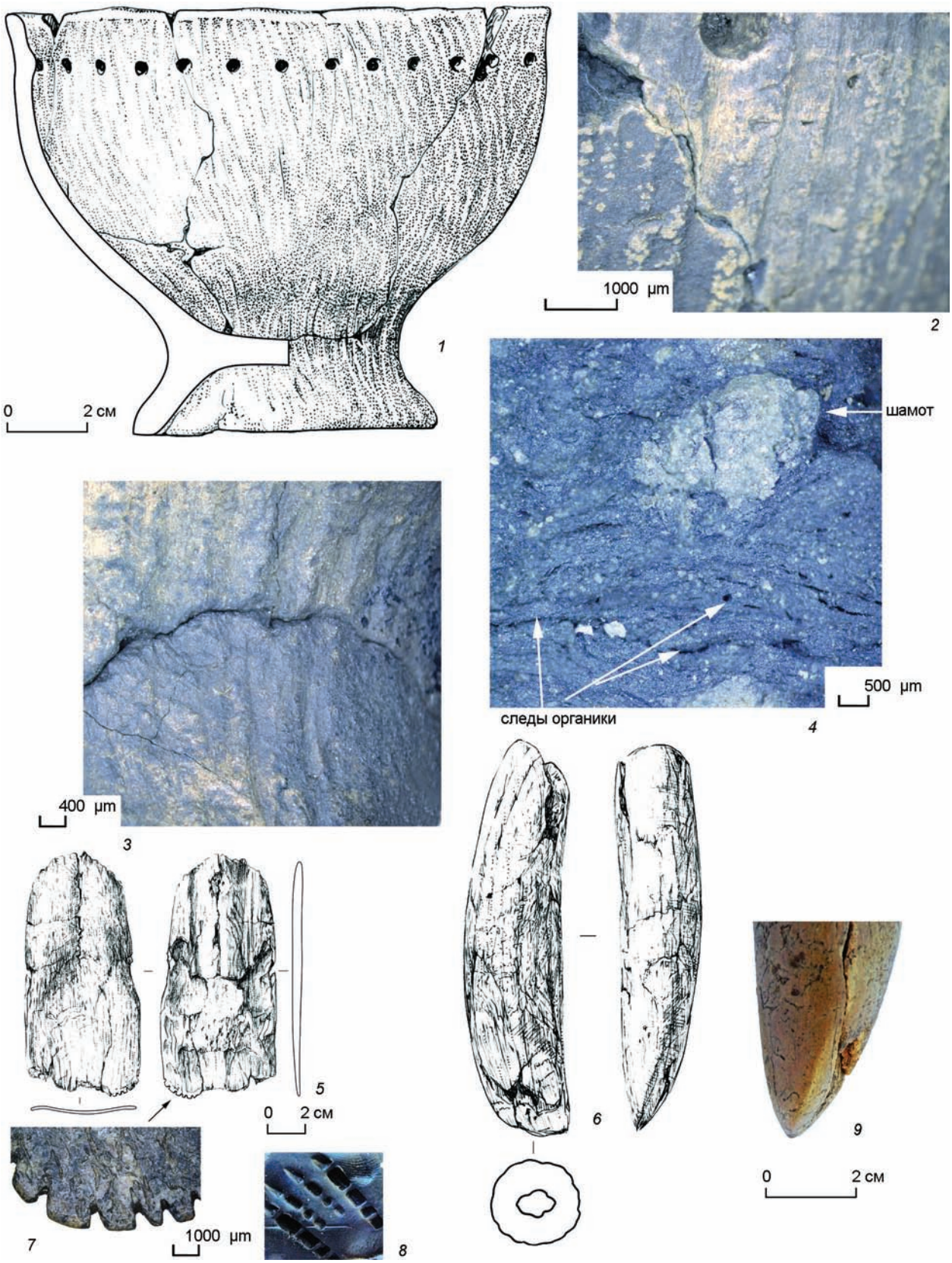
The article describes the complex of three objects found during the excavation at Ust-Tartas-2. Small ceramic vessel on the pallet with a peculiar surface treatment with a serrated instrument is referred to the Novochekino culture. The artifacts made of bone and horn are associated with pottery production: it is a tool for surface treatment or ornamentation in the form of a «comb» and a horn polisher. Potter's tools are rarely found at Western Siberia sites. The vessel on the pallet was recorded in the complex of the Novochekino culture of the early Iron Age for the first time. This fact can be regarded as a confirmation of the southern penetration of the Novochekino people, indicating their coexistence in Baraba with the population of the Sargat culture.

Keywords*: Baraba forest-steppe, early Iron Age, vessel on a pallet, potter's tools.*

В 2018 г. при раскопках памятников Усть-Тартас-1 и -2 в слоях почвы, перекрывающих погребальный и поселенческий комплексы неолита и бронзы, обнаружено скопление оригинальных предметов, относящихся к эпохе раннего железного века. В силу того, что эти слои были многократно нарушены периодической распашкой и перекопами, до нашего времени в состоянии *in situ* они не дошли. Однако обнаруженный предметный комплекс столь оригинален, что было бы неправильным оставить его без внимания.

Скопление найдено в кв. Д/16', на глубине 0,25–0,3 м от уровня современной дневной поверхности, состояло из трех предметов: сосуда, костяного гребня и рогового лощила (см. *рисунок*). Костяные изделия, несомненно, связаны с гончарным производством.

Глиняный сосуд небольшого размера открытой баночной формы, на поддоне (см. *рисунок, 1*), имитирующий бронзовые котлы [Чернецов, 1953, с. 147, табл. IX, 7], имел следующие размеры: высота – 11,3 см, высота чаши – 9 см, ее диа-



Комплекс изделий раннего железного века на памятнике Усть-Тартас-2.

1 – керамический сосуд на поддоне; *2* – микрофотография участка формовочной массы; *3*, *4* – микрофотография участков поверхности изделия со следами обработки зубчатым орудием; *5* – орнаментир «гребенка» из кости; *6* – роговое лощило; *7* – микрофотография участка орнаментира с зубцами; *8* – фото отпечатков сохранившейся части орнаментира на пластилине с разной силой нажатия; *9* – приостренный и зашлифованный рабочий край лощила.

метр 14 см. Поддон высокий – 2,3 см, хорошо выраженный, его диаметр – 7,5 см. В верхней части сосуда под венчиком расположен орнамент, составленный рядом ямок, выполненных накалыванием палочки, диаметром ок. 0,5–0,6 см. Ямки нанесены на поверхность, предварительно обработанную инструментом, зубцы которого имели разную ширину и разное расстояние между ними (см. *рисунок*, *2*, *3*).

Внешняя поверхность емкости обработана характерными расчесами, покрывающими всю площадь, включая поддон. Техника обработки поверхности, а также формовочная масса, имеющая рецепт: глина + шамот + органика (см. *рисунок*, *4*), позволяют определенно отнести изделие (как и сопутствующие ему предметы) к новочекинской культуре эпохи раннего железного века, выделенной Н.В. Полосьмак по памятникам, расположенным примерно в 150 км севернее с. Венгерово, в Кыштовском р-не Новосибирской обл., в предтаежной зоне Западной Сибири [1985]. Интересно, что подобные формы сосудов на поддоне не характерны для данной культуры, точнее – были вообще не известны. Форма тяготеет к изделиям носителей традиций более южных лесостепных культурных образований Верхнего Приобья. Например, сосуды на поддонах имеются в материалах поселения Мыльниково – переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Мыльникова, Папин, Шамшин, 2003; Папин, Шамшин, 2005], в материалах большереченской культуры [Троицкая, Бородовский, 1994], типичны они для березовского этапа большереченской культуры [Грязнов, 1956]. Известны такие формы и в восточных районах Сибири, в частности – тагарско-таштыкских комплексах [Вадецкая, 1999; Боковенко, 1981]. Заметим, что в виде исключения глиняные сосуды на поддонах встречаются в культурах таежной зоны Западной Сибири [Чемякин, 2008, 2012]. Например, на памятниках белоярской культуры, особенно на ее позднем этапе, в керамике которой Ю.П. Чемякин особо отмечает технологический прием обработки поверхности при помощи щепы или «гребенки» [2008, с. 69]. Похожие сосуды на поддонах зафиксированы на памятниках кашинской культуры [Там же]. Серия изделий известна и на памятниках кулайской культуры. Их отличают лишь орнаментальные традиции и декорирование поддонов [Там же, с. 85; Чиндина, 1984]. Особенно поразительная близость прослеживается с аналогичным изделием усть-полуйской культуры [Мошинская, 1953, с. 111, табл. IV, 1].

Вторым предметом характеризуемого комплекса является костяной гребень (см. *рисунок*, *5*). Рабочая часть его несколько повреждена, однако легко реконструируется. Гребень имеет массивную рукоять (высота 13 см) и короткие зубчики (0,25–0,3 см) разной ширины с неодинаковым расстоянием между ними (см. *рисунок*, *7*), совершенно не пригодные для расчесывания (или закалывания) волос. Со значительной долей вероятности можно предполагать, что этот инструмент, условно именуемый «гребень», использовался в гончарном производстве для заглаживания поверхности сосудов. В пользу данного предположения свидетельствуют не только расчесы на сосуде, разные размеры отпечатков зубчиков, неодинаковое расстояние между соседними отпечатками, но также и тот факт, что, согласно разработанной типологии гребней из Сибири [Новиков, Сергеева, 2010], изделия, близкие анализируемому, полностью отсутствуют. Кроме того, характеризуемый предмет мог служить и орнаментиром, которым наносился узор в виде оттисков гребенчатого штампа (см. *рисунок*, *8*). В Барабе, на памятнике переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Омь-1, известны еще три штампа-гребенки, выполненные из кости [Мыльникова, Чемякина, 2002, рис. 18]. Сохранившаяся торцевая часть рабочей поверхности исследуемого орудия имеет округлую форму, что давало возможность нанесения орнамента не только техникой штампования, но и «полупрокатывания» (по: [Глушков, Захожая, 2000]).

Третьим предметом характеризуемого комплекса явилось выполненное из рога лощило, используемое для заглаживания поверхности (см. *рисунок*, *6*). Об этом свидетельствуют отшлифованные рабочие края инструмента, несущие также следы в виде сгруппированных рисок. Заостренный рабочий край (см. *рисунок*, *9*) мог служить и для нанесения орнамента в виде подтреугольных вдавлений (типа лопаточки).

Таким образом, данные изделия можно отнести к специализированному инструментарию мастера-гончара. Подобные находки редко встречаются на памятниках Западной Сибири. Сегодня можно отметить лишь несколько публикаций об археологических штампах региона [Калинина, Устинова, 1990; Захожая, 1994; Мыльникова, Чемякина, 2002; Кокшаров, 2009; Сериков, 2013; Дубовцева, 2017; Клементьева, Погодин, 2017]. Особое отношение гончаров к своему инструментарию известно по этнографическим материалам: его передавали по наследству [Пошивайло, 1993], редко – захоранивали вместе с мастером [Волкова, 1998], некоторые исследователи связывают эти изделия с особой семантикой [Калинина, Устинова, 1990].

Находка сосуда на памятнике – это еще одно подтверждение проникновения на юг от зоны расселения носителей новочекинской культуры, сви-

детельствующее о сосуществовании их на данной территории с носителями саргатской культуры, доминирующей в это время на огромных пространствах западносибирской лесостепи.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 42–52.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с. – (Archaeologica Petropolitana; вып. VII).

Волкова Е.В. Керамика волосово-даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник – М.: Старый сад, 1998. – 259 с.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. – Сургут: РИО Сургут. гос. пед. ин-та, 2000. – 200 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: АН СССР, ИИМК, 1956. – 161 с. – (МИА; вып. 48).

Дубовцева Е.Н. Эволюция орудий для гребенчатой орнаментации керамики Урала и Западной Сибири в неолите и бронзовом веке // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. – С. 4–19. – (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI).

Захожая Т.М. Орнаментиры и технология нанесения узоров на посуде поселения Чилимка III // Экспериментальная археология. – Тобольск: Тобол. гос. пед. ин-т, 1994. – Вып. 3. – С. 42–51.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. – 1990. – Вып. 30. – С. 7–19.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая умытья 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. – С. 20–49. – (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI).

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита Севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 272 с.

Мошинская В.И. Керамика Усть-полуйской культуры // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 107–120. – (МИА; вып. 35).

Мыльникова Л.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Керамический комплекс поселения Мыльниково переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепного Алтайского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 93–111.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Новиков А.В., Сергеева Ю.К. Классификационные признаки гребней Западной Сибири // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 7: Археология, этнография. – С. 126–135.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.

Полосьмак Н.В. К вопросу о выделении новочекинской культуры // Урало-Алтаистика (Археология. Этнография. Язык). – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 79–80.

Пошивайло О.Н. Етнографія українського гончарства: Лівобережна Україна. – Киев: Молодь, 1993. – 410 с.

Сериков Ю.Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности. – Нижний Тагил: Нижнетагил. соц.-пед. акад., 2013. – 418 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Чемякин Ю.П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Чемякин Ю.П. Усть-полуйская или кулайская? (о металлопластике усть-полуйской культуры) // Научный центр изучения Арктики. Археология Арктики. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнейшее святилище Усть-Полуй». Доклады, г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 176–181.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 121–178. – (МИА; вып. 35).

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

References

Bokovenko N.A. Bronzovye kotly epohi rannih kochevnikov v aziatskih stepyah. In *Problemy zapadnosibirskoj arheologii. Epoha zheleza*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 42–52 (in Russ.).

Chemyakin Yu.P. Barsova gora. Ocherki arheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'. Surgut; Omsk: Izd-vo Omskij dom pechati, 2008, 224 p. (in Russ.).

Chemyakin Yu.P. Ust'-polujskaya ili kulajskaya? (o metalloplastike ust'-polujskoj kul'tury). In *Nauchnyj centr izucheniya Arktiki. Arheologiya Arktiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu otkrytiya pamyatnika arheologii "Drevnejshee svyatilishche Ust'-Poluj". Doklady. g. Salekhard, 27–30 noyabrya 2012 g.* Yekaterinburg: Delovaya pressa, 2012, pp. 176–181 (in Russ.).

Chernetsov V.N. Bronza ust'-polujskogo vremeni. In *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya*. M.: AN SSSR Publ., 1953, pp. 121–178 (in Russ.).

Chindina L.A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epohu zheleza. Kulajskaya kul'tura. Tomsk: Univ. Press, 1984, 256 p. (in Russ.).

Dubovceva E.N. Evolyuciya orudij dlya grebenchatoj ornamentacii keramiki Urala i Zapadnoj Sibiri v neolite i bronzovom veke. In *Arheologiya i istoriya Severo-Zapadnoj Sibiri: sb. nauchn. statej*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Ural'skij rabochij, 2017, iss. 7, pp. 4–19 (Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoj Sibiri) (in Russ.).

Glushkov I.G., Zahozhaya T.M. Keramika epohi pozdnej bronzy Nizhnego Priirtysh'ya. Surgut: State Ped. Univ. Press, 2000, 200 p. (in Russ.).

Gryaznov M.P. Istoriya drevnih plemyon Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka. Moscow; Leningrad: AN SSSR, IIMK, 1956, 161 p. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, iss. 48) (in Russ.).

Kalinina I.V., Ustinova E.A. Tekhnologicheskaya klassifikaciya ornamentov neoliticheskoj – eneoliticheskoj keramiki Ural'skogo regiona. In *Archeologicheskiy sbornik gosudarstvennogo ermitazha*, 1990, iss. 30, pp. 7–19 (in Russ.).

Klementieva T.Yu., Pogodin A.A. Tekhnologiya ornamentacii posudy pozdnego neolita poseleniya Bol'shaya Umyt'ya 100. In *Arheologiya i istoriya Severo-Zapadnoj Sibiri: sb. nauchn. statej*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Ural'skij rabochij, 2017, pp. 20–49 (in Russ.). – (Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoj Sibiri, iss. VI).

Koksharov S.F. Pamyatniki eneolita Severa Zapadnoj Sibiri. Yekaterinburg: Volot, 2009, p. 272 (in Russ.).

Moshinskaya V.I. Keramika Ust'-polujskoj kul'tury. In *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya*, M.: AN SSSR Publ., 1953, pp. 107–120 (in Russ.).

Mylnikova L.N., Papin D.V., Shamshin A.B. Keramicheskij kompleks poseleniya Myl'nikovo perekhodnogo vremeni ot epohi bronzy k rannemu zheleznomu veku lesostepnogo Altajskogo Priob'ya. *Archaelogy, Etnology and Anthropology of Eurasia*, 2003, No. 3 (15), pp. 93–111 (in Russ.).

Mylnikova L.N., Chemyakina M.A. Tradicii i novacii v goncharstve drevnih plemen Baraby (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 200 p. (in Russ.).

Novikov A.V., Sergeeva Yu.K. Klassifikacionnye priznaki grebnej Zapadnoj Sibiri. In *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2010, vol. 9, iss. 7: Arheologiya, etnografiya, pp. 126–135 (in Russ.).

Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perekhodnoe vremya ot epohi bronzy k rannemu zheleznomu veku. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005, 202 p. (in Russ.).

Polos'mak N.V. K voprosu o vydelenii novochekinskoj kul'tury. In *Uralo-Altaistika (Arheologiya. Etnografiya. Yazyk*). Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 79–80 (in Russ.).

Poshivajlo O.N. Etnografiya ukraïns'kogo goncharstva: Livoberezhna Ukraïna. Kiev: Molod', 1993, 410 p. (in Ukr.).

Serikov Yu.B. Shajtanskoe ozero – svyashchennoe ozero drevnosti. Nizhnij Tagil: Social-Ped. Academy Press, 2013, 418 p. (in Russ.).

Troickaya T.N., Borodovskij A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.).

Vadeckaya E.B. Tashtykskaya epoha v drevnej istorii Sibiri. St. Petersburg: Centr "Peterburgskoe Vostokovedenie", 1999, 440 p. (Archaeologica Petropolitana; iss. VII) (in Russ.).

Volkova E.V. Keramika volosovo-danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoj kul'tury kak istoricheskij istochnik. Moscow: Staryj sad, 1998, 259 p. (in Russ.).

Zahozhaya T.M. Ornamentiry i tekhnologiya naneseniya uzorov na posude poseleniya Chilimka III. In *Eksperimental'naya arheologiya*. Tobol'sk: State Ped. Univ. Press, 1994, iss. 3, pp. 42–51 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.304-309
УДК 902.2

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Л.С. Кобелева[1], С. Райнхольд[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Новый могильник кротовской культуры в Барабе

В статье представлены результаты исследования могильника Усть-Тартас-2, расположенного на памятнике под общим названием «Усть-Тартасские курганы». Рассмотрены материалы пяти детских захоронений. Особенность могил – сопровождение их ямами с обломками технической керамики, костями животных и чешуей рыб. Керамические сосуды помещены в погребения или находятся на погребенной почве вне могил. Керамика характеризуемого памятника имеет полные аналогии с кротовской погребальной посудой. Кроме посуды в могилах найдены костяная проколка, игольник, бронзовое шило, украшения в виде замкнутых и разомкнутых колец, выполненных из свинца или оловянистой бронзы.

Ключевые слова: *кротовская культура, погребения, керамические сосуды.*

V.I. Molodin[1], L.N. Mylnikova[1], M.S. Nesterova[1], L.S. Kobeleva[1], S. Reinhold[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]German Archaeological Institute
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

New Burial Ground of the Krotovo Culture in Baraba Forest-Steppe

The article presents the results of the study of the Ust-Tartas-2 burial ground representing a part of the site under the general name Ust-Tartas burial mounds. Five infant's graves were studied. These graves are characterized by association with the pits containing fragments of technical ceramics, animal bones and fish scales. Ceramic vessels were placed in burials or on the same level outside the graves. The ceramics of the site show complete parallels with the Krotovo funeral pottery. The funeral inventory also included a bone borer, a needle case, a bronze awl, and ornaments shaped as closed and open rings made of lead or tin bronze.

Keywords: *Krotovo culture, burials, ceramic vessels.*

Погребальных комплексов, относящихся к кротовской культуре, известно не так уж много, поэтому каждый новый объект представляет большой интерес и несет значимую научную информацию. Монографическая публикация грандиозного могильника Сопка-2/4Б, В позволила при подготовке и осмыслении материалов вскрыть весьма неожиданные и порой нестандартные нюансы погребальной практики [Молодин, Гришин, 2016], которые нуждаются в дополнительных подтверждениях.

При раскопках могильника Усть-Тартас-2, расположенного на памятнике под общим названием «Усть-Тартасские курганы», обнаружен грунтовый могильник кротовской культуры, представленный в настоящий момент пятью детскими захоронениями. Исследованные погребения образуют отчетливый ряд, ориентированный по линии ССЗ – ЮЮВ. Ориентация его отклоняется от двух выявленных рядов могильника одиновской культуры и не накладывается на последние. Не исключено, что несколько более раннее по времени одиновское кладбище было помечено земляными или деревянными знаками, что позволило носителям традиций кротовской культуры достаточно деликатно встроить свой некрополь в инокультурную систему. Примеры подобных объектов имеются в Синьцзяне, где на могильниках эпохи бронзы, например, в окрестностях оз. Лобнор, до настоящего времени сохранились де-

ревянные ограды и надмогильные знаки, не говоря уже о деревянных внутримогильных конструкциях (см., напр.: [Wieczorek, Lind, 2007]).

Особенностью захоронений кротовской культуры исследуемого памятника является сопровождение практически всех могил дополнительными неглубокими ямами, которые вплотную примыкают к погребальной камере (рис. 1). В этих ямах зафиксированы изделия из глины в виде фрагментов технической керамики, кости и фрагменты костей животных, рыбья чешуя. Могильные ямы имеют достаточно крупные размеры, хотя в них и были похоронены дети. Образуя ряд, они ориентированы по линии ССВ – ЮЮЗ. Сохранность костей скелетов не везде одинакова, что можно объяснить детским возрастом умерших. Не исключено и проявление погребальной практики, типичной для вторичных захоронений.

Наиболее информативным является погр. № 36 (рис. 1, *1*). Захоронен подросток. Сохранились практически все кости скелета, лежащие в полном анатомическом порядке, за исключением нескольких ребер и фаланг, нарушенных норой грызуна. Погребенный покоился на спине, в вытянутом положении, головой на СВ. По обеим сторонам черепа, у стенок могилы найдены ножевидные пластины (рис. 1, *1г, 1в*). У восточной стенки могильной ямы находился костяной игольник, выполненный из крупной трубчатой кости животного (рис. 1, *1а*; *2*). Это полый цилиндр, один конец которого скошен на 0,3 см. Длина изделия – 4,7–5 см, диаметр около 2,2 см. Внешняя поверхность декорирована ритмично нанесенными горизонтальными желобками, делающими ее «гофрированной». Поверхность дополнительно отшлифована. Абсолютные аналогии данному предмету обнаружены в погр. № 6 (к. 1, погр. 6) кротовского могильника Сопка-2/4Б, В [Молодин, Бородовский, 1989]. Полный перечень известных аналогий или близких предметов приведен в вышеуказанной монографии, посвященной кротовской культуре (см.: [Молодин, Гришин, 2016, с. 234–235]). Между фалангами большого, указательного и среднего пальцев левой руки располагалось бронзовое шильце (рис. 1, *1б, 3*), черта, характерная для кротовской культуры и культур ранней – развитой бронзы Евразии [Там же, с. 244–245; Черных, 1970].

Погребение № 36 выделяется еще и тем, что в непосредственной близости от могилы, в северной части, вверх дном, на расстоянии 1,2–1,5 м друг от друга были помещены три керамических сосуда (рис. 1; 2).

Один сосудик (рис. 1, *1ж*; 2, *1*) – небольшая (диаметр по венчику – 6,5 см, высота – 6,6 см) закрытая баночка (группа 1, тип 4 по: [Молодин, Гришин, 2016, с. 219]), имела пробитое дно. Второе изделие (рис. 1, *1з*; 2, *3*) реконструируется не полностью, но сохранившаяся часть (диаметр по венчику 12,7 см, диаметр тулова – 13,1 см) позволяет отнести его также к банкам закрытого типа (группа 2, тип 4: [Там же]).

Третий сосуд (рис. 2, *5*) принадлежит к изделиям открытого типа средних размеров (группа 1, тип 3 по: [Молодин, Гришин, 2016, с. 217]). Подобные формы найдены как на памятнике Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016], так и на поселении Венгерово-2 [Молодин и др., 2015]. Сосуд располагался на погребеной почве на венчике, дно пробито по центру.

Несмотря на индивидуальную форму каждого изделия, их объединяет орудие обработки поверхности: изнутри четко читаются характерные для кротовской традиции следы зубчатого инструмента (рис. 2, *4*). Орнаментиром служил гребенчатый штамп, которым украшены венчики всех трех сосудов и полностью – внешние поверхности. На первом изделии оттиски штампа образуют «елочку». Два других – кроме ряда «жемчужин» под венчиком имеют горизонтальные ряды оттисков «гребенки» (рис. 2, *5*, *7*).

Сосуд из погр. № 45 (рис. 2, *8*) относится к редкой типологической группе 2, тип 3 (горшки с выраженной горловиной) [Молодин, Гришин, 2016, с. 223]. Почти абсолютные аналогии характеризуемому предмету можно видеть с сосудами из погр. № 34 (кур. 2, погр. 8) могильника Сопка-2/4Б, В [Там же, рис. 376, *1*]. Сосуды отличаются изящной профилировкой. Они не орнаментированы, лишь анализируемая емкость в придонной части украшена оттисками (вдавлениями) инструмента с округлым рабочим краем. Дно также пробито (рис. 2, *10*).

Еще два изделия – закрытая банка и профилированный горшочек выявлены вне привязки к каким-либо объектам.

Керамика характеризуемого памятника имеет полные аналогии с кротовской погребальной посудой. Изделия выполнены по единому рецепту формовочных масс: глина + шамот + органика с использованием запесоченного сырья (рис. 2, *2*, *9*). Важно, что присутствуют и сходные семантические сюжеты – помещение сосудов не только в могилы, но и рядом с могилой, часто – вверх пробитым дном [Молодин, Ламина, 1989].

Традиция помещения в могилы или около них перевернутых сосудов, часто преднамеренно испорченных, – одна из характерных деталей погребального обряда населения эпохи бронзы лесостепной и степной полосы Евразии [Ляшко, 1996; Михайлов, 2001] и эпохи Средневековья Дальнего

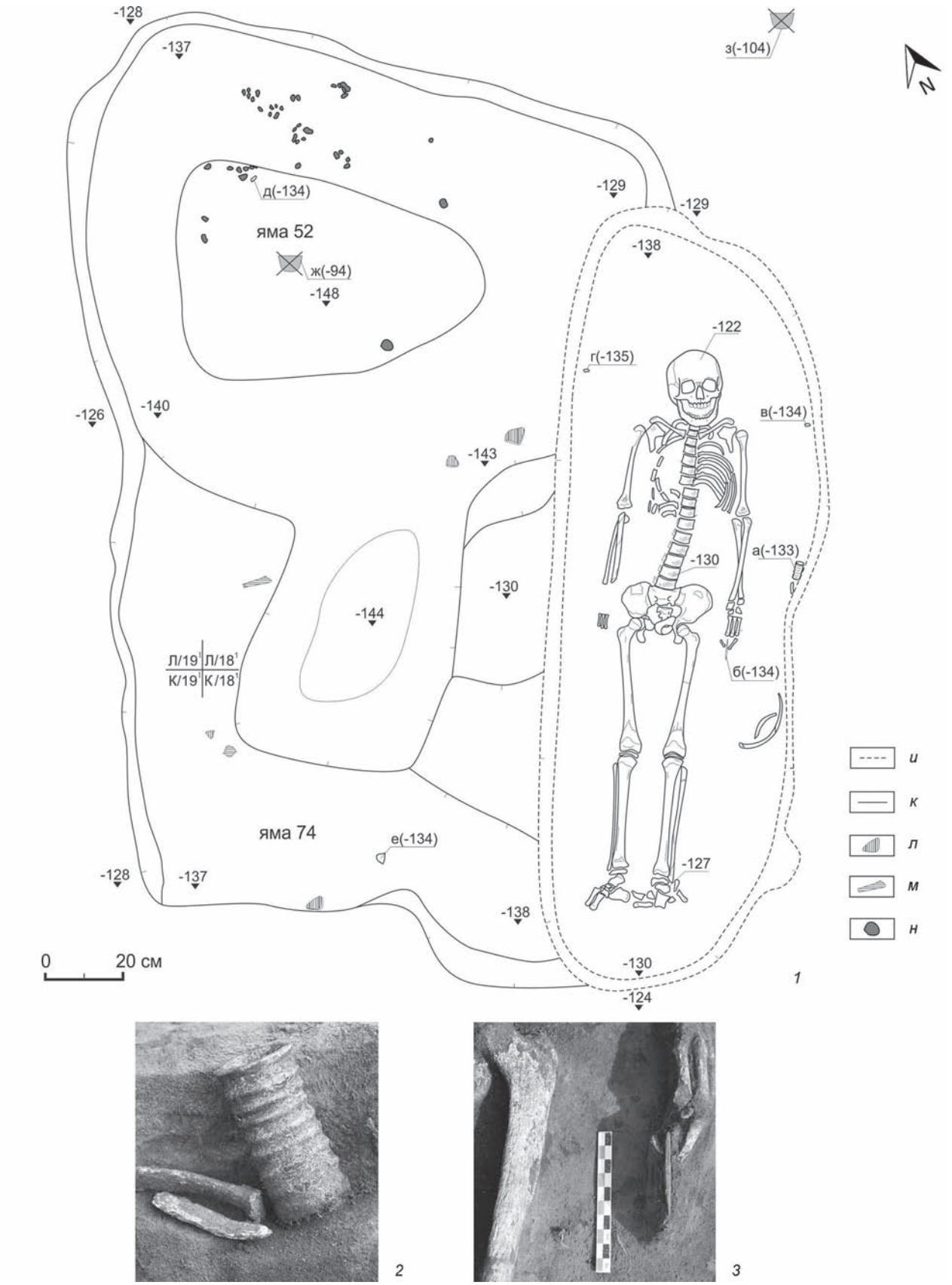


Рис. 1. Погр. № 36 кротовской культуры могильника Усть-Тартасские курганы (поселение Карьер Таи-1):

1 – план: *а* – игольник; *б* – шило; *в*, *г* – ножевидные пластины; *д* – отщеп; *е* – скол со шлифованного орудия; *ж* – сосуд 1; *з* – сосуд 2; *и* – сосуд 3; *к* – контуры погр. № 36; *л* – контуры ям; *м* – фрагменты керамики; *н* – кость животного; *о* – фрагменты технической керамики; *2* – костяной игольник; *3* – бронзовое шило.

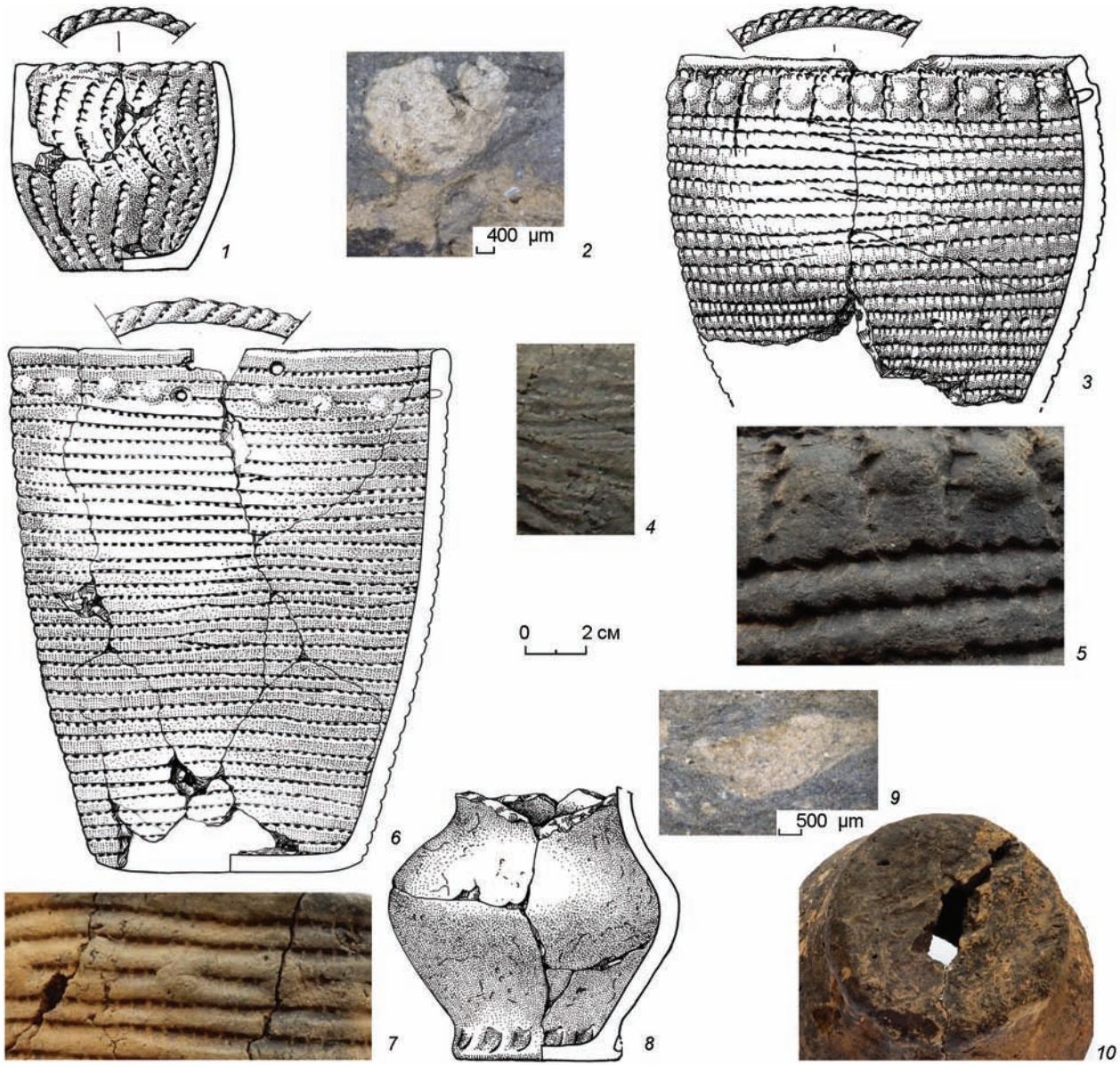


Рис. 2. Сосуды кротовской культуры могильника Усть-Тартасские курганы (поселение Карьер Таи-1):

1, 3, 6 – сосуды, расположенные у погр. № 36; *2* – микрофотография участка формовочной массы сосуда 1; *4* – фотография участка внутренней поверхности сосуда 2 со следами обработки зубчатым орудием; *5* – фотография участка внешней поверхности сосуда 2; *7* – фотография участка внешней поверхности сосуда 3; *8* – сосуд из погр. № 45; *9* – микрофотография участка формовочной массы сосуда из погр. № 45; *10* – пробитое дно сосуда из погр. № 45.

Востока [Деревянко Е.И., 1977]. Обзор семантических интерпретаций данного явления приведен в работе С.В. Сотниковой [2015, с. 231–245]. Сюжет с пробитой посудой также известен и в этнографии коренных народов Сибири и Дальнего Востока, где интерпретируется как преднамеренная порча артефакта для «перехода» его в нижний мир [Косарев, 2003, с. 150–151; Алексеенко, 2007, с. 39; Дьяченко, 2007, с. 121; Рассадин, 2005, с. 85].

На территории Обь-Иртышского междуречья практика подобного использования керамической посуды в погребальном обряде фиксируется, начиная с памятников эпохи позднего неолита (Венгерово-2А, Протока), где сосуды с пробитым дном помещались в верхней части заполнения коллективных могильных ям [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016]. Встречаются такие сосуды и в одино-крохалевских комплексах (Крохалевка-5) [Гришин и др., 2018, с. 41], вероятно, на каком-то этапе хронологически соответствующих кротовским древностям.

Остальной погребальный инвентарь могильника, кроме перечисленных выше изделий, пред-

ставлен проколкой из грифельной кости животного и украшениями. Это замкнутые и разомкнутые кольца, выполненные из свинца или оловянистой бронзы. Аналогии им встречаются в эпохально близких памятниках, например, окуневской и елунинской культурах [Gass, 2011; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010], так и в кротовских захоронениях [Молодин, Дураков, 2013].

Полученные данные не исчерпывают всех возможностей могильника. В перспективе планируется проведение раскопок, и весьма вероятно, что могильник кротовской культуры на памятнике имеет продолжение.

Список литературы

Алексеенко Е.А. Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2007. – С. 30–50.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Одино-крохалевские погребения эпохи ранней бронзы в Новосибирском Приобье: погребальная практика, инвентарь и хронология // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории: к 70-летию акад. В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 131–149.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Дьяченко В.И. Представления долган о душе и смерти. Отчего умирают «настоящие люди» // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. – СПб.: Наука, 2007. – С. 108–133.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди: тр. Маргианской археологической экспедиции. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 552–565.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.

Ляшко С.Н. О «перевернутых» сосудах в погребениях энеолита – эпохи бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. – Вып. 2. – С. 17–18.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Костяные игольники эпохи бронзы с «гофрированным» орнаментом // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. – С. 31–36.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (Новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 84–101.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 103–118.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 30–46.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Открытие грунтовых погребений неолитического могильника Венгерово-2А в Барабинской лесостепи (археолого-геофизические исследования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 116–120.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 103 с.

Рассадин В.И. Хозяйство, быт и культура тофаларов. – Улан-Удэ: изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2005. – 190 с.

Сотникова С.В. Андроновские ритуальные комплексы с перевернутыми сосудами: сравнительная характеристика и интерпретация // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015, № 3. – С. 231–245.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с. – (МИА; вып. 172).

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker. Becken. – Bonn: Dr. R. Habelt, 2011. – 202 S., 177 Taf. – (Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 199).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Sideria: Results of a Multidisciplinary Study // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2016. – Vol. 44, No. 2. – P. 30–46.

Wieczorek A., Lind C. Ursprünge der Seidenstraße. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. – Stuttgart: Theiss; Mannheim, 2007. – 320 p.

References

Alekseenko E.A. Zhizn’ i smert’ v predstavleniyakh narodov basseina Eniseya. In *Mifologiya smerti. Struktura, funktsii i semantika pogrebal’nogo obryada narodov Sibiri. Etnograficheskie ocherki*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 30–50 (in Russ.).

Chernykh E.N. Drevnejshaya metallurgiya Urala i Povolzh`ya. Moscow: Nauka, 1970, 180 p. (*Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, iss. 172) (in Russ.).

Derevyanko E.I. Troickij mogil’nik. Novosibirsk: Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.).

D'yachenko V.I. Predstavleniya dolgan o dushe i smerti. Otchego umirayut "nastoyashchie lyudi". In *Mifologiya smerti. Struktura, funktsii i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri. Etnograficheskie ocherki*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 108–133 (in Russ.).

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Dr. R. Habelt, 2011, 202 S., 177 Taf. (Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 199).

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Odino-krokhalevskie pogrebeniya epokhi rannei bronzy v Novosibirskom Priob'e: pogrebal'naya praktika, inventar' i khronologiya. In *Mul'tidistsiplinarnye aspekty izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii: k 70-letiyu akad. V.I. Molodina*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, pp. 131–149 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Eluninskaya kul'tura bronzovogo veka v Ob'-Irtyshskom mezhdurech'e. In *Na puti otkrytiya tsivilizatsii: sbornik statei k 80-letiyu V.I. Sarianidi. Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. St. Petersburg: Aleteiya, 2010, pp. 552–565 (in Russ.).

Kosarev M.F. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya. Moscow: Ladoga-100, 2003, 352 p. (in Russ.).

Lyashko C.N. O "perevernutykh" sosudakh v pogrebeniyakh eneolita epokhi bronzy. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi*. Voronezh: Univ. Press, 1996, iss. 2, pp. 17–18 (in Russ.).

Mikhailov Yu.I. Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoi Sibiri (epokha bronzy). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, 363 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Borodovskii A.P. Kostyanye igol'niki epokhi bronzy s "gofrirovannym" ornamentom. In *Kul'turnye i khozyaistvennye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri.* Novosibirsk: State Ped. Inst. Press, 1989, pp. 31–36 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A. Pogrebeniya epokhi rannei – razvitoi bronzy mogil'nika Ordynskoe-1 (Novaya versiya istoriko-kul'turnoi interpretatsii). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4, pp. 84–101 (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Lamina E.V. Keramika mogil'nika Sopka-2. In *Keramika kak istoricheskii istochnik*. Novosibirsk: Nauka, 1989, pp. 103–118 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2016, vol. 44, iss. 2, pp. 30–46.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A. Otkrytie gruntovykh pogrebenii neoliticheskogo mogil'nika Vengerovo-2A v Barabinskoi lesostepi (arkheologo-geofizicheskie issledovaniya). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 116–120 (in Russ.).

Polosmak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S. Neoliticheskie mogil'niki Severnoj Baraby. Novosibirsk: Nauka, 1989, 103 p. (in Russ.).

Rassadin V.I. Khozyaistvo, byt i kul'tura tofalarov. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. nauch. tsentra SB RAS, 2005, 190 p. (in Russ.).

Sotnikova S.V. Andronovskie ritual'nye kompleksy s perevernutymi sosudami: sravnitel'naya kharakteristika i interpretatsiya. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2015, No. 3, pp. 231–245 (in Russ.).

Wieczorek A., Lind C. Ursprünge der Seidenstraße. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Stuttgart: Theiss; Mannheim, 2007, 320 p. (in Germ., in Chin.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.310-314
УДК 902.2

В.И. Молодин[1], С. Хансен[2], Л.Н. Мыльникова[1, 3], С. Райнхольд[2], И.А. Дураков[1, 4], Л.С. Кобелева[1], М.С. Нестерова[1], Д.А. Ненахов[1], Н.С. Ефремова[1], Ю.Н. Ненахова[1], Д.В. Селин[1, 3], М.С. Демахина[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Германский археологический институт
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году

В статье представлен обзор основных результатов работы Западно-Сибирского археологического отряда ИАЭТ СО РАН, полученных в полевой сезон 2018 г. Стационарные раскопки проведены на памятнике разных эпох и культур Тартас-1 и многокомпонентном комплексе, представленном неолитической стоянкой Усть-Тартас-1 и грунтовым разновременным могильником Усть-Тартас-2. В процессе работ выявлены новые хозяйственные объекты эпохи раннего неолита (барабинская неолитическая культура), связанные с заготовкой рыбы. Исследованы захоронения эпохи бронзы усть-тартасской, одиновской, кротовской, андроновской (фёдоровской), пахомовской археологических культур, а также одно захоронение раннего железного века. Кроме того, выявлены остатки поселенческого комплекса кротовской культуры. Важным результатом явилось установление планиграфии памятников, дифференциация одиновского и кротовского могильников.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, неолит, эпоха бронзы, погребальный обряд, поселенческий комплекс.*

V.I. Molodin[1], S. Hansen[2], L.N. Mylnikova[1, 3], S. Reinhold[2], I.A. Durakov[1, 4], L.S. Kobeleva[1], M.S. Nesterova[1], D.A. Nenakhov[1], N.S. Efremova[1], Yu.N. Nenakhova[1], D.V. Selin[1, 3], M.S. Demahina[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]German Archaeological Institute
[3]Novosibirsk State University
[4]Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Main Results of the West-Siberian Team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Field Research in Baraba Forest-Steppe in 2018

The article presents an overview of the main results of the West Siberian archaeological team of IAET SB RAS works in 2018 field season. Excavations were carried out at Tartas-1 comprising the sites of different ages and cultures, and at a multicomponent complex represented by the Neolithic site of Ust-Tartas-1 and the Ust-Tartas-2 burial ground. During the works, there were identified new economic activity zones of the Early Neolithic (the Baraba Neolithic culture) associated with fish preservation and storage. The Bronze Age burials of the Ust-Tartas, Odino, Krotovo, Andronovo (Fedorovo) and Pakhomovo archaeological cultures as well as one burial of the Early Iron Age were investigated. Also, remains of the Krotovo culture settlement complex were found. An important result was the establishment of a planigraphy of sites and distinctive features of the Odino and Krotovo burial grounds.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Neolithic, Bronze Age, funeral rite, settlement complex.*

В полевой сезон 2018 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно с Евразийским отделением Германского археологического института (DAI, Берлин) проводил полевые исследования в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Барабинская лесостепь). Работы велись на трех памятниках разнообразных эпох и культур: грунтовых могильниках, культурных слоях и хозяйственных объектах поселений, а также на ритуальных комплексах. Исследование проводилось в течение четырех месяцев. В работах принимали участие, помимо авторов и сотрудников указанных учреждений, студенты НГУ, НГПУ, ТГУ и КемГУ, а также школьники г. Новосибирска и с. Венгерово.

Раскопки памятника Тартас-1 ведутся с 2003 г. [Молодин и др., 2003]. Каждый полевой сезон обогащает науку новыми, порой оригинальными источниками. 2018 г. не был в этом отношении исключением. Сплошной площадью изучено 1125 м^2. На краю террасы, где расположен комплекс периода раннего неолита (барабинская неолитическая культура), доисследована яма для квашения рыбы № 1383, частично вскрытая в 2017 г. Рядом была изучена еще одна яма № 1484 этого периода меньшего диаметра, глубиной более двух метров. Она также имела бесспорные следы квашения рыбы, причем нижний слой содержал пласт целых скелетов рыб, очевидно, что эта часть заготовленного продукта по какой-то причине оказалась нетронутой.

Наряду с неолитическими комплексами явно хозяйственного толка, на площади, занимаемой могильниками, а также в пределах ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры исследованы 63 ямы, по-видимому, ритуального характера. Часть из этих объектов относится к выше обозначенной культуре, например, яма № 1513 маркируется пахомовским сосудом. Еще две ямы (№ 1511, 1519) относятся к эпохе Средневековья.

Новая информация была получена в результате продолжения раскопок погребальных комплексов. Всего исследовано 25 захоронений (№ 719–743), относящихся преимущественно к андроновской (фёдоровской) культуре. Один из таких объектов – захоронение № 743 (рис. 1, *1*), в котором обнаружены кремированные останки человека, керамический сосуд с характерным для андроновской (фёдоровской) культуры орнаментом (рис. 1, *3*) и уникальная в своем роде костяная пуговица с петелькой (рис. 1, *2*).

Часть могил входит в так называемые погребально-поминальные комплексы, которые состоят

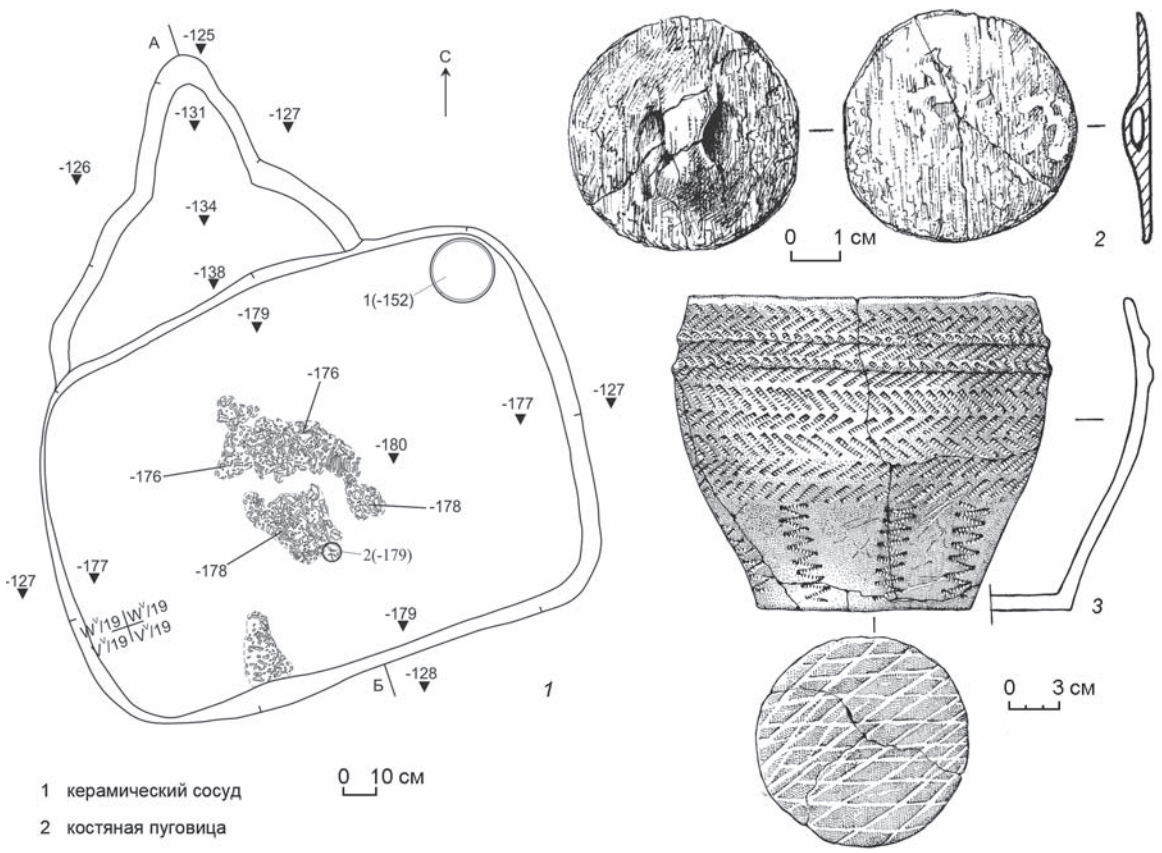


Рис. 1. План погр. № 743 могильника Тартас-1 (*1*) и находки из него: костяная пуговица (*2*) и керамический сосуд (*3*).

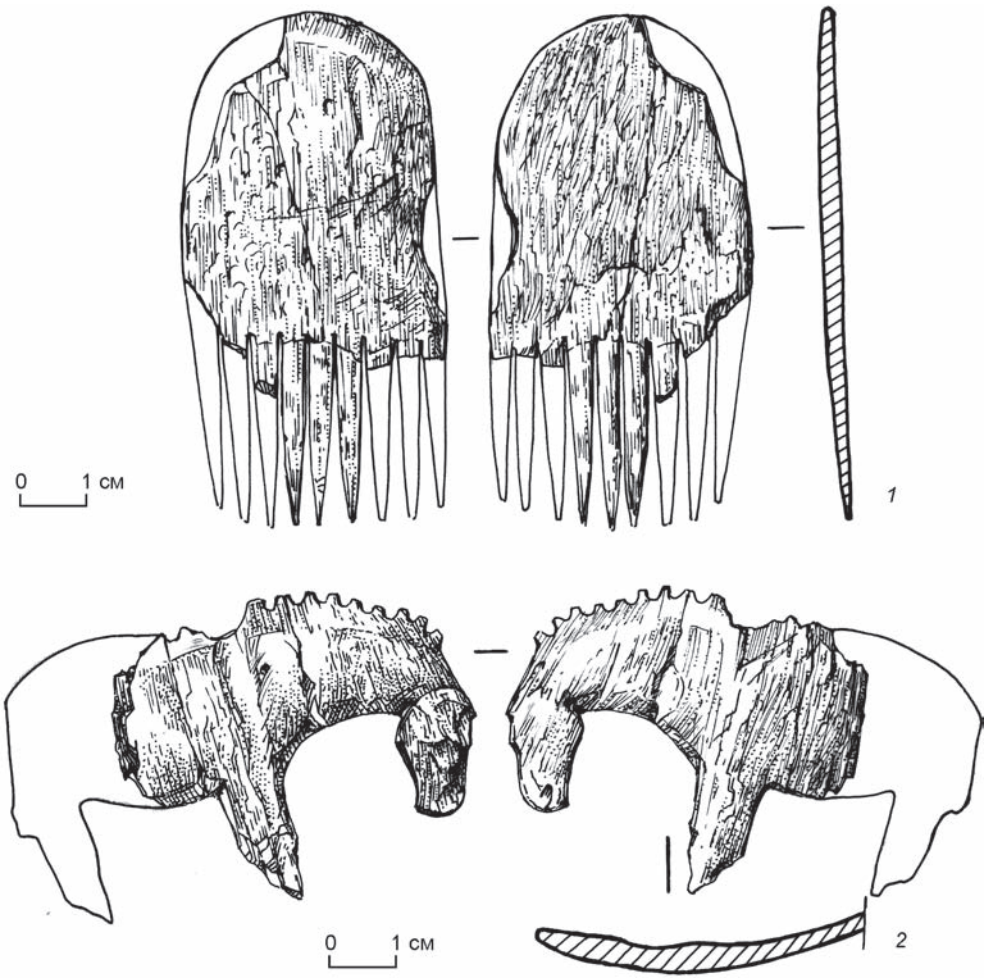


Рис. 2. Находки из могильника Усть-Тартас-2.
1 – гребень (рог); *2* – скульптура лошади (рог).

из одного (или нескольких) захоронений, обнесенных кольцевым ровиком. В настоящий момент исследовано 30 таких комплексов, локализованных планиграфически. Из находок следует отметить более 20 керамических сосудов, бронзовые и костяные украшения, астрагалы, ожерелье из зубов животных, костяную ложку, а также «тушки» рыбы. Захоронения совершались по обряду как ингумации, так и кремации. Раскопки памятника будут продолжены.

Вторым объектом, на котором проводились стационарные исследования, является многокомпонентный комплекс, объединенный общим названием Карьер Таи-1 и представленный неолитической стоянкой Усть-Тартас-1 и грунтовым разновременным могильником Усть-Тартас-2. Всего на памятнике в 2018 г. вскрыто 640,5 м^2 площади. К барабинской неолитической культуре относится частично вскрытый ритуальный комплекс. Он состоит из серии небольших ям, обнесенных выраженным подчетырехугольным ровиком. Площадка, на которой находится комплекс, примыкала к склону террасы и исследована, согласно магнитограмме, примерно на треть. В ямах и ровике содержались приклады в виде фрагментов характерной для культуры плоскодонной керамики, каменные орудия и отщепы. В яме № 29 обнаружен череп собаки (или волка).

К этой же культуре относятся две ямы для квашения рыбы. Конструктивно они аналогичны подобным сооружениям, исследованным на памятниках Тартас-1 и Усть-Тартас-1 [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Молодин и др., 2018]. В яме № 66, содержащей большое количество рыбьих костей, жаберных крышек и чешуи, как и в подобном объекте в полевом сезоне 2017 г., обнаружен приклад в виде скелетов двух зайцев, лежащих «валетом», а также миниатюрный сосудик рядом с костью собаки.

В яме № 23 выявлены останки двух особей человека, которые, согласно стратиграфии, были специально там захоронены. Также в яме содержался

многочисленный каменный инвентарь (скребки, ножевидные пластины, отщепы, сколы), кости рыбы и фрагменты керамики, относящиеся к одиновской культуре. Для уточнения хронологической позиции объекта была получена радиоуглеродная дата по костям человека (Cal 2-sigma BC3020-2910), подтверждающая предварительно сделанный вывод о маркировании ямы эпохой бронзы. Важно отметить, что перед нами явное продолжение ранненеолитической традиции: заготовка рыбы в глубоких ямах. Имеет место важное обстоятельство, свидетельствующее о помещении в яму останков людей, вероятно предназначенных для последующего использования в пищу.

Кроме того, на памятнике выявлены остатки поселенческого комплекса кротовской культуры с фрагментами керамики, костей животных и обломками литейных форм.

Однако наиболее масштабные материалы были получены на разновременных могильниках, маркированных местонахождением Усть-Тартас-2, часто перекрывающих неолитические комплексы. Напомним, что в 2017 г. на этом памятнике было вскрыто 17 захоронений эпохи неолита, ранней и развитой бронзы [Молодин и др., 2017]. В 2018 г. исследовано 33 объекта: одна могила усть-тартасской культуры; 25 захоронений одиновской культуры; 5 погребений кротовской культуры; одна могила эпохи железа и еще одно погребение, не поддающееся надежной идентификации.

Подтверждена отмеченная ранее исследователями [Молодин, 2012] вариативность элементов погребального обряда у населения одиновской культуры. Выявлены одиночные и коллективные погребения, ярусные захоронения; помещение умерших в могилу как на спине, с приподнятой верхней частью туловища, так и в скорченном положении на боку; отмечена различная форма и глубина могильных ям и т.д.

Интересно с антропологической точки зрения захоронение одиновской культуры № 24. В могильной яме обнаружен скелет женщины, у которой между тазовыми костями найден скелет, по-видимому, не рожденного ребенка. В ногах погребенных был помещен череп *Canis lupus* (волк или собака?).

Важным результатом явилось установление планиграфии памятников, дифференциация могильников одиновской и кротовской культур. Погребения, потревоженные в древности, содержат яркий, а порой – уникальный материал, требующий реставрационной обработки и специального анализа. В настоящей работе особо отметим такие предметы, как украшения из бронзовой фольги (погребение усть-тартасской культуры № 28), чрезвычайно редко встречающиеся в захоронениях этой культуры [Молодин, 2005]; уникальную скульптурку лошади из рога и роговой гребень (рис. 2), обнаруженную в сильно потревоженном погребении одиновской культуры № 37; набор крупных каменных луновидных подвесок и литые бронзовые бляхи, украшавшие головной убор человека (захоронение одиновской культуры № 29). Подчеркнем, что луновидные подвески из камня встречались в регионе, как правило, в захоронениях кротовской культуры [Молодин, 2013].

Таким образом, очевидно, что исследуемый комплекс представляет собой уникальный объект, сосредотачивающий поселенческие, культовые и погребальные памятники, требующие дополнительного изучения.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00406).

Список литературы

Молодин В.И. Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-Сиб. археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 180–184.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И. Каменные «луновидные» подвески в непотревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // Monumentum Gregorianum: сб. науч. ст. памяти академика Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Граница, 2013. – С. 135–153.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита, ранней и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 363–367.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2018. – Т. 17, № 3. – С. 39–56.

Молодин В.И., Софейков О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 441–446.

References

Molodin V.I. Ust'-tartasskaya kul'tura. In *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii*: materialy XIII Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii. Tomsk: State Univ. Press, 2005, pp. 180–184 (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3: kul`turno-hronologicheskij analiz pogrebal`ny`h kompleksov odinovskoj kul`tury, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kamennye "lunovidnye" podveski v nepotrevozhennykh pogrebal'nykh kompleksakh krotovskoi kul'tury (Zapadnaya Sibir'). In *Monumentum Gregorianum: sbornik nauchnykh statei pamyati akademika G.M. Bongard-Levina.* Moscow: Granitsa, 2013, pp. 135–153 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Mogil'nik Ust'-Tartas-2 – novyi pogrebal'nyi kompleks epokhi neolita, rannei i razvitoi bronzy v Barabinskoi lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 363–367 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Myl'nikova L.N. Ranneneoliticheskaya stoyanka Ust'-Tartas-1 i ee kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177 (in Russ.).

Molodin V.I., Reinhold S., Mylnikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. Radiouglerodnye daty neoliticheskogo kompleksa pamyatnika Tartas-1 (rannii neolit v Barabe). In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* Novosibirsk: State Univ. Press, 2018, vol. 17, No. 3, pp. 39–56 (in Russ.).

Molodin V.I., Sofeikov O.V., Deich B.A., Grishin A.E., Chemyakina M.A., Manshtein A.K., Balkov E.V., Shatov A.G. Novyi pamyatnik epokhi bronzy v Barabinskoi lesostepi (mogil'nik Tartas-1). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, vol. IX, pp. 441–446 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.315-318
УДК 902.2

Д.В. Папин[1], А.С. Федорук[2], М.А. Демин[3], А.А. Редников[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]Алтайский государственный педагогический университет
E-mail: papindv@mail.ru

Бурла-3: новые данные о бурлинском типе памятников

Статья посвящена введению в научный оборот новых данных о результатах раскопок поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3 в 2018 г. Описываются материалы, характеризующие поселение Бурла-3 как стационарный поселок с развитой архитектурно-планировочной застройкой. Указывается, что керамический комплекс находит прямые аналогии в позднебронзовых поселениях Средней Азии и Казахстана. Основу керамической коллекции составляют сосуды, изготовленные на гончарном круге; вместе с ней присутствует лепная керамика, оформленная в традициях саргаринско-алексеевской и восточного варианта пахомовской культуры (?). Исследованное в 2018 г. сооружение демонстрирует связь с домостроительной традицией, изученной в прошлые годы. В целом, эти данные, наряду с другими, подчеркивают тот факт, что поселение Бурла-3 показывает устойчивый вектор южных связей со средой земледельческого населения Средней Азии в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова: *Степной Алтай, эпоха поздней бронзы, керамика, гончарное производство, Бурла-3.*

D.V. Papin[1], A.S. Fedoruk[2], M.A. Demin[3], A.A. Rednikov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]Altai State Pedagogical University
E-mail: papindv@mail.ru

Burla-3: New Data About Burla Type of Sites

The article is devoted to the introduction into the scientific circulation of new data on the results of the excavations of the Late Bronze settlement of Burla-3 in 2018. The materials describing the Burla-3 settlement as a stationary settlement with a well-developed architectural planning structure are discussed. Direct parallels to the ceramic complex in the Late Bronze settlements of Central Asia and Kazakhstan are specified. The majority of the vessels were made on potter's wheel, hand-made pottery decorated in the traditions of the Sargara-Alekseev and Pakhomovsky culture is also present. The features of the building studied in 2018 show certain relationships with the house-building tradition studied in recent years. In general, these data, along with others, underline the fact that the Burla-3 settlement shows continuous contacts with the southern agricultural population of Central Asia in the late Bronze Age.

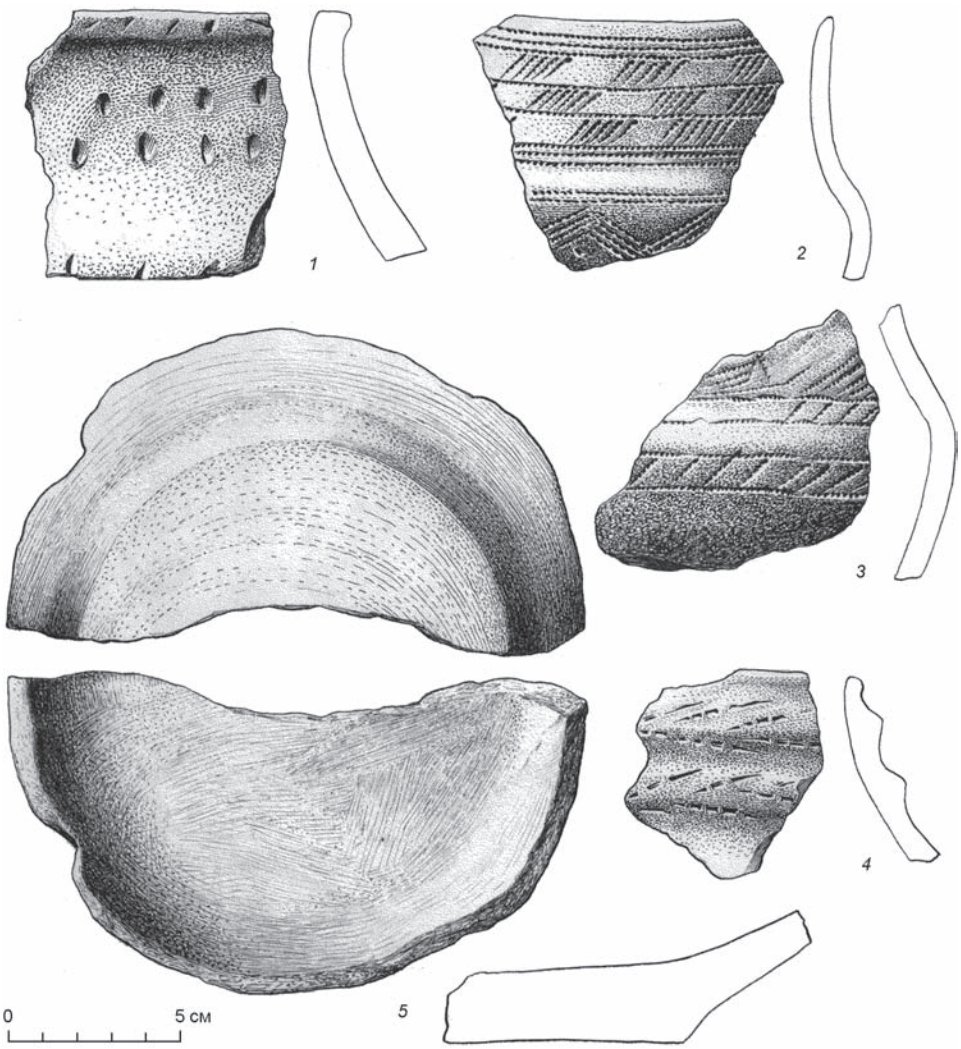
Keywords: *Steppe Altai, Late Bronze Age, ceramics, pottery production, Burla-3.*

Проблема сложения комплексов эпохи поздней бронзы Степного Алтая является одной из ключевых для понимания процессов культурогенеза на юге Западной Сибири в бронзовом веке. Впервые решение этой проблемы было предложено В.С. Удодовым на основе изучения поселений Бурла-3, Кайгородка-3 и Гридино. Оригинальность обнаруженных материалов позволила исследователю выделить т.н. «бурлинский тип» памятников, характеризующийся, в первую очередь, устойчивым сочетанием бегазы-дандыбаевской керамики и круговой посуды. Это позволило впервые обосновать вопрос о наличии устойчивых связей населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы [Удодов, 1994]. Последующие исследования на памятниках эпохи поздней бронзы Алтая показали, что специфика рассматриваемого явления наблюдается только для региона среднего течения р. Бурлы и более нигде не фиксируется, что, видимо, позволяет говорить об однократном про-

никновении группы среднеазиатского населения в регион северной Кулунды.

В 2013 г. сотрудниками Алтайского государственного университета и Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири были возобновлены исследования поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3. В полевые сезоны 2013–2015, 2018 гг. было полностью раскопано одно жилище двухкамерного типа (сооружение № 1) и ряд объектов хозяйственного назначения, а также частично исследовано еще три сооружения (№ 2–4). Предварительные результаты исследований 2013–2015 гг. уже публиковались нами ранее [Кирюшин и др., 2013, 2015; Кирюшин, Папин, Федорук А.С. и др., 2014; Кирюшин, Папин, Редников, 2014; Федорук А.С., Папин, Редников, 2015; Ломан и др., 2017; Папин, Федорук А.С., Ломан, 2017]. Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов, полученных в 2018 г.

Раскоп 2018 г. стал продолжением раскопов 2013–2015 гг. С целью доисследования восточной части сооружения № 4, выявленного в раскопе 2015 г., к его восточной стенке был прирезан новый раскоп. В результате был четко прослежен и доизучен коридорообразный выход сооружения № 4 и прилегающая к нему площадка. Раскопанная часть выхода представляла собой незначительно углубленный в материковый слой (до 0,09 м) коридор длиной до 3,3 м и шириной до 1,92 м. Поверхность дна выхода имела уклон (плавное понижение от входа к камере). Вдоль стенок коридора исследовано три столбовые ямки диаметром 0,2–0,25 м и глубиной 0,27–0,4 м от материковой поверхности. Интересной деталью стало примыкание к одной из ямок канавки (ширина 0,1–0,15 м, глубина до 0,15 м), проходящей от центральной части столбовой ямки к южной стенке раскопа. На привходовой площадке также раскопано две ямки: одна,



Материалы поселения Бурла-3.
1 – саргаринско-алексеевская керамика; *2–4* – гибридная керамика; *5* – керамика, изготовленная на гончарном круге.

диаметром 0,2 м и глубиной 0,23 м, располагалась на 1,4 м южнее входа, вторая, диаметром 0,9 м и глубиной 0,15 м, – 0,88 м севернее входа. Вероятно, ямки и канавки – остатки навеса, пристроенного к коридору и прилегающей к нему стенке камеры сооружения № 4. В пользу данного предположения говорит и незначительное углубление этого участка в материковую поверхность.

Полученные в результате раскопок материалы представлены традиционным для памятника набором: фрагментами лепных и круговых керамических сосудов, колотыми камнями, шлаком и костями животных. Вещевой комплекс представлен обломком керамической подставки и фрагментом керамического изделия неясного назначения. Основу коллекции составляет керамика, особенностью данного комплекса из раскопа 2018 г. стало примерно равное количество фрагментов круговой и лепной посуды, что не характерно для основного комплекса памятника, где преобладает круговая посуда (более 70 %) (см. *рисунок, 5*). Фрагменты керамики, орнаментированные ногтевыми оттисками и пальцевыми защипами в виде вертикальных цепочек в хаотичном порядке (см. *рисунок, 1)*, находят прямые аналогии в среде материалов саргаринско-алексеевской культуры Кулунды, прежде всего на памятниках Рублево-6 и Жарково-3 [Папин и др., 2015, 2016; Папин, Степанова, Федорук А.С., 2018]. Вторая группа лепной посуды орнаментирована с использованием гребенчатого штампа, отпечатки которого образуют квадраты, прямоугольники, зигзаги, разнообразные горизонтальные пояски, ленты и линии (см. *рисунок, 2–4*). Ранее мы выделяли такую группу для поселений Рублево-6 и Жарково-3 как гибридную керамику (саргаринско-дандыбаевскую). Данная группа выделялась нами типологически на основе особенностей декора сосудов, термин «саргаринско-дандыбаевская керамика» носит условный характер. Его выделение было обусловлено тем, что, с одной стороны, использование крупного гребенчатого штампа не является признаком бегазы-дандыбаевской культуры, с другой, принципы построения орнаментальной схемы близки именно к ней [Папин, Степанова, Федорук А.С., 2018 с. 25, рис. 4, *1–8*]. В последние годы активно разрабатывается проблематика «восточного варианта пахомовской культуры», где наша керамика находит определенные аналогии [Молодин и др., 2017]. Отнесение нами фрагментов (см. *рисунок, 2, 3*) к «восточному варианту пахомовской культуры» носит предварительный характер и требует дальнейшей разработки данного направления.

Прочие находки крайне немногочисленны. При этом, если камней и костей животных из раскопок 2013–2015 гг. на памятнике также мало, то количество шлака в материалах прошлых лет более значительное. Возможно, немногочисленность находок связана с окраинным расположением раскопа 2018 г. на территории поселения.

Новые исследования 2018 г. подтверждают, что поселение Бурла-3 – стационарный поселок с развитой архитектурно-планировочной застройкой. Полученные в ходе раскопок как старые, так и новые материалы демонстрируют аналогии керамическому комплексу на поселениях эпохи поздней бронзы типа Намазга-6 и маркируют вектор южных связей с земледельческими центрами Средней Азии, это подчеркивает особый статус поселения Бурла-3 в ряду синхронных памятников. Обращает на себя внимание то, что саргаринско-алексеевская и «пахомовская» керамика не образуют значительных серий на памятнике и залегают совместно, что может отражать процесс взаимодействия местного и пришлого населения. Проведенные нами исследования на памятнике показали иное соотношение выявленных групп керамики, чем в раскопе у В.С. Удодова: процент станковой керамики больше, а процент бегазы-дандыбаевской керамики ниже. В дальнейшем это может привести к уточнению содержания термина «бурлинский тип памятников».

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 180–183.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Археологические исследования в степном Алтае в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 263–266.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Барнаул, 2014. – Вып. 1. – С. 47–48.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XVII. – С. 212–215.

Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле–

Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. I. – С. 321–326.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Барабе. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 180 с.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы ублево-6 // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 115–143.

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 3 (42). – С. 19–31.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 49. – С. 32–36.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 3 (15). – С. 102–125.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево-6) // Маргулановские чтения – 2014. – Алматы; Павлодар, 2014. – С. 82–87.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла-3 // Изв. Алт. гос. ун-та. – Вып. № 4 (88), т. 1. – С. 280–284.

References

Fedoruk A.S., Papin D.V., Rednikov A.A. Zhilishhnohozjajstvennyj kompleks poselenija Burla-3. *Izvestija Alttai State Univ*, iss. 4 (88), vol. 1, Barnaul, 2015, pp. 280–284 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A. Fenomen "burlinskogo tipa pamjatnikov". In *Mezhdisciplinarnoe izuchenie arheologii Zapadnoj Sibiri i Altaya.* Barnaul, 2014, iss. 1, pp. 47–48 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A., Fedoruk O.A. Problema izuchenija "burlinskogo tipa" pamjatnikov epohi pozdnej bronzy na territorii stepnogo Altaja. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk, 2013, vol. XVII, pp. 212–215 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Predvaritel'nye itogi polevogo izuchenija poselenija Burla-3. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk, 2014, vol. XX, pp. 180–183 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Arheologicheskie issledovaniya v stepnom Altae v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, 2015, vol. 21, pp. 263–266 (in Russ.).

Loman V.G., Papin D.V., Fedoruk A.S. Svyazi naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri i Srednej Azii v ehpohu pozdnej bronzy (po materialam keramicheskih kompleksov). *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule–Belokurihe.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. I, pp. 321–326 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Vostochnyj variant pahomovskoj kul'tury v Barabe. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, 180 p. (in Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G. K voprosu o vzaimodejstvii naseleniya stepnogo Altaya i Srednej Azii v ehpohu pozdnej bronzy. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, No. 49, pp. 32–36 (in Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. Keramicheskij kompleks ehpohi pozdnej bronzy poseleniya Zharkovo-3. In *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij*, 2016, No. 3 (15), pp. 102–125 (in Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Shamshin A.B. Domostroitel'stvo epohi bronzy stepnoj Kulundy (po materialam raskopok poselenija Rublevo-6). In *"Margulanovskie chtenija – 2014"*. Almaty; Pavlodar, 2014, pp. 82–87 (in Russ.).

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskogo kompleksa poseleniya ehpohi pozdnej bronzy Rublevo-6. In *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij*, 2015, No. 2 (12), pp. 115–143 (in Russ.).

Papin D.V., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Keramika ehpohi pozdnej bronzy stepnogo Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya kak istochnik dlya rekonstrukcii processov ehtnokul'turnogo vzaimodejstviya. In *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii*, 2018, No. 3 (42), pp. 19–31 (in Russ.).

Udodov V.S. Epoha razvitoj i pozdnej bronzy Kulundy: doct. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 1994, 21 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.319-323
УДК 902.21 + 550.379 + 550.389.1

Н.В. Полосьмак[1], В.П. Ойношев[2], Е.Е. Ямаева[3], О.А. Позднякова[1], П.Г. Дядьков[4], И.О. Шапаренко[4], А.О. Алымов[4], Д.А. Кулешов[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]БУ РА «Республиканский центр народного творчества»
[3]Горно-Алтайский государственный университет
[4]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Результаты археологической и геофизической разведки в селе Беш-Озек (Республика Алтай)

В полевом сезоне 2018 г. в окрестностях с. Беш-Озек Шебалинского р-на Республики Алтай были проведены археологическая и геофизическая разведки. Одной из задач был поиск погребальных комплексов каракольской культуры. Основанием для локализации этих памятников в указанном районе послужили раскопки каракольского погребения на территории с. Беш-Озек в 1989 г. На месте предполагаемых курганов эпохи бронзы проведены геофизические исследования. Объекты, которые можно однозначно связать с наличием захоронения под насыпью, не зафиксированы. В ходе разведки был открыт и исследован комплексом геофизических методов погребальный памятник в местности Ойдык на левой стороне р. Адаткан и обнаружены оригинальные петроглифы этнографического времени.

Ключевые слова: *разведка археологических памятников, курган, погребение, петроглифы, археолого-геофизические исследования, магнитометрия, электротомография, электромагнитное профилирование.*

N.V. Polosmak[1], V.P. Oinoshev[2], E.E. Yamaeva[3], O.A. Pozdnyakova[1], P.G. Dyadkov[4], I.O. Shaparenko[4], A.O. Alymov[4], D.A. Kuleshov[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Republic Center for Folk Art
[3]Gorno-Altaysk State University
[4]Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Results of Archaeological and Geophysical Explorations at the Village of Besh-Ozek (Altai Republic)

In the field season of 2018, archaeological and geophysical explorations were conducted near the village of Besh-Ozek, Shebalinsky District of the Altai Republic. One of the objectives was to search for burial complexes of the Karakol culture. Localization of the monuments in this area relied on the evidence obtained during excavations of a Karakol burial site at the village of Besh-Ozek in 1989. Geophysical surveys were carried out at the site of the supposed Bronze Age mounds. No features undoubtedly associated with the presence of a burial beneath the embankment have been noted. During the explorations, a burial monument was discovered in the Oydyk area on the left bank of the Adatkan River; the monument was explored by a set of geophysical methods; original petroglyphs of ethnographic time were found.

Keywords: *exploration of archaeological sites, mound, burial, petroglyphs, archaeological and geophysical studies, magnetometry, electrotomography, electromagnetic profiling.*

Территория Шебалинского р-на Республики Алтай довольно слабо изучена в археологическом отношении. Исследователи связывают это в первую очередь «с мощным гумусным слоем и травяным покровом, которые затрудняют поиск и обнаружение археологических памятников» [Соенов, Ойношев, 2006, с. 4]. На общем фоне окрестности с. Беш-Озек обследованы достаточно хорошо, благодаря систематическим разведкам В.П. Ойношева. Всего здесь зафиксировано 20 курганных могильников, 15 местонахождений петроглифов, а также несколько изваяний и случайных находок. Хронологический диапазон довольно широк (от эпохи бронзы до Средневековья), хотя большинство памятников не датировано [Там же, с. 9–17, рис. 11–21].

В 2018 г. отрядом под руководством Н.В. Полосьмак в окрестностях с. Беш-Озек проводилась археологическая разведка. В числе задач был поиск ненарушенных погребений каракольской культуры, одно из которых было обнаружено случайно в 1989 г. [Кубарев, Ларин, Суразаков, 1992]. В.Д. Кубарев рассматривал это погребение как одиночное, предполагая, что такой вид захоронений «может служить индикатором для поисков в этом же месте древних кладбищ» [Кубарев, 2013, с. 12]. Однако такие поиски представляют определенную сложность, поскольку мы не располагаем сведениями о внешних признаках таких погребений, равно как и о характере наземных сооружений каракольской культуры в целом. В 2018 г. на месте находки 1989 г. были заложены шурфы, но никаких следов захоронений обнаружено не было. Найдены кости посткраниального скелета человека, которые, по словам участника раскопок 1989 г., не были вывезены с места работ. Кроме того, на месте раскопок до сих пор находится плита каменного ящика с фрагментами гравировок.

Помимо этого, в центре села было выделено три площадки, на которых фиксировались невысокие каменно-земляные насыпи, диаметром 5–7 м. Предположительно они могли быть связаны с надмогильными сооружениями. Для прогноза наличия либо отсутствия под насыпями археологических объектов было решено привлечь возможности геофизических методов.

При проведении геофизических работ были использованы методы электромагнитного профилирования (аппаратура ЭМС-28), электротомографии (IRIS Syscal Pro) и магнитометрии (G-858G). Общая площадь геофизической съемки составила 843 м^2, методом электротомографии выполнено 117,5 м профилей. Методика работ включала проведение площадного картирования с шагом 0,5–1 м с последующей детализацией выделенных аномалий методом электротомографии.

Проведение геофизических работ на территории населенных пунктов всегда представляет определенную сложность, поскольку среда сильно изменена хозяйственной деятельностью, присутствуют магнитные и электромагнитные помехи. Нередко «зашумленность» данных не позволяет сделать какие-либо прогнозы о характере подповерхностного пространства. В данном случае, один из участков (возле школы) оказался практически не пригодным для интерпретации. По информации, полученной от местных жителей, здесь при прокладке трубопровода была обнаружена плита от каменного ящика. Однако уровень помех не позволил прояснить ситуацию.

По итогам электроразведочных работ на участке, расположенном рядом с администрацией села, на месте предполагаемого кургана выявлена аномалия повышенного сопротивления (150–300 Ом•м). Глубина ее нижней кромки составляет 0,5 м, диаметр около 3 м. По данным магнитной съемки на этом месте выделяется аномалия, величиной до 2 нТл. Данные электротомографии не подтверждают наличие ямы под насыпью. Более вероятно, что небольшая деформация естественного строения среды связана с наличием на поверхности скопления камней. Еще один подобный объект был исследован на территории приусадебного участка, рядом с местом обнаружения погребения каракольской культуры. Измерения методом электротомографии выявили в области предполагаемого кургана аномальное строение среды (пунктирная линия на рис. 1, *а*), которое существенно отличается от геоэлектрических разрезов в референтной зоне (рис. 1, *б*). Однако эта аномалия располагается как в пределах предполагаемой насыпи, так и вне ее. Вполне вероятно, что она связана с последствиями современной хозяйственной деятельности, которая вызвала переувлажнение нижележащих слоев грунта.

Во время разведки 2018 г., в 1,7 км к ЮЮВ от центра с. Беш-Озек, на левом берегу р. Адаткан (местность Ойдык) в колеях размытой дороги были обнаружены сооружения из крупных камней. Рядом на пашне зафиксированы еще два подобных объекта, которые выглядят как небольшие курганы. На археологической карте эти сооружения не обозначены. Выделить какие-либо особенности их пространственной организации, указывающие на культурную принадлежность и датировку, не представляется возможным, как и для большинства памятников этого района.

На данном участке также была выполнена геофизическая съемка, общей площадью 2904 м^2. На рис. 1, *в* представлена наиболее выразительная карта одного из курганов, полученная с помощью

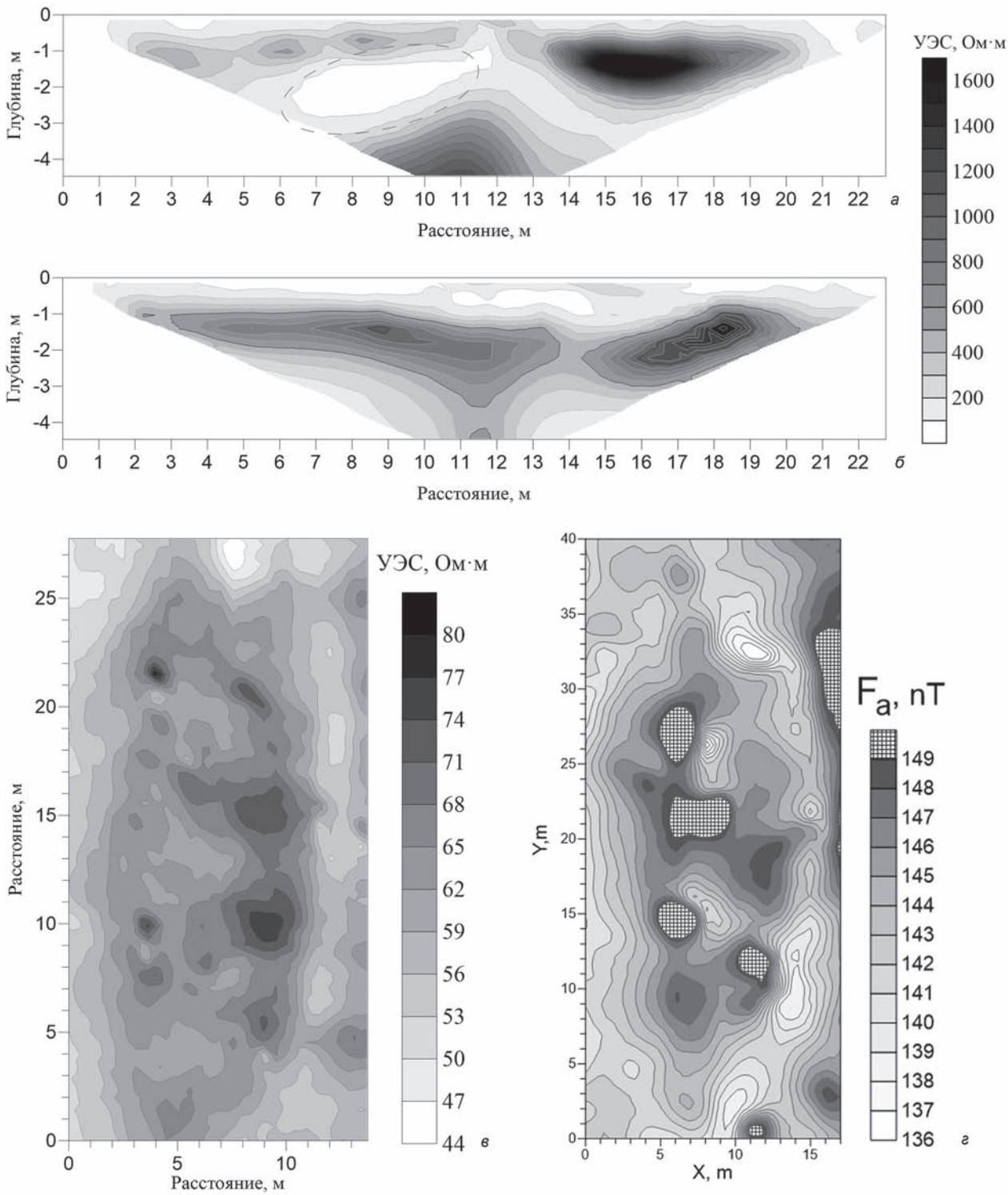


Рис. 1. Результаты геофизических исследований в с. Беш-Озек. Геоэлектрический разрез на территории приусадебного участка (*а*); геоэлектрический разрез по профилю в референтной зоне (*б*); курган в местности Ойдык по данным электромагнитного профилирования (*в*) и магнитной съемки (*г*).

аппаратуры ЭМС. По результатам интерпретации выделены наибольшие по площади и величине УЭС аномальные области, которые могут быть связаны с наличием погребений, либо пустот. Для магнитной съемки условия оказались сложными. Несмотря на это, на некоторых участках удалось реализовать высокую точность измерений и выделить слабые аномалии, величиной 1–3 нТл (рис. 1, *г*). Наблюдается корреляция некоторых из них с аномалиями электропроводности. Низкие значения ам-

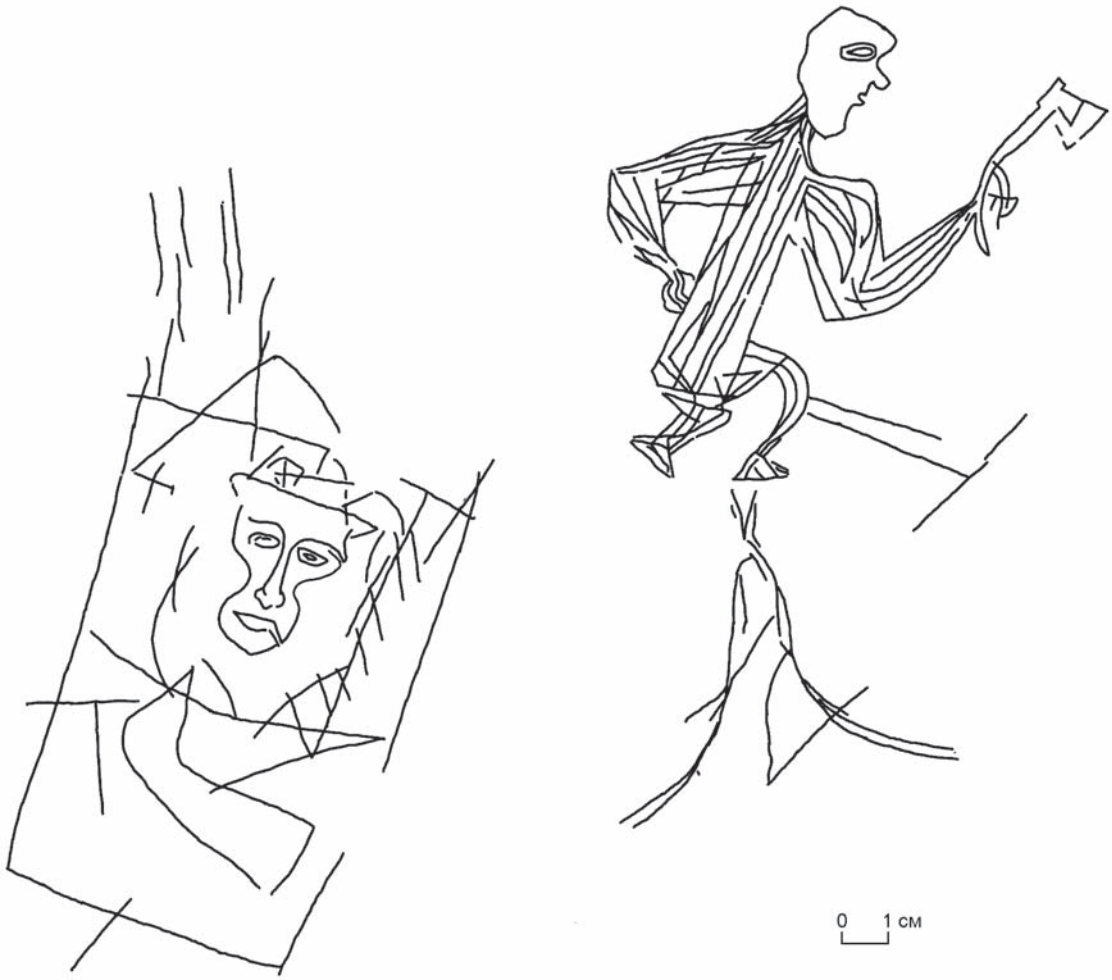


Рис. 2. Прорисовка петроглифических изображений на местонахождении Узын-Коба (прорисовка Е. Шумаковой).

плитуд магнитных аномалий, источниками которых могут быть археологические объекты, объясняются следующими причинами. Измерения магнитной восприимчивости на участках проведения магнитной съемки показали ее низкие значения как для почвы, так и для камней. Помимо этого, слой почвы имеет большую мощность (более 0,5 м). Это может означать, что археологические объекты могут быть не углублены (или мало углублены) в слой «материка». В этом случае аномалии в магнитном поле не образуются или будут слабыми. Наличие камней в ямах или рядом с ними могло бы служить ориентиром для выделения археологических объектов, однако их магнитная восприимчивость практически не отличается от почвы. Это подтверждают измерения, выполненные на участке непосредственно над размытыми конструкциями, где помимо выраженного поверхностного рельефа, никаких аномалий не выявлено.

Помимо открытия нового археологического памятника, в 3 км к северу от села (местность Узун-Кобы) были обнаружены оригинальные этнографические петроглифы. На плоской скальной поверхности тонкими линиями металлическим орудием были изображены икона с ликом святого (или самого Иисуса) и фигура мужчины с топором в руке (рис. 2). Подобных сюжетов и персонажей среди этнографических рисунков Алтая еще не встречалось. Стиль изображений можно обозначить как тюркский, присущий местному населению вплоть до этнографической современности. Лицо (лик) стилистически отдаленно напоминает изображения на каменных бабах. Его характерными чертами являются утрированно показанные впалые щеки, длинный тонкий нос и большие миндалевидные глаза. Изображение лица заключено в прямоугольную раму. Как нам представляется, изображение на камне сделано под впечатлением какого-то удивительного события в жизни местного населения. Известный алтайский писатель И.В. Шодоев (1914–2006) оставил в своих детских воспоминаниях описание христианского праздника, который отмечался русскими в конце весны (вероятно, Пасха). Автор называет праздник «приход бога в го-

сти, в дома людей» и рассказывает, что в этот день верующие пешком шли из дома в дом, несли в руках сверкающие изображения богов [Шодоев, 1995, с. 9]. Обнаруженный на скалах лик, возможно, был нарисован под впечатлением от таких шествий. Вероятно также, что лик изображен не на иконе, а на хоругви – на рисунке показана скорее ткань с подвижными краями, а не доска.

Второй персонаж может быть изображением русского мужика. Он одет в куртку и штаны, мало напоминающие традиционную одежду алтайцев, а более похожую на «униформу» русского населения – фуфайку. Выразительное лицо, показанное в профиль, так же соответствует данному предположению (нос картошкой, круглый выдающийся подбородок, непокрытая голова). В поднятой руке он держит топор. Помимо двух описанных изображений, на камне имеется еще много слабо прочерченных и едва заметных линий, над расшифровкой которых еще надо работать, чтобы внести ясность в содержание этой необычной композиции.

В целом, результаты проведенной разведки оказались полезными как для археологического изучения данного района, так и для развития методики археолого-геофизических исследований. Применяя комплекс методов, даже в сложных условиях можно делать прогнозы относительно наличия или отсутствия археологических объектов на участке работ. Для подтверждения результатов желательно выполнить проверку геофизических построений. Очевидно, что работа в горных долинах весьма специфична. Они не только длительное время осваивались людьми, но и имеют свои особенности строения и осадконакопления. Чтобы эффективно проводить здесь археологические и геофизические поисковые работы необходимо продолжать исследования на долгосрочной основе.

Список литературы

Кубарев В.Д. Загадочные росписи Каракола. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 75 с.

Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 45–47.

Соенов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2006. – 100 с.

Шодоев И.В. Ёткён jолымнанг. Автобиографиялык эске алыныштар. – Горно-Алтайск: Республиканынг «Юч-Сюмер» бичик чыгартузы, 1995. – 168 с.

References

Kubarev V.D. Zagadochnye rospisi Karakola. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2013, 75 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Larin O.V., Surazakov A.S. Novyi pamyatnik karakol'skoi kul'tury v s. Besh-Ozek. In *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Alt. State. Ped. Inst. Press, 1992, pp. 45–47. (in Russ.).

Shodoev I.V. Yotkyon jolymnang. Avtobiogvafiyalyk eske alynyshtar. Gorno-Altaisk: Respublikanyng "Yuch-Syumer" bichik chygartuzy, 1995, 168 p. (in Alt.).

Soenov V.I., Oinoshev V.P. Arkheologicheskie pamyatniki i ob'ekty Shebalinskogo raiona. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskaya tipografiya, 2006, 100 p. (in Russ.)

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.324-328
УДК 903.023

Н.Ф. Степанова[1], А.И. Боброва[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Особенности исходного сырья и состава формовочных масс керамических комплексов из Томского Приобья

В статье представлены результаты изучения керамики эпохи раннего железа и Средневековья из Томского Приобья в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. Основная задача – выявление специфики культурных традиций в отборе исходного сырья, подготовке формовочных масс, местных и неместных традиций. Установлено, что в эпоху железа в Томском Приобье гончары изготавливали керамику из качественно разного сырья: ожелезненных и неожелезненных глин. На всех изученных памятниках основной минеральной примесью, которую вводили искусственно в формовочные массы, была дресва. Отмечено незначительное смешение навыков в использовании минеральных примесей, что связано с контактами с новым населением. Широкое применение неожелезненных глин – особенность керамических комплексов из Томского Приобья.

Ключевые слова*: керамика, исходное сырье, формовочные массы, культурная традиция, городища, могильник, Томское Приобье.*

N.F. Stepanova[1], A.I. Bobrova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Features of the Raw Materials and Composition of Pottery Paste of the Ceramic Complexes from Tomsk Ob Region

The article presents the results of the study of the Early Iron Age and medieval ceramics from Tomsk Ob Region within the framework of the historical and cultural approach according to the method of A.A. Bobrinsky. The main task is to identify the specifics of cultural traditions in the raw material selection, preparation of pottery paste, local and non-local traditions. It was established that in the Iron Age, the Tomsk Ob potters made ceramics from qualitatively different raw materials: ferruginous and non-iron clays. On all the studied monuments, gruss was the main mineral admixture, which was artificially introduced into pottery paste. An insignificant mixture of skills in the use of mineral admixtures was noted, which is associated with contacts with the new population. The widespread use of un-iron clay is a feature of ceramic complexes from Tomsk Ob Region.

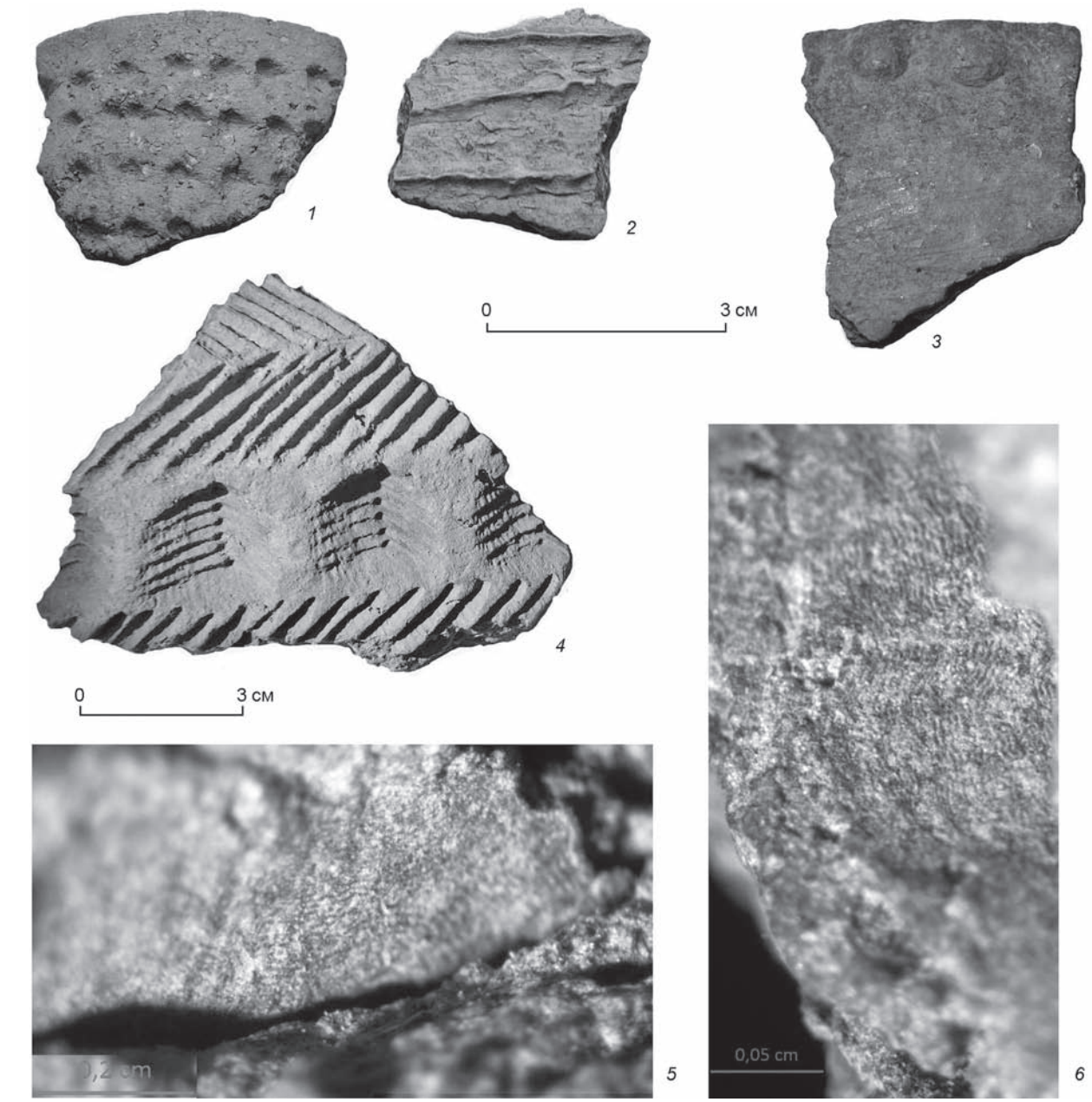
Keywords: *ceramics, raw materials, pottery paste, cultural tradition, settlements, burial ground, Tomsk Ob Region.*

Керамика – один из важнейших источников информации о древнем населении, значение которого сложно переоценить. Особенно важны результаты исследований, выполненных по одной методике. Изучение керамики из Томского Приобья в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского только начинаются [Бобринский, 1978; 1999]. Изучены материалы девяти разновременных памятников, в общей сложности 153 образца [Рыбаков, Степанова, 2013; 2017].

В данной работе представлены предварительные результаты технико-технологического анализа керамики с девяти памятников из Томского Приобья, различающихся хронологически: ранний железный век (V–III вв. до н.э.); раннее Средневековье (вторая половина I тыс.); позднее Средневековье (XVII в.). Основная задача в исследовании сводилась к выявлению специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Рассматривались вопросы:

выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс; выявление местных и неместных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; определение признаков смешения традиций. Исследования изломов и поверхностей образцов проводились с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использования одной или двух глин. В общей сложности исследовано 82 образца дополнительно обожженных в муфельной печи при температуре 850° С, и 15 образцов, которые не нагревались дополнительно и не имели свежих изломов.

Городище Тимирязево III, ранний железный век [Ожередов, Яковлев, 1993]. Исследовано 12 образцов от разных сосудов (см. *рисунок, 1, 3*). Исходное сырье происходит из нескольких источников и различается по ожелезненности и пластичности. Использовались преимущественно пластичные и неожелезненные глины. Слабоожелезненное сырье составляет 42 %, неожелез-



Фрагменты керамики с памятников Томского Приобья (*1–4*) и отпечаток чешуи рыбы на одном из фрагментов керамики (*5, 6*).

1, 3, 5, 6 – городище Тимирязево III; *2* – Кисловское поселение; *4* – Тоянов городок.

ненное – 58 %, пластичное – 92 %, среднепластичное – 8 %. Из естественных примесей в 17 % образцов отмечен бурый железняк. В одном образце выявлен отпечаток чешуи рыбы (см. *рисунок*, *5*). Зафиксирован один рецепт: глина + дресва + органика. Частицы дресвы различаются размерами, в основном до 3 мм, но имеются три изделия с мелкой дресвой (до 1 мм). Отмечаются различия в концентрации дресвы: от 1:3 до 1:4, в одном сосуде выше – 1:2–3. Прослежены, с одной стороны, устойчивые традиции как в выборе исходного сырья, так и составлении формовочных масс, а с другой, незначительные различия в подготовке формовочных масс и выборе исходного сырья позволяют сделать вывод о том, что сосуды изготавливались не одновременно и, вероятнее всего, разными гончарами.

С этого же памятника ранее было исследовано 37 образцов [Степанова, Рыбаков, 2016; Рыбаков, Степанова, 2017]. Результаты изучения двух серий образцов в целом близки, но впервые зафиксировано 8 % сосудов из среднепластичного сырья. В новой серии больше изделий из неожелезненного сырья (58 и 43 %), нет сосудов из среднеожелезненных глин, а рецепт глина + дресва + органика составляет 100 % (в прежней – 92 %). В целом подтверждена закономерность выделенных ранее культурных традиций: использование пластичного сырья в качестве основного, добавление дресвы. В тоже время выявление небольшого количества сосудов с необычными признаками также подтверждают вывод о контактах с новым населением и, видимо, освоении новых территорий.

Кисловские поселения, раннее Средневековье, вторая половина I тыс. [Ожередов, Яковлев, 1993], 7 образцов (см. *рисунок*, *2*, *3*). Зафиксированы устойчивые традиции как в выборе исходного сырья, так и в подготовке формовочных масс. Для изготовления керамики использовано пластичное неожелезненное исходное сырье. Зафиксирован 1 рецепт: глина + дресва + органика. Дресва, в основном, крупная (до 3 мм), концентрация 1:4.

Тоянов Городок, *городище* (XVI–XVII вв.) [Ожередов, Яковлев, 1993], 6 образцов (см. *рисунок*, *4*). Для изготовления керамики использовалось ожелезненное исходное сырье (среднеожелезненное – 17 %, слабоожелезненное – 83 %), в основном среднепластичное (87 %) и реже пластичное (17 %). Из естественных примесей выявлены бурый железняк (в 17 % изделий), пылевидный песок. Зафиксировано 3 рецепта: 1) глина + дресва; 2) глина + дресва + шамот + органика; 3) глина + дресва + шамот. Основной рецепт – первый (67 %). Остальные рецепты составляют по 16,5 % и отражают смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей (дресва + шамот). В одном случае для дресвы выбран необычный для памятника камень.

С этого памятника исследовано 11 образцов без дополнительного обжига в муфельной печи. Визуальный осмотр показал, что преобладает использование среднепластичного сырья, в которое искусственно вводился дробленый камень. В одном образце зафиксировано сырье, характерное для горных районов, в другом смешение культурных традиций при составлении формовочных масс (дресва + шамот). В целом коллекцию характеризует использование запесоченного сырья и добавление дробленого камня, а также смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей.

С двух памятников исследовано еще девять образцов, которые также не подвергались дополнительному обжигу и не имели свежих изломов. Могильники различаются хронологически, но расположены в одном районе [Гребнева, 2017].

Алдыган, *могильник*, ранний железный век, V–II вв. до н.э. Оба сосуда изготовлены из низкопластичного сырья, в котором зафиксирована естественная примесь – бурый железняк.

Алдыган, *могильник*, развитое Средневековье (X–XIV вв.). 7 образцов. В результате визуального осмотра установлено, что преимущественно использовались пластичные глины. Из естественных примесей зафиксирован пылевидный песок и в одном случае бурый железняк. Из искусственно введенных минеральных примесей выявлен шамот.

Несмотря на неполный анализ керамики с этих двух памятников заслуживает внимание вывод, что на данной территории гончары в разное время использовали разное сырье.

Подводя итог, отметим, что для изготовления керамики в Томском Приобье использовали качественно разное сырье: ожелезненные и неожелезненные глины. Из ожелезненных чаще применяли слабоожелезненные, например, на Тояновом Городке. На большинстве памятников, также за исключением Тоянова городка, гончары предпочитали пластичные глины. Для всех коллекций характерно незначительное количество глин с естественной примесью бурого железняка. Несмотря на разную культурную и хронологическую принадлежность керамических комплексов, основной культурной традицией в выборе минеральных примесей является дресва. Особого внимания заслуживает факт, что для Томского Приобья в раннем железном веке характерно широкое применение неожелезненных глин (от 43 до 54 %), а на Кисловском поселении (вторая половина I тыс.) при-

сутствует керамика только из таких глин. Изучение керамики из Нарымского Приобья установило, что там использовалось, прежде всего, ожелезненное сырье, хотя неожелезненное тоже было известно [Рыбаков, Степанова, 2017; Степанова, Боброва, 2018]. На сопредельных территориях (Алтай, Казахстан) неожелезненные глины применялись редко, как исключение [Степанова, 2010; 2015; 2017; Ломан, 1993; Бейсенов, Ломан, 2009; и др.]. Пока сложно сказать, с чем связано предпочтение неожелезненных глин у древнего населения Томского Приобья, однако дальнейшее изучение культурных традиций в выборе исходного сырья очень перспективно и может быть использовано для решения вопросов миграций и взаимодействия населения в эпоху железа.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Інжу-Маржан, 2009. – 264 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – С. 135–140.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тыс. до н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – Т. 2. – 208 с.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 86–90.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 4 (49). – С. 56–63.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С.90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 401–404.

Степанова Н.Ф., Боброва А.И. Первые результаты технико-технологического анализа керамики из Нарымского Приобья (по материалам из фондов Томского областного краеведческого музея) // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень: ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 224–228.

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 420–423.

References

Bejsenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poseleniya Central'nogo Kazahstana. Almaty: Inzhu-Marzhan, 2009. 264 p. (in Russ.).

Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinskij A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* (*kollektivnaya monografiya*). Samara: State Pedagogical Univ. Press, 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Grebneva G.I. Katalog arheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk: State Univ. Press, 2017, pp. 135–140 (in Russ.).

Loman V.G. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Central'nogo Kazahstana vtoroj poloviny II-go tys. do n.eh.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1993, 31 p. (in Russ.).

Ozheredov Yu.I., Yakovlev Ya.A. Arheologicheskaya karta Tomskoj oblasti. Tomsk: State Univ. Press, 1993, vol. 2., 208 p. (in Russ.).

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulajskoj keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Duhovoe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, No. 2 (22), pp. 86–90 (in Russ.).

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki pamyatnikov kulajskoj kul'turno-istoricheskoj obshchnosti iz Tomskogo i Narymskogo Priob'ya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, No. 4 (49), pp. 56–63 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnyh mass keramiki ehpohi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnyh predgorij. In *Drevnee*

goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya. Moscow, 2010, pp. 117–125 (in Russ.).

Stepanova N.F. Kul'turnye tradicii v vybore iskhodnogo syr'ya i mineral'nyh primesej pri izgotovlenii keramiki po materialam gornyh, predgornyh, stepnyh i lesostepnyh rajonov Altaya. In *Samarskij nauchnyj vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya iz gornyh i lesostep-nyh rajonov Altaya i sopredel'nyh territorij (po materialam keramicheskih kompleksov ehpohi neolita – rannego zheleznogo veka). *In Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 401–404 (in Russ.).

Stepanova N.F., Bobrova A.I. Pervye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki iz Narymskogo Priob'ya (po materialam iz fondov Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya). *Chelovek i sever: antropologiya, arheologiya, ekologiya*. Tyumen': FIC Tyumenskij nauchnyj centr SO RAN, 2018, iss. 4, pp. 224–228 (in Russ.).

Stepanova N.F., Rybakov D.Yu. Pervye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki gorodishcha Timiryazevo III kulajskoj kul'turno-istoricheskoj obshchnosti. *In Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 420–423 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.329-333
УДК 903.023

Н.Ф. Степанова[1, 2], Д.Н. Лысенко[3], М.В. Быкова[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Алтайский государственный университет
[3]ООО «Красноярская геоархеология»
[4]ООО «Научно-производственное объединение "Археологическое проектирование и изыскания"»
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи неолита – бронзы со стоянки Хедугин Ручей (Северное Приангарье)

Для решения проблемы миграции населения эпохи неолита – бронзы Северного Приангарья имеют значение результаты технико-технологического анализа керамики. В рамках историко-культурного подхода изучены исходное сырье и формовочные массы 81 сосуда со стоянки Хедугин Ручей. Керамика изготовлена в основном из ожелезненного сырья с большим количеством песка. Зафиксировано 8 рецептов формовочных масс. К местным относятся рецепты с дресвой и без искусственно введенных минеральных примесей. Выявлено смешение навыков при изготовлении керамики. Наличие большого числа рецептов, нескольких культурных традиций говорит о нескольких группах гончаров, изготовивших керамику. Это может свидетельствовать как о миграциях населения и сложном составе населения в этот период, так и их хронологических различиях.

Ключевые слова: *стоянка, Северное Приангарье, неолит, эпоха бронзы, керамика, технико-технологический анализ, исходное сырье, формовочные массы.*

N.F. Stepanova[1, 2], D.N. Lysenko[3], M.V. Bykova[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Altai State University
[3]"Krasnoyarsk Geoarchaeology" LLC
[4]Research and Production Association "Archaeological Engineering and Research" LLC
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Preliminary Results of the Technical and Technological Analysis of the Neolithic – Bronze Ceramics from the Khedugin Ruchey Site (the Northern Angara)

Data of the technical and technological analysis of ceramics are crucial for a resolution of the problem of population migrations in the northern Angara region during the Neolithic - Bronze Age. Raw materials and pottery paste of 81 vessels from the Hedugin Ruchei site were studied through the historical-cultural approach. The ceramics was mostly made of ferruginous clay with a considerable sand admixture. Eight recipes of pottery paste were identified. The local compositions represent clay with gruss and without artificially introduced mineral admixtures. Mixture of skills in ceramic manufacturing is noted. The noted considerable number of recipes and several cultural traditions suggest that there were several distinct groups of the potters. It can indicate population migrations and a complex population structure during this period, and their chronological distinctions.

Keywords: *site, Northern Angara Region, Neolithic, Bronze Age, ceramics, technical and technological analysis, raw materials, pottery paste.*

Стоянка Хедугин Ручей (Хедугин Лог) находится в Кежемском р-не Красноярского края, на правом берегу р. Ангара, в 2,5 км к востоку от устья ручья Чирида, на 9-10 м террасе. Памятник открыт А.П. Окладниковым в 1937 г., в 1978 г. обследован Н.П. Макаровым, в 1989 г. осмотрен В.И. Привалихиным, в 2008 г. обследован А.Н. Зениным [Окладников, 1940; Макаров, Дроздов, Идатчиков, 1979; Зенин, 2009]. В 2010–2011 гг. на стоянке проводились спасательные работы под руководством Ю.А. Гревцова. Тремя раскопами вскрыто 970 м^2, культурные слои отнесены к железному веку, эпохе бронзы и неолиту. Археологический материал залегал в третьем супесчаном уплотненном горизонте бурого цвета [Гревцов, 2012].

В данной работе приводятся результаты исследований керамики эпохи неолита – бронзы из раскопа № 2 слоя 3 (работы 2011 г.), залегавшей по всей мощности слоя, частично локализованной в углубленных объектах (жилищных западинах). Эта керамика находит аналоги в керамике Усть-Бельского типа [Когай, Бердников, 2013; Герман, Леонтьев, 2013]. Изучена керамика от 89 сосудов, которые реконструированы и распределяются по типам (см. *рисунок*). По орнаменту керамика разделена на 5 типов, а также на варианты: тип 1 – 4 варианта, тип 2 – 3 варианта, тип 4 – 4 варианта.

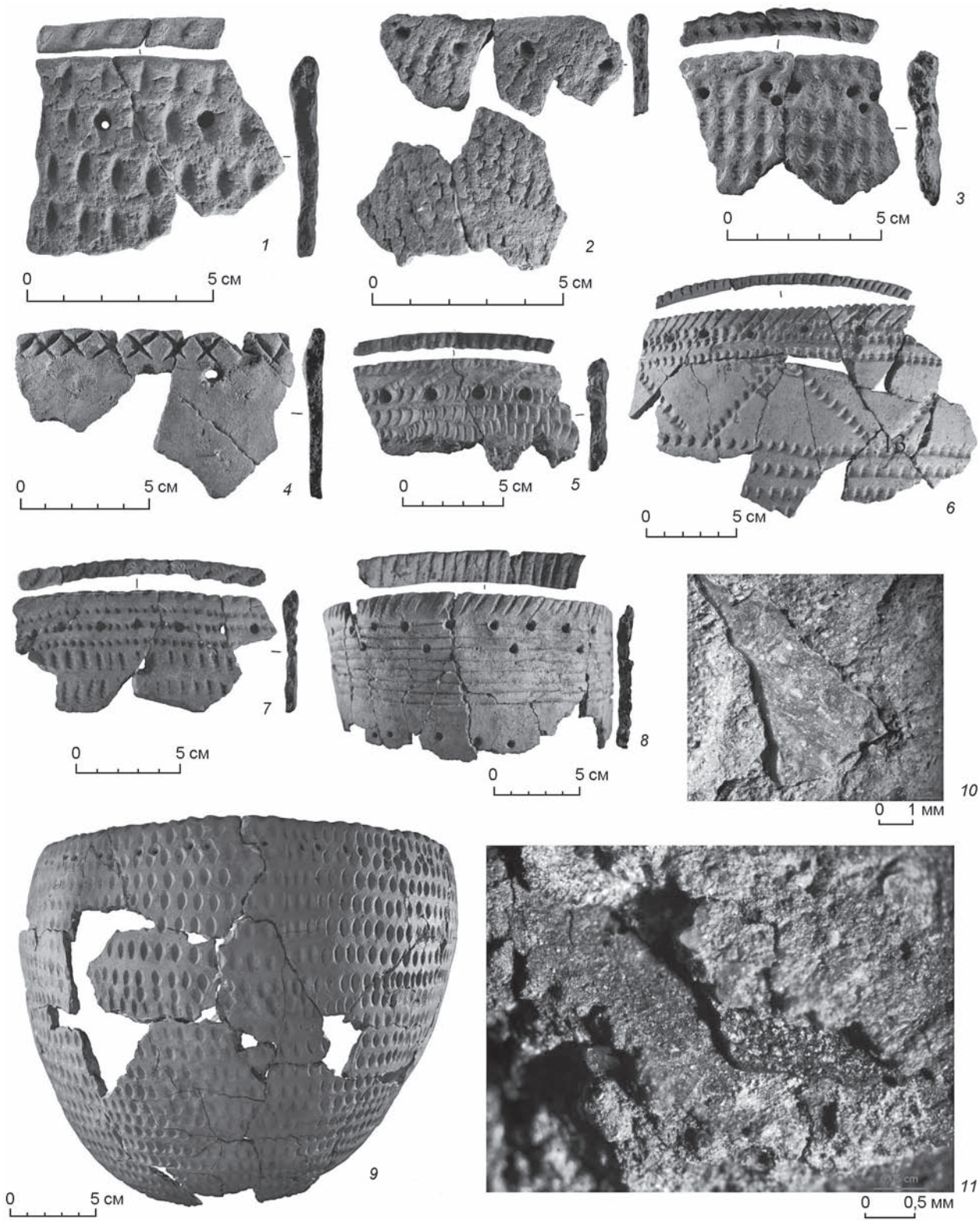
Керамика типов 1–3 и вариант А типа 4 по аналогии отнесена предварительно к эпохе неолита и Усть-Бельской традиции. Остальная керамика типа 4 с рядом «жемчужин» и округлыми вдавлениями под венчиком и тип 5 керамики с выколоткой по поверхности шнуром предварительно отнесены к эпохе бронзы. На сегодняшний день остается нерешенным вопрос о миграциях населения в эпоху неолита – бронзы на данной территории. В этой связи особое значение имеют результаты технико-технологического анализа керамического комплекса со стоянки Хедугин Ручей.

Исследования керамики проведены в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978, 1999]. Основная задача технико-технологического анализа сводилась к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). Рассматривались вопросы: выделение культурных традиций, выявление местных и неместных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; признаки смешения традиций. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались изломы и поверхности образцов. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, случаи использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850° С. Исследован 81 фрагмент керамики от 81 сосуда.

В результате исследований установлено, что керамику на стоянке Хедугин Ручей в основном изготавливали из ожелезненного сырья (95 %), преобладает среднеожелезненное – 60,5 %, слабо- и сильноожелезненое сырье соответственно составляют 21 и 13,5 %. Небольшая часть посуды изготовлена из качественно другого сырья – неожелезненного (5 %). Последнее зафиксировано у сосудов типа 3 и 4 (14 и 27 %). Отмечается незначительное использование пластичных глин – 20 %, более популярно низкопластичное сырье – 54 %. Доля сосудов из пластичного сырья наиболее значительна для типа 2 (54 %). Больше всего сосудов из низкопластичного сырья отмечено в типах 3 и 1 (71,5 и 65 %). В качестве естественных примесей в исходном сырье зафиксирован песок очень мелких фракций (пылевидный, меньше 0,5 мм). Частицы диаметром до 1 мм и больше встречаются редко. Глины различаются по наличию естественной примеси бурого железняка. В некоторых группах он отмечен во всех сосудах (100 %), в других только в 57 % изделий. В нескольких образцах зафиксированы остатки чешуи рыбы (см. *рисунок*, *11*). В формовочной массе одного сосуда обнаружен отщеп (см. *рисунок*, *10*). Вероятно, он случайно попал в формовочную массу. В целом отмеченные различия исходного сырья свидетельствуют о том, что глину брали из значительного количества источников, но для большинства залежей характерен очень мелкий песок.

Всего на памятнике зафиксировано 8 рецептов составления формовочных масс. Преобладают рецепты глина + дресва + органика (35 %), глина + дресва (26 %), глина без искусственных примесей (22 %). Размер частиц дресвы обычно до 3 мм и изредка меньше, концентрация 1:4–5 и меньше, как исключение 1:2. Выделяется несколько сосудов, в которых дресва из необычного для данного памятника камня (частицы белого кварца). Суммарно рецепты с дресвой составляют 63 %, сосудов, изготовленных без искусственно введенных минеральных примесей – 33 %. К необычным относятся рецепты с двумя глинами и шамотом (см. *таблицу*). В одном случае отмечено смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей (дресва + шамот).

Сравнительный анализ исходного сырья и формовочных масс выявил отличия разных типов керамики. Наиболее заметно выделяется тип 1, где высок процент изделий из среднеожелезненно-



Керамика со стоянки Хедугин Ручей.

1–2 – керамика типа 3; *3, 5, 7, 9* – керамика типа 1; *4, 6* – керамика типа 4; *8* – керамика типа 2; *10* – отщеп в формовочной массе сосуда; *11* – отпечаток чешуи рыбы.

Исходное сырье и рецепты формовочных масс для керамики

Исходное сырье и рецепты формовочных масс	Доля изделий, %					
	Тип 1 (46 экз.)	Тип 2 (15 экз.)	Тип 3 (7 экз.)	Тип 4 (11 экз.)	Тип 5 (2 экз.)	Всего (81 экз.)
Неожелезненное	–	–	14	27	–	5
Слабоожелезненное	11	67	–	18	–	21
Среднеожелезненное	82,5	7	43	46	100	60,5
Сильноожелезненное	6,5	27	43	9	–	13,5
Пластичное	9	54	–	36,5	–	20
Среднепластичное	26	33	2	18	–	26
Низкопластичное	65	13	71.5	45,5	100	54
Глина	30	–	43	9	–	22
Глина + органика	11	7	14	9	50	11
Глина + дресва	30,5	27	–	36,5	50	26
Глина + дресва + органика	26	53	43	27,5	–	35
Глина + глина + дресва	–	–	–	9	–	1
Глина + глина + дресва + органика	2,5	–	–	–	–	1
Глина + шамот + органика	–	–	–	9	–	1
Глина + дресва + шамот + органика	–	13	–	–	–	3

го сырья (82,5 %) и минимальное число сосудов из пластичного сырья (9 %). Нельзя не отметить, что больше всего изделий из слабоожелезненного сырья и из пластичных глин (54 %) в керамике типа 2 (67 %). Тип 3 и 4 выделяются наличием изделий из качественно другого сырья – неожелезненых глин, кроме того тип 3 характеризуется и тем, что не зафиксировано посуды этого типа из пластичных глин. Отметим, что наиболее характерен рецепт из одной глины без искусственно введенных примесей в типах 1 и 3, нет его в типе 2, глина + органика и глина без искусственно введенных примесей суммарно преобладают в типах 1 и 3, а глина + дресва + органика чаще встречается в типах 2 и 3.

Обе традиции составлении формовочных масс (без искусственно введенных минеральных примесей и с добавлением дресвы) характерны для горных или предгорных районов и являются местными для стоянки Хедугин Ручей [Степанова, 2010, 2015, 2017]. Появление нового населения фиксируют рецепты с шамотом, а контакты местного и нового населения на данной территории – наличие рецептов, отражающих смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей (дресва + шамот). Отметим, что, несмотря на большое число рецептов для каждой группы сосудов, для дресвы использовался в основном камень одной и той же породы. Поэтому особого внимания заслуживает группа керамики с дресвой из необычного для памятника камня. Вероятно, это связано с притоком нового населения из районов, где использовался белый кварц или гранит с большим содержанием белого кварца. Наличие от 2 до 6 рецептов для каждого типа керамики, в т.ч. с небольшим числом изделий, нескольких традиций в составлении формовочных масс и выборе исходного сырья свидетельствует о нескольких группах гончаров, изготовивших керамику. Это может свидетельствовать как о сложном составе и миграциях населения в этот период, так и о хронологических различиях керамических комплексов. Дальнейшее комплексное изучение керамики стоянки позволит сделать более точные исторические реконструкции.

Благодарности

Исследование проведено в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ (проект № 33.867.2017/4.6 «Реконструкция технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) // Археологические исследования древностей нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск, 2013. – С. 57–72.

Гревцов Ю.А. Отчет о спасательных археологических работах (раскопках) в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС (Кежемский район Красно-

ярского края) на стоянках Хедугин ручей и Толстый мыс. – Новосибирск, 2012. – Т. VI. – С. 48–117.

Зенин А.Н. Отчет об археологических разведках на территории Кежемского района Красноярского края (в зоне затопления Богучанской ГЭС) в 2008 году. – Новосибирск, 2009. – Т. 1. – 206 с.

Когай С.А., Бердников И.М. Неолитические материалы местонахождения Деревня Мартынова (Северное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Иркутск, 2013. – № 2 (3). – С. 124–137.

Макаров Н.П., Дроздов Н.И., Идатчиков Н.Н. Исследования в Кежемском районе // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 244.

Окладников А.П. Неолитические памятники в низовьях р. Ангары (по итогам работ 1937 г.) // Итоги работ второго пленума комиссии ископаемого человека советской секции международной ассоциации по изучению четвертичного периода. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – № 6–7. – С. 124–125.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. научн. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С.90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2017. – Т. XXIII. – С. 401–404.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (kollektivnaya monografiya)*. Samara: State Pedagogical Univ. Press, 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

German P.V., Leont'ev S.N. Mnogosloinye stoyanki ostrova Sergushkin (kratkie rezul'taty polevykh izyskanii 2009–2011gg.). In *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostei nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii*. Krasnoyarsk, 2013, pp. 57–72 (in Russ.).

Grevtsov Yu.A. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh (raskopkakh) v zone zatopleniya vodokhranilishcha Boguchanskoi GES (Kezhemskii raion Krasnoyarskogo kraya) na stoyankakh Khedugin ruchei i Tolstyi mys. Novosibirsk, 2012, vol. VI, pp. 48–117 (in Russ.).

Kogai S.A., Berdnikov I.M. Neoliticheskie materialy mestonakhozhdeniya Derevnya Martynova (Severnoe Priangar'e). In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Irkutsk, 2013, No. 2 (3), pp. 124–137 (in Russ.).

Makarov N.P., Drozdov N.I., Idatchikov N.N. Issledovaniya v Kezhemskom raione. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1978*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 244 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamyatniki v nizov'yakh r. Angary (po itogam rabot 1937 g). In *Itogi rabot vtorogo plenuma komissii iskopaemogo cheloveka sovetskoi sektsii mezhdunarodnoi assotsiatsii po izucheniyu chetver-tichnogo perioda*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1940, No. 6–7, pp. 124–125 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnykh predgorii. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow, 2010, pp. 117–125 (in Russ.).

Stepanova N.F. Kul'turnye traditsii v vybore iskhodnogo syr'ya i mineral'nykh primesei pri izgotovlenii keramiki po materialam gornykh, predgornykh, stepnykh i lesostepnykh raionov Altaya. In *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya iz gornykh i lesostepnykh raionov Altaya i sopredel'nykh territorii (po materialam keramicheskikh kompleksov epokhi neolita – rannego zheleznogo veka). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 401–404 (in Russ.).

Zenin A.N. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Kezhemskogo raiona Krasnoyarskogo kraya (v zone zatopleniya Boguchanskoi GES) v 2008 godu. Novosibirsk, 2009, vol. 1, 206 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.334-336
УДК 902.2

С.Ф. Татауров[1], С.С. Тихонов[1], М.П. Черная[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: mariakreml@mail.ru

Исследования в историческом центре города Тары в 2018 году

Объекты в раскопах в историческом центре города, если его исследования проводятся много лет и по единой схеме, через несколько сезонов начинают отражать планиграфию города исследуемого периода: положение его улиц, административных и хозяйственных комплексов. Это позволяет более точно интерпретировать весь комплекс находок и определять хроностратиграфию культурного слоя. В одиннадцатом сезоне раскопок работы были проведены в острожной части города, что позволило закончить изучение двух основных объектов на данной территории – винной лавки и городской богадельни. Лавка была открыта в конце первой четверти XVIII в. и просуществовала до конца века. Рядом с ней находилась сборная изба инвалидной команды, которая впоследствии, в конце XVIII в., стала городской богадельней.

Ключевые слова: *город, Тара, археология, история, планиграфия, культурный слой.*

S.F. Tataurov[1], S.S. Tikhonov[1], M.P. Chernaya[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
E-mail: mariakreml@mail.ru

Archaeological Studies in the Tara Historical Center in 2018

Archaeological studies in the historical center of the town conducted for many years and according to a complex plan represent the town layout of the period under study after a few study seasons: position of its streets, administrative and economic complexes. This makes it possible to more accurately interpret the whole bulk of findings and identify the chronostratigraphy of the cultural layer. During the eleventh excavation season, the works were carried out in the fort, which allowed to complete the study of the two main objects in this area - a wine shop and an almshouse. The shop was opened at the end of the first quarter of the 18th century and lasted until the end of the century. Next to it was the house of the disabled team, which later, at the end of the 18th century became an almshouse.

Keywords: *town, Tara, archaeology, history, planigraphy, cultural layer.*

С каждым годом растет объем материалов по раскопкам первых русских городов Сибири (Мангазеи, Тобольска, Тары, Томска и др.), острогов (Бергамацкий, Саянский, Умревенский и др.) и деревень (Изюк, Ананьино) [Черная, 2016]. Это позволяет значительно расширить спектр исследований освоения Сибири русскими, материальной и духовной культуры первопроходцев, торговых, культурных, политических связей русских не только в крае, но и с сопредельными территориями (Бухарское и Джунгарское ханства, Китай, Монголия), и с европейским Западом.

В 2018 г. сотрудниками Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН совместно с учеными Национального исследовательского Томского государственного университета продолжены археологические изыскания на территории Тарской крепости (руководитель проекта С.Ф. Татауров). Они стали продолжением работ предыдущих лет в острожной части города по краю коренного берега Иртыша на площади исторического центра Тары близ гостиницы «Иртыш».

Общая площадь раскопок составила ок. 300 м^2 при средней мощности культурного слоя 1,5 м. Зафиксировано и исследовано несколько жилых и хозяйственных объектов XVIII–XX вв. Нам удалось

идентифицировать эти комплексы с конкретными зданиями города Тары, уточнить их расположение и время существования. Важным, на наш взгляд, является то, что с каждым объектом соотносится определенная коллекция предметов, что позволит в дальнейшем более точно определять специфику городских общественных и государственных комплексов. В ходе раскопок получена представительная коллекция керамики, бытовых и хозяйственных предметов, монет и украшений (примерно 2000 ед.).

В изучаемой острожной части на коренном берегу Иртыша в XVIII–XX вв. располагалось несколько общественных и государственных зданий. Согласно картам города 1768 и 1775 гг., здесь находились здания полковой канцелярии и питейный дом. На карте 1861 г. с пометкой «упраздняются» указаны: духовное управление города, сборный дом инвалидной команды и городская богадельня. В последней четверти XIX в. эти здания были убраны и на их месте поставлены деревянная пожарная каланча и пожарное депо. В 20-х гг. XX в. по краю берега в направлении к Пятницкой церкви протянулась одноименная улица, отдельные дома на которой, в том числе кузница в начале улицы, простояли до 80-х гг. XX в.

Раскопки питейного дома. Наиболее интересные материалы получены нами на месте расположения питейного дома. Первые находки, относящиеся к этому объекту, были обнаружены в 2016 г.: фрагменты стеклянных штофов преимущественно из зеленого стекла, имевших хождение на протяжении XVIII–XIX вв. К сожалению, остатки постройки не сохранились, так как на этом месте позже поставили сначала пожарную каланчу, а потом кузницу. В 2017–2018 гг. была локализована область распространения фрагментов винной посуды, что позволило достаточно точно определить расположение питейного дома. Собраны фрагменты от почти ста штофов, более 90 % из них изготовлены из зеленого стекла, остальные – голубые и бесцветные. Найдены фрагменты темно-зеленого и темно-коричневого стекла от примерно 15 пивных бутылок. Вероятно, это остатки продукции завода Поклевского-Козел, построенного в селе Екатерининском (12 км от г. Тары) в 1789 г. Несколько фрагментов принадлежит винным бутылкам европейского производства.

Исследование богадельни. В 2018 г. зафиксированы нижние венцы большого дома площадью около 70 м^2, с несколькими пристройками, которые, возможно, относятся к богадельне. Обнаружено значительное количество кухонной и столовой посуды при практически полном отсутствии производственного инвентаря и бытовых предметов. Следует отметить, что тарская инвалидная команда, впоследствии богадельня, содержалась за счет муниципалитета города и пожертвований горожан. Наибольшие пожертвования на их содержание вносили тарские купцы – Немчиновы, Носковы, Щербаковы, Айтикины и т.д.

Наиболее информативна коллекция фарфора, которая состоит из двух неравных частей. Меньшая – китайский фарфор XVIII в. С функционированием богадельни, вероятно, связана основная часть коллекции – фарфор российского производства XIX в., преимущественно с заводов династии Кузнецовых. Интересен тот факт, что найденный кузнецовский фарфор является продукцией нескольких заводов этой компании – Дулевского, Волховского и даже Рижского. Основное число находок – обломки чайных чашек и блюдец, а также восемь носиков от фарфоровых чайников. Фаянсовая посуда представлена фрагментами тарелок производства небольших заводов Екатеринбурга и Иркутска.

В ходе раскопок 2018 г. было найдено 88 монет, большинство относится к периоду конца XVIII – первой половине XIX в. Находки монет, видимо, можно связать с деятельностью полковой канцелярии. Значительная часть монет мелкого достоинства – ¼ и ½ копейки.

Пожарная каланча и слой начала XX в. Богадельня перестала существовать в конце XIX в., когда часть коренного берега, где находилась и богадельня, была очищена от построек. Пожары – настоящее бедствие деревянной Тары – вынудили власти в конце XIX в. поставить пожарную каланчу, чтобы контролировать ситуацию в центральной части города. Рядом с ней было построено здание пожарного депо. Пожарная каланча раскопана нами в 2011 г. [Татауров, 2011]. Свидетельства пребывания здесь пожарных – фрагменты их инвентаря (брандспойтов) и поясов – найдены в ходе раскопок в верхних горизонтах культурного слоя. В этом году найдена кокарда бранд-мастера с изображением каски с двуглавым орлом и короной, которая обломана или срублена, возможно, по «идеологическим» соображениям уже в годы Советской власти.

В предыдущие полевые сезоны зафиксированы деревянные тротуары и мостовые в городе. В 2018 г. выявлена кирпичная вымостка. Значительная часть кирпичей имеет клеймо «ЕВ» – это инициалы тарского купца и промышленника Евгения Волкова, который в конце XIX в. основал в Таре кирпичный завод. В археологическом контексте кирпичная вымостка служит хронологическим репером, обозначающим границу культур-

ного горизонта начала XX в. Вымостка доходила до небольшого здания 2,2 × 3,2 м. Других объектов XX в. в раскопе не выявлено, возможно, они находились восточнее – за Успенским собором (начало строительства относится к 1774 г.) и прихрамовым кладбищем [Алферов, Алферова, Кудряшова и др., 2014, с. 64], – где продолжалась уличная застройка.

Исследования 2018 г. позволили сопоставить выявленные ископаемые объекты со зданиями Тары XVIII–XIX вв., известными по письменным и картографическим источникам, уточнить функциональную атрибуцию отдельных построек.

Коллекция винной посуды, фаянса и фарфора, монет XVIII–XIX вв. документирует динамику застройки Тары в этой части города. Комплексный анализ источников позволяет идентифицировать выявленные объекты как винную лавку/питейный дом, полковую канцелярию, городскую богадельню.

Собрание находок (орудия труда, оружие, предметы быта, украшения) из железа, кости, дерева, кожи, стекла, фарфора, фаянса и других материалов дополняют представление о быте тарчан двухсотлетней давности.

Хорошо сохранившиеся остатки деревянных сооружений (административных, хозяйственных, жилых) позволяют глубже изучить деревянную архитектуру XVII–XX вв. старинного сибирского города.

Список литературы

Алферов С.А., Алферова О.Ю., Кудряшова Е.И., Татауров С.Ф. Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. – Омск: ИД «Наука», 2014. – 230 с.

Татауров С.Ф. Археологические исследования города Тары в 2011 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 239–242.

Черная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. – М.; Вологда: Древности Севера, 2016. – С. 14–23.

References

Alferov S.A., Alferova O.Yu., Kudryashova E.I., Tataurov S.F. Hramy v krepostnyh stenah: konfessional'naya istoriya goroda Tary. Omsk: Pub. house "Nauka", 2014, 230 p. (in Russ.).

Chernaya M.P. Sibirskiy opyt osvoeniya prostranstv v istoriko-arheologicheskom kontekste. In *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2016, pp. 14–23 (in Russ.).

Tataurov S.F. Arheologicheskie issledovaniya goroda Tary v 2011 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 239–242 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.337-341
УДК 904

Ф.С. Татауров[1], Л.В. Татаурова[2]

[1]Центр материальной культуры и дизайна
Омского государственного технического университета
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Новые памятники русского освоения Среднего Прииртышья XVII–XVIII веков (по результатам археологических разведок)

В археологии русских Среднего Прииртышья разведкам по поиску и культурной атрибуции найденных памятников уделено недостаточно внимания. В большей степени ведутся раскопки сельских поселений и г. Тара. В конце прошлого столетия проведены разведочные работы в южных районах Омской обл. В 2012–2013, 2017–2018 гг. поиск археологических объектов, связанных с русским освоением региона, проводился в северных районах. Выявлены памятники, относящиеся к XIX – началу XX в., а также два поселения XVII–XVIII вв.: Кабузаска и Мамешево, давшие интересную предметную коллекцию. На территории Такмыкского острога проведены разведочные раскопки для определения границ памятника, поиска местонахождения острога и церкви Преображения Господня.

Ключевые слова: *археология русских, разведки, новые памятники.*

F.S. Tataurov[1], L.V. Tataurova[2]

[1]Center for Material Culture and Design, Omsk State Technical University
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: fil_opossum@mail.ru

New Archaeological Sites of Russian Settlement of the Middle Irtysh in the 17th–18th Centuries (Archaeological Survey Results)

Archaeologists, who studied of the Russian settlement of the Middle Irtysh, do not pay enough attention to the search and cultural attribution of the newly found sites. They rather conduct excavations of rural settlements and Tara. In the late 20th century, reconnaissance works in the southern regions of the Omsk Province were carried out. In 2012–2013, 2017–2018, archaeological reconnaissance works related to the Russian exploration of the region was conducted in the northern areas. The sites dating to the 19th– early 20th centuries as well as two settlements of the 17th–18th centuries: Kabuzaska and Mameshevo, which produced interesting artifact collections, were located. Test excavations were carried out on the territory of Takmyk Fort in order to identify the boundaries of the site and locate the Fort and the Church of the Transfiguration of the Lord.

Keywords: *Russian archaeology, reconnaissance, new sites.*

В последние двадцать лет в Среднем Прииртышье ведется активное изучение памятников русского освоения региона. В настоящее время Л.В. Татауровой наиболее изучены сельские памятники: Изюк-1, Ананьино-1, Бергамак-1 (Большереченский, Тарский и Муромцевский р-ны Омской обл.) и Тарская крепость – С.Ф. Татауровым, С.С. Тихоновым и М.П. Чёрной.

Однако сельская округа вокруг г. Тары формировалась поэтапно [Татаурова и др., 2014, с. 42–49]. На данный момент большее число деревень, которые могут дать информацию по системе расселения и культурной адаптации русских переселенцев в Среднем Прииртышье в XVII–XVIII вв. и которые или переместились на новое место в связи природными условиями, или прекратили свое существо-

вание, археологически не изучены. Часть из них подвергается антропогенному и природно-климатическому разрушению.

Все это способствовало проведению археологических разведок на территории Среднего Прииртышья в северных районах Омской обл. в 2012–2013, 2017–2018 гг. (рис. 1).

Целями проведенных исследований стали выявление местоположения заброшенных деревень, привязка их к местности, анализ планиграфии и культурного слоя для составления археологических карт по расселению русских, подготовка документов для постановки на учет в органы охраны культурного наследия.

В конце прошлого века культура русского населения XVIII–XIX вв. изучена Л.В. Татауровой в южных районах Омской обл., которые были заселены позднее [Этнографо-археологические комплексы…, 2014, с. 140–141].

В 2012 г. аспирантка ОФ ИАЭТ СО РАН И.Д. Кромм провела разведку в Большереченском и Тарском р-нах Омской обл. с целью археологического исследования памятников русского населения XVII–XIX вв. В результате ею обследовано

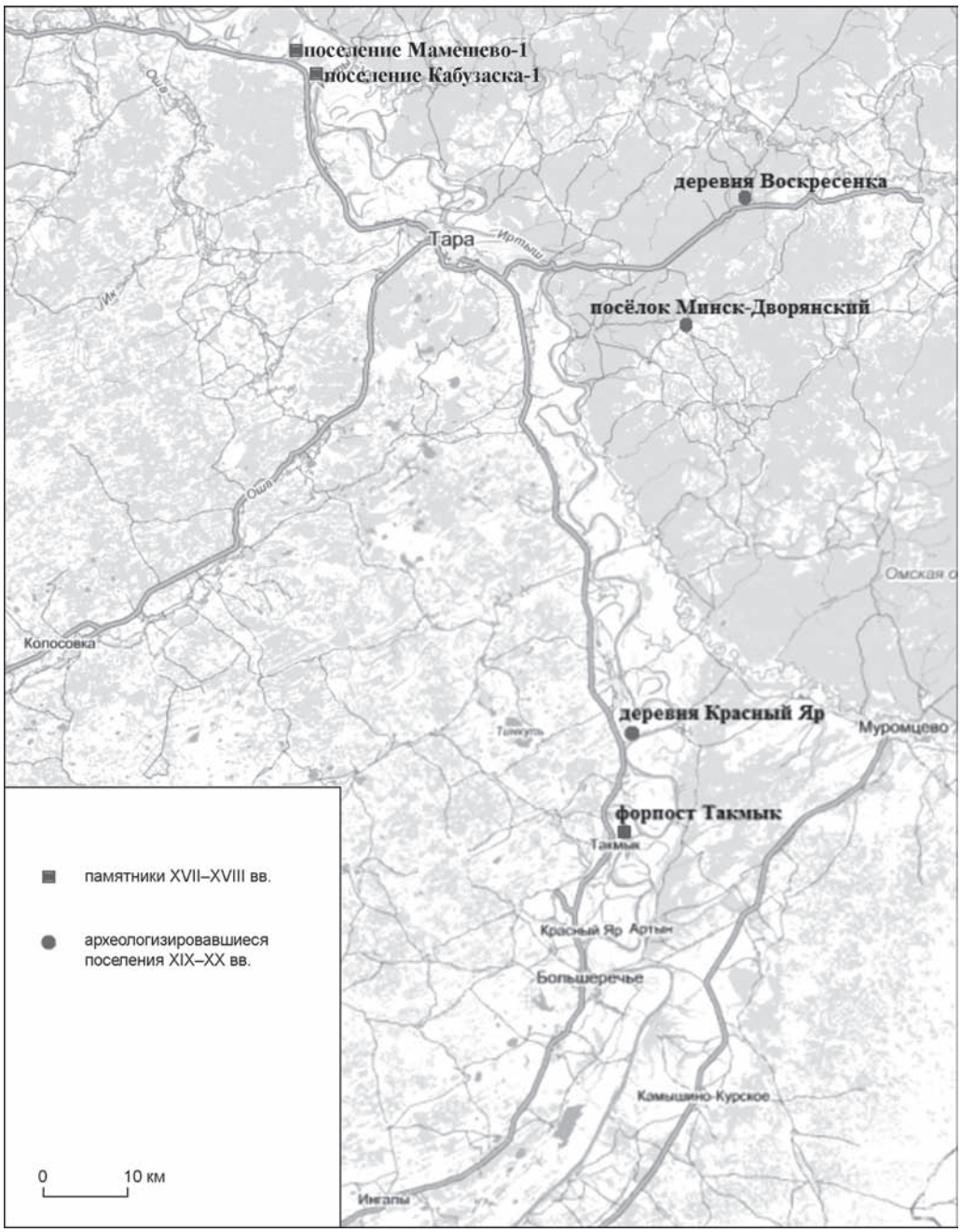


Рис. 1. Карта среднего течения р. Иртыш в Омской обл. с обозначением выявленных памятников русского населения.

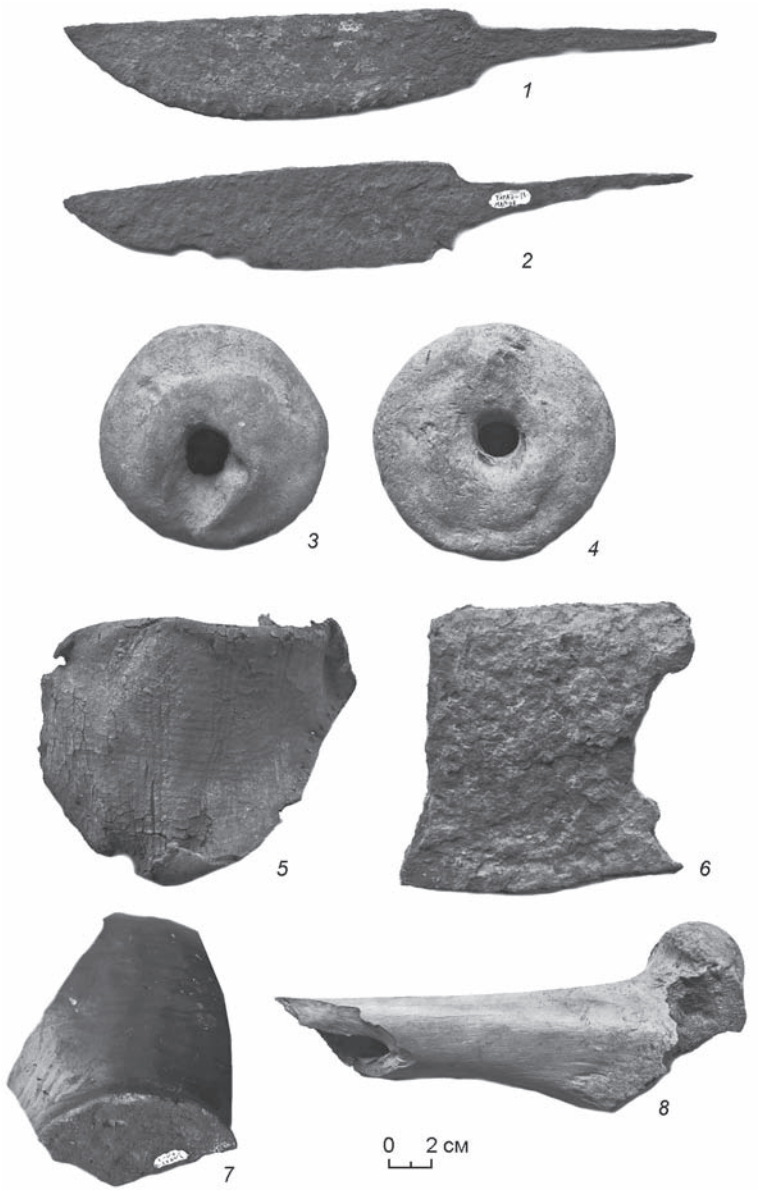


Рис. 2. Находки с поселения Мамешево-1. Знаменский р-н Омской обл. Фото Ф.С. Татаурова.
1, 2 – ножи; *3, 4* – грузила; *5* – фрагмент изделия из кожи с тиснением; *6* – топор; *7* – фрагмент придонной части керамического чернолощеного сосуда; *8* – фрагмент человеческой кости.

четыре русских памятника: Такмыкский острог, поселение и кладбище д. Красный Яр в Большереченском р-не, д. Воскресенка и п. Минск-Дворянский в Тарской р-не; на памятниках сделаны зачистки и шурфы, собран подъемный материал.

В 2013 г. Л.В. Татауровой раскопками был исследован Такмыкский острог, построенный в 1682 г. Памятник находится на территории современного с. Такмык. Археологические работы позволили определить местонахождение острога и площадь, которая составила примерно 16907 м^2, и сделать его графическую модель [Татаурова, 2014].

Острог основан для прикрытия г. Тары с юга от набегов калмыков [Колесников, 1999, с. 21]. Он упоминается в Тарской Дозорной книге 1701 г. [Кабакова, 2012]. Археологические исследования памятника по выявленным остаткам фундамента позволили локализовать местоположение церкви Преображения Господня. Каменное здание храма возведено в 1868 г. на месте первой церкви, построенной в остроге, так как к середине XIX в. острог давно утратил свое значение, а деревянная церковь, вероятно, стала ветхой и не отвечала требованиям времени. К северо-востоку от церкви зафиксировано кладбище, частично попавшее в один из раскопов. Традиции захоронения умерших характерны для погребального обряда русских Сибири и европейской части России XVII–XVIII вв. [Татаурова,

2010]. Предметный комплекс небольшой и представлен керамикой как лепной, так и гончарной поливной, несколькими экземплярами кожаной обуви, сопоставимой с типами, выделенными на других русских поселениях Омского Прииртышья [Татаурова, Богомолов, 2016, с. 110, 111].

Поиск русских поселений Нового времени в Среднем Прииртышье был продолжен Ф.С. Татауровым в 2017–2018 гг. Обследованы части Тарского и Знаменского р-нов Омской обл. по левому берегу р. Иртыш от г. Тары до р.п. Знаменского. До этого попытки выявить русские поселения XVII в. на этой территории предпринимались только на основании письменных данных и по картографическим источникам [Татаурова и др., 2014, с. 42–49].

В результате археологической разведки было выявлено два памятника, относящихся к XVII–XVIII вв.

Поселение Кабузаска-1 (см. рис. 1). Расположено в Знаменском р-не Омской обл. Исследуемый населенный пункт обозначен в Хорографической книге Сибири, составленной С.У. Ремезовым, на листе 92, причем, судя по соответствующему значку, в деревне имелась часовня или церковь. Г.Ф. Миллер описывает деревню Кабузаску в своем труде «Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска», датируемом 1734 г. [Сибирь XVIII века…, 1996, с. 93]. Памятник расположен на мысу коренной террасы р. Иртыш. На хорошо задернованной поверхности поселения фиксируются жилищные ямы и западины. В восточной части был заложен разведочный раскоп 4 × × 2 м, в заполнении которого найдено большое количество лепной керамики, характерной для русских поселенческих комплексов Сибири XVII–XVIII вв. [Татаурова, 1998], а также несколько костей животных. Мощность культурного слоя около 40 см.

Поселение Мамешево-1 (см. рис. 1). Расположено в Знаменском р-не Омской обл. Исследуемый населенный пункт обозначен в Хорографической книге Сибири, составленной С.У. Ремезовым, на листе 92, описан Г.Ф. Миллером [Сибирь XVIII века…, 1996, с. 93]. Местоположение памятника – на полуострове, образованном озером Мамешевским, которое представляет собой старицу р. Иртыш. Ширина озера – 100–150 м. Высота берега, где расположен памятник, – 2–3 м. Культурный слой начинается практически от края береговой линии. Поверхность его неровная, фиксируются небольшие овражки глубиной 1–1,5 м, возвышения и жилищные западины. Кроме этого, он значительно разрушен как «черными копателями» (на поверхности прослеживаются рекультивированные шурфы размерами от 20 × 20 до 100 × 100 см), так и скотом, в частности, лошадьми, для которых полуостров является зоной выпаса. Сборы с поверхности дали большое количество материала XVIII–XIX вв. Это железные ножи (рис. 2, *1*, *2*), грузила биконической формы (рис. 2, *3*, *4*), фрагменты стеклянных штофов, изделий из кожи (рис. 2, *5*), железный топор (рис. 2, *6*), чернолощеная лепная керамика (рис. 2, *7*), обломок жернова. Кроме этого, на линии уреза воды найден обломок человеческой кости (рис. 2, *8*), что свидетельствует о наличии некрополя в непосредственной близости от поселения.

Проведенные разведочные работы по поиску, культурной и хронологической атрибуции поселенческих комплексов, оставленных русским населением в Среднем Прииртышье, способствуют накоплению источниковой базы для составления археологической карты расселения русских. А также дают информацию для построения геоинформационных систем по исторической экологии, порядку жизнеобеспечения и культурному ландшафту.

Изучение памятников периода заселения и освоения Западной Сибири русскими – важная задача для понимания путей формирования этносоциальной группы русских сибиряков и их культурных традиций, а также влияния русского мира на культуру аборигенов. Выявление и исследование новых памятников важно для понимания особенностей этого процесса.

Список литературы

Кабакова Н.В. Жители Такмыцкой слободы Тарского уезда Тобольской губернии: XVIII век // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. – Омск: ИД «Наука», 2012. – Ч. II. – С. 94–99.

Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX вв. – Омск: Издатель-Полиграфист, 1999. – 106 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – Вып. VI. – 310 с.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1998. – Т. 3. – С. 88–123.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк-1. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Татаурова Л.В. Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в границах современного населенного пункта (на примере Такмыкского острога) // Мат-лы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа –

Югры», посвящ. 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга – Ханты-Мансийск: Магеллан, 2014. – С. 194–199.

Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 44 (2). – С. 109–117.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веках (по материалам археологических исследований) – Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. – Омск: ИД «Наука», 2014. – 192 с.

References

Etnografo-arheologicheskie kompleksy narodov Tarskogo Priirtysh'ja: prirodnaja sreda, etnosy, istochniki. Omsk: Nauka, 2014, 192 p. (in Russ.).

Kabakova N.V. Zhiteli Takmykskoj slobody Tarskogo uezda Tobol'skoj gubernii: XVIII vek. In *Sibirskaja derevnja: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija.* Omsk, 2012, pt. II, pp. 94–99 (in Russ.).

Kolesnikov A.D. Omskaja pashnja. Zaselenie i zemledel'cheskoe osvoenie Priirtysh'ja v XVI – nachale XX vv. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 1999, 106 p. (in Russ.).

Sibir' XVIII veka v putevyh opisanijah G.F. Millera. In *Istorija Sibiri. Pervoistochniki*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1996, iss. VI, 310 p. (in Russ.).

Tataurova L.V. Tipologija russkoj keramiki (po etnograficheskim materialam). In *Etnografo-arheologicheskie kompleksy: problemy kul'tury i sociuma*. Novosibirsk, 1998, vol. 3, pp. 88–123 (in Russ.).

Tataurova L.V. Pogrebal'nyj obrjad russkih Srednego Priirtysh'ja XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izjuk-1. Omsk: Apel'sin, 2010, 284 p. (in Russ.).

Tataurova L.V. Problemy sohranenija i istoricheskoj rekonstrukcii ob'ektov kul'turnogo nasledija v granicah sovremennogo naselennogo punkta (na primere Takmykskogo ostroga). In *Materialy VII Nauchno-prakticheskoj konferencii «Sohranenie i izucheniene dvizhimogo kul'turnogo nasledija Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry», posvjashchennoj 90-letiju so dnja rozhdenija V.F. Geninga*. Hanty-Mansijsk, 2014, pp. 194–199 (in Russ.).

Tataurova L.V., Bogomolov V.B. Zhenskie kozhanye tufli na vysokom kabluke XVII–XVIII vv. (po materialam arheologicheskih kompleksov russkih Omskogo Priirtysh'ja). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, No. 44 (2), pp. 109–117 (in Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tihomirov K.N., Tihonov S.S. Adaptacija russkih v Zapadnoj Sibiri v konce XVI – XVIII vekah (po materialam arheologicheskih issledovanij). Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2014, 374 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.342-346
УДК 904

Л.В. Татаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Эволюция жилищного комплекса (по материалам раскопок русской деревни XVII–XVIII веков Ананьино-1)

Результаты археологического исследования жилищного комплекса на памятнике Нового времени Ананьино-1 позволили выявить этапы его формирования и развития. Первоначально была построена изба с печью. Через время она была реконструирована в большее помещение, к которому пристроили сени. Вероятно, статус хозяина усадьбы, на который указывают некоторые виды находок (перстень, двузубая вилка, подсвечник, счетный жетон и монеты), способствовал новой перестройке жилища, внутри которого оказались первоначальные постройки. Жилище могло функционировать с XVII в., но обнаруженный датирующий материал относится к середине XVIII в. Кроме раскопок на поселении в 2018 г. изучен участок кладбища. Зафиксировано три взрослых погребения.

Ключевые слова: *русская деревня, археология, планиграфия, жилище, эволюция.*

L.V. Tataurova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Evolution of the Housing Complex (on Materials of the Excavations of Anan'ino-1, a Russian Village of the 17th–18th Centuries)

The results of the archaeological studies of the housing complex of the recent site of Ananino-1 made it possible to identify the stages of its origins and development. A house with the stove was built first. With time, it was reconstructed into a larger building, to which an inner porch was attached. Probably, the status of the owner of the houses, which is indicated by some finds (a ring, a two-pronged fork, a candlestick, a counting token and coins) favored a new reconstruction of the house enclosing the original buildings. The house might have been in use since the 17th century, but the found diagnostic materials have been dated to the mid-18th century. In addition to excavations in the village in 2018, a part of the cemetery was studied and three adult burials were excavated.

Keywords: *Russian village, archaeology, planigraphy, dwelling, evolution.*

Археологические работы 2018 г. на русском комплексе Ананьино-1 в Тарском р-не Омской обл. стали продолжением исследования одноименной деревни, основанной служилыми людьми из г. Тары в начале XVII в. на берегу озера Ананьино [Татаурова, Крих, 2015]. Изучение деревенских структур памятника начато в 2005 г. с ЮЗ части, и на настоящий момент раскопано 2056 м^2 на поселении и 560 м^2 на кладбище.

В 2017 г. завершено исследование усадебного комплекса, представленного избой-связью и надворными постройками, который изучался в 2013–2014 гг. В этом же году зафиксирована часть другого жилища [Татаурова, 2017, с. 423], которое в 2018 г. полностью раскопано. Полученный материал показал не только строительные приемы и конструктивные особенности этого сооружения, но и историю его появления и развития.

Результаты 2018 г. Раскоп был прирезан с СВ стороны к прошлогоднему и включил законсервированную часть и неизученный участок памятника площадью 200 м^2.

Жилой комплекс, ставший объектом исследования, сразу привлек внимание своей необычностью. Во-первых, близ него в культурном слое обнаружены разнообразные и неординарные находки: половинка серебряного перстня с короной, несколько монет середины XVIII в., счетный жетон конца XVII в., глиняная чернильница, орнаментированный волчок, детская посудка, поливная погремушка, костяшки счет, железная двузубая вилка, и др. [Татаурова, 2017]. Некоторые из этих предметов свидетельствуют об особом социальном статусе владельца дома. Во-вторых, конструкция жилища вызывала много вопросов, так как включала в себя остатки нескольких срубов, входящих друг в друга по принципу матрешки. Кроме того, пристройка с юго-восточной стороны объекта первоначально интерпретировалась как конюшня, потому что ее заполнение представлено слоем навоза, в котором практически не было находок.

Завершение изучения этой постройки позволило понять ее структуру и выявить этапы развития.

В раскопе 2017 г. открытая часть жилища представлена двумя срубными конструкциями большего и меньшего размеров, в последней зафиксирован слой перемешанной глины от развала печи. В ходе дальнейшего изучения оказалось, что наружный сруб размером 8,2 × 4,4 м ограничивал площадь 36,08 м^2 (рис. 1, *1*). Меньший сруб (4 × 4 м) площадью 16 м^2 с развалом печи отстоял от наружного на неравное расстояние от 1 до 2,5 м (рис. 1, *2*). Стены наружного и внутреннего срубов не были параллельны друг другу, хотя имели одинаковую ориентацию – СЗ – ЮВ.

Разбор развала печи выявил дополнительные планиграфические и конструктивные детали этого комплекса. Оказалось, что он скрывал под собой, скорее все-

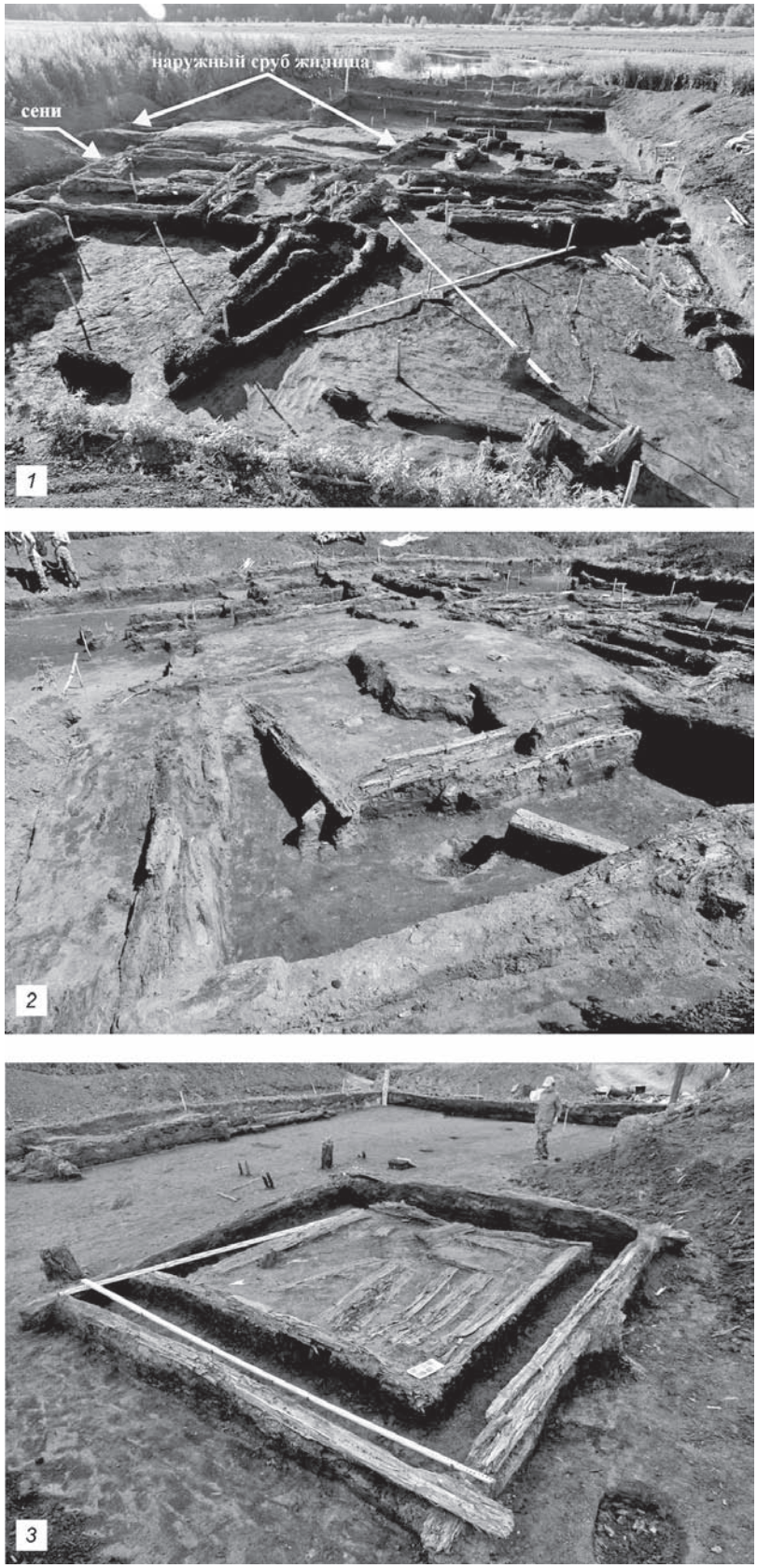


Рис. 1. Жилищный комплекс на поселении Ананьино-1 (Тарский р-н Омской обл.). Раскопки 2017–2018 гг. *Фото Л.В. Татауровой.*

1 – общий вид с востока на остатки наружного сруба и сеней; *2* – наружный и средний сруб с развалом печи, вид с запада; *3* – средний сруб и изба, вид с запада.

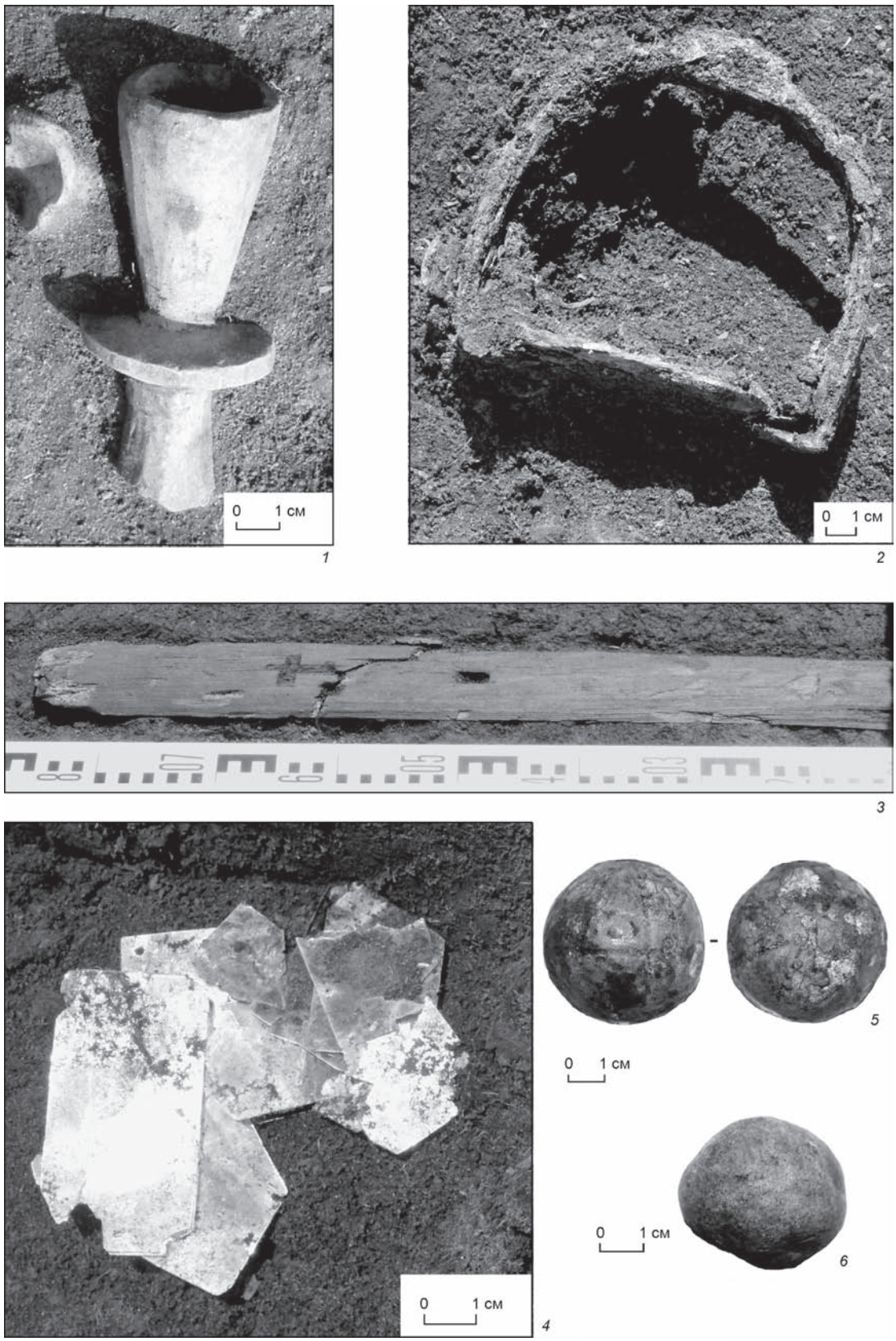


Рис. 2. Предметный комплекс с поселения Ананьино-1 из раскопок 2017–2018 гг. *Фото Л.В. Татауровой.*

1 – глиняный подсвечник, найденный в северо-восточной части жилища; *2* – железное стремя, зафиксированное в развале печи; *3* – фрагмент деревянной клепки с вырезанным крестом, найденный снаружи жилища у северо-восточной стены; *4* – скопление слюдяных пластин, зафиксированное снаружи у юго-восточной стены жилища; *5* – глиняная поливная погремушка из раскопа 2017 г.; *6* – глиняная погремушка – подражание ремесленному изделию из раскопа 2018 г.

го, более раннее сооружение, которое стало первоначальной основой этого жилища. Под развалом открылись два нижних венца еще одного сруба (2,8 × 2,8 м – одна стена не сохранилась) площадью около 9 м^2 (рис. 1, *3*).

С ЮВ (противоположная озеру сторона постройки) к жилищу были пристроены сени – сруб размером 3 × 3 м^2, позднее к ним добавлена пристройка, возможно, навес над крыльцом (рис. 1, *1*).

Пополнился в 2018 г. и комплекс вещевого материала, подтверждающего статусное положение владельцев усадьбы. В первую очередь, это касается обнаруженной в жилище части подсвечника (рис. 2, *1*). Предмет выполнен из глины и покрыт лощением, что придает ему схожесть с металлическим изделием. Подсвечник имеет форму узкого бокала на высокой ножке с площадкой у дна емкости для оплавленного воска. Ножка у изделия оказалась обломана примерно наполовину. Кроме того, в развале печи, вместе со скоплением керамики, состоявшем из нескольких разных сосудов, обнаружено железное стремя (рис. 2, *2*). По типологии А.Н. Кирпичникова его можно отнести к типу VIIa [1973, с. 50, 51]. О.В. Двуреченский на основании анализа материалов Тушинского лагеря считает, что VII тип стремян продолжает бытовать позднее XIII в., и находит аналогии в культурных слоях XVI–XVII вв. Москвы, Орешка, Крычева, Витебска [2018, с. 24]. Добавились к найденным в 2017 г. глиняные шарики от счет и коллекция детской посудки. Интерес представляет еще одна глиняная погремушка. Если найденный в 2017 г. аналогичный по функции предмет представлял собой, скорее всего, ремесленное изделие, которое было куплено в г. Таре или привезено «с Руси» (рис. 2, *5*), то обнаруженный в описываемом жилище не очень круглый шарик с горошиной внутри был явным подражанием покупной игрушке (рис. 2, *6*).

В жилище зафиксирован бытовой инвентарь: ножи, оселки, кресала, бусы, медный перстень, пряжки, клепки от деревянной посуды, в том числе одна с вырезанным на боковой грани крестом (рис. 2, *3*), большое количество фрагментов обуви, берестяные туески, половина нижней части жернова от крупорушки. Всего в культурном слое зафиксировано 258 индивидуальных находок, большая часть из которых найдена в жилище и рядом, а также представительная коллекция фрагментов китайского фарфора, керамики, в том числе в семи скоплениях.

Кроме поселения было исследовано 200 м^2 на погребальном комплексе. В восточную часть раскопа попали три взрослых захоронения, ориентированы З – В, головой на запад. Умершие были похоронены в деревянных колодах. Нательных крестов и сопроводительного инвентаря не зафиксировано.

По итогам двухлетних раскопок изучено жилище, которое представляло интерес с точки зрения эволюции жилого комплекса от небольшой избушки в просторный дом, возможно, из двух комнат. Этапы этого процесса могли выглядеть так: первоначально была построена изба, площадью около 9 м^2 с печью. Через время избу разобрали до нижних венцов, оставив печь, и сделали новый, более просторный, сруб размером 16 м^2. Третий сруб (площадь 36,08 м^2) включил в себя две предыдущие постройки. Сени, судя по планиграфии, были пристроены с юго-востока к среднему срубу. Позднее, после последней реконструкции, к сеням достроили, возможно, навес над крыльцом. Первоначально дом был ориентирован СЗ – ЮВ, как и все жилища в раскопанной части поселения, и торцом стоял к озеру, на берегу которого построена деревня. В результате конечной перестройки, с сохранением общей ориентации, он оказался к озеру фасадом.

Материальное положение хозяина дома позволило сделать в нем окна со слюдяными оконницами – у юго-восточной стены наружного сруба зафиксировано скопление слюдяных пластинок с отверстиями для сшивки (рис. 2, *4*). Подобная находка была сделана в раскопе 2005 г. в одном из жилищ в юго-западной части поселения [Татауров, Татаурова, Самигулов, 2018, с. 136, 137].

Развитие усадебных комплексов и входящих в него построек было характерным явлением: «культура сибиряков обладала свойствами изменчивости и трансформации, существовавшими наряду с устойчивостью определенных характеристик» [Майничева, 2002, с. 48]. Раскопанное жилище подтверждает это мнение и показывает традиционные способы в технологии строительства, а также развитие горизонтальной планиграфии жилого пространства. С чем это было связано – со сменой статуса хозяина, на что указывают находки нерядовых для деревенского жителя находок, или со сменой хозяев – сказать пока сложно. Самая ранняя изба могла быть построена и функционировать в XVII в., например, китайский фарфор, поливная погремушка, найденная в 2017 г. относится к этому времени, однако большая часть находок датируется началом, первой половиной XVIII столетия.

Список литературы

Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). – М.: ИА РАН, 2018. – 196 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. – Л., 1973. – 213 с. – (САИ; вып. Е1-36).

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья:

проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 144 с.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках города Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII веках: археологические реконструкции // Урал. истор. вестн. – 2018. – № 2 (59). – С. 135–142.

Татаурова Л.В. Новые материалы для реконструкции системы жизнеобеспечения русского сельского населения XVII–XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 421–424.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37, – № 3. – С. 479–490.

References

Dvurechenskiy O.V. Tushinskiy lager (Publikatsiya kollektsii V.A. Politkovskogo iz sobraniya GIM). Moscow: IA RAN, 2018, 196 p. (in Russ.).

Kirpichnikov A.N. Snaryazheniye vsadnika i verkhovogo konya na Rusi v IX–XIII vv. Leningrad, 1973, 213 p. (SAI; iss. ET-36) (in Russ.).

Maynicheva A.Yu. Arkhitekturno-stroitelnyye traditsii krestianstva severnoy chasti Verkhnego Priobia: problemy evolyutsii i kontaktov (seredina XIX – nachalo XX v.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2002, 144 p. (in Russ.).

Tataurov S.F., Tataurova L.V., Samigulov G.Kh. Slyudyanyye okna v postroykakh goroda Tary i eye okrestnostyakh v XVII–XVIII vekakh: arkheologicheskiye rekonstruktsii. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2018, No. 2(59), pp. 135–142 (in Russ.).

Tataurova L.V. Novyye materialy dlya rekonstruktsii sistemy zhizneobespecheniya russkogo selskogo naseleniya XVII–XVIII vekov. *In Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboving Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2017, vol. XXIII, pp. 421–424 (in Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. Sistema zhizneobespecheniya sibirskoy derevni Ananino v XVII–XVIII vv. (po arkheologicheskim i pismennym istochnikam). *Bylyye gody*, 2015, vol. 37, No. 3, pp. 479–490 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.347-350
УДК 903.2 (415)

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Находки кистеней в юго-восточной части Чуйской долины Кыргызстана

В статье рассматриваются и анализируются находки ударных боевых гирь – кистеней, обнаруженных в предшествующие годы на территории юго-восточной части Чуйской долины в пределах Кыргызстана, хранящиеся в одной из частных коллекций древностей в г. Бишкеке. С разрешения владельца этой коллекции данные предметы были осмотрены, зарисованы, описаны и классифицированы по формальным признакам на отдельные типы ударного оружия ближнего боя. Прослежены аналогии рассматриваемым находкам среди ранее изученных боевых гирь, которые были обнаружены в предшествующие годы на территории Северного Кыргызстана. Предложено определение хронологии и культурной принадлежности изучаемых кистеней, найденных в юго-восточной части Чуйской долины. Находки кистеней относятся к комплексу предметов вооружения культуры кыргызов Тянь-Шаня.

Ключевые слова: *ручное ударное оружие, боевые гири, кыргызские воины, Чуйская долина, Тянь-Шань, Кыргызстан, Средние века.*

Yu.S. Khudyakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

Findings of Flails in the Southeastern Part of the Chuya Valley in Kyrgyzstan

The paper describes the striking fighting weights, flails, discovered in recent years in the southeastern part of the Chuya Valley in Kyrgyzstan, and are kept in a private collection of antiquities in Bishkek. With the permission of the collection owner, the objects were examined, sketched, described and classified on formal grounds into specific types of the striking weapons of close combat. Parallels to described objects are established among the early studied fighting weights discovered in previous years in the northern Kyrgyzstan. Chronological and cultural attributions of the southeastern Chuya flails are proposed. Flails of this types are typical for the armament kit of the Tian Shan Kyrgyz culture.

Keywords: *hand striking weapons, fighting weights, Kyrgyz warriors, Chuya Valley, Tian Shan, Kyrgyzstan, Middle Ages.*

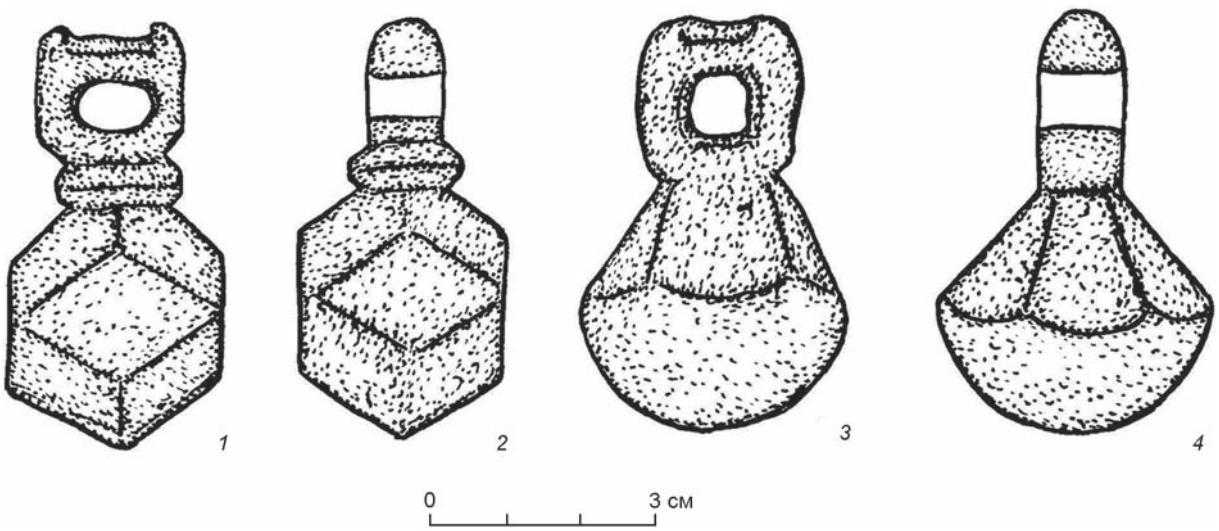
В состав комплекса предметов ударного оружия ближнего боя, которое находилось на вооружении у кыргызских воинов на Тянь-Шане в эпохи позднего Средневековья и Нового времени, входили боевые гири – кистени [Бобров, Худяков, 2008, с. 320]. Небольшая коллекция находок таких предметов вооружения, которые могли использоваться кыргызскими воинами в ближних боях для нанесения поражающих ударов по противнику, происходит из юго-восточной части Чуйской долины в Кыргызстане. В настоящее время древние и средневековые изделия стали собирать также частные кыргызстанские коллекционеры и некоторые из них соглашаются предоставлять принадлежащие им материалы специалистам по истории оружия для научного изучения.

Ранее одна из подобных находок боевых гирь была осмотрена и изучена в собрании частного музея «Раритет», созданного В.А. Кадыровым в г. Бишкеке. Автором настоящей статьи была ис-

следована еще одна находка ударной боевой гири, хранящаяся в частной коллекции В. А. Камышева в г. Бишкеке [Худяков, 2017, с. 50–51]. В настоящей статье рассматриваются находки еще двух небольших кистеней из состава данного оружейного собрания.

Одна из исследуемых в рамках данной статьи находок кистеней происходит с местонахождения Горная Маевка, которое, по имеющимся сведениям, расположено в юго-восточной части Чуйской долины, в пределах одноименной области в Кыргызской Республике. Каких-либо определенных сведений о точном месте расположения и условиях обнаружения этой находки у владельца оружейной коллекции получить не удалось. Вероятнее всего, данная ударная гиря могла быть обнаружена современными искателями древностей на поверхности одного из археологических комплексов в пределах юго-восточной части Чуйской долины. У данного кистеня имеется многогранная ударная часть с уплощенными, ромбической формы боковыми сторонами со скошенными гранями, образующими четырехугольные поверхности, а также с обращенной к петле верхней стороной этой боевой гири. Петля для подвешивания на ремне или на цепи у этого кистеня имеет прямоугольную рамку, с расположенными наверху пологими полукруглыми выступами и овальным проемом для крепления. Она соединена с ударной частью кистеня с помощью дискообразной металлической прокладки, похожей на обруч с выступающим по периметру приостренным внешним краем. Длина кистеня с петлей – 5,6 см, ширина ударной части – 2,8 см (см. *рисунок, 1, 2*). При сравнении с ранее изученными боевыми гирями данную находку из Горной Маевки можно отнести к отдельному, третьему типу кистеней, имевшихся на вооружении у кыргызских воинов в исторические периоды позднего Средневековья и Нового времени [Там же]. Довольно похожая по форме многогранной ударной части боевая гиря, вероятно среднеазиатского ремесленного производства, прикрепленная с помощью железной цепи, состоящей из нескольких звеньев овальной формы, к удлиненной конической втулке, хранится в фондах Омского государственного объединенного исторического музея. Известно, что в прошлом этот кистень принадлежал членам одной из семей «бухарцев», или «бухарских татар», проживавших на территории Прииртышья. Согласно предположению, высказанному сотрудниками этого музея, данная боевая гиря крепилась с помощью втулки на довольно длинном деревянном древке, длина которого могла составлять от одного до полутора метров [Бобров, Худяков, 2008, с. 707–708].

Другая находка кистеня, которая, судя по имеющимся сведениям, также могла быть сделана на современной поверхности, происходит из местности Кашка-Суу, расположенной неподалеку от ущелья Шамси, находящегося на юго-восточной окраине Чуйской долины Кыргызстана. У этого кистеня имеется выделяющаяся полукруглая сферическая ударная часть с шестигранным оформлением ее верхней стороны при переходе к основанию боковой петли. Петля, служившая для закрепления на ремне или цепи, представляет собой пологую, квадратной формы рамку со скошенными углами и нешироким углублением вдоль ее верхнего края. В центральной



Кистени из юго-восточной части Чуйской долины.

1, 2 – кистень из местонахождения Горная Маевка; *3, 4* – кистень из местности Кашка-Суу.

части петли находится отверстие неправильной квадратной формы со скошенными углами. Длина кистеня с петлей – 5,5 см, ширина ударной части – 3,5 см (см. *рисунок, 3, 4*). Эту находку можно выделить в качестве самостоятельного, четвертого типа кыргызских кистеней [Худяков, 2017, с. 50–51]. Судя по оформлению петли, данная находка имеет некоторые черты сходства с кистенем более крупных размеров, который был обнаружен в предшествующие годы в окрестностях г. Токмак, также расположенного в юго-восточной части Чуйской долины. Однако у находки из Токмака сквозное отверстие в боковой петле, предназначенное для крепления боевой гири на ремне или на цепи, ориентировано в ином направлении, чем у анализируемой находки боевой гири из Кашка-Суу. Данное отверстие расположено перпендикулярно по отношению к удлиненной стороне петли [Там же, с. 51].

В течение некоторых исторических эпох, охватывающих периоды Средневековья, в пределах Центрально-Азиатского региона ударные боевые гири-кистени имелись на вооружении у воинов разных иранских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Судя по имеющимся отдельным находкам из археологических раскопок и сборов, в течение предшествующего периода раннего Средневековья боевые гири были на вооружении у согдийских воинов. Одна из находок боевых гирь была сделана в ходе раскопок на площади древнего согдийского городища Пенджикент, исследованного на юге Средней Азии [Распопова, 1990, с. 75–76]. Очень редко кистени использовались древнетюркскими конными воинами в Саяно-Алтае. Известна единичная находка боевой гири из древнетюркского погребального комплекса на могильнике Аймырлыг, исследованном на территории Тувы [Овчинникова, 2004, с. 104]. В северо-западных предгорьях Алтая данный вид ручного ударного оружия применялся воинами из кыпчаков и других средневековых номадов, входивших в состав Кимакского государства. Отдельные экземпляры металлических боевых гирь были обнаружены в ходе раскопок некоторых археологических памятников сросткинской культуры (Ближние Елбаны VIII и Гилево VII) на территории Верхнего Приобья [Грязнов, 1956, с. 146, 152; Могильников, 2002, с. 106]. Памятники этой культуры также принято относить к объединению кочевых племен Кимакского каганата [Савинов, 1984, с. 113–118]. В дальнейшем, в течение периода развитого средневековья в историко-культурном регионе Центральной Азии ударные боевые гири активно использовались для поражения противников в ближних боях киданьскими и монгольскими конными воинами. В продолжение этого периода киданьские всадники переняли боевые гири. В дальнейшем их использовали воины Монгольской империи [Горелик, 2002, с. 20, 51, 67].

Вероятно, на рубеже развитого и позднего Средневековья, в середине II тыс. н.э., у воинов монгольских кочевнических государственных образований подобный вид ударного оружия ближнего боя, представляющего собой сравнительно небольшие боевые гири, могли заимствовать непосредственные предшественники некоторых других тюркских кочевых народов, в том числе среди них могли быть предки кыргызов и казахов [Худяков, 2017, с. 50].

Подобное ударное оружие ближнего боя было у енисейских кыргызских воинов. Оно представляло собой боевую нагайку, включавшую деревянную рукоять, на которой был прикреплен на кожаном ремне ударный металлический шар [Бутанаев, 1981, с. 190].

Вполне вероятно, что данный вид ударного оружия ближнего боя находился на вооружении у кыргызских воинов на Тянь-Шане и на сопредельных территориях Семиречья в течение всего рассматриваемого исторического периода, включая эпохи позднего Средневековья и Нового времени, вплоть до этнографической современности.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. – 776 с.

Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 188–197.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 163 с. – (МИА; № 18).

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. – М., 2004. – С. 86–110.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1990. – 139 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 175 с.

Худяков Ю.С. Кистени кыргызских воинов Тянь-Шаня // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24, № 2. – С. 48–53.

References

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekovya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2008, 776 p. (in Russ.).

Butanaev V.Y. Vooruzhenie i voyennoye delo khakasov v pozdnem srednevekovye (po materialam folklora). In *Voyennoye delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 188–197 (in Russ.).

Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoye iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. Moscow: Vostochny gorizont, 2002, 84 p. (in Russ.).

Griaznov M.P. Istorya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1956, 163 p. (MIA; No. 48) (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Kisteni kyrgyzskikh voinov Tian-Shanya. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, vol. 24, No. 2, pp. 48–53 (in Russ.).

Mogilnikov V.A. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh. Moscow: Nauka, 2002, 362 p. (in Russ.).

Ovchinnikova B.B. Drevnetyurkskie pamyatniki mogilnogo polya Aimyrlyg. In *Drevnosti Vostoka*. Moscow, 2004, pp. 86–110 (in Russ.).

Raspopova V.I. Metallicheskie izdelya rannesrednevekovogo Sogda. Leningrad, 1990, 139 p. (in Russ.).

Savinov D.G. Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu. Leningrad, 1984, 175 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.351-354
УДК 903.2

Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух на Средней Катуни (по материалам работ Южно-Сибирского отряда)

В статье исследуются находки костяных наконечников стрел из раскопок Южно-Сибирского отряда ИАЭТ СО РАН, проведенных на могильнике Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в 2001, 2005 и 2008 гг. Анализируемые наконечники классифицированы по формальным признакам. Среди изученных костяных наконечников выделены стрелы разных форм. Большая часть наконечников отнесена к отделу стрел с раздвоенным насадом. В их числе выделяются наконечники с трехгранным в сечении пером вытянуто-пятиугольной формы и стрелы с ромбическим в сечении пером вытянуто-пятиугольной формы с шипами. Ко второму отделу можно отнести наконечник с втульчатым насадом. По сечению острия и форме пера этот наконечник должен быть выделен в группу стрел с трехгранным острием вытянуто-пятиугольной формы с встроенным костяным шариком-свистункой с округлыми отверстиями.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Средняя Катунь, могильник Улуг-Чолтух, археологические памятники, костяные наконечники стрел.*

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

Bone Arrow Heads from the Ulug-Choltukh Burial Ground in the Middle Katun (Based on Materials of Southern Siberian Team)

The an article describes bone arrowheads from the Ulug-Choltukh burial ground located in the valley of the Edigan River, a right-hand tributary of the Katun River excavated by the Southern Siberian team of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS in 2001, 2005 and 2008. The bone arrowheads are analyzed and classified into several groups by the formal features. Most of the arrowheads represent the type with a forked socket. This type includes the arrowheads of the elongated pentagonal form with trilateral in the cross-section feather and prickly arrows of elongated pentagonal form with rhombic feather in the cross-section. The arrowhead with a hollow hafting element belongs to another type.

Keywords: *Altai Mountains, the Middle Katun, Ulug-Choltukh burial ground, archaeological monuments, bone arrowheads.*

В составе сопроводительного инвентаря мужских захоронений на памятниках айрыдашского типа на Средней Катуни встречаются костяные наконечники стрел разных форм. В ходе раскопок, проведенных в 2001, 2005 и 2008 гг. Южно-Сибирским отрядом ИАЭТ СО РАН на могильнике Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган, было найдено несколько костяных стрел.

По материалу все эти предметы должны быть отнесены к одному классу – костяных наконечников стрел. По оформлению насада среди них можно выделить два отдела. По сечению пера – ряд групп в их числе. По форме пера выделяется несколько типов.

Отдел I. Наконечники стрел с раздвоенным насадом. В составе данного отдела представлены стрелы нескольких групп.

Группа I. Трехгранные наконечники стрел. Данная группа наконечников включает три типа.

Тип 1. Удлиненно-треугольные наконечники стрел с шипами – 1 экз. из могильника Улуг-Чолтух. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, короткими шипами, вогнутыми плечиками, раздвоенным насадом. Длина пера – 5,3 см, ширина – 1,5 см [Худяков, 2014, с. 34].

Тип 2. Вытянуто-пятиугольные наконечники стрел с шипами – 2 экз. из могильника Улуг-Чолтух. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, слегка расширяющимися сторонами, остроугольными или прямоугольными плечиками с выступающими шипами, раздвоенной нижней частью пера и разделенным на две части насадом. Длина наконечников – 5,5 см, ширина – 1,4 см [Там же].

Тип 3. Вытянуто-пятиугольные наконечники с обособленным бойком – 1 экз. из кург. 28 на могильнике Улуг-Чолтух. Наконечник с остроугольным острием, обособленным бойком, уступами с двух сторон, прямоугольным пером, раздвоенной нижней частью пера с острыми шипами. Длина пера – 5 см, ширина – 2 см (см. *рисунок*, *1*).

В числе трехгранных стрел имеется еще один обнаруженный на могильнике Улуг-Чолтух наконечник, который сохранился не полностью. У него наличествуют остроугольное острие, верхняя часть пера со слегка расширяющимися сторонами, одна из частей раздвоенной части пера.

Ко второй группе стрел с раздвоенным насадом можно отнести наконечники с ромбическим в сечении пером.

Группа II. Ромбические наконечники стрел. Данная группа наконечников представлена двумя типами.

Тип 1. Удлиненно-треугольные – 1 экз. из могильника Улуг-Чолтух, кург. 28. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, раздвоенной нижней частью пера с острыми шипами. Одна из частей раздвоенного насада обломана. Длина пера – 5 см, ширина – 1, 2 см (см. *рисунок*, *2*).

Тип 2. Вытянуто-пятиугольные наконечники стрел с шипами – 2 экз. из могильника Улуг-Чолтух. Один из них был обнаружен в кург. 4. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, остроугольными плечиками с выступающими шипами. В нижней части пера оформлен раздвоенный насад с остроугольными окончаниями. Длина наконечника – 5,5 см, ширина пера – 1,5 см. [Там же]. Помимо этих, почти полностью уцелевших наконечников на памятнике Улуг-Чолтух найдены еще два обломка стрелы: частично затупленное острие и фрагмент раздвоенного насада.

Группа III. Наконечники с линзовидным в сечении пером. Данная группа представлена одним типом.

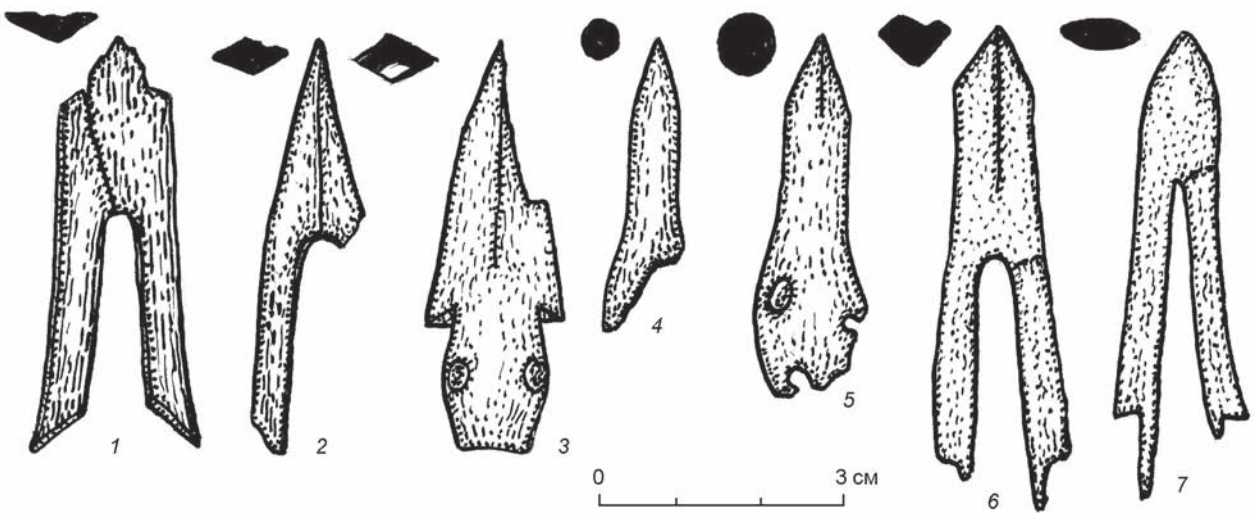
Тип 1. Вытянуто-пятиугольные наконечники – 1 экз. с памятника Улуг-Чолтух, кург. 4. Наконечник с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, раздвоенной нижней частью насада и выступающими укороченными шипами. Длина наконечника – 5,6 см, ширина пера – 1,6 см (см. *рисунок*, *7*).

Ко второму отделу можно отнести наконечники с втульчатой формой насада.

Отдел II. Наконечники с втульчатой формой пера. Данный отдел включает несколько групп.

Группа I. Трехгранные наконечники стрел. Представлена одним типом.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные наконечники со встроенным шариком- свистункой – 1 экз.



Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух (раскопки 2001, 2005 и 2008 гг.).

1, 2, 6, 7 – наконечники с раздвоенным насадом разных типов; *3–5* – наконечники со встроенным шариком-свистункой разных типов.

из могильника Улуг-Чолтух. Наконечник с остроугольным трехгранным острием, округлым в сечении пером, встроенной шарообразной свистункой с округлыми отверстиями, скрытой втулкой. Длина наконечника – 5 см, ширина пера – 1,2 см [Там же, с. 35].

Группа II. Ромбические наконечники стрел. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные со встроенным шариком-свистункой – 1 экз. с памятника Улуг-Чолтух, кург. 28. Неконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером с шипами и встроенным цилиндрическим расширением в средней части – шариком-свистункой с округлыми отверстиями. Часть пера около острия обломана. Длина наконечника – 5 см, ширина пера – 1,6 см (см. *рисунок, 2*).

Группа III. Наконечники с круглым в сечении пером. Представлена одним типом.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные со шариком-свистункой – 2 экз. стрел с памятника Улуг-Чолтух, кург. 3. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, встроенным шариком-свистункой с отверстием. У одного наконечника повреждена свистунка с округлыми отверстиями, у другого она почти полностью обломана. Длина наконечника – 4,5 см, ширина пера – 1,4 см (см. *рисунок, 4, 5*).

Как правило, в погребениях взрослых мужчин, в которых были обнаружены луки и стрелы, находились костяные и железные наконечники. В то же время в мужском захоронении в кург. 28 на могильнике Улуг-Чолтух были обнаружены только костяные наконечники стрел, а железных не было. Один из них находился на костях таза, а две другие костяные стрелы были положены в области ступней погребенного, аналогично размещению стрел с железными наконечниками.

Костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом получили распространение среди древних кочевников, населявших южные районы Сибири и степи Центральной Азии, под влиянием хуннских номадов в начале хунно-сяньбийской эпохи [Коновалов, 1976, с. 177, табл. I, *11*]. Хуннские стрелки имели на своем вооружении разные типы костяных стрел, среди которых были наконечники с раздвоенным насадом [Давыдова, 1985, с. 46; рис. IX, *17, 18*]. В Минусинской котловине подобные стрелы приобрели распространение у носителей тесинского этапа тагарской культуры в конце I тыс. до н.э. В течение первой трети I тыс. н.э. костяные стрелы с раздвоенным насадом в восточных районах Центральной Азии встречались в арсенале средств ведения дистанционного боя у сяньбийских лучников [Худяков, 2005, с. 22]. Стрелы с костяными наконечниками и раздвоенной формой насада были у воинов булан-кобинской культуры на территории Горного Алтая [Там же, с. 36]. Стрелы с костяными наконечниками и раздвоенным насадом имелись на вооружении у воинов таштыкской культуры [Там же, с. 40]. Во второй четверти I тыс. н.э. костяные наконечники с раздвоенным насадом представлены среди стрел кок-пашской культуры в Восточном Алтае [Там же, рис. X, *17*]. Похожие на улуг-чолтухские костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом были обнаружены в могильнике Айрыдаш I на Средней Катуни. Материалы из раскопок этого могильника стали основанием для выделения археологических памятников айрыдашского типа [Суразаков, 1992]. Некоторые исследователи предложили все памятники в Горном Алтае, которые можно датировать первой половиной I тыс. н.э., объединить в рамках булан-кобинской культуры [Тишкин, 2007, с. 174].

Изученные костяные наконечники стрел, найденные на памятнике Улуг-Чолтух, относятся к числу наконечников, характерных для оружейного комплекса айрыдашского типа.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1985. – 111 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск, 1992. – С. 92–97.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов во II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2005. – С. 19–55.

Худяков Ю.С. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух долины р. Эдиган в Горном Алтае (из раскопок Южно-Сибирского отряда 2008 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 33–36.

References

Davydova A.V. Ivolginsky compleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaikalye. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1985, 111 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzheniy tsentral'no-aziatskikh nomadov vo II–V vv. n.e. In *Voyennoye delo nomadov Tsentralnoy Azii v sianbiyskuyu epokhu*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2005, pp. 19–55 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Kostyanye nakonechniki strel iz mogil'nika Ulug-Cholтukh v Gornom Altaye (iz raskopok Yuzhno-Sibirskogo otryada 2008 g.). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, No. 2, pp. 33–36 (in Russ.).

Konovalov P.B. Khunnu v Zabaikalye (pogrebalnye pamyatniki). Ulan-Ude: Buryat. knizhnoe izdatel'stvo, 1976, 248 p. (in Russ.).

Surazakov A.S. Pamyatniki Gornogo Altaya pervoy poloviny i serediny pervogo tysyacheletya (kudyrginskaya kul'tura). *Etnicheskaya istorya turkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkheologii)*. Omsk, 1992, pp. 92–97 (in Russ.).

Tishkin A.A. Sozdanye periodizatsyonnykh i kulturno-khronologisheskikh skhem: istorichesky opyt i sovremennaya kontseptsya izuchenya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007, 356 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.355-357
УДК 903.2

Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко, Ж. Орозбекова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

Бронзовая статуэтка с изображением верблюда из Кыргызстана

В статье рассматривается весьма редкая находка небольшой бронзовой статуэтки, изображающей двугорбого верблюда – бактриана. Это скульптурное изображение хранится в составе коллекции археологических предметов, обнаруженных в течение нескольких последних лет, вероятнее всего, на поверхности одного из поселенческих археологических комплексов городского типа, которые расположены на территории Чуйской долины, в северной части Кыргызстана. Статуэтка находится в собрании частного музея «Раритет» в г. Бишкеке. В статье приводятся подробное описание скульптурного изображения животного и аргументация относительно хронологии и культурной принадлежности данной археологической находки.

Ключевые слова: *бронзовая статуэтка, изображение верблюда, находки на поверхности, Чуйская долина, Северный Кыргызстан.*

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko, Zh. Orozbekova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

Bronze Camel Image from Kyrgyzstan

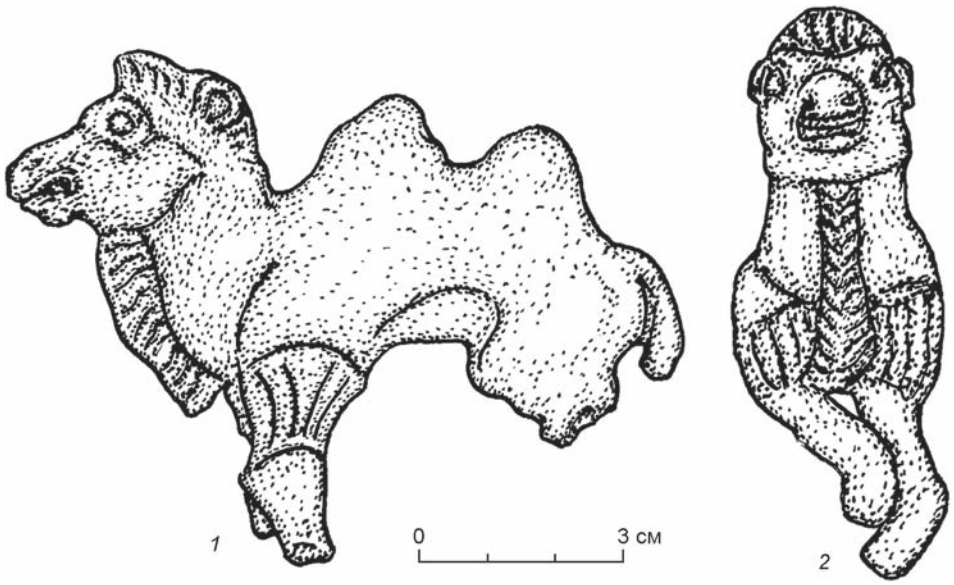
The article describes a small bronze statuette of a two-humped Bactrian camel, which is a quite rare finding. This sculptural image of two-humped camel belongs to the collection of archaeological objects discovered during the recent years, most probably, on the surface of one of urban settlement sites in the Chuy Valley in the northern part of Kyrgyzstan. Currently, this statuette is deposited in the private museum "Rarity" in Bishkek. The comprehensive description of this sculptural image of the animal is provided. The arguments in favour of chronological attribution and cultural identity of this rare archaeological finding are proposed.

Keywords: *bronze statuette, image of camel, findings of surface, Chuy Valley, northern Kyrgyzstan.*

В составе предметного комплекса культур кочевников, населявших в течение эпохи раннего Средневековья горы и долины Тянь-Шаня, важное место занимают предметы торевтики. На большей части данных изделий раннесредневекового периода преобладают растительные орнаментальные мотивы. Однако иногда на подобных предметах встречаются изображения некоторых реальных или мифических животных, а также птиц и рыб [История…, 1984, с. 329]. Среди них есть реалистичные изображения некоторых диких копытных и хищных зверей. Например, в известном Кара-Куджурском кургане, исследованном на Тянь-Шане, были обнаружены оригинальные поясные бляшки и накладки с изображениями головы, передней части туловища и передних ног дикого кабана [Табалдиев, 2011, с. 121, 127]. На раннесредневековом археологическом памятнике Беш-Таш-Короо II, также исследованном на Тянь-Шане, в составе сопроводительного инвентаря древнетюркского захоронения с конем были найдены бронзовые бляшки с изображениями кошачих хищников [Табалдиев, 1996, рис. 16, *7*, *8*].

В последние годы сбором и приобретением подобных археологических находок наряду с сотрудниками государственных музейных учреждений Республики Кыргызстан начали заниматься некоторые владельцы частных музеев и любители древностей.

Среди разнообразных художественных изделий из цветных металлов, хранящихся в археологиче-



Бронзовая статуэтка с изображением верблюда.
1 – вид в профиль с левой стороны; *2* – вид спереди.

ском собрании частного музея «Раритет», который находится в г. Бишкеке и принадлежит известному кыргызстанскому бизнесмену В.А. Кадырову [Худяков, Борисенко, 2015, с. 427–428], представлены и предметы торевтики. В их числе имеется небольшая, не полностью сохранившаяся бронзовая статуэтка, изображающая двугорбого верблюда-бактриана. Данное художественное металлическое изделие представляет определенный, вполне самостоятельный интерес для научного изучения. Судя по сведениям, которые были получены от сотрудников этого музея, данный предмет был обнаружен на территории Чуйской долины в Кыргызстане. Вероятнее всего, данная находка могла быть сделана на поверхности одного из местонахождений на территории северной части Кыргызстана, на которых современные собиратели древностей разыскивают различные археологические предметы, относящиеся к древним и средневековым культурам Тянь-Шаня.

Данная редкая находка наряду с некоторыми другими средневековыми художественными металлическими изделиями, хранящимися в этом музейном собрании, была изучена авторами настоящей статьи [Худяков, Борисенко, Кечиева, 2017, с. 71].

У рассматриваемого скульптурного изображения двугорбого верблюда выделена довольно крупная голова с характерной, вытянутой вперед, плавно изогнутой мордой с массивными, пухлыми губами, круглыми глазами и большими ушами овальной формы. На голове верблюда изображена возвышающаяся гребнем между ушами и вдоль верхней части шеи полоса вертикально стоящих волос. Показана довольно короткая, но в то же время широкая, массивная плавно изогнутая шея. С нижней стороны на шее верблюда также выделяется изогнутая вертикальная мохнатая полоса удлиненных волос. На спине показаны два, расположенных один за другим, пологих массивных горба полувальной формы. Изображено несколько укороченное, но довольно крупное, массивное туловище верблюда, а также четыре ноги, нижние части которых у данной статуэтки когда-то были обломаны. Передние ноги показаны слегка согнутыми в коленных суставах. Концы ног, немного отогнутые назад, обломаны. Вполне вероятно, что изготовитель данной статуэтки стремился изобразить верблюда в движении, идущим вперед или перебирающим передними ногами. В верхней части на передних ногах верблюда видны вертикально расположенные, направленные сверху вниз удлиненные полосы. Возможно, таким образом, показаны участки передних ног, поросшие длинной шерстью. Задние ноги верблюда у статуэтки обломаны еще больше, чем передние. В отличие от передних ног вертикальные полосы шерсти на них никак не отмечены. На крупе показан довольно короткий, свисающий вниз между бедрами, гладкий хвост без выделенной кисточки (см. *рисунок*). Длина сохранившейся части статуэтки – 10 см, ее ширина – 3 см, высота – 8,3 см.

В целом рассматриваемая статуэтка изображает двугорбого верблюда достаточно реалистично, с соблюдением основных характерных пропорций головы, шеи и туловища этого копытного животного. Вполне возможно, что первоначально данная

статуэтка была отлита вместе с какой-то пластинчатой подставкой, которая была обломана вместе с окончаниями передних и большей частью задних ног животного.

Бронзовые предметы торевтики, в том числе подвесные бляшки и накладки с изображениями различных диких хищных и травоядных животных, современные исследователи и собиратели древностей неоднократно находили на археологических памятниках на территории Тянь-Шаня и Семиречья [Кечиева, 2016, с. 159–162]. Бронзовые подвесные бляшки с небольшими профильными изображениями двугорбых верблюдов - бактрианов в недавнем прошлом были проанализированы и введены в научный оборот [Худяков, Борисенко, Кечиева, 2017, с. 72–76]. Вероятнее всего, они были найдены на поверхности некоторых развеянных поселений или других археологических памятников, расположенных на территории Чуйской долины. Использоваться они могли в качестве подвесных украшений одежды или головных уборов древнетюркских кочевников, которые населяли степные районы Северного Кыргызстана в эпоху раннего Средневековья [Там же, с. 72–73].

Функциональное назначение данной бронзовой статуэтки верблюда не вполне ясно. К сожалению, это скульптурное изображение сохранилось не полностью, поэтому определить, каким образом и для чего оно могло использоваться, достаточно сложно. Вероятно, статуэтка могла принадлежать семье какого-то знатного человека. В то же время известно, что двугорбые верблюды широко использовались не только средневековыми древнетюркскими номадами, но и жителями городов Чуйской долины, в том числе купцами из городов Притяньшанья. Торговые караваны среднеазиатских купцов совершали далекие переходы по территории Центральной и Восточной Азии. Подобные двугорбые верблюды-бактрианы должны были служить кочевому и оседлому населению Тянь-Шаня и Семиречья основным средством для перемещения по торговым путям и для смены мест временных стоянок в течение цикла сезонных перекочевок.

Вероятно, данная, достаточно редкая находка могла принадлежать местному населению в период вплоть до принятия ислама. Вполне возможно, что эта бронзовая статуэтка с изображением верблюда была повреждена и случайно сохранилась в культурном слое одного из средневековых поселений в Чуйской долине.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта № 0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. 1. – 798 с.

Кечиева З.Р. Зооморфные образы на средневековой торевтике Тянь-Шаня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5: Археология и этнография. – С. 159–165.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Фирма «Айбек», 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: V.R.S. Company, 2011. – 320 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Бронзовые наконечники стрел из собрания музея «Раритет» в Бишкеке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 427–429.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кечиева З.Р. Бронзовые бляшки с изображениями из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 3: Археология и этнография. – С. 70–79.

References

Istorya Kirgizskoy SSR. S drevneyshikh vremen do serediny XIX v. Frunze: Kyrgyzstan, 1984, vol. 1, 798 p. (in Russ.).

Kechieva Z.R. Zoomorfnye obrazy na srednevekovoy torevtike Tian Shanya. *Vestn. Novosib. gos. un-ta*. Ser.: Istorya, filologya. 2016, vol. 15, No. 5: Arkheologya i etnografhya, pp. 159–165 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Bronzovye nakonechniki strel iz sobranya muzeya “Raritet” v Bishkeke. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Antropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 427–429 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Kechieva Z.R. Bronzovye blyashki s izobrazheniyami iz Chuyskoi doliny i Issyk-Kulskoy kotloviny Kyrgyzstana. *Vestn. Novosib. gos. un-ta*. Ser.: Istorya, filologya. 2017, vol. 16, No. 3: Arkheologya i etnografhya, pp. 70–79 (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovikh kochevykh plemen Tian-Shanya. Bishkek: Firma “Aibek”, 1996, 256 p. (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Drevnie pamyatniki Tian-Shanya. Bishkek: V.R.S. Company, 2011, 320 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.358-361
УДК 703.31.1

Д.В. Черемисин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: topsya@bk.ru

Исследование петроглифов в долине реки Чаган (Южный Алтай)

В статье приводятся данные о результатах полевых исследований разновременных наскальных рисунков на юге Российского Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). В 2018 г. была проведена серия разведочных маршрутов; с использованием современных ГИС-технологий осуществлено картографирование петроглифов разных эпох в нескольких урочищах р. Чаган. Впервые была произведена аэрофотосъемка местности с использованием квадрокоптера для построения модели рельефа местности и локализации петроглифов. Отмечен ряд закономерностей пространственного расположения наскальных изображений разных эпох. Новые находки фигур колесниц пополнили самую крупную коллекцию наскальных изображений транспортных средств бронзового века на юге Алтая. Открыты новые гравированные фигуры древнетюркской эпохи. В результате отмечена непрерывность традиций наскального искусства региона.

Ключевые слова: *петроглифы, Южный Алтай, картографирование, аэрофотосъемка, колесницы, древнетюркские гравюры.*

D.V. Cheremisin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: topsya@bk.ru

Petroglyph Studies in the Chagan River Valley (Southern Altai)

The author presents the data of the field studies of asynchronous rock art sites in the Kosh-Agach Region of the Altai Autonomous Republic in the southern part of the Russian Altai. The 2018 work schedule includes several reconnaissance routes and mapping petroglyphs of various ages in several areas in the Chagan Basin with the aid of GIS-technologies. For the first time, a drone aerophotography was executed in order to develop a topographic map of the area showing the petroglyph localities. Certain regularities in spatial dispersal of petroglyphs have been recognized. The newly discovered chariot images enlarge the greatest existing repertoire of the rock art images of the transportation means that were in use in the southern Altai in the Bronze Age. New engraved images of the Ancient Turkic period were found. The new finds support the idea of the continuous development of the rock art traditions in the Altai.

Keywords*: petroglyphs, southern Altai, mapping, aerophotography, chariots, Ancient Turkic engravings.*

В полевом сезоне 2018 г. Кош-Агачский отряд продолжил исследования петроглифов на юге Российского Алтая. Были проведены пешеходные разведки и осуществлено картографирование ансамблей наскальных изображений на правом берегу р. Чаган (Кош-Агачский р-н Республики Алтай), а также в бассейне рек Талдура и Чаган-Узун. Скальное обрамление речных долин – многочисленные сланцевые выходы на речных террасах и моренных грядах – изобилует плоскостями с изображениями, которые выбиты, прошлифованы или выгравированы на патинированных скальных поверхностях, покрытых пустынным загаром. Объектом изучения стали разновременные петроглифы, нанесенные на скальные выходы, отдельные останцы и моренные валуны в долине р. Чаган в урочищах Кызыл-Джар, Шин-Оозы, Тожон, Абиджай и др.

Поверхности скал, сложенных серыми и серо-зелеными сланцами, отшлифованы ледником,

сглажены, приобрели коричневый или черный цвет пустынного «загара» или патины. Разновременные наскальные изображения сконцентрированы на самых гладких, отполированных и загорелых выходах, иногда полностью покрытых рисунками. Скопления петроглифов, как правило, приурочены к местам зимних стоянок кочевников. Очевидно, что самые удобные места для этих зимовок были выбраны первыми скотоводами бронзового века, когда на юге Алтая сложились культуры, основой которых было подвижное скотоводство.

Картографирование петроглифов этих локусов позволяет фиксировать закономерности распространения петроглифов разных эпох, выяснение хронологии наскального искусства дает основание реконструировать этапы освоения кочевниками высокогорных степей. В течение нескольких сезонов на основе использования современных геоинформационных технологий коллективом сотрудников ИАЭТ СО РАН и НГУ создается база данных по наскальному искусству долины р. Чаган и интерактивная карта памятников [Черемисин и др., 2016].

В 2018 г. в ходе непродолжительных работ коллег-сотрудников НГУ с использованием квадрокоптера DJI Phantom 3 Pro была произведена аэрофотосъемка местности Соок-Тыт на правом берегу р. Чаган. Полученные данные дают возможность локализовать и отображать местоположения петроглифов в сложном рельефе местности. Несколько параллельных горных гряд, на которых сконцентрированы наскальные изображения, опускаются от озера Эдер-Кель к берегу реки. Долины между некоторыми из них, согласно нашей гипотезе, служили пространством для более или менее долговременных стоянок скотоводов, тогда как другие – только для прогона скота. Построение точной карты распространения петроглифов разных эпох позволит сделать выводы о роли рисунков как маркеров культурного пространства. Большое значение имеет расположение тамг, выявленных как в самой высокой зоне на верхней гряде, так и вдоль транспортных коридоров, на скалах внизу, ограничивающих широкие долины на уровне речных террас.

Рис. 1. Выбитое изображение колесницы, Узунжол.

Что касается хронологии петроглифов данного района, то по стилю, сюжетам и технике нанесения петроглифов можно выделить ряд изображений, находящих прямые аналогии с архаичным пластом наскального искусства горного Алтая. Это крупные контурные и силуэтные изображения быков, оленей, лосей, выполненные в технике крупноточечной выбивки, редко встречаются изображения медведя и кабанов. Этот пласт, очевидно, связан с традициями ранней поры бронзового века. Достоверно определяется «калбак-ташский» стиль, к которому можно отнести фигуры быков, в том числе навьюченных поклажей, в сценах с людьми, которые ведут их в поводу. Очевидно, к этому же пласту петроглифов, который можно датировать серединой II тыс. до н.э. [Молодин, Черемисин, 1997], также относятся характерные антропоморфные фигуры в грибовидных головных уборах. В урочище Узунжол на отдельном останце в многофигурной композиции изображения домашних быков с по-

Рис. 2. Изображение колесницы (сочетание техники выбивки и гравировки), Соок-Тыт.

клажей, а также людей в «грибовидных» головных уборах представлены в едином контексте.

Большой интерес представляет другая композиция с домашними быками, зафиксированная в этом урочище. Быки представлены стоящими друг над другом в несколько ярусов. Каждый – на короткой привязи, но быки были, по всей видимости, привязаны не к вертикально стоящему столбу, а к одной общей веревке-привязи. По построению композиции эти петроглифы представляют собой несомненную аналогию изображениям на плите из с. Озерное, для которой в обширном массиве петроглифов Алтая известны лишь единичные параллели (Калбак-Таш).

В ходе проведения разведочных маршрутов были обнаружены новые изображения колесного транспорта – легких колесниц бронзового века. Этот сюжет хорошо известен и исследован в контексте выяснения древних коммуникаций, определения направлений и времени миграций скотоводов эпохи развитой и поздней бронзы. На сегодняшний день коллекция наскальных изображений колесниц из долины р. Чаган и соседней долины р. Елангаш – самая представительная на территории российского Алтая и составляет более 60 экземпляров. Новые петроглифы, воспроизводящие легкие пароконные двухколесные повозки, найдены на выходе из долины Узунжол (рис. 1) и в то же время на высоких скалах в урочище Соок-Тыт. Для местных локальных памятников можно отметить те же закономерности, что отличают и другие местонахождения Российского и Монгольского Алтая – изображение в одной сцене нескольких колесниц, а также использование сочетания техники мелкоточечной выбивки с тонкой гравировкой для детализации объекта (рис. 2).

Петроглифы раннего железного века также широко представлены в долине р. Чаган на протяжении нескольких десятков километров. Чаще всего представлены травоядные и хищные животные (маралы, горные козлы, кабаны, лошади, двугорбые верблюды, а также кошачьи хищники, волки и др.). Этот пласт рисунков отличает стилизация в скифском зверином стиле. Начальный этап этого стиля, по всей видимости, демонстрируют многочисленные петроглифы «в стиле оленных камней». Наиболее многочисленны фигуры оленей-маралов «монголо-забайкальского типа» с вытянутыми гипертрофированными губами, напоминающими клюв птицы.

По большей части это крупные фигуры оленей, помещенные, как правило, на горизонтальные поверхности скальных выходов, выполненные и в технике точечной выбивки, и тонкой гравировкой. При этом фиксируется, что выбивка производилась по предварительно выгравированному эскизу и не всегда была завершена. Несколько композиций со стилизованными оленями воспроизводят структуру изображений на оленных камнях монголо-забайкальского типа. Большой интерес представляет прошлифованное изображение

кинжала скифской эпохи с кольцевым навершием и прямым перекрестьем.

Раннесредневековые гравюры долины р. Чаган, в которых в деталях представлены оружие, одежда, прически, экипировка боевых коней, составляют ценнейший источник для реконструкций. В 2018 г. зафиксирована новая серия изображений как одиночных фигур всадников, так и многофигурных композиций с батальными и охотничьими сюжетами. Древнетюркские гравированные петроглифы Чагана отличает особый стиль и совершенство мастеров-граверов. При этом также встречаются и петроглифы древнетюркской эпохи, выполненные в технике выбивки, а не гравировки, это те же батальные и охотничьи сюжеты и реалии.

Следующий пласт петроглифов южного Алтая соотносится, по моему мнению, с эпохой джунгарских войн, когда местное население было вовлечено в события, связанные с историей последней кочевой империи. Локальную военную историю изображают многочисленные сюжеты с огнестрельным оружием (сошниковые ружья, из которых противники стреляют друг в друга). Также воспроизведены клинковое оружие, головные уборы, обувь, пояса – все изображения выгравированы и процарапаны на скалах, зачастую поверх древних петроглифов и слабо патинированы.

Большой интерес представляет серия изображений шаманов в особых одеяниях и головных уборах, с бубнами в руках, а также самих бубнов. Многочисленны фигуры людей в традиционной одежде, всадников, лошадей и верблюдов с тамгами на крупе, сюжеты, связанные с охотой и скотоводством. Встречаются редкие для наскального искусства сюжеты нового и новейшего времени – изображения юрт и срубных построек, загонов для скота, войлочных ковров, зимнего транспорта (саней с запряженной лошадью). Для петроглифов долины р. Чаган характерны многочисленные случаи подновления древних изображений, осветления гравировок, включения древних фигур в новые композиции, например, представление оленей бронзового века в качестве животных, которых преследуют охотники с ружьями и т.п. Кроме того, неоднократно встречены достаточно пространные нарративы – автографы, морализаторские сентенции, любовная лирика, тексты песен, стихотворные послания, помещенные в контекст наскальных изображений, как ковром покрывающих скальные плоскости.

Можно констатировать, что традиции наскального искусства на юго-востоке Горного Алтая, возникнув однажды, никогда не прерывались; что все популяции скотоводов использовали скалы для выражения языком графических изображений актуального для них содержания, для окультуривания пространства, для творчества и самовыражения. Приблизиться к содержанию традиционного искусства позволяит пространственный анализ памятников, изучение стиля и сюжетов петроглифов.

Список литературы

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы эпохи бронзы плоскогорья Укок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. V. – С. 247–252.

Черемисин Д.В., Казаков В.В., Жумадилов К.Б., Ковалев В.С. Картографирование петроглифов в долине р. Чаган (Южный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 462–465.

References

Cheremisin D.V., Kazakov V.V., Zhumadilov K.B., Kovalev V.S. Kartografirovanie petroglifov v doline r. Chagan (Yuzhnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 462–465 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Petroglify epokhi bronzy ploskogor'ya Ukok. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, vol. V, pp. 247–252 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.362-366
УДК 903.27(510)

Д.В. Черемисин[1], С.А. Комиссаров[1, 2], М.А. Кудинова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
[3]Пекинский университет
E-mail: sergai@mail.ru

Писаницы Левой реки (Китай)

В статье приводятся сведения о красочных наскальных изображениях в долине Цзоцзян (Левой реки) в Гуанси-Чжуанском автономном районе (КНР), полученные в результате обследования, проведенного коллективом авторов в октябре 2018 г. Известные с древности, рисунки были изучены во второй половине прошлого века и датированы на основании идентификации исторических реалий, воспроизведенных на скалах, с артефактами из раскопок. Писаницы отнесены в основном к периоду с V в. до н.э. до II в. н.э. В 2013 г. данный памятник, включающий 38 локальных местонахождений, вошел в список культурного наследия ЮНЕСКО. Авторы статьи обследовали одно из локальных местонахождений. Получены сведения о распространенности, стиле, сюжетах изображений, о методах исследования, принципах интерпретации и системе охраны памятников. На встречах с китайскими коллегами обсуждались перспективы дальнейшего изучения, связанные с новыми технологиями датирования наскальных изображений.

Ключевые слова: *петроглифы, писаницы, долина реки Цзоцзян (Левой), культурное наследие, список ЮНЕСКО.*

D.V. Cheremisin[1], S.A. Komissarov[1, 2], M.A. Kudinova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
[3]Peking University
E-mail: sergai@mail.ru

Rock-Painting of Left River (China)

The article presents new data about painted rock-art sites at the Zuojiang (Left River) valley in Guangxi-Zhuang autonomous region (PRC), that were collected during investigation fulfilled by article's authors in October of 2018. The paintings that were known from ancient times were mostly studied in the second half of the 20th century and dated on the basis of parallels between historic realities depicted on rocks with the artifacts from excavations. Most of the paintings were dated to the range from 5th century BC to 2nd century AD. In 2013, the whole rock-art site, including 38 loci, was included into the UNESCO World Heritage list. The authors of this article have studied one of these local sites. As a result, we collected the data about dispersal, style and subjects of rock images as well as knowledge of methods of investigations, principles of interpretation and a system of monuments' protection. At the meeting with Chinese colleagues, the perspectives of further investigation connected with new techniques of dating of the pained images were discussed.

Keywords: *petrogliphs, rock-paintings, Zuojiang (Left) River valley, cultural heritage, UNESCO list.*

Исследования писаниц долины р. Цзоцзян (Левой реки) на территории Гуанси начались еще в «донаучный» период, когда сунский чиновник и литератор Ли Ши (XII в.) в сочинении, вошедшем в сборник «Сюй боу чжи» («Продолжение описания экспонатов»), описал «тени духов» (или, скорее, «тени чертей»), нарисованные на каменных стенах глубокой речной долины на территории «двух Гуан»*; к ним приплывали на лодках люди, считавшие их изображениями своих предков, которым совершали жертвоприношения (см.: [Тань Шэнминь и др., 1987, с. 15]). И хотя точные координаты в приведенном фрагменте не указаны,

*Распространенное обобщающее название для Гуанси и Гуандуна.

Рис. 1. Сюжет с антропоморфной фигурой вождя в окружении участников ритуала.

но никаких иных столь же заметных местонахождений наскальной живописи на территории Южного Китая не найдено. Отмечали уникальный памятник путешественники и краеведы более позднего времени. Однако научное его изучение началось только в августе 1958 г.

Выяснилось, что по своим размерам памятник, распространенный на десятки километров, значительно превосходит остальные местонахождения наскальной живописи в Китае [Комиссаров, Черемисин, Кудинова, 2018], а наиболее решительные местные авторы (под руководством директора краеведческого музея Лань Жицзи) даже утверждают, что это самая большая по масштабам писаница в мире [Гуанси..., 2006]. Совместными усилиями китайских и зарубежных ученых за прошедшие десятилетия созданы как академические монографии [Тань Шэнминь и др., 1987], так и хорошо иллюстрированные научно-популярные издания*, которые позволили вынести материалы Хуашань на обсуждение международной научной общественности.

В 2016 г., после 13 лет напряженной и скрупулезной подготовительной работы, памятник – единственный среди многочисленных писаниц Китая – был включен в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. В кратком описании сказано, что объект включает в свой состав 38 местонахождений рисунков, которые иллюстрируют повседневную и ритуальную жизнь народа ло-юэ, что они воплотили на скалах «культуру бронзовых барабанов» и датируются периодом с V в. до н.э. по II в. н.э. [Zuojiang…, 2016]. Дата была получена, главным образом, за счет сопоставлений исторических реалий, воспроизведенных в составе петроглифов (изображения лодок, кинжалов, барабанов и колокольчиков), с артефактами, выявленными на памятниках местного, гуансиского варианта донгшонской культурной общности [Ян Цинпин и др., 2016]. При этом некоторые специалисты, изучавшие рисунки, не исключают и более раннюю хронологию памятника. Попытку более точно датировать крашеные рисунки ураниевым методом нельзя назвать удачной из-за слишком большого разброса в полученных датах [Шао Цинфэн, 2016].

Соответственно, детальное изучение данного высокоинформативного объекта стало одной из важных составляющих проекта № 18-09-00557. В октябре 2018 г. была организована экспедиция в уезд Нинмин Гуанси-Чжуанского автономного района (ГЧАР) для непосредственного осмотра и фиксации рисунков на скалах. В организации этого обследования значительную помощь оказали китайские коллеги: профессор Тан Чун (Китайский

*Одно из наиболее удачных онлайн-изданий см.: [Gao Qian, 2011].

Рис. 2. Многофигурная композиция с изображениями людей и животных.

университет Гонконга), доктор Се Гуанмао (Институт археологии и материальной культуры Гуанси), руководители и сотрудники Музея ГЧАР (г. Наньнин) и Музея уезда Нинмин; всем им авторы выражают искреннюю благодарность.

В результате были осмотрены наиболее важные местонахождения писаниц в горах Хуашань, на которых представлены основные сюжеты комплекса изображений. Сконцентрированные на вертикальных поверхностях, фигуры организованы в сюжетно связанные композиции, приуроченные обычно к слегка углубленным скальным нишам. В таких естественных углублениях на высоте от 3-х до нескольких десятков метров изображены животные, собаки или лошади, и антропоморфные персонажи. Центральный образ – мужская фигура анфас с поднятыми руками с мечом на поясе трактуется как образ вождя во время ритуала с участием членов родового коллектива, члены которого представлены в виде человеческих фигур рядом с вождем (рис. 1)*. Весь комплекс изображений отличается единой стилистикой и сюжетным однообразием, создается впечатление, что наскальные рисунки, распространенные на протяжении десятков километров, хронологически и содержательно однородны (рис. 2).

Визуальные наблюдения позволили лучше почувствовать огромный масштаб памятника, осознать всю сложность нанесения громадных (до 3 м в высоту) рисунков на крутых речных берегах, да еще и очень высоко над поверхностью воды (до 90 м, а иногда даже более 100 м). Некоторые китайские коллеги полагали, что древние художники имели возможность нанести рисунки на такой высоте с лодок, в сезоны большой воды. Однако маловероятно, чтобы вода поднималась на десятки метров. К тому же большая вода – это быстрая вода; лодку было бы трудно закрепить из-за сильного течения. Также маловероятно, что художники спускались сверху на канатах, сплетенных из лиан – из-за все той же недостаточной устойчивости. Скорее всего, для работ на высоте возводились бамбуковые конструкции с помостами*, либо строились лестницы с крюками – типа тех, о которых упоминается в 11-й главе трактата «Хань Фэй-цзы». В нем сообщается, что при помощи таких приспособлений люди чжаоского правителя Чжуфу поднялись на гору, чтобы запечатлеть на ней «след великана» (см.: [Чэнь Чжаофу, 2002, с. 17]).

Несмотря на открытость скальных поверхностей с росписями свету и стихиям, живописные изображения Хуашань отличает интенсивный цвет

*Все фотографии выполнены Д.В. Черемисиным в ходе обследования писаниц в Хуашань (уезд Нинмин, ГЧАР, КНР) в октябре 2018 г.

*Обзор гипотез см.: [Чэнь Цань и др., 2016].

Рис. 3. Директор Центра по изучению и сохранению наскальных рисунков Чжу Цюпин у скалы с рисунками.

красок, различающихся оттенками от красного до малинового. В редких случаях фиксируются перекрывания одних крашеных рисунков другими. Свежесть красок на писаницах, по мнению Лань Жиюна, связана с химическим составом красителей: охра разводилась растительными соками, содержащими щавелевую кислоту. Такие краски, вступая в реакцию с карбонатом кальция и удаляя двуокись углерода с известняковых скальных поверхностей, на которые наносились рисунки, образовывали в результате оксалат кальция, который твердой коркой покрывал красочную поверхность, защищая ее от старения [Чэнь Цань и др., 2016].

Сотрудники Центра по изучению и сохранению наскальных рисунков проводят круглогодичный мониторинг природной среды, установленные датчики фиксируют температуру внутри и на поверхности скал, которые разрушаются от влажности и перепадов температур (рис. 3). В таком случае проводится реставрация разрушающихся плоскостей с рисунками. В качестве своеобразной библиотеки в Центре хранится набор образцов реставрационных составов, которые применялись для укрепления скал в разные годы. Перспективы научного изучения писаниц Хуашань связаны с применением новых методов датирования по красителям или составам натеков, перекрывающих рисунки, а сохранение – с развитием способов защиты многочисленных изображений этого уникального комплекса.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00557).

Список литературы

Гуанси чжи цзуй / Лань Жицзи чжубянь. (Самое-самое в Гуанси / отв. ред. Лань Жицзи). – Наньнин: Гуанси жэньминь чубаньшэ, 2006. – 320 с. (на кит. яз.).

Комиссаров С.А., **Черемисин Д.В.**, **Кудинова М.А.** Самая большая писаница Китая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 367–369.

Тань Шэнминь, **Тань Цайлуань**, **Лу Минфэй**, **Юй Жуюй**. Гуанси цзоцзян лююй ябихуа каоча юй яньцзю. (Обследование и изучение наскальных рисунков в бассейне р. Цзоцзян в Гуанси). – Наньнин: Гуанси миньцзу чубаньшэ, 1987. – 257 с. (на кит. яз.).

Чэнь Цань, Чэнь Юань, Ли Янь, Оу Синжун. Чжуаньцзя цзеду хуашань яньхуа у да митуань: вэйхэ лицзин цяньнянь жэн бу туйсэ (Специалисты раскрывают пять больших секретов писаниц Хуашань: почему за тысячелетнюю историю они по-прежнему не поблекли) // Информ. портал «Жэньминь ван» («Народ онлайн»). – 15.07.2016. – URL: http://culture.people.com.cn/n1/2016/0715/c87423-28558289.html (дата обращения: 01.10.2018) (на кит. яз.).

Чэнь Чжаофу. Гудай яньхуа фасянь ши. (Древняя наскальная живопись). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2002. – 248 с. (на кит. яз.).

Шао Цинфэн. Цзоцзян хуашань яньхуадэ U–си нянь-дай яньцзю (Изучение ураниевой хронологии писаниц Ху-ашань на р. Цзоцзян) // Чжунго вэньхуа ичань (Культурное наследие Китая). – 2016. – № 4. – С. 66–69 (на кит. яз.).

Ян Цинпин, **Вэй Шаньшань**, **Хуан Синь**. Цзоцзян юцзян лююй каогу ицунь юй цзоцзян хуашань яньхуа гу-аньляньсин чубу яньцзю (Предварительное исследование релевантности археологических памятников бассейна рек Цзоцзян и Юцзян с наскальными рисунками в Хуашань на р. Цзоцзян) // Чжунго вэньхуа ичань (Культурное насле-дие Китая). – 2016. – № 4. – С. 41–47 (на кит. яз.).

Gao Qian. The Rock Art of Huashan // Bradshaw: Foundation [сайт]. – 2011. – URL: https://www.bradshawfoundation.com/china/huashan/index.php (дата обращения: 01.10.2018).

Zuojiang Huashan Cultural Landscape // World Heritage Centre, UNESCO [сайт]. – 2016. – URL: https://whc.unesco.org/en/list/1508 (дата обращения: 01.10.2018).

References

Chen Can, Chen Yuan, Li Yan, Ou Xingrong. Zhuanjia jiedu huashan yanhua wu da mituan: weihe lijing qiannian reng bu tuise (Specialists uncover five big secrets of Huashan rock-paintings: why they hadn't lost their colors yet?) // Inform. portal "Renmin wang" ("People's online"). 15.07.2016. URL: http://culture.people.com.cn/n1/2016/0715/c87423-28558289.html (accessed: 01.10.2018) (in Chin.).

Chen Zhaofu. Gudai yanhua faxian shi (Ancient rock painting). Beijing: Wenwu chubanshe, 2002, 248 p. (in Chin.).

Gao Qian. The Rock Art of Huashan // Bradshaw: Foundation. 2011. URL: https://www.bradshawfoundation.com/china/huashan/index.php (accessed: 01.10.2018).

Guangxi zhi zui / Lan Riji zhubian (All the biggest [objects] in Guangxi / ed.-in-chief Lan Riji). Nanning: Guangxi renmin chubanshe, 2006, 320 p. (in Chin.).

Komissarov S.A., Cheremisin D.V., Kudinova M.A. Samaya bol'shaya pisanitsa Kitaya In *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii: sbornik nauchnykh statei.* Barnaul, Altai Univ. Press, 2018, iss. 2, pp. 367–369 (in Russ.).

Tan Shengmin, Tan Cailuan, Lu Mingfei, Yu Ruyu. Guangxi zuojiang liuyu yabihua kaocha yu yanjiu (Survey and study of rock-paintings in Left River (Zuojiang) basin, Guangxi). Nanning: Guangxi minzu chubanshe, 1987, 257 p. (in Chin.).

Shao Qingfeng. Zuojiang huashan yanhuade U–xi niandai yanjiu (Studies in Uranium chronology of Huashan rock-paintings of Zuojiang). *Zhongguo wenhua yichan (Cultural heritage of China)*, 2016, No. 4, pp. 66–69 (in Chin.).

Yang Qingping, Wei Shanshan, Huang Xin. Zuojiang youjiang liuyu kaogu yicun yu zuojiang huashan yanhua guanlianxing chubu yanjiu (Preliminary investigations of relevance of archaeological remnants in the basin of Zuojiang and Youjiang with Huashan rock-paintings of Zuojiang). *Zhongguo wenhua yichan (Cultural heritage of China)*, 2016, No. 4, pp. 41–47 (in Chin.).

Zuojiang Huashan Cultural Landscape. In *World Heritage Centre, UNESCO*. 2016. URL: https://whc.unesco.org/en/list/1508 (accessed: 01.10.2018).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.367-370
УДК 902+572

Т.А. Чикишева[1], П.В. Волков[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский государственный университет
E-mail: volkov100@yandex.ru

Случаи возможного ритуального прижизненного травмирования черепов пазырыкской культуры (Горный Алтай)

На трех черепах мужчин, захороненных в курганах пазырыкской культуры, локализованных в долине р. Ак-Алаха (плоскогорье Укок, Горный Алтай), в области левого лобного бугра обнаружены следы хорошо заживших травм в виде неглубоких желобков. Микроскопическое обследование и трасологический анализ этих дефектов показал, что воздействие на поверхность кости производилось твердым заостренным предметом. Характер травмирования черепов производился ударами сравнительно одинаковой силы без намерения прободения кости. Вероятно, для обеспечения точности повторных ударов в одну точку с одинаковым усилием и направлением кроме инструмента, контактирующего с поверхностью черепа, для передачи на него импульса силы использовалось второе – ударное – орудие. Сделано предположение о ритуальном характере манипуляции и о возможности отнесения данных травм к символическим трепанациям.

Ключевые слова: *пазырыкская культура, ритуал, травма, череп, трасологический анализ.*

T.A. Chikisheva[1], P.V. Volkov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk State University
E-mail: volkov100@yandex.ru

Cases of Possible Intravital Ritual Traumatization of Pazyryk Culture Skulls (Mountain Altai)

The three male skulls recovered from burial mounds of the Pazyryk culture in the Ak-Alakha valley (the Ukok Plateau, Gorny Altai) show traces of well-healed injuries in the form of shallow grooves at the left frontal tubercle. The microscopic analysis of these defects showed that the bone surface was subjected to the effect of a hard pointed object. The skulls injuring was carried out by strikes of a relatively equal strength without the intention of bone perforation. To ensure the accuracy of repeated shocks at one point with the same force and direction, additional striking tool might have been used to transmit a force impulse onto the tool in contact with the surface of the skull. The ritual nature of manipulation and the possibility of classifying these injuries as symbolic trepanations is assumed.

Keywords: *Pazyryk culture, ritual, trauma, skull, traceological analysis.*

Палеоантропологические материалы раннего железного века из Горного Алтая опубликованы неоднократно. В основном посвященные им исследования были направлены на реконструкцию антропологического (краниологического и одонтологического) состава популяций пазырыкского населения и на решение задач его генезиса. Несмотря на важность достигнутых результатов, потенциал горно-алтайских палеоантропологических коллекций использован далеко не в полной мере. Современность диктует новые подходы, направленные на изучение разных аспектов образа жизни носителей археологических культур, и предоставляет для их реализации методологические и технологические возможности. В частности, накоплен опыт экспериментальных исследований, на основе которого создана методика микроскопического обследования и трасологического изучения следов нарушения целостности костной ткани скелета [Волков, 2013], позволяющая реконструировать характер травми-

рующего воздействия. Использовалось специальное оптическое оборудование для исследования поверхности костей и фотоаппаратура макро- и микросъемки для фиксации любых ее особенностей.

При очередном обследовании краниологических материалов пазырыкской культуры, происходящих из курганных комплексов долины р. Ак-Алаха (плоскогорье Укок, Горный Алтай), на трех черепах мужчин в области левого лобного бугра были обнаружены следы хорошо заживших травм в виде неглубоких желобков. Следы воспалительной реакции на данном участке кости отсутствуют. Вся серия составляет 11 черепов взрослых индивидов – 10 мужских и 1 женский. В коллекции палеоантропологических материалов из курганов в долине р. Ак-Алаха имеются также фрагменты детских скелетов (5 индивидов, из них 3 в возрасте 8–10 лет и 2 – 1,5–2 лет), череп сохранился от одного из них и, судя по огромным его размерам, он принадлежал мальчику около 8 лет. На этом черепе травма не обнаружена. Травмированные черепа происходят из курганов в комплексах Ак-Алаха-1 и Ак-Алаха-5.

На черепе из погр. 1 кург. 1 комплекса Ак-Алаха-1 (возраст индивида 40–45 лет) оставленный травмой дефект имеет вид неглубокого желобка 9,2 × 6,2 мм, расположенного непосредственно на лобном бугре почти перпендикулярно к надбровной дуге (рис. 1, *1*). На черепе из погр. 1 кург. 3 комплекса Ак-Алаха-5 (возраст индивида 25–30 лет) дефект в виде двух неглубоких желобков (медиальный имеет размеры 10,61 × 7,1 мм, латеральный – 15,1 × 5,3 мм), направленных латерально и вниз, фиксируется сбоку от лобного бугра (рис. 2, *1*). На черепе из погр. 2 кург. 3 комплекса Ак-Алаха-5 (возраст индивида 25–30 лет) фиксируется один желобок подпрямоугольной формы размером 10,0 × 6,0 мм, также локализованный сбоку от лобного бугра, но имеющий направление длинной стороны медиально и вниз (рис. 2, *3*).

Рис. 1. Череп мужчины из погр. 1, кург. 1 комплекса Ак-Алаха-1 со следами прижизненного травмирования лобной кости.
1 – стрелкой указано направление и место удара; *2* – микрофотография дефекта.

Микроскопическое обследование дефектов выявило ряд особенностей на их поверхности. Во всех случаях наблюдается восстановление поверхности травмы, т.к. сформировался регенерат компактной костной ткани (рис. 1, *2*; 2, *2*, *4*). Это свидетельствует о прижизненном характере генезиса обнаруженных дефектов. Воздействие на поверхность кости производилось твердым заостренным предметом, имеющим в зоне контакта участок с линейной протяженность от 9,2 до 15,1 мм. Удар по черепам наносился по касательной, сверху вниз с небольшими флуктуациями в медиальном или латеральном направлении (рис. 1, *1*; 2, *1*, *3*), что показано на рисунках стрелками. Судя по рельефу следов скалывания на черепах, удар наносился в каждую из деформированных зон дважды, с одинаковой силой и углом контакта с поверхностью кости. Особо отчетливо это прослеживается на черепе из погр. 1 кург. 1 комплекса Ак-Алаха-5 (рис. 2, *2*).

Контактные участки ударных инструментов имели несколько отличную друг от друга конфигурацию. Следы ударов по черепам из погр. 1 кург. 1 комплекса Ак-Алаха-1 (рис. 1, *1*) и из погребения 1 кург. 1 комплекса Ак-Алаха-5

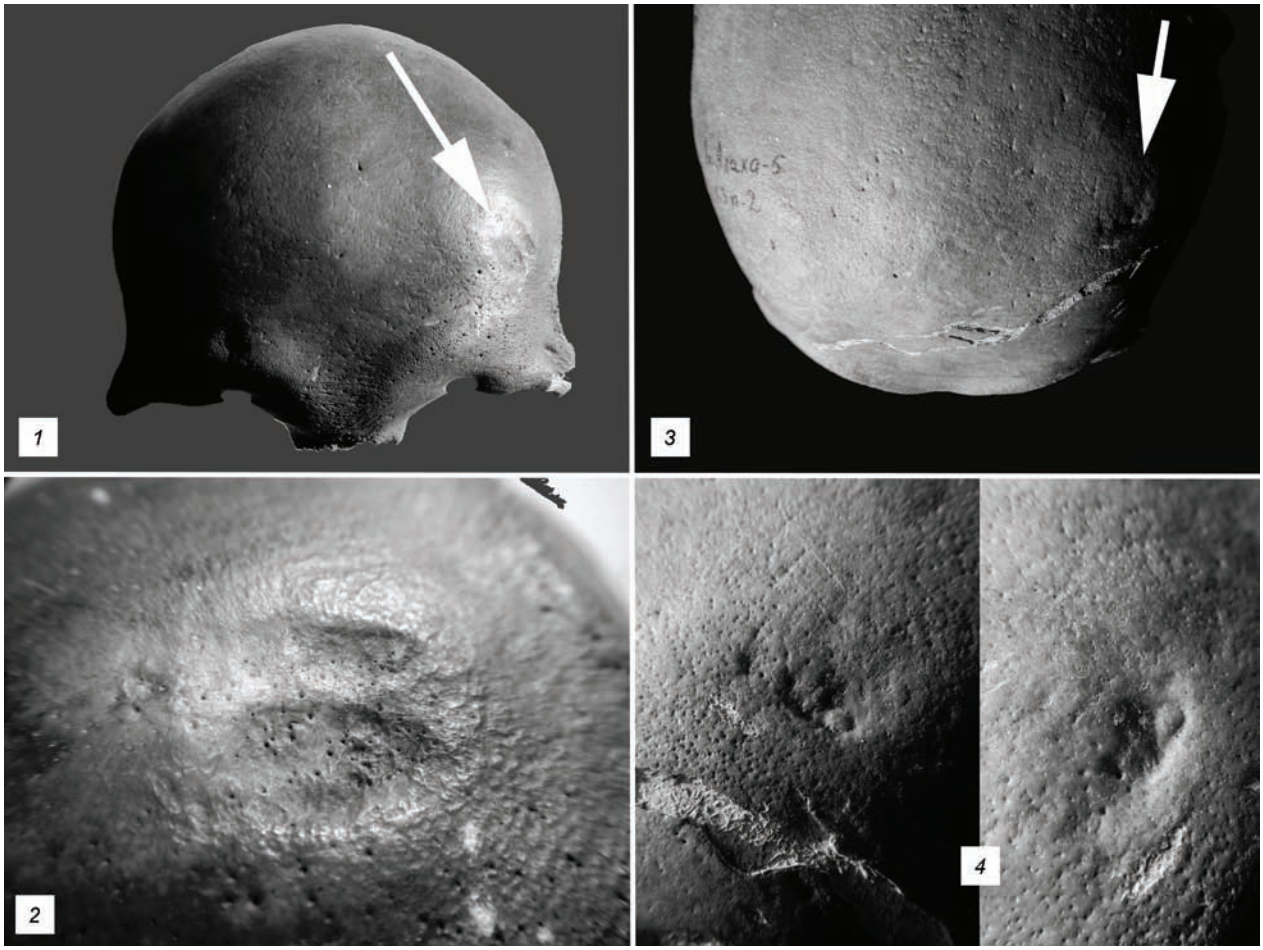


Рис. 2. Черепа мужчин из кург. 3 комплекса Ак-Алаха-5 со следами прижизненного травмирования лобной кости. *1, 3* – стрелками указаны направления и места ударов; *2* – микрофотография дефекта на черепе из погр. 1; *4* – микрофотография дефекта на черепе из погр. 2.

(рис. 2, *1*) производились орудием со слегка выгнутым во внешнюю сторону от линии удержания инструмента рабочим участком. Это привело к формированию скола с вогнутым внутрь черепа в поперечном сечении дном желобка, что хорошо прослеживается на втором черепе (рис. 2, *1*). О ширине контакта с поверхностью кости рабочих участков орудий, которыми наносился удар, можно судить по ширине желобков, составляющей в первом случае 6,2 мм, а во втором 5,3 и 7,1 мм.

Сохранность черепов была определена как хорошая и достаточная для проведения микроскопического обследования и трасологического анализа. Для исследований была собрана база данных в виде серии фотоснимков, производившихся при различном освещении объекта. Накопленная при проведении аналогичных исследований сравнительная информация позволила сделать выводы о генезисе деформации исследуемых черепов.

Удар по черепу из погр. 2 кург. 1 комплекса Ак-Алаха-5 (рис. 2, *2*) производился орудием с прямым контактным участком, что привело к формированию относительно плоской поверхности на участке скола (рис. 2, *4*). Ширина контакта рабочего участка орудия, которым наносился удар, с поверхностью кости – 6,0 мм. Он был нанесен под относительно более тупым углом, что привело к образованию на травмированной поверхности некоторой «ступенчатости» (рис. 2, *4*).

Характер травмирования черепов производился ударами сравнительно одинаковой силы без намерения прободения кости. Вероятно, для обеспечения точности повторных ударов в одну точку с одинаковым усилием и направлением использовалось два инструмента. Необходимо было применение ударного «орудия» для передачи импульса силы на «стесывающий» инструмент, контактирующий непосредственно с черепом.

Если вопрос о прижизненном происхождении зафиксированных дефектов решается однозначно, то о причине преднамеренного нанесения таких травм весьма сложным способом мы можем говорить только предположительно. Поскольку травмированы черепа взрослых мужчин, повреж-

дения во всех случаях локализованы практически на одном участке лобной кости и выполнены одинаковым способом, сомнительно их появление в результате простой случайности. Более того, два индивида захоронены под одной курганной насыпью (кург. 3 комплекса Ак-Алаха-5) и, вероятно, являются родственниками, о чем свидетельствует обнаруженная у них общая аномалия – не приросший к крестцу первый позвонок (S1). Таким образом, в относительно небольшой выборке черепов мы обнаружили серию однотипных травм.

В современной литературе, посвященной биоархеологическому контексту особенностей морфологии палеоантропологических материалов, дается оценка последствий влияния травмирующих факторов бытовой среды и освещается, в том числе, такой аспект травматизма социального характера, как обрядово-ритуальная практика. Особый пласт данных относится к нарушениям целостности свода черепа, символизирующим трансформации экзистенционального состояния человека и являющимся частью обряда инициации или перехода индивида в новый социальный статус, либо маркирующим его принадлежность к определенной профессиональной или иной категории членов общества. Результатом таких манипуляций являются незначительные поверхностные повреждения, затрагивающие, как правило, внешнюю компакту и не допускающие сквозного прободения кости. Следы этих манипуляций объединены в общую категорию маркеров, получившую название «символические трепанации». Анализ символических трепанаций в широком спектре культурных образований и в хронологической динамике проведен М.Б. Медниковой [2003, 2004, с. 119–142]. В этих данных не содержатся сведения о дефектах, аналогичных зафиксированным нами на пазырыкских черепах Укока. Вполне вероятно, что исследователи идентифицировали такие следы как зажившие травмы, не придавая им иного семантического значения, которое выявляется только при определенных закономерностях, в данном случае при повторяемости явления в малой по численности группе.

Мы не уверены, что зафиксированные нами травмы можно идентифицировать как символические трепанации, но предполагаем, что они были нанесены мужчинам, захороненным в акалахинских курганах с ритуальной целью. Для ее понимания необходим просмотр всей пазырыкской коллекции. На данный момент мы предлагаем относиться к ним как к маркерам ритуального прижизненного травмирования.

Список литературы

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Медникова М.Б. Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии: символические трепанации // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 147–156.

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетейя, 2004. – 205 с.

References

Mednikova M.B. Ritual'noe posvyashchenie u drevnikh narodov Evrazii po dannym antropologii: simvolicheskie trepanatsii. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2003, No. 1 (13), pp. 147–156 (in Russ.).

Mednikova M.B. Trepanatsii v drevnem mire i kul't golovy. Moskow: Aleteiya, 2004, 205 p. (in Russ.).

Volkov P.V. Opyt eksperimenta v arkheologii. – St. Petersburg: "Nestor-Istoriya", 2013, 416 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.371-375
УДК 572.08

Т.А. Чикишева[1], Д.А. Завгородняя[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: chikisheva@ngs.ru

Асимметрии на черепах ранних кочевников Тувы

Представлены результаты разработки и апробирования методики фиксирования асимметрий билатеральных анатомических признаков на черепе человека. Были обследованы краниологические серии, относящиеся к археологическим культурам раннего железного века Турано-Уюкской котловины – алдыбельской (Аржан-2 и Коптo) и уюкско-саглынской (Догээ-Баары-2). Использован комплекс признаков, отражающих функционирование мышц шейного, спинного и лицевого отделов, особенности их иннервации и кровоснабжения. Предложен алгоритм применения статистических процедур для дифференцирования признаков с флуктуирующей (ФА) и направленной (НА) асимметрией. Полученные данные показали, что асимметрии одних и тех же признаков могут по-разному проявлять себя в разных группах, т.е. варьировать как ФА или НА. Обнаружены межгрупповые и гендерные различия интегрального индекса ФА.

Ключевые слова: *флуктуирующая асимметрия, направленная асимметрия, Турано-Уюкская котловина, алдыбельская культура, уюкско-саглынская культура.*

T.A. Chikisheva[1], D.A. Zavgorodnyaya[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Novosibirsk National Research State University
E-mail: chikisheva@ngs.ru

Asymmetries on the Skulls of the Early Nomads of Tuva

The results of designing and testing of the technique for recognition of the asymmetries of bilateral anatomical features on the human skull are presented. The craniological collections related to the archeological cultures of the early Iron Age of the Turano-Uyuk Basin – Aldybelskaya (Arzhan-2 and Kopto) and Uyuksko-Saglynskaya (Doge-Baary-2) – were studied. The study was based on a complex of features relevant to functioning of the muscles of the cervical, spinal and facial parts as well as the features of their innervation and blood supply. An algorithm for applying statistical procedures for differentiating characteristics with fluctuating (FA) and directed (DA) asymmetry is proposed. The analytical data showed that the asymmetries of the same characteristics can manifest themselves differently in various groups, i.e. vary as FA or DA. Intergroup and gender differences in the FA integral index were established.

Keywords: *fluctuating asymmetry, directed asymmetry, Turano-Uyukskii basin, Aldybelskaya culture, Uyuksko-Saglynskaya culture.*

Классическая краниометрическая программа, положенная в основу антропологических исследований, направленных на изучение расогенетической дифференциации древнего населения, предполагает исследование признаков, имеющих билатеральную представленность на черепе (размеры орбит, носового отверстия, скуловых костей и др.) по левой стороне тела. Все без исключения исследователи, проводящие измерения черепов замечают, что практически всегда присутствует хотя бы небольшая разница в размерах признаков на левой и правой стороне, но для активной работы используют постулированный в самом начале формирования методики краниометрического обследования принцип. Он выполняет свои задачи, обеспечивая сопоставимость краниометрических данных, полученных всеми представителями антропологического сообщества.

Исследования показателей асимметрии на палеоантропологическом материале занимают опреде-

ленную нишу в науке, но в основном их объектом является плечевая кость, на которой легко выявляются маркеры право- и леворукости (см., напр.: [Typ, 2014; Auerbach, Ruff, 2006; Neumann, 1992; Plato, Wood, Norris, 1980; Steel, 2000; Steele, Mays, 1995]). Это связано с актуальностью разработки моделей мануальности у человека в эволюционном аспекте. Однако для кросскультурных сравнений комплекса показателей асимметрии плечевой кости недостаточно. Кроме того, использование только одного сегмента верхней конечности существенно снижает репрезентативность палеоантропологических серий, поскольку в древних погребениях далеко не всегда сохраняются комплектные верхние конечности.

Асимметрия – свойство всех живых организмов. Она подразделяется на направленную (НА), флуктуирующую (ФА) и антисимметрию (АН) [Van Valen, 1962]. Каждый тип асимметрии развивается под воздействием специфических для него факторов и может служить индикатором разных процессов. Для антропологических исследований наибольший интерес представляет ФА, которая отражает случайную изменчивость асимметрично развивающихся признаков у индивида и зависит главным образом от стрессогенных факторов окружающей (неадекватная диета, болезни, паразиты, эстремальный климат) [Шэнахан, 2016] и внутренней (уровни гормонов в пренатальный период онтогенеза) [Benderlioglu, 2010; Fink et al., 2004] среды.

НА детерминирована генетически [Kharlamova et al., 2010; Palmer, 2004]. У млекопитающих, и в наибольшей степени у человека, она встречается в форме латерализации конечностей (право- и леворукость) и коррелирует с функциональной асимметрией полушарий головного мозга [Брагина, Доброхотова, 1988]. АН исследуется мало, в основном у видов беспозвоночных животных.

На настоящий момент не существует единой методики исследования асимметрии у древнего населения. В данной работе мы попытались проанализировать информативность для антропологической характеристики популяций некоторых краниологических параметров билатеральной асимметрии человека.

Были обследованы краниологические серии раннего железного века, относящиеся к археологическим культурам Турано-Уюкской котловины – алдыбельской (Аржан-2 и Копто) и уюкско-саглынской (Догээ-Баары-2). Черепа из Аржана-2 и Копто были объединены в одну серию, численность которой составила 27 черепов взрослых индивидов (15 мужских и 12 женских). Объем серии из могильника Догээ-Баары-2 составил 27 черепов (18 мужских и 9 женских).

Измерения 22 билатеральных признаков проводились с помощью электронного штангенциркуля с точностью 0,01 мм. Параметры лицевого отдела (высота грушевидного отверстия, высота и две ширины орбиты (от максиллофронтальной точки и от дакриона), высота и ширина ветви, а также высота и толщина тела нижней челюсти) получены по стандартной краниометрической методике [Алексеев, Дебец, 1964]. Для структур основания черепа использовалась методика П.П. Руссо и Р.Л. Смита: получены расстояния от переднего края овального, остистого отверстия и наружного отверстия каротидного канала до базиона и до глоточного бугорка [Russo, Smith, 2011]. Дополнительно были измерены расстояния от мыщелковых каналов до базиона и глоточного бугорка, взаимно перпендикулярные наибольшие диаметры *fossa jugularis, canalis caroticum externum* и *foramen ovale*. Все эти отверстия на основании черепа пропускают через себя сосуды, артерии, вены, отвечающие за кровоснабжение мозга, головы, лица, и нервы, возбуждающие лицевые и жевательные мышцы. Вполне закономерно предположить, что строение и размеры отверстий, через которые проходят эти структуры, могут влиять на морфологические и функциональные особенности костно-мускульного аппарата головы человека.

Статистический анализ данных проводился в программе STATISTICA for Windows 10.0. и включал три этапа: 1) тестирование на наличие ошибок измерения с целью их устранения; 2) проверка данных на наличие признаков с нефлуктуирующим характером распределения размеров сторон; 3) вычисление интегральных индексов ФА для каждого индивида по всем признакам, а на их основе для групп по каждому признаку и по всей совокупности признаков. Мы опирались на методические рекомендации по подходу к статистической обработке параметров билатеральной асимметрии у биологических объектов [Palmer, Strobek, 1986, 1992; Зорина, 2012] и на работы, где эти методы были применены в антропологических исследованиях [Прудникова, 2012; Березина, 2017; Özener, 2010, 2012].

Изучалось распределение показателя асимметрии (AS), рассчитанного по формуле: AS= [(R-L)/(R+L)/2]*100, где – R и L размер признака на правой и левой стороне соответственно [Steele, Mays, 1995]. Поскольку статистической характеристикой ФА является нормальное распределение различий сторон с нулевым средним значением, более сложное их распределение допускает другие формы асимметрий. Так, НА отражает постоянное отклонение признака к большему развитию на одной стороне и ее статистической характеристикой явля-

ется нормальное распределение разниц между сторонами, но вокруг ненулевого среднего значения. При АН признак имеет большее значение то на одной, то на другой стороне билатеральной структуры. Статистической характеристикой этого типа асимметрии является бимодальное распределение различий сторон по отношению к нулю, а направленность различий не имеет значения.

Для анализа данных на нормальность распределения различий признаков был использован тест Шапиро-Уилка. Присутствие НА было вычислено двумя способами: с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых выборок (для признаков с нормальным распределением вокруг ненулевого среднего значения) и критерия Уилкоксона (для признаков, показавших отличное от нормального распределение). За нулевую гипотезу было взято допущение равенства сторон, при значении $p \leq 0,05$, нулевая гипотеза отвергалась. Для проверки признаков на наличие АН были рассчитаны значения их эксцессов, значимыми считались $p \leq 0,02$. Сравнение показателей асимметрии в мужской и женской группах проводилось с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Различия считались достоверными при $p \leq 0,05$.

Статистический анализ на нормальность распределения индивидуальных значений показателей асимметрии в объединенной серии мужчин и женщин алдыбельской культуры выявил два признака с распределением, отличным от нормального, – толщину тела нижней челюсти и расстояние от медиального края каротидного канала до глоточного бугорка. Статистическое тестирование не обнаружило для этих признаков НА и АН. Вероятно, причиной нарушения нормальности распределения стал недостаточный для статистического анализа объем наблюдений. НА обнаружена для ширины орбиты от дакриона, высоты орбиты, продольного диаметра яремной вырезки, поперечного диаметра овального отверстия и расстояния от овального отверстия до базиона. Внутригрупповой сравнительный анализ показателей асимметрии этой серии не выявил достоверных различий между мужской и женской группой.

Статистический анализ на нормальность распределения показателей асимметрии в объединенной серии мужчин и женщин уюкско-саглынской культуры показал, что все признаки распределены нормально. Поэтому статистическое тестирование на наличие НА проводилось только с помощью t-критерия Стьюдента. Она была обнаружена для высоты орбиты, наименьшей ширины ветви нижней челюсти, продольного диаметра яремной вырезки, поперечного диаметра овального отверстия и поперечного диаметра каротидного канала. Различия между мужскими и женскими группами достоверны по продольному диаметру яремной вырезки и расстоянию от овального отверстия до глоточного бугорка.

Межгрупповой анализ показателей асимметрии проводился на основе сравнений относительных коэффициентов асимметрии (RA) $RA=\sqrt{((R-L)^2)/(R+L)/2}$, с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Для объединенных серий мужчин и женщин различия выявлены по расстояниям от остистого отверстия до глоточного бугорка, от овального отверстия до базиона и по высоте орбиты. В обеих сериях асимметрия по высоте орбиты имеет направленный характер, а по расстоянию от остистого отверстия до глоточного бугорка – флуктуирующий. Расстояние от овального отверстия до базиона показало НА в группе Аржан-2 и Копто и флуктуирующую в группе Догээ-Баары-2. Сравнительный статистический анализ между мужчинами из двух серий выявил отличия по высоте ветви и тела нижней челюсти и расстоянию от остистого отверстия до глоточного бугорка. У женщин признаков, показывающих достоверные различия по RA, выявлено не было.

В качестве показателя межгрупповых различий ФА был использован ее интегральный индекс (ИФА). Он вычислялся как сумма средних по группам значений показателей абсолютной асимметрии (АА) $AA=(\sqrt{((R-L)^2)n})$, где n – это количество признаков. ИФА составил: в суммарной (мужчины и женщины) серии алдыбельской культуры 0,6922, в мужской ее группе – 0,7954, в женской – 0,5631; в суммарной серии серии уюкско-саглынской культуры – 0,7096, в мужской – 0,6449, в женской – 0,8240.

В данной работе использован комплекс признаков, отражающих функционирование мышц шейного, спинного и лицевого отделов, особенности их иннервации и кровоснабжения. Полученные данные показали, что коэффициенты асимметрии одних и тех же признаков могут по-разному проявлять себя в разных группах – т.е. варьировать по законам ФА или НА. Поэтому тщательный внутригрупповой анализ показателей асимметрии для их разделения на типы является необходимым этапом работы, определяющим в дальнейшем корректную интерпретацию данных.

Различия интегрального показателя ФА не показали статистической достоверности в силу малочисленности серий, но, тем не менее, указали на определенную тенденцию. Так, более высокий интегральный индекс ФА, зафиксирован в суммарной серии черепов уюкско-саглынской культуры

и определяется его повышением в женской группе. У мужчин из Догээ-Баары-2 этот индекс понижается по сравнению с представителями предшествующей алдыбельской культуры. Вероятно, этот факт отражает ситуацию, при которой женщины на этапе развития уюкско-саглынской культуры испытывали более сильное давление стрессогенных факторов среды. Например, гендерные различия в обеспеченности пищевыми ресурсами были установлены по данным изучения Д.А. Завгородней патологического статуса зубной системы этой группы.

Список литературы

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Березина Н.Я. Анализ показателей билатеральной асимметрии длинных костей конечностей раннесредневекового населения Северной Осетии (по материалам могильника Мамисондон) //Вестн. Мос. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2017. – № 3. – С. 104–113.

Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. – М.: Медицина, 1988. – 240 с.

Зорина А.А. Методы статистического анализа флуктуирующей асимметрии // Принципы экологии. – 2012. – № 3. – С. 24–47.

Прудникова А.С. Исследование флуктуирующей асимметрии билатеральных признаков в антропологии: методические аспекты: автореф. дис. … канд. биол. наук. – 2012. – 307 с.

Тур С.С. Билатеральная асимметрия длинных костей конечностей у скотоводов эпохи бронзы и раннего железа Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3 (59). – С. 141–156.

Шэнахан К. Умный ген. Какая еда нужна нашей ДНК. – М.: Эксмо, 2016. – 387 с.

Auerbach B.M., Ruff Ch.B. Limb bone asymmetry: variability and commonality among modern humans // J. of Hum. Evol. – 2006. – Vol. 50. – P. 203–218.

Benderlioglu Z. Fluctuating asymmetry and steroid hormones: A review // Symmetry. – 2010. – N 2. – P. 541–553.

Fink B., Manning J.T., Neave N., Grammer K. Second to fourth digit ratio and facial asymmetry // Evol. Hum. Behav. – 2004. – Vol. 25. – P. 125–132.

Kharlamova A.V., Trut L.N., Chase K., Kukekova A.V., Lark K.G. Directional asymmetry in the limbs, skull and pelvis of the Silver Fox (*V. vulpes*) // J. Morphol. – 2010 – Vol. 271. – N 12. – P. 1501–1508.

Neumann S. Handness in comparison with the asymmetry of the upper extremities // Zeitschrift fur Morfologie und Anthropologie. – 1992. – Vol. 79, N 2. – P. 183–195.

Özener B. Fluctuating and Directional Asymmetry in Young Human Males: Effect of Heavy Working Condition and Socioeconomic Status // American Journal of Physical Anthropology. – 2010. – N 143. – P. 112–120.

Özener B. Extreme behavioral lateralization and the remodeling of the distal humerus // American Journal of Human Biology. – 2012. – Vol. 24. – N 4. – P. 436–440.

Palmer A.R. Symmetry Breaking and the Evolution of Development // Science. – 2004. – Vol. 306. – P. 828–833.

Palmer A.R., Strobeck C. Fluctuating asymmetry: measurement, analysis, patterns // Annual Review of Ecology, Evolution and Systematics. – 1986. – Vol. 17. – P. 391–421.

Palmer A.R., Strobeck C. Fluctuating asymmetry as a measure of developmental stability: Implication of non-normal distributions and power statistical tests // Acta Zoologica Fennica. – 1992. – N 191. – P. 57–72.

Plato C.C., Wood J.L., Norris A.H. Bilateral asymmetry in bone measurements of the hand and lateral hand dominance// Am. J. of Physical anthropol. – 1980. – Vol. 52, N 1. – P. 27–31.

Russo P.P., Smith R.L. Asymmetry of human skull base during growth // Int. J. Morphol. – 2011. – Vol. 29, N 3. – P. 1028–1032.

Steel J. Handedness in past human populations: Skeletal markers // Laterality. – 2000. – Vol. 5, N 3. – P. 193–220.

Steele J., Mays S. Handness and directional asymmetry in the long bones of the human upper limb // Int. J. of Osteoarchaeology. – 1995. – Vol. 5. – P. 39–49.

Van Valen L. A study of fluctuating asymmetry // Evolution. – 1962. – Vol. 16, N 2. – P. 125–142.

References

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moskow: Nauka, 1964, 128 p. (in Russ.).

Auerbach B.M., Ruff Ch.B. Limb bone asymmetry: variability and commonality among modern humans. In *Journal of Human Evolution*, 2006, vol. 50, pp. 203–218.

Benderlioglu Z. Fluctuating asymmetry and steroid hormones: A review. *Symmetry,* 2010, No. 2, pp. 541–553.

Berezina N.Ya. Analiz pokazatelei bilateral'noi asimmetrii dlinnykh kostei konechnostei rannesrednevekovogo naseleniya Severnoi Osetii (po materialam mogil'nika Mamisondon). In *Bulletin of Moscow University. Series 23: Anthropology,* 2017, No. 3, pp. 104–113 (in Russ.).

Bragina N.N., Dobrokhotova T.A. Funktsional'nye asimmetrii cheloveka. Moskow: Meditsina, 1988, 240 p. (in Russ.).

Fink B., Manning J.T., Neave N., Grammer K. Second to fourth digit ratio and facial asymmetry. *Evol. Hum. Behav,* 2004, vol. 25, pp. 125–132.

Kharlamova A.V., Trut L.N., Chase K., Kukekova A.V., Lark K.G. Directional asymmetry in the limbs, skull and pelvis of the Silver Fox (*V. vulpes*). *J. Morphol,* 2010, vol. 271, No. 12, pp. 1501–1508.

Neumann S. Handness in comparison with the asymmetry of the upper extremities. *Zeitschrift fur Morfologie und Anthropologie,* 1992, vol. 79, No. 2, pp. 183–195.

Özener B. Fluctuating and Directional Asymmetry in Young Human Males: Effect of Heavy Working Condition and Socioeconomic Status. *Am. J. of Physical Anthropology,* 2010, No. 143, pp. 112–120.

Özener B. Extreme behavioral lateralization and the remodeling of the distal humerus. *Am. J. of Human Biology*, 2012, vol. 24, No. 4, pp. 436–440.

Palmer A.R. Symmetry Breaking and the Evolution of Development. *Science*, 2004, vol. 306, pp. 828–833.

Palmer A.R., Strobeck C. Fluctuating asymmetry: measurement, analysis, patterns. *Annual Review of Ecology, Evolution and Systematics*, 1986, vol. 17, pp. 391–421.

Palmer A.R., Strobeck C. Fluctuating asymmetry as a measure of developmental stability: Implication of non-normal distributions and power statistical tests. *Acta Zoological Fennica*, 1992, No. 191, pp. 57–72.

Plato C.C., Wood J.L., Norris A.H. Bilateral asymmetry in bone measurements of the hand and lateral hand dominance. *American Journal of Physical anthropology*, 1980, vol. 52, No. 1, pp. 27–31.

Prudnikova A.S. Issledovanie fluktuiruyushchei asimmetrii bilateral'nykh priznakov v antropologii: metodicheskie aspekty: cand. sc. (biology) dissertation abstract. Moskow, 2012, 307 p. (in Russ.).

Russo P.P., Smith R.L. Asymmetry of human skull base during growth. *Int. J. Morphol*, 2011, vol. 29, No. 3, pp. 1028–1032.

Shenakhan K. Umnyi gen. Kakaya eda nuzhna nashei DNK. Moskow: Eksmo, 2016, 387 p. (in Russ.).

Steel J. Handedness in past human populations: Skeletal markers. *Laterality*, 2000, vol. 5, No. 3, pp. 193–220.

Steele J., Mays S. Handness and directional asymmetry in the long bones of the human upper limb. *Int. J. of Osteoarchaeology*, 1995, vol. 5, pp. 39–49.

Tur S.S. Bilateral'naya asimmetriya dlinnykh kostei konechnostei u skotovodov epokhi bronzy i rannego zheleza Gornogo Altaya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 3 (59), pp. 141–156 (in Russ.).

Van Valen L. A study of fluctuating asymmetry. *Evolution*, 1962, vol. 16, No. 2, pp. 125–142.

Zorina A.A. Metody statisticheskogo analiza fluktuiruyushchei asimmetrii. In P*rinciples of Ecology*, 2012, No. 3, pp. 24–47 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.376-379
УДК 902.6

П.И. Шульга[1], Д.П. Шульга[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Новые данные о хронологии и связях культуры чауху (Синьцзян, Китай)

В статье рассматриваются материалы полностью исследованного могильника Мохучахань IX–VIII (VII) вв. до н.э., расположенного к юго-западу от Урумчи в уезде Хэцзин в Южном Притяньшанье. Погребальный обряд на могильнике в основном характерен для культуры чауху. По радиоуглеродным датам и наличию псалиев аржанского типа ранняя группа захоронений в Мохучахань может быть предварительно отнесена к IX в. до н.э. Соответственно это первый в Синьцзяне столь ранний представительный комплекс IX в. до н.э., существенно дополняющий материалы Аржана-1. Связи культуры чауху с Саяно-Алтаем хорошо прослеживались по могильникам в Чаухугоу для VII–VI вв. до н.э., но материалы Мохучахань демонстрируют их существование уже в IX в. до н. э. Они заметны в конском снаряжении и в погребальном обряде. Обнаруженные в Мохучахань псалии аржанского типа встречаются только в Туве (Аржан-1), Горном Алтае (Курту-2, Ак-Алаха-2) и Верхнем Приобье. В Горном Алтае (Курту-2) просматривается и сходство в погребальном обряде.

Ключевые слова: *Синьцзян, Саяно-Алтай, культура чауху, могильник Мохучахань, раннескифское время, погребальный обряд, инвентарь, наконечники стрел, псалии аржанского типа.*

P.I. Shulga[1], D.P. Shulga[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

New Information on the Chronology and Relations of Chawuhu Culture (Xinjiang, China)

The article describes the materials of the fully excavated Mohuchahan burial ground of 9th–8th (7th) cc. BC located to the southwest from Urumqi in Hejing County in the South Tien Shan region. The features of the burial rite noted at the burial ground typical for the Chawuhu culture. Based on the available radiocarbon dates and the Arzhan-type cheek-pieces, the group of early Mohuchahan burials can be preliminary attributed to the 9th century BC. Accordingly, this is the first early representative complex of the 9th century BC in Xinjiang substantially supplementing the materials of Arzhan-1. The links between the Chawuhu culture and the Sayan-Altai dating to the 7th–6th centuries BC were well traced in the Chawuhugou burial grounds. However, the Mohuchahan materials demonstrate their existence as early as in the 9th century BC. The parallels are noticeable in horse gear and in burial rites. The Arzhan-type cheek-pieces from Mohuchahan have been found only in Tuva (Arzhan-1), in the Gorny Altai (Kurtu-2, Ak-Alakh-2) and in the Upper Ob region. In Gorny Altai (Kurtu-2) there is also a similarity in the burial rite.

Keywords: *Xinjiang, Sayan-Altai, Chawuhu culture, Mohuchahan burial ground, Early Scythian time, burial rite, inventory, arrowheads, Arzhan-type cheek-pieces.*

Культура чауху выделена около 20 лет назад в ходе обобщения результатов масштабных раскопок в районе ущелья Чаухугоу на четырех могильниках, из которых один (Чаухугоу-4) был полностью раскопан (вскрыто 248 могил), а во втором (Чаухугоу-1) вскрыты 234 могилы из 700 [Синьцзян…, 1999; Шульга, 2010; Комиссаров, 2011]. Подавляющее большинство исследованных до недавнего времени могильников и захоронений относится к раннескифскому времени (VIII–VII вв. до н.э.).

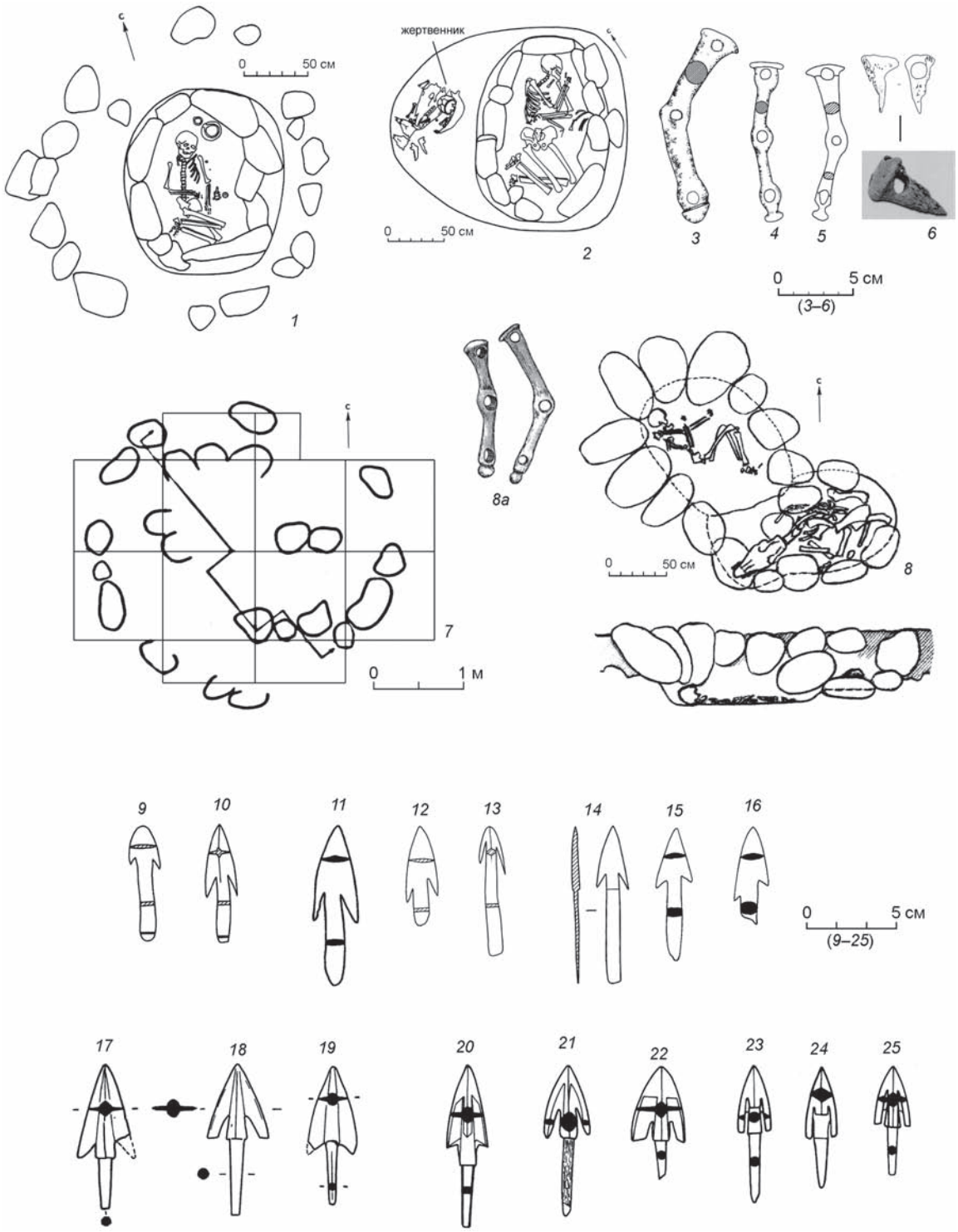
К V в. до н.э. культура чауху угасает, а потому погребений VI–V вв. до н.э. известно немного. За годы работ китайскими археологами получена богатая коллекция инвентаря, однако не меньшее значение имеют особенности зафиксированной планировки захоронений. Достоверно установлено, что могильники Чаухугоу в течение нескольких столетий формировались в ходе последовательных подхоронений, преимущественно в северном направлении. Порядок этот обычно не нарушался. Знание относительной хронологии могил позволило детально проследить эволюцию погребального обряда, а также инвентаря. Эту особенность культуры чауху трудно переоценить, поскольку на скифоидных могильниках в восточной части степного пояса подобная (но менее упорядоченная) последовательность захоронений зафиксирована только на могильнике Юйхуанмяо VII–VI вв. до н. э. в Северном Китае [Шульга, 2015]. Значительная часть полученного в Чаухугоу инвентаря (за исключением керамики) относится к типам, широко распространенным в Южной Сибири и Казахстане. Это детали конского снаряжения, поясная фурнитура, украшения, зеркала, некоторые формы ножей, оружие, оселки и пряслица. Очевидно, что в VIII–V вв. до н.э. культура чауху входила в круг скифоидных этнокультурных образований Казахстана и Саяно-Алтая. Влияние их на чауху к VI в. до н.э. постепенно усиливалось. Обратных импульсов из Южного Притяньшанья в западном и северном направлениях заметно не было [Шульга, 2010, 2015]*. Наличие особого погребального обряда, а также специфические формы и раскраска керамики в Чаухугоу однозначно указывали на местные корни культуры чауху. Заметных связей с культурами Северного Китая не фиксировалось.

Ситуация существенно изменилась после публикации материалов полностью исследованного могильника Мохучахань (236 погребений культуры чауху), расположенного в Южном Притяньшанье примерно в 50 км от могильников в Чаухугоу [Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи, 2016]. Погребальный обряд в Мохучахань имеет некоторые отличия, но по основным параметрам могильник, без сомнения, относится к культуре чауху. В погребениях его наиболее ранней юго-восточной части (сектор 1) были обнаружены архаичные бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел, а также уздечные наборы с псалиями аржанского типа (см. *рисунок, 3–6*). Эти находки в совокупности с радиоуглеродными датами в интервале X–IX вв. до н.э. [Там же, с. 317, 352–353] позволяют отнести раннюю часть могильника по меньшей мере к IX в. до н.э. По мнению К.В. Чугунова, могильник, возможно, начал формироваться даже раньше Аржана-1 [2018, с. 274]. Китайские исследователи полагают, что захоронения в юго-восточном секторе 1 Мохучахань датируются X–IX вв. до н.э. и являются наиболее ранними в культуре чауху. Совершенные позже захоронения в северо-западном секторе 2 синхронизируются ими с ранними погребениями VIII в. до н.э. из могильников в Чаухугоу [Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи, 2016, с. 318, 321]. Соответственно с этих позиций культура чауху может рассматриваться как одно из наиболее ранних хорошо документированных раннескифских образований, где уже появилась уздечка нового типа с трехдырчатыми псалиями, у которых отверстия располагались в одной плоскости.

Могильник Мохучахань интересен также ранее не встречавшимися категориями инвентаря и особенностями погребальной обрядности, позволяющими вновь обратиться к вопросу о происхождении культуры чауху и ее связях с сопредельными культурами. Так, К.В. Чугунов предполагает сходство наборов бронзовых изделий из женских погребений с инвентарем II тыс. до н.э. за пределами Синьцзяна, в том числе из среднеазиатских земледельческих оазисов [Чугунов, 2017, с. 492]*. Следует также отметить некоторые параллели с Древним Китаем, которые могут возникнуть при рассмотрении двух зеркал с изображениями свернувшегося фантастического существа из могильника Чаухугоу-4 и черешковых двухлопастных стрел из могильника Мохучахань (см. *рисунок, 9–16*). Указанным зеркалам приводилась параллель с зеркалом из Шанцуньлинского некрополя [Комиссаров, 2011, с. 123–124]. Определенное сходство, конечно, имеется, но чем оно обусловлено, пока не ясно, поскольку никаких дополнительных данных нет. В отношении бронзовых и костяных (роговых ?) двухлопастных наконечников, «по форме близких китайским» [Чугунов, 2017, с. 492] следует сказать, что характерные черешковые двухлопастные китайские наконечники второй половины II тыс. до н.э. – VI в. до н.э. имели округлый в сечении черешок с упором и нервюру на головке (см. *рисунок, 17–25*). Таких наконечников в могильнике Мохучахань нет, хотя на одном бронзовом имеется нервюра (см. *рисунок, 10*), а на черешке ко-

*Обстоятельства появления в могильниках Чаухугоу-1 и Янхай-1 роговых (костяных) псалиев с головками баранов на окончаниях пока не находят объяснения, что косвенно отмечено и А.А. Ковалевым [2014, с. 132].

*Вероятность происхождения керамического комплекса культуры чауху от среднеазиатской чустской культуры ранее рассматривалась С.А. Комиссаровым, но явной связи между ними не обнаружено [2011, с. 125–127].



Планы погребений и псалии аржанского типа из могильников Мохучахань (*1–6*) и Курту-2 (*7–8а*). Наконечники стрел из могильников Мохучахань (*9–16*), Шаолинюань (*17–19*) и Юйхуанмяо (*20–25*).

4, *5*, *9–13*, *17–25* – бронза; *3*, *6*, *8а*, *14–16* – кость (рог).

1–6, *9–16* – по: [Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи, 2016]; *7–8а* – по: [Сорокин, 1966, рис. 3, 5]; *17–19* – по: [Шаолин юань…, 2008]; *20–25* – по: [Шульга, 2015].

стяного наконечника намечен уступ (см. *рисунок*, *14*), как бы имитирующий упор под головкой китайской стрелы (см. *рисунок*, *17*, *18*, *20–25*). Связано ли появление этих двухлопастных черешковых наконечников с опосредованным влиянием Китая эпохи Западная Чжоу, пока не ясно.

Вместе с тем были получены новые данные о связях культуры чауху с Саяно-Алтаем. Они за-

метны в конском снаряжении и в погребальном обряде. Обнаруженные в Мохучахань псалии аржанского типа (см. *рисунок*, *3–6*) не встречаются в Казахстане и на территории «восточной» историко-культурной общности (Северный Китай, Монголия, Забайкалье и Минусинская котловина), но известны в Туве (Аржан-1), на юге Горного Алтая (Курту-2, Ак-Алаха-2) и в прилегающем к нему с запада Верхнем Приобье (Ближние Елбаны-7, 14, Елбаны). Необходимо также обратить внимание на уже отмечавшееся [Там же, с. 494] сходство погребального обряда ранних погребений в Мохучахань с обрядом в пяти кольцах могильника Курту-2 в Горном Алтае (Восточный Казахстан) [Сорокин, 1966, с. 43–45]. В кольце 3 имелось обложенное гальками подхоронение лошади, примыкавшее к могиле человека с юго-востока (см. *рисунок*, *7*, *8*), а сам человек был погребен на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. У морды лошади находились характерные аржанские псалии (см. *рисунок*, *8а*). В последние десятилетия захоронение в кольце 3 вполне обоснованно считается самым ранним погребением бийкенской культуры Горного Алтая. В таком случае к данной культуре следует относить и остальные четыре исследованные в Курту-2 оградки без конских подхоронений. Таким образом, материалы из наиболее ранних погребений пока не дают оснований предполагать наличие прямых связей с Китаем эпохи Западная Чжоу, но демонстрируют вовлеченность Притяньшанья в культурную общность Южной Сибири на этапе формирования культур раннескифского облика в IX в. до н.э.

Список литературы

Ковалев А.А. Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 124–136.

Комиссаров С.А. Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 121–129.

Синьцзян Чауху: дасин шизцу муди фацзюэ баогао (Чауху в Синьцзяне – отчет о раскопках больших родовых могильников) / Синьцзянский институт археологии и культурного наследия. – Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. – 416 с. (на кит. яз.).

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.

Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди (Могильник Мохучахань в Синьцзяне). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. – 410 с. (на кит. яз.).

Чугунов К.В. Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы их синхронизации с древностями Восточной Европы // Старожитності раннього залізного віку (Археологія і давня історія України). – Київ, 2017. – Вип. 2 (23). – С. 484–499.

Чугунов К.В. Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: мат-лы Междунар. науч. конф. – Карачаевск, 2018. – С. 272–275.

Шаолин юань сичжоу муди (Могильник Шаолинюань эпохи Западного Чжоу): в 2 тт. // Тр. Института археологии провинции Шэньси. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2008. – 807 с. (на кит. яз.).

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

References

Chugunov K.V. Problemy datirovaniya aziatskih materialov epohi rannih kochevnikov i voprosy ih sinhronizatsii s drevnostyami Vostochnoy Evropy. *Arheologiya i davnia istoriya Ukraïny*, 2017, iss. 2 (23), pp. 484–499 (in Russ.).

Chugunov K.V. Transkontinental'nye svyazi Evropy i Azii v predskifskoye vremya: starye problemy i novye dannye. In *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekovye*. Karachayevsk, 2018, pp. 272–275 (in Russ.).

Komissarov S.A. Kul'tura chawuhu – tsentral'naya kul'tura skifskoy epohi na territorii Sin'tszyana (KNR). In *Terra Scythica*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, pp. 121–129 (in Russ.).

Kovalev A.A. Proiskhozhdenie skifov iz Dzhungarii: osnovaniya gipotezy i ee sovremennoe sostoyanie. In *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh: sb. pamyati E.E. Kuz'minoi*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2014, pp. 124–136 (in Russ.).

Shaolingyuan xizhou mudi: in 2 vol. / Shaanxi Provincial Academy of Archaeology. Beijing: Kexue chubanshe, 2008, 807 p. (in Chin.).

Shulga P.I. Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e. Pogrebal'nye kompleksy. Khronologiya i periodizatsiya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2010, 238 p. (in Russ.).

Shulga P.I. Mogil'nik Yuhuangmyao v Severnom Kitaye (VII–VI veka do n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 304 p. (in Russ.).

Sorokin S.S. Pamyatniki rannih kochevnikov v verhov'yah Buhtarmy. In *Archaeological collection of the State Hermitage*, 1966, iss. 8, pp. 39–60 (in Russ.).

Xinjiang Chauhu: daxing shizu mudi fajue baogao / Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology. Beijing: Dongfang Press, 1999, 416 p. (in Chin.).

Zhang Tienan, Alifujan Niyaz, Tan Ningzhi. Xinjiang Mohuchahan mudi. Beijing: Kexue chubanshe, 2016, 410 p. (in Chin.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.380-384
УДК 903.32

М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1], В.А. Ульянов[1, 2], Е.Н. Бочарова[1], А.Ю. Федорченко[1], А.Н. Чеха[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: kmb777@yandex.ru

Изучение голоценовой толщи Денисовой пещеры в 2018 году

В 2018 г. были продолжены исследования голоценовых осадков в южной галерее Денисовой пещеры. В стратиграфическом разрезе средней части галереи выделены слои 0, 2–5, 7 и 8. В пределах слоев 0, 2 и в верхней части слоя 3 были обнаружены археологические материалы раннего железного века, представленные в основном фрагментами керамики. В нижней части слоя 3 зафиксированы отдельные находки эпохи поздней бронзы, в т.ч. нож карасукского типа. Слои 4 и 5 содержали преимущественно фрагменты сосудов афанасьевской культуры ранней бронзы, а также отдельные предметы более позднего времени из нарушенных участков слоя. В слое 7 были найдены каменные артефакты, переотложенные из нижележащих плейстоценовых отложений. Слой 8 не содержал находок.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, голоцен, стратиграфия, керамика, бронзовый век, ранний железный век.*

M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1], V.A. Ulianov[1, 2], E.N. Bocharova[1], A.Yu. Fedorchenko[1], A.N. Chekha[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Lomonosov Moscow State University
E-mail: kmb777@yandex.ru

Analyses of the Holocene Deposits from Denisova Cave in 2018

In 2018, research focused on further analyses of the Holocene deposits from the South Chamber of Denisova Cave has been continued. The stratigraphic section established in the middle part of the chamber has made it possible to recognize layers 0, 2–5, 7 and 8. Layers 0, 2 and the upper part of layer 3 yielded archaeological materials attributed to the Early Iron Age and containing mostly pottery fragments. The lower part of layer 3 revealed the isolated Late Bronze Age artifacts, including a Karasuk-style knife. Layers 4 and 5 produced mainly pottery fragments from vessels attributed to the Afanasievo culture dating back to the Early Bronze Age, as well as isolated younger artifacts recovered from the disturbed parts of the layer. Layer 7 yielded stone artifacts redeposited from the underlying Pleistocene sediments. Layer 8 has proven to be archaeologically sterile.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Holocene, stratigraphy, pottery, Bronze Age, Early Iron Age.*

В полевом сезоне 2018 г. были продолжены комплексные исследования голоценовых отложений в южной галерее (сектор VII) Денисовой пещеры. В средней части галереи к раскопу 2017 г. [Шуньков, Козликин, Ульянов и др., 2017] была сделана прирезка на площади кв. З, И/З–7. В результате раскопочных работ вскрыт разрез, в котором выделено семь основных стратиграфических подразделений – слои 0, 2–5, 7 и 8.

Слой 0. Органический детрит черного цвета со слабым коричневым оттенком (в высохшем состоянии темно-серый с коричневым оттенком), рыхлый, бесструктурный, с включениями современного антропогенного материала. Представляет собой переотложенное в современности вещество слоя 2. Мощность – до 5 см.

Слой 2 представлен двумя генерациями осадка.

2.1. Пачка чередующихся прослоев, сформированных тонким растительным детритом, представленных супесью легкой, пылеватой, темно-коричневой, мощностью 5–10 см; суглинком легким, пылеватым, темно-серым, мощностью

3–5 см и супесью сажисто-черной, мощностью 1–2 см. Во включениях характерны фрагменты камбия бересты, а также многочисленные копролиты красновато-охристого цвета мелких травоядных животных. Мощность – до 30 см.

2.2. Суглинок темно-серый, однородный, с включением многочисленных фрагментов берестяного камбия, представляет собой заполнение краевой части антропогенного углубления. Мощность – до 30 см.

Слой 3. Пачка переслаивающихся суглинков легких, пылеватых, темно-серых и серых, с тонкими (до 0,5 см) прослоями обогащения берестяным камбием. Характерны невыдержанные по мощности (до 1 см) тонкие деформированные линзовидные прослои рыхлого черного сажистого детрита. Мощность сероцветных прослоев составляет 3–5 см. Во включениях отмечены копролиты мелких травоядных животных, белесо-серые прослои кострища с кальцинированными костями и фрагментами древесного угля. Нижняя граница слоя резкая, денудационного типа, срезающая слоистые текстуры подстилающих отложений. Мощность – 35–40 см.

Слой 4. Редуцированная пачка суглинка легкого, пылеватого, белесого с сизым и палевым оттенком. Включает линзовидные прослои суглинка серого с коричневым оттенком и фрагменты тонкой черной сажистой супеси. Во включениях отмечены прочные копролиты терракотового цвета и в различной степени обожженные кости. Нижняя граница слоя вне зон пристенных деформаций четкая, полого волнистая, условно проведена в подошве черного сажистого прослоя при переходе к подстилающим темноцветным отложениям. Мощность – 25–35 см.

Слой 5. Суглинок легкий, коричнево-серый и серый с сизым оттенком, с многочисленными маломощными прослоями тонкого сажистого детрита. Во включениях характерны многочисленные копролиты светло-палевого и черного цвета мелких травоядных животных, непрочные, деформированные в процессе усадки отложений. В нижней части слоя вскрыты наиболее древние генерации осадка, не зафиксированные в разрезах предыдущих лет. Они представлены пачкой (5–8 см) прослоев суглинков белесо-серого с сизым оттенком и палево-серого, чередующихся с редкими маломощными (до 1 см) прослоями коричнево-черного сажистого детрита с линзами кострища и кальцинированными костями. Нижняя граница слоя представляет собой зону постепенного перехода к подстилающим отложениям с признаками перемешивания вещества в сухом пылеватом состоянии. Мощность – 25–30 см.

Слой 6 в разрезе 2018 г. не зафиксирован.

Слой 7. Редуцированные фрагменты суглинка легкого, пылеватого, грязно-серого цвета с красно-коричневым оттенком, не карбонатного, с гомогенной пылеватой структурой. Выделен локально на пристенных участках раскопа. Максимальная мощность – до 10 см.

Слой 8. Супесь тонкозернистая, легкая, пылеватая, черная в прикровельной части и буроцветная в приподошвенной, не карбонатная. Нижняя граница слоя в осевой части галереи резкая, неровная, в боковых частях – в виде зоны постепенного перехода к подстилающим плейстоценовым отложениям. Мощность – 1–3 см.

В слое 0 найдено 30 фрагментов керамических сосудов и четыре гальки. Керамика представлена главным образом мелкими неорнаментированными фрагментами тулова сосудов. Черепки толстостенные, рыхловатые, на изломе преимущественно черного цвета. Среди фрагментов венчиков – два слабоизогнутых с округлым срезом без орнамента и один с рядом наколов (рис. 1, *11*).

В пределах слоя 2.1 найдено 150 фрагментов керамических сосудов, две гальки, шесть каменных обломков, два фрагментированных наконечника стрел, фрагмент оселка из мелкозернистого песчаника (рис. 1, *8*). Керамика без орнамента, толстостенная, очень рыхлая, на изломе кирпично-красного или черного цвета. Фрагменты венчиков (8 экз.) без орнамента, с округлым (7 экз.) и прямоугольным (1 экз.) срезом. Наконечники стрел костяные, черешковые, трех- (рис. 1, *10*) или четырехгранные (рис. 1, *4*), с обломленными черешком и бойком.

Находки из слоя 2.2 представлены 19 фрагментами керамики без орнамента и двумя прямыми венчиками с округлым срезом и рядом ямок.

Археологические материалы из слоя 3 включают 273 фрагмента керамических сосудов, пять целых и четыре расколотых гальки, 60 обломков, пять отщепов, заготовку костяного втульчатого наконечника стрелы (рис. 1, *3*), фрагмент оселка из мелкозернистого песчаника (рис. 1, *7*), костяное шило (рис. 1, *13*) и тонкую бронзовую трубочку-пронизку. Фрагменты керамики преимущественно неорнаментированные, рыхлые, толстостенные, реже представлены тонкостенные прочные черепки с хорошо заглаженной поверхностью. Венчики как минимум от 10 сосудов представлены фрагментами без орнамента, прямыми или слегка отогнутыми наружу, с округлым срезом (рис. 2, *5*). Два венчика орнаментированы рядом жемчужин (рис. 2, *7*), которые в одном случае чередуются с ямками. Этот керамический комплекс, как и археологические материалы из вышележащих слоев, датируется ранним железным веком.

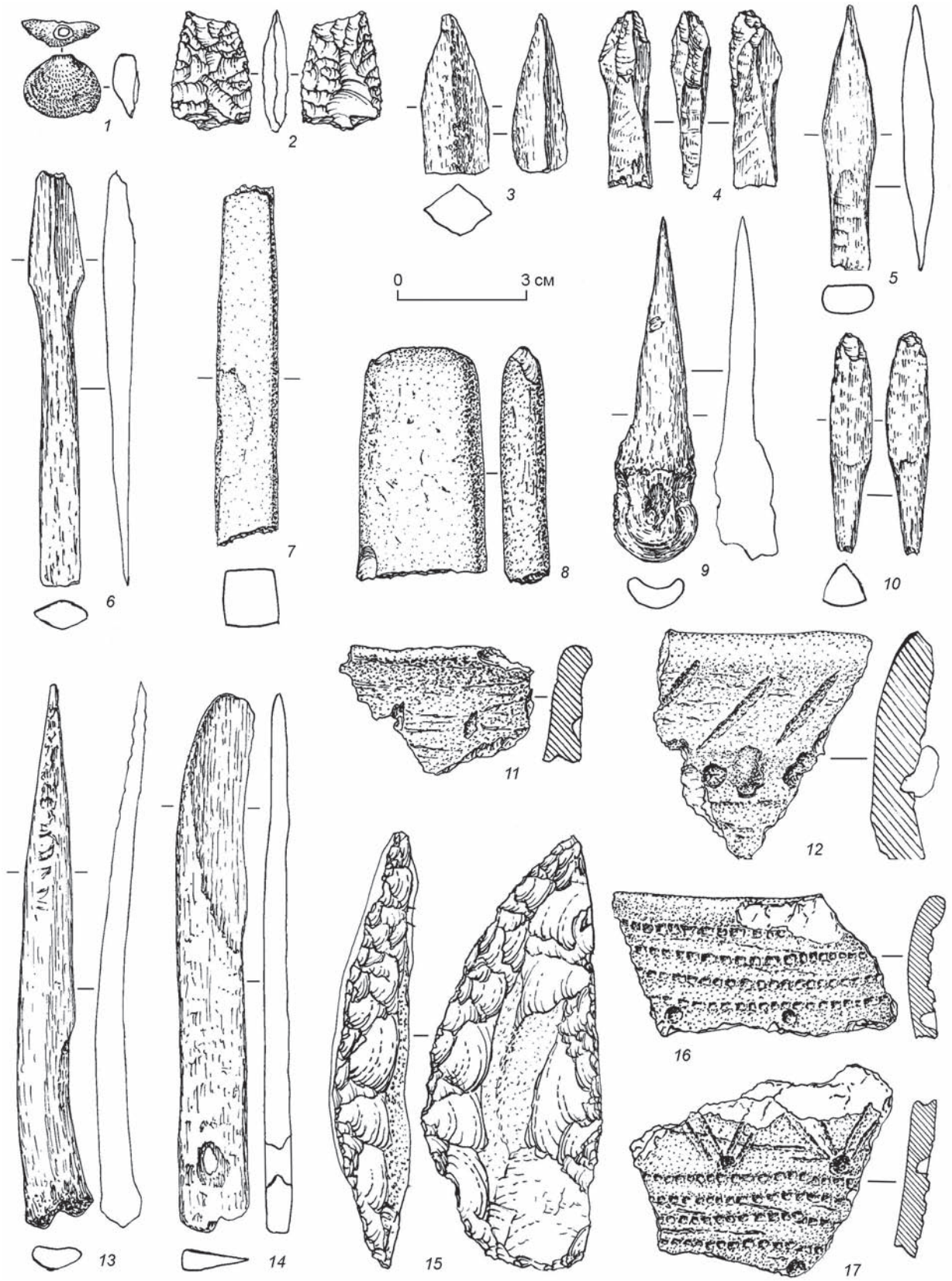


Рис. 1. Археологические материалы из слоев 0 (*11*), 2.1 (*4*, *8*, *10*), 3 (*3*, *7*, *12–14*), 4 (*2*, *5*, *6*, *15–17*) и 7 (*9*) в южной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).

1 – украшение из раковины моллюска; *2* – каменный наконечник стрелы; *3–6, 10* – костяные наконечники стрел; *7, 8* – оселки; *9, 13* – костяные шилья; *11, 12, 16, 17* – фрагменты керамических сосудов; *14* – бронзовый нож; *15* – скребло.

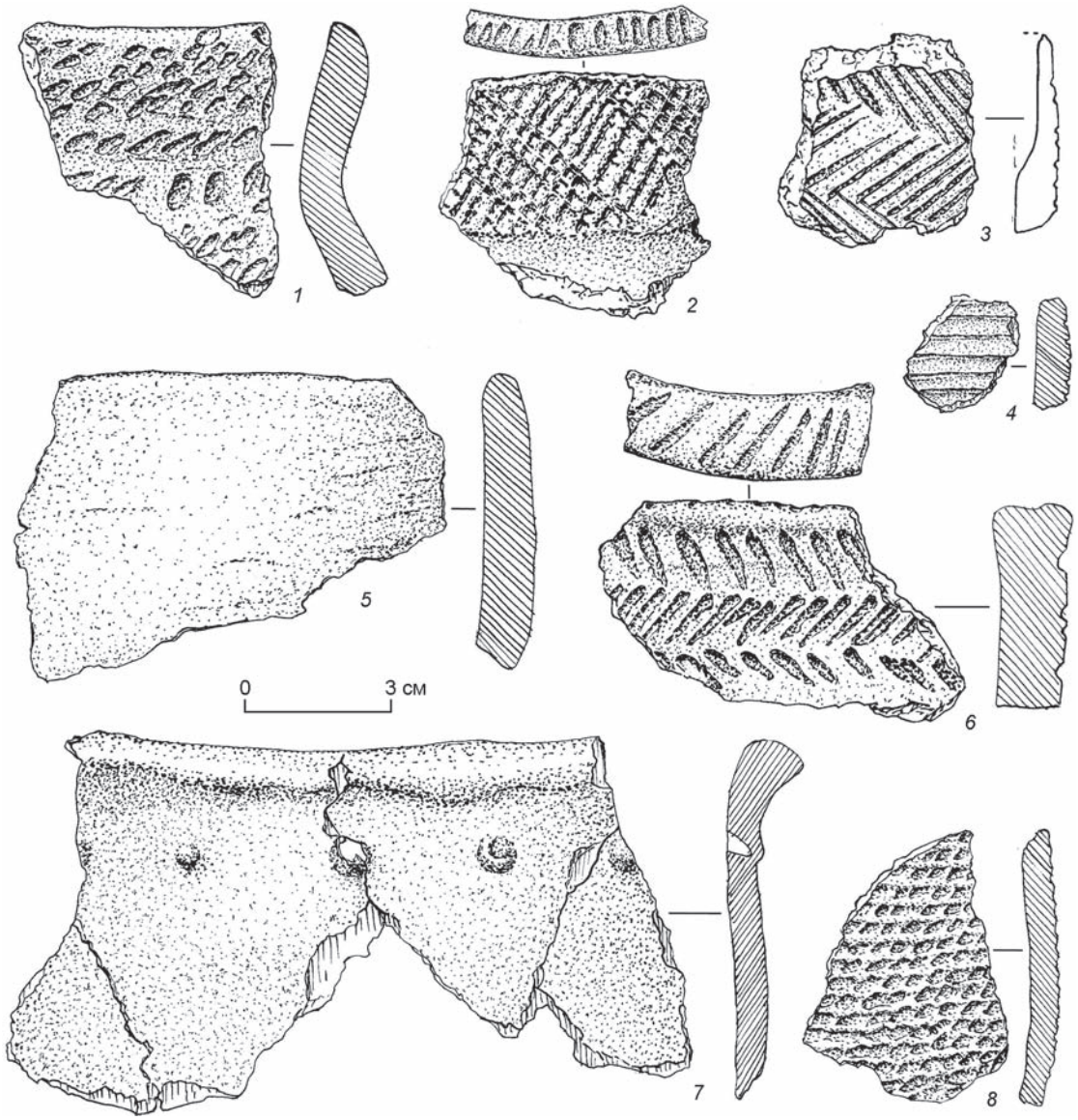


Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов из слоев 3 (*5, 7*), 4 (*1, 3, 4, 8*) и 5 (*2, 6*) в южной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).

Один из фрагментов керамики с округлым срезом, орнаментированный рядом косых линий, ниже которого расположен ряд жемчужин, чередующихся с ямками (рис. 1, *12*), имеет прямые аналогии в материалах из центрального зала пещеры и относится к ирменской культуре эпохи поздней бронзы [Деревянко, Молодин, 1994, с. 54]. Этим же временем можно датировать бронзовый нож карасукского типа (рис. 1, *14*).

В слое 4 найдено 364 фрагмента керамических сосудов, шесть целых и 17 колотых галек, нуклеус, 23 отщепа, 42 обломка и осколка, два каменных орудия, два костяных и каменный наконечники стрел, подвеска из раковины моллюска (рис. 1, *1*). Керамика, как правило, неорнаментированная, толстостенная, прочная, с крупными зернами дресвы. Поверхности как внутренняя, так и внешняя, несут следы выравнивания, скорее всего, щепой, оставившей линейные глубокие следы. Треть фрагментов несет следы разнообразной орнаментации. Сосуды были украшены косо- или прямоугольной сеткой, глубокими горизонтальными линиями, образованными часто поставленной отступающей палочкой (рис. 2, *8*), рядами коротких разреженных оттисков косо поставленной отступающей палочки (рис. 2, *1*), «елочкой», образованной часто поставленной наклонной гребенкой или гладким штампом (рис. 2, *4*), рядами наклонной крупно зубчатой гребенки, горизонтально прочерченными линиями (рис. 2, *4*), гладкой качалкой. Этот керамический комплекс относится к афанасьевской культуре эпохи ранней бронзы, как и каменный инвентарь, включающий однопло-

щадочный монофронтальный параллельный плоскостной нуклеус, продольное выпуклое скребло с обушком (рис. 1, *15*), боковой скребок, наконечник стрелы с бифасиальный обработкой (рис. 1, *2*) и несколько сколов без вторичной обработки.

К позднему этапу бронзового века относятся фрагменты тонкостенного сосуда, орнаментированного горизонтальными оттисками гребенчатого штампа, между которыми заключен зигзаг из прочерченных линий, соединенных ямками (рис. 1, *16, 17*).

В зоне пристенной деформации слоя 4 обнаружено два костяных черешковых наконечника стрел (рис. 1, *5, 6*), которые датируются, скорее всего, ранним железным веком. К этому времени, возможно, принадлежит каменная зернотерка, найденная также в пристенной зоне. Нижний (58 × 20 × 2,5 см) и верхний (43 × 12 × 2 см) камни зернотерки представлены плитками зеленоватого песчаника. Рабочие поверхности камней тщательно выровнены пикетажем, поверх которого прослеживаются линейные следы от растирания.

Находки из слоя 5 включают 26 фрагментов керамики, две колотые гальки, 53 отщепа, 67 обломков и осколков, четыре каменных орудия и костяное шило. Керамика толстостенная, прочная, с глубокими разнонаправленными следами протаскивания щепы с дальнейшим заглаживанием и лощением. Несколько фрагментов венчика одного сосуда, с изогнутым профилем, в верхней части орнаментированы прочерченной косоугольной сеткой, срез орнаментирован насечками (рис. 2, *2*). Фрагмент другого венчика орнаментирован елочкой от гладкого штампа, срез также покрыт насечками (рис. 2, *6*). Отщепы среднего и мелкого размера, с бессистемной или продольной огранкой дорсала и с гладкой остаточной ударной площадкой. Среди орудий – продольное дорсальное выпуклое скребло, отщеп с ретушью и два неопределимых фрагмента орудий, с сильномодифицирующей ретушью. Весь археологический материал из слоя 5 относится к афанасьевской культуре.

В отложениях слоя 7 найдено 12 целых и одна колотая галька, четыре фрагмента пластин, 40 мелких отщепов и 38 обломков и осколков, перемещенных, скорее всего, землеройными животными из кровли плейстоценовых отложений. В зоне пристенной деформации на уровне этого слоя найдены каменный пест-терочник и костяное шило (рис. 1, *9*), перемещенные из вышележащего слоя 5.

Таким образом, в результате работ 2018 г. были прослежены новые детали литолого-стратиграфического строения толщи голоценовых отложений в южной галерее пещеры, а также получены новые археологические материалы, характеризующие эпоху бронзы и ранний железный век Горного Алтая.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-00404.

Список литературы

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.Н., Бочарова Е.Н. Новые результаты исследования голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 457–458.

References

Derevianko A.P., Molodin V.I. Denisova peshchera. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, pt. 1, 262 p. (in Russ.).

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.N., Bocharova E.N. Novye rezul'taty issledovaniya golotsenovykh otlozhenii v yuzhnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 457–458 (in Russ.).

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.387-390
УДК 39:34

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Суд мифических персонажей у бурят XVIII – первой половины XIX века

Третейский суд, базирующийся на обычном праве, являлся основным регулятором конфликтов в традиционном обществе. В то же время в судопроизводстве допускался суд высших сил, якобы определявший виновность людей и наказывавший их за это. В правовой культуре бурят данный феномен также имел место. Целью исследования является определение значения суда мифических духов-хозяев в разрешении конфликтных ситуаций в бурятском обществе XVIII – первой половины XIX в. Определено, что в изучаемое время суд мифических духов-хозяев был призван, регулируя конфликты у бурят, стабилизировать общественный порядок. Со временем его значение нивелировалось под влиянием ряда факторов: ослабления родовых отношений, изменения границ расселения бурят, отказа от традиционной (шаманской) картины мира и др.

Ключевые слова: *буряты, судопроизводство, мировоззрение, конфликт.*

A.A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

The Court of Mythical Characters Among the Buryats of the 18th – First Half of the 19th Century

The court of arbitration based on the customary law was the main regulator of conflicts in traditional society. At the same time, the court of supreme justice was allowed in the proceedings, allegedly determining the guilt of the people and punishing them for it. This phenomenon existed in the Buryat legal culture. The aim of the study is to determine the significance of the court of mythical spirits-masters in resolving conflict situations in the Buryat society in the 18th – first half of the 19th century. It has been identified that the main purpose of the court of the mythical spirits –masters was to regulate the conflicts among the Buryats and to secure the social order. Later, under the influence of such factors as weakening of tribal relations, changes in the boundaries between the Buryat habitation areas, the rejection of the traditional (shaman) outlook, and others, the significance of the court of supreme justice became lower.

Keywords: *Buryats, legal proceedings, worldview, conflict.*

В традиционной культуре у разных народов существовало основанное на обычном праве судопроизводство, выполнявшее роль основного регулятора конфликтов. Вместе с тем у них сложились представления о суде, который будто бы творили высшие существа, и чей вердикт признавался наряду с решением третейского суда. В правовой традиции бурят также отмечалось данное явление. Изучению аспектов этого феномена посвящены работы ряда отечественных авторов, но тема остается далеко не исчерпанной и требует дальнейшего анализа.

В настоящей статье ставится целью определение значения суда мифических духов-хозяев в разрешении конфликтных ситуаций в бурятском обществе XVIII – первой половины XIX в. Работа построена на изучении письменных источников рассматриваемого времени, в том числе архивного материала из фондов Государственного архива Республики Бурятии, собранного в ходе полевых исследований 2018 г.

Практика судебных разбирательств у бурят была такова, что не всегда в криминальных и тяжебных делах удавалось прийти к согласию сторон или до-

казать чью-либо вину. В этих случаях третейский суд обращался к архаичной форме правосудия – к божбе на сакральном месте рода/племени, которая оставалась актуальной в обществе, где господствовало традиционное мировоззрение и были сильны родовые отношения. Интересно, что когда тяжущимися сторонами оказывались буряты-шаманисты и крещеные буряты или русские, то суд обязывал приводить к божбе обе стороны: бурят-язычников, в частности, на шаманском камне, а крещеных бурят и русских – в церкви. Это обстоятельство свидетельствует, что для третейского суда клятвы, даваемые в православной церкви и на языческом капище, были равнозначны в силу признаваемой сакральности этих мест.

Основным в бурятской божбе было принесение присяги мифическому существу, которое рассматривалось высшим судьей, неподкупным и жестоким в своем наказании. Данный акт был обязателен при решении разных конфликтов и варьировал в зависимости от места проведения.

Согласно А. Раеву, предбайкальские буряты совершали такие обряды присяги: в семейно-бытовых ссорах, «в делах маловажных» клянутся перед домашними онгонами; под следствием клятва дается перед заряженным ружьем или обнаженной саблею, по окончании целуется у ружья дуло, а у сабли – лезвие; при разбирательстве тяжбы клятва приносится на священных рощах и водных источниках; в особых случаях присягали у шаманского камня, расположенного посреди р. Ангара [1858, с. 21]. Из перечисленных выше видов присяги последние три давались по требованию третейского суда.

Конфликтующие супруги клялись перед сакральными предметами – семейными пенатами в присутствии старейшин, представлявших общину. При этом незримым судьей считался конкретный дух-покровитель человека – *онгон*, способный, как верили, лишить клятвопреступника счастья и плодородия. У бурят-буддистов такую роль исполняли будды и бодхисатвы, избранные в качестве покровителей членов семьи, и чьи изображения украшали домашний киот.

В изучаемое время у бурят в основном были распространены воровство и мошенничество. Очистительная присяга на оружии давалась на суде родоначальников обвиняемыми в этих преступлениях в присутствии других представителей рода или всего ведомства. В ее основе лежала вера в способность оружия покарать клятвопреступника. Данная традиция была производной от процедуры шертования, установленной для глав отдельных аборигенных и пришлых сообществ при принятии ими российского подданства; в последующем она применялась при вступлении глав инородческих ведомств и родовых старшин во власть.

Надо отметить, что в архаичной форме ритуал предполагал присягу не только на оружии, но и на крови собаки, которая была убита с помощью него. Объяснение такой практики дает Г.Ф. Миллер, утверждая, что с кровью собаки в человека входил ее дух, карающий отступника [2009, с. 168–169]. Вот как выглядело принесение шерти селенгинскими бурятами-табангутами: «Здесь они по своему желанию приняли присягу на верность подданства; присяга состояла, как передают буряты, в следующем: саблей была отсечена голова черной собаки, кровь и лезвие буряты лизали, а дуло ружья целовали, чем и выразили свою преданность» [Смолев, 1900, с. 82]. Как видим, данный ритуал представлял синтез русской и аборигенной традиций. С принятием буддизма клятва на крови животного была изжита у забайкальских бурят.

Очистительную присягу давали при тяжбе и разборе криминальных дел, причем при споре присягали и истец, и ответчик. Особенным было то, что вместо обвиняемого зачастую клялись свидетели из числа почетных членов родовой общины, к которой принадлежал он, а позднее, с потерей однородности бурятского улуса, – из односельчан. При этом отбирали одного из списка, обычно включавшего 30 человек. Между тем у забайкальских бурят запрещалось иметь таких доверенных людей по тяжебным делам и истец клялся сам [Обычное право…, 1992, с. 81].

Если ритуал проводился на сакральном месте, то присягали его мифическому духу-хозяину; при этом считалось, что за лжесвидетельство ждет суровая кара. Ушлые истцы, требуя клятвы на таком месте, добивались отказа от свидетелей участия в процессе. Роль шамана, приглашаемого на эту процедуру, заключалась в выполнении функции посредника при обращении третейского суда к высшей силе. Отметим, что значение данного суда падает уже к началу XIX в., на это указывают архивные данные. Так, в деле о верхоленских бурятах 1803 г. родовой шуленга и старшины в обращении к главному тайше настаивали на отказе от божбы подследственными, видя отсутствие у последних боязни перед судом мифических духов-хозяев (ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 25. Л. 130–130 об.).

По настоянию истца ответчик присягал у шаманского камня, такая клятва считалась особенно тяжелой. По Я.И. Линденау, шаманских камней в XVIII в. было известно четыре [1983, с. 138]. Более полную информацию о них приводит Г.Ф. Мил-

лер: «У брацких по эту сторону Байкала существуют особые скалы, которые они называют Ajechu-Tscholon, то есть страшными скалами. Одна из таких скал находится на берегу озера Байкал, там, где из него берет начало Ангара, по левую сторону; другая – на реке Иркут, на пути между Иркуцком и Тункинском; еще одна – на восточном берегу реки Лены, между Верхоленским острогом и Тутурской. Такие скалы, говорят, есть и в верхнем течении реки Китой, и на реке Белой значительно выше Бельского острога, и на реке Убуса, впадающей в Осу» [2009, с. 170–171].

В источниках XIX в. к числу таких мест отнесены еще Берутайская бариса, Ольхонский шаманский камень, пещера Умай со священным камнем и иконой Николая Угодника (ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 548. Л. 22). Со временем значимость некоторых из этих сакральных мест для бурят упала, что было обусловлено отселением последних с прилегающих территорий.

Я.И. Линденау первым из авторов приводит примерное содержание клятвы у шаманского камня: «Не крадывал, не едал, а быть на том греху, кто на меня напрасно клепал, а кто из нас виноват, то ты разбери» [1983, с. 138]. После принесения такой присяги в подтверждение слов полагалось коснуться каменного утеса, который, как верили, является местопребыванием мифического персонажа. Такой физический контакт с природным объектом в деталях различался у разных групп бурят. В одном случае подозреваемого, раздетого догола, обвязывали веревкой и спускали со скалы; раскачиваясь на веревке, он должен был 13 раз «обнять» скалу [Там же]. У тункинских бурят дающий клятву подходил к шаманскому камню, дотрагивался до него и возвращался с подобранным под скалой отколовшимся камешком [Миллер, 2009, с. 171]. При этом действовал запрет на хранение таких осколков в юрте, о чем повествует С.П. Крашенинников, сообщая о геодезисте А. Иванове [1966, с. 84]. На шаманском камне, располагавшемся у истока р. Ангара, такая процедура предполагала одиночную ночевку на каменном утесе, едва выступающем из воды. Как пишут, нередко это заканчивалось тем, что «испытуемого снимали с камня без чувств и привозили на берег в глубоком обмороке» [Стахеев, 1865, с. 17].

Очевидно, что во всем этом основную роль играл психологический фактор, связанный с глубоким подсознательным страхом бурят перед духами-хозяевами шаманских камней, который искусственно поддерживался в обществе. Говоря о силе таких представлений, Г.Ф. Миллер подмечает: «А настоящий злодей, который по совести чувствует себя виновным, и вовсе не осмеливается подойти к скале, ибо ожидает от нее неминуемого возмездия» [2009, с. 171]. Убежденность в неотвратимости наказания сохранялась у бурят даже в случае, когда явно виновный человек проходил испытание шаманским камнем: «И ежели он побожится, то, хотя бы подлинно знали о его шалости, вину ему прощают. Они же сказывают, что такому человеку напрасная божба без притчи не пройдет, но или жена, или дети, или скот, или сам умрет» [Крашенинников, 1966, с. 84]. Здесь следует указать, что в представлениях бурят суд мифических духов-хозяев был выше любого земного суда не только потому, что верили в неотвратимость наказания, но – и в его справедливость. Третейский суд, опиравшийся на обычное право, где, в частности, права элиты были лучше защищены, чем права рядовых бурят, априори не считался справедливым.

Таким образом, можно констатировать, что суд мифических духов-хозяев, как составная часть правовой культуры бурят XVIII – первой половины XIX в., выполнял роль одного из регуляторов конфликтов в обществе. Являясь рудиментом прошлого, он, тем не менее, был востребован, пока были крепки у бурят родовые связи, оставалась неизменной территория их расселения и транслировалась традиционная картина мира.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Крашенинников С.П. В Сибири. Неопубликованные материалы. – М.; Л.: Мысль, 1966. – 241 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 456 с.

Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. – Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1992. – 312 с.

Раев А. Буряты // Вестн. Имп. Рус. геогр. об-ва. – 1858. – Ч. 24. – С. 1–40.

Смолев Я.С. Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. – М.: [Т-во тип. А.И. Мамонтова], 1900. – 58 с.

Стахеев Д. Очерки бурятской жизни (посвящается Ф.Н. Пахолкову) // Русское слово. – 1865. – Ноябрь. – С. 161–226.

References

Krasheninnikov S.P. V Sibiri. Neopublikovannye materialy. Moscow; Leningrad: Mysl', 1966, 241 p. (in Russ.).

Lindenau Ya.I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-ehtnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka. Magadan: Kn. izd-vo, 1983, 176 p. (in Russ.).

Miller G.F. Opisanie sibirskih narodov / eds. A.Kh. Elert, V. Khintcshe. Moscow: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2009, 456 p. (in Russ.).

Obychnoe pravo khorinskikh buryat. Pamyatniki staromongol'skoj pis'mennosti. Novosibirsk: VO "Nauka". Sib. izdat. firma, 1992, 312 p. (in Buryat., in Russ.).

Raev A. Buryaty. *Vestnik Imp. Rus. Geogr. Ob-va*. 1858, pt. 24, pp. 1–40 (in Russ.).

Smolev Ya.S. Tri tabangutskikh roda selenginskikh buryat: etnograficheskij ocherk. Moscow: [T-vo tip. A.I. Mamontova], 1900, 58 p. (in Russ.).

Stakheev D. Ocherki buryatskoj zhizni (posvyashchaetsya F.N. Pakholkovu). *Russkoe slovo*, 1865, noyabr', pp. 161–226 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.391-393
УДК 394+316.444

Н.А. Березиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: warumbaum@gmail.com

Этносимволический подход к феномену идентичности

Цель статьи – анализ процесса возникновения групповой идентичности с точки зрения этносимволического подхода Э.Д. Смита и Ф. Барта. Общий ответ этих исследователей на вопрос о том, на чем основывается формирование группы, состоит в существовании символических элементов культуры – символов, мифов и коммуникаций, составляющих основу идентичности. Эта триада опосредована символическим взаимодействием, типом коммуникации с символами и коммуникацией в качестве средства, при помощи которого действуют эти символы. Данный подход востребован для понимания идентичности поливалентных этнических групп, в которых доминирует как сословно-профессиональный, так и этнокультурный компоненты. Это означает, что этническая идентичность – узел меняющихся взаимодействий, а не нуклеарный компонент социальной организации и не отдельная вневременная сущность.

Ключевые слова: *идентичность, солидарность, культура, память, символ, миф, коммуникация, этносимволизм.*

N.A. Berezikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: warumbaum@gmail.com

The Ethno-Symbolic Approach to Identity

The purpose of the article is to analyze the group identity from the point of view of the ethno-symbolic approach of A.D. Smith and F. Barth. These researchers answer the question about what the formation of the group is based on. The basis of this approach is that there are symbolic elements of culture – symbols, myths and communications that form the identity. This complex is mediated by symbolic interaction, a type of communication with symbols, and communication as the way by which these symbols act. This approach is in demand for understanding the identity of polyvalent ethnic groups, in which both the social and ethnocultural components dominate. This means that ethnic identity is a node of changing interactions, but is neither a nuclear component of social organization nor a separate timeless essence.

Keywords: *identity, solidarity, culture, memory, symbol, myth, communication, ethnosymbolism.*

В данной статье рассмотрена групповая идентичность с точки зрения этносимволического подхода Э.Д. Смита и Ф. Барта. Этносимволизм позволил подойти к проблеме «инструментилистски», соединив примордиалистский и конструктивистский подходы. Наиболее ранние работы Э.Д. Смита, посвященные этой теме, написаны в начале 1980-х гг., а обобщающая монография издана в 2009 г. [Smith, 2009]. Хотя в своей работе автор проанализировал формирование нации из этноса, но его подходы можно употребить и для раскрытия идентичности отдельной группы.

В самом начале своего исследования автор задался вопросом, на чем основывается формирование группы и находит ответ в существовании символических элементов культуры. Э.Д. Смит не назвал это теорией, но исключительно инструментальным подходом, который тем не менее предоставил механизмы для того, чтобы можно было обосновать создание и функционирование какой-либо группы. Теоретический подход (инструмент), который он обосновал, заключается в интерпретации транслируемых в группе элементов культуры, символов, мифов, легенд, генеалогий, а также материальных вещей, воспринимаемых в качестве символов. В этом же русле построены работы отечественных исследователей – В.А. Шнирельмана [2006], В.А. Тишкова [2003].

Э.Д. Смит выделил три составляющие, которые лежат в основе устойчивости этнических идентич-

ностей: символ, миф и коммуникация. Понимание факторов формирования группы он свел к роли мифов, воспоминаний, ценностей, традиций и символов. По его мнению, символы (гербы, гимны, праздники, места проживания, обычаи, языковые коды, святые места и т.п.), являются мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнических сообществ. Этносимволисты обратили внимание также на их основные составляющие – общее имя, миф о происхождении, исторические воспоминания, общие культурные факторы, связь с родиной и коллективные чувства, т.е. именно те компоненты, вокруг которых группа солидаризуется.

Символы, по их мнению, сохраняют этническую идентификацию, т.к. они действовали как «пограничники, отличившие “нас” от “них”» [Smith, 2009, p. 135]. Но символы играют также роль сигналов как для чужаков извне, так и для членов группы, поэтому «символическое взаимодействие» – это всегда тип коммуникации с символами и коммуникацией в качестве средства, при помощи которого они действовали» [Ibid.].

Легитимирующие мифы важны не меньше, чем символы. «Изложение мифов может вызвать у членов группы глубокое осознание их “общей судьбы”, обозначившее степень, в которой событие может пробудить глубокое чувство, подчеркнув сплоченность индивидов перед внешней силой» [Ibid., p. 97]. Символы могут дать отдельным группам особого рода общие переживания и ценности, тогда как мифы могут раскрыть им значение этих переживаний и иллюстрируют их ценности.

Из такого понимания мифов, символов и коммуникаций складывается определение идентичности в этносимволизме. Если мифы и символы могут не вызвать отклика у членов группы, то именно потому, что они уже перестали выполнять эти функции; они перестали отражать, разъяснять и служить образцом. Вследствие этого они больше не могут объединять членов группы, и она, соответственно, ослабеет и распадется. Следовательно, идентичность не является определенной совокупностью особенностей или «содержанием», охватываемым границей; «идентичность – это и межпоколенческая сокровищница, и наследие, и… набор значений и образов, воплощенных в ценностях, мифах и символах, которые служат объединению группы людей с общими переживаниями и воспоминаниями и отделению их от чужаков» [Ibid., p. 115]. Такая концепция дополняет граничный подход и предлагает более полный метод объяснения этнической идентичности.

Нам близок подход Э.Д. Смита в том плане, что он указал на значимость социальной памяти для поддержания идентичности. «Этнические общности образовались не путем физического наследования, а ощущением преемственности, общей памятью и коллективной судьбой, то есть культурной близостью, воплощенной в мифах, воспоминаниях, символах и ценностях, сохраняемых в памяти данной культурной единицы» [Ibid., p. 37].

Этот подход позволяет обосновать преемственность идентичности той или иной группы на протяжении нескольких веков. Именно чувство культурной близости, воплощенное в мифе о происхождении, общих исторических воспоминаниях и этнической символике, а не физические родственные узы, определили, например, казачество как субэтническую группу русских сибиряков. Этносимволисты рассматривают совокупности мифов, символов, воспоминаний, ценностей и традиций, возникших из общего опыта нескольких поколений проживающих совместно людей, как определяющие идентификационные элементы, на основе которых возникают этнические группы.

«Граничный подход» Ф. Барта оказался востребован для понимания идентичности поливалентных этнических групп, в которых доминировали как социальный (сословный, профессиональный), так и этнический (этнокультурный) компоненты. Ф. Барт предложил социально-интеракционную модель этнической идентичности, которая продемонстрировала группу не как отдельную вневременную сущность, но показала восприятие ее членами самих себя в своем отличии от других групп [Этнические группы…, 2006, с. 9–48].

У такой позиции, скоцентрированной на раскрытии механизмов межгрупповых границ, есть три преимущества. Первое: поскольку этничность определена границами, значит, культурное и биологическое разнообразие группы изменяется в рамках граничных механизмов. Второе: хотя Барт указал, что границы группы могут относиться и к территории группы, он подчеркнул, что этнические группы «необязательно для своего существования должны иметь постоянную собственную территорию обитания». Третье: граничный подход Барта облегчил рассмотрение разнообразных вариантов идентичностей, не укладывавшихся в наиболее распространенные типы, например, идентичности, основанные на использовании языков в качестве альтернативных кодов, а не этнических идентификационных символов или соционормативных средств коммуникации. Категориальная аскрипция Ф. Барта – это этническая аскрипция, классифицировавшая человека с позиций основополагающей, наиболее общей его идентичности, предположительно определенной его происхождением и окружением. Если этническая преемственность зависит

от аскрипции и поддержания социальной границы, то обозначающие ее культурные особенности могут со временем изменяться, как и культурные характеристики ее членов [Там же, с. 15–16].

Этносимволисты учитывают огромную роль в конструировании идентичности государства и государственных структур. Сюда, в частности, относится создание официальной классификации населения, разделение его на группы (народы, расы, конфессии) и наделение их именами [Фуко, 1999, с. 190–192; Бурдье, 1993, с. 140–149; Тишков, 2003, с. 175–229].

По мнению Э.Д. Смита, это означает, что мы не можем вполне определенно отделить «этнический» тип группы от остальных типов. С его точки зрения, граничный подход показал, что этничность – это узел меняющихся взаимодействий, а не нуклеарный компонент социальной организации. «Мы также должны отказаться от представления о том, что всякое этническое сообщество должно занимать определенную территорию, а это в свою очередь будет означать, что этничность – это составная часть континуума социальных общностей...» [Smith, 2009, p. 149–150].

Таким образом, этносимволистский подход предоставил нам возможность увидеть широкий диапазон факторов, оказавших влияние на становление и сохранение культурных идентичностей, и тем самым уберег от соблазна считать этничность чем-то бесконечно податливым и «изобретаемым». В некотором смысле, Э.Д. Смит и другие этносимволисты предложили если не теорию, то определенную точку зрения, с помощью которой можно исследовать возникновение и поддержание этнокультурных идентичностей.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00028а.

Список литературы

Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.

Шнирельман В.А. Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Нов. лит. обозр., 2006. – 696 с.

Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / ред. Ф. Барт. – М.: Новое издательство, 2006. – 198 с.

Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach. – L.; N.Y.: Routledge, 2009. – 184 p.

References

Bourdieu P. Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'. *Thesis*, 1993, iss. 2, pp. 137–150 (in Russ.).

Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii / ed. F. Barth. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 198 p. (in Russ.).

Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my. Moscow: Ad Marginem, 1999, 478 p. (in Russ.).

Shnirel'man V.A. Byt' alanami: Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006, 696 p. (in Russ.).

Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach. London; New York: Routledge, 2009, 184 p.

Tishkov V.A. Rekviem po etnosu. Moscow: Nauka, 2003, 544 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.394-397
УДК 397+398

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: venariy@ngs.ru

Змея и ее образ в шаманизме хакасов (конец XIX – середина XX века)

В статье впервые на основе архивных и литературных этнографических источников анализируются место и роль змеи и ее образа в шаманизме хакасов. В ходе исследования делается вывод о большой значимости указанной рептилии в мифо-ритуальном комплексе хакасских шаманов. Она выступала в качестве одного из важнейших духов-помощников шамана, оказывающих ему существенную помощь в его мистериях, особенно в процессе путешествия в Нижний мир. В связи с чем ее символическое изображение было широко представлено в шаманской атрибутике – костюме и бубне. В ритуальном облачении кама змея имела свое знаковое оформление в виде специализированных длинных лент – сызым, а также раковин каури – чылаңмас. Рассматриваемый представитель пресмыкающихся являлся одной из самых распространенных сакральных фигур, изображаемых на бубне.

Ключевые слова: *хакасы, традиционное мировоззрение, шаманизм, обряд, змея, ритуальная атрибутика, символ.*

V.A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: venariy@ngs.ru

The Snake and Its Image in the Khakasian Shamanism (End of the 19th – Middle of the 20th Century)

In the article, the place and role of the snake and its image in the Khakasian shamanism are analyzed for the first time on the basis of the archival and literary ethnographic sources. In the course of the study, a conclusion is made about the great importance of this reptile in the myth-ritual complex of Khakas shamans. The snake was regarded as one of the most important spiritual assistants of the shaman, who rendered him a substantial assistance in his mysteries, especially during the journey to the Lower Realm. In this connection, the symbolic image of a snake was widely represented in shaman's attributes – a costume and a tambourine. The ritual vestments kam, the snake was represented in the form of specialized long tapes – syzym and cowrie shells – chylanmas. This representative of the reptiles was one of the most common sacral figures depicted on a tambourine.

Keywords: *Khakass, traditional world view, shamanism, rite, snake, ritual attributes, symbol.*

В мировоззрении и обрядовой практике хакасских шаманов большое значение придавалось животным и их образам. Верили, что зооморфным обличием и неистовой звериной природой обладали многие обитатели потустороннего мира. Из их числа выделялись духи-хозяева природных объектов, жители Нижнего мира, включая всевозможных зловредных демонов, а также духи-помощники шаманов, которые призывались в процессе камлания. Среди последних важное место отводилось образу змеи/змея (дракона) – '*чылан/сыр чылан*'.

Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на особую значимость образа змеи и других животных в хакасском шаманском культе, был известный немецкий ученый-натуралист XVIII в. академик И.Г. Георги. Анализируя это, он отмечал, что «божки являются шаманам, по их мнению, наибольше в виде медведей, змей и сов, почему они и воздают животным сим честь» [Георги, 1777, с. 116].

Змея выступала в качестве одного из самых распространенных и сильных *тӧс'ов* – духов-помощ-

ников шамана. Как отмечали хакасские старики: «Лягушка и змея считались защитниками шамана» (АМАЭС ТГУ. № 680-4. Л. 36). Хакасский шаман Роман Кандараков сообщал этнографу Л.П. Потапову о том, что со змеиным и другими *төс'ами* он «смело шел во время камлания в далекие горы и каменные россыпи» [Потапов, 1981, с. 135].

В традиционных воззрениях хакасов эта рептилия имела непосредственную связь с Нижним миром. Она при этом являлась одним из ярких представителей не только подземного, но и подводного пространства. Поэтому шаманисты Саяно-Алтая обозначали змею наряду с другими пресмыкающимися и земноводными не иначе, как '*суғдаң килген*' – букв. «пришедшая из воды» [Вода…, 2012, с. 135, 183]. В связи с чем среди хакасов бытовала примета: если во сне увидеть змею или некоторых других животных указанных видов, то это означало «получить неприятность от водяного духа» [Там же, с. 183].

В народе встречались воззрения о том, что змея, наряду с другими шаманскими помощниками, помогает каму бороться со зловредными духами. Полагали, что всех вредоносных сущностей они изгоняли далеко на восток к мифическому морю *Хара талай* – во владение демона Кирби хана, либо на *Сарығ талай* к могущественному духу Кум Таю [Катанов, 1889, с. 113]. По другим сведениям, змеи конвоировали плененных нечистых духов прямо к владыке Нижнего мира – Эрлик хану [Катанов, 1897, с. 30]. В верованиях хакасов указанный персонаж нередко и сам мог принимать змеиное обличие (АМАЭС ТГУ. № 681-1. Л. 66 об.). Помимо того, в шаманских призываниях хакасов и других тюрков Саяно-Алтая образы Эрлик хана и змеи также были тесно связаны друг с другом. Прежде всего, это нашло свое выражение в том, что владыка подземного мира обычно описывается в них, как всадник, держащий в своей руке плеть в виде черной змеи [Бурнаков, 2011, с. 112; Потанин, 2005, с. 71–72].

Столь значимая роль образа змеи в шаманизме не могла не отразиться и в самой атрибутике служителей культа, прежде всего в костюме – *хамдых кип*. Практически на всех хакасских шаманских облачениях в том или ином виде было представлено символическое изображение змей. Наиболее выразительными из них были длинные наспинные матерчатые ленты – *сызым* длиной около одного метра и больше. Некоторая их часть имела вид упрощенных фигур драконообразных змей. Отдельные из них состояли из кусков черного и красного сукна и оканчивались бахромчатым хвостом. На теле этого существа в нескольких местах нашивались кусочки сукна с бахромой. У других «драконов» выделялись две пары ног и сердцевидный хвост. У большинства подобных фигур отсутствовала голова, хотя в определенных случаях на ее месте пришивался кусок сукна подтреугольной формы [Иванов, 1979, с. 134–135, рис. 148]. Схожие по форме драконовидные и змеевидные подвески с той же семантикой были широко распространены и в шаманской одежде алтайцев и телеутов [Потапов, 1991, с. 212]. В религиозно-мифологическом сознании ленты-змеи наделялись апотропеистической силой и вместе с тем, служили орудием шамана, которым изгонялись враждебные духи, в том числе и обитатели подземного царства.

В костюме хакасских шаманов наряду с ритуальными лентами *сызым*, был широко представлен и другой змеиный символ – раковины каури (*чылаңмас* – букв. «змеиная голова»). Ими преимущественно обшивали верхнюю часть шаманской куртки – *хамдых тон*, а также шаманский головной убор – *хамдых пӧрік* и др. При этом способ их нашивки был весьма разнообразен: в виде прямых и зигзагообразных линий, треугольников, крестов и пр. [Яковлев, 1900, с. 55; Бутанаев, 2006, с. 78, 81]. В этой связи, один из дореволюционных авторов, описывая *хамдых пӧрік*, отмечал, что «на лбу шапки была нашита звезда с шестью лучами из раковин, называемых простонародьем – дониланбаш (*чылаңмас*. – **Авт.**)» [Шаманство…, 1871, с. 58].

Изображение змеи было представлено и на другом не менее ярком шаманском атрибуте – бубне. Он являлся важнейшим ритуальным инструментом и обладал широким семантическим полем. Более того, он выступал в качестве своеобразного «паспорта» шамана. Знающие люди, взглянув на бубен и его рисунки, без труда могли определить статус и мистическую силу шамана. Отметим, что помимо всего прочего, обязательным элементом его изобразительного содержания было наличие фигур духов-помощников кама, в числе которых непременно была и змея. Рисунки обычно наносились на всю поверхность внешней стороны кожаной мембраны бубна. При этом саму змею изображали (одну либо парно – самец и самка) в ее нижней части, соотносимой с подземным миром. Фигуры данной рептилии, как правило, выполнялись черной краской [Катанов, 1897, с. 29; Яковлев, 1900, с. 57–58; Потапов, 1981, с. 135], хотя иногда на рисунках встречались белые и красные змеи [Клеменц, 1890, с. 29].

Шаман в процессе камлания зачастую сам «перевоплощался» в змею. Главным образом это выражалось такими его внешними проявлениями, как телодвижение, мимика и акустические сигналы.

В этой связи уместным является привести личные наблюдения выдающегося исследователя Г.Н. Потанина за камланием алтайского шамана Энчу: «Он бешено крутился телом, не сдвигая ног; он глубоко приседал, извивался и выпрямлялся, как бы подражая своим телом движениям змеи» [Потанин, 2005, с. 60]. Представленное описание специфической манеры изображения змеи и полное погружение в ее образ во многом было характерно и для хакасских шаманов.

По традиционным представлениям хакасов змея наряду с лягушкой и ящерицей была мистическим образом связана с духом-покровителем овец *Илгерге*, а нередко являлась одним из его воплощений [Катанов, 1907, с. 692, 596]. Верили, что они «пугают своим присутствием тех злых духов, которые желают прикоснуться к овцам» [Катанов, 1897, с. 30]. Полагали, что если во сне увидеть указанных животных, то это предвещало людям болезнь, насылаемую *Илгерге*. Для того чтобы отвратить от человека недуг, следовало принести ему жертву. В качестве жертвенных животных выступали холощеные бараны желтой и красной мастей [Катанов, 1907, с. 556–557, 592, 596].

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что образ змеи занимал важное место в шаманизме хакасов. Она выступала в качестве одного из важнейших духов-помощников шамана. В связи с чем ее символическое изображение было широко представлено в шаманской атрибутике. Вместе с тем значимая роль отводилась змее и в обрядности, направленной на защиту домашнего скота, в частности овец, а также сохранение здоровья человека.

Список литературы

Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 107–114.

Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. – 254 с.

Вода, горы и лес по воззрениям турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 131–188.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – СПб.: [Тип. Вейтбрехта и Шнора], 1777. – Ч. III: Самоядские, манджурские и восточные сибирские народы.– 130 с.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). – Л.: Наука, 1979. – 195 с.

Катанов Н. (священник). Шаманский бубен и его значение // Енисейские епархиальные ведомости. – 1889. – № 6. – С. 112–114.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Тип.-лит. Имп. Казан. ун-та, 1897. – 104 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Клеменц Д.А. Несколько образцов бубнов минусинских инородцев // Зап. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва, 1890. – Т. II, вып. 2. – С. 25–35.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.

Потапов Л.П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 125–137. – (Сб. МАЭ; т. XXXVI).

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 320 с.

Шаманство и шаманы // Нива. – 1871. – № 4. – С. 58–62.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск: [Тип. В.И. Корнакова], 1900. – 212 с. – (Описание Минусинского музея, вып. 4).

References

Burnakov V.A. Erlik Khan in the Traditional Worldview of Khakass. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2011, vol. 1 (45), pp. 107–114 (in Russ.).

Butanaev V.Ya. Traditsionnyi shamanism Khongoraya. Abakan: Khakassia State Univ. Press, 2006, 254 p. (in Russ.).

Georgi I.G. Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei. St. Petersburg: [Tip. Veitbrekhta i Shnora], 1777, pt. 3: Samoyadskie, mandzhurskie i vostochnye sibirskie narody, 130 p. (in Russ.).

Ivanov S.V. Skulptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert XX veka). Leningrad: Nauka, 1979, 195 p. (in Russ.).

Katanov N. (svyashchennik). Shamanskii buben i ego znachenie. *Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti*, 1889, vol. 6, pp. 112–114 (In Russ.).

Katanov N.F. Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Yenisseiskoi gubernii. Kazan': [Tip.-lit. Imp. Kazan. Univ.], 1897, 104 p. (in Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.).

Klements D.A. Neskol'ko obraztsov bubnov minusinskikh inorodtsev. *Zapiski Vostochno-sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, 1890, vol. 2, No. 2, pp. 25–35 (in Russ.).

Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Gorno-Altaisk: Ak Chechek, 2005, 1026 p. (in Russ.).

Potapov L.P. Shamanskii buben kachintsev kak unikal'nyi predmet etnograficheskikh kollektsii. In *Matereial'naya kul'tura i mifologiya*. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 125–137 (in Russ.).

Potapov L.P. Altaiskii shamanism. Leningrad: Nauka, 1991, 320 p. (in Russ.).

Shamanstvo i shamany. *Niva*, 1871, vol. 4, pp. 58–62 (in Russ.).

Voda, gory i les po vozzreniyam turetskikh plemen Altaisko-Sayanskogo nagor'ya. In *Dyrenkova N.P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy.* St.-Petersburg: MAE RAS Publ., 2012, pp. 131–188 (in Russ.).

Yakovlev E.K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Yeniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Minusinsk: [V.I. Kornakov Publ.], 1900, 212 p. (Opisanie Minusinskogo muzeya; iss. 4) (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.398-400
УДК 398.4

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Невидимость как символ иномира в нарративах переселенцев из Полесья

Во время полевых исследований в Маслянинском р-не Новосибирской обл. были записаны фольклорные тексты о невидимых людях. Жители нескольких селений – потомки переселенцев начала XX в. из Полесья – региона, где хорошо сохранились архаические элементы славянской мифологии. Записаны нарративы о встречах с незримыми духами, о похищении ими людей, о их происхождении и жизни в ином мире. Их можно встретить в поле, в лесу, около водоема, на дороге, на сельских улицах в темное время суток или в полдень. Невидимость является признаком, который подчеркивает принадлежность персонажа к иному миру, отделяет его от мира людей, символизирует бестелесность. Глубина архетипических представлений об ином, параллельном мире, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ним символов и отобразилась в новых сюжетах несказочной устной прозы.

Ключевые слова: *мифология, иной мир, невидимые люди, нечистая сила, Полесье, сибирские переселенцы, славянский фольклор.*

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Inconscious as a Symbol of Another World in the Stories of Migrants from Polesie

The Folklore texts about an "invisible people" were written down in the Maslyaninsky district of the Novosibirsk region during the field research by author. An informants are the residents of several villages, the descendants of migrants from Polesie at the beginning of the 20th century. Archaic elements of Slavic mythology are well preserved In Polisie. The author had recorded narratives about contacts with invisible spirits, about people who were abducted by them, about their origin and life in the another world. Invisibility is a attribute that emphasizes the character's belonging to the another world, separates him from the world of people, symbolizes his incorporeality. The antiquity of the archetypal conception of another world probably provided the viability of symbols associated with another world, and was reflected in an ethnic oral tradition.

Keywords: *mythology, another world, invisible people, devilry, Polesie, Siberian immigrants, Slavic folklore.*

В 2016–2018 гг. проводились полевые исследования в ряде населенных пунктов Новосибирской обл. с целью выявления локальной специфики мифологических представлений у потомков русских и украинских переселенцев рубежа XIX–XX вв., определения степени их сохранности и актуализации в современных условиях. Полученный материал позволил сделать выводы об особенностях мифоритуального комплекса в селах Прямское, Борково и д. Петропавловка Маслянинского р-на, где живут потомки переселенцев из Полесья: Черниговской (ПМА, 2016, 2018), Брянской (села Буда, Струговская Буда), Курской губ. (Белгородский у.) и Белоруссии (Гродненская губ.) [Фурсова, 2011, с. 304], прибывших в Николаевскую вол. Барнаульского у. Алтайского горного окр. в 1909–1912 гг. «Обосновавшись в предгорьях Салаирского кряжа, местные жители жили одним коллективом с сохранением значительной роли натурального хозяйства, форм народного самоуправления, во многом традиционного образа жизни. <…> Здесь сложилась целостная система календарных обычаев и обрядов со всеми взаимосвязями составляющих элементов (слова, музыка, действия, танцы), которая все эти

годы поддерживалась межпоколенной передачей традиций» [Там же]. Тоже самое можно сказать о высокой степени сохранности мифологических представлений, восходящих к дохристианским верованиям, которые из поколения в поколение передавались в виде сюжетов несказочной устной прозы и являлись значимым компонентом мировоззрения.

Во время полевых исследований 2016 и 2018 гг. были записаны нарративы о персонажах иного мира, в том числе о *невидимых людях*. Жители с. Прямское их называли *невидимцы*, *невидимки*, *невидимые люди*, иногда – *ведьмы*, *домовые* (не отождествляя с домашним духом), в Петропавловке и Борково чаще употребляли наименование *нечистая сила*, в качестве одного из ее характерных признаков называли *невидимость* (ПМА).

Представления о *невидимой* (*невиданной*) *силе* известны в различных регионах России. *Невидимками* могли считать про́клятых, похищенных, пропавших без вести людей, иногда к ним относили *нечистую силу*. Русские крестьяне верили, что окружающий их мир насыщен разнообразными силами и существами неопределенного облика. Все они сосуществуют с человеком, могут влиять на жизнь людей, но часто при этом остаются незримыми, невидимой силой [Власова, 1998, с. 345]. «Невидимка – род не́жити, домового; он невидимо берет все съестное, что полюбится, в лавках и харчевнях; если станет на запятках свадебного поезда, то лошади ни с места» [Даль, 1881, с. 520]. Очевидно, невидимость является признаком, который подчеркивает принадлежность персонажа к иному миру, отделяет его от мира людей, символизирует его бестелесность.

Невидимых людей представляли обитателями различных природных локусов: их можно было встретить в поле, в лесу, около водоема, на дороге, на сельских улицах. Появлялись обычно в темное время суток или в полдень. *Невидимцы – это те же самые домовые, только как мужики* (ПМА: Прямское, 2018). *Гулять девки не ходили в клуб, потому что боялися, что их заберут к себе невидимцы. А сейчас их уже нигде нету, ни в той речке, в плесах. Раньше везде жили. В болотах жили, в озере, в трущебу в якую, везде были. Солнце зайдет, из хаты страшно выйти, боялись этих домовых* (ПМА: там же). *В двенадцатом часу бачим бричка. Думали что Гришка на бричке ехал, а это были невидимцы. Три пары коней и целый воз сена. Едут, только шум стоит. Матка нам говорит: Девки давайтеховаться. Мы в пригон сховались. Они мимо проехали. Мы тогда повылезли, в хату скорее побегли. Их боятся, потому что они людей забирают* (ПМА: там же, 2016).

Невидимые представители иного мира похищали людей (обычно детей, девушек, молодых женщин), забирая их навсегда или на некоторое время (чаще всего называли срок в три года). *У одной муж уехал, а жена осталась с ребенком. Ну куда раньше детей девать? С собой брали в поле. Она положила ребенка, а сама жать пошла. Муж приезжает, видит: ребенок один, а жены нету. Он стал искать, звал, кричал. Не откликается… Через три года появилась домой. Стали спрашивать: «Ты где была?» И вот она рассказала. Подъехала телега. Мужчины посадили ее на телегу, забрали и увезли. Куда увезли, говорит, сама не знает. Очнулась в доме. Скот кричит. Всё как у людей, и варят, и все так же делают. У этого мужика родила жена и умерла, ребенка нечем кормить. Вот они ее забрали до тех пор, пока она не выкормила их ребенка. До трех лет вырастила, тогда они ее привезли туда же, откуда забрали* (ПМА: Прямское, 2018). *Раньше было в Новопокровке, гуляла на улице девка. Пришел невидимец и забрал девку. Три года она жила у невидимцев. А там дурачок жил. Его матка померла, а он с приветом был. Вышел на колодочку, да и сидит на лужайке. Бачит, их столько идет много. И эта девка подошла, ее Варвара звали. Он говорит: «Варвара, это ты?» Она: «Я». Он ей говорит: «Пойдем, я тебя домой отведу». А невидимцы не пускают, за руки ее тянут. А этот дурачок тогда заматерился. Они, когда матерятся, крепко боятся. Заматерился, тогда они кинули ее и ушли. Он повел ее к отцу, к матери. Ну что, она потом пожила только год, да и померла. А потому что она уже сделана была так невидимцами. Ей надо было уже жить у невидимцев* (ПМА: там же). *Была здесь бабушка повитуха. Ночью приезжают к ней два мужика. Солидные, сами в шляпах, в темноте под шляпами лиц не видно. На карете приехали, карета с двумя лошадьми. Вежливые, просят, чтобы поехала к роженице. Ей отказать нельзя. Увезли. Ее не было три года. Ровно через три года в то же время ее привезли обратно. Она говорит, что ее не было всего три дня. Это ее забирали невидимые люди, у них там женщина рожала* (ПМА: Петропавловка, 2016).

Происхождение *невидимых людей* для многих неизвестно. *Черт их знает, откуда берутся. Мы ничего про них не знаем. А теперь их уже нигде нету, потому что их выжили* (ПМА: Прямское, 2018). В с. Прямском записана легенда о Евиных детях. *Раньше по Библии читали, что Ева родила двадцать четыре ребенка. Бог у нее спрашивает: «Ева, сколько у тебя детей?»… А ей стыдно было признаться, что столько детей, и она соврала, наполовину меньше сказала: «Двенадцать». А Господь-то все знает. Говорит: «Ну вот, соврала ты мне. Значит пусть будет у тебя двенадцать видимых и двенадцать невидимых». И вот невидимые люди также живут, как и мы. Скот держат,*

дома у них свои. Но мы их не видим (ПМА: там же). Иногда происхождение *невидимок* связывали с пропавшими детьми, которые были про́кляты их родителями или с младенцами, умершими некрещеными. *Мать в сердцах сказала девочке: «Чтоб тебе пусто было!» И она исчезла. Ее нечистая сила забрала, невидимой сделала* (ПМА: Борково, 2016). *Жила здесь Дуня Тузик. Ей дети не нужны были. Рождались, а она их не кормила, морозила, чтобы умирали. Они становятся невидимыми, как нечистая сила* (ПМА: Петропавловка, 2016).

В контакт с *невидимыми людьми* могли вступить знахари и слабоумные (ср. эпитет «не от мира сего»). Были распространены представления, что *невидимки* живут собственной жизнью в параллельном мире, они не всегда опасны. *Свекровь рассказывала. Слышу, говорит, звон телеги, колеса стучат по дороге. Сначала стук, а потом, говорит, слышу голоса детей щебечут. А ночь лунная была летом. Я, говорит, в окно выглянула, смотрю – девочка и мальчик. В белых панамочках, в белых носочках, в туфельках. Что-то ищут, собирают возле избушки. С ней была сторожиха старенькая. Свекровь ее спрашивает: «Тетка Маруся, а кто это?» Она говорит: «Не смотри, молчи»* (ПМА: Прямское, 2018). *Слышу телегу, стукоток стоит. И песни поют. В окошечко выглядываю, а по дороге свадьба едет. Жених, невеста. Ночью все это. И понеслась, пронеслась мимо. Я у бабушки спрашиваю: «Что такое?» Та: «Молчи. Нельзя. Это невидимые люди». Так страшно это, как-то не по себе* (ПМА: там же). *Женщина заблудилась в Провалье* (лог за деревней, который местные жители считают мистическим гиблым местом. – **О.Г.**), *слышала там голоса будто из-под земли, а никого вокруг не видно* (ПМА: Петропавловка, 2016). *Если ты им вреда не делаешь, то и они тебе не делают. Бывает, что на их дорогу что-нибудь выкинешь или выльешь, вот они могут тогда наказать. Мы же не знаем, где они ходят. Была здесь знающая бабушка, ходила на дорогу, в лес, просила их, чтобы простили* (ПМА: Прямское, 2018).

Итак, переселившись в Сибирь, выходцы из Полесья и их потомки на протяжении века прекрасно сохранили мифологические представления, связанные с обитателями иного мира – *невидимыми людьми*. Нарративы об этих персонажах повествуют о событиях, якобы случившихся уже на новом месте, на сибирских землях. Таким образом происходила сакральная адаптация территории, включение ее в мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми персонажами и символами. Люди нескольких поколений на протяжении более ста лет продолжали воспроизводить легенды и былички, сюжеты которых близко повторяют нарративы Полесья – региона с особенным этнокультурным колоритом, который этнографы и фольклористы называют «славянским этнографическим заповедником». «Полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаичные элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других регионах» [Народная демонология…, 2010, с. 8]. Мифоритуальный комплекс полещуков можно рассматривать как один из признаков этнокультурной идентичности этой локальной группы.

Глубина архетипических представлений об ином, параллельном мире, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов и отобразилась в новых сюжетах несказочной устной прозы у потомков переселенцев из Полесья, обосновавшихся в сельской местности на юге Западной Сибири, в предгорьях Салаирского кряжа. *Невидимость* демонологических персонажей была признаком, который выделялся лексически, подчеркивая особую значимость этого свойства, символизировавшего принадлежность к иному миру.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00028а).

Список литературы

Власова М.Н. Русские суеверия: энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.: [Изд. Вольфа, 1881]. – Т. 2. – 810 с.

Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. – 648 с.

Фурсова Е.Ф. Этнокультурная специфика календарной обрядности российских переселенцев Присалаирья начала XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2011. – С. 303–309.

References

Dal’ V.I. Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka. St. Petersburg: [Izd. Vol’fa], 1881, vol. 2, 810 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Etnokul’turnaia spetsifika kalendarnoi obriadnosti rossiiskikh pereselentsev Prisalair’ia nachala XX v. In *Polevye issledovaniia v Verkhnem Priob’e i na Altae. 2010 g. Arkheologiia, etnografiia, ustnaia istoriia*. Barnaul: Alt. State Ped. Univ. Press, 2011, pp. 303–309 (in Russ.).

Narodnaia demonologiia Poles’ia: Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka. Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur, 2010, vol. 1: Liudi so sverkh”estestvennymi svoistvami, 648 p. (in Russ.).

Vlasova M.N. Russkie sueveriia: Entsiklopedicheskii slovar’. St. Petersburg: Azbuka, 1998, 672 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.401-403
УДК 30.304.2+394

А.А. Ильина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Сохранение татарской культуры и языка в малых городах и селах Омской области (по материалам экспедиций 2016–2018 годов)

В статье представлен исторический обзор национально-культурных объединений татар, действующих в малых городах и селах Омской обл. Татарские национально-культурные объединения справедливо можно назвать главными центрами сохранения татарской культуры и языка в малых городах и селах районов с компактным проживанием татарского населения исследуемого региона – Усть-Ишимского, Тевризского, Большереченского, Тарского и Колосовского, поскольку они проводят работу как в районных центрах, так и в татарских селах и деревнях. Рассматривается история создания и основные направления деятельности татарских национально-культурных объединений, а также творческих коллективов, которые заложили основу возрождения татарской культуры в Омской обл. и стали базой для последующей институциализации татарского национального движения.

Ключевые слова: *Омская обл., татары, национально-культурные объединения, татарская культура, татарский язык.*

A.A. Ilina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Preservation of the Tatar Culture and Language in Small Towns and Villages in Omsk Region (on the 2016–2018 Expeditions Materials)

The article is the historical review of national and cultural associations of Tatars in the small cities and villages of Omsk region. National and cultural associations of Tatars are the main efficient centers for Tatar culture and language preservation in small towns and villages in Ust-Ishimsky, Tevrizsky, Bolsherechensky, Tarsky and Kolosovsky districts of Omsk region with the dense Tatar population. These associations are active in both district centers and Tatar villages. The author considers history of creation and the main activities of Tatar national and cultural associations and Tatar folklore amateur groups because they lay the foundations for the revival of Tatar culture in Omsk region and the subsequent institutionalizing of Tatar national movement.

Keywords*: Omsk region, Tatars, national and cultural associations, Tatar culture, Tatar language.*

Актуальной проблемой многих современных российских этносов, проживающих в условиях этнического меньшинства, является сохранение национальной культуры и родного языка. Основными центрами сохранения родного языка и национальной культуры как в крупных городах, так и в малых городах и селах с рубежа 1980–1990-х гг. выступают национально-культурные объединения (НКО) [Ильина, 2013, с. 146].

Татары, чья численность в Омской области составляет 41 870 чел. (2,12 % населения) – пятый по численности этнос региона [Численность населения]. Районами их компактного проживания являются Усть-Ишимский, Тевризский, Большереченский, Тарский, Знаменский и Колосовский. Процентное соотношение татар в общей численности населения Усть-Ишимского р-на Омской обл. составляет 24,25 %, Тевризского района – 21,43 %,

Большереченского района – 10,65 %, Тарского р-на Омской обл. – 7,74 %, Колосовского района – 6,05 % [Численность…].

В рамках работы Татарского этнографического отряда в 2016 г. был проведен сбор материала в НКО татар с. Уленкуль Большереченского р-на (также повторно и углубленно – в 2018 г.) и г. Тара, а в 2017 г. – с. Колосовка, с. Усть-Ишим и пгт Тевриз. Таким образом, во всех районах компактного проживания татар Омской обл., за исключением Знаменского р-на, где татары составляют 6,22 % населения, созданы татарские НКО, главной целью деятельности которых является сохранение татарской культуры и языка.

Основой возрождения татарской культуры в Омской обл. и базой для создания татарских НКО стали творческие самодеятельные коллективы. Возрождение татарской культуры и языка началось в 1989 г. в Омске и с. Уленкуль Большереченского р-на. В начале указанного года в с. Уленкуль был образован фольклорно-этнографический ансамбль «Наза», а в областном центре – фольклорный татаро-башкирский ансамбль «Умырзая». В 1993 г. в с. Усть-Ишим начал работу вокальный ансамбль «Чишмэ», в 1998 г. – ансамбль «Махаббат» в с. Колосовка. Исключением стали г. Тара и пгт Тевриз, в которых создание татарских НКО совпало с созданием татарских творческих коллективов: в 2004 г. в г. Тара начал работу вокальный ансамбль «Нур», а в 2005 г. в пгт Тевриз был образован ансамбль татарской песни «Шатлык».

Рассмотрим историю создания и основные направления деятельности НКО татар малых городов и сел Омской обл. – основных центров сохранения татарской культуры и языка.

В 2003 г. в с. Колосовка была зарегистрирована общественная организация Татарский культурный центр «Янарыш», почва для создания которого, как уже отмечалось, была подготовлена ансамблем «Махаббат». На протяжении нескольких лет центр действовал в статусе общественной организации (что является его особенностью в сравнении с остальными НКО татар, которые по своему типу являются национально-культурными центрами и действуют при государственных учреждениях культуры). Важной особенностью деятельности центра «Янарыш» стало обращение к возрождению традиций ислама. Так, центр «Янарыш» инициировал празднование Ураза-байрам; по просьбе татарского населения руководство центра решило вопрос с организацией в с. Колосовка мусульманского кладбища, а также со строительством мечети (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 14).

Однако через несколько лет после создания общественная организация была ликвидирована из-за отсутствия постоянных источников финансирования. В настоящее время центр «Янарыш» действует как неформальное объединение, тесно контактируя с органами власти и культуры Колосовского р-на, которые предоставляют центру помещение, а также Обществом мусульман Колосовского р-на. «Янарыш» регулярно проводит мусульманские праздники Курбан-байрам, Ураза-байрам, татарские народные праздники Сабантуй, обрядовые праздники имянаречения, национальные свадьбы, а также внедряет новые традиции, например, праздник «Чак-чак-байрам». Однако в основном деятельность центра строится вокруг ансамбля «Махаббат», который имеет две бюджетные ставки. Ансамбль дает концерты в районном центре и окрестных татарских населенных пунктах (д. Тоскино, д. Когото-во, с. Корсино), гастролирует в соседних районах, участвует в мероприятиях регионального уровня, дает самостоятельные концерты в областном центре (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 14).

В июне 2004 г. начал свою работу Центр татарской культуры «Нур» Объединения национальных культур «Дом дружбы» муниципального бюджетного учреждения культуры «Тарский культурно-досуговый центр «Север» г. Тара, созданный по инициативе местных татарских активистов. Как уже отмечалось, с первых дней работы в Центре татарской культуры действует вокальный ансамбль «Нур», лауреат районных и областных конкурсов и фестивалей. Члены Центра татарской культуры «Нур» и одноименного вокального ансамбля, помимо своей творческой деятельности, принимают участие в этнофестивале «Вековые традиции г. Тары», научных конференциях, межрайонном фестивале «Сибирлар моны», областном празднике «Певческое поле», городских и районных культурных мероприятиях, а также национальных праздниках Сабантуй, Навруз, Каз омэсэ, Карга боткасы, Аулак өй и др. Центр «Нур» совершает концертные поездки в села Тарского и соседних районов Омской обл. с компактным проживанием татар (д. Курманово Знаменского р-на, д. Сеитово и д. Ишеево Тарского р-на и др.), проводит мастер-классы, конкурсы и прочие мероприятия. Особое внимание уделяется работе с детьми: с 2012 г. при центре действует детский вокальный ансамбль «Йолдызчыклар», участники которого исполняют детские татарские песни, изучают татарскую культуру и традиции (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 13).

С октября 2005 г. в пгт Тевриз работает Центр татарской национальной культуры бюджетного учреждения культуры «Централизованная клубная система» и ансамбль татарской песни «Шатлык». При центре татарской культуры работают кружки художественного слова «Туган телем»,

краеведения, художественной самодеятельности. Центром ежегодно проводятся районные Сабантуи в селах Тевризского р-на, был организован областной Сабантуй в пгт Тевриз, устраиваются народные праздники Йомырка бэйрэме, Каз омэсэ, Карга боткасы, конкурс чтецов на родном языке «Туган телем – тере телем», мусульманские праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам, свадебный обряд «Никах» и др. Специалисты центра оказывают помощь школам Тевризского р-на, где проживает татарское население. Ансамбль «Шатлык» гастролирует в татарских населенных пунктах, является активным участником районных и межрайонных мероприятий, участником и лауреатом областных и международных мероприятий (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 15; МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-10. К. 16. Л. 1–2. К. 17. Л. 1–2).

В 2006 г. в с. Уленкуль Большереченского р-на был создан Центр татарской культуры – филиал бюджетного учреждения культуры Большереченского муниципального р-на Омской обл. в сфере культурно-досуговой деятельности и библиотечного обслуживания населения «Культура». Уленкульский центр татарской культуры вырос из фольклорно-этнографического ансамбля «Наза». Ансамбль «Наза» ведет сбор местного фольклорного и этнографического материала. В его репертуаре в основном старинные народные песни сибирских татар, народные переплясы, сценическая обработка народных обрядов. Ансамбль является участником и лауреатом районных, областных и всероссийских конкурсов.

В Уленкульском Центре татарской культуры несколько постоянно работающих творческих коллективов (помимо ансамбля «Наза» это молодежный ансамбль «Сайлян», детские ансамбли «Салават купере» и «Голляр», танцевальная группа «Энже» и др.) и кружков (так, в 2016 г. в центре действовали кружки вышивания, лоскутного шитья, краеведения, кружок родного слова). Основными направлениями деятельности Центра являются сохранение татарской культуры и родного языка, популяризация фольклорных традиций сибирских татар, музейно-этнографическая и концертно-развлекательная деятельность, привлечение к занятиям национальным творчеством детей и молодежи. При Центре функционирует краеведческий музей (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-9. К. 1. Л. 1–3. К. 3. Л. 3–5).

Последним по времени создания татарским НКО Омской обл. стал центр традиционной татарской культуры «Ялкын» муниципального учреждения культуры «Усть-Ишимский дом народного творчества» с. Усть-Ишим, образованный в январе 2009 г. С 1993 г. почву для его создания подготавливал татарский ансамбль «Чишмэ» с. Усть-Ишим. Центр «Ялкын» организует и проводит татарские традиционные праздники Сабантуй, мусульманские праздники Ураза-байрам, Курбан-байрам, организует комплексные фольклорно-этнографические экспедиции и использует собранный материал в своей работе, ведет поиск мастеров традиционных ремесел и помогает организовать преемственность их опыта, сотрудничает с сельскими клубами татарских деревень Усть-Ишимского р-на Эбаргуль, Саургачи, Ильчебага, Ашаваны, Тебендя, Летние, Кайнаул, оказывая им методическую помощь. Активное участие в районных, межрайонных и областных мероприятиях принимает народный татарский ансамбль «Чишмэ» (МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-4.2 № 15; МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2. Д. Т-10. К. 1. Л. 1. К. 9. Л. 1–5. К. 10. Л. 1–3).

Таким образом, сохранение татарской культуры и языка в малых городах и селах Омского Прииртышья происходит во многом благодаря татарским НКО. Их возникновение и последующее функционирование в районах компактного проживания татар свидетельствует о понимании татарами региона необходимости сохранения своих истоков, самобытности, этнической идентичности.

Список литературы

Ильина А.А. Возможности сохранения традиционной татарской культуры в областных центрах Западной Сибири // Традиционная культура. – 2013. – № 3. – С. 144–152.

Численность населения наиболее многочисленных национальностей Омской области // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: [сайт]. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (дата обращения: 12.10.2016).

References

Chislennost' naselenija naibolee mnogochislennyh nacional'nostej Omskoj oblasti. *Federalnaya sluzhba gosudarsrvennoi statistiki. Territorialnyi organ Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki p. Omskoi oblasti*. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (12.10.2016) (in Russ.).

Ilina A.A. Vozmozhnosti sokhraneniya traditsionnoi tatarskoi kul'tury v oblastnykh tsentrakh Zapadnoi Sibiri. *Traditsionnaya kul'tura*, 2013, No. 3, pp. 144–152 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.404-408
УДК 903.23

О.В. Кардаш[1–3], Е.А. Гирченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сургутский государственный университет
[3]Институт археологии Севера
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Гончарство народа ли острова Хайнань

В рамках работы этнографической экспедиции на о. Хайнань в 2018 г. были реконструированы все основные стадии производства гончарных изделий традиционными для острова способами. Базой исследования является историко-культурный подход, основанный на методике А.А. Бобринского. В работе принимали участие потомственные гончары деревни Дунхэ окр. Дунфан пров. Хайнань. Керамика производится без использования добавок и отощителей; конструирование полого тела происходит вручную методом спирального налепа; обжиг осуществляется в открытом огне. Сосуды, как правило, простых форм, некрашенные и редко орнаментированные. Многие стадии сопровождаются ритуалами общения с духами и богами. Исследование, проводимое на стыке археологии и этнографии, представляется важным для изучения реликтовых признаков традиционных технологий, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Ключевые слова: *о. Хайнань, неолит, этнография, гончарство, историко-культурный подход, древние технологии.*

O.V. Kardash[1–3], E.A. Girchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Surgut State University
[3]Institute for the Archaeology of the North
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Pottery of Li People on Hainan Island

The purpose of the ethnographic expedition held in 2018 to Hainan in Southern China was to reconstruct the main stages of pottery production through traditional methods of the aboriginal Li population of Hainan. The study was based on the historical and cultural approach proposed by A. A. Bobrinsky. Hereditary potters from Donghe Village, Dongfang County, Hainan Province took part in investigations. Ceramics is made without any additives, the hollow body is constructed by hand from coils of clay; firing is carried out in an open fire. Vessels have simple forms, mainly unornamented and unpainted. Many stages of pottery amnufacturing are accompanied by rituals of communicating with spirits and gods. The combination of archeological and ethnological approaches is important for studying the relict features of traditional technologies, which are rooted in deep antiquity.

Keywords: *Hainan Island, Neolithic, ethnography, pottery, historical and cultural approach, ancient technologies.*

На данный момент вопросы о происхождении технологии керамического производства (одного из первых синтетических материалов, созданных человеком), о том, конвергентны или дивергентны зафиксированные центры гончарства, не имеют однозначного ответа. Выделены как минимум три центра древнейшего гончарства, два из которых находятся в Восточной Азии – на средней Хуанхэ и в Северном Вьетнаме, откуда керамическое производство распространились по всей Азии.

В апреле 2018 г. на юг Китая, о. Хайнань, была предпринята этнографическая экспедиция под руководством О.В. Кардаша, имеющая своей целью изучение традиционных культур малых народов Восточной Азии и выявление древних гончарных технологий, существующих в практике этих народов и по сей день.

Первый этап работы экспедиции был направлен на реконструкцию керамического производства аборигенного населения о. Хайнань – народа *ли*. Выбор именно этой этнической общности неслучаен, т.к. их предки прибыли на остров с территории современного Северного Вьетнама, где локализована культура древнейшей керамики *куинь ван*, еще в неолите. Существование в относительной изоляции в течение многих веков позволило народу ли сохранить многие древние традиции вплоть до наших дней. Сейчас грань между современной и традиционной культурой стирается и производство керамики находится на грани исчезновения, что подчеркивает необходимость фиксации народных методов. Принимавшие участие в нашей работе гончары д. Дунхэ окр. Дунфан пров. Хайнань – женщины преимущественно 60–70 лет. Более молодых гончаров в деревнях нет.

Археология неолита о. Хайнань изучена крайне скудно, здесь известно лишь несколько слабо изученных стоянок с керамикой с геометрическим орнаментом. У ли нет письменности, поэтому нет и источников, фиксирующих историю и развитие керамического производства, тем не менее археологические материалы свидетельствуют о шеститысячелетней истории керамики на Хайнане. Первые письменные упоминания о гончарстве ли относят нас к сунской хронике географа Чжао Жугуа «Чжуфань чжи (Описание всего иноземного)» (1225 г.), где упоминается, что ли «из земли делают котлы и посудой им служат тыквы-горлянки» [Чжао Жугуа, 1993, с. 375]. В цинской «Тянься цзюньго ли дин шу (Книга достоинств и недостатков областей и уделов Поднебесной)» Гу Яньу говорится, что ли использовали «кору как одежду, а глину для “изготовления” котлов» [Гу Яньу, 2012, с. 38]. Более подробное описание мы находим у антрополога Ши Тубо в книге «Народ ли острова Хайнань»: «ли делали сосуды простой формы – урны, горшки, кувшины, блюда» (цит. по: [Пан Кэ, 2014, с. 11]).

Гончарство – женское ремесло, уходит своими корнями в древность, и принципы изготовления керамики наследованы от предков, о чем свидетельствуют архаичные методы конструирования сосудов. Гендерная направленность гончарства, когда мастерство передавалось только по женской линии от матери к дочери или от свекрови к невестке, зафиксирована и в поздних китайских письменных источниках, где утверждалось, что женщины занимались производством посуды, а мужчины – сбытом готовой продукции. Так, они могли обменять котел, например, на меру шаньланьского риса, равного объемам этого котла. Часто путь до соседних деревень с корзинами, полными гончарной продукции, пролегал по опасным тропам гор Учжишань [Пан Кэ, 2014, с. 3].

В качестве методологической основы исследования использовался историко-культурный подход А.А. Бобринского [1978]. В рамках работы с гончарами д. Дунхэ нами были прослежены и зафиксированы все ступени производства гончарного изделия.

Каолиновые глины, распространенные на Хайнане, наиболее пригодны для лепки и не требуют добавления отощителей. Как правило, это оранжеватая глина с белыми вкраплениями разного диаметра, которая образовалась вследствие 20 тыс. лет выветривания горных пород. Гончары собирают ее в оврагах недалеко от деревни, там же собирали материал и их бабушки (рис. 1). Глины делятся на «поверхностные» и «глубокие», от этого зависит и температура обжига. Так, например, глины, залегающие глубоко, выдерживают обжиг в 1000°, а близкие к поверхности – не более 800°. Соответственно, тип исходного сырья определяет и назначение будущего сосуда: из глубокозалегающих глин делают котлы, жаровни, а из залегающих ближе к поверхности – столовую посуду.

После сбора глину кусками в бамбуковых корзинах относят на просушивание, раскладывают на солнце, как правило, на срок около пяти дней. После просушивания материал хранится в пустом стволе дерева, как в нашем случае, или просто в доме или сарае. После того, как глина окончательно просохла, ее нужно измельчить и просеять, для чего используются разнообразные деревянные ступы, песты, большие бамбуковые сита диаметром ок. 60 см с большими и маленькими отверстиями (рис. 2). Тщательно просеянная через маленькие отверстия глина подходит для изготовления столовой посуды, из глины более крупного просеивания делают большие емкости для хранения зерна, воды и т.д.

Для формования массы для лепки к просеянному материалу добавляется только небольшое количество воды. После этого нужно дать глине настояться, чтобы она стала более податливой. Эта стадия занимает около семи дней. Сырье хранится в больших бочках, прикрытых от солнца банановыми листьями во избежание потери влаги.

Конструирование полого тела начинается с раскатывания глины в длинные жгуты в зависимости от типа и размеров сосуда. По типологии А.А. Бобринского используется технология конструирования емкостного или емкостно-донного типов начина, изготовленного либо спиральным налепом из жгутов на основу в виде круглой лепешки, либо посредством жгутов, образующих как стенки, так и днище последовательными налепами по спирали. Следующим этапом является заглаживание стыков, оббивка поверхности плоской лопаткой, удаления

Рис. 1. Ли Хуэйюй на пути к месту забора исходного сырья. *Фото О.В. Кардаша.*

Рис. 2. Просеивание глины через самодельное бамбуковое сито. *Фото О.В. Кардаша.*

Рис. 3. Обработка поверхности изделия традиционными орудиями – бамбуковым ножичком и морскими раковинами. *Фото О.В. Кардаша.*

дефектов и неровностей морскими раковинами, инструментами из дерева и бамбука (рис. 3).

Декорирование бытовой посуды для ежедневных нужд у народа ли – явление нечастое, но иногда и на керамике тоже появляются национальные, анималистические и растительные орнаменты. Интересны случаи перенесения мотивов традиционной вышивки на керамику. Орнаментирами могут выступать палочки из бамбука, дерева, раковины, щетки из кокосовой скорлупы. Также встречается декорирование отпечатками листьев и текстиля.

Высушивание готового изделия должно происходить в помещении, где нет прямого попадания солнечных лучей. Любое растрескивание поверхности должно вовремя заглаживаться. Сосуды следует переворачивать каждые два дня. Весь процесс занимает порядка пяти-семи дней, при плохой погоде – больше.

Для обжига выбирается открытое место не менее 10 м^2, подальше от жилых построек. Большие емкости закладываются первыми, образуя круг, маленькие помещаются в центр, но необходимо соблюдать дистанцию между предметами. Стандартное костровое место вмещает от 30 до 40 сосудов. Для создания костра используется сухие ветки, кокосовая скорлупа и солома. Ветки являются основой, на них ставятся изделия; пространство между ними заполняется кокосовой скорлупой. Потом сверху вся конструкция покрывается соломой. Разжигает костер самая старая и уважаемая мастерица, она же следит за обжигом в течение последующих 8 ч и при необходимости подкладывает солому и ветки.

После обжига готовность сосуда проверяется щелчком ногтя по поверхности. Звук должен быть чистым и звонким. При необходимости поверхность может быть отполирована камушком или кокосовой щеточкой. Если цвет обжига неравномерен и не нравится гончару, сосуд можно поместить в растительный отвар и посуда приобретет другой оттенок.

Очень многие технологические стадии оформлены обязательными условиями и ритуалами, без которых не получится хорошего изделия. Так, например, для сбора исходного сырья выбирался сумрачный день, т.к. считалось, что «в дождливые дни горные боги спят и их добыча глин не потревожит». Конечно, это легко объясняется и тем, что в пасмурные дни легче копать, в солнечные дни глины становятся сухими и твердыми как камень. Если во время молитвы богам раздавался какой-либо звук (например, гром или зарычало животное),

то гончары рассматривали это как знак от богов, что они препятствуют добыче глин в этот день. В день обжига в деревне не должно быть похорон, считается, что это может привлечь нечистых духов. Если костер не получалось развести сразу, то нужна была жертва богам в виде курицы и молитва о том, чтобы боги изгнали злых духов из костра. Нашими информаторами также описаны подношения богам в виде орошения кострового места вином и кровью убитой курицы, после чего гончары совершали ритуальный танец с листьями в руках, призванный отогнать злых духов. Во время обжига мужчинам запрещается подходить к костру. Считается, что сосуд может расколоться, т.к. мужская сила ян может заставить огонь быть жарче, что приведет к растрескиванию изделий.

Наше исследование, проводимое на стыке археологии и этнографии, представляется крайне важным не только с точки зрения изучения реликтовых признаков традиционных технологий, но и в связи с политикой китайского руководства по выселению ли из традиционных деревень и отсутствием интереса к традиционной культуре у молодежи. Нашему основному респонденту, Ли Хуэйюй, 56 лет, и она является самым молодым гончаром в деревне. Она занимается производством керамики как для своей семьи, так и для нужд всей деревни, однако ее дети переехали в город и не испытывают интереса к традиционной культуре.

Хайнань – единственное место проживания народа ли. Прямо на запад – Вьетнам, где в окрестностях Ханоя фиксируется центр культуры куинь ван с древнейшей керамикой в Юго-Восточной Азии [Nguyễn Trung Chiến, 1993]. Керамическое производство ли, как и другие их технологии, а также жилища с плоским глинобитным полом и очагом на трех камнях, достаточно архаичны и уходят своими корнями в неолит.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 275 с.

Гу Яньу. Тяньcя цзюньго либиншу. Гуандун ся (Книга о выгодах и убытках, имеющихся в Поднебесной. Земли к югу от Гуандуна). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. – 49 с. (на кит. яз.).

Пан Кэ. Тянья тутао цзии (Гончарное искусство Тянья). – Хайкоу: Наньхай чубаньгунсы, 2014. – 129 с. (на кит. яз.).

Чжао Жугуа. Чжуфань чжи (Описание всего иноземного). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1993. – 894 с. (на кит. яз.).

Nguyễn Trung Chiến. Văn hóa (Культура куинь ван). – Ханой: Nhà xuất bản khoa học, 1993. – 285 с. (на вьетнам. яз.).

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Gu Yanwu. Tianxia jinguo libingshu. Guangdong xia (The book about benefits and losses in the Celestial Empire. The land south of Guangdong). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2012, 49 p. (in Chin.).

Nguyễn Trung Chiến. Văn hóa (Quỳnh Văn culture). Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học, 1993, 285 p. (in Viet.)

Pang Ke. Tianya tutao jiyi (Tianya pottery craft). Haikou: Hanhai chuban gongsi, 2014, 129 p. (in Chin.).

Zhao Rugua. Zhufan zhi (The records of Barbarian Nations). Shanghai: Shanghai ruji chubanshe, 1993, 894 p. (in Chin.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.409-411
УДК 394.6+7.031.2+351.855.1

М.В. Красавина (Москвина)

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Образы скифского искусства в современных художественных промыслах Республики Алтай

В настоящее время скифская тема как важная часть историко-культурного наследия алтайского региона широко применяется для создания уникального имиджа Республики Алтай. Образы скифского искусства начиная с 1990-х гг. активно включаются в символическое и художественное пространство региона. К 2000-м гг. «скифское наследие» творчески переосмысливается в современных художественных промыслах Республики Алтай, играя важную роль в их восстановлении и популяризации. Художественным сообществом инициируются проекты, направленные на реконструкцию артефактов пазырыкской археологической культуры; ее наследие активно применяется в презентационных практиках. Можно заключить, что образы скифского искусства становятся одним из маркеров алтайской этнической идентичности.

Ключевые слова: *Республика Алтай, народное искусство, скифо-сибирский стиль, историческая реконструкция.*

M.V. Krasavina (Moskvina)

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Images of Scythian Art in Modern Art Crafts of the Altai Republic

Currently, the Scythian theme, as an important part of the historical and cultural heritage of the Altai region, is widely used to create a unique image of the Republic of Altai. Images of the Scythian art have been involved in the symbolic and artistic space of the region since the 1990s. By the 2000s, the "Scythian heritage" has been creatively reconsidered in modern handicraft trades in the Altai Republic and played an important role in their restoration and popularization. The artistic community initiates projects aimed at reconstructing artifacts of the Pazyryk archaeological culture, its heritage is actively used in presentational practices. It can be concluded that the images of Scythian art have become the markers of the Altai ethnic identity.

Keywords: *Republic of Altai, folk art, Scythian-Siberian style, historical reconstruction.*

Рост интереса к скифскому искусству обозначился в Республике Алтай с начала 1990-х гг. и совпал с процессом становления этнического самосознания алтайцев. Конструирование этнической идентичности населения региона формировалось на основе концепта «историко-культурного наследия», в который органично были включены объекты археологического наследия.

Яркие образы прошлого, поиск «престижных предков» и древней государственной традиции отразились в визуальном пространстве республики и ее государственных символах. Образ грифона присутствует в гербе Республики Алтай, чем подчеркивается связь с носителями скифской культуры.

Мотивы скифского стиля включены в визуальный облик значимых для республики учреждений: барельефы со «скифскими» животными украшают фасад Национального драматического театра им. П.В. Кучияк, «небесный» олень использован для оформления фасада и зала, посвященного археологии плато Укок, в Национальном музее им. А.В. Анохина и пр. [Самушкина, 2009, с. 98, 131–132].

Декоративность скифских образов была воспринята творческим сообществом республики. Скифские образы органично вписались в стилистику резьбы по дереву, художественного войлока и металла, а также дизайна костюмов.

Одним из первых темы скифского наследия в своем творчестве использовал Владимир Михайлович Моносов. Еще в 1989 г. он, преподаватель истории, вместе со своими учениками принимал участие в охранных археологических раскопках курганов скифского времени Горно-Алтайского краеведческого музея у своего родного села Купчегень. С 1993 г. В.М. Моносов активно занимается изготовлением реконструкций вещей скифского времени, его авторству принадлежат головной убор пазырыкской женщины, копии деревянных вещей и утвари. Его изделия первыми стали использовать в сценических костюмах артисты Республики Алтай. Также мастер исполнил всю скифскую утварь, конское снаряжение и костюмы для экспозиции зала «Комплекс плато Укок (мавзолей)» в Национальном музее им. В.А. Анохина.

Изготовление войлоков в алтайской традиционной культуре к концу XX в. практически перестало существовать, но с 2000-х гг. предпринимаются активные попытки его восстановления. Благодаря серии обучающих семинаров в регионе обозначился круг мастеров, ориентированных на этническую и археологическую стилистику в художественном войлоке. К 2010-м гг. изготовление войлока закрепилось в структуре промыслов Республики Алтай, художественные войлоки с археологическими мотивами стали одним из брендов народного искусства. Ведущими мастерицами в войлоке «археологической» стилистики являются Айдана Тадыкина и Айсулу Такина. А. Тадыкина выполняет первоклассные реплики ковров, убранства коней – чепраков, седельных покрышек и мягкого войлочного седла. Широко известна коллекция войлочных костюмов А. Такиной «Пазырыкские мотивы» [Октябрьская, 2014].

В металле «пазырыкский стиль» развивает Аржан Кухаев. Среди его изделий: декор конских седел, бляшки, детали конской упряжи, элементы костюмов. В 2013–2014 гг. совместно с А. Такиной он реализовал проект «Очы Бала» – реконструкцию костюма, найденного при археологических раскопках на плато Укок, за который оба мастера были удостоены звания Народных мастеров РФ.

К 2000-м гг. мастера «пазырыкского стиля» объединяются в ремесленные сообщества. Их основной базой становится Центр народных художественных промыслов и ремесел «Алтай» в с. Купчегень. Также формируются коллективы, объединенные общей ремесленной технологией.

В 2013 г. под руководством мастерицы по валянию войлока Айсуры Тахановой было создано Некоммерческое партнерство «Алтайский войлок», целью которого стала популяризация технологии древнего алтайского войлочного ремесла. В 2014–2015 гг. партнерством была проведена серия семинаров по обучению женщин войлоковалянию. Важным результатом этой работы стало создание своеобразной «сети обучения», когда прошедшие обучение женщины сами становятся учителями у себя в селах, таким образом распространяя знания и технологии далее.

Тема наследия Пазырыкской культуры стала одной из ведущих во время XVI межрегионального праздника алтайского народа «Эл-Ойын» в 2018 г. Местом проведения праздника стал Улаганский р-н, на территории которого в 1940–1950-х гг. проводились раскопки курганов в урочище Пазырык, давшие уникальный археологический материал. Так, при въезде на площадку праздника была установлена колесница «Символ народа Теле», а на территории «Города Мастеров» был представлен масштабный войлочный ковер – точные копии находок С. Руденко из Пятого Пазырыкского кургана.

«Пазырыкский» ковер стал результатом работы мастеров партнерства «Алтайский войлок» по проекту «Наследие предков», поддержанному Фондом грантов Президента РФ в 2017 г. Руководители и участники проекта в качестве важных итогов своей работы видят пополнение фондов местных музеев копиями аутентичных изделий пазырыкской культуры из собрания Государственного Эрмитажа, чтобы у населения Республики Алтай появилась возможность ознакомиться с памятниками «своего» исторического наследия.

Проект включил в себя исследовательские работы в собрании Государственного Эрмитажа для выявления древних техник изготовления и окрашивания пазырыкских войлоков – ковров, чепраков, одежды. Эти сведения были применены при проведении практического семинара по окрашиванию шерсти растительными красками и «пазырыкской» технике войлоковаляния, что позволило изготовить основу и декор ковра. Воссозданная копия будет передана в Национальный музей им. А.В. Анохина. «Возрождение интереса местного населения и молодежи к сохранению историко-культурного наследия своей земли служит процессу самоидентификации местного населения, его привязанности к земле своих предков, преемственности поколений, способствует долгосрочному экономическому развитию региона с учетом культурной идентичности местного населения», – отметили авторы проекта в своей презентации на празднике Эл-Ойын (ПМА, 2018 г., с. Улаган, XVI межрегиональный праздник алтайского народа «Эл-Ойын»).

Вторым проектом, представленным во время открытия «Города Мастеров», стал «Реконструкция древней музыки и музыкального инструментария «Скифская арфа» V–IV вв. до н. э.» инициированный под руководством С.Ш. Катыновой Автоном-

ной некоммерческой организацией «Культурно-исторический музейный центр». Реконструкцией пазырыкской арфы занимается Айдар Чурупов, известный мастер по изготовлению традиционных алтайских музыкальных инструментов, кайчи, в свое время участник этногруппы «Новая Азия». Рабочий вариант арфы он представил на празднике (ПМА, 2018 г., то же).

Таким образом, важность работы по сохранению и популяризации традиционного духовного и материального культурного наследия Горного Алтая, куда входит и наследие пазырыкской культуры, была отмечена на федеральном уровне.

Алтайские мастера, изготавливающие изделия в «скифской» стилистике, активно участвуют в презентации Республики Алтай на различных культурных и выставочных мероприятиях. Одновременно с конкурсами, фестивалями ремесел и выставками, новой формой работы становятся фестивали военно-исторической реконструкции.

В 2015 г. по инициативе и под руководством певицы и актрисы Чейнеш Байтушкиной мастера объединились в клуб исторической реконструкции «Царские скифы Алтая» с целью «воссоздания жизни и традиций древних пазырыкцев». Костяком клуба стали: В.М. Моносов, А. Кухаев, А. Такина, А. Тадыкина, А. Чурупов.

В том же году клуб уже участвовал в Крымском военно-историческом фестивале в Севастополе. На площадке «Античность» они организовали интерактивный лагерь алтайских скифов-пазырыкцев, где успешно презентовали свои изделия, сопровождая их реконструкциями древних технологий изготовления седельной покрышки из войлока, плетению из кожи, резьбе по дереву и седланию коня. А. Такина создала по эскизам пазырыкских костюмов одежду из войлока и хлопка, в которой мастера ходили и работали в течение всего времени фестиваля. Также гости лагеря могли попробовать кухню кочевников.

Летом 2018 г. клуб принял участие в Международном фестивале исторической реконструкции «Времена и эпохи», проходившем в Москве. На площадке «Скифия Геродота» была представлена интерактивная экспозиция, посвященная пазырыкской культуре Алтая. Как отметила Ч. Байтушкина, «у нас нет спонсоров, никто не финансирует этот проект, и его ведущая сила – талант и желание каждого участника прославлять наш Алтай через традиционную культуру» [Алтайские скифы…].

Таким образом, «скифская» тема сознательно используется в символьном пространстве Республики Алтай как один из маркеров алтайской этничности, а художественные образы скифской культуры обретают равновеликую значимость в культуре алтайцев наряду с элементами тюркской кочевой культуры. Скифское искусство рассматривается художественным сообществом Республики Алтай как часть аутентичной художественной традиции региона, и играет важную роль в конструировании новой формы этнической идентичности, для которой важны символические составляющие, в то время как реальные элементы традиционной культуры теряют свое значение в организации повседневной жизни населения.

Список литературы

Алтайские скифы вернулись с Крыма // Хан-Алтай: информационно-туристический портал Горного Алтая. – URL: http://gorno-altaisk.ru/istoriya/altajskie-skify-vernulis-s-kryma (дата обращения: 04.09.2018).

Октябрьская И.В. Современный художественный войлок Республики Алтай: основные тенденции развития // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 399–401.

Самушкина Е.В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XIX – начало XXI в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 274 с.

References

Altaiskie skify vernulis’ s Kryma // Khan-Altai: informatsionno-turisticheskii portal Gornogo Altaya. URL: http://gorno-altaisk.ru/istoriya/altajskie-skify-vernulis-s-kryma (04.09.2018) (in Russ.).

Oktyabr’skaya I.V. Sovremennyi khudozhestvennyi voilok Respubliki Altai: osnovnye tendentsii razvitiya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 399–401 (in Russ.).

Samushkina E.V. Simvolicheskie i sotsionormativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizheniya respublik Altai, Tyva, Khakasiya (konets XIX – nachalo XXI v.). – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 274 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.412-415
УДК 394 (571.54)

В.В. Лыгденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Межкультурное взаимодействие баргузинских бурят в конце XIX – начале XX века: одежда, архитектура, земледелие

В статье выявляются заимствования и раскрываются особенности межкультурного взаимодействия бурят, русских, эвенков, китайских мигрантов и политических ссыльных на территории Баргузинской долины Республики Бурятии. Представлен этнолокальный анализ культурных категорий на отдельной территории, где несколько народов контактируют на протяжении XVIII – начала XXI в. Выявлены заимствования в традиционной одежде, архитектуре и в земледелии баргузинских бурят. Проанализированы и обобщены методологические исследования по межкультурным коммуникациям зарубежных антропологов и современных исследователей традиционной культуры бурят. Представлена модель культурного диалога, которая была выстроена в течение трех столетий соседствующими этническими группами. Подробно описаны заимствования в одежде бурятами у эвенков, в архитектуре – у русских и в земледелии – у приезжих китайцев.

Ключевые слова: *межкультурные взаимодействия, буряты, эвенки, китайцы, русские, традиционная одежда, архитектура, земледелие, народы Сибири, этнология.*

V.V. Lygdenova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Intercultural Communications of the Barguzin Buryats in the Late 19th – Early 20th Centuries: Clothes, Architecture, Agriculture

The paper describes borrowings and specificities of intercultural communications between Buryats, Russians, Evenks and Chinese migrants in the Barguzin valley of the Republic of Buryatia. It presents the ethno-local analysis of cultural categories in the particular region where different nations had contacted in the 18th – early 21th centuries: borrowings in traditional clothes, architecture and agriculture of the Barguzin Buryats. Methodological research in the intercultural communications carried out by foreign and Russian scholars of the traditional Buryat culture is analyzed. The author proposes a model of the cultural dialogue that was built during three centuries by neighboring ethnical groups. Borrowings in clothes by Buryats from Evenks, in architecture – from Russians, and in agriculture – from Chinese migrants are described in detail.

Keywords: *intercultural communications, Buryats, Evenks, Chinese, Russians, traditional clothes, architecture, agriculture, peoples of Siberia, ethnology.*

Баргузинская долина является уникальной территорией для исследования межкультурных взаимодействий, так как уже на протяжении четырех веков здесь проживают и тесно контактируют сразу несколько этносов – русские, буряты и эвенки. В связи с этим представляется актуальным исследование межкультурных коммуникаций на примере этнолокальной группы баргузинских бурят. Цель настоящей статьи – выявление особенностей межкультурных коммуникаций эвенков, русских, бурят и китайцев на протяжении XIX – начала XX в. на севере Республики Бурятии посредством анализа традиционной одежды, архитектуры, хозяйства. В работе ис-

пользован большой объем архивных материалов и полевых материалов автора.

Методология исследования межкультурных коммуникаций связана, в первую очередь, с трудами антропологов Э.Б. Тэйлора и Л.Г. Моргана, сторонников теории культурного эволюционизма. Ранние работы по исследованию межкультурных коммуникаций фокусировались на концепции культурной эволюции. В них заложены основные принципы анализа межкультурной коммуникации. В научных работах по этнографии Сибири проводились подобные анализы, но межкультурное сравнение в них не было приоритетным, хотя выделялись отдельные категории этнической культуры (московская, томская и новосибирская этнографические школы). Методология их анализа схожа с западными теориями в том, что в работах рассматриваются категории из разных сфер (время, пространство, космос, природа, жилище и т.д.) и проводится анализ каждой категории применительно к культуре изучаемого народа [Жуковская, 1988, с. 4–7; Львова, Сагалаев, Октябрьская, 1988]. Данная методология была расширена в рамках другого исследования. Одним из первых Н.А. Алексеев проводит последовательный межкультурный анализ основных религиозных категорий в культурах якутов, алтайцев, хакасов [1992]. Необходимо выделить труд О.В. Бураевой по межкультурной коммуникации у бурят, русских и эвенков, в котором проанализированы заимствования в материальной культуре перечисленных народов и разработана периодизация межкультурных контактов [2000]. Однако ввиду охвата автором широких территориальных рамок некоторые детали межкультурных взаимосвязей были упущены, что может быть восполнено при этнолокальном анализе отдельной субэтнической группы бурят. В настоящем исследовании такой группой являются баргузинские буряты, проживающие в Баргузинском и Курумканском р-нах Республики Бурятии.

Наиболее ранние межкультурные контакты в Баргузинской долине связаны с переездом бурят из Предбайкалья в Баргузин в XVII–XVIII вв., где они впервые столкнулись с местными жителями – эвенками. А.С. Шубин указывает на то, что в этот период между ними часто возникали конфликты из-за территории, поэтому они обратились к русским за помощью [2001]. В 1648 г. был построен Баргузинский острог, который стал местом ссылки для политзаключенных. Соседство с русскими и другими ссыльными отразилось на повседневной и духовной жизни исследуемой этнической группы: политические ссыльные обучали детей-бурят грамоте и создавали образовательные кружки.

При переезде на север Бурятии в XVII–XVIII вв., где климат был более суровым, чем в Предбайкалье, буряты перенимали некоторые детали одежды эвенков. Зимняя обувь представлена меховыми унтами из овечьих касумов, заимствованными у соседей-эвенков. Сходство бурятских и эвенкийских шапки и шубы проявляется в отделке из меха выдры или соболя. В полевой экспедиции была найдена фотография, сделанная, предположительно, в начале – середине XX в., на которой у трех женщин разных возрастов присутствуют пояса на зимних дэгэлах, что не характерно для женской бурятской одежды, но встречается у эвенкиек. Меховая отделка шапок, меховые унты и покрой шубы во многом являлись заимствованиями из эвенкийской традиционной зимней одежды. Возможно, не только потребность в теплой одежде стала причиной изменения костюма, но также то, что баргузинские буряты в стремлении успешно ассимилироваться на новой территории начинали носить одежду, соответствующую местной «моде». Такая тенденция являлась характерной и для мигрантов в Западной Сибири и в центральной части России [Фурсова, 2017, с. 65–66].

Межкультурные взаимодействия баргузинских бурят с русскими происходили в процессе постройки храмов. Они отразились в особенностях архитектуры Баргузинского дацана. Здание храма, построенного в 1880–1883 гг., представляло собой дацан второго поколения, который отличался тем, что в основании его лежал квадрат, а не прямоугольник. Судя по сохранившейся фотографии, традиции православного зодчества отчетливо отразились в его структуре. Во-первых, в дацане есть окна со ставнями и наличниками. Основание дацана – крестообразное, что характерно и для православных церквей. В тибетских и монгольских дацанах окна без ставен и наличников и гораздо меньше по размерам, а порой вообще отсутствуют. Влияние русского зодчества выявляется в таких деталях, как портики с окнами с наличниками и ставнями на каждом этаже, парадная широкая лестница, высокое крыльцо и главный вход под башней (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 5. Л. 63–68; ГАРБ. Ф. 357Б. Д. 1. Л. 2). Несмотря на то, что бурятские строители старались максимально приблизить буддийские храмы к тибетскому стилю и отойти от традиций, которые были заимствованы у русских строителей, русский стиль был использован в некоторых деталях, которые наряду с элементами тибетского и монгольского стилей сделали уникальными бурятские дацаны [Минерт, 1983].

Другой сферой, к которой традиционно обращаются ученые при анализе межкультурных взаимодействий, является земледелие. Многие иссле-

дователи писали о том, что у русских старожилов буряты заимствовали навыки в земледельчестве. Однако в довоенные годы среди баргузинских бурят земледелие и огородничество были не так распространены, как у бурят, проживавших южнее [Болонев, 1994, с. 18]. Примечательно, что одними из первых, кто научил бурят заниматься посадкой овощных культур, стали китайские мигранты, работавшие в советских колхозах. В трех километрах выше от с. Аргада Курумканского р-на есть небольшое поселение под названием Шанхай, где в начале XX в. поселились китайцы. С 1840-х гг. в связи с тем, что граница с Россией в то время была открыта, многие из них в поисках заработка отправлялись на север, в Сибирь, где находилась частная капиталистическая золотопромышленность. Однако после революции закрылась граница с Китаем, и большая часть китайских мигрантов спустилась вниз, оставшись на поселении в селах Курумканского р-на. Один из информантов сообщил, что до китайцев никто в бурятских селах района не знал о помидорах и огурцах, которые стали выращивать китайцы. Дети китайских мигрантов вспоминают, что до войны в деревне с удивлением смотрели на выращенные их родителями помидоры и огурцы, которые многие буряты видели впервые. Местные жители отказывались есть овощи, которые, по их мнению, являлись экзотикой и непригодной пищей для местных скотоводов: «Лучше отдать эти красные шарики свиньям, чем есть самим» (ПМА)*, [Баторова, 2017, с. 3]. Однако в годы войны, когда китайцы работали в колхозе, выращивая овощи для фронта и для колхоза, многие впервые попробовали картофель, помидоры и огурцы и… начали высаживать эти культуры возле своего дома. Пожилые баргузинцы с благодарностью вспоминают китайцев, которые своими овощами спасли многих от голода в военное время. После войны некоторые китайские мигранты вернулись на родину, немало из них осталось в Бурятии, где их потомки ассимилировались с местными жителями.

Не всегда межкультурные коммуникации происходили легкими и мирными способами. На новом месте буряты долгое время решали вопрос с эвенками о территории, который в результате был урегулирован в суде русской администрацией. Однако помимо конфликтов обнаруживается немало положительных аспектов взаимодействия бурят, эвенков, русских и других соседних народов. Скотоводы-буряты обучили русских и эвенков навыкам ухода за скотом. Благодаря заимствованиям в пошиве зимней одежды и обуви у эвенков, у баргузинских бурят возник свой традиционный костюм. Влияние русского населения является ключевым в переходе бурят-кочевников на оседлый образ жизни. Именно благодаря русским строителям появляются образцы бурятской храмовой архитектуры, в частности, немало заимствований из русского зодчества обнаружено в деталях Баргузинского дацана. Положительное влияние на баргузинских бурят оказали приезжие политические ссыльные и мигранты, которые обучали бурятских детей русскому языку и грамоте, организовывали школы, культурно-образовательные мероприятия и кружки. В начале XX в. китайские мигранты помогали баргузинским бурятам избежать голода, благодаря тому, что научили их выращивать огородные культуры. В целом, межкультурные взаимодействия баргузинских бурят со своими соседями в XIX–XX вв. оказали глубокое влияние на формирование особенностей традиционной культуры.

*ПМА – полевые материалы автора. 2018 г. Республика Бурятия, Курумканский р-н, с. Аргада, информант: Бадмаева Юмжир Санжиевна, 1938 г.р.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – 242 с.

Баторова Д.В. Буряадууд Людофуни ехэ хүндэлдэг байгаа! (В Бурятии Людофуны пользовались большим уважением!) // Нютаг Хэлэн / Диалекты. – 2017. – № 21. – С. 3 (на бурят. яз.).

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Новосибирск: Февраль, 1994. – 146 с.

Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 208 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 198 с.

Львова Э.Л., Сагалаев М.С., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 225 с.

Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. – 192 с.

Фурсова Е.Ф. Символика традиционной одежды как проявление этнокультурных идентичностей «свои/другие» в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24, № 2. – С. 63–66.

Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2001. – 116 с.

References

Alekseev N.A. Traditsionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1992, 242 p. (in Russ.).

Batorova D.V. In Buryatia Lyudofun were respected. *Nyutag Khelen / Dialekty*, 2017, No. 21, p. 3 (in Buryat.).

Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv. Novosibirsk: Fevral', 1994, 146 p. (in Russ.).

Buraeva O.V. Khozyaistvennye i etnokul'turnye svyazi russkikh, buryat i evenkov v XVII – seredine XIX veka. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center Publ., 2000, 208 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Symbolics of traditional clothes as a sign of intercultural identity. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, vol. 24, No. 2, pp. 63–66 (in Russ.).

L'vova E.L., Sagalaev M.S., Oktyabr'skaya I.V. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri: Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1988, 225 p. (in Russ.).

Minert L.K. Pamyatniki arkhitektury Buryatii. Novosibirsk: Nauka, 1983, 192 p. (in Russ.).

Shubin A.S. Evenki Pribaikal'ya. Ulan-Ude: Belig, 2001, 116 p. (in Russ.).

Zhukovskaya N.L. Kategorii i simvolika traditsionnoi kul'tury mongolov. Moscow: Nauka, 1988, 198 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.416-418
УДК 930:314

В.В. Лыгденова[1], О.Б. Дашинамжилов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
[2]Институт истории СО РАН
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Статистические источники и методы исследования пространственных перемещений бурятского населения в 1960–1980-е годы

В статье рассматриваются разнообразные источники по изучению пространственных перемещений бурятского населения. Подходя к исследованию национального аспекта миграций, ученые в первую очередь сталкиваются с проблемой определения статистических показателей сальдо миграции. Выявлено, что для его расчета необходимо привлечение множества разнообразных статистических материалов. К ним, прежде всего, относятся данные Всесоюзных переписей, в которых указана динамика численности этнических групп в разных регионах; материалы текущего учета рождаемости, смертности среди населения и национального состава мигрантов. Приведены конкретные примеры вычисления сальдо миграции, выявлены недостатки и достоинства каждого из методов.

Ключевые слова: *буряты, этнодемография, миграции, динамика численности, рождаемость, смертность.*

V.V. Lygdenova[1], O.B. Dashinamzhilov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Institute of History SB RAS
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Statistical Sources and Methods in the Studies of the Buryat Migration in the 1960–1980's

Various sources on migrations of the Buryatian population are considered in the paper. Firstly, in the studies of the national aspect of migrations, scholars are faced with the problem of definition of statistical indexes of migration balance. To count it one needs various statistical materials. Firstly, it is the Population Census providing the data on the dynamics of sizes of ethnical groups in different regions as well as the current statistical data on birthrates, mortality and national composition of migrants. The authors provide examples of migratory balance determination and discuss advantages and disadvantages of each method.

Keywords: *the Buryats, ethnical demography, migrations, dynamics of number, birthrates, mortality.*

Изучение миграций отдельных народов является актуальной задачей этнодемографии. Однако, подходя к ее рассмотрению, ученые, в первую очередь, сталкиваются с проблемой определения ее статистических показателей. Наиболее распространенным методом является анализ материалов Всесоюзных переписей населения. Чаще всего исследователи рассматривают темпы роста численности этноса в определенный, как правило, межпереписной период в каком-либо регионе, городе или районе, где прежде его представительство было небольшим (см., напр.: [Миграции населения…, 2011, с. 238–277]). Оценка мобильности может включать изучение доли этноса проживающего за пределами мест преимущественного расселения, так как по мере роста миграционной подвижности она увеличивалась.

Всесоюзная перепись 1970 г., в которой впервые с 1926 г. был поставлен вопрос о миграции, дает возможность выявить удельный вес населения, проживающего в месте постоянного жительства менее двух лет. Сюда же можно включить статистику проживающих в месте постоянного жительства не с рождения (Всесоюзная перепись

1979 г.). Чем больше эти доли, тем выше уровень мобильности. Перепись 1970 г. содержит интересные данные о территориальных предпочтениях мигрантов, сменивших место жительства в течение 1968–1969 гг.

Так, например, за этот период в Бурятскую АССР (БурАССР) прибыло 76,0 тыс. чел., в т.ч. из восточносибирских регионов, включая Бурятию, – 61,2 тыс. чел. Больше всего мигрантов перемещалось непосредственно внутри республики – 45,6 тыс. чел., много людей также переселялось из сопредельных Иркутской (7,3 тыс.) и Читинской (6,6 тыс.) обл. Количество убывших из республики составило 73,8 тыс. чел., в том числе в районы Восточной Сибири – 58,2 тыс. чел. (Иркутскую обл. – 7,0 тыс., Читинскую – 4,1 тыс.). Таким образом, положительное сальдо БурАССР составило 2,2 тыс. чел. В полной мере эти материалы применимы для изучения этнически однородных территорий.

Что касается определения строгих количественных показателей этнической миграции, то здесь можно использовать два метода. Для вычисления механического прироста необходимо знать количество рождений и смертей у представителей рассматриваемой национальности, а также их численность в конце и в начале расчетного периода. Такие материалы в 1960–1980-е гг. разрабатывались территориальными отделениями ЦСУ РСФСР, но по ограниченному кругу (обычно 5–8) этносов. Точность этого метода падает при развитии ассимиляционных процессов, а потому он может быть применим только к небольшому числу национальностей.

Например, по данным архивов в 1959–1969 гг., среди бурят Республики Бурятии отмечено рождение 52,2 тыс. детей, тогда как смертей зафиксировано 16,2 тыс. чел., из чего следует, что естественный прирост достиг 36,0 тыс. чел. Исходя из разницы численности бурятского населения в 1959–1970 гг., приходим к выводу о том, что механический прирост составил 6,8 тыс. чел. В основном, это были выходцы из Иркутской обл., где количественный состав бурят, несмотря на высокую рождаемость, рос очень медленно. Это подтверждают аналитические записки, подготовленные территориальными отделами статистики, где отмечается, что миграция в БурАССР привела даже к снижению численности этноса в области в 1970-е гг. [Некоторые социально-демографические показатели…, 1991, с. 2]. Таким образом, миграции носили переходный или, другими словами, «внутренний» характер в районах основного расселения. Такой тип пространственных перемещений был обусловлен объективными причинами и характерен для народов, находящихся еще на промежуточных стадиях демографического перехода [Дашинамжилов, Лыгденова, 2016, с. 148].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Как уже говорилось выше, при изучении численности или миграций у представителей отдельных национальностей нельзя обойти вниманием ассимиляционные процессы, которые могли, в зависимости от изучаемого случая, оказывать сильное влияние на демографическую динамику. Так, можно ожидать, что с бурятским населением постепенно смешивались некоторые количественно небольшие северные этносы, например, эвенки. Применительно же к самим бурятам, ассимиляция в рассматриваемое время получила еще слабое развитие. Прежде всего, ей были подвержены смешанные семьи, в которых дети по достижению положенного возраста могли выбрать принадлежность к другой национальности.

Рассмотрим практическую составляющую этого вопроса. В нашем распоряжении находится источник, который имеет косвенное отношение к ассимиляции, – это число рожденных бурятскими женщинами детей, у которых отец был другой национальности. Согласно данным текущего учета за указанный период (1959–1969 гг.), таковыми были 353 ребенка (из 52,2 тыс.). Это является косвенным подтверждением того, что ассимиляция у бурят развивалась намного медленнее, чем у других этносов. Если предположить, что примерно половина из них во время Всесоюзной переписи 1970 г. была отнесена к другой национальности, то также следует допустить, что к бурятскому населению была приписана часть детей, рожденных уже русскими женщинами, у которых отец являлся бурятом. Из этого следует, что влияние ассимиляции в естественном приросте было тогда минимальным, и этим фактором при расчете сальдо миграции можно пренебречь.

Вторым, но гораздо менее точным методом является использование статистических данных текущего учета по всей миграции в регионе. Однако он также применим только для этнически однородных территорий и поэтому не совсем удобен. Дополнительно здесь следует учитывать то, что долгое время текущий учет пространственных перемещений населения осуществлялся только в городских поселениях. В 1953 г. была введена регистрация прибывающих и выбывающих в сельской местности, но в регионах, где не было паспортной системы, не все мигранты регистрировались. Статистическая разработка данных отрывных талонов по селу в полной мере стала проводиться с 1960 г., после чего стало возможным рассчитывать сальдо миграции не только по городским поселениям, но и по всему населению в целом.

Непосредственно материалы о национальном составе мигрантов существуют и стали собираться с 1968 г. в небольшом числе областей. Для этого ЦСУ РСФСР утвердило специальную форму № 5 «Распределение прибывших и выбывших по полу и национальности». В ней были представлены основные национальности союзных и автономных республик, малочисленные народы Севера, немцы, евреи, поляки, а также буряты. Такие таблицы составлялись по выборочному кругу административных образований. Впервые эти формы были апробированы в 1968 г. по городским поселениям 24 краев, республик и областей РСФСР, Украинской, Белорусской, Узбекской, Казахской, Грузинской, Латвийской и Киргизской ССР. В 1969 г. эти данные собраны уже по 35 республикам, краям и областям [Подъячих, 1970, с. 125]. Судя по всему, подобные материалы разрабатывались не каждый год. После 1970 г. они собирались также в 1975, 1979 и 1980 гг. и только по городским поселениям.

Согласно нашим сведениям, среди трех регионов преимущественного расселения бурятского этноса (Иркутской, Читинской обл. и Республики Бурятии) первые данные о пространственных перемещениях бурятского населения были собраны в Читинской обл. в 1970 г. Собственно в Республике Бурятии они впервые разрабатывались на основе статистических данных 1975 г. В 1979 г. территориальный охват значительно расширился и распространился на все регионы. Следует сказать о том, что число разрабатываемых национальностей постоянно сокращалось. Вместе с тем эти материалы представляют большой интерес, так как дают представление о тенденциях двух потоков миграций: сельско-городских и межгородских. Регулярный ежегодный учет национального состава мигрантов начался только с 1988 г.

Итак, изучение миграционного движения бурятского населения предполагает использование одновременно нескольких методов и привлечение большого количества разнообразного статистического материала. При этом точное определение числа прибывших и выбывших, а также сальдо миграции на основе имеющихся источников все же является трудноразрешимой задачей.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-09-00395.

Список литературы

Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Этнодемографические процессы в Западной Сибири в постсоветский период (1989–2010 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 6 (44). – С. 143–150.

Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в. – Новосибирск: Параллель, 2011. – 392 с.

Некоторые социально-демографические показатели, характеризующие изменения национального состава населения области за 1959–1989 гг. – Иркутск: Иркутскстат, 1991. – 18 с.

Подъячих П.Г. Состояние статистики миграции населения в СССР и меры по ее улучшению // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. – М.: Статистика, 1970. – С. 123.

References

Dashinamzhilov O.B., Lygdenova V.V. Etnodemograficheskie processy v Zapadnoj Sibiri v postsovetskij period (1989–2010 gg.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, No. 6 (44), pp. 143–150 (in Russ.).

Migratsii naseleniya Aziatskoi Rossii: konets XIX – nachalo XXI v. Novosibirsk: Parallel', 2011, 392 p. (in Russ.).

Nekotorye sotsial'no-demograficheskie pokazateli, kharakterizuyushchie izmeneniya natsional'nogo sostava naseleniya oblasti za 1959–1989 gg. Irkutsk: Irkutskstat, 1991, 18 p. (in Russ.).

Podyachikh P.G. Sostoyanie statistiki migratsii naseleniya v SSSR i mery po ee uluchsheniyu. *Problemy migratsii naseleniya i trudovykh resursov.* Moscow: Statistika, 1970, p. 123 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.419-421
УДК 394+316.444

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: lucid1@yandex.ru

Знаки, выделяющие категорию «дети боярские» из основной массы служилых людей

Представлена развернутая характеристика высшего слоя служилых людей Сибири XVII в. – сынов боярских – в плане их знакового выделения среди основного контингента служилых. Определена серия знаков, которые обособляли сынов боярских как в служебной деятельности, так и в быту: личная активность, склонность к адаптации, предприимчивости, поиску компромиссных решений, грамотность, широкие познания в военно-технической сфере и дипломатии, владение тюркскими языками. Сынов боярских отличало повышенное жалованье, льготы, использование пленных в хозяйстве, активная вовлеченность в торговые операции и сельскохозяйственное производство. Знаковое выделение сказалось и на таком факте, как проживание сынов боярских компактными анклавами внутри сибирских городов. Делается вывод о том, что знаковое выделение сынов боярских демонстрировало реальное положение вещей, характеризовавшееся превращением служилого населения Сибири в активную движущую силу.

Ключевые слова: *знак, символ, Сибирь, дети боярские, администрация, служилые люди, казаки.*

A.A. Lyutsidarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: lucid1@yandex.ru

Features of the “Boyar Children” Marking Them out from Other Representatives of the Service Class

The author presents a detailed description of the upper stratum of Siberian servicemen called boyar sons. The main aspect of this description is their symbolic differentiation from the main contingent of service people in the 17th century. The author defines the features marking out the boyar sons in both official activity and everyday life. These are personal activity, aptitude to adaptation, initiative, search for compromise solutions, literacy, broad knowledge in the military, technical and diplomatic aspects, and knowledge of Turkic languages. Boyar sons got higher salaries and benefits, used prisoners in the household; they were actively involved in trade and farming. The symbolic differentiation is also reflected in the fact that boyar sons lived in compact settlements in Siberian towns. The author concludes that the symbolic differentiation of boyar sons corresponded to reality that was characterized by transformation of the Siberian servicemen into an active driving force.

Keywords: *sign, symbol, Siberia, boyar sons, servicemen, Cossacks.*

Сибирские дети боярские в конце XVI – начале XVIII в. представляли собой высший слой служилого населения осваиваемого Зауральского региона. В зависимости от индивидуальных способностей каждого из них – личной активности, склонности к адаптации, предприимчивости и грамотности – дети боярские по многим параметрам обуславливали поступательное развитие Сибирского региона. Они руководили военными и оборонительными операциями, осуществляли дипломатические переговоры на различных уровнях, от налаживания отношений с аборигенной родоплеменной знатью до переговоров с руководителями государственных объединений и военно-потестарных организаций. Подобная деятельность требовала приложения сил и умений, адекватного восприятия действительности и поиска компромиссных решений. Дети боярские выполняли многие правительственные и воеводские поручения, связанные с административным и хозяйственным развитием Сибири.

В результате исторического развития сибирского региона эта группа служилых людей выработала свою субкультуру, в целом мало отличающуюся от субкультуры служилого населения как такового. Однако дети боярские все же выделялись из общей среды служилого населения. Это знаковым образом проявлялось как в служебной деятельности, так и в быту.

Из каких людей складывалась эта группа служилого населения? Прежде всего, это были русские государевы люди, отличившиеся своими индивидуальными способностями на военном и административном поприще. Эту когорту с успехом дополняли ссыльные военнопленные, попавшие в Сибирь в результате военных действий на западных границах России. Причем, помимо выходцев из Речи Посполитой, среди военного контингента присутствовали самые разные представители Западной Европы. Найденные в архивах факты убеждают в этом. Попавшие в Сибирь пленные «западники» в большинстве случаев имели военные навыки и были грамотны, кроме этого обладали достаточно широким кругозором, поэтому назначались на высшие административные и военные должности. Поэтому можно отметить субэтничность этой группы населения.

При столь пестром этническом составе компактной субкультурной группы, какой являлись дети боярские, возникала проблема взаимной адаптации. Для успешной реализации своих устремлений необходимо было обладать достаточной степенью способности к адаптации к новым условиям существования. И те, кто обладал этим качеством, успешно вписывались в сибирскую действительность. Это позволяло наладить отношения с воеводской администрацией и со своими «сотоварищами» по принадлежности к статусной группе служилых людей. Адаптация происходила естественным образом в военно-оборонительных операциях и совместной хозяйственной деятельности.

Конечно, среди детей боярских были свои градации (различное жалованье, обладание разными льготами, разные поручения властей), но все они составляли особую субкультурную группу, выделявшуюся в сибирском социуме XVII в. прежде всего своим стабильным материальным положением и близостью к властным структурам. Дети боярские получали высокое, по сравнению с рядовыми казаками, государево жалованье, а частое участие в военных походах предоставляло возможности приобретения пушнины для дальнейшей ее реализации.

Кроме того военные операции, особенно в первой половине XVII в., сопровождались захватом пленных (ясырей) из среды автохтонного населения Сибири. Подавляющая часть захваченных в плен аборигенов становилась зависимыми дворовыми людьми, обслуживающими хозяйства своих приобретателей. Это давало возможность использовать их труд в экономических интересах. Реализация этих возможностей способствовала накоплению капиталов. Немалые доходы приносила и дипломатическая деятельность в сопредельные государства и государственные объединения. Это позволяло большинству детей боярских обзаводиться крепкими дворами и обустраивать свои заимки в уездах.

Сыны боярские активно принимали участие в торговле. Поначалу это была почти исключительно пушнина, а затем и иные товары. Доказательством тому являются таможенные документы конца XVI – начала XVIII в.

Сельскохозяйственное производство приносило хозяйствам сынов боярских значительные доходы. Особенно это становится заметно к началу XVIII в. Примером могут служить томский сын боярский Иван Серединин и его родственники, находившиеся в том же социальном статусе. Иван Серединин имел в 1703 г. пять пашенных заимок, общей площадью не менее 2 тыс. десятин, сена он заготавливал до 1 150 копен в год. Его хозяйство было ориентировано на развитие животноводства [Люцидарская, 1992, с. 17]. Он и его родственники использовали в своих хозяйствах труд дворовых людей.

Иной пример являет собой сын боярский Кругликов (Круглинский). Степана Кругликова в полной мере можно отнести к томским старожилам. По происхождению он шляхтич Мстиславского воеводства, в 1655 г. был взят в плен и сослан в Томск. Кругликов отказался «идти на размен» и получил в награду увеличение денежного жалованья. Он имел значительные угодья в уезде. На его заимке был поставлен двор, где помимо семьи, состоящей из взрослых сыновей и внуков, проживали 9 дворовых работников [Болонев, 2007, с. 44]. Биография Степана Кругликова по многим параметрам схожа с перипетиями иных западных иноземцев.

Дети боярские предпочитали селиться поблизости друг от друга. Так, в Томске существовали районы, где дворов детей боярских насчитывалось до десятка, тогда как в иных местах города дети боярские не селись вовсе. В Томске дети боярские предпочитали обзаводиться дворами в Луговом посаде или за «Ушайкой в Благовещенской береговой улице в посаде». (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1435. Л. 374–417).

Знаковой отличительной чертой детей боярских была грамотность. Это относится как к этническим русским, так и к иноземцам западного толка. Наличие грамотности, прежде всего, можно проследить по подписям служилых людей. Очень часто служилые люди обращались к своим «коллегам» с просьбой расписаться под тем или иным доку-

ментом, «приложить» за них руку. Формулировка «по его просьбе руку приложил» была клишированной в XVII в. Например, в конце XVII в. в челобитной сын боярский Степан Тупальский вместо Петрушки да Сеньки, да Ивашки Лавровых по их веленью и за себя руку приложил (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1052. Л. 338).

Дети боярские западного происхождения нередко подписывались латиницей либо включали в свои подписи буквы латинского алфавита. Подобных примеров немало (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1052. Л. 280, 319, 338 и др.). Сын боярский, поляк по происхождению, Матвей (Матиаз) Ходзинский в 30-е гг. XVII в. привозил из Томска в Москву соболиную казну и рассказывал в Сибирском Приказе о ценах в Томске, а также описывал возможности торговли с ойратами. Это была не единственная его поездка в столицу. В начале 1650-х гг. Ходзинский привез в Томск из Москвы 3 тыс. руб. на государево жалованье служилым людям. Он был очень грамотным, но писал исключительно латиницей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Л. 399, 394, 405); [Русско-монгольские отношения, 1974, с. 68–69].

Нередко сыновья высших служилых чинов расписывались за своих отцов. Таким образом, можно предположить, что детям старались давать минимальное образование. Известный в XVII в. сын боярский Иван Старков был замечен в боевых действиях с ойратами, выполнял посольские поручения в сношениях с монгольскими правителями, неоднократно посещал Сибирский Приказ в Москве, однако, как отмечалось в источниках, «грамоте не умел». Между тем, его сын Иван Старков в начале XVIII в. провел в Сосновском стане первую подушную перепись. К этому времени он принадлежал к сибирским дворянам [Емельянов, 1981, с. 85].

Очень ценилось воеводской администрацией владение служилыми чинами тюркскими языками. Это позволяло вести переговоры с народами Алтая и монгольских территорий без помощи переводчика. Среди детей боярских находились такие люди, и эти качества учитывались и вознаграждались прибавками к денежному довольствию. Так, сын боярский Василий Былин, по рождению шегарский татарин, осуществлял свою дипломатическую деятельность в южных регионах Сибири и на сопредельных территориях.

Естественно, и жалованье у детей боярских не было однородным. Оно составляло, как уже упоминалось, от 5 до 30 руб. Наиболее часто суммы выплат составляли 7–10 руб. [Никитин, 1988, с. 110–111]. Служилые люди, сыны боярские особенно, пользовались многими льготами, а зачастую «выпрашивали» посредством челобитных различные прибавки к установленным размерам жалованья. Такое поведение считалось нормой [Сборник, 1960, с. 120, 178 и др.]. Прибавки к жалованью сынам боярским отмечены не раз в разных городах в различное время. В расходных книгах Томска за 1667 г. отмечены: Юрий Ядловкий «за его многие службы и за раны, и что он государеву новую пашню построил... прибавлен оклад», «прибавлен оклад Роману Старкову за мунгальскую посылку». Также дети боярские нередко получали награду сукнами на сумму в 7 руб. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 157. Л. 8, 25об.).

Отличительными знаками принадлежности к чину детей боярских служили близость к воеводской администрации, деятельное участие в военно-оборонительных операциях, административные мероприятия, посольская деятельность, выезды в Москву в Сибирский Приказ. Немаловажным отличительным знаком детей боярских являлось их материальное благополучие и достаточно устойчивое положение в сибирском сообществе. Дети боярские символизировали устойчивость царской власти и выводили служилое население Сибири на роль активной движущей силы.

Список литературы

Болонев Ф.Ф., Люцидарская А.А., Шинковой А.И. Ссыльные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Исследования и материалы. – Новосибирск: Книжица, 2007. – 228 с.

Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – 181 с.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. – Новосибирск: Наука, 1988. – 155 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг.: сб. док-тов. – М.: Наука, 1974. – 469 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Вып. 1. – 450 с.

References

Bolonev F.F., Lyutsidarskaya A.A., Shinkovoy A.I. Ssyl'nye polyaki v Sibiri: XVII, XIX vv. Issledovaniya i materialy. Novosibirsk: Knizhitsa, 2007, 228 p. (in Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII veka). Novosibirsk: Nauka, 1992, 197 p. (in Russ.).

Nikitin N.I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII veka. Novosibirsk: Nauka, 1988, 155 p. (in Russ.).

Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654: sbornik dokumentov. Moscow: Nauka, 1974, 469 p. (in Russ.).

Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII v. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1960, iss. 1, 450 p. (in Russ.).

Yemelyanov N.F. Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nuyu epokhu. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1981, 181 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.422-426
УДК 39+004

А.Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: annmaini@gmail.com

Моделирование этносоциальных процессов с использованием цифровых технологий: направления и перспективы

В статье обсуждается использование компьютерных методов в моделировании общественных процессов. Библиометрический анализ показал, что выделяется несколько основных направлений: разработка общих вопросов теории и практики информационных технологий в исторических исследованиях, моделирование в исторической демографии и конфликтологии. Исследования касаются как общества в целом, так и отдельных его частей – социальных и, реже, этнических групп. Недостаточно разработана методология исследований с использованием цифровых технологий, под вопросом остается релевантность полученных с их помощью результатов. Компьютерное моделирование не вошло пока в стандартный инструментарий изучения этносоциальных процессов. Однако цифровые технологии позволяют перевести исследования с описательного и интуитивного уровня на аналитический.

Ключевые слова: *цифровые технологии, этносоциальные процессы, компьютерное моделирование, история и компьютер.*

A.Yu. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: annmaini@gmail.com

Modeling of Ethno-Social Processes by Digital Technologies: Directions and Prospects

The article discusses the use of computer methods in modeling social processes. Bibliometric analysis showed several major directions: elaboration of general questions of theory and practice of information technology in historical research, modeling in historical demography and theory of conflicts. Studies concern both the society in general and its individual parts – social and, less frequently, ethnic groups. The methodology of research using digital technologies has not been sufficiently developed, the relevance of the results obtained remains questionable. Currently, computer modeling cannot be regarded as a standard tool in studying ethno-social processes. However, digital technology makes it possible to shift research from a descriptive and intuitive level to an analytical one.

Keywords: *digital technologies, ethno-social processes, computer modeling, history and computer*.

Цифровые технологии и компьютерные методы в настоящее время находят применение в самых разных областях, все активнее включаются в этот процесс области гуманитарного знания. Идея моделирования, будучи принятой в точных и естественных науках, завоевывает свое место в теории анализа этносоциальных процессов. Статья посвящена выделению основных направлений в разработке и перспективах использования информационных технологий.

Для целей исследования был проведен анализ информационного бюллетеня ассоциации «История и компьютер», г. Москва (далее БАИК), выходящего с 1990 г., как наиболее представительного журнала, специализирующегося на публикации новейших данных по использованию информационных технологий в исторических дисциплинах, включая актуальные материалы конференций. Библиометрический анализ показал, что за период с 1990 по 2017 г. было опубликовано 46 выпу-

сков бюллетеня с более чем 800 статьями, среди которых определенное место занимают проблемы компьютерного моделирования исторических процессов: 150 статей можно отнести к тематике рассмотрения этносоциальных процессов с помощью моделирования цифровыми методами. Далеко не все они располагаются в специальном разделе «Компьютерное моделирование исторических процессов», появившемся с 2006 г. в редакции «Математические методы и модели». Ранее статьи по моделированию могли располагаться в других разделах, например, «Информационные технологии в исторических исследованиях» и пр.

Для моделирования важны компьютерный анализ статистических источников, принципы классификации данных, инструментальные средства, алгоритмы, адаптация стандартного программного обеспечения. В рамках указанной тематики можно выделить несколько основных направлений, уже обозначившихся в моделировании этносоциальных процессов. Ведется разработка общих вопросов теории и практики информационных технологий в исторических исследованиях. Например, обсуждаются вопросы эффективности и надежности метода размытой классификации [Беседин, 1996], концепция квазипротивника в моделировании реформ [Бокарев, 1996], инварианты преемственности развития систем [Дарчиашвили, 1996], достоверность социально-экономической информации массовых исторических источников [Изместьев, 1996], алгоритмы многомерной классификации [Оськин, 1996]. Значительное место уделяется подходам к моделированию общественных процессов: обсуждаются перспективы развития инструментария для моделирования исторических процессов; всего этим вопросам посвящено более 20 статей (см., напр.: [Оськин, 2002, 2006; Жуков, Лямин, 2006]).

Моделирование признается возможным и необходимым в области исторической демографии: размещено более 60 публикаций, обсуждаются общетеоретические вопросы (см., напр.: [Нефедов, 2006; Цирель, 2008; Зинькина, Коротаев, 2012]). Часть работ посвящена моделированию процессов, связанных с семьей и воспроизводством населения (см., напр.: [Канищев, Кончаков, Носевич, 2002; Куликов, Михаль, 2006]), брачностью [Лин, Парахневич, Сукач, 2008; Сарафанов, 2016], смертностью [Кащенко, Алексеева, Бочинина, 1996; Шустрова, 2012; Канищев, Нефедов, 2012], миграциями (см., напр.: [Владимиров, Канищев, Силина, 2004; Силина, 2004; Маткаримова, Подольский, 2006; Schurer, 2016]) и социально-культурной стратификацией (см., напр.: [Игитханян, 1996; Жуков, Лямин, 2008]).

Успешно моделируются пространственные характеристики развития общества; этому направлению посвящено более 20 статей (см., напр.: [Пиотух, 1996; Зубарева, Журбин; 2010; Лямин, 2010; Махалова, Русаков, 2014]).

Сделаны попытки моделирования общественных конфликтов – 10 статей [Андреев, Бородкин, 2004; Коротаев, Зинькина, 2010; Полевой, 2012; Басаева, Каменецкий, Хосаева, 2015; Жуков, Канищев, Лямин, 2015]. При этом выделяется прогнозирование этно- и социополитических рисков, стабильности и кризисов в социальных системах, протестных акций.

Перечисленные направления характеризуются крайне неравномерным развитием. Часть проблем уже получили некоторое решение, хотя бы на уровне конкретных примеров; к части сделаны лишь начальные подходы. Исследования касаются как общества в целом, так и отдельных его частей – социальных, в меньшей степени этнических групп. Определенное, хотя и явно недостаточное внимание уделяется моделированию этносоциальных процессов в городской среде. Слабо разработана методология исследований с использованием цифровых технологий, подчас под вопросом остается релевантность полученных с их помощью результатов. Компьютерное моделирование не вошло пока в стандартный инструментарий изучения этносоциальных процессов. Показательным является отсутствие в превалирующем числе диссертационных работ применения компьютерных методов. Пока моделирование доступно только узкому кругу специалистов. Немаловажную роль здесь играет недостаточное владение информационными технологиями среди специалистов-гуманитариев. Вместе с тем очевидно, что моделирование этносоциальных процессов с помощью цифровых технологий может учесть ранее упущенные факторы и данные, перевести исследования с описательного и интуитивного уровня на аналитический.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Андреев А.Ю., Бородкин Л.И. Моделирование информационных процессов в развитии социальных конфликтов: синергетический подход // БАИК. – 2004. – № 32. – С. 134–135.

Басаева Е.К., Каменецкий Е.С., Хосаева З.Х. Математическое моделирование протестных акций // БАИК. – 2015. – № 44. – С. 129–130.

Беседин В.И. Об эффективности и надежности метода размытой классификации // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 80–81.

Бокарев Ю.П. Концепция квазипротивника и моделирование реформ // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 81–82.

Владимиров В.Н., Канищев В.В., Силина И.Г. Итоги реализации проекта «Микромиграционные процессы в российской Евразии второй половины XIX – начала XX в. (Тамбовская губерния – Алтайский округ)» // БАИК. – 2004. – № 32. – С. 176–177.

Дарчиашвили В.В. К поиску инвариантов преемственности развития систем // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 82–86.

Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении крестьянского движения в России во второй половине XIX в. // БАИК. – 2015. – № 44. – С. 132–133.

Жуков Д.С., Лямин С.К. Моделирование исторических явлений и процессов // БАИК. – 2006. – № 34. – С. 145–146.

Жуков Д.С., Лямин С.К. Моделирование динамики средовых и ментальных характеристик городского социума средствами фрактальной геометрии // БАИК. – 2008. – № 35. – С. 36–37.

Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Тропическая Африка в мальтузианской ловушке? К моделированию и прогнозированию социально-демографического развития Африки южнее Сахары // БАИК. – 2012. – № 38. – С. 77–79.

Зубарева О.Т., Журбин И.В. Пространственное моделирование исторического развития территории: метод построения модели // БАИК. – 2010. – № 36. – С. 100–101.

Игитханян Е.Д. Построение сводного индекса материального благосостояния и моделирование процессов социальной стратификации // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 89–90.

Изместьев В.Д. Проблема достоверности социально-экономической информации в анализе массовых исторических источников // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 90–92.

Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Носевич В.Л. Два подхода к применению компьютерных технологий при восстановлении истории семьи // БАИК. – 2002. – № 30. – С. 188–189.

Канищев В.В., Нефедов С.А. Определение излишней смертности в России во второй половине XIX в.: естественные и социально-экономические аспекты // БАИК. – 2012. – № 38. – С. 80–81.

Кащенко С.Г., Алексеева Е.А., Бочинина Е.Д. Смертность в Карелии в конце XVIII – начале XX в. (опыт компьютерного анализа метрических книг) // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 98–99.

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки // БАИК. – 2010. – № 36. – С. 83–84.

Куликов В.А., Михаль Ю.О. Поиск типичных элементов и «размножение» естественной выборки (на основе анализа структуры крестьянской семьи и домохозяйства Харьковской губернии в начале XX в.) // БАИК. – 2006. – № 34. – С. 28–129.

Лин Д.Г., Парахневич А.В., Сукач Е.И. Компьютерная модель исследования характеристик процесса брачности // БАИК. – 2008. – № 35. – С. 39–40.

Лямин С.К. Фрактальная имитационная модель социально-культурных сетевых связей в русском городе второй половины XIX – начала XX в. // БАИК. – 2010. – № 36. – С. 103–104.

Маткаримова М.Ю., Подольский И.В. Применение ГИС в изучении демографической истории Кыргызстана по материалам переписей населения // БАИК. – 2006. – № 34. – С. 97.

Махалова Т.П., Русаков С.В. Моделирование процессов заселения территорий с помощью клеточных автоматов // БАИК. – 2014. – № 42. – С. 80–81.

Нефедов С.А. О Теории демографических циклов // БАИК. – 2002. – № 30. – С. 200–202.

Нефедов С.А. Неомальтузианство и демографически-структурная теория: модельный анализ взаимосвязи // БАИК. – 2006. – № 34. – С. 53–54.

Оськин А.Ф. Алгоритм многомерной классификации, использующий метод полиадических чисел // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 99–100.

Оськин А.Ф. Перспективы развития инструментальных средств для имитационного моделирования исторических процессов // БАИК. – 2002. – № 30. – С. 145–146.

Оськин А.Ф. Методология компьютерного моделирования исторических процессов и событий // БАИК. – 2006. – № 34. – С. 56–57.

Пиотух Н.В. Хозяйственная деятельность крестьянства XVII – XVIII вв. с точки зрения пространственного статистического анализа // БАИК. – 1996. – № 17. – С. 102–105.

Полевой Н.А. Модификация синергетической модели политической стабильности Голдстоуна – Коротаева // БАИК. – 2012. – № 38. – С. 86–87.

Сарафанов Д.Е. Разница в возрасте супругов как показатель брачного поведения населения Барнаула во второй половине XIX – начале XX в. (анализ базы данных по материалам метрических книг) // БАИК. – 2016. – № 45. – С. 71–73.

Силина И.Г. Итоги и перспективы дальнейшего демографического и территориального изучения миграций в Алтайском округе второй половины XIX – начала XX в. (базы данных, компьютерные карты) // БАИК. – 2004. – № 32. – С. 184–185.

Цирель С.В. Соотношение роста ВВП и действия закона Мальтуса в исторической динамике // БАИК. – 2008. – № 35. – С. 47–49.

Шустрова И.Ю. Детская смертность в русской деревне XIX века (по данным когортного анализа Сандыревского прихода Ярославской епархии) // БАИК. – 2012. – № 38. – С. 65–66.

Schurer K. Migration to London in the nineteenth century: a new perspective // БАИК. – 2016. – № 45. – С. 62–63.

References

Andreev A.Y., Borodkin L.I. Modelirovanie informatsionnykh protsessov v razvitii sotsial'nykh

konfliktov: sinergeticheskii podkhod. *Association "History and computer" bulletin*, 2004, No. 32, pp. 134–135 (in Russ.).

Basaeva E.K., Kamenetskii E.S., Khosaeva Z. Kh. Matematicheskoe modelirovanie protestnykh aktsii. *Association "History and computer" bulletin*, 2015, No. 44, pp. 129–130 (in Russ.).

Besedin V.I. Ob effektivnosti i nadezhnosti metoda razmytoi klassifikatsii. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 80–81 (in Russ.).

Bokarev Y.P. Kontseptsiya kvaziprotivnika i modelirovanie reform. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 81–82 (in Russ.).

Darchiashvili V.V. K poisku invariantov preemstvennosti razvitiya sistem. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 82–86 (in Russ.).

Igitkhanyan E.D. Postroenie svodnogo indeksa material'nogo blagosostoyaniya i modelirovanie protsessov sotsial'noi stratifikatsii. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 89–90 (in Russ.).

Izmest'ev V.D. Problema dostovernosti sotsial'no-ekonomicheskoi informatsii v analize massovykh istoricheskikh istochnikov. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 90–92 (in Russ.).

Kanishchev V.V., Konchakov R.B., Nosevich V.L. Dva podkhoda k primeneniyu komp'yuternykh tekhnologii pri vosstanovlenii istorii sem'i. *Association "History and computer" bulletin*, 2002, No. 30, pp. 188–189 (in Russ.).

Kanishchev V.V., Nefedov S.A. Opredelenie izlishnei smertnosti v Rossii vo vtoroi polovine XIX v.: estestvennye i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty. *Association "History and computer" bulletin*, 2012, No. 38, pp. 80–81 (in Russ.).

Kashchenko S.G., Alekseeva E.A., Bochinina E.D. Smertnost' v Karelii v kontse XVIII – nachale XX v. (opyt komp'yuternogo analiza metricheskikh knig). *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 98–99 (in Russ.).

Korotaev A.V., Zin'kina Y.V. Prognozirovanie sotsiopoliticheskikh riskov: lovushka na vykhode iz mal'tuzianskoi lovushki. *Association "History and computer" bulletin*, 2010, No. 36, pp. 83–84 (in Russ.).

Kulikov V.A., Mikhal' Y.O. Poisk tipichnykh elementov i «razmnozhenie» estestvennoi vyborki (na osnove analiza struktury krest'yanskoi sem'i i domokhozyaistva Khar'kovskoi gubernii v nachale XX v.). *Association "History and computer" bulletin*, 2006, No. 34, pp. 28–29 (in Russ.).

Lin D.G., Parakhnevich A.V., Sukach E.I. Komp'yuternaya model' issledovaniya kharakteristik protsessa brachnosti. *Association "History and computer" bulletin*, 2008, No. 35, pp. 39–40 (in Russ.).

Lyamin S.K. Fraktal'naya imitatsionnaya model' sotsial'no-kul'turnykh setevykh svyazei v russkom gorode vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. *Association "History and computer" bulletin*, 2010, No. 36, pp. 103–104 (in Russ.).

Makhalova T.P., Rusakov S.V. Modelirovanie protsessov zaseleniya territorii s pomoshch'yu kletochnykh avtomatov. *Association "History and computer" bulletin*, 2014, No. 42, pp. 80–81 (in Russ.).

Matkarimova M.Yu., Podol'skii I.V. Primenenie GIS v izuchenii demograficheskoi istorii Kyrgyzstana po materialam perepisei naseleniya. *Association "History and computer" bulletin*, 2006, No. 34, p. 97 (in Russ.).

Nefedov S.A. Neomal'tuzianstvo i demograficheski-strukturnaya teoriya: model'nyi analiz vzaimosvyazi. *Association "History and computer" bulletin*, 2006, No. 34, pp. 53–54 (in Russ.).

Nefedov S.A. O Teorii demograficheskikh tsiklov. *Association "History and computer" bulletin*, 2002, No. 30, pp. 200–202 (in Russ.).

Os'kin A.F. Algoritm mnogomernoi klassifikatsii, ispol'zuyushchii metod poliadicheskikh chisel. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 99–100 (in Russ.).

Os'kin A.F. Perspektivy razvitiya instrumental'nykh sredstv dlya imitatsionnogo modelirovaniya istoricheskikh protsessov. *Association "History and computer" bulletin*, 2002, No. 30, pp. 145–146 (in Russ.).

Os'kin A.F. Metodologiya komp'yuternogo modelirovaniya istoricheskikh protsessov i sobytii. *Association "History and computer" bulletin*, 2006, No. 34, pp. 56–57 (in Russ.).

Piotukh N.V. Khozyaistvennaya deyatel'nost' krest'yanstva XVII–XVIII vv. s tochki zreniya prostranstvennogo statisticheskogo analiza. *Association "History and computer" bulletin*, 1996, No. 17, pp. 102–105 (in Russ.).

Polevoi N.A. Modifikatsiya sinergeticheskoi modeli politicheskoi stabil'nosti Goldstouna-Korotaeva. *Association "History and computer" bulletin*, 2012, No. 38, pp. 86–87 (in Russ.).

Sarafanov D.E. Raznitsa v vozraste suprugov kak pokazatel' brachnogo povedeniya naseleniya Barnaula vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (analiz bazy dannykh po materialam metricheskikh knig). *Association "History and computer" bulletin*, 2016, No. 45, pp. 71–73 (in Russ.).

Schurer K. Migration to London in the nineteenth century: a new perspective. *Association "History and computer" bulletin*, 2016, N 45, pp. 62–63.

Shustrova I.Yu. Detskaya smertnost' v russkoi derevne XIX veka (po dannym kogortnogo analiza Sandyrevskogo prikhoda Yaroslavskoi eparkhii). *Association "History and computer" bulletin*, 2012, No. 38, pp. 65–66 (in Russ.).

Silina I.G. Itogi i perspektivy dal'neishego demograficheskogo i territorial'nogo izucheniya migratsii v Altaiskom okruge vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (bazy dannykh, komp'yuternye karty). *Association "History and computer" bulletin*, 2004, No. 32, pp. 184–185 (in Russ.).

Tsirel' S.V. Sootnoshenie rosta VVP i deistviya zakona Mal'tusa v istoricheskoi dinamike. *Association "History and computer" bulletin*, 2008, No. 35, pp. 47–49 (in Russ.).

Vladimirov V.N., Kanishchev V.V., Silina I.G. Itogi realizatsii proekta «Mikromigratsionnye protsessy v rossiiskoi Evrazii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (Tambovskaya guberniya – Altaiskii okrug)». *Association "History and computer" bulletin*, 2004, No. 32, pp. 176–177 (in Russ.).

Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Vozmozhnosti ispol'zovaniya teorii samoorganizovannoi kritichnosti v izuchenii krest'yanskogo dvizheniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. *Association "History and computer" bulletin*, 2015, No. 44, pp. 132–133 (in Russ.).

Zhukov D.S., Lyamin S.K. Modelirovanie istoricheskikh yavlenii i protsessov. *Association "History and computer" bulletin,* 2006, No. 34, pp. 145–146 (in Russ.).

Zhukov D.S., Lyamin S.K. Modelirovanie dinamiki sredovykh i mental'nykh kharakteristik gorodskogo sotsiuma sredstvami fraktal'noi geometrii. *Association "History and computer" bulletin*, 2008, No. 35, pp. 36–37 (in Russ.).

Zin'kina Yu.V., Korotaev A.V. Tropicheskaya Afrika v mal'tuzianskoi lovushke? K modelirovaniyu i prognozirovaniyu sotsial'no-demograficheskogo razvitiya Afriki yuzhnee Sakhary. *Association "History and computer" bulletin*, 2012, No. 38, pp. 77–79 (in Russ.).

Zubareva O.T., Zhurbin I.V. Prostranstvennoe modelirovanie istoricheskogo razvitiya territorii: metod postroeniya modeli. *Association "History and computer" bulletin,* 2010, No. 36, pp. 100–101 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.427-430
УДК 314.4+393

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Самосохранительное поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX–XX века)

В статье рассматриваются этнические особенности самосохранительного поведения у кумандинцев, тубаларов и челканцев. Источниковую базу исследования составляют полевые и архивные материалы. В отличие от современности в традиционном обществе здоровье человека обеспечивалось четким соблюдением традиционных норм и зависело от «благосклонности духов». Обычаи и обряды имели во многом иррациональный характер. Распространение санитарно-гигиенических знаний, начавшееся с контактов с переселенцами и миссионерами, формирование сети медицинских учреждений в регионе в 1920–1940-е гг. и укрепление доверия к медицинским работникам привело к постепенной трансформации самосохранительного поведения.

Ключевые слова: *коренное население, Алтай, самосохранительное поведение.*

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Self-Preserving Behavior of the Indigenous Peoples in the North Altai Piedmonts (The 19th – 20th Centuries)

The article examines the ethnic features of self-preserving behavior of the Kumandins, Tubalars and Chelkans. The study is based on the field journals and archival materials. In contrast to modernity, in the traditional society, human health was ensured by a strict observance of traditional norms and depended on the spirits goodwill. Customs and rituals were largely irrational. Gradually, the spread of sanitary and hygienic knowledge, which began with contacts with settlers and missionaries, the formation of a network of medical institutions in the region in the 1920s–1940s and growing confidence in health workers led to certain transformations of the self-preserving behavior.

Keywords: *indigenous population, Altai, self-preserving behavior.*

Самосохранительное поведение, как и любое другое поведение, обусловлено этническими традициями. Под самосохранительным поведением понимается система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни и обусловленных существующими традициями.

В данной публикации будет рассмотрено влияние этнического фактора на здоровьесберегающее поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев). Источниковой базой для данной статьи стали полевые сведения, полученные автором в ходе этнографической поездки в 2008 г. и историко-этнографических экспедиций Алтайского государственного университета (МАЭ АГУ) в 2001–2004 гг. в с. Красногорское и с. Солтон Алтайского края и с. Турочак Респ. Алтай, а также материалы Государственного архива Алтайского края.

В традиционной культуре самосохранительное поведение во многом регулировалось устоявшимися нормами и установками, обычаями и обрядами, имеющими рациональный и иррациональный характер. Значительное влияние оказывала предопределенность жизни этнофора, отражавшаяся на его здоровьесберегающих действиях.

Так, уже при рождении ребенка повитуха по пуповине определяла, как долго будет жить новорожденный. Считалось, что малое количе-

ство крови указывает на недолгую жизнь. Обращались также к предсказателям (*курумчи*), гадавшим по руке (ПМА, 2008, с. Красногорское). По литературным свидетельствам будущее ребенка определял Кудай Ульгень еще при зачатии (*чаянында чаяпсан намыны киженг* – ‘на роду написано, кому сколько жить’). Судьбу (*irq*, *ульга*) новорожденного предсказывали в ходе камлания. Сообщались срок его жизни и те моменты, когда ему будет грозить смерть (*бом*, *пом* – букв.: скала, утес). Их (*бом*, *пом*) могло быть до девяти, но этих опасностей можно было избежать [Потапов, 1991, с. 149; Славнин, 1990, с. 134; 1991, с. 195; Хильден, 2000, с. 90].

Автохтоны верили, что смерть наступала по решению божества подземного мира Эрлика. Душа доставлялась в преисподнюю, где над ней творился суд. Во избежание опасности Эрлику приносились жертвы [Потапов, 1991, с. 31, 54, 257; Сатлаев, 1974, с. 150–151, 163; Славнин, 1990, с. 134–135]; (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2).

По традиционным представлениям, человек заболевал из-за кражи его души злым духом или в случае, если душа оказывалась «заблудшей», и в человека вселялся нечистый дух. Для излечения требовалось возвратить душу, что мог осуществить только шаман (ПМА, 2008, с. Красногорское, Турочак).

Причиной смерти считались и действия враждебно настроенных к человеку духов, объединявшихся общим названием *кара төс*. Среди них можно выделить *алвун*/*албан*, опасного для охотника; *кормес*, угрожавшего путнику у заброшенных жилищ; *суыны*/*суу иези*, забиравшего человека на дно водоема. Нарушение правил поведения наказывалось болезнью глаз, насылавшейся духом *төбөне*, или болезнью груди и спины, исходящей от *чажылдай-аза* [Бельгибаев, 2005, с. 42–44; Сатлаев, 1974, с. 151].

Согласно сведениям Ф.А. Сатлаева [1974, с. 151], у кумандинцев существовали нечистые духи *кӱдербе-аза* и *кӱдертгиш-аза*, способные «зарыться» в ограде дома, что приводило к смерти членов семьи, а затем и рода в целом. Скорее всего, с этим представлением связана традиция, бытовавшая в прошлом, покидать жилище после захоронения своего родственника [Гельмерсен, 1840, с. 258]. У тубаларов подобные действия объяснялись тем, что нельзя было оскорблять место погребения (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19).

Различные ограничения сопровождали совершение всех обрядов погребально-поминального цикла, обеспечивая локализацию несчастья (возможной эпидемии) в рамках отдельной семьи и сохранение общины. В то же время санитарно-гигиенические практики коренного населения оставались на низком уровне. Нарастание эпидемиологической угрозы было сопряжено с увеличением плотности (в том числе за счет переселенцев из Европейской части России) и миграционной активности населения.

Обычно члены семьи, в которой умирал домочадец, были ограничены в свободе передвижения по деревне, с наступлением сумерек не выходили на улицу. Соседи при встрече их сторонились, не приходили в гости (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10. К. 22. Л. 6–7; Оп. 1. К. 22. Л. 3; К. 26. Л. 4). На похоронах запрещалось присутствовать женщинам (особенно беременным) и детям (ПМА, 2008, села Красногорское, Турочак).

На поведение человека значительное влияние оказывали старшие родственники и социум в целом, что во многом снижало распространенность социальных болезней. Один из организаторов миссионерского дела на Алтае В.И. Вербицкий [1993, с. 101] отмечал, что среди коренного населения предгорий Северного Алтая было распространено курение табака и пьянство; что они были нечистоплотны, склонны к отчаянию и самоубийству. Но эти описания не вполне соответствовали реальности. Распространенность суицидов среди аборигенного населения предгорий Северного Алтая была явно преувеличена. Метрические книги (с 1880-х по 1910-е гг.) практически не содержат сведений подобного рода. Нами обнаружено лишь по одному «застрелившемуся» и «удавившемуся». Традиционная культура жизнеобеспечения формировала установки на сохранение жизни и психологическое здоровье. В одном из документов Русского географического общества за 1910 г. отмечалось, что среди автохтонного населения нет «сумасшедших, юродивых, порченных и кликуш» (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

Процесс алкоголизации аборигенов также спорен. Из отчетов Алтайской духовной миссии может сложиться представление о большой распространенности пьянства среди аборигенного населения. Однако необходимо учитывать, что миссионеры посещали инородческие аилы редко (в среднем раз в год) и задерживались в них на пару дней.

Традиционно автохтоны потребляли слабоалкогольные напитки в праздники, во время встреч с родственниками, при проведении обрядов, и это регулировалось старшим поколением (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турочак). П.В. Бутягин в своем исследовании [1905, с. 1283–1291] обосновал относительную безвредность для организма человека араки, которой «для опьянения необходимо выпить до 4 бутылок». Зло-

употребляли алкоголем преимущественно представители маргинальной части коренного населения.

Жители первых миссионерских поселений, крестившиеся из-за бедности или вследствие изгнания из общины и проч., в наибольшей степени были подвержены негативному воздействию «новой жизни», хотя их интеграция в русскую крестьянскую культуру сопровождалась множеством положительных заимствований, в том числе в области демографического поведения. В числе прочего стоит отметить распространение миссионерами санитарно-гигиенических знаний и оспопрививание.

В то же время даже среди новокрещенов сохранялось влияние шаманов и народных знахарей, выступавших хранителями традиций народной медицины. За десятилетия деятельности миссии их количество, видимо, существенно не сократилось. Миссионер Созопского отделения, состоявшего из 26 населенных пунктов, в 1907 г. отмечал, что на подотчетной ему территории проживало 11 камов (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 120. Л. 6).

Медицинская помощь со стороны миссионеров была эпизодической, она оказывалась лишь во время ежегодного объезда населенных пунктов для исполнения треб паствы. На территории Горного Алтая и его предгорий имелись только больницы в г. Бийске и с. Улала. Крещеные и язычники обращались в миссию за лекарствами, везли детей для оспопрививания (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.). Сотрудники миссии снабжали население гомеопатическими средствами, лекарственными растениями, распространяли медицинские и санитарно-гигиенические знания (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

В 1920–1940-е гг. происходят заметные изменения, нивелировавшие иррациональные представления о болезни и смерти и способствовавшие распространению в последующие десятилетия практик здоровьесбережения. Реальностью аборигенных поселений Северного Алтая стали общественные и индивидуальные бани, больницы и фельдшерские пункты (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турочак). Получили распространение предметы личной гигиены. Например, у челканцев, кумандинцев и тубаларов появились ванночки (*тозьяк*) для купания детей, на которые переносились иррациональные запреты. Например, нельзя было класть в ванночку какие-либо вещи, иначе ребенок мог заболеть, воду после купания новорожденного выливали за ограду (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2). И все же рациональные знания постепенно вытесняли иррациональные традиции, чему способствовало расширение сети медицинских учреждений в регионе.

Как в прошлом, так и в настоящее время человек ориентирован на сохранение собственной жизни и здоровья. Если сейчас самосохранительное поведение включает в себя спорт, медицинскую диагностику и воздержание от вредных привычек конкретным человеком, то в рамках традиционного общества требовалось четкое соблюдение обычаев и обрядов, от чего зависело не только здоровье индивида, но и благополучие общины в целом. Ритуалы были наполнены в большей степени иррациональной составляющей, нивелирование которой началось с распространением санитарно-гигиенических знаний и укреплением доверия к медицинским работникам. Рационализация и модернизация жизненных стандартов автохтонного населения оборачивалась трансформацией демографического поведения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Бельгибаев Е.А. Традиционные религиозно-мифологические представления северных алтайцев об окружающем мире // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: Взаимодействие народов и культур. – Барнаул: АзБука, 2005. – С. 39–46.

Бутягин П.В. Арака – национальный напиток некоторых сибирских инородцев // Отд. оттиск из «Вестника гигиены». – 1905. – С. 1283–1291.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с.

Гельмерсен Г. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журн. – СПб., 1840. – Ч. 1, кн. 1/2. – С. 40–61, 238–261, 420–446.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – 319 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. – 199 с.

Славнин В.Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 132–146.

Хильден К. О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и материалах XX века (Алтаистические исследования). – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – С. 74–113.

References

Bel'gibaev E.A. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie predstavleniya severnykh altaitsev ob okruzhayushchem mire. In *Sibir', Tsentral'naya Aziya i Dal'nii Vostok: vzaimodeistvie narodov i kul'tur*. Barnaul: AzBuka, 2005, pp. 39–46 (in Russ.).

Butyagin P.V. Araka – natsional'nyi napitok nekotorykh sibirskikh inorodtsev. *Otd. ottisk iz "Vestnika gigieny"*, 1905, pp. 1283–1291 (in Russ.).

Gel'mersen G. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya. *Gornyi zhurnal*. St. Petersburg, 1840, pt. 1, vol. 1–2, pp. 40–61, 238–261, 420–446 (in Russ.).

Khil'den K. O shamanizme na Altae, v chastnosti sredi tatar-lebedintsev. In *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka (Altaisticheskie issledovaniya)*. Moscow: IEA RAS Publ., 2000, vol. 3, pp. 74–113 (in Russ.).

Potapov L.P. Altaiskii shamanizm. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1991, 319 p. (in Russ.).

Satlaev F.A. Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.). Gorno-Altaisk: Alt. kn. izd-vo, 1974, 199 p. (in Russ.).

Slavnin V.D. Pogrebal'nyi obryad kumandintsev. In *Obryady narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1990, pp. 132–146 (in Russ.).

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993, 268 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.431-434
УДК 391.7

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Новые сведения об образе медведя в культовой практике хантов

В мировоззрении хантов медведь – Консынг-ойка, что значит «когтистый старик» – занимает центральное место. Статья посвящена описанию фигуры семейного духа-покровителя, основой которой является литая бронзовая фигура медведя кулайского облика. Животное показано анфас: медведь стоит на задних лапах с поднятыми передними лапами. Многослойный антропоморфный семейный дух-покровитель получен в ходе экспедиционных работ Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН в 2018 г. в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа. Костюм семейного духа-покровителя формировался в три этапа: в начале XX в., в 1960-х и 1990-х гг., о чем свидетельствуют монетные вложения, фактура ткани изделий. Находка подтверждает вывод о почитании культа медведя у современных хантов как тотемного животного.

Ключевые слова: *дух-покровитель, культ медведя, тотем, кулайская культура, вложения, этнографическая экспедиция.*

I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: salnikovair52@gmail.com

New Data About the Bear Image in the Khanty Religious Practice

In the traditional Khanty world outlook, the bear – "Koncyng-oika", which means a clawed old person, is among the most important images. The article is devoted to the description of an image of a family guardian- spirit, the basis of which is a bronze cast of a bear likely of the Kulai culture. The animal is shown in the front view: the bear stands on its hind legs, with its forelegs raised up. This anthropomorphic multilayered image of a family guardian- spirit was found in the course of fieldworks of the Polar Ethnographic Party of IAET SB RAS in Shuryshkarsky region of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in 2018. The costume of the family guardian-spirit was formed in three stages: in the early 20th century, in the 1960s and the 1990s, which timing is supported by enclosed coins and the texture of the fabric. The found figurine confirms the conclusion that the modern Khanty people practice the bear cult and worship the bear as a totem animal.

Keywords: *guardian-spirit, the cult of a bear, totem, Kulai culture, enclosures, ethnographic party.*

Ежегодно фонды и экспозиции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН пополняются новыми уникальными этнографическими материалами. Этнографическая коллекция обских угров интенсивно формируется в результате работы Приполярного этнографического отряда под руководством А.В. Бауло.

Этот год не был исключением, привезено более десяти культовых предметов, включая фигуры идолов, шпагу для гадания. Среди них особого внимания заслуживает фигура духа-покровителя с вложением бронзовой фигурки медведя.

Цель статьи – представить описание и аналогии новому артефакту, который свидетельствует о наличии и почитании тотемного культа медведя у хантов. Предмет привезен из Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа.

Культовый предмет многослойный (размеры 58 × 66 × 11 см), сформирован из пятнадцати халатов (рис. 1). Все халаты, за исключением первого, сшиты на руках из трех кусков цветной набивной хлопчато-бумажной ткани по одинаковому фасону: распашные, цельнокройная спинка, две передние полочки, швы боковые, рукава втачные, к бортам пришиты от одной до трех пар завязок. У части халатов к горловине пришиты капюшоны треугольной формы, украшенные кисточками из полосок ткани.

Рис. 1. Фигура духа-покровителя из Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа.

Верхний халат сшит из ткани пике, белого цвета. Эту ткань отличает сложное переплетение, образующее геометрический узор (в нашем случае – клетку). Три пары завязок пришиты к бортам. Круглую горловину украшает капюшон, к которому прикреплены семь полосок ткани длиной 7 см. В нижнем углу правого борта завязана узелком монета достоинством 50 коп. 1997 г., подол и рукава аккуратно подшиты.

Второй халат аналогичного покроя, но без капюшона; намеренно не зашиты проймы, не подшиты рукава и подол; выполнен из ткани темно-синего цвета с цветочным орнаментом. На правой поле в районе груди пришит кармашек для монеты, но он пустой.

Следующий халат сшит из ткани красного цвета с белым растительным орнаментом. Он длиннее предыдущих; покрой аналогичен первому. Халат имеет капюшон; нагрудный кармашек пуст.

Четвертый халат такого же покроя; в нагрудный кармашек вложена монета достоинством 10 коп. 1961 г. Ткань зеленого цвета с цветочным рисунком.

Пятый халат синего цвета в белую клетку аналогичного покроя; отличается одной парой завязок, расположенных под горловиной. В нагрудном карманчике лежит монета – 3 коп. 1968 г. К спинке халата пришит пояс из той же ткани, на который привязан узелок из другой ткани (светло-голубой фон с белым орнаментом) с вложением – монетой 10 коп. 1961 г. и двумя фигурками, напоминающими птиц в полете, выполненными из металла методом вырубания. Размеры фигурок 1,8 × 1 см; 2 × 1,8 см.

Следующий халат сшит из красной ткани с белым рисунком. К спинке пришит пояс, на конце которого в узелке завязана монета – 10 коп. 1961 г.

Седьмой халат отличается от предыдущего отсутствием капюшона; сшит из ткани горчичного цвета с геометрическим рисунком; горловина украшена воротником-стойкой. Халат хорошей сохранности, без пятен.

Восьмой халат сшит из ткани голубого цвета с белым рисунком; он длиннее предыдущего; горловина со стойкой, к которой пришит треугольный капюшон с бахромой. В нагрудном кармане зашита монета – 10 коп. 1961 г.

Девятый халат сшит из ткани фиолетового цвета с рисунком. Он украшен стойкой и одной парой завязок.

Следующий халат – с капюшоном, бахрома которого сделана из той же ткани и из полосок ткани предыдущего халата (видимо, их шили одновременно). Халат выполнен из ткани красного цвета с белым продольным рисунком; в нагрудном кармане – монета 5 коп. 1961 г.

Халат надет на следующий халат, ветхой сохранности. Ткань грязно-коричневого цвета, рисунок «огурцы». Горловину украшает воротник-стойка (наполовину оторван); ткань выцвела; видны многочисленные пятна жертвенной крови. На левой полочке в верхней части сухожильной нитью привязана монета – 20 коп. 1929 г. Вероятно, именно этот халат был в какое-то время лицевой частью фигуры духа-покровителя. Внутрь халата вложены два неподшитых лоскута материи (*арсыны*). Один кусок – сукно серого цвета, размеры 40 × 52 см, второй – плотная хлопчато-бумажная ткань грязно-белого цвета, 32 × 62 см. Лоскуты отделяют еще одну серию халатов меньших размеров.

Лицевой халат с воротником-стойкой, застегнутым на металлическую круглую пуговицу (она сильно коррозирована), сшит из тонкой одноцветной ткани сложного переплетения оливкового цвета.

Ниже халат из однотонной светлой ткани; завязки отсутствуют, горловина сильно повреждена. Он надет на халат, сшитый из набивной ткани светлого цвета с цветочным рисунком; воротник-стойка, две пары завязок.

Еще ниже был халат из ткани в розовую полоску с цветочным орнаментом. К его спинке пришит пояс, на котором в узелке завязана монета – 2 коп. 1916 г. Этим же поясом закреплено вложение – сло-

женные в четыре раза денежные купюры: казначейский билет – 20 руб.; кредитный билет – 1 руб. 1898 г. (2 ед.); кредитный билет – 5 руб. 1909 г.; кредитный билет – 3 руб. 1905 г. Затем вложены свернутые углом семь лоскутов ткани, такой же как у последнего халата. В нем – обвязанный полоской той же ткани кусок позумента с серебряной нитью, в который завернуты литая бронзовая фигурка медведя и монета – 10 коп. 1910 г.

Остановимся подробнее на фигурке медведя. Изделие (размеры 4,0 × 2,6 х 0,6 см) сильно патинировано, но хорошо читается изображение медведя, стоящего анфас на задних лапах с поднятыми передними лапами (рис. 2, *1*). Фигура плоская, вытянутая по вертикали, на обороте в верхней трети (в области головы животного) имеется овальная петля (размеры 0,7 × 0,4 мм). Четко обозначена голова с выпуклым носом и круглыми глазами. Отливка нечеткая, верхний край изделия уплощен в одну полуовальную линию, уши животного едва заметны. Очевидно, что отливка сделана вторично по образцу. Ближайший аналог предмета – фигура медведя, стоящего на задних лапах, из кулайского культового места (VI в. до н.э. – IV–V вв. н.э.), хранящаяся в Томском областном краеведческом музее (№ 2281/57) (рис. 2, *2*). Музейный предмет крупнее (6,3 × 4,2 × 1,4 см), само изображение рельефнее, кроме того лицевая часть изделия декорирована двумя рельефными полосками.

Образ медведя является одним из самых значимых и распространенных в бронзовой художественной пластике. По мнению Т.Н. Троицкой, этот феномен связан с «проявлением культа медведя» у населения Урала и Западной Сибири [2000, с. 43].

Н.В. Федорова разработала типологическую классификацию иконографии образа медведя для территории Западной Сибири. Она относит данный образ к четвертому иконографическому типу, первому варианту и считает, что данный сюжет существовал в эпоху раннего железа [2000, с. 38, 41].

По классификации Л.В. Панкратовой, образ медведя, стоящего на задних лапах, – третий иконографический тип [2015, с. 247]. Кроме того, она отмечает синкретичность сюжета, сочетание антропо-зооморфных признаков «человека-медведя» [Там же, с. 250].

При этом исследователи одинаково датируют данный иконографический сюжет саровским этапом кулайской культуры, имеющей широкий географический диапазон, включающий не только

Рис. 2. Бронзовая фигура медведя – основа культового предмета из Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа (*1*) и фигура медведя из кулайского культового места (из фондов Томского областного краеведческого музея) (*2*).

Томско-Нарымское, но и Сургутское Приобье. В настоящее время предложен новый термин – «кулайская культурно-историческая общность». Согласно новым представлениям, локальные варианты кулайской культуры-общности сформировались на местной основе либо в результате миграций таежного кулайского населения Среднего Приобья на сопредельные территории Западной Сибири. В Среднем Приобье население являлось предками современных угорских народов [Агаркова, Борзунов, Труфанов, 2016, с. 111].

Можно предположить, что изображение медведя, вложенное в фигуру семейного духа-покровителя, отлито по кулайским образцам, но в более поздний период, о чем свидетельствуют меньшие размеры изделия по сравнению с оригиналом, отсутствие рельефности отдельных черт и орнамента, литейный брак на верхней кромке головы фигурки. Кроме того, на обороте имеется петля, что свидетельствует о том, что изделие могло использоваться как ритуальная подвеска либо составлять часть поясной гарнитуры.

Включение археологического изделия в культовый предмет – явление распространенное в обрядовой практике хантов [Бауло, 2002]. Медведь является тотемным животным у хантов, и археологический предмет в виде фигуры медведя соответствует их мифологическим представлениям, поэтому и стал центральной частью духа-покровителя. Эти сведения подтверждают рассказ информатора. Полина Степановна Лонгортова – хантыйка, тотем их рода – медведь, «потому что сильный род». По ее словам, ее дед Степан Павлович Пырысев был из «сильного рода», поэтому и стал первым председателем колхоза в Ямгорте в 30-х гг. XX в. Свой рассказ она подтвердила газетной статьей 1934 г., содержащей информацию о первом оленеводческом колхозе.

Таким образом, наша находка подтверждает вывод о почитании медведя как тотемного животного у современных хантов.

Анализ костюма семейного духа-покровителя дает основание определить время его формирования. Первый этап – начало прошлого века, на что указывает монета 1910 г., завернутая вместе с фигурой медведя. На эту основу и было надето три халата. О том, что некоторые халаты были лицевыми, свидетельствуют обильные пятна жертвенной крови. Затем следуют еще два лоскута и один халат. Эти халаты отличаются и по покрою (горловина украшена воротниками-стойками, капюшоны отсутствуют), их размеры меньше последующих.

Второй этап – 60-е гг. XX в., представленный девятью халатами с нагрудными карманами, в которых зашиты или вложены монеты 60-х гг. XX в. Интерес представляет халат с привязанным узелком из другой ткани, куда вложены две фигурки птиц и монета 1961 г. По наблюдениям А.В. Бауло, существовала практика замещения, когда «семейным духам-покровителям манси и ханты подносили вместо животных их фигурки» [2018].

Последний халат (лицевой) сшит и надет в 90-е гг. XX в. Он меньше по размеру, без нагрудного кармана, и единственный с подшитыми краями подола и рукавов.

Таким образом, семейный идол-покровитель просуществовал ок. 100 лет, что дает основание отметить долговременную и устойчивую традицию почитания древнего родового тотема.

Список литературы

Агаркова А.Б., Борзунов В.А., Труфанов А.Я. Клад кулайской культуры на Барсовой горе: каталог. – Екатеринбург; Сургут: Изд. группа «Караван», 2016. – 127 с.

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 91 с.

Бауло А.В. Традиция замещения жертвы у обских угров в XX – начале XXI века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 122–128.

Панкратова Л.В. О возможных истоках иконографии образа медведя в кулайской металлопластике // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 9 (162). – С. 247–254.

Троицкая Т.Н. Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 43–47.

Федорова Н.В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 38–42.

References

Agarkova A.B., Borzunov V.A., Trufanov A.Ya. Klad kulajskoj kul'tury na Barsovoj gore: katalog. Yekaterinburg; Surgut: Karavan, 2016, 127 p. (in Russ.).

Baulo A.V. Kul'tovaja atributika berezovskih hantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 91 p. (in Russ.).

Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21s Century. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 122–128.

Fedorova N.V. Ikonografija medvedja v bronzovoj plastike Zapadnoj Sibiri. In *Medved' v drevnih i sovremennyh kul'turah Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 38–42 (in Russ.).

Pankratova L.V. O vozmozhnyh istokah ikonografii obraza medvedja v kulajskoj metalloplastike. *Vestnik Tomsk State Ped. Univ*., 2015, vol. 9 (162), pp. 247–254 (in Russ.).

Troickaya T.N. Kul't medvedja v Verhnem i Srednem Priob'e. In *Medved' v drevnih i vsovremennyh kul'turah Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 43–47 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.435-438
УДК 316.733

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: khakassie@yahoo.com

Праздник День пастуха в контексте советской этнонациональной политики

В статье на основе анализа архивных источников, региональной прессы на примере Дня пастуха показано становление советской праздничной культуры второй половины XX в. Феномен данного праздника проанализирован в рамках дискурса интернационализма, изменения подхода к народной, этнической культуре в советской этнонациональной политике. Модернизация праздников на Алтае стала частью общей политики по созданию праздничной обрядности, свободной от веры, политизированной по форме и идеологизированной по содержанию. Отрицая «темное» прошлое и делая акцент на «светлом» будущем, коммунистическая идеология постулировала сочетание общесоветских и прогрессивных этнических традиций. Через праздник в сознание казахов, алтайцев и теленгитов внедрялась идеология интернационализма, транслировался концепт «дружба народов», происходила интеграция этих народов в социокультурное и политическое пространство Советского государства.

Ключевые слова: *советская этнонациональная политика, праздничная культура, наследие, интернационализм, народная культура, казахи, алтайцы, теленгиты.*

E.V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: khakassie@yahoo.com

Shepherd's Day in the Context of Soviet Ethnonational Policies

The paper describes the transformation of festive culture of Turkic population in Altai based on the analysis of archival documents and regional press. Through the example of Shepherd's day the author will show the establishment of Soviet festive culture in the second half of 20th century in the frame of internationalism, and the shift in approaches to the traditional ethnic culture in Soviet ethnonational policies. Modernization of festivities in the Altai region has become a part of the overall policy of the festive rites formation, the policy which is free of religion, politically charged by form and ideologically charged by content. By denying the "dark" past and emphasizing the "bright" future, the communist ideology postulated a combination of overall Soviet and progressive ethnic traditions. This holiday introduced the ideology of internationalism into the consciousness of ethnic groups, integrated them into sociocultural and political space of the Soviet state, and transmitted the concept of "international friendship".

Keywords*: Soviet ethnonational policies, festive culture, heritage, internationalism, folk culture, Kazakhs, Altaian, Telengits.*

Модернизация праздников в Горном Алтае стала частью общей политики по созданию праздничной обрядности, свободной от веры, политизированной по форме и идеологизированной по содержанию. Праздник, как часть национальной культуры, стал одним из способов трансляции советской этнонациональной политики в среде этнических меньшинств. В данной статье к рассмотрению праздника применен дискурс-анализ. Это позволяет проанализировать его как динамическое явление в контексте этнонациональной политики советского государства. В методическом плане важными для данного исследования является монография К. Жигульского [1985], в которой в рамках социологического подхода праздник рассматривается как форма обновления и подтверждения ценностей коллективной жизни, отмечается трансформация социо-культурной роли праздника, а также связь практик с политическими событиями; монография С.Ю. Малышевой [2005], посвященная формирова-

нию советских праздничных практик Поволжского региона, в которой праздничная культура представлена как важная часть конструирования реальности и процессов ресоциализации жителей российской провинции; статья Ю.А. Эмер [2011], в которой праздничный дискурс рассматривается как коммуникативно-познавательная система; книга М. Рольфа [2009], где массовые советские праздники анализируются как средство господства большевиков, часть имперской стратегии советской культурной политики.

В 1920–1930-е гг. в СССР сложился «Красный календарь». Массовые праздники активно пропагандировали коммунистические идеалы, демонстрировали устремленность советского народа к социальному прогрессу. Новый этап в развитии советской праздничной культуры наступил в 1950–1960-е гг., когда к уже устоявшимся моделям празднования основных событий были добавлены новые праздники и обряды. К таким торжествам относят чествования представителей различных профессий, людей труда.

В Горном Алтае примером такого мероприятия являлся День пастуха. Впервые он был проведен в колхозах Шабалинского и Улаганского аймаков в 1951, 1952 гг. Данное событие должно было послужить восстановлению престижа труда его коренных жителей. Праздник животноводов, как подчеркивала официальная пропаганда, «возник на базе социалистических производственных отношений, в условиях всеобщего подъема экономики колхозов и материального благосостояния колхозов, повышения их культуры. Он порожден самой жизнью, специфическими особенностями труда и быта животноводов» [Пахаев, 1964].

По мысли организаторов праздника, День пастуха представлял из себя форму культурно-просветительской работы. Тяжелые природные и климатические условия, отдаленное положение от районных центров и дисперсное проживание определили новую для советских районных администраторов форму работы. Один раз в месяц, в намеченный заранее день, на центральной усадьбе колхоза съезжались с дальних стоянок пастухи. Подобное мероприятие имело четко выраженную коммуникативную и дидактическую направленность. Именно благодаря систематическим встречам чабаны из отдаленных районов чувствовали свою причастность к жизни Советского Союза, получали информацию о жизни в стране, а также были интегрированы в систему советских ценностей, прослушивая лекции на общественно-политические и просветительские темы, смотря популярные фильмы, обмениваясь опытом в области ведения хозяйства. (КУ РА «ГАСПД РА». Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 56. Л. 35). В ходе подобных мероприятий работники учреждений культуры по заданиям Домов народного творчества проводили запись произведений фольклора, организовывали выявление мастеров и сбор интересных образцов прикладного искусства (КУ РА «ГАСПД РА». Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 56. Л. 40).

Важно отметить, что организацией Дней пастуха, в отличие от массовых государственных праздников типа годовщины Октябрьской социалистической революции, занимались исключительно региональные власти на уровне районов. Они же и составляли программу, формулировали основные положения отчетов для областных и центральных структур и дальше в центр. Подготовительная работа велась правлениями колхозов и культпросвет передвижками, которые совершали ежемесячные маршрутные поездки по стоянкам того или иного колхоза. В ходе передвижений агитаторы проводили просветительскую работу, разучивали с чабанами новые образцы советского фольклора для презентации этих произведений на центральном межрайонном празднике (КУ РА «ГАСПД РА». Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 50. Л. 70).

В дальнейшем широкое распространение данное мероприятие получило в высокогорных Улаганском и Кош-Агачском районах, где проживали теленгиты, алтай-кижи и казахи, традиционную культуру которых определяло кочевое (отгонное) скотоводство. В 1950-е гг. сложилась достаточно устойчивая программа праздника, которая не менялась вплоть до 1980-х гг.

Праздничные мероприятия тщательно готовились. Задолго до праздника составлялся сценарий; переводились на алтайский и казахский языки основные тексты. Дни пастуха проводились на местном и районном уровнях. Митинги, плавно переходящие в смотры художественной самодеятельности, рассматривались как метод обеспечения трудового подъема и гражданского единения.

Концерт художественной самодеятельности проходил на трех языках: алтайском, казахском и русском. Первую часть концерта, как правило, составляли советские песни, далее шло исполнение традиционных народных песен. Образцы фольклора часто дополнялись исполнением новых песен о советском строе. Примером такого творчества может служить текст песни о знаменитом колхозе-тысячнике «Мухор-Тархата», работники которого стали участниками всесоюзной выставки. (КУ РА «ГАСПД РА». Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 56. Л. 36–37).

Отдельное внимание уделялось советской этнонациональной политике. Обязательной частью праздничных мероприятий были выставки декора-

тивно-прикладного искусства, где жители отдаленных районов демонстрировали образцы народного творчества. Представляя предметы, выполненные в традиционной технике, животноводы показывали, что благодаря советской власти у них есть возможность к созидательному труду, к проявлению своего креативного потенциала через народное творчество (Комитет по делам ЗАГС и архивов Республики Алтай. Ф. 1. Оп. 29. Д. 402. Л. 14).

Помимо выставок декоративно-прикладного искусства, проводились различные спортивные состязания. Наряду с состязаниями по волейболу, бегу, организаторами предусматривались конные скачки, борьба куреш, так называемая теленгитская борьба, показ элементов беркутинной охоты. Именно эта часть, согласно отчетам, пользовалась наибольшей популярностью у съехавшихся на праздник животноводов (КУ РА «ГАСПД РА». Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 56. Л. 46).

Анализируя дискурс, сложившийся вокруг празднования Дня пастуха в 1950–1960-е гг., можно выделить следующие идеологемы, сопровождающие данное мероприятие.

Во-первых, это описание в газетных публикациях и отчетах счастливой жизни колхозников-скотоводов в настоящем, несмотря на суровые климатические условия.

Во-вторых, в текстах можно обнаружить идею о созидательном характере «народной культуры» в советский период. Декоративно-прикладное искусство рассматривается как элемент подлинного творчества трудящихся масс, освобожденных советской властью. При этом, как правило, рассматривается производство элементов материальной культуры.

В-третьих, это представление о преобразующей деятельности, в т.ч. в области фольклора и истории. Главным становится не изучение, интерпретация фактов, а конструирование новой реальности, в т.ч. и образов прошлого. К важным мероприятиям в газете «Красная Ойротия» неоднократно печатаются рассказы простых алтайцев из различных районов. Содержание этих текстов практически идентично. Начинаются повествования с описания тяжелой жизни, полной лишений, дедов и отцов, самого героя до революции, затем – переход к счастливой жизни под руководством советской власти, полной трудовых свершений, с надеждой на светлое будущее в братской семье народов. Заканчиваются письма демонстрацией готовности защищать сложившийся строй от внутренних и внешних врагов. Пример подобной биографии – «Рассказ старого Улака», опубликованный в рубрике «Творцы золотого руна» [Кандидаты…, 1954].

В-четвертых, образы прошлого тюркоязычного населения Горного Алтая, описываемые как период его вымирания и упадка народной культуры, колониального гнета, время патриархального уклада жизни, распространения суеверий и отсутствие всеобщей грамотности.

В-пятых, мотив дружбы народов и роль русского народа в прогрессивном развитии местного населения; идея о сложившейся в регионе интернациональной колхозной семье. Согласно текстам, практическое осуществление советской национальной политики среди коренного тюркоязычного населения дало блестящие результаты. За годы советской власти в условиях автономии автохтонное население совершило скачок, беспримерный в его истории, который приблизил его к передовым народам советской страны. За это короткое время в горах Алтая возникла высокая культура, уровень которой неизмеримо превосходит все то, что было достигнуто здесь в течение нескольких тысячелетий [Пропаганда…, 1956].

Таким образом, через праздничный дискурс, в т.ч. День пастуха, происходила трансляция ценностей советского государства в отдаленные районы Горного Алтая. Связанный со структурой традиционного календарного цикла, данный праздник органично вписался в модернизированный праздничный календарь советского государства, выполняя функцию идентификации коренного тюркоязычного населения региона.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 17-01-00421.

Список литературы

Жигульский К. Праздник и культура. (Праздники старые и новые: размышления социолога). – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.

Кандидаты на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку // Звезда Алтая. – 1954. – № 137. – С. 3.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: Пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). – Казань: Рутен, 2005. – 400 с.

Пахаев С. День пастуха – праздник животноводов // Звезда Алтая. – 1964. – № 132. – С. 2.

Пропаганда идей дружбы народов – важнейшая задача партийных организаций // Звезда Алтая. – 1956. – № 101. – С. 1.

Рольф М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 439 с.

Эмер Ю.А. Праздничный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 4 (16). – С. 53–68.

References

Emer Yu.A. Prazdnichnyi diskurs: kognitivno-diskursivnoe issledovanie. *Vestnik Tomsk State Univ.*, 2011, No. 4 (16), pp. 53–68 (in Russ.).

Kandidaty na Vsesoyuznuyu sel'skokhozyaystvennuyu vystavku. *Zvezda Altaya*, 1954, No. 137, p. 3 (in Russ.).

Malysheva S.Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: Prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917–1927). Kazan: Ruten, 2005, 400 p. (in Russ.).

Pakhaev S. Den' pastukha – prazdnik zhivotnovodov. *Zvezda Altaya*, 1964, No. 132, p. 2 (in Russ.).

Propaganda idey druzhby narodov – vazhneyshaya zadacha partiynukh organizatsiy. *Zvezda Altaya*, 1956, No. 101, p. 1 (in Russ.).

Rol'f M. Sovetskie massovye prazdniki. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2009, 439 p. (in Russ.).

Zhigul'skii K. Prazdnik i kul'tura. (Prazdniki starye i novye: razmyshleniya sotsiologa). Moscow: Progress, 1985, 336 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.439-442
УДК 316.723

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: seleznev@myttk.ru

Экологические поселения: варианты освоения локального пространства и принципы классификации

На основе опыта полевого этнографического исследования экопоселений Омской обл. предложены два варианта их классификации. Различие между этими вариантами обусловлено критериями, положенными в их основу. В первом варианте в качестве критерия выбраны идейно-религиозные мотивы формирования новых экопоселений. Во втором случае классификация базируется на степени ассоциации с другими поселениями или иными формами жизнедеятельности людей. Полученные результаты рассматриваются как модель или принцип образования любых новых поселений. Обсуждается возможность приложения данных результатов к археолого-этнографическим исследованиям.

Ключевые слова: *экопоселения, критерии классификации, Омская обл., новые религиозные движения, археолого-этнографические исследования.*

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: seleznev@myttk.ru

Ecovillages: Options for the Development of Local Space and Classification Principles

Based on the experience of the field ethnographic study ecovillages in the Omsk region, two variants of their classification are proposed. The difference between these variants is due to the criteria underlying them. In the first variant, ideological and religious motives of the new ecovillages formation serve as the criterion. In the second case, the classification is based on the level of association with other settlements, or other forms of human activity. The obtained results are considered as a model or principle of formation of any new settlement. The possibility of applying these results to archaeological and ethnographic studies is discussed.

Keywords: *Eco-villages, classification criteria, Omsk region, new religious movements, archaeological and ethnographic studies.*

Начиная с 2015 г. автор настоящего сообщения совместно с коллегами выполняет полевое этнографическое исследование в экологических поселениях Омской обл. Работы проводились в экопоселениях в урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на, Азъ Градъ Омского р-на, «Северная столица» (Сосновка) Азовского р-на, в экологической общине в д. Тимшиняково Тарского р-на, в поселениях родовых поместий Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на, Колобово (Малинкино) Муромцевского р-на, Березовка (Обережное) Горьковского р-на. Полученные результаты отражены в специальных публикациях [Селезнев, 2015; Селезнев, Селезнева, 2017; Селезнев, Селезнева, Гутыра, 2017]. Экспедиция была направлена на изучение необычного для отечественной этнографической науки социокультурного объекта. Исследуемые группы состояли из горожан, по тем или иным причинам и под воздействием тех или иных идеологических установок, порвавших с городом, уехавших (сбежавших) из него и сформировавших вдали от него, зачастую просто в лесу, общины-поселения, реализующие свой идеал гармоничных отношений с природой.

Работа с таким специфичным культурным феноменом потребовала выработки особых методических приемов, а также обращения к смежным дисциплинам. Помимо прочего, перед нами встала проблема выработки принципов построения классификации современных экологических движений и, в частности, созданных на их основе экопоселений, сформировавшихся на территории Омской обл. Ставя такую задачу, мы исходили из того, что классификация является фундаментальной процедурой научного исследования.

Тематика новых экологических движений, в т.ч., более узко – экопоселений – весьма широко представлена в зарубежной и отечественной литературе, что свидетельствует о ее актуальности и научной значимости. В рамках отечественной социологической науки сложились целые исследовательские коллективы, в определенной степени конкурирующие в вопросах изучения экодвижений и экопоселений. Здесь следует упомянуть группы ЦИРКОН (И.В. Задорин, Л.В. Шубина и др.), ЦНСИ (М.М. Соколов, М.С. Тысячнюк, И.П. и А.А. Кулясовы и др.), М.В. Рыбакову (МГУ) и ее учеников и др. Своя специфика обнаруживается и в этнографическом (антропологическом) подходе к изучению современных экологических движений и экопоселений, представленном работами Ю.О. Андреевой, А.А. Ожигановой, Г.В. Любимовой и ее коллег, А.Е. Тюхтяева и др. [Селезнев, Селезнева, 2018].

В ряде работ авторы обращались к проблеме классификации экопоселений. Как известно, наиболее важным моментом является выработка критерия, на основе которого создается классификация. В зависимости от критерия, объекты могут составлять те или иные конфигурации классов.

Соответственно, разные варианты классификаций экопоселений построены на основе различных критериев и принципов. Смешанные (эклектичные) основания с упором на функциональность положены в основу классификации, состоящей из таких объектов, как экогорода, деревенские экопоселения, пермакультурные места, проекты городского возрождения, образовательные центры. На базе критерия динамики развития поселений строится классификация, подразделяющая объекты на экопоселения, протопоселения, собственно поселения и мегапоселения. На принципе «внутренней идеологии» или исполняемой миссии основана классификация, включающая в себя традиционные экопоселения (экологическая миссия), поселения, состоящие из родовых поместий (это, прежде всего, поселения, созданные сторонниками нового религиозного движения (НРД) анастасиевцев), социальные поселения (миссия социальной помощи), религиозные поселения [Аналитический обзор…, 2012, с. 27–31, 40–41; Шубин, 1998].

В ходе реализации проекта полевых исследований, мы, еще не будучи знакомы с имеющимися в литературе вариантами, в основу классификации заложили идеологический (идейный) принцип. При этом идеологические концепты обычно выступают в религиозной оболочке, чаще всего, в форме того или иного НРД. Соответственно, на данный момент основная часть экопоселений Омской обл. подразделяются на две группы: 1) поселения, основанные на представлениях об изобретаемой «древнеславянской» религии и экологической этике; они включают в себя весьма специфические варианты, вроде поселений, воплощающих идеалы т.н. Церкви православных староверов-инглингов, возглавляемой известным о. Патером Дием (Александром Хиневичем); 2) анастасиевские поселения, в основу которых положена идеология широко распространенного в России НРД «Звенящие кедры России», или «Анастасия». К первой группе относятся экопоселение на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на, поселение Азъ Градъ Омского р-на, экологическая община в д. Тимшиняково Тарского р-на. Идеи НРД «Звенящие кедры России» положены в основу поселений Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на, Колобово (Малинкино) Муромцевского р-на, Березовка (Обережное) Горьковского р-на, составляющих вторую группу поселений.

Разумеется, все многообразие идеологических установок, на основе которых строятся экопоселения, не ограничивается двумя приведенными выше вариантами. Так, в ходе экспедиционных работ 2018 г. нам довелось посетить активно строящееся экопоселение «Северная столица» рядом населенным пунктом Сосновка Азовского р-на Омской обл. По данным интервью, записанного в этом поселении, идеология поселенцев базируется на учении вайшнавизма, кришнаизма. Таким образом, в данном случае имеет место третья группа поселений, в основу которых положена неоиндуистская идеология. Кроме того, в публикациях приводятся данные об экопоселении в Восточном Казахстане, объединяющем все религии, где шаманизму отведено ведущее место [Харитонова, 2016, с. 117]; экологической коммуне анархистов в Ленинградской обл.; планируемом поселении феминисток; экопоселке программистов и IT-специалистов и т.п. [Орбелиани, 2018].

Еще один критерий, который может быть положен в основу классификации, заключается в степени ассоциированности экопоселений с обычными поселениями или другими формами жизнедеятель-

ности людей. Данный критерий важен с точки зрения уровня радикализма экологических движений в плане отрыва, бегства от старой среды обитания. По мере нарастания этого признака выделяются: 1) новая экологическая община в рамках давно существующего обычного поселения (деревни); 2) экопоселение, создающееся рядом с действующим обычным поселением (деревней); 3) экопоселение, строящееся на месте брошенного, покинутого жителями поселения (в этом случае, кроме прочих, выступает миссия возрождения этой умершей деревни); 4) наиболее «радикальный» вариант, когда экопоселение возникает вдали от каких-либо населенных пунктов, порой прямо посреди леса или в иной природной зоне. Все эти варианты экологических общин и экопоселений представлены на территории Омской обл. и распределяются следующим образом. К первой группе (экологическая община в пределах давно функционирующего поселения) относится община в Тимшиняково. Ко второй группе (комплекс экопоселение-деревня) относятся Березовка, Имбирень и «Северная столица». Примерами третьей группы (экопоселения на месте оставленной деревни) являются Юрт-Бергамак и Малинкино-Колобово. Наконец, Азъ Градъ – пример поселения четвертой группы, возведенного в отрыве от каких-либо населенных пунктов.

В связи с полученными результатами, следует напомнить, что поселения являются важнейшим и универсальным объектом изучения как этнографии, так и археологии. Проблема возникновения, генезиса поселений является фундаментальной для обеих дисциплин, равно как и для междисциплинарных археолого-этнографических сопоставлений. Полагаем, что эти результаты могут быть, в определенной степени, полезными для решения данных проблем. В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что варианты, по которым происходило образование экопоселений, представляют собой универсальный принцип формирования новых поселений вообще. Причем данное положение, по-видимому, релевантно как в отношении критерия ассоциированности с уже существующими формами жизнедеятельности, так и в отношении идеологической мотивации формирования новых форм поселений. Иными словами, возникновение нового поселения – это, видимо, всегда следствие и результат определенного идейного кризиса, разрыва с привычной социальной средой, выхода из нее. Эти процессы для отдаленных эпох зачастую трудноуловимы, но стратегия междисциплинарного синтеза открывает возможности преодоления возникающих трудностей.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-01-00423.

Список литературы

Аналитический обзор экологических поселений России (версия 14-06-12). – М.: ЦИРКОН, 2012. – 54 с.

Орбелиани И. Строители коммунализма. Как в России устроен дауншифтинг // Известия. – 2018. – 20 июня.

Селезнев А.Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 553–557.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. «Жить по совести и в ладу с природой»: новые экологические поселения в современном социокультурном пространстве (Западная Сибирь, Омская область) // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2017. – № 4 (16). – С. 264–274.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Этнография vs социология: два подхода к изучению современных экологических движений в России // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – С. 463–467.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Гутыра В.И. Горожане вне города: полевое этнографическое исследование новых экопоселений на территории Омской области // Вестник РФФИ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3/88. – С. 150–160.

Харитонова В.И. «А у нас все шаманы – православные...»: современный (нео)шаманизм и проблема культурной идентичности // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 1. – С.105–133.

Шубин А.В. Альтернативная община – экзотика или дорога в будущее? // Русский журнал. – 1998. – URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-07-29/shubin.htm

References

Analiticheskii obzor ekologicheskikh poselenii Rossii (versiya 14-06-12). Moscow: TsIRKON, 2012, 54 p. (in Russ.).

Kharitonova V.I. “A u nas vse shamany – pravoslavnye…”: sovremennyi (neo)shamanizm i problema kul’turnoi identichnosti. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, No. 1, pp.105–133 (in Russ.).

Orbeliani I. Stroiteli kommunalizma. Kak v Rossii ustroen daunshifting. *Izvestiya*, 2018, 20 iyunya (in Russ.).

Seleznev A.G. Gorozhane vne goroda: etnograficheskoe izuchenie novykh ekoposelenii na territorii Omskoi oblasti (po materialam ekspeditsii 2015 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2015, vol. 21, pp. 553–557 (in Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. "Zhit' po sovesti i v ladu s prirodoi": novye ekologicheskie poseleniya v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve (Zapadnaya Sibir', Omskaya oblast'). *Vestnik Omsk State Univ. Ser.: Istoricheskie nauki*, 2017, No. 4 (16), pp. 264–274 (in Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Etnografiya vs sotsiologiya: dva podkhoda k izucheniyu sovremennykh ekologicheskikh dvizhenii v Rossii. In *Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiiskoi Federatsii*. Kazan': Sh. Mardzhani Hist. Institute, 2018, pp. 463–467 (in Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Gutyra V.I. Gorozhane vne goroda: polevoe etnograficheskoe issledovanie novykh ekoposelenii na territorii Omskoi oblasti. *Vestnik RFFI. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, No. 3/88, pp. 150–160 (in Russ.).

Shubin A.V. Al'ternativnaya obshchina – ekzotika ili doroga v budushchee? *Russkii zhurnal*, 1998. URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-07-29/shubin.htm (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.443-445
УДК 392.81(=521.145)

М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Email: marinat24@mail.ru

Отражение традиционных пищевых предпочтений татар Тарского Прииртышья в мясных блюдах

В статье на основе новых полевых материалов рассматривается значение мясной пищи в питании татар Большереченского и Седельниковского р-нов Омской обл. на современном этапе. В работе описываются блюда из субпродуктов и мяса, которые являются этнокультурными признаками для системы питания татар данной территории. В ходе экспедиции 2018 г. нам также удалось выявить локальные элементы в мясной пище, связанные с потомками волго-уральских татар. Сделаны выводы об устойчивости традиции готовки изделий из субпродуктов, из мяса – колбасы и сложносоставных блюд. Консервация субпродуктов и мяса осуществляется традиционными способами – солением и вялением, а для их сохранности применяются новые технические средства.

Ключевые слова: *пища, мясо, локальные традиции, современность, устойчивость, Омская обл.*

M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Email: marinat24@mail.ru

Traditional Food Preferences in Meat Dishes among the Tatars in the Irtysh-Tara Interfluve

Based on the recent field materials, the author describes meet food significance in the diet of the Tatar population of the Bolsherechensky and Sedelnikovsky Districts of the Omsk Region. The work describes the dishes of meat by-products and meat that can be regarded as ethnocultural characteristics of the Tatar diet in this region. During the expedition of 2018, we also managed to identify local traits in meat food associated with the descendants of the Volga-Ural Tatars. The author concludes on the sustainability of the tradition of cooking meals from meat by-product and meat sausages and complex dishes. Preservation of by-products and meat is carried out by traditional methods – salting and dry-curing, and new technical means are also used.

Keywords: *food, meat, local traditions, modernity, sustainability, Omsk region.*

Летом 2018 года автор данной статьи проводила полевые сборы по системе питания среди татар, проживающих в Большереченском р-не в поселениях Уленкулевского куста (с. Уленкуль, деревни Каракуль, Тус-Казань, Черналы) и д. Юрто-Уйск Седельниковского р-на Омской обл.

Одной из целей изучения были сборы фактов об этноидентификационных возможностях системы питания на современном этапе, и, как следствие, о сохранении этнокультурных признаков, сформировавшихся раннее.

Отметим, что ранее, в 2000 г., автор собирала полевые материалы в поселениях Уленкулевского куста [Тихомирова, 2006, 2014]. Новые материалы позволили нам выделить специфические блюда, характерные для данных поселений, рассмотреть материалы в динамике.

Обследованные населенные пункты находятся на территории историко-культурного района Тарское Прииртышье, где определяющим для культуры современных татар является этническое смешение потомков коренных сибирских татар (тарской группы) и выходцев из Средней Азии, – т.н. сибирских бухарцев. В конце XIX – начале XX в. данное население было известно развитым животноводством (коневодством, скотоводством мясо-молочных пород) [Андронников, 1911, с. 384–385]. По нашим наблюдениям в Уленкулевском кусте до настоящего

времени сохраняется традиция содержания довольно большого количества крупного и мелкого скота. В то же время в обследованных населенных пунктах наблюдается общая тенденция для всех татар Западной Сибири – сокращение занятия животноводством в личном подсобном хозяйстве. В особенности, это заметно в д. Юрто-Уйск Седельниковского р-на Омской обл. Не вдаваясь в подробности причин происходящих процессов, отметим, что они связаны с различными фактами, например, с одной стороны, с повышением уровня жизни по сравнению с 1990-ми – началом 2000-х гг., с другой, с невыгодностью производства излишков продуктов питания для продажи.

В целом, для системы питания татар Западной Сибири важнейшим последствием процессов, происходящих с личным подсобным хозяйством, стало снижение производства молочных продуктов вследствие сокращения поголовья коров, возрастание доли покупных молочных продуктов и уменьшения изготовлениея традиционной молочной продукции. К счастью, эта тенденция в меньшей степени наблюдается в мясной пище. Даже если мясо покупается, оно приобретается не в магазинах, а у частных лиц, по возможности, у единоверцев, чтобы скотина была забита по правилам шариата.

В обследованных населенных пунктах мы зафиксировали весьма неплохую сохранность традиций приготовления старинных мясных блюд способом консервации. Правда, в данных поселениях произошла утрата обычаев по одариванию забойщика скотины определенными кусками туши (частями шеи – *послау/пуаслау* и хвоста, одним ребром – *етым кобырга*). Зато сохраняется традиция вечерних угощений – *ит ошлау* мясной пищей после забоя.

У татар практически всех перечисленных поселений, за исключением потомков волго-уральских татар из д. Тус-Казань, мы видим сохранение использования в пищу кишок и приготовление из них специального блюда *шәшләу*. Отметим, что в большинстве мест проживания татар Западной Сибири, где ранее кишки использовались вместе с другими субпродуктами для начинок, но при этом специального изделия из них не готовилось, в настоящее время их уже не используют в пищу из-за сложной обработки.

Татары обследованных населенных пунктов среднюю кишку – *қыйма* крупного рогатого скота хорошо вычищали. Весной она, вместе с излишками мяса, солилась, затем сушилась. Правда, в настоящее время кишки чаще не высушиваются, а солеными могут хранится в холодильнике. Подготовленные кишки брались с собой летом в поля, на летние пастбища. Там их готовили, нанизывая на палочку, поджаривая на костре. Как видно из описания, оно похоже на шашлык. Готовое блюдо называлось соответственно – *шәшләу*. Его название происходит от заостренной палочки – *шеш/шиш*, на которую нанизывали кишку [Валеев,1980, с. 124].

Настоящее время внесло свои новшества. *Шәшләу* могут готовить не только в поле на сельскохозяйственных работах, но и во время весенне-летних праздничных выездов на природу или отдыха во дворе в качестве закуски под пиво.

Еще одним традиционным изделием, которое в обследованных поселениях готовится с использованием кишки – это сыровяленая колбаса *казы*. Конская колбаса употреблялась в летний период; нередко ее брали с собой на сенокос, она была гостевым и повседневным блюдом.

Важно отметить, что эти поселения относятся к зоне, где была распространена колбаса, приготовляемая из смешанного мяса (говядина или баранина с гусятиной), о чем мы писали ранее [Тихомирова, 2006, с. 43]. Но в 2018 г. автор наблюдала колбасу только из конины, что, по словам информаторов, связано с улучшением экономического положения. Еще один любопытный момент: в д. Юрто-Уйск в фарш добавлялась измельченная душица (орегано), которая придавала определенный вкус колбасе. Использование душицы в различных блюдах является характерной чертой для поселений Тарского Прииртышья, где проживают потомки бухарцев.

У жителей перечисленных поселений, за исключением потомков волго-уральских татар из Тус-Казани, сохраняется еще одно традиционное блюдо на основе колбасы или сушеного мяса – это *кәйгенә*. Мясо или колбаса варятся, потом в бульон добавляется взбитое яйцо. Блюдо похоже на яичницу, но с бульоном. В некоторых семьях сейчас в это блюдо добавляют картофель и зелень (лук, укроп).

У потомков волго-уральских татар из д. Тус-Казань вместо *шәшләу* и *кәйгенә* было свое мясное блюдо, которое получаюсь путем консервации мяса. Это сушеный гусь. Его употребляли вне дома – на полях с хлебом или готовя на его основе жидкое блюдо.

Основным способом термической обработки мяса у рассматриваемого населения в настоящее время остается (как и у всех западносибирских татар в прошлом и настоящем), варка в жидкости. В прошлом из мяса делали простейшее блюдо. Его отваривали, разделывали на куски и выкладывали на тарелку или блюдо.

Во второй половине XX в. на основе вареного мяса готовилось какое-то более сложное блюдо. Для обследованных населенных пунктов наиболее

характерным является изготовление на основе конины *бишбармака* или мяса с картофелем. Обычно эти блюда делают зимой; также они относятся к гостевым блюдам.

Тесто для бишбармака отваривалось в бульоне, а картофель – в воде. Если готовилось говядина или баранина с картофелем, то овощи также отваривались в бульоне. В обоих случаях сверху блюдо поливалось *тузлуком* из бульона с пассерованным луком.

Популярность казахского блюда *бишбармак* среди татар мы можем объяснить тем, что во-первых, Большереченский р-н является пограничным между казахами и татарами; правда, первых было не так много. Они общались с Уленкулевским кустом и еще более тесно с соседним кустом поселений тарских бухарцев с центром в Яланкуле. Во-вторых, у бухарцев в досоветский и советский периоды сохранялись довольно тесные отношения с населением Средней Азии по причине, как мы считаем, их склонности к мобильности, обусловленной в прошлом занятием торговлей и извозом, поэтому они довольно легко отправлялись на поиски лучшей жизни.

В д. Тус-Казань для потомков казанских татар характерно другое блюдо – отварной картофель вместе с крупными кусками конской колбасы (*казы*).

Таким образом, мы рассмотрели традиционные мясные блюда татар Уленкулевского куста поселений Большереченского и д. Юрто-Уйск Седельниковского р-на. Примечательно, что часть этих блюд являются вариантами консервации мяса для летнего периода и фактически технологическими «отголосками» прошлой эпохи. С распространением новых технических способов хранения (в морозильных камерах) они должны были быть утраченными. Живучесть прежней традиции мы объясняем сильными традициями животноводства и культурных форм, с ней связанных.

В ходе экспедиции 2018 г. нам также удалось выявить локальные элементы в мясной пище, связанные с потомками волго-уральских татар, проживающих в д. Тус-Казань Большереченского р-на Омской обл.: отсутствие блюд *шәшләү* и *кәйгенә*, приготовление сушеного гуся, картофеля с конской колбасой. Из новаций можно отметить: изменения способов хранения консервированных субпродуктов и мясных изделий (кишки (*қыйма*) и конской колбасы) в холодильной камере, использование *шәшләү* в сочетании с новыми покупными напитками (пивом).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Андроников И.А. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. – Тобольск: [Губ. тип.], 1911. – 395 с.

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: историко-этнографические очерки. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. – 232 с.

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 232 с.

Тихомирова М.Н. Пища тарских бухарцев (Уленкулевский куст) в середине XX – начале XXI веков // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11, ч. 8. – С. 1835–1839.

References

Andronikov I.A. Materialy po zemlevladeniyu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobol'skoi gubernii. Tobol'sk: [Gub. tip.], 1911, 395 p. (in Russ.).

Tikhomirova M.N. Kul'tura pitaniya tatar Srednego Priirtysh'ya: Problemy formirovaniya i etnokul'turnykh svyazei. Omsk: Izdat. dom "Nauka", 2006, 232 p. (in Russ.).

Tikhomirova M.N. Pishcha tarskikh bukhartsev (Ulenkulevskii kust) v seredine XX – nachale XXI vekov. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2014, No. 11, pt. 8, pp. 1835–1839 (in Russ.).

Valeev F.T. Zapadnosibirskie tatary vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: istoriko-etnograficheskie ocherki. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo, 1980, 232 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.446-450
УДК 391.2+93

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: mf11@mail.ru

Идентификационные функции верхней одежды сибирских старообрядцев Забайкалья и Алтая

В статье сделана попытка показать идентификационные функции традиционной одежды, которая всегда играла важную роль в поддержании этнокультурной идентичности народа или его культурных (конфессиональных) подразделений. Показательна в этом отношении история двух групп русских старообрядцев – семейских Забайкалья и «поляков» Алтая, более трех веков следовавших «своей» одежде и связанной с ней системе ценностей. Основными источниками исследования стали полевые материалы автора, музейные собрания как в Сибирском регионе, так и в местах исхода старообрядцев в Европейской России и Беларуси. Этнографические материалы позволили сделать вывод о том, что регламентируемая правительственными указами верхняя или присутственная одежда сыграла значительную роль в становлении этнокультурной идентичности старообрядческих групп.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, идентификация, традиционная одежда, старообрядцы, семейские Забайкалья, «поляки» Алтая.*

E.F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mf11@mail.ru

Identification Functions of the Outer Clothing of the Siberian Old Believers in Transbaikalia and Altai

The article attempts to show the identification functions of traditional folk clothes, which has always played an important role in maintaining the ethnocultural identity of the ethnos or its cultural (confessional) parts. In this respect, the history of two groups of the Russian Old Believers: the Semeiskie in the Trans-Baikal region and the "Poles" in Altai, who have been following their "own" clothing tradition and associated value system for more than three centuries, is of interest. The research is based on field materials of the author, museum collections both in the Siberian region and in the places of the Old Believers' exodus in European Russia and Belarus. Ethnographic materials made it possible to conclude that the outerwear or uniform regulated by government decrees played a significant role in the formation of the ethno-cultural identity of these Old Believer groups.

Key words: *ethnocultural identity, identification, traditional clothing, Old Believers in Transbaikalia, "Poles" of Altai.*

Многие исследователи считают, что человек подсознательно стремится к обретению единства с окружающим миром, которое достигается посредством интеграции в культурно-символическое пространство социума [Малыгина, 2011, с. 3–4, 9]. Новые культурные формы, обуславливающие образы идентичности, не просто заменяют старые, но сосуществуют, взаимодействуют, образуют все более сложные, иерархически организованные системы, постепенно усложняя контуры и расширяя границы этнокультурной идентичности.

В истории русского старообрядчества, в течение веков преследуемого правительством и представителями православной церкви за религиозные убеждения, известны периоды наиболее активного препятствования интеграционным процессам, способным повлиять на эту часть русского этноса. Это выражалось, помимо прочего, в насильственном предписании ношения специфических видов одежды. Многочисленные указы Петра I, Екатерины II касались, главным образом, верхней, присутственной одежды и особых знаков на ней. Та-

ким образом, из века в век в ходе межпоколенной преемственности большие по численности группы русского народа были вынуждены демонстрировать свою особую идентичность посредством специфического костюма, бороды и прически. Несмотря на жесткое отторжение со стороны российской элиты, как свидетельствуют многочисленные этнографические, архивные данные и письменные источники, старообрядцы сохранили русское этническое самосознание, идентичность.

Халатообразная конструкция верхней одежды была характерна для русских в XVII в., а в XVIII в. выходили указы, предписывавшие старообрядцам носить такие «зипуны со стоячим клеевым козырем, ферязи и однорядку с лежачим ожерельем…» как дискредитирующие их [Лилеев, 1893, с. 127]. Если в отношении внешнего вида зипунов со стоячим воротниками-«козырями» относительно все понятно, то ферязи и однорядки вызывают дискуссию среди исследователей. Термином ферязь могли обозначать одежду свободного или прямого силуэтов с длинными узкими рукавами; ферязь надевали поверх кафтана или под кафтан; здесь могла присутствовать застежка сверху донизу [Кирсанова, 1995, с. 292–294]. Однорядкой называлась по мнению одних исследователей, в частности, М.Г. Рабиновича, просторная мужская и женская одежда с длинными (вариант: откидными) рукавами без воротника, сшитая без подкладки [Кирсанова, 1995, с. 187], по мнению других, например, Г.Г. Громова – со сходящимися спереди полами без запáха, т.е. в один ряд [1979, с 207]. Вторая версия нам представляется более убедительной. В середине XVII в. в быт состоятельных крестьян постепенно входили как праздничная одежда, воспринятые от горожан, служилых людей по прибору (стрельцов, пушкарей и пр.) кафтаны из покупного цветного сукна [Там же].

Правительственная регламентация и приверженность старине должны были привести к единообразию внешнего вида старообрядцев по всей стране. Однако, как свидетельствуют этнографические материалы, этого не произошло. В виде пережитков старорусские виды одежды видим только у представителей двух групп старообрядцев – семейских Забайкалья и «поляков» Алтая, которые, впрочем выделялись и многими другими элементами культуры, выполнявшие у них идентификационные функции [Fursova, 2015].

Архивные материалы свидетельствуют об изначально сложном этнокультурном составе указанных групп старообрядцев с территорий, входящих сегодня в Брянскую обл. России и Гомельскую обл. Беларуси. Согласно документам РГАДА, в XVIII в. в этих местах сосредоточились выходцы из северных, центральных и южных губерний Российской империи (Московская, Белгородская (входили земли Орла, Курска, Брянска, Харькова, Чугуева и пр.), Новгородская, Смоленская, Воронежская, Нижегородская, Архангельская, Казанская и пр.) (РГАДА. Ф. 288. Д. 555. Л. 1–5. 1736 г.) [Тарусская, 1975, с. 71]. Впрочем, вопрос заключается также в том, из каких мест старообрядцы прибыли в указанные южнорусские губернии. Например, преобладание сарафанных комплексов указывает на центральные и северные места России как первичные места исхода.

В свете поставленной проблемы приведем описание стеженой на льняной куделе, шерсти или вате одежды под названием «халат», «подхалатик», которые семейские Забайкалья считали своей исконной принадлежностью еще в первой четверти XX в. (ПМА 1977, 2001, 2010). Халатообразной конструкции, с длинными, ниже кистей рук, рукавами (70–75 см) халаты и более короткие – подхалатики выделялись также яркостью красок используемых полушелковых материалов (голубые, красные, бордовые, вишневые и пр.), которые приобретались на Кяхтинской ярмарке. В качестве примера рассмотрим подхалатик из Музея ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН (№ 1327). Стеганый на шерсти халат покрыт бордовой канфой, прошитой в нескольких местах на руках и, видимо позднее, с приобретением швейной машинки, машинными строчками. Конструкция напоминает косоклинный распашной сарафан, хорошо известный по этнографическим материалам XIX в. [Fursova, 2015, p. 121]. Два полотна ткани (шириной 75 см) использованы для передних полотен и одно на спинку; два клина внизу – большой на спине и малый спереди расширяют подол (рис. 1). Плечевые швы в надетом виде смещены на спину, за счет чего спереди швов, практически, не видно.

Во всех просмотренных нами халатах и подхалатиках указанного Музея (№ 320, 661, 639 и пр.) присутствуют сложные фигурные строчки по воротнику-шальке и левой поле – традиция, хорошо известная в XIX в. на европейской прародине в Белгородской, Курской губерниях. Фигурные ручные строчки, видимо, с внедрением в быт швейных машинок, были заменены на машинные. Плетеные и позументные тесьмы, шнурки из крученых шелковых нитей, обвязанных канителью, встречающиеся практически на всех халатах, позволяют считать, что эти виды украшений в быту семейских не были редкостью. В XVII–XVIII вв. они широко применялись российской элитой [Громов, 1979, с. 208]. Халатообразная одежда семейских не подпоясывалась и запахивалась на левую сторо-

Рис. 1. Подхалатик. Музей ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Сбор Ф.Ф. Болонева, 1978 г.

Рис. 2. Стеженая на шерсти шуба. Суджанский краеведческий музей, Курская обл. *Фото Е.Ф. Фурсовой, 2018 г.*

ну, если нужно было держать ребенка. С изнанки имелись по две прихватки для того, чтобы держать полы. Женщины могли носить халаты внакидку («на опаш»), полы в этом случае располагались параллельно, что позволяет провести аналогии со старорусской одеждой «опашень». Новосибирская собирательница Т.Н. Апсит, этнограф Ф.Ф. Болонев указывали время изготовления халатов с удлиненными рукавами – вторая половина или конец XIX в. В этнографических коллекциях встречаются халаты и с более короткими рукавами, относительно позднего времени изготовления, сшитые на швейной машинке. На основе вышеизложенного можно сделать заключение, что рассматриваемая верхняя одежда типологически представляет собой косоклинные сарафаны с длинными рукавами, простеженные на шерсти (куделе).

Если обратиться к зимней одежде, то здесь также очевидны связи с старорусской одеждой XVII в. В качестве примера можно сослаться на шубу из коллекции Музея ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН. Шуба из козьих шкур, сшита мехом внутрь (№ 350, сбор Т.Н. Апсит 1973 г.) сверху, с лицевой стороны, покрыта полушелковой тканью бордового цвета. Низ рукавов отделан черным козьим мехом и двумя полосками позумента. Ворот и края полок тоже были отделаны мехом, о категории которого судить трудно, так как сохранилась лишь мездра. Аналогичной конструкции шубы с длинными рукавами хранятся в музеях Курской обл. (напр., в Суджанском краеведческом музее), но, в отличие от забайкальских, они стеженые на шерсти, а кусочки меха лишь обрамляют ворот, края пол, подол (рис. 2).

Рис. 3. «Полячка» Алтая. *Фото А.Е. Новоселова, 1912 г.*

Халатообразная одежда из плиса или дешевого бархата были известна и в родственной семейским группе «поляков» Алтая. Сохранилась фотография А.Е. Новоселова 1912 г., где «полячки» изображены в такого рода одежде с длинными, скрывающими руки, рукавами (рис. 3). Подобный орнаментированный халат хранится в собрании РЭМ (№ 5158-36) под названием «подоболочка». Он был приобретен А.Н. Белослюдовым в 1925 г. в д. Быково Верх-Бухтарминской волости, т.е. в тех местностях, население которых имело близкие контакты с «поляками». Однако, если забайкальские старообрядцы шили крытые шелком халаты в начале XX в., то «поляки» отказались от них раньше. Среди семейных реликвий современных потомков старообрядцев и в музеях России сохранились забайкальские халаты, сведений же об алтайских почти не осталось.

Регламентируемая для старообрядчества старорусская верхняя одежда XVII в. «зипуны с козырями, ферязи и однорядки» не просто сохранилась в конструктивных, декоративных традициях, способах ношения «халатов» и «шуб» забайкальских и алтайских групп, но стала частью их культурного наследия. В качестве верхней (присутственной) и обрядовой (моленной) одежды халаты были интегрированы в процесс поиска идентичности этих этнокультурных групп, а впоследствии составили ядро культурной памяти. Таким образом, можно зафиксировать наличие некоторых устойчивых закономерностей, чрезвычайно важных для понимания механизмов динамики этнокультурной идентичности: на каждой новой исторической стадии происходила не отмена, а частичная трансформация, адаптация и синтез традиционных и актуальных (приоритеных) идентификационных оснований [Малыгина, 2011, с. 9]. Возврат к халатам, кафтанам в качестве моленных костюмов прослеживается в среде современного старообрядчества не только в России, но и в Беларуси, причем даже более активно, чем это имело место в 1970–1980-х гг., однако конструктивно это уже другая одежда.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00028а.

Список литературы

Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVII века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – С. 202–218.

Кирсанова Р.М. Костюм в художественной культуре XVIII – первой половины XX в. – М.: Бол. Рос. энцикл., 1995. – 383 с.

Лилеев М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и Стародубье XVII–XVIII вв. – Кіев, 1893. – 278 с.

Малыгина И.В. Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире // Проблемы формирования национально-культурной идентичности в современной России. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – С. 3–13.

Тарусская М.Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. 2: Забайкалье. – С. 71–80.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда старообрядцев юга Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX века: опыт историко-этнографического исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 114–126.

References

Fursova E.F. Mapping the traditional dress types of Southwestern Siberian Old Believers (late 1800s – early 1900s). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, iss. 4, pp. 114–126.

Gromov G.G. Odezhda. In *Ocherki russkoj kul'tury XVII veka.* Moscow: Moscow Univ. Press, 1979, pp. 202–218 (in Russ.).

Kirsanova R.M. Kostyum v hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX v. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1995, 383 p. (in Russ.).

Lileev M.I. Novye materialy dlya istorii raskola na Vetke i Starodub'e XVII – XVIII vv. Kiev, 1893, 278 p. (in Russ.).

Malygina I.V. Grani i granicy etnokul'turnoj identichnosti v sovremennom mire. In *Problems of the formation of national and cultural identity in modern Russia.* Moscow: Publ. house of the Moscow Humanitarian Univ., 2011, pp. 3–13 (in Russ.).

Tarusskaya M.G. Kollekciya raspisnoj utvari i odezhdy semejskogo naseleniya. In *Life and art of the Russian population of Eastern Siberia.* Vol. 2: Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka, 1975, pp. 71–80 (in Russ.).

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.453-456
УДК 902.26+911.6

Д.А. Бычков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Потенциальные возможности историко-культурного зонирования: на примере Томской области

На сегодняшний день в распоряжении археологов имеется значительный объем информации об археологических памятниках, расположенных на той или иной территории. Систематизация и анализ этих сведений позволяет получить базу данных, которая может быть использована как инструмент для охраны объектов культурного наследия. В 2017–2018 гг. отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН были проведены работы по сбору и систематизации сведений об археологических памятниках, расположенных на территории Томской обл. Собранный банк статистических данных включает развернутую характеристику каждого объекта. Его наличие позволило провести анализ статистической встречаемости памятников определенной эпохи в конкретных ландшафтно-топографических условиях. Опираясь на имеющиеся статистические данные, возможно провести зонирование территории Томской обл. по степени перспективности для выявления объектов культурного наследия.

Ключевые слова: *историко-культурное зонирование, ландшафтная археология, охрана культурного наследия, Томская область*.

D.A. Bychkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Potentialities of Historic-Cultural Zoning: on the Example of the Tomsk Region

Today, an array of archaeological information available for archaeologists is considerable. Systematization and analysis of this information makes it possible to establish a database that can be used in preservation of cultural heritage objects. In 2017–2018, the department of rescue archaeological works of IAET SB RAS has worked on the collection and systematization of information about archaeological sites located in the territory of the Tomsk Region. The collected statistical data bank includes a detailed description of each object. The available information is essential for the analysis of the statistical frequency of occurrence of the sites belonging to a particular period under the specific landscape-topographical conditions. Based on the statistical data, it is possible to construct a predictive model of location of the cultural heritage sites in the territory of the Tomsk region.

Keywords: *historic-cultural zoning, landscape archeology, protection of cultural heritage, Tomsk Region.*

Одной из важнейших задач археологической науки является изучение историко-культурного развития территорий. Предлагаемые в настоящее время методические решения позволяют вести не только фундаментальный научный поиск, но и с более доказательных позиций подходить к охране культурного наследия и его популяризации. Современная экономическая конъюнктура определяет историко-культурные изыскания как проектные услуги, тем самым сводя в одну плоскость все их составляющие. Результатом такого подхода может стать утвержденная законодательным путем схема оказания таких услуг, где основным определяющим фактором будет расположение испрашиваемых земельных участков на выделяемых территориальных таксонах [Пределы…]. Целью настоящей работы является обоснование историко-культурного зонирования как

превентивной меры для сохранения культурного наследия. Для ее достижения был проведен анализ публикаций по данной проблематике, изучены действующие зонирования на территории Российской Федерации и проведен сбор учетных данных памятников археологического наследия, расположенных на территории Томской обл.

Согласно определению, зонированием называется метод членения территории (акватории) на таксоны, отвечающие двум критериям – специфике выделяемых территориальных ячеек и взаимосвязанности насыщающих их элементов [Географический энциклопедический словарь…, 1988, с. 354]. Одним из результатов зонирования является выделение зон, в которых концентрируются объекты с признаками, близкими по значению. Под данным таксоном понимается «территория, по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающих единством, взаимосвязанностью составляющих ее элементов, целостностью, причем эта целостность – объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [Алаев, 1983, с. 67]. Исходя из этих определений и учитывая опыт проведения данной процедуры в регионах нашей страны, можно сказать, что конечной целью историко-культурного зонирования является выделение на изучаемой территории зон, дифференцируемых по вероятности выявления в них объектов культурного наследия.

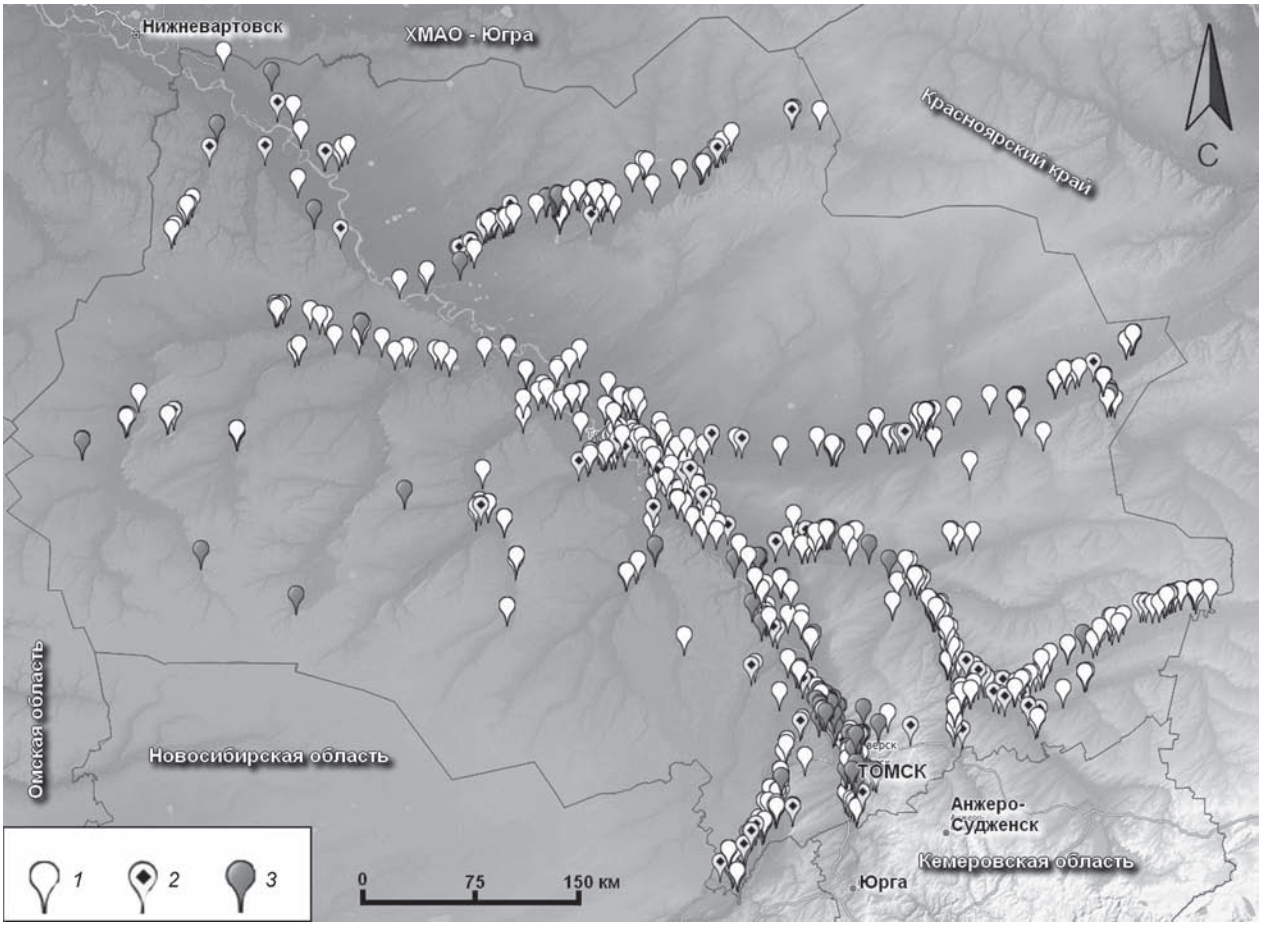
Обращаясь к отечественному опыту проведения подобных аналитических процедур необходимо отметить разработанные к настоящему времени подходы и принципиальные решения в методологии этой процедуры. В ряде работ сформулированы основные принципы и критерии для выделения разного рода таксонов [Емельянова и др., 2010; Костовская, 2011; Никулина и др., 2018]. Таким образом, методика проведения зонирования для разных целей и областей научного знания апробирована на разнообразном материале. Обеспечение кадрами мероприятий по проведению зонирования не является проблемой в настоящее время.

Историко-культурное зонирование – один из возможных форматов предективной модели. Главной особенностью такой модели является возможность получения официального статуса в виде нормативно-правового акта. Такая инициатива была осуществлена и имеет положительные результаты на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Зайцева, 2010, с. 120]. В данном случае построенная предективная модель служит не только средством прогнозирования, но и эффективным инструментом охраны культурного наследия. Приведенные выше сведения говорят о том, что в отечественной науке уже имеется положительный опыт историко-культурного районирования территории и никаких препятствий по его экстраполяции на другие регионы не обнаруживается.

В 2017–2018 гг. отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН были проведены работы по сбору, систематизации и анализу информации об объектах культурного (археологического) наследия, расположенных на территории Томской обл. В результате была составлена база данных, в которую вошли сведения о 1384 археологических памятниках, из которых 870 имеют статус выявленных, а 297 федерального значения (количественные показатели на момент написания данной работы). Остальные 217 объектов в настоящее время не состоят на государственном учете. Сведения об объектах, наполняющих базу данных, содержат информацию об их ландшафтно-топографической привязке (см. *рисунок*).

Анализ особенностей расположения выявил устойчивые закономерности, которые прослеживаются в широком хронологическом диапазоне. Например, было установлено, что пики возникновения поселенческих комплексов приходятся на начало таких исторических периодов как эпоха бронзы, железный век и раннее Средневековье. Ландшафтно-топографический контекст расположения памятников из данной выборки характеризуется как участки террас в непосредственной близости от русла. На основании чего возможно предположить, что освоение Томского Приобья древним населением в указанные хронологические периоды происходило преимущественно путями, пролегавшими по водотокам или вдоль них [Бычков, 2018]. Следовательно, выявление археологических объектов, возникших в данные хронологические периоды, возможно на определенных участках ландшафта. Наличие такой базы данных позволяет осуществить предективное моделирование расположения памятников археологии на основе их статистической встречаемости.

Потенциал историко-культурного зонирования территории Томской обл. определяется следующим. Во-первых, наличие прогнозной модели, основанной на понимании сущности определяющих факторов и статистической встречаемости объектов, позволит осуществлять мероприятия по сохранению объектов культурного наследия на качественно новом уровне. По аналогии с подобной практикой в ХМАО – Югре, выделенные перспективные зоны для обнаружения археологических объектов будут являться территориями, подлежащими обязательному обследо-



Расположение археологических памятников на территории Томской обл.

1 – определено по описаниям из архивных источников; *2* – определено по глазомерным планам и чертежам; *3* – определено посредством инструментальной съемки.

ванию перед их хозяйственным освоением. Научное обоснование границ этих зон позволит более доказательно представить необходимость проведения зонирования и дальнейшего натурного обследования для административных структур. Получение официально утвержденного статуса даст возможность установить баланс между сокращением расходов заказчиками экспертиз земельных участков и стремлением к максимально широкому обследованию территории со стороны их исполнителей.

Во-вторых, ландшафтно-топографические особенности территории Томской обл. позволяют экстраполировать некоторые потенциальные результаты и алгоритм проведения историко-культурного зонирования на сопредельные с ней территории. Согласно физико-географическому зонированию, территория Томской обл. включает в себя таежные и лесостепные ландшафты [Евсеева, 2001, с. 65–93]. Использовав данную территорию как полигон, возможно будет перейти к построению предективных моделей расположения археологических памятников для территорий граничащих с ней регионов.

В-третьих, наличие обобщающей модели расположения археологических памятников в разных ландшафтно-топографических условиях позволит конкретизировать ряд фундаментальных научных проблем и более точно обозначить требуемые мероприятия по сохранению объектов культурного наследия на территории Томской обл. Ввиду наличия на изучаемой территории различных природно-географических зон, зонирование должно быть проведено отдельно для каждой из зон. Это позволит учесть те их особенности, которые в различные исторические эпохи определяли расселение древнего населения.

Перспективы, описанные в настоящей работе, затрагивают важнейшие аспекты современной археологической науки. Решение вопроса о проведении историко-культурного зонирования территории силами академических учреждений позволит адекватно реагировать на вызовы современной экономической конъюнктуры.

Благодарности

Автор выражает благодарность заведующему Музеем археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ Е.В. Барсукову, сотрудникам Томского краеведческого музея им. М.Б. Шатилова и главному специалисту Комитета по охране объектов культурного наследия Томской обл. С.И. Рудковскому за помощь в сборе информации о памятниках археологического наследия.

Список литературы

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018 (в печати).

Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. – М.: Сов. энцикл., 1988. – 430 с.

Евсеева Н.С. География Томской области. Природные условия и ресурсы. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 223 с.

Емельянова Т.Я. Строкова Л.А., Крамаренко В.В., Леонова А.В. Принципы и критерии районирования геологической среды СФО по условиям развития современных геологических процессов // Разведка и охрана недр. – 2010. – № 11. – С. 72–76.

Зайцева Е.А. Методика камерального зонирования территории в системе охраны объектов археологии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (некоторые итоги и перспективы) // Урал. истор. вестн. – 2010. – № 2. – С. 120–124.

Костовская С.К. Построение моделей районирования Европейской России с учетом естественноисторических факторов (XIX – первая половина XX вв.) // Fractal Simulation. – 2011. – № 2. – С. 52–63.

Никулина А.В., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Чупина Д.А., Глушкова Н.В., Пчельников Д.В. Методика использования ГИС-технологий для анализа пространственной локализации поселений на примере эпох бронзы, раннего железного века и Средневековья в центральной части Барабинской низменности // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 428. – С. 117–125.

Пределы необходимой экспертизы // Газета «Коммерсантъ», вып. от 11.04.2018. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3599563 (дата обращения: 03.10.2018).

References

Alaev E.B. Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Moscow: Mysl', 1983, 350 p. (in Russ.).

Bychkov D.A. Landshaftno-topograficheskie osobennosti raspolozheniya arkheologicheskikh pamyatnikov na territorii Tomsko-Narymskogo Priob'ya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018 (in press) (in Russ.).

Emel'yanova T.Ya. Strokova L.A., Kramarenko V.V., Leonova A.V. Printsipy i kriterii rayonirovaniya geologicheskoy sredy SFO po usloviyam razvitiya sovremennykh geologicheskikh protsessov. *Razvedka i okhrana nedr*, 2010, No. 11, pp. 72–76 (in Russ.).

Evseeva N.S. Geografiya Tomskoy oblasti. Prirodnye usloviya i resursy. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001, 223 p. (in Russ.).

Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Ponyatiya i terminy. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1988, 430 p. (in Russ.).

Kostovskaya S.K. Postroenie modeley rayonirovaniya Evropeyskoy Rossii s uchetom estestvennoistoricheskikh faktorov (XIX – pervaya polovina XX vv.). *Fractal Simulation*, 2011, No. 2, pp. 52–63 (in Russ.).

Nikulina A.V., Zol'nikov I.D., Kuz'min Ya.V., Sofejkov O.V., Chupina D.A., Glushkova N.V., Pchel'nikov D.V. Metodika ispol'zovaniya GIS-tekhnologiy dlya analiza prostranstvennoy lokalizatsii poseleniy na primere epokh bronzy, rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya v tsentral'noy chasti Barabinskoy nizmennosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, No. 428, pp. 117–125 (in Russ.).

Predely neobkhodimoy ekspertizy. In *Gazeta* "*Kommersant*", 11.04.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3599563 (accessed: 03.10.2018) (in Russ.).

Zaytseva E.A. Metodika kameral'nogo zonirovaniya territorii v sisteme okhrany ob'yektov arkheologii Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry (nekotorye itogi i perspektivy). *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2010, No. 2, pp. 120–124 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.457-460
УДК 902.21+903.46

Д.А. Бычков[1], Д.М. Попов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Поселенческий комплекс Монкутурий в междуречье рек Большой Юган и Вандрас

При проведении разведочных работ в бассейне р. Большой Юган было обнаружено несколько городищ и селищ. Расположены данные объекты на останце террасы с сильно эродированными бортами. Селища приурочены к бровке останца, а городища расположены на его мысовидных выступах. В совокупности выявленные объекты составляют единый комплекс. Собранный при осмотре подъемный материал позволяет датировать объекты в широком диапазоне от эпохи бронзы до Средневековья. Обнаруженная на одном из городищ рудосодержащая галька и металлургический шлак позволяют предварительно интерпретировать его как археометаллургический объект. Полученные материалы переданы в различные лаборатории для получения верифицируемых данных о времени функционирования и назначении данного комплекса.

Ключевые слова: *разведочные работы, поселение, Вандрас, Большой Юган, руда, шлак, эпоха бронзы, Средневековье.*

D.A. Bychkov[1], D.M. Popov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

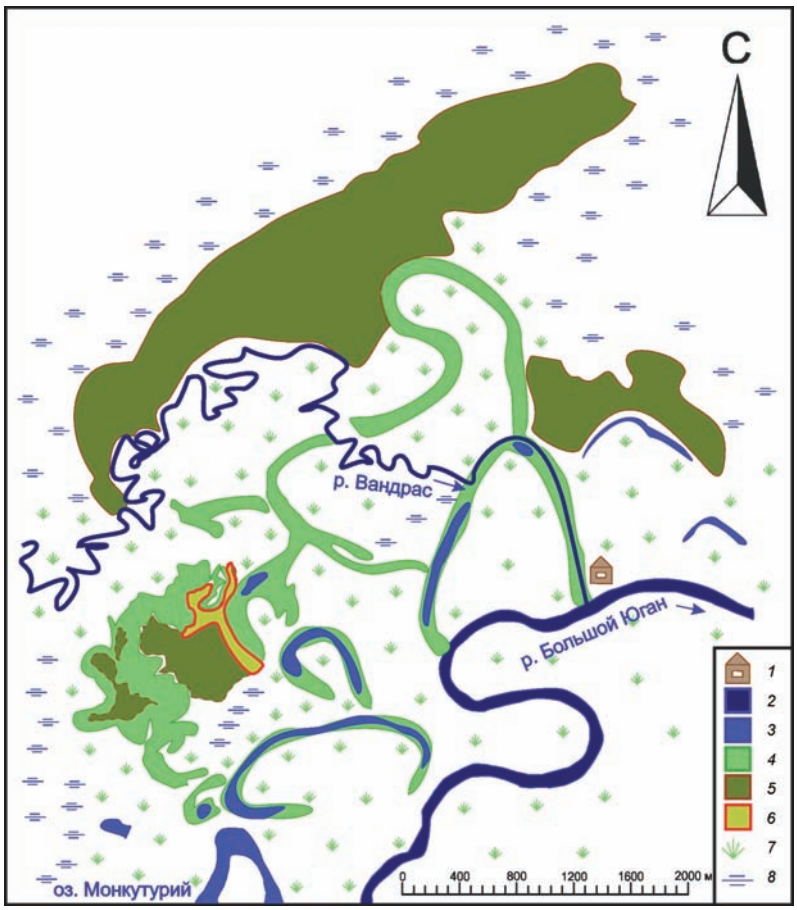
The Monkuturii Settlement Site in the Bolshoi Ugan and Vandras Interfluve

In the course of the reconnaissance in the Bolshoy Yugan basin, four hillforts and four settlement sites were found. These sites are located on the terrace remnant with heavily eroded sides. Settlements are confined to the outskirts of the terrace, and the hillforts are located on its cape-like protrusions. The identified objects constitute a single complex. The artefactual remains collected on the surface during the inspection suggest dating of objects to a wide range from the Bronze Age to the medieval period. The ore-containing pebble and metallurgical slag found on one of the sites make it possible to interpret it as an archaeometallurgical object. The collected materials will be subjected to various analyses to obtain verified data on the time and the purpose of this complex.

Keywords: *archaeological survey, settlement, Vandras, Bolshoi Yugan, ore, slag, Bronze Age, Middle Age.*

Бассейн р. Большой Юган является связующей водной артерией между Васюганьем и Сургутским Приобьем. Начиная свою путь в северной части Васюганских болот, р. Большой Юган протекает с юга на север и впадает в р. Обь в ее субширотном течении. Большой Юган пронизывает несколько ландшафтных таксонов, одним из которых является Вандрасско-Юганская ландшафтная провинция.

Характеристика современного облика данной местности основана главным образом на ее генезисе. Расположенная в центре Салымо-Юганская ложбина стока была образована во время максимума самаровского оледенения и явилась литологической основой, на которой сформировался современный рельеф. На аккумулированных алевро-пелитовых грядах сформировались параллельно ориентированные гривы и островки, сложен-



Ландшафтная карта-схема междуречья р. Большой Юган и р. Вандрас.
1 – юрты Каюковы; *2* – русла рек; *3* – старичные озера; *4* – заболоченные русла; *5* – гряды и их останцы, поросшие беломошными сосновыми борами; *6* – поселенческий комплекс Монкутурий; *7* – пойма; *8* – верховые и пойменные болота.

ные эоловыми комплексами, на которых поросли беломошные сосновые боры. В образуемых ими понижениях сформировались озерные системы, связанные между собой мелкими водотоками. Формирование эоловых грив началось в раннем голоцене в результате переноса алевро-песчанистой фракции с эродируемых берегов рек [Москвина, Козин, 2001, с. 25]. Таким образом, Вадрасско-Юганская ландшафтная провинция несет в себе свидетельства неоднократных изменений ландшафтов Среднего Приобья в период плейстоцена и раннего голоцена.

Археологическое изучение данной территории было начато в 1891 г. Ф.Р. Мартином с раскопок близ юрт Уготских. Систематические исследования профессиональных археологов в бассейне р. Большой Юган начинаются на рубеже 1970–1980 гг. В интересующей нас части бассейна р. Большой Юган первые археологические исследования были проведены сотрудниками Томского университета Е.А. Васильевым и Я.А. Яковлевым. Ими были открыто три городища и семь поселений в левобережье р. Вандрас, левого притока р. Большой Юган [Фефилова, 2008, с. 283].

В полевом сезоне 2018 г. ООО «НПО “Северная археология-1”» при участии Института археологии и этнографии СО РАН проводились работы по определению границ и проверке технического состояния объектов культурного наследия, расположенных в Сургутском р-не ХМАО – Югры. Пользуясь возможностью провести натурное обследование отдаленных участков данной местности, были предприняты дополнительные мероприятия, направленные на выявление объектов культурного наследия. Участки обследования были определены исходя из двух положений: сведений от местных жителей, проживающих в юртах Каюковых, и данных историко-культурного зонирования, которое в ХМАО – Югре имеет статус нормативно-правового акта [Зайцева Е.А., 2010].

При обследовании берегов одного из заболоченных русел р. Большой Юган, расположенного в междуречье р. Большой Юган и р. Вандрас, в 1,3 км к северу от северной оконечности оз. Монкутурий, был обнаружен останец террасы, подвергшийся сильной береговой эрозии. Поверхность останца поросла беломошным сосновым бором и поэтому резко отличалась от окружающей пойменной растительности. В плане останец имеет форму неправильного пятиугольника, с сильно вытянутыми углами, относительно центра (см. *рисунок*). На двух мысовидных выступах в северной части останца, а также на северном краю террасы были обнаружены четыре городища. Еще одно городище располагается в месте максимального сужения тела останца, перекрывая его в направлении с юга на север. Кроме того, на поверхности останца было выявлено четыре селища, приуроченных к краю террасы, и отличающихся друг от друга конструктивными особенностями западин. Два выявленных укрепления, из пяти вышеуказанных, городищами были названы условно, поскольку рядом специалистов данные сооружения определяются как «укрепленные жилища». Выявленные археологизированные сооружения представляют собой углубленную площадку со средними размерами 20 × 10 м, обнесен-

ную довольно внушительным валом-обваловкой. Подобные сооружения впервые появляются в Сургутском Приобье во II тыс. до н.э., в эпоху бронзы [Борзунов, 2015].

При осмотре объектов на выявленных памятниках археологии был собран подъемный материал в виде фрагментов керамических сосудов, орнаментированных гребенчато-ямочным орнаментом с защипами по закраине венчика. Результаты сравнительного анализа позволяют предположить, что выявленные объекты относятся к эпохе развитой бронзы, поскольку обнаруженная керамика относится к т.н. кульеганскому типу, которая в Сургутском Приобье датируется бронзовым веком [Борзунов и др., 2011]. Жилищные западины на селищах имеют, преимущественно, прямоугольные очертания и размеры 4 × 3 м. Но также были обнаружены объекты, которые нельзя отнести к ряду «типичных» для изучаемой территории.

Наиболее интересным из выявленных объектов культурного наследия представляется городище Монкутурий-8, расположенное на мысовидном выступе в северо-западной части останца. Городище «отрезано» от остальной части останца рвом, имеющим глубину порядка 2,5–3 м. На отделенной площади произрастают темнохвойные породы деревьев – лиственница, ель, пихта. При осмотре городища были обнаружены множественные ямы и рытвины, по всей видимости, оставленные животными. В осыпи стенки одной из ям были найдены крупные фрагменты галек песчаника и металлургический шлак. На одной из галек, размером 11 × 8 × 5 см, обнаружен сильный нагар. Осмотр осыпавшейся стенки позволил зафиксировать углисто-золистые отложения, морфология, стратиграфия и мощность которых не вызывают сомнений в их антропогенном происхождении.

В результате осмотра данного поселенческого комплекса были собраны материалы, позволяющие не только получить относительные и абсолютные датировки, но и поставить вопрос о роли данного комплекса в развитии культур от эпохи бронзового века до Средневековья на территории Среднего Приобья. Как следует из результатов современных исследований, в зоне таежного Обь-Иртышья известно крайне малое количество археологических памятников, которые интерпретируются как археометаллургические центры [Водясов, Зайцева О.В., 2017]. Близлежащим памятником археологии, где были зафиксированы свидетельства существования черной металлургии в раннем Средневековье, является поселение Усть-Камчинское-2, расположенное в бассейне р. Малый Салым на Балыкском материке [Пархимович, 2013].

Согласно существующим в настоящее время представлениям о развитии черной металлургии в этот исторический период, население таежной зоны Западной Сибири получало кричное железо от носителей тагарской культуры, обитавших на периферии с лесостепной зоной [Зиняков, 1997]. Фактов, говорящих о самостоятельной выработке железа жителями таежной зоны, например из болотной руды, в настоящее время накоплено крайне мало, чтобы говорить об этом с абсолютной уверенностью. Дальнейшее изучение материалов, полученных на городище Монкутурий-8, и полевые исследования на выявленном поселенческом комплексе дадут возможность получить данные, позволяющие подойти к определению функционального назначения обнаруженных объектов и их роли в культурогенезе Среднего Приобья с более доказательных позиций.

Список литературы

Борзунов В.А. Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы Севера Западной Сибири // Stratum plus. – 2015. – № 2. – С. 295–315.

Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульеган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 2. – С. 55–69.

Водясов Е.В., Зайцева О.В. Тернистый путь черной металлургии в таежном Обь-Иртышье // Stratum plus. – 2017. – № 6. – С. 237–250.

Зайцева Е.А. Методика камерального зонирования территории в системе охраны объектов археологии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (некоторые итоги и перспективы) // Урал. истор. вестн. – 2010. – № 2. – С. 120–124.

Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 368 с.

Москвина Н.Н., Козин В.В. Ландшафтное районирование Ханты-мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Полиграфист, 2001. – 40 с.

Пархимович С.Г. Поселение Усть-Камчинское-2 на реке Малый Салым (к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». – Екатеринбург: Магеллан, 2013. – С. 94–115.

Фефилова Т.Ю. История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут, 2008. – С. 283–295.

References

Borzunov V.A. Ukreplennye poseleniya pervoy poloviny epokhi bronzy Severa Zapadnoy Sibiri. *Stratum plus*, 2015, No. 2, pp. 295–315 (in Russ).

Borzunov V.A. Stefanov V.I., Glushkov I.G. Bystry Kul'egan-38 – ukreplennoe zhilishche epokhi bronzy v Surgutskom Priob'e. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, No. 2, pp. 55–69 (in Russ).

Fefilova T.Yu. Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy na rekakh Bol'shoy i Maly Yugan. In *Barsova Gora: antiquities of the taiga Priobye*, 2008, pp. 283–295 (in Russ).

Moskvina N.N., Kozin V.V. Landshaftnoe rayonirovanie Khanty-mansiyskogo avtonomnogo okruga. Khanty-Mansiysk; Yekaterinburg: Poligrafist Publ., 2001, 40 p. (in Russ).

Parkhimovich S.G. Poselenie Ust'-Kamchinskoe-2 na reke Maly Salym (k probleme vozniknoveniya chernoy metallurgii v Severo-Zapadnoy Sibiri). In *Ancient heritage of the Middle Ob in the territory of economic development of LLC RN-Yuganskneftegaz*. Yekaterinburg: Magellan Publ., 2013, pp. 94–115 (in Russ).

Vodyasov E.V., Zaytseva O.V. Ternisty put' chernoy metallurgii v tayozhnom Ob'-Irtysh'e. *Stratum plus*, 2017, No. 6, pp. 237–250 (in Russ).

Zaytseva E.A. Metodika kameral'nogo zonirovaniya territorii v sisteme okhrany obyektov arkheologii Khanty-Mansiyskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry (nekotorye itogi i perspektivy). *Ural Historical Bulletin*, 2010, No. 2, pp. 120–124 (in Russ).

Zinyakov N.M. Chernaya metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoy Sibiri. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1997, 368 p. (in Russ).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.461-464
УДК 902.21+903.42

Д.А. Бычков[1], А.В. Фёдоров[2], А.В. Чернышов[2], Ю.К. Квасница[2], А.П. Монова[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
[3]Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Разведочные работы на левом берегу реки Яя в Томской области

В полевом сезоне 2018 г. были проведены разведочные работы в левобережной части бассейна р. Яя с целью проверки состояния ранее известных археологических памятников и поиска новых. Так, на верхнепалеолитическом местонахождении Воронино-Яя были обнаружены фрагменты керамических сосудов, по имеющимся аналогам датируемые эпохой Средневековья. При натурном обследовании окрестностей с. Большежирово были обнаружены три селища, которые по совокупности критериев были отнесены к эпохе раннего и развитого Средневековья. Зачистки и осмотр обнажений в прирусловой части долины р. Яя дали разнообразный материал: орнаментированные фрагменты керамических сосудов, фаунистические останки и продукты обработки камня. По результатам работ дальнейшая перспектива видится в проведении разведочных работ выше по течению р. Яя.

Ключевые слова: *разведочные работы, река Яя, Большежирово, Воронино-Яя, поселение, местонахождение, река Латат, Средневековье.*

D.A. Bychkov[1], A.V. Fedorov[2], A.V. Chernyshov[2], Y.K. Kvasnitsa[2], A.P. Monova[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]National Research Tomsk State University
[3]Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Reconnaissance on the Left Bank of the Yaya River in the Tomsk Region

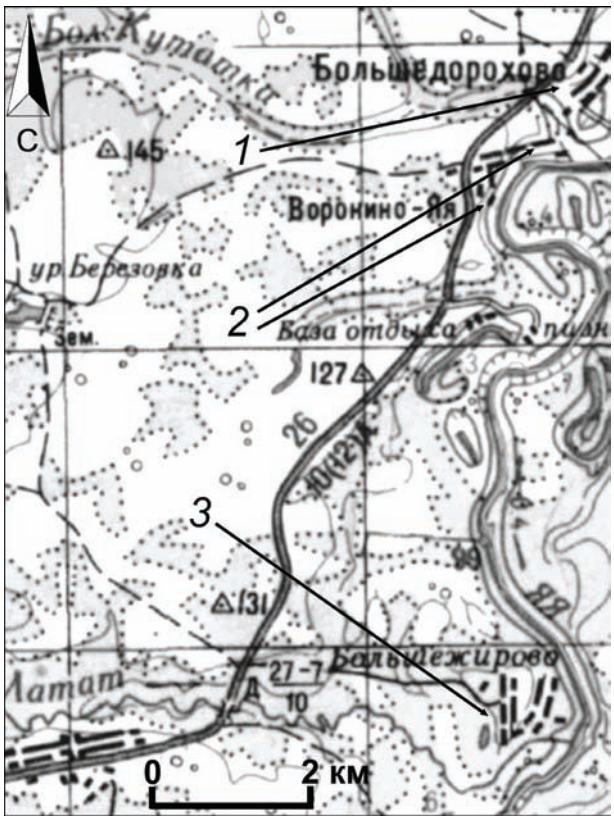
In the field season of 2018, exploration was carried out on the left-bank of the. Yaya in order to check the status of previously known archaeological sites and search for new ones. The Upper Palaeolithic Voronino-Yaya site yielded fragments of ceramic vessels that were correlated to the medieval period on the basis of available parallels. During a full-scale survey of the surroundings of the village of Bolshezhirovo, three settlements were found, which were attributed to the early and middle medieval period on the basis of the noted characteristics. Test excavations and inspections of the outcrops at the Yaya valley banks yielded a variety of materials: ornamented fragments of ceramic vessels, faunal remains and lithic artifacts. Exploration works upstream of the Yaya will be continued.

Keywords: *exploration works, Yaya River, Bolshezhirovo, Voronino-Yaya, settlement, site, Latat River, Middle Age.*

Река Яя берет свое начало в северо-восточном отроге хребта Кузнецкий Алатау в месте слияния р. Барзас и Кельбес. Являясь левым притоком р. Чулым, она впадает в месте поворота его русла к северо-западу. Таким образом, р. Яя является одним из водных путей, связывающих предгорья Кузнецкого Алатау с долиной р. Чулым. Археологические изыскания на данной территории были начаты в 1891 г. экспедицией Императорского Томского университета под руководством С.К. Кузнецова и С.М. Чугунова [Чугунов, 1891]. Систематическое изучение бассейна р. Яя начинается во второй половине XX в. [Трухин, 1957; Беликова, 1979] и продолжается в настоящее время [Зенин, 2002; Боброва, Герман, 2018]. За 127 лет исследований в бассейне р. Яя было открыто несколько местонахождений эпохи верхнего палеолита, поселенческие и погребальные комплексы Средневековья.

В полевом сезоне 2018 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН, Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова (далее ТОКМ) и студентами ТГУ были проведены разведочные работы в левобережной части бассейна р. Яя (см. *рисунок*). Целью работ было уточнение месторасположения нескольких ранее открытых памятников, определение их границ и поиск новых памятников в местах случайных находок предметов материальной культуры, которые были сделаны местными жителями и переданы в ТОКМ. Натурному обследованию предшествовала работа с архивными материалами и публикациями, благодаря чему были конкретизированы участки поиска и определены их основные характеристики. Полевые работы проводились с фотографической фиксацией основных точек маршрута и участков обследования с привязкой посредством GPS-приемника. Топографическая съемка выявленных археологических памятников проводилась методом теодолитного хода с использованием электронного тахеометра. Координаты репперных точек определялись с помощью двухчастотного GNSS-приемника.

Первым участком обследования был выбран левый берег рч. Кутатка, левого притока р. Яя, на котором в 1955 г. Г.В. Трухиным было обнаружено городище [Трухин, 1957, с 499]. При натурном обследовании было установлено, что через пойму и часть террасы ручья проходит ЛЭП, построенная в 1960-х гг. По всей видимости, городище было разрушено тяжелой техникой при создании опорных площадок. При осмотре незадернованных обнажений признаков культурного слоя и предметов материальной культуры выявлено не было.



Карта района работ с обозначением участков обследования.

1 – первый участок; *2* – второй участок; *3* – третий участок.

Вторым участком являлась часть левобережного террасового комплекса р. Яя в окресностях д. Воронино-Яя. Здесь в 1954 г. местным жителем был найден фрагмент керамического сосуда, орнаментированный оттиском крупной гребенки. Тем же летом сотрудниками ТОКМ Р.А. Ураевым и И.М. Марковым было обследовано место находки и обнаружено селище, состоящие из трех западин [Ураев, 1954]. Документирования находки и выявленного памятника произведено не было, поэтому информация о нем была фактически утеряна. В 1988 г. А.В. Рейно обнаружил данное селище повторно при проведении разведочных работ в бассейне р. Яя [Рейно, 1988]. При обследовании в 2018 г. месторасположения селища, согласно описанию А.В. Рейно, было подтверждено, проведена фотофиксация и топографическая съемка. В зачистках обнажений на береговых осыпях был зафиксирован культурный слой мощностью до 0,25 м, подъемного материала не обнаружено.

В северо-восточной части д. Воронино-Яя в 1998 г. В.Н. Зениным и С.В. Лещинским было открыто местонахождение эпохи верхнего палеолита, для которого по останкам плейстоценовой палеофауны была получена датировка в 28 тыс. л.н. [Зенин, 2002, с. 25–26]. При осмотре местонахождения в 2018 г. в верхней части склона террасы был обнаружен подъемный материал – фрагменты керамических сосудов, которые по своим технологическим особенностям могут быть отнесены к эпохе Средневековья. Проведение зачисток осыпей на верхних участках террасы позволило установить, что данные предметы приурочены к культурным отложениям, которые подвержены склоновым процессам и береговой эрозии, на основании чего предполагается, что находки происходят с бровки и площадки террасы. Полученные результаты дали основание для расширения границ памятника и постановки вопроса о его многослойности.

Третьим участком для обследования были выбраны окрестности д. Большежирово, расположенной на левом берегу р. Яя в месте впадения в нее р. Латат. Основанием для этого стали сведения о находках фрагментов керамических сосудов,

сделанными местными жителями. Основываясь на статистической модели расположения археологических памятников в ландшафтно-топографических условиях изучаемой территории [Бычков, 2018], для натурного обследования были выбраны участки местности, представлявшиеся наиболее перспективными для обнаружения памятников археологии. При натурном обследовании террасы р. Яя у заболоченного русла были обнаружены три селища. Селище Латат-1 состоит из четырех квадратных в плане западин, со сторонами порядка 4 м и глубиной 0,5 м. Селище Латат-3 состоит из 10 западин, имеющих схожие конструктивные особенности с западинами селища Латат-1. Морфология западин и имеющиеся аналогии в регионе указывают на принадлежность памятников к эпохе развитого Средневековья [Ожередов, Яковлев, 1993, с. 60–61]. Селище Латат-2 состоит из четырех западин, жилищной площадки и ям, имеющих средние размеры 3 × 3 м, четырехугольную оплывшую форму в плане, невыраженную обваловку. Зачистки на имеющихся обнажениях показали наличие двух культурных горизонтов, имеющих мощность 0,1 м и залегающих на глубине 0,25–0,3 и 0,5–0,6 м соответственно. При проведении зачисток каких-либо предметов обнаружено не было. Наличие двух культурных горизонтов в зачищенных обнажениях и двух различающихся групп западин позволяет предположить, что селище Латат-1 и -3 относятся к одному хронологическому периоду, а селище Латат-2 возникло раньше, вероятно в раннем Средневековье.

Обследование прирусловой части поймы р. Яя у д. Большежирово позволило обнаружить разнообразный подъемный материал. К фаунистическим материалам относятся фрагменты костей копытных животных. Керамические изделия представлены орнаментированными фрагментами сосудов, относящихся к поздней бронзе, раннему железному веку и развитому Средневековью (X–XIII вв.). Каменные артефакты представлены продуктами расщепления – осколки и отщепы. Минералогическая характеристика сырья указывает на его различные источники. Результаты исследований местонахождений эпохи верхнего палеолита в бассейне р. Яя позволяют предположить, что некоторые из предметов относятся к верхнепалеолитической индустрии [Зенин, 2002, с. 25]. Культурно-хронологическая атрибуция других затруднена в виду малой изученности региона. На данный момент можно сказать, что сколы из яшмы и халцедона происходят из более южных регионов, так как для памятников камня, расположенных севернее, в Среднем Причулымье, характерны индустрии, в которых использовались окремненные породы. Общей чертой собранных предметов является легкая окатанность краев, что в совокупности с контекстом их залегания свидетельствует о том, что эти материалы были принесены водным потоком. Эрозия берегов выше по течению р. Яя продолжается и в наше время. Это наталкивает на мысль о том, что собранные в прирусловой пойме материалы могут происходить с эродируемых берегов р. Яя выше по течению от места находок.

В результате проведенных работ были уточнены расположение и границы открытых ранее памятников археологии и были обнаружены новые археологические объекты с опорой на имеющиеся сведения и ландшафтно-топографические условия расположения известных археологических памятников. Характеристика подъемного материала позволяет предполагать его происхождение с неизвестных на данный момент археологических памятников, расположенных выше по течению р. Яя. Дальнейшие исследования позволят выявить новые археологические свидетельства освоения древним человеком изучаемой территории в разные исторические периоды.

Благодарности

Авторы выражают благодарность С.И. Рудковскому за сведения о найденных предметах в окрестностях д. Большежирово и старшему преподавателю кафедры археологии и исторического краеведения ИФ Томского государственного университета И.П. Глызину за техническую помощь в проведении полевых исследований.

Список литературы

Беликова О.Б. Раскопки и разведки на Среднем Чулыме // АО 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 231.

Боброва Л.Ю., Герман П.В. Лысая гора на р. Яе: местонахождение памятника // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018. – № 54. – С. 139–147.

Бычков Д.А. Ландшафтно-топографические особенности расположения археологических памятников на территории Томско-Нарымского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. История (в печати).

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 22–44.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – Т. 2. – 208 с.

Рейно А.В. Отчет о работах Яйского разведочного отряда археологической экспедиции ТГУ в 1988 году // Архив МАЭС ТГУ. Ф.1. Оп. 1. Д. 1001.

Трухин Г.В. Описание археологических памятников по р. Яя в пределах Томской области // Ученые записки Томского педагогического института. – 1957. – Т. XVI. – С. 493–500.

Ураев Р.А. Разведочная экспедиция по выявлению археологических памятников устья р. Яя (левого притока р. Чулыма) Зырянского района Томской области летом 1954 года // Архив ТОКМ. Ф.1. Оп. 4. Д. 252.

Чугунов С.М. Экскурсия на реку Яю (из путевых заметок) // Сибирский вестник. – 28 июля 1891 г. – № 85.

References

Belikova O.B. Raskopki i razvedki na Srednem Chulyme. In *Arkheologicheskie otkrytiya*, 1978, 1979, 231 p. (in Russ.).

Bobrova L.Yu., German P.V. Lysaya gora na r. Yae: mestonahozhdenie pamyatnika. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018, No. 54, pp. 139–147 (in Russ.).

Bychkov D.A. Landshaftno-topograficheskie osobennosti raspolozheniya arkheologicheskikh pamyatnikov na territorii Tomsko-Narymskogo Priob'ya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, in print (in Russ.).

Chugunov S.M. Ekskursiya na reku Yayu (iz putevykh zametok). In *Sibirsky vestnik*, 1891, vol. 85 (in Russ.).

Ozheredov Yu.I., Yakovlev Ya.A. Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1993, vol. 2, 208 p. (in Russ.).

Reyno A.V. Otchet o rabotakh Yayskogo razvedochnogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii TGU v 1988 godu. *Arkhiv MAES TGU. D. 1001* (in Russ.).

Trukhin G.V. Opisanie arkheologicheskikh pamyatnikov po r. Yaya v predelakh Tomskoy oblasti. In *Uchenye zapiski Tomskogo pedagogicheskogo instituta*, 1957, vol. 16, pp. 493–500 (in Russ.).

Uraev R.A. Razvedochnaya ekspeditsiya po vyyavleniyu arkheologicheskikh pamyatnikov ust'ya r. Yaya (levogo pritoka r. Chulyma) Zyryanskogo rayona Tomskoy oblasti letom 1954 goda. *Arkhiv TOKM. D. 252* (in Russ.).

Zenin V.N. Osnovnye etapy osvoeniya Zapadno-Sibirskoy ravniny paleoliticheskim chelovekom. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2002, No. 4, pp. 22–44 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.465-469
УДК 902.2

Д.П. Волков[1, 2], С.В. Коваленко[2], Е.И. Крючко[2], Я.М. Мамуль[2], Е.А. Марченко[2], М.А. Миронов[2], С.В. Алкин[1], С.П. Нестеров[1], О.А. Шеломихин[3], Д.П. Болотин[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
[3]Благовещенский государственный педагогический университет
E-mail: volk-d@yandex.ru

Спасательные археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5 в Амурской области

В полевом сезоне 2018 г. сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской обл., с привлечением специалистов ИАЭТ СО РАН и при участии Благовещенского государственного педагогического университета, были произведены археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5, попадающего в зону хозяйственного освоения на территории Амурской обл. На площади 1 680 м^2 исследован однослойный поселенческий комплекс раннесредневековой михайловской археологической культуры (III–X вв. н.э.) Западного Приамурья, представленный 6 жилищами с котлованом и 21 хозяйственной ямой. Полученные данные впервые полностью раскопанного поселения михайловской культуры позволяют детально рассмотреть бытовые и хозяйственные традиции ее носителей.

Ключевые слова*: михайловская археологическая культура, жилище с котлованом, поселение.*

D.P. Volkov[1, 2], S.V. Kovalenko[2], E.I. Kryuchko[2], Y.M. Mamul[2], E.A. Marchenko[2], M.A. Mironov[2], S.V. Alkin[1], S.P. Nesterov[1], O.A. Shelomikhin[3], D.P. Bolotin[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
[3]Blagoveshchensk State Pedagogical University
E-mail: volk-d@yandex.ru

Rescue Archaeological Works at the Tchernigovka Site, Locus 5 in the Amur Region

In the field season of 2018, the Joint team of researchers from the Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region, specialists from the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS and the Blagoveshchensk State Pedagogical University, carried out archaeological excavations of the Chernigovka site, locus 5 as a rescue archaeology project in the Amur Region. On an area of 1680 square meters, a single-layer settlement complex of the early medieval Mikhailovskaya archaeological culture (the 3rd – 10th centuries AD) of the Western Amur region was studied. The site presented six dwellings with foundations and twenty-one utility pits. The site represents the first fully excavated settlement of Mikhailovskaya culture and the new data will provide an insight into the household and economic traditions of the relevant population.

Keywords*: Mikhailovskaya archaeological culture, house with a construction pit, settlement.*

Археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5, расположенного в Свободненском р-не Амурской обл. были произведены в июле – сентябре 2018 г. Памятник открыт в 2016 г. в ходе археологической разведки на территории проектируемого строительства Амурского газо-химического комплекса сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амур-

ской обл. Памятник представляет собой поселенческий комплекс, выраженный на современной поверхности в виде западин различного размера, расположенных на вершине и юго-восточном склоне сопки. Всего на поверхности зафиксировано 17 округлых западин диаметром от 1,2 м до 7–8 м. Полученный в ходе разведки археологический материал позволил отнести объект к михайловской культуре Западного Приамурья [Нестеров, 1998; Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017].

Общая площадь произведенных раскопок в 2018 г. составила 1680 м^2. Исследовано 6 жилищ с котлованом и 21 яма искусственного происхождения, хозяйственного назначения (рис. 1).

Общая стратиграфия памятника представлена тремя основными горизонтами: дерновой слой – серая супесь – коричневая супесь с мелкой галькой (в общих понижениях ландшафта горизонт коричневой супеси замещается тяжелым коричневым суглинком). Котлованы жилищ и хозяйственных ям прорезают небольшие прослойки крупного гравия, уходя в нижележащий горизонт крупнозернистого рыжего песка.

Жилища располагались двумя группами (первая – № 16, 14, 12, 8; вторая – № 2, 3), преимущественно у кромки вершины сопки, имели близкую к квадрату форму и идентичную ориентацию северо-восток – юго-запад. Котлованы с вертикальными стенками были глубиной от 25 до 32 см. Все жилища имели схожую каркасно-столбовую конструкцию в виде внутренних опорных столбов (от 4 до 6 шт., в зависимости от площади жилища), расположенных симметрично в центральной части у очага. Внешняя рама, обвязка или иные конструкции не зафиксированы. Остатки кровли представлены в 3 жилищах (№ 2, 12, 16) в виде длинных обгоревших во время пожара жердей, уложенных на край котлована и опирающихся на внутренний каркас в центре постройки (рис. 1, *1*). В одном случае (жилище № 16) встречены остатки бересты, уложенной сверху кровельных жердей. Жилище № 8 имело следы сильного пожара, в результате которого все деревянные конструкции были полностью уничтожены, артефакты перекрыты мощным слоем древесного пепла. В жилищах № 8, 12, 14, 16 с северо-восточной стороны за пределами котлована и на его границе присутствуют парные столбовые ямы, расположенные на расстоянии от 60 до 80 см друг от друга, которые, на наш взгляд, являются следами предвходовой конструкции (рис. 1, *2*). В трех из шести жилищ (№ 14, 12, 8) у одного из опорных столбов располагались ямы-углубления (хранилища?), заполненные костями, фрагментами керамики и другими бытовыми предметами. На полу жилища № 3 у северо-западной стенки найдены два развала больших сосудов (рис. 1, *3*), иные артефакты отсутствовали.

Очаги во всех строениях располагались в центральной части интерьера, имели раму-обкладку, подквадратную форму со слегка закругленными углами. Дно очагов чашевидной формы во всех случаях выстлано листами бересты и имело мощность заполнения от 10 до 42 см. В нем находилось большое количество мелких фрагментов жженой кости, керамики. Заполнение очага в жилище № 8 имеет два уровня прослойки берестяными листами – в основании и в центральной части. У очага обнаружен металлический нож.

Находок в большинстве жилищ немного, за исключением жилища № 8, в заполнении которого встречено много артефактов. Они представлены большим количеством как отдельных фрагментов керамической посуды, так и их развалами. Здесь обнаружены металлические ножи, костяной кочедык, подвеска из когтя птицы, мелкие керамические бусины, костяные наконечники стрел, фрагменты рога косули со следами обработки, каменные лощила, мотыжка (рис. 2, *4–6, 8–12*).

Хозяйственные ямы были расположены двумя группами. Одна состоит из 14 объектов на юго-восточном склоне сопки непосредственно у жилищ, вторая – из 7 объектов на незначительном удалении от построек, отделенная от них небольшой промоиной (см. рис. 1). Ямы имели схожую стратиграфию, представляли собой небольшие котлованы глубиной от 70 до 110 см с чашеобразным дном. Заполнение мешанное, слоистое, в основании фиксируется прослой органики. Артефакты в ямах единичны, преимущественно представлены отдельными фрагментами керамики и костями животных. В ямах 9 и 11 зафиксированы деревянные обгоревшие конструкции, залегающие в верхней части заполнения, являющиеся, на наш взгляд крышками погребов.

На отдельных участках памятника в межжилищном пространстве на уровне древней дневной поверхности зафиксированы небольшие площадки хозяйственной деятельности в виде участков скопления мелких фрагментов керамики, костей, в том числе со следами обжига. Отдельные кострища вне жилищ не встречены.

На периферии памятника обнаружены предметы искусства – мелкая скульптурная пластика, представленная фигурками животных. Фигурка медведя (?) выполнена из единого куска глиняного теста (в качестве отощителя использован некалиброванный песок, крупные фракции которого четко фиксируются в изделии) путем оформления тела, конечностей и головы животного. Задняя часть округлая, приподнятая, спина слегка вогнута, голо-

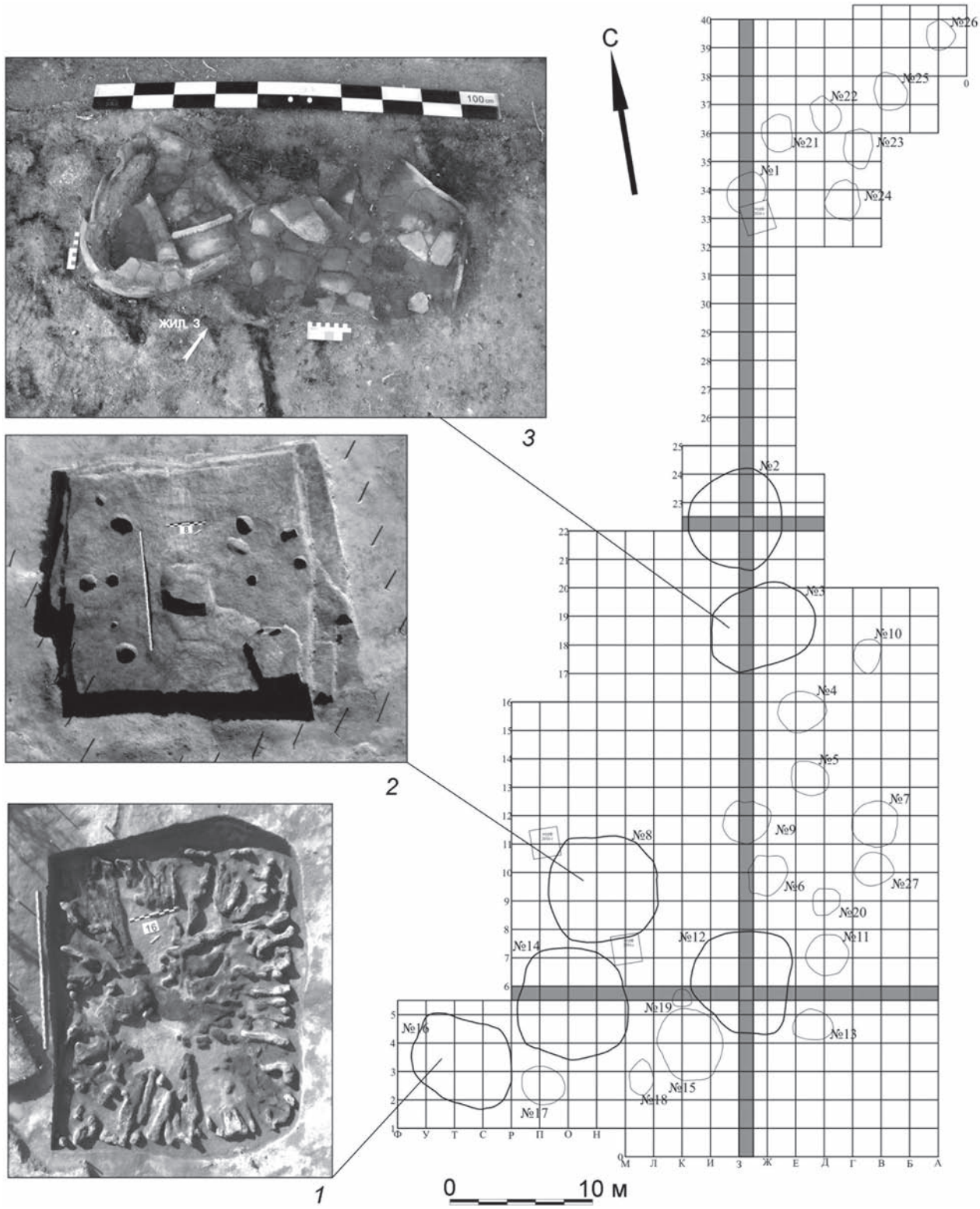


Рис. 1. Черниговка, селище-5. План раскопа.

1 – жилище № 16; *2* – жилище № 8; *3* – развалы сосудов в жилище № 3.

ва вытянутая вперед, уплощенная. Ноги слегка расставлены по сторонам, придавая скульптурке эффект динамики (рис. 2, *1*). Фигурка имеет размеры 21 × 11 × 11 мм. Фигурка свиньи (?) изготовленная аналогичным способом. Спинка животного выгнута, круп опущен, голова прижата к телу, слегка выступает вперед. Конечности короткие, едва оформлены (рис. 2, *3*). Размеры 24 × 11 × 11 мм.

Фрагмент сосуда с отверстием, проделанным для соединения трещины в горловине сосуда, с со-

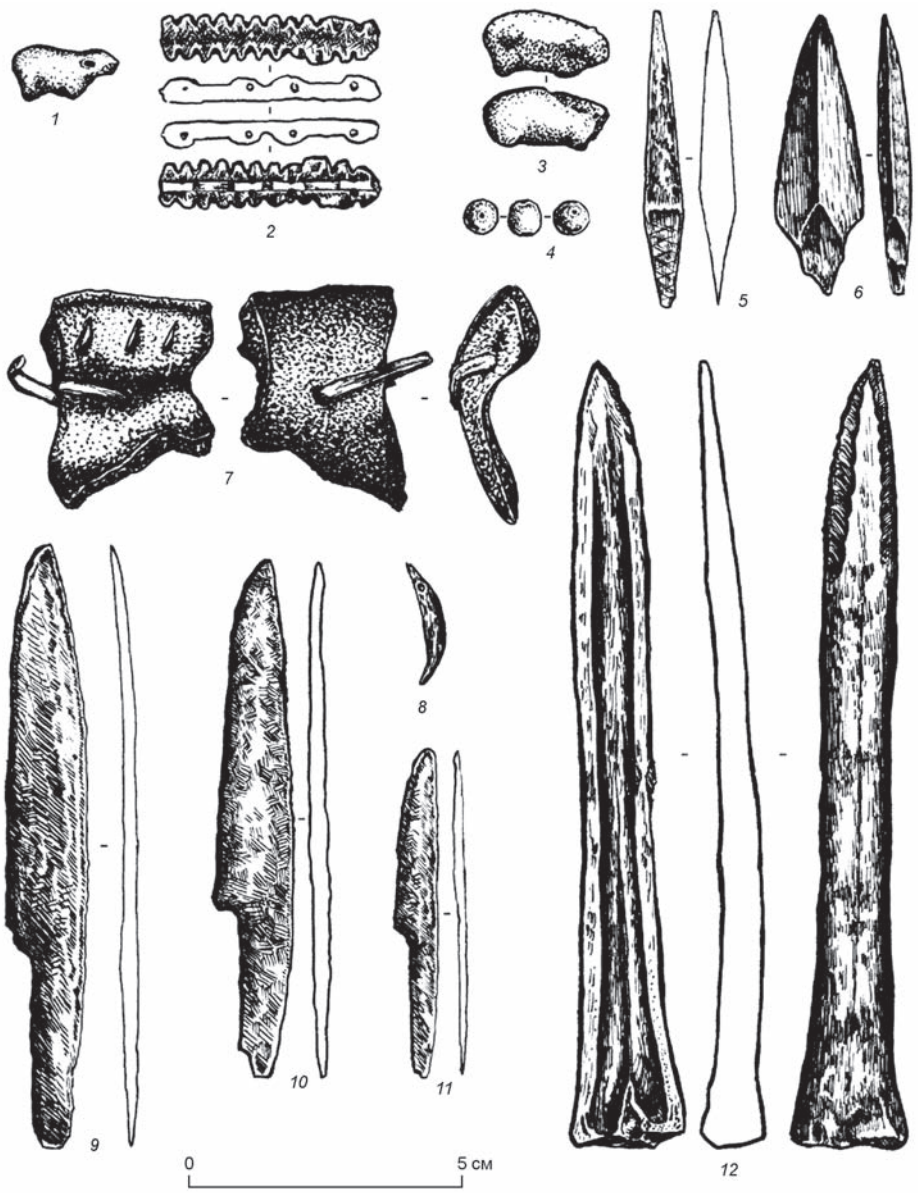


Рис. 2. Черниговка, селище-5. Артефакты.

1 – фигурка медведя (керамика); *2* – бляшка-нашивка (бронза); *3* – фигурка свиньи (керамика); *4* – бусина (керамика); *5, 6* – наконечники стрел (кость); *7* – фрагмент сосуда со следами ремонта (керамика, металл); *8* – подвеска (коготь птицы); *9–11* – ножи (металл); *12* – кочедык (кость).

хранившейся стягивающей металлической скобой найден в междужилищном пространстве (рис. 2, *7*).

Здесь же обнаружена бронзовая бляшка-нашивка с парными зубчиками по сторонам. Размеры изделия 41 × 8 × 5 мм. Судя по перемычке между шестой и седьмой парами зубчиков и близко расположенным петелькам для пришивания на обратной стороне, это – две неразделенные бляшки, отлитые в одной форме (рис. 2, *2*). Именно в неразделенном виде аналогичные бляшки с десятью парами зубчиков встречены в жилищах польцевской культуры поселения Польце I [Деревянко А.П., 1976, с. 289, 295]. Однако на раннесредневековом Михайловском городище михайловской культуры на р. Завитой аналогичная бронзовая бляшка имеет семь пар зубчиков и две петельки для пришивания [Деревянко Е.И., 1975, с. 205].

Анализируя материалы археологических раскопок, планиграфию памятника, особенности конструкции жилищ, концентрацию артефактов, можно сделать вывод, что раскопанный объект представляет собой однослойный комплекс михайловской археологической культуры Западного Приамурья (III–X вв. н.э.).

Из шести исследованных жилищ лишь одно погибло в момент проживания в нем древнего человека, о чем свидетельствует большое количество бытовых предметов, оставленных в жилище при экс-

тренном покидании его во время пожара. Остальные сооружения разрушены уже после оставления их человеком. Две постройки, возможно, обветшали со временем, т.к. их деревянная конструкция не сохранилась. Не исключено, что они были разобраны для вторичного использования при строительстве новых жилищ. Три других заброшенных строения сгорели, по-видимому, в ходе природного пожара.

Представленная информация является предварительной. Дальнейшая обработка и анализ всего полученного археологического материала позволит охарактеризовать особенности полностью раскопанного раннесредневекового поселения михайловской культуры Черниговка, селище-5.

Список литературы

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.

Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. – Благовещенск: Изд-во Благовещен. гос. пед. ун-та, 2017. – 194 с.

References

Derevianko A.P. Priamur'e (I tysyacheletie do nashey ery). Novosibirsk: Nauka, 1976, 384 p. (in Russ.).

Derevianko E.I. Mokheskie pamyatniki na Srednem Amure. Novosibirsk: Nauka, 1975, 250 p. (in Russ.).

Nesterov S.P. Narody Priamur'ya v epokhu rannego Srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 184 p. (in Russ.).

Shelomikhin O.A., Nesterov S.P., Alkin S.V. Dolina Burei v epokhu paleometalla: materialy issledovaniya pamyatnikov Bukinsky Klyuch-1 i Bezumka. Blagoveshchensk: State Ped. Univ. Press, 2017, 194 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.470-473
УДК 903.42+903.59+902.21

А.А. Дудко, Ю.А. Васильева, Д.А. Бычков

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Результаты полевых археологических работ Юганского отряда в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 году

В полевом сезоне 2018 г. Юганским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились археологические работы на левом и правом берегах р. Кулунигый, расположенных в левобережной части бассейна р. Большой Юган. В ходе стационарных археологических раскопок были изучены группы впадин Кулунигый-66 и -64, находящиеся в зоне хозяйственного освоения. На территории группы впадин Кулунигый-64 был выявлен грунтовый могильник, относящийся к эпохе энеолита – ранней бронзы. Разведочные работы на правом берегу р. Кулунигый позволили выявить на прирусловой гриве группу впадин Кулунигый-72 и многослойное поселение Кулунигый-71, относящиеся к эпохе позднего Средневековья и неолита–энеолита. Последующий анализ полученных материалов позволит существенно дополнить имеющиеся представления о историко-культурном развитии Сургутского Приобья.

Ключевые слова: *группа впадин, поселение, грунтовый могильник, Кулунигый, Большой Юган, Средневековье, энеолит, ранняя бронза.*

A.A. Dudko, Yu.A. Vasilyeva, D.A. Bychkov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Results of Archaeological Works of the Yugan Team in the Surgut District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2018

In the field season of 2018, the Yugan team of the IAET SB RAS carried out archaeological works on the left and right banks of the Kulunigyi, a tributary of the Bolshoy Yugan. In the course of stationary archaeological excavations, depression groups of Kulunigyi-66 and -64 located in the area of economic development were studied. The Kulunigyi-64 group of depressions yielded a burial ground dating to the Eneolithic - early Bronze Age. Exploration works on the right bank of the Kulunigyi produced a group of depressions named as Kulunigyi-72 and a multi-layered settlement site of Kulunigyi-71 dating to the late medieval period and Neolithic-Eneolithic. The subsequent analysis of the collected materials will make it possible to substantially supplement the existing data about the historical and cultural development of the Surgut Ob Region.

Keywords: *group of depressions, settlement, subsoil burial ground, Kulunigyi, Bolshoy Yugan, Middle Ages, Eneolithic, Early Bronze.*

Археологические исследования в бассейне р. Большой Юган имеют вековую историю. За это время открыто порядка 400 археологических памятников. Исследования в окрестностях юрт Когончиных и в долине р. Кулунигый впервые проведены в 1996–1997 гг. М.Ю. Селяниной, в результате чего в левобережье реки были обнаружены поселенческие комплексы раннего Средневековья. В 2001 и 2003 гг. Н.В. Шатуновым и С.А. Мызниковым открыт комплекс памятников Ай-Куйми в междуречье Кулунигыя и Куйми [Фефилова, 2008, с. 284–286]. С 2006 г. и по настоящее время сотрудниками ООО «НПО “Северная археология-1”» на обозначенной территории регулярно проводятся археологические исследования. На левом берегу р. Кулунигый открыто порядка 40 памятников: поселенческие комплексы раннего Средневековья, грунтовые могильники, группы впадин и несколько этнографических

объектов. Данные объекты культурного наследия объединены в один комплекс под названием «Юрты Когончины» [Древнее наследие…, 2013, рис. 21, с. 20]. В последние годы на территории комплекса открыты новые объекты и некоторые из них исследованы. В настоящей работе приведены предварительные результаты исследования нескольких объектов.

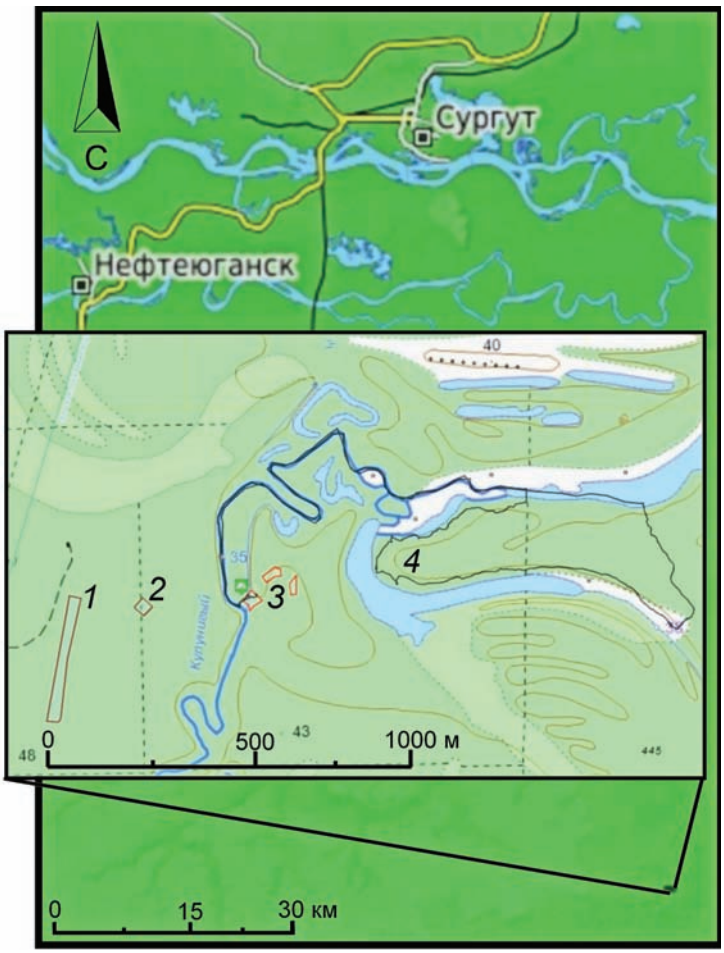
В июне – сентябре 2018 г. Юганским отрядом ИАЭТ СО РАН в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры проведены спасательные археологические раскопки на выявленных объектах культурного наследия: группа впадин Кулунигый-66 (см. *рисунок*, *1*) и группа впадин Кулунигый-64 (см. *рисунок*, *2*). Памятники находились в границах участка, подлежащего хозяйственному освоению по проекту «Обустройство кустов скважин № 25, 49 Среднеугутского месторождения».

Данные объекты были выявлены в 2017 г. сотрудником ООО «НПО “Северная археология-1”» Е.И. Кочеговым. Располагаются на участке водораздельной равнины р. Пеу и р. Кулунигый. Территория представляет собой пологоволнистую равнинную поверхность обширного останца обтекания, сформировавшегося в результате смещения русла реки Большой Юган на восток. Территория объектов культурного наследия занята сосновым лесом, который частично восстановился после крупного пожара.

Группа впадин Кулунигый-66 (см. *рисунок*, *1*) включала 7 археологизированных сооружений, вытянутых цепочкой по подножию гривы на 360 м в направлении ССВ – ЮЮЗ. На территории памятника было заложено 10 раскопов. Сооружения 1–7 до начала работ фиксировались в виде впадин овальной и округлой формы, глубиной 0,2–0,4 м. Сооружения 4–7 имеют обваловку высотой до 0,2 м. Культурные отложения в пределах сооружений сняты на глубину 2,2–2,98 м. На глубине 1–1,5 м у сооружения фиксировалась четкая в плане четырехугольная форма со скругленными углами. В нижней части заполнения сооружений зафиксированы углистые остатки деревянных конструкций. Заполнение сооружений – плотный серый ожелезненный песок, со светло-серыми и рыжими пятнами, насыщенный углистыми включениями. Реконструируемые по профилю формы ям чашеобразные, стенки наклонные, кроме сооружения 7 – его форма колодцеобразная, стенки отвесные. Дно ям ровное. На дне сооружений 5, 6 и 7 зафиксированы две прокопанные канавки вдоль северо-восточной и юго-западной стенок шириной около 0,5 м, глубиной 0,1–0,3 м. В заполнении ям предметы материальной культуры не обнаружены. Морфология сооружений, расположение в виде вытянутой цепочки, наличие в сооружениях углистых остатков позволяют интерпретировать группу впадин Кулунигый-66 как промысловый объект – систему ловчих ям. Размеры изученных ям на уровне дна варьируются от 1,5 × 3,0 м до 1,05 × 2,3 м, глубина от современной дневной поверхности 2,2–2,98 м.

Накопленные на сегодняшний день сведения о подобных археологических объектах позволяют проводить их верификацию в хронологическом отношении по морфологии. Так, более поздние сооружения, относящиеся к эпохе Средневековья, имеют глубину порядка 1,8 м, округлую форму в плане и диаметр котлована около 1,5 м. Одним из наиболее подробно проиллюстрированных исследований таких объектов являются раскопки ловчих ям на р. Кедровой [Рудковская, 2016, ил. 3, с. 308]. Подобные промысловые объекты, которые авторами исследований отнесены к периоду мезолита-неолита, наоборот, отличаются глубиной свыше 2 м, четырехугольной формой в плане и более узким котлованом [Косинская, 2014, рис. 2, с. 60]. Морфологическая схожесть исследованных сооружений с приведенными аналогиями и предварительные результаты исследований расположенной рядом группы впадин Кулунигый-61 дают основания предварительно датировать группу впадин Кулунигый-66 эпохой неолита – ранней бронзы. Более точная хронологическая принадлежность будет установлена по результатам радиоуглеродного датирования образцов, полученных из заполнения ловчих ям.

Группа впадин Кулунигый-64 (см. *рисунок*, *2*) состояла из двух объектов, расположенных в 0,68 м друг от друга, со следующими метрическими характеристиками: впадина 1 – овальной формы, размерами 3,2 × 4,25 м, глубиной 0,2 м; впадина 2 – округлой формы, размерами 4,76 × 4,79 м, глубиной 0,15 м. На памятнике был заложен раскоп в форме сложного многоугольника, что позволило полностью изучить видимые в рельефе впадины, а также периферийные участки. Площадь памятника изучена на глубину 0,7–1,5 м от современной дневной поверхности. На глубине 0,6 м было выявлено 7 пятен погребальных ям, образующих ряд, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Все пятна овальной формы, границы размыты, вытянуты по линии северо-восток – юго-запад. Размеры погребений 1,3–1,8 × 0,6–0,8 м, глубина 0,3–0,6 м. Заполнение всех погребений одинаково: в юго-западной части – оранжево-охристого цвета с углистыми включениями, в северо-восточной части – сверху белесое заполнение с углистыми остатками, ниже серо-желтый песок с углистыми включениями.



Карта района проведения работ.

1 – группа впадин Кулунигый-66; *2* – группа впадин Кулунигый-64; *3* – поселение Кулунигый-71 и группа впадин Кулунигый-72; *4* – маршрут натурного обследования в правобережье р. Кулунигый.

В погребениях обнаружена подвеска из красной сланцевой породы и 4 фрагментированных каменных наконечника стрел. Схожий предметный ряд встречается в материалах нескольких погребальных комплексов на территории Сургутского Приобья [Носкова, Карачаров, 2008, с. 151, 160], Зауралья [Берс, 1976, с. 198] и Тюменского Притоболья [Зах и др., 1991, с. 34–37]. Ближайшей аналогией по контексту залегания и предметному комплексу являются энеолитические погребения, которые были обнаружены при раскопках мезолитического поселения на р. Большой Салым [Коноваленко и др., 2017]. Приведенные сведения позволяют предварительно датировать грунтовый могильник Кулунигый-64 периодом энеолита – ранней бронзы. В заполнении могильных ям обнаружены два фрагмента кости плохой сохранности, зубная эмаль и древесный уголь. Анализ полученных материалов методами естественных наук позволит получить верифицируемые данные, на основании которых можно будет подойти к культурно-хронологической атрибуции выявленного погребального комплекса с более доказательных позиций.

Вместе со стационарными работами были проведены разведочные работы на территории Сургутского р-на, в результате которых выявлено два объекта археологического наследия: поселение Кулунигый-71 и группа впадин Кулунигый-72 (см. *рисунок*, *3*, *4*). Поселение Кулунигый-71 расположено на мысовидном выступе правого берега р. Кулунигый и состоит из 6 впадин подовальной и округлой формы. На северной стороне выступа была произведена зачистка обнажений до 1,9 м от современной дневной поверхности. В полученном стратиграфическом разрезе зафиксировано два культурных слоя, содержащих разновременный археологический материал. Предварительно, первый датируется поздним Средневековьем, второй – эпохой неолита – энеолита. В 20 м к северо-востоку от выраженных в рельефе объектов заложен шурф, который не дал археологического материала. На основании полученных данных была установлена граница территории объекта культурного наследия на расстоянии не менее 25 м от выраженных в рельефе сооружений.

Группа впадин Кулунигый-72 состоит из 3 впадин округлой формы, расположенных на прирусловой гриве на правом берегу р. Кулунигый (см. *рисунок*, *3*). На памятнике заложено 3 шурфа общей площадью 12 м^2, археологические материалы не обнаружены. Установлена граница территории объекта культурного наследия, состоящего из двух участков, на расстоянии не менее 15 м от выраженных в рельефе археологических сооружений с учетом ландшафтных особенностей.

В результате археологических работ изучены промысловые объекты, относящиеся к наиболее ранним на данной территории. Исследование группы впадин Кулунигый-64 позволило зафиксировать погребальный комплекс, предположительно относящийся к периоду энеолита – ранней бронзы. Подобный тип памятников встречается в Сургутском Приобье крайне редко. Разведочные работы принесли новые сведения о времени и характере обитания древнего населения в долине р. Кулунигый.

Список литературы

Берс Е.М. Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. – 1976. – № 4. – С. 190–199.

Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». – Екатеринбург: Магеллан, 2013. – 256 с.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 13–42.

Коноваленко М.В., Балуева Ю.В., Сериков Ю.Б. Энеолитические погребения на р. Большой Салым // V (XXI) Всерос. археол. съезд: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – С. 512–513.

Косинская Л.Л. Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе // Археология Арктики. – 2014. – Вып. 2. – С. 58–79.

Носкова Л.В., Карачаров К.Г. Энеолитический могильник Старые Покачи-5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут, 2008. – С. 146–169.

Рудковская М.А. Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Томск; Ханты-Мансийск, 2016. – Вып. 14. – С. 304–316.

Фефилова Т.Ю. История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут, 2008. – С. 283–295.

References

Bers E.M. Pozdneneoliticheskoe pogrebenie na r. Ayat' v Srednem Zaural'y. *Sovetskaya arkheologiya*, 1976, No. 4, pp. 190–199 (in Russ.).

Drevnee nasledie Sredney Obi na territorii khozyaystvennogo osvoeniya OOO "RN-Yugansknefegaz". Yekaterinburg: Magellan Publ., 2013, 256 p. (in Russ.).

Fefilova T.Yu. Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy na rekakh Bol'shoy i Maly Yugan. In *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ja*. Yekaterinburg; Surgut, 2008, pp. 283–295 (in Russ.).

Konovalenko M.V., Balueva Yu.V., Serikov Yu.B. Eneoliticheskie pogrebeniya na r. Bol'shoy Salym. In *V (XXI) Vserossijskij arkheologicheskij syezd: sbornik nauchnyh trudov.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, pp. 512–513 (in Russ.).

Kosinskaya L.L. Arkheologicheskie issledovaniya UrFU v Purovskom rayone. *Arkheologiya Arktiki*, 2014, iss. 2, pp. 58–79 (in Russ.).

Noskova L.V., Karacharov K.G. Eneoliticheskiy mogil'nik Starye Pokachi-5.1 na reke Agan. In *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ja*. Yekaterinburg, Surgut, 2008, pp. 146–169 (in Russ.).

Rudkovskaya M.A. Lovchie zverolovnye yamy na r. Kedrovoy (Khanty-Mansiyjsky rayon KhMAO – Yugry). In *Khanty-Mansiysky avtonomny okrug v zerkale proshlogo: sbornik statej*. Tomsk, Khanty-Mansiysk, 2016, iss. 14, pp. 304–316 (in Russ.).

Zakh V.A., Zotova S.V., Panfilov A.N. Drevnie mogil'niki na Andreevskom ozere bliz Tyumeni. In *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya*. Omsk, 1991, pp. 13–42 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.474-477
УДК 902.2

А.В. Кениг[1, 2], Е.А. Зайцева[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Сургутский государственный университет
E-mail: akenig@bk.ru

Археологическая разведка в бассейне реки Согом

В полевом сезоне 2015 г. была проведена археологическая разведка в бассейне р. Согом на территории Согомского археологического микрорайона с целью культурно-хронологической атрибуции памятников. Всего было обследовано 20 памятников археологии, из них 7 городищ, 11 поселений и 2 могильника. В результате получены новые данные о хронологии обследуемых памятников, которые в целом вписываются в круг известных культурно-хронологических типов региона и находят аналогии в материалах Нижнего Прииртышья и Сургутского Приобья.

Ключевые слова: *Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Согом, археологическая разведка, памятники археологии, хронология.*

A.V. Kenig[1, 2], E.A. Zaitseva[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]Surgut State University
E-mail: akenig@bk.ru

Archaeological Exploration in the Sogom River Basin

In the 2015 field season, archaeological exploration was carried out in the Sogom Basin on the territory of Sogomsky archaeological microdistrict, with the aim of cultural and chronological attribution of sites. In total, 20 archeological sites were examined including 7 hillfort sites, 11 settlements and 2 burial grounds. As a result, new data on the chronology of the surveyed sites, which generally fit the well-known cultural and chronological types of the regional sites and have parallels in the materials from the Lower Irtysh and Surgut Ob Region.

Keywords: *Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Sogom, archaeological exploration, archaeological sites, chronology.*

Археологическая разведка проходила в 2015 г. в районе д. Согом Ханты-Мансийского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры под руководством А.В. Кенига. Объектом исследования являлись памятники археологии, расположенные в районе д. Согом на юго-западе Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры, в 80 км юго-западнее окружного центра – г. Ханты-Мансийска.

Работы по культурно-хронологической атрибуции памятников археологии на данной территории начались под руководством авторов с 2008 г. Основными источниками для датировки памятников и интерпретации процессов освоения Согомского микрорайона послужили результаты экспедиций 2008–2015 гг., а так же архивные материалы по археологическим исследованиям, проведенным на этой территории в 1960–1980-е гг. [Шорикова, 1965; Соколова, 1965; Поршукова, 1991; Морозов, 1993].

К настоящему времени проведена большая работа по идентификации памятников на местности, установлению их границ и технического состояния, датировке, в результате чего на территории Согомского археологического микрорайона известно 203 памятника археологии, типология которых разнообразна: поселения, городища, могильники. Наибольшую группу составляют поселения – 133 памятника; городищ в два раза меньше – 62 памятника; самая малочисленная группа – могильники, их число составляет 8.

По результатам проведения археологической разведки в 2015 г. обследованы и датированы объекты археологического наследия: городища Ершовое-1, -3; Согом-5, -8, -9, -10, -50; могильники Со-

гом-79, -81; поселения Согом-13, -14, -18, -22, -43, -48, -51, -52, -59, -91, -109.

Большая часть известных памятников хорошо выражена в современном рельефе в виде впадин и наземных площадок различных очертаний. В ряде случаев прослеживаются элементы конструкций. Поэтому сходные внешние признаки памятников, определенные по рельефным особенностям на этапе разведочных работ, позволяют в ряде случаев делать заключение о функциональном назначении и датировке памятника. Несмотря на это, часть памятников на сегодняшний день не датированы, что послужило основанием для организации и проведения обследования 20 объектов в 2015 г.

Данные памятники расположены по берегам озера Домашний Сор, имеют внешние, выраженные в микрорельефе черты, такие как вал, ров, впадины, наземные площадки. Типологическая принадлежность памятников – 7 городищ, 2 могильника и 11 поселений.

Большая часть поселений, а так же городище Согом-50, могильники Согом-79 и Согом-81 были выявлены в 2011 г. в ходе археологической разведки под руководством Е.А. Зайцевой [Зайцева, 2012]. Поселения Согом-13 и Согом-14 были открыты в 1965 г. Обским отрядом (начальник отряда З.П. Соколова) северной экспедиции Института этнографии АН СССР. На момент открытия поселение Согом-13, по архивным данным, называлось Поселение III, поселение Согом-14 – Поселение II. В 2009 г. поселения повторно были обследованы Е.А. Зайцевой, в результате чего памятники был идентифицированы на местности, сняты их топографические планы с учетом не учтенных ранее элементов и памятники получили названия Согом-13 и Согом-14. Проведенная в 2009 г. шурфовка памятников позволила получить данные о их культурно-хронологической атрибуции [Зайцева, 2010].

Городища Ершовое-1, Ершовое-3, Согом-5, -8, -9 и -10 выявлены в 1989 г. археологической экс-

Датировка памятников Согомского археологического микрорайона по результатам работ 2015 г.

Памятник	Датировка
Ершовое-1, городище	Эпоха поздней бронзы (XII–VIII вв. до н.э.) – эпоха раннего железного века, кулайская культура (IV–III вв. до н.э. – III в. н.э.) – эпоха Средневековья (IV–XVI вв).
Ершовое-3, городище	Эпоха поздней бронзы (последняя четверть II – первая четверть I тыс. до н.э.) – эпоха раннего Средневековья (IV – начало VI в.).
Согом-10, городище	Эпоха поздней бронзы (XII–VIII вв. до н.э.) – эпоха Средневековья (IV–XVI вв).
Согом-13, поселение	Ранний этап бронзового века (первая половина II тыс. до н.э.) – эпоха позднего Средневековья (XIV–XVI вв).
Согом-14, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – бронзовый век (рубеж III – II тыс. до н.э. по VIII в. до н.э.), эпоха Средневековья (IV–XVI вв. н. э)
Согом-18, поселение	Ранний этап бронзового века, кульёганский тип (первая половина II тыс. до н.э.)
Согом-22, поселение	Эпоха раннего железного века (VIII–VII вв. до н.э. – III в. н.э.)
Согом-43, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)
Согом-48, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)
Согом-5, городище	Эпоха раннего железного века (VIII–VII вв. до н.э. – III в. н.э.) – эпоха раннего Средневековья, карымский этап (IV – начало VI в.)
Согом-50, городище	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)
Согом-51, поселение	Поздний этап бронзового века, барсовская культура (последняя четверть II – первая четверть I тыс. до н.э.)
Согом-52, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)
Согом-59, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)
Согом-79, могильник	Эпоха Средневековья (IV – XVI вв).
Согом-8, городище	Поздний этап бронзового века, барсовская культура (последняя четверть II – первая четверть I тыс. до н.э.)
Согом-81, могильник	Не определена
Согом-9, городище	Раннее Средневековье, карымский этап (IV – начало VI в.)
Согом-91, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)
Согом-109, поселение	Энеолит (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) – ранний бронзовый век (III – II тыс. до н.э.)

педицией Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева (руководитель – Н.Ю. Поршукова) [Поршукова, 1991]. В 2011 г. эти памятники были повторно обследованы в ходе мониторинга технического состояния и установления границ под руководством Т.Н. Собольниковой [Кузина, Собольникова, 2012]. В ходе работ 2011 г. были определены их границы, а так же уточнены данные относительно датировки (городища Ершовое-1, -3, Согом-5) и топографии памятников (городища Согом-8 и -10) [Там же].

В ходе полевых работ летом 2015 г. было обследовано 7 городищ: Ершовое-1, Ершовое-3 и Согом-50, расположенные в урочище Мыс Бор, городище Согом-5 – в урочище Понумъяха и городища Согом-8, -9 и -10 в урочище Мыс Бор. Данные объекты к настоящему времени находятся в неудовлетворительном (Ершовое-3, Согом-8, -9, -10) или аварийном состоянии (городища Ершовое-1, Согом-50), что позволило осуществить сборы с поверхности без закладывания стратиграфических разрезов.

В результате работ подтвердилась датировка городищ Ершовое-1 и -3. Опираясь на собранный подъемный материал и результаты предыдущих исследований, мы установили, что городище Ершовое-1 могло функционировать с эпохи поздней бронзы на протяжении раннего железного века и эпохи Средневековья, а городище Ершовое-3 на позднем этапе бронзового века и в эпоху раннего Средневековья. Датировано городище Согом-50, время существования которого ранее определялось по рельефным признакам. Уточняющие данные по хронологии получены для городищ Согом-5, -8, -9 и -10 (см. *таблицу*).

На большей части поселенческих комплексов были заложены стратиграфические разрезы, а именно на поселениях Согом-13, -14, -18, -22, -43, -48 и -109. Сборы подъемного материала осуществлены на поселениях Согом-51, -52, -59 и -91, находящихся в аварийном состоянии.

В результате работ стратиграфические разрезы, заложенные на поселениях Согом-13, Согом-14, Согом-52 и -59, дали возможность расширить наши представления о времени их существования, значительно удревнив хронологию поселения Согом-13, Согом-52 и Согом-59 до этапа раннего бронзового века и эпохи энеолита соответственно. На поселении Согом-14 были обнаружены материалы эпохи Средневековья. Подтверждена датировка поселения Согом-51. Остальные поселения были датированы впервые (см. *таблицу*).

Могильники являются самой малочисленной категорией памятников Согомского археологического микрорайона (3,8 %). Рельефные особенности территории в ряде случаев не позволяют идентифицировать памятники такого типа. Тем не менее летом 2015 г. была произведена шурфовка могильников Согом-79 и Согом-81, расположенных в урочище Понумъяха. Обнаруженная на могильнике Согом-79 керамика характерна для средневековых комплексов Сургутского и Нижнего Приобья. Небольшое количество материала, полученного в шурфе на могильнике Согом-81, не позволяет однозначно соотнести этот памятник с определенным культурно-хронологическим типом.

Таким образом, по результатам работ в 2015 г. была проведена шурфовка 9 памятников археологии Согомского археологического микрорайона, на 11 произведены сборы подъемного материала. Получены новые данные о хронологии памятников, которые в целом вписываются в круг известных культурно-хронологических типов региона и находят аналогии в материалах Нижнего Прииртышья и Сургутского Приобья.

Список литературы

Зайцева Е.А. Отчет о НИР. Археологическая разведка в районе д. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры, проведенная летом 2009 г.: в 2 кн. – Ханты-Мансийск, 2010 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 6020. Д. 932а, б.

Зайцева Е.А. Отчет о научно-исследовательской работе. Мониторинг состояния и установления границ памятников археологии в районе д. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры, проведенный летом 2011 г. Ханты-Мансийск, 2012 // Архив АУ ЦОКН.

Кузина А.В., Собольникова Т.Н. Мониторинг состояния и установление границ объектов археологического наследия, расположенных в пределах территории сельского поселения Согом, выявленных в 1960–1990-х годах // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. – Вып. 10.

Морозов В.М. Отчет о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. – Екатеринбург, 1993. – 189 с. // Архив ИА АН СССР. Ф.1, Р. 1, № 17541.

Поршукова Н.Ю. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 году. – Тобольск, 1991 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1261. Д. 21.

Соколова З.П. Отчет о раскопках и разведках Соколовой З.П. летом 1965 г. в Ханты-Мансийском национальном округе. – Свердловск, 1965 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1266. Д. 23.

Шорикова Л. Г. Отчет о разведке в Ханты-Мансийском национальном округе. – Свердловск, 1965 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 4785. Д. 22.

References

Kuzina A.V., Sobol'nikova T.N. Monitoring sostoyaniya i ustanovlenie granits ob'yektov arkheologicheskogo naslediya, raspolozhennykh v predelakh territorii sel'skogo poseleniya Sogom, vyyavlennykh v 1960–1990-kh godakh. In *Khanty-Mansiisky avtonomny okrug v zerkale proshlogo*: sb. st. Tomsk, Khanty-Mansiysk: Tom. State Univ. Press, 2012, iss. 10 (in Russ.).

Morozov V.M. Otchet o razvedochnykh issledovaniyakh v Oktyabr'skom i Khanty-Mansiyskom raionakh Tyumenskoy oblasti letom 1992 g. Yekaterinburg, 1993, 189 p. In *Arkhiv IA AN SSSR. F.1, R. 1, No. 17541*. (in Russ.).

Porshukova N.Yu. Otchet o razvedochnykh rabotakh v Khanty-Mansiiskom raione Tyumenskoy oblasti v 1989 godu. Tobol'sk, 1991. *Arkhiv avtonomnogo uchrezhdeniya "Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya". Inv. No. 1261. D. 21* (in Russ.).

Shorikova L. G. Otchet o razvedke v Khanty-Mansiyskom natsional'nom okruge. Sverdlovsk, 1965. In *Arkhiv avtonomnogo uchrezhdeniya "Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya". Inv. No. 4785. D. 22* (in Russ.).

Sokolova Z.P. Otchet o raskopkakh i razvedkakh Sokolovoi Z.P. letom 1965 g. v Khanty-Mansiyskom natsional'nom okruge. Sverdlovsk, 1965. In *Arkhiv avtonomnogo uchrezhdeniya "Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya". Inv. No. 1266. D. 23* (in Russ.).

Zaytseva E.A. Otchet o NIR Arkheologicheskaya razvedka v raione d. Sogom Khanty-Mansiyskogo raiona KhMAO – Yugry, provedennaya letom 2009 goda: v 2-kh knigakh. Khanty-Mansiysk, 2010. In *Arkhiv avtonomnogo uchrezhdeniya "Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya". Inv. No. 6020. D. 932a, b* (in Russ.).

Zaytseva E.A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote. Monitoring sostoyaniya i ustanovleniya granits pamyatnikov arkheologii v raione d. Sogom Khanty-Mansiyskogo raiona KhMAO – Yugry, provedenny letom 2011 goda. Khanty-Mansiysk, 2012. In *Arkhiv avtonomnogo uchrezhdeniya "Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya"* (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.478-480
УДК 902.21

Э.Н. Киргинеков[1], А.В. Выборнов[2], И.А. Грачев[3], И.Д. Зольников[2, 4]

[1]Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
[3]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
[4]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: kirginekov8@mail.ru

Археологическая разведка в окрестностях бывшего улуса Котожеков

В 2018 г. в рамках экспертизы земельных участков на территории проектируемых объектов разработки Бейского каменноугольного месторождения была проведена археологическая разведка в окрестностях бывшего улуса Котожеков на северной окраине Койбальской степи. Обнаружены известные и новые объекты археологического наследия, получены сведения о формировании местного рельефа в позднем плейстоцене. Серия геологических шурфов подтвердила представления о временном подпрудном водоеме ок. 17 тыс. л.н., сформировавшем рельеф местности урочища Сорокоозерки. Археологические объекты представлены стояночными комплексами и погребальными объектами. Обнаружены погребальные структуры от эпохи поздней бронзы до этнографической современности. Среди них выделяется компактная локализация погребальных комплексов от середины I до конца II тыс. н.э. (Котожековский чаатас) и курганная группа тагарской культуры в окружении грунтовых могил и склепов таштыкской культуры (Котожеков-1).

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, Койбальская степь, улус Котожеков, эпоха бронзы, тагарская культура, таштыкская культура, эпоха чаатас, енисейские кыргызы.*

E.N. Kirginekov[1], A.V. Vybornov[2], I.A. Grachev[3], I.D. Zolnikov[2, 4]

[1]L.R. Kyzlasov Khakas National Museum
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[3]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
[4]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: kirginekov8@mail.ru

Archaeological Exploration in the Vicinity of the Former Kotozhekov Ulus

In 2018 archaeological exploration was carried out in the vicinity of the former ulus of the Kotozhekov on the northern outskirts of the Coibal steppes. The works were carried out within the framework of the examination of land plots in the Beisk coal field. Known and new archaeological heritage sites were located; the information on the formation of local relief in the Late Pleistocene was obtained. A set of geological test pits was established and the collected data confirmed the hypothesis on existence of a temporary dammed reservoir of about 17 thousand years ago, which formed the terrain of the Sorokoozerki locality. Archaeological sites are represented by camp and burial sites. The burial constructions from the Late Bronze Age to the ethnographic present were discovered including the compact group of burial complexes dating to the range of the middle of the 1st to the end of the 2nd millennium AD (Kotozhekov Chaatas) and the kurgan group of the Tagar culture surrounded by graves of the Tashtyk culture (Kotozhekov-1).

Keywords: *Khakass-Minusinsk Hollow, Coibal Steppe, ulus of the Kotozhekov, Bronze Age, Tagar Culture, Tashtyk Culture, Chaatas Era, Yenisei Kyrgyz.*

Бывший улус Котожеков расположен в северо-западной части Койбальской степи. Местный ландшафт представлен обширным урочищем Сорокоозерки с линией неглубоких озер с обширной поймой, возвышенностями по краям долины. Значительная часть степной поверхности – дюны, сложенные песками со слабо развитым гумусовым горизонтом. В недрах залегают пласты крупного

Бейского каменноугольного месторождения, известного с 1920-х гг. Активизация добычи каменного угля в 2000-е гг. привела к расширению разрезов, отвалов, инфраструктуры. Увеличение площадей отводимых земель потребовало усиленного внимания к сохранению объектов археологического наследия на одном из самых насыщенных памятниками и археологически известных районов Хакасско-Минусинской котловины.

Археологические исследования в Койбальской степи ведутся с середины XX в. В частности, Л.Р. Кызласовым в 1959 г. были описаны выразительные погребальные сооружения Котожековского чаатаса [Кызласов, 1980]. В 2010-е гг. на участках угледобычи разведками ХО ВООПИиК уточнялись границы известных и обнаружены новые археологические объекты. В 2018 г. археологическая разведка в районе бывшего улуса Котожекова проведена под руководством Э.Н. Киргинекова (ХНКМ им. Л.Р. Кызласова) в сотрудничестве с ИАЭТ СО РАН. Исследования сфокусированы на площади около 300 га, планируемой под отвалы угольного разреза северо-восточнее оз. Турпанье (Алтайский р-н Республики Хакасия).

С целью обоснования характера рельефа и геологических детерминант обнаружения культурных слоев и структур была заложена серия шурфов, материалы которых подтвердили гипотезу о катастрофическом потоке, определившем современное состояние осадков и рельефа Южно-Минусинской котловины [Аржанникова и др., 2014]. Геологические исследования показали, что расположенная здесь песчаная толща имеет двухьярусное строение. Нижний представлен субаквальными отложениями, сформировавшимися 17 тыс. л. н. при выходе гляциального суперпаводка по долине Енисея из Западно-Саянского хребта, а верхний представлен субаэральными образованиями, которые накопились в результате переотложения песков нижнего яруса преимущественно эоловыми процессами. По данным государственного геологического картирования [Херасков, Анисимова, 1963], субаквальный комплекс в палеодолине у Енисея достигает 50 м, а к Абакану сокращается по мощности до 15–5 м. Такая палеогеографическая реконструкция свидетельствует о невысокой вероятности обнаружения памятников палеолита во внутренних областях Южно-Минусинской котловины. Вероятность существования палеолитических памятников с возрастом младше 17 тыс. л.н. существенно больше в ее периферической области, где негативное влияние процессов перевевания было гораздо меньше, а природных ресурсов для жизни человека вдоль русел рек было гораздо больше. Что касается памятников голоцена, то их локализация в значительное мере зависела от эпох иссушения и увлажнения на протяжении эпохи и соответствующей трансформации местной гидросети, включая русла рек, второстепенные протоки, старицы и озера.

В ходе полевых работ 2018 г. обнаружены новые объекты археологического наследия, уточнены границы и характеристики известных. Предлагаем описание объектов по хронологическим группам.

К эпохе бронзы относятся могильники Котожеков-2–4. Могильник Котожеков-2 (Хызыл-Салда-2) состоит из 4 видимых подпрямоугольных каменных оград. По визуальным признакам могильник датируется эпохой поздней бронзы (кон. II тыс. до н. э. – нач. I тыс. до н.э.). Предположительно, часть сооружений относится и к более раннему периоду эпохи бронзы.

Могильник Котожеков-4 представлен одной видимой каменной оградой подпрямоугольной формы. Видимые размеры ограды 5 × 5 м. По визуальным признакам сооружение датируется эпохой поздней бронзы (кон. II тыс. до н. э. – нач. I тыс. до н.э.).

Могильник Котожеков-5 состоит из 6 видимых подпрямоугольных фрагментов каменных оград. В юго-восточной части фиксируется земляная насыпь диаметром 8 м, высотой 0,4 м. По визуальным признакам могильник датируется эпохой поздней бронзы (кон. II тыс. до н. э. – нач. I тыс. до н.э.).

К тагарской культуре относится курганный могильник Котожеков-3, состоящий из двух курганов, расположенных по линии северо-запад – юго-восток. Курганы представляют собой земляные насыпи диаметром 25 м, высотой 0,6–0,8 м. У одного из курганов в южной части видна угловая стела размером 0,4 × 0,5 м. По визуальным признакам могильник датируется ранними этапами тагарской культуры (VIII–VII вв. до н.э.).

Ко времени тагарской и таштыкской культур относится могильник Котожеков-1. Судя по положению и размерам насыпей курганов, можно предположить высокий социальный статус погребенных. Могильник расположен у подошвы западного склона небольшой возвышенности и является доминантой в ландшафтном окружении. Включает не менее 10 курганов, склепов разных размеров и поминальных рядов. В северной части могильника локализуются три кургана с земляной насыпью округлой формы с крутыми склонами. Диаметр насыпи кургана № 1 – 50 м, высота 2–3,5 м. В насыпи фиксируются три западины. Курган можно отнести к тесинскому этапу тагарской культуры (II–I вв. до н.э.).

К востоку от кургана № 1 расположен курган № 2 с округлой земляной насыпью диаметром 20 м, высота – 1,5 м. Курган № 3 находится в востоку-северо-востоку от кургана № 1, высота насыпи – 2,5 м, диаметр – 30 м. На уровне дневной по-

верхности на всех насыпях курганов фиксируются отдельные камни, западины. Курганы предположительно относятся к сарагашенскому этапу тагарской культуры (V–III вв. до н.э.).

В западной части могильника выявлен курган № 4, имеющий земляную насыпь диаметром 30–35 м, высотой до 1 м, у северной и западной подошв обнаружены угловые или простеночные стелы. По визуальным признакам курган № 4 датируется биджинским этапом тагарской культуры (VII–IV вв. до н.э.).

В южной части могильника расположены склепы таштыкской культуры (не менее шести) в виде западин диаметром 6 м, глубиной 0,4–0,5 м. По периметру западин – камни высотой 0,6 м, обнажения кладки каменной крепиды погребального сооружения. В южной и западной частях могильника выявлены поминальные ряды таштыкской культуры – отдельно вкопанные стелы высотой от уровня дневной поверхности 0,6 м.

К таштыкской культуре относится могильник Турпанье-1, расположенный на дюнах близ восточного берега оз. Турпанье. Могильник состоит из видимого подпрямоугольного сооружения, сложенного из плит девонского песчаника горизонтальной кладки в 1-2 слоя. На площади могильника на уровне дневной поверхности фиксируются фрагменты стенок ограды.

Таштыкской культурой определяются культурные слои, зафиксированные в шурфах на краю надпойменной террасы (поселения Котожеков-6, -7). На глубине 0,20–0,35 м от уровня современной дневной поверхности были выявлены фрагменты керамики, колотые кости животных, фрагменты жженого дерева. Поселения не выделяются в рельефе.

От таштыкской культуры до этнографической современности датируются объекты могильника Котожековский чаатас, расположенного на краю надпойменной террасы правого берега водотока с оз. Турпанье. На могильнике выделяются группы погребальных сооружений: склепы таштыкской культуры в виде западин и каменной кладки по периметру (западная часть могильника), каменные кладки со стелами эпохи раннего Средневековья (чаатас, центральная часть могильника), кольцевые каменные выкладки размерами от 2 до 6 м развитого и позднего Средневековья (севернее, южнее, юго-западнее чаатасов), кровля каменных прямоугольных выкладок этнографической современности (юго-восточнее чаатасов), современное кладбище XX–XXI вв. (восточнее чаатасов). По формам надмогильных сооружений могильник датируется таштыкской культурой (I–V вв. н.э.) – Средневековьем (VI–XVI вв.) – этнографической современностью (XVII–XX вв.).

К позднему Средневековью относится могильник Котожеков-8, расположенный на площадке склона небольшой возвышенности, с которой открывается вид на долину р. Абакан и степи, окружающие озера, на юго-западе видны вершины Западного Саяна (г. Борус и др.). На дневной поверхности площадки выделяется кольцевая каменная выкладка диаметром ок. 6 м. Высота кладки – ок. 0,4 м. В центре фиксируется небольшая западина. Курган сильно задернован и слабо выделяется в высоком травостое. По особенностям топографии и конструкции курган (и возможные сопутствующие погребения) датируются эпохой Средневековья и связаны с культурой енисейских кыргызов конца I – начала II тыс. н.э.

В результате разведки описаны объекты, которые можно рассматривать как опорные для характеристики и анализа археологии Южно-Минусинской котловины в последние три тысячи лет. Исключительную важность имеет локальная последовательность погребальных сооружений, которая отражает хронологические, социальные, этнокультурные характеристики местного населения на протяжении VIII в. до н.э. – V в. н.э. (курганный могильник Котожеков-1) и V–XIX вв. н.э. (могильник Котожековский чаатас). В условиях активной хозяйственной деятельности на землях расположения археологических объектов, чрезвычайно важно обеспечить их сохранение с учетом естественного ландшафта.

Список литературы

Аржанникова А.В., Аржанников С.Г., Акулова В.В., Данилова Ю.В., Данилов Б.С. О происхождении песчаных отложений в Южно-Минусинской котловине // Геология и геофизика. – 2014. – Т. 55, № 10. – С. 1495–1508.

Кызласов Л.Р. Чаатасы Хакасии // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. – С. 108–114.

Херасков Н.Н., Анисимова Н.Д. Геологическая карта масштаба 1 : 200 000. Серия Западно-Саянская. Лист N-46-XXVI. Объяснительная записка. – М.: Гос. науч.-техн. изд-во лит-ры по геологии и охране недр, 1963. – 96 с.

References

Arzhannikova A.V., Arzhannikov S.G., Akulova V.V., Danilova Yu.V., Danilov B.S. The origin of sand deposits in the South Minusa Basin. *Russian Geology and Geophysics*, 2014, vol. 55, No. 10, pp. 1495–1508.

Kheraskov N.N., Anisimova N.D. Geologicheskaya karta masshtaba 1 : 200 000. Seriya Zapadno-Sayanskaya. List N-46-KhKhVI. Obyasnitel'naya zapiska. Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo literatury po geologii i okhrane nedr, 1963, 96 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Chaatasy Khakasii. In *Voprosy arkheologii Khakasii*. Abakan: KhakNIIYaLI, 1980, pp. 108–114 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.481-484
УДК 902.01

С.В. Колонцов, А.А. Присекайло

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: caesar5@mail.ru

К вопросу о местонахождении Малышевской слободы

В полевой сезон 2015 г. отрядом Отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка на островах и прибрежных зонах Новосибирского водохранилища. Целью работ стало выявление новых археологических объектов на побережье и островах водохранилища и р. Оби, планирование и проведение мероприятий по спасению археологических объектов, находящихся в аварийном состоянии. Так, в ходе работ обследован участок от д. Тула до с. Мереть. Протяженность маршрута составила более 200 км. В ходе разведки на территории современного с. Малышево была заложена траншея площадью 10 м^2, разрезающая остатки оборонительного сооружения (рва и вала). В результате работ был получен археологический материал, датируемый временем существования Малышевской слободы, а привлеченные в ходе исследования письменные источники соотносят местоположение слободы с тем, где был обнаружен археологический материал.

Ключевые слова: *Новосибирская область, Алтайский край, Обское водохранилище, археологическая разведка, русское поселение, слобода.*

S.V. Kolontsov, A.A. Prisekailo

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: caesar5@mail.ru

Location of Malyshevo Sloboda

The Rescue Archaeology Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS conducted archaeological survey on the islands and the coastal areas of the Novosibirsk reservoir. We aimed to find new archaeological objects on the islands and the coastal areas of the Novosibirsk reservoir and the Ob, plan and realize the rescue measures for the archaeological sites under the critical conditions. Thus, we explored the area from Tula to Meret; the total distance was over 200 km. A trench of 10 m^2 bisecting the remains of defensive construction in the form of a ditch and a wall was established in the present-day village of Malyshevo. We obtained the archaeological material dating to the period of existence of Malyshevo Sloboda; while the available written sources correlate location of the Sloboda with the place where archeological materials were found.

Keywords: *Novosibirsk region, Altai territory, Ob reservoir, archaeological survey, Russian settlement, sloboda.*

В полевой сезон 2015 г. Отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка на островах Обского водохранилища и р. Обь в Искитимском, Ордынском, Сузунском р-нах Новосибирской обл., а также в Каменском и Крутихинском р-нах Алтайского края.

В результате обследования территории вблизи с. Малышево Сузунского р-на Новосибирской обл. была обнаружена сохранившаяся часть оборонительных сооружений (ров, вал) бывшей Малышевской слободы (ныне с. Малышево).

Выявленный объект археологического наследия Малышевская слобода расположен на высоком яру левого берега р. Обь в 120 м от его обрыва в устье р. Каменка, в 360 м от с. Малышево. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположен памятник, составляют от 131 до 135 м. Высота над урезом воды 8–10 м.

На выположенной площадке хорошо видны одиннадцать западин округлой формы глубиной до 70 см. В ЮЮЗ и в ЮВ части выявленного объекта обнаружены частично сохранившиеся ров и вал. На его территории имеются техногенные наруше-

ния, вызванные деятельностью жителей с. Малышево, которые, по-видимому, и разрушили часть оборонительных сооружений (рис. 1).

В ходе обследования с целью определения хронологической и культурной принадлежности была заложена траншея 5 × 2 м, разрезающая ров и вал.

Найденный в ходе шурфовки археологический материал (кованые гвозди, металлический шлак, обломки кирпичей, фрагменты русской керамики), а также вероятные остатки оборонительных сооружений (ров, вал) позволяют считать, что выявленный археологический объект является Малышевской слободой. Также на это указывает ряд архивных источников, в которых говорится о ее местоположении и то, что оно не менялось со дня основания слободы.

Так, из архивных источников мы знаем, что с 1716 г. по 1722 г. западная часть правобережья верхней Оби входила в ведомство Бердского острога. В 1722 г. эта территория была выделена в самостоятельную Малышевскую слободу, в нее вошли все населенные пункты, расположенные в излучине обского правобережья от Нижней Каменки до р. Ини. Центром нового ведомства стала д. Малышево. Есть данные, что первые поселенцы на территории Малышевской слободы появились еще раньше 1722 г. Историк Г.Ф. Миллер так высказался по этому поводу: «Опасность вражеских нападений калмыков и кыргызов была причиной тому, что длительное время не решались расширяться дальше. А о тех деревнях, которые расположены по Оби и впадающих в нее маленьких речках, можно сказать, почти без исключений, что они не намного старше тех крепостей, острогов и слобод, к которым они причислены» [Огурцов, 1994].

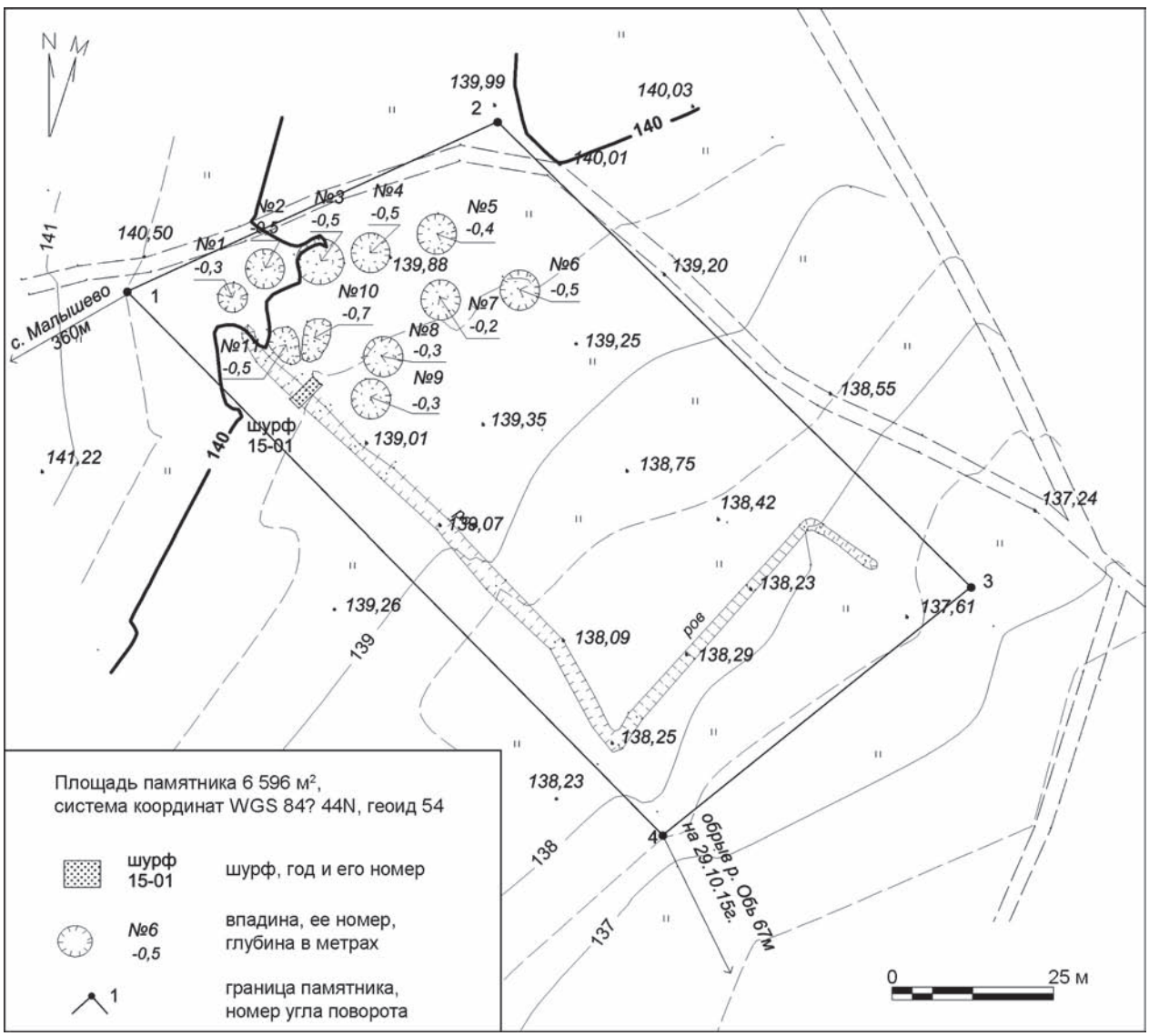


Рис. 1. Археологическая разведка 2015 г. Топографический план выявленного объекта археологического наследия Малышевская слобода.

В период между 1715 и 1720 гг. вдоль Иртыша на бывшей джунгарской территории появляется пять новых крепостей (не считая брошенных укрепленных пунктов): Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская. Одновременно новые русские опорные пункты возникают на берегах Оби и в Барабинской степи (Чаусский, Белоярский, новый Бикатунский остроги. Указанные опорные пункты надежно закрывают Кузнецкий уезд с запада и с юго-запада. Кроме обских острогов в состав старой Кузнецкой линии на первом этапе входила Малышевская слобода. В 1738–1745 гг. старая Кузнецкая линия состояла из трех дистанций (термин «дистанция» в тот период официально не употреблялся). Первая дистанция (134 версты) находилась между Малышевской слободой и Белоярским острогом. Конные разъезды драгун и казаков выходили из двух опорных пунктов навстречу друг другу и встречались на полпути в Касмалинской деревне на р. Обь. Каждый разъезд проходил примерно по 67 верст в одну сторону, не считая обратного пути. Вторая дистанция – Белоярский острог – Бийский острог – 241 верста. Оба разъезда съезжались на устье р. Чарыша. Соответственно, они проходили в одну сторону не менее 120 верст. В летнее время существовала и третья дистанция между Бикатунским острогом и Новиковской деревней (70 верст) и далее вплоть до Кузедеевского караула (точный маршрут разъезда в документе не указан). Численность разъезда со стороны Кузедеевского караула составляла 30 человек (рис. 2) [Элерт, 1988].

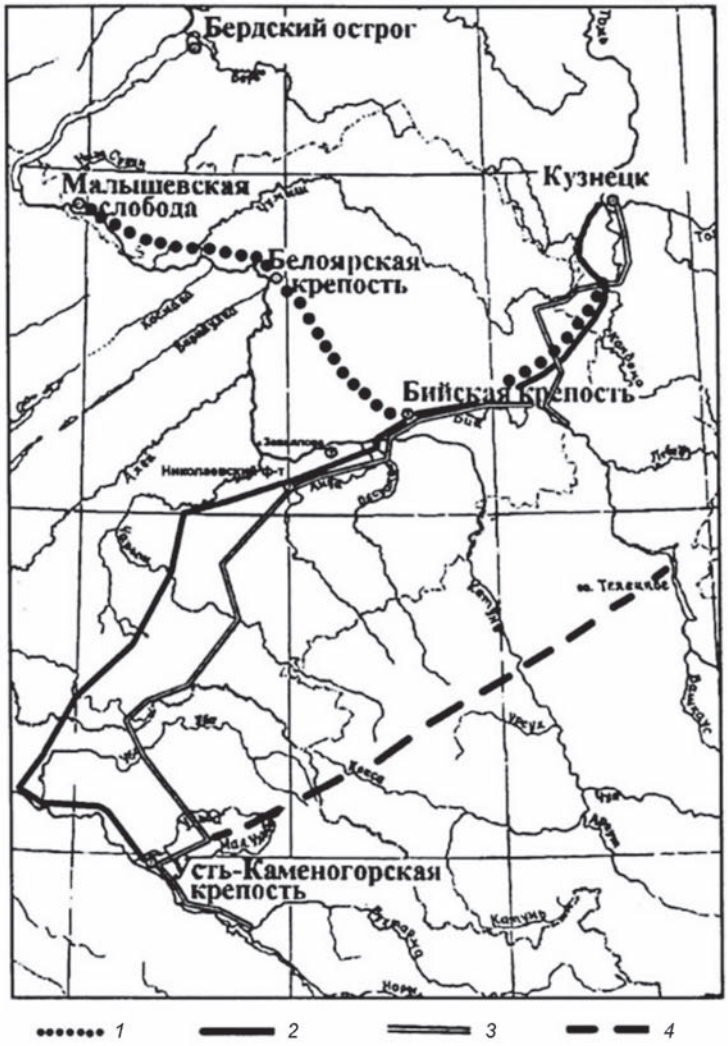


Рис. 2. Кузнецкая линия (от Кузнецка до Николаевского форпоста) с обозначением трех этапов ее существования: *1* – I этап; *2* – II этап; *3* – III этап; *4* – проект линии инженер-капитана С. Плаутина (по: [Огурцов, 2007]).

Наиболее подробное описание Малышевской слободы находится у Г.Ф. Миллера. Так, с середины августа до конца сентября 1734 г. он путешествовал по территории Кузнецкого уезда. В ходе этих путешествий Миллером было составлено несколько небольших путевых описаний, в том числе «Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года».

О Малышевской слободе Г.Ф. Миллер пишет: «Малышевская слобода была основана в 1722 г. по просьбам живших в этой местности крестьян из-за большой отдаленности от Бердского острога, к которому они до этого относились. Им был дозволен собственный приказчик, который живет в слободе. Она расположена в 60 верстах ниже устья реки Чумыш на северо-восточном берегу Оби и получила название от деревни, которая стояла на этом месте и была основана крестьянином Малышевым. Она состоит из обводной деревянной стены из бревен и кольев, которая проведена к берегу реки в виде полумесяца. На стене построены 3 боевые башни, вокруг ров, а также поставлены рогатки и надолбы. Сначала такая же стена была протянута и со стороны реки, которая, однако, прекратила существование из-за течения, постепенно подрывающего берег. Жители сами были строителями крепостных сооружений; они также сами содержат гарнизон. Его артиллерия состоит лишь из одной трехфунтовой железной пушки. Внутри укрепления находятся дом приказчика, судная изба, магазины и несколько частных домов. А остальная часть частных жилищ находится снаружи без какого-либо

защитного сооружения. К дистрикту слободы относится 21 деревня, которые расположены как выше, так и ниже нее вдоль северо-восточного берега Оби и на впадающих в нее маленьких речках». В полевом дневнике при описании Малышевской слободы Г.Ф. Миллер также указывает, что длина обводной стены составляет примерно 200 саженей. Здесь же он уточняет число дворов в слободе: «около 15 внутри укреплений и столько же за их пределами» [Элерт, 1996]. В свою очередь, во время проведения археологической разведки всего было обнаружено 11 западин сконцентрированных в северной части памятника (см. рис. 1).

Также в описании Г.Ф. Миллера сказано, что в Малышевской слободе имелась «рубленная крепость с крышкою (крышей)», которую опоясывали надолбы и рогатки. В крепости насчитывалось 2 глухие и одна проезжая башни. Подобная конструкция «с крышкою» над деревянными стенами для предохранения древесины от порчи нередко встречается в Сибири. Месторасположение Малышевской слободы с момента ее возникновения не менялось, что подтверждается имеющимися письменными документами и картографическим материалом.

В письме от 27 марта 1764 г. маркшейдеру Н. Бахореву (Бахареву) титулярный советник Иван Марков, руководивший сооружением Сузунского монетного двора, также указал на местоположение Малышевской слободы: «Для выплавки и перечистки меди и производства оной в денежное дело завод строить на речке Нижнем Сузуне (современный р.п. Сузун) от деревни Нижнее – Устьсузунской в 15 верстах, где прежде была деревня Быкова, от Малышевской слободы за 20 верст. Главным смотрителем и устроителем завода быть Вам. В помощь Вам и для точной Вашей команды дать гиттенфервальтера Балле да гиттенферваltера со Змеиногорского рудника Елагина, берггешворена Чулкова и унтершихтмейстера II класса Ивана Теснова. Употреблять их там, где самому времени не достанет. Строить с упреждением планов, хорошо, к прочному состоянию надежно. Материалы беречь, людей использовать полностью» [Дмитриенко, Родионова, 2013].

Численность населения, проживающего на территории Малышевской слободы в 1744 г., составляло 92 человека, также на вооружении стояло 2 пушки. В свою очередь, в соседних поселениях, входящих в Кузнецкое ведомство, как и слобода, проживало населения и стояло на вооружении единиц следующие количество: в Колывано-Воскресенских заводах – 270 человек, Бикатунская крепость – 74 человека, форпост Белоярский – 109 человек, 2 пушки, Бердский острог – 50 человек, 2 пушки, Бийская слобода – 253 человека, 6 пушек, деревня Кузедеева – 31 человек, Кузнецк – 460 человек, 7 пушек [Дмитриенко, Родионова, 2013]. Данная информация говорит нам о том, что Малышевская слобода занимала не последнее место в формировании Кузнецкой оборонительной линии.

Таким образом, на основании письменных источников можно утверждать, что Малышевская слобода не меняла своего местоположения с момента основания. Также обнаруженный археологический материал и выявленные объекты (оборонительные сооружения) могут указывать на то, что выявленный в ходе разведки объект является Малышевской слободой.

Список литературы

Дмитриенко Н.М., Родионова Т.В. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2013. – 312 с.

Огурцов А.Ю. Об архитектурном облике русских населенных пунктов на юге Западной Сибири // Городская культура Сибири: История, памятники, люди. – Новосибирск, 1994. – С. 104–110.

Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2007. – Вып. 9. – С. 40–67.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988. – 76 с.

Элерт А.Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – Вып. VI. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники).

References

Dmitrienko N.M., Rodionova T.V. Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospektive XVIII v.: (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina). Tomsk: Tomsk Univ. Press, 2013, 312 p. (in Russ.).

Elert A.Kh. Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uezda G.F. Millera (1734 g.). In *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda*. Novosibirsk, 1988, 76 p. (in Russ.).

Elert A.Kh. Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, iss. VI, 310 p. (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki) (in Russ.).

Ogurtsov A.Yu. Ob arkhitekturnom oblike russkikh naselennykh punktov na yuge Zapadnoi Sibiri. In *Gorodskaya kul'tura Sibiri: Istoriya, pamyatniki, lyudi*. Novosibirsk, 1994, pp. 104–110 (in Russ.).

Ogurtsov A.Yu. Na Kuznetskoi linii. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk, 2007, iss. 9, pp. 40–67 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.485-487
УДК 902.01

П.К. Ломов, А.А. Морозов, И.А. Батаргина

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: lomov90@mail.ru

Предварительные результаты разведочных работ 2018 года на территории Кондинского района ХМАО – Югры

В 2018 г. отрядом ООСА Института археологии и этнографии СО РАН проведена археологическая разведка на территории Кондинского р-на ХМАО – Югры. В ходе работ была обследована местность в среднем течении р. Большой Тап. Были выявлены семь археологических памятников: могильник Шамья-1, поселения Шамья-2–4, городище Шамья-5, могильник Шамья-6, поселение Шамья-7.

Ключевые слова: *Кондинское полесье, археологическая разведка, р. Конда, р. Большой Тап, избы Шамья, поселение, городище, могильник.*

P.K. Lomov, A.A. Morozov, I.A. Batargina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: lomov90@mail.ru

2018 Survey Campaign in the Konda District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra: Preliminary Results

In 2018 the research group of the Rescue Archaeology Department of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences carried out archaeological investigation in the Konda District of KhMAO – Yugra. The works have been conducted in the middle reaches of the Bolshoi Tap River. Seven archaeological sites have been located: the Shamya-1burial ground, the Shamya-2–4 settlement sites; Shamya-5 hillfort site; Shamya-6 burial ground and Shamya-7 settlement site.

Keywords: *Konda woodlands, archaeological investigation, Konda river, Big Tapp's river, Sham'ya log huts, settlement, ancient settlement, burial ground.*

В полевом сезоне 2018 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка на территории Кондинской низменности (Кондинский р-н Ханты-Мансийского автономного округа – Югры).

В археологическом плане Кондинский р-н благодаря интенсивности хозяйственного освоения, связанного с нефтедобычей и прокладкой сопутствующих коммуникаций (ЛЭП, трубопроводы и т.п.), является наиболее изученным в ХМАО – Югре.

Целью разведки был поиск новых археологических памятников в тех районах, где хозяйственное освоение мало затрагивает территорию. В связи с отдаленностью от основных месторождений и коридоров коммуникаций, а также значительной труднодоступностью, участок, выбранный для разведки, ранее практически не обследовался.

Исследуемый участок располагается в западной части Западно-Сибирской равнины, в северной части Кондинской ландшафтной провинции. Кондинское полесье представляет собой низменную, нерасчлененную, переувлажненную, сильно заозеренную болотную низину. Преобладают олиготрофные грядово-мочажинные и грядово-озерково-мочажинные болота с выпуклыми рямами в центре. Отличия от других провинций связаны с распространением гривно-озерных ландшафтов. Они представляют собой сочетание протяженных песчаных грив, покрытых чистыми лишайниковыми сосняками, вытянутых межгривных озер с песчаным дном и торфяными берегами и приозерных болот. Разнообразие вносят дренированные поверхности с волнисто-котловинным рельефом, с сырыми лугами и низинными топяными болота-

ми по котловинам. На дренированных песчаных террасах доминируют бруснично-зеленомошные и кустарничково-сфагновые сосняки [Москвина, Козин, 2001].

Крупнейший водоток на данной территории – р. Бол. Тап. Течет с севера на юг по Кондинской низменности, в малонаселенной территории. Бассейн вытянут с юга на север, при длине около 200 км его ширина не превышает 35 км. Водосборная территория – плоская озерно-аллювиальная равнина, сложенная песками и суглинками, сильно заболоченная и заозеренная, особенно в среднем течении. Большой Тап принимает 15 притоков длиной более 10 км, наиболее крупные – Мурах, Юхан (Охан) (правые), Тумья (левый). Заболоченность бассейна 65 %, преобладают безлесные верховые сфагновые болота. Площадь озер около 15 %. Дренируемые территории по долине реки заняты сосновыми борами, березовыми и березово-елово-сосновыми лесами.

В ходе произведенных работ было выявлено семь археологических памятников.

Могильник Шамья-1. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,1 км к Ю от изб Шамья. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум. На территории памятника были зафиксированы 24 могильные впадины, общими размерами от 1,7 до 3,4 м в длину, и до 0,8 м в ширину, глубиною до 0,6 м. Могилы расположены рядами, ориентированы по сторонам света. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 3 400 м^2. Предположительная датировка памятника – эпоха Средневековья – Новое время.

Поселение Шамья-2. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,12 км к Ю от изб Шамья, в 120 м к Ю от могильника Шамья-1. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум. На территории памятника были зафиксированы 2 впадины с элементами обваловки, средние размеры от 8,7 × 13,4 м, глубиною 1,2 м. Ширина обваловки до 2,3 м. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 1 200 м^2. Возраст памятника не определен.

Поселение Шамья-3. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,2 км к Ю от изб Шамья, в 80 м к Ю от поселения Шамья-2. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум. Памятник представлен одной овальной жилищной впадиной размерами: 5,7 × 6,1 м, глубиною 1,2 м. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 1 500 м^2. Возраст памятника не определен.

Поселение Шамья-4. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,14 км к В от изб Шамья, в 480 м к СВ от могильника Шамья-1. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум. Памятник представлен пятью овальными жилищными впадинами. Средний размер: 4,9 × 5,1 м, глубиною до 0,2 м. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 1 200 м^2. Возраст памятника не определен.

Городище Шамья-5. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,15 км к В от изб Шамья, в 490 м к СВ от могильника Шамья-1, в 10 м от поселения Шамья-4. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум.

Городище имеет многоугольную форму, оборонительные сооружения представлены рвом (глубина рва от 0,3 до 0,5 м). На площадке городища фиксируются 9 впадин: размерами от 4,5 × 5,0 до 6,0 × 8,0 м, глубиной от 0,4 до 0,8 м.

Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 4 500 м^2. Предположительная датировка памятника (по планиграфии) – ранний железный век.

Могильник Шамья-6. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,15 км к В от изб Шамья, в 493 м к СВ от могильника Шамья-1, в 30 м от городища Шамья-5. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум.

На территории памятника были зафиксированы 7 могильных впадин, общими размерами от 1,5 до 2,4 м в длину, и до 0,5 м в ширину, глубиною до 0,4 м. Могилы расположены в ряд, ориентированы по сторонам света. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 1 400 м^2. Предположительная датировка памятника – эпоха Средневековья – Новое время.

Поселение Шамья-7. Археологический памятник расположен на правом берегу р. Большой Тап (приток р. Конда) на высокой водораздельной гриве, в 0,3 км к В от изб Шамья, в 880 м к ВСВ от могильника Шамья-1.

Памятник расположен в устье р. Шамья в месте впадения в р. Большой Тап. Растительность на объекте археологического наследия характерна для сообществ водоразделов. Верхний ярус представлен сосной, березой, нижний – багульником, брусничником. Встречаются останцы беломошных сосняков. В заболоченной части произрастают угнетенная сосна, береза, осоковые, сабельник, сфагнум. Памятник представлен тремя овальными жилищными впадинами. Средний размер: 5,9 × 6,1 м, глубиною до 0,5 м. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 2 200 м^2. Датировка памятника не определена.

Таким образом, разведочные работы 2018 г. в Кондинском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры позволили обнаружить семь ранее неизвестных памятников. Полученные данные являются основой для дальнейшего изучения правобережных притоков р. Конда и отдаленных от известных коридоров коммуникаций ранее не обследованных мест.

Список литературы

Москвина Н.Н., Козин В.В. Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2001. – 40 с.

References

Moskvina N.N., Kozin V.V. Landshaftnoye rayonirovaniye Hanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga. – Khanty-Mansiysk, 2001. – 40 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.488-490
УДК 902.2, 502.8

А.В. Постнов[1], В.М. Харевич[1], И.Д. Зольников[1, 2], В.В. Ахметов[1, 3], И.В. Стасюк[4], Ю.А. Гревцов[5], Е.А. Филатов[6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[3]Новосибирский государственный университет
[4]Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
[5]ООО «Красноярская археология новостроек»
[6]ООО «Красноярская геоархеология»
E-mail: postnov@yandex.ru

Спасательные археологические раскопки стоянки Галкина-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году

С июля по октябрь 2018 г. Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводил спасательные раскопки выявленного объекта археологического наследия Абалаково, стоянка Галкина-1 в Енисейском р-не Красноярского края. В раскопах обнаружен богатый разновременный археологический материал в могильнике и поселенческом комплексе. Получены данные об особенностях ведения хозяйства на поселениях и погребальном обряде древнего населения, собрана представительная коллекция артефактов эпох неолита, бронзы и Средневековья. Среди находок уникальные изделия искусства эпохи бронзы, выразительная коллекция вооружения эпохи Средневековья. Получена многочисленная коллекция артефактов. Определено культурно-хронологическое положение полученного материала. Выявлены культурно-хронологические периоды функционирования памятника, соответствующие эпохам неолита, бронзы, раннего железного века, Средневековья.

Ключевые слова: *Абалаково, стоянка Галкина-1, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, спасательные раскопки.*

A.V. Postnov[1], V.M. Kharevich[1], I.D. Zolnikov[1, 2], V.V. Akhmetov[1, 3], I.V. Stasyuk[4], Yu.A. Grevtsov[5], E.A. Filatov[6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[3]Novosibirsk State University
[4]V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University
[5]"Krasnoyarsk Archaeology of New Buildings" LLC
[6] "Krasnoyarsk Geoarchaeology" LLC
E-mail: postnov@yandex.ru

Archaeological Excavations at the Galkina-1 Site in Yenisei District of Krasnoyarsk Region in 2018

From July to October 2018, an archaeological team of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences conducted rescue archaeological works on Galkina-1 in the Yenisei district of Krasnoyarsk Region. Excavations of the burial ground and the settlement complex produced abundant and chronologically diverse archaeological materials. The new data provide an insight into the features of economic activities at the settlement, the features of the funeral rites of ancient people; a representative collection of artifacts from the Neolithic, Bronze and Middle Ages was assembled. The most noteworthy finds are unique pieces of Bronze Age art and a collection of medieval weapons. The cultural and chronological affiliations of the archaeological material have been determined. Three different cultural and chronological periods of the Galkina-1 site were identified, corresponding to the Neolithic, Bronze, Early Iron and Middle Ages.

Keywords: *Abalakovo, Galkina-1, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Age, rescue excavation.*

С июля по октябрь 2018 г. Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводил спасательные археологические работы выявленного объекта археологического наследия Абалаково, стоянка Галкина-1 в Енисейском р-не поблизости от г. Лесосибирска в Красноярском крае. Работы проводились в зоне строительства лесохимического комплекса (ЛХК).

Летопись археологического исследования района, расположенного возле г. Лесосибирска берет начало с рекогносцировочных работ, проведенных путем сплава по р. Енисей руководителем Красноярского краевого краеведческого музея А.Я. Тугариновым и заведующим его археологического отдела Г.К. Мергартом в 1920 г. [Китова, 2010]. Спустя 17 лет, в ходе изучения нижнего течения р. Ангары, на территории района А.П. Окладниковым были выполнены подъемные сборы керамических обломков, каменных и костяных изделий различных эпох напротив с. Абалаково. Общие сведения об этой грандиозной рекогносцировочной работе с маршрутом протяженностью в 1200 км были опубликованы два года спустя в «Вестнике древней истории» [Окладников, 1939]. Из неопубликованных материалов работ экспедиции А.П. Окладникова известно, что в Иркутском областном краеведческом музее хранятся фрагменты керамики и каменные изделия (всего 30 экз.), собранные исследователем на стоянке правого берега устья р. Тасеевой (ИОКМ, инв. № 347), а также фрагменты керамики, каменные изделия и костяные предметы (всего 15 экз.), поднятые на правом берегу Енисея в 3 км ниже с. Стрелки против д. Абалаково (ИОКМ, инв. № 366).

Согласно данным государственного геологического картирования, район исследований между деревнями Абалаково и Смородинка приурочен к эрозионно-аккумулятивному рельефу долины р. Енисей, сложенному аллювиальными отложениями. Здесь, на левом берегу р. Енисей закартирована пойменная терраса голоценового возраста с редкими останцами первой надпойменной террасы, возраст которой определен как сартанский по Западно-Сибирской стратиграфической шкале.

Стоянка Галкина-1 зафиксирована Г.И. Марковским в 2015 г. при обследовании земельного участка под строительство ЛХК в 0,75 км южнее р. Енисей на эрозионном останце первой надпойменной террасы, в 0,4 км северо-восточнее излучины р. Галкина, в 2,2 км северо-восточнее с. Абалаково, в 2,4 км юго-западнее д. Смородинка. Объект расположен на ровной площадке, имеющей незначительный уклон в северо-западном направлении. Абсолютные отметки поверхности варьируют от 83 до 85 м. Высота над урезом р. Енисей 9–12 м. В ходе шурфовочных работ обнаружены фрагменты керамических сосудов и каменные артефакты, датированные по морфологическим признакам периодом неолит – эпоха бронзы. Глубина залегания археологических находок 0,4–0,8 м. На основании результатов шурфовки и сбора подъемного материала установлены границы стоянки. Объект имеет многоугольный абрис, вытянутый по оси запад – восток, включает в себя сохранившуюся часть надпойменной террасы. Западная и северная границы объекта определяются геоморфологически по естественном краю площадки (понижение рельефа, овраг). Юго-западная граница проведена по шурфам, не содержащим археологического материала. Площадь объекта – 15 342 м^2. Объект расположен в 11 км от места слияния двух крупных водных артерий – р. Енисей и р. Ангара. Стоянка Галкина-1 – один из немногих археологических объектов, расположенных на берегах р. Енисей в 10–20 км ниже стрелки. В таком контексте обнаружение стоянки, расположенной на значительном расстоянии от берега (более 700 м) обеспечивает информацию о геоморфологических, палеоэкологических и культурных процессах, протекавших в Средней Сибири с 6 тыс. лет назад до этнографической современности.

Спасательные археологические полевые работы 2018 г. выявили на площади памятника Абалаково, стоянка Галкина-1 разные виды археологических объектов: поселенческий комплекс и могильник. Поселенческий комплекс четко прослеживается по выбросу из неолитического жилища, найденным трем плавильням, многочисленным грузилам, топорам и прочим орудиям труда.

На стоянке Галкина-1 средневековый могильник распространялся с востока на запад, вдоль бровки террасы, с такой же ориентацией погребенных (головой на восток). Могилы имеют хорошую сохранность и такую же сохранность имеет сопроводительный материал, среди которого представлены оружие, в том числе копья, кинжалы, наконечники стрел из камня, бронзы, железа, охотничье оружие и предметы снаряжения (пряжки, заколки и т.д.). Далее приведены описания характерных для обнаруженного могильника погребений.

В раскопе 210/690 погребение было зафиксировано в центральной части на глубине 37–40 см от современной дневной поверхности на контакте пахотного горизонта и нижележащей толщи желтовато-серых супесей. Погребальные сооружения и конструкции на уровне современной дневной поверхности отсутствовали, могильное пятно не фиксировалось. Оно было выявлено по частично сохранившимся костям черепа и сопроводительному инвентарю. Погребенный – ребенок (молочные зубы, крайне плохая сохранность мелких костей),

анатомический порядок костяка нарушен, череп сдавлен в плоскость, отсутствуют кости рук и ног. Сохранились фрагменты бересты, перекрывающей отдельные кости и сопроводительный инвентарь. Вероятное положение погребенного – лежа на спине в берестяном «коконе». Сопроводительный инвентарь – шесть бронзовых двухлопастных нашивок с фрагментарно сохранившейся кожаной основой, железные изделия в технике проволочной металлопластики очень плохой сохранности. Совокупность признаков погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволяет датировать погребение эпохой Средневековья (X–XIV вв.).

В раскопе 240/695 зафиксировано погребение с относительно хорошо сохранившимся костяком. Оно располагалось в северо-восточной части раскопа на глубине 60 см от современной дневной поверхности. Погребальные сооружения и конструкции на уровне современной дневной поверхности отсутствовали. Могильное пятно выявлено в слое желтовато-серых супесей по изменению цвета и текстуры заполнения, могильная яма прорезала толщу слоя и, частично, кровлю нижележащего литологического горизонта. Костяк был перекрыт частично сохранившимися досками, лежащими как вдоль, так и поперек ямы. Ориентация погребенного – на спине по линии запад-восток головой на восток, лицом на юг. Анатомический порядок костяка полностью сохранен, однако часть ребер и фаланг кистей рук были разрушены. Сопроводительный инвентарь: железный наконечник копья с ромбовидно-вытянутым пером и лопастным насадом у головы справа; непосредственно под копьем и рядом с ним – два железных кольца; под головой – бронзовая нашивка с сохранившимися под ней фрагментами меха и нитей; у головы слева – компактно лежащие семь железных и костяной наконечники стрел; под правым бедром – черешковый железный нож; между коленей – железное кольцо. Совокупность признаков погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволяет датировать погребение эпохой Средневековья (X–XIV вв.).

В результате проведенных работ, полностью исследован культурный слой, включающий могильники и поселенческие комплексы памятника Абалаково, стоянка Галкина-1. Всего было заложено 328 раскопа разной конфигурации согласно геоморфологическим особенностям и границам памятника. В основном, раскопы имели прямоугольную форму, размерами 10 × 5 м.

В раскопах обнаружен богатый разновременный археологический материал в могильнике и поселенческом комплексе. В результате работ получены данные об особенностях ведения хозяйства на поселении и погребальном обряде древнего населения, собрана представительная коллекция артефактов эпох неолита, бронзы и Средневековья. Среди находок уникальные изделия искусства эпохи бронзы, выразительная коллекция вооружения эпохи Средневековья. Определено культурно-хронологическое положение полученного материала. Выявлено три различных культурно-хронологических периода функционирования памятника, соответствующих эпохам неолита, бронзы, Средневековья.

Список литературы

Китова Л.Ю. Возвращение к Геро фон Мергарту: немецко-русский симпозиум «Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири 1914–1921 гг.» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 155–157.

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары. К итогам работ 1937 г. // Вестн. древней истории. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

References

Kitova L.Yu. Vozvrashchenie k Gero fon Mergartu: nemetsko-russkii simpozium “Gero fon Mergart. Nemetskii arkheolog v Sibiri 1914–1921 gg.”. *Archaeology, Ethnography and Antropology of Eurasia*, 2010, No. 2, pp. 155–157 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Neoliticheskie nakhodki v nizov’yakh Angary. K itogam rabot 1937 goda. *Vestnik drevnei istorii*. 1939, No. 4, pp. 181–186 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.491-493
УДК 902.2

А.В. Постнов[1], В.М. Харевич[1], И.Д. Зольников[1–3], В.А. Чертыков[1], В.В. Ахметов[1, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
[3]Новосибирский государственный университет
E-mail: postnov@yandex.ru

Результаты спасательных археологических раскопок на стоянке Абалаково, Галкина-2 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году

В 2018 г. проведены спасательные археологические раскопки в рамках выполнения мероприятий по сохранению выявленного объекта археологического наследия стоянка Абалаково, Галкина-2. Изученный археологический объект расположен в Енисейском р-не Красноярского края в 0,73 км южнее р. Енисей на эрозионном останце первой надпойменной террасы, на левом берегу бывшей протоки р. Енисей. На памятнике была вскрыта площадь 5 527 м^2, получена археологическая коллекция из 2432 артефактов. Археологические материалы распределяется по двум основным культурно-стратиграфическим уровням. Первый уровень связан с периодом раннего железного века – Средневековья. К этому времени относятся ритуальные погребения лошадей, металлические изделия, каменные артефакты и фрагменты керамических сосудов. Второй уровень определяется периодом неолита – палеометалла. Здесь отмечены разнообразные находки металлических и каменных предметов, сосуды из керамики, погребения и уникальное ритуальное захоронение коровы.

Ключевые слова: *Красноярский край, Енисейский район, река Енисей, охранно-спасательные археологические раскопки, неолит, эпоха бронзы, Средневековье, поселение, могильник.*

A.V. Postnov[1], V.M. Kharevich[1], I.D. Zolnikov[1–3], V.A. Chertykov[1], V.V. Akhmetov[1, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
[3]Novosibirsk State University
E-mail: postnov@yandex.ru

The Results of Archaeological Excavations of the Abalakovo, Galkina-2 Site in the Yenisei District of Krasnoyarsk Krai in 2018

In 2018 rescue archaeological excavations were carried out as a project to preserve the archaeological heritage site of Abalakovo, Galkina-2. The archaeological site is located on the erosional butte of the 1st terrace over the floodplain on the left bank of the former channel of the Yenisei River at 0.73 km to the south from the Yenisei in the Yeniseisky District of the Krasnoyarsk Krai. An area of 5 527 m^2 was excavated at the site, and an archaeological collection totaled to 2 432 artifacts. Archaeological materials are associated with two main cultural-stratigraphic layers. The first layer associated with the period of the early Iron Age – medieval period have yielded ritual burials of horses, metal ware, stone artifacts and fragments of ceramic vessels. The second layer corresponds to the Neolithic – Paleometal period. Metal ware and stone artifacts, ceramic vessels, burials and a unique ritual burial of a cow have been noted within this layer.

Keywords: *Krasnoyarsk Krai, Yeniseisky District, Yenisei River, rescue excavations, Neolithic, Bronze Age, Middle Ages, settlement, burial ground.*

С июля по октябрь 2018 г. Лесосибирским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН на ВОАН стоянка Абалаково, Галкина-2 проведены спасательные археологические раскопки под хозяйственное освоение земель для строительства лесохимического комплекса (ЛХК) в Енисейском р-не Красноярского края под г. Лесосибирском, в 11 км от места впадения р. Ангара в р. Енисей.

Памятник выявлен в октябре 2015 г. сотрудником ИАЭТ СО РАН Г.И. Марковским в результате проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению под строительство ЛХК. Стоянка зафиксирована в 0,73 км южнее р. Енисей на эрозионном останце первой надпойменной террасы, на левом берегу бывшей протоки р. Енисей, в 0,63 км северо-восточнее излучины р. Галкина, в 2,3 км северо-восточнее с. Абалаково, в 2,3 км юго-западнее д. Смородинка. Объект расположен на ровной площадке, имеющей небольшой уклон в северо-западном направлении. Абсолютные отметки поверхности варьируют от 83 до 84 м. Высота над урезом р. Енисей 9–11 м. В ходе шурфовочных работ обнаружены фрагменты керамических сосудов и каменные артефакты, датированные по морфологическим признакам периодом неолит – эпоха бронзы. Глубина залегания археологических находок 0,4–0,8 м. На основании результатов шурфовки и сбора подъемного материала установлены границы стоянки. Объект имеет подтреугольный абрис, включает в себя сохранившуюся часть надпойменной террасы. Северо-западная и южная границы объекта определяются геоморфологически по естественном краю площадки (понижение рельефа). Западная граница проведена по шурфам, не содержащим археологического материала. Площадь объекта – 4 733 м^2 [Марковский, 2015].

В 2018 г. во время проведения раскопок всей площади памятника было установлено, что местами археологический материал и культурный слой выходят за установленные в 2015 г. границы. Поэтому площадь раскопок была увеличена. В результате на памятнике была изучена единым раскопом площадь 5 527 м^2, получена представительная коллекция археологического материала, включающая 2 432 артефакта.

На раскопе стоянки Абалаково, Галкина-2 стратиграфически и содержательно выделяются два культурных уровня, связанных с широкими хронологическими отрезками неолит – эпоха бронзы и ранний железный век – Средневековье. Первый уровень сильно поврежден распашкой, с ним связаны каменные артефакты, фрагменты керамических сосудов, металлические предметы. Со вторым уровнем связаны находки каменных орудий, фрагменты сосудов из керамики, изделия из металла. Во всех слоях отмечено присутствие костей животных. В результате раскопок получена уникальная коллекция археологических материалов эпохи неолита, бронзового и железного веков, а также Средневековья.

Наиболее яркой находкой первого уровня, определенно датируемой эпохой раннего железного века, является часть бронзового котла, имеющего аналогии на территории Хакасско-Минусинской котловины VII–III вв. до н.э.

Каменная индустрия в основном представлена отщепами без вторичной обработки, обломками сырья местного происхождения, простыми нуклевидными формами. Каменные орудия в основном представлены скребками и ножами разных форм, нередко выполненными в бифасиальной манере обработки.

Керамика представлена фрагментами лепных сосудов в большинстве случаев открытых форм. Сосуды в основном украшены под венчиком налепленными жгутиковыми валиками, рассеченными ногтево-пальцевыми защипами. Иногда налепным валиком оформлен и венчик. По венчику проходит пояс ямок. Такого рода керамика находит соответствие в материалах раннего железного века таежной зоны Приенисейской Сибири и датируется VII–VI – V–III вв. до н.э [Фокин, 2013, с. 56].

В северо-западной части памятника зафиксированы три ритуальных погребения лошадей. Одно из них серьезно разрушено распашкой. Погребенные животные были уложены в могильные ямы на боку с поджатыми конечностями. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Захоронение лошади № 1 располагалось в северо-восточной части раскопа 390-825, в четырех метрах к северо-западу от погребения № 2. До начала археологических работ никаких видимых следов наличия погребения не наблюдалось. На глубине 0,45 м от современной дневной поверхности было зафиксировано могильное пятно. Могильное пятно в плане представляло собой овал размером 2 × 1,5 м, вытянутый по линии северо-восток – юго-запад. Заполнение могильной ямы состояло из мешанных алевропесков серо-желтого цвета, мощностью до 0,4 м. На дне могильной ямы находились останки погребенной лошади. Животное было уложен вдоль длинной оси могильной ямы, на правом боку, головой на юго-запад. Кости погребенной лошади хорошей сохранности. Передние конечности согнуты, задние сильно поджаты к груди. Погребения коней ориентировочно можно датировать периодом раннего железного века – Средневековья.

К эпохе бронзового века относятся два уникальных погребения и замечательное ритуальное захо-

ронение коровы, сосредоточенные на бровке террасы, на левом берегу бывшей протоки р. Енисей. Погребения выполнены в могильных ямах, ориентированных в широтном направлении (по течению реки). В погребениях зафиксированы металлические и каменные орудия и украшения. Захоронение коровы располагалось в северо-западной части раскопа 340-770, в четырех метрах к северо-западу от погребения № 2. До начала археологических работ никаких видимых следов погребения не наблюдалось. На глубине 0,6 м от современной дневной поверхности было зафиксировано могильное пятно, в плане представлявшее собой овал размером 2,4 × 1,25 м, вытянутый по линии северо-запад – юго-восток. Заполнение могильной ямы состояло из мешанных алевропесков серо-желтого цвета, мощностью до 0,4 м. В могильной яме в северо-западной части на глубине 0,3 м от уровня фиксации могильного пятна отмечен уступ. Уступ оформлен поперек длинной оси могильной ямы. На дне находились останки погребенной коровы. Животное было уложено вдоль длинной оси могильной ямы, на левом боку, головой на северо-запад. Кости хорошей сохранности. Передние конечности согнуты к груди, задние конечности слегка поджаты. Голова была развернута направо и приподнята вверх, т.е. мордой на восток. К западу от черепа коровы на уступе были уложены каменный наконечник стрелы и бронзовый нож. Нож составной коленчатый, листовидной формы, черешок отсутствует. Срединное ребро клинка не обозначено, режущая кромка гладкая, оформлена по одному краю. Клинок крепился к деревянной рукоятке под прямым или тупым углом. Размеры – 85 × 28 × 3 мм. Наконечник листовидной формы с прямой базой, фасы оформлены удлиненной захватывающей ретушью. Изделие выполнено из кремня. Размеры – 55 × 25 × 5 мм. У шейных позвонков, под челюстью находился каменный топор, сверху на ребрах каменные наконечник стрелы и вкладыш. Вкладыш выполнен из роговика, имеет форму удлиненной трапеции, с небольшим расширением у основания. Оба фаса изделия зашлифованы, периметр обработан двусторонней чешуйчатой ретушью. Размеры – 28 × 14 × 2 мм. Наконечник выполнен из кремня, имеет форму удлиненного треугольника и ромбовидное сечение, фасы обработаны удлиненной захватывающей ретушью. Размеры – 49 × 14 × 3 мм. Топор выполнен из роговика. Имеет трапециевидную в плане форму, с расширением в сторону лезвия. Лезвие в сечении слегка асимметричное, оба фаса тщательно зашлифованы. Обушок имеет подпрямоугольную в плане и сечении форму, обработан разноразмерной чешуйчатой ретушью. Размеры 92 × 39 × 14 мм.

Дальнейшее более глубокое изучение полученных в ходе работ материалов поможет решить многие актуальные исследовательские проблемы региона и сопредельных территорий, позволит открыть новые страницы взаимодействия лесного и степного населения Приенисейской Сибири и пролить свет на динамику культур в значительном протяжении от неолита до эпохи средневековья.

Список литературы

Марковский Г.И. Научно-технический отчет по договору № К011-АСС-0007 ИАЭТ СО РАН – ООО «Сибирский Лес» об археологическом обследовании земельного участка, подлежащего хозяйственному освоению, предназначенного для строительства лесохимического комплекса в Енисейском районе Красноярского края / Новосибирск, 2015. – 293 с. // Арх. ИАЭТ СО РАН.

Фокин С.М. Поселение Каменка на Енисее // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск: 2013. – Вып. VI. – С. 50–57.

References

Fokin S.M. Poselenie Kamenka na Enisee. In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*. Sbornik nauchnykh trudov. Krasnoyarsk, 2013, iss. VI, pp. 50–57 (in Russ).

Markovskii G.I. Nauchno-tekhnicheskii otchet po dogovoru № K011-ASS-0007 IAET SO RAN – OOO “Sibirskii Les” ob arkheologicheskom obsledovanii zemel’nogo uchastka, podlezhashchego khozyaistvennomu osvoeniyu, prednaznachennogo dlya stroitel’stva lesokhimicheskogo kompleksa v Eniseiskom raione Krasnoyarskogo kraya. Novosibirsk, 2015, 293 p. In *Archiv IAET SB RAS* (in Russ).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.494-497
УДК 902.2

А.А. Тимощенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Результаты разведочных работ 2018 года в Новокузнецком районе Кемеровской области (местонахождения Бардино-1 и Бардино-4)

Летом 2018 г. отрядом ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы в Новокузнецком р-не Кемеровской обл. В ходе работ в зоне строительства шахты Полосухинская зафиксировано два археологических поселения Бардино-1 и Бардино-4. Местонахождение Бардино-1 находится на выположенной площадке небольшой возвышенности. С северо-восточной и юго-западной сторон возвышенность ограничена сезонными водотоками – безымянными ручьями. Всего зафиксирован один культуросодержащий горизонт эпохи финального палеолита. Археологический материал: нуклеус и две заготовки нуклеусов, два резца, скребок, пять пластинчатых сколов, четыре битых гальки, а также отщепы и сколы декортикации. Местонахождение Бардино-4 дислоцируется на узком террасовидном уступе правого берега безымянного ручья у подножия Калинчевой гривы. Зафиксирован один горизонт, датируемый I тыс. н.э. Обнаружено 28 фрагментов от двух сосудов, колотые трубчатые кости животных. Среди находок каменного инвентаря есть один отщеп и долотовидное орудие. Кроме того, в слое фиксируется большое количество фрагментов кричной железной массы и шлаков. В настоящий момент ведутся работы по обеспечению сохранности объектов в зоне строительства.

Ключевые слова: *Кемеровская область, разведка, р. Томь, палеолит, железный век.*

A.A. Timoshchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

The Results of Archaeological Reconnaissance in Novokuznetsk District of Kemerovo Region (Bardino-1 and Bardino-4 Sites)

In the field season of 2018, the Rescue Archaeology Department of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS conducted archaeological survey in the Novokuznetsk District of the Kemerovo Region. Two objects of archaeological heritage (Bardino-1 and Bardino-4) have been found at the construction site of the Polusukhininkaya mine. Bardino-1 is located on a flat top of a small hill; the elevation is bounded by seasonal nameless streams from the northeastern and southwestern sides. One terminal Paleolithic cultural layer was found containing a core and two preforms, two burins, a scraper, five lamellar flakes, four broken pebbles, flakes and decortication flakes. Bardino-4 site is located on the narrow ledge of the right bank of a nameless stream at the foot of the Kalincheva low ridge. One cultural-bearing layer dated to the 1st millennium AD was recognized. The relevant artifact collection comprises 28 fragments of 2 vessels, split animal tubular bones, a flake and a chisel-like tool and other lithic tools. The layer also contained a considerable number of fragments of scaly iron mass and slags. Currently, the cultural heritage conservation works at the construction site are continuing.

Keywords: *Kemerovo region, reconnaissance, Tom' River, Paleolithic, Iron Age*.

Летом 2018 г. отделом охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы по выявлению наличия/отсутствия объектов историко-культурного наследия в зоне строительства объекта «Доработка запасов каменного угля участков "Артоновский-3" и "Основное поле" Бадайского геолого-экономического района Кузбасса ОАО "Шахта Полосухинская"» в Новокузнецком р-не Кемеровской обл.

Всего на площади 265,07 га было заложено 35 разведочных шурфов (2 × 2; 2 × 1 м) и 4 зачистки. В ходе работ на территории, отводимой под строительство, зафиксировано 2 археологических местонахождения (рис. 1). При анализе источников и литературы по данному региону установлено, что это поселения Бардино-1 и Бардино-4, выявленные Ю.В. Ширимым в 2007 г. [Ширин, 2015, с. 27–28].

Местонахождение Бардино-1 было выявлено в ходе ремонтных работ дороги в п. Чистогорск. На участках разрушений был собран многочисленный подъемный материал. В него входили: кости, осколки бивня мамонта, галечные отбойники, наковальни, кварцитовые отщепы параллельного снятия, некоторые с подработанной мелкой ретушью кромкой, нуклеусы. На бугре выше участка разрушения был заложен шурф. На глубине 100 см от дневной поверхности, в слое желтой глины, исследователями были найдены мелкие обломки костей. В разрезе стенки, в слое бурой почвы на глубине 53 см от дневной поверхности, был найден кварцитовый скребок. Стратиграфические наблюдения позволили Ю.В. Ширину говорить о наличии двух слоев эпохи камня на поселении Бардино-1. Нижний слой он датировал верхним палеолитом [Ширин, 2015, с. 27].

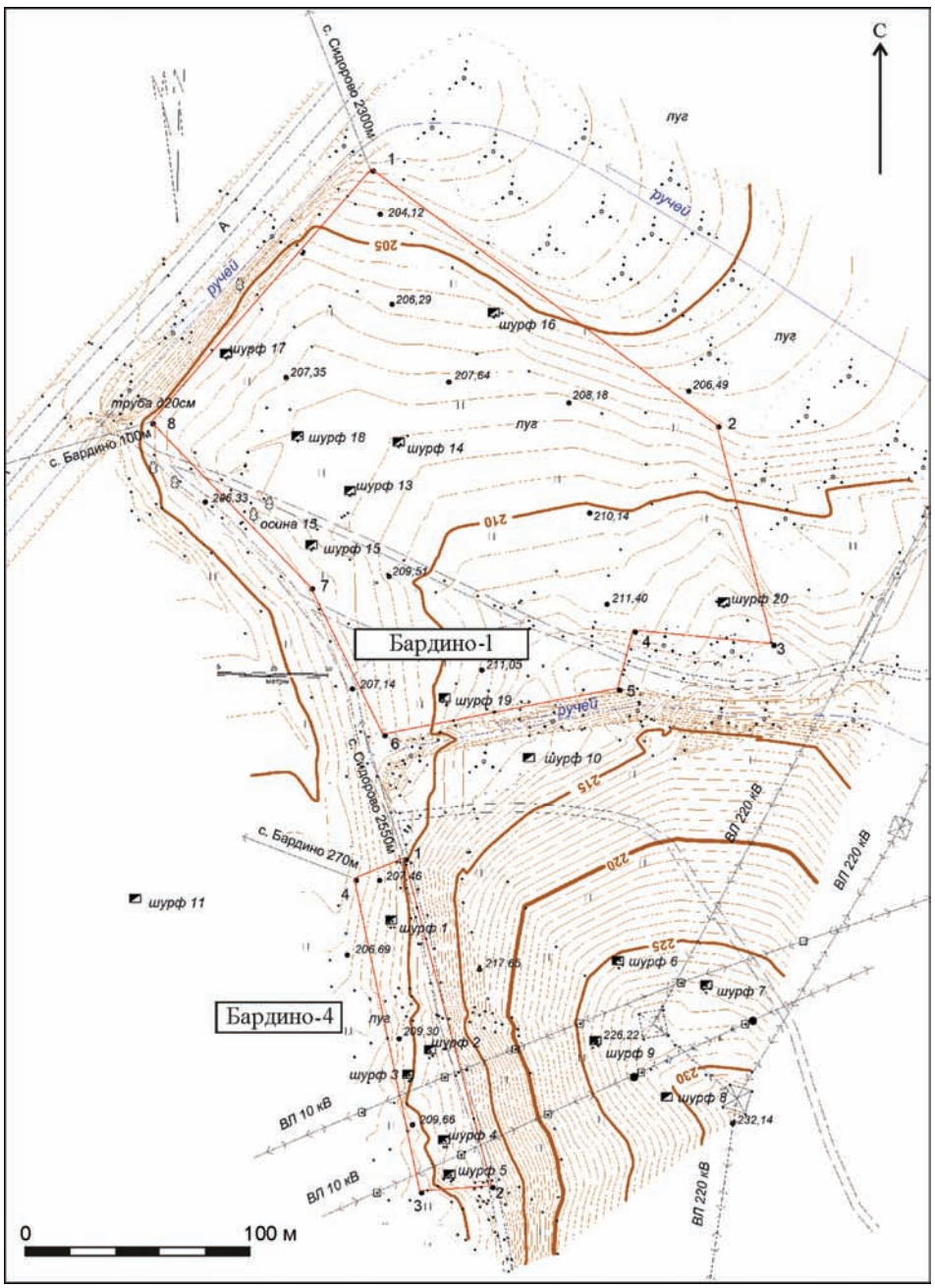


Рис. 1. Топографический план местонахождений Бардино-1 и Бардино-4.

В результате работ 2018 г. установлено, что местонахождение Бардино-1 находится в 100 м к северу-востоку от с. Бардино и в 1700 м от современного уреза р. Томь на выположенной площадке небольшой возвышенности эолового генезиса. С северо-восточной и юго-западной сторон она ограничена сезонными водотоками – безымянными ручьями. Ручьи заболочены, пойма не разработана. С южной – причленением к склону Калинчевой гривы. Высота ОАН над заболоченной поймой правого берега р. Томи около 12–17 м. По поверхности объекта проходят грунтовые дороги, в западной части проложен кабель. Северо-западная часть ОАН уничтожена при строительстве автомобильной и железной дорог.

С целью установления границ на местонахождении было заложено 8 археологических шурфов. Шурфы демонстрируют единую стратиграфическую ситуацию на ОАН:

Слой 1. Дерново-почвенный современный горизонт. Во включениях растительный детрит и корни растений. Мощность 0,25–0,3 м.

Слой 2. Суглинок средний, серо-желтый с многочисленными следами биотурбаций. Структура плотная, комковатая. Мощность 0,35–0,4 м.

Слой 3. Суглинок тяжелый, темно-желтый. Структура плотная, комковатая. Максимально пройденная мощность 1,1 м.

Археологический материал зафиксирован в 8 шурфах, в самой кровле 3 слоя. Стратиграфические наблюдения не позволяют подтвердить вывод о многослойном характере объекта [Ширин, 2015, с. 27]. Археологические предметы встречены исключительно в кровле 3 слоя, вертикальное рассеивание по горизонту не превышает 0,1 м. Всего зафиксировано 66 каменных предметов. Преобладающим сырьем выступают кварцит, кремень и аргиллит. Обнаружены следующие предметы: одноплощадочный монофронтальный нуклеус и две таких же заготовки; концевой скребок на массивном отщепе, спинка крутая, выпуклое лезвие оформлено на дистальном сегменте крутой дорсальной ретушью (рис. 2, *1*); два боковых резца, резцовые сколы оформлены на проксимальной части пластинчатых сколов (рис. 2, *2*, *3*); два выемчатых орудия, на пластинчатых сколах, вогнутые лезвия оформлены в медиальной части краевой дорсальной ретушью (рис. 2, *4*, *5*); пять пластинчатых сколов, четыре битых гальки, а также отщепы и сколы декортикации.

Местонахождение Бардино-4 было известно по сбору подъемного материала. На участке протяженностью около 200 м Ю.В. Шириным собраны фрагменты лепных сосудов, орнаментированные налепными острореберными валиками, сочетающиеся с ногтевыми насечками или защипами, обломки расколотых костей, обломок песта и курант из длинной гальки, фрагменты прокаленной глиняной обмазки [Ширин, 2015, с. 28].

В ходе работ 2018 г. установлено, что местонахождение Бардино-4 дислоцируется на узком террасовидном уступе правого берега безымянного ручья у подножья юго-западного склона Калинчевой гривы, ширина геологического тела не превышает 25 м. С севера и юга ОАН ограничено переходом поверхности уступа в крутой склон гривы, длина участка составляет 125 м. Высота площадки над затопляемой в половодье поймой ручья составляет 1,5–2 м. Восточная часть участка ОАН разрушена при отсыпке грунтовой дороги идущей вдоль примыкания террасовидной поверхности к тыловому шву гривы.

С целью установления границ на местонахождении было заложено 5 археологических шурфов. Шурфы демонстрируют единую стратиграфическую ситуацию на ОАН:

Слой 1. Дерново-почвенный современный горизонт. Во включениях растительный детрит и корни растений. Мощность 0,1–0,15 м.

Слой 2. Суглинок средний, светло-серый. Структура плотная, комковатая. Мощность 0,1–0,15 м.

Слой 3. Суглинок средний, темно-серый. Структура плотная однородная. Мощность 0,3–0,35 м.

Слой 4. Суглинок тяжелый, серо-желтого цвета, в подошве слоя – продукты разрушения горных пород. Вскрыт до 0,25 м.

Археологический материал зафиксирован в 2 шурфах, в нижней пачке слоя 3. Всего зафиксировано 34 предмета. Керамическая коллекция насчитывает 28 фрагментов от 2 сосудов. Один представлен фрагментом стенки гладкостенного сосуда орнаментированного линией оттисков отступающей лопаточки (рис. 2, *6*), другой сосуд имеет простую закрытую форму, срез венчика прямой, орнамент отсутствует, на тулове сосуда просверлены сквозные отверстия (рис. 2, *7*). Костяные находки представлены кухонными отходами – колотыми трубчатыми костями крупного жвачного животного. Среди находок каменного инвентаря есть один отщеп и долотовидное орудие в виде гальки со следами забитостей (рис. 2, *8*). Кроме того в слое фиксируется большое количество фрагментов кричной железной массы и шлаков.

По полученным данным, местонахождение Бардино-1 является поселением, основным занятием населения которого являлась первичная обработка каменных предметов. Судя по микростратиграфии и планиграфическому распределению артефактов, материал в культурном слое находится *in situ*. Предварительно датировать объект, исходя из залегания

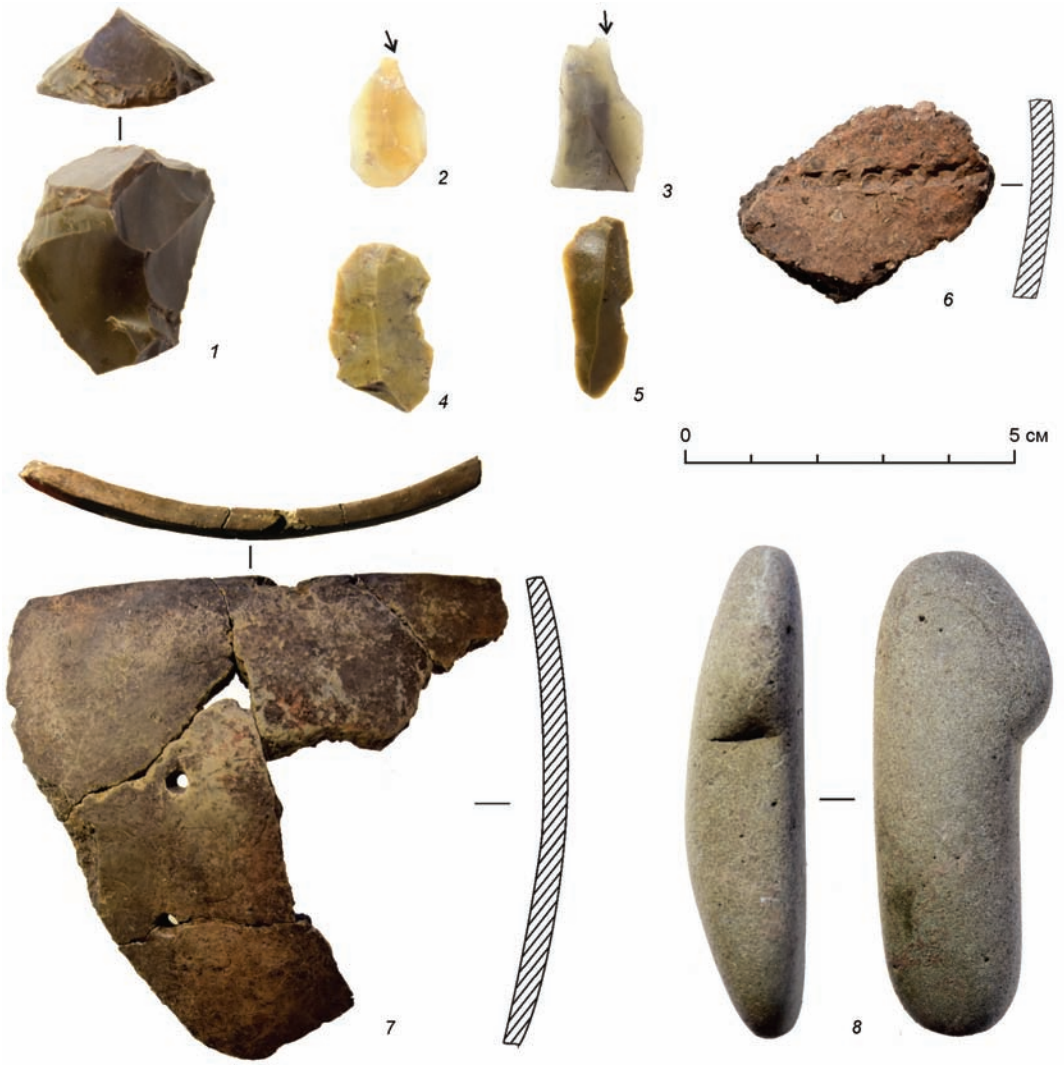


Рис. 2. Археологические материалы с местонахождений Бардино-1 и Бардино-4.
1 – скребок; *2, 3* – резцы; *4, 5* – пластинчатые сколы с выемчатым лезвием; *6, 7* – керамика; *8* – долотовидное орудие.

культуросодержащего слоя в верхней части пачки плейстоценовых отложений, следует финальным палеолитом (16–12 тыс. л.н.).

Местонахождение Бардино-4 представляет собой поселение, ориентированное на заготовку железной руды. На это указывают большое количество зафиксированных продуктов, связанных с металлургией – шлаков, криц, а так же фрагменты прокаленной глиняной обмазки из подъемных сборов Ю.В. Ширина. Кроме того отложения поймы безымянного ручья, на борту которой расположен объект, содержит железистые фракции. Предварительно датировать объект Бардино-4 можно I тыс. н.э.

Таким образом, в результате разведочных работ в зоне строительства объекта «Доработка запасов каменного угля участков “Артоновский-3” и “Основное поле” Бадайского геолого-экономического района Кузбасса ОАО “Шахта Полосухинская”» в 2018 г. подтверждено наличие двух археологических местонахождений, определены предмет охраны и границы распространения культурного слоя. В настоящий момент ведутся работы по составлению раздела проекта по сохранению объектов культурного наследия. Не исключено, что в ближайшее время объекты будут исследованы по всей площади, попадающей в зону строительства.

Список литературы

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2015. – Вып. 6. – 199 с.

References

Shirin Yu.V. Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Tomi. In *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: Lotus-Press, 2015, iss. 6, 199 p. (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.498-502
УДК 902.2

А.А. Тимощенко[1], В.А. Данилейко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
[2]ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания»
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Результаты археологического обследования местонахождения Усть-Мана в 2018 году (в рамках работ по паспортизации объектов археологического наследия Красноярского края)

Летом 2018 г. вторым Красноярским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены работы по паспортизации объекта археологического наследия Усть-Мана, который находится в центре пос. Усть-Мана Красноярского края. Объект известен с 1880-х гг.; стационарные работы здесь велись в 1980, 1982, 1993 и 1995 гг. Летом 2018 г. заложено 10 шурфов, зафиксировано четыре уровня отложения материальной культуры. Уровень I представлен фрагментами керамики, каменными наконечниками стрел, скребком, каменным грузилом со сквозным отверстием, ножами на отщепах, пластинами и отщепами, датирован поздним неолитом – эпохой бронзы. Уровень II представлен аморфными нуклеусами и их заготовками, массивным абразивом, пластинчатыми сколами, отщепами, датирован мезолитом. В уровне III обнаружен бифас, сколы декортикации, массивные отщепы и кости крупных животных; уровень датирован поздним палеолитом. Уровень IV представлен тремя фрагментами крупных костей животных, датирован палеолитом.

Ключевые слова: *Красноярский край, пос. Усть-Мана, сохранение культурного наследия, паспортизация, р. Енисей, р. Мана, палеолит, неолит, бронзовый век.*

A.A. Timoshchenko[1], V.A. Danileiko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
[2]LLC SPA "Archaeological Design and Surveys"
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Results of Archaeological Research at the Ust-Mana Settlement in 2018 (Under the Project of Krasnoyarsk Archaeological Heritage Sites Cataloging)

In the field season of 2018, the Krasnoyarsk archaeological team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS conducted certification of Ust-Mana archaeological site. The Ust-Mana site is located on 12 m high terrace of the Mana River near Ust-Mana village (Krasnoyarsk region). Site was found in 1880. Excavations were conducted in 1980, 1982, 1993 and 1995. During the field works of 2018, 10 testing pits were made revealing 4 cultural layers. Layer 1 yielded fragments of pottery, stone points, a scraper, a sinker with a through hole, knives on flakes, blades and flakes dated to the Late Neolithic period – Bronze Age. Layer 2 contained amorphous cores and preforms, an abrasive tool, lamellar flakes and was dated of the Mesolithic period. A biface, flakes of decortication, thick flakes and large animal bones were found in Layer 3, which was dated of the Late Paleolithic period. Layer 4 revealed three large animal bones and was dated to the Paleolithic period.

Keywords: *Krasnoyarsk region, Ust-Mana, cultural heritage preservation, cataloging, Yenisei, Mana, Paleolithic, Neolithic, Bronze Age.*

Летом 2018 г. вторым Красноярским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились работы по паспортизации объектов археологического наследия в окрестностях г. Дивногорска и пос. Усть-Мана Красноярского края. Выполнены шурфовочные работы, топографическая съемка, уточнено современное состояние и предмет охраны таких объектов как: Лиственка, Большая Лиственка, Малая Лиственка, Усть-Мана, Мана-3 и Нижняя. Описание этих работ приведено в отдельной статье сборника, данная работа посвящена новым сведениям по ОАН Усть-Мана.

Местонахождение Усть-Мана находится в правом приустьевом участке р. Мана на 12-метровой надпойменной террасе в центре пос. Усть-Мана Красноярского края. Протяженность останца террасы по линии СЗ – ЮВ составляет примерно 270 м. В северо-западной части она спускается к устью руч. Нижний Манский, в юго-восточной – переходит в пологий склон. Борт террасы залесен. Поверхность сильно изменена постройками поселка Усть-Мана.

Первые упоминая о многослойной стоянке Усть-Мана появляются в трудах И.Т. Савенкова в 1880-е гг. Им собран подъемный материал в устье р. Маны. В фондах Красноярского краеведческого музея хранятся наконечники стрел и фрагменты керамики, найденные сотрудником музея А.П. Ермолаевым в 1910 г. [Макаров, 1989].

В 1920-е гг. стоянку посещают Н.А. Ауэрбах и В.Г. Карцов. Последним было отмечено наличие культурного горизонта по обоим берегам р. Маны. Малочисленность и разновременность материала не позволили определить время существования стоянки. Отмечено, что площадь стоянки распахана [Карцов, 1929; Погудин, Дроздов, 1989].

В 1970-е гг. Усть-Мана осматривалась археологом Красноярского музея Н.В. Нащекиным. Тогда же, во время проведения земляных работ у здания школьной кочегарки, краеведом К.В. Зыряновым было выявлено погребение бронзового века, инвентарь которого был вскоре украден из школьного музея. Сохранилась лишь часть коллекции, переданная в фонды КККМ (Фонд археологии, колл. № 4212).

В 1979 г. Усть-Мана была обследована отрядом археологической экспедиции КГПИ под руководством В.А. Погудина. Подъемный материал собран в осыпях правого берега и представлен двумя бронзовыми ножами, наконечниками стрел, призматическими пластинками, гладкостенной керамикой и фаунистическими остатками [Погудин, Дроздов, 1980].

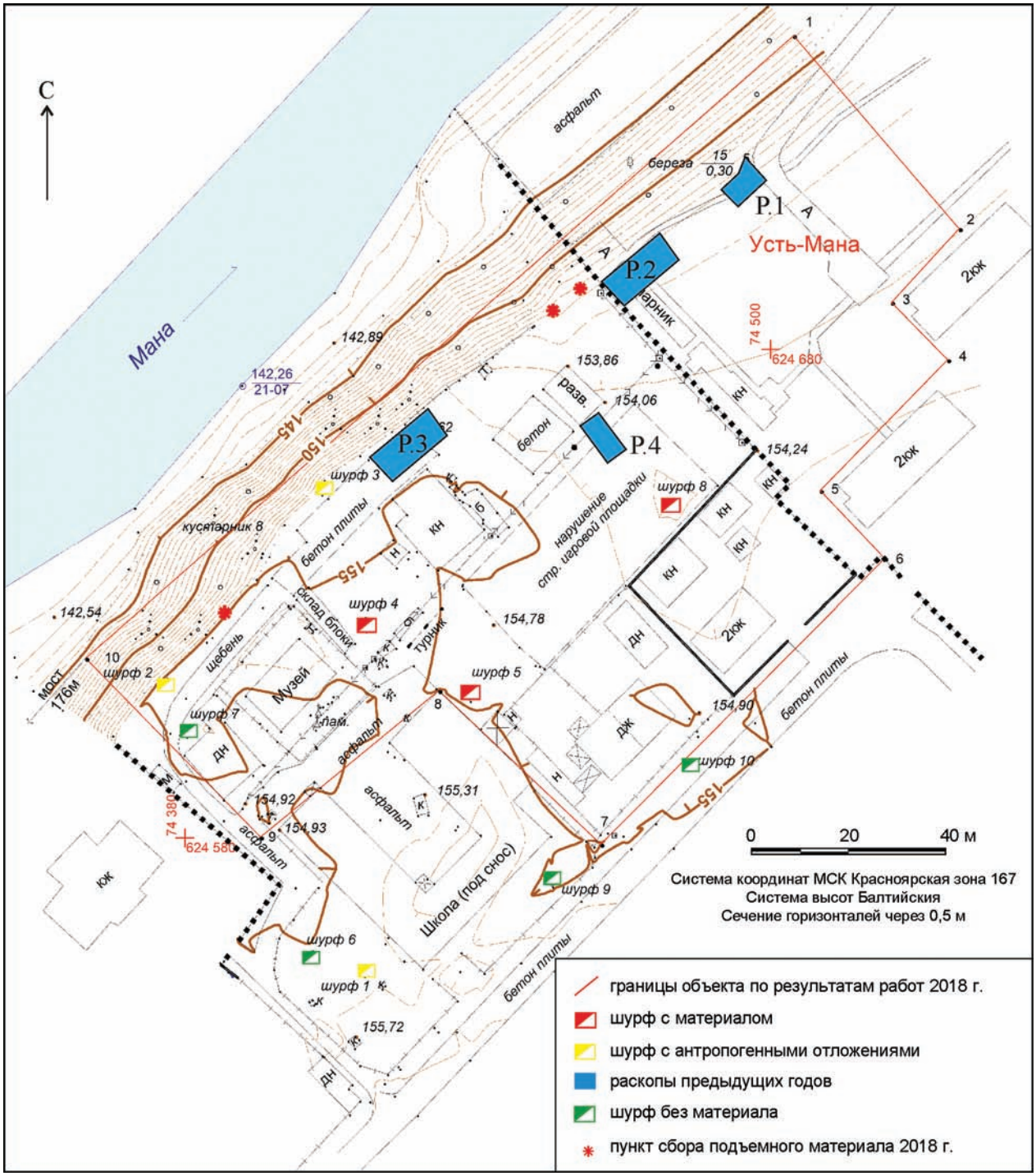
В 1980 г. на объекте были осуществлены первые стационарные раскопки объединенным отрядом КГПИ и КККМ под руководством В.А. Погудина и Н.П. Макарова. По итогам работ на стоянке было выявлено наличие трех культурных слоев – железного и бронзового веков; неолита; позднего палеолита «Афонтовского облика». [Макаров, 1981; Погудин, 1984]. Однако вывод о принадлежности слоя к афонтовской культуре позже был поставлен под сомнение [Акимова, 2003, с. 14].

В 1982 г. раскопки стоянки были продолжены общими силами КККМ и КГПИ. Н.П. Макаровым зафиксировано строительство новых пристроек к школе и котельной, появившихся в 1981 и 1982 гг. и еще более разрушивших стоянку. На свободном от огородов участке террасы был заложен раскоп площадью 32 м^2. Найденный материал позволил выделить смешанный культурный слой эпохи железа и палеометалла, а также горизонт неолита – ранней бронзы. Среди находок: каменное антропоморфное изваяние, бронзовое шило, каменные наконечники стрел и скребки, фрагменты керамики [Макаров, 1982].

В 1993 г. сотрудниками КККМ были выявлены новые нарушения культурного слоя: так, рядом с раскопом 1980 и 1982 гг. оказались две новые хозяйственные ямы, между которыми с террасы к береговой линии прорезан съезд грунтовой дороги для подвоза угля. В связи с этим, раскоп 1993 г. был заложен в 14 м южнее предыдущего. Выявлено три культурных горизонта. Находки первых двух культурных слоев не позволили разделить материал на конкретные эпохи, однако был вычленен материал тагаро-таштыкского времени. На это указывали железные ножи, бронзовое шило, а также разрушенное позднекарасукское погребение. Умерший лежал вытянуто на спине, ногами вниз по течению р. Маны по направлению к Енисею. В сопроводительном инвентаре – каменные наконечники стрел треугольной формы с вогнутым насадом, костяные черешковые наконечники и бронзовые изделия. Третий культурный горизонт был предварительно датирован эпохой финального неолита – бронзового века [Макаров, Вдовин, 2018; Новых, Макаров, Петренко, 1993].

В 1994 г. работы были перенесены вглубь террасы, на территорию спортплощадки школьного двора, где в заложенном шурфе были обнаружены находки неолита – палеолита [Макаров, 1995].

В 1995 г. на месте прошлогоднего шурфа был заложен раскоп площадью 28 м^2. Археологический материал первого культурного слоя был датирован бронзовым и железным веками. Материал второго культурного горизонта был предварительно датирован эпохой мезолита. В связи с тем, что исследованной оказалась лишь часть памятника, раскоп был законсервирован до продолжения ра-



Топографический план ОАН Усть-Мана.

бот, которые в последующем так и не состоялись [Макаров, 1996].

Летом 2018 г. раскопки на объекте были возобновлены 2-м красноярским отрядом ИАЭТ СО РАН в рамках работ по паспортизации объектов археологического наследия Красноярского края. Всего заложено 10 шурфов, шурфами № 1–3, 6,7, 9, 10 установлена территория распространения ОАН, культуровмещающие отложения стоянки вскрыты в шурфах № 4, 5, 8 (см. *рисунок*). Шурфы демонстрируют единую стратиграфическую ситуацию ОАН:

0) техногенный слой – 0,10–0,15 м;

1) дерново-почвенный современный горизонт – 0,25–0,40 м;

2) суглинок средний, бурый. Отложения связаны с голоценовым термическим оптимумом – 0,05–0,15 м;

3) суглинок средний, зеленовато-желтый. В слое фиксируются небольшие морозобойные трещины. Отложения относятся к этапу раннего голоцена – 0,05–0,10 м;

4) супесь белесовато-желтого цвета. В кровле фиксируются морозобойные трещины, вмещающие отложения вышележащих горизонтов. Отложения относятся к финалу плейстоцена – 0,2–0,25 м;

5) пачка слоистых песков. Встречаются прослои ожелезнений и карбонатов. Отложения датируются поздним плейстоценом (Sr^{1-4}). Вскрытая мощность – до 1,7 м;

Всего в 2018 г. зафиксировано четыре культуросодержащих горизонта.

Культуросодержащий горизонт I обнаружен в шурфах № 5, 8, во втором литологическом слое. Археологический материал представлен фрагментами тонкостенной керамики орнаментированной горизонтальными рядами оттисков отступающей лопаточки, каменными наконечниками стрел с боковым шипом, концевым скребком, каменным грузилом со сквозным отверстием, ножами на отщепах, пластинами и отщепами. Подобная керамика широко распространена на территории Красноярско-Канской лесостепи в позднем неолите – бронзовом веке, что предварительно позволяет датировать этот горизонт диапазоном 4–5 тыс. л.н.

Культуросодержащий горизонт II зафиксирован в шурфе № 8, в третьем литологическом слое. Зафиксированы бессистемные нуклеусы и их заготовки, массивный абразив, пластинчатые сколы, отщепы. Исходя из геоморфологических наблюдений, отложения относятся к раннему этапу голоцена, отсутствие керамики, и наличие морозобойных клиньев позволяет датировать их 10–8 тыс. л.н.

Культуросодержащий горизонт III обнаружен в шурфе № 4, в кровле пятого литологического слоя. Представлен бифасом, сколами декортикации, массивными отщепами и костями крупных жвачных животных. Горизонт, исходя из условий залегания, может быть датирован поздним палеолитом.

Культуросодержащий горизонт IV обнаружен в шурфе № 5, в центральной части пятого литологического слоя. Представлен тремя крупными фрагментами колотых костей животных. Датировка – палеолит.

Таким образом, в ходе работ 2018 г. на местонахождении Усть-Мана получены новые данные по археологии Красноярской лесостепи, расширяющие представление о материальной культуре древнего населения палеолита – бронзового века.

На всем протяжении исследований площадь объекта постепенно сокращается из-за активного хозяйственного освоения. Начиная с 1920-х гг., археологи каждый раз фиксируют новые разрушения. Практически в центре объекта, на месте законсервированного раскопа 1995 г., нами зафиксировано строительство хоккейной коробки, территория вокруг раскопов 1980, 82 гг. огорожена и занята капитальными постройками турбазы. Относительно нетронутым остается локальный участок между шурфами № 4, 5, «зажатый» между фундаментом школы, хозяйственными ямами вдоль бровки террасы, строящейся хоккейной коробкой и жилыми домами. Состояние местонахождения Усть-Мана требует безотлагательных мер по сохранению объекта культурного наследия.

Список литературы

Акимова Е.В. Палеолит Красноярского археологического района (XX в., итоги и перспективы исследований) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2003. – Вып. II. – С. 5–17.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. – Красноярск, 1929. – 58 с.

Макаров Н.П. Работы Красноярского краеведческого музея // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 193–194.

Макаров Н.П. Работы на Среднем и Нижнем Енисее // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тез. докл. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. – С. 85–87.

Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. – Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1989. – С. 131–189.

Макаров Н.П. Отчет об археологических раскопках в 1994 г. стоянки Усть-Мана и пещеры Еленева в Емельяновском районе Красноярского края. – Рукопись. – Красноярск, 1995. (Личный архив автора).

Макаров Н.П. Отчет об археологических раскопках в 1995 г. стоянки Усть-Мана и пещеры Еленева в Емельяновском районе Красноярского края. – Рукопись. – Красноярск, 1996. (Личный архив автора).

Макаров Н.П., Вдовин А.С. Археология в Красноярском краевом краеведческом музее. 125 лет истории. – Красноярск: Изд-во Сиб. фед. ун-та, 2018. – 208 с.

Новых Л.В., Макаров Н.П., Петренко А.Л. Новые материалы позднебронзового века из окрестностей Красноярска // Мат-лы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан, 1993. – С. 19–20.

Погудин В.А. Стоянка Усть-Мана // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): тез. докл. кр. конф. (12–18 сентября 1984 г.). – Красноярск, 1984. – С. 157–159.

Погудин В.А., Дроздов Н.И. Разведка от Дивногорска до устья р. Кан // АО 1979 года – М.: Наука, 1980. – С. 225–226.

Погудин В.А., Дроздов Н.И. Археологические местонахождения Красноярского археологического района // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1989. – Вып. 1 – С. 235–260.

References

Akimova E.V. Paleolit Krasnoyarskogo arkheologicheskogo raiona (XX v., itogi i perspektivy issledovanii). In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*. Krasnoyarsk, 2003, iss. II, pp. 5–17 (in Russ.).

Kartsov V.G. Materialy k arkheologii Krasnoyarskogo raiona. Krasnoyarsk, 1929, 58 p. (in Russ.).

Makarov N.P. Raboty Krasnoyarskogo kraevedcheskogo muzeya. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda*. Moscow: Nauka, 1981, pp. 193–194 (in Russ.).

Makarov N.P. Raboty na Srednem i Nizhnem Enisee. In *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri. Tezisy dokladov*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1982, pp. 85–87 (in Russ.).

Makarov N.P. K istorii komplektovaniya, izucheniya i eksponirovaniya arkheologicheskikh kollektsii. In *Vek podvizhnichestva*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 1989, pp. 131–189 (in Russ.).

Makarov N.P. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 1994 g. stoyanki Ust'-Mana i peshchery Eleneva v Emel'yanovskom raione Krasnoyarskogo kraya. Krasnoyarsk, 1995. *Lichnyi arkhiv avtora* (in Russ.).

Makarov N.P. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 1995 g. stoyanki Ust'-Mana i peshchery Eleneva v Emel'yanovskom raione Krasnoyarskogo kraya. Krasnoyarsk, 1996. *Lichnyi arkhiv avtora* (in Russ.).

Makarov N.P., Vdovin A.S. Arkheologiya v Krasnoyarskom kraevom kraevedcheskom muzee. 125 let istorii. Krasnoyarsk: Siberian Federal Univ. Press, 2018, 208 p. (in Russ.).

Novykh L.V., Makarov N.P., Petrenko A.L. Novye materialy pozdnebronzovogo veka iz okrestnostei Krasnoyarska. In *Materialy po arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Abakan, 1993, pp. 19–20 (in Russ.).

Pogudin V.A. Stoyanka Ust'-Mana. In *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii (k 100-letiyu otkrytiya paleolita na Enisee): tezisy dokladov*. Krasnoyarsk, 1984, pp. 157–159 (in Russ.).

Pogudin V.A., Drozdov N.I. Razvedka ot Divnogorska do ust'ya r. Kan. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda*. Moscow: Nauka, 1980, pp. 225–226 (in Russ.).

Pogudin V.A., Drozdov N.I. Arkheologicheskie mestonakhozhdeniya Krasnoyarskogo arkheologicheskogo raiona. In *Pamyatniki istorii i kul'tury Krasnoyarskogo kraya*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 1989, No. 1, pp. 235–260 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.503-506
УДК 902.2

А.А. Тимощенко, Б.М. Смирнов

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Результаты работ по паспортизации археологических объектов в окрестностях города Дивногорска и поселка Усть-Мана Красноярского края в 2018 году

В 2018 г. вторым Красноярским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены работы по паспортизации объектов археологического наследия в окрестностях г. Дивногорска и п. Усть-Мана Красноярского края. Местонахождения приурочены к отложениям террас р. Енисей, Мана и их притоков. В ходе работ определены границы, проведена топосъемка и уточнена датировка и предмет охраны объектов археологического наследия Лиственка, Большая Лиственка, Малая Лиственка, Усть-Мана, Мана-3 и Нижняя. На местонахождении Лиственка выявлен культурный слой, насыщенный археологическим материалом, который ранее при изучении ОАН не фиксировался. Впервые проведены раскопочные работы на местонахождениях Большая Лиственка, Малая Лиственка и Нижняя, позволившие получить новые данные о стратиграфии и датировке этих объектов. Также получена новая информация о сохранности культуросодержащих слоев ОАН Усть-Мана и Мана-3.

Ключевые слова: *Красноярский край, паспортизация, р. Енисей, р. Мана, палеолит, неолит, бронзовый век, ранний железный век.*

A.A. Timoshchenko, B.M. Smirnov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Results of Certification of Archaeological Objects in the Vicinity to the Town of Divnogorsk and the Village of Ust-Mana at Krasnoyarsk Region in 2018

In the summer of 2018, Krasnoyarsk archeological team 2 from IAET SB RAS conducted cataloging of the archaeological heritage sites in the surroundings of Divnogorsk and Ust-Mana in Krasnoyarsk Krai. The established sites have been located on the terraces of the Yenisei, Mana and their tributaries. The works included topographic mapping, establishing boundaries and age of the archaeological heritage sites of Listvenka, Bolshaya Listvenka, Malaya Listvenka, Ust-Mana, Mana-3 and Nizhnaya. A rich cultural layer was established at the Listvenka site, which had not been previously recorded. For the first time excavations were carried out at Bolshaya Listvenka, Malaya Listvenka and Nizhnaya providing new stratigraphic and chronological data of these sites. New information of the state of preservation of the culture-bearing layers at Ust-Mana and Mana-3 was collected.

Keywords: *Krasnoyarsk region, certification, Yenisei, Mana, Paleolithic, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age.*

Летом 2018 г. вторым Красноярским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились работы по паспортизации объектов археологического наследия в окрестностях г. Дивногорска и пос. Усть-Мана Красноярского края.

В ходе паспортизации выполнены шурфовочные работы, топографическая съемка и уточнено современное состояние, предмет охраны таких объектов, как Лиственка (в литературе известна как Лиственка, наименование по паспорту объекта «Лиственка Заречная»), Большая Лиственка, Малая Лиственка, Усть-Мана, Мана-3 и Нижняя. Географически они расположены на юго-западной окраине Красноярской лесостепи. Объекты приурочены к отложениям террас р. Енисей и р. Мана, а также их притоков (см. *рисунок*).

Карта-схема района работ.

1 – Лиственка; *2* – Большая Лиственка; *3* – Малая Лиственка; *4* – Усть-Мана; *5* – Мана-3; *6* – Нижняя.

Местонахождение Лиственка находится на южной окраине г. Дивногорск, дислоцируется на 20–30-метровой правобережной террасе р. Лиственка-Заречная. Датируется объект эпохой палеолита-мезолита (23–7 тыс. л. до н.э.). Объект хорошо изучен и является опорным местонахождением эпохи палеолита Сибири [Акимова и др., 2005]. Таким образом, ограничим описание новыми данными, полученными в полевой сезон 2018 г.

В результате работ 2018 г. установлено, что культуровмещающие отложения не ограничены древним приустьевым участком р. Лиственки, а продолжаются и вдоль 40-метровой фрагментарно сохранившейся террасовидной поверхности р. Енисей. На ней, на глубине 1,2–1,4 м от современной дневной поверхности зафиксирован культуросодержащий слой, насыщенный археологическим материалом. Данный слой выявлен на местонахождении впервые, стратиграфически материал залегает в кровле финальносортанских отложений, что сопоставимо с 4 культуросодержащим горизонтом объекта, однако фиксируемая индустрия имеет архаичные черты и по облику сопоставима с материалами горизонтов 12, 13 [Акимова и др., 2005, с. 162–164].

Всего зафиксировано порядка 700 каменных и костяных предметов. Палеофауна представлена расщепленными костями северного оленя и бизона. Каменные предметы представлены отщепами, пластинчатыми сколами, сколами декортикации, двуплощадочными бифронтальными, одноплощадочными монофронтальными и торцевыми нуклеусами, резцами, проверткой, вкладышами, заготовкой костяного пазового орудия.

Детальный анализ артефактов и методы абсолютного датирования помогут в дальнейшем решить вопрос датирования и культурной идентификации этого комплекса.

Местонахождение Большая Лиственка расположено в окрестностях г. Дивногорска, на левом берегу р. Енисей, на левом приустьевом участке р. Большая Лиственная. Большая Лиственка дислоцируется на останце террасы р. Енисей. Терраса имеет наклон в сторону рек Енисей и Большая Лиственная, сохранился ее небольшой участок размерами 14 × 30 м. Терраса имеет эрозионное происхождение, рыхлые отложения маломощны.

Объект открыт и неоднократно осматривался директором Дивногорского городского музея К.В. Зыряновым в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В сентябре 1985 г сотрудники КГПИ А.Ю. Тарасов и Е.В. Артемьев собрали подъемный материал, раскопочных работ на объекте не велось [Паспорт…, 1985а].

Большая Лиственка имеет маломощный культурный слой. Толща рыхлых отложений не превышает 15 см. Археологический материал залегает

в нижней ее части на контакте с грубообломочными разноразмерными фракциями горных пород. В результате работ зафиксировано два археологических предмета: призматический одноплощадочный нуклеус, миниатюрный концевой скребок на отщепе. Эти предметы имеют широкие хронологические рамки бытования на территории Средней Сибири, от конца верхнего палеолита до финала эпохи неолита.

Стоянка Малая Лиственка находится на мысу правого приустьевого участка р. Малая Лиственная напротив г. Дивногорск. Остатки материальной культуры приурочены к отложениям останца надпойменной левобережной 12-метровой террасы и 1–2-метровой поймы р. Енисей.

Объект открыт и неоднократно осматривался директором Дивногорского городского музея К.В. Зыряновым в конце 1970-х – начале 1980-х гг.

В 1979 г. памятник был обследован экспедицией КГПИ под руководством В.А. Погудина. Подъемный материал собран в береговой осыпи и предварительно датирован неолитическим временем: каменные топоры, наконечники стрел подтреугольной формы, призматические пластинки, гладкостенная керамика [Погудин, 1980].

В сентябре 1985 г. сотрудники КАЭ КГПИ А.Ю. Тарасов и Е.В. Артемьев собрали обширный подъемный материал: бронзовое антропоморфное изображение, железные шлаки, скребло, призматические пластины, чопперы и нуклеусы [Паспорт…, 1985б].

Всего по результатам работ 2018 г. зафиксировано три культуросодержащих горизонта.

Культуросодержащий горизонт I представлен фрагментами тонкостенной не орнаментированной керамики, костями животных, металлическим кованым кольцом. Датирован Средневековьем.

В культуросодержащем горизонте II обнаружены изделия из металла в виде кованой проволоки с петельчатым навершием, развалом керамического сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами обмазочных валиков, скребком на отщепе со следами шлифовки. Предварительная датировка – ранний железный век.

Культуросодержащий горизонт III представлен единичной находкой – массивным каменным пестом-отбойником. Аналогии подобному изделию имеются в 9, 10 культуросодержащих горизонтах Лиственки, что позволяет датировать этот горизонт поздним палеолитом [Акимова и др., 2005, с. 57–64].

Стоянка Усть-Мана находится в устье р. Мана на 12-метровой правобережной террасе. Поверхность сильно изменена постройками поселка Усть-Мана.

Местонахождение известно с конца XIX в. Первые упоминания о нем появляются в трудах И.Т. Савенкова, который в 1883 г. собрал в устье р. Маны подъемный материал. Объект неоднократно посещался исследователями в конце прошлого века [Погудин, Дроздов, 1980; Погудин, 1984]. Стационарные работы велись в 1980, 1982, 1993 и 1995 гг. В.А. Погудиным и Н.П. Макаровым. На сегодняшний момент объект практически полностью разрушен хозяйственной деятельностью поселка. Суммарное обобщение всех известных данных и подробное описание работ 2018 г. дается в отдельной статье этого сборника.

Стоянка Мана-3 дислоцируется на борту 10-метровой эрозионной левобережной террасы р. Мана в 1500 м от ее устья.

В 1979 г. объект был обследован экспедицией КККМ под руководством В.А. Погудина. Археологический материал был представлен массивным медным кельтом, бронзовым ножом, фрагментами керамики [Погудин, 1980, с. 41, 42].

Стационарные работы проводились в 1980–1982 гг. под руководством В.А. Погудина и Н.П. Макарова. В общей сложности была вскрыта площадь в 37 м^2. Археологический материал к. г. I был представлен отщепами, призматическими пластинками, фрагментом неорнаментированной керамики; к. г. II – несколькими костями расколотых костей северного оленя. Стоянка была датирована временем неолита (4 тыс. л. до н.э.) и позднего палеолита (13 тыс. л. до н.э.) [Макаров, 1981, 1982].

Работы 2018 г. выявили, что объект практически полностью уничтожен строительством пос. Усть-Мана. Маломощный культуросодержащий слой сохранился фрагментарно вдоль бровки террасы. Шестью шурфами удалось зафиксировать лишь небольшой скол и фрагмент неопределимой кости.

Местонахождение Нижняя было обнаружено в 1987 г. отрядом КГПИ под руководством Л.В. Новых в 2,5 км юго-западнее пос. Усть-Мана на мысу 7–10-метровой левобережной террасы р. Маны, при впадении в нее речки Нижней. Земляных работ не проводилось. В обнажениях террасы вдоль дороги был зафиксирован отщеп крупных размеров из серого траппа [Новых, 1988].

В результате работ 2018 г. обнаружен один уровень отложения материальной культуры. Зафиксированы нож на отщепе зеленого кремня, абразив из мелкозернистого песчаника и массивный скол серого траппа, аналогичный найденному в 1987 г. Представляется возможным датировать объект эпохой неолита (7–4 тыс. л.н.).

Таким образом, в результате работ по паспортизации объектов археологического наследия в окрестностях г. Дивногорска и пос. Усть-Мана

Красноярского края в 2018 г. получены новые материалы по археологии бассейна р. Енисей, уточнены данные о сохранности и предмете охраны ОАН. На местонахождении Лиственка выявлен культурный слой, ранее при изучении ОАН не фиксировавшийся. Впервые проведены раскопочные работы на ОАН Большая Лиственка, Малая Лиственка и Нижняя, позволившие получить новые данные о стратиграфии и датировке этих объектов. Так же получены новые данные о сохранности ОАН Усть-Мана и Мана-3.

Список литературы

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. – Новосибирск; Красноярск: Изд-во Красн. гос. пед. ун-та, 2005. – 180 с.

Макаров Н.П. Работы Красноярского краеведческого музея // АО 1980 года – М.: Наука, 1981. – С. 193–194.

Макаров Н.П. Работы на Среднем и Нижнем Енисее // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. – Иркутск, 1982. – С. 85–87.

Новых Л.В. Отчет о разведочных работах в Емельяновском и Берёзовском районах Красноярского края, проведенных в 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф.1. Р-1. Д. № 12153.

Паспорт памятника истории и культуры «Г. Дивногорск. Стоянка Большая Лиственка» от 18.10.1985 // Архив службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, б/н. – Красноярск, 1985а. – 8 с.

Паспорт памятника истории и культуры «Г. Дивногорск. Стоянка Малая Лиственка» от 17.10.1985 // Архив службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края, б/н. – Красноярск, 1985б. – 7 с.

Погудин В.А. Археологическая разведка на Среднем Енисее // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. – Иркутск, 1980. – С. 41–43.

Погудин В.А. Стоянка Усть-Мана // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): тез. докл. краевой конф. – Красноярск, 1984. – С. 157–159.

Погудин В.А., Дроздов Н.И. Разведка от Дивногорска до устья р. Кан // АО 1979 года – М.: Наука, 1980. – С. 225–226.

References

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Orlova L.A., San'ko A.F., Shpakova E.A. Paleolit Eniseya. Listvenka. Novosibirsk; Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Ped. Univ. Press, 2005, 180 p. (in Russ.).

Makarov N.P. Raboty Krasnoyarskogo kraevedcheskogo muzeya. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda*. Moscow: Nauka, 1981, pp. 193–194 (in Russ.).

Makarov N.P. Raboty na Srednem i Nizhnem Enisee. In *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tezisy dokladov*. Irkutsk, 1982, pp. 85–87 (in Russ.).

Novykh L.V. Otchet o razvedochnykh rabotakh v Emel'yanovskom i Berezovskom raionakh Krasnoyarskogo kraya, provedennykh v 1987 g. Krasnoyarsk, 1988. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN. F.1. R 1. D. № 12153* (in Russ.).

Pasport pamyatnika istorii i kul'tury "G. Divnogorsk. Stoyanka Bol'shaya Listvenka" ot 18.10.1985. *Arkhiv sluzhby po gosudarstvennoi okhrane ob'ektov kul'turnogo naslediya Krasnoyarskogo kraya, b/n. Krasnoyarsk, 1985a, 8 p.* (in Russ.).

Pasport pamyatnika istorii i kul'tury "G. Divnogorsk. Stoyanka Malaya Listvenka" ot 17.10.1985. *Arkhiv sluzhby po gosudarstvennoi okhrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Krasnoyarskogo kraya, b/n. Krasnoyarsk, 1985b, 7 p.* (in Russ.).

Pogudin V.A. Arkheologicheskaya razvedka na Srednem Enisee. In *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Irkutsk, 1980, pp. 41–43 (in Russ.).

Pogudin V.A. Stoyanka Ust'-Mana. In *Problemy issledovaniya kamennogo veka Evrazii (k 100-letiyu otkrytiya paleolita na Enisee): tezisy dokladov kraevoi konferentsii*. Krasnoyarsk, 1984, pp. 157–159 (in Russ.).

Pogudin V.A., Drozdov N.I. Razvedka ot Divnogorska do ust'ya r. Kan. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1979 goda*. Moscow: Nauka, 1980, pp. 225–226 (in Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМАЭС ТГУ	– Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
АН РУз	– Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР	– Академия наук СССР
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БАИК	– Бюллетень ассоциации «История и компьютер»
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр СО РАН
БУ РА	– Бюджетное учреждение Республики Алтай
ВАОН	– Вьетнамская академия общественных наук
ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАИО	– Государственный архив Иркутской обл.
ГАРБ	– Государственный архив Республики Бурятии
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ	– Иркутский государственный университет
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИНГГ СО РАН	– Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН
КГПИ	– Красноярский государственный педагогический институт
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ККМ	– Красноярский краевой краеведческий музей
МАН	– Монгольская академия наук
МАЭ АГУ	– Музей археологии и этнографии Алтайского государственного университета
МАЭ РАН	– Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА	– Материалы и исследования по археологии
НГПИ	– Новосибирский государственный педагогический институт
НГУ	– Новосибирский государственный университет
ОАН	– объект археологического наследия
ООО	– общество с ограниченной ответственностью
РАН	– Российская академия наук
РАНХиГС	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РЭМ	– Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)
СВНЦ ДВО РАН	– Северо-Восточный научный центр ДВО РАН
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СФУ	– Сибирский федеральный университет
ТГПИ	– Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	– Томский государственный университет
ТОКМ	– Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
ХакНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХНКМ	– Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова
ХО ВООПИиК	– Хакасское отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»
ЦОКН	– Центр охраны культурного наследия по Ханты-Мансийскому району
CNRS	– Centre national de la recherche scientifique
LLC	– Limited Liability Company
RANEPA	– Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

СОДЕРЖАНИЕ

Молодин В.И. К 110-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова 7

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Павленок Г.Д., Чеха А.М., Шалагина А.В., Шуньков М.В. Исследования палеолитических объектов Шиликтинской котловины в 2018 году. 13

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Чеха А.М., Козликин М.Б., Искаков Г.Т., Васильев С.К., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году 18

Анойкин А.А., Шалагина А.В., Белоусова Н.Е., Марковский Г.И., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Березина Н.Я., Кривошапкин А.И. Результаты полевых исследований среднепалеолитических комплексов пещеры Страшная в 2018 году 25

Боманн М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры 32

Васильев С.К., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Остатки мегафауны из верхней части плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры 37

Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Кузьмин Я.В., Калинкин П.Н., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири 42

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Остатки плейстоценовой мегафауны из аллювиальных местонахождений Бибиха, Тараданово на реке Оби (Новосибирская область) и реке Чумыш (Алтайский край). 47

Волков П.В., Лбова Л.В., Рие М. Предварительные результаты экспериментально-трасологического исследования петроглифа Белая лошадь в Минусинской котловине 52

Гирченко Е.А. Распространение земледелия на северо-востоке Китая в эпоху среднего неолита 56

Гирченко Е.А., Нестеров С.П. Технико-типологический анализ керамики неолитической культуры Анъанси Северного Китая 60

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., МакКензи Х.Г. Новый взгляд на неолитические комплексы погребений могильника Сарминский Мыс (Малое море озера Байкал) 64

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Кандыба А.В., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Харевич В.М., Рыбалко А.Г., Чеха А.М. Новые данные в изучении стратифицированных стоянок раннего палеолита во Вьетнаме. 68

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования раннепалеолитической индустрии стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2018 году 73

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Козликин М.Б., Меденица И. Исследование скального навеса Малишина Стена в Черногории в 2018 году. 77

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры 82

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая диадема из Денисовой пещеры 87

Жилич С.В., Кривоногов С.К., Пархомчук Е.В., Колпакова М.Н., Наймушина О.С. Реконструкция ландшафтов в районе озера Эбейты (Омская область) по палинологическим данным за последние 28 тысяч лет 91

Зоткина Л.В., Кретэн К., Конэгр Дж. Результаты полевых исследований скального навеса Абридю-Пуассон (Франция) 96

Казанский А.Ю., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Хужаназаров М., Когай С.А. Первые результаты петромагнитных измерений на стоянке Кульбулак 102

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Каменная индустрия среднего палеолита местонахождения Дарвагчай-Залив-4 в контексте синхронных комплексов Дарвагчайского геоархеологического района 106

Колобова К.А., Крайцаж М.Т., Боманн М., Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Крайцаж М., Березина Н.Я., Алишер кызы С., Колясникова А.С., Селецкий М.В., Маркин С.В. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2018 года 110

Лбова Л.В., Кулик Н.А., Губар Ю.С. Петрографический и спектральный анализ пигментсодержащих материалов в составе коллекции Малой Сыи 115

Липнина Е.А. Новые данные по стратиграфии и морфологии ансамбля каменных артефактов «доклассического» уровня из отложения ископаемой культуры Мальтинского геоархеологического местонахождения 119

Медведев В.Е., Филатова И.В. К проблеме динамики гончарного производства Нижнего Приамурья в период среднего неолита 124

Нестеркина А.Л. Могильник Чанхан на острове Кадогдо: новые данные о погребальных практиках населения Кореи в эпоху раннего неолита 129

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Предварительные результаты раскопок стоянки позднего неолита Улярба на Малом море озера Байкал 133

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Шалагина А.В., Козликин М.Б., Чеха А.М., Искаков Г.Т. Исследование финальноплейстоценовых материалов стоянки Ушбулак в 2018 году. 137

Роговской Е.О. Ранний палеолит долины Чуны 142

Рудая Н.А. Изменение растительности Кулунды в позднем плейстоцене и голоцене: первые итоги палинологического изучения керна донных отложений озера Кучук 146

Рыбалко А.Г. Появление леваллуазской технологии в раннепалеолитических комплексах Юго-Восточного Дагестана 150

Рыбин Е.П., Когай С.А., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б., Ангарагдулгуун Г., Вольвах А.О. Разведка палеолитических памятников в среднем течении реки Харганын-гол (Монголия) 155

Сердюк Н.В., Анойкин А.А., Шалагина А.В., Белоусова Н.Е., Марковский Г.И. Обзор ископаемых мелких млекопитающих из нижней пачки отложений Страшной пещеры, Северо-Западный Алтай (по данным 2018 года). 160

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Горельченкова О.А. Археологические исследования в долине реки Тубы 165

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Олсен Д.В., Гунчинсурэн Б., Базаргур Д., Марченко Д.В., Когай С.А., Кравцова А.С., Шелепаев Р.А., Шелепов Я.Ю., Шевченко Т.А. Новый цикл исследований на памятнике Мойлтын ам в Центральной Монголии 169

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Олсен Д.В., Гунчинсурэн Б., Базаргур Д., Марченко Д.В., Клементьев А.М., Когай С.А., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Кравцова А.С., Шевченко Т.А. Хроностратиграфические исследования среднего палеолита на памятнике Орхон-1 (Центральная Монголия) 174

Чеха А.Н. Каменные индустрии стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье: новые данные по материалам слоя 2 179

Шнайдер С.В., Курбанов Р.Н., Алишер кызы С., Риго С., Шаньгина М.В., Кривошапкин А.И. Результаты предварительного изучения памятников Кайлю и Куба-Сенгир (Восточный Прикаспий, Туркменистан) 184

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Козликин М.Б. Археологическая разведка на юге Казахстана в 2018 году 190

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Новые данные по украшениям из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол. 194

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры 198

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ахметов В.В., Алкин С.В. Новые материалы по изучению домостроительства в Шилкинской системе городищ. 205

Басова Н.В. Керамика из могильника бронзового времени на поселении Турист-2 в Новосибирске 209

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Веретенников А.В. Культурно-хронологическая планиграфия поселений Старый Московский Тракт-4 и Старый Московский Тракт-5 на северо-западе Барабинской лесостепи (предварительные выводы) 214

Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В. Новые материалы на памятнике позднего бронзового века Ложка-6 в Барабинской лесостепи 219

Богданов Е.С., Мураками Я., Соловьев А.И., Гришин А.Е., Соловьева Е.А., Гнездилова И.С. Исследование сыродутных печей около села Балыктуюль (Республика Алтай) в 2018 году. 224

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка 229

Бородовский А.П. Предметы младенческой гигиены хунно-сяньбийского времени Горного Алтая в контексте культурных связей 234

Гайдакова З.Г., Кениг А.В., Липс С.А. Поселение Когончинское-19: первые результаты археологического изучения. 238

Гаркуша Ю.Н. Дендрохронология городища Усть-Войкарское: опыт историографического исследования. 242

Ефремова Н.С., Молодин В.И. Разновидности ритуальных памятников на юге Западно-Сибирской равнины (неолит – позднее Средневековье) 246

Зоткина Л.В., Сутугин С.В. Шалаболинская писаница: некоторые результаты исследований 2018 года 251

Зубова А.В. Одонтологические данные к проблеме происхождения культуры вальдивия (Эквадор): первые результаты. 256

Зубова А.В., Кербс (Казакова) Е.А. Одонтология мохэ троицкой группы в контексте формирования населения Дальнего Востока. 260

Иванова Д.А., Табарев А.В. Украшения из раковин в погребальном комплексе Хирота (остров Танэ, Японский архипелаг) 264

Кардаш О.В., Липс С.А. Архитектура оборонительно-жилых комплексов севера Западной Сибири как культурно-хронологический признак (по материалам памятников урочища Соровские озера) 269

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Полевое доследование внутримогильных конструкций Пятого Пазырыкского кургана на Алтае (предварительное сообщение) 275

Кубарев Г.В. Археологические разведочные работы в Центральном и Юго-Восточном Алтае . . 280

Митько О.А., Скобелев С.Г., Ширин Ю.В., Зубков В.С., Поселянин А.И., Давыдов Р.В., Журавлева Е.А., Половников И.С., Собинов Р.Л. Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года 285

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы 290

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 293

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Оригинальный комплекс эпохи раннего железного века на могильнике Усть-Тартас-2 (Барабинская лесостепь) 299

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С. Новый могильник кротовской культуры в Барабе 304

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи в 2018 году 310

Папин Д.В., Федорук А.С., Демин М.А., Редников А.А. Бурла-3: новые данные о бурлинском типе памятников 315

Полосьмак Н.В., Ойношев В.П., Ямаева Е.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Шапаренко И.О., Алымов А.О., Кулешов Д.А. Результаты археологической и геофизической разведки в селе Беш-Озек (Республика Алтай) 319

Степанова Н.Ф., Боброва А.И. Особенности исходного сырья и состава формовочных масс керамических комплексов из Томского Приобья 324

Степанова Н.Ф., Лысенко Д.Н., Быкова М.В. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи неолита – бронзы со стоянки Хедугин Ручей (Северное Приангарье) 329

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П. Исследования в историческом центре города Тары в 2018 году 334

Татауров Ф.С., Татаурова Л.В. Новые памятники русского освоения Среднего Прииртышья XVII–XVIII веков (по результатам археологических разведок) 337

Татаурова Л.В. Эволюция жилищного комплекса (по материалам раскопок русской деревни XVII–XVIII веков Ананьино-1) 342

Худяков Ю.С. Находки кистеней в юго-восточной части Чуйской долины Кыргызстана 347

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Костяные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух на Средней Катуни (по материалам работ Южно-Сибирского отряда) 351

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Бронзовая статуэтка с изображением верблюда из Кыргызстана 355

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов в долине реки Чаган (Южный Алтай) 358

Черемисин Д.В., Комиссаров С.А., Кудинова М.А. Писаницы Левой реки (Китай) 362

Чикишева Т.А., Волков П.В. Случаи возможного ритуального прижизненного травмирования черепов пазырыкской культуры (Горный Алтай) 367

Чикишева Т.А., Завгородняя Д.А. Асимметрии на черепах ранних кочевников Тувы 371

Шульга П.И., Шульга Д.П. Новые данные о хронологии и связях культуры чауху (Синьцзян, Китай) 376

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Бочарова Е.Н., Федорченко А.Ю., Чеха А.Н. Изучение голоценовой толщи Денисовой пещеры в 2018 году 380

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А. Суд мифических персонажей у бурят XVIII – первой половины XIX века 387

Березиков Н.А. Этносимволический подход к феномену идентичности 391

Бурнаков В.А. Змея и ее образ в шаманизме хакасов (конец XIX – середина XX века) 394

Голубкова О.В. Невидимость как символ иномира в нарративах переселенцев из Полесья. 398

Ильина А.А. Сохранение татарской культуры и языка в малых городах и селах Омской области (по материалам экспедиций 2016–2018 годов) 401

Кардаш О.В., Гирченко Е.А. Гончарство народа ли острова Хайнань 404

Красавина (Москвина) М.В. Образы скифского искусства в современных художественных промыслах Республики Алтай 409

Лыгденова В.В. Межкультурное взаимодействие баргузинских бурят в конце XIX – начале XX века: одежда, архитектура, земледелие 412

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Статистические источники и методы исследования пространственных перемещений бурятского населения в 1960–1980-е годы 416

Люцидарская А.А. Знаки, выделяющие категорию «дети боярские» из основной массы служилых людей 419

Майничева А.Ю. Моделирование этносоциальных процессов с использованием цифровых технологий: направления и перспективы 422

Николаев В.В. Самосохранительное поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX–XX века) 427

Сальникова И.В. Новые сведения об образе медведя в культовой практике хантов 431

Самушкина Е.В. Праздник День пастуха в контексте советской этнонациональной политики . . 435

Селезнев А.Г. Экологические поселения: варианты освоения локального пространства и принципы классификации 439

Тихомирова М.Н. Отражение традиционных пищевых предпочтений татар Тарского Прииртышья в мясных блюдах. 443

Фурсова Е.Ф. Идентификационные функции верхней одежды сибирских старообрядцев Забайкалья и Алтая 446

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Бычков Д.А. Потенциальные возможности историко-культурного зонирования: на примере Томской области 453

Бычков Д.А., Попов Д.М. Поселенческий комплекс Монкутурий в междуречье рек Большой Юган и Вандрас 457

Бычков Д.А., Фёдоров А.В., Чернышов А.В., Квасница Ю.К., Монова А.П. Разведочные работы на левом берегу реки Яя в Томской области 461

Волков Д.П., Коваленко С.В., Крючко Е.И., Мамуль Я.М., Марченко Е.А., Миронов М.А., Алкин С.В., Нестеров С.П., Шеломихин О.А., Болотин Д.П. Спасательные археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5 в Амурской области. 465

Дудко А.А., Васильева Ю.А., Бычков Д.А. Результаты полевых археологических работ Юганского отряда в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 году 470

Кениг А.В., Зайцева Е.А. Археологическая разведка в бассейне реки Согом 474

Киргинеков Э.Н., Выборнов А.В., Грачев И.А., Зольников И.Д. Археологическая разведка в окрестностях бывшего улуса Котожеков 478

Колонцов С.В., Присекайло А.А. К вопросу о местонахождении Малышевской слободы 481

Ломов П.К., Морозов А.А., Батаргина И.А. Предварительные результаты разведочных работ 2018 года на территории Кондинского района ХМАО – Югры 485

Постнов А.В., Харевич В.М., Зольников И.Д., Ахметов В.В., Стасюк И.В., Гревцов Ю.А., Филатов Е.А. Спасательные археологические раскопки стоянки Галкина-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году 488

Постнов А.В., Харевич В.М., Зольников И.Д., Чертыков В.А., Ахметов В.В. Результаты спасательных археологических раскопок на стоянке Абалаково, Галкина-2 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году 491

Тимощенко А.А. Результаты разведочных работ 2018 года в Новокузнецком районе Кемеровской области (местонахождения Бардино-1 и Бардино-4) 494

Тимощенко А.А., Данилейко В.А. Результаты археологического обследования местонахождения Усть-Мана в 2018 году (в рамках работ по паспортизации объектов археологического наследия Красноярского края). 498

Тимощенко А.А., Смирнов Б.М. Результаты работ по паспортизации археологических объектов в окрестностях города Дивногорска и поселка Усть-Мана Красноярского края в 2018 году. 503

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ. 507

CONTENTS

Molodin V.I. To the 100th Anniversary of Academician A.P. Okladnikov 7

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE
PALEOECOLOGY

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Pavlenok G.D., Chekha A.M., Shalagina A.V., Shunkov M.V. The 2018 Archaeological Studies of Paleolithic Sites in Shilikty Basin. 13

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok G.D., Shalagina A.V., Bocharova E.N., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Ulianov V.A., Chekha A.M., Kozlikin M.B., Iskakov G.T., Vasiliev S.K., Shunkov M.V. Studies of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan) in 2018 18

Anoikin A.A., Shalagina A.V., Belousova N.E., Markovsky G.I., Serdyuk N.V., Vasiliev S.K., Berezina N.Ya., Krivoshapkin A.I. Results of Field Works on Middle Paleolithic Complexes of Strashnaya Cave in 2018 25

Baumann M., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. The Middle and Upper Paleolithic Bone Tools from South Chamber of Denisova Cave 32

Vasiliev S.K., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Megafaunal Remains from the Upper Portion of Pleistocene Deposits in South Chamber of Denisova Cave 37

Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Kuzmin Ya.V., Kalinkin P.N., Rastigeev S.A. Radiocarbon Dating of the Remains of Rare Pleistocene Megafauna Species in Southern Siberia 42

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. The Pleistocene Megafauna Fossil Remains from the Alluvial Sites of Bibikha, Taradanovo on the Ob River (Novosibirsk region) and Chumysh River (Altai Region). 47

Volkov P.V., Lbova L.V., Ruė M. Preliminary Results of the Traceological Study of the Petroglyph White Horse in the Minusa Region. 52

Girchenko E.A. Extension of Agricultural Areas in Northeast China during the Middle Neolithic . . . 56

Girchenko E.A., Nesterov S.P. Technical and Typological Analysis of Ang'angxi Neolithic Pottery in Northern China. 60

Goriunova O.I., Novikov A.G., Weber A.W., McKenzie H.G. New Look on Neolithic Burial Complexes of Sarminskii Mys (Maloe More of Lake Baikal). 64

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Kandyba A.V., Nguyen Gia Doi, Nguyen Khac Su, Kharevich V.M., Rybalko A.G., Chekha A.M. New Data from the Studies of the Early Paleolithic Stratified Sites in Vietnam 68

Derevianko A.P., Rybalko A.G., Kandyba A.V. Studies of the Early Paleolithic Industry from the Site of Darvagchay-Zaliv-4 in 2018 73

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoikin A.A., Kozlikin M.B., Medenica I. 2018 Excavation Campaign at Malishina Stena Rockshelter in Montenegro. 77

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave 82

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. A Palaeolithic Diadem From Denisova Cave 87

Zhilich S.V., Krivonogov S.K., Parkhomchuk E.V., Kolpakova M.N., Naymushina O.S. Landscape Reconstructions for the Latest 28 Thousand Years Based on Pollen Data from Lake Ebeyty (Omsk Region) 91

Zotkina L.V., Cretin C., Caunegre J. Results of Field Works at the Rock Shelter Abri du Poisson (France) 96

Kazansky A.Yu., Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Khuzhanazarov M., Kogai S.A. First Results of Petromagnetic Study at the Kulbulak Site 102

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Middle Paleolithic Stone Industry from Darvagchai-Zaliv-4 Site in Contex of Synchronous Complexes of Darvagchai Geoarchaeological Area 106

Kolobova K.A., Krajcarz M.T., Baumann M., Shalagina A.V., Shnaider S.V., Krajcarz M., Berezina N.Ya., Alisher kyzy S., Kolyasnikova A.S., Seletsky M.V., Markin S.V. The Middle Paleolithic Complexes of the Chagyrskaya Cave: 2018 Field Results 110

Lbova L.V., Kulik N.A., Gubar Y.S. Petrographic and Spectral Analysis of Pigment-Containing Materials in the Collection of Malaya Syya-Site 115

Lipnina E.A. Stratigraphy and Lithic Artifact Morphology of the Malta "Pre-Classic" Cultural Horizon: New Data 119

Medvedev V.E., Filatova I.V. To the Problem of the Dynamics of the Pottery Manufacturing in the Lower Amur in the Middle Neolithic 124

Nesterkina A.L. The Changhang Burial Ground on the Kadogdo Island: New Data on the Mortuary Practices of the Early Neolithic Population of Korea 129

Novikov A.G., Goriunova O.I. Preliminary Results of Excavations at the Late Neolithic Uliarba Site at Maloe More of Lake Baikal 133

Pavlenok G.D., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulianov V.A., Bocharova E.N., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Shalagina A.V., Kozlikin M.B., Chekha A.M., Iskakov G.T. Studies of the Terminal Pleistocene Materials from the Ushbulak Site in 2018 137

Rogovskoi E.O. Early Paleolithic Evidence from the Chuna Valley. 142

Rudaya N.A. Vegetation Changes in Kulunda During the Late Pleistocene and Holocene: First Results of the Pollen Study of Lake Kuchuk Bottom Sediments. 146

Rybalko A.G. Emergence of the Levallois Technology in the Early Paleolithic Complexes from Southeastern Dagestan 150

Rybin E.P., Kogai S.A., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Angaragdulguun G., Volvakh A.O. Reconnaissance of Paleolithic Sites in the Middle Kharganyn Gol River (Mongolia) 155

Serdyuk N.V., Anoikin A.A., Shalagina A.V., Belousova N.E., Markovsky G.I. Review of Small Mammal Fossils from the Lower Layers at Strashnaya Cave, Northwestern Altai (according to the data of 2018) 160

Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.N., Gorelchenkova O.A. Archaeological Studies in the Tuba River Valley 165

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Olsen J.W., Gunchinsuren B., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Kravtsova A.S., Shelepaev R.A., Shelepov Ya.Yu., Shevchenko T.A. New Research at the Moiltyn-am Site in Central Mongolia 169

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Olsen J.W., Gunchinsuren B., Bazargur D., Marchenko D.V., Klementiev A.M., Kogai S.A., Shelepaev R.A., Popov A.Yu., Kravtsova A.S., Shevchenko T.A. Chronostratigraphy of the Orkhon-1 Middle Paleolithic Site in Central Mongolia. 174

Chekha A.N. The Stone Industries of the Ust-Kutarey Site in the North Angara Region: New Data Based on the Materials from Layer 2 179

Shnaider S.V., Kurbanov R.N., Alisher kyzy S., Rigaud S., Shangina M.V., Krivoshapkin A.I. The Results of Kaylu and Kuba-Sengir Sites Preliminary Study (Eastern Caspian, Turkmenistan). 184

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Kozlikin M.B. The 2018 Archaeological Survey in Southern Kazakhstan 190

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E. New Data on the Serpentine Personal Ornaments of the Early Upper Palaeolithic from Ust-Karakol Site 194

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. The Early Upper Palaeolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave. 198

ARCHAEOLOGY OF THE PALEOMETAL AND MIDDLE AGES

Akhmetov V.V., Alkin S.V. The New Data on Housebuilding in the Shilka System of Hillforts. 205

Basova N.V. Ceramics from the Bronze Age Burial Ground at the Tourist-2 Settlement in Novosibirsk 209

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Veretennikov A.V. Cultural Planigraphy and Topochronology of the Stary Moskovsky Trakt-4 and Stary Moskovsky Trakt-5 Settlements in Northwestern Baraba Forest-Steppe (Preliminary Results). 214

Bobrov V.V., Moor N.N., Plats I.A., Falman A.V. New Late Bronze Materials from the Lozhka-6 Archaeological Site in Baraba Forest-Steppe 219

Bogdanov E.S., Murakami Ya., Solovyev A.I., Grishin A.E., Solovyeva E.A., Gnezdilova I.S. Studies of the Furnaces near Balyktuyul Village (Altai Republic) in 2018 224

Bogdanov E.S., Novikova O.I. To the Cultural Attribution of the Kurayka Burial Ground 229

Borodovsky A.P. Objects of the Infantile Hygiene of the Hunnu-Syanbian Time in the Gorny Altai in the Context of Cultural Relations 234

Gaidakova Z.G., Kenig A.V., Lips S.A. Kogonchinskoye-19 Settlement: Preliminary Results of Archaeological Research 238

Garkusha Yu.N. Tree-Ring Analysis of the Ust-Voikarskoye Settlement: A Trial of Historiographical Research 242

Efremova N.S., Molodin V.I. Ritual Site Varieties in the Southern Part of the Western Siberian Plain (Neolithic – Late Medieval Period) 246

Zotkina L.V., Sutugin S.V. Shalabolinskaya Pisanitsa: Some Results of Research in 2018 251

Zubova A.V. Dental Evidences to the Problem of the Valdivia Culture (Ecuador) Origin: First Results 256

Zubova A.V., Kerbs (Kazakova) E.A. Dental Anthropology of Mokhe from Troitsky Burial Ground in the Context of the Origin of Ancient Population of Russian Far East. 260

Ivanova D.A., Tabarev A.V. Shell Adornments in Hirota Burial Complex (Tane Island, Japanese Archipelago) 264

Kardash O.V., Lips S.A. Architecture of Defense-Residential Complexes in the North of Western Siberia as a Cultural and Chronological Marker (Based on the Materials of the Archaeological Sites of Sorovskiye Lakes) 269

Konstantinov N.A., Mylnikov V.P., Stepanova E.V., Vasilyeva N.A. Field Supplementary Examination of Intrasepulchral Design of the Fifth Pazyryk Barrow in Altai (a Preliminary Report). 275

Kubarev G.V. Archaeological Survey in Central and Southeastern Altai 280

Mitko O.A., Skobelev S.G., Shirin Yu.V., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Davydov R.V., Zhuravleva E.A., Polovnikov I.S., Sobinov R.L. Tesinsky Zaliv-3 Earthen Burial Ground of the Tashtyk Culture: Results of the Field Season 2018 285

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement 290

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Efremova N.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Stratigraphy of the Early – Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2 293

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Original Complex of the Early Iron Age at Ust-Tartas-2 (Baraba Forest-Steppe). 299

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Reinhold S. New Burial Ground of the Krotovo Culture in Baraba Forest-Steppe 304

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Demahina M.S. Main Results of the West-Siberian Team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Field Research in Baraba Forest-Steppe in 2018 310

Papin D.V., Fedoruk A.S., Demin M.A., Rednikov A.A. Burla-3: New Data About Burla Type of Sites 315

Polosmak N.V., Oinoshev V.P., Yamaeva E.E., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G., Shaparenko I.O., Alymov A.O., Kuleshov D.A. Results of Archaeological and Geophysical Explorations at the Village of Besh-Ozek (Altai Republic) 319

Stepanova N.F., Bobrova A.I. Features of the Raw Materials and Composition of Pottery Paste of the Ceramic Complexes from Tomsk Ob Region 324

Stepanova N.F., Lysenko D.N., Bykova M.V. Preliminary Results of the Technical and Technological Analysis of the Neolithic – Bronze Ceramics from the Khedugin Ruchey Site (the Northern Angara) . 329

Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Archaeological Studies in the Tara Historical Center in 2018 334

Tataurov F.S., Tataurova L.V. New Archaeological Sites of Russian Settlement of the Middle Irtysh in the 17th –18th Centuries (Archaeological Survey Results). 337

Tataurova L.V. Evolution of the Housing Complex (on Materials of the Excavations of Anan'ino-1, a Russian Village of the 17th –18th Centuries) 342

Khudyakov Yu.S. Findings of Flails in the Southeastern Part of the Chuya Valley in Kyrgyzstan 347

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Bone Arrow Heads from the Ulug-Choltukh Burial Ground in the Middle Katun (Based on Materials of Southern Siberian Team). 351

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh. Bronze Camel Image from Kyrgyzstan 355

Cheremisin D.V. Petroglyph Studies in the Chagan River Valley (Southern Altai) 358

Cheremisin D.V., Komissarov S.A., Kudinova M.A. Rock-Painting of Left River (China) 362

Chikisheva T.A., Volkov P.V. Cases of Possible Intravital Ritual Traumatization of Pazyryk Culture Skulls (Mountain Altai) 367

Chikisheva T.A., Zavgorodnyaya D.A. Asymmetries on the Skulls of the Early Nomads of Tuva . . . 371

Shulga P.I., Shulga D.P. New Information on the Chronology and Relations of Chawuhu Culture (Xinjiang, China) 376

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Bocharova E.N., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.N. Analyses of the Holocene Deposits from Denisova Cave in 2018 380

ETHNOGRAPHY

Badmaev A.A. The Court of Mythical Characters Among the Buryats of the 18th – First Half of the 19th Century. 387

Berezikov N.A. The Ethno-Symbolic Approach to Identity. 391

Burnakov V.A. The Snake and Its Image in the Khakasian Shamanism (End of the 19th – Middle of the 20th Century) 394

Golubkova O.V. Inconscious as a Symbol of Another World in the Stories of Migrants from Polesie 398

Ilina A.A. Preservation of the Tatar Culture and Language in Small Towns and Villages in Omsk Region (on the 2016–2018 Expeditions Materials). 401

Kardash O.V., Girchenko E.A. Pottery of Li People on Hainan Island 404

Krasavina (Moskvina) M.V. Images of Scythian Art in Modern Art Crafts of the Altai Republic. . . . 409

Lygdenova V.V. Intercultural Communications of the Barguzin Buryats in the Late 19th – Early 20th Centuries: Clothes, Architecture, Agriculture. 412

Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Statistical Sources and Methods in the Studies of the Buryat Migration in the 1960–1980's. 416

Lyutsidarskaya A.A. Features of the "Boyar Children" Marking Them out from Other Representatives of the Service Class 419

Mainicheva A.Yu. Modeling of Ethno-Social Processes by Digital Technologies: Directions and Prospects. 422

Nikolaev V.V. Self-Preserving Behavior of the Indigenous Peoples in the North Altai Piedmonts (The 19th – 20th Centuries) 427

Salnikova I.V. New Data About the Bear Image in the Khanty Religious Practice 431

Samushkina E.V. Shepherd's Day in the Context of Soviet Ethnonational Policies 435

Seleznev A.G. Ecovillages: Options for the Development of Local Space and Classification Principles 439

Tikhomirova M.N. Traditional Food Preferences in Meat Dishes among the Tatars in the Irtysh-Tara Interfluve 443

Fursova E.F. Identification Functions of the Outer Clothing of the Siberian Old Believers in Transbaikalia and Altai 446

RESCUE ARCHAEOLOGY

Bychkov D.A. Potentialities of Historic-Cultural Zoning: on the Example of the Tomsk Region 453

Bychkov D.A., Popov D.M. The Monkuturii Settlement Site in the Bolshoi Ugan and Vandras Interfluve 457

Bychkov D.A., Fedorov A.V., Chernyshov A.V., Kvasnitsa Y.K., Monova A.P. Reconnaissance on the Left Bank of the Yaya River in the Tomsk Region 461

Volkov D.P., Kovalenko S.V., Kryuchko E.I., Mamul Y.M., Marchenko E.A., Mironov M.A., Alkin S.V., Nesterov S.P., Shelomikhin O.A., Bolotin D.P. Rescue Archaeological Works at the Tchernigovka Site, Locus 5 in the Amur Region 465

Dudko A.A., Vasilyeva Yu.A., Bychkov D.A. Results of Archaeological Works of the Yugan Team in the Surgut District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2018 470

Kenig A.V., Zaitseva E.A. Archaeological Exploration in the Sogom River Basin 474

Kirginekov E.N., Vybornov A.V., Grachev I.A., Zolnikov I.D. Archaeological Exploration in the Vicinity of the Former Kotozhekov Ulus 478

Kolontsov S.V., Prisekailo A.A. Location of Malyshevo Sloboda 481

Lomov P.K., Morozov A.A., Batargina I.A. 2018 Survey Campaign in the Konda District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra: Preliminary Results 485

Postnov A.V., Kharevich V.M., Zolnikov I.D., Akhmetov V.V., Stasyuk I.V., Grevtsov Yu.A., Filatov E.A. Archaeological Excavations at the Galkina-1 Site in Yenisei District of Krasnoyarsk Region in 2018 488

Postnov A.V., Kharevich V.M., Zolnikov I.D., Chertykov V.A., Akhmetov V.V. The Results of Archaeological Excavations of the Abalakovo, Galkina-2 Site in the Yenisei District of Krasnoyarsk Krai in 2018 491

Timoshchenko A.A. The Results of Archaeological Reconnaissance in Novokuznetsk District of Kemerovo Region (Bardino-1 and Bardino-4 Sites) 494

Timoshchenko A.A., Danileiko V.A. Results of Archaeological Research at the Ust-Mana Settlement in 2018 (Under the Project of Krasnoyarsk Archaeological Heritage Sites Cataloging) 498

Timoshchenko A.A., Smirnov B.M.

Results of Certification of Archaeological Objects in the Vicinity to the Town of Divnogorsk and the Village of Ust-Mana at Krasnoyarsk Region in 2018 503

Научное издание

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

том XXIV
(2018)

Редактор *Д.В. Снытникова*
Корректоры *А.В. Коненко, В.В. Игнатьева, Е.Н. Четверяков, О.А. Зикирина, Е.В. Кузьминых, А.А. Скворцова*
Технический секретарь *Т.Р. Бурдаева*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 21.12.2018 г. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 60,45. Уч.-изд. л. 50,9. Тираж 100 экз. Заказ № 464.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru